

Genre

sf_action

Author Info

Кожевников, Скворцов

Зимняя сказка. Трилогия

Недалёкое будущее. Падение метеорита на Землю на территорию США в район Национального парка Йеллоустон, спровоцировало взрыв, древнего — давно потухшего «Супервулкана». В результате этой катастрофы на Земле наступил эффект «Вулканической зимы», кроме отсутствия радиации, практически ничем не отличающийся от «Ядерной зимы». Небольшая группа людей, ведёт борьбу за выживание. Кроме борьбы с природными катаклизмами они вынуждены вступать в схватку за оставшиеся ресурсы с вылезшей «плесенью» человеческого рода. Кровь, пот, и слёзы — вот удел выживших, обычных, нормальных людей. Место под Солнцем, даёт только — изнуряющая работа, взаимовыручка и равнодушие к страданиям невинных жертв этого коллапса.

1.0 — создание fb2

Олег Кожевников

«Жесткая» инструкция по выживанию или Зимняя сказка

Часть 1

АПОКАЛИПСИС

Глава 1

Меня все ещё интересует вопрос, почему мы, совершенно обычные люди, не подготовленные, не обладающие властью и доступом к Государственным стратегическим запасам и резервам, выжили, а большая часть человечества, несмотря на его многочисленность и колоссальные ресурсы погибло. Удачное стечение обстоятельств, или вмешательство Высших сил, не знаю, пусть над этим ломают голову будущие поколения, а мы, как могли, сделали самое главное и трудное — мы выжили. Итак, все по порядку, надо же изложить начало истории нового мира, для будущих поколений.

Можно сказать все началось в 2008 году, в мае. Я с женой, уже с ранней весны проживал на даче недалеко от Москвы, её я строил четыре года и вот, наконец, в этом году мы там, впервые, находились своей семьёй, без строителей. Правда возведённый дом оказался не совсем удачный, зимой было холодно, с подачей воды возникали проблемы, уже при -15 градусах труба в колодце скважины замерзала, она была от дома метрах двадцати. Электричество часто отключалось из-за аварий на деревенской сети, да и напряжение было очень неустойчивым. Правда все это компенсировалось, участком в 25 соток и прекрасным местонахождением, всего в 30 километрах от Москвы.

Однако надо немного о себе в 2008 году мне было 42 года, по специальности строитель, по жизни предприниматель, правда, незадолго до этого продал свой магазинчик и занялся трейдерской работой на бирже, а проще сказать, стал биржевым спекулянтом.

Жена — на тот момент ей было 39 лет, она была агроном. По своей специальности она практически не работала, после окончания Сельхозакадемии, вышла за меня замуж и через два года родила Вику. Наша дочка недавно окончила школу и поступила в МГУ на Филологический факультет, на бюджет. Семья — в лице хрупких, с тонкой душевной организацией, моих женщин, верных и трудолюбивых, не была избалована избытком внимания с моей стороны. Будучи, по их мнению, человеком без

сантиментов и нетерпящим самокопания, я был практически лишён способности к внешнему проявлению чувств. Они часто, откровенно посмеивались над моим косноязычием и возмущались нежеланием вникать в глубинные тонкости их эмоциональных переживаний. А также обсуждать психологические портреты общих знакомых. Называли меня «сухарём» и любое лирическое отступление в моих монологах, считали подвигом. Все мои советы по решению насущных жизненных и их личных проблем, иронично называли — жёсткой и нудной инструкцией по выживанию.

Соседи называли меня куркулем, прежде всего из-за нежелания нанимать работников для выполнения небольших объёмов работ, я предпочитал делать все сам, а также из-за моей маниакальной запасливости. У меня весь гараж был забит — болтами, гайками и другими различными железяками. Поселковые жители, при отсутствии какой ни будь детали или инструмента, приходили ко мне и, как правило, нужная вещь находилась.

Одним словом, мы с женой жили в нашем поселке тихо-мирно и в полном согласии с окружающими. На следующий день после праздника Победы 9 мая, пришла соседка и мы втроем после бурно проведенного праздника — оттягивались пивом, на лужайке перед домом.

Примерно около двух часов дня, проехала машина — джип Лексус. Из нее вышли две женщины и мужчина, они начали ходить вдоль дороги, осматривая стоящие дома и близлежащие окрестности. Потом подошли к нашим воротам и начали расспрашивать о поселке. Я пригласил их на участок, где жена и соседка начали рассказывать, как здесь все хорошо, после этого они стали узнавать — не продает ли кто дом с большим участком.

Тут я сдуру, после выпитого и желания покрасоваться перед соседкой, заявил:

— Продам, но не меньше, чем за миллион, — потом немного помолчав, добавил, — миллион евро... Жена и соседка, развеселились, я наоборот, «насупился».

Приезжих совершенно не смутила названная сумма, они переглянулись, потом мужчина сказал: — Это дороговато, но мы будем думать...

Осмотрев участок и дом, и все это засняв на цифровую камеру, они записав мой номер телефона, уехали. А мы довольные, что так ловко отшили незнакомцев, усиленно продолжили потребление пенного напитка.

Дня через три, раздался звонок сотового телефона. Мужской голос, представившись — недавно побывавшим у нас на даче покупателем, сказал:

— Мы подумали, посоветовались и согласны купить землю и дом за 700 тысяч евро.

Тут я немного офонарел и внутренне моментально согласился. Не зря же, как говорил один из классиков Коммунистической идеологии: — «любой капиталист за 200 % прибыли готов на все», а я и был считай, капиталист и дача обошлась мне максимум в 150 тысяч долларов, правда, не считая моего труда.

Но я сразу не сдался и выторговал оформление за счет клиента и что дом освобожу только через 10 дней после продажи и получения денег, а гараж и вовсе к осени. А в это время в голове у меня струился бриллиантовый дым, мелькали мысли, что, наконец, смогу купить дочке квартиру — она постоянно ныла, что ей надо устраивать личную жизнь. Что мы с женой наконец-то, сможем съездить отдохнуть в южные страны, что я смогу купить хороший джип, снегоход и отличное ружьё — об этом я давно мечтал. И что на эти деньги я построю еще лучшую дачу, все минусы прошлого

дома смогу учесть, тем более, силы пока еще есть, да и опыта поднабрался. В общем, договорились мы и, как говорится — процесс пошел.

Через десять дней мы оформили договор купли-продажи, деньги поступили на счет. В течение недели после этого я освободил полностью дом, перенес все в гараж, забив его под завязку — невероятным количеством вещей и разных материалов, пустого пространства практически не осталось.

До осени нужно было его тоже освободить, и возникал вопрос, где поместить такое количество вещей, выбрасывать их было выше моих сил. Мне вспомнилась реклама — о продаже земли недалеко от города Пущино, правда, на территории Тульской области в 125 километрах от Москвы. Цена была не очень дорогой, да и Симферопольское шоссе мне подходило, оно практически примыкало к району Северное Бутово, где я жил.

Позвонил в фирму, которая была собственником этой земли и кроме ее продажи занималась строительством поселка на ней и прокладкой всех коммуникаций. Они были согласны продать землю без договора подряда на дом, и с прокладкой всех коммуникаций до участка.

Мы с женой съездили туда, посмотрели — места нам понравились. Вокруг леса, рядом озеро, небольшая речка, текущая через деревню в трех километрах от строящегося коттеджного поселка. Сам поселок стоял на большом холме, с двух сторон к нему примыкал большой лесной массив. До ближайшего города Пущино было 10 километров, до Ясногорска 15 километров.

Подъезд от трассы был хороший, от дома я доехал за час двадцать. На месте поселка уже велось строительство нескольких домов, стояло много строительной техники. Связь тоже была хорошая и устойчивая. Для меня это было очень важно, вся моя работа на бирже шла через интернет. Я даже специально захватил с собой ноутбук с модемом, для подключения к Интернету через сеть МТС. Итак, все сходилось в одном, нужно было покупать здесь землю, это диктовалось и нехваткой времени, нужно было вывозить вещи из гаража, и наличием больших денег. Совершенно не критично было вложить в землю 30 тысяч евро, тем более что в эту сумму входила и подводка коммуникаций.

К тому же, было большое желание все-таки иметь — тёплый большой дом, где жить постоянно, подальше от Московских пробок, тяжелого воздуха, хлорированной воды и невероятного количества людей.

Одним словом, я купил эту землю. После этого сразу возник вопрос, на чем я буду вывозить вещи из гаража, нужно было сделать не менее восьми ездов на грузовике. И второй вопрос, куда на этой земле буду их складировать, чтобы не растащили. Поразмыслив, решил купить грузовую ГАЗель, тем более, когда у меня был магазинчик, я на них наездил не одну тысячу километров. По любому она себя окупит — в процессе строительства, при подвозе материалов. По прошлой стройке я знал, насколько дороги наемные машины и представлял, какое громадное количество грузов придется перевозить.

Покупка земли и грузовичка, а также их оформление заняло, в общей сложности, 10 дней и вот, к 1 июня, я стал обладателем 30 соток земли и автомобиля ГАЗель (бортовой с удлиненным 4 метровым кузовом и двигателем в 105 л. сил).

Теперь оставалось найти бригаду строителей, обеспечить их проживание, и построить какое ни, будь закрытое помещение для хранения вывозимых вещей. По прошлой стройке у меня остались связи и с

шабашниками из Белоруссии, и со складами строительных материалов, где по дешёвке я скупал всякий строительный неликвид и слегка бракованные материалы, а так же были знакомые военные прапорщики — барыги.

Не очень долго думая, я из Белоруссии вызвал опытного строителя универсала, надежного и, самое главное, честного человека — Валеру. Он с собой взял хорошего каменщика, за которого поручился. Им в помощь для черновой работы — нанял четверых таджиков, которые еле говорили на русском, но по виду были трудолюбивые, управляемые и порядочные люди.

Когда я занимался реальным бизнесом — жизнь научила меня хорошо разбираться в людях, без этого там делать нечего, разорят в течение полугода.

У военных, купил списанную, но вполне нормальную большую палатку, кровати, матрасы и остальные принадлежности для ночлега, и все это за совершенно небольшие деньги — плюс ящик водки.

Вместе с таджиками я установил палатку, потом привез несколько кубов обрезной доски. На одном складе стройматериалов, закупил целую упаковку в 100 листов — слегка ржавого железа, а также 100 листов, фанеры, она тоже была под брак — слегка подмоченная, железо и фанеру брал по 20 рублей за лист.

Все это я перечисляю, чтобы было видно, мою куркульско-кулацкую натуру, которая не терпит лишних затрат, ненужной работы, бестолковой суеты, а любит — создание запасов с прицелом на будущее.

Потому что, если подумать, зачем мне сейчас нужно столько листов железа или фанеры. Но тем и отличается мой мозг, что он сразу придумывает куда можно и даже нужно приспособить имеющиеся в наличии материалы, оборудование, да и механизмы. Тем более, когда все куплено в десятки раз дешевле рыночной цены. А использовать купленный материал я решил на строительство большого склада и летней кухни для строителей, а так же утепления палатки. Кстати, я ездил ещё на склад и там купил 120 листов пенопласта, правда, уже не по бросовым ценам, а всего-то раза в два дешевле рыночных. Покупая на строительном рынке 4 метровую обрезную доску, я договорился с продавцом, рыжим мужиком зверовидной внешности, что он привезет конкретно на мой участок — кубов 25 пиломатериалов в ассортименте.

Когда строители закончили делать склад, он получился огромным, 8 на 12 метров. Снаружи этот сарай-склад — оббили железными листами. Сарай получился даже двухэтажный, фронтоны второго этажа ничем не загораживали, для лучшего проветривания будущих стройматериалов. Со стороны дороги, сделали большие ворота — шириной 4 метра с торца, вторые — шириной в 2 метра. Внутри по вторым стойкам сделали перегородки, в результате этого получилось два небольших, длинных склада. В этих отделениях, я и планировал складировать вещи, перевезенные со старой дачи.

Пока строили этот сарай, и обустроивалось жилище строителей, экскаватором вырыли большой котлован под фундамент и подвал дома и, под фундамент будущего гаража. Строительная техника находилась совсем рядом — на строительстве домов в поселке. Насчет техники я договаривался частным образом, так как участок я выкупил без договора подряда — только с подводом всех коммуникаций.

Проектировать и строить дом я решил сам, ведь он должен был стать домом моей мечты. Я не нашел ни одного проекта, соответствующего моим идеям об автономности и удобстве круглогодичного

проживания при минимальных затратах энергии на отопление.

По этой причине котлован под подвальное помещение дома я заказал специфический. Во-первых, достаточно большой, так как хотел большой дом, жилой площадью не меньше 300 квадратных метров, а во-вторых, с устройством въезда туда тяжелой техники для бурения скважины. Я хотел скважину для получения чистой воды сделать прямо в подвале, чтобы не зависеть от внешних погодных условий и не тянуть лишних подземных коммуникаций. Хотя по условиям договора при покупке земли, фирма должна была подвести к участку воду из общественной скважины, но мне хотелось, на всякий случай, быть независимым от внешних поставщиков. Неизвестно, по какой стоимости они в дальнейшем будут поставлять воду.

Основной моей мечтой и целью было сделать этот дом теплым, чтобы жить круглогодично, ведь я хотел переехать туда жить. В Москве уже всё раздражало. И куча народа, и постоянные пробки, куда-нибудь съездить уже становилось целым событием. Благо — нашел работу, которая не требовала постоянного моего присутствия в городе. Тем и хороша трейдерская работа, что можно заглядывать в монитор компьютера раза три в неделю, отслеживая тренд и изредка заключая сделки. Хотя, в последнее время, чувствовалась какая-то напряженность. Как в макроэкономике, так и на бирже — я, буквально чувствовал, как надувается пузырь с ценами на нефть и начал опасаться большого обвала, поэтому начал выходить из ценных бумаг. Распродавать все свои акции (на биржевом сленге уходить в кэш). По этой же причине я не стал вкладывать полученные за продажу старой дачи деньги в рынок акций, а положил на валютный депозит в банк на полгода, оставив на строительство и прочие расходы 100 тысяч евро.

Ну ладно, про биржу и про другие непонятные дела, которыми люди занимались до катастрофы, об этом поведаю как-нибудь в других записках. Сейчас про историю и причины, почему мы выжили. А дом и история его постройки имеет к этому прямое отношение.

Размеры дома, а значит и подвала, я вывел исходя из размеров плит перекрытий 6 на 1,2 метра, то есть два ряда по 12 плит. Размер гаража определился тоже исходя из размеров плит и того, что нужно было ставить 2 машины (Газель и мою постоянную ездовую, любимую машину).

На тот момент у меня был Мерседес Вито-109 дизельный фургон довольно неповоротливый, но зато надежный и неприхотливый. Я вообще любил большие и вместительные автомобили. Массой он был 2,3 тонны, мог перевозить до 1 тонны груза. После получения я его немного переделал. Во-первых, поставил три пассажирских кресла и боковое и заднее стекла, а, во-вторых, установил хорошую аудиосистему и прочие приамбасы... Произвел качественный тюнинг салона, в общем, получилось — эффектная конфетка, с громадным внутренним багажником.

Едешь на ней, как какой ни будь крутой босс — сидишь высоко, видишь далеко. Другие машины сильно близко боятся приближаться, а что — чёрный «Мерс» с сильно затемнёнными стеклами — сами понимаете.

Ну ладно, опять вылезли старые амбиции и тогдашние представления о жизни, когда людей оценивали не по их делам, а по подобранному антуражу, по автомобилям, одежде и прочей ерунде. Когда человек, не имея за душой ничего, мог, пользуясь чужими усилиями и трудом, показать другим свою значимость и что он что-то стоит. Может из-за этой ущербной психологии, воцарившейся тогда на Земле: — что человек живет один раз и надо взять от жизни все любыми путями и произошла та полная дезорганизация общества. Каждый пытался выжить за счет других, а

в итоге не выжил никто. По крайней мере, нам сейчас об этом не известно.

Итак, о стройке. От строительства предыдущей дачи у меня осталось много вещей — практически полный набор нужных в процессе стройки инструментов, оборудования и механизмов, на их перечень не хватило бы нескольких страниц. Инструменты я любил и никогда не экономил на их приобретение денег, при этом как, правило, выбирал профессиональный инструмент известных в своей области фирм.

После постройки склада ребята строители начали заливать бетоном фундамент гаража. В это время приехали бурильщики и начали бурить скважину, хороший водяной пласт оказался на 86 метрах глубины. Привезли так же заказанный мной пиломатериал. Брус и доска были хорошего качества, ровными, без всякой гнили, в общем, мужик не обманул, привез первоклассную древесину. Мои строители все измучились, разгружая огромный КАМАЗ с прицепом.

Я решил отметить привоз такого количества материала и, заодно, устроить релаксацию моим ребятам после такой работы. Хозяин, привёзшего древесину КАМАЗА, Петрович с напарником остались с нами до утра. Погуляли «добре», попели песни, даже таджики приняли на грудь водочки, хотя и мусульмане.

В процессе строительства я почти каждый день ездил на дачу, нередко и ночевал там, работу на бирже почти забросил, как вывел деньги в «кэш» так больше и не заключал никаких сделок по покупке акций и даже перестал отслеживать торги по монитору компьютера.

И это оказалось почти гениальным ходом, об этом мне осенью говорили все мои знакомые трейдеры — начался финансовый кризис 2008 года. В течение августа-сентября индекс биржи рухнул более чем в два раза. Получилось так, что я еще и заработал на покупке земли и других затратах по строительству. Убытки, которые мог бы получить не выведя деньги из оборота, превышали все мои затраты на покупку земли и ведение строительства. А в процессе нарастания кризиса и падения индексов бирж — к ноябрю, был уже залит фундамент гаража и сооружен практически полностью подвал у дома и даже закрыт плитами перекрытия, а так же построен первый, кирпичный этаж гаража.

После долгих размышлений я задумал над гаражом сделать жилое помещение, которое потом можно использовать для размещения строителей в холодное время.

После того, как сделали крышу над гаражом, используя целиком для стропил шести метровый брус — получилась высокая, с крутыми скатами крыша, под которой и разместились две прекрасные комнаты по 18 квадратных метров каждая. Вход на второй этаж сделали сбоку, рядом с малыми воротами, он получился как стоящая посередине длинного здания башня, внутри неё была винтовая лестница на второй этаж, вход в башню являлся и входом в гараж. В общем, получилось все очень красиво и оригинально, издали ни за что не поймешь, что это гараж, а не богатый жилой дом, Крышу сделали легкую, из андулина зеленого цвета, что очень гармонировало с красными кирпичными стенами.

Подвал дома, помня о прошлом не очень теплом доме, который зимой трудно было обогреть — я спроектировал в виде сэндвича, или можно сказать термоса. Толщина внешних стен фундамента получилась 90 сантиметров. Высота 3 метра, полезная площадь каждого из двух залов была по 92 квадратных метра. Правда, в первом зале, как я его называл — техническом, большую площадь занимала лестница, ее сделали из двух стандартных лестничных пролетов для многоэтажных домов.

А также примыкавшая к ней шахта для электрического подъемника — конечно, это был мой каприз, не хотелось таскать в подвал тяжелые вещи по лестнице. Этот лифтовой колодец с одной стороны служил опорой для лестничного пролета. Естественно, туда я поставил не настоящий лифт, а всего лишь стандартный строительный подъёмник, грузоподъемностью 100 килограмм, купленный в одном строительном управлении, так же, как и лестничные пролеты. Много места занимал так же печной фундамент и встроенный в него дымоход. Я намерен был в подвале поставить универсальный отопительный котел, работающий от угля, солярки и других видов топлива. Два квадратных метра занимала система подачи воды: скважина, накопительный бак и другое оборудование. В этом же зале строители сделали и небольшую сауну.

Таким образом, в этом отделении подвала, свободной площади оставалось не более 60 метров, но, согласитесь, это тоже неплохо. Здесь я планировал поставить бильярдный стол — в соседнем помещении, хотел сделать спортивный зал и установить несколько тренажеров, а так же использовать его, как тир.

Пострелять я любил, в обществе охотников состоял уже более 20 лет, однако на охоту ходил редко, последний раз лет пять назад. Но за ружьями следил, у меня их было две пары, это гладкоствольная Сайга 12С — 12 калибра с откидным прикладом и нарезной карабин Медведь 3, самозарядный на 4 патрона калибра 7,62 с оптическим прицелом. Из них я ежегодно стрелял на даче по мишеням. К тому же обладание оружием прибавляло уверенности в себе, в то беспокойное время. В подвале я собирался устраивать стрельбу конечно не из ружей, а из пневматического оружия. У меня была обычная пневматическая винтовка, стреляющая стандартными пулями и пневматический пистолет, работающий от баллончика с сжиженным газом.

К 20 ноября, предварительный строительный сезон был закончен. Строители были очень довольны заработком. Все с удовольствием, хотели приехать в следующем году, на продолжение стройки. Валера с Сергеем, после небольшого отдыха на родине, решили приехать на работу по окончательной отделке внутренних жилых помещений в гараже на втором этаже. И наконец, ко мне на участок подвели электричество — питание шло от трансформатора, находящегося в расположенной недалеко деревне. Со своим трансформатором у фирмы что-то не получалось, наверное помешал наступивший финансовый кризис.

Окончательная отделка помещения заключалась, в утеплении комнат, проводке электрики, настилке полов и обивке стен и потолка вагонкой, а так же устройстве туалета и душевой.

Таджики тоже не все уехали домой. Один из них — Рустам, остался в Подмосковье, устроившись работать на базу «Чермета», недалеко от города Климовска — приемщиком металлолома. На заработанные у меня деньги он прибарахлился, — даже купил сотовый телефон, чему был очень рад и горд. Хотя на мой вопрос:

— Рустам! Почему, не поехал домой?

Отвечал:

— В Таджикистане работу найти почти невозможно, из всей моей большой семьи, зарабатываю только один я. Все кормятся на присылаемые мной деньги — семь тысяч рублей которые сейчас зарабатываю, перелопачивая металлолом, очень приличные средства на родине, на них спокойно может жить большая семья.

Я побывал у него на этой металбазе, и был весьма впечатлён большой территорией и горами

металлолома. Таджиков работало там не меньше сорока человек — проживали они прямо на территории базы в пассажирских железнодорожных вагонах. Там я поручил Рустаму; — Откладывай хорошие металлоизделия: уголки, швеллера, трубы и прочие интересные для стройки материалы. При наборе достаточного количества, звони, и я буду вывозить. Оплата по принятой у вас таксе от 5 до 10 рублей за метр нормальных металлоизделий.

Глава 2

Пока я занимался строительством дачи, — финансовый кризис всё нарастал. К Новому году индекс ММВБ, а я работал в основном на этой бирже, опустился практически до 500 пунктов, что составляло падение более чем в три раза от его максимума в июне 2008 года, когда я начал продавать акции и уходить в кэш.

Магия круглых чисел начала действовать на меня, — я был больше чем уверен, что ниже рынок не упадет, и что пора начинать покупать акции. Перед самым Новым годом начал покупать ценные бумаги некоторых эмитентов, — когда цена их опускалась ниже определенной мной величины. Оставшиеся 300 тысяч евро, я оставил, на покупку квартиры дочери и продолжение строительства дачи и не сомневался, что этого вполне хватит. Тем более что стройматериалы и квартиры стремительно дешевели.

Кстати, мою дочку зовут Вика. В тот момент времени ей было 19 лет. Она страшно упрямый и независимый человек, очень увлекалась музыкой и прекрасно играла на гитаре и пианино. В свободное время даже ходила на платные занятия сольфеджо в музыкальный колледж «Красный химик».

Имелись у неё и навязчивые идеи, что формы у неё должны быть идеальными 90-60-90, а вес не более 53 килограммов, и это при росте в 176 сантиметров, который она все мечтала увеличить. Двух нижних параметров она добилась, правда верхний параметр ей никак не покорялся. Своими диетами она всех измучила, постоянно капала на мозг, что мы едим не те продукты и не ограничиваем себя в питании. Мамку — мою жену Марию прямо замучила, заставляла придерживаться диет и заниматься зарядкой.

Моя жена Маша — страшно добрый и душевный человек, с обостренным чувством справедливости, она себя очень неуютно и потерянно чувствовала в том жестоком и бестолковом старом мире.

Поэтому стремилась к самоизоляции и сведению к минимуму всех отношений с внешним миром. Ей нужен был только, наш маленький мирок, где её знали и любили, в этот мирок были ещё допущены только близкие родственники.

Маше исполнилось в 2008 году 39 лет, по специальности она была агроном, по призванию, домохозяйка и Мамочка. Больше всех расстраивалась при продаже старой дачи как раз Маша, у неё там были насаждения различных лекарственных трав и все это в виде живописных лужаек, в окружении полудиких кустарников и плодовых деревьев. На участке произрастали даже такие дикие ягоды, как черника, клюква, в одном месте росли даже лесные грибы.

После продажи дачи и получения денег мои девчонки меня просто изводили тем, что нужно покупать квартиру Вике. Что до учебы она добиралась больше чем за полтора часа в переполненном народом транспорте, что, наконец, ей надо устраивать личную жизнь, а постоянно жить с нами она не может.

Я прекрасно все это осознавал и сам, поэтому 20 января не став ждать дальнейшего падения цен на

недвижимость, купил Вике однокомнатную квартиру на Мичуринском проспекте. Квартира была под чистовую отделку, в наличии было только отопление, то есть, для проживания нужно было делать всё: и пол, и электрику и установку сантехники.

Вся эта работа, меня ничуть не пугала, средства были, строители были. Они от нетерпения, чуть ли не стучали копытами, мечтая поскорее начать работать и получать хорошие деньги. По крайней мере, еженедельно одолевали меня, телефонными звонками. Я их заранее предупреждал, — что после Нового года, предстоит работа по ремонту квартиры.

Рустам, работающий на сортировке металлолома, про меня тоже не забывал, уже два раза приходилось вывозить набранные им металлоизделия. Валера с Сергеем, находились тоже тут под боком, они как раз заканчивали отделку жилых помещений над гаражом.

В общем, с февраля ребята приступили к ремонту Викиной квартиры все, кроме Рустама, которого я, можно сказать, специально не вызывал — меня устраивало, что он работал на металбазе и подбирал нужные мне железки.

На Бирже я ввел на инвестиционный счет 13 миллионов рублей и на все деньги купил 1 миллион акций Сбербанка. Мне казалось, что они совершенно не оправданно упали и имеют самый большой потенциал роста. Одним словом, я решил стать инвестором и полгода даже не заглядывать в монитор, сосредоточившись только на ремонте квартиры и строительстве дома.

Где то после 8 марта позвонил Рустам и пригласил приехать, привезли какие-то интересные металлоконструкции. Я приехал посмотреть — это оказались корпусные части от списанного башенного крана (четырёхугольники со сторонами по два метра и длиной по 5 метров). Посмотрев их и особо не заинтересовавшись, я пошел по территории базы, высматривая какие ни будь полезные железки. Дойдя до кучи, где складировались изделия из разных сплавов и цветных металлов, начал рассматривать пропеллер от самолета — почему-то он меня заинтересовал. И тут у меня в голове что-то щелкнуло, я представил себе колонну, собранную из звеньев башенного крана, наверху этот пропеллер, соединенный с генератором, и все это вырабатывает дармовую электроэнергию.

Наверное, сработало подсознание, озабоченное — дороговизной и проблемами с подачей электричества с деревенского трансформатора. А также к происходящим с завидным постоянством авариям на деревенской линии — добавлялись, скачки напряжения и несоблюдение частотной характеристики, подачи тока. К такой линии страшно было подключать сложные и нежные электронные приборы, например, компьютер, а от его бесперебойной работы зависела вся моя деятельность на бирже. Бесперебойная связь и получение информации — это был мой хлеб, я за счет этого жил и вроде бы неплохо.

Найдя Рустама, ему сказал:

— Передай вашему «боссу», что брать буду четыре «сегмента» крана и самолетный пропеллер.

Кроме этого ещё попросил его:

— Дорогой! Нужно ещё поискать вал, которым этот пропеллер был соединен с двигателем самолета.

А сам направился на дачу за ГАЗелью, заодно узнать, работает ли сейчас там кран.

Приехав в наш посёлок, увидел, что кран работает — кран был марки «КАТО». Поговорив с крановщиком, — выяснил, что кран сможет поднять мой груз на высоту до 30 метров, так же договорился о выгрузке привозимых сегментов. С крановщиком у меня вообще были очень хорошие отношения, я его постоянно подкармливал левым заработком — это он разгружал и укладывал

плиты перекрытия на гараж и подвал.

С прорабом стройки у меня были тоже очень неплохие отношения, ему так же что-то перепадало от использования мною экскаватора и крана. И вообще, он часто приходил ко мне, когда я оставался на ночь на даче, пропустить стаканчик другой — ну, и поговорить, естественно. Все-таки я тоже бывший строитель и говорили мы с ним на одном языке — иногда, правда, и нецензурно.

В течение пяти дней, я вывез все четыре сегмента крана, а так- же пропеллер и валы на дачу (Рустам откопал целых два вала с редукторами, они были по одному метру длинны).

После эпопеи с вывозом деталей для будущего ветряка, заехал к знакомому военному — барыге, старшему прапорщику Михалычу. Он был кладовщиком на весьма интересных, с моей точки зрения, военных складах. Чего там только не было, в основном, конечно, инженерная техника и запчасти к ней.

Переговорив с ним, я за 20 тысяч рублей выкупил дизельный генератор мощностью в 30 киловатт, с ЗИП-ом и кучей расходных материалов, в основном с графитовыми щетками. Правда Михалыч предупредил, что хотя дизельный генератор практически новый, но сам двигатель сломан и годится только на списание и металлолом. Сбоку движок был чем-то примят, наверное, вояки на него что-то уронили тяжёлое. Но мне было всё равно, какое состояние двигателя, главное, это электрогенератор, а он был в отличном состоянии.

Но под бракованный движок я вытребовал у Михалыча: по пять пар, ватных штанов, валенок и теплых варежек. Расстались мы довольные друг другом. Он, что втюрил мне списанный агрегат — я, что получил основной элемент для будущей моей электростанции.

Я, конечно, понимал, что самостоятельная постройка, без проектирования специалистами, это верх самонадеянности и глупости, и всё может закончиться пшиком и полным провалом. Но, как говорится, у богатых свои причуды, а я сейчас чувствовал себя весьма богатым человеком. Что мне выбросить на ветер лишние деньги — какие-то 200–300 тысяч рублей. На бирже начался хороший рост, и мой счет ежедневно увеличивался на 200 тысяч рублей.

Несмотря на это, моя жена продолжала экономить — обегая ежедневно несколько магазинов, чтобы сэкономить десять рублей и постоянно попрекая меня и дочь, о потраченной лишней копейке. И мои призывы перестать заниматься этой мелочной экономией — полностью игнорировались.

Правда, я и сам был жадноват и прижимист, но никогда не экономил на хороших инструментах, механизмах и материалах, а когда мной овладевала какая-нибудь идея — я пёр как танк, невзирая на обстоятельства и финансовые затраты. Такая идея овладела мной, и тогда — построить теплый зимний дом, полностью автономный от внешних обстоятельств, по снабжению жилища, энергией и водой.

После покупки генератора — приехал в Москву и озадачил Валеру новым проектом. Мы с ним долго сидели, обсуждая и рисуя схемы устройства ветряка. После детальной проработки этого вопроса мы пришли к следующим выводам:

— постройка ветряка возможна;

— нужно ставить редукторную коробку, для передачи на генератор необходимой скорости вращения и предусмотреть там возможность отключения вала от пропеллера — можно поставить и коробку от автомобиля вместе с системой сцепления.

— Для эксплуатации в зимнее время надо делать обогрев, чтобы редуктор и подшипники работали в

комфортных условиях, а смазка не замерзала.

С этими техническими условиями и схемами, нарисованными нами, — поехал на Климовский Механический завод, где работал начальником экспериментального цеха мой старый приятель. Он долго придирался к этой идее, но потом всё-таки принял заказ, оговорив, правда, что я буду подвозить недостающие детали, которые они не смогут изготовить, или которых нет у них на складе. На что я ответил:

— Без проблем, сколько надо будет списанных коробок от автомобилей, столько и привезу.

Памятуя о Рустаме и о горах, лежащих на базе «Чермета» разбитых автомобилях. Заказ мой товарищ обещал сделать в течение одного-двух месяцев, меня это полностью устраивало.

Мои строители к пятому апреля закончили ремонт квартиры, и я завез туда мебель и необходимую для жизни бытовую технику, после чего отвез строителей на дачу.

Перед этим, туда завезли необходимый для строительства кирпич и пеноблоки, разгрузив все это краном. Задел для начала второго этапа строительства, был положен. Стены у дома запроектировал — делать тоже многослойными, типа сэндвича с пенополистиролом между кирпичом и блоками, толщина стены дома получилась в один метр. Для большей устойчивости и крепости конструкции, по углам укладывались сделанные из толстой проволоки уголки, на каждый слой стяжки из кирпича укладывалась оцинкованная металлическая сетка. Я купил её, по низким ценам — целых пятьдесят рулонов.

Внутри дома я был намерен наклеить на стены и потолок, тонкий утеплитель, «Пенофол» и обшить вагонкой по принципу, как делаются сауны. Эта мысль у меня возникла из-за одной, довольно некрасивой для меня истории.

Когда-то в 2008 году мы начинали делать сауну в подвале, я захотел купить в один из Московских строительных супермаркетов утеплитель, покрытый фольгой. Взяв два рулона сантиметровой толщины, каждый по 20 метров. На кассе с меня взяли всего 420 рублей, я просто поразился — загружая их в машину, понял, почему с меня взяли так мало, — сканер по штрих-коду считывал стоимость одного погонного метра утеплителя (никто же не брал их рулонами). Поняв это, я побежал ещё покупать этот материал, и пока не забил полностью машину, не успокоился. А набил их в свой Мерин — аж двенадцать рулонов. Отвезя материал на дачу, на следующий день повторил закупку, правда, в другом магазине этой же фирмы. На третий раз, этот номер не прошёл, на кассе с меня взяли, как и положено за погонный метр по 210 рублей. Но я всё равно был очень доволен, у меня получилось 27 рулонов, таким количеством можно утеплить все стены и потолок дома и обошлось мне всё это практически даром. С одной стороны это было некрасиво, а с другой стороны я понимал, что простые работники магазина не пострададут. Убыток понесут руководители, материально ответственные лица, которые сами постоянно хитрят, обманывая покупателей. Сколько раз я сам попадал, покупая по завышенным ценам, потому что часто не проверял чеки после покупки. В этом и проявлялся наш — нецивилизованный, совковый стиль торговли, где каждый хотел друг друга обдурить.

Ну да ладно, хватит лирики и отступлений — только сухой стиль изложения нашей истории. Итак, мы начали второй этап строительства. Ребята из Таджикистана привезли ещё одного каменщика — виртуоза этого дела. Одна бетономешалка уже не справлялась с приготовлением смеси, пришлось у соседа Володи взять в займы вторую, он свою стройку уже закончил. В конце мая вернулся и Рустам

со своего «Чермета», теперь у меня трудилась бригада уже из семи человек, и работа закипела. Я еле успевал привозить цемент, его я брал на Подольском цементном заводе. Одновременно с постройкой дома начались работы по возведению опоры ветряка.

Вырыли котлован, глубиной в 3 метра, куда забетонировали первую деталь стойки генератора, в наличии у меня, было четыре таких сегмента, длиной по 5 метров и общая высота стойки генератора получилась 17 метров. Эту стойку-опору мы вкопали на самом высоком месте участка, рядом с забором. Ветра дули, как я заметил, постоянно и, как правило, в одну сторону, с запада на восток.

Посёлок наш располагался на высоком месте, лента полей с двух сторон ограничивалась лесными массивами, дальше в низине, километрах в десяти текла река Ока. То есть местность представляла как бы большую аэротрубу, ветер практически постоянно дул в сторону реки.

Это и являлось одной из основных причин возникшей у меня мысли о Ветряке. Ещё одна причина, наверное, генетическая, — предки у меня были Уральскими казаками, поэтому, наверно, я стремился всегда быть независимым от внешних условий и очень быстро соображал, как можно возникшие обстоятельства и подручные материалы использовать в нужном мне направлении и получение от этого максимального эффекта.

К майским праздникам я перевёз дочку в её новую квартиру на Мичуринском проспекте. И остались жить мы с женой одни в трёх комнатной квартире в «Северном Бутово». Хотя жена все равно весьма часто ездила к Вике — всё опекала её.

На Бирже дела тоже шли в гору, индекс увеличивался и хотя я, практически только один день в неделю занимался работой, получил уже доход в 300 % с начала года, то есть более 60 миллионов рублей или 2 миллиона долларов. Ха! Я стал долларовым миллионером, при этом тратил меньше, чем зарабатывал, несмотря на все мои прожекты и затраты.

К 10 июня ребята закончили первый этаж. Я начал заказывать окна, решил делать дорогие из тройного стеклопакета, по два на каждое окно, ширина стен это позволяла. Так же уже можно было присматриваться к материалу на крышу. Начал завозить утеплитель для крыши и полов, это заняло у меня три дня. Всё-таки дом требовал колоссального количества материалов. Я подсчитал, что уже по количеству ездки Газель себя полностью окупил. Если бы я использовал коммерческий транспорт, то каждая ездка до дачи с грузом, стоила бы 3–4 тысячи рублей.

В июне мы с женой полностью переехали жить на дачу. Валеру с Сергеем, я потеснил, отправив жить на первый этаж в гараж. Они огородили себе жилой уголок фанерой и были очень даже рады — по крайней мере, говорили, что довольны, не надо подниматься по лестнице на второй этаж.

Так мы и жили с Машей на даче, появляясь в Москве, только чтобы навестить Вику, взять деньги и купить продукты. Для работы и чтобы быть в курсе последних новостей, я купил новый, последнего поколения, ноутбук и модемную приставку МТС, для мобильного подключения к интернету.

Скорость трафика для моей работы на Бирже была, конечно, маловата, система электронной торговли «Квик», довольно часто зависал, но если делать не частые сделки и использовать ноутбук, в основном для отслеживания ситуации на рынке и в Мире, то эта мобильная система вполне годилась.

К середине августа закончили второй этаж и приступили к возведению крыши, каменщики в это время, начали делать печь. Печку жена хотела большую, с лежанкой, настоящую «Русскую» печь.

К концу августа наконец-то сделали на Климовском заводе всю механическую систему ветряка —

вместе с платформой, на которой всё крепилось, Утепленный кожух, закрывал генератор, всю трансмиссию и подшипники, там располагались и нагревательные тэны для обогрева всего пространства под кожухом. За всю эту систему я отдал больше денег, чем за сам генератор и сегменты башенного крана, но это стоило того. На заводе изготовили и посадочную платформу, которая намертво крепилась к вышке. Система отопления, пространства под кожухом включалась и выключалась, посредством термореле, получая энергию от самого генератора.

В общем, оставалось закрепить посадочную платформу к последнему сегменту и краном установить туда сам генератор с пропеллером. Подниматься к генератору для проведения регламентных работ нужно было по лестнице внутри сегментов. К платформе была приварена площадка и поставлены ограничители, чтобы вся система двигалась не более чем на 180 градусов, так как было маловероятно, что ветер будет дуть перпендикулярно лесу. Кабель от генератора проходил тоже внутри сегментов и по вкопанным в землю, железным трубам вводился в подвал дома, где в специальном шкафу стояли аккумуляторы.

К ноябрю, наконец, закончили крышу, всё хорошо утеплили, при строительстве крыши мы выкроили место для устройства третьего, этажа, там получилось две неплохие комнаты, площадью по 24 квадратных метра. Попастись туда можно было по винтовой лестнице для подъёма на второй этаж, поставили стандартные бетонные пролеты лестниц, такие же, как и в подвал.

Дом смотрелся великолепно, особенно после установки окон. Кирпичные стены, высокая, зелёная крыша, балкон с торцевой стены здания. Ветряк мы так пока и не установили, не хватило времени, стремились до больших дождей и наступления холодной минусовой погоды закончить крышу. Для него успели только установить стойку-опору, высотой она получилась 17 метров. Ещё я придумал установить туда антенну, мы приварили к верхней площадке специальную трубу, куда потом, можно будет вставить держатель антенны.

Строители разъехались домой недели на две, потом собирались приехать на окончательную доделку дома. Практически все материалы на окончательную отделку помещений имелись в наличии, оставалось докупить только вагонку и половую доску, для устройства деревянного пола в подвале. Первоначально я хотел там делать полы из керамической плитки, но потом, посмотрев на эти прекрасные, теплые, уютные помещения, смотрящиеся, так даже в неотделанном виде подумал. А почему бы не сделать полы из лиственницы, — древесина прекрасная, не боится влажности, не гниёт и ходить по ней, имея в наличии Сауну, можно было босиком и опять же, хорошая теплоизоляция от бетонного пола, тем более, если положить вниз утеплитель. Её высокая цена сейчас меня несколько не смущала.

Дождавшись возвращения ребят, правда, двое таджиков не приехали, у них дома возникли какие-то обстоятельства, мы с женой отбыли, как говорится, на зимние квартиры, проще говоря, на проживание в Москву. Строители, вместо нас, заняли теплые помещения на втором этаже гаража, я, как и раньше, челноком мотался из Москвы на дачу, завозя необходимые материалы и продукты. Зима, кстати, показала прекрасную теплозащиту дома, несмотря на суровую зиму, температура порой достигала -35 градусов. Строители пользовались, только одной маленькой печкой «Булерьян», ни разу за всю зиму не задействовав большую «Русскую» печь. Правда, когда были самые сильные холода, включали имеющийся электрический обогреватель, мощностью в полтора киловатта. За десять месяцев, то есть к ноябрю, все работы были завершены и я принял работу, как говорится,

под ключ. Ветряк, тоже окончательно установили. Правда, не обошлось без весьма большой переделки. Когда мы его установили с пропеллером от самолёта, работал он прекрасно, но почему то выдавал мощность немного больше одного киловатта. Пришлось мне приглашать на шашлычок..., одного из приятелей — специалиста энергетика. Когда он приехал, то долго смеялся над этой нелепой конструкцией. Потом сказал:

— Ты Толь, совсем ошизел, от свалившегося на тебя бабла. И сейчас напоминаешь мне дореволюционного купца низшего пошиба — думаешь, пришла, мысля, кинул деньги и всё будет тип-топ. А накось выкуси! Против аэродинамики, брат не попрёшь! А тут чистая аэродинамика — профиль лопастей не тот. Авиационный пропеллер — он тянущий и ты радуйся, что смог получить хотя бы один киловатт энергии. И что тебя угораздило с такими деньгами ставить самоделку — не понимаю. Коль так приспичило, ставил бы промышленный ветряк — оно вышло бы дешевле, да и смотрелось бы гораздо эстетичней, чем это недоразумение.

Пока мы были ещё трезвые, я вынудил его описать требования к лопастям и дать обещание по дешёвке, обеспечить меня несколькими комплектами аккумуляторов для ветряка. Наша экспертиза происходила в субботу, а в понедельник я уже приехал на поклон к товарищу, на Климовский завод. Где опять выслушал, не очень лестные выражения в свой адрес, но всё-таки получил обещания по изготовлению лопастей. Эти лопасти, там изготавливали почти три недели. Вся конструкция получилась диаметром 3,8 метра, лопасти были изготовлены из композиционных материалов. Такой диаметр получился исходя из наличия материалов в этом экспериментальном цеху. После установки этих лопастей — Валера проверил привезенными с собой приборами мощность и другие параметры работы ветряка. Генератор выдавал, при средней силе ветра всю положенную ему мощность — вся система работала спокойно, без всяких замечаний. А мой счёт в банке уменьшился на несколько десятков тысяч рублей.

Правда, теперь я и не знал, куда девать дармовую электроэнергию. Полностью использовать её можно было только зимой, отапливая электричеством весь дом. Хорошо там был предусмотрен механизм, отключающий лопасти от генератора, поэтому на лето я решил генератор не включать.

Глава 3

Зимой вся система работала прекрасно, за всю зиму печку не топили ни одного раза. Мы уже практически окончательно переселились в этот дом, даже на Новый год не уезжали праздновать в Москву, а праздновали здесь на даче, вместе с соседями.

Вика, уже окончательно от нас отделилась, в начале декабря она вышла замуж. Вика встречалась с Александром почти что год и вот, наконец, поженились. Саше было 26 лет, он военный, служил где-то в специальных частях, правда, зараза, мне не признавался где, но, судя по его физической форме, ловкости, и постоянным командировкам на Кавказ, где-то в спецназе ГРУ. Звание у него тогда было капитан. Парень он был видный, довольно высокий, рост где-то под метр восемьдесят пять, да и характер у него был веселый и незлобивый. В общем, мне он понравился, а жена так вообще души в нём не чаяла.

Они поселились в квартире у Вики, на Мичуринском проспекте, Саша до этого проживал в офицерском общежитии в отдельной комнате. Нам он говорил:

— Не волнуйтесь! Скоро мне должны выделить двухкомнатную квартиру. Я же теперь женатик. Я над ним немного подшучивал, говоря:

— Ты наконец-то породнился с настоящим долларовым миллионером, который заработал эти деньги не должностью и использованием народных ресурсов, а исключительно своей головой — так что должен вести себя подобострастно и выполнять все наши капризы и пожелания.

На, что он не менее язвительно отвечал:

— Если бы не такие солдаты, как я, то тебе батя — никогда бы не стать миллионером, в лучшем случае пришлось бы работать дворником, на какого ни будь заграничного дядю. И вообще у нас с Викой желания общие — сделать много детей, поэтому в этом я полностью соответствую твоим и тещиным пожеланиям.

Так что отношения у нас сложились добрые, можно сказать, сердечные, тем более что мы им особо не надоедали, приезжали в гости достаточно редко. Мы с Машей после переезда на дачу выезжали в Москву только для закупки мебели, хозяйственного инвентаря и продуктов. Обычно покупали продуктов много, забывая ими всю машину, одних холодильников у нас было три штуки.

В марте я наконец-то купил снегоход — Японский и довольно, дорогой. По мнению всех разбирающихся в этом знакомых, хороший и очень надежный. Снегоход я давно хотел, может быть из-за мечты о зимней охоте и рыбалке. К тому же, один из соседей по даче, постоянно раззадоривал это желание. Он часто хвастался своим снегоходом, но, правда, не с превосходством, а с намерением, чтобы ещё кто ни будь, заинтересовался этим вопросом и купил, что-то подобное, чтобы вместе кататься по заснеженным полям. Зимой он дал несколько раз прокатиться на его технике и провел, как он выразился — курс молодого бойца.

Вообще, в поселке собрался весьма интересный народ. Правда, постоянно проживали кроме нас ещё три семьи. С двумя из них, мы очень сдружились.

Ну, во-первых, это мой ближний сосед Володя и его жена Галя. С Володей мы были одноклассники, обоим уже по 43 года. Он работал в Пушкино в Институте биологического приборостроения, был заместителем директора, и ещё у него была небольшая фирма по производству приборов точной механики. Он периодически хвастался, что делает гироскопы, даже для космоса. Я, правда, сомневался. Может, какие ни, будь детали, и делали, не знаю — но там работало всего-то 23 человека. Галя его жена, сорокалетняя женщина, была кандидатом наук и работала тоже в Пушкино, в Институте Белка, тема ее работы что-то связанное с клонированием. У них был сын, который жил и учился в Москве и изредка их навещал.

Другими постоянными жителями поселка, были живущие за три дома от нас — Николай и его жена Ирина. Коле было 42 года, он был хороший автомеханик и содержал автосервис в Пушкино, мне он постоянно помогал в ремонте и обслуживании Газели у себя на сервисе. Ещё он был весельчак и балагур, любил рыбалку и был фанатом охоты. Меня раза три затаскивал на рыбалку, на Оку — один раз мы с ним сходили и на охоту. Его жена Ирина тоже работала в Пушкино, в Институте Биофизики Клетки — научным работником.

Ирина, разводила ещё курей (их было штук десять) и откармливала поросят. Она вообще была фанатом натуральных, без трансгенов, продуктов. У них было двое детей — парень Максим 16 лет и 12 летняя девочка Даша. Они летом жили с ними на даче, а на учебный период, с бабушкой в Пушкино. Приезжая к родителям в поселок на выходные и каникулы.

Третья семья, была достаточно молодая, Игорю было 32 года, он тоже работал в Пушкино в местной больнице врачом хирургом, а его двадцатипятилетняя жена Надя сидела дома с маленьким,

двухлетним мальчиком — Никитой. Она тоже раньше была медицинским работником, работала фельдшером в Роддоме. Дом в поселке им купили родители — так получалось дешевле, чем квартиру в городе.

Вообще то, до самого Пушкино можно было дойти и пешком часа за два, а если на машине, то совсем ничего. Туда, как и до Ясногорска, ходили, автобусы, но до ближайшей остановки нужно было пройти больше километра.

С Володей и Колей мы часто засиживались вечерами за игрой в преферанс — под легкое красное сухое вино. Практически, все остальные владельцы домов в поселке — жили в Москве и приезжали только на выходные.

Строительная фирма, возводившая поселок, к сентябрю тоже закончила свою работу и увезла технику и людей — обещая на следующий год закончить возведение всех недоделанных объектов и коммуникаций. А недоделанной была электрика. Все, кроме меня, так и продолжали пользоваться деревенским трансформатором, не подведён был так же и газ.

Соседняя деревня зимой также была пустынна, проживало не более двадцати семей, только летом всё наполнялось жителями.

К нам тоже — дочка с зятем приезжали только летом, и, бывало, на неделю-две. Когда Саша приезжал из своих командировок, ему обычно давали двухнедельный отпуск.

Из Белоруссии в конце сентября приехали Валера с Сергеем. Оказывается, они договорились с хозяином, если считать от меня, пятого дома, на проведение у него отделочных работ. Как приехали, то сразу пришли ко мне просить о проживании на втором этаже гаража — пока они не оборудуют теплое жилье в строящемся доме. Я согласился, всё зимою будет веселее. Только я им поставил условие, что они будут оплачивать за потребление электричества. Гараж был подключён только к деревенской линии, и электричество оплачивалось по счетчику, Дом я перевел на потребление электричества только от ветряка. Для отопления дома только электричеством я, к имеющемуся универсальному, теперь стоящему в резерве — поставил и мощный электрический котел.

26 октября, я с Машей поехал в Москву. Задача была, кроме покупки продуктов и прочих хозяйственных товаров, снять немного денег с инвестиционного счета на бирже. Я, задумал, покупать новую машину. Мой фургончик Мерседес, был всё-таки уже староват, ему шел уже седьмой год. Но продавать его мне было жалко. Решил — пока пускай постоит в гараже. Покупать я хотел Японский джип — Тоёту РАВ-4, он не очень большой, для джипа довольно экономный. К тому же ездить за город лучше на полноприводной машине, да и на охоту или рыбалку можно спокойно поехать, без угрозы застрять.

Деньги я снял в течение двух дней — два с половиной миллиона рублей. Так как началась плохая погода, мокрый снег и метель, решил немного подождать с покупкой машины, несколько дней погоды не делают. Съездили в гости к дочке, как раз Саша приехал со сборов и сказал, что будет отдыхать две недели. Обещал и к нам на дачу приехать погостить. Я его смассовал — поехать дня через три со мной, выбирать и покупать машину, а потом на дачу, обмывать её, естественно. По любому он был нужен, перегонять нужно было две машины, новую и старую.

После поездки к Вике занялся анализом рынка и изучением информации в интернете. Этому я собирался посвятить всё оставшееся до запланированной покупки время. Вообще не собирался никуда выходить, а целые дни и даже может быть ночи, изучать информацию из Интернета и

анализировать её, а то я давно не занимался финансовым анализом и не разрабатывал методов своих действий на бирже.

28 октября, часов в 12 ночи, просматривая информацию в Интернете, наткнулся на новость, что астрономами НАСА, обнаружен метеорит, который с вероятностью в 99 %, столкнётся с Землёй. Диаметр его предположительно, был от 100 до 200 метров.

В комментариях по этому вопросу различных экспертов и научных светил было написано: — это столкновение на самом деле, ничем не грозит Земле, что такие метеориты с периодичностью не реже чем раз в сто лет обязательно падали на Землю и последним, вероятно, был Тунгусский метеорит. Так же в комментариях говорилось — максимум, что может быть при падении его на поверхность Земли, это разрушения и возникающие от этого проблемы на расстоянии до ста километров от точки его столкновения. Если он упадёт в океан, то возможно небольшое Цунами и что предупреждения всем приморским странам уже разосланы.

Само НАСА сообщало: — полосу и примерное место его падения, можно будет определить минут за 30 до столкновения. Структуру метеорита (твёрдое это вещество или смерзшийся газ), от чего будет зависеть степень разрушений, смогут определить, так же не ранее чем за час до катастрофы.

Вся эта информация, меня порядком обеспокоила, не то чтобы я испугался, что метеорит упадет на Москву, но вся эта неопределённость порядком настораживала. Жизнь научила меня, что лучше предполагать, что ситуация пойдет по самому плохому сценарию и метеорит упадет недалеко от Москвы. Поэтому, зная качество моего Московского дома, который от сотрясения мог и развалиться, решение пришло очень быстро — надо было отправляться на дачу, в качестве того дома я был полностью уверен. Тем более, в Москве жило такое количество народа, что при малейшей панике, в магазинах все сметут и вообще всё может кончиться очень печально. Да, ещё, чуть не забыл, столкновение с метеоритом НАСА прогнозировало через пять часов.

Коротко обрисовав ситуацию Марии, я ей поручил быстро собирать все продукты, некоторые тёплые вещи и документы.

Намечаемая покупка автомобиля меня не останавливала, можно было купить и позднее. Тем более, ближе к Новому году, обычно можно было получить дополнительные бонусы. Было уже полпервого-ночи, но я всё равно решил будить дочку и зятя, их я хотел в обязательном порядке, увезти из Москвы на дачу, несмотря на все их возражения и насмешки.

Как ни странно, они не спали, оказывается, недавно приехали из ресторана и продолжали отмечать присвоение внеочередного звания товарищу Саши — все были весёлые и слегка поддатые. Рассказав о приближении метеорита, — посмеявшись над своей мнительностью вместе с Сашей, я всё-таки добился согласия поехать на несколько дней с нами на дачу. Правда, пообещав продолжить праздновать вместе с ними. А завтра обеспечить их пивом и дать покататься на снегоходе, если на полях уже лежит снег.

Переговорив с Викой, как с самой трезвой и адекватной, посоветовал, что нужно приготовить для выезда и что мы подъедем — часа через два, предварительно закупив в круглосуточном магазине продуктов. В час ночи, мы с Машей уже загрузили машину и выехали из дома.

Продукты решили закупить в магазине фирмы «МЕТРО» в Очакове. Во-первых, он круглосуточный. Во-вторых, находится по пути к Вике, в- третьих, он для оптовых покупателей, цены ниже, чем в обычных супермаркетах. К тому же, там всё будет в коробках и можно взять много. Карточка

покупателя у меня была, — осталась ещё от тех времён, когда я занимался непосредственно торговлей.

На улице было примерзко, было холодно, и свирепствовала метель. Единственный плюс — машин на улицах было очень немного, поэтому до магазина мы доехали быстро. По дороге мы с Машей договорились, что будем брать. Это в первую очередь, тушенку, крупы, сахар, соль. В общем, знакомый каждому русскому, — набор продуктов для выживания.

Приехав в магазин, мы, взяв две большие тележки, быстро забили машину коробками и упаковками с продуктами, для этого сделали три ходки. Одной тушенки взяли десять ящиков, а всего разных продуктов набрали на килограмм шестьсот, заднюю половину машины забили полностью. Даже взятые двенадцать бутылок водки «Алтай» 0,75, еле рассовали в оставшиеся промежутки в багажнике. Вот что значит фургон, — в обычную легковушку и четверть купленного товара вряд ли вошло, а тут свободными оставались все пассажирские места.

К Вике мы приехали не через два, а через два с половиной часа. Там уже всё было готово, вещей было немного, тем более половину я забраковал, сказав ей:

— Всё не влезет. Шмотки оставь дома, как и свою любимую косметику. И пойми, всё придётся складывать под ноги и на колени.

Саша и его друг Флюр, по национальности он татарин, были не совсем пьяные, на ногах стоять ещё могли, с Флюром была ещё его подруга Катя. С трудом погрузив ребят на задние сидения — с ними вместе села Катя. На передних местах, еле разместились Мария с Викторией — все было забито вещами, под ногами, на коленях, в общем везде.

Мы тронулись в путь, когда до столкновения с метеоритом оставалось, где-то полтора часа. Ребята уснули, а я как мог, пытался отслеживать, положение метеорита и примерное место его падения. Для этого включил радио, Вике дал ноутбук — чтобы она по мобильному интернету открыла новостной сайт НАСА и контролировала всю информацию по метеориту.

Ехать нам надо было долго, примерно два часа, скорость была небольшая. Дорога была скользкая и видимость плохая из-за усиливающейся метели, а проехать нам надо было до дачи, где-то сто сорок километров. Заправиться я решил на бензоколонке, на Симферопольском шоссе, недалеко от поворота на Пушино.

По радио, никакой информации о приближающемся метеорите не было, только на «Эхе Москвы» промелькнуло несколько фраз. По Интернету, когда мы проехали поворот на Подольск написали, что до столкновения с метеоритом осталось сорок минут. Диаметр его 130 метров, он состоит из твёрдых материалов, скорее всего металла, что сила удара эквивалентна взрыву трёх ядерных бомб средней мощности, что упадет он вероятнее всего в акватории Тихого океана, недалеко от побережья США или Мексики.

Исходя из этих сообщений — уехали из Москвы мы совершенно зря. Пусть завтра народ и посмеётся, — думалось мне, — но зато качественно отдохнет на даче, попарится в баньке, подышит чистым воздухом, всё лучше, чем торчать в душной квартире в Москве.

Столкновение с метеоритом, произошло как раз тогда, когда мы заправлялись, — абсолютно не было ни каких изменений в окружающем мире, никто ни чего не почувствовал. Пока подъезжали к дому, по Интернету пошла информация о месте столкновения: — это произошло на территории США в штате Вайоминг, недалеко от находящегося там Национального парка. Последствия были ужасные

— полностью были уничтожены два городка, разрушения были даже в столице Штата, а так же сообщили, что нанесенный ущерб будет уточняться...

Да, жалко, конечно, пострадавших, подумалось мне, но это было так далеко и казалось совершенно нереальным. В душе, правда, оставалась какая-то непонятная тревога... Разгрузив машину и приняв 150 грамм водки Алтай, чтобы унять эту тревогу, я следом за всеми отправился спать.

Проснулись все в первом часу дня, конечно, легли ведь под утро. Перекусив и попив кофейка, ребята начали канючить про мое вчерашнее обещание обеспечить их пивом. Я сказал:

— Без проблем! Сейчас поеду в Пущино и привезу вам хоть целый ящик.

Флюр ухмыляясь, заявил:

— Обычно ящик я выпиваю один, а на природе под баньку, да не за один день, даже и не знаю сколько, а вообще-то, как профессиональный военный люблю — «Арсенальное», Тульского пивзавода.

С не менее лучезарной улыбкой я ему ответил:

— До Тулы здесь всего-то 90 километров, а известно, что для бешеной собаки сто километров не круг.

Саша тоже встрял в эту пикировку, заметив:

— Батя правильно! Главное в нашем деле это — маневр. Нужно собутыльника, прежде всего, ошеломить — абсурдностью предложения. Но мы бойцы, подготовленные, и нас трудностями не возьмёшь, тем более такими.

И ребята со смешками ухватились за предложение и выразили намерение поехать вместе со мной, так как в Туле никогда не были. Ну, как говорится, — назвался груздем, полезай в кораб. Пришлось собираться, и где то в полвторого мы отправились в Тулу, за пивом «Арсенальное», погода к этому времени наладилась.

Приехав в Тулу и сделав для ребят небольшой ознакомительный круг, чтобы посмотреть город, мы подъехали уже при выезде из города к большому торговому центру. Когда начали приценяться к пиву, один из посетителей магазина, сказал:

— Зачем нужно покупать здесь такое количество, по таким ценам, когда в метрах ста отсюда есть оптовый склад, где цены раза в два ниже, но нужно покупать не меньше ящика.

Узнав у него, как туда добраться, мы поехали на этот склад. Он действительно производил впечатление, — несколько больших ангаров, набитых товаром, в основном бакалеей, но «Арсенальное» пиво там действительно имелось, и цена его была дешевле, конечно не в два раза, но процентов на тридцать точно. Закупив там семь ящиков пива, коробку фисташек и целый мешок воблы, а что мелочиться, всё равно не пропадёт. Тем более ребята шутили, что с таким сервисом они весь отпуск проведут на даче. И я чувствовал, что недельный загул, мне будет точно обеспечен. Ну что же надо расплачиваться, коль сбил людей из привычной, распланированной жизни. Надо быть менее мнительным и не поддаваться собственным домыслам. Хотя и Саше и Флюру, вся эта неожиданная поездка, вся эта суета, очень даже понравилась.

Флюр, вообще, был парень весьма приятный и доброжелательный, ему, так же как и Саше было 26 лет и он тоже, правда, четыре дня назад стал капитаном, по военной специализации, как по секрету сказал мне Саша, в их группе он был минёр. Что-то характерное от этого у него точно было, какая-то рассудительность, осторожность, спокойствие, я бы даже сказал флегматизм. Его подруге Кате, было

22 года, она была программист, математик, закончила МГУ, факультет ВМК. Никогда бы не подумал, что математики, могут быть такими жизнерадостными и достаточно симпатичными. Где то в восьмом часу вечера, мы прибыли на дачу. Включив баню и слегка перекусив, мы начали, так сказать банно-пивной вечер, который затянулся до часу ночи.

Глава 4

На следующий день, а это был понедельник, просматривая информацию по интернету — нигде ничего интересного и угрожающего, не нашел. Ребята в это время развлекались, катались по первому снегу на снегоходе. Часам к шести, приехав с работы, подтянулись соседи — Володя с Николаем и наше гульбище продолжилось, приняли в этом участие и Валера с Сергеем. Я всех познакомил со своими гостями — сидели не очень долго, часов до одиннадцати вечера, наступал вторник и все кроме нас работали.

Проснулся я как обычно в восемь часов утра, позавтракав, сразу сел за компьютер просматривать новости. Почти сразу — изучая новости по последствиям столкновения с метеоритом, натолкнулся на информацию о подозрительных проявлениях активности у вроде бы давно потухшего супервулкана в Йеллоустоне. Расположенного в западном штате США — Вайоминг. Именно на территорию этого Штата и упал позавчерашний метеорит.

Об этом — самом большом из известных супервулканов я когда-то читал. Он находился в США на территории Национального парка Йеллоустон, известного своими гейзерами и горячими источниками. Там даже был создан специальный институт, который занимался изучением этого феномена. На фоне недавних событий, я стал более детально изучать всю информацию об этом вулкане и, вот что я вычитал:

— Эта изрыгавшая некогда огонь и лаву яма, имеет в длину 100 километров, в ширину 30 километров, а её общая площадь составляет 3825 квадратных километров. Как было установлено, резервуар с магмой находится совсем рядом с поверхностью кальдеры, на глубине всего 8 километров. При этом запасы его таковы, что супервулкан может извергнуть более 2,5 тысяч кубических километров вулканического вещества. Предположительно — три извержения супервулкана Йеллоустон имело место в истории на протяжении цикла в 600–700 тысяч лет. То, что самое последнее извержение произошло 640 тысяч лет назад — говорит о том, что вулкану уже давно пора проснуться.

— В 1999 году английский геолог профессор Макгир, подготовил для правительства Великобритании специальный доклад, в котором заявил, что по его расчётам, Йеллоустон должен взорваться в 2074 году.

Нельзя сказать, что США не знали о могущей произойти катастрофе, был создан Научный совет при Президенте и специальный научный институт для изучения вулкана и всех явлений происходящих там. И сейчас из этого института, начала поступать угрожающая информация — за одни сутки почва поднялась на 20 сантиметров, и что может произойти даже не извержение, а взрыв вулкана. Делался вывод — такому неожиданному усилению активности супервулкана, наверное, способствовало падение метеорита. По прогнозам некоторых специалистов этот взрыв может произойти буквально в течение трех-пяти дней.

На комментариях и предположениях, по этой информации выдвигались гипотезы, — что, например, гибель динозавров была вызвана взрывом такого же типа вулкана. Так же высказывалась

гипотеза, — что если этот супервулкан взорвётся, то это будет конец цивилизации и вообще всему живому миру, так как при взрыве будет выброшено в атмосферу такое количество газа и сажи, что наступит ядерная зима и температура может опуститься до космических величин.

Особенно меня напугал прогноз, сделанный одним из научных специалистов, он писал о взрыве супервулкана:

— Мощность будет соответствовать десятку тысяч Хиросим, в небо на высоту до полусотни километров взметнутся столбы раскалённых газов и пепла. Одновременно пирокластические потоки помчатся вдоль поверхности Земли. Через несколько часов большая часть выброшенного пепла начнет оседать, покрывая им целые государства. Слоем до 8 сантиметров будет покрыт весь мир. Он создаст эффект «Вулканической зимы», почти ничем не отличающейся от «Ядерной зимы» — эффекта, возникающего при глобальном ядерном конфликте и рассчитанном впервые более двадцати лет назад Советским математиком Н.Н.Моисеевым.

Ко всему прочему там было сказано:

— По всей Земле будет сильное землетрясение, мощное Цунами и будет колоссальный метеоритный дождь.

Этот массив информации, опять чрезвычайно возбудил мои еще не улёгшиеся после падения метеорита страхи. Хотя я и давал себе слово, не быть смешным и не поддаваться на всякую паническую информацию. Но природная осторожность и предусмотрительность — всё равно победили, Тем более, наличие свободных средств, — более двух миллионов рублей, давали возможность действовать и что-то предпринять.

На восемьдесят тысяч рублей я уже закупил продуктов в магазине «МЕТРО» и теперь решил оставшиеся наличные деньги, а так же средства, находящиеся на банковских пластиковых карточках, потратить на продукты, бензин и топливо. Тем более что в случае хорошего развития ситуации, на бирже я смогу их отбить в течение двух-трёх месяцев.

План закупок сложился тоже очень быстро — не зря мы ездили в Тулу, и нашли там этот оптовый склад. Распечатав найденные материалы по супервулкану — позвал всех в комнату с компьютером и обрисовал всю складывающуюся ситуацию. Дал почитать распечатанные комментарии и прогнозы — но все присутствующие опять подивились моему чудачеству. Но как говорится — кто платит, тот и заказывает музыку, поэтому я всех убедил действовать по моему плану...

В Тулу мы с ребятами решили ехать на двух машинах, на Газели и на моём Мерседесе, и покупать там все, что долго хранится и не боится морозов. Кстати, из гипотез о последствиях взрыва вулкана, я, хорошо, запомнил информацию, что похолодание может продлиться от 5 до 10 лет, и замёрзнет всё, даже океан на экваторе. Срок в 5 лет был мной выбран, как минимальный ориентир на нужное нам количество продуктов.

Конечно, я понимал, что такое количество мы не сможем привезти, не хватит ни средств, да и времени тоже — но хотя бы запас года на два я хотел иметь. Потом можно будет пошарить по складам и другим местам. Если катастрофа всё-таки произойдёт, я был уверен, что вся инфраструктура рухнет, и власти ничего не смогут сделать. Единственное, что возможно успеют, это в атомных убежищах — спасти себя и своих приближённых. Но смогут ли они это делать в течение длительного времени, если температура опустится, ниже -100 градусов — это большой вопрос.

Такой же вопрос возникал, конечно, и о нашей судьбе, но я собирался бороться до конца, всеми

доступными средствами и даже сверх них.

За продуктами в Тулу, мы выехали только в 11 часов, ехать до продуктовой базы было часа полтора. Прибыв на место и заняв очередь на обслуживание, я пошёл в контору оформлять и оплачивать закупку — перед нами была очередь из трёх машин. Из предыдущего приезда за «Арсенальным» пивом я узнал, что желательно, тем более при закупке больших партий товара, оформлять договор на юридическое лицо. У меня от прошлого занятия бизнесом оставалась печать моего малого предприятия — официально оно еще продолжало существовать, хотя никакой деятельности не вело. Я решил воспользоваться этой печатью, тем более это снимало массу ненужных нам вопросов у администрации базы и позволяло легально закупать любое количество товара. Я задумал воспользоваться легендой, что мы открываем новый продуктовый магазин в посёлке, недалеко от города Ясногорска, и нам нужно много продуктов: крупы, сахара, соли и различных консервов, в основном тушенки — дачники, да и местные жители неплохо это всё покупают.

Заклучив Договор о поставках, мне удалось добиться у руководства и довольно значительных скидок, я пообещал в дальнейшем закупаться только у них. Загрузившись, мы оставили оплаченный заказ, пообещав ещё сегодня приехать за ним. Обрадованная закупкой администрация гарантировала, что нас обязательно дождутся и загрузят, даже если придется продлить время работы.

Всего мы загрузили в две машины не менее двух с половиной тонн продуктов. Одну тонну круп, пол тонны сахара в мешках, пол тонны макарон и 50 ящичков тушенки. На второй заезд заказали, продуктов общим весом около трёх тонн и половину этого веса составляли различные консервы. Приехав домой, разгрузившись и даже перекусив, мы успели до 18 часов приехать на продуктовую базу за новой партией товара. Пока ребята загружались, я пошёл искать, где можно снять наличные деньги с пластиковых карточек Сбербанка. На них было довольно много денег. Средства надо было снимать, потому что я чувствовал — с такими темпами закупок, наличных денег не хватит. Найдя отделение Сбербанка, я заказал деньги на завтра. Сразу у них такой суммы не было, тем более валюту я попросил конвертировать в рубли. По пути обратно я увидел аптеку и решил обязательно после базы заехать туда.

Ребята уже загрузились и ждали только меня. Заехав в аптеку, мы купили довольно много лекарств и все, которые там были витамины и микродобавки — объяснив это тем, что надолго уезжаем на север, а там это просто необходимо.

После аптеки мы, наконец-то, поехали домой. На улицах Тулы всё было совершенно спокойно, по радио тоже не передавали никакой тревожной информации. Приехав на дачу, я первым делом пошел смотреть, какие новые сведения поступили в интернет.

Информация по Йеллоустону становилась всё тревожней:

— Почва поднялась уже более чем на 80 сантиметров...

— Сегодня срочно, собирается Научный совет при Президенте США...

— Профессор Макгир, английский геолог, заявлял, что взрыв может произойти буквально в ближайший день, два...

Так что мои опасения, только усилились. Вечером часам к десяти я решил пригласить к себе всех соседей, находившихся сейчас в нашем посёлке — рассказать им о сложившейся ситуации и вместе подумать, что будем делать. Тем более что, исходя из суммы, которую я сегодня потратил, всех моих денег только на продукты хватит ещё не более чем на два дня.

Все собрались без опоздания, пришли Володя с Галей, Коля с Ириной, Игорь пришёл без жены — она сидела с ребёнком, были ещё строители Валера с Сергеем, ну и, естественно, все наши гости и Маша. Я всё подробно изложил, показал в ноутбуке все ссылки по этой теме. Сказать, что народ был в шоке, значит, ничего не сказать. Даже Саша с Флюром были потрясены, они первый раз увидели весь объём информации и нарастающую панику в комментариях по ситуации вокруг супервулкана. У Гали — начался истерический припадок, она всё вскакивала, с намерением немедленно ехать в Москву и привозить сына сюда. Я как мог, успокоил присутствующих, сказав:

— Если взрыв вулкана произойдет, то он случится не немедленно и у нас, по мнению учёных, имеется в запасе, по крайней мере, два-три дня. А тем более — две трети специалистов говорят, что ничего не произойдёт и вулкан уже давно выродился.

Однако я настоятельно порекомендовал всем:

— Не позднее, чем завтра, привезти сюда всех детей и близких родственников, а то потом может быть поздно.

Так же я посоветовал:

— Особо не распространяйтесь о надвигающейся катастрофе, а то все будут смотреть, как на идиотов и реагировать соответственно. Те же, кто обладает полной информацией по этой теме и стоит у власти, постараются ещё и заизолировать где-нибудь, чтобы не распространяли панические слухи.

И привёл всем пример:

— Ни по телевизору, ни по радио и даже на уровне слухов, никаких намёков на надвигающуюся катастрофу нет. Вы сами узнали эту информацию, только сегодня от меня. А значит, кто-то очень боится возникновения паники, и намертво глушит любые намёки на ухудшающуюся с каждым часом ситуацию с Йеллоустоунским супервулканом.

Наконец я заметил, что люди, немного, успокоились и начали адекватно себя вести, размышлять и строить планы дальнейших действий. Хотя чувствовалось, что многие не восприняли серьёзно полученную информацию. Например, Валере и Сергею, было жалко вкладывать имеющиеся средства в закупку продуктов и прочих нужных для выживания вещей. Видно было, что жалко денег и другим, поэтому я пообещал:

— Если ничего не произойдёт в течение десяти дней, то половину понесённых затрат я возьму. После этого конкретное обсуждение нужных действий и требуемых закупок пошло веселее и более продуктивно. В конце мы договорились, что я, Саша и Флюр, продолжим закупку продуктов. Володя с утра поедет в Москву за сыном и там произведёт закупку лекарств, а в особенности, витаминов, а если останутся деньги и место в машине, то ещё купит продуктов. Володя пообещал мне, что он снимет все деньги со своей и Галиной пластиковых карточек и возьмет всю имеющуюся у них наличность, но привезёт полную машину нужного товара — у него был джип «Шевроле Блайзер».

Так же он высказал мысль:

— Если произойдёт взрыв вулкана, то произойдёт колоссальный выброс вредного и даже опасного для жизни газа и могут быть большие проблемы с чистым воздухом. У меня на складе в институте имеется много воздушных лабораторных фильтров, есть и воздухопровод, куда вставляются эти фильтры. Собрать систему с всасывающим вентилятором из имеющихся комплектующих материалов можно достаточно быстро. Так, что нужно всё это привозить сюда.

Привезти и собрать фильтр согласились Валера с Сергеем, грузовую машину предоставлял Николай — у него на сервисе была грузовая Газель. Вместе со строителями в институт должна была поехать Галя — она должна была обеспечить доступ на склад и вывоз оборудования. Так же она предложила: — Нужно ещё вывезти, небольшой запас овощей, числящийся за моей лабораторией.

Оказывается, в её институте находилось небольшое овощехранилище для питания подопытных животных, там было несколько тонн картофеля, капусты, моркови. Это меня весьма обрадовало, потому, что было проблематично купить на рынке большое количество овощей, а без них питание было бы неполноценным.

Коля обещал заняться — закупкой горюче-смазочных материалов, тем более у него были связи на заправках, а так же он мог достать бочки, куда будет заливать бензин и дизельное топливо.

Игорь должен был обеспечить медицинское оборудование и на все имеющиеся деньги закупить лекарств и витаминов, для чего обещал завтра съездить на оптовый фармацевтический склад.

Разошлись мы достаточно поздно — время уже приближалось к двум часам ночи. На следующее утро я сразу сел за компьютер и вошёл в интернет — никаких улучшений в Йеллоустоне не наблюдалось, но и резких ухудшений тоже, всё как будто законсервировалось. Но планов наших действий я менять не собирался — если решил истратить все имеющиеся деньги на продукты, то так тому и быть.

В девять часов, мы опять на двух машинах выехали в Тулу на продуктовую оптовую Базу. В этот день мы были намерены сделать две, а если получится три ездки, тем более что загружать будут намного быстрее — товар был уже подобран и оплачен. И действительно в этот день нам удалось сделать целых три ездки. Правда, все изрядно вымотались, ещё бы, ведь только наездили мы около 600 километров, а на Газели это было тяжело — максимально на трассе разогнались до 90 километров в час.

Работали весь день без обеда, перекусывая бутербродами только во время загрузки машин на базе. Последний груз привезли где-то к восьми часам вечера, всего за этот день мы завезли восемь тонн продуктов, примерно всё в том же ассортименте... Единственное, что добавилось — это по пять коробок чая и чешских сухих супов в пакетах.

Извинившись перед соседями, которые уже собрались у нас в доме, мы быстро перекусили и пошли обсуждать, — кто, что сделал за сегодняшний день. Валера с Сергеем, всё ещё ковырялись с воздухозаборной системой, установить её решили у меня в доме, в душевой комнате на 1 этаже, там было маленькое окошко. Сняв створки со стёклами, туда просунули квадратную трубу воздухозаборника, оставшиеся промежутки — запенили монтажной пеной.

В этой системе было два фильтра. Один — тонкий, оказался снаружи окна на улице, это был фильтр грубой очистки, он предназначался для очистки воздуха от пыли и других крупных образований. Второй — толстый, катриджный фильтр, находился в доме и предназначался для тонкой очистки воздуха и работал даже лучше противогаса и гораздо производительнее. Сам картридж служил гораздо дольше. Замена фильтров производилась, очень просто — сбоку трубы воздуховода вынимался использованный картридж и вставлялся новый. Причём использовать фильтр для грубой очистки, можно было многократно — просто промывая его.

В душевой комнате устанавливался и вентилятор — втяжка воздуха производилась принудительно, за счет этого в доме создавалась небольшое избыточное давление, и внешний атмосферный воздух

не мог туда попасть. По заверению Валеры:

— Мы с Серёгой, завтра обязательно установим всю эту систему. Так что можете спокойно заниматься своими делами — от удущья никто не помрёт.

После этого он немного помолчал, а потом, уже ухмыляясь, добавил:

— Но денег мы всё равно не дадим! Нам семьи кормить надо... Не все же здесь миллионеры!

У Володи, — который и, правда, привёз набитую под завязку машину лекарств и продуктов — не вышло самое главное, он не привёз сына. Оказывается, тот уехал с подругой отдыхать в Египет на 2 недели. У Гали опять было истерическое состояние, но я её довольно быстро успокоил, сказав:

— У вашего сына, пожалуй, самые высокие шансы на выживание. Во-первых, это недалеко от экватора, а значит там самые тёплые на Земле места, и, во-вторых, это очень далеко от Америки — вот кому я бы не завидовал это, американцам.

Про себя я думал совершенно другое, что южным странам придётся намного тяжелее. Там ничто не приспособлено к функционированию при минусовой температуре: ни дома, ни инженерные коммуникации, ни население. И они все обречены, если океан замёрзнет и минусовая температура продержится не меньше года. Северные страны были более подготовлены даже к большим минусовым температурам. Всё-таки утеплённые зимние дома, и большие запасы топлива, подготовленные заранее к длительной, затяжной зиме. К тому же, в той же России, были такие районы, где ни редкость и температура ниже -60 градусов по Цельсию.

Кстати о топливе, у нас его было заготовлено явно недостаточно. Валера с Сергеем, собираясь жить и работать в Посёлке всю зиму — наготовили себе кубов пять дров. У меня тоже было закуплено куба 4 дров, у других так же было заготовлено по 5–6 кубов. Но это было явно недостаточно, и я всех озадачил этой проблемой. Сам я вспомнил, что недалеко от нас был зимний пионерский лагерь, там была угольная котельная и, проезжая мимо, видел там целую гору угля.

Порадовал Николай, он пригнал целый бензовоз — на базе автомобиля КАМАЗ, полный дизельного топлива (там его было восемь тысяч литров). Он объяснил, что взял его взаймы на десять дней в Серпуховском Автодоре, где у него был приятель — Главный инженер этого предприятия. В Автодоре они использовали этот КАМАЗ для заправки тяжёлой строительной техники, и не позднее этого срока нужно было отдать его обратно с таким же количеством топлива. Там же он взял пустую прицепную бочку и у знакомых на заправке залил в нее 3000 литров бензина АИ95, истратив на это все свои наличные средства. Всю эту технику он пока оставил на своём участке. Детей он тоже перевёз на дачу, родители, правда, отказались, обозвав его — легковерным идиотом.

Игорь тоже, как и обещал, привёз довольно много лекарств и витаминов, так же он взял из своей больницы много медицинских инструментов и некоторое оборудование и тоже временно на несколько дней.

Вечерняя информация из интернета — по поведению супервулкана, успокоения и облегчения не принесла. Подъём грунта продолжался, правда, медленными темпами, за последние сутки рост составил, всего пять сантиметров. Поэтому мы решили продолжить начатое дело. Я вместе с Сашей возить продукты — Коля, Флюр и Игорь, начнут завозить уголь. Володя пообещал — взять еще два грузовика из института, может быть даже с двумя грузчиками. И так же он сказал:

— Уголь нужно возить не с котельной, а со станции в Ясногорске и я договорюсь с руководством угольного склада, его отпустят без денег — по гарантийному письму моего предприятия...

Коля так же сказал:

— А я договарюсь с Палычем из Автодора, и он выделит на несколько ездов пару самосвалов КАМАЗ. Но за это Анатолий — должен будет поставить ему потом литр...

На эту подковырку Коли я ответил:

— Дорогой! Какой литр! Да если всё нормализуется, я ему все эти КамАЗы забью ящиками с Кристалловской водкой....

На Газели Николая и на одном из бортовых ЗИЛовских Бычков, — которые собирался брать Володя в институте, решили возить уголь, расфасованный в бумажные мешки крафт. На станции была линия фасовки, правда за это нужно было заплатить наличными фирме, которая занималась продажей угля населению в розницу. Деньги на это Володя обещал найти. Второй обещанный с грузчиками Бычок — должен был под контролем Гали вывезти как можно больше овощей с институтского овощехранилища, если грузчиков не дадут, то их заменят Валера с Сергеем. Но до этого они должны с самого утра подготовить место, куда будут сгружать уголь самосвалами. Сколотить из досок короб и оббить его железными листами и лишь после этого ехать грузить овощи или заканчивать с системой очистки воздуха. Если грузчиков всё же выделят, то разгружать овощи всё равно предстояло им, так как грузчикам не следовало знать, куда увозятся овощи — вести этот Бычок собирался сам Володя.

Погода, кстати, наладилась, прошла оттепель и установилась плюсовая температура, снег практически везде растаял, работать было можно. В этот день мы разошлись отдыхать относительно не поздно, ещё не было и одиннадцати вечера. Может быть, и из-за этого я встал в семь часов и, как обычно, начал просматривать информацию из интернета.

Обстановка вроде бы успокаивалась, все страшные прогнозы и панические посты, куда-то исчезли — как корова языком слизнула. Даже Биржа пошла в рост, до этого была довольно значительная просадка, и я нёс большие убытки, по имеющимся лонгам. Лонги — это имеющиеся в наличии акции предприятий.

Меня обуревали противоречивые мысли: с одной стороны — будет просто прекрасно, если катастрофы не произойдет. А с другой стороны — я опять облажаюсь, и все опять будут смотреть на меня, как на чудака и маниакального паникёра. И теперь не только в семье, но и на даче, — да разнесётся, наверное, по всему посёлку. Для себя я решил, если ничего не произойдет, то придется возместить каждому полностью все понесённые затраты, а запасённые продукты передам или в Детский дом, или в Дом престарелых — ничего не обеднею, всё равно все затраты в пол года точно возмещу. Сейчас что-то останавливать, или менять было уже поздно.

За первую партию, заказанных на сегодня продуктов было уже уплачено. Поэтому уже без былого пыла и истерического настроения собрался и пошёл завтракать, ребята были уже в столовой, они тоже были молчаливые и задумчивые, чувствовалась усталость от непрерывных поездок. Наши женщины тоже были какие-то дёрганные и очень нервные. Так что в Тулу мы с Сашей, выехали в подавленном настроении. Пока ехали, никакой информации по радио о вулкане я так и не услышал, только по Маяку какой-то экономист объяснил резкое колебание Американского фондового рынка — информацией о возможном извержении вулкана в Йеллоустоне. Но скорее всего у неподготовленного слушателя, информация об извержении вулкана, где, то в Америке — никакого страха, а тем более паники, породить не могло.

Поездки на продуктовый склад приобрели уже рутинный характер. Когда мы приехали на продуктовую базу, нас быстро загрузили, мы выбрали и оплатили заказ на следующий приезд и покатали обратно в посёлок. Здесь уже лежала в сколоченном Валерой и Сергеем коробе — гора угля. Как они объяснили, самосвалы уже один раз приезжали, второй раз водители обещали привезти уголь часа в два.

Воздухозаборник им оставалось делать — часа четыре не больше. К этому времени обещали привезти уголь и Флюр с Колей. Быстро разгрузившись, мы поехали за второй партией товара. Деньги, снятые для покупки автомобиля у меня уже кончились. Правда оставались практически нетронутыми деньги, снятые с карточек, а это было почти миллион рублей и значило, что хватит максимум на три ездки — две ещё сегодня и одну завтра последнюю. После чего можно будет отдохнуть и ждать с недельку, наблюдая, какие события будут твориться в мире.

В последнее время мы начали ездить в Тулу только с Сашей, втроём в этих поездках было делать нечего. Мы с Флюром решили, что он будет помогать в завозе угля, там при разгрузке, его руки будут явно не лишними. К часу дня Володя должен был подвезти первую партию овощей, он уже позвонил мне и сказал:

— Всё тип-топ! Грузчиков выделили! Товар коммуниздим...

Погода для тридцатого октября стояла прекрасная, было довольно сухо, и температура держалась около +2 градусов, поэтому второй раз мы обернулись достаточно быстро, часа за три. Когда мы привезли продукты второй раз, все мужчины разгружали уголь в мешках — его решили складировать в гараж, возле маленьких ворот, чтобы было удобно носить к дому. Мешки были нагружены килограммов по тридцать, всего их привезли в этой партии сто семьдесят штук. Ребята спешили, что бы успеть сделать ещё одну ездку. Финансировал эту закупку угля Николай, для этого он снял деньги со счета в банке и все-таки ему выдали все имеющиеся у них деньги Валера и Сергей. Володя уже один раз сделал ходку на Бычке, привез 4 тонны картошки, сейчас он поехал за овощами по второму разу, при этом он просил, чтобы мне передали:

— Машины на завтра получить не удастся, они нужны в институте.

Самосвалы тоже сделали вторую ходку с углем и, как предупредили Николая, это была последняя — их снимали и перебрасывали на другую работу. Хотя их услуги, если честно, нам уже были, пожалуй, и не нужны, вся сколоченная ёмкость уже была заполнена до краев углём — его там было тонн тридцать. Чтобы не отвлекать ребят от разгрузки мешков с углём мы с Сашей сами разгрузили все привезённые продукты. К этому времени закончили разгружать и уголь. Мы пошли в дом немного перекусить, где переговорив с мужиками, я пригласил их вместе с женами приходить к нам в гости часам к семи. Нужно было всё обговорить, ну, заодно, и расслабиться, ведь ещё оставалось почти пять ящиков пива купленного в Туле и, вообще, как говорится — от работы кони дохнут, надо и отдохнуть.

В нашу третью ездку в Тулу, мы с Сашей выехали в половине четвёртого, хотя ещё светило солнце, но начало быстро холодать и усиливался ветер. Но всё равно, ехать было легко и приятно, дороги были чистые и сухие, до складов мы добрались за один час двадцать минут.

Глава 5

Загрузили нас тоже достаточно быстро, мы, как обычно, заказав и оплатив товар на завтра, выехали обратно в Посёлок. Погода как-то резко испортилась, пошел мелкий ледяной снег. Пока мы ехали по

Симферопольскому шоссе до поворота на Пушино, началась сильная метель, стало очень скользко и, к тому же, стемнело, поэтому после поворота, мы поехали очень медленно не более 40 километров в час. Даже у меня в Мерседесе, где имелась антиблокировочная система и прочие причуды для безопасного движения, чувствовалась скользкость дороги — лампочка АВС часто загоралась. А каково же сейчас Саше управлять Газелью — сочувственно думал я.

Не доезжая где-то километра три до поворота на наши дачи, меня начало бросать по дороге то вправо, то влево, — я резко затормозил, с досадой думая, что, наверное, пробил колесо и сейчас, в темноте, при такой плохой погоде, придётся его менять. Остановившись, я попытался выйти из машины. Но в этот момент опять начало трясти, всё зашаталось и меня откинуло обратно на сидение. Такое может быть только при землетрясении — подумалось мне, и в сердце что-то испуганно сжалось и ёкнуло — неужели проклятый вулкан всё-таки взорвался.

Страх и какое-то беспомощное состояние обуяло меня. Я неподвижно сидел в полной прострации, не в состоянии, ничего сделать. Очнулся только от резких толчков в бок — это был Саша, он что-то кричал. Только через несколько секунд я начал понимать смысл его выкриков. Оказывается, его выбросило на обочину, и он не свалился в кювет только благодаря нашей низкой скорости и не растаявшему валу снега на обочине, который собрали при чистке дороги. Газель носом уткнулась в этот вал, и без помощи, Саша выехать оттуда не мог. Несмотря на бурную деятельность, которую мы развили по вытаскиванию машины из сугроба — эта наша лихорадочная деятельность была вызвана беспокойством о судьбе наших женщин. Вытащить Газель удалось только минут через тридцать. Я на Мерсе сжег, наверное, все покрышки, вытаскивая Газель из снежного плена — если бы у меня была не шипованная резина, вряд ли удалось бы её вообще вытащить.

Пока мы этим занимались, произошло ещё несколько сильных толчков. Самое интересное то — что до Саши, ещё не дошёл, весь ужас происходящего. Выдернув, наконец, Газель, я подошёл к нему и отстраненно, глядя на звёздное небо, заметил:

— Вот и начинается!

Он непонимающе переспросил меня:

— что начинается?

Я немного дрожащим голосом ответил:

— Ад начинается! Йеллоустоунская катастрофа, всё-таки произошла, и видать по наихудшему сценарию — взрыва супервулкана, и первые последствия этого, ты видишь сам. Как ещё по-другому ещё можно объяснить землетрясение в Подмосковье? А по тому, как нас болтало — это было не менее 8–9 баллов по шкале Рихтера...

Он побледнел, видно до него начало доходить и, чтобы уже Сашу вывести из ступора, я легонько его пихнул и сказал:

— Нужно быстрее ехать домой! Вдруг потребуется оказать помощь нашим женщинам или друзьям.

Он тут же очнулся, и мы поехали на дачу. Слава Богу, до неё было недалеко — три километра по трассе и километр по подъездной дороге. Ехали мы очень медленно, так как начали попадаться трещины в асфальте — не очень широкие, сантиметров по пять — десять на машине проехать было можно. Минут через двадцать мы всё-таки доехали до посёлка. Кстати, связь не работала — сразу после толчков я попытался дозвониться до жены и до дочери, но аппарат, ни как не мог поймать сеть Билайна, из этого я сделал вывод, — что произошла какая-нибудь авария, скорее всего от

землетрясения разрушились вышки ретрансляторов.

В посёлке уличное освещение не работало — всё было темно, сторожей тоже не было, и ворота были открыты настежь. В этой темноте, выделяясь очень ярко, горели окна только в моём доме, от сердца немного отлегло — значит, дом цел и никто не пострадал, да и ветряк не рухнул.

Мелькали какие-то огоньки у дома Игоря, мы подъехали туда — весь народ был там. Дом стоял полуразрушенный, крыша сползла, рухнули кое какие перекрытия. Но, к счастью, ни Надя, ни её малыш Никита, не пострадали — Игорь постоянно с ней перекикивался. К моменту нашего появления, мужчины практически освободили проход в дом. Мы тоже сразу же включились в работу, и примерно минут через сорок, вытащили ошалевшую Надю с совершенно спокойным и что-то гукающим своё ребёнком. После чего все отправились к нам домой.

В доме было всё нормально, никаких разрушений не наблюдалось, только некоторая мебель сдвинулась, да упал и разбился цветной телевизор, и во внутренней стене на 2 этаже появилась трещина, но это было не критично. Стена не была несущей, а служила просто перегородкой в полкирпича, между санузелом и коридором. В душе я и не сомневался, что мой дом устоит от таких толчков. Всё-таки всё было сделано качественно из первоклассных материалов, с большим запасом прочности. Тем более я столько металлической сетки и метростроевской арматуры, извёл на армирование дома.

Меня больше беспокоил ветряк, всё-таки его высота была больше семнадцати метров — но он выдержал испытание с честью, его нисколько не перекосило, мы хорошо углубили его стояк в землю и забетонировали.

А вот гараж подкачал — у него рухнули две плиты перекрытия, разбив часть кирпичной кладки и перекосив большие железные ворота. Хорошо, что там не стояла машина, а то её точно бы раздавило. Запасы угля и других материалов и оборудования не пострадали, они были в задней части гаража, куда через маленькие ворота машину я не ставил — использовал это место для мастерской. Место у больших ворот было свободно, оно предназначалось для стоянки Газели, в передней части гаража, пострадала только электрощитовая и электросчетчик, на который подавалась электроэнергия с общей линии.

У других моих соседей дела обстояли гораздо хуже. Как я уже говорил, у Игоря дом был полуразрушен, у Володи обвалилось тоже несколько перекрытий, и рухнула задняя стена — жить в таком доме, было уже нельзя. У Николая дом практически весь рассыпался, одним из обломков был даже разбит моторный отсек пригнанного бензовоза — хотя он стоял в метрах пятнадцати от дома. К счастью, сама цистерна с горючим не пострадала, так же обломками дома был полностью раздавлен автомобиль — «Форд Мондео». Несмотря на это Коля буквально излучал счастье, они всего за несколько минут до толчков ушли к нам, прихватив с собой и детей. Вика с Катей собирались поиграть с ними в «Монополь». Если бы они хотя бы на десять минут вышли позже их наверняка бы там засыпало.

По другим домам посёлка, целы ли они или разрушены — никто ничего не знал, было уже очень темно. Единственно, что я разглядел — это дом, напротив, через дорогу. Судя по очертаниям, он особо не пострадал. Отсутствие связи заметили все, ни у кого сотовый телефон не работал. У Володи контракт был с МТС, у Валеры с Мегафоном, у остальных с Билайном. Интернет тоже не функционировал.

В результате пережитых волнений никто не задумывался, что же всё-таки произошло. Когда я рассказал о своих выводах, все были в шоке, так как, несмотря на предпринимаемые уже третий день усилия и проведённые работы, никто до конца не верил, что это серьёзно, что это не какая-то игра — богатого чудака соседа. Более или менее серьёзно воспринимал информацию из интернета только Володя, остальные выполняли взятые на себя обязательства только из боязни потерять моё расположение. И я сейчас буквально физически чувствовал, как рос мой авторитет среди этих людей, как они всё больше начали прислушиваться к моим словам.

Прослушав мои предположения, все начали громко, не слушая друг-друга, высказываться по этому поводу. В основном говорили о пережитых ощущениях и намерениях немедленно выезжать на помощь своим родственникам и близким. Обстановка становилась все более нервной и истеричной, чтобы всех как то успокоить я принес две бутылки водки Алтай, разлил ее и буквально вынудил всех выпить по сто грамм. Минут через пять после этого народ немного успокоился, стал относительно адекватен и уже был способен воспринимать не только свои выкрики.

Потом я всем напомнил, — что по прогнозам специалистов, после взрыва супервулкана должен произойти большой выброс раскалённых вулканических газов и пепла, а также выброс на орбиту до 50 километров массы твёрдых осколков, которые скоро начнут падать, метеоритным дождём. По моим прикидкам основанных на информации из интернета, газ может достигнуть нас уже через 15–20 часов после взрыва и к этому надо подготовиться. Если же на нас упадёт метеорит, то сделать мы всё равно ничего не сможем, поэтому об этом лучше и не думать. После переваривания этой информации Николай заявил:

— Мне срочно надо до подхода сюда вулканических газов ехать в Пушкино — вывозить родителей... Я с этим согласился, посоветовав ехать с Володей на его Джипе, но возвращаться не позже, чем через 12 часов, потом будет проблематично вообще куда-либо доехать. Володе тоже надо было в Пушкино постараться вывезти Тёщу и переговорить с друзьями — предупредить их. Всех нас интересовала информация, что же творилось в этот момент во внешнем мире — степень разрушения домов и инфраструктуры.

После отъезда, Володи и Николая мы начали готовиться к возможной газовой атаке, а именно срочно доделывать систему очистки и подачи воздуха, заклеивать и запенивать все возможные щели. Так же мы занялись эвакуацией и переносом всей имеющейся живности и небольшого запаса корма для неё. Размещать всех животных договорились в первую от входа комнату, по размеру она была самая большая в доме, из неё мы решили сделать сени. Из живности у нас были — только куры и поросята Ирины, пчелы Николая, а так же две собаки Володина лайка — кличкой Чапа и Колин охотничий пёс Билл — породы кромфорлендер.

Так же надо было подумать и о нашем размещении — нужно было раздобыть недостающие кровати и постельные принадлежности. Решили — при невозможности их взять из разрушенных домов, вскрывать целые и забирать всё, что нам было нужно, включая имеющиеся там продукты и лекарства. Этим пошли заниматься Саша с Флюром и Сергеем, за ними увязались и Вика с Катей. Часа через четыре появились, Володя с Колей, все грязные, измазанные и измученные. Оказывается, на дороге в Пушкино, километрах в четырёх от нас, образовалась трещина, шириной метра в полтора и никакой возможности проехать по дороге не было. Тогда они попытались объехать её по полю и там намертво застряли. Сколько не пытались вылезти, не смогли и вконец-концов сели в грязь на

брюхо машины. Пришлось бросить джип там и возвращаться пешком, Николай заявил: — Дело тухлое! Без трактора ловить там нечего. Если его не найдём — машину не вытащить. Придется ей зимовать на этом поле.

Саша с ребятами к этому времени как раз вскрыли один из мало разрушенных домов и начали носить кровати и постельные принадлежности. В этом доме так же был небольшой запас консервов, сахара и макарон, а так же несколько бутылок красного сухого вина и две бутылки водки — всё это мы взяли себе. Там было так же, (что было нам весьма полезно), пятикиловаттный обогреватель от сжигания дизельного топлива, а топлива у нас было достаточно много — целый бензовоз.

Запомнившиеся прогнозы по «вулканической зиме» с возможной температурой ниже -100 градусов по Цельсию и другая информация, почерпнутая из интернета — меня чрезвычайно пугала. Я продолжал считать, что для такой холодной и длительной зимы у нас недостаточно топлива, тем более — у нас не вышло завозить уголь хотя бы ещё один день. И я очень радовался, когда мы добывали ещё какие-нибудь запасы топлива или оборудования, которым могли воспользоваться, для дополнительного обогрева дома.

В том же вскрытом доме ребята нашли ещё небольшой, на 2,2 киловатта бензогенератор, скорее это даже был мобильный, легко перемещаемый и удобный энергоагрегат — он крепился на платформе в виде тележки, похожей на хозяйственную, с сумкой. Так же там была полная канистра с бензином и небольшой снегоуборщик на колёсах.

Ребята перенесли нужное количество кроватей и других вещей, и мы начали распределять комнаты, кто, где будет жить. Всего в доме было одиннадцать комнат. Четыре комнаты, включая столовую — на первом этаже. Так же там был один санузел с душевой кабинкой, теперь, правда, вместо душа там стояла система воздухоочистки. На втором этаже — было пять спален. Две из них достаточно большие, по 30 квадратных метров, три другие были по 18 метров, оставшееся место занимал коридор, лестница и большой санузел, где была даже ванная с джакузи. На третьем этаже, было две прекрасные, мансардные комнаты площадью по 25 квадратных метров.

На втором этаже в одной из больших спален был балкон-лоджия. Балкон был застеклён и с него открывался прекрасный вид на окрестности посёлка. Эту комнату мы решили не занимать, а использовать её как наблюдательный пункт, отсюда было хорошо видна подъездная дорога в посёлок, да и наш склад с гаражом тоже хорошо просматривались. Нельзя было занимать и две большие комнаты на первом этаже.

Первую от входа мы начали использовать как сени — разместив там имеющихся животных, запас их кормов и небольшой запас топлива для печей. Ещё там сейчас находилась часть продуктов, привезённых из Тулы, и овощей вывезенных из Галиного Института — всё это мы ещё не успели опустить в подвал. Несмотря на то, что эта комната была площадью в 45 метров — она была вся забита коробками, мешками и вольерами с животными.

Даже пройти к примыкавшей к ней комнате площадью 18 метров было затруднительно, там мы договорились разместить Валеру с Сергеем. Эта комната могла дополнительно отапливаться установленной там небольшой печью Булерьян, у неё был общий дымоход с камином, который размещался в большом зале — теперь преобразованном в сени и скотный двор.

Второй большой зал на первом этаже занимала столовая, совмещённая с кухней. Если бы убрать санузел, пространство, занятое лестницами на второй этаж и подвал, а так же лифтом в подвал, то в

этом зале тоже было бы 45 квадратных метров площади. Здесь же стояла вся кухонная бытовая техника и раковина, вмонтированная в кухонную стенку.

Собирались и общались мы, обычно тоже в столовой, там стояли Т образно, два больших стола мягкий диван-кровать и 12 стульев — всё это было куплено в магазине «Икея», на распродажах. Так что все прекрасно размещались в этом зале-столовой, там было удобно и обедать. Плита и печка были под боком, кроме этого, на стене висела большая плазменная панель телевизора — она была подключена к системе домашнего кинотеатра.

В маленькой комнате, примыкавшей к столовой, поселились Володя с Галей. На втором этаже в оставшейся большой спальне остались мы с Машей — эта комната была нашей спальней с момента постройки и сдачи в эксплуатацию дома. В других маленьких спальнях второго этажа, расселились все остальные пары. Третий этаж, отвели детям Николаю и Ирины — выделили им по целой комнате на человека.

Кстати об информации — её мы могли черпать, только, из передач радио и спутникового телевидения. Нормально функционировало очень немного телевизионных каналов и радиостанций. Вещание, которое велось с Останкинской телебашни, отсутствовало. По телевизору рассказывали и показывали страшные вещи — в Москве было разрушено несколько тысяч зданий и сооружений, число жертв исчислялось многими десятками тысяч человек.

Землетрясение в Москве было силой 8 баллов по шкале Рихтера, но Москве ещё очень повезло. Например, Лондон был почти полностью разрушен, к землетрясению силой 8,5 баллов, там добавились гигантские волны Цунами — которые буквально прошли над Англией. Число жертв исчислялось миллионами человек. Немного лучше обстояло дело на территории остальной Европы. Из Америки никаких данных не было вообще. Связи ни с одной страной Северной и Центральной Америки не было. Азия тоже сильно пострадала, особенно приморские страны, Японию практически всю смыло серией колоссальных волн Цунами. В Китае творился форменный ад. Во всех странах, с которыми существовала связь — было объявлено чрезвычайное положение.

Вся эта информация поступала в течение ночи по радио и спутниковому телевидению от разных мировых агентств и телекомпаний. Всё это переводила Вика, она свободно владела английским языком. Из наших электронных СМИ мы ловили только Вести-24 и несколько радиостанций. Под утро с качеством приёма сигналов начали происходить неприятные вещи, появились сильные помехи, а изображение и звук становились порой практически неразличимы.

Мы в эту ночь непрерывно что-то делали и не один человек, кроме маленького Никиты и двенадцатилетней Даши, даже не прилёт. Было состояние полной нереальности и в то же время перевозбуждённости. Когда практически пропали сигналы телевизора и радиоприёмника, появились первые признаки и проявления взрыва супервулкана. На улице вместо снега начали изредка падать серо-белёсые хлопья пепла. Заметя их, мы включили наш воздухоочиститель, даже не проверяя качество воздуха на улице, да и проверить мы его, могли только одним доступным нам способом, — пожертвовав каким либо животным, или выйти самим на улицу. Но выходить никому не хотелось, даже захватив с собой противогаз. У нас их было четыре штуки и ещё шесть запасных картриджа к ним — это привезли ребята, когда забирали детали воздухозаборника из института в Пушкино. Воздух в самом доме был вполне нормален, электричество подавалось от нашего ветряка тоже вполне нормально. Температура в доме держалась на установленном в термореле электрического

котла уровне — в двадцать один градус по Цельсию. Электрический котёл полностью справлялся с отоплением всего дома, мы даже ни разу не затапливали, ни одной печки.

Уже днём все собрались в столовой, сидели уставшие, хмурые и молчали. Видя такое состояние народа, я предложил выпить грамм по двести водки, перекусить и укладываться спать. Всё равно мы уже ничего сделать не сможем. Никто не отказался, по крайней мере, выпить, даже женщины решили выпить водки, а не вина. Двумястами граммами на человека, мы конечно тогда не обошлись, все были слишком перевозбуждены и, несмотря на усталость, сидели где-то до одиннадцати часов вечера и во время этого молчаливого застолья Максим пытался поймать по радио хоть какую-нибудь станцию, но всё было безрезультатно. Время прекращения пьянки у меня плохо отложилось в памяти, помню только, что посмотрел на часы у нас в спальне, еле поднявшись туда при помощи жены. Проснулся я где-то часов в десять утра, к этому времени встали ещё не все. В столовую пришли только Володя с Галей и Николай с Ириной, ну, естественно, и мы с Машей, остальные продолжали отсыпаться, после вчерашнего сумасшедшего дня. Настроение у пришедших, впрочем, как и у нас с Машей, оставалось ниже плинтуса. Радио и телевизор не работали, на улице продолжали падать хлопья пепла, на земле уже образовался слой в пол сантиметра, температура воздуха за окном на улице была плюс три градуса.

Было мучительно сидеть и ничего не делать, хотя весь организм требовал, предпринимать какие либо действия. Хотелось немедленно собраться и ехать, помогать, и возможно спасти своих близких, своих родных. Но я был приучен работой на бирже и ещё раньше своим мелким бизнесом — что, ни в коем случае нельзя совершать, непродуманных, спонтанных поступков, обязательно нужно себя удерживать от этого любыми доступными средствами. Ведь, например, на бирже 95 % разорившихся, это те, кто спонтанно, под воздействием слухов и пропаганды, либо купил, либо встал в шорт, не обращая внимания на фундаментальный анализ. Вот и в нашем случае нельзя, что-либо делать, не обращая внимание на внешние условия.

Поэтому я всех призвал успокоиться, не суетится и предложил лучше поиграть в преферанс, заметив при этом:

— Играть мужики будем не меньше недели, и за это время я вас всех обнулю. А дамы могут открывать тотализатор, ну и соответственно кидать чепчики в воздух. От этого я просто зверею и порву всех партнёров-противников.

Играли мы, естественно, на виртуальные деньги, записав, когда то каждому по миллиону рублей на счёт, ставка обычно была по одному рублю. На тот день по этому счёту я проигрывал 150 тысяч рублей. Пока мы разыгрывали первую партию, подошли завтракать и остальные наши — теперь уже можно сказать, соратники.

После того, как все позавтракали, началось спонтанное обсуждение сложившейся ситуации: о пережитых ощущениях и о судьбах родственников, друзей и подруг — женщины при этом непрерывно рыдали и всхлипывали. Это продолжалось часа полтора, потом мне это всё надоело и, обращаясь ко всем, предложил:

— Заканчивайте эти самоедские переживания, и бессмысленное обсуждение происходящих в мире событий. На это мы никакого воздействия оказать не сможем. Нам надо обсудить свои проблемы, и разработать план наших действий в сложившейся обстановке. И в первую очередь избрать руководителя нашей группы, а так же ответственного по расходованию наших продуктовых запасов.

Только они дают нам какой-то шанс на выживание. Именно эти выбранные люди должны установить нормы потребления продуктов на каждый день, а без этого в сложившейся обстановке обойтись никак невозможно.

Все восприняли это моё выступление с какой-то непонятной надеждой, как будто им показали выход из окружавшего их ужаса, Мы устроили голосование — за меня, как за руководителя группы, проголосовали все единогласно, других предложений даже и не возникло. Главным распорядителем наших запасов, после небольших прений выбрали Володю — в его честности и порядочности никто не усомнился. Главным силовиком — это я так пошутил, выбрали Сашу, его задача была организовать дежурства с наблюдением за подъездными путями, а так же организовывать отпор, если появятся банды мародёров. Я поделился с присутствующими своими опасениями по этому поводу:

— Искатели продуктов и других необходимых вещей могут появиться довольно скоро. Так как вся эта коммерческо-бандитская система перераспределения рухнет тоже очень скоро, если уже не рухнула. Никакие деньги — ни рубли, ни валюта, ни кому не будут нужны. Будут цениться реальные вещи, помогающие выжить: продукты, бензин, оружие, медикаменты, а скоро и уголь и другое топливо. В этом я полностью уверен.

Зная любовь и почитание наших людей, к официальным бумажкам, я заставил Вику написать протокол этого собрания — со смешками все его подписали. После чего объявил:

— Я принимаю первое не популярное решение — в течение недели выходить из дома не будем. А потом, в обязательном порядке, перед собственным выходом, выпустим на улицу на крыльцо — или собаку, или поросёнка и если с ним ничего не случится в течение трёх часов, то только тогда будем выходить сами.

Народу собак было жалко, поэтому решили выносить поросёнка.

Главным шеф-поваром я назначил свою жену Машу, её помощником Галю, они кроме приготовления пищи, должны были с участием — главного нашего медика Игоря — составлять ежедневное меню, исходя из наличия выделенных по установленным нормам продуктов. Нормы мы с Володей пообещали установить, когда подсчитаем все наши запасы.

Они у нас по большей части находились в железном сарае, и в сенях и их надо было переносить в подвал, чем и нужно заняться в первую очередь, пока неделю сидим в доме. Поэтому я объявил второе своё решение:

— Чтобы совсем не отсидеть свои задницы, играя в карты, будем переносить продукты из сеней в подвал, а когда воздух нормализуется, займёмся переноской туда же продуктов из сарая.

Потом продолжил:

— Скучать нам не придется. А кому станет грустно и тоскливо, может выйти во двор — подышать свежим вулканическим воздухом, тогда надеюсь, мозги-то быстро прочистятся.

Почему мы многие продукты разгрузили в сарай, а не сразу в дом или в гараж, было несколько причин. Во-первых, в дом было слишком долго, а мы спешили сделать больше ездов. В гараж мы не разгружали, чтобы не разбивать продукты на несколько частей, важно было, чтобы они находились в одном месте. Всё это из-за мышей, чтобы они не попортили наши запасы. У меня были две электронные акустические мышепугалки, привезённые из Гонконга. Они работали прекрасно, ни одна мышь не приближалась ближе, чем на 5–6 метров. Установив эти пугалки, можно было покрыть

ультразвуком территорию либо гаража, либо сарая, а так как было удобнее и легче разгружать даже тяжёлые вещи в сарай — так мы и делали.

Перед воротами в сарай, на столбах у меня была оборудована кран-балка, правда с ручной, двухтонной талью. И ещё, что тоже важно, склад был больше гаража и по всему периметру были сделаны удобные, четырёхсекционные полки. Уже сейчас у нас там хранилось больше 15 тонн продуктов. Картошка и другие овощи, привезённые из Галиного института, частично были складированы в снях. Чтобы компактно поместить продукты в подвале, там нужно было делать полки — этим после обеда мы и начали заниматься.

Доски, брус и фанеру, а также необходимые инструменты и гвозди, требуемые для сооружения полок, мы перенесли в подвал ещё ночью. Делали это больше даже для того, чтобы как-то отвлечься от поступающей кошмарной информации о катастрофе в Америке. Тогда никто не мог спать, и я решил, что нужно чем-то занять людей.

Всю неделю мы мастерили полки и переносили продукты из сней в подвал, а так же оборудовали места для нормального размещения наших животных. Для птицы сделали зарешёченный вольер с насестами, для поросят небольшие боксы, для собак поставили две будки, пчёл мы разместили на лоджии. Корма пока хватало, его принесли от Ирины, еще, когда эвакуировали животных.

Саша распределил смены для круглосуточного дежурства. Помимо наблюдения за окрестностями, дежурный должен был заносить в электронный журнал два раза за смену — температуру воздуха и атмосферное давление, а так же время восхода и захода солнца и долготу светового дня. Для этого Катя даже написала компьютерную программу. Кроме этого дежурные должны записывать все произошедшие значимые события и явления.

Например, второго ноября были замечены на небе следы множества метеоритов, на протяжении всей недели пепел продолжал сыпаться, и достиг к 5 ноября слоя в 3,5 сантиметра. Первого ноября днём стало очень сумрачно, и всю неделю света становилось всё меньше и меньше. Температура постоянно колебалась, но для ноября было не очень холодно, 5 ноября температура была -2 градуса по Цельсию.

Свободное время, которого было предостаточно, члены нашей коммун, проводили, либо, смотря фильмы по домашнему кинотеатру, либо читая книги, или, как мы с Володей и Колей — играя в карты. Молодёжь практически всё свободное время проводила в подвале, играя или в настольный теннис, либо в бильярд (несмотря на изготовленные полки и перенесённые из сней продукты, свободное место там ещё оставалось). Полки мы смонтировали по периметру подвала, и они не мешали этим играм.

Овощи мы начали размещать в малом отсеке подвала, под лестницей и в сауне. Баню решено было пока не использовать, было не до этого и к тому же это слишком большой расход электроэнергии. Если бы возникло желание и необходимость в бане, складированные там запасы овощей можно было легко и быстро вытащить.

Иногда мы все вместе смотрели фильмы по домашнему кинотеатру, или пели под караоке, или просто проигрывали аудиодиски — все эти функции входили в систему домашнего кинотеатра. Всего у меня было не очень много дисков: лазерных видеодисков было штук семьдесят, аудио дисков, записанных в формате МП-3, было около пятидесяти. За эту неделю никому скучно не было — каждый занимался интересующим его делом. Единственное, что было тяжело и давило на психику

— это находиться в информационном вакууме, не зная абсолютно ничего. Ни того, что творится в мире, ни куда в конце-концов мы катимся.

Поэтому все с облегчением, но и с опаской дождались седьмого ноября, когда мы решили выносить на крыльцо поросёнка — для тестирования качества наружного воздуха.

Глава 6

Утром 7 ноября, надев противогазы, Саша и Флюр пошли в гараж и привезли овощной зарешёченный контейнер, который занесли на крыльцо, или, как мы его называли предбанник. Крыльцо было довольно большое, боковые стены были заложены, прозрачными стеклблоками, крыша была из металлочерепицы, двери из прозрачного пластика, двойные распашные. За счёт парникового эффекта сейчас там было гораздо теплее, чем на улице. На лето эти двери легко снимались. Постелив на дно контейнера старый ковёр, чтобы животное не замёрзло, они положили несчастного, обиженного поросёнка туда, захлопнули крышку и быстро зашли обратно в дом. По их ощущениям на улице было совершенно нормально. Пепел был перемешен со снегом, поэтому было трудно понять, сколько его выпало, а вообще слой осадков не превышал восьми сантиметров. Видимость на улице была не очень хорошей. Солнца не было видно, всё небо в густых серых облаках, Но зимой иногда бывает такая погода и такая видимость.

Мы с нетерпением стали ждать окончания эксперимента, эти три часа тянулись невыносимо медленно. Наконец, отмеренное время подошло к концу. Флюр, надев противогаз, принёс поросёнка в дом, тот возмущённо хрюкая, вырвался из его рук. Мы от радости, что поросёнок жив, навалили ему полную миску варёной картошки, добавив туда остатки нашего завтрака. Он удовлетворённо начал чавкать, поглощая пищу.

После этого все мужчины вышли во двор осмотреться. В воздухе присутствовал какой-то запах, но не очень сильный. На ночь мы решили не отключать воздухоочиститель, несмотря на то, что фильтров тонкой очистки оставалось только пять штук, остальные четырнадцать мы уже использовали. Флюр ежедневно надевая противогаз, менял фильтр грубой очистки, который находился вне дома на улице, для этого он поставил рядом с воздухозаборником лестницу-стремянку. По два раза в сутки менялся и фильтр тонкой очистки, его можно было заменить, не выходя из дома.

На улице, хотя было ещё двенадцать часов дня — было сумрачно, полное ощущение, что уже около пяти и скоро будет вечер. В воздухе ощущалось наличие мелкой пыли — по-видимому, ветер раздувал выпавший пепел. Поэтому мы решили надеть строительные респираторы, у меня их было десять штук и заняться насущными делами — переносом продуктов в подвал, при этом Володя должен делать точный подсчёт всего, что у нас было. Сегодня никуда решили на вылазку не ходить и не ездить. В первую очередь нужно было разобраться со своими запасами, чтобы знать, на что мы можем в конечном итоге рассчитывать. На какое время нам хватит этих запасов и следует ли дёргаться, увеличивая их.

Хотя Володя всё пытался предложить идти вытаскивать его джип. Но я сказал:

— Если машина ещё не уехала, то до завтра точно не уедет. И вообще, что бы её вытащить, нужен трактор, а в округе он имеется только в деревне — у Ивана. А мы пока соберёмся, пока пообедаем, уже начнёт темнеть, а в нынешние времена в темноте, я, например, сначала бы стрелял, а потом разбирался, кто это и что ему было нужно.

Он согласился, что надо подождать до завтрашнего утра, но вынудил дать обещание, что первым делом завтра мы займёмся его машиной. Пообедав часа в четыре, мы продолжили переноску продуктов в подвал до десяти часов вечера. Хорошо, что двор у меня освещался со всех сторон — стояло несколько фонарей и ещё прожектор над крыльцом дома.

В районе девяти часов вечера небо прочертила яркая огненная полоса, и раздался сильный взрыв, даже стёкла зазвенели. Дежурившая в этот момент на наблюдательном пункте Катя потом рассказывала:

— Жуть! Я видела сам взрыв, он произошёл километрах в четырёх от дома, на краю поля, рядом с лесом и даже заметила, как упало несколько деревьев, находящихся неподалёку.

Ночью тоже было несколько близких взрывов, метеоритная бомбардировка нарастала, и я молил Бога, что бы метеорит ни упал на нас.

Хотя сон был тревожный, нарушаемый громкими взрывами, я, как ни странно, встал в 7 часов утра с совершенно свежей головой и с желанием что-нибудь сделать нужное и полезное. К восьми часам встали и все остальные. Конечно, у многих вид был невыспанный, видно прошедшая ночь далась им нелегко. Позавтракав, начали обсуждать сегодняшние планы. Сошлись на мнении, что в первую очередь сегодня надо вытаскивать машину Володи — потом будет намного труднее, всё засыплет снегом и даже пробиться к ней на поле будет проблематично. Так же надо добраться до Пушино, узнать, что творится в большом мире. И надо было продолжать запасать топливо и провизию, ведь прогнозы по последствиям взрыва вулкана были ужасными, а длительность наступающей после этого взрыва «Вулканической зимы», оценивалась лет в пять-десять. Никто уже не сомневался в самых негативных вариантах прогноза полученного из интернета.

На работу по вытаскиванию застрявшего джипа договорились ехать на моей машине вчетвером: Володя, Коля, Саша и я. Взяли с собой три лопаты, ломик и имеющуюся у меня ручную лебёдку, предназначенную специально для таких случаев. Ей очень удобно вытаскивать застрявшие машины, не нужно никакого упора, она одним концом просто вворачивалась в землю. Взяли с собой так же два ружья, на всякий случай. Всего у нас было три ружья, два моих и один карабин Николая, его карабин мы и оставили Флюру, для охраны нашего дома. Хорошо, что Коля принёс его ко мне до обрушения своего дома.

Мой «мерин» с трудом, но пробирался по засыпанной снегом вперемешку с пеплом дороге — все-таки АВС и шипованная резина весьма способствовали этому. После нас оставалась колея спрессованного пепла. И думалось мне — ехать обратно по этой колее будет гораздо легче. Минут за пятнадцать доехали до трещины в асфальте, она действительно оказалась шириной более метра, невдалеке на поле увидели и занесённую снегом и пеплом машину Володи.

Почти что час мы вчетвером пытались её вытащить, но даже при помощи лебёдки удалось протолкнуть её всего-то меньше метра. И мы решили ехать в деревню за трактором, тем более что тракториста Ивана трое из нас хорошо знали, именно он зимой чистил дороги в нашем посёлке. Еле развернувшись, поехали в деревню, она находилась, где то километрах в трёх от этого места.

Приехав туда, мы не увидели ни в одном доме признаков жизнедеятельности. В деревне царили тишина и запустение, неслышно было даже лая собак, обычно присущее этому месту. Подъезжая к дому Ивана, я едва не раздавил останки одной из них. Выйдя из машины, мы почувствовали даже через респираторы запах гниения, этот процесс происходил даже, несмотря на минусовую

температуру.

Войдя в дом, мы увидели труп Ивана с обмотанной вокруг рта и носа марлевой повязкой, он сидел за столом, а рядом стояла недопитая бутылка водки. Около стола на диване, в позе эмбриона, лежал труп его жены Светы. Запах в комнате стоял тошнотворно-сладкий. Мы очень быстро выскочили на улицу, никто даже не попытался осмотреть трупы, итак было всё ясно. Они отравились, вдыхая ядовитый воздух, и при этом Иван понимал, что воздух отравлен, наверное, по запаху. Он попытался сделать защиту из марли, но ничего не помогало. Поэтому он взял и просто напился и, дал изрядную дозу жене. Бутылка на столе была емкостью в один литр, и она была практически пуста. Кроме этого, на полу рядом со столом валялась еще одна пустая бутылка.

Вообще-то он умер достойно. Как мог, попытался спасти себя и свою жену. А когда понял, что ничего не получается, не суетился, не пытался куда-то бежать, ища спасения любой ценой. А просто взял и напился вместе с женой водки, от безысходности и чтобы не было так больно и тяжело. Я уважал таких людей, которые, несмотря ни на какие обстоятельства, не будут, унижаясь и суеясь, стремиться спастись любой ценой.

Выйдя из дома Ивана, мы даже сняли респираторы и закурили. На душе было очень тяжело. Но надо было действовать, нас дома ждали наши родные и близкие, и если бы мы опустили руки, пропали бы все. Поэтому покурив, надев, обратно респираторы, мы пошли искать трактор. Он стоял в большом сарае. Коля, как опытный механик, довольно быстро его запустил, и мы поехали вытаскивать наш джип.

При помощи трактора мы довольно быстро вытащили машину Володи и на двух машинах и тракторе поехали домой.

Приехав и рассказав всем о положении дел в деревне. На холодную голову проанализировав всё увиденное, мы пришли к выводу, что отравление воздуха какими то — вулканическими газами всё-таки было. И эти газы имели такую концентрацию, что люди и животные погибали от этого и, по видимому это происходило по всему Земному шару и скорее всего, чем ближе к супервулкану, тем концентрация ядовитых веществ в вулканическом газе, выше. Правда мы надеялись, что в наших городах такого ужаса не должно быть, ведь всё-таки там есть специалисты, оборудование, противогазы, да и бомбоубежища, оборудованные системами очистки воздуха. Так же мы решили, что из деревни надо вывезти все запасы продуктов, а запасы овощей, солений и варенья у них должны быть наверняка.

Поэтому после обеда мы уже вдвоем, то есть все мужчины, включая сына Николая, поехали на Газели, тракторе и моём фургоне в деревню, собирать всё, что нам может пригодиться, в первую очередь, конечно, продукты и топливо. Обойдя обжитые дома, мы выяснили, что продуктов и особенно овощей в деревне действительно много и нужно порядка семи-восьми ездов на Газели, чтобы вывезти продуктовые запасы с крестьянских дворов. А в деревне был ещё небольшой продуктовый магазин, там тоже было различного товара на 3–4 ездки.

Начали погрузку с дома Ивана, у него в погребе было мешков тридцать картошки. На наше счастье ещё не засыпанной в деревянный короб. Было килограмм пятьдесят муки, а также много лука и чеснока, связанных в косу. Кроме этого стояли две бочки с квашеной капустой и бочка с засоленными огурцами, были и солёные грибы и двадцать литровых банок с вареньем и много ещё других продуктов. В сарае Саша нашёл самогонный аппарат, видать старый и заслуженный. Его мы

тоже решили увезти, всё-таки техника, которая может пригодиться.

Ещё у Ивана стояла во дворе 1000 литровая бочка на колёсах, заполненная доверху дизельным топливом. В общем, видать по характеру он был наш человек, такой же куркуль. Для перевозки найденных вещей и продуктов мы решили использовать трактор Ивана, благо большой прицеп к нему стоял возле дома. Мы вообще чувствовали себя как бы его наследниками, тем более именно мы похоронили их с женой и помянули, приняв по пятьдесят грамм водки у их могилы, на огороде. Вывоз и загрузка продуктов и других необходимых нам вещей только из дома Ивана заняла всё время до позднего вечера, несмотря на использование трактора с прицепом. Для того чтобы было всё видно, был привезён маленький бензогенератор, с его помощью осветили подвал с домом и весь двор.

На следующий день подъём был опять в семь часов утра. После завтрака и небольших сборов, в восемь часов мы опять приступили к вывозу запасов из деревни. Кроме продуктов, решили ещё вывозить и корма для наших животных, для свиней тонны три силоса, для птицы нашли довольно много зерна пшеницы, гречихи и ячменя. В целом по всей деревне нашли тонны четыре зерна, оно было всё обмолочено и хранилось в мешках. За счет деревни наши запасы резко увеличились, особенно овощей и солений. Повысило уровень наших запасов и наличие в деревне магазина, правда там из товаров были в основном водка и сигареты. Водки было тридцать четыре полных ящика, она была дешёвая и скорее всего палёная, более-менее неплохой водки было 5 ящиков, два Московского Кристалла и три Тульского завода, было много сухих вин в ассортименте и Шампанского. Пиво было всё попорчено, стеклянные бутылки лопнули от минусовой температуры, а в пластиковых бутылках была не жидкость, а лёд.

Из оставшегося товара, больше всего нас порадовала соль и специи, а так же чай, кофе, и разнообразные консервы, одного чая там было ящиков шесть. Всего из магазина мы сделали четыре ездки на Газели — значит, всего вывезли не меньше семи тонн продуктов и напитков, машину мы грузили с перегрузом, ехать было совсем недалеко. За весь день, а работали мы опять до десяти вечера, нам так и не удалось вывезти всё из деревни. Нужен был ещё минимум один день для вывоза всех найденных продуктов и вещей.

В течение всего этого времени, мы слышали отдаленные звуки взрывов метеоритов, но близко, ни один из них не падал.

Загрузив в десять часов вечера последнюю машину, мы поехали домой. Хотя был поздний вечер, но на улице было не очень темно, всё небо светилось от огненных траекторий падающих метеоритов, везде стоял красный, пульсирующий полумрак. Было немного жутковато, световая гамма была, как будто с картины о страшном суде и если бы не нахождение рядом моих товарищей, можно было бы сойти с ума.

Приехав домой и, разгрузившись, сели за поздний ужин — общее подавленное настроение немного уменьшил Флюр, у него вообще очень часто в разговорах проскакивали смешные истории и шутки. Он, как и Николай, был природный оптимист и весельчак — только несколько флегматичный. На стенания женщин по поводу того, что мы заняли овощами баню, душ на первом этаже, очистителем воздуха, и места, чтобы помыться и принять душ, оставалось только одно на всех — на втором этаже и туда были постоянные очереди. Он заявил:

— Женщины очень ленивые — они любят мыться, потому что им — лень чесаться.

Мы все долго смеялись над этой шуткой. Потом начали делиться впечатлениями от поездки в деревню. Во-первых, всех удивило, после увиденного в доме Ивана, что во всех обойдённых домах мы нашли ещё только три трупа — повсеместно находили, только мёртвых животных и было видно, что они погибли не сразу. Во-вторых, можно было разглядеть множество старых следов машин практически от всех жилых домов, даже старые полузанесённые колеи от транспорта угадывались на этом неповреждённом, снежно-пепельном покрове. По ним Саша определил, что проделаны они, были пять-шесть дней назад.

Из всего этого мы сделали вывод, что вулканический газ был, не настолько ядовит, что бы сразу убить всех. Кроме Ивана с женой, остальные трупы были людей преклонного возраста. И значит, остальное население деревни успело эвакуироваться, скорее всего, в Пушино. Правда, в большой спешке, об этом говорило большое количество брошенных овощных запасов. Очень настораживал тот факт, что больше в деревню никто не возвращался. Хотя на удивление — деревянные деревенские дома, от землетрясения пострадали незначительно.

Так же мы заметили, что в стоящих на пригорке двух домах не было найдено ни одного мёртвого животного, только сломанные заборы и еле заметные следы, уходящие по полю в сторону леса. Да и наши женщины видели сегодня, несколько летающих птиц. Выходило, что газ, скорее всего, был тяжелее воздуха и скапливался в низинах. А деревня как раз и находилась в ложбине, на берегу небольшой речушки. И ещё мы заметили, что следы из деревни вели не на Пушинскую трассу, а в сторону леса, значит, там был проезд, а про трещину на шоссе жители деревни, наверное, знали. По следам на шоссе было видно, что несколько машин к трещине за эти дни подъезжали, но разворачивались и уезжали обратно. На дороге перед трещиной со стороны Пушино было видно, что снежно-пепельный слой на шоссе довольно сильно утрамбован и последняя машина подъезжала не далее как вчера.

После обсуждения всех этих наблюдений и предположений, на душе у всех стало намного легче, всё-таки мы остались не одни. Тем более, у нас случилась большая радость, пока мы сидели, Максим поймал по транзистору, по УКВ диапазону работающую радиостанцию — это была местная Серпуховская станция. Хотя он ловил на небольшую транзисторную антенну, качество приёма было неплохое, речь диктора можно было разобрать, хоть иногда она и прерывалась помехами.

Подсоединив приёмник к большой антенне. Мы добились приёма хорошего сигнала практически без помех — ведь до Серпухова было не больше двадцати пяти километров.

По радио передавали довольно-таки безрадостные новости. После всемирного землетрясения, вызванного взрывом вулкана в Америке на территории США. Большие разрушения произошли и в городе Серпухове. Рухнуло двадцать три многоэтажных дома, множество домов сильно пострадало — включая и малоэтажные частные дома. По предварительным подсчётам погибло более двадцати тысяч человек, гибель людей усугубил ядовитый вулканический газ, принесённый в окружающую атмосферу силой колоссального взрыва. Так же несколько сотен человек по Серпуховскому району погибло в результате падения метеоритов — на территории города зафиксировано падение семи метеоритов.

С отравленным воздухом при отсутствии противогаса по радио советовали бороться — делая в несколько слоёв марлевую повязку для носа и рта и поддерживая её во влажном состоянии. Концентрация газа, становилась опасной для жизни на высоте ниже 3–4 метров над землёй.

Нахождение на верхних этажах зданий было вполне безопасным. Так же там успокаивали тем, что ядовитые компоненты вулканического газа недолговечны и при обычных условиях распадаются в течение 7-10 суток.

Связь с Москвой в городе функционировала только по кабельной связи. Положение там тоже очень тяжёлое, число жертв исчисляется семизначными цифрами. Воздушное сообщение полностью остановлено. Полёты любых видов аппаратов невозможны — ввиду сильной турбулентности и наличию в атмосфере большого количества пепла.

Ещё по радио через каждые полчаса, повторялись призывы регистрироваться на пунктах гражданской обороны — давались их адреса, и сообщалось, что вводится снабжение продуктами по карточкам, которые будут выдаваться только зарегистрированным на этих пунктах. Так же сообщалось, что по всей стране вводится, «Чрезвычайное положение» и все случаи мародёрства будут решительно и жестоко пресекаться прямо на месте преступления. Вводится патрулирование города воинскими подразделениями.

Нас, в принципе, обрадовали сообщения по радио, хотя они были, мягко сказать — принеприятнейшими, но факт наличия людей, которые пытались взять ситуацию под контроль и облегчить выживание людей, нас успокаивал. Было важно знать, что где то существует власть, которая занимается своим прямым делом и обязанностью — снабжением и защитой своих граждан. Правда, у всей нашей мужской половины были большие сомнения, что при таком уроне возможна быстрая нормализация обстановки.

Тем более при таких чиновниках, которые больше смотрят на свой карман, чем на нужды людей и в этой обстановке будут любыми путями обеспечивать в первую очередь себя, своих близких и своих подельников. Не понимая, что такими действиями обрекают и себя и других на верную гибель. Привычный их образ жизни, что можно вылезти за счет других, умея угождать вышестоящему начальству — сейчас вряд ли пройдёт. Просто таких легковерных дурачков эти «хозяева жизни» уже не найдут — они тихо вымрут. Их просто не пустят на этот спасательный плот жизни — будут спихивать любыми путями. Ведь эта чиновничья армия никогда не понимала обычных людей, — что только за счет их незаметного безропотного труда — она и могла существовать. Как правило, чиновники практически ничего не умели и не желали принимать самостоятельно никаких решений. Принципы: «круговой поруки» и «не высывайся — убьёт» уже перешли у них на уровень инстинктов. Исторический опыт тысячелетий показывает, что в тяжёлые времена только забота о других — объединение с целью выживания дают шанс на существование. Но центральная власть вряд ли об этом думает, а если и думает, то вряд ли что-нибудь сможет сделать — инстинкты за несколько недель не изменить, а новых людей, эта чиновничья камарилья вряд ли допустит до власти.

Наши военные, Саша и Флюр, в один голос утверждали, что имеющимися в наличии военными контингентами, порядок навести, не удастся, что самые дисциплинированные и боеспособные части находятся на Кавказе, а при таких условиях транспортного коллапса, их невозможно оттуда быстро доставить. Воздушный транспорт не действует, наземный — исходя из видимых нами трещин дорожного полотна и информации о разрушенных землетрясением домах, сооружений и мостов — тоже вряд ли функционирует.

В общем, проговорив, таким образом, до часу ночи, мы всё-таки заставили себя разойтись. Завтра

надо было вставать пораньше, световой день значительно сократился, а надо было успеть перевезти все запасы из деревни домой, а то найдутся любители лёгкой наживы и без нас. Наши женщины в один голос заявили, что теперь они поодиночке дежурить ночью не будут — очень страшно. Вид из окна действительно открывался не для слабонервных: мерцающий красно-бордовый цвет неба, долетающие звуки отдалённых взрывов давили на психику. Поэтому мы решили, на эту ночь дежурства отменить, а завтра женщины будут дежурить по двое — заодно постоянно слушать приёмник и записывать важные новости и сообщения.

Встал я по будильнику в восемь часов утра. Все уже, как на работу, начали собираться на выезд по зачистке деревни от продуктов. Мы надеялись за сегодня, наконец, всё закончить. А завтра попытаться проехать в Пущино и вообще, осмотреться. В город хотели поехать по следам, оставленными деревенскими жителями. Несмотря на продолжающийся изредка падать пепел и снег — колеи, проделанные несколькими машинами, наверняка останутся.

Приехав в деревню, сразу приступили к погрузке. Оставалось ещё перенести запасы из трёх домов. В это время Саша пошёл по второму разу осмотреть уже вычищенные дома. Вдруг мы что-то пропустили. И, действительно, в доме Ивана мы пропустили занавешенную настенным ковром нишу — где лежало охотничье ружьё Сайга МЗ, 12 калибра и довольно много патронов и непонятно зачем нужные Ивану три гранаты ф-1. Как пошутил Флюр:

— Если ещё поискать, то наверняка найдём и пулемёт Максим, а может что и покруче...

Мы обрадовались находке, всё-таки оружия у нас было маловато. Зато теперь был целый арсенал: четыре ружья с 315 патронами из них 157 с крупной картечью, также три гранаты ф-1 и ещё ракетница с 12 выстрелами — её мы тоже нашли в одном из домов. Из интересного, мы нашли ещё один самогонный аппарат и литров десять самогонки, ткацкий станок «Веритас» с большим запасом ниток, кроме этого, нашли большой аквариум с рыбками и водной растительностью. Как ни странно, рыбки были живы, и аквариум цел, вода там не замёрзла — видно дом сохранил тепло. Все работы мы закончили в девять часов вечера и поехали домой.

Вывезли всё, что можно, даже нарубленные дрова.

Глава 7

В этот день мы опять работали без обеда, поэтому ужин был плотным, и он затянулся до одиннадцати часов. Сигналы радиоприёмника опять начали давать сбои. Правда, там никакой новой информации не было, повторяли всё одно и то же.

У нас сени были полностью заставлены привезёнными продуктами, оставался только проход и немного места для животных. Женщины не успевали перебирать привезённые овощи. Мы решили хранить их в деревянных коробах, пересыпая слои песком, как это делают в деревнях. Делать короба и переносить овощи в подвал решили завтра. Хорошо всё-таки я поставил в подвал подъёмник, а то переноска заняла бы кучу времени и сил — причинила бы массу неудобств. Короба договорились делать из расчёта того, чтобы туда влезало, не более 20 килограммов овощей и чтобы его легко можно было поставить на подъёмник, а потом на полку в подвале — песком пересыпать, тут наверху.

Обсудив все эти внутренние вопросы нашей жизни, мы не успокоились и всё-таки решили, что Володя, Коля и я — отправятся на разведку в Пущино на Володином джипе. Остальные же займутся изготовлением коробов и переносом привезённых овощей в подвал, женщины продолжают

наблюдение и дежурство, а также переборку овощей. После этого все отправились по своим комнатам отдыхать. Вставать решили опять в восемь часов, раньше не имело смысла — светать начинало не раньше девяти часов. Сегодня, ночное дежурство решили тоже отменить, вряд ли кто-нибудь в такую страшную ночь решит проникнуть в наш посёлок — тем более в незнакомое место. Утро, как уже повелось, было сумрачным, солнце даже и не проглядывало, температура была около минус пяти градусов по Цельсию, снега не было, пепел тоже практически не падал. Все быстро позавтракали и отправились выполнять поставленные вчера вечером задачи. Мы, втроём заправив Володину машину под завязку бензином, тронулись в путь.

Поехали мы на всякий случай вооружённые, взяли с собой два ружья: мою Сайгу и карабин Николая, а так же, на всякий случай, я захватил одну гранату. Ребятам для отпугивания мародеров оставили всё остальное оружие, дежурившим девчонкам выделили ракетницу со всем наличным запасом выстрелов. Это было сделано для их успокоения и, чтобы в случае чего, они могли подать сигнал. Мы решили ехать через деревню по следам уехавших жителей. Через трещину решили не ездить, хотя и сколотили из брусьев два трёхметровых мостика, шириной по сорок сантиметров, их положили сверху на багажник. Также, на всякий случай, захватили с собой ручную лебёдку и две лопаты. Добравшись до деревни, мы медленно поехали по проложенным следам. Так петляя, километра через три, выехали на просёлочную дорогу, которая вывела нас на Пущинскую трассу, вблизи самого города.

Первое, на что мы обратили внимание при въезде в город, что у заправки стояла БМД, и не далеко от неё был сложен бруствер из мешков с песком, но солдат не было видно. У дороги тоже не было никакого поста, и никто въезд и выезд не контролировал. Дороги были нечищенные, по краям встречались какие-то обломки, видно их просто сдвинули в сторону от колеи. Виднелось несколько обрушенных многоэтажек, при снятом респираторе, ощущался запах гари. У развалин домов, кое-где виднелись группы людей, роющихся в руинах.

Мы не стали подъезжать ни к одной группе, чтобы выяснить обстановку, у нас была первоочередная цель — ехать к родственникам Коли и попытаться вывезти их к нам в посёлок. Потом нужно было заехать домой к Володе, захватить кое-что из личных вещей и тоже попытаться найти и вывезти его родных. Потому что проблем в городе было явно предостаточно, это было видно даже нам, находящимся здесь всего 15 минут. Во-первых, мы заметили в некоторых окнах уцелевших домов печные трубы, которые нешадно дымили — значит, централизованное отопление отсутствовало. Несмотря на сумрачный день, нигде не было видно электрического света — значит, и электроснабжения не было. А что такое город без электричества? Это значит отсутствие воды, да и канализация, скорее всего, не действует.

Редкие прохожие провожали нас внимательными взглядами — проезжающие машины здесь стали в редкость. На лицах практически всех прохожих мы видели защитные марлевые повязки. Дом родственников Володи был от нас ближе всего, он стоял в старом городе практически напротив центрального входа в Научный центр, ближе к реке Ока. Это была старая девятиэтажка, построенная ещё во времена Брежнева, подъезжать к ней нам нужно было мимо длинного двенадцатиэтажного шестиподъездного дома. Он был практически цел, только последнюю секцию пересекала трещина, и почти во всех окнах вылетели стёкла. Объехав дом, мы упёрлись в трещину в асфальте, шириной более двух метров, она тянулась, и по грунту, постепенно расширяясь.

Девятиэтажки, где проживали тесть и тёща Володи, просто не было, лежала большая куча обломков здания, похожая на те, которые я когда то видел по телевизору, после землетрясения в Нефтеюганске на Сахалине.

Мы стояли просто в шоке, таких разрушений мы ещё не видели. По-видимому, такое обрушение произошло не только в результате землетрясения, но и вследствие сползания грунта к реке, ведь дом находился совсем недалеко от высокого берега реки. Чтобы попасть к останкам девятиэтажки, нам не пришлось перекидывать через трещину наши мостики, привязанные на багажнике джипа. Невдалеке уже был переход, сделанный из пролёта железного заборчика с положенными сверху досками.

Мы подошли к руинам дома, там копался в развалинах какой-то человек. Коля его окликнул — он сначала сильно нас испугался. А что, трое мужиков, одетые в камуфлированные куртки, двое из них с оружием — моя Сайга была копией автомата Калашникова, только ствол толще. Поэтому он дёрнулся убежать, но понял, что быстро выбраться из развалин ему не удастся. И молча на нас, смотрел, жалко улыбаясь. Правда, Володя его быстро успокоил, сказав:

— Мы приехали за родственниками, увезти их в деревню. А тут такая трагедия! Мы вообще нечего не знаем, что творится и творилось в городе. Можно ли где-нибудь узнать о судьбе проживавших в этом доме людей?

Мужчина вышел к нам, его звали Дима, мы угостили его сигаретой и пригласили в машину пропустить грамм по сто пятьдесят водки и помянуть погибших. А я видел, что Володе, да и Николаю это было надо. Необходимо было сбить весь этот стресс, ведь это был их родной город, а у Володи вообще тёща и тесть, скорее всего, погибли. Мы с собой на всякий случай захватили целый ящик водки, вдруг надо будет что-либо выменять, либо о чём-то договориться, а водка в такой ситуации самая лучшая валюта.

Дима с удовольствием согласился разделить с нами компанию. Кроме водки у нас были бутерброды с сухой колбасой, привезённой ещё из Москвы, банка сайры и варёная картошка с солёными огурцами, всё это было заботливо собрано на обед, нашими женщинами, вместо хлеба, были лепёшки, выпечённые моей Машей ещё вчера. Дима с жадностью набросился на разложенную Николаем еду, и с набитым ртом начал отвечать на наши вопросы:

— Сам момент обрушения дома я не видел, но совершенно точно это было уже после землетрясения, минут через пять, потому что у меня в квартире всё начало качаться вылетели стёкла и погас свет около восьми часов вечера. После этого я почти сразу вышел на балкон посмотреть, что же это творится вокруг — сначала я подумал, что это происки террористов. Выйдя на балкон, едва успел выкурить сигарету, когда раздался жуткий грохот, после чего я собрался и выбежал из дома на улицу, всё было в пыли, везде метались люди, было ничего не понятно. Обойдя дом, только тогда и увидел эту ужасную картину. Выломав пролёт забора с соседями сделали мостик через трещину — правда, с того времени она увеличилась сантиметров на пятьдесят. Сделав мостик и перейдя к разрушенному дому, мы встретили человек десять жителей этого дома, успевших после первых сотрясений покинуть девятиэтажку. Пожилых, мужчину и женщину, описанных вами, я не видел. Но, ни одного пожилого человека там не было. Все собравшиеся попытались как то разобрать эту кучу, но без техники и в темноте, это было бесполезно — ничего не получалось и я пошёл домой. Все остальные тоже разошлись, пострадавшие вроде собирались направиться в местный исполком — так как никто из ответственных чиновников на место катастрофы так и не приехал. Оставшиеся без

дома даже не знали где им ночевать, во что одеваться и чем питаться, а шёл уже второй час ночи. Рассказывая всё это, Дима не забывал потреблять водку и после второй пятидесяти граммовой дозы, его слегка повело, но он стал более разговорчив и откровенней, начал рассказывать о несчастьях, которые свалились на него и его семью в эти последние десять дней.

После того, как пришёл с развалин обрушившегося дома, первым делом пришлось вставлять стёкла в окна. Хорошо у меня на балконе, по заказу моего товарища, было приготовлено несколько комплектов для установки на его дачу. Когда установил, спать совсем не хотелось, хотя было уже полвторого ночи, жена тоже не спала, мечась по квартире от одного окна к другому.

Кстати когда пришёл, света в доме не было, на мой седьмой этаж пришлось подниматься пешком, ощупывая стену, чтобы как-то ориентироваться и не упасть. Жена, причитая, бросилась ко мне с вопросами, что происходит и долго — ли всё это будет продолжаться, ведь завтра утром, когда встанут дети, ей не на чём будет приготовить им завтрак — воды тоже нет. Оттолкнув её, я закричал — что сам ничего не знаю и не понимаю. Скорее всего, произошёл оползень, и соседний дом развалился — поубивав кучу народа, на улице образовалась громадная трещина и коммуникации, наверное, все повреждены. Как ни странно, этим я её немного успокоил, особенно словами — о больших жертвах в соседней развалившейся девятиэтажке. Наверное, она почувствовала облегчение, что мы-то живы и никаких повреждений кроме разбитых стёкол, в квартире не было — ну а коммуникации всё равно дня через два починят.

Я предложил жене, чтобы окончательно успокоится — давай примем коньячок, который был приготовлен для подарка тестю на день рождения — тем более я замучился и замёрз. Немного подумав, она дала добро — бутылку мы уговорили, где то за час и только после этого смогли уснуть. Наутро я злой и невыспанный встал, чтобы идти на работу, воды так и не было, умываться было нечем. Неожиданно заработала радиоточка на кухне. По ней передавали, что произошло катастрофическое землетрясение из-за взрыва вулкана в Америке, и чтобы все сохраняли спокойствие, все меры по ликвидации аварий будут приняты. Прослушав сообщение, я отправился на работу в местную типографию — работал я там электриком. Зарплата была небольшая, но я ещё подхалтуривал на стороне — по крайней мере, на покупку машины и на жизнь хватало.

Прейдя на работу, я узнал, что временно типография работать не будет и всех собирают в клубе Биологического центра к десяти часам. Там сейчас организован штаб Гражданской обороны, будет проведена информационная лекция, и будут распределять на работу. Пока не заработает типография, работать придётся там, зарплата будет такая же. Прейдя в клуб, я услышал то же самое, что передавали по радио, единственное дополнение, что, судя по снимкам из космоса, разрушения наблюдаются по всему миру, а Америке вообще — хана. Из космоса Центральную и Северную Америку совершенно не видно, слишком плотные облака, смешанные с пеплом и другими выбросами вулкана, даже радиосигналы не проходят, и информации о положении дел в странах расположенных там совсем нет. Так же там нас предупредили, что и в сторону России идут эти облака.

Было объявлено, что вводится чрезвычайное положение и временно, до нормализации обстановки, вводится карточная система распределения продуктов и топлива. Только по карточкам, которые для работающих будут выдаваться здесь, а для неработающих и детей в домоуправлениях по месту прописки — можно будет получить продукты, бензин и другие, жизненно необходимые вещи.

Все магазины, заправки и другие торговые точки закрываются, а имеющиеся в них товары изымаются под расписку, для будущей компенсации. Они говорили, конечно, правильные вещи, но я лично видел, направляясь сюда — как несколько парней громили коммерческий ларёк. А прохожие после отъезда этих бандитов с добытым пивом и другими товарами, которыми они загрузили свой БМВ, принялись разбирать остатки товара, я тоже успел урвать блок сигарет «Бонд» и несколько шоколадок. Все это происходило днем, и никакая власть им не помешала.

Между тем, зарегистрировавшись, я получил пока назначение в бригаду по расчистке улиц. Как сказал главный по распределению на работы:

— Тебя обязательно привлечем к работе по специальности. Нужно только чтобы прояснилась ситуация с подачей электроэнергии — без неё не получится подать воду и тепло в дома.

Специальность на будущее нужная.

На мой вопрос:

— А как же сейчас людям брать воду?

Он ответил:

— Машины водовозки на все районы города уже выделены. Они по графику будут развозить воду.

И пошутил:

— От жажды никто не умрёт.

Нашей бригаде в двадцать человек выделили трактор Беларусь, автобус ПАЗик, самосвал ЗИЛ и каждому по лопате, было ещё три ломика. На наше возмущение по поводу низкой механизации, нам объяснили: — тяжёлой техники и так не хватает и она вся будет занята на разборке завалов зданий. Каждому зарегистрированному выделили по пятилитровой бутылке воды, по две пачки галет, плавленый сыр Виола и банку рыбных консервов. На сборе нашей бригады всех отпустили на два часа домой, отнести полученные продукты и сообщить родным, где мы и чем заняты. Телефоны ни у кого не работали. К двум часам дня все должны были собраться у дороги, напротив главного входа в Биоцентр, туда же должна была подъехать и выделенная техника.

Принеся домой полученные и добытые мной товары, я рассказал жене обо всей ситуации, творящейся в мире и в нашем городе, и сказал ей, чтобы она не тянула, а пошла, регистрироваться и получать талоны в домоуправлении на детей и на себя. После чего, пошёл на новую работу.

Мы работали по расчистке дорог, где то часа два, потом нас сняли и направили на разборку рухнувшего дома возле кинотеатра. Людей не хватало, а там была надежда найти хоть кого-нибудь живого. Всем выдали по противогазу и респиратору. Без респиратора работать там было невозможно. А в некоторых местах из-за произошедших утечек газа, было невозможно работать уже и без противогаза. Наша бригада работала без перерыва до девяти часов вечера, место работ освещалось прожекторами от дизельгенератора. К девяти часам прибыла бригада сменщиков, и я отправился домой.

Кстати, нам выдали ещё и небольшие фонарики с запасными батарейками. Придя домой, поужинал холодной пищей. Жена, правда, обнадёжила, сказав:

— С завтрашнего дня можно будет получать горячее питание в институтской столовой, я взяла на всех талоны — но правда только один раз в день.

Я её слушал в пол уха, был ужасно вымотан и, несмотря на довольно ощутимую прохладу в квартире, просто рухнул на кровать спать. Проснулся в пять часов утра, на улице было ещё темно, в

квартире было холодно, на комнатном термометре было девять градусов.

До работы я собирался на машине доехать, взять пустую 250 литровую бочку, которую вчера нашёл и припрятал, когда мы чистили дорогу. Из неё я собирался делать печку, типа — буржуйки. Вчера я понял, что скорой подачи электричества и тепла не предвидится, а при такой температуре в квартире мы быстро вымерзнем — как мамонты. По пути я хотел заехать и в хозяйственный магазин неподалёку. Вчера вечером я заметил, что магазин вскрыли и что-то там таскали. Не позавтракав, так как горячего ничего не было, а сухая и холодная пища в рот не лезла, я пошёл к машине, завёл её и подъехал к магазину.

Действительно кто-то там уже побывал. Очень осторожно, оставив машину метрах в пятнадцати от магазина, я влез в разбитую стеклянную витрину. Решётка, раньше стоявшая тут, была вырвана с корнем, наверное, её вырвали при помощи троса, привязанного к автомобилю. Включил фонарь, вокруг было всё перевернуто, некоторые полки были опрокинуты. Вот сволочи — подумал я: — ну вскрыли, ну взяли, что вам было нужно, зачем же портить остальной товар — а товара оставалось ещё много.

Мне для печки нужны были дымовые трубы, и они тут были, я взял нужное мне количество, а также одну полуметровую трубу «сэндвич» для прохода через окно и отнёс это всё в машину. Вернувшись, нашёл ещё два двухметровых листа из нержавеющей стали, свернул их в трубу и тоже отнёс в машину. Потом я в три полиэтиленовых пакета собрал разную мелочь, которая может пригодиться для изготовления печки. К своей радости, нашёл и термогерметик, теперь будет чем заделывать щели в печке.

Я торопился, не стоило оставаться там слишком долго, а то ещё кто ни будь, увидит. К тому же скоро идти на работу, а нужно ещё привезти бочку и перенести всё домой. Набив пакеты, я поехал за бочкой, потом вместе с женой затаскивал её на свой седьмой этаж, затем мы вместе переносили всю мою сегодняшнюю добычу. Так что еле успел к девяти часам подойти на работу, ведь надо было ещё успеть забежать в институтскую столовую, съесть свой горячий завтрак, (всем участвующим в спасательных операциях выделили дополнительные талоны на завтраки в столовой).

В этот день мы были опять направлены на разбор завалов рухнувшего дома. Я видел много людей, которые поселились в здании института, все-таки здесь было электричество от дизельгенератора и было гораздо теплее. Сам тоже подумывал, не эвакуироваться ли и нам сюда, но людская скученность, (практически везде стояли раскладушки и железные кровати), а также надежда на изготовление печки, удерживали меня от этого.

Работали мы часов до двух, но потом прекратили, мешали осадки в виде какого-то пепла и очень неприятный запах, даже в респираторе. У людей, которые долго дышали этим воздухом без противогаза, начинала сильно болеть голова и подступала тошнота.

По команде мы все эвакуировались в здание штаба в бывший кинотеатр. Там просидели два часа, пока учёные из института делали анализ воздуха. Я очень беспокоился за свою семью, но меня успокоили, сказали:

— По трансляции уже объявили об опасности отравления воздухом, и сообщили инструкцию по поведению, что нужно закрыть все окна и заклеить щели, а в вентиляционную систему квартир вставить в решётки несколько слоёв марли, которую следует поддерживать во влажном состоянии. Через два часа выступил профессор из института и объяснил:

— Это вулканический газ и в небольшой концентрации он не смертелен и он тяжелее воздуха. Поэтому он вряд ли поднимется выше пяти метров, тем более, рядом низина, русло реки, и этот газ, по любому будет стремиться туда и выветриваться из города.

Газ этот через неделю, даже в низинах должен полностью распасться на безопасные фракции и вообще, людям выше третьего этажа можно его не опасаться, а спокойно жить с открытыми окнами. Этим он всех более или менее успокоил.

В связи с возникшей газовой опасностью, руководство нашего МЧС решило все работы приостановить и всех распустить по домам. О сборе будет сообщено по радиотрансляции, так же предлагалось всем, кто живёт ниже третьего этажа, эвакуироваться в здания Биологического центра или академической гостиницы. За водой и отовариванием карточек советовали ходить только в противогазах. Тут же начали выдавать по два запасных картриджа к противогазу и по продуктовому набору, вместе с 5 литровой баклажкой с водой. После чего, все, уже надев противогазы, начали расходиться по домам.

Придя домой, я застал жену и обоих детей, одетых в зимнюю одежду, дети сверху ещё были закутаны в ватные одеяла. Все трое сидели возле единственного источника света и тепла в квартире, — свечи поставленной в маленькое блюдце. Хорошо, что в магазине я набил ими два целлофановых пакета. В квартире, стояла температура в шесть градусов — на улице было минус четыре.

Даже не раздеваясь, я сразу приступил к изготовлению печки. В наборе моих инструментов была ручная дрель, а свёрл по металлу я набрал в магазине. Попутно рассказывая жене о том, что узнал сегодня, я по периметру высверлил дно у бочки, потом перевернув её, сделал отверстие под диаметр трубы дымохода, с боку бочки высверлил два проёма для дверок, одно большое для закладки дров и маленькое для поддувала и уборки золы.

Я решил работать хоть всю ночь, но печку сделать, потому что при такой температуре можно было уснуть и не проснуться. Дело шло довольно споро, железо сверлилось легко, свёрл у меня было много. Для перегородки внутри печки, на которой будут лежать дрова, я использовал высверленное днище, предварительно пробив там дырки для доступа воздуха. Держалось оно на двух арматуринах, которые я продел, просверлив бока бочки.

Получившуюся конструкцию поставил на лист нержавеющей стали, который привез из магазина. Отверстие куда встанет труба, я сделал меньшего диаметра, чем труба, а потом плоскозубцами загнул до нужного мне диаметра, после чего труба встала туда как влитая и не двигалась. Места соединения тщательно замазал герметикам. Дверцы к печке, тоже сделал достаточно просто: высверленные части проёмов посадил на обычные дверные петли, сверху, на получившуюся дверку, привинтил вырезанную из нержавеющей стали пластину большего размера, чтобы она перекрывала все щели.

К утру, печка была готова. Я поставил её в двух метрах от форточки, куда выходила труба, чтобы эта длинная труба тоже грела комнату. Промежутки, оставшиеся в форточке, я забил стекловатой, найденной на работе по расчистке дорог. Со стороны комнаты я сделал из нержавеющей стали экран, закрепив его к форточному раме саморезами. Таким образом, форточный проём был полностью закрыт листом нержавеющей стали, и куски стекловаты не проникали в дом.

Пока все спали я, надев противогаз, вышел во двор набрать дров. Разных деревяшек валялось много, — я сделал уже четвёртую ходку, когда встала жена. Она круглыми недоверчивыми глазами

смотрела на мою конструкцию, но после того, как я растопил печь, начала с криком восторга прыгать вокруг неё. А я обессилено уселся на диван, сил говорить, или что-то делать уже не оставалось.

Проснулся я только на следующий день рано утром, в комнате было уже гораздо теплее — около 17 градусов. Дров уже не было, печка была холодная. Пришлось надеть противогаз и начинать носить дрова, где то на пятой ходке встала жена, и пока я делал ещё четыре ходки, приготовила горячий завтрак, и я первый раз с момента катастрофы поел дома горячую пищу.

Воды у нас оставалось совсем немного. Подумав, решил съездить на машине в ближайшую деревню Балково за водой, я знал, там был колодец, — заодно осмотреться и привезти дров. Около дома уже всё собрали, этим занимался не только я.

По пути я заглянул в хозяйственный магазин. Видно было, что его уже довольно сильно подчистили, но я всё равно нашёл там четыре пластиковые 20 литровые канистры. Съездив в Балково, я набрал воды. Было видно, что многие дома были покинуты жителями. В один по виду жилой я постучал, думая переговорить с хозяевами. Но меня послали куда подальше и пригрозили, если не уберусь в своё Пушино, а продолжу лазить по деревне, угостить дробью. От греха подальше, я ушёл от этого дома и решил осмотреть покинутые.

Во всех царил разгром, видно они подверглись мародёрству и только в одном я нашёл несколько банок варенья и солений, а так- же большой бак квашеной капусты и полную кастрюлю засолённого сала — наверное, эти запасы, лежащие в маленьком погребе, в самом доме пропустили при грабеже. Забрав всё это, я во дворе из поленницы загрузил полную машину дров и поехал домой изрядно вымотанный — всё-таки, нахождение всё время в противогазе здорово утомляет.

На следующий день я ещё раз съездил в Балково, там уже было несколько машин из Пушино, народ тарился на местном коровнике — мясом, отрезая куски от погибших животных. Я тоже принял в этом участие, загрузив в багажник килограммов семьдесят вполне нормального мяса. Потом набрал воду и опять загрузил полную машину колотыми дровами, по всем покинутым домам их уже оставалось очень немного, основную часть вывезли, по-видимому, сюда ездило много народа из Пушино — дорога была хорошо наезжена.

После этой поездки, я, до вчерашнего, дня не выходил из дома, только вчера по трансляции объявили общий сбор и отменили газовую опасность. Нашу бригаду поставили на вывоз погибших людей и животных. Работа была кошмарная, трупов было много, на это поставили треть всех бригад.

Трупы отвозили к оврагам на западной окраине города, где укладывали в эти братские могилы и бульдозером засыпали. Туши животных свозили самосвалами в овраг неподалеку. Вчера работали до позднего вечера и единственное послабление после этого кошмара, это то, что после работы выдали по двести грамм водки и хорошо накормили. Правда, многие есть, не смогли, горы трупов стояли перед, глазами. Так же нам на сегодня сделали выходной — вот поэтому я с утра и копаюсь в развалинах, в поисках деревяшек для дров и в надежде найти, какие-нибудь продукты или ещё что-нибудь нужное в хозяйстве.

Рассказав всё это, Дима, изрядно захмелев, добавил:

— Вы счастливые, что оказались в деревне и не видели всего этого ужаса, я тоже хотел бы уехать из города, но уже использовал практически весь бензин в машине, а нового негде взять. Да и нет у меня: ни дома, ни родственников в деревне.

Мы его успокоили, тем, что в коллективе с грамотным руководством шансов выжить гораздо

больше, тем более они объединены под руководством официальных структур и имеют полное право воспользоваться, стратегическими государственными запасами. На что Дима, печально ухмыльнулся и сказал:

— Права то имеем, но власть «правее». И как обычно оказываются, что всё это не про нас. Наверху идут свои разборки за ресурсы. Уже теперь власти разделились на два лагеря. Один из институтского начальства и администрации города, которые контролируют четыре микрорайона. Второй из бывшего милицейского начальства, которые закрепился в микрорайоне ФИАМ, где была угольная котельная и несколько продуктовых складов и эти «козлы» не хотят со складов отдавать на нужды города, ни уголь, ни продукты.

Ещё поговорив немного по этому поводу, мы распрощались с Димой, подарив ему на прощание две бутылки водки, что бы он выменял на них продукты для семьи. Было его немного жаль, хороший человек, но, по большому счёту, помочь ему и его семье мы ничем не могли. Возможно, под патронажем государственных структур, с их грандиозными мобилизационными запасами, его семье предоставлялось больше возможностей выжить, чем нам, рассчитывающим только на свои силы. Выпивали и разговаривали мы с Димой в общей сложности часа три, из нас троих практически не пил только я, ведь должен оставаться кто-то трезвый и адекватный, чтобы вести машину. К тому же, Пущино не мой родной город, я был здесь всего раза три, поэтому мне было легче переносить все эти разрушения. Потом мы поехали к дому Колиных родных, он был совсем недалеко, но из-за трещины нам пришлось сделать довольно большой крюк.

Подъехав к совершенно целому дому, мы вышли из машины и направились в квартиру к родителям Коли. Они жили на первом этаже, квартира оказалась открытой, и там никого не было, книги, и деревянная мебель тоже исчезли. Поднявшись по лестнице выше, мы нашли заселённую квартиру, где проживающие там люди, хорошо знавшие родителей Николая, перебивая друг-друга, рассказали нам:

— Все жильцы с первого этажа погибли, Твоих родителей Коля, нашли в подъезде на первом этаже. По-видимому, они почувствовали неприятный запах, вышли из квартиры в подъезд, но сделать уже ничего не смогли и умерли там. Увезли хоронить их в братскую могилу вчера днём.

Больше эти соседи ничего не знали. Николай, до этого молча сидевший, вдруг никого не стесняясь, начал рыдать. Я встал, пошёл в машину и принёс две бутылки водки и оставшуюся банку консервов. Мы вместе с соседями помянули трагически погибших родителей.... Коля немного успокоился, все-таки общее горе и несчастья сглаживали его личную трагедию. Потом я настоял на том, чтобы не ехать в темноте, тронуться домой прямо сейчас — дорога была довольно сложная. Только Николай немного упирался — требуя сначала заехать к нему домой, ему нужно было забрать кое, — какие вещи и фотографии родителей. Но я ему пообещал завтра обязательно туда заехать. Всё равно нужно было в Пущино вернуться, чтобы пообщаться с администрацией. Может быть, мы сможем оказать друг другу какую-нибудь взаимопомощь и окажемся чем-либо полезными.

Глава 8

Наш приезд домой совпал с наступлением полной темноты, небо изредка озаряли следы падения метеоритов, количество их, по сравнению с прошлой ночью, резко сократилось. Приехав домой, мы застали всех слегка возбуждёнными. Оказывается, сегодня днём в посёлок пытались проникнуть мародёры. Они приехали на двух машинах и вырвали буксировочным тросом одну из створок

железных, въездных ворот. Ворота мы постоянно закрывали на навесной замок, после исчезновения сторожей. После землетрясения — они, скорее всего, плюнув на работу, уехали домой к своим родным.

Наши дежурные Вика и Катя вовремя увидели чужие машины и сразу предупредили ребят, занятых переноской овощей в подвал. Саша с Флюром, взяв ружья, пошли узнать, что надо этим людям в машинах, они приблизились к тому моменту — когда те уже вырвали створку. На вопрос Саши: — Что вам здесь нужно?

Эти бандиты сразу начали стрелять, но ребята были опытные, и подготовленные и их трудно было застать врасплох. Саша мгновенно залёг, а Флюр, замаскировавшись у домика сторожей, открыл ответный огонь и вроде ранил двух человек картечью. Но сейчас определить это было невозможно, машины развернулись и быстро уехали, ребята не стали стрелять им вслед. Описывая этот эпизод, Саша сказал:

— В принципе мы могли положить там всех мародёров, это были полные дилетанты — просто открытые мишени. Надеюсь, теперь получив слегка по мозгам, они вряд ли сюда сунутся.

Обсудив это происшествие, мы тоже рассказали, что видели и узнали в Пушкино, а так же о гибели родственников и родных Володи и Коли. Узнав о гибели бабушки и дедушки, заплакал даже Максим, не говоря уже о женщинах. С Галей, после нашего рассказа о судьбе дома, и, скорее всего, гибели родителей, опять случился истерический припадок, пришлось делать ей успокаивающий укол. Остальных я просто отпаивал валерьянкой.

Потом мы решили помянуть всех погибших и вообще, я только тогда узнал, что в этой обрушившейся девятиэтажке находилась квартира и Володи с Галей, только в соседнем подъезде. А вообще, наши женщины держались стойко, всё-таки произошедшие события закалили их — жалоб и истерик практически не было.

Поминки затянулись практически до одиннадцати часов вечера, хотя утром договорились вставать не позже семи часов. Народ был молчалив, как никогда, все вспоминали своих родственников, о которых ничего не было известно.

С этого дня договорились опять установить ночное дежурство. В эту ночь посменно должны были отдежурить Валера с Сергеем. Ночами теперь будут дежурить одни мужчины. Утром все встали, как и хотели, в семь часов. Во время завтрака распланировали, как повелось, задачи каждого на сегодня. Мы опять втроём едем в Пушкино. Попытаемся встретиться с администрацией и, самое главное, почему я так стремился в город. Может оттуда удастся связаться с Москвой — туда должны были проходить проводные линии связи. Мне было необходимо узнать о судьбе моих родных, друзей и родителей Маши. Саша также просил связаться с его командованием и доложить о невозможности сейчас добраться до службы.

Ну а Николаю, нужно было попасть в свою квартиру и в свой сервис — захватить дома личные вещи и фотографии, и кое-какие инструменты и расходные материалы для автомобилей у себя на сервисе. Ребята в это время отремонтируют ворота и продолжат переносить запасы в подвал. Женщины будут перебирать овощи, займутся дежурством, стиркой и приготовлением пищи.

Из дома мы выехали в восемь часов, по знакомой дороге через полчаса добрались до города и сразу поехали к администрации. Там Володя вышел — мы решили, что всем вместе нам светится там совершенно необязательно, это только может навредить. Володя знал прекрасно всё руководство

Научного центра и был знаком с МЭРом и всеми его замами и обо всём, что нужно, он сам договорится, а мы приедем на это место часа через четыре.

С Колей мы собирались пока съездить к нему домой и на сервис, загрузится нужными вещами. Он жил в микрорайоне Г, это было совсем недалеко от администрации и мы там были уже через семь минут. Поднявшись пешком на Колин этаж — увидели, что дверь в его квартиру сломана и даже не закрыта. Зайдя туда, мы увидели печальную картину — деревянной мебели практически не осталось, только щепки валялись на полу, книг тоже не было. Из вещей в квартире оставались только наваленная на полу старая одежда и бытовая техника. Мародеры брали, в первую очередь, дрова и пищу. По заверению Николая:

— В доме оставались кое-какие продукты и вина.

Но делать было нечего, Коля пошарил по набросанным кучам старых вещей и обуви и кое-что отобрал, всё это мы сложили в пакеты, принесённые с собой, и пошли к машине.

К соседям разозлённый Коля даже не стал стучаться, как он выразился:

— Сволочи! Наверняка если не они это сделали, то слышали, как ломали дверь и ничего не предприняли. А залез в квартиру и таскал обломки мебели и книги однозначно жилец нашего подъезда.

Уложив принесённые вещи в машину, мы поехали к сервису, он находился на окраине города возле гаражей, при выезде к деревне Балково. Сервис был тоже разгромлен, видно искали топливо, исчезли все смазочные материалы, кроме графитовой смазки, но инструменты и оборудование не были тронуты. Загрузив в машину найденные инструменты, мы положили в багажник небольшой токарный станок. Вдвоём мы его еле туда засунули, такой он был тяжёлый. А так как до встречи с Володей оставалось более часа, мы поехали посмотреть, что творится в городе и можно ли чего полезного приватизировать. Так же хотели заглянуть в хозяйственный магазин, про который рассказывал Дима, может там ещё не всё растащили и нужные нам в хозяйстве вещи пока остались. Недалеко от микрорайона ФИАМ, я обратил внимание на два милицейских УАЗика — один стоял у самого входа в магазин, и люди в форме, что-то оттуда в него загружали, второй стоял немного в стороне, как бы охраняя первый. Вдруг этот УАЗик сорвался с места и перегородил нам дорогу. Я остановился метрах в пятнадцати от него и сразу вспомнил рассказ Димы, что, в основном, милиция отделилась от структур администрации и захватила власть над микрорайоном ФИАМ. Что они были замечены в грабежах магазинов, и именно защитой от них была вызвана необходимость — поставки БМД около заправки, так как они пытались взять и её тоже под свой контроль.

Из УАЗика вышли двое в милицейской форме с автоматами, третий остался в машине, но автомат демонстративно высунул в окно. Один из вышедших милиционеров громко закричал:

— Быстро! Вышли из машины. Приготовили документы и открыли багажник для досмотра.

Я крикнул Коле:

— Вылезай под защиту корпуса джипа и приготовь ружьё. Машину я остановил боком к проезжей части, пассажирским местом к милиционерам. Коля сидел на своём обычном месте, на заднем сидении.

Выйдя сам под защиту машины и высунув Сайгу, я закричал в ответ:

— Мы едем по заданию администрации, и сначала сами предъявите документы и представьтесь.

Заметив оружие, вышедшие милиционеры быстро отбежали под защиту УАЗика. И оттуда чередуя

слова с матерной бранью, приказали:

— Уматывайте от машины, оставив ключи.

При этом кричали:

— Вы можете не бояться, мы вдогонку стрелять не будем, сами вы нам на хрен не нужны.

Николай выглянул, с намерением им что-то ответить, и в этот момент, сидящий в УАЗике, начал стрелять, и стрелял он на поражение. Коля дёрнулся, приседая под защиту машины, я тоже присел, передвигаясь под защиту двигателя. Потом оперев ружьё о передний бампер, выстрелил, не останавливаясь все находящиеся в магазине патроны, а их там было шесть штук и заряжены они были картечью, а на близком расстоянии, это покруче чем автомат. Тем более у них были укороченные АК под 5,45 миллиметровый патрон. Выглянув из-за машины, увидел, что я картечью буквально изрешетил весь УАЗик, а от магазина стреляя в нашу сторону, бежит ещё три человека. Второй УАЗик уже завели, и сейчас он тоже поедет в нашу сторону. Дело стало принимать совсем неблагоприятный оборот. Тогда я бросил единственную, имеющуюся у нас гранату в сторону набегавших милиционеров и крикнул Коле:

— Сваливаем! Быстрей забирайся в тачку, пора делать ноги.

Он в это время с упоением стрелял, в остановивший нас УАЗик.

Хорошо, что наша машина была не заглушена. Плюхнувшись на водительское сидение, засыпанное осколками от разбитых выстрелами боковых окон, я с визгом пробуксовываемых колес, через бордюр, по пешеходной дорожке развернулся и поехал прочь. После взрыва гранаты, противник присмирел, и преследовать нас не решился — только пострелял вслед. К счастью, переднее стекло хоть и было продырявлено в двух местах, но ещё держалось, хотя видимость была затруднена.

Мы отъехали где-то километра три от места боестолкновения, когда наша машина сильно задымила, на приборной панели лампочка мигала, показывая сильный перегрев. Я остановился и заглушил мотор, потом зарядил ружьё и только после этого занялся постанывающим Николаем.

Всё в области правого плеча у него было в крови, да и на заднем сиденье были брызги крови. Под его непрекращающийся мат, прерываемый вскриками, я стащил с него куртку и оголил плечо. Рана была пустяковая, пуля по касательной задела плечо, содрав кожу и вырвав немного мяса, правда, рана сильно кровоточила. Продезинфицировав водкой и стерев с плеча кровь влажной салфеткой, я обмазал толстым слоем мази «спасатель» эту, можно сказать, глубокую и крупную царапину, потом залепил её большим бактерицидным пластырем. Всё это я взял из автомобильной аптечки. Для обезболивания я дал Коле три таблетки анальгина, хотя он требовал — сто грамм водки.

После обработки раны, Николай с проклятиями натянул куртку, и мы вышли из машины, предварительно открыв капот двигательного отсека — нужно было посмотреть, что же случилось с машиной. Внешне наш джип, предстал довольно в неприглядном виде: все боковые окна были выбиты, с правого боку в обеих дверях выделялось несколько пробоин, правая фара разбита, переднее стекло держалось на честном слове. Там было две пробоины, от которых расходились длинные трещины, но это было всё-таки лучше, чем, если бы оно распалось на мелкие осколки. Сейчас хотя бы через лобовое стекло была видна дорога и не дул в лицо холодный ветер.

Заглянув под капот, мы увидели, что двигатель был в полном порядке, но вот радиатору не повезло. На нём была длинная рваная пробоина от пули, видно она прошла по касательной к радиатору и вскрыла его, как консервную банку. Ремонту не подлежит — изрёк Николай и стал грязно ругать

встретившихся нам милиционеров.

— Что будем делать? — остановил я его руладу.

— А что тут сделаешь — ответил он, — будем ехать минут по пять, потом останавливаться и охлаждаться. Печку надо включить на полную мощность и постоянно доливать в радиатор воду, может так до дому и доберёмся. А если движок заклинит, придётся машину бросить и идти пешком. Мы представили Володю, когда он увидит состояние своей машины — после того как он потерял родственников, свою квартиру, да и дача стояла полуразрушенная, и нам стало неудобно. Но делать было нечего — за Володей, же ехать надо. Долив воды в радиатор — у нас была двухлитровая бутылка из-под газировки, мы поехали к месту встречи, к администрации, по пути мы ещё раз останавливались, остудить машину.

На месте встречи уже стоял Володя, он даже замёрз, ожидая нас. Температура воздуха была минус пять градусов, но как, ни странно, сильного снегопада всё это время после катастрофы не наблюдалось. Володя просто остолбенел, когда увидел свою машину, он только кивал в ответ, когда мы ему рассказывали о наших злоключениях. Он даже не мог ничего толком рассказать о своём посещении института и местной администрации, только протянул три пакета набитых какими-то приборами и стекляшками и ещё сказал:

— Связаться с Москвой очень проблематично, прямого выхода нет, только через Серпухов.

Чтобы как-то разрядить ситуацию, я предложил пропустить по сто грамм и перекусить немного. Тем более Коля всё время ныл, что ему необходимо по всем военным канонам жидкое обезболивающее, а то рана постоянно болит. Так как в машине без стёкол было холодно, мы быстро допили открытую мной для дезинфекции раны Николая бутылку, заедая всё это взятыми из дома бутербродами.

Для того чтобы доехать до дома, нам нужно было где-то раздобыть воды. Володя знал, где стоит водовозка, оставалось найти ёмкости для воды, двухлитровой бутылки было мало. Решили сходить в хозяйственный магазин, о котором рассказывал Дима — там наверняка будут какие-нибудь ёмкости, тем более что он находился совсем недалеко, Володя знал, где он располагался. Пошли мы с Володей, оставив Колю, как раненого, сторожить машину, при этом я посоветовал:

— Чтобы не замёрзнуть, побегай вокруг спасшего тебя своим телом джипа. И вообще ты охотник и должен тренироваться переносить климатические неурядицы.

В магазине действительно было всё разгромлено, и он стоял почти, что весь опустошённый, много оставалось только удобрений и земли в мешках — даже краску и ту почти, что всю растащили. Хотя я не понимал, кому она может понадобиться в такой ситуации. Обойдя весь магазин, мы все-таки нашли двадцатилитровую пластиковую канистру с антисептиком «Сенеж». Нашли также несколько свёрл и наборов пилок для электролобзиков, не понадобились мародерам и обрезные диски для болгарки, — все это мы нагрузили в имеющиеся пакеты и пошли к выходу. Там был ещё ларёк с лазерными дисками, его тоже практически не тронули. Пошарив там, мы набрали штук сто семьдесят различных дисков и уже окончательно пошли к машине. «Сенеж», естественно, мы вылили, освободив ёмкость.

Николай ходил возле машины и, увидев нас, сказал:

— Больше сидеть тут и ждать не могу и лучше пойду я сам, в одиночку за водой.

Я, усмехаясь, заметил:

— Опять Николая ты пролетел! Зачем ходить, лучше мы туда доедем.

Сложив всё в машину, мы поехали к месту стоянки водовозки, до неё было меньше километра. Наполнив ёмкости водой, сразу поехали домой, периодически останавливаясь, охлаждая машину и доливая воды в радиатор. В машине, несмотря на постоянно работающий обдув от печки, было холодно и все очень замёрзли. Поэтому на середине пути, при очередной остановке решили ещё принять по сто граммов водки на брата. Таким образом, мы добирались до дома три часа, вместо тридцати минут, которые ехали утром. На улице похолодало, температура опустилась ниже -7 градусов. Когда уже стемнело, мы подъехали к дому, несмотря на выпитое, были совершенно трезвые, наверное, это от холода. Зайдя домой и, отогревшись за горячим ужином, мы начали рассказывать о приключившихся с нами коллизиях, о столкновении с милиционерами, потом, о посещении местной администрации и института рассказал Володя.

Глава 9

После отъезда Толи с Николаем, я в первую очередь решил направиться в администрацию — посмотреть, кто сейчас там всем распоряжается. И Мэра, да и его замов я знал достаточно хорошо. А уже после этого в свой институт. Потом зайти на работу к Гале и взять пару низкотемпературных термометров, об этом попросил Толя.

В администрации мне сказали, — что Мэра нет, он так и не объявился после катастрофы, а всем сейчас заправляет Погорелов, раньше он был заместителем директора Объединенного Научного центра по административной части. Михалыча я знал очень хорошо, раньше он работал в нашем институте начальником Опытного производства и мы с ним часто пересекались по моему бизнесу, он оказывал мне существенную помощь в моём производстве. Поэтому я, смело, игнорируя сидевшую секретаршу, постучал и вошёл в его кабинет. Михалыч обрадовался моему появлению. Хлопнув меня по плечу, он сказал:

— Привет! Ну, что жив, курилка?

Потом, предложил усаживаться и рассказать о моих злоключениях.

Коротко рассказав ему, — что в момент катастрофы мы с Галей находились на даче, правда она сильно пострадала, и мы сейчас живём у соседей, куда набились все оказавшиеся в нашем дачном посёлке люди. Тесть с тёщей погибли в городе под обломками рухнувшего дома, в этом же доме была и моя квартира.

Посуровев лицом, он произнёс:

— Может быть, им ещё повезло, смерть была быстрая и лёгкая.

Я задал вопрос:

— Не могут ли власти оказать нам помощь топливом и продуктами? В свою очередь, мы готовы делать всё, что поручат. На мои слова он горько засмеялся и начал рассказывать о положении дел в городе — как старому товарищу, ничего не скрывая и говоря без прикрас:

— Во-первых, в городе погибло не менее трети всего населения, по крайней мере, мы собрали и захоронили более трёх тысяч человек — это не считая погибших и не откопанных под развалинами. Сейчас в наличии, тех, кто зарегистрировался и получает пайки — одиннадцать тысяч человек. Это не считая микрорайона ФИАН, где в живых остались не более двух тысяч человек, а всего до катастрофы в Пушкино проживало — 21 тысяча человек.

Во-вторых, больших складов с продуктами на территории, контролируемой нашей администрацией, нет. Они все находятся на захваченной начальником милиции территории микрорайона ФИАН. И он,

не смотря на все требования, для города ничего не выделяет, утверждая, — что власть не легитимна, что избранного народом мэра нет, а он подчиняется только мэру. На предложение о том, чтобы взять всю полноту власти и заботу о населении, он отказывается, наверное, боится, что на такое количество народа надолго его запасов продовольствия не хватит.

Ещё какая-то группа образовалась в пансионате «Родник», находящемся на северной окраине города. У них там имеются продуктовый склад и угольная котельная, и они единственные, кто во всём городе не замерзает. Городская же ТЭЦ работала на газу, подача которого после катастрофы прекратилась. Единственное куда мы добились подачи тепла с маленькой, резервной институтской угольной котельной — это в два корпуса института, Академическую гостиницу и в здание администрации, только туда же подаётся электричество с двух дизельных генераторов. Угля нам хватит хорошо, если месяца на два, солярки на месяц.

Запасов найденных и переписанных продуктов, даже при самых маленьких нормах, гарантирующих выживание, хватит на всё население максимум на два месяца. Подвозить топливо и продукты из Серпухова сейчас очень проблематично, мосты через Оку разрушены. Пробовали доплыть туда на теплоходе, но рухнувшие пролёты загородили фарватер. Правда, сейчас решается вопрос о доставке продуктов и топлива грузовиками до пристани на том берегу Оки — недалеко от автомобильных мостов Симферопольского шоссе, но и это может сорваться, если река начнёт замерзать и теплоход не сможет плавать или как говорят моряки — ходить. Так что особо ждать помощи от области, пока река не замёрзнет, не стоит.

Центр помог только вначале, — для поддержания порядка прислав взвод солдат на трёх БМД из Тульской десантной дивизии. Нам их хватило только на организацию охраны, складов Научного центра, гипермаркета «Карусель» с запасом продуктов и бензозаправку — единственного реального ресурса администрации. Ведь только в обмен на бензин милиционеры дают некоторые продукты, в частности муку и крупы. В «Карусели» этих продуктов не очень много, на складах Научного центра в основном овощи для селекционной работы и корма для подопытных животных, ну и небольшой запас продуктов для пищеблока.

Запрашивали ещё помощь в Ясногорске, они прислали, конечно, — одну машину с мукой и сухим молоком и три самосвала с углём, но сказали, что ещё вряд ли пошлют. У них своё начальство в Туле, а беженцев и разрушений тоже много.

А людей Володя, мы сами не знаем, чем занять, иногда приходится придумывать работы, чтобы все были при деле. Вот сейчас начали организовывать валку леса на дрова. Так что, помочь мы вам вряд ли сможем, и мой тебе совет, лучше сидите там, на даче: нарубите дров, охотьтесь или рыбачьте, в конце концов, всё будет легче продержаться, чем с этим скопищем нытиков, иждивенцев и халтурщиков.

Какие-нибудь конфликты — здесь у нас вспыхивают ежедневно, масса беженцев живёт в зданиях института в невероятной скученности. Считаю вся служба безопасности, Научного центра, занята предотвращением и гашением этих конфликтов. Все ругают власти и руководство города, в неприятии мер и допущении такого положения, а сами, между прочим, не хотят ударить палец о палец по облегчению своего положения. Считают, что всё должны положить им на блюдечке с золотой каёмочкой, везде норовят схалтурить и делают нужные им же вещи из-под палки.

— Видать у Михалыча наболело, коли он начал жаловаться и обличать. Раньше я этого у него не

замечал. Да! Груз накатившихся проблем совсем измочалил мужика, — подумал я.

Он продолжил:

— По вопросу связи с Москвой, про которую ты спрашивал, тоже ничем не могу тебя обрадовать.

Проводная связь есть только с Серпуховом и Ясногорском и только через коммутаторы.

Автоматическая связь отключена и у нас и в Серпухове. С Москвой можно связаться только через Серпухов и только с государственными учреждениями, автоматическая связь в Москве тоже прекращена. По секрету тебе могу сказать, положение в Москве ещё хуже, чем у нас, полгорода разрушено. В Серпухове негде пройти от беженцев из Москвы, у нас их не видно из-за обрушенных мостов через Оку.

Так что, сидите и не рыпайтесь — здесь вы всё равно ничего не найдёте. Магазины, которые мы не успели взять под охрану или всё оттуда вывезти — уже все пограблены мародёрами. Лучше съездите в Тулу, может там повезёт, и что-нибудь достанете, все-таки там имеются большие стратегические склады. Как я слышал, на какой-то выработанной шахте есть громадный продовольственный склад Госрезерва. При таком положении его должны расконсервировать и, вполне возможно беженцам там могут раздавать продукты.

А я чувствую, что мы скоро будем вынуждены эвакуировать город и, скорее всего, в Тульскую область, всё-таки там есть и добыча угля и запасы продовольствия, а зиму наши учёные прогнозируют очень холодную. Солнечное излучение, которое достигало поверхности Земли, упало в разы, так что ещё раз советую, рубите побольше дров. И ещё у тебя дача вроде возле деревни Зайцево — там, у местных много скота и, скорее всего, он отравился и пал. Наши биологи проверили и пришли к выводу, что мясо павших несколько дней назад животных после термической обработки можно использовать в питании. Оно при этой минусовой температуре ещё не протухло. Мы уже два дня ездим по деревням и собираем туши падшего домашнего скота и здесь их разделываем. Так что займитесь сами заготовкой мяса.

И он поднялся, намекая, что пора заканчивать, — у него ещё много дел. Я вспомнил просьбу Саши о звонке в Москву на службу и сказал Михалычу, он пообещал отправить такую телефонограмму. Вышел со мной в приёмную и поручил секретарше вместе со мной составить телефонограмму. И по установленному графику связи с Серпуховом отправить её для передачи в Москву. Попрошавшись со мной, он ушёл. Я оставил телефонограмму, у секретарши и пошёл в свой институт — думал повидаться с коллегами.

В здании моего института все помещения были забиты железными кроватями, да и просто матрасами, лежащими на полу, стоял стойкий запах пота и какой-то химии. Дежурный спросил, кто я такой и к кому пришёл, он не хотел меня пропускать в мой кабинет. Но тут вышел Василий Петрович, работник нашей охраны, который меня хорошо знал и конфликт быстро разрешился. Я прошёл в свой кабинет, он был тоже занят пятью кроватями, моего стола и стульев не было, но сейф стоял на месте. Я его открыл и забрал находившуюся там бутылку Французского коньяка, бутылку водки, две банки шпрот и коробку конфет. Также положил в пакет лежащие там компьютерные диски с различными утилитами и с моими работами, после чего, попрощавшись с Василием Петровичем, пошёл в лабораторный корпус Галиного института — это была вотчина моей жены. Корпус встретил меня неприветливо, стёкла в вестибюле были разбиты, было холодно и везде было загажено. Осторожно переступая, чтобы никуда не вляпаться, я пошёл в лабораторию, где, по словам

Гали, имелись низкотемпературные термометры, они стояли в специальных морозильных камерах. В течение минут десяти я демонтировал три из них и пошёл в кабинет Гали, захватить какие-то лекарственные препараты, находившиеся у неё в сейфе-холодильнике. Аккуратно разложив взятые вещи по пакетам, я пошёл на место встречи с ребятами, никого из своих коллег я так и видел, а специально искать не стал. Толя с Николаем уже должны были подъехать.

Увидев их на разбитой машине, я сначала обалдел, но потом вспомнил слова Михалыча о количестве погибших, подумал: — Ну, что такое разбитая железка, по сравнению с такими жертвами. Особенно меня резануло чувство единства и близости с этими людьми, когда я увидел окровавленную куртку Коли. Ну, а остальное вы уже слышали из рассказа Анатолия с Николаем, — закончил свой рассказ Володя.

Кстати, я рассказал обо всех членах нашей, можно уже сказать, большой семьи, а о себе так особо ничего и не сказал. Итак, моё имя Анатолий, фамилия Котлов, мне тогда было 43 года, по профессии я строитель, работал когда-то и главным инженером строительного управления и заместителем начальника крупного объединения, в котором работало более трёх тысяч человек. После прихода Ельцина к власти — занялся бизнесом, чтобы выжить с семьёй. С государственной службы ушёл, зарплата была мизерная, а взяток я не брал — не мог из принципа. Занялся торговлей, на этом сколотил неплохой капитал — по крайней мере, хватило купить трёхкомнатную квартиру в Бутово, построить дачу, и купить неплохую машину, а также отложить на чёрный день денег, на депозит в банке и завести инвестиционный счёт на бирже.

Заведя счёт на бирже, я понял, как меня достал этот геморрой с розничной торговлей, продал свою долю в фирме и занялся только биржевыми спекуляциями ну, а остальное вы всё знаете. Ну да ладно про себя, продолжим рассказ о нашей жизни и действиях, что для будущих наших потомков гораздо интересней и познавательнее.

После нашего и Володиного рассказов все начали горячо обсуждать общее положение дел, а особенно действия милиции в Пушино, потом незаметно разговор перешёл на происшествия в посёлке. Оказывается, сегодня опять подъезжала какая-то машина, но Вика, дежурившая на наблюдательном пункте, её увидела ещё на подъезде к посёлку и сообщила Саше. Они с Флюром как вчера, взяв ружья, пошли узнать, что нужно этим людям и прояснить ситуацию — но подходили гораздо осторожнее. Приезжие, ещё издали увидев вооружённого Сашу, развернулись и, не вступая ни в какие разговоры уехали.

Так же ребята на моём фургоне ездили в деревню, хотели привезти ещё мяса, но никаких туш животных там уже не осталось. По следам они поняли, что приезжали из Пушино на двух больших грузовиках, загрузили туши и уехали — перед этим обшарив все дома. Мы вовремя всё оттуда вывезли, единственно жалко, что не взяли все туши животных. После этого, появления чужой машины никаких событий не происходило, все занимались переносом и переборкой овощей.

Потом мы вернулись к обсуждению и планированию наших действий в свете рассказа Володи о положении дел в Пушино, Серпухове и Москве. И о подтверждении моих записей из интернета — с прогнозом о резком похолодании и наступлении длительной «вулканической зимы». Учёные из Пушино, тоже предупредили администрацию о крайне суровой зиме и необходимости создания больших запасов топлива. Поэтому мы решили усиленно заготавливать дрова, уголь мы вряд ли где-нибудь достанем, его весь уже, наверно, разобрали или зарезервировали власти и привезти его со

станции в Ясногорске, нам уже не удастся.

Правда, может быть, имело смысл съездить в зимний детский пансионат, находящийся недалеко — километрах в пяти от нас. Там была угольная котельная и запасы угля, но, наверняка, на него уже положили лапу Пущинские власти. Поэтому оставалось рубить дрова, собирать все деревянные стройматериалы по нашему посёлку и ещё раз доехать до деревни, может у них там ещё оставались уже поколотые и подсушенные дрова. Когда Саша и Валера ездили в деревню за мясом, они не обратили на это внимание, может быть «Пущинские» оставшиеся дрова не забрали, там одними мясными тушами, можно было загрузить два грузовика с верхом.

Ещё Саша загорелся поездкой в Тулу. Начал доказывать, что нам удастся раздобыть там какие либо продукты, по крайней мере, выменять на водку и самогон, которых у нас предостаточно. Всё равно самогон и палёную водку никто из нас в здравом уме пить не будет. В Туле же нам наверняка на эту водку удастся выменять патроны, а может быть и автомат Калашникова, всё-таки это оружейная столица России.

Так же в Туле был отдел от службы Саши и Флюра, и через них можно было связаться с Москвой. К тому же, там наверняка дадут какой-нибудь продуктовый паёк на него и Флюра, а может быть и на Вику, ведь все документы у них были с собой. Я был не против поездки в Тулу, но у меня был один вопрос, его я и задал:

— На чём ты представляешь поездку туда? Володин джип у нас изуродован, машина Николая раздавлена обломками дома, остался только мой мерин и таратайка Игоря. А на этих нечищенных дорогах, с трещинами после землетрясения, можно застрять и потерять последнюю приличную машину.

На что Саша резонно заметил:

— Батя, а ты подумай! Сегодняшние посетители были на обычных Жигулях и видно, нигде не застревали, а Мерседес тяжелее их и гораздо мощнее, у него есть и АВС и другие навороты, к тому же, диаметр колёс больше и сами покрышки шипованные. Мы сегодня с Валерой ездили в деревню, и не было никаких проблем с проходимостью. И если ехать, то лучше не тянуть, ведь на дворе конец осени и по любому, эта аномалия скоро кончится, и начнутся снегопады, вот тогда точно никуда не сможем проехать.

— А как же наши снегоходы, — воскликнул Коля, — у нас же имеется два прекрасных аппарата: один Анатолия, а второй, который мы взяли у соседа.

Действительно, когда мы изымали всё нужное и полезное нам из всех домов и строений нашего посёлка, у Василия из гаража взяли снегоход Ямаху.

— Да, — ответил Саша. — А ты попробуй двести километров проехать на снегоходе, да в мороз. Как задницу отморозишь, сразу такие мысли пропадут. Так как думаешь ты, именно ею.

Обговорив все наши проблемы, решили завтра утром в Тулу всё-таки поехать и захватить с собой десять ящиков водки и весь самогон для обмена на что-либо полезное. А для ликвидации возможных проблем, особенно при проезде через трещины, положить в фургон изготовленные нами мостики, а так же пару лопат, ломик и ручную лебёдку.

— С таким набором мы точно везде проедем, — пошутил Флюр — и вообще, только за один самогон на руках до Тулы донесут, — продолжил он.

Договорились, что поедут Саша, Флюр и я, как самый опытный торговец. Выезжать надо было

пораньше, чтобы постараться обернуться за световой день. Темнеть сейчас стало раньше — уже в шестнадцать часов становилось темно, температура тоже начала постоянно понижаться.

Мы втроём встали в шесть часов утра, пока завтракали, заправляли и готовили машину, загружали её водкой и другими вещами, наступило восемь часов — в это время мы и выехали.

Глава 10

С собой в Тулу, как обменный фонд, я решил захватить и двенадцать блоков сигарет, два Мальборо и десять Явы. Сигареты и водка должны пользоваться спросом, в такой тяжёлой, стрессовой ситуации. Дорога была тяжёлой, хоть мы и ехали по проложенной колее, часто встречались трещины в асфальте. Скорость держали небольшую, максимум — сорок километров в час. Недалеко от выезда на Симферопольское шоссе перед деревней была большая трещина более метра шириной, но проехать было можно. На ширину колеи она была забросана кусками дерева и строительным мусором, но мы, на всякий случай, положили свои мостки и переехали на другую сторону. Пролёт моста на развязке с Симферопольским шоссе был разрушен и упал на дорогу, перегородив её. Мы выехали через разделительную полосу на нужное нам Тульское направление. Колея была наезжена — видно было, что это делали не только мы.

Движение по трассе было небольшое, пока мы ехали в сторону Тулы, навстречу нам попало только две машины и одна военная колонна из шести грузовиков. Все посты ГИБДД были пусты, на всех проезжаемых заправках въезды были заблокированы или грузовиками, или наваленными брёвнами. На трёх мы заметили стоящую там военную технику. Мы так и предполагали, что топливо достать вряд ли удастся, рассчитывать можно было только на себя. В городе нужно было внимательно следить за машиной, чтобы никакие шустрики не увели наше топливо, а то придётся путешествовать пешком сто километров — удовольствие не из приятных.

По трассе ехать было полегче, не засыпанных гравием трещин практически не встречалось, поэтому мы держали скорость километров семьдесят, проезжали медленно, только в местах пересечения с другими дорогами. Как правило, пролёты мостов были обрушены, и приходилось эти завалы объезжать.

На въезде в Тулу тоже пришлось выезжать на противоположную полосу движения, разворотная эстакада была разрушена. Подъездная дорога в город оставляла ещё худшее впечатление, чем Симферопольская трасса. Здесь сразу было видно, что её ни разу после катастрофы не чистили — образовались довольно глубокие колеи, петляющие между каких-то обломков и брошенных автомобилей.

В самом узком месте дороги стоял УАЗик (патрульно-постовой службы), вокруг суетилось несколько вооружённых милиционеров. Они досматривали микроавтобус Фольксваген. Видно было, что у него багажник и часть салона были набиты какими-то пакетами. Рядом стояло ещё несколько грузовиков и фургонов.

— Какой-то порядок соблюдается, — подумал я. Правда мне не понравилось, что как то грубо вытаскивали пассажирку из машины. Также вызывало недоумение, почему проверяют здесь — ведь мы проехали совершенно пустой пункт ДПС, километрах в трёх от этого места.

Один из стоявших милиционеров внимательно проводил нас взглядом, но останавливать не стал.

Въехав в сам город, мы поразились творившемуся здесь бардаку. Видно было, что улицы не убирают, кое-где на обочинах виднелись неубранные трупы людей на встречающихся развалинах,

никакой организованной разборки не велось. На руинах некоторых зданий копались бомжатского вида личности. По сравнению с Пушино, здесь было гораздо меньше порядка, несмотря на то, что имелось гораздо больше всех видов ресурсов, включая топливо, продовольствие, да и армейские части здесь были в достатке, а так же было много различных специальных Служб.

Проезжая, мы видели много военной техники, стоящей у больших продуктовых магазинов и у заправок, но ощущения порядка не было. Наверное, здесь было много начальства, и каждый тянул одеяло на себя. Если даже в Пушино образовалось два центра власти, то здесь, судя по всему, их гораздо больше.

В первую очередь, мы, конечно, поехали на продовольственную базу, где в прошлые приезды закупали продукты. У нас всё ещё теплилась надежда, что мы там что-либо получим — ведь я оплатил наш заказ.

Подъехав туда, мы увидели, что у ворот стоит БМД и поблизости, жгут костёр солдаты-десантники. Увидев нас, они взяли автоматы наизготовку, и подошли к нам. Пулемёт в башне БМД тоже недвусмысленно нацелился на нашу машину. Подошедший сержант в наглой форме потребовал: — Выйти из машины и предъявить документы! Приготовить машину для досмотра, на предмет поиска неразрешённых грузов: продовольствия, топлива и оружия с боеприпасами.

Саша с Флюром предъявили ему свои документы, а ксивы у них были весьма серьёзные и навороченные — там даже была бумага, где было сказано, что грузы и граждане, сопровождаемые ими проверке, и досмотру не подлежат. Развязность и наглость у сержанта сразу пропала. Он уже другим тоном спросил, — что требуется товарищу капитану.

Саша начал придумывать прямо на ходу, — мы по заданию командования составляем список объектов жизнеобеспечения в этом районе Тулы, а также, какие меры приняты для их охраны. Так что боец, мы посмотрели на объект и удовлетворены — можете продолжать службу.

Сержант покосился в мою сторону, Саша продолжил, — а это мобилизованная машина с водителем-хозяином.

Сержанту нечего было сказать, не идти же звонить, проверить наши полномочия. Тем более что документы были серьёзные, а мы ничего не просили и не требовали, только посмотрели и собрались уезжать. Поэтому, он, молча, козырнул, повернулся и пошел, обратно к костру, махнув бойцам, чтобы те опустили оружие. А я просто всё это время боялся, что они заглянут в машину и увидят водку с самогонкой, тогда уже никакие ксивы не помогут — обязательно всё конфискуют, а может и пристрелят, чтобы следов не осталось, а машину сожгут. Поэтому, после разговора, я весьма быстро развернулся и поехал к центру города. Больше мы решили никакие склады и большие магазины не искать.

В центр города мы поехали найти отдел Сашиной с Флюром конторы, в надежде, что там им должны выделить продуктовые пайки и оказать другую помощь. И с чем чёрт не шутит — может быть удастся эвакуироваться в такое место, где имеются большие стратегические запасы продуктов и какой-нибудь стабильный источник энергии, например, ядерный реактор, атак же большое организованное поселение людей. Всё-таки, большой группой, пережить наступающую «вулканическую зиму» будет намного легче.

Ещё ребята очень хотели связаться с Москвой — дисциплина и долг у них в крови, они обязаны были доложить и получить указания. И как я их не убеждал, — что в такой ситуации они, в первую

очередь, должны думать о родных и о себе, и им так скажет любое начальство их конторы, — они продолжали гнуть свою линию.

Въезд в центр перекрывал военный патруль из той же Тульской десантной дивизии. Командир патруля проверил документы ребят и посоветовал, как найти нужную службу. Он, правда, сказал: — Здание нужного вам отдела разрушено, и все службы сейчас собраны в здании администрации города. Там, по крайней мере, тепло и есть электричество и организована гостиница для потерявших свои части офицеров.

При этом он с сочувствием посматривал на Сашу и Флюра.

Когда мы подъехали к администрации — ребят направили к дежурному майору, я в это время стоял в стороне, меня никто не выгонял и, вообще, как бы ни замечали. Майор, посмотрев документы, раздражённым тоном произнёс:

— Вот опять отпускники, тут своим-то места не хватает!

Потом более спокойным голосом спросил:

— Что вам совсем негде остановиться?

Саша ответил, — в принципе, есть, мы живём на даче у родственников, а в Тулу приехали связаться с командованием в Москве и доложить. Что до службы доехать нет никакой возможности, все мосты разрушены, никакой транспорт не функционирует, и обычной телефонной связи нет.

Майор, уже деловым тоном, сказал:

— Связываться с Москвой бесполезно, там наверняка не до вас и других проблем достаточно. И у нас в Туле положение тоже очень напряжённое, особенно по размещению людей. Отапливаемых помещений катастрофически не хватает, система центрального отопления и электроснабжения нарушена, и в ближайшее время наладить её, не обещают. Поэтому я советую не пытаться пристроиться где-нибудь здесь, а ехать, обратно на дачу и переждать там пару, тройку месяцев. А справку, что вы обращались сюда, я вам напишу, а так же выдам продуктовый аттестат. Но, правда, на получение только однодневного пайка, больше не разрешено. Если хотите получить ещё на один день, то должны приехать завтра, выдам также талоны на сегодняшнее посещение столовой и, в виде исключения, даже на вашего товарища, — он кивнул на меня.

Делать было нечего, выступать и что-то доказывать было бессмысленно. Поэтому ребята, молча, козырнули, а майор начал оформлять продуктовые аттестаты и ещё какие-то справки. Получив обещанные бумаги, мы, первым делом, отправились в столовую, ведь горячий обед был нам очень кстати. В столовой было много народу, и стоял тяжёлый запах невымытых тел, перегара и какой-то гнилости. Обед был, мягко сказать, не вкусным, после него у меня сразу началась изжога, и я с ностальгией вспомнил обеды, которые готовили наши женщины. Но мы всё равно подъели всё полностью, может быть, чтобы не выделяться среди окружающих людей, которые с жадностью съедали всё подряд. Потом я пошёл в машину, а ребята направились отоваривать свои аттестаты. Я вышел из здания, подошёл к машине и, прислонясь к ней, решил покурить после невкусного, но сытного обеда в столовой. Мне стало жарко в моей тёплой одежде и хотелось охладиться на лёгком морозце. Ко мне подошел молоденький солдат, призванный, наверное, не более трёх месяцев назад. Он вероятно, охранял авто стоянку. Подошёл он стрельнуть сигарету, я ему, конечно, выделил и даже несколько штук — уж очень он имел жалкий вид, весь какой-то скукоженный, всё время хлюпал носом. На лице были следы побоев, но на плече гордо болтался автомат Калашникова. Мы

разговорились, я ему посочувствовал, — холодно, наверное, находится тут, даже погреться негде. Его звали Андрей, и он очень обрадовался, что есть, кому высказаться и поплакаться.

Призвали меня в начале мая в городе Челябинск. Я окончил школу год назад и пошёл работать на завод имени Коллющенко — учеником токаря. После призыва направили сюда, в Тулу, в учебку.

Присягу принимал здесь же, после учебки, в начале октября, направили в часть, обстановка во взводе у нас была вроде бы нормальная. Старики, конечно, издевались — не без этого. Надо мной, в основном, по поводу моего родного города Челябинска. Достали с «крутым челябинским пацаном» — всё предлагали проверить, насколько у меня крутые яйца, выдержат ли удар табуретки, если их положить на стол. Ну, это ладно — после катастрофы стало гораздо хуже.

Половина офицеров куда-то исчезла, оставшиеся совсем озверели. Старики тоже стали раздражительные, ни хрена не делают, заставляют молодых нести всю службу, а сами ночами выходят в город, чтобы раздобыть буханину и жрачку — в основном бомбят брошенные квартиры. Но вчера ночью решили взять коммерческий магазинчик, раньше там всю продавали водку — вот и думали, что и сейчас там тоже много бухалово осталось.

Когда начали ломать, оттуда открыли стрельбу и убили Марата, пришлось кинуть в окно пару гранат. Когда туда влезли, куча бутылок с водкой была разбита, но всё равно старики, ящик с целыми бутылками набрали, ещё взяли шоколадки и чипсы.

Всего в этом магазине сидело три человека, ребята сказали, — что в отместку за Марата, они их всех мочканули. А нам молодым ни хрена из этой добычи не досталось. Старики только командиру и прапору отдают часть добычи, чтобы они их прикрывали. А вообще, всё это начальство хапает целыми машинами. Вон земляша Саша Силин из соседнего взвода рассказывал:

— Наше отделение какому-то полковнику целую грузовую машину продуктов на дачу вывезли, одной тушенки там ящиков пятьдесят было, а получили за эти погрузочно-разгрузочные работы на рыло: по две банки тушенки, бутылку водки и по блоку сигарет Ява — хотя, конечно, это тоже дело. Я бы с удовольствием поучаствовал в такой работёнке, а то заставляют ходить тут по морозу, хотя нету сейчас никакого смысла служить в армии, врагов-то нету... Говорят, Штаты вообще разнесло — так, что надо распускать на хрен армию, лучше уж своим родным помогать. У нас во взводе уже семеро, кто недалеко живёт, дезертировали. Жил бы я поближе, тоже домой бы подался, а то тут, получается, работаешь не на страну, а на чужого дядю...

Вон, сами посмотрите, сколько машин здесь собралось и, считай, каждая или джип или иномарка и стоят столько, что на государственной службе и за сто лет не заработаешь. А откуда они сейчас берут бензин, хотя было распоряжение, топливо выделять, только на государственные машины, для обеспечения социальных нужд... А сюда приехали к своим поделщикам, чтобы ещё что ни будь нахапать...

После этого монолога он зло и подозрительно посмотрел на меня. Я его успокоил — говоря, что я не хапуга и не блатной, хоть и на иномарке, тем более не на джипе, а на фургоне... И приехал я сюда с сыном, он офицер, был в отпуске и нужно зарегистрироваться, а так он служит совершенно в другом городе. Здесь выделять место в тёплом офицерском общежитии отказались, а продуктов выделили только на один день.

Андрей засмеялся, — да, — говорит, — тут пока одно место не подлижешь, ничего не добьешься. На этом мы и расстались. Минут через десять, появились и Саша с Флюром с небольшими пакетами

в руках, там были все продукты, которые им выдали на аттестат. На двоих: две банки тушенки, булка чёрного хлеба, две банки лосося, два больших пряника и две пачки сигарет Ява. Но мы и этому были рады, особенно я, потому что у Саши, как и у Флюра, полностью пропало желание ещё раз сюда наведываться и добиваться связи со своим начальством.

Окрикнув Андрея, я стал выпрашивать у него, есть ли здесь рынок или барахолка, где можно поменять вещи на продукты. Он заинтересовался, — а что вы хотите менять?

Я ему говорю:

— У нас есть несколько бутылок самогонки, а нам нужны тёплые вещи, ну, и оружие тоже не помешает.

Немного подумав, он сказал:

— Сейчас вызову прапора и вы с ним всё обговорите, но с вас бутылка за содействие.

Я ответил:

— Смотря, что он сможет предложить. Но по любому — пачку Явы ты заработаешь...

Где находится рынок, он нам тоже рассказал. Мы дождались, пока Андрей не привёл прапорщика, тот представился Иваном Сергеевичем. Я описал ему, что нам, прежде всего, нужно и чем мы за это готовы платить:

— Нам необходима: тёплая одежда, оружие и амуниция, а так же продукты, в первую очередь консервы.

Он подумал и сказал:

— Одеждой и продуктами я помочь никак не могу. Но по этой теме есть у меня нужный человек.

А по оружию спросил:

— Что конкретно вам нужно? И сколько готовы на это потратить и всё-таки, чем собираетесь расплачиваться — если рублями или валютой, то можете засунуть их себе в жопу, это никому сейчас не нужно.

Я его ещё раз успокоили, и сказал, — у нас самая главная сейчас валюта, водка и сигареты — на что он одобрительно хмыкнул.

Цены он заломил, по нашему мнению, какие-то несуразные. Например, за автомат Калашникова, требовал три ящика водки, да и то — сегодня он их взять не сможет, только завтра. Мы долго торговались по имеющемуся у него сейчас в наличии оружию и снаряжению, убеждали его, что с такими запросами у него никто ничего не возьмёт, даже налили и выпили с ним по сто грамм.

Наконец договорились, что он нам отдаёт — три разовых огнемёта РПО-А (шмель) и десять гранат РГО за два ящика водки, кроме этого, за два ящика водки и десять литров самогонки — ручной пулемёт Калашников (РПКМ, коробчатый магазин ёмкостью 40 патронов) с ящиком патронов к нему. В виде бонуса он нам даёт прибор ночного видения. Так же договорились, что послезавтра мы ещё подъедем, и он пообещал подготовить три автомата АКМ с тремя запасными рожками и двумя цинками патронов. За всё это мы должны были привезти пять ящиков водки и четыре блока сигарет Мальборо.

Вместе с Андреем они быстро принесли выторгованный нами товар и забрали водку и самогон.

Андрею я все-таки выделил бутылку самогонки и пачку сигарет Ява.

После этой торговой операции мы поехали по указанному Иваном Сергеевичем адресу. Это было ближе к окраине города, там находилось какая-то военная часть и большие склады. Для торговли у

нас оставалось шесть ящиков водки и одиннадцать блоков сигарет. Подъехав к КПП, Саша вызвал старшего прапорщика Климчука Виктора Лукича — так нам написал Иван Сергеевич, дал он нам и записку к нему.

Тот появился минут через двадцать, прочитал переданную ему записку и сразу спросил:

— Что именно из снаряжения вам нужно? Сразу скажу — продуктов я достать не смогу. Они теперь все на особом складе и доступа я сейчас к ним не имею. Там идёт двойная проверка и ещё особыты осматривают каждую машину, выезжающую с того склада. А что касается одежды и снаряжения — то тут нет проблем. Я сказал:

— Нам нужна самая тёплая из всех возможных видов одежда, а так же, неплохо было бы взять валенки и тёплые рукавицы, пар по десять.

Он задумался, потом посмотрел на нас хитрыми глазами и сказал:

— Тут недавно поступило экспериментальное зимнее обмундирование с электроподогревом. В комплект входят: унты, длинная куртка, тёплые штаны и варежки, и к этому всему даже закрытый шлём — в этот комплект так же входит и литиевый аккумулятор. Для электропитания можно использовать и бортовую сеть транспортного средства. Но только эти комплекты очень дорого стоят!

Саша спросил:

— Сколько?

Подумав, он сказал:

— Не меньше пяти ящиков водки за комплект...

Мы дружно засмеялись и по наигранному сценарию пригласили его к нам в машину. Там споили ему почти, что пол-литра водки, сами пили совсем по чуть-чуть и обрабатывали его в три голоса.

Наконец, он дрогнул и согласился отдать пару этих комплектов за шесть ящиков водки. Ещё мы с ним договорились, что он отдаст пять пар валенок и тёплых варежек за пять блоков сигарет Ява и блок Мальборо.

На нашей машине, он провёз нас через КПП, до своего склада, где мы всё выменянное быстро разместили у себя в машине, а ему разгрузили водку и сигареты. Потом он нас проводил обратно за территорию складов. Попрощались вполне довольные друг-другом, он приглашал приезжать ещё... Время ещё было непозднее, и мы решили доехать до местной барахолки, вдруг что-нибудь выменяем полезное. У нас ещё оставалось: разлитая в пять бутылок самогонка, десять бутылок водки и шесть блоков сигарет.

Подъехав к рынку, мы с Сашей, оставили Флюра сторожить наше добро. А сами отправились на эту толкучку — иначе это скопище народа назвать было трудно. Нормальных прилавков с разложенным товаром, здесь не существовало вообще. Максимум, что было — это разложенный на картонках и газетах прямо на снегу всякий бытовой товар, по большому счёту сейчас никому не нужный. В основном около таких своеобразных прилавков стояли пожилые женщины. Разложенных продуктов не было видно вообще нигде. Торговцы мужчины, носили весь свой товар на себе, в рюкзаках или заплечных сумках. Некоторые ходили просто со списком имеющегося товара, эти списки висели у них на шее. Товар находился, где то недалеко под охраной, скорее всего, в машине.

На стоянке мы заметили, что практически возле каждой машины кто ни будь, находился. Тогда мы подумали, что это посетители просто боятся, чтобы у них не слили топливо. С бензином везде была довольно большая проблема, в открытой продаже или в распределении его вообще не было. На

рынке же, во многих местах стояли и продавали трёхлитровыми банками бензин. Мы приценились у одной женщины, которая торговала топливом (рядом стояло банок пять бензина). Стоимость одной банки — либо бутылка водки, или пять пачек сигарет, можно было также расплатиться: тушенкой, крупами, солью, в общем, любыми продуктами. Все продавали или стремились продать свой товар, только за продукты или спиртное.

Мы хотели приобрести на рынке, прежде всего патроны 12 калибра, для наших ружей. Потом, нам не помешал бы хороший бинокль, а лучше два. Также нас интересовала система связи типа «Уоки-токи». Да, и ещё нужен был прибор ночного видения, одного нам было всё-таки маловато. Бинокли мы нашли довольно быстро, но пока взяли только один — его нам уступили за бутылку водки и пачку сигарет Ява. Патроны нашли тоже, но дешевле чем бутылка водки за десяток, продавать не соглашались. Договорились, что вместо водки — отдадим самогон. Берём пять десятков патронов с картечью за пять бутылок самогона и две пачки сигарет Ява. Мужик, перед тем как согласиться, сначала попробовал самогонку и одобрительно почмокал.

Комплект радиостанции искали довольно долго, за всю систему, состоящую из базовой радиостанции и четырёх переносных приёмо-передатчиков, нам пришлось отдать всю имеющуюся водку — это десять бутылок и три блока сигарет Ява. Там же, на рынке, мы выменяли на сигареты десять пар толстых и тёплых вязанных шерстяных носков.

Загрузив всё в машину, мы решили немного проехать по городу, осмотреться, хотя, наверное, это было, довольно, опасно. Иногда слышались отдалённые звуки выстрелов, но местные жители на них совершенно не обращали внимания.

Мы решили доехать до вокзала и по параллельной улице направиться к выезду из города. Доехать до вокзала меня упросил Саша из-за того, что какой-то местный, бомжатского вида мужик, когда мы покупали бинокль и хотели взять цифровой фотоаппарат, толкая меня и Сашу, громко шептал: — Нахрен покупать за такую цену! Я знаю у вокзала большой магазин Культтоваров почти, что совсем неразграбленный. Там этой гадости хоть задом ешь, и, за стакан я покажу это место.

Продавец услышал этот полушёпот и грубо отогнал этого бомжа прочь, пообещав:

— После закрытия толчка, вправлю тебе мозги, и в этом мне с большим удовольствием поможет половина рынка.

Так что наше намерение доехать до вокзала, имело и вполне конкретную задачу — попробовать найти этот магазин и там покопаться. Тем более что темнеть начнёт не раньше чем через три с половиной часа. Около вокзала мы узнали, где находится нужный нам магазин у женщины, везущей на санках две канистры с водой.

Магазин оказался недалеко, на перпендикулярной от нашей дороги улице, это был магазин «Эльдорадо». Когда мы к нему подъехали, то увидели, что несколько стеклянных витрин было разбито, видно одну из них разбили совсем недавно, вокруг валялось много осколков, не засыпанных снегом. Взяв фонарики, мы с Флюром направились туда, оставив Сашу охранять машину. Он был совсем не против этого. Как только мы остановились, Саша с упоением начал заниматься с пулемётом, разбирая и протирая все детали. Сразу было видно, что он любил, да и умел обращаться с оружием.

Улица, на которой стоял магазин, была пустынная. Два дома на ней были полуразрушены, в других отсутствовали стёкла в окнах. Недалеко в палисаднике, перевалившись через маленький заборчик,

лежал труп мужчины и лежал видно давно. Перебравшись через низкую раму разбитой витрины, мы с Флюром попали в магазин, там везде был беспорядок, дорогие плазменные телевизоры валялись на полу.

Пол вообще был весь усыпан лазерными дисками, деталями компьютеров, какими-то проводами, но, тем не менее, товара оставалось ещё много, видно халявная электронная аппаратура и бытовая техника не пользовалась популярностью у местного населения и мародёров. Действительно, где же им было взять электричество, а от этой аппаратуры сыт не будешь.

У нас с Флюром глаза просто разбегались, хотелось взять всё, но мы решили брать только те вещи, которые нам были явно необходимы. Мы разделились, я пошёл в отдел фотоаппаратов, а Флюр начал разыскивать системы связи «Уоки-токи». Отдел фотоаппаратов, биноклей и другой оптической техники я нашёл довольно быстро, но, ни в витринах, ни на полках, фотоаппаратов и биноклей уже не было. Видно всю мелкую качественную технику, давно вывезли из магазина — валялись одни китайские фотоаппараты-мыльницы.

Я начал производить более детальный осмотр отдела и нашёл за одной витриной, импровизированный мини склад, там лежали несколько десятков коробок с цифровыми фотоаппаратами, видеокамерами, биноклями и другими товарами. Я даже был в затруднении, что же выбрать, потом подумал и взял две одинаковые видеокамеры Сони, большой цифровой фотоаппарат Никон и четыре бинокля с разной степенью увеличения.

Положив добычу в два больших пакета — их нашли целую упаковку у кассы, я начал проверять коробки дальше. И нашёл большую подзорную трубу, можно сказать, телескоп с подставкой и другими причиндалами, его я тоже решил взять.

Крикнув Флюру, я отнёс всё в машину и пошёл на второй заход. Сейчас решил брать два фотопринтера Эпсон — второй на всякий случай, ну, конечно, и жадность играла свою роль. Взял так же расходные материалы к ним — они были упакованы в небольшие коробочки вместе с фотобумагой, ими я набил три пакета. Пока Флюр искал «Уоки-токи» я сделал пять ходок, ещё принёс несколько коробок аккумуляторных батареек, их я нашёл в этом же мини — складе. Видно те, кто громил этот магазин, никогда не работали в торговле, потому, что нужный товар, был изъят только с видных и легкодоступных мест, а так же с центрального склада, в котором оставили только крупногабаритную технику, работающую от электросети.

Там я взял и принёс в машину шесть керамических, полуторакиловаттных норвежских обогревателей. Они мне понравились тем, что не потребляли кислород, и там было термореле, которым можно задать нужную температуру, ну и надёжностью, естественно. Ещё я взял два пятикиловаттных нагревателя той же фирмы, они были проточными и вдували тёплый воздух. Ими можно было гораздо быстрее нагреть нужное помещение.

Когда мы с Сашей укладывали нагреватели, наконец, появился Флюр, он всё-таки нашёл, правда, один комплект, переговорного устройства и то только потому, что «Уоки-токи» лежало под столом, заваленное сверху пустыми коробками. Кроме этого комплекта он был нагружен четырьмя набитыми чем-то пакетами. Там была целая куча лазерных дисков с фильмами и музыкой, четыре маленьких аудио плеера с памятью на «флешках», штук тридцать самих «флешек», несколько упаковок чистых лазерных дисков, а так же зачем-то электронный переводчик. На мой вопрос:

— Зачем он нужен? Где ты сейчас найдёшь хоть одного иностранца? Или ты собираешься читать в

подлиннике Шекспира, а может быть Хайдеггера или Камю?

Флюр ответил:

— Да идите вы! Просто очень давно хотел такой агрегат, но было жалко денег.

Посоветовавшись, мы решили ещё сделать пару заходов и по любому уезжать, здесь мы уже находились около двух часов, а нам ещё ехать сто километров по дороге, чреватой различными неожиданностями. Я захотел захватить ещё хороший, дорогой компьютер, два лазерных принтера и сколько унесём расходных картриджей к ним, а так же бумаги. Компьютеры, принтеры, как и расходные материалы к ним, практически были не тронуты, только растащили все ноутбуки. Бумагу, по-видимому, брали, её оставалось не так много, всего упаковок тридцать. Мы в течение двадцати минут перекидали всё это в машину.

Теперь можно было ехать домой, до начала сумерек оставалось не менее часа. Взятым товаром из магазина мы забили багажник фургона полностью, даже заложили левое заднее сиденье коробками до самой крыши.

Вёл машину Флюр, он вообще был очень неплохой водитель, и зрение у него было отличное, у меня со зрением было не ахти. Я сел на переднее пассажирское сидение, поставив между ног свою Сайгу. На всякий случай, в связи с выстрелами в городе, я снял её с предохранителя и был настороже. Стрельба стала слышна чаще. Время близилось к вечеру, и всякая нечисть вылезла на добычу. На заднем сидении расположился Саша со своей новой игрушкой, пулемётом — по-видимому, он в него влюбился, по крайней мере, наглаживал его, покачивал и что-то приговаривал, было смешно на него смотреть. Пулемёт он зарядил и сказал:

— Всех порвём! С такой игрушкой, готов отразить атаку любой банды. Так, что Батя, спрячь свою пукалку — ей только людей смешить.

Так со смешками и подначками, в приподнятом настроении мы отъехали от магазина к себе домой. Я сидел и думал. Отчего мы с таким маниакальным упорством хватали всё, что попадалось на глаза. Этими вещами мы запасались, наверное, не только из жизненной необходимости. Просто, в такой невообразимо жуткий жизненный момент, набитый под завязку фургон с дорогой по прежней жизни техникой — грел душу.

Глава 11

До выезда из города мы ехали минут двадцать, больше нигде не останавливались, машина была загружена полностью. Я оглядывал окрестности в шестикратный бинокль, взятый в магазине. На том же месте, недалеко от выезда на Симферопольское шоссе, так же как и утром стоял милицейский УАЗик. И вокруг суетилось пять человек — трое в форме, а двое в гражданском, но почему-то все с автоматами. Меня насторожила реакция гражданских, когда они увидели наш приближающийся автомобиль, они спрятались за УАЗик, чтобы мы их не увидели. Ещё больше насторожило то, что невдалеке стояло, по крайней мере, две знакомые машины, которые я хорошо запомнил ещё с утра. Особенно микроавтобус Фольксваген, у него было промятое левое заднее крыло. Из него утром постовой грубо вытаскивал пассажирку. Утром в самом микроавтобусе было видно много разных коробок и пакетов, он был загружен примерно, как теперь наша машина. Сейчас никаких пассажиров и груза не было видно, а в бинокль можно было всё хорошо рассмотреть.

Ещё добавляла несуразности с этим постом ситуация в городе, где был полный бардак и мы за целый день, так и не видели ни одного поста милиции. А тут вдруг обычная патрульно-постовая служба,

даже без гаишников, досматривает машины, тем более не на стационарном посту ГИБДД, да ещё с вооружёнными гражданскими лицами.

Воспоминание о перестрелке с Пушинскими милиционерами — когда они начали стрелять, без всякого предупреждения и сразу на поражение, было ещё свежо в памяти. Поэтому я предупредил Сашу:

— Если нас остановят, ты сразу открываешь боковую дверь и начинаешь стрелять из своего пулемёта по людям, сидящим и спрятавшимся за милицейский драндулет. Двух легавых, которые стоят у дороги и будут нас останавливать, я возьму на себя...

Внимательно прислушивающемуся Флюру сказал:

— Если нас будут тормозить, ты остановишься так, чтобы было удобно целиться и мне и главное, Саше стрелять из боковой двери.

Всё-таки выучка у ребят была отличная — никто из них даже и не попытался что-то выяснить, или тем более вступить в пререкания. Когда мы приблизились к УАЗику метров на семьдесят — на край дороги вышел один из милиционеров и жезлом начал показывать, что требует остановиться. Метрах в пяти от него стоял другой милиционер с автоматом наизготовку. Я решил сначала стрелять в него, потому что тот, который с жезлом по любому не успеет выбросить его, схватить автомат и прицелиться — тут у меня будет несколько секунд форы.

Флюр остановил машину метрах в десяти от милиционера с жезлом — выехав на обочину и поставив наш фургон немного косо. Как раз так, чтобы УАЗик и подходящие милиционеры оказались в зоне поражения. Перед самым поворотом к постовым я кнопкой автоматически опустил стекло. Ствол ружья, чтобы заранее не увидели, я загородил пустым пластиковым пакетом. Как только мы остановились, я сразу же начал стрелять в дальнего от меня милиционера, сделал подряд три выстрела картечью. Первые два выстрела целился в голову, третьим в ноги — предполагая, что они могут быть в бронежилетах, а у меня были всё-таки не пули и вряд ли пробьют бронежилет. Вторая серия из двух выстрелов была по милиционеру, который нас останавливал. Он с выпученными глазами, с болтающимся на шнурке жезлом — нервно пытался изготовить свой автомат к стрельбе.

— Поздно, батенька, поздно, — перевозбуждено прошептал я. В это время Саша, настезь распахнув боковую дверь, хладнокровно, не очень длинными очередями — дырявил милицейский УАЗик. Да, всё-таки страшная штука — действие пулёмётных пуль на близком расстоянии. УАЗик, а он был в метрах тридцати, мало того, что насквозь прошивало — его ещё и шатало от каждой очереди. Вся наша стрельба продолжалась от силы минуты три, да и, то только потому, что Саша, пока не расстрелял все патроны из контейнера — не успокоился. Потом наступила тишина — в ответ не прозвучало ни одного выстрела. Пока мы стреляли, Флюр, схватив второе ружьё, выскочил из машины — используя её как защиту, настороженно всё оглядывал. Он не сделал ни одного выстрела, но контролировал окружающую обстановку и развитие ситуации — нет ли где подозрительного движения.

Движения не было, только останавливающий нас милиционер катался, по земле — тонко повизгивая. Зарядив ружьё, я тоже вышел из машины и хотел пойти проверить, что там, в УАЗике и за ним, но меня остановил Саша:

— Батя постой! Сейчас начинается наша работа, — крикнул он и отобрал у меня заряженную Сайгу.

Потом почти кошачьим шагом на полусогнутых ногах добрался до УАЗика. Я даже не увидел, как он успел приготовить гранату. Дойдя до милицейской машины, он посмотрел в неё, заглянул за УАЗик — потом выпрямился и убрал гранату в карман.

— Всё нормально, — крикнул Саша, но почему-то сделал три выстрела из моего ружья. После чего спокойно направился к нам. Флюр в это время занимался раненым милиционером.

— Что там такое у Саши? Какого «хрена» палит? — Спросил я его.

— На всякий случай, контрольный выстрел, теперь гарантированно все двухсотые, в спину никто не выстрелит, — с каменным лицом проговорил Флюр.

Я себя чувствовал ужасно — всё думал, что ребята меня сильно осуждают. Ведь, можно сказать, безо всякой причины и, в принципе, без проявления агрессии с противоположной стороны, только потому, что мне ситуация показалась опасной — взяли и убили кучу народа. Поэтому я чувствовал какое-то тяжёлое к себе отношение. Саша и Флюр, не обращая внимания на меня, занимались единственным раненым. У второго милиционера, в которого я стрелял, голова была наполовину снесена — наверное, он умер уже после первого моего выстрела, а я методично стрелял уже в труп. Так я настраивал себя. Подойдя к убитому мной человеку и посмотрев на разбросанные куски мозгов — меня затошнило и захотелось проблеваться. Я хотел зайти за УАЗик облегчиться, но там увидел не менее страшную картину — буквально расчлененные близкими пулемётными очередями два трупа. Меня затошнило ещё больше, и я побежал к ближайшему оврагу.

— О Боже, — только мог прошептать я. Там, вповалку лежало больше двадцати трупов. Одной из верхних была женщина, — которую милиционер утром вытаскивал силком из микроавтобуса. Тут мне совсем стало плохо — казалось, что я схожу с ума, и мне уже везде мерещатся трупы. Я только и смог, валясь в снег, крикнуть:

— Ребята!

Первым ко мне подбежал Флюр, посмотрев в овраг, он просто остолбенел, вторым подошел Саша, он, наверное, как более опытный — успел вытащить из аптечки нашатырный спирт и упаковку нитроглицерина. Аптечка у меня лежала в большом инструментальном ящике, который стоял между задними пассажирскими креслами и мог служить дополнительным местом, когда там ехало больше трёх человек. Подойдя к нам, он даже не стал меня реанимировать, а тоже уставился на открывшуюся страшную картину в овраге. Так молча, они стояли несколько минут. Я уже немного оклемался — понял, что всё-таки не сошёл с ума и мне всё это не кажется.

В душе разрасталось ощущение жуткой неправильности всего происходящего, Не может такое происходить с людьми в XXI веке, но факт, как говорится, был на лицо. Тогда же я почувствовал и по взглядам и по поведению — изменение отношения ко мне ребят, они полностью и без разговора признали во мне командира, который вправе принимать любые решения, потому что он мудрее и предусмотрительнее их.

Они, наверное, представили, где все мы могли лежать, если бы я безапелляционно, не спрашивая их совета, не обсуждая, просто приказал стрелять — стрелять на тогдашний их взгляд подло и неожиданно. Даже их военная подготовка, по-видимому, этого не предусматривала — для любой силовой операции, нужно было какое-то обоснование и иногда, они сами его придумывали, чтобы не превратится в хладнокровных, профессиональных убийц.

Я же сейчас был благодарен профессиональной подготовке Саши и Флюра, они не обсуждая и не

пререкаясь — точно выполнили полученные указания. Да, я хоть и не военный — но в тот момент сработала или память предков, всё-таки я казацкого рода. А может быть работа на бирже — где просто необходима решительность и умение за очень небольшое время принять единственно верный вариант, не обращая ни на что внимание, провести его в жизнь. Кто этого не может — тому делать на бирже нечего. Я имею, конечно, в виду ежедневную спекуляцию, а не инвестирование средств на длительный период. Ежедневная спекуляция производит мощный естественный отбор — очень быстро разоряя неподходящих людей, является просто живым примером теории Дарвина. А я всё-таки занимался этим без малого четыре года и, в принципе, преуспел. Так, что эта работа свободным трейдером — несомненно, добавила в мой характер решительности и способности к быстрым действиям, несмотря на сомнения, научила не верить кем-то придуманным условностям и чужим авторитетам. Как правило, на бирже проигрывали те, кто следовал привычным и почти что официальным правилам поведения цен на акции, которые должны подчиняться расчётам технического и фундаментального анализа. Они иногда и подчинялись — сегодня законам линейного теханализа, завтра волнам Элиота, послезавтра только фундаментальным факторам, а потом, вдруг, делали кульбит и шли не туда. И только трейдеры-интрадейщики, каким-то шестым чувством, предугадывали движение рынка. Например, я, буквально чувствовал, какие должны быть уровни по некоторым акциям. Ну ладно, что я про свою бывшую работу. Теперь, я думаю, в ближайшие несколько сотен лет, она точно никому не будет нужна.

Итак, посмотрев на гору трупов в овраге и сопоставив с количеством стоящих машин, мы сделали вывод, что здесь грабили проезжающие с грузом автомобили, а водителей и пассажиров просто убивали — сталкивая трупы в овраг и, судя по количеству тел, этим занимались не один день. Отношение к раненому милиционеру у ребят после увиденного ужаса в овраге, сразу изменилось — появилась какая-то злоба и жестокость. Подойдя к нему, Флюр, несмотря на то, что только что, несколько минут назад, он бережно перевязывал раненого и вкалывал ему пирамидол из аптечки — схватил его за воротник куртки и потащил к оврагу, где лежали трупы. Раненый громко закричал, подошедший Саша грубо пнул его в бок, чтобы тот заткнулся, милиционер затих и только всхлипывал, иногда тихонько подвывая. Я стрелял ему по ногам, и было видно, что на одной ноге, на бедре был вырван картечью целый кусок мяса. Правда, Флюр перебинтовал ногу, но я после того как вышел из машины, сразу посмотрел на результаты своей стрельбы.

Подтащив раненого к оврагу и посадив его лицом к горе трупов, чтобы он мог видеть этот кошмар — ребята начали производить дознание. Перед этим Саша посоветовал: — Батя пойдя, посмотри, что там творится в других машинах. Тебе с непривычки лучше этого не видеть. Мы же обучены проводить допрос в боевой обстановке — так, что по любому выжмем из него всю информацию.

Мне действительно после этих событий было не по себе и я, подойдя к нашей машине. Достал оставшуюся неполную бутылку водки — там было примерно грамм двести и прямо из горлышка, не закусывая, выпил половину. Другую половину я оставил Саше, а Флюру пить не полагалось, он был за рулём.

Перекурив и немного отойдя от пережитого, я действительно отправился осмотреть стоявшие неподалёку машины. Своё ружьё взял наизготовку, менять его на автомат я не стал, «Сайга» была всё же привычнее и роднее. Ребята же разобрали трофейные автоматы. Оставшиеся лишними три

автомата, а так же всю амуницию и боезапас, найденный на трупах и в простреленной машине, собрали и уложили в наш фургон.

Осматривая брошенные автомобили, я был готов, что они окажутся пустыми — так оно и оказалось. Там оставались только разбросанные личные вещи водителей и пассажиров, никакого следа перевозимых грузов не было. Когда я осматривал грузовую ГАЗель — раздался одиночный выстрел, я даже присел от неожиданности. Потом осторожно выглянул из-за борта Газели, ничего опасного на горизонте вроде бы не наблюдалось. Ребята спокойно шли от, оврага к нашей машине. Флюр призывно махнул мне рукой. Я бросил осматривать Газель и быстро подошёл к ним. На мой вопрос: — Что случилось с раненым?

Флюр с каменным выражением лица сказал:

— Он догоняет своих приятелей по дороге в ад.

После этих слов, я даже не стал обсуждать причины одиночного выстрела, стало и так всё понятно.

Сев в машину и включив печку, Саша начал рассказывать, что удалось узнать у раненого Милиционера:

— Эти уроды занимались грабежом проезжающих машин уже три дня. Выбирали, как правило, автомобили с номерами других регионов, и по степени загруженности машин. Если в машине не было ничего ценного, особенно продуктов, её отпускали, конечно, для конспирации проверив документы. Останавливали только одиночные машины. Людей, в машинах у которых груз конфисковывался, они просто убивали, сталкивая тела в овраг. Раненый, правда, божился, что он никого не убил, что он просто стоял на дороге, останавливая машины, а убивали те в гражданском — они вообще были зверьё — конченные уголовники. Один из них, который постарше, и был вдохновителем и организатором всей банды, а их, простых милиционеров, эти бандиты в гражданском — просто использовали. У подельников этого бандита сейчас находится его семья, жена с маленьким ребёнком. Вообще он всячески пытался нас разжалобить.

Его перебил Флюр:

— Врал гад! Я понюхал ствол его автомата, из него точно сегодня стреляли и вообще все они, это настоящие оборотни в погонах, их надо уничтожать, — с ненавистью закончил он.

Саша между тем продолжил:

— Всего их в банде одиннадцать человек. Шестеро из них сейчас на базе, которая находится невдалеке, на территории местного ДРСУ. Там есть небольшая угольная котельная и поэтому в помещении конторы тепло и вся банда перебралась жить туда. Всех работников предприятия не перешедших к ним в услужение они перебили. База видна даже отсюда, — он показал.

Несмотря на то, что уже начинало темнеть, можно было разглядеть километрах в пяти несколько больших боксов. Я взял из машины большой бинокль и уже отчётливо увидел — два больших бокса, каждый с пятью воротами под грузовую машину. Рядом стояло двухэтажное, видно административное здание. Была видна и дымящая, пятнадцатиметровая труба котельной. По шкале бинокля выходило, что до Базы пять километров семьсот метров. Пока я в бинокль разглядывал базу, Саша продолжил:

— Вооружена банда хорошо, у каждого есть автомат и по несколько гранат, а также имеется крупнокалиберный пулемёт и несколько гранатомётов.

Потом он немного замялся и продолжил.

— Они убивали не всех — симпатичных и молодых женщин увозили к себе на базу. Ну, там, сами понимаете, что с ними делали. Сейчас у них находится пять женщин.

Он замолчал, я тоже прекратил рассматривать бандитское гнездо и посмотрел на Сашу и Флюра. Оба они имели мрачный вид, на меня старались не смотреть, отводили глаза.

А у меня наоборот — после выпитой недавно водки, появилась какая-то лихость и вера в своё всемогущество. А в сердце клокотала ненависть к этим уродам, исчадьё ада в человеческом обликии и жалость к погибшим людям, нежданно-негаданно, попавшим под руку этим мразям. Саша всё-таки посмотрел мне в глаза и спросил:

— Ну что командир, будем делать? Уже поздно, пора ехать домой.

И увёл глаза в сторону. Я сказал:

— Нет, ребята! Эти животные не имеют право на существование, их надо уничтожить. К тому же, они, наверное, сейчас там над захваченными женщинами издеваются и нас наверняка не ждут, а ждут этих вот гадов с добычей.

Я кивнул на расстрелянный УАЗик. После моих слов, ребята сразу как то расслабились, у них появились улыбки, Саша, улыбаясь, хлопнул Флюра по плечу и воскликнул:

— Ну что я тебе говорил Татарин!

Они, наверное, предполагали, что я, верный своему принципу — не влезать, ни в какие разборки и не становиться ни на чью сторону, если это не касается непосредственно нас. Сейчас скоманую о возвращении домой, тем более что мы в, принципе, удачно съездили, набрали целую машину ценных вещей. Нас никто не заставлял устанавливать мировую справедливость и тем более я им, наверное, плешь проел, рассказом о самом неблагоприятном сценарии развития данной катастрофы. О том, что наступит «вулканическая зима» на длительный период времени и всё равно большинство людей погибнет, особенно в городах. Не в наших силах этому помешать, или оказать какую-нибудь существенную помощь людям и, тем более, власти. Поэтому, сейчас надо думать только о нашей группе и пытаться по максимуму набирать любые продуктовые или топливные припасы, потом это будет сделать невозможно.

Поэтому, после моего заявления, ребята слегка обалдели, услышав от апологета принципа невмешательства — предложение спасти совершенно незнакомых женщин. Но они были страшно рады этому решению и сразу начали обсуждать план операции. Я в этом не стал принимать участие, рассудив, что они профессионалы и лучше меня всё просчитают и распланируют.

В это время, я, в бинокль пытался изучить бандитское логово, хотя и стало уже значительно темнее.

Вдруг увидел, что от базы отделились огни, по-видимому, оттуда выехала машина. Начав за ней наблюдать, понял — она поехала в нашу сторону. Прервав наблюдение, сказал ребятам:

— Мужики! К нам по видимому едут гости с бандитской базы. Нужно подготовиться и хорошо их встретить.

Как-то незаметно команду на себя взял Саша. Отобрав у меня бинокль, он проследил за движением приближающейся машины и сказал:

— Едет такой же УАЗик, как тот, который мы раздолбили.

Потом поручил мне развернуть наш фургон фарами к приближающемуся автомобилю и включить дальний свет. Чтобы попытаться ослепить гостей и повысив голос, приказал:

— Батя встань под защиту машины и приготовь своё ружьё, но сам, ни в коем случае первым не

открывай огонь. Стреляй только если кто-то из гостей сам выбежит прямо на тебя.

Сами Саша с Флюром отбежали метров на тридцать от машины и залегли по разные стороны дороги в кювет — прямо в грязный снег.

Машина с бандитами приблизилась где-то минут через пять, после того как я переставил фургон и включил дальний свет. Я стал махать им подобранным жезлом. Они поморгали мне фарами и остановились метрах в двадцати от нашей машины. Из УАЗика вышел один человек — он что-то крикнул, но тут прозвучало четыре одиночных выстрела и всё смолкло. Потом с правой стороны дороги к УАЗику метнулся силуэт Флюра, и раздалось ещё два выстрела, после чего на дорогу вышел и Саша. Он уже не прятался, а стоя перед горящими фарами УАЗика, отряхивал с одежды налипший грязный снег. Флюр в это время вытаскивал с водительского места труп бандита в милицейской форме — второй был в гражданском.

— Ну, что транспорт подан! — опять ёрничая, сказал Флюр. На что Саша заметил:

— Нас можно поздравить, уже минус два бойца.

Мы оттащили мёртвых бандитов в овраг к остальным трупам и встали перекурить. У меня от волнения дрожали руки — это стало особенно видно, когда я попытался зажечь зажигалку, получилось только с третьего раза, но никто этого как бы, ни замечал. Наверное, видя моё состояние, Саша окончательно взял бразды правления в свои руки. Всё-таки он был более подготовлен к тому как вести себя в критической ситуации и мог холодно и рационально оценивать окружающую обстановку и необходимые адекватные действия применительно к ней. Он начал командовать и сказал.

— Во-первых, в связи с привалившей удачей, в виде уменьшения живой силы противника и возможностью легально подъехать к базе на этом, — он пнул УАЗик по колесу, — автомобиле, мы план нашей операции меняем. Теперь не будем подбираться огородами к этому бандицкому гнезду. Выстрелов они, наверное, не слышали, а если и слышали, то вряд ли предполагают, что стреляли здесь.

Действительно иногда вдалеке раздавались звуки выстрелов. Видно, в городе шла напряжённая борьба за место под солнцем, волки вышли на охоту, и обычному обывателю было трудно что-либо противопоставить этому. Между тем Саша продолжал говорить:

— Сейчас мы убираем наш фургон куда-нибудь вглубь этих машин, — Он кивнул на стоящие пустыми грузовики:

— Немного разворачиваем разбитый нами УАЗик, чтобы издали не было видно всех пробоин и на этом, — он опять пнул по колесу, приехавший УАЗик, — едем прямо к воротам базы, ликвидируем охрану, если она у них, конечно, есть и по обстановке — мочим всех бандюг.

Потом он обратился уже непосредственно ко мне:

— А ты батя сядешь за руль. Когда подъедем к воротам, если их не откроют, то вылезешь из машины, прядешься за неё и оттуда страхуешь нас. Только сильно не пали, а то своей дробью нас можешь зацепить. Если же ворота откроют или они будут открыты, а от этих дилетантов можно ожидать чего угодно. Ты заезжаешь на территорию базы — приостанавливаешься, выпуская нас. Потом прижимаешься к боксу, напротив светящихся окон двухэтажного здания и оттуда так же страхуешь нас, чтобы к нам в тыл никто не сунулся.

Я кивнул в знак того, что понял свой манёвр и свою диспозицию. Потом он сказал, обращаясь уже к

Флюру:

— Твоя забота на начальном этапе ликвидация охраны. Если её будет трудно достать, тогда закидываешь их гранатами. После ликвидации охраны, будешь оказывать помощь в зачистке дома.

В случае малейшей заминки — гранаты не экономить. Ну, в общем, работаем как обычно.

После этого монолога Саши, мы начали выполнять задуманное. Я поставил фургон за Газель, чтобы его не было видно с дороги. Ребята на УАЗике — прямо бампером, поворачивали расстрелянную нами машину. Всё это мы проделали минут за десять, включая наше довооружение гранатами и проверку оружия и боезапаса.

После чего я сел за руль УАЗика, и мы покатали в сторону бандитского логова. Сидеть на месте убитого водителя было неприятно. Боковое окно было выбито пулей, и на обшивке двери и сидения, когда осматривал водительское место, я видел капли крови. Но чувства я загнал вглубь себя, чтобы они не мешали предстоящей операции.

Глава 12

К бандитской базе подъехали, когда стало уже совсем темно, ворота были закрыты. Когда мы приблизились к ним метров на пять, из железной калитки выглянул мужик. Я ему требовательно посигналил и помигал фарами — он пошел открывать ворота. Пока он грохотал с той стороны задвижкой — Флюр выскользнул из машины и подбежал к калитке, держа в руке нож. Это был отличный, правда, не фабричный, нож, который мы выменяли на барахолке в Туле, он очень понравился тогда Флюру. Когда мы заехали на территорию базы — Флюр уже укладывал тело охранника возле калитки, чтобы не было видно из окон конторы. Я притормозил, чтобы выпустить Сашу, потом, как и было указано, прижался УАЗиком ближе к железным воротам бокса — чтобы сзади никто не мог подойти.

Встал я напротив окон административного здания, фарами УАЗика осветил весь торец здания, потом, не выключая машину, вышел и, пригнувшись у заднего бампера, приготовил ружьё. После чего начал внимательно оглядывать все подходы к зданию, чтобы никто не зашёл в тыл к ребятам. Саша в это время пытался открыть дверь в здание, но она была закрыта на щеколду изнутри.

Флюр вышел из бытовки сторожа, — наверное, проверял её — подумал я. В этот момент я заметил движение в окне второго этажа. Кто-то открыл окно и что-то крикнул — его силуэт чётко выделялся освещённый моими фарами. Но его было отлично видно только мне, ребятам же он был не виден, они находились слишком близко к дому. Всё это время после открытия окна я держал его на мушке. Не услышав ответа на свой окрик, он начал доставать автомат. Я выстрелил и выстрелил как обычно, три раза подряд, чтобы наверняка попасть. Флюр практически сразу после моих выстрелов метнул в это окно гранату.

Кстати у бандитов была электроэнергия — было слышно негромкое тарахтение бензогенератора, и горел свет в бытовке у сторожа и в двух окнах первого этажа административного здания.

Почти сразу после взрыва гранаты, из окна первого этажа, где горел свет, начали стрелять из автомата прямо через оконное стекло по машине, на которой мы приехали. Хотя я и присел и был защищён всем корпусом автомобиля, включая мотор, но всё равно было муторно слышать чмокающие звуки пуль, попадающие в машину.

Во время выстрелов из окна — Саша, подобравшись сбоку, кинул туда одну за другой две гранаты. После их взрывов он, расчистив проход через окно автоматным корпусом — влез в здание.

В это время Флюр — разбив выстрелами стекло в светящемся окне, и кинул туда гранату. Потом метнулся к окну, где скрылся Саша и тоже проник в здание.

Всё стихло и замерло, я тоже притаился — напряжённо осматривая территорию базы. Поэтому сразу заметил приоткрывшуюся дверь котельной и побежавший вдоль забора силуэт. Не раздумывая, я начал стрелять по нему, пока в обойме не кончились патроны, потом сразу начал перезаряжать ружьё — хотя у меня и был в запасе трофейный автомат, снятый с предохранителя и лежащий рядом.

Силуэт, кстати, упал, и опять наступила тишина. Неожиданно раздалось несколько одиночных выстрелов в доме, и через минут десять распахнулась входная дверь в здание, и вышел Саша. Сняв прибор ночного видения, он подошёл ко мне и сказал:

— Ну, всё батя, отбой! Здание зачищено, сейчас территорию осмотрим и можно передохнуть.

Я ему сказал:

— Из котельной выбежал какой-то человек, и я его вроде подстрелил.

Саша удивился и сказал.

— Странно! Вроде мы подсчитали всех двухсотых, счёт сошёлся, вместе с теми, кто в овраге — ровно одиннадцать. Неужели тот козёл обманул — но после такого допроса обычно говорят правду. После этих слов он, уже напряжённый, на полусогнутых ногах, опять надев прибор ночного видения и выставив вперёд автомат — направился в указанную мной сторону. Заглянув в кочегарку, он пошёл вдоль забора и вскоре наткнулся на тело подстреленного мной человека и потащил его на свет к бытовке. Я тоже подошел туда. Человек, в которого я стрелял, был ещё жив — но весьма плох. Одет он был в обычную телогрейку, испачканную угольной пылью. Она была сейчас пробита множеством картечин и видны были следы крови. Саша попытался задать ему несколько вопросов, но мужик только мычал в ответ и дёргался, потом он дёрнулся всем телом и умер на руках у Саши — тот опустил его на пол бытовки.

— Всё отмучился бедолага, — сказал он:

— Наверное, это был простой кочегар, оружия я нигде не нашёл. Ну ладно! Не надо было прислуживать бандитам, ведь наверняка понимал, чем они занимаются.

Мне тоже было не особо жалко этого человека и никакого угрызения совести за свои выстрелы, я не испытывал. Мы вышли во двор, к нам подошёл и Флюр, вышедший из здания и там решили перекурить. Ребята рассказали, — что после взрывов гранат, живых и могущих стрелять бандитов они в здании не нашли. А стреляли на всякий случай — делая контрольные выстрелы и добивая одного тяжёлораненого, который, конечно, не смог бы ничего предпринять, но собаке собачья смерть. Тем более, он был в той комнате, где они нашли убитую осколком гранаты женщину, она была раздета и привязана за руки и ноги к спинкам железной кровати. Той же гранатой убило и бандита, который был без брюк, но с автоматом — это он стрелял с первого этажа. На втором этаже, в комнате где, открыли окно, нашли одного убитого бандита, у него моими выстрелами было снесено пол черепа, и как сказал Флюр:

— Нервным на него лучше не смотреть.

Мы начали гадать — куда могли спрятать остальных захваченных женщин. Флюр вспомнил железную дверь с навесным замком на первом этаже. Там ещё рядом было маленькое окошко, тоже закрытое железной створкой — наверное, это было помещение кассы. Мы кинулись туда. На весь длинный коридор имелась только одна, горящая тусклым светом, лампочка и было довольно темно.

Мы, подсвечивая фонариком, хорошо осмотрели замок, Саша попросил нас, — немного отойти. А потом несколькими выстрелами сбил его с петли — ему было лень искать по карманам убитых бандитов ключи. После выстрелов, за дверь истерично завывали женские голоса. Открыв дверь, мы увидели, что три совершенно обезумевшие женщины, забившись в угол с закрытыми глазами — дико кричали от испуга, особенно дико это смотрелось под светом фонариков. Я крикнул Флюру, — сбегай в комнату на первом этаже, куда Саша кидал гранаты, — несмотря на полный разгром, я там заметил на полу у железного шкафа несколько уцелевших бутылок Дагестанского коньяка: — и срочно принеси бутылку и стакан.

После этого мы с Сашей начали, как могли, успокаивать женщин и почти что силой вытащили их в коридор. К этому времени подбежал Флюр с двумя бутылками и двумя стаканами.

— Всё-таки он сообразительный, — подумал я. Мы силком влили каждой из женщин грамм по сто коньяка. Сами допили остатки из первой бутылки. Крики прекратились — девушки просто испуганно озирались и дрожали всем телом. В это время Саша спокойным голосом говорил:

— Всё позади! Самое страшное уже кончилось! Мы представители власти — при этом он махал перед носами женщин своей ксивой. После выпитого коньяка девушки немного успокоились, а может их, успокоил вид официального документа. Они уже сами, морщась, выпили налитые им дозы коньяка. Мы с ребятами опять допили оставшийся коньяк, разделяя поровну — по братски. Старшая из них троих выхватила Сашин документ и начала его рассматривать, потом закричала:

— Где вы были так долго! Тут такое творилось!

И, выронив удостоверение, зарыдала. Глядя на неё, две другие девушки тоже начали всхлипывать. В коридоре было достаточно прохладно, а девушки были легко одеты. Саша сказал Флюру:

— Надо пошарить по комнатам, может, где есть тёплая одежда. Если не найдёшь женскую, то носи мужскую. Мы пока пойдём в бытовку, там гораздо теплее и светлее.

Проходя мимо комнаты, куда Саша закинул две гранаты, она стояла открытая — выбитая взрывом дверь валялась в коридоре, девушки увидели окровавленный и весь растерзанный труп бандита. Две молоденькие отвернулись, стараясь туда не смотреть. А третья женщина, лет двадцати пяти, кинулась к этому трупу и что-то крича начала пинать его ногами. Мы с Сашей еле её оттащили и выволокли из здания. Приведя всех девушек в бытовку, мы с Сашей вытащили лежащий здесь труп кочегара на улицу — на это девушки даже не прореагировали. Потом вскипятив воду в электрическом чайнике, заварили им по большой кружке и раздали по бутерброду каждой, а так же дали на всех половину варёной курицы и один большой тульский пряник — это всё было в запасе у сторожа.

Дождавшись, когда Флюр принёс целый ворох курток, штанов и три пары валенок (всё это он принёс за два раза), я сказал девушкам:

— Приводите себя в порядок! Умывальник и целое ведро чистой воды здесь есть. А мы пока пойдём, походим по территории, осмотрим здесь всё.

Самая старшая по возрасту из всех троих, её, кстати, звали Таней, задала вопрос:

— А где все остальные спецназовцы?

Саша засмеялся и ответил.

— Все здесь в наличии. Для таких сверхкрутых бойцов как мы, эта операция — лёгкая разминка.

А потом уже серьёзно сказал:

— Никакие мы не спецназовцы!

И коротко рассказал историю нашего здесь появления. Девушки сразу притихли и задумались, а самая молоденькая опять начала всхлипывать.

Оставив девушек, мы пошли всё осматривать. В первую очередь, мы собрали у бытовки всё трофейное оружие, правда, к сожалению Саши, крупнокалиберный пулемёт, который стоял в комнате на втором этаже, был основательно повреждён взрывом нашей гранаты и уже не подлежал восстановлению. Но и без него набралась внушительная куча вооружения. Потом мы подошли к доставившему нас УАЗику. Он был безнадежно испорчен, наверно пол рожка патронов от АКМ угодило в моторный отсек — полностью там всё разбив. Нужно было искать какое-либо средство передвижения. На виду во дворе стояли только несколько самосвалов и тяжелая строительная техника. Мы начали с Сашей осматривать закрытые воротами боксы. Перед этим Саша отправил Флюра на второй этаж административного здания, чтобы он оттуда контролировал прилегающую территорию и подъезды к базе.

В третьих железных воротах первого бокса была небольшая незапертая дверь. Зайдя туда, мы включили фонарики — тут стояло пять грузовых машин, четыре КамАЗа и один фургон ЗИЛовский Бычок. Причём один из КамАЗов был бензовоз. Мы подошли проверить сначала к нему — он был полон бензина. Я и Саша крайне обрадовались. Ещё бы, по нынешним временам, это было целое состояние.

Ещё больше нас обрадовало содержание кузовов других машин, один из тентованных КамАЗов был завален доверху мешками. Мы проверили — там, оказалось пшеничная мука, под мешками с правой стороны стояло четыре двухсотпятидесяти — литровых бочки с растительным маслом. По-видимому, эту машину захватили, когда она перевозила сырьё на хлебозавод, дверь в одном месте была прострелена.

Два оставшихся тентованных КамАЗа были забиты овощами, видно на них везли товар откуда-то с юга, у них были дагестанские номера. Бычок был забит рыбными консервами, Саша залез в кузов и осмотрел несколько ящиков, там были «лосось» и «сайра» в жестяных банках.

Воодушевлённые этими находками мы направились в другой бокс. Здесь стояли три грузовые машины и два джипа, один «Лэнд ровер», а второй «Нисан Патруль». Машины тут были поменьше, две Газели фургона и длинный тентованный дизельный грузовик «Исузу» грузоподъемностью 4,2 тонны. Один из Газелевских фургонов был заставлен ящиками, в основном с водкой, в другом было множество разнокалиберных коробок. Вскрыв некоторые из них, мы увидели — чипсы, сухие супы, бульонные кубики. Другие коробки решили открывать дома, уже как говорится — с чувством, толком, с расстановкой. «Исузу» был забит различного вида мясными консервами, импортными сухими колбасами, было несколько ящиков с Хамоном немецкого производства, а также много ящиков с голландскими паштетами.

В этом же боксе было огороженное, закрытое помещение. Взломав замок, мы увидели полки, забитые аккумуляторами, запчастями, различного вида маслами и другими расходными материалами для автомобилей.

— Да! Для разбора этого склада необходим Коля, — подумал я.

После осмотра боксов, нас перестала беспокоить мысль, на чём мы поедем — зато начала глодать мысль, как же мы всё это оставим без охраны. С этими думами Саша и я пошли советоваться с

Флюром. Зайдя на второй этаж, крикнули ему, что это мы идём, на что он как всегда шутливо ответил:

— Походку бати я за километр услышу и узнаю. Чем-то похоже на поступь слона.

Подойдя к нему, мы стали ему рассказывать о наших находках, он только цокал языком и периодически повторял:

— Да славненько мы сюда заглянули!

На мои опасения, — о необходимости оставить, такие ценные запасы без присмотра даже на один день. Он только рассмеялся и заметил:

— Несколько часов назад мы даже и не знали ни об этой базе, ни об этих запасах, поэтому жалеть нечего. А обнаруженные богатства — это подарок судьбы или Бога за то, что не остались равнодушны к судьбе незнакомых женщин и покарали это исчадье ада.

Мы с Сашей ещё в боксе однозначно решили, что сегодня, по любому, будем перегонять отсюда домой — машину с мукой и бензовоз. Муки у нас дома было очень мало, а хлеб мы все любили, тем более, её можно пока хранить на холоде, а что с ней будет. Саша предложил, — давай ещё возьмём Бычок с консервами, вместо нашего Мерина оставшегося на дороге, — но я ни в какую не хотел его оставлять.

Так что обо всех этих предложениях мы рассказали Флюру, на это он ответил:

— Я давно тут наблюдаю за окрестностями и в бинокль, и в прибор ночного видения и пришёл к выводу, что здесь поблизости нет ни одной живой души. А люди, которые жили вон в тех домах, — он показал на находящиеся метрах в трёхстах, несколько бараков, — наверное, погибли от газа, или эвакуировались. Видите, они находятся в низине и дома все низкие, одноэтажные, самое высокое здание здесь — это наше. Да и бандиты наверняка всё зачистили около места своего обитания, даже кочегар жил тут.

Флюр продолжил:

— Так что, с этой стороны опасаться нам не надо, что касается дороги, то за всё время наблюдения там не проехала ни одна машина. Да и днём, кто поедет вглубь неизвестного поселения? Следующие по делам, к Симферопольской трассе — точно не завернут. Так что никто тут не появится до нашего следующего приезда. Ещё предлагаю, поставить милицейский УАЗик за забор, прямо около административного здания, чтобы его было видно издали — тогда точно диких бомжей отпугнёт.

Так же Флюр согласился с нами, что в первую очередь надо забирать муку и бензин, и продолжил невысказанную нами мысль:

— Завтра надо брать всех наших мужиков, умеющих управлять транспортными средствами и приезжать сюда обратно для вывоза оставшейся техники.

Потом он спросил:

— Не заглядывал ли кто из вас в подвал?

Я удивлённо посмотрел на него и спросил:

— А что тут есть ещё и подвал?

Он ответил утвердительно и сказал:

— Это в конце коридора и он закрыт на навесной замок.

После чего попросил:

— Если никто не проверял, то разрешите сходить проверить, а то я здесь уже засиделся.

Я разрешил ему и Саше пойти проверить, что там, в подвале, правда, сказал:

— Предварительно навестите женщин, может быть им, что ни будь нужно. Потом после проверки подвала, начинайте подготавливать КАМАЗ с мукой и бензовоз к движению — нужно проверить уровень топлива, завести и выгнать во двор. Поищите ещё ключи от этих всех автомобилей. Я пока буду сидеть тут и дежурить.

Они, ухмыляясь, вытянулись, козырнули, потом по-уставному развернулись и строевым шагом вышли из комнаты.

— Мальчишки! — подумал я, и начал осматривать окрестности в бинокль, а потом в прибор ночного видения, который мы купили у прапорщика в Туле. И это было сегодня утром, а казалось, очень давно, вот, что значит, навалилось сразу столько событий. После осмотра окрестностей, я посмотрел на часы, было уже четверть одиннадцатого, а нам ещё предстояло проехать около ста километров, по этим дорогам и начавшемуся, правда, не очень сильному, снегу.

Минут через десять, ко мне поднялся Флюр и позвал в подвал, сказав:

— Батя! Пошли быстрее в подвал. Там ты просто охренеешь видя всё это...

Спустившись туда, я увидел довольно большое помещение, заставленное полками и железными шкафами. Всё это было заполнено различного вида продуктами. Например, подойдя к одной из полок, я вскрыл ящик и увидел, что он заполнен металлическими банками с красной икрой ёмкостью по 140 грамм, рядом стояли ящики с оливками и маслинами — судя по всему, бандиты очень неплохо себя обеспечили.

— Какого чёрта они продолжали беспредельничать на дороге, — думал я, — здесь было столько запасов, что им надо было сидеть и не рыпаться. Но как обычно, победила бандитская наглость и самоуверенность, а так же расчёт на то, что все другие — трусливые дураки и безропотные овцы, которые только и ждут момента, чтобы попасть под нож мясника. И, наверное, был ещё расчёт на то, что если кто-то и заметит, что-то подозрительное, вмешиваться всё равно не будут — уедут от греха подальше, вряд ли кому хотелось лишних забот и проблем. Этим и была возвращено это злокачественное образование — нежеланием других людей, обладающих силой и властью, влезать в чужие разборки и даже элементарно, оказать помощь попавшему в тяжёлое положение — другому, незнакомому человеку. В конечном счёте — они, казалось бы, сильные, обладающие определённой властью люди, при малейшем ухудшении своего положения или своей силы, например в результате несчастного случая, тоже не дождутся никакой помощи, и винить в этом могут только сами себя, своё равнодушие. Вся система взаимоотношений между людьми похожа на принцип домино, при падении одной христианской заповеди через некоторое время посыплется вся конструкция и, наоборот, при бескорыстной, помощи нуждающемуся, всё вернётся дающему в сто кратном размере, правда, может и не сразу, и не в материальном плане. Сейчас всё общество напоминало мне большую, растревоженную стаю крыс.

Думая обо всём этом, я, между тем, обошёл весь подвал. Комната с продуктами занимала где-то треть его, остальная площадь была занята трубами и другими инженерными сооружениями и механизмами, служившими для обеспечения жизнедеятельности этого здания и, по-видимому, всей базы.

По моим прикидкам, для вывоза всех имеющихся здесь продуктов, нужно было, не менее пятнадцати ездов на моей Газели. В подвале было не менее двадцати пяти тон груза, и вытаскивать его отсюда,

была тоже большая морока.

— Придётся, всем нашим мужчинам потрудится и не один день, — подумал я. Мы не удержались и подняли наверх три ящика с икрой. Их мы решили обязательно увезти домой, чтобы порадовать наших женщин. Эти ящики решили уложить в кабины КамАЗов, под ноги пассажирам, тем более кабины там были большие.

Так как время было дорого, ребята сразу пошли заниматься машинами, чтобы выгнать их во двор. Баки они уже проверили и сказали, что топлива хватит хоть до Москвы. Я в это время пошёл к девушкам, ведь нужно было с ними как то объясниться — выяснить их намерения и планы. Войдя в бытовку и посмотрев на них, я удивился, как быстро девушки успели измениться. Из забитых, испуганных, трясущихся существ, превратились просто в красавиц, даже глаза у них начали блестеть, по-особому. Их совершенно не портили не по размеру одетые мужские брюки и куртки — это даже придавало им несколько пикантный и милый вид. Они о чём-то разговаривали между собой, иногда даже похихикивая — видно коньяк оказал на них своё благотворное воздействие.

Войдя, я первым делом предложил познакомиться, а то в горячке событий, мы даже не узнали, как их зовут. Первой представилась самая старшая девушка:

— Меня зовут Таня. Бандиты захватили меня ещё позавчера, остановив под видом проверки документов наш «Ленд ровер», в нём мы ехали вместе с мужем, которого убили прямо у меня на глазах. Застрелил его и издевался надо мной все эти две кошмарные ночи — тот урод и просто мерзкое животное в человеческом облики, труп которого я пинала в той комнате. Молоденькие девушки оказались сёстрами, старшую звали Наташа, младшую Рита. Старшая, срывающимся голосом продолжила рассказ Тани:

— Нас с сестрой захватили сегодня утром, когда мы с родителями ехали домой в Москву. Родителей тоже убили прямо на посту, где стояла милиция.

Я спросил:

— Не на микроавтобусе ли Фольксваген вы ехали?

Обе сестры закивали головами. Мне стало понятно, что утром я видел, как это из их машины выволакивали женщину — наверное, это была их мать. Потом все замолчали... Вдруг Рита начала рыдать, сквозь слёзы она причитала:

— Всё пропало! Мы не знаем, что нам делать и где искать защиты! Даже вы, которые нас спасли от страшной участи, хотите нас бросить! Я чувствую, что вы собираетесь уезжать...

У других девушек тоже появились слёзы на глазах. Тогда я сказал:

— Если у вас нет других планов, то вы можете ехать с нами, но только при условии, если будете полностью подчиняться нашим правилам и моим указаниям и прекратите истерику.

Потом я рассказал им о нашей колонии, о наших правилах и кратко о ситуации, которая сейчас складывается в мире. После моего рассказа они дружно согласились влиться в наш коллектив и обещали полностью выполнять все наши правила и требования. А работать они могут очень хорошо и совершенно неизбалованные, а у Наташи имеется даже взрослый первый разряд по биатлону и она очень хорошо стреляет. Тогда я предложил:

— Идите собирать свои личные вещи, конечно, если они у вас остались...

А Наташе вручил трофейный автомат с двумя запасными рожками и сказал:

— Это теперь твоё оружие! Теперь ты должна понимать положение, где мы все оказались. Думаю,

что ты уже в такую задницу не попадёшь, да и другим не дашь попасть. Как писал старик Дюма — один за всех и все за одного.

Другим же девушкам сказал:

— Когда вы немного обучитесь стрелять, то и вам выдам такой же — чтобы больше не попадали в такие истории.

К этому времени Саша и Флюр выгнали КамАЗы из бокса и поставили рядом с бытовкой. Девушки сказали, — что у них нет никаких вещей, и они готовы немедленно занимать места в автомобилях. Я вышел из бытовки, чтобы переговорить с ребятами, предупредить их, что все девушки едут с нами и становятся частью нашей группы.

Так же надо было, как планировали, поставить УАЗик за ворота, рядом с административным зданием, для отпугивания бомжей и других случайно приблизившихся мародёров. Зацепив тросом многострадальный УАЗик, КамАЗом вытащили его за территорию ДРСУ. Потом общими усилиями поставили его передним бампером к зданию, чтобы не было видно пробитого корпуса и разбитого переднего стекла.

После чего, выключив генератор, закрыв ворота и заперев калитку, мы поехали на бензовозе и КамАЗе с мукой, к моему Мерсу стоящему на месте нашего первого боестолкновения с бандитами.

Глава 13

Мы подъехали к месту, где оставили мой фургон. Я вылез из КамАЗа и, настороженно озираясь, подошёл к нему. Всё оставалось, так же как и до отъезда — никто, здесь не появлялся. Я завёл машину и выехал на дорогу. Девушки решили ехать со мной — с молодыми ребятами, которые к тому же всё время молчали, им было ехать некомфортно и потом, все салоны грузовиков были завалены, трофейным оружием и ящиками с икрой. К тому же мы освободили в моей машине пассажирское сиденье от коробок, уложив их в кабины грузовиков.

С ребятами мы договорились — ехать колонной не далее чем пятьдесят метров друг от друга с максимальной скоростью в 60 километров в час. Погода и дорога были неважные, падал снег, и температура понизилась — как показывал термометр на приборном щитке моего Мерседеса, она упала уже до — 16 градусов.

Первым должен ехать Саша на КамАЗе с мукой. Он, как самый тяжело нагруженный, будет пробивать колею, потом еду я на фургоне, замыкать колонну будет Флюр на бензовозе. Включив дальний свет, мы тронулись в дорогу. Посмотрев на часы, я засёк время, было без десяти минут двенадцать ночи. Вокруг была полная темнота, — которая только иногда озарялась красно-бордовым светом от огненных следов, иногда ещё падающих метеоритов.

Доехали мы спокойно, без всяких приключений. Уже без четверти два ночи въезжали на территорию посёлка. Девушек в моей машине, в тепле разморило и они уснули. Перед самым посёлком вперёд выехал я, чтобы наши наблюдатели не испугались и не перепутали, приняв нас за чужих.

Никто у нас дома не спал, при нашем приближении все вышли на улицу, несмотря на холод и плохую погоду — наверное, переволновались. Ворота на участок были уже распахнуты. Когда я вышел из машины, мне на шею сразу же бросилась Маша и разрыдалась, я, как мог её успокаивал, говоря:

— Всё хорошо! Задержались, потому что нашли много полезных вещей и продуктов, к тому же в нашем коллективе пополнение... Подошли и ребята, на шее Саши тоже висела Вика. Они с Флюром

тоже всех успокаивали и ни слова не сказали про боестолкновение. Потом мы всех познакомили с девушками.

Я предложил:

— Так как время позднее и мы все жутко устали, все рассказы будут завтра вечером. Потому что завтра рано утром нужно всем мужчинам ехать вместе с нами за второй партией груза.

В это время, Саша с Флюром и помогающий им Валера начали приносить и складывать в сени трофейное оружие. Все с немалым удивлением смотрели на растущую кучу автоматов и гранатомётов, сверху на эту кучу я положил пулемёт, купленный нами в Туле — за ним я специально сходил к своей машине. Захотелось поприкалываться, и к тому же эта картина требовала завершающего мазка.

КамАЗы мы решили поставить на участок Володи, муку пока не разгружать, оставить её в машине. А бочки с растительным маслом мы выгрузили при помощи ручной тали и откатали в сени, чтобы масло не промёрзло. Разгрузив бочки и поставив КамАЗы, мы с ребятами сразу пошли спать — даже не ужинали, только выпили горячего чая с бутербродами. Я поручил Коле — вместе с нашими женщинами накормить привезённых девушек и разместить их на третьем этаже, а другим мужчинам разгрузить фургон, заправить его, в общем, подготовить к завтрашней поездке. И предупредил всех, что завтра общий выезд и значит — обязательный подъём всех мужчин в семь часов утра. После этого, уже плохо соображая, я направился в душ, после чего в спальню, где сразу уснул и ничего больше не слышал.

Проснулся я только от того, что меня трясла жена, уже было семь часов утра — на улице было ещё темно. Проснулись все — мужчины уже были готовы отправляться в дорогу. Саша и Флюр выглядели бодрыми, как будто проспали часов десять. Например, я, более или менее восстановился, когда выпил две чашки кофе, при этом во вторую чашку добавил грамм двадцать коньяка. В процессе завтрака мы договорились, что поедут семь человек. Останутся охранять посёлок Николай и его сын Максим. Они надулись и начали оспаривать это решение, на что я объяснил:

— Николай ещё не залечил свою рану, а Максим ещё молодой и не имеет Водительских прав — опыт вождения очень маленький, а нам нужно будет перегонять большие грузовые машины. К тому же больше семи человек в мой фургон не войдёт — и так двоим, придётся сидеть в багажном отделении на откидных сидениях. И вообще наша задача сегодня перегнать грузовики, разгрузить их, а потом на них сделать вторую ходку и вывезти, сколько сможем груза. Так что, работы будет много и остающимся тоже, им надо всё подготовить, чтобы мы могли быстро разгрузиться.

Выехали мы без четверти восемь, на улице было ещё сумрачно, снег ночью прекратился, но на дороге его уже было много, ехать было тяжело. На трассе, пока ехали до Тулы мы увидели только одну машину — междугороднее движение практически совсем прекратилось.

До бандитской базы мы добирались около двух часов. По приезде туда — прежде всего, убедились, что там пусто, и никто её не посещал, снег вокруг лежал не тронутый никакими следами. Во время дороги мы в подробностях рассказали — иногда перебивая друг друга, про нашу вчерашнюю схватку с бандитами. И про богатые запасы на их базе. Но когда приехали — остальные ребята ещё долго ходили, смотрели и удивлялись, до чего же эти сволочи, много награбили. А когда мы рассказали про овраг полный трупов, все начали жалеть, что они не участвовали в этой расправе над бандитами. Они бы порвали этих зверей голыми руками. В общем, мне было смешно смотреть на них. В эту

минуту они походили на наивных, великовозрастных пацанов.

Нас как раз хватало на перегонку шести оставшихся грузовиков. Подумав, я решил пока оставить свой Мерин здесь, а взять джип «Лэнд ровер». Всё-таки у него четыре ведущих колеса и он гораздо проходимее моего Мерса. Посадочных мест там с дополнительными сидениями было тоже семь, да и объём багажника у него был тоже большой, загрузить было можно много продуктов, особенно мне в нём понравилась — лебёдка, закрепленная на переднем бампере. А свой фургон возьму потом — всё равно нам сюда приезжать ещё не один раз. К тому же на завтра мы договорились с прапорщиком Климчуком опять произвести бартерный обмен.

Когда приехали, то выгнали все грузовые машины и «Лэнд ровер» из боксов. Перегрузили часть водки из Газели в мой фургон для намечающейся бартерной операции. Потом её и бортовую ИСУЗУ, догрузили продуктами из подвала — также полностью загрузили и «Лэнд ровер».

Так как мы всё продумали заранее, и каждый был уже закреплён за определённой машиной, то никакой суеты и бестолковых метаний не было. Вся работа была проделана достаточно быстро и в одиннадцать часов мы тронулись в обратный путь.

Двигаться опять решили колонной: первый я на «Лэнд ровере», потом Саша на КамАЗе, замыкал колонну Флюр тоже на КамАЗе, скорость как обычно — решили держать не более 60 километров в час. Каждый из нас был вооружён автоматом АКМ с несколькими запасными рожками, а у Саши и Флюра было ещё и по гранатомёту с двумя запасными выстрелами. У меня в машине, у Володи, едущего в середине колонны и у Саши с Флюром — были, вчера выменянные на водку, радиопереговорные устройства. В случае непредвиденных обстоятельств, решено было мигать дальним светом и гудеть.

Обратная дорога заняла гораздо меньше времени, чем путь в Тулу, все-таки тяжёлые машины шли гораздо увереннее по такой дороге. Ехали мы совершенно спокойно, без всяких происшествий, домой приехали полпервого дня. Сразу стали разгружать машины, в первую очередь с овощами, мы опасались, что они уже могут быть переморожены. Всё-таки столько часов они находились в неотапливаемом боксе, да и везли их при минусовой температуре, на улице было — 15 градусов. Но, к счастью, они ещё не успели промёрзнуть. По-видимому, в боксе пока держалась плюсовая температура — он не успел после отключения котельной, сильно охладиться.

Участие в разгрузке приняли все, включая женщин, только Надя с маленьким ребёнком сидела на наблюдательном пункте. И всё равно, несмотря на такое количество народа — разгружали машины до самого вечера, закончили только в восьмом часу. Все очень устали и поэтому решили — наплевать на сегодняшний план, а ехать на базу завтра пораньше. Гнать туда ночью и опять заниматься погрузкой — совершенно не хотелось. А если там за сегодняшний день ничего не растащили, то за ночь — точно не растащат.

После такой работы, нам захотелось устроить праздничный ужин с шампанским и икрой. И наконец-то послушать рассказы наших новых друзей — членов нашего сообщества. Конечно, все уже примерно знали об их злоключениях, но никто, включая и меня, не знал полного рассказа.

За стол мы сели в восемь часов вечера, плотно поужинали, потом налили женщинам шампанского. Мужчины все решили пить коньяк, чтобы как-то снять накопившуюся усталость — да и повод был не особенно радостный, предстояло услышать рассказ о невесёлых событиях. Первой начала рассказ о себе и о том, как судьба привела её к нам, — Татьяна:

Зовут меня Татьяна, по мужу фамилия Селезнёва, в девичестве Аверина, мне 25 лет, по специальности учитель химии. Окончила Педагогический институт, но в школе я проработала всего год, потом вышла замуж за Костю и больше не работала. Мой муж, работал Топ менеджером в одной торговой компании в Москве, сам он из Курска, там оставались жить его родители. Четыре дня назад мы ехали от них домой в Москву, тогда и случился этот кошмар.

Мы только недавно купили машину «Лэнд ровер» — жутко дорогую и престижную. И в принципе, поехали в Курск, чтобы муж мог похвастаться перед родителями и перед своими старыми друзьями детства. В Курск мы поехали на следующий день, как рухнул этот проклятый метеорит — как раз тогда все вроде успокоились.

Приехав в Курск, я практически всё время сидела с родителями Кости, а он в это время пьянствовал с друзьями. И в тот ужасный день, когда было землетрясение, он пришёл домой очень пьяный. Само землетрясение родительский дом выдержал очень хорошо, ничто не обрушилось, не развалилось. Хотя в городе было много рухнувших зданий и масса жертв — особенно когда пошёл отравленный воздух.

Всю неделю после землетрясения, мы сидели дома, следовали рекомендациям, которые передавались по трансляции. Слава Богу, у нас было много продуктов. Мы с Костей привезли родителям, полную машину различных консервов и деликатесов из Москвы. Так же было много водки и Костя с тестем каждый вечер напивались. Как говорил Костя:

— А что ещё делать? Выйти нельзя, телевизор не работает.

Квартира у родителей Кости была на третьем этаже четырёх — этажного дома — ещё дореволюционной постройки. Поэтому там у некоторых жильцов остались даже печки, а дымоходы были во всех квартирах. У тестя, правда, вместо печки был сделан камин, которым он очень гордился. Вот мы и сидели целыми днями у этого камина — грелись. Отопление и всё остальное отключилось сразу после землетрясения.

Как только отменили газовую опасность, и можно стало выходить на улицу, мы с мужем сразу начали собираться в Москву — домой. Родители Кости с нами ехать отказались. Тесть упёрся, говоря:

— Здесь мы с матерью что-то значим и нас уже записали на эвакуацию в заводской пансионат — там есть отопление и электричество и там будут, правда, по талонам ежедневно кормить. А в Москве, хоть Костя и говорит, что он один из совладельцев фирмы и очень уважаемый там человек, но мы-то всё равно там будем никому не нужны — да и сам Костя с нами намучается.

Так мы и отправились вдвоём в Москву, у нас был почти полный бак бензина и ещё в запасе двадцатилитровая канистра, как сказал Костя:

— Можно доехать до Москвы и вернуться обратно, ни разу не заезжая на заправку.

Подъезжая к Туле, решили ехать через город, вдруг удастся, что-либо купить поесть, а самое главное, нам нужна была вода, ту, которую брали с собой, уже заканчивалась. В городе еды мы конечно не нашли, но воду набрали — её развозили на машинах и они стояли на всех крупных площадях, так же как в Курске.

Когда выезжали из города, а это было в три часа дня, нас остановил милицейский патруль. Они с интересом осмотрели нашу машину, спросили у мужа, — когда она куплена, — потом попросили предъявить документы. Меня тоже попросили выйти, — чтобы осмотреть машину.

Подошедший человек в штатском, но с оружием, о чём-то переговорил с милиционером, потом обращаясь к моему мужу, сказал:

— Нужно пройти к милицейской машине, проверить данные по компьютеру...

Он пропустил Костю вперёд, поднял автомат и выстрелил моему мужу прямо в затылок. Я всё это видела и попыталась броситься туда — но, стоящий рядом милиционер, ударом повалил меня в снег, заломил руки и одел наручники. Потом, они вместе с гнусным убийцей затащили меня в УАЗик и приковали наручниками к какой-то скобе и этот страшный маньяк меня предупредил:

— если ты тварь будешь кричать, то сука, я заткну тебе пасть, какой-нибудь грязной тряпкой.

После этих слов Таня разрыдалась...

Я налил ей 50 грамм коньяка и почти что силой заставил выпить. Через некоторое время она уже смогла продолжить свой рассказ:

— В милицейской машине я просидела ещё часа два, потом туда засунули ещё одну женщину и приковали наручниками к скобе на другой стороне автомобиля. Она была тоже зарёванная и побитая — её звали Ирина. Перед этим я слышала три выстрела. Мы вдвоём просидели так в машине ещё час, затем нас отвезли на эту проклятую базу и посадили в маленькую тёмную каморку, бросив туда два матраса. В эту же комнатёнку поставили ведро для туалета. Света там не было — освещение шло только через маленькое окно из коридора. Мы чтобы не видеть этих гнусных бандитских рож, обычно это окошко закрывали на железную створку.

Поесть и воды нам дали только один раз. Мы с Ириной прорыдали все время до позднего вечера — пересказывая друг — другу все ужасы, которые с нами случились. Ирина тоже видела, как убили её мужа и родителей. Отца и маму застрелили совершенно хладнокровно два милиционера — они даже свою беседу прервали буквально на одну минуту.

Ночью нас с Ириной развели по разным комнатам. Я не знаю, что случилось с Ириной, а меня мучило это животное, этот ублюдок всю ночь. Это тот, который застрелил моего мужа, и, которого я убила бы ещё раз с большим удовольствием.

Под утро он привёл меня обратно в каморку, дал продуктов и воду, а потом, гнусно ухмыляясь, сказал:

— Передохни тут до вечера, а ночью должна показать мне всё, на что способна. Если конечно хочешь жить и готовься, может, я позову своего друга, — после этих слов он жутко рассмеялся.

Ирина так и не появилась, днём привезли ещё одну женщину — Полину. У неё была примерно такая же история попадания к бандитам. Она ехала, сопровождая груз муки на хлебозавод, с ними ехал и вооружённый охранник. На въезде в Тулу их остановили на милицейском посту для проверки документов, а потом застрелили водителя и сопровождавшего их охранника — хоть у него и был автомат. Их с охранником вызвали из кабины под предлогом, что в кузове груз сейчас развалится. На улице охранника просто застрелили сзади, в голову, водителя убили прямо в кабине.

Полина тоже была потрясена пережитым и нашим рабским, безысходным положением. Мы просто превратились в игрушки для утех этих зверей. Меня в этот вечер не трогали. Полину же увели, сказали, — на прописку. Потом втолкнули всю избитую, часа через три. Я всю ночь не спала, со страхом ожидая, что вот сейчас, придут за мной. Но пьяный гвалт, доносившийся из коридора до середины ночи, наконец, утих, и к утру я уснула.

Проснулась только днём, когда втолкнули к нам в каморку Наташу и Риту. Где-то под вечер, опять

увели Полину, за мной, гнусно смеясь, — обещали зайти попозже, а девчонки получают боевое крещение — когда придут с операции другие.

Потом, приблизительно через час началась стрельба и взрывы, мы с испуга закрыли наше окошко железной створкой и сидели в полной темноте, забившись в угол. И, наконец, появились наши спасители.

Таня посмотрела на нас и опять заплакала. Её начали успокаивать, даже снова налили коньяку. Больше всех усердствовал Валера — наверное, она ему понравилась, он даже ушёл со своего обычного места за столом, чтобы сесть рядом с ней.

Помолчав, переваривая услышанное, все, наверное, чтобы снять эту тяжесть, вызванную рассказом Тани, начали говорить о бытовых проблемах и что нужно улучшить в нашей жизни. Специально отвлекая мысли Тани и свои тоже от тех трагических моментов, как бы говоря, — что сделать что-либо уже нельзя и жить нужно дальше. Этим всё возникшее напряжение, вызванное рассказом Тани, как-то сбилось. Мы начали обсуждать, что завтра на базу надо ехать большему количеству человек, что, судя по сегодняшней разгрузке, загрузить машины будет очень нелегко, тем более, придётся таскать груз по подвальной лестнице. Поэтому, договорились, что завтра с нами поедут ещё Вика с Катей и Максим. Таня и Наташа с Ритой не хотели возвращаться на бандитскую базу — не хотели вспоминать пережитое. Во время этих разговоров как-то незаметно начали рассказывать о себе и своих злоключениях Наташа и Рита — при этом перебивая и дополняя, друг друга.

Начала рассказ Наташа:

— Фамилия наша Максимовы, мне 22 года, я только летом закончила географический факультет МГУ, но распределение не получила, собиралась на работу устроиться после Нового года, договорённость об этом уже была. Очень увлекалась спортом и имею первый разряд по биатлону, а также часто ходила в различные экспедиции.

Моя младшая сестра Рита, ещё учится в школе, в выпускном классе. Ей 16 лет, она тоже увлекается спортом, ходит в теннисную секцию и имеет второй разряд по большому теннису. Кроме этого она серьёзно занимается музыкой, оканчивает музыкальную школу, очень неплохо играет на пианино. Мы проживали в Москве, а в Тулу поехали накануне падения метеорита, на похороны бабушки — матери нашего отца. Вообще, всеми похоронами и другой бумажной волокитой, пришлось заниматься, нашему папе. Так как родственников в Туле у бабушки считай, что и не было — был ещё один непутёвый сын, но он после их приезда, вообще не просыхал и даже на похоронах был пьяный. Похороны были на следующий день после падения метеорита.

Мы всё время до катастрофы жили в квартире бабушки, раньше уехать не могли. Отец утрясал возникшие проблемы с наследством. Брата отца мы не видели с самих похорон — он занял пять тысяч рублей и исчез. Квартира бабушки находилась на четвёртом этаже двенадцатиэтажного дома, построенного в 70-е годы прошлого столетия. Именно там, нас и застало случившееся землетрясение. Наш папа, не растерявшись, успел купить до наступления паники, немного продуктов и печку, работающую на дизельном топливе. А так же заправить полностью машину и ещё налить дизельного топлива в четыре двадцатилитровые канистры.

Так, что, на время объявление химической тревоги, у нас скопилось довольно много продуктов — с учётом того, что мы привезли из Москвы на похороны. Тревогу и инструкции, что делать — объявляли через громкоговоритель из машины, проезжающей у по улице. Так же там давали

марлевые повязки и какую-то жидкость для их смачивания. Из этой же машины, призывали запасаться водой, топливом и другими жизненно необходимыми вещами — минимум на пять дней, во время которых нельзя будет выходить на улицу. Мы так и сделали — заполнили водой все ёмкости, которые нашли и после этого больше недели сидели в квартире, греясь у дизельной печки, на ней же мы и готовили.

За это время папа, только два раза выходил за водой, в расположенный недалеко парк — где был небольшой пруд. Перед этим он надевал по две марлевые повязки, одну на другую. Хорошо у бабушки был фильтр, и мы могли процеживать эту воду из пруда. Первый раз отец, без марлевых повязок, вышел из дома только тогда, когда увидел на улице прохожих.

Он сразу направился к местным властям, но, несмотря на то, что папа был в Москве крупным начальником в министерстве спорта, никто не мог, да и не хотел нам помочь — хотя отец ходил по инстанциям несколько дней. Мы всё это время сидели дома, только мама выходила — набрать воды из начавшей приезжать машины водовозки. Обойдя все инстанции, и ничего не добившись, отец решил ехать в Москву. Хотя все мы, конечно, слышали об ужасном там положении, но папа считал, что там у него гораздо больше возможностей. К тому же, топливо в канистрах кончилось, продукты тоже подходили к концу, а в Туле всё это достать было невозможно.

Мы слышали, что мосты через реку Оку обвалились, но отец считал, что где-нибудь должен быть объезд, или должны пустить паром. Итак, мы собрались и выехали. Утром, в этот кошмарный день, нас на выезде из Тулы, остановил милицейский патруль. Отца с мамой попросили подойти с документами к милицейской машине, а нас просто выйти на улицу. Папа взял документы и пошёл, мы тоже вышли, а мама заупрямилась и не стала выходить из машины. Тогда милиционер силой выволок маму из неё, папа попытался броситься ей на помощь, но его застрелил сопровождавший милиционер — потом застрелили маму.

Мы всё это видели и впали в какой-то ступор, стояли и не могли даже пошевелиться. Мама как чувствовала, когда не хотела вылезать из машины — хотя милиционер и кричал, что посадит её на 10 суток, за оказание сопротивления представителю власти. Из оцепенения нас вывел другой милиционер. Он подошёл и сковал нас между собой наручниками, а потом тычками ствола автомата перегнал нас в милицейскую машину. Примерно через два часа, нас перевезли на бандитскую базу — где и засунули к Тане в каморку. Там мы, слава Богу, дождались вашего появления.

В этой тесной комнатухе, куда нас засунули бандиты — сидевшие уже там Полина и Таня рассказали нам таких ужасов про этих людей, что мы опять впали в оцепенение до самого вашего появления.

На этом рассказ Наташи закончился — её сестра Рита, только всхлипами и иногда прорывающимися рыданиями подтверждала всё вышеизложенное. Сказать что-нибудь самой у неё физически не получалось. Чтобы как-то развеять эти мрачные ощущения, я предложил тост:

— За ваше счастливое спасение и за то, что все эти подонки уже дают в аду отчёт о своём злодействе — кипеть в адском котле они будут вечно.

После этих моих слов, все выпили и начали собираться разойтись по своим комнатам. Кстати Тане и сёстрам, мы выделили две комнаты на третьем этаже. В комнате с Таней осталась жить Даша, а Максим переехал на первый этаж, в комнату к Валере с Сергеем.

Я тоже направился свою спальню, время было пол — двенадцатого ночи, а завтра мы решили

вставать в семь часов утра, все поставили будильники на это время.

Встал тяжело, тело после вчерашних нагрузок всё болело, я сделал небольшую разминочную зарядку, стало полегче.

Внизу в столовой уже все собрались завтракать. Молодёжь смотрелась вполне бодрой, как будто вчерашней работы по разгрузке не было.

Ехать решили на четырёх машинах, двух КамАЗах, Бычке и ИСУЗУ. Николай уже их заправил и подготовил к поездке. Он опять оставался на охране посёлка, в помощь ему теперь была Наталия — по её словам и словам Даши, она очень хорошо стреляла. Да и видно было по её обращению с автоматом, что она умеет обращаться с оружием. А Николай не расставался с пулемётом, похоже, он, так же как и Саша, просто влюбился в него. Вот и сейчас, он рассказывал только о нём:

— Вчера отстрелял пулемёт и бой у него прекрасный, а сегодня, когда вы уедите, я оборудую огневую точку на втором этаже не разрушенного дома, недалеко от выезда. Там открывается великолепный обзор всей дороги, и я оттуда пристреляю все ориентиры.

Я согласился, патронов у нас хватало. Мы только у бандитов изъяли 12 ящичков с патронами 7,62, а такого калибра у нас был только один пулемёт и два автомата, изъятых у бандитов.

Остальные автоматы были калибра 5.45 миллиметров, таких патронов мы изъяли у бандитов 15 ящичков, самих автоматов десять единиц.

Ехали мы опять колонной, первый шёл КАМАЗ под управлением Саши, замыкал колонну, как обычно, Флюр тоже на КамАЗе. Всего нас выехало десять человек, по два пассажира разместилось в КамАЗах и по одному в других машинах. С собой мы везли остаток дешёвой водки из магазина в деревне. Из нас никто эту водку пить не мог, и мы решили пустить её на бартерный обмен в Туле. Кроме этих одиннадцати ящичков водки мы оставили в моём фургоне десять ящичков из Газели, захваченной у бандитов.

Пассажирам в КамАЗах было конечно немного тесновато, слишком много мы везли с собой оружия. Кроме автоматов, в кабинах были и гранатомёты с запасными выстрелами, это была вынужденная мера, хорошо с ними могли обращаться только Саша и Флюр. Но не брать с собой оружия по максимуму, мы не решились. Лучше вытерпеть немного неудобств — в течение полутора часов и быть готовым к любой ситуации, чем остаться беззащитным и, соответственно, вообще без всего и скорее всего мёртвым. Пассажирам КамАЗов я пообещал:

— Обрато поедем уже свободно. Возьмем с базы мой Мерин и джип «Нисан Патруль».

Продукты решили грузить хоть всю ночь — но вывезти всё окончательно с этой базы. Все боялись начала обильных снегопадов, и тогда уже совсем нельзя будет проехать по дорогам. Сейчас уже, даже на тяжёлом КамАЗе возникали трудности с проездом. Я, если прямо сказать, опасался, как поеду на своём фургоне обратно. Когда мы ехали, снег продолжал идти, и уже начали образовываться заносы на дороге. Но эти опасения у меня пропали, когда мы выехали на трассу — она оказалась почищенной. Рано утром здесь прошли автогрейдером. У меня шевельнулась надежда — может быть, всё-таки, обстановка наладится и пусть, с большими потерями, Россия сможет выйти достойно из последствий этой катастрофы. А верховные власти всё-таки смогут взять под контроль эту вакханалию мелких чиновников и различных начальничков. Которые растаскивали под шумок, все запасы продуктов и топлива, в свои норы.

На место мы приехали в районе десяти часов утра. За время нашего отсутствия здесь ничего не изменилось, никто сюда не заглядывал. Приехав, мы, первым делом, включили печку в бытовке. Теперь я догадывался, откуда она взялась, наверное, это её купил отец Наташи и Риты. На всякий случай мы решили выставить часового. Наблюдать за подъездом к базе он будет из бытовки, а не со второго этажа административного здания — там было холодно. За время, прошедшее после нашего последнего приезда, здание сильно выстудилось, и теперь там была минусовая температура. К тому же, из бытовки открывался прекрасный обзор на подъездную дорогу, а вне дороги вряд ли, кто мог нас посетить.

В подвале температура стояла еще выше нуля и поэтому мы решили загружать в первую очередь те продукты, которым уличный холод не страшен. Погрузка предстояла быть долгой.

Потом мы протянули электрическую линию от бензогенератора, чтобы хорошо осветить: коридор, подвальную лестницу и сам подвал. На территории базы мы нашли автопогрузчик и решили, что продукты из подвала мы сначала будем укладывать на поддоны прямо возле выхода из здания. Потом погрузчиком эти поддоны отвозить в бокс и ставить в кузова грузовиков, а уже оттуда аккуратно укладывать. Так получится гораздо быстрее и что не маловажно в боксах было гораздо теплее и продуктам, да и грузчикам тоже.

Пришлось нам тянуть ещё две электрических линии до боксов. Хорошо мощность у бензогенератора была 5,6 киловатт — хватало на все линии. Провода и другие аксессуары мы нашли здесь же на базе. Первую машину загрузили ещё при нас с Сашей, к двенадцати часам дня. Потом мы с ним на моём Мерине, загруженным водкой и сигаретами, отправились на обговоренную заранее встречу со старшим прапорщиком Виктором Лукичом. Тёплая одежда нам всё ещё была необходима, да и другие вещи, при которых он находился, нам были тоже интересны. Насчёт оружия, я сомневался, хотя Саша говорил:

— Оружия, как и водки — много не бывает! Дополнительно: РПГ, патроны и просто гранаты нам не помешают. Да и для заготовки дров — пригодились бы толовые шашки, мы могли бы быстрее валить деревья, а то на холоде спиливать толстое дерево, удовольствие ниже среднего. А так привязал шашку, поджёг, отбежал, взрыв и дерево уже лежит, только пили на поленья.

Этим он меня убедил, поэтому мы решили вначале заехать к Виктору Лукичу, а потом, если у нас останется водка, заехать к другому прапору — насчёт оружия и взрывпакетов. У нас было в наличии двадцать один ящик водки и целая коробка, в пятьдесят блоков сигарет Ява. Одиннадцать ящиков водки мы взяли в магазине в деревне — всё остальное изъяли у бандитов.

Подъехав к знакомой военной части, мы с КПП вызвали старшего прапорщика. Тот опять вышел минут через двадцать и сразу залез к нам в машину. Косясь на ящики с водкой, а их было прекрасно видно, он заявил:

— Цены выросли! Сейчас придётся делиться с большим количеством людей и давать больше — так как контроль усилился...

Саша спросил:

— Сколько сейчас стоят те самые экспериментальные зимние комплекты?

Виктор Лукич ответил:

— Каждый не менее пяти ящиков водки, и их осталось только два.

Мы стали его убеждать, — что это безумно дорого и опять по старой памяти достали бутылку водки.

Но он упёрся и твердил одно:

— Дешевле никак не смогу отдать и даже водку с вами пить не буду. За прошлые комплекты такой пистон словил, что всё ещё отхожу.

В общем, мы его уговаривали и прессовали минут двадцать. В конце концов, договорились до того, — что мы отдаём семнадцать ящиков водки и двадцать блоков сигарет. А он нам взамен отдаёт — два экспериментальных комплекта, три утеплённых гагачьим пухом морских полушубка, а так же некоторое другое зимнее обмундирование. На этом мы и остановились, после чего он подошёл к КПШ, что-то там сказал, и мы поехали к нему на склад. При въезде Саша предъявил своё удостоверение и там, в журнале переписали все данные. Когда мы подъехали — прапорщик ушёл внутрь склада и минут через десять начал вместе с каким-то бойцом выносить обговоренные вещи, в это время мы выгрузили нашу валюту. Всего эта операция выгрузки-загрузки заняла от силы полчаса. После чего, мы, попрощались с Виктором Лукичом и отправились к военной комендатуре, на встречу с другим прапорщиком с Иваном Сергеевичем.

Наш запас валюты значительно уменьшился, оставалось только четыре ящика водки и тридцать блоков сигарет Ява, ну, кроме, разумеется, трёх дежурных бутылок водки на всякий случай, лежащих в моём Фургоне.

Подъехав к комендатуре, мы нашли часового, он жался в вестибюле здания, на улице всё-таки было довольно холодно.

Это был уже не Андрей, а другой молодой солдат, не менее заморенный и жалкий. Показав удостоверение и поставив бойца по стойке смирно, Саша приказал:

— Быстро! Позови сюда Иван Сергеевича, скажи ему, что его ждут позавчерашние офицеры — отпускники.

Саша показал солдату, в какой машине мы будем ждать старшего прапорщика. Усевшись в мерин, завели его и включили обдув тёплым воздухом. При такой температуре на улице — в Мерсе было тепло и хорошо. Прапорщик появился не раньше, чем через полчаса. Когда он подошёл, мы вышли, поздоровались, потом вместе сели в тёплую машину. Иван Сергеевич почти, что сразу сказал:

— С поставкой автоматов ничего не получится.

Потом посмотрел на наш арсенал — лежащий в низу у передних пассажирских сидений и добавил: — Да они, судя по всему, вам особо и не нужны и вообще сейчас с поставкой стрелкового оружия у нас начались некоторые проблемы.

Тогда Саша спросил:

— А есть в наличии, толовые шашки и гранаты?

Тут прапорщик оживился и ответил:

— Этого добра хватает, по крайней мере, толовых шашек.

Так поговорив минут десять, мы пришли к соглашению. На оставшиеся у нас четыре ящика водки и тридцать блоков сигарет. Он нам отдаёт: десять гранат Ф-1 и аж целых три ящика двухсот — граммовых толовых шашек по сто штук в каждом. В придачу к этим ящикам он даёт двадцатиметровый моток бикфордового шнура, пять электрических, пять химических взрывателей и одну взрыв машинку, а также армейский счётчик радиации.

Договорившись, мы подъехали к заднему выходу в здание, где прапорщик с Сашей быстро произвели эту бартерную операцию. После чего, мы тепло попрощались и договорились в случае

чего к нему обратиться.

Потом мы поехали на базу к нашим ребятам, уже начинало немного смеркаться. Приехали к ребятам уже в пятом часу вечера. Второй КамАЗ всё ещё не загрузили — все уже устали, и работа шла медленно, тем более через каждый час, все шли отдохнуть и отогреться в бытовку. Когда мы приехали, то договорились устроить большой отдых и поздний обед — до этого они даже не перекусывали.

Отдыхали и обедали мы до половины шестого вечера, потом с новыми силами за полчаса догрузили второй КамАЗ. Бычок мы загрузили часа за два, потом уже гораздо медленней начали загружать ИСУЗУ. В подвале продуктов уже оставалось не очень много, в одни КамАЗы было загружено около двадцати тонн. По моим расчётам всё должно было спокойно войти в ИСУЗУ и мой фургон и даже, может быть, останется место.

Чтобы полностью загрузить все машины, мы пошли с Володей подбирать, какие мы возьмём автомобильные масла, запчасти и аккумуляторы. Когда мы укладывали отобранные запчасти на поддон, мой взгляд остановился на самосвалах, стоящих во дворе. Наверное, меня всё-таки внутренне мучил вопрос с отоплением, поэтому мне пришла в голову мысль. А почему бы нам не использовать эти самосвалы для перевозки угля, складированного возле местной котельной. Тем более, загрузить их можно было легко, с использованием большого погрузчика — он стоял тоже на открытой территории базы.

Проверив баки погрузчика и самосвалов, я обнаружил, что они почти пусты. Но мы оставили в резерве полную двухсот пятидесяти литровую бочку солярки, домой её не увозили, а так же, возле бытовки, стоял запас солярки для печки, там оставалось литров восемьдесят топлива. Посмотрев всё это и проверив, сколько угля, оставалось возле котельной, я на новом перекуре в бытовке рассказал свою задумку. Нас было семеро мужчин, кто мог водить автомобили и ещё Вика, которая спокойно могла ездить на моём мерине. Что раньше не раз и делала и, кстати, на нём, когда она сдавала на права, я её дополнительно обучал вождению. Игорь, Валера и Сергей водили большие машины не очень уверенно, но всё-таки в колонне могли ехать.

После небольшого обсуждения решили грузить три самосвала углём, солярки до дома должно хватить с избытком. А джип оставить здесь, всё-таки уголь для нас был важнее. На мой взгляд, угля в куче у котельной хватало с избытком, чтобы загрузить три КамАЗовских самосвала — да и разгружать у нас было куда. Если немного нарастить короб, сколоченный Валерой с Сергеем, вполне хватит места для этой партии угля.

Обговорив всё это, мы в последующий час загрузили ИСУЗУ полностью. В это время Саша и Флор заправили горючим и завели три самосвала и погрузчик — после чего начали загружать уголь. Мы в это время грузили остатки продуктов и другие нужные нам вещи в мой фургон. Потом мы демонтировали печку, отключили бензогенератор и собрали провода и лампочки. Кстати, мы нашли на складе в боксе — целую коробку пятисотваттных ламп для уличного освещения, их мы, вместе с проводами и другой мелочью, загрузили в кабины самосвалов и бортовых КамАЗов, забив пассажирские места, полностью. Бензогенератор и печь мы положили в кузова самосвалов на свободное от угля место. В общем, мы всё закончили только к двенадцати часам ночи и сразу тронулись в путь.

Ехали как обычно колонной. На моём фургоне поехала Вика пассажиркой у неё была Катя. Игорь,

как самый неопытный водитель грузовика, поехал на ИСУЗУ. Наша ночная езда закончилась без поломок и остановок, и уже в два часа ночи, мы въехали в наш посёлок.

Хотя все ужасно устали, но, чтобы не заморозить окончательно продукты, разгрузить машины решили прямо сейчас и пока в подвал их не заносить, а оставить всё в снях — позже разберёмся. Быстро перекусив и попив горячего кофе с коньяком, принялись за разгрузку машин, участие в этой работе приняли все наши женщины. Только Вику и Катю мы по переменке через час отсылали дежурить на наблюдательный пункт. Всё-таки они вместе с нами ездили в Тулу и там принимали активное участие в погрузке машин. Разгрузили всю технику мы гораздо быстрее, чем загружали. В дом занесли только продукты, всё оборудование, одежду, запчасти, сложили в гараже. В большой комнате, или как мы её называли снях, опять остались одни узкие проходы в столовую и в комнату ребят. Хорошо, что женщины вместе с Колей перенесли практически все овощи, которые мы привезли перед этим, в подвал. Как мне рассказала Маша:

— Мы большую часть времени, пока вы ездили в Тулу, занимались переноской овощей, особенно хорошо работали новые девушки, да и Коля — хотя рана ещё не прошла, как заведённый в одиночку носил мешки с картошкой.

Машины мы закончили разгружать к девяти часам утра, потом, попив горячего чая и кое-как умывшись, все в полубредовом состоянии разошлись по своим спальням. Дежурить осталась одна Надя, всё равно её малыш уже проснулся и не дал бы ей заснуть. Так что можно сказать, — на дежурстве у нас осталось двое — Надя и её сын, двухлетний Никита. Дойдя до кровати, я просто упал и отрубился, только вечером часов в семь встал, пообедал и опять пошёл спать.

Когда я окончательно проснулся, на улице было ещё темно, часы показывали уже шесть часов утра. Ничего же себе, проспал почти что сутки, — подумал я. В доме ещё все спали и я, наконец, без очереди пошёл в душ и мылся там, наверное, минут сорок, отмывая всю грязь, накопившуюся за эти четверо суток. Слава Богу, что всё хорошо работает и в доме тепло — хотя мы ещё ни разу не топили наши печи. Электричества пока хватало и на свет, и на обогрев дома, и на приготовление пищи. Готовили мы на электрокерамической плите «Кайзер», а чай, обычно, делали в большом электрическом самоваре и пока у нас ни разу не было перебоев с электричеством.

Ветряк работал, как «швейцарские часы», ветры дули практически постоянно, и он отдавал 70 процентов паспортной мощности генератора — двадцать киловатт. Правда, я думал, что пока ещё не совсем холодно, нужно туда залезть, провести техническое обслуживание — заменить графитовые щётки, а то в середине зимы это будет сделать проблематично. Вдруг, действительно будут дикие холода, как предсказывали в прогнозах и тогда, будет невозможно залезать на верхотуру и на ледяном ветру менять щётки. А это работа тонкая, надо делать голыми руками, опять же, надо добавить в подшипники смазки.

Этими думами я разбередил в себе самую беспокоящую меня мысль о доме и его функционировании, а именно, вопрос об утилизации отходов. Если будут сильные холода, все стоки замёрзнут, и их вряд ли мы сможем отогреть и тогда — прощай душ, прощай тёплый ватерклозет, придётся вёдрами, как в деревнях выносить отходы в какую-нибудь отхожую яму. За подачу воды я совсем не беспокоился, всё-таки скважина глубокая, и вряд ли земля промёрзнет до такой глубины. Размышляя обо всём этом, я остановился на одном действии, которое мы были в силах быстро исполнить.

Надо ещё раз наведаться в деревню и набрать там простейших ручноймыльников и закрывающихся

фляг. Я там видел эти предметы в нескольких местах и вряд ли на них останутся взгляды мародёров. Скорее всего, их никто не взял, всё-таки это не продукты и не предметы первой необходимости.

На случай очень больших морозов и отказа канализации, у нас не было ни ручных ручноймойников, ни герметично закрывающихся ёмкостей, таких, чтобы их можно было спокойно, не расплескав, перенести. Куда выливать отходы я уже себе представлял — за два дома от меня, на противоположной стороне улицы, было недостроенное здание, с большим подвалом. Его хозяин Гена показывал мне его, советуясь по строительству своего дома. Я ещё удивился тогда и спросил его:

— Зачем ты сделал такой глубокий подвал, что ли хочешь сделать противоядерный бункер? А может быть у тебя тут будут пыточные казематы, чтобы на улице ничего не было слышно?

Глубина подвала была больше четырёх с половиной метров.

Гена объяснил:

— Хочу сделать там бассейн и хороший спортзал.

Размер подвала меня, конечно, впечатлил, это было помещение площадью больше трёхсот метров и высотой 4,5 метра. Подвал Гена доделал, но вот дом полностью доделать не успел, только в сентябре закончил крышу, а так не было ни окон, ни дверей, пола тоже не было — хотя запасы стройматериалов были уже завезены. От землетрясения это строение не пострадало, всё-таки он использовал качественные материалы, и его строители работали честно, не халтурили. Одним словом, Гена денег на стройку не жалел. Конечно — зарплата у него вместе с бонусами весьма впечатляла. Выходило, как он говорил, по сто двадцать тысяч долларов ежемесячно — он работал вице-президентом какого-то банка. Как-то я его спросил:

— Зачем ты здесь строишься? С таким доходом купил бы дом на Рублёвке и жил бы там, в ус не дул — не надо мотаться сто двадцать километров до Москвы на работу.

На что он ответил:

— Меня уже полностью достала эта Москва, да и жить рядом с ней не хочется и, вообще, во всех этих престижных местах народ живёт поганый. Лучше я проеду на машине лишний час, но буду дышать чистым воздухом и общаться с нормальными, порядочными людьми, а не с теми, у которых главная цель в жизни — хапнуть побольше и чтобы за это ничего не было. Потом закупить разных дорогих шмоток и машин, чтобы показать, какой он крутой, и вообще от этой гнуса можно ожидать в любой момент предательства, или удара в спину. И уже пора думать, где и как жить в старости, уезжать за границу я не хочу — хочу жить со своим народом в своей стране.

Он много чего рассказал о себе и про то, каким хочет видеть этот дом — но видно не судьба. Вот если бы не делал так долго такой подвал, сейчас дом был бы готов и, наверняка, он в нём бы жил, а значит, вполне вероятно, сейчас был бы среди нас, но, как говорится: — Судьба индейка, а жизнь злодейка. Теперь вот, скорее всего, придётся использовать его подвал под отхожую яму.

Я уже начал планировать, как мы будем доставлять фляги к тому подвалу, думал о какой-нибудь канатной дороге, или рельсовому пути, чтобы не таскать фляги на руках. Одним словом — бриллиантовый дым в голове, даже этих фляг ещё не было, а я уже выстроил план их использования.

Постучала Маша и спросила:

— Долго ли ты будешь занимать душ? Уже все встают и пора бы тебе и честь знать.

Я сразу выключил воду и начал вытираться — действительно, пора было выходить. Внизу в столовой, на самом деле уже начал собираться народ.

Все выглядели достаточно отдохнувшими и повеселевшими, даже у Наташи с Ритой было игривое настроение, они перешучивались с Максимом, который всё время крутился возле них, пытаясь чем-нибудь быть полезным. Хорошему настроению способствовала и погода, на улице немного потеплело, было всего -14 градусов и перестал идти снег.

Но, несмотря на то, что все отдохнули — ни у кого не было желания ещё раз съездить в Тулу и привезти оставшийся уголь и джип Нисан. Да и мне тоже не очень-то хотелось мотаться в Тулу — там оставалось угля, максимум ещё на два самосвала и, к тому же, у нас скопилось его довольно много. Джип у нас уже был и очень неплохой — это «Лэнд ровер», пригнанный из той же Тулы. К тому же, дома скопилось очень много неотложной работы.

Все сени были буквально завалены продуктами — даже в столовую приходилось протискиваться боком. Да и бедным животным оставили слишком мало жизненного пространства.

Поэтому, все единодушно решили, — прежде всего, заняться размещением запасов в подвале, а уже только потом думать о дальнейших экспедициях и то, выезжать только, если погода будет хорошая. Мы распределились — кто, чем будет заниматься.

Валера с Сергеем, в первую очередь, сразу после завтрака нарастят короб для хранения угля. И как самые хорошие строители — будут делать ещё полки в подвале, им помогут Максим и Игорь.

Угольный короб нужно нарастить как можно быстрее — чтобы мы могли освободить от угля, стоящие на улице самосвалы. Они так и оставались стоять на улице, перегородив всю дорогу.

Когда из них выгрузили весь уголь, их решили отогнать на самый дальний участок у забора и там уже окончательно поставить. Туда же решили отогнать — слить топливо и другие технические жидкости, снять аккумуляторы, в общем, поставить на консервацию всю ненужную нам сейчас технику. Да и мой фургон тоже пришлось поставить туда.

Ездить, если нужно, будем на джипе «Лэнд ровер». Джип Володи у нас стоял напротив въездных ворот. Наученные горьким опытом мы теперь всегда, загораживали въездные ворота и калитку, чтобы их не могли вырвать с помощью троса или протаранить — на пути стояла машина.

Когда мы начали обсуждать, куда ставить ненужную сейчас технику, Саша предложил:

— Давайте заменим джип Володи у ворот — на КАМАЗ, тот всё-таки тяжелее и его труднее сдвинуть и, к тому же, он длиннее, объехать его будет невозможно. А когда нам нужно будет выезжать, он вполне может сдать назад на три метра, размер площадки это позволяет. Все, конечно, согласились на это, а Володя, вообще это предложение горячо поддержал. Всё-таки ему было всё ещё жаль свой джип — несмотря на то, что у него была полностью испорчена система охлаждения.

Чтобы его откатить с дороги, освобождая проезд, приходилось заводить без охлаждающей жидкости (мы всё полностью слили, чтобы не разморозить движок). Так что была опасность — в один прекрасный момент двигатель может перегреться и заклинить.

Так же все согласились с моим предложением:

— Нужно ещё раз съездить в деревню — собрать там все имеющиеся фляги и найти несколько рукомоёйников...

Я всем пересказал свои опасения о возможном отказе канализации, а так же насчёт проведения регламентных работ с ветряком. С вопросом о замене графитовых щёток решили, что это может

немного подождать. Больших холодов в ближайшую неделю пока вроде не предвидится.

В тайне, все надеялись, что Землю всё-таки обойдёт эта прогнозируемая «вулканическая зима» и, в конечном итоге, всё наладится. Практически, уже все считали, что топлива и продуктов у нас вполне достаточно, чтобы пережить любую зиму. В этом их убеждали собственные мозоли, натёртые при переноске продуктов и топлива. Тем более рядом стоял громадный лес, в котором можно было нарубить море дров. Может быть, поэтому и не было стремления ехать ещё раз в Тулу за углём.

Когда все позавтракали, то разошлись по своим запланированным делам. Надя с маленьким Никитой на наблюдательный пункт, я с Сашей — разгружать уголь из самосвалов и помогать Валере с Сергеем, наращивать стенки у угольного короба. Максим с Игорем — носить с других участков доски и фанеру. Остальные в это время переносили продукты в подвал.

Нарастили короб и разгрузили самосвалы с углём мы в течение часа, получилась довольно значительная куча, всё-таки мы уже до этого разгрузили туда пять самосвальных КамАЗов угля, а вместе с этими тремя — там уже лежало под шестьдесят тонн угля.

Подозвав Валеру и Сергея, я сказал им:

— Мужики! Пока можете идти делать полки в подвале, а мы с Саней принесём сюда ещё материалов. У меня появилась задумка — закрыть угольный склад крышей, чтобы не попадал снег, да и уголь будет суше, и его легче будет отсюда забирать.

Материалов по дачам было много и никаких трудностей для возведения такой крытой беседки не предвиделось. Мы с Валерой, прямо здесь, определились, — какая крыша нам нужна, и сколько материала приносить. Решили делать односкатную крышу из металлочерепицы, угловые столбы просто углубить в землю, для чего высверлить ручным электробуром полуметровые отверстия и вставить туда брус. Сбоку тоже решили набить металлочерепицу, чтобы снег не задувал на уголь. Обговорив всё это, Валера с Сергеем пошли делать полки, а мы, взяв один бортовой КАМАЗ и сняв с него тент и дуги, поехали собирать с участков нужные нам стройматериалы. Собирать решили с дальних участков — с ближних носили Игорь и Максим. Нужной нам длины брус, пилили бензопилой прямо на месте, чтобы легче было перевозить и переносить. Мы занимались этим до того момента, пока прибежавшая Вика не крикнула:

— Пора обедать, уже час дня!

Только тогда мы прервались и поехали домой. Мы с Сашей быстро пообедали, и я предупредил остальных:

— Нам надо торопиться, чтобы съездить в деревню, а то скоро будет темнеть. Остальные пускай занимаются тем, чем и занимались.

Быстро разгрузив КАМАЗ — покидав брус, половые доски и металлочерепицу прямо возле угольного короба на снег, мы, захватив оружие, поехали на грузовике в деревню.

Приехав туда, внимательно осмотрелись. После последнего нашего наезда сюда, чужих следов вроде бы тут не появилось. Я, и Саша, разделившись, с разных концов деревни, начали опять обходить дома, теперь уже отыскивая фляги и ручкомойники. В итоге мы нашли: 8 хороших пятидесяти литровых фляг и всего три нормальных ручкомойника. Остальные были изуродованы скопившимся в них льдом, видно, когда здесь всё бросили, в них оставалась вода.

Загрузив всё это в кузов машины, положив туда ещё несколько ведер и тазиков, мы поехали домой. И пока было светло, продолжили набирать стройматериалы. К нам в погрузке КамАЗа присоединились

и Игорь с Максимом. Когда потемнело, подогнали машину с досками к дому и, ничего не разгружая, пошли греться в тёплое помещение.

Количество продуктов в снях заметно уменьшилось, но ещё оставалось достаточно много. Да! За сегодня не управится, — подумалось мне — народ двигался уже вяло. Поэтому я скомандовал: — «Ахтунг»! Всем большой перерыв.

Этот перерыв незаметно перешёл в ужин. Отдыхали и ужинали долго, до восьми часов вечера, разговоры велись про нашу жизнь. Мы с Валерой всё обсуждали, — как лучше сделать навес над углём и решили делать, всё-таки двухскатную крышу (поставив ещё по длинному столбу на середине торцовых сторон) и тогда, туда можно будет поставить калитку, и уже точно снег не сможет попасть на уголь.

Флюру всё натерпелось испытать толовые шашки, он предложил:

— Давайте всё проведём быстро и эффектно — с грохотом и комьями летающей земли. Посредством взрыва — сделаем ямы для столбов.

На, что я ему ответил:

— Тебе что войнушка снится? Мало настрелялся в Туле? Тебя что не научили экономить боезапас? Земля ещё не настолько промерзла, чтобы её не взял электробур и им сделать подходящие отверстия, получится гораздо быстрее, чем твоей взрывчаткой.

Валера продолжил свою мысль, сказав:

— Столбы можно будет, наверное, забетонировать, я видел низкотемпературные добавки для бетона у соседа, когда мы осматривали подвал.

На что я ответил:

— Можно конечно попробовать, но можно уплотнить и песком, не настолько это серьёзное сооружение.

В восемь часов мы всё-таки решили ещё немного поработать и до десяти часов вечера продолжали переносить продукты в подвал. А Валера с ребятами продолжал мастерить полки. В десять мы всё это дело прекратили, попили чаю и разошлись по своим комнатам. Завтра решили опять никуда не ездить, а продолжать всем вместе заниматься внутренними делами и наконец, закончить переноску продуктов и освободить сени.

Глава 15

Подъём у нас в этот день был в семь часов утра. Все не спеша собрались на завтрак, перед этим, кто вчера не смог сходить в душ, делали это сегодня. Торопиться особо было некуда, сегодня мы собрались не спеша закончить перенос продуктов и начать строить навес. Валера с Сергеем, Флюром и Максимом, пошли разгружать КАМАЗ с досками и делать навес. Потом после разгрузки Флюр должен был поставить грузовик перед воротами в посёлок. Остальные занялись привычным делом, переноской продуктов. Флюр пришёл помогать нам где-то через полтора часа — КАМАЗ он уже установил перед воротами.

На наблюдательном пункте дежурила Рита — она вообще оказалась очень наблюдательной и исполнительской девочкой. Вдруг, приблизительно в двенадцать часов дня, она прибежала в подвал и закричала:

— Танк! Танк! Там в деревне едет танк и много машин...

Мы все бросились на второй этаж в наблюдательный пункт. Действительно, в деревне стоял,

конечно, не танк, а БМД, невдалеке стоял Хамер с пулемётом на крыше и две Нивы, около домов мелькали фигуры людей.

Даже в бинокль было тяжело разглядеть, во что они одеты и чем вооружены — но что не солдаты это было точно. Саша в это время внимательно глядел на эту технику в подзорную трубу. Потом он крикнул Флюру:

— Хан! Шустро дуй в гараж и тащи четыре РПО и пару РПГ. К РПГ, возьми два запасных выстрела и не забудь прихватить все маскхалаты, после чего жди меня внизу.

Потом посмотрел на меня — лицо у него было бледнее, чем обычно. Он сказал:

— Батя! Я узнал одну из машин, синюю Ниву. Это она участвовала в мародёрском налёте на нас, когда тросом вырвали ворота. Наверняка, после деревни они направятся к нам. Надо срочно готовиться к отражению атаки, а так, как у них имеется бронетехника, да и бойцов там не меньше пятнадцати человек, нападения и штурма нам не избежать. Стрельбой из автоматов мы их не испугаем. Они на сто процентов будут нас штурмовать и пока всех здесь не перебьют, не успокоятся — их силы им это позволяют сделать. Поэтому, в такой ситуации, я, как боевой офицер — беру командование полностью в свои руки и ничего обсуждать не буду. Сейчас это непозволительная роскошь. Времени — практически нет.

На эту быструю речь, я только и мог сказать:

— Командуй! Что надо делать?

Саша сразу поставил каждому его задачу:

— Во-первых, Николай и в помощь ему Наталья быстро бегут занимать позицию в оборудованной Колей пулемётной точке — на втором этаже дома неподалеку от ворот. В случае если мы с Флюром не успеваем с гранатомётами занять позицию вдоль въездной дороги и замаскироваться — то Коля должен из пулемёта обстрелять колонну, когда они уберут перегородивший дорогу КАМАЗ и втянутся в посёлок. Если же мы с Флюром успеем занять позицию — то нужно дать противнику возможность столкнуть КАМАЗ и проехать по посёлку. Открывать огонь по машинам только после того, как мы сделаем по выстрелу из гранатомётов — патронов при этом не жалеть.

Николай не рассуждая, коротко сказал:

— Понял!

И убежал с Наташей занимать позицию. При этом Наташа захватила с собой карабин и, лежащий в комнате, оптический прицел к нему. Нам с Володей и подошедшим Валере и Сергею Саша приказал:

— Надевайте оставшиеся маскхалаты, разбивайтесь на пары и занимайте позицию вдоль дороги, за любым крепким укрытием — можно и в каменных домах. Открывать огонь вы должны только после выстрелов из гранатомётов и, в первую очередь, стрелять по замыкающей машине. После её поражения, можно переносить огонь на следующую. Гранаты применять только тогда, когда сами будете наверняка защищены от осколков и, только в критической ситуации. И ради бога не поразите своих! Нужно быть повнимательней. Не перепутайте нас с «чужими», потому что мы с Флюром можем войти с противником в прямое столкновение — вплоть до рукопашной.

В это время, снизу крикнул Флюр:

— Кот! Давай быстрее! Я всё принёс и уже одеваю маскхалат... Услышав это, мы вслед за Сашей тоже бросились в сени — надевать маскхалаты и разбирать автоматы и гранаты. Перед этим посмотрев в подзорную трубу, я увидел, что машины и БМД ещё стоят в деревне и не тронулись в

нашу сторону. Значит у нас, по крайней мере, есть, минимум минут десять, — так успокаивал я себя. Я тоже побежал вниз в Сени. Хороших маскхалатов для нас оставалось только два. Два других уже одевали Саша и Флюр и два оказались бракованными. Поэтому я решил, что два нормальных маскхалата оденут Валера и Сергей. Мы договорились, что они, будут находиться на улице возле недостроенного фундамента (он создавал прекрасную защиту от ответного огня), мы с Володей забираемся в полуразрушенный, каменный дом. За один дом от того, в котором засел Николай с пулемётом — метрах в семидесяти от него.

Наша позиция оказалась самой ближней к воротам, от неё до нашего дома было немногим больше пятисот метров. Пока мы с ребятами определяли очерёдность и, кто, куда будет стрелять. Саша и Флюр, надев маскхалаты и нагрузившись гранатометами и автоматами, убежали занимать позицию. Женщинам я строго-настрого запретил покидать дом и приказал всем, включая наблюдателя Риту: — Укрыться от шальных осколков в подвале, — при этом с улыбкой пообещал:

— Не ссать! Мы всех порвём! Разгромим всю эту нечисть. Ведь с нами такие бойцы, как Саша и Флюр — они вдвоём скрутят этих мародёров в бараний рог.

Мы с Володей, тоже не стали дожидаться, когда Валера с Сергеем облачатся в маскхалаты и побежали занимать намеченную позицию. Предварительно мы надели валенки, ватные штаны и тёплые куртки — неизвестно, сколько нам придётся, там находится, дожидаясь мародёров. Я кроме автомата АКМ и двух гранат Ф-1, захватил ещё и свою Сайгу, всё-таки я к ней привык и на близкой дистанции из неё попасть картечью гораздо легче, чем пулями из автомата. В наличии бронежилетов у нападавших, я сомневался.

Добежали и заняли позицию мы минут за десять. Противника не было видно. Хорошо, что мы вчера, когда собирали стройматериалы с участков, везде истоптали снег и понаделали тропинок. Из-за этого, наших свежих следов совершенно не было видно. Когда мы шли на свою позицию, то, как ни вглядывались, так и не заметили, где залегли Саша с Флюром. А значит, — успокаивал я себя, — они хорошо замаскировались.

Мы с Володей успели спокойно покурить и даже немного поговорили — о том, как засуетились наши женщины, когда я приказал им прятаться в подвале. Всё-таки они выбили моё разрешение, — трём из них, помогать Игорю в подготовке перевязочного пункта и, на всякий случай, вооружится, хотя я их успокаивал словами:

— Милые мои! Мы, все умрём — но никого сюда не допустим.

Игорю я поручил:

— кроме организации перевязочного пункта, ты на всякий случай, следи за периметром посёлка из окон второго этажа и, если кого-нибудь увидишь, пробирающегося к нам в тыл — немедленно стреляй. И вообще ты назначаешься, ответственным за наше тыловое и медицинское обеспечение.

Максиму, рвавшемуся пойти с нами, я персонально поручил:

— Возьми автомат! Тебя же отец научил с ним обращаться?

Он усиленно закивал головой и я продолжил:

— Будешь прикрывать нас со стороны леса, для этого беги к своему дому и следи оттуда, чтобы из леса никто не появился. А если кто появится, то не думай — стреляй.

Правда, я очень сомневался, что со стороны поля или леса к нам может проникнуть противник. Из-за снега по полю, вряд ли сможет пройти даже БМД, а уж о машинах и говорить нечего. Да и люди без

лыж, вряд ли пойдут нас обходить по лесу.

Наконец, минут через двадцать после занятия нами позиции, послышались звуки моторов и показались незваные гости. Первой ехала синяя Нива — та, которая, уже здесь была при первом боестолкновении с мародёрами. Увидев перегородивший дорогу КАМАЗ, её водитель уступил место БМД, сам пристроившись вслед за Хамером. БМД, подъехав к КамАЗу, стал сталкивать его в сторону. Из машин никто не выходил, только в Хамере открылся верхний люк и высунулся человек, прильнув к пулемёту. Минуты за три БМД сдвинул КАМАЗ, сходу сбил ворота, и вся колонна следом за ним втянулась на внутриселковую дорогу.

Они были настолько уверены в своём превосходстве, и в том, что мы даже не попытаемся огрызнуться на их нападение, что даже не выслали пешую разведку. Ранее побывавшие здесь мародёры, наверное, рассказали, что вооружены мы одними охотничьими ружьями — на тот момент, так оно и было. Наверное, и примерную численность сказали — тогда ребята стреляли из двух ружей.

Скорее всего, они думали, — что увидев такую силу, мы со всей возможной скоростью, сейчас улепётываем отсюда по лесу. Поэтому, они, въехав в посёлок, высадили всего двух человек, которые пошли по дороге впереди колонны и даже не стали проверять прилегающие дома.

Последней ехала белая Нива, в ней сидело четыре человека — это был наш объект. Сначала я решил стрелять из автомата, с Володей мы договорились, — что по белой Ниве мы выпускаем сразу по целому рожку патронов. Потом заменив рожок новым — стреляем по едущей впереди синей Ниве. Затем он набивает рожки патронами, а я в это время буду постреливать из Сайги. У нас всего было по два полных рожка патронов и штук сто патронов россыпью в картонной коробке.

Мы уже держали в прицеле белую Ниву, когда раздались выстрелы из гранатомётов и взрывы. Мы сразу же, даже не смотря на результаты взрывов, открыли огонь по Ниве, потом переставив новые рожки — по второй. Пока мы стреляли, раздалось ещё два взрыва, да и то они были еле слышны, всё перебивала автоматная и пулемётная стрельба — особенно выделялся пулемёт Николая.

Весь этот грохот продолжался от силы минут пять, после чего наступила полная тишина, прерываемая только отдалённым шумом лопастей нашего ветряка. Я посмотрел на Володю — он судорожно, иногда роняя патроны на пол, набивал рожки. Потом перевёл взгляд на растерзанную колонну — там не наблюдалось никакого движения. У БМД была сорвана башня, и оттуда шёл чёрный дым, также горел Хамер и синяя Нива.

Впереди колонны виднелся катающийся по снегу человек, позади него на дороге лежал труп в армейском обмундировании. Потом, к раненому мародеру, метнулся человек в маскхалате и утащил его в кювет — предварительно выстрелив в неподвижное тело. После этого опять наступила тишина, и не было никакого движения. Потом раздался взрыв в горящем Хамере. На дорогу опять выбежал человек в маскхалате и бросил гранату в отверстие от отлетевшей башни БМД, после чего тоже кинулся в кювет. Но его я успел рассмотреть — это был Флюр.

К этому времени Володя зарядил оба рожка и протянул мне один — я вставил его в автомат. Мы так и продолжали в бездействии сидеть на своей позиции — выходить команды не было. Саша строго — настрого приказал всем:

— Мужики! Без команды не высовывать носа — чтобы там не происходило.

После того как взорвался бензобак у горящей синей Нивы, на дорогу вышел опять Флюр. Возле

белой Нивы он остановился и сделал внутрь салона несколько выстрелов. Потом осмотрел остатки другой техники и крикнул:

— Эй! Если задницей не прилипли — можно выходить.

Мы все дружно высыпали из своих укрытий — даже Николай с Наташей спустились со второго этажа. Все, с каким-то нездоровым возбуждением, начали осматривать — дело рук своих. Вся техника была буквально разорвана выстрелами из гранатомётов и внутренними взрывами. Синяя Нива и Хамер, превратились в обгорелые скелеты. Самый приличный вид был у белой Нивы, но даже она была похожа на решето. Помимо наших выстрелов с боков, по ней сверху прошёлся Коля из пулемёта.

БМД, на первый взгляд, была не очень изуродована, только что не было башни и сбоку на броне виднелись две небольшие дырки. Но подойдя ближе, сразу было видно, что это уже не боевая машина десанта, а братская могила. Даже скорее братский крематорий — из отверстия, где раньше была башня, страшно несло запахом горелого мяса. В лежащей неподалёку башне, жутко скалилась голова — отрубленная с частью туловища снесённой башней. Руками это туловище ещё держало гашетку пулемёта, а вокруг башни весь снег был забрызган кровью и кишками. В общем, картина была не для слабонервных, и разгром, какой мы учинили, был ужасен.

Из «наших», абсолютно никто не пострадал, мародёры не успели сделать ни одного выстрела.

Только у Сергея была слегка обожжена щека, как он сказал:

— Это у Валеры гильзы какие-то неправильные. Так и норовят попасть за шиворот. Приходилось больше уварачиваться от них — чем прицельно стрелять.

В ответ ему был всеобщий, громкий гогот. И ещё у нас был пленный, правда, он был ранен в ногу, но не особо тяжело. Нападающие всё-таки оказались не настолько тупы и, когда въехали на территорию посёлка, выпустили вперёд двух разведчиков. Но здесь сработала очень хорошо Наташа. Это она, сразу после выстрела гранатомёта, одного уложила наповал выстрелом в голову, а второго ранила в ногу. Когда мы начали её нахваливать, она призналась:

— Первого застрелила с испуга, хотя сначала хотела ранить в плечо. Первая пуля ушла в «молоко». Когда стреляла во второго, уже успокоилась и специально целила ему в ногу, чтобы потом можно было допросить.

Пока мы стояли, делясь впечатлениями, Саша протащил пленного к белой Ниве, после чего вместе с Флюром начал его допрашивать. Они его уложили на капот Нивы, так, чтобы он видел трупы находившихся там людей. Лобовое стекло у машины было полностью разбито, а внутри салона всё было залито кровью. Прямо на правом дворнике лежало часть черепа переднего пассажира Нивы — убитого несколькими пулями, попавшими в голову.

После начала допроса, мы все отошли подальше, чтобы ничего не видеть и меньше слышать крики допрашиваемого пленного. Пока шёл допрос, мы курили и продолжали обсуждать этот бой. Иногда кто-нибудь из нас начинал нервно смеяться над, казавшимися смешными, ситуациями, происходившими у нас или непосредственно с ним.

Потом меня подозвал Саша, я подошёл к белой Ниве, где они допрашивали раненого, тот так и лежал на капоте, закрыв глаза, и тяжело дышал, из ноги у него капала кровь — рану у него никто не перевязывал.

Саша коротко рассказал, что они узнали у пленного:

— Эта группа из Пущино. Они базируются в пансионате на окраине города.

Я вспомнил, о такой группе рассказывал Володя, после посещения администрации Пущино. Саша продолжил:

— Всего в пансионате находится более ста человек. Всем верховодят бывшие уголовники и дезертиры. Их боевые группы ездят по близлежащим сёлам — набирая продукты и топливо. Недавно к ним примкнуло несколько военных вместе с БМД. Они соблазнились легкой сытой жизнью и гулянками, устраиваемыми в пансионате. Всего численность активных боевиков там, до этого боя достигала сорока человек. Все они вооружены автоматами, есть два пулемёта.

В Пансионате командовал всем уголовник, по кличке «Сипатый», а налётами руководил, бывший прапорщик, по прозвищу «Лютый». Это он переманил солдат из охраны гипермаркета Карусель. Они вывезли из магазина больше пяти машин различных продуктов и несколько дней гуляли.

Администрация в городе ничего сделать не может. Другие присланные солдаты, тоже от них ушли. Одна группа, захватив несколько грузовиков и взяв БМД, отправилась на юг в Краснодарский край, на родину. Они выкачали почти, что всё топливо из бензозаправки. Вторая группа на БМД направилась в сторону Тулы в свою часть, где у прапорщика и у некоторых контрактников, находились родные. Всё это началось, когда стали эвакуировать население из города в Серпухов теплоходом — река ещё не замёрзла.

«Сипатый» и «Лютый» находились в сгоревшем Хамере — всего в этой операции участвовало, двадцать три человека, все самые лучшие бойцы. Вообще «Сипатый» хотел сделать показательную операцию. Чтобы все увидели, как наказывают тех, кто попытается дать отпор их притязаниям. Они думали, что здесь находятся, максимум, трое мужчин, вооружённых охотничьими дробовиками, которые захватили продукты из деревни и, самое главное, ограбили магазин, а он входил в империю «Сипатого».

Когда к нам первый раз приезжала одна из бригад, они ехали, в первую очередь, проверить магазин в деревне. А, так, как местные жители побоялись бы оттуда, что-либо брать, то они и поехали в наш поселок — именно сюда вели следы из деревни.

Закончив излагать полученные сведения, Саша нейтральным тоном спросил:

— Ну что батя будем делать с раненым?

Я помолчал, потом, глядя на Сашу, сказал:

— Как будто ты сам не знаешь! Тюрьмы у нас нет, персонального охранника тем более! Принять его в наш коллектив — после того, что они натворили в городе и в окрестных сёлах, совершенно нет никакого желания. Тем более, народная мудрость гласит — как волка не корми — всё равно в лес тянет. Если его в таком состоянии отпустить, он, всё равно, не дойдёт, а если случится чудо и он дойдёт, или его подберут, то это для нас же хуже — неизвестно, что предпримут его подельники. А так, если никто из выехавших людей на операцию, не появится, то оставшиеся бандиты крепко задумаются и, вообще, больше никогда не осмелятся сунуться в нашу сторону. Если даже с БМД ничего не вышло, к тому же, тут были их лучшие бойцы — то теперь, с тем отстоем, который там остался, будут сидеть и не рыпаться. Я думаю, они начнут проедать и пропивать то, что раньше награбили, а может, вообще, передерутся между собой. Там, думаю, уже будет не до нас. Так что, сам должен понимать, что мы должны сделать с этим пленным.

Саша кивнул и подозвал Флюра, потом они потащили раненого бандита к вырытому котловану под

фундамент — куда мы ещё в прошлый раз скинули трупы бандитов. Донеся раненого до котлована, его положили на снег, после чего Флюр поднял автомат, раздалась короткая очередь и ребята скинули тело бандита вниз, в котлован. Потом мы вместе подошли к группе наших ребят и единственной девушки между ними — Наташе. Никто не задал вопроса, — что там с пленным, — все как будто забыли о нём, только одна Наташа стояла вся бледная и какая-то потерянная. Саша коротко сказал:

— Расскажу все сведения, о чём поведал пленный бандит вечером — когда будем производить разбор полётов.

В это время к нам подошёл Игорь, он был возбуждён больше, чем мы. С интересом смотря в сторону сожженного БМД, он сказал:

— Женщины очень беспокоятся! Я не смог их удержать в подвале, и они всё видели из наблюдательного пункта, но всё равно прислали меня узнать, как тут обстоят дела и не нужна ли медицинская помощь.

Володя его успокоил и сказал:

— Лично твоя помощь — очень нужна. Как опытному хирургу, тебе нужно кое-какие ампутированные части тела убрать. Ни у кого из нас, психика не выдерживает и рука не поднимается.

После чего, подвел его к останкам человека, оставшимся в сорванной башне БМД. Даже Игорь, проработавший более десяти лет в хирургическом отделении больницы — несколько побледнел, увидя это, но быстро с собой справился. После чего сказал:

— Ну, вы дали шороху! Да! Сейчас схожу за большими полиэтиленовыми мешками и лопатой.

Вместе с ним мы отправили домой и Наталью. Я наказал ему:

— Игорёк дай ей какое-нибудь успокоительное средство или налей коньяку грамм сто, да и нам принеси пару бутылок.

Сами мы решили, начать всё здесь убирать, чтобы это зрелище не нервировало наших женщин, да и дорогу нужно было освобождать. Коля с Флюром пошли за КамАЗом и трактором. Я предупредил Колю:

— Николая! Ты там разыщи Максима, он должен рядом с вашим бывшим домом, охранять наши тылы со стороны леса и, наверное, уже там окоченел.

Потом я посмотрел на часы — с момента бандитской атаки прошло чуть более полутора часа. Минут через двадцать подъехал КАМАЗ с Флюром и Николай на тракторе — с ними приехали Максим с Ритой. Они с большим интересом побежали смотреть на подбитую технику. Правда, я заметил, как они шарахнулись от белой Нивы, набитой трупами бандитов и сразу же подошли к нам.

Мы в этот момент пытались при помощи КамАЗа сдвинуть с места БМД, но у нас это плохо получалось. После всего увиденного, Максим и Рита с радостью пошли со мной, когда я сказал:

— Ребятки! Пойдёмте со мной, надо помочь принести большие домкраты из гаража.

У меня было два мощных домкрата, один на 15 тонн другой на 20 тонн груза. Вместе с нами пошли Валера и Сергей, кроме домкратов надо было захватить: ломы, лопаты и ручную лебёдку.

Дома я ещё раз успокоил женщин сказав:

— Девчонки! Готовьте чепчики, чтобы встречать героев. Всё уже закончилось — враг повержен, мы победили и у нас все целы, никто не пострадал. Только у Серёжи ожёг щеки, размером два

сантиметра на половину и, наверное, там останется шрам. Но не зря существует народная мудрость — шрамы украшают мужчину. Наверное, поэтому Серёга не даёт ничего делать со своим ожогом. Таким образом, их немного рассмешив, я пошёл в гараж за домкратами. Они были довольно тяжёлыми, поэтому я, чтобы не мучиться, сложил их в садовую тележку, туда же положил ручную лебёдку и вместе с Валерой и Сергеем несущими ломы и лопаты, поехал к БМД. Максиму и Рите я наказал оставаться дома, на что они без особого протеста согласились.

Придя к БМД мы, при помощи двух домкратов и обрезков 150 миллиметрового бруса, подняли один бок БМД, больше, чем на метр, а потом КамАЗом и трактором перевернули его в кювет — там он встал вверх гусеницами. Таким образом, мы очистили проезд к Хамеру, который перевернули таким же образом. Башню от БМД, Коля тракторным отвалом тоже сбросил в кювет. Но прежде Игорь вытащил человеческие останки, положил их в большой чёрный полиэтиленовый пакет и отнёс в котлован. Из белой Нивы тоже вытащили трупы и отнесли их в котлован. Потом её КАМАЗ, тросом оттащил в конец посёлка к простреленному Володиному джипу.

Сожженную синюю Ниву трактором столкнули всё в тот же котлован, а потом, присыпали лежащие там трупы и остов сгоревшей Нивы с обугленными телами внутри. Отвалом трактора Коля сгрёб туда остатки земли и лежащую тут же большую кучу песка. Сверху нагреб туда снега, так, что никаких трупов не стало видно. Осталась, только видна, крыша обгоревшей Нивы.

После этого, трактором, Николай прочистил нашу дорогу, а мы в это время пошли разбираться с нашим КамАЗом, который БМД сдвинул с дороги. КАМАЗ, в принципе, был в норме, только промят бампер и правая боковая сторона — но промята так, что железо касалось колеса. Но нам красота была не нужна и мы при помощи домкрата, другого КАМАЗА и троса, выгнули бампер обратно, а ломиком и тяжёлым молотком, выгнули железо подальше от резины. После чего завели и поставили машину на прежнее место.

Вот с воротами нужно было заниматься серьёзно, а если прямо сказать, их надо было делать заново. БМД просто сорвал их вместе с петлями и полностью искорёжил всё листовое железо, поэтому мы просто взяли их и выкинули в тот же многострадальный котлован.

Я поручил Валере и Сергею, — прямо завтра заняться изготовлением новых створок. В незамкнутом периметре, было как-то не очень уютно. Хотя я и понимал, что ворота это никакая не преграда для серьёзного нападения — сегодняшний день показал это. И КамАЗ, и железные ворота не продержались и пяти минут. Флюр предложил, очень здравое решение:

— Батя! Давай, хотя бы из одного ящика тола, сделаем управляемый фугас. Закопаем его метра за три перед КАМАЗом, взрыватель поставим электрический, а провода протянем к первому от ворот дому и там оборудуем защищенную позицию. Взрыв-машинка и электродетонаторы у нас есть, проводов по дачам можно набрать сколько хочешь. Кабель присыплем сверху снегом, чтобы его не было видно. И тогда, этим фугасом мы остановим хоть танк, а уж броневик или машину тем более. Мне очень понравилась эта мысль и Флюру же, я поручил её осуществить — произнеся:

— Вот завтра и заложим этот фугас! А то, имея профессионального минёра и столько взрывчатки — мы, чёрт возьми, допустили езду тут всяких БМДешек. Тьфу! Не к вечеру будет сказано.

Володя в продолжение этой мысли, предложил:

— Анатолий! А давай тогда подорвём и грунтовую дорогу, по которой мы ездили в Пушино. Там есть одно место, которое нельзя объехать. На него взрывом можно обрушить нависший утёс и тогда уже с

той стороны никто не сможет проехать. А если задумают ехать по асфальтовой дороге, то там, во-первых, надо городить мостик, чтобы переехать трещину, и, во-вторых, с наблюдательного пункта в подзорную трубу, да и в бинокль, мы всё это увидим, и у нас будет время подготовиться.

Эту идею я тоже поддержал — сказав:

— Вован! Вот и займись послезавтра этим делом, вместе с Сашей и Флюром.

Так, обговаривая наши планы самозащиты, мы вернулись домой. Внешне посёлок приобрёл прежний вид и, будто специально, чтобы скрыть все следы, пошёл довольно сильный снег, температура понизилась до — 18 градусов.

Сегодня мы решили больше ничего не делать, а просто грубо напиться и пить весь вечер. Организм у всех явно этого требовал, этот стресс надо было снимать — наши женщины тоже были все за это.

Они сами внесли предложение о праздничном ужине и ещё пообещали, что теперь только они будут дежурить на наблюдательном пункте, это будет их обязанность. Только в ночное время по двое — в одиночку всё ещё страшно. Я пошутил:

— Чего же бояться, я за стенкой. Зовите! Но только когда жена уснёт. И нужно сделать всё потихому, чтобы её не разбудить.

Но никто моей шутки не поддержал.

В общем, женщины нам устроили шикарный стол. Никто из нас уже давно не пробовал таких деликатесов. Тут была и красная икра и балык и натуральные крабы, так же было несколько сортов колбасы и очень неплохая водка «Веда», а так же несколько видов сока и газированной воды. Всё это мы изъяли у бандитов в Туле. В общем, наш славный загул длился почти, что до часу ночи, и я слабо помню, как оказался в своей комнате на кровати.

Глава 16

На следующий день все поднялись в девять часов, на улице было не очень светло, и продолжал идти снег, начавшийся ещё вчера. На улице, по сравнению со вчерашним днём сильно похолодало, и температура была уже -23 градуса. Пока мы завтракали, снег прекратился и немного посветлело.

Было решено, сегодня перенести всё в подвал из сеней и всё-таки разгрузить машину с мукой. Хотя мы с Сашей, давно хотели доехать до мостов через Оку на Симферопольской трассе и посмотреть, как там обстоят дела, можно ли переправиться.

Вчерашние сведения, полученные от пленного — что налажена переправа через реку Оку и, что вывозят людей из Пущино, только усугубило это желание и надежду перебраться через реку. Нам очень хотелось попасть в Москву. Может быть, мы могли бы найти и чем-нибудь помочь нашим родственникам и друзьям. Может быть, удалось бы вытащить их оттуда.

Я очень сомневался, что можно будет выжить в Москве при повреждённых коммуникациях и без тепла в наступающей суровой зиме. Даже уже по Серпуховскому радио, которое иногда удавалось поймать — говорили, что зима прогнозируется крайне морозная. Уже сейчас в Якутии регистрировались 60-градусные морозы, хотя календарная зима ещё не наступила. Там передавали, что ситуацию постепенно берут под контроль, что в Москве начали в некоторые районы подачу электричества. Правда, тепло подают в очень ограниченное количество домов. Многие трубы и в домах и на теплотрассах разморозились и лопнули.

Так же по радио передавали, что подписан Указ Президента, — «Об ужесточении борьбы с фактами мародерства» и войскам дан приказ открывать огонь на поражение, при обнаружении таких случаев.

Так же в этом Указе были ужесточены меры к чиновникам, обличённым в воровстве — вплоть до высшей меры наказания. И введены в действие разбирательства военных трибуналов для всех граждан и обжалованию эти приговоры не подлежали, исполнять приговоры, обязаны были в трёхдневные сроки. Для исполнения приговоров и поддержания порядка, как в воинских частях, так и среди гражданского населения — была создана Военная Полиция.

Хотя по радио и передавали, что ситуация улучшается, но я, анализируя положение, которое наблюдал: в Туле, а также разгул банды в Пушино и уход оттуда солдат. Очень сомневался в этом — уж очень сильно психология вседозволенности и коррупции поразила чиновничий аппарат. Они привыкли игнорировать, забалтывать, спускать на тормозах — все распоряжения, ущемляющие их возможности, заботясь в первую очередь, о своём благополучии. Царившая там атмосфера кумовства и полезных связей, топила все правильные действия правительства. Эту всю систему можно было заставить работать, по моему убеждению, только одним способом — демонстративной и показательной жестокостью, не взирая ни на какие лица и должности. Пока во всех наших поездках, я этого не видел. Видел только, как различные банды и группы, под патронажем или с прямым участием силовых чиновников, устраивали свои ханства — растаскивая по своим норам, государственные запасы.

В принципе, наше убежище тоже можно было назвать норой, а нас бандой. Но, во-первых, половина продуктов нами была честно куплена и вполне легально при всеобщем изобилии. А то, что мы захватили у бандитов, было отбито после их агрессии против нас и не просто агрессии, а явного намерения нас уничтожить — то есть мы защищались. А, во-вторых, мы предлагали свою помощь и администрации Пушино и в комендатуре Тулы, но везде нам было сказано, — что в наших услугах не нуждаются. И к тому же, мы оказали конкретную помощь некоторым нуждающимся, можно сказать, спасли от верной смерти и унижения трёх девушек. А если оказывать помощь всем нуждающимся, то с нашими ресурсами, в конечном счёте, погибнут не только они, но и мы. А таких альтруистов, чтобы ценой своей жизни и жизни своих близких, отдалить гибель чужих людей — среди нас не было.

А если отбирать несколько человек, чтобы их спасти, то по какому принципу и почему этих, а не других. И вообще, мы не Всевышние, чтобы решать, кому жить, а кому умереть. Но вот поехать в Москву и привезти сюда своих родственников и друзей я хотел. И поэтому мы с Сашей всё-таки убедили остальных, что нужно съездить к мосту и, если получится, то доехать до Москвы и попытаться найти родственников.

У Флюра и Саши, родственников в Москве вообще не было, они все жили в Татарстане и в Челябинске. Решили ехать вдвоём я и Саша на «Лэнд Ровере». Документы на него мы нашли у бандитов. А Наташа — на неё он был, как раз оформлен, написала на меня простую, от руки, доверенность.

В машину мы загрузили: четыре канистры бензина, пять ящиков водки, небольшой запас продуктов, два спальных мешка и две пары лыж — вдруг придётся бросить джип. Эти все запасы были взяты на тот случай, если нам всё-таки удастся прорваться к Москве. Договорились, что максимум там будем два дня, на третий день обязательно приедем обратно, независимо от результатов наших поисков.

Мы выехали только в районе двенадцати часов дня. Из оружия взяли по автомату и по две гранаты. Я взял ещё свою Сайгу, так как это было единственное оружие, документы на которое были в полном

порядке. Саша, на всякий случай, закинул в багажник гранатомёт РПГ-18 и два запасных выстрела. На мой вопрос, как мы будем по Москве разъезжать со всем этим вооружением — он, молча, показал мне своё удостоверение.

Дорога была тяжёлая, снегу навалило сантиметров двадцать. Мы даже на хорошем джипе еле пробирались по этому свежевывавшему снегу, за нами оставалась глубокая колея. Когда доехали до Симферопольского шоссе, стало полегче. Здесь хоть и не чистили, но была одна колея от грузовой машины. Мы повернули в сторону мостов через Оку, ехать было совсем недалеко, подъехав к мостам, мы остановились и вышли.

Мосты были обрушены, никаких восстановительных работ там не велось. В пределах видимости бинокля никакого понтонного моста — на что надеялся Саша, не было, а он говорил:

— Военные обязательно должны на такой стратегической трассе навести понтонный мост.

Река у берегов уже начинала покрываться ледяной коркой. Вдали виднелся железнодорожный мост через Оку. Мы, взяв бинокли, начали разглядывать его, у него тоже отсутствовали средние пролёты. На путях стоял большой железнодорожный кран и там вроде бы велись какие-то работы, но до восстановления моста, видно, было далеко. Потом, мы внимательно начали в бинокль оглядывать всю доступную панораму в поисках парома или заваливающегося катера, но нигде не увидели ни того, ни другого. Пришлось констатировать, — что мы зря сюда приехали, перебраться с машиной через реку, нет никакой возможности.

Сев обратно в «Лэнд Ровер», перекурили, думая, что нам делать дальше и решили, что если мы уже здесь — проехать в центральную усадьбу совхоза «Заокский». Может, удастся там чем-либо разжиться или выменять нашу водку на что-либо нужное и полезное.

Раньше это был довольно богатый совхоз, и в центральной усадьбе было несколько пищевых предприятий, включая хлебозавод. Мы, например, давно не ели заводской хлеб, вместо хлеба, выпекая лепёшки, которые были не очень вкусные и быстро черствели. Женщины объясняли это тем, что у них нет дрожжей. Вот мы и подумали, что в совхозе, может быть, удастся обменять водку на хлеб и, самое главное, дрожжи. Раньше на этом хлебозаводе выпекались качественные и очень вкусные хлебобулочные изделия. И нам было бы очень интересно узнать на заводе их рецепты. Развернувшись, мы поехали в совхоз, до него было совсем недалеко, километров восемь. Перед самым посёлком центральной усадьбы нам пришлось затормозить — дорогу преграждал недавно сделанный, самодельный шлагбаум. Когда Саша попытался открыть дверь машины и выйти, раздался ружейный выстрел. Он сразу плюхнулся обратно на сидение, а я резко поддал машину назад и начал разворачиваться. Никто больше не стрелял, значит, выстрел сделал своё дело, пугнул нас и предупредил — туда нельзя. Наверное, местные жители были совсем не рады приезжим.

Поэтому, мы развернулись и поехали обратно, при такой встрече в переговоры вступать было бессмысленно. Запросто можно схлопотать свинцовый подарочек. Выехав обратно на Симферопольское шоссе, мы, от греха подальше, больше не стали искать никаких приключений, а поехали в сторону дома.

Проехав после поворота с трассы, первую деревню, на её окраине, я остановился. На вопрос Саши: — Батя чё стоим? Дома уже, наверное, компот разливают!

Я ответил:

— Сашек побойся Бога! Ты же недавно выдул полтермоса чая с бутербродами. Да чтобы тебя одного

прокормить — надо еще где-нибудь искать бандитов с такими же запасами как в Туле. А если серьезно то-тут, немного в стороне, был маленький магазинчик, а за ним его хозяева армяне, организовали цех по производству тротуарной плитки — я у них её покупал. Вот и хочу проверить, кажется, печь для обжига и сушки этих плиток, топилась углём. Магазин наверняка пуст, а вот уголь может остаться.

Мы вылезли, взяли оружие и, проваливаясь в снег, побрели к этому месту. По этой подъездной дороге к магазину видно давно никто не ездил. Подойдя к магазинчику, как я и предполагал, мы увидели, что он уже давно разграблен и пуст, там лежало только два трупа, мужчины и женщины — мы даже не стали заходить вглубь помещения. Обойдя магазин, мы увидели лежащих под навесом, прямо на изготовленной тротуарной плитке, ещё пять трупов мужчин. Видно их построили и просто расстреляли из автоматов.

Угля не было, но рядом стоящий сарай, был доверху забит торфяными брикетами, уложенными штабелями. Это нас порадовало, хотя доехать сюда было проблематично, сильно много пришлось бы чистить снега. Правда, Саша заметил:

— Может это и к лучшему, никто не увезёт это топливо, а мы попозже сделаем большие сани и снегоходами вывезем все эти брикеты. Тем более, от этой деревни, до нашего посёлка всего-то километров семь.

Тогда я предложил:

— Давай пройдемся по этой, брошенной деревне. Может где, и найдём большие сани, лыжи или другие предметы, полезные нам в хозяйстве. Сам знаешь я ведь — куркуль!

Мы пошли к машине и проехали к середине деревни. Там договорились, — Саша идёт по правой стороне дороги, осматривая дома, а я по левой. Взяв автоматы, мы разошлись проверять дома, дворы и сараи в поисках полезных вещей. Деревня действительно оказалась давно брошенной и все дома были разграблены, слишком удобно она стояла для подъезда и, по-видимому, здесь останавливалась пограбить её — масса машин.

Вновь выпавший снег, конечно, скрыл старые следы подъездов грузовых машин, но вдавленные колеи остались, по ним я и ходил от дома к дому. Ни в одном из обысканных мною доме или сарае не было ничего похожего на сани. Да и других интересных, полезных нам вещей тоже не видел, только в одном доме нашёл две алюминиевые пятидесятилитровые фляги. Я их вынес поближе к дороге, чтобы потом уже, на машине их подобрать.

Где-то в десятой осмотренной усадьбе, нашёл алюминиевую лодку — трёхместную плоскодонку, длиной метра три. Она вполне годилась к использованию в качестве саней. По рации я вызвал Сашу и позвал его прийти, сказав, что я нашёл кое-что интересное. Подойдя, он, с интересом осмотрел находку и признал, что она вполне годится под прицеп к снегоходу. Мы вдвоём вытащили эту лодку к дороге и решили ещё обойти по пять домов и сворачивать поиски.

Саша на своей стороне тоже ничего не нашёл, всё было разграблено и вывезено, даже дрова и сено для животных. У меня было подозрение, что, по-видимому, подчищали здесь сельские жители — уж очень основательно было всё подобрано и вывезено. Около домов можно было увидеть следы от колёс большого диаметра — скорее всего от колёсных тракторов К-700 с прицепом. Поэтому я подумал, что здесь поработали люди из совхоза «Заокский». Судя по охране подъездов к центральной усадьбе, порядок и организованность там сохранилась. А лодку не забрали потому, что

там, на боку была рваная дыра — наверное, посчитали, что овчинка выделки не стоит.

Обойдя пять домов и ничего не найдя, я вышел к машине. Скоро появился и Саша, в руках он нёс трёхметровые металлические полосы. Потом бросив их у дороги, подошёл ко мне.

Я спросил:

— Что это ты там нашёл?

Саша ответил:

— Это дюралевые панели, шириной где-то тридцать сантиметров. Скорее всего, это части борта трейлерного прицепа. На них даже сохранились крепления. А если на конце их загнуть, вполне подойдут как полозья для больших саней. К тому же, они не очень тяжёлые, но достаточно крепкие и согнуть их будет нелегко.

На этом мы закончили ходить по деревне, тем более что начало смеркаться и опять пошёл сильный снег. Мы привязали на багажник панели, а сверху закрепили лодку, потом подъехали, уложили в салон найденные фляги и поехали домой.

Когда подъехали к посёлку и начали переставлять КАМАЗ, повалил очень сильный снег — стало совсем темно. Нас, в принципе, не ждали, думали, если нет так долго, то мы всё-таки перебрались через реку и доехали до Москвы. Пришлось всех разочаровать и объяснить, что пока Ока не замёрзнет, перебраться на тот берег не удастся, но, судя по температуре ждать, осталось недолго. Пока нас не было, ребята, и девочки полностью очистили первый этаж от запасов продуктов и напитков, перенесли всё в подвал. Заглянув туда, я увидел, что он практически весь заставлен полками с продуктами, а вдоль их рядов ходит Володя, что-то сверяя со своими записями. Я его спросил:

— Вован ты тут как Плюшкин! В одиночку ходишь — не можешь нарадоваться? Ну, что — много ли запасов?

Он ответил:

— Анатоль! Хватит квазимодничать, куркуль несчастный! А вообще-то — всё ещё не подсчитал. Но завтра — послезавтра закончу. Если ничего не протухнет, то тут хватит нам года на четыре.

Я ему напомнил:

— Если говорить серьёзно, то по самому негативному прогнозу «вулканическая зима» может продолжаться до десяти лет. И поэтому, несмотря на такие запасы, нам надо установить нормы не более 2000 калорий на человека в день. Я думаю, хватит, тем более, если наступят холода, нам придется вести не очень активный образ жизни. Будем всё время находиться в доме.

Потом помолчал и добавил:

— Будем резаться в карты, вот тут я тебя и разорю.

Он засмеялся и ответил:

— Ты заводной и нетерпеливый, а преферанс требует вдумчивости, так что, готовь свой лоб — играть, по-видимому, теперь будем на щелбаны.

Оставив Володю заниматься подсчётами. Я начал думать, а куда же нам складировать целый КАМАЗ муки. Её сегодня мы так и не разгрузили. Получалось опять в сени, больше некуда и опять придётся делать полки. Утешало то, что в сенях, кроме угла, занятого животными и огороженного бочками с растительным маслом, места было ещё много.

Я вышел во двор, там Валера с Сергеем и Максимом уже установили столбы для навеса над углём и уже связали их поперечным брусом и теперь, при свете прожекторов, набивали верхние доски, чтобы

можно было делать крышу и это, несмотря на сильный снегопад. Я подошёл и посмотрел, чем они уплотнили брус в земле, оказалось, утрамбовали песком. Я спросил у Валеры:

— Что так? Ты же собирался столбы залить бетонной смесью!

На, что он ответил:

— Я прочитал инструкцию на добавку, там написано, что можно использовать до-минус двадцати градусов, а сейчас уже — 23 градуса. Да на самом деле бетон на хрен не нужен, столбы и так сидят крепко — сам попробуй, покачай.

Я попробовал — они действительно не шелохнулись. Я сказал ребятам:

— Орлы! Заканчивайте работать, на улице уже темно и идёт сильнейший снег. Нужно соблюдать технику безопасности. В таких условиях, при свете прожекторов, можно запросто промахнуться молотком и изуродовать руку и вообще, пора ужинать, а нам с Сашей одновременно и обедать. Наконец все собрались на ужин и как обычно, начали обсуждать сегодняшний день, попросили нас рассказать о нашей поездке. Я рассказал:

— К сожалению, съездили безрезультатно — только зря потратили бензин. Единственная польза, что нашли нетронутые запасы топлива, но их можно вывезти только на снегоходе — на санях. И мы даже придумали и привезли то, из чего сделаем эти санные прицепы.

Все с большим интересом вышли во двор, осмотреть привезённую лодку. Потом я спросил Флюра:

— Как там насчёт фугаса?

Он, как бы оправдываясь, сказал:

— Завтра буду ставить, сегодня было много погрузочных работ и их закончили практически только перед вашим приездом. К тому же вы забрали машину, а без неё, как нам с Володей добраться до места взрыва за деревней, не на КамАЗе же — он там сейчас вряд ли пройдёт.

Я заметил:

— Конечно! Выпало уже столько снега, что там уже никто не проедет, даже на гусеницах, поэтому там взрывать не будем, а на нашей дороге фугас заложить всё равно стоит — что взрывчатке пропадать. Завтра никто никуда не поедет, а из работы нам нужно разгрузить всё-таки муку, доделать навес и установить фугас. Поэтому, пока мы будем разгружать муку, ты с Колей, который из-за раны не может поднимать тяжести, будете устанавливать фугас.

И уже обращаясь ко всем, я продолжил:

— А муку нужно разгрузить поскорее, а то в кузов могут забраться мыши или ещё какая живность, уровень снега растёт и может достигнуть кузова. Тогда им будет совсем нетрудно туда забраться.

Потом, когда разгрузим КАМАЗ с мукой, все вместе будем делать навес над углём.

После обсуждения завтрашних планов, все занялись своими делами. Мы вчетвером сели играть в карты, а молодёжь и все женщины — пошли на второй этаж в наблюдательную комнату, смотреть какой-то фильм на видеодиске. В этой комнате Валера установил домашний кинотеатр с большой плазменной панелью. Этот кинотеатр раньше стоял у меня в большом зале, теперь превращённым в сени и там жили сейчас наши животные.

Наблюдательный пункт постепенно превращался в любимое место отдыха наших женщин и молодёжи. Кроме домашнего кинотеатра, в котором были функции и караоке и аудио проигрывателя, там стоял большой компьютер и радиоприёмник, который иногда улавливал передачи из Серпухова, а один раз за это время даже и из Москвы.

Одним словом, образовалось два центра притяжения в доме, это столовая и наблюдательный пункт. Третий центр, раньше был в подвале, с бильярдом, настольным теннисом и сауной, но теперь он был весь забит запасами продуктов.

В наблюдательном пункте, за отдельным столом, мы установили два больших монитора, куда передавалось изображение с восьми видеокамер — привезённых из Тулы. Их устанавливал и отлаживал всю систему Валера, две камеры он установил недалеко от ворот, четыре контролировали территорию вокруг дома, а две других просматривали, самые проблемные, с нашей точки зрения, подходы со стороны леса. На это мы израсходовали больше километра проводов, найденных в пустых домах и гаражах посёлка. Пока всё это видеонаблюдение работало прекрасно.

Просидев за картами до одиннадцати часов ночи, мы решили прекращать, тем более, наверху фильм закончился и все начали расходиться по своим комнатам. Душевая, как всегда была уже занята, и я пошёл в свою комнату. Вообще то, душем надо пользоваться по графику, — подумал я, укладываясь на кровать, Маша в это время уже спала.

Утром будильник, как обычно, зазвонил в восемь часов, на улице ещё было темно, посмотрев на термометр, я увидел, что температура опять понизилась, было -28 градусов. Вчера вечером было — 23 градуса. Неужели так быстро началось прогнозируемое похолодание? Мне казалось, что в силу инерции, сильные морозы должны наступить не раньше, чем месяца через три после катастрофы. В доме, как обычно, держалась температура в + 21 градус, электроротёл пока справлялся с поддержанием комфортной температуры. Пойдя в душ, пока его никто не занял, я быстро помылся. Когда выходил — уже стояла очередь из Вики и Кати. Да! График посещения душа нужно точно устанавливать, — думал я, спускаясь в столовую, — а то скоро может начаться драчка за право принять горячий душ.

Где-то к половине девятого уже все собрались на завтрак, последними появились Саша с Флюром, они пришли с улицы все красные и возбуждённые, раздетые по пояс. Оказывается, ребята выбежали туда размяться и растереться выпавшим снегом. Флюр дрожа и цокая зубами, прошепелявил: — Это очень с-с-способствует поднятию тонуса, но я б-б-больше никому не советую это п-п-повторять, тем более, в т-т-такой мороз.

Появившись, они тут же убежали наверх, принимать горячий душ.

Позавтракав, Николай пошёл заводить трактор, надо было почистить дорогу, а то КАМАЗ с мукой по такому снегу не выехать с участка Володи к нам под разгрузку. Мешки с мукой мы хотели снимать с КамАЗа ручной талью и потом по двое относить эти мешки в сени, где аккуратно укладывать их в штабеля. Мы с Валерой пошли заводить КАМАЗ. Чтобы его завести, пришлось прогреть картер двигателя паяльной лампой. Это заняло у нас минут тридцать, мы и сами намёрзлись, прогревая машину. Я сказал Валере:

— Всё-таки надо завтра залезть на ветряк и поменять графитовые щётки, а то морозы могут усилиться. И то, что сейчас не представляет большой проблемы — может потом обернуться мучительной историей.

Он согласился, признав:

— Лучше недоделывать навес, но поставить в генератор новые щётки и добавить масла в подшипники. В конце концов, навес никуда не денется, а даже малейшая остановка подачи электричества, особенно когда темно и холодно, это очень неприятная вещь.

Подогнав КАМАЗ на разгрузку под таль, мы начали разгружать мешки. Они были тяжёлые, по пятьдесят килограмм, всего их было сто шестьдесят штук. Первый поддон нам помогали разгружать Флюр и Николай, но потом я их всё-таки отправил устанавливать фугас. Разгрузка шла довольно бодро, особенно первых двух поддонов — их мы разгрузили не останавливаясь. Следующие пошли тяжелей, после каждого разгруженного поддона, мы устраивали отогрев и перекур.

Закончили с разгрузкой муки только к двум часам дня, как раз пора было обедать. Ребята пошли в дом, а я взялся отогнать КАМАЗ к другим машинам и позвать Флюра с Колей на обед. Чтобы не идти до них пешком, решил доехать на машине. Подъехав, я узнал, что они уже вкопали фугас в землю — правда, замучились долбить мёрзлый асфальт. Я посмотрел на место укладки, но они так всё засыпали, что невозможно было определить, где уложен заряд. Потом я им помог протянуть кабель в ближайший дом, это был тот, из которого мы с Володиёй стреляли по бандитам. Проведя в ту же комнату кабель, Флюр укрепил его и поставил рядом взрыв машинку, не соединяя её с проводом. А потом пояснил:

— Это дело одной минуты — воткнуть провода в машинку. Так что, пускай пока будут не соединены.

После чего, я их вместе с ломиком, киркой и лопатой отвёз домой, а сам поехал ставить КАМАЗ на нашу уже сильно разросшуюся стоянку неиспользуемой техники. Там уже стояло штук восемь различных автомобилей — наш поселок был уже похож на небольшую автобазу. После того как я поставил КАМАЗ на этом участке, пошёл тоже обедать.

Когда я пришёл домой. Уже все, кроме Флюра и Коли, закончили обедать и собирались выходить делать навес. Перекусив, мы втроём вышли помогать. Там уже ребята заканчивали обрешётку крыши. Работать было холодно — температура так и держалась около -28 градусов. Поэтому, мы установили график: половина работает полчаса, потом идёт греться в дом, а другая половина работает. Становилось темно, и мы включили освещение. Крышу мы закончили к девяти часам вечера и, как по заказу, пошёл сильный снег. Но теперь, для нашего угля, это было не страшно. После этого мы отправились на поздний ужин.

Сегодня опять все страшно устали, поэтому мы долго не расслаживались и в десять часов все мужчины пошли спать. Кстати, женщины, к ним примкнул и Максим, ещё долго смотрели по домашнему кинотеатру, какую-то мелодраму.

Мне тоже, конечно, хотелось спокойно, не дёргаясь, полежать и почитать книгу, или посмотреть какой либо фильм. Но я понимал, что сейчас это никак нельзя себе позволить. И если прямо сказать, держался из последних сил и других тоже постоянно тормозил. Боясь потерять отпущенное нам для активной деятельности время. Заставляя делать всех, на мой взгляд, неотложные вещи.

Утром подъём был, как обычно, в восемь часов. Я встал и направился в душ, но там было уже занято. Вышла и Маша, разбуженная мной, глаза у неё были заспанные, я сказал ей:

— Машунь! Спать надо меньше. Всё! Места заняты. Здесь действует принцип. Кто рано встаёт — тому бог подаёт!

И мы, с ней несолоно хлебавши, пошли на первый этаж, умываться над раковиной в кухне. Душевую на первом этаже мы так и не восстановили — не хватало времени, да и сил уже вечерами не оставалось, там функционировал только туалет.

Сегодня народ на завтрак подтягивался медленно, все собрались только в девять часов, когда мы с

Машей уже закончили завтракать. До десяти часов мы сидели и обсуждали наши планы и погоду — её изменения и колебания. Например, сегодня установилось — 25 градусов и снег, шедший всю ночь, перестал идти. По этому поводу, я напомнил Валере нашу вчерашнюю договорённость и сказал: — Бог нас любит! Сама природа, повышением температуры и прекращением снега и сильного ветра, даёт нам возможность заняться техническим обслуживанием ветряка.

Я приставал с этим вопросом к Валере, потому что он по специальности инженер электрик и очень хорошо разбирался в этих вопросах. Он сказал:

— Всё Батя, иду собираться.

И действительно, пошёл одеваться потеплее, ведь надо было по холоду лезть на 17 метровую высоту. Я в это время в гараже взял сложенные там щётки для генератора, банку смазки и трансмиссионное масло. На всякий случай захватил фонарик. Вдруг, там, наверху, в защитном кожухе генератора, Валере будет плохо видно мелкие детали.

Встретились мы с ним возле вышки ветрогенератора. Сложив всё принесённое мной в заплечную сумку, положив туда и необходимые инструменты, Валера, по металлической лестнице, вваренной внутри сегментов вышки, полез к генератору. Ковырялся там он почти что час, потом, спустившись, сказал:

— Всё в порядке. Кстати батя, панику можно было и не нагонять. Старые щётки ещё не выработали и трети своего ресурса.

И показал их мне — действительно, там оставался ещё толстый слой графита.

Основные задачи, по моему мнению, были выполнены. У нас был четырёхлетний запас продовольствия, значительный запас печного топлива, много горючего. Кроме этого был ещё наш ветряк — подача электроэнергии, от него не зависела от наличия топлива.

Поэтому, я объявил:

— Девочки и мальчики! Леди и джентльмены! Всем сегодня выходной. Спешите! Для всех желающих у нас сегодня проводится — «Большой пивной день». И день полного отдыха для остальных с просмотром фильмов, танцами и пением. Кто желает, «Большой коньячный день» — обращайтесь к Володе.

У нас было ещё пять ящиков чешского пива и несколько ящиков коньяка, найденного в Туле, на бандитской базе.

Все радостно загигикали. Флюр, так вообще, пустился в какой-то татарский танец, при этом крича: — Неужели! Неужели мой бедный организм получит этот божественный пенный напиток.

Ему вторил Николай:

— Давайте достойно! Последний раз проведём атаку на печень и максимально увеличим наши пивные животики.

В общем, весь наш коллектив был только за пиво. Этот «Большой пивной день» мы закончили только в 12 часов ночи. Весь вечер все вспоминали былую жизнь. Допивая пиво, мы как бы прощались с прошлой, такой уютной, доброй жизнью. В конце вечера, уже изрядно захмелевший Саша, обнявшись с Флюром, высказался:

— Всё равно мы прорвёмся! Русские не сдаются!

ЧАСТЬ 2

ЛЕДЯНАЯ «ЖУТЬ»!

Глава 1

После устроенного накануне пивного дня, проснулся я с тяжёлой головой и довольно поздно, будильник я вчера не ставил. Посмотрел на часы, уже шёл десятый час дня, я встал и подошёл к окну. На улице было ещё темно, и шёл сильнейший снегопад, я посмотрел на термометр, было — 27 градусов мороза. Странно! Обычно когда идёт снег, температура немного повышается, а тут опять ниже, чем вчера. Но от этих мыслей голова стала ныть ещё больше и чтобы прийти в норму, я побрёл к душу. О счастье! Он оказался свободным, и я начал принимать контрастный душ: сначала горячий, потом холодный и опять горячий. В голове прочистилось, и я уже мог идти в столовую, что-нибудь поесть. Буквально пятнадцать минут назад, эта мысль вызывала у меня отвращение.

В десять часов я спустился в столовую, все уже были здесь, мужчины сидели какие-то хмурые и подавленные — наверное, действовала погода и вчерашнее пиво, под конец смешанное с водкой. Выходить на улицу и что-нибудь делать совершенно не хотелось, слишком погода была отвратительной. Поэтому с единодушного согласия всех, я объявил:

— Друзья! Сегодня день отдыха и релаксации.

Для восстановления организма, основные бойцы с «Зелёным змием» договорились использовать сухое вино. С большим энтузиазмом к нашему начинанию присоединились и все женщины. Чтобы сохранить хоть какой-то заряд бодрости и деловой настрои, я разделил всех мужчин и молодых девушек на пары и поручил:

— Давайте, меняясь через каждые полчаса, чистить снег с дорожек. Этим мы получим двойную пользу. Во-первых, сможем спокойно выходить на улицу, не проваливаясь по уши в сугробы. А во вторых это хорошо прочистит нам мозги, и завтра утром будем уже свежие как молоденькие огурчики.

Сказав это я, повернулся к Игорю и спросил:

— Как с медицинской точки зрения, это правильное предложение?

Тот, давась гречневой кашей, которая была на завтрак, пробормотал:

— П-п-правильно, н-насяльника!

И я, повернувшись ко всем остальным, усмехаясь, произнёс:

— Во! Слышали, что доктор прописал.

После того, как ушла первая пара, мы, как обычно, вчетвером, под сухое вино, начали расписывать пульку. Остальные, тоже, как обычно, захватив несколько бутылок вина, пошли в наблюдательный пункт и, вскоре, начали петь под караоке.

Примерно так, только с перерывом на обед прошёл весь день, — типичный дом отдыха, — думалось мне, особенно, когда наполнялся вином очередной бокал.

Когда настала наша с Володей очередь чистить снег, я удивился, какое количество его выпало за ночь и за эти несколько часов. Наверное, сантиметров пятьдесят, а сильный снегопад всё продолжался. Вдоль дорожек уже образовались сугробы — полтора метровой высоты.

— Эдак нам скоро этот снег некуда будет выкидывать, — думал я, чистя проход к гаражу.

Был второй час дня. На улице, конечно, посветлело, но, всё равно, было сумрачно. Температура была около -28 градусов. После обеда я вышел на улицу с новой парой наших добровольных дворников.

За время обеда, когда мы не убирали снег, его навалило уже около пяти сантиметров.

Это заставило меня задуматься.

— Надо что-то делать, а то нам так и придется всё время, не прерываясь, убирать снег. А через некоторое время, это превратится в большую проблему, если сугробы около дорожек вырастут больше двух с половиной метров — из нас не каждый сможет закинуть снег на такую высоту. С одной стороны — большое количество снега меня радовало, всё-таки это была дополнительная тепловая защита от сильных морозов и для земли и для нашего дома. Но завал снегом проходов к объектам жизнеобеспечения, меня пугал.

Поэтому, когда мы сели за очередную партию префа, я поделился своими опасениями. В процессе игры, мы начали обсуждать эту ситуацию. После обсуждения, длившегося практически, всю эту партию, Николай предложил:

— Давайте сверху на сугробы уложим поперечный брус и накроем его железными листами. Получатся коридоры — и, пускай сверху падает сколько угодно снега, нам будет это уже не страшно. А, чтобы под тяжестью наваленного сверху снега, этот навес не вдавливался, можно поставить боковые стойки из бруса и на них опереть эту своеобразную крышу.

Эта идея Коли мне очень понравилась, подробности строительства я решил потом обговорить с нашим главным строителем — Валерой.

Когда мы обсуждали вопрос о подснежных коридорах, мне вспомнилась идея, сделать железную или канатную дорогу — чтобы отвозить нечистоты в выбранный нами раньше громадный подвал. За ужином и после него мы обсуждали с Валерой, — как будем делать эти коридоры и куда. У нас могло не хватить бруса для стоек и половых досок для перекрытий. Даже с учётом лежащего материала в недостроенном доме с большим подвалом и того, сколько мы уже натаскали с других участков.

Поэтому, договорились — завтра, даже в снег и ощутимый мороз, опять походить по посёлку, поискать материалы, может, что-нибудь упустили. А так же, где это, возможно, начать демонтировать в домах готовые полы и другие конструкции. Кроме этого, снарядить экспедицию в лес, рубить деревья и делать из них стойки. Высоту стоек решили делать два с половиной метра, а ширину коридоров делать в полтора метра — тогда можно будет спокойно проносить любой груз, не задевая стенок.

Для выполнения всех этих работ, из-за обильного снега, возникла единственная проблема. Нужно было много комплектов лыж, а у меня всего было в наличии две пары — да и то, обычные, беговые, довольно узкие, а при таком снеге, лучше бы широкие, охотничьи. Я стал опрашивать наших старых жителей посёлка:

— Мужики! Давайте колитесь! У кого в загашнике лежат лыжи, или, может быть, кто знает, в каком доме они имеются. Наугад обыскивать весь посёлок, из-за снега, как-то не комильфо.

Но, оказалось у всех, в их бывших домах, лыжи были и не по одному комплекту. У Николая их было аж четыре пары обычных беговых и две пары широких охотничьих. О счастье! Лежали они в деревянном сарае, который остался цел после землетрясения.

Созвав всех, я рассказал о предстоящей задаче на ближайшее время:

— Пока снег не перестанет идти, на снегоходах, мы за торфяными брикетами не поедём — слишком снег рыхлый и должен немного уплотниться, да к тому же очень холодно. Запланированная мной работа, хотя и не лёгкая, но крайне нам необходима для дальнейшего существования. Пока не поздно, нужно делать тоннели. И вести их, не только к близлежащим постройкам, а так же к дому с

громадным подвалом и ветряку. Чтобы в дальнейшем все эти объекты были легкодоступны.

Для того чтобы отдохнуть перед предстоящей тяжелой и нудной работой, я предложил:

— Нужно сегодня пораньше лечь спать. С завтрашнего дня, опять пора начинать ранние подъемы.

Ещё я поручил Маше:

— Составить, пожалуйста, график посещения душа, с учётом нахождения там максимум, пятнадцатью минутами. И нужно со всеми его согласовать. Больше времени выдели только Наде с маленьким ребёнком.

И так же, предупредил всех:

— Дорогие мои! Канализация может скоро отказать — все трубы перемерзнут. В проекте у меня было всё рассчитано на температуру минимум -45 градусов. Поэтому, душ может быть, скоро придётся вообще отключать, а мыться будем в тазике, обливаясь водой. А в туалет будем ходить в ведра, потом из них переливать во фляги. Их придётся относить и опораживать в тот большой подвал.

Его уже все осмотрели и договорились туда тоже пробивать туннель.

Уже шутя, я продолжил:

— По всем признакам, скоро мы превратимся в настоящих гномов и будем передвигаться только по тоннелям — изредка вылезая на поверхность.

Все посмеялись над этим, но, несмотря на весёлое и бодрое настроение, разошлись рано, не было ещё и одиннадцати часов вечера. Хотя чувствовалось, что женщинам хотелось посидеть наверху, в наблюдательной комнате, поболтать и посмотреть фильм. Коллекция у нас собралась весьма приличная, было почти тысяча видеодисков с фильмами — девяносто процентов из них, мы набрали в Пушкино и в Туле.

Утром подъём был в восемь часов, снег так и продолжал идти, температура была -29 градуса, и на улице весьма ощутимо пробирал морозец. Но делать было нечего, надеяться на потепление было нереально, и мы отправили Колю и Флюра приносить лыжи. А сами, соблюдая получасовую очерёдность, опять парами, начали чистить снег, которого со вчерашнего вечера навалило на дорожки сантиметров пятнадцать. Коля с Флюром принесли лыжи, и мы уже шестером покатали на них, собирать по посёлку необходимые нам материалы.

Чтобы проверить больше участков, мы разделились на три партии по два человека, при этом договорились, — через каждый час приезжать в дом греться. Сегодняшнюю дежурную — Риту я предупредил:

— Присматривай за каждой группой и в случае чего, тут же зови на помощь.

Валера с Максимом остались мастерить сани, из привезённых дюралевых панелей. Они собирались, нагрев паяльной лампой, загнуть концы этих панелей и поперечными планками скрепить получившихся лыжи. Пока ребята делали эти сани, мы решили возить найденные материалы на дюралевой лодке волоком, как бурлаки, для чего к её носу привязали несколько длинных верёвок. Мы с Володей направились в его дом, где нашли ещё две пары лыж. Из деревянных стройматериалов у него в доме уже ничего не осталось — мы раньше уже всё забрали, Имелось только семь шестиметровых металлических швеллера. Они лежали вплотную к стене дома — поэтому их ещё не засыпало, этому мешал выступающий козырёк крыши.

Я подумал, что их вполне можно распилить и использовать, как поперечные перекладины. Они выдержат любой вес выпавшего снега, а распилить их болгаркой не очень долго и трудно. Тем более приносить ничего было не нужно, в доме у Володи, ещё оставался бензогенератор, да и болгарка тоже была. К тому же, нести всё это железо было совсем недалеко. Кроме них там было штук тридцать металлических уголков. Как сказал Володя:

— Вот видишь Толь, как получилось! Как говорится, мы предполагаем, а Бог располагает. Из этих материалов я хотел сварить большой парник. Но вот, как вышло! Хорошо ещё стёкол не завёз — не так обидно.

Увидев уголки, я сразу начал думать, куда их приспособить и вспомнил свой план по созданию — маленькой железной дороги. Чтобы без проблем перевозить тяжёлые фляги с нечистотами к большому подвалу. А эти железные уголки мне почему-то представились рельсами этой дороги. Эти мысли меня постоянно преследовали. Если обстановка сложится такая же, как было написано в самом апокалипсическом интернетовском прогнозе и температура опустится ниже ста градусов по Цельсию. То тащить тяжёлые фляги вручную, будет весьма проблематично, а по такой дороге они будут двигаться совершенно легко. Надо было только сделать тележку — типа дрезины и подобрать колёса для неё.

Забирать этот металл лучше было сегодня, снег уже лежал на крайних уголках этой металлической кучи и при таком снегопаде, на следующий день, все равно засыпал бы всё железо. А откапывать его — это дополнительная работа на морозе, которую совершенно не хотелось делать при такой температуре. Поэтому, пока я относил найденные лыжи и приносил пятилитровую пластиковую бутылку с бензином — Володя приготовил генератор и болгарку.

Но пилить мы сразу не стали, решили сначала отнести все уголки ко мне в гараж, чтобы здесь они не мешались. Возили мы их по пять уголков за раз, передвигаться по наезженной лыжне, было уже не так трудно. Поэтому, мы справились довольно быстро, за все время только один раз отогревались в доме.

Там, в сених, Валера всё ещё мастерил большие сани. Остальные ребята за это время привезли только одну лодку-сани с досками и Саша, как главный в этой бригаде сказал:

— Досок и бруса в дальних домах и сараях посёлка осталось не очень много. Чтобы добыть достаточное количество материала, наверное, придётся ломать заборы.

Валера заметил:

— А что! Это хорошая идея, только заборы надо ломать пролётами и их сразу будем укладывать, как крышу на наши проходы. Сверху набьём ещё железных листов и всё — крыша готова.

Потом улыбнулся и добавил:

— Лёгким движением наших рук, проходы превращаются, превращаются в тоннели.

У меня в сарае ещё оставалось листов пятьдесят железа. Вышедшим девушкам, которые просто набивались на работу, я поручил, иронично заметив:

— Ну что сами напросились! Тогда разбирайте оставшиеся лыжи и идите снимать заборные пролёты на нашем и Володином участках. Как раз осталось четыре пары незадействованных лыж.

Поговорив и отогревшись, мы с Володей опять пошли к его дому, теперь уже резать швеллер. Замена двух обрезных дисков у нас заняла едва ли не больше времени, чем сама резка. Отнеся в гараж по одному куску, мы снова пошли греться в дом, вернее в сени. Там Валера и Максим, всё ещё делали

сани, они уже выгнули концы дюралевых панелей и теперь закрепляли поперечные планки. Отогревшись, мы пошли продолжать носить наши железки. Потом надо было насверлить в них отверстия, чтобы можно было их крепить к стойкам и на них уже укладывать пролёты от заборов. Два таких, ребята уже принесли, и три, сняли девушки с моего забора. Все пролеты были длиной три метра.

За обедом мы пришли к окончательному мнению, — что нам не хватит материала на стойки. Поэтому договорились, что четверо самых молодых и здоровых пойдут в лес, пилить подходящие деревья и нарезать из них стойки — остатки пригодятся на дрова. Остальные продолжают ломать заборы и собирать подходящие стройматериалы.

Темнеть стало очень рано — поэтому мы и другая, «лесная», бригада закончили к четырём часам дня. Вся работа после обеда продлилась всего полтора часа, мы успели отпилить и принести только семь пролётов заборов. «Лесная» бригада принесла десять стоек, правда они сказали, что напилили деревьев гораздо больше.

Женщины, не участвующие в добыче материалов, всё время, по очереди, чистили снег с дорожек. Высота сугробов по бокам уже достигал роста среднего человека. Наши дамы начали жаловаться, что стало очень тяжело закидывать снег наверх. Я им пообещал:

— Девчонки! Уже завтра мы начнём делать крышу над дорожками, и вы будете вспоминать, как кошмарный сон, эту работу. Надеюсь, что нам уже не придётся чистить снег.

Отдыхали после ужина опять традиционно, Мы вчетвером, засели за карты, все остальные ушли наверх и там смотрели фильмы в перерывах — болтали. Максим, выпросив ноутбук, ушёл к себе в комнату, играть в компьютерные игры.

Играя в карты, мы договорились, — что в связи с наступлением таких коротких световых дней, надо вставать, когда ещё темно, завтракать и, как только начнёт светлеть, выходить на работу. А вечером, несмотря на темноту, продолжать работать при свете прожекторов. Сегодня начало светать в десять часов утра, а в четыре часа дня стало темнеть. Значит, завтра, нужно вставать в девять часов, а к десяти часам утра требуется уже быть готовым выходить на работу.

Большие сани Валера уже сделал — сейчас они стояли в сенях, чтобы при положительной температуре, клей лучше схватился. Завтра мы их собирались испытать, в лодке всё-таки было не очень удобно перевозить длинные предметы.

На следующий день, температура была минус тридцать градусов. Все оделись потеплее и, как вчера, разбившись на две бригады, вышли работать. Сашина бригада опять направилась в лес, пилить стойки — захватив с собой лодку для их транспортировки.

Вторая бригада, взяв сани, направилась в дальний конец посёлка. Там был очень неплохой сарай, сделанный из шестиметровой доски, а сверху он был покрыт длинными листами профильного оцинкованного железа. Мы решили разобрать этот сарай, получалось быстрее, чем искать под снегом — не унесённые нами ранее стройматериалы.

Валера и Коля остались устанавливать уже заготовленные стойки. Им вызвались помогать все наши молодые девушки. Стойки решили ставить, вырубая лопатой выемки в сугробах, наваленных по бокам дорожек. Сверху эти стойки были соединены между собой брусом и каждое третье соединение, усилено металлическим швеллером. Потом на это укладывался пролёт от забора и сверху прибавился металлический лист. Как рассказывал девушкам о возводимой конструкции

Валера:

— После устройства этого навеса, сверху можно будет ездить хоть на танке.

В разбираемом нами сарае ещё лежало семь четырёхметровых металлических швеллера, куба три вагонки и десять рулонов утеплителя «Тепофол». Всё это мы отнесли в наш гараж. Греясь в доме я, с Валерой обговорил, возникшую у меня задумку, использовать этот швеллер:

— Нужно сделать на месте гостевой автостоянки центральный, большой подснежный зал, размером шесть на четыре метра, куда будут смыкаться все наши ходы. А именно: в дом, в гараж, в сарай, к ветряку, к угольному складу. Самый длинный туннель — к глубокому подвалу в недостроенном доме.

Как я думал, — большой выгребной яме.

Мы нарисовали с Валерой общую схему этих тоннелей, и он одобрил мою мысль о том, что перекрытиями на снежную пещеру и пойдут эти четырёхметровые швеллера.

Чтобы продлить самое продуктивное рабочее время, было решено устраивать обеды не ранее четырёх часов дня. В это время, как раз начинало темнеть и получалось полное использование всего светового дня. На этот день снегу навалило уже слоем около полутора метров, сугробы по бокам наших дорожек составляли в высоту немногим более двух метров.

В связи с разностью уровней снежного покрова и расчищенных дорожек, у нас возникли проблемы с выходом на центральную поселковую дорогу — несмотря на то, что мы сделали длинный пологий выезд. По нему подымались на лыжах лесенкой, но это было довольно долго. Поэтому, чтобы сэкономить время, наша бригада ограничила походы в дом. Мы грелись рядом с местом работы, топили в заброшенном доме, печку буржуйку, немного дров в запасе там было.

Отвозимые на мой участок материалы, просто скатывали с горки вниз — бригаде Валеры. Так же поступали и ребята, валившие лес, только они всё-таки приходили с периодичностью в час, греться в дом. Сарай мы разбирали до наступления темноты, но так до конца и не разобрали, на холоде работа шла медленно, особенно, когда снимали крышу.

Домой мы пришли в пятом часу вечера — уже стало совсем темно. Хорошо, что была накатанная лыжня, катиться даже таким замученным, как мы, было не очень сложно. Дома все остальные уже собрались и ждали только нас. Наши лесорубы тоже были все измотанные, но они смотрелись бодрее нас, потому что уже успели обогреться и умыться.

Я тоже, раздевшись, сразу пошёл в душ, а только потом, обедать. В графике на посещение душа, Маша специально оставила время для тех, кто пришёл с работы. Наши женщины были записаны на очередь вечером, после девяти.

Всех очень напугало такое стремительное уменьшение светового дня, постоянно падающая температура и такие обильные снегопады. Уже все поверили, что температура ещё более значительно снизится и снега будет намного больше. Поэтому, несмотря на усталость, все с одобрением отнеслись к предложению Валеры:

— Давайте будем продолжать работы по возведению крытых проходов и после пяти часов — освещая всё прожекторами.

Он обосновывал это, размахивая руками и говоря ломающимся охрипшим голосом:

— Представляете! Даже сегодня, когда не шёл снег, мы с девушками перекидали несколько кубометров снега. А если делать, как запланировали — большую подснежную пещеру? То там надо

будет перекидать несколько десятков кубометров снега на высоту больше двух метров. Убирать надо быстрее, а то снег будет прибывать и перекидывать его придётся гораздо больше и, может быть, при более низкой температуре.

Саша тоже внёс предложение, как сделать удобный выезд на центральную поселковую дорогу. Он предложил:

— Нужно сделать основной выезд с участка, со второго этажа сарая. Оставлять там лыжи и вообще, сделать на втором этаже сарая — гараж для снегоходов. Я промерял — разница между уровнем снега и полом второго этажа уже составляет полтора метра и, скорее всего, будет уменьшаться, а пока, для заезда можно подсыпать снега.

Я согласился с этой идеей — остальные тоже одобрили её.

В результате этого обсуждения, в шесть часов вечера, все, кроме дежурной Нади, вышли освобождать от снега территорию бедующего большого зала. Мы решили, в первую очередь, закрыть крышей его и проход к дому, а уже потом, от него, пробиваться к нужным нам объектам. Работать сразу всем, лопат не хватало и чтобы никому не простаивать, я и Коля пошли сверлить отверстия в швеллерах. А ещё двое продолжали устанавливать опорные стойки будущего навеса. Всё-таки хорошо, что в Пушино было набрано много свёрл по металлу — например, мне хватало одного сверла, чтобы просверлить всего два швеллера, потом оно либо ломалось, либо тупилось и не хотело сверлить.

Мы все из-за холода, а было уже -31 градус, устраивали частые перерывы, но всё равно работа двигалась. Когда закончили сверлить, уже была освобождена от снега половина нужной территории и полностью установлены все стойки на дорожке к дому. Мы присоединились к нашим основным силам, заменив Машу и Галю — их я отправил начинать готовить ужин. К десяти часам вечера было уже очищено две трети нужной площадки и установлено семь боковых стоек. После этого, я скомандовал:

— Отбой! От работы и конидохнут!

Все с облегчением отправились на поздний ужин.

Утром температура на улице несколько повысилась до -29 градусов. Наши бригады направились продолжать заготовку материалов. Валера с Максимом и женщинами остались делать перекрытие над проходом от дома к большой, очищенной от снега площадке и продолжали, как могли, освобождать территорию бедующего зала от снега.

До начала темноты наша бригада полностью разобрала сарай и перевезла все полученные стройматериалы к дому. Бригада лесорубов за этот короткий световой период дня заготовила шестьдесят четыре стойки.

После обеда, в пять часов дня, все опять вышли очищать требуемую площадку от снега, к семи часам вечера она была полностью очищена. Пока остальные занимались этой работой, мы с Валерой, при помощи двух девушек, полностью перекрыли ход от дома к намечаемому подснежному залу и начали ставить стойки. После их установки мы присоединились к ребятам, начавшим прочищать ходы в нужных нам направлениях. Там работы было очень много. С учётом того, что высота снежного покрова была уже более полутора метров, надо было перелопатить около трёхсот кубометров снега. Хорошо, что он был ещё не слежавшийся — лёгкий.

Самое неприятное конечно было, так это холодная погода. Хотя сегодня был первый день после

начала этих работ, когда температура не уменьшалась, а держалась около — 29 градусов. Поэтому, мы грелись сегодня не особенно часто и сделали гораздо больше. До окончания работ в десять часов вечера, успели закончить тоннель в угольный склад, сарай и в гараж, а также углубились метров на пять в сторону подвала и ветряка.

За поздним ужином договорились, что лесорубы будут продолжать завтра заготавливать стойки. Все остальные будут рыть проходы, и делать крышу в тех местах, где стойки уже поставлены. Обговорив это, в полдвенадцатого все разошлись спать, сильно уставшие физически за этот день.

Глава 2

Встал я в десятом часу, хотя сам ставил будильник на половину девятого утра. Маши рядом не было, она уже встала и, по-видимому, отключила будильник, чтобы дать мне возможность выспаться, всё-таки я вчера сильно вымотался. Подойдя к окну — посмотрел на градусник, он показывал -32 градуса, шел не очень сильный снег. Пойдя умываться, я услышал снизу громкие разговоры и споры, что-то возбуждённо обсуждали. Умывшись, я спустился в столовую, все уже были здесь и обсуждали записанную дежурной информацией — полученную при прослушивании радиоприёмника.

Оказывается, правительство объявило — об эвакуации нескольких городов, в связи с аномально низкими температурами и разрушенными объектами теплоснабжения. Эвакуировать собирались в спешно возводимые посёлки, возле работающих, угольных и атомных электростанций. Правда, у некоторых атомных станций были заблокированы реакторы, в связи с повреждениями нанесенными землетрясением.

— Наконец то, что-то начали делать, — пришло мне в голову.

Я тоже считал, что реальными местами, где можно будет выжить и переждать это похолодание, являются только атомные электростанции, но только если их смогут обеспечить топливом, минимум, на восемь лет. На других электростанциях запасы топлива быстро иссякнут. А наступивший транспортный коллапс и невозможность, при такой температуре и громадном количестве снега, отремонтировать транспортную инфраструктуру — ставит крест на возможности использования этих станций. К тому же, газовые и нефтяные трубопроводы, наверняка, тоже разрушены землетрясением. Единственно дееспособными станциями могут остаться те, которые находятся рядом с добычей угля. В принципе, там, — я думал, — тоже должно выжить много людей. Топливо рядом, жить можно в шахтах, единственное, что нужно, это обеспечить подвоз продуктов из Государственных резервов. Кроме этого Указа, у всех вызвало беспокойство, а у женщин прямо таки и панику, то что, например, в Красноярске и Новосибирске уже зарегистрирована температура в -60 градусов по Цельсию.

По этому поводу я сказал:

— Ну что ребятки! И нам надо готовиться к таким температурам, а может быть и гораздо ниже. Поэтому, давайте меньше скулить, а больше делать дело. Сейчас у нас дело одно — надо пока нет -45 градусов прорыть ход к подвалу. А то при этой температуре может замёрзнуть вся система канализации, и мы захлебнёмся в собственных нечистотах.

После моих слов, все немного подобрались и начали одеваться на работу, на улице уже было светло. Так как было очень холодно, договорились перерывы устраивать почаще, через каждые тридцать минут. Женщин мы на улицу вообще не выпустили.

Бригада лесорубов, напив по восемь стоек, привозила их и отогревалась минут по двадцать. Мы с

Валерой и Колей, закрывали крышей наш большой зал и тоже бегали отогреться через каждые полчаса. Реже всех приходили греться те, кто перекидывал снег. До половины четвёртого дня, когда уже начало темнеть, лесорубы успели сделать 40 стоек. Мы решили в лес больше не ходить, слишком холодно, а ограничиться имеющимися материалами. По Валериным расчётам, должно было хватить.

К обеду мы тоже закончили закрывать навесом большой зал и проходы к угольному складу, сараю и гаражу. Даже успели поставить по нескольку стоек в направлении подвала и ветряка.

Большой подснежный зал с отходящими ходами, смотрелся просто великолепно, как в сказке. Мы провели в зал и в закрытые навесом ходы, электрическую линию и наладили освещение. Наши женщины, даже выходили полюбоваться этими сказочными пещерами. Ледяные стены в них блестели и искрились, отражая электрический свет. В тоннелях было гораздо теплее, чем на открытом воздухе наверху и, самое главное, не было пронизывающего ледяного ветра.

После проведённой работы и полученного результата, на обед все собрались в немного приподнятом настроении. Приятно же, когда дело рук твоих, приносит, кроме практической пользы и эстетическое наслаждение. Так что, обед прошёл весело и, несмотря на усиливающийся мороз, мы начали с воодушевлением собираться на вечернюю работу.

Вечером работать вышли только мужчины и молодые девушки. Работали на каждом проходе по двое, пары менялись через каждые двадцать минут, поэтому работа шла непрерывно и быстро. К десяти часам вечера, мы закончили проход к ветряку и вырыли две трети прохода к подвалу, при этом, везде установили стойки. К ужину все вымотались и устали, поэтому долго не сидели, а, перекусив, разошлись по своим спальным местам.

Проснулся я, как договаривались, в девять часов утра и сразу встав, подошёл к окну, снег не очень сильно, но шёл, температура была такая же, как и вчера вечером. Умывшись и сойдя вниз в столовую, встретил уже всю компанию в сборе. По сравнению со вчерашним днём, настроение было менее радостным. Чтобы как то поднять его и простимулировать желание работать, я объявил: — Мужики и мои дорогие дамы! Надо напрячься! Зато, как только закончим тоннель к подвалу — устраиваем большой день отдыха, с употреблением алкоголя, но, правда, в разумных пределах. Мужчины, да и некоторые женщины, начали громко выражать свой восторг и кричать, — Ура! Настроение быстро поднялось и, уже с большим энтузиазмом, все начали облачаться в тёплые вещи. Мы решили, так как недоделанный проход остался один, то на нём будут работать парами четыре человека, периодически сменяясь, а остальные начнут перекрывать крышей — сначала проход к ветряку, потом к подвалу.

До обеда мы полностью перекрыли первый проход и ещё установили стойки в очищенный от снега проход к подвалу, при этом, полностью выскребли весь оставшийся снег в получившихся тоннелях. Пообедали мы быстро, все стремились быстрее закончить порядком надоевшую работу. До недостроенного дома, где находился нужный нам подвал, оставалось девять метров снежного покрова, толщиной около двух метров. Начав работу, в пять часов вечера, мы до десяти часов полностью отрыли проход и закрыли его сверху крышей. Перед уходом домой, ещё раз облили водой стены получившегося тоннеля и направились на обещанный мной праздничный ужин.

Предварительно помывшись в душе, мы расселись за уже накрытым праздничным столом, наши дамы расстарались вовсю. Хотя все очень устали, но за таким столом просидели до трёх часов ночи,

даже устроили небольшие танцы. Утром время подъёма не устанавливали, спали, кто сколько сможет. Я, например, проспал до двенадцати часов дня. Потом встал, перекусил в столовой, выпил с Володей по две бутылки пива и снова ушёл спать.

Окончательно проснулся только в пять часов вечера, разбудили меня звучащие под караоке песни, в соседней комнате. Хотя мы вчера выпили довольно много спиртного, голова у меня была совершенно ясная. Посетив душ, я спустился в столовую, там уже трое моих друзей играли в карты. Появлению четвёртого партнёра они весьма обрадовались. Так, за картами, мы просидели почти до часу ночи.

Несмотря на стоящий, на улице мороз, а было уже ниже — 35 градусов, система электрического отопления полностью справлялась с поддержанием заданной температуры в доме. Я иногда начинал думать, — что, может, мы зря так напрягались, запасая столько угля и дров. Поэтому решил, в такой холод даже не начинать возить найденные торфяные брикеты. До лета наверняка, хватит наличных запасов топлива.

Я не сомневался, что лето должно наступить. Может быть, оно будет и холодное, но я надеялся, что всё-таки, хоть несколько дней, будет плюсовая температура. А теперь я гадал, — замерзнет ли канализация? С одной стороны конечно, температура ниже — 35 градусов. Но такой снежный покров должен теплоизолировать слив в центральный канализационный коллектор. Снежный покров уже превышал два метра, он почти доходил до уровня оконных проёмов дома. Они начинались как раз на уровне чуть больше двух метров от земли. К самим стёклам снег, конечно, не попадал, все окна на первом этаже уже были закрыты рольставнями.

С Володей мы договорились установить жёсткие нормы потребления продуктов только после Нового года. До него оставалось около месяца. До праздника и, особенно во время его проведения, не экономить — тем более, продуктов с недолгим сроком потребления оставалось довольно много.

На следующий день я встал даже без будильника, в девять часов утра, на улице было темно, температура уже была — 40 градусов и при этом, опять падал обильный снег. Маша ещё спала и не хотела подниматься. Умывшись, я пошёл в столовую, там ещё никого не было, все спали. Никто не хотел подниматься, даже когда я включил громко музыку. Поставив специально в музыкальный центр диск — рок группы «Ария», с пронзительным голосом Валерия Кипелова.

Все как будто залегли в зимнюю спячку, даже дежурившую Наташу, я застал дремавшей возле включенного компьютера. Она, оправдываясь, говорила:

— В такую лютую холодину, не одна живая душа не выйдет на улицу, так что, следить бес толку.

Прослушивать радио тоже бесполезно — приёмник уже молчит третий день.

Получалось, что уже после одного дня беззаботного отдыха и уверенности, что у нас большие запасы топлива и продовольствия, на наш коллектив накатывал полный пофигизм и апатия. Может быть, это был эффект отката после весьма бурных и деятельных дней, но я призадумался, чем же занять людей в предстоящую длинную зиму. Чтобы не пропало желание действовать, сохранялся жизненный тонус, а соответственно, и здоровье. Почивать на лаврах нельзя было ни в коем случае, по моему мнению, — установившееся равновесие было очень неустойчиво, малейший сбой оборудования или начало какой-нибудь эпидемии, грозил нам фатальными последствиями.

Судя по всему, будет такая температура, что на улицу без нужды даже нос не высунешь. Нужно было найти такие дела, чтобы у людей возникло желание их делать и, чтобы они думали, что при их

невыполнении всем будет очень плохо, то есть, нужна была железная мотивация причин начала этих работ.

После долгого размышления я больше ничего лучшего не придумал, как предложить создать, что-то типа железной дороги для вывоза отходов в подвал. А так же, создания там подъемного устройства, для поднятия фляги. Все материалы для этого были. Таль, для подъёма груза, была, даже инженеры, чтобы всё это спроектировать, тоже были — это и Володя, и Коля, да и Валера.

Трудозатраты по этой стройке должны были быть большими, я так думал, недели две — три, у всех дел бы хватало. Опять же, выходы на улицу, какая-никакая, а всё-таки закалка организма. Поэтому, я твёрдо решил, добиваться создания этой дороги. Хотя сам понимал маразматичность этой идеи, гораздо проще было отвезти флягу на обычной садовой тележке к недостроенному дому, а там, вдвоём, поднять её на крыльцо и отнести к подвалу — где спокойно вылить.

Но как человек, которого выбрали руководить коллективом, я чувствовал, что людей надо занять какой-либо осмысленной работой и, чтобы они сами понимали её необходимость. Нужность этой работы я хотел обосновать тем, что температура может опуститься ниже минус ста градусов. А при такой температуре мы на улице должны быть одеты и вести себя, как космонавты и никаких лишних движений и усилий нам предпринимать будет нельзя. Создание такой дороги и механический подъём груза, обеспечит нам утилизацию всех отходов, а без этого выжить нам будет невозможно.

Решив всё это для себя, я всё-таки всех поднял. В одиннадцать часов дня мы все собрались в столовой. У народа, особенно у мужчин, вид был помятый и заспанный. Мои слова:

— Смотреть на вас тошно! Давайте, что ли примем по пятьдесят грамм коньяка перед обсуждением наших дальнейших планов? — Были приняты с энтузиазмом — мужчины слегка оживились. После этого, я, немного в трагических и тревожных тонах, охарактеризовал предстоящую зиму и спросил: — Все помнят о прогнозах из интернета?

После чего заметил:

— Уже сейчас температура перешагнула минус сорок градусов, а по радио мы слышали, что в Новосибирске уже несколько дней назад зафиксировано -60 градусов по Цельсию. Как мы все видим, световой день всё уменьшается. Прямого солнца мы уже не видели с самого дня катастрофы, небо всё время закрыто плотными серыми облаками. Соответственно, энергия, получаемая поверхностью Земли, уменьшилась и дальнейшее похолодание неизбежно. Стоящая сейчас, не очень низкая температура, вызвана только тем, что Земля и особенно её океаны отдают накопленную энергию, понижая собственную температуру, и скоро этот временной лаг кончится. Мы будем получать только ту энергию Солнца, которая, не отражаясь от облаков и снежного покрова, достигает Земли. Поэтому, скорее всего, месяца через два, мы увидим действительно низкую температуру, она может быть и минус сто двадцать, а может быть и минус сто пятьдесят градусов, поэтому, нам необходимо, по крайней мере, за месяц, как-то подготовиться. С топливом мы, в принципе, подготовлены, с продуктами тоже, нам осталось решить вопрос с утилизацией отходов. Сейчас, нормально действующая система канализации — скоро наверняка откажет, а при стоградусном морозе, вручную, мы не сможем унести до подвала нужное количество отходов. Поэтому, нужно уже сейчас делать механизированную систему доставки груза до подвала.

Этой своей речью, я народ немного озадачил. Многие всё ещё представляли «вулканическую зиму» по обычным меркам, ну, будет температура пару месяцев -60; -70 градусов, как на полярных

станциях или в Антарктиде — но ничего, там человек выживает, и мы, как-нибудь, выдержим. Никто себе не представлял, каково это — жить при температурах, ниже минус сто градусов по Цельсию, и я тоже, не представлял.

Своей речью я заставил людей задуматься и искать способы нашего выживания. Например, Володя предложил здравую и правильную мысль, об этой проблеме я даже и не думал. Он сказал:

— При такой температуре, дышать никак нельзя, сразу сожжем лёгкие, поэтому, надо делать систему забора наружного воздуха в дом с предварительным подогревом и увлажнением. А так же, оснащать шлёмы, в которых будем выходить на улицу — системой подогрева воздуха. К тому же надо учесть, что как мне помнится при температуре — 78,5 градуса, углекислый газ конденсируется и выпадает. А без наличия CO₂ в смеси газов у людей пропадает дыхательный рефлекс и они задыхаются, даже если кислород в воздухе имеется в достаточном количестве. Я думаю, начало этого процесса при такой температуре мы сможем увидеть даже визуально — на улице должен начать образовываться туман. Хотя я надеюсь, что в наших подснежных пещерах, температура так не опустится. Но на всякий случай, к этому нужно быть готовым.

Это предложение я сразу горячо поддержал и даже сказал:

— Да, Володь ты прав! Это может быть, гораздо важнее, чем создание дороги для утилизации отходов.

Мысли Николая все эти речи направили на судьбу его пчёл, которые на тот момент находились на зимовке в специально утеплённом шкафу на лоджии. Если прямо сказать, о их существовании я уже и не помнил, тем более их подкормкой, занимался сам Коля. Сейчас услышав о таких температурах, он чрезвычайно возбудился, вскочил и фальцетом, начал выкрикивать:

— Нужно срочно переносить улья в более тёплое место, а то они все погибнут.

— Да хрен с ними. Больше нам сахару и варенья достанется, а то они его жрут, как носороги листву, — заметил Флюр.

Это замечание ещё больше возбудило Колю и он, уже начав размахивать руками, затараторил:

— Ты неуч, тебе бы только всё взрывать! Как ты собираешься опылять растения, когда потеплеет и снег растает? Наверняка, после таких холодов, все полезные насекомые погибнут, а пчёлы то уж точно. Или ты собираешься жить в голой пустыне? Что касается сахара, то у нас его, хоть задом ешь, к тому же ещё полно банок с вареньем. Для твоего самообразования сообщаю — здоровая средняя пчелосемья, массой 1 килограмм в семимесячную зимовку съедает 25 килограммов сахарного сиропа. Если пустые соты наполнить сиропом, то зимовка может продолжаться бесконечно долго — такие научные эксперименты проводились в 60-х годах прошлого века в Канаде. Длительная зимовка может быть даже полезна пчёлам, она может помочь им избавиться от паразитов — клещей.

Я успокоил Колю, сказав:

— Да ладно — мужик, никто твоих пчёл морозить не будет, да и сахар на них экономить тоже. Мы будем, о них заботится, как и о другой нашей живности. А ты завтра и займись устройством своих питомцев на зимовку в самом холодном месте в доме, наверное, это тамбур при выходе на улицу, если там будет уж совсем холодно, то тогда ульи придётся заносить в сени.

На этом мы, можно сказать, общее собрание закончили, все оживились и начали строить планы первоочередных действий. Договорились, что Володя и Валера, займутся системами подогрева воздуха, а остальные займутся строительством механизированной дороги для перевозки отходов в

подвал. Так же, мы решили, возобновить парное круглосуточное дежурство и уже контролировать и заносить в компьютер не только внешнюю температуру, но и температуру в доме, тамбуре и в наших туннелях.

После этих всех обсуждений бригада так называемых дорожников, начала тепло одеваться для выхода на улицу. Сначала мы решили сделать подъемник груза — для чего демонтировали мою систему разгрузки у сарая. На этом наша работа на сегодня была закончена. Я решил не гнать проведение работ — ведь важен был не результат, а процесс, он заставлял людей находиться всё время в тонусе.

Бригада, как мы её назвали, воздуховиков, за всё это время нарисовала схемы устройств и определила, как и из чего, всё будет сделано. По обогреву и насыщения влагой воздуха, поступающего в дом, они запланировали сделать трёхметровый деревянный ящик, оббитый внутри оцинкованным железом. В ящике, по краям, установить керамические нагреватели, общей мощностью шесть киловатт, между ними, спиралью, уложить алюминиевый гофрированный воздуховод. Для принудительного забора внешнего воздуха поставить мало оборотистый вентилятор.

Всю эту систему планировалось установить в подвале, а забор воздуха производить из вентиляционного отверстия в цоколе дома. Чтобы пробить снежный слой и подать воздух к этому отверстию, было решено установить пластиковую трубу.

Систему для мобильного нагревания воздуха было запланировано разместить в специальном ранце. Принцип был такой же, как и в большом воздухонагревателе. Источником энергии служил литиевый аккумулятор.

Все проекты были полностью продуманы и рассчитаны, исходя из наличия у нас материалов и оборудования. Правда, я сказал:

— Мужики! А надо ли в домашнюю систему устанавливать такие мощные нагреватели.

На что Володя ответил:

— Неизвестно какая снаружи будет температура, и лишняя мощность не мешает. К тому же там будет установлено два термореле, которые будут регулировать мощность нагревателей, и этот тёплый воздух будет прогревать и подвал тоже.

Постепенно все, даже женщины включились в обсуждение, как нам лучше перенести сильное понижение температуры. Жена Володи — Галя, предложила:

— Нужно в сених сделать железный короб для угля и уже сейчас начать его заполнять, чтобы он постепенно прогревался от уличной температуры.

Валера предложил:

— Давайте над внутренней входной дверью установим тепловую пушку, чтобы создать тепловую завесу. А то уже сейчас из-за частого открывания входной двери, температура в сених в два раза ниже, чем в остальных частях дома.

В процессе этого разговора договорились, что Сергея и Максима мы снимаем с работ по устройству дороги и направляем на усиление бригады воздуховиков, которая дополнительно должна начинать работы по изготовлению угольного ящика и монтажу тепловой завесы.

Все эти обсуждения затянулись до позднего вечера, было выпито три самовара чая. Разошлись спать мы только в двенадцать часов ночи. Перед этим договорились, установить жёсткий режим дня.

Теперь всегда устраивать подъём в девять часов утра, независимо от того, есть работа, или её нет, а отбой не позднее двенадцати часов ночи.

На следующее утро, я встал и первым делом, подошёл к окну, посмотреть, что творится на улице. Шёл сильный снег, температура была — 45 градусов. Пойдя умываться, проверил канализационные стоки, они работали нормально. Спустившись вниз, в столовую увидел, что, практически, все уже пришли на завтрак и обсуждают предстоящую работу. Я предложил Саше и Флюру:

— Ребята! Вы как самые крепкие из нас, одевайте купленные в Туле термостюпы. В них начинайте пробивать шурф в снегу, около стены дома, чтобы протянуть в наш подвал, подающие воздух трубы. А мы, пока без вас, будем продолжать делать подъёмник.

Вход в дом с громадным подвалом, был ещё без крыльца, но железная дверь стояла. Мы её, правда, вскрыли и сняли с петель, чтобы не мешала ходить. Рельсу мы решили установить одним концом на железную дверную коробку, вторым концом на перекладину между двумя вкопанными в землю трубами. Одновременно, верхушка рельсы служила и опорой для конька крыши, которую мы сделали возле входа, соединив её с проложенным ранее тоннелем. Таким образом, снег не попадал на нашу дорогу — получилась единая, без пропусков, крыша. Сделав это, мы, на сегодня закончили все работы.

Саша с Флюром выкопали необходимый шурф к отверстию в цоколе.

Валера установил тепловую завесу, и теперь в сених стало, действительно значительно теплее.

Когда мы пришли, Сергей с Максимом ещё продолжали сколачивать угольный короб. Он получился большой, куба на четыре угля.

Переодевшись, я пошёл в подвал, посмотреть, как обстоят дела у бригады Володи. Они за это время разобрали привезённые с Тулы керамические нагреватели и начинали монтировать нагревательные элементы, в уже сколоченный корпус, будущего воздухонагревателя. На мой вопрос:

— Когда же мы начнём дышать тёплым воздухом?

Володя ответил:

— Работы море! И думаю продлиться она не один день.

Я им предложил:

— Ну, тогда ребята давайте заканчивать! Очень кусать хоситься! Кишка-кишке уже протоколы пишет. Пора садиться всем за стол, время уже четыре часа.

Вообще обед в четыре часа дня у нас прижился. Пообедав, мы не стали возвращаться к прерванной работе. Каждый занялся своими личными делами. Кто-то пошёл смотреть фильмы, а я к себе в комнату и до самого ужина, валяясь на кровати, читал книгу. Поужинав, продолжил прерванное чтение. Уснули мы с женой только к двенадцати часам ночи.

Подъём был по вступившему в силу распорядку — в девять часов утра. Все стали чётко его выполнять, тем более я предупредил:

— Не обижайтесь, но в девять тридцать, выдача завтрака прекращается.

Поэтому уже в девять двадцать все занимали свои места за столом. Такой размеренный распорядок у нас держался до окончания постройки дороги, которая затянулась на девять дней.

Температура на улице уже опускалась до — 49 градусов. Мы, несмотря на то, что работали в туннеле, где было гораздо теплее, часто приходили греться в сени. Сергей с Максимом, закончили изготовление короба и теперь наполняли его углём. Заполнялся он медленно. Сергей рассказывал:

— Уже сейчас уголь смёрзся и приходится долго его отдолбливать от кучи. Даже не знаю, что же будет когда температура ещё понизиться.

От угольной пыли, лица у них стали черными, за что мы их прозвали — шахтёрами. Володя с ребятами, за эти дни закончил монтаж, обогревателя поступающего воздуха. И было решено, что завтра будем устанавливать систему труб для подачи наружного воздуха.

В этот день двадцать седьмого декабря, утром я традиционно пошёл посмотреть на термометр, уличная температура была минус пятьдесят один градус, комнатная плюс девятнадцать градусов. Значит, получалось, что электрический котёл перестал справляться с поддержанием, установленной на термореле температуры в плюс двадцать один градус. Я пошёл умываться и обнаружил, что вода из умывальника не уходит. Поэтому сделал вывод, что значит, всё-таки канализационный сток в центральный коллектор замёрз.

Я пошёл в подвал и перекрыл подачу воды в дом, предварительно предупредив, дежурных Галю и Ирину, чтобы они никому не давали пользоваться туалетом, теперь только в ведро. Жалко конечно было, что канализационный сток замёрз, я надеялся, что Новый год мы встретим, цивилизованно, со всеми удобствами. Придя в столовую, я всех предупредил:

— Всё! Амба! Канализация замёрзла, и теперь умываться будем старым дедовским способом у рукомойника. Воду будем набирать в подвале, непосредственно из крана от накопительного бака — ведрами. Кран теперь будет только там.

Мы с Валерой и Сашей, разнесли ведра и умывальники по санузлам на первом и втором этажах. Посмеявшись, назначили главным ассенизатором Сергея — теперь он будет ответственным за слив всех нечистот. К нему в помощь по графику будут назначаться дежурные, двое мужчин, для выноса и слива этого дерма, в выбранный нами подвал.

После этого затянувшегося завтрака, Саша и Валера, облачившись в термокостюмы, полезли в выкопанный в снегу шурф, устанавливать воздуха подающие трубы и крепить их. Трубу сделали длиной более шести метров, она практически доходила до начала крыши и от падающего снега была защищена выступающим козырьком. Закрепили её в крепления, предназначенные для водосточных труб. После установки трубы, шурф засыпали снегом, вся эта работа заняла у нас целый день, хотя работали двумя парами.

Мы с Флюром в это время занимались взрывными работами, в доме с громадным подвалом. Заложив шашку тола, в пробитое нами маленькое отверстие, Флюр взорвал её — образовалась большая дыра в плите перекрытия этого подвала. Теперь спокойно можно было, выливать туда фляги наполненные нечистотами, что мы и сделали, привезя первую флягу по нашей дороге и вроде бы, вся система работала хорошо.

Потом я спустился с наш подвал, посмотреть на ход работ. Володя с Колей уже подсоединили воздухонагреватель к внешней трубе и теперь изнутри утепляли окошко, через которое проходила труба. После этого мы попробовали в действии получившийся агрегат, после включения, где то через пять минут пошёл тёплый воздух, система действовала. И в тот же день, мы первый раз затопили нашу большую Русскую печку. Раскачегаривали её часа два, чтобы прогрелась труба, даже добавляли керосин, задымили весь дом — пришлось проветривать. После этого решили её топить всё время, как это делают в деревнях.

В обязанность дежурных ввели, круглосуточную топку печи, чтобы она не остывала. Для экономии

электроэнергии, готовить тоже решили на печи, к нам стало поступать меньше киловатт, наверное, в самом ветряке начали включаться обогревательные элементы. Там у нас стояло три термореле, которые начинали последовательно включаться при достижении нулевой температуры внутри кожуха генератора.

Когда начали топить печь, температура в доме сразу повысилась до + 21 градуса, хотя мы в печке поддерживали просто тлеющий огонь и топили пока обычными дровами.

За этими делами, незаметно наступило 31 декабря. По времени и по датам, мы ориентировались исключительно по электронным часам и по часам в компьютерах. Связи с внешним миром не было вообще, радио молчало. Перед самым Новым годом, 31 декабря, хотя на улице было — 53 градуса, мы решили всё-таки отправить в лес Сашу и Флюра — срубить ёлку. Надев термокостюмы с электрическим подогревом, они принесли шикарную, высотой более двух метров, пушистую ёлку. Мы до девяти часов вечера её наряжали, частично изготавливая самодельные игрушки и гирлянды. Небольшое количество елочных украшений у меня было.

Наши женщины 31 декабря, наготовили различных вкусностей и накрыли шикарный стол, где был весь ассортимент деликатесов, добытых нами у бандитов в Туле. Мы праздновали Новый год, веселясь и дурачась практически до шести часов утра, правда было непривычно без телевизора и голубого огонька, без поздравления Президента. Но мы повесили на стенку плазменную панель и целый вечер гоняли выступления юмористов и различные музыкальные клипы, записанные на DVD дисках.

Глава 3

Итак, наступил новый год, это я осознал, проснувшись, где то в семь часов вечера 1 января. Мне стало немного жутко, от полной неизвестности дальнейшей нашей судьбы. Накатывала тоска по прошлой, теперь уже было понятно, такой счастливой, спокойной, безмятежной жизни. Почему то вспомнились пророчества индейцев Майя, о конце света, да и внешние факторы не навивали оптимизма. Температура на улице уверенно держалась ниже минус пятидесяти градусов и, по-видимому, это был не предел. Уже сейчас невозможно было находиться на улице больше десяти минут. Если конечно выходить, не одевая экспериментальный термокостюм с электроподогревом — наша обычная одежда через двадцать минут насквозь промерзала. Конечно, в сделанных подснежных пещерах было гораздо теплее, но и там становилось жутко холодно после получасового нахождения. Поразмыслив так, я поднялся посмотреть на термометр, висящий за окном, он показывал температуру на улице минус пятьдесят четыре градуса, в комнате было плюс двадцать один градус.

Умывшись в рукомойнике, я спустился вниз, там уже сидели Володя и Коля, попивая чай, я к ним присоединился. Потом предложил, для поднятия тонуса и лечения организма после вчерашнего праздника, перейти на сухое вино и расписать пульку. Только я сходил за вином, появились Валера с Сергеем, как будто чуяли — пришлось и им принести по бутылке. Когда мы заканчивали третью раздачу карт, начали подходить и остальные. Было решено, сегодня ничего не готовить, а доедать вчерашнее Новогоднее угощение. Очень много еды осталось со вчерашнего застолья.

Так мы, играя и беседуя, провели время до часа ночи, после чего я всех разогнал спать, сказав: — С завтрашнего дня опять вводится режим дня и начинается нормированное потребление продуктов. Володя и Игорь уже определили ежедневный набор продуктов и их количество исходя из

наших ресурсов, и его будем соблюдать неукоснительно. Только тем, кто будет выполнять какую-нибудь тяжёлую работу, и выходить на улицу, будут полагаться дополнительные калории, а проще сказать какая-нибудь добавка. Любому кто проспал завтрак, никакая компенсация не полагается, только пустой чай. Сегодняшнее ничего неделанье и распитие вин, это последнее в этом году. Имеющийся запас вина, мы будем теперь использовать так же как на подводной лодке — для поддержания витаминного баланса. С завтрашнего дня вводится обязательный, ежедневный приём витаминов. Слава Богу, мы их набрали достаточно много, одного «Компливита» имеется семьсот упаковок.

Утром я встал в девять часов, умылся и сделал зарядку, после чего спустился в столовую. Со второго января, мы установили время выдачи питания с девяти сорока пяти до десяти часов. Все уже собрались и разбирали порции. На завтрак решили в основном делать различные каши и лепешки вместо хлеба. Иногда на завтрак был омлет из яичного порошка смешанного с сухим молоком. В обед каждый день готовились различные виды супов, иногда с тушенкой, или из рыбных консервов. Бывало супы из пакетиков, или бульонных кубиков и чай с лепёшкой. На ужин готовилась, опять какая-нибудь каша, иногда варёная картошка с растительным маслом и квашеной капустой или солёным огурцом — бывало и с солёными грибами.

Выполнявшим, какую либо тяжёлую работу, полагался дополнительно бутерброд с икрой или с паштетом — смотря какую консервную банку открывали. По мнению и расчётам Володи, с таким рационом, нам наших запасов хватит года на четыре. Я, правда, не говоря это вслух, считал, что запасов нам надо гораздо больше, лет на восемь минимум. Их я надеялся пополнить, когда хоть немного потеплеет. Сейчас в такие морозы было бы самоубийством, отправляться на поиски продуктов и топлива. Поэтому нужно сидеть в доме и не дёргаться, только стараться больше двигаться, чтобы не наступила гиподинамия. Чтобы этого не случилось, я вместе с Игорем предложил с завтрашнего дня, каждому не менее тридцати минут по графику, заниматься на спортивных тренажёрах. Внизу в подвале у меня был велотренажёр и беговая дорожка, ещё один велотренажёр мы принесли из дома Володи. Кроме этого через день, каждый должен принимать курс массажа. Игорь и его жена Надя, были неплохими массажистами. Все женщины с большим энтузиазмом поддержали предложение о курсе массажа и в принципе все были готовы, заниматься на тренажёрах. Ответственным лицом, за все эти мероприятия и составления графиков, мы назначили нашего Главного врача Игоря. Даже освободили его от обязанности выносить отходы в большой подвал. А отходов было много, за сутки набиралось три большие фляги.

За этим обсуждением работ, составлением и согласованием графиков, наш завтрак плавно перешёл в обед. После обеда, все графики нарядов и тренировок на тренажёрах, вступили в силу, и кому было положено, направились исполнять эти обязанности. Я как главный координатор, был избавлен от нарядов по выносу отходов, на другие же мероприятия, включая дежурства, как и все был, включён в график.

Основное количество отходов занимала вода, поэтому было решено. Мыться, обливаясь водой, можно будет: женщинам не чаще чем два раза в неделю, мужчинам один раз в неделю и всё это тоже по графику. Любителям ежедневного душа, можно было обтираться влажной тряпкой, хоть несколько раз в день. По поводу ограничения количества купаний, было много возражений. Женщины были даже готовы сами выносить фляги с использованной водой и выливать их в отхожий

подвал. Но я все эти возражения прекратил, сказав:

— Подвал тоже не резиновый. А вы подумайте, куда мы будем девать отходы, когда он заполнится, а если мыться каждый день, заполнится он быстро.

После этих слов, все как то притихли и те, кто не был занят по графику, разошлись по своим делам. Мы вчетвером остались — решили поиграть в домино. Потом, после выноса фляг с отходами, к нам присоединились Саша с Флюром. Так мы просидели до одиннадцати часов вечера, пока наши жёны не растащили нас по своим комнатам.

С этого дня началась размеренная, по расписанным графикам, жизнь и можно сказать, она практически всем нравилась, Все даже с удовольствием выполняли общественные работы. На улицу, кроме как для выливания отходов, мы не выходили. Температура воздуха на улице постоянно понижалась. В начале февраля, я, встав утром с кровати и подойдя к окну, увидел, что термометр зашкалило, там был нижний уровень в минус семьдесят градусов. Тогда я пошёл в наблюдательную комнату — там за окном мы установили низкотемпературный термометр, привезённый Володей из Пущино, он показывал минус семьдесят два градуса. В доме тоже стало немного прохладнее, температура установилась плюс восемнадцать градусов, Подойдя к дежурным, я им сказал:

— Всё лафа кончилась! Космический холод приближается! Пора печку топить углем и держать уже не экономный, тлеющий режим, а начинать чаще подкладывать топливо.

В середине февраля температура опустилась до — 77 градусов по Цельсию и держалась практически, не подымаясь примерно две недели. Немного теплее стало становиться, только после 8 марта. Как раз после того как мы поздравили наших женщин и устроили праздничный ужин, с бутербродом красной икры на каждого и бутылкой красного сухого вина на двоих. Выше минус шестидесяти градусов, температура поднялась только в апреле. В мае температура первый раз поднялась выше сорока градусов холода и небо днём, слегка серело, по крайней мере, можно было без фонаря разглядеть, что-либо на улице.

Я с напряжением следил за убыванием наших топливных запасов, ещё одна такая зима и мы вымерзнем как мамонты. Все тоже видели, какой расход топлива был у нас, особенно в феврале и все прекрасно помнили те прогнозы из Интернета, о возможном похолодании до ста и даже до ста пятидесяти градусов. Поэтому начали ко мне обращаться, — когда мы займёмся заготовкой топлива. Пришлось мне всем объявить:

— Делать нам нечего! Топливо просто жизненно необходимо! Поэтому независимо от того какая установится температура, с первого июля разделяемся на две бригады. Одна будет на снегоходах перевозить торфяные брикеты, запасы которых обнаружили мы с Сашей. Вторая бригада будет заготавливать дрова в ближайшем лесу.

В конце мая у нас неожиданно прекратилась подача электричества, мы как раз сидели, ужинали, когда свет начал мигать. Я вышел посмотреть на ветряк — всё было нормально, лопасти вертелись. После первых морганий, свет вроде бы начал светить нормально, но потом где то через полчаса, погас окончательно. Наш главный электрик Валера, вынес вердикт:

— Ну, вот нас посетил маленький писец! Наверное, истёрлись графитовые щётки, надо лезть менять. После этих слов он начал, молча надевать тёплую одежду. Пока он одевался, мы по его указаниям, собрали все необходимые материалы и инструменты для проведения технического обслуживания генератора. В наплечную сумку положили также два фонарика. Я пошёл его сопровождать и

освещать мощным фонарём ступеньки к площадке генератора. Замену щёток и техобслуживание генератора, он проводил, где то минут пятьдесят.

Когда слез с вышки Ветряка, то усиленно растирал руки, даже сняв с них варежки, оставшись в одних тонких перчатках. Мы быстро прошли в дом, подача электричества возобновилась. Валере срочно налили сто грамм коньяка и выложили закуску, два внеочередных бутерброда с икрой. Выпив и закусив, он блаженно развалился на стуле и сказал:

— Кайф! Да за такую выпивку и закуску, я готов хоть каждый день лазить на вышку и просиживать там по часу на холоде и ветру.

Отключение электричества, нас порядком напугало. Например, я понял, насколько мы беззащитны. Любой срыв в обеспечении чего либо, может легко привести к самым трагическим последствиям. Мы беззащитны перед этой стихией, и нам совершенно некому помочь. Только наша воля и скрупулезное выполнение запланированных работ, без всяких сантиментов и переживаний по поводу гибели привычного мира. А так же постоянный контроль над собой чтобы не сорваться — дают нам шанс остаться в живых и выкарабкаться из этой передрыги.

Слава Богу, больше никаких срывов в работе техники и оборудования не происходило. В конце мая мы прекратили топить печь, электрическое отопление начало справляться с поддержанием требуемой температуры. По моим подсчётам, мы истопили за зиму, где то половину всего имеющегося угля. Хотя многие и наводили панику, что топлива на следующую зиму не хватит — они просто обращали внимание на почти полное использование дров и забывали о запасе угля в мешках. Который мы ещё не использовали, он так и лежал сложенный в гараже. Но я всё равно считал, что этим летом нам нужно обязательно вывезти все торфяные брикеты и кроме того попытаться поискать дополнительно запасы топлива.

Температура в июне, иногда подымалась выше -20 градусов, но всё равно уверенно держалась ниже — 18 градусов по Цельсию. Небо посветлело — но даже 22 июня самый долгий день в году, было относительно светло только в течение шести часов. В июне мы начали выходить на улицу, заготавливать дрова в лесу. Все мужчины разделились на две бригады, рубщиков и перевозчиков дров. В конце июня, первый раз после катастрофы, достали снегоходы. Испытав их проходимость по этому, высотой практически четыре метра, снежному покрову. Договорились доехать до запасов торфяных брикетов. По приезде туда, начали откапывать сарай, где они лежали. Когда ездили, внимательно везде смотрели — но на снегу не было никаких следов, ни животных, ни техники, ни лыж. Всё как будто вымерло, стояла абсолютная тишина, иногда нарушаемая треском, ломающихся веток у деревьев.

Ориентироваться в окружающей местности стало очень трудно. Мы ориентировались только по столбам линий электропередач и ровным снежным полосам, над бывшими автомобильными дорогами. Попробовали включать системы навигации — «Джи-Пи-Эс» и «Глонасс», но сигналы со спутников не проходили, через эти смешанные с вулканическими частицами, облака. У нас было три системы, точного определения местонахождения, это «Джи-Пи-Эс» навигаторы у меня в Мерсе и в Лэнд Ровере. Ещё мы купили в Туле у прапорщика, разработанный специально для военных, весьма навороченный аппарат, для связи с системой «Глонасс». Прапорщик уверял, — что это экспериментальное оборудование, и оно работает лучше и гораздо надёжнее чем, ширпотребовские навигаторы «Джи-Пи-Эс». Но эти свинцовые облака не пропускали никаких сигналов, радио тоже

молчало.

За июнь мы заготовили около пятнадцати кубометров дров, сложив всё в сарае на первом этаже. Второго июля вчетвером на двух снегоходах, поехали начинать перевозить торфяные брикеты. Лодку и большие сани мы прицепили к снегоходам, буксировочными автомобильными тросами. Наши следы, которые мы оставили когда в июне проводили разведку, уже занесло снегом. Снег шёл очень часто и у нас уже уровень снежной поверхности, начал приближаться к окнам на втором этаже дома. Это значит, что всего снегу навалило, начиная с той осени около пяти метров.

Подъехав к сараю с торфяными брикетами, нам пришлось часа три откапывать его и делать подъезд. Это, несмотря на то, что в июне мы практически откопали вход в сарай. Сегодня мы решили сделать пробную езду и загрузили наши прицепы килограмм по сто пятьдесят брикетов. Снегоходы прекрасно тянули такой груз, даже с пассажиром на борту. Завтра решили ездить без пассажиров и нагружать по триста килограмм. Мы были намерены в день делать хотя бы по пять ездов. Двое будут возить, остальные двое после загрузки саней, будут ожидать их, отогреваясь возле печки — буржуйки. Её нашли в домике конторы этого цеха, ещё там было много бумаги, упаковок двадцать, а также несколько мешков соды, всё это тоже решили увезти.

Температура в июле держалась около -10 градусов, но так и ни разу не поднялась выше — 5 градусов. Мы уже привыкли к холоду и температура в — 10 градусов, уже казалась вполне комфортной.

Ещё в конце июня мы попробовали, горячим воздухом, отогреть сток канализации. Дули туда из тепловой пушки десять дней круглосуточно и всё-таки отогрели. Теперь у нас пошла вообще райская жизнь, с горячим душем и нормальным туалетом. Единственное, что напрягало, это однообразное питание. Но, несмотря на это, никто не болел и все чувствовали себя прекрасно.

Особенно настроение у народа поднялось, и появилась надежда, что мы выдержим, и всё образуется, когда начали завозить торфяные брикеты. Все радовались такому количеству топлива. За июль мы вывезли все брикеты, всего этого топлива получилось более 50 тонн. Я подсчитал, что только брикетов нам хватит, если зима будет такой же, на полтора года. А с учётом имеющегося угля и дров, мы два года могли не думать о топливе.

После вывоза последней партии топлива, Саша предложил:

— Что мы сидим тут, как мыши! Мужики мы или, как! Нужно доехать до моста через Оку и посмотреть общую обстановку и вообще — стоит проверить трассу и железную дорогу. Ведутся ли по ним перевозки и имеются ли где-нибудь следы жизнедеятельности человека. Может быть, стоит доехать и до Серпухова, ну, по крайней мере, оглядеть его через бинокль. Непосредственно в город, конечно, соваться опасно, уж слишком ценная добыча — снегоходы.

После долгого обсуждения, всё-таки решили подготовиться и третьего августа отправить в разведку к мостам на Оке, трёх человек: Сашу, Флюра и меня. Втроём на двух снегоходах поедем на всякий случай. Вдруг один из снегоходов откажет или повредится — на другом втроём можно будет двигаться, а вчетвером вряд ли. Вдвоём поездка представляла большую опасность. Вдруг встретятся какие-нибудь мародеры или бандиты — у одного из нас будут свободные руки и он сможет сразу стрелять. И вообще втроём было легче отбиться и даже если кого-либо ранят, можно будет уехать на обоих снегоходах.

Третьего августа, подготовив снегоходы и взяв оружие, мы отправились в дальнюю разведку. К

одному снегоходу прицепили сани, куда сложили лыжи, спальные мешки, запасную канистру с бензином, термос с горячим чаем воду и еду, а так же переносную бензиновую плитку, с собой мы также захватили: цифровую видеокамеру, бинокли, прибор ночного видения, радиостанции. Выехали мы в десять часов утра — как только небо начало светлеть. В первую очередь решили ехать к автомобильным мостам через реку Оку. По пути осматривать — нет ли где следов пребывания человека. Потом по льду реки, подъехать к железнодорожному мосту, посмотреть состояние железной дороги, чистят ли её. Потом попробовать доехать до Серпухова. Но на всякий случай в сам город не заезжать, а посмотреть издали в бинокли, если там люди. При обнаружении людей, сразу с ними в контакт не вступать — просто изучить, чем они занимаются, и сразу возвращаться обратно. Температура воздуха была -9 градусов, снега не было. До Симферопольского шоссе мы доехали за 25 минут. Никаких следов проезда, как по шоссе, так и по Пущинской дороге, не было. Везде лежал нетронутый, первозданный снег. Мы доехали до моста через Оку и оттуда в бинокль осмотрели всю округу. Видневшийся железнодорожный мост был так и не отремонтирован.

Мы решили спуститься к реке и уже по ней добраться до Серпухова. Спустились по дороге, проложенной, для вывоза, намываемого из реки песка, там, в бывшем затоне всё ещё стояла заброшенная драга. Мы на всякий случай подъехали к ней и проверили наличие топлива. Она когда-то работала на дизельном топливе, и в резервуаре его оставалось ещё литров пятьсот. С драги Саша начал в бинокль осматривать проезд к Серпухову и заметил угол, занесённый снегом, автомобильного фургона.

Он находился практически прямо под автомобильным мостом и сверху, его невозможно было увидеть. По-видимому, машина упала с моста, во время землетрясения и её каким-то образом отбросило прямо к опорам. Автомобиль стоял на вмятой моторной части, опираясь задними колёсами о колонну опоры моста. Мы решили до него доехать и осмотреть, чем загружен фургон, тем более он находился нам по пути, никаких кругов делать было не надо. Подъехав к упавшей машине, даже не стали откапывать кабину. А сразу откопали большие задние двери в фургон и вскрыли его монтировкой, выломав маленький замок. Откинув двери и заглянув внутрь, мы удивились. Это был изотермический фургон, и он был полностью набит коробками с замороженными курами и куриными окорочками. Даже в таком вертикальном положении фургона, они заполняли его на четыре пятых объёма. Спрыгнув прямо на коробки с окорочками, Флюр, ногой разбил этот монолит, достал несколько штук, осмотрел и понюхал, потом нам сказал:

— Аллах свидетель! Окорочка совершенно нормальные и тухлятиной не пахнут.

Я ему кинул большой полиэтиленовый пакет, чтобы он набрал туда килограммов десять курятины и сказал:

— Вот мы и посмотрим, любит ли тебя Аллах! Приедем домой там отогреем и всё проверим. Если Бог к тебе хорошо относится, то это будет наша еда. Если же ты много нагрешил, то будет корм нашим собакам.

Флюр начал набирать окорочка в пакет, засунул туда и три замороженных бройлерных цыпленка. Потом мы уложили нашу добычу в сани, аккуратно закрыли фургон и поехали осматривать железную дорогу и город Серпухов.

На железнодорожный мост мы даже не стали подниматься, итак было видно, что там ничего не было сделано. Все было завалено снегом — тем более пологого подъема не было. Поэтому решили сразу

ехать до Серпухова — до пристани и уже оттуда осмотреть город. Подъехав к пристани, влезли в совершенно пустое здание Речного вокзала. Со здания, с его самой высокой точки находящейся в башне, мы осмотрели город. Хотя уже начинало смеркаться, но всё равно можно было всё рассмотреть. Никаких огней или движения мы не увидели, дымов тоже нигде не было видно. Наверное, город эвакуировали, подумали мы и начали собираться обратно.

Не очень далеко, Саша увидел самоходную баржу, и мы напоследок решили её осмотреть, вдруг там также как и в драге осталось дизельное топливо. Доехав до нее, увидели, что она полностью заполнена углём. Он был не тронут — баржу даже не пытались разгрузить, она стояла на якоре метрах в двадцати от берега. Наверное, она пришла в последние дни судоходства, и река замёрзла — в те дни температура начала резко падать. Баржа даже не дошла до порта, а потом, наверное, было не до неё, вручную разгрузить её не стали. Осмотрев с фонариками всё судно — уже в полной темноте, по своим следам, мы поехали домой.

В принципе я был доволен нашей поездкой, найдены большие запасы продовольствия — если конечно курятина не протухла. Но из прессы я знал, что люди ели даже мясо Мамонтов, пролежавших замороженными несколько десятков тысяч лет. А эти окорочка лежат замороженные всего-то несколько месяцев. Также обнаружено большое количество угля, несколько тысяч тонн. Правда доставлять его далековато, да и сейчас вроде бы незачем, но всё равно приятно, что в достижимом месте, имеются большие запасы топлива.

Домой мы приехали к девяти часам вечера, обратно ехали не очень быстро, было темно, и начался снег. Приехав домой и, поставив снегоходы на второй этаж сарая. Мы первым делом вручили женщинам, на разморозку и полную экспертизу нашу добычу. При этом я посоветовал Маше: — Слушай! Первым делом, как только окорочка разморозятся, дай попробовать их собакам. А уж потом можешь продолжить эксперимент на мне.

Галя прыснув, после моих слов — предложила:

— Давайте перед употреблением курятины, я исследую её через микроскоп на предмет наличия там посторонних бактерий. А то бедных собачек жалко!

Потом она уже громко засмеялась и продолжила:

— Анатолий! Ты не переживай — тебя мне тоже не хочется терять.

Микроскоп у нас был, его привез Володя из её института. После ужина мы все с нетерпением ожидали результатов исследований и испытаний. После разморозки, каждый понюхал привезённые окорочка, они гнилостью не пахли, собаки тоже с большим удовольствием их слопали, даже в сыром состоянии. Потом пришла Галя и сказала:

— Все чисто, я в микроскоп не обнаружила ничего подозрительного. Так что Анатолий можешь приступать к поглощению сего продукта. Я тоже с удовольствием в этом тебя поддержу.

Тогда все, даже недавно поужинав, с удовольствием съели, каждый по окорочку, вкусно пожаренному в гриле. Во время этого второго ужина договорились, с завтрашнего дня начать вывозить к нам все найденные в опрокинутой машине продукты. После чего, все наевшиеся до отвала в первый раз за долгое время — отправились по своим комнатам спать.

Перед этим решили, что ездить будут Саша и Флор, а наша задача, это быстрая разгрузка и подготовка снегоходов к новому рейсу. Мы надеялись в течение недели, перевезти всю найденную курятину домой. Хранить решили на втором этаже гаража, там было холодно как в морозилке, да и

мыши все уже давно перемерзли.

В девять часов утра, все мужчины уже сидели в столовой, завтракая привезённой курятиной. В десять часов Саша с Флюром уехали, а мы все вместе пошли помогать Валере, мастерить полки и коробка для хранения курятины. В этот день, ребятами, было сделано два рейса и привезено около тонны окорочков. Мы весь груз перевешивали на напольных весах. Во второй день было привезено больше полутора тонн и половина из привезённого груза оказалось не окорочка, а замороженные Голландские бройлерные цыплята. Весь груз, а его, оказалось, пять с половиной тонн, удалось перевезти за пять дней, хорошо температура была не особенно низкой, и снег шёл только один день. После этих перевозок мы больше никуда не ездили — начали экономить бензин. Ведь не смотря на экономичность техники, мы за всё время после катастрофы сожгли более полутора тонн бензина. Истратили весь запас, который сделал Николай, и даже отливали из бензовоза, пригнанного нами из Тулы. Я задумался, откуда мы будем его брать, если нужно будет перевозить уголь с баржи. Большие запасы у нас оставались только дизельного топлива — его мы практически не тратили. Бензина, конечно, тоже оставалось довольно много, практически полный бензовоз. Но до Серпухова было далеко, а для вывоза потребного нам количества угля нужно было сделать слишком много рейсов. Наступившая осень этого года, запомнилась только усилением холодов, в октябре уже было минус сорок градусов, в конце ноября доходило до шестидесяти. Графитовые щётки на генераторе, мы успели поменять в октябре, еще, когда температура была минус тридцать пять градусов. В декабре уже начались лютые морозы, температура держалась около восьмидесяти градусов ниже нуля.

Глава 4

Новый год мы встречали опять под ёлкой. Тридцатого декабря Саша, не смотря на жуткий холод, надев термокостюм и в шлеме с подогревом поступающего воздуха, сходил на лыжах в лес и привёз, как и в том году, шикарную ёлку. Правда, наряжать её пришлось очень аккуратно от малейшего давления, иголки начинали осыпаться. Чувствовалось, что дерево уже полностью мёртвое, промёрзло насквозь и уже вряд ли когда-нибудь оживёт. После празднования Нового года, первого января, она порыжела и полностью осыпалась, но на сам праздник, она смотрелась неплохо.

Мы тоже смотрелись шикарно, все помылись и надели праздничные наряды. У нас женщины выглядели сами как ёлки, все накрашенные и в блестящих украшениях. Ещё я заметил, что моя дочка Вика слегка пополнела, у неё появился животик.

— Ничего себе, — подумал я, — наверно скоро я стану дедом.

И стал приставать с этим вопросом к жене, она только хихикала и отмахивалась от меня. Маша говорила:

— Не суетись! Прейдет время, всё узнаешь, а сейчас не надо ничего узнавать и выпрашивать, а то сглазишь.

Я, конечно, решил сдерживать себя, но подумал, — что теперь Вику перегружать работой ни в коем случае нельзя и надо для неё установить особый режим питания.

Новый год, мы справили весело, никто не плакался и не страдал об ушедших благополучных временах, у всех появился фатализм и ощущение того, что надо жить сегодняшним днём и радоваться ему. Мы опять установили дежурства по выносу отходов, наш канализационный сток снова замёрз в декабре, когда температура подошла к отметке минус семьдесят градусов.

Хотя мы наученные горьким опытом, по совету Володи, поставили на конечном отрезке трубы

обогреватель. Для чего к детскому радиоуправляемому автомобилю Никиты, закрепили небольшой нагреватель. И эта дистанционно управляемая машинка, таща за собой нагреватель и электрический провод, уползла в канализационную трубу. Потом она провалилась в центральный канализационный коллектор, Володя специально рассчитал это расстояние, чтобы при провале игрушки нагреватель остался вблизи конца нашей трубы. Расчёт показал свою верность, всё-таки наш сток работал до температуры в минус шестьдесят семь градусов, но потом, наверное, мощности нагревателя не хватило и сток всё-таки окончательно замёрз.

Печку мы начали топить в октябре и сейчас загружали её торфяными брикетами по полной программе, для поддержания нормальной температуры в спальне у ребят на первом этаже, а также в сенях, пришлось затопить и вторую печь. В январе морозы достигали уже девяноста пяти градусов, и нам пришлось топить и печь работающую на дизельном топливе. Большую печь, перевели опять на отопление углём, он давал больше жара, чем торфяные брикеты.

В январе Валера и Сергей перебрались спать в столовую, Максим с сестрой перешли в спальню к родителям. Девушки с третьего этажа, перешли ночевать в наблюдательную комнату. Третий этаж мы для уменьшения потерь тепла заблокировали. На первом и втором этажах нам удавалось поддерживать температуру в двадцать градусов. В подвале пятнадцать, в сенях и комнате ребят двенадцать градусов. Но для этого там даже после переезда ребят, приходилось топить печь. Самая низкая температура в этом году, была девятого февраля — девяноста семь градусов ниже нуля. В наших подснежных туннелях она опускалась до — 75 градуса.

Мы страшно боялись, за наш ветряк и сохранность снегоходов. При такой низкой температуре, могло повести металл, вплоть до образования трещин, особенно у стойки ветряка. Да и крепления защитного чехла, укрывавшего сам генератор и трансмиссию, могли лопнуть, из-за большой разницы температур между улицей и обогреваемым пространством внутри защитного короба. Но всё, слава Богу, выстояло. Всё-таки само проведение надоумило меня, самостоятельно изготавливать ветряк. Хотя, когда собирался его устанавливать, меня и посещали мысли — купить уже готовый, серийный ветрогенератор, тем более по цене выходило даже дешевле, а уж об эстетике и говорить не приходилось. Но моё знаменитое упрямство, тогда победило, а сейчас я этому был очень рад. Наверняка у стандартного ветряка, при такой температуре и постоянных сильных ветрах, не выдержали бы — ни стойка, ни сам генератор, ни лопасти. У моего самостроя же, сама стойка, была изготовлена из корпусных деталей крана — рассчитанных на большие нагрузки и низкие температуры. Генератор и трансмиссия обогревались. Лопасти были изготовлены из композиционных материалов. Передаточный вал, был авиационный и рассчитан на большой перепад температур. Что касается снегоходов, мы боялись одного, что не выдержат резиновые детали, так как все технические жидкости Коля на зиму сливал. Но мы, кроме того, что на зиму спустили снегоходы в наш подснежный зал, еще и дополнительно их утеплили. Кроме того были закрыты утеплёнными щитами все выходы на улицу из нашего подснежного лабиринта.

Почти, что сто градусный холод держался с конца января весь февраль, теплеть начало только в марте. Я с большой тревогой наблюдал, как расходуется топливо, теперь мне казалось, что при таких темпах расхода, уже бессмысленно говорить о двух годах — хорошо, если протянем до начала следующей зимы. Так что, несмотря на желание сэкономить бензин, летом придётся возить уголь. И обязательно надо провести разведку вдоль Симферопольского шоссе. Проехать по заправкам —

может где-нибудь ещё остались запасы бензина. А также я думал, — надо поискать в Серпухове, на предприятиях или в магазинах, отбойные молотки. Так как уголь наверняка смёрзся — его придётся чем-то рыхлить. В общем, работа летом предстояла серьёзная и тяжёлая.

До апреля мы практически не выходили на улицу, только дежурные, надев термокостюмы и шлёмы, чтобы не отморозить лёгкие, выносили отходы и заносили топливо. Я опасался, что земля промёрзнет так, что скважина перестанет действовать, но она была такой глубины, что вода подавалась бесперебойно. Подача подогретого и увлажненного воздуха, работала тоже без всяких срывов — даже в самый холод оттуда подавался слегка тёплый воздух.

В апреле, наконец, потеплело, температура начала подниматься выше минус тридцати пяти градусов. И мы начали выходить в наши пещеры, занимаясь хозяйственными работами. Тогда же начали отогревать канализационный сток. И все были ужасно рады, когда в конце апреля, его всё-таки отогрели, и можно было пользоваться душем и туалетом. В начале апреля, все опять переехали в свои комнаты, а в мае мы прекратили топить все печи. Электрическое отопление опять начало справляться с поддержанием комфортной температуры.

В июне уже установилась температура не ниже — 20 градусов и начались более или менее светлые дни, правда светать начинало не раньше девяти часов утра, а темнело уже в пять часов вечера. В июне мы решили совершить первый пробный выезд на снегоходах и проехать по нескольким заправкам расположенных вдоль Симферопольской трассы. В пределах сорока километров их имелось семь штук, дальше мы решили не ездить.

Поехали опять трое Я, Саша и Флюр, загрузились также как и в прошлом году. Я, правда, не хотел брать Сашу, Вика уже была на восьмом месяце беременности, но он настоял, сказав:

— Батя, извини! Но я не могу просто так сидеть и не делать всего возможного, для спасения своей жены и бедующего ребёнка.

Выехали мы двадцать четвёртого июня, температура была четырнадцать градусов ниже нуля, снега не было. Все наши прошлогодние следы были заметены снегом, его уровень уже поднялся метров на пять, это я определял по количеству снега возле дома, он уже дошёл почти до половины уровня окон на втором этаже. Кроме этого об уровне снега можно было судить по выезду со второго этажа сарая, нам пришлось копать длинный наклонный канал. Получилось похожим на трассу в Бобслее.

Выехав на Симферопольское шоссе, мы поехали в сторону Тулы. Никаких следов появления человека на дороге — не было. Через три километра от поворота на Пушино, была первая заправка. Её мы определили по высокой мачте громоотвода и краешку щита, с указанием цен на топливо, он слегка выглядывал из-под толщи снега.

Копать снег мы начали, ориентируясь по бугоркам на снегу, полагая, что под одним из них находится операторская кабина. Этот бугорок должен был быть рядом с большим снежным холмом, образовавшимся над навесом у бензоколонок. То место, где мы начали проделывать шурф в снегу, как раз соответствовало этим критериям. Если, насосы для перекачки топлива не будут работать, то от операторского павильона мы надеялись выйти на резервуары с топливом.

Откапывая этот шурф, мы натолкнулись на стоящий БТР, наверное, он охранял запасы топлива. Это нас несколько обрадовало — если охранял, значит было что. Мы предположили, что внутри БТРа находятся трупы солдат, но открыв люк ничего, там не обнаружили. Саша с Флюром прокопали снег до колёс и посмотрели туда, потом Саша вынес свой вердикт, сказав:

— Теперь всё понятно! По видимому эти бойцы, попытались отсюда уехать и, просто, как «дебилы» застряли в снегу — брюхо БТРа плотно сидит на снегу. Покинуть свой пост по охране заправки они, наверное, решили от голода. Нехватки топлива у них не было. Я проверил все баки БТРа, они почти полные, а если было топливо, то было и тепло. По-видимому, их просто прекратили снабжать питанием и продовольствием.

Хотя мы и устали, но всё равно начали раскапывать, рядом с большим снежным холмом — это и оказался навес над бензоколонками. Он вплотную подходил к операторскому павильону. Там тоже было пусто, но в подсобном помещении стоял генератор заправленный топливом. Мы его завели и уже при электрическом свете, нашли схему заправки с точным указанием баков с нефтепродуктами и даже расстояниями до них. Кстати температура внизу под снегом была -10 градусов, это нас убеждало, что насосы должны работать и бензин не замёрз.

Было уже поздно, и мы решили сегодня больше ничего не копать, возвращаться домой, а завтра приехать сюда с Валерой. Он электрик и может, разберётся с подключением генератора к топливным насосам заправки, и мы уже через бензоколонку сможем заливать бензин в привезённые емкости.

Обговорив всё это, мы поехали домой.

Дома за ужином, мы рассказали, что нашли и наши предположения, что, скорее всего топливо там осталось. На мой вопрос к Валере:

— Сможешь ли ты разобраться и включить бензоколонки?

Он немного помолчал, а потом ответил:

— Ничего сложного там быть не должно и наверняка есть электрические схемы. Я думаю, там должна иметься возможность пользоваться для работы заправки, автономным источником электропитания. Ведь перебои в подаче электричества были не редки и все мы об этом прекрасно знаем и не зря, в аппаратной заправки находился бензогенератор.

Тогда мы договорились, что завтра он едет вместе с нами и возьмёт с собой все необходимые инструменты. После этого мы ещё посидели, поиграли в карты и в двенадцать часов ночи разошлись спать.

Наутро опять завтракали, порядком надоевшей курицей с небольшим количеством гречневой каши, многие уже смотреть не могли на курятину. Обычно теперь у нас и в обед был куриный суп и на ужин, как правило, жаренные куриные окорочка. Все просто с ностальгией вспоминали, тушенку и рыбные супы из консервов. Но мы договорились, что пока не съедим курятину — консервы тратить не будем. Крупы мы тоже стали использовать редко, в основном употребляя картошку, запас которой уже значительно уменьшился.

В десять часов, уже вчетвером мы выехали на бензозаправку. К каждому снегоходу были прицеплены наши самодельные сани, в них положили по пустой 250 литровой бочке. Приехав на заправку, Валера довольно быстро нашёл электрические схемы и разобрался, как надо всё подключить. Мы пока откидывали от бензоколонок, нанесённый под навес снег — пологий спуск к ним был уже откопан до этого.

Подключив электрику, Валера определил, сколько осталось топлива в баках хранилища. Оказалось, что бак с высокооктановым бензином АИ 98 был почти полон, правда, из всех он был самый маленький. В процентном отношении наполненность баков с топливом была: у АИ 95—43 %, меньше всего было дизельного топлива всего 38 %. В литрах для нас это были гигантские цифры, например,

дизельного топлива ещё оставалось четырнадцать тысяч литров. Валера подключил электропитание к бензоколонкам, и мы наполнили наши бочки, даже не вынимая их из саней бензином АИ 98. Для моего снегохода это было родное топливо, при заправке им он показывал наибольшую мощность. Домой, загруженные бензином и довольные, мы отправились ещё засветло и приехали к себе, когда небо только начинало темнеть. Так что мы успели, можно сказать к обеду — к куриному супу. Нам как участвующим в важной экспедиции, выделили бутылку водки и по бутерброду с икрой. Я, правда, видел, как Саша скормил этот бутерброд Вике. Мы предложили и другим мужчинам, принять участие в распитие приза, но все наотрез отказались. Пришлось самим употребить этот напиток — не выливать же.

После этого обеда, я слегка захмелевший сел играть с ребятами в домино. Молодёжь вся ушла наверх к женщинам, смотреть очередной фильм.

На следующий день отдыхали и готовились к поездке в Серпухов. Мы хотели на барже оборудовать жилое помещение, чтобы там можно было проживать. Работа предстояла длительная, по моим подсчетам, где то месяца на два и поэтому мы загрузили в наши сани дизельную печь. Дизтоплива на этой самоходной Барже ещё оставалось много — силовыми агрегатами там были большие дизеля. Кроме печи загрузили бензогенератор, шесть спальных мешков и другие аксессуары для сна, а также запас продуктов.

В этот первый рейс решили ехать опять втроём. Планировали доехать до баржи, там выбрать помещения для проживания, разгрузиться и переночевать, а с утра начать разведку Серпухова. Потом вернуться домой и уже на следующий день, приехать на баржу с рабочей партией и начать перевозить уголь. Пока не найдём отбойных молотков, раздалбливать уголь ломиками и киркою.

Правда Флюр, наш подрывник, предложил очень интересную и здравую мысль:

— Что вы так любите все копать и долбить! Послушайте меня! Только взрыв! Нужно пробивать или просверливать небольшие шурфы, класть туда толовую шашку и взрывать, рыхля, таким образом, уголь.

У Флюра мозги, как будто специально были заточены под взрывы. Он рассматривал любую проблему с точки зрения — нельзя ли решить её взрывом и, как правило, решения его были верными и весьма облегчали нам жизнь. Так и сейчас, все согласились с его предложением, и Сергей пошёл класть в сани электробур. Потом Флюр напомнил:

— Батя! Ты какой-то неправильный куркуль. Уже забыл, что у нас много тола заложено в виде фугаса около ворот. Уже его пора откапывать. Теперь вряд ли кто появится — тем более на танке. А бездорожье и заборы сейчас не преграда — всё находится под толстым слоем снега.

Ради откопки тола, мы решили перенести на один день отъезд в Серпухов. Только Флюр и Саша могли грамотно обращаться с взрывчаткой и гарантированно безопасно, вытащить фугас и снять электрический взрыватель.

Откапывать снег в том месте, мы начали в тот же день. Очистив площадку до земли, сам фугас, решили вытаскивать завтра при свете дня. Утром, когда рассвело, Флюр в одиночку залез в котлован и откопал фугас, вытащил электродетонатор. Потом весь этот тол, с запасом детонаторов и мотком бикфордового шнура, мы тоже уложили в подготовленные сани. По этому поводу я высказал опасение:

— Слушай, сапёр! Не загорится ли уголь при взрыве?

Флюр меня успокоил, сказав:

— Это вряд ли, вон Саша не даст соврать. А если даже и затлеет, его сразу же можно будет погасить — закидать снегом.

Итак, 29 июня, мы втроём на двух снегоходах с загруженными прицепными санями, отправились в Серпухов. Выехали из дома в 10 часов дня, температура была — 12 градуса, снега не было. До знакомой Баржи, мы добирались больше часа. Доехав до неё, основательно там всё осмотрели и нашли неплохое помещение. По-видимому, раньше это помещение выполняло функцию кают-компания. Мы поставили туда дизельную печь, выведя трубу дымохода в иллюминатор, и начали эту каюту отогревать. Завели и бензогенератор, чтобы подать свет в каюту и на насос, которым мы начали откачивать дизтопливо из ёмкостей Баржи в привезённые канистры.

Потом начали из других кают, демонтировать кровати и переносить в нашу кают-компанию. Их приходилось откручивать от пола. А также переносить матрасы и другие спальные принадлежности. На барже мы нашли небольшое количество продуктов. По-видимому, экипаж, покинув судно, больше сюда не возвращался, даже за продуктами — посторонние тут тоже не появлялись.

В общем, эти хозяйственные дела у нас заняли время, до самого позднего вечера. Спать мы улеглись, забравшись в спальные мешки, каюта ещё не совсем прогрелась, хотя печка работала уже часов десять, температура была четырнадцать градусов. Обед и ужин мы разогревали на электрической плитке, беря электричество от бензогенератора.

На новом месте спалось как то тревожно, за ночь я просыпался несколько раз, другие тоже просыпались и спали неважно, поэтому встали мы только часов в десять утра. Быстро оделись и позавтракали и через тридцать минут были готовы к выезду в город на разведку.

Печь мы решили не гасить, топлива было много. И было всё-таки приятно после нахождения длительное время на холоде, вернувшись, отогреться в тёплой комнате. Выйдя на палубу и забравшись повыше, на капитанский мостик. Мы в бинокли начали оглядывать и изучать открывающуюся перспективу города, выбирая объекты, куда поедem в первую очередь.

Обшаривать наугад весь город мы не собирались. Наверняка, всё наиболее ценное, продукты и топливо, было уже изъято, и искать их было бесполезно. Поэтому мы высматривали промышленные предприятия, где можно было достать необходимое нам оборудование — компрессор с пневматическими отбойными молотками. Хорошо было бы найти небольшой дизельный генератор, чтобы экономить бензин. Дизтоплива на барже и у нас дома, было ещё достаточно много.

Наконец мы выбрали вроде бы подходящий объект, наверняка это было какое-то промышленное или транспортное предприятие. Довольно большая территория, там стояло несколько больших ангаров и трёхэтажное административное здание. Ангары были большими и высокими, так как выглядывали метра на два над уровнем снега — значит, высота у них была не менее семи метров.

До этого предприятия было около трёх километров. Отцепив сани, сделанные из лодки, другие сани оставили, там лежали лыжи и оружие, мы поехали к этому предприятию. Добираться до любых объектов сейчас стало совсем не трудно, не мешали заборы, овраги, плохие дороги, всё было завалено и замечено снегом. До любого увиденного сооружения можно было добраться по прямой, везде было ровное снежное поле, правда, с небольшими холмами.

Доехав до одного из ангаров, Саша и Флюр, через небольшое окно, находившееся на уровне метра от снежного покрова, по верёвке спустились вниз. Я остался на улице, наблюдая в это окно за их

перемещениями.

В этом ангаре стояло много техники, в основном автомобили. Осмотрев с фонариками всё внутри, ребята приблизительно через полчаса выбрались ко мне и доложили, что там в принципе ничего интересного они не нашли, топлива нет, даже из баков машин было всё слито.

Мы поехали к следующему ангару. Он был соединён переходом с административным корпусом, внутрь ребята попали таким же образом. Наблюдая в окно, я увидел, что он в основном заполнен строительной техникой и средствами малой механизации. Что именно в этом сумраке было трудно рассмотреть, хотя и подсвечивал себе большим аккумуляторным фонарём. Где то минут через двадцать появились Саша с Флюром, они тащили большую семи метровую дюралевую выдвигающуюся лестницу. Приставив её почти, что к низу окна, Саша крикнул:

— Батя, спускайся! Здесь есть кое-что интересное. Ты сам должен это осмотреть.

Когда я спустился Саша скороговоркой начал рассказывать:

— Мы нашли здесь, несколько компрессоров, но они достаточно велики и не пролезут в окно — нужно будет откапывать ворота. Также здесь стоят компрессора с набором отбойных молотков на автомобильных базах. Имеется и большой дизель генератор на базе автомобиля ЗИЛ. И кстати, резина на всей технике не нарушена, да и двигатели у тех машин, где залит антифриз, не порваны. Он когда замерзает, так же как и масла не образует монолитного льда — просто, получается ледяная крупа. Так, что некоторой техникой можно пользоваться. Конечно, нужно будет заменять аккумуляторы, да и технические жидкости. Аккумуляторы все лопнули, и как я думаю масла и технические жидкости, после оттаивания, уже никуда не годятся.

Мы осмотрели, подсвечивая фонарями всю технику, некоторые экземпляры мне весьма понравились. Очень подходил для нашей работы небольшой компрессор с встроенным бензиновым двигателем. Его можно было перевезти на санях, по весу он был килограммов триста. Потом мне попались на глаза два маленьких импортных автопогрузчика, объём ковша у них вряд ли превышал 0,25 куба. Груз можно было загружать, не разворачиваясь, ковш двигался прямо над кабиной, весил каждый из них около тонны. Я сразу же представил, насколько погрузчик облегчил бы нам жизнь, если его перевезти к барже и использовать в загрузке углём наших саней. К тому же они были, совершенно новые, стояли в защитной плёнке.

Одним словом надо было откапывать ворота, несмотря на то, что это была большая, тяжёлая работа. Но она была не тяжелее чем вручную грузить уголь пару дней, а нам надо было грузить не пару дней, а гораздо больше.

Подозвав ребят к этим погрузчикам, я начал советоваться, удастся ли нам на санях, двумя снегоходами утащить один из них к барже и не сломаем ли мы наши сани. Подумав вместе, мы сделали вывод — что с санями ничего не будет, а тонну груза два снегохода утащат. Потом уже Флюру я задал вопрос:

— Слушай минёр! Сможешь ли ты взорвать борт баржи, так чтобы можно было на этом погрузчике заезжать в трюм и грузить уголь.

Он, напыжившись, заявил:

— Да ты что батя! Да мне это как два пальца обоссать. Я запросто смогу сделать нужное отверстие — взорвав не очень большое количество тола. Только потом края пробоины нужно будет болгаркой аккуратно подровнять.

Осматривая дальше, стоявшие на полках механизмы и оборудование я нашёл, точно такой же дизель генератор из электрической части которого, был сделан наш ветряк. И сразу же решил, что его нужно увезти домой — будет на всякий случай резервный генератор.

В глубине души я всё время боялся, что наш ветряк может сломаться. Тогда нам будет невероятно трудно выжить при такой погоде — без дармовой электроэнергии, не требующей постоянного завоза топлива. Даже используя имеющиеся бензогенераторы, мы замучаемся изыскивать бензин, и всё наше существование будет посвящено только этому.

Вся техника стояла без топлива, видно все слили после катастрофы с супервулканом. Закончив осматривать этот ангар, мы решили пока светло, осмотреть следующие четыре. В двух из них, тоже была различная техника и механизмы. В третьем ангаре размещалось производство рольставень. Кроме этого, там хранилось большое количество комплектующих деталей для них.

Последний ангар был тоже соединён с административным зданием, в нём стояла в основном автомобильная техника. А также заинтересовавшие нас — три больших кунга на базе автомобиля КамАЗ. Эти кунги были хорошо утеплены, в двух из них даже ещё остались дизельные печки, их, по-видимому, не успели демонтировать. В кунгах было по шесть спальных мест, и даже маленький туалет. Видно эти машины предназначались для работы вахтовым методом во временных посёлках на севере. Они нам понравились, здесь можно было остановиться и переночевать. А также отогреться, когда будем освобождать ворота от снега и делать выезд чтобы увезти нужную нам технику.

Потом мы зашли в административное здание. На первом этаже там были душевые и раздевалки для рабочих, а также большая столовая где, правда, не было никаких продуктов. На втором и третьем этажах были расположены кабинеты.

В актовом зале находящимся на втором этаже, мне стало дурно. Здесь на сколоченных нарах, завёрнутые в кучу одеял, лежало несколько десятков замороженных трупов людей. Видно они умерли, обессилив от голода. От холода вряд ли, так как мы нашли здесь несколько канистр с дизтопливом и бензином, а также тут стояло две дизельные печки. На третьем этаже, в двух комнатах мы тоже нашли девять трупов.

Больше осматривать мы ничего не стали, найденное топливо мы отнесли вниз к вахтовым машинам. Потом устроили совет, как нам поступить, переночевать ли на барже, чтобы утром продолжить осматривать новые объекты. Или остановиться здесь и ехать домой привозить подмогу. После этого, начинать откапывать ворота в том ангаре, где стояли погрузчик и компрессор.

Я высказал мнение:

— Мужики! Ездить по городу, выискивая себе на попу приключений, уже нет никакого смысла.

Электрические отбойные молотки нам в принципе уже и не нужны — вполне хватит и найденного компрессора с пневматическими молотками. А если получится рыхлить уголь взрывом, то и он может, не пригодится. И вообще надо спешить с вывозом угля. Судя по тому году, заморозки могут уже начаться в августе, и тогда будет не до вывоза. А тут только откопать и вывезти нужные нам механизмы понадобится не меньше недели. Даже если мы привезём сюда всех наших мужчин.

Ребята с этим согласились и мы по лестнице выбрались из ангара к нашим снегоходам.

Пока мы ходили по ангарам и административному зданию, стало уже темно. Мы решили доехать до Баржи, прежде чем уедем домой, там отогреться и перекусить. Всё это хождение по ангарам и,

особенно по зданию, нас порядком вымотало, и нужно было передохнуть. В каюте на Барже было хорошо, тепло — печка ещё работала и температура уже была 19 градусов тепла. Мы перекусили и, разомлев от еды и тепла, полежали минут тридцать на кроватях, потом нехотя начали собираться. На холод выходить, конечно, не хотелось, но надо было ехать домой, там нас ждали и беспокоились. Загасив печку, мы спустились с Баржи, сели на снегоходы и отправились домой. Сани мы оставили — везти в них было нечего.

Глава 5

Домой мы приехали в десятом часу вечера, там встретили как после долгого отсутствия — хотя нас не было всего два дня. Ради этого события, приготовили праздничный ужин. Естественно, на стол подали, всё ту же курятину, правда, вкусно поджаренную в гриле. К варёной картошке, открыли большую банку с селёдкой.

На этом ужине, мы всё подробно рассказали о нашем путешествии и о сделанных находках, а также о предстоящей новой, большой работе. Всех женщин я предупредил:

— Милые дамы! Мужчины уезжают в длительную командировку, недели на три минимум, а вам оставляем на развод только Игоря.

Потом уже серьёзным тоном продолжил:

— Наш доктор должен следить за состоянием Вики и в случае чего вместе с Надей принимать роды. Также вам оставляем Максима, основной задачей которого, будет приёмка и разгрузка угля. Конечно при помощи Игоря и девушек. Завтра с утра мы увозим Валеру и Сергея, причём Сергей поедет в санях, вместе с увозимыми припасами и лыжами.

Саша попросил Володю:

— Господин, главный интендант! Продуктов можешь много не набирать, мы нашли на барже их небольшой запас, недели на две нам вполне хватит.

После долгих дебатов, всё-таки решили взять с собой одну женщину — Таню. Она нам будет готовить, и помогать в нетяжёлых работах, а также на всякий случай, наблюдать за окружающей местностью. Больше всех поездке Тани, обрадовался Валера, а она сама была просто счастлива этим выездом с нами.

Утром в десять часов, мы выехали в Серпухов, температура на улице была -12 градусов, снега не было. Решили сразу ехать к ангарам, не заезжая на баржу. Там в одном из кунгов, делать временную базу. И уже оттуда, Флюр съездит на баржу и привезёт спальные принадлежности, а также несколько канистр с дизтопливом для печки.

До ангаров в Серпухове, мы доехали за полтора часа, из саней еле вылез Сергей и охрипшим голосом сказал:

— Уф! О-о-тлежал всё тело и с-с-страшно з-з-замёрз.

Я ему для профилактики, налил сто грамм водки и дал закусить бутербродом со вчерашней селёдкой. После этого заставил начинать отгрёбать снег от того места, где должны быть ворота. Мы с Валерой тоже взяли в руки лопаты, чтобы согреться.

Саша с Флюром полезли в ангар, подготовить один из кунгов к нашему вселению. Нужно было отнести туда привезённые вещи и разжечь печку. Кроме этого, по настоятельной рекомендации Володи, чтобы не угореть от дыма, они надели гофрированный воздухопровод, на печную трубу и вывели его в большой вентиляционный короб, проходящий по всей длине ангара. Потом очистили от

снега, выход этой вентиляционной системы. Часа через полтора, они подошли к нам и тоже включились в работу.

Снег был уже слежавшийся, тяжёлый, мы, подрезая лопатами, делали из него блоки, при этом рыть начали так, чтобы сделать пологий спуск к воротам. Тем более так было удобнее вывозить нарезанные блоки на санях. Сначала чтобы не проваливаться работали в лыжах, потом пошёл более плотный снег — ноги уже не проваливались, и мы сняли лыжи.

Часа через три работы, возникла сильная потребность пойти в кунг отогреться. После получасового отдыха, Саша с Флюром поехали домой, привозить ребят к нам на помощь. Таню решено было привезти, только когда мы здесь закончим и переедем на баржу, заниматься перевозкой угля. После отъезда ребят, мы ещё два раза ходили греться в кунг.

В шесть часов вечера, приехали остальные члены нашей рабочей бригады, было уже темно и мы убирали снег, под светом переносных ламп. Когда приехали ребята, мы закончили работу и пошли обедать. Из дома был привезён уже готовый суп и обжаренные окорочка — оставалось всё это только разогреть.

Потом мы опять вышли на работу и продолжали уже вшестером убирать снег. Вырезанные снежные блоки Саша и Флюр отвозили на снегоходах, метров за пятьдесят, где и разгружали. Так мы работали до одиннадцати часов вечера, с одним перерывом на обогрев. Вечером, попив чаю с бутербродами с окорочками и отогревшись в кунге, мы быстро уснули. К обеду следующего дня мы уже смогли открыть ворота. Оставалось доделать только пологий подъём.

Во время обеда, Валера предложил одну идею, как доставить технику до баржи. Он спросил: — Все ли видели в административном корпусе сложенные в большую стопку, шести метровые половые доски?

Естественно их видел каждый. Все проходили в туалет мимо них — он был устроен на первом этаже, в комнате с проломленным полом. Валера, отправив в рот очередную порцию курятины, причмокивая, продолжил:

— А как вам мысль — использовать их, как настил при продвижении техники своим ходом до баржи. По мере продвижения техники, можно будет перекладывать доски, а лучше сделанные из них щиты.

Валере очень понравился кунг, и он хотел перевезти его к барже и ночевать в нём, а не в каюте. Я усомнился в этой идее и сказал:

— Ты вообще представляешь вес этой техники. Не продавит ли машина своей тяжестью эти щиты и нам придется её так и бросить.

На, что Валера, дожевав окорочёк, сказал:

— Батя! Что касается больших машин, я конечно точно не знаю — надо экспериментировать. А вот маленький автопогрузчик точно доедет, он не очень тяжёлый. Тащить его на санях, может выйти ещё дольше. Большая проблема будет с его погрузкой и выгрузкой. Всё равно для этого придётся тащить к барже доски, чтобы там делать площадку. Выезд на улицу из ангара, по любому придётся застилать досками. Потому что, отсюда в горку, снегоходы не вытянут погрузчик — им бы самим выехать.

Идею, насчёт выкладки досками выезда из ангара все одобрили. А вот удастся ли тяжёлой машине проехать по доскам до баржи, многие сомневались — но решили попробовать.

Договорились, что первым пойдёт погрузчик, потом компрессор, смонтированный на Бычке, а уже

потом Урал с кунгом. Кунг на Урале был, конечно, меньше КамАЗовскрго, но машина всё равно была очень тяжёлая. Он стоял в том же ангаре, куда мы прокопали выезд. Поэтому было решено вывозить его, а не откапывать новый выезд из другого ангара.

После обеда мы выровняли наклонный ход из ангара, сделав его под углом в 30 градусов, и принялись заготавливать щиты из половой доски, сбивая их, по пять штук. По-видимому, весь этот материал был заготовлен для ремонта здания. Действительно полы тут были в кошмарном состоянии, особенно на первом этаже. Сбив тридцать щитов, мы закончили работу, и пошли спать, решив завтра начать транспортировку техники. Кстати, мы на каждый щит с одного бока прибавляли по две дверные ручки, чтобы их было удобно переносить и вытаскивать из снега.

Утром в восемь часов, вышли заводить технику. Это было очень непросто. Все штатные аккумуляторы были разморожены и в лучшем случае были вздутые. Как правило, стенки были порваны внутренним льдом. Хорошо, на этом предприятии был запас сухих аккумуляторов, которые мы вчера вечером заправили и поставили на ночь, на зарядку. Кроме этого в автомобильном ангаре был электрический пускач, для гарантированного запуска автомобиля при сильных заморозках. Как раз сейчас был такой случай. И мы, залив в баки топлива, поменяв моторное масло, а также другие технические жидкости, с помощью пускача, где-то к одиннадцати часам дня смогли завести намеченную нами технику.

Пока Николай с Сашей запускали машины. Мы вчетвером выкладывали из заготовленных щитов дорогу наверх и дальше — пока не использовали их все. По мере продвижения колонны, мы хотели грузить освободившиеся щиты на сани и снегоходами вывозить их вперёд, где и укладывать в эту своеобразную дорогу. К имеющимся щитам нами утром было сколочено ещё десять штук, их мы тоже уложили в тело дороги.

После прогрева двигателя, первым на эту импровизированную дорогу выехал Николай, на автопогрузчике. Он благополучно доехал до конца выложенного полотна. Под погрузчиком доски не очень глубоко вдавились в снег. Следом на Бычке с компрессорной установкой, выехал я, и тоже благополучно доехал до погрузчика. Потом поехал Саша на Урале с кунгом. Но на самом начале подъема, Урал утопил в снег подложенные щиты и сполз с них в снег. Мы еле вытащили его обратно в ангар, для этого пришлось заводить ещё один Урал.

Больше решили не экспериментировать и тяжёлые машины даже не пытаться перегонять. Вместо них завели ещё один маленький погрузчик, перегрузили на него генератор, восстановили дорогу и Саша вывел его на улицу к остальной технике. Потом все вместе разобрали пройденную дорогу и уложили эти освободившиеся щиты перед нашей колонной, после чего закрыли ворота ангара.

Эти три километра мы, конечно, измучились, перекладывая щиты, но до начала темноты всё-таки добрались до баржи. После чего решили устроить отдых и сегодня уже ничего не делать. В каюте — дружным напором, вынудили Володю достать из запасов: две бутылки водки, консервированную ветчину и маслины. Чтобы было чем закусить кроме курятины. Просидели за разговорами довольно долго, потом заставили Володю достать ещё одну бутылку. После её распития все успокоились и улеглись спать.

Утром, мы втроём — Флюр Саша и я, захватив фонари, направились в трюм, выбирать место, где будем взрывать борт. Выбрали то место, где уголь, соприкасаясь с бортом, образовывал относительно ровную площадку. Кинув удлинитель от бензогенератора в это место, и осветив его,

высверлили несколько отверстий, потом металлическим клином и кувалдой расширили их, чтобы туда проходила толовая шашка. После чего Флюр, выгнав нас с Сашей наверх начал устанавливать взрывчатку, через некоторое время он крикнул:

— Атаc! Всё готово. Прячьтесь, кто успеет — кто не успеет, я не виноват.

Мы, подзвав остальных ребят, спрятались за рубку. До этого они были заняты хозяйственными работами — выкачивали в канистры дизтопливо из баков баржи. Через некоторое время появился Флюр, разматывая тонкий кабель, дойдя до нас, присоединил к кабелю взрывмашинку, несколько раз крутанул ручку и нажал кнопку, раздался не очень громкий взрыв.

Мы все вместе, подсвечивая фонарями, бросились в трюм, посмотреть на результаты взрыва. В корпусе баржи была проделана довольно большая дыра, метра три в диаметре и через неё в трюм попало довольно много снега. По-видимому, снаружи над нею был большой снежный сугроб. Флюр усмехаясь, заметил:

— Ну что снегокопы, я бы даже нас назвал снежные кроты. Вот вам ещё одна привычная работа, по прокладке в снегу глубокого въезда. Получите и распишитесь!

Сойдя с баржи, я довольно легко определил место пробоины в борту — там снег немного вздыбился.

Мы, взяв лопаты, начали отрывать котлован рядом с бортом — работа действительно стала уже привычной. Этот новый въезд мы рыли до позднего вечера, с небольшими перерывами на обед и обогрев. Дошли до пробоины и начали рыть наклонный въезд.

Закончили работу в одиннадцатом часу вечера, быстро поужинали и еле живые разбрелись по своим койкам. Например, у меня все кости, от непрерывного копания ломало. В пояснице засела какая-то ноющая боль, которая даже сильно уставшему организму, мешала уснуть.

Встали все позже, чем обычно, только в начале десяти часов утра, с завтраком копались тоже долго.

Видя всё это, Саша предложил:

— Да! Херовые из вас снегокопы Пора сегодня устроить день отдыха. Вы отдыхайте и занимайтесь хозяйственными делами, а мы с Флюром съездим в город на разведку, осмотримся и проверим несколько магазинов. Мне надо раздобыть памперсы и другие средства гигиены, для бедующего потомства.

Я поддержал это предложение, но сказал:

— Саш! Я вас одних не отпущу. Тоже поеду и в случае чего буду вас страховать.

Остальные тоже были не против этой поездки. Ещё бы, подгузники и памперсы для младенцев — это было святое. Вполне вероятно, мародёры их не растащили.

В одиннадцать часов дня, мы в обычном порядке, двумя снегоходами с одними санями на прицепе выехали в город и поехали сразу в сторону вокзала. Там на площади было много магазинов. Я думал, что, скорее всего в первые недели после катастрофы, власти вряд ли дали возможность мародерам их разграбить. А потом уже всех интересовали только продукты и топливо.

Местонахождение вокзала мы определили по столбам с обрывками проводов для электропоездов и виднеющемуся пешеходному мосту через железнодорожные рельсы. На бывшей привокзальной площади, стояло большое здание. Через уже разбитое окно мы проникли в помещение. Это действительно был магазин.

На первом этаже продуктовый, но он был полностью пуст, стояли только кассы, пустые полки и холодильники. На втором этаже, куда мы влезли, были промышленные товары, их мародеры особо

не трогали.

Мы прошли по трём большим торговым залам. В одном была одежда и другие изделия из ткани. Там взяли несколько подушек, полотенец и комплектов постельного белья. Одежда, которые нам были нужны, уже все растащили. Так же мы нашли отдел детской одежды и обуви, там было специально выделенные полки с памперсами и подгузниками и другими товарами для новорождённых, Саша всё это начал сносить в сани.

Мы с Флюром направились в другой отдел, там были различные промышленные товары и средства гигиены. Я набрал полный пакет бритв «Жилетт» и лезвий к ним. Одеколоны и лосьоны тоже все растащили. Флюр набрал два пакета мыла, захватив ещё упаковку со стиральным порошком, мы тоже унесли всё это в сани. Потом Флюр отнёс в сани четыре пакета набитых детскими книжками и игрушками. Для женщин в неприметной тумбочке я нашёл штук двадцать французских духов, нескольких наименований.

Так мы мародерствовали по этому магазину до самого вечера, все сани набили товаром до упора и чтобы он не рассыпался, обмотали груз рулоном ткани. В половине четвёртого вечера, когда уже начало смеркаться, мы выехали обратно на баржу.

Когда приехали, нам отдельно разогрели обед. Ребята тоже не выдержали безделья. И пока нас не было, проложили дорогу из щитов в трюм Баржи и сделали небольшую погрузочную площадку. Когда мы уже пообедали, мне пришлось рассказать о товарах добытые в магазине и пообещать, жажущим:

— В следующий раз, отовариваться туда поедут другие и обязательно захватят с собой Таню, когда её сюда привезём.

Саша на это, добавил:

— Привезём её, скорее всего завтра, когда мы с Флюром поедем отвозить груз. А сейчас надо ложиться пораньше, чтобы быстрее нагрузить углем, оставшиеся пустыми сани.

Я ему сказал:

— Нужно чтобы Флюр остался здесь, а снегоход поведу я. Здесь он нужнее. Именно Флюр будет взрывать толовые шашки — рыхля уголь.

С этим все согласились и мы улеглись на кровати, чтобы поскорее уснуть. Несмотря на не очень позднее время, я уснул довольно быстро.

Утром встали все рано, уже в семь часов сели завтракать, а в половину восьмого Флюр, Валера и Сергей уже ушли в трюм, делать шурфы и закладывать в них тол. Шурфы решили делать электрическим буром, мы его уже испытывали и он нормально справлялся с углём.

Мы тем временем спустились с баржи и начали готовить технику к работе. Через полчаса из пролома в борту вышли Валера и Сергей, они уже сделали два шурфа и сейчас Флюр закладывал туда толовые шашки. Потом минут через двадцать из пролома выбежал Флюр и подошёл к нам. Почти, что сразу после этого раздался сдвоенный взрыв. Мы пошли посмотреть на результат — взрывами довольно хорошо размельчило угольную кучу.

Пока мы с Сашей пошли греться перед дорогой, ребята загрузили пустые сани углём. Они высыпали в ёмкость саней, два неполных ковша погрузчика. Потом пришли к нам в каюту отогреться после улицы. Немного поговорив, мы с Сашей начали одеваться потеплее. Надели шлемы и направились к снегоходам.

В одиннадцать часов утра мы выехали с полными санями домой. Я первый раз ехал с грузом на снегоходе, и было немного непривычно. Но быстро приноровился и уже не отставал от Саши — тем более что мы ехали не очень быстро.

Часа через полтора мы доехали до дома, где Саша заглушил снегоход и, не обращая внимания на встречающих нас Максима и Риту, бросился в дом проверить как там Вика. Я, поставив снегоход на разгрузку угля, тоже поспешил в дом, где были очень рады нашему приезду, Маша говорила:

— Милый мой человечек! Я очень соскучилась!

На мой вопрос:

— Как там Вика? она, ласкаясь, ответила:

— Всё хорошо! Но как видишь, пока не родила. Игорь, по всем медицинским показателям, ждёт этого не раньше чем через неделю.

Появился и сам Игорь и тоже меня успокоил — сказав:

— Всё проходит просто отлично, без всяких осложнений. У нас уже всё подготовлено для приёма родов.

Кроме этого он сказал:

— Я запретил Вике спускаться по лестнице и если ты её хочешь увидеть — то надо идти на второй этаж. А вообще батя, это счастье, что она рожает сейчас, когда есть и душ и туалет и сколько хочешь горячей воды.

После его слов, мы с Машей вместе пошли в комнату Вики, там уже сидел Саша, он держал её за руку и они улыбались. Мы с Машей тоже сели рядом и я начал выспрашивать её:

— Как твоё самочувствие? Не хочешь ли ты чего-нибудь? Мы привезли тебе, целую кучу сюрпризов!

Вика засмеялась и сказала:

— Пап! Ты говоришь почти что одними и теми же словами, что и Саша.

Мы все тоже посмеялись, потом я с Машей поднялся и чтобы не мешать, пошли на первый этаж в столовую, где уже готовился обед для нас.

Пообедав, я предупредил наших женщин, что сегодня уже не приедем, а регулярно начнём возить уголь с завтрашнего дня. Таню мы сегодня не хотели брать. Я сказал ей:

— Танюш! Может быть, лучше посидишь дома, что тебе мучиться с мужиками в одной каюте. Тем более бытовые условия там нулевые. А с появлением погрузчика и организацией взрывных работ, рабочих рук там уже избыток. Скорее всего, нужно будет привозить двух человек обратно домой. Ручной труд резко сократился и на барже уже столько народу не нужно.

Но она всё-таки настояла поехать с нами, импульсивно подпрыгивая и говоря скороговоркой:

— Экономится же много времени, если я буду готовить и содержать в чистоте жилище. Кроме этого буду вести наблюдение за окружающей местностью. И самое главное — нужно обязательно женское участие в ваших поездках в магазины. Мужчины как обычно набирают не то, что нам необходимо...

Одним словом, она нас уговорила, и я сказал ей:

— Ну что сама напросилась. Тогда не пищи! И чтобы в течение двадцати минут всё подготовила для поездки и переодевайся в самую тёплую одежду.

На что она ответила:

— Дядя Толь да вы что! У меня всё уже давно приготовлено. Одеться мне достаточно и пяти минут.

Пока мы обедали и отдыхали, Максим с Игорем при помощи женщин, разгрузили все сани. Причём все товары, набранные нами из магазина, были занесены в дом. Восторгам женщин не было предела, особенно когда увидели Французские духи. Они устроили целый базар, подбирая себе понравившиеся флаконы, и естественно перенюхали все ароматы. Так, что в столовой установился запах парфюмерной лавки.

К трём часам дня, мы всё-таки полностью собрались, загрузили в сани продукты и выехали в Серпухов. Когда ехали, Таня с большим интересом смотрела по сторонам. Она впервые за долгое время, выехала за территорию посёлка.

На барже нас уже ждали — у погрузчика уже был загружен ковш углём, оставалось только насыпать в ёмкость саней. Я первый подошёл свои сани к погрузке и их загрузили в течение десяти минут, два в два дольше загружали Сашины сани, таким образом, мы всё подготовили к завтрашней поездке с самого утра.

В это время Таня вместе с Валерой, пошли осматривать нашу каюту, захватив с собой все привезённые запасы. Мы, тоже перекурив, направились туда же. Там нас встречал уже накрытый, праздничный стол, это Таня расстаралась. Она даже привезла с собой две бутылки коньяка и две банки икры и сейчас заканчивала делать бутерброды. Все, восторженно крича, бросились занимать свои места, даже мы с Сашей, хотя вроде бы плотно пообедали дома — с воодушевлением уселись за стол.

Организовать для нас праздничный ужин, наверное, договорились наши женщины. И уговорили Машу, которая в отсутствие Володи заведовала нашими запасами, выделить эти деликатесы — которые мы решили использовать только по праздникам. После обмытия, успешного начала этапа по перевозке угля и приезда к нам Тани. Мы начали серьёзный разговор, по поводу того, что такое количество людей, здесь уже не нужно. Лучше усилить двумя человеками разгрузку угля. Теперь она занимала в несколько раз больше времени, чем механизированная загрузка.

Договорились отправить домой Володю и Сашу, тем более что скоро Вика должна была рожать, и ему стоило там находиться. Здесь он всё равно был как на иголках. Везти уголь буду я и Коля, он тоже умел ездить на снегоходе и тем более являлся хорошим автомехаником. Флор будет вести взрывные работы, Валера на погрузчике грузить уголь. Сергей будет ему помогать — если нужно будет разбивать крупные куски, а так же просверливать шурфы для закладки взрывчатки.

Эвакуацию двух человек, решили произвести послезавтра, а завтра после первой ездки с углём, поехать опять в город, на вокзальную площадь и снова пошарить по магазинам. Загрузить оба прицепа товаром, и уже с этим, не очень тяжёлым грузом, с утра вывезти Сашу и Володю домой. Обговорив всё это, мы улеглись спать, тем более мне и Николаю нужно было вставать пораньше, чтобы вернуться часам к одиннадцати. Мародерствовать по магазинам было лучше в светлое время суток.

Мы с Колей встали в семь часов утра, попили горячий чай с бутербродами и уже в половине восьмого повезли уголь домой, на улице было не очень холодно — 11 градусов, снега не было. Двигались мы по своим следам — не очень быстро, было ещё темно.

Когда приехали домой, ещё не было и девяти часов, все спали, только дежурная Наташа бодрствовала. Отправив её будить Максима и Игоря для разгрузки угля, мы с Колей уселись за стол и пока они одевались, пили горячий чай и отогревались после поездки. Потом вместе с ребятами

пошли разгружать сани, разгрузили мы их довольно быстро всего за один час. Затем ещё немного погревшись в половине одиннадцатого, уже налегке, выехали обратно на баржу.

Нашего приезда, ребята и Таня уже с нетерпением ждали. Мы договорились, что теперь к вокзалу поедут Флюр, Таня, Володя и Сергей. Флюр поедет как ветеран, знающий дорогу. Даже не глуша снегоходов, только выметая из саней угольную пыль, они расселись и поехали в сторону вокзала. Мы, оставшись втроём, пошли в каюту погрелись, а, потом, не выдержав безделья, направились работать. Загрузили углём ковш погрузчика и подготовили кучу размельчённого угля, для вторичной загрузки. После чего пошли в тёплую каюту, ждать возвращения ребят.

Они приехали только в пятом часу вечера, когда уже стало темно. К этому времени мы уже пообедали. Все съездившие в магазин были довольны, а Таня так просто светилась от счастья. Оба санных прицепа были забиты товаром и по нашему примеру обмотаны тканью, чтобы не рассыпались.

Приехавшие начали взахлёб рассказывать, что они набрали и в каких магазинах были. Оказывается, они не стали даже заглядывать в проверенный нами магазин, а начали проверять другие здания. И нашли два почти, что не разграбленных магазина. Один большой универсальный магазин, которым была особенно довольна Таня. Там по её указаниям был наполнен один санный прицеп. Она уверяла, — что все женщины будут очень рады этим вещам. Другие сани нагружали товаром выбранным мужчинами. Это были в основном инструменты и оборудование, из обнаруженного инструментального магазинчика. А так же много вещей из отдела туристических товаров, универмага. Ребята там даже нашли, американскую бензиновую плитку, а также много сухого топлива. Володя, зачем то взял, спиннинг и две фирменные катушки к нему. Я даже пошутил: — Вован ты что — офанорел! Собираешься ловить подснежную рыбу?

Он как-то нехотя ответил:

— Анатолий! Сердцу не прикажешь! Я давно мечтал о таком спиннинге.

В этом же универмаге ребята взяли четыре пары горных лыж, с ботинками и креплениями, а так же две пары обычных широких лыж. Горным лыжам я был особенно рад, они были короткие, и в них было удобнее работать.

После того как они перекусили, я предложил:

— Может, не будем тянуть, кота за одно место. Давайте сегодня отвезём всё домой, чтобы завтра не тратить время. Тем более мы с Колей хорошо отдохнули и готовы даже в темноте вести снегоходы. Если выедем прямо сейчас, то — около восьми часов уже будем дома. Там мы переночуем, а завтра пораньше приедем обратно за углём.

Все согласились и Володя начал собирать свои вещи, Саша уже давно всё приготовил. Выехали мы в половине седьмого, дома были уже в восемь часов вечера и пока все остальные разгружали сани, мы с Колей поужинали и отогрелись. Дома было всё в порядке, у Вики тоже было всё хорошо, это я узнал, поговорив с Игорем и поднявшись с Машей к ней в комнату. Вика обрадовалась, что Саша остаётся дома, рядом с ней.

Спать я лег не очень поздно, чтобы завтра пораньше выехать. Перед этим без очереди и вне графика сходил — принял горячий душ. Ради нашей рабочей бригады, были сдвинуты все графики, чтобы дать возможность всем нам от души помыться.

Глава 6

Встал я по будильнику в семь часов утра. Дежурная, а сегодня это была Катя, уже нам приготовила горячий завтрак. Мы с Колей быстро перекусили и уже в половине восьмого тронулись обратно к нашей барже. Там нас уже ждали и пока мы с Колей отогревались в каюте, загрузили наши сани, и в половине десятого мы тронулись обратно домой.

Таким челночным методом мы делали по три ездки за один день и это продолжалось в течение недели. При этом ночевали мы всегда дома. В этом была польза и для ребят остающихся ночевать в каюте баржи. Всё-таки когда мы собирались вместе, там было тесновато, а для проживания четверых она была в самый раз.

На седьмой день этой работы, когда мы делали вторую езду с углём, уже не далеко от дома, мой снегоход сильно затрясло, да так, что меня чуть не выкинуло из седла. Потом он заглох и остановился, а из двигателя повалил какой-то дым. Я быстро выключил зажигание и спрыгнул с него прямо в снег. Подъехал Николай — он двигался позади меня. Остановившись невдалеке, надев лыжи, подъехал ко мне и начал осматривать снегоход.

Осматривал его он минут десять, потом поставив сидения на место, сказал:

— Всё, кина не будет — киньщик, спился. Финита ля комедия!

Потом уже другим голосом, продолжил:

— Поломка серьёзная и вряд ли мы сможем восстановить снегоход, вся трансмиссия разнесена. Надо менять и вал, и подшипники и это только на первый взгляд.

Мы отцепили оба прицепа, Коля взял мой снегоход на буксир и мы поехали домой. Приехав, собрались на мужской совет — что будем делать дальше. Я был однозначно за сворачивание операции по завозу угля и эвакуации с баржи всех людей. Топлива у нас на этот год хватит. На следующий год, скорее всего тоже. А риск потерять на перевозке угля последний снегоход, был очень большой. Всё-таки для них груз слишком тяжёл. К тому же одним снегоходом мы всё равно много угля не вывезем, а эвакуироваться без него с баржи, это было очень непросто. Тем более если температура понизится — всё-таки расстояние превышало сорок километров. Я предложил:

— Давайте лучше привезём ещё две дизельные печки из Серпухова. У нас в наличии довольно много неиспользуемого дизтоплива и его вполне хватит на предстоящую зиму. А чтобы пока не откапывать бензовоз с нашим основным запасом дизтоплива, можно привезти с заправки несколько бочек солярки.

Все согласились с моими доводами и решили, что сейчас Николай поедет и всё-таки доведёт сюда сани с углём. Завтра с утра он начнёт эвакуацию людей и оборудования. Будем возить по два человека за раз, один из них в санях. Ещё завтра нужно поехать в Серпухов и там демонтировать одну дизельную печь в кунге и привезти её домой. Вторую печь возьмём с баржи и снимем её, когда поедет последняя партия эвакуированных людей.

После этой выработки программы действий, Николай отправился за первыми санями с углём и через полчаса привёз их. Пока мы разгружали эти сани, он привёз вторые и пошёл греться. После разгрузки всего угля, Николай сразу же, зацепив большие сани, поехал на баржу. Шел четвёртый час дня, пока было ещё светло, снега не было, температура была -11 градусов.

Как только уехал Николай, начала рожать Вика. Роды принимали Игорь и его жена Надя. Все женщины бегали, помогая им — принося горячую воду, простыни, выполняя все распоряжения Игоря. Мы же сидели внизу в столовой и переживали... Наконец часа через два пришёл Игорь и

торжественно поздравил, отца и деда с рождением наследника — мальчика. Вес его при рождении составил — 4 килограмма, роды прошли очень хорошо и состояние матери и ребёнка, прекрасные. Мы, было, кинулись на второй этаж к Вике, но он запретил сказав:

— Вы что ополоумели? Сейчас нельзя, Вика спит утомлённая родами и малыш тоже. Все посещения можно будет проводить завтра, да и то недолго. Перед этим я буду лично всех дезинфицировать. Всю ночь у Вики будет дежурить Надя, а Никитой пока будут заниматься Галя с Ириной. Надю будет сменять Наташа.

Потом он нас строго оглядел и спросил:

— Да! Точно неадекватны! Где мой налитый стакан? Почему ещё не накрыт стол? Я сейчас с большим удовольствием принял бы грамм сто пятьдесят коньячку.

Все засуетились, накрывая стол, а я с Володей пошёл в подвал за выпивкой и банками с закуской. Решили не экономить — за такое событие, достать самое лучшее. В общем, стол у нас получился шикарный.

Это событие мы отмечали до двенадцати часов ночи, празднуя рождение нового члена нашего коллектива, нашей семьи, моего внука. Имя своему сыну Саша собирался дать, не раньше, чем ещё раз посоветуется с Викой. За вечер он несколько раз бегал наверх, пытался посмотреть на состояние жены и своего сына, но Надя его не пускала и всё время прогоняла.

Наконец после двенадцати часов ночи, все уgomонились и разошлись спать. Саша остался ночевать в столовой. Мы с Машей тоже пошли к себе в комнату, хотя нам жутко хотелось посмотреть на дочь и увидеть внука.

Утром, когда я, встав в девять часов, пошёл умываться, услышал из комнаты, где жили Вика с Сашей, писклявый детский плач. Не удержавшись, заглянул туда. Там уже был Саша, в руках он держал закутанного в пелёнки младенца, тот кричал, а Саша глупо улыбался. Вика сидела на кровати, полураздетая и тоже улыбалась. Посередине комнаты стоял Игорь в белом халате, увидев меня, он сказал:

— А! Вот и дедуля нарисовался. Батя, ты же знаешь, что сразу всем приходиться нельзя, только по одному и после дезинфекции. Но ладно! Издали и недолго так уж, и быть посмотри.

Саша вдруг поднёс ребёнка ко мне, тот перестал кричать и начал с интересом меня разглядывать. Потом попытался своей ручонкой схватить меня за нос — все засмеялись, я впрочем, тоже.

Потом пришла Маша, она уже была в белом, чистом халате и в самодельных бахилах. Она принесла тазик с тёплой водой. Они собирались помыть ребёнка и нас с Сашей выгнали из комнаты.

Мы пошли вниз в столовую, завтракать. Потом сидели в столовой и до приезда Николая с баржи, играли в карты. Вика и ребёнок уснули, и Саша тоже сидел с нами, потом он сказал:

— Ночью никак не мог уснуть... Всё думал, какое имя выбрать малышу. И утром мы с женой всё-таки решили назвать первенца, Ваней, в честь моего отца.

Я был согласен. Маша уже называла его Ванечкой — умиляясь, как он крепко спит и, какой он хорошенький.

Наши первые эвакуированные прибыли в два часа дня. Это были Сергей и Таня. Её везли укутанную в одеяла в санях, вместе с печкой и некоторыми другими вещами. Пока ехали, она всё равно замерзла, и мы им с Сергеем сразу налили по сто грамм коньяка, а Коле большую кружку горячего чая. И рассказали о прибавлении в нашем коллективе. Они обрадовались и даже забыли о внезапной

эвакуации. Это как-то потеряло своё значение — перед таким событием, как появление нового человека. Тем более на фоне такого явления, как исчезновения нашего привычного, старого доброго, и уютного мира.

Николай погрелся с полчаса, выпил чай с несколькими бутербродами и отправился в следующий рейс. Он сказал:

— На барже сейчас аврал. Ребята, узнав про то, что перевозка угля прекращается, решили откачать всё дизтопливо. Штук двадцать пустых бочек они нашли, когда ездили к ангарам демонтировать печь в Кунге. Поэтому я или Флюр, пока будем возить дизтопливо. Они только после его вывоза, будут сами эвакуироваться и снимать печь в каюте.

Я с этим согласился.

Вечером, на снегоходе с бочкой дизтоплива, вместо Коли, приехал Флюр. Он уже знал про рождение Ваньки и поздравил Сашу и меня. Мы его, ещё даже не умывшегося, усадили за стол и налили штрафной стакан коньяка. За друга, ставшего отцом, за Ваньку, за меня, ставшего дедом. Только потом, отпустили в душ мыться. Обрато он пришёл и просидел с нами до одиннадцати часов вечера, пока Катя не увела его в комнату спать.

На завтра договорились, что за дизтопливом пока буду ездить я — Флюр пускай немного отдохнёт. Поэтому чтобы встать пораньше, я вслед за Флюром, направился спать.

Выехал рано и к барже подъехал без пятнадцати минут восемь. Ребята не спали, и бочка с дизтопливом была уже налита и лежала в ковше погрузчика готовая к укладке в сани. Но как сказал Валера:

— Батя, придётся ещё немного прокатиться. Нужно привезти ещё несколько пустых бочек из ангара. Он сел на пассажирское место снегохода, и мы поехали к ангарам. Всего мы на сани загрузили восемь пустых бочек, обвязав их верёвкой, чтобы не рассыпались. Подвезя их к Барже, разгрузили на деревянной площадке, где стоял погрузчик. Николай, сладко потягиваясь, сказал:

— Ах, хорошо! А что! Качаем насосом дизтопливо прямо сюда, предварительно поставив пустую бочку в ковш погрузчика. Поэтому физических усилий практически не применяем. Живём здесь как на курорте. Еду нам привозят уже готовую, остаётся её только разогреть. Ещё бы сюда спиртное и женщин, вообще бы отсюда никуда не уезжал.

Посмеявшись вместе со всеми, я спросил:

— Примерно сколько здесь ещё осталось солярки?

Валера, немного помолчав, ответил:

— Точно сказать трудно, но скорее всего ещё бочек на десять.

— Значит ещё четыре дня отдыха здесь вам обеспечено, — заметил я. После этого разговора Коля загрузил погрузчиком полную бочку в сани и я поехал её отвозить домой.

Всего за этот день сделал три рейса, погода была хорошая, и на улице было не холодно, температура была всего -11 градусов. На следующий день вывозом дизтоплива занялся Флюр, так мы, с ним меняя друг-друга, за четыре дня вывезли двенадцать бочек солярки. На пятый день дизтопливо закончилось, и Флюр тремя рейсами вывез ребят. Кроме этого, некоторое оборудование и хозяйственные вещи, а также остатки продуктов, которые нашли на самоходной барже, Володя их оприходовал и перенёс в подвал.

После последней ездки Флюра, мы договорились устроить день отдыха, а потом пока температура не

начала сильно опускаться, заняться заготовкой дров. И кроме этого решили, что кто-нибудь один, будет ездить на бензозаправку и в бочке привозить бензин.

На следующее утро, начался день безделья. Мы вчетвером до одиннадцати часов вечера с перерывами на обед и ужин, играли то в преферанс, то в домино. Остальные в основном смотрели телевизор и слушали музыку, иногда собирались в Викиной комнате позаниматься с младенцем. Одним словом, кроме Вики и дежурной Ирины, все весело бездельничали.

Со следующего дня опять начались, серые трудовые будни. Пока не стало совсем холодно, мы решили по максимуму заготовить дров и топить только ими. Пока температура не опустится ниже минус сорока градусов, потом топить торфяными брикетами. Из нашего опыта стало ясно, что чтобы поддерживать комфортную температуру в доме, когда на улице ниже минус пятидесяти градусов, дровами и брикетами не удаётся. Только уголь давал достаточную температуру.

Если температура опускалась ниже минус восьмидесяти градусов, то, даже топя обе печки углём и включая дополнительно дизельную печку, нам не удавалось по всему дому удерживать нужную температуру. Задействую все ресурсы, включая электрическое отопление, мы поддерживали температуру в 19–20 градусов, только на первом этаже, без сеней и на втором в спальнях. Третий этаж приходилось закрывать и утеплять двери ведущие туда. Поэтому мы и решили экономить уголь. Тем более после этой досадной поломки снегохода. На менее холодный период договорились заготовить побольше дров.

Всего у нас с учетом привоза с баржи, оставалось примерно сорок тонн угля. Исходя из предыдущего опыта, нам должно было хватить наличного угля, года на полтора. Если конечно мы будем пользоваться им в самые холодные месяцы. В крайнем случае, можно было пользоваться торфяными брикетами, они давали тепла побольше, чем дрова, но все-таки гораздо меньше чем уголь.

Если прямо сказать — мне хотелось для спокойствия иметь четырёхлетний запаса угля, а продуктов лет на пять. Сейчас как мы рассчитали с Володей, нашего запаса продуктов, при норме в день — 2500 калорий на человека, должно было хватить на три года, примерно на такой же срок у нас был запас витаминов. Но я помнил самые пессимистические прогнозы из интернета. Там говорилось, — что похолодание может продлиться и десять лет. Поэтому я не хотел успокаиваться имеющимися запасами, а стремился любыми путями их повысить. В наших условиях, повысить их можно, только если имеется мобильность. Сейчас она могла быть достигнута только при помощи снегоходов, или вездеходов которые не увязнут в этом снегу.

Мы потеряли половину своей мобильности и не только мобильности, но и безопасности при передвижении. У нас уже не было страховки на случай аварии или поломки снегохода. Поэтому меня так и расстроила произошедшая неисправимая поломка.

Теперь у меня в голове засела навязчивая мысль, где взять ещё один снегоход или вездеход. В этот день я за игрой в карты, всё время приставал к Володе и Николаю, говоря:

— Мужики! Вы же отличные инженеры и механики. Что же не можете придумать, как нам сделать вездеход, чтобы он не проваливался в снег и мог перевозить грузы. У нас же полно различных автомобилей, я бы даже сказал — хоть жопой жуй. Может можно, что-либо придумать? Типа широких гусениц надеваемых вместо колёс. Кроме этого на обочине лежит подбитый БМД.

Гусеницы у него не повреждены. Может быть, их можно будет, как то расширить и приспособить на какой-нибудь автомобиль.

Николай посмотрел на меня, каким-то отстраненным взглядом и сказал:

— Анатолий! Не строй из себя самого умного. Я об этом уже думал и мысли кое, какие есть. Этим вопросом, когда всё успокоится, надо заняться плотнее.

Володя, в это время залетевший на мизере, бросил карты на стол, чертыхнулся и сказал:

— Тьфу! Опять Толь ты меня сбил. Специально что ли находишь время, когда нужно нарушить мыслительный процесс и озадачить? Давай лучше, когда заготовим дрова и навозим бензин — соберёмся все, кто что-то понимает в технике, и устроим мозговой штурм, по этой проблеме. А сейчас пороть горячку незачем.

На следующий день мы начали заготовку дров — по моим расчётам нам надо было их заготовить не менее тридцати кубометров. Пока одна партия в четыре человека с двумя бензопилами и топорами, поехала на лыжах в лес валить деревья, мы с Володей и Максимом, помогли Флюру подготовиться к поездке за бензином. Установили в санях, пустую бочку, чтобы она не смогла завалиться при движении. Один он должен был справиться — бензогенератор на заправке был, всё осталось подключённым. Надо было только завести генератор, подъехать к бензоколонке и прямо в санях заправить бочку. Единственная сложность могла возникнуть, если вырытый нами съезд, засыпало снегом, но Флюр парень здоровый — откопает.

Большие сани мы оставили для перевозки чурок, чем втроём, после отъезда Флюра и занялись. Когда мы подъехали к ребятам, они уже завалили несколько деревьев и распилили их на чурки. Нам оставалось их только грузить и отвозить в сарай. Там на первом этаже был устроен дровяной склад. Мы просто скидывали чурки вниз, где женщины их, при помощи электрического древокола, Канадского производства, раскалывали на поленья и укладывали получившиеся дрова на полки. Этим мы занимались весь световой день, до четырёх часов, с несколькими перерывами на обогрев, обедать мы решили после четырёх, когда станет темно. В три часа приехал Флюр с бочкой бензина, как всегда ерничая, изрёк:

— Да! Удружили вы мне! Я-то думал, прокачусь на снегоходе, полюбуюсь природой. Глядишь, какая-нибудь умная мысль в голову прейдет. А в итоге — весь измучился. Получил контрастный удар по моему бедному организму — сначала замёрз, потом вспотел, а затем снова замёрз. Так что батя, мне сегодня полагается спецаёк. Прошу замолвить за меня слово нашему железному суперинтенданту.

А потом уже серьёзно сказал:

— Да! Пришлось немного поработать, очищая въезд, но зато завтра уже спокойно сделаю ездки три. После обеда, мы, сменяясь до восьми, докалывали и раскладывали дрова, которые не успели доделать наши женщины. За день мы заготовили около двух кубов дров. В таком темпе мы работали две недели, пока не начало холодать, температура уже не подымалась выше — 25 градусов. Флюр за это время перевёз двадцать шесть бочек бензина. Его мы переливали в большую пластиковую ёмкость, которую нашли на одном из участков нашего посёлка. Она была объёмом 12 кубометров и предназначена была для создания индивидуальной канализационной системы. Её мы вкопали в снег, перед большими воротами гаража с выводным шлангом от днища этой ёмкости прямо внутрь гаража. Бензин самотёком попадал в этот шланг, на конце которого мы поставили два крана подряд, на всякий случай, чтобы не было утечки. Теперь было удобно наполнять канистры, открыл краны и заполняй, сколько тебе надо. Заполнять бензином эту ёмкость было тоже удобно,

просто отвинчиваешь крышку, опрокидываешь бочку и ждешь, пока не вытекает весь бензин. Бочки мы подымали и опрокидывали, при помощи тали которую для этого сняли с нашей системы по подъёму флаг с отходами. Таким образом, мы залили в эту ёмкость шесть с половиной тысяч литров бензина.

Я был очень рад этому, потому что даже в том случае если случится авария ветряка, мы довольно продолжительное время, сможем получать электричество от бензогенераторов.

Наконец к двадцатому августа, мы закончили всю эту тяжёлую работу. Все были вымотаны и мы опять решили устроить выходные, но уже не один, а три дня было решено отдыхать — выполнять только текущие хозяйственные работы.

На второй день отдыха, мы вшестером: Я, Володя, Коля, Саша, Флюр и Валера, собрались в столовой и под большой самовар чая, устроили мозговой штурм, по выработки проекта вездехода, который смог бы ездить по этому снегу. Мы два дня подряд обсуждали эту проблему.

Конструктивное решение этой задачи было у Николая, а весь вопрос у нас упирался из чего делать гусеницы — если использовать от БМД то они были узкие и достаточно тяжёлые, их нужно было, как то сделать шире. Одним словом весь наш мозговой штурм, заходил в тупик. Пока на третий день этих выходных, Флюр не задал всем вопрос:

— Ну что, мозгоизвращенцы? У меня впечатление, что ваши мозги уже эволюционировали в кость. Давайте я вам буду задавать наводящие вопросы. Заодно проверим вашу память и наблюдательность. Вопрос первый — хорошо ли помните ту производственную базу в Серпухове?

Мы естественно ответили утвердительно, тогда он начал спрашивать дальше:

— Кто обратил внимание на ангар, где изготавливали рольставни и на запасы комплектующих для этого производства?

Все ангара осматривали кроме него, пожалуй, только Саша и я, но у меня, как то этот ангар выпал из памяти, просто по моему мнению там для нас не было ничего интересного. Саша, правда, сказал:

— Я видел и всё прекрасно помню. Особенно хорошо врезалось в память, это когда ты полез на полки и тебе на бошку свалилась куча этих железяк. Если бы не толстая шапка, сейчас мне бы пришлось тебя кормить из ложечки.

Потом Саша немного помолчал — затем хлопнул себя ладонью по голове и вскрикнул:

— Ба! Вот когда ты стал таким умным!

Мы громко засмеялись, Флюр громче всех, а потом он уже серьёзно продолжил:

— Там лежит большое количество, как готовых рольставень, так и заготовок, а эти заготовки из специального дюралюминиевого профиля и могут быть идеальной несущей конструкцией для гусениц. Они лёгкие и очень крепкие, к тому же уже подобранные по длине и там имеются, точно вымеренные технологические отверстия.

Все очень заинтересовались этим предложением и решили, что завтра Николай и Флюр на снегоходе с санями поедут в Серпухов. И там полностью загрузятся этими профилями и другими могущими понадобиться деталями. А мы начнём откапывать БМД и Японскую грузовую машину ИСУЗУ. По мнению Николая, она лучше всех подходила для наших целей.

Двадцать четвёртого августа в десять часов утра Флюр и Николай отправились в Серпухов, на улице ещё только начинало светлеть, температура была -20 градуса. Остальные мужчины, а так же молодые девушки, разделившись на две бригады, вышли на раскопки БМД и грузовика ИСУЗУ. Работа шла

медленно, через каждый час ходили греться. Но мы решили откопать их до наступления больших холодов. И, по крайней мере, у БМД демонтировать всю гусеничную группу. Чтобы уже в самые холода, когда нельзя будет выйти на улицу, и в принципе делать было нечего, заняться в сенях адаптацией её, для установки на грузовик. Поэтому после обеда, мы кинули все силы на откопку БМД и работали уже непрерывно, меняясь бригадами, через каждые сорок пять минут. Для работы после наступления темноты, принесли бензогенератор и установили прожектора.

Флюр и Коля приехали, когда было уже темно, сани у них были полностью загружены разными железками и резиновыми накладками на отвалы снегоуборочной техники. Николай рассказал: — Надо же какие мы всё-таки зашоренные на продуктах и топливе. Сейчас приехали с другой задачей, и нашли много чего интересного на этом предприятии. На многие нужные вещи мы раньше даже и не обращали внимания. Туда придется ездить ещё не один раз — для подбора материалов и изготовления на имеющихся там станках, нужных нам деталей. Поэтому опять придётся делать временную базу в кунге, где осталась дизельная печь. Сегодня мы уже этот кунг обжили — топили печку целый день привезённым дизтопливом. А вообще зря мы оттуда всё вывезли, теперь придётся везти всё обратно. Ещё там необходим Валера, чтобы подключить обрабатывающие станки к бензогенератору — все эти станки рассчитаны на 380 вольт.

К тому времени, когда ребята заканчивали рассказ о поездке в Серпухов, подошла очередь нашей бригады, идти на работу по раскопке БМД. Как сказал подошедший Саша:

— Мы лопатами уже начали прощупывать гусеницы.

Я решил, что после смены нашей бригады все работы на сегодня мы заканчиваем, а разбираться с демонтажем гусениц будем завтра. Бригада Саши пошла в дом, отогреться, мыться и отдохнуть, а наша бригада пошла, заканчивать очищать гусеницы БМД от снега. Примерно через час мы все закончили и тоже вернулись домой в тепло.

Во время ужина и после него мы продолжали обсуждать наши дальнейшие действия по созданию снежного вездехода. Сейчас всё упиралось в способ крепления и монтаж гусениц от БМД на грузовик. Кроме ведущей звёздочки, направляющего ленивца и опорных катков БМД, Коле нужно было изучить и раму грузовика. Для этого нам нужно было всё-таки его полностью откапывать. И кроме этого, до наступления больших холодов, нужно было завершить все дела в Серпухове и вывезти все комплектующие для изготовления вездехода.

Поэтому мы решили, что завтра с утра Флюр и Валера, взяв пустую бочку, поедут на заправочную станцию, зальют там дизтопливо и прямо оттуда отвезут топливо в Серпухов. Там Валера посмотрит, что можно сделать для подачи электричества на станки. В это время Флюр должен съездить на железнодорожную станцию, в магазин, торговавший спортивными товарами и взять несколько досок для сноуборда. Из них мы собирались сделать направляющие полозья для вездехода. Потом они загрузятся в ангаре дюралевыми профилями и поедут домой.

Остальные в это время займутся, демонтажем гусениц БМД и откопкой грузовика ИСУЗУ, после чего с него надо будет снять кузов, и промерить точно все размеры рамы и передающих движение устройств.

Для того чтобы было не холодно заниматься демонтажем гусениц БМД, решили вырытый котлован перекрыть временным навесом а внутри установить дизельную печь, потом этот навес установить над откопанным грузовиком.

На следующее утро встали рано, работы предстояло много и к тому же приближались экстремально низкие температуры. В девять часов утра, когда было ещё темно, мы все занялись запланированными работами. Моя бригада начала устанавливать навес над откопанным БМД, делали его по принципу наших подснежных переходов, перекрытием служил поперечный брус, сверху на который укладывали листы металлочерепицы.

К обеду мы полностью закрыли выкопанный котлован, установили дизельную печку прямо на днище БМД и даже выезд из котлована занавесили куском брезента. Бригада Саши без видимого результата продолжала откапывать грузовик.

После обеда Николай, Володя и Я, включив печку и вдобавок электрический калорифер, начали демонтаж гусениц БМД, остальные члены моей бригады, были брошены на ускорение работ по откопке грузовика. Мы работали в довольно комфортных условиях, в нашем подснежном цеху установилась температура не ниже — 5 градусов, а вблизи печки была вообще плюсовая температура, на улице в это время было 22 градуса холода.

При помощи кувалды, и как говорится какой то матери, мы довольно быстро сняли оба трака и разделили их на несколько частей, чтобы было удобно транспортировать. Нами было ещё не до конца решено, изготавливать ли самим полностью гусеничный движитель, или использовать трак от БМД. Просто для ухищрения закрепив на него профили от рольставень. Правда для этого их нужно было, как то облегчить и насверлить много отверстий в звеньях трака для их крепежа.

Например, я выступал за то чтобы сделать оба варианта, а в процессе эксплуатации уже определиться какой вариант лучше. Время зимой было много, делать было особо нечего и почему бы не изготовить оба варианта трака. Тем более что всю остальную систему: звёздочки, направляющие, катки, собирались использовать с БМД — только в Серпухове изготовить переходники, для снятия крутящего момента с оси ИСУЗУ. К восьми часам вечера, мы с помощью вернувшихся из Серпухова ребят, полностью демонтировали всю гусеничную группу и поехали на лыжах домой.

Вторая бригада, уже была дома и отогревалась после работы на морозе, они дошли до кабины грузовика и обещали завтра к обеду полностью его откопать. Флор с Валерой с успехом вернулись из города, привезли всё намеченное. Валера наладил электроснабжение станков, ему не пришлось изготавливать никакого устройства. Он нашёл в одном из ангаров уже готовую систему и всё полностью подготовил для начала работ на станках.

На следующее утро, все встали опять рано и к девяти часам утра уже были готовы начинать работу. Мы решили, что Флор и Володя, захватив необходимые для организации временной базы запасы, а также несколько снятых частей трака от БМД, отправятся в Серпухов. Там Володя на станке начнёт стачивать звенья трака, таким образом, уменьшая их толщину и вес. Флор же опять загрузившись профилями от рольставень, приедет домой. А завтра на подмогу Володе — привезёт меня или Николая. Это зависело от того сможет ли Коля сегодня промерить все нужные параметры у грузовика и нарисовать нужные детали, которые хотел изготовить в Серпухове. Они уехали, а мы опять разделившись на две бригады, посменно чтобы не замерзнуть, продолжили откапывать грузовик.

Первоначально мы хотели гусеницы сделать на «Лэнд ровере», но там, во-первых, мешал корпус для свободного их движения, а во-вторых мы так и не придумали, как будем осуществлять повороты. А вносить изменения в трансмиссию, и поднимать мосты, было очень сложно и мы с этим бы не

справились. Поэтому и остановились с вариантом использовать грузовую ИСУЗУ. У неё была длинная база более четырёх метров. Было удобно установить почти, что трёхметровые гусеницы и поставить валы направляющего ленивца и опорных катков, просверлив опорную раму. К тому же ведущие задние колёса находились, гораздо ниже кузова и ничто не мешало гусенице свободно двигаться. Коля хотел, вместо задних колёс поставить ведущую звёздочку от БМД. Вместо передних колёс, для поворотов планировалось закрепить там доски для сноуборда, они были достаточно широкие, лёгкие и очень крепкие — изготовлены из композиционных материалов. И кроме того ИСУЗУ была совсем ещё новая Японская машина, на спидометре у неё был пробег меньше десяти тысяч километров.

До обеда мы завершили откопку грузовика от снега и после обеда начали возводить навес над автомобилем, уже сделанную крышу над БМД разбирать не стали. Вдруг еще надо будет, что-либо снимать с разбитого броневика. А так как строительные материалы ещё были — делали этот подснежный гараж из них. Высота этого своеобразного гаража получилась больше пяти метров, ширина тоже около пяти метров. Вырытый въезд мы тоже занавесили кусками брезента, и установили внутри этого гаража дизельную печку. Николай, после того как мы откопали грузовик, измерил все нужные ему параметры рамы, потом заставил нас поднять ИСУЗИ на домкратах и снять с неё все колёса, а сам ушёл в дом доделывать свой проект вездехода. Правда после этого он несколько раз появлялся возле машины, уточняя вымеренные данные и уже часов в шесть, заставил нас снять и барабаны с задних колёс и тоже там что-то измерял. В начале девятого вечера мы закончили все работы и отправились домой.

После принятия душа, во время позднего ужина Николай сказал:

— Толя извини! Но я так и не закончил проектировать переходник, который нужно будет изготовить в Серпухове. Поэтому завтра я туда поехать пока ещё не готов. Придётся ехать тебе.

Я его успокоил и сказал:

— Да ладно, пустое это! Ты главное не спеши, в таком деле нам ошибаться нельзя. И ничего страшного, если будешь рассчитывать эту деталь несколько дней. Все равно, подтачивать звенья траков до нужной нам толщины процесс не быстрый. А в Серпухов на помощь Володе я по любому бы поехал. Так что — не парься.

После этого разговора я и Флор направились спать, чтобы завтра выехать пораньше.

Подъём был, как и обычно, в последнее время в восемь часов, мы с Флюром были первые, которые поднялись — у всех остальных время подъема было в девять часов. Дежурная Таня заранее приготовила нам завтрак и подготовила готовые блюда на два дня, для питания в Серпухове.

Позавтракав, мы поехали, загрузили в сани примерно половину оставшихся звеньев от траков БМД и направились в Серпухов, куда приехали, когда на улице стало светло.

Когда мы приехали, Володя уже вовсю работал, в мастерских этого предприятия. Производственный цех был пристроен с торца административного здания. Володя, закрепив в зажиме станка одно звено от трака, обтачивал его на абразивном круге. Просто контролируя глубину обточки. Его ноги обдувала тепловая пушка, установленная неподалёку. Нам он очень обрадовался, сказал:

— Слава Богу, что вы приехали! Одному здесь очень тоскливо и даже страшно, если вспомнить, сколько трупов лежит неподалёку. Ночью я еле уснул, даже пришлось принять двести грамм водки.

Я его успокоил сказав:

— Вован! Я тебя не узнаю! Ты же в жизни пофигист и никогда ничего не боялся. Ну ладно не волнуйся, скоро сюда приедет Николая с чертежами. Тогда тосковать и пить водку нам уже будет некогда. Ты будешь так устать — что дойдя до кровати, будешь тут же отрубаться. Потому что генерал-мороз не ждёт и нам нужно в ближайшие десять дней заканчивать все дела на улице. Температура скоро будет ниже -40 градусов, а при ней не то, что работать, просто появиться на улице будет холодно.

Переговорив, таким образом, мы с Флюром перенесли из саней привезённые звенья от гусениц и начали тоже их обтачивать. В станочном парке этого цеха, было ещё два таких станка. Мощности бензогенератора хватило на то, чтобы включить ещё одну тепловую пушку. Так мы работали втроём до трёх часов дня, потом пошли пообедать. После чего, мы помогли загрузить сани, и Флюр поехал домой. А мы пошли продолжать трудиться. Так мы проработали до девяти часов вечера, потом замерзшие и измученные, доплелись до кунга, попили горячий чай с бутербродами, заправили печку дизтопливом и уже в полубессознательном состоянии, как я и говорил, отрубились на своих койках. На следующее утро мы, не смотря на вчерашнюю усталость, были бодрые и отдохнувшие. Переделав всю хозяйственную работу, которую не сделали вчера, и плотно позавтракав в девять часов утра, мы пошли опять на работы в мастерские, где и работали, до самого приезда Флюра и Николая. После их приезда помогли перенести привезённые детали от гусениц в мастерские и потом вместе пошли обедать.

После обеда Николай, разложив на столе чертежи и компьютерные распечатки, разъяснил нам всю идею установки гусениц на грузовик. А также задачу каждого из нас по изготовлению деталей гусеничного движителя. Мы с Флюром должны были продолжать точить звенья трака. Володя и Николай, как более опытные станочники, будут делать наиболее сложные детали будущих гусениц. После этого мини совещания, началась изматывающая потогонная работа, наперегонки с наступающими холодами. В течение шести дней мы, не разгибаясь, до девяти вечера изготавливали нужные детали. За это время Флюр три раза отвозил уже готовые комплектующие и привозил остатки разобранных гусениц, а также продукты и топливо.

Наконец десятого сентября мы всё закончили и начали эвакуацию. Температура уже твёрдо опустилась ниже двадцати пяти градусов мороза. Поэтому решили в санях ни кого не возить, тем более нужно было вывезти ещё довольно много изготовленных деталей гусениц. Первым, Флюр вывез Николая, на следующий день с утра Володю, а после обеда меня и остатки изготовленных деталей. Топливо и всё жизнеобеспечивающее оборудование мы оставили на месте, вдруг оно нам здесь ещё пригодится.

Приехав домой, мы два дня отдыхали. Отмывались в горячем душе, отсыпались и интеллектуально развлекались — играя в преферанс. Больше ничего не делали, от хозяйственных работ нас освободили.

Потом, хотя температура постоянно понижалась, продолжали заниматься установкой на грузовик изготовленных деталей. В нашем импровизированном гараже при включенной печке и работающей тепловой пушке, температура редко опускалась ниже —8 градусов. Этим мы занимались до 20 октября и всё-таки смонтировали всё необходимое оборудование для превращения нашего грузовика в гусеничный снегоход. Оставалось изготовить сами траки гусениц и одеть их на ИСУЗИ. Мы установили и лыжи на передние колёса, изготовив их из досок для сноуборда.

После двадцатого октября температура опустилась уже ниже минус тридцати пяти градусов, и мы прекратили все работы на улице. Работы по изготовлению траков для гусениц мы начали проводить в доме в сенях. Первоначально собрали модифицированные траки от БМД и перенесли их в гараж. Потом начали изготавливать, полностью разработанные Николаем и Володей траки исключительно из дюралевых профилей, резиновых накладок на отвалы снегоуборочной техники и деталей, изготовленных нами в Серпухове.

В сенях у нас образовался целый производственный цех, и практически там проводило время всё наше мужское население. Гибкое крепление дюралевых профилей требовало много кропотливой работы, через один профиль, мы прокладывали резиновую полосу, чтобы она выступала сантиметра на три за внешнюю поверхность трака, получался хороший грунтозацеп. Их мы жёстко, болтами стягивали между двух профилей, получалось как бы единое звено. Металлическими кольцами, нарезанными из толстых пружин, скрепляли соседние звенья, чтобы они могли свободно двигаться. Потом Коля их, аккуратно сваривая, превращал в кольца. И все это, для придания большей крепости и эластичности, стягивало вместе четыре металлических тросика, пропущенных в имеющиеся на каждом профиле отверстия.

По мнению наших экспертов, такая конструкция должна была удерживать ИСУЗИ с грузом в три тонны, даже на рыхлом снегу, не давая ему закопаться в снег. Что касается гусениц изготовленных на основе траков от БМД — то там грузоподъемность нашего грузовика снижалась на пятьсот килограмм. Все эти расчеты на компьютере делал Володя при участии Гали и Кати.

Этим проектом и еще текущими хозяйственными делами мы занимались до самого Нового года. Кроме этого у нас начались неприятности. Практически все начали болеть, то простуда, то обострения старых болезней. У многих портилась кожа, появлялись фурункулы. Игорь сделал вывод: что, скорее всего это всё от нехватки Солнечного света и от однообразного питания. Как-то вечером он сказал:

— Заявляю официально как врач. Нужно когда потеплеет, обязательно съездить в Пушкинскую больницу и привезти оттуда, ультрафиолетовые и инфракрасные облучающие лампы. И обязать каждого по двадцать минут в день проходить облучение ими.

Для улучшения питания, мы решили на Новый год, забить одного поросёнка, тем более он уже превратился в сто пятидесяти килограммового хряка. К тому же заготовленный для свиней корм уже кончался.

После отказа канализации в конце ноября, мы перешли полностью на зимний режим существования, с ежедневным выносом отходов и ограничениями в принятии душа.

Перед Новым годом температура на улице установилась в -81 градус. На праздник мы приготовили искусственную елку, её захватила Таня в Серпухове в подчищенном нами универмаге. Там же она набрала и ёлочных игрушек.

Со свежей свининой, у нас на Новый год, опять был накрыт великолепный стол, и мы опять праздновали всю ночь. Устроив целый карнавал из песен и плясок. А также в перерывах между нашим творчеством устраивая просмотры видеоклипов и юмористических видеодисков.

Глава 7

После празднования Нового года, в нашей жизни опять наступили, серые, монотонные, зимние будни — борьбы с холодом, После 15 января и до 17 февраля, температура на улице, установилась

ниже ста градусов мороза. Под снегом, в наших туннелях, она иногда опускалась до -77 градусов. Нам опять пришлось ужимать своё жизненное пространство. Освободив и заблокировав третий этаж, а так же комнату ребят на первом. Температуру в Сенях, удавалось поддерживать не выше десяти градусов. Не смотря на это, мы там до марта, ежедневно ковырялись, с изготовлением самодельных траков для гусениц нашего вездехода. Их мы закончили только в середине апреля.

Ещё чем запомнилась эта зима и весна это тем, что у большинства из нас продолжались возникать различные болезни. В некоторые дни наш дом напоминал инфекционное отделение больницы, где полностью царствовал, наш доктор Игорь, который, правда, тоже иногда болел. Тогда белый халат одевала его жена Надя и устраивала ежедневный обход всех больных, давая им лекарства и делая уколы. Не обошлось и без трагедии в нашей коммуне. От болезней, обессилила и умерла наша самая юная и слабенькая девочка Даша — дочь Николая и Ирины. После этого Игорь, очень беспокоился за состояние Иры. Её организм, после этого трагического события, практически перестал бороться с болезнями. Но слава Богу, благодаря нашей заботе, особенно её сына Максима и мужа Николая, а также применению лекарства, вывезенного из лаборатории Гали, удалось вывести её из этого состояния. Не болели простудными заболеваниями, только Саша, Флюр и Вика с маленьким Ванечкой, но ребята всё равно иногда страдали фурункулёзом.

По решению Игоря начали ежедневно, каждому выдавать по двести граммов красного сухого вина, как на подводной лодке. Положение со здоровьем несколько улучшилось, но к маю у нас всё вино кончилось. После этого мы в дополнение к принимаемым ежедневно нашим витаминам, «Компливиту» и «Ундевиту», начали принимать импортные мультивитамины. Запасов, которых, по словам Игоря, нам должно хватить на десять месяцев.

Игорь высказал предположение, — что эта череда болезней связана и с тем, что мы стали редко питаться овощами. Запасы: картошки, моркови, и капусты, подходили к концу, лука оставалось тоже мало, все эти овощи мы стали очень сильно экономить, потому что других просто не осталось. Конечно, у нас был неприкосновенный запас разных овощей, но совсем небольшой, если его пустить в ход хватит максимум на месяц.

Поэтому я просто ухватился за предложение, которое высказала Маша:

— Ребята! Нужно подумать, как в подвале сделать, нечто типа огорода, с искусственным освещением.

Когда мы все собрались на большой праздничный обед 8 марта, в честь наших женщин, после окончания всех тостов и выпивки, я и начал этот разговор сказав:

— Дорогие мои! Нам обязательно нужно начинать выращивать свежие овощи, а то мы все загнемся, как Даша, от этих болезней. Но для этого нам придётся пойти на некоторое уплотнение. И эти переезды уже надолго, а не только на самое холодное время. Потому что выращивать овощи в достаточном количестве, мы сможем только в подвале, а там у нас продуктовый склад и ещё много продуктов. И больше нет другого места, куда их можно складировать, кроме как спальни ребят, на первом этаже, возле сеней. Придется нам наблюдательную комнату убирать, а кинозал устраивать здесь в столовой. Тем более наблюдать, судя по всему уже не за кем. Наблюдательную комнату, нужно будет разделить на две половины перегородкой, в одной будут жить холостые ребята, в другой девушки. Всю подготовку начнём завтра, сначала делаем перегородку, потом полки под продукты в комнате ребят, а затем переносим продукты из подвала и готовим там ёмкости, для

засыпки земли под грядки.

Валера спросил:

— Батя! А где же будем брать материал, у нас доски почти закончились?

Я обратился к Володе, спрашивая его:

— Слушай Володь! Не жалко тебе отдать свой бывший дом, под разборку.

Он засмеялся, махнул рукой и сказал:

— Да ради Бога! я сам приму участие в этом.

— Вот тебе и материалы, — ответил я Валере, — одной половой доски там можно снять, кубов пятнадцать.

Тут задала вопрос Ирина:

— А где мы будем брать землю?

Я ответил:

— А это мы будем думать и вспоминать кто, что знает. Например, у меня на участке, совсем рядом с сараем, лежит восемь кубометров чернозёма. Его привезли буквально за месяц до катастрофы и Маша из этой кучи, использовала максимум один кубометр. К Володе, дней за десять до падения астероида, я видел, привезли целый КАМАЗ навоза. И есть легкодоступный запас песка у подвала, куда мы возим отходы. Мы наткнулись на большую кучу песка, когда рыли туда тоннель. Таким образом, нам надо, когда немного потеплеет, и можно будет работать на улице. Вырыть ход прямо от боковой стены сарая, закрыть его крышей и это будет продолжением наших туннелей. Рыть там совсем недалеко метра два-три. По сравнению с тем, сколько мы уже перекидали снега, это смешная, работа. Потом нужно будет выкопать шурф к навозной куче на соседнем участке. Володя перебил меня и сказал:

— К этой куче можно легко попасть и даже не надо в снегу пробивать шурф. Навоз лежит прямо возле стенки сарая, а до его крыши толщина снежного покрова составляет максимум два метра. Этот снег можно легко откидать в течение часа. Попад в сарай, бензопилой выпилить отверстие в стене и спокойно набирать навоз.

Все с большим энтузиазмом восприняли мои слова, и посыпалось масса предложений по организации посадок, что нужно делать в первую очередь, особенно разошлись женщины. Но я прекратил этот бардак, сказав:

— Что за базар — ничего не понятно! Все вопросы и предложения к Маше. Как дипломированный агроном, она будет руководителем проекта. А технической частью и самое главное организацией освещения, будет заниматься Валера.

Мы даже на это лето, освободили их от всех дежурств и других хозяйственных работ, потому, что организация огорода в подвале, являлась последней нашей надеждой на восстановление здоровья и в конечном итоге на наше выживание.

Ирина вспомнила — что и у них на участке осталась большая куча торфа, она из неё выбрала совсем немного. Мы его тоже решили откапывать, а потом перед укладкой в подвал смешивать с песком.

Саша предложил, перекрикивая стоявший гвалт:

— Давайте когда сделаем вездеход, привезём из Серпухова один из погрузчиков. Им гораздо быстрее сможем всё выкопать.

И опять разговор перешёл на пуск нашего детища.

В итоге договорились, как только температура подымится выше минус тридцати градусов, начать в первую очередь доделывать его. Все наши планы, в конечном счете, упирались в его функционирование. Потому что, даже организация огорода в подвале, без создания нормально работающего вездехода, был невозможен.

Чтобы что-то выращивать, нужен был свет, а значит электричество. Если оставить дом без электрического отопления, требовалось много топлива для печей. А его кроме как на барже в Серпухове, взять было негде. На одном снегоходе мы физически не могли вывезти столько угля. И к тому же прошедшая зима была самая суровая из всех предыдущих, и мы истратили угля, больше чем я планировал. Теперь на следующую зиму нам катастрофически не хватало угля. Конечно, мы смогли бы её пережить, но истратили бы на это всё наше дизтопливо.

В общем, весь конец праздника, вылился в обсуждение всех наших проблем и путей их решения. Мы наметили, что в ближайшее время и на перспективу будем делать, и чем нам придётся пожертвовать. В конце-концов до всех дошло, что нам ни в коем случае нельзя расслабляться и скоро опять придётся работать до изнеможения. Но, несмотря на понимание всеми, что опять наступают тяжёлые времена и бесконечная работа — настроение у нас улучшилось. Мы всё-таки вскрыли гнойник наших проблем и наметили планы нашей дальнейшей жизни. Появилась надежда, что положение всё-таки нормализуется. Что мы начнём сами выращивать овощи, и не будем так зависеть от постоянно таящих запасов.

Для многих стало откровением, когда Маша рассказала о нашем неприкосновенном фонде семян. Это мы с ней договорились, что она отберёт самые хорошие экземпляры овощей и имеющиеся у нас семена. Раньше мы их использовали для посадок на даче, а так же семена злаковых, которые мы набрали в деревне. Она разложила их по банкам и закрыла в большой железный шкаф в подвале. Обычно у меня там хранилось оружие и боеприпасы.

После праздника, на следующий день, мы опять начали вставать утром по будильнику в девять часов и стали проводить работы в доме по запланированной схеме. На улице пока стояли морозы в районе пятидесяти градусов.

За март мы полностью очистили подвал от запасов продуктов, перенесли всё в бывшую спальню ребят. Так же закололи на мясо, ещё одного хряка и питались теперь свежей свининой. Кроме этого, для выхода из преследующих нас болезней, увеличили ежедневные тренировки на спортивных тренажерах. Еще поставили в подвал, дополнительно три большие лампы на 500 ватт, предназначенные для уличного освещения — их у нас была целая коробка. Кроме этого поставили две лампы в вольер к птице. Наши куры, тоже болели и были вялые, от недостатка освещённости. Валера занялся в подвале — разводкой проводов для подключения таких ламп. Он подсчитал, что над каждым квадратным метром огорода, нужно не менее одной такой лампы. Ещё нужны были лампы, дающие ультрафиолетовый и инфракрасный свет. По его расчетам всего нужно было только на освещение не менее тридцати киловатт мощности. Мы с ним пришли к выводу — что нужно будет везти из Серпухова, дизельную электростанцию. Там была такая на пятьдесят четыре киловатта, весила она около двух тонн. Мы надеялись, что наш новый вездеход сможет её донести. С вводом его в действие, можно было бы дополнительно привезти дизтопливо. Тогда было вполне реально получать по два-три урожая овощей в год, с нашего планируемого огорода.

В апреле, когда температура начала подыматься выше минус тридцати градусов, мы занялись

установкой гусениц на грузовик ИСУЗУ. Решили устанавливать, произведённые нами траки. Провозились с этой работой больше недели.

После того, как их установили и завели машину, буквально все, кроме Вики оставшейся дома с маленькими детьми, вышли к месту её стоянки. И буквально, чуть ли не начали прыгать, когда Николай на ней, медленно выехал из подснежного гаража. После чего сделал большой круг, объезжая весь посёлок.

Я на лыжах, поехал посмотреть на сколько, получившийся вездеход, продавливает снег. Оказалось меньше чем я на лыжах. Когда Коля подъехал к ожидавшей его толпе, его улыбка говорила лучше любых слов. Вездеход хоть и смотрелся смешно, из-за выступающих траков гусениц, но, по словам Коли:

— Класс! Я даже и не ожидал. Машина ведёт себя на снегу, лучше всяких похвал. Единственный минус, который я заметил, — это очень большой радиус поворота. Но по сравнению с тем, сколько можно привезти груза на нём, это терпимо — везде раскинулась, прямая заснеженная равнина. Это событие было решено, хорошо отметить, женщины приготовили последнюю оставшуюся свинину, Володя расщедрился на несколько банок рыбных консервов, включая красную икру и четыре бутылки водки на всех. К сожалению, все вина у нас закончились. Осталось только несколько бутылок шампанского, но это только на Новый год. Мы славно посидели в этот вечер, как в старые добрые времена, попели разные песни и даже потанцевали.

Тогда же договорились, что завтра опять устроим день отдыха. Целый день будем играть в карты, смотреть телевизор, читать книги и никакой работы делать не будем — кроме дежурного конечно. А с послезавтрашнего дня, опять начинаем проводить экспедиции в Серпухов. Сначала попробуем привезти погрузчик и попробуем им рыть снег. Следующим рейсом, нужно будет привезти, дизельную электростанцию, а уже потом, можно будет начать возить уголь.

Весь следующий день, мы действительно играли в карты. Правда, из столовой нас отправили в комнату Николая, чтобы мы не мешали остальным, устраивать просмотры фильмов. Даже Вика, оставив Ваню спать, уходила в столовую поболтать и посмотреть кино. Он был на редкость спокойным, не скандальным ребёнком, с хорошим аппетитом, Вика говорила, — что он очень «прожорлив». За всё время после рождения, он в отличие от нас не болел и был очень подвижен. Правда Вику мы кормили самыми лучшими продуктами и кроме того Маша ежедневно ей давала, выращиваемую в горшках различную зелень и лук.

Играя в карты, мы обсуждали, кто завтра поедет в Серпухов — договорились, что поедут трое Саша, Николай и я. Снегоход решили оставить дома, двигаться на нём в тридцати градусный мороз было очень холодно. В кабине вездехода можно было ехать «по-королевски» при включенной печке. В Серпухов мы собрались отвезти, все для организации вновь на барже и в кунге временных баз. Хорошо, что сейчас мы были, не так ограничены в весе и в объёме перевозимого груза.

После обеда, загрузили в кузов ИСУЗУ всё необходимое, чтобы завтра не тратить время и закрыли всё это сверху брезентом. Раньше на грузовике был тент, но весом снега его порвало, а дуги погнуло и исковеркало, пришлось их снять. Кстати я не сказал, у ИСУЗУ была ещё одно приятное и полезное приспособление. Задний борт мог опускаться до земли и подымать в кузов груз до трёхсот килограмм, там стояли довольно мощные гидравлические цилиндры. Николай проверил, морозом, под снегом, гидравлику не испортило, лопнувшие трубки он заменил — вся система исправно

действовала.

Утром в девять часов, мы уже были готовы выезжать. За руль сел я, чтобы привыкнуть к вождению вездехода, начать чувствовать его габариты. Конечно, немного я на нём поездил при испытаниях, сделал кружёк вокруг посёлка. Впрочем, как и остальные наши мужчины, и молодые девушки. Но за это время, я не вжился в машину, не почувствовал её норов.

Габариты у вездехода получились специфические, за счёт выступающих на тридцать сантиметров от борта траков гусениц. И поворачивать на нём нужно было медленно, и плавно крутя руль. Скорость вездехода значительно уменьшилась, даже на пятой передаче мы двигались не более 30 километров в час. Скорость нам приходилось определять на глаз. Спидометр после нашей переделки грузовика, естественно работал неправильно.

До ангаров в Серпухове доехали за время чуть более часа, на улице было ещё темно, Пока мы расчищали снег у ворот ангара, начало светать. Открыв ворота, задним ходом, я прямо на нашем вездеходе, въехал в ангар. Уже там мы перенесли все привезённые вещи в кунг, где ещё оставалась не демонтированная печка. Другую привезённую печь мы тоже оставили в ангаре, чтобы потом уже отвезти на баржу. Сегодня даже не стали растапливать печь в кунге, решили греться в кабине вездехода и не глушить его.

Погрузчик мы решили загрузить в кузов, автомобильным краном на базе автомобиля ЗИЛ, он стоял в этом же ангаре. Высота потолка, позволяла это. Кран мы заводили час сорок, несмотря на свежий аккумулятор, который мы привезли с собой и применение пускача. Пришлось в ЗИЛе, менять все жидкости и несколько раз ставить новые свечи, наконец, заведя и немного прогреть его, мы загрузили погрузчик минут за десять. Потом ещё раз, осмотрев дизельную электростанцию, измерив, все её габариты, мы выехали из ангара.

Даже на таком, всё-таки крутом подъёме, наш вездеход прекрасно показал себя, мы ровно без всяких пробуксовок, на второй передаче выползли из ангара на снежную поверхность. Закрыв ворота, поехали домой, на обратной дороге за руль сел Саша. А я, блаженно откинувшись на спинку кресла, греясь в струе тёплого воздуха, наблюдал в окно за проплывающим пейзажем.

К трём часам дня мы приехали в посёлок и сразу стали устанавливать, сколоченный Сергеем и Флюром съезд из кузова.

Разгружали этот погрузчик, мы около дома Николая, чтобы он сразу докапывался и до запасов торфа и до стоявшего неподалёку бензовоза с дизтопливом.

Когда погрузчик съехал, то сразу провалился в снег на полметра. Но потом Николай, а это он управлял им, начал загружать снегом, стоящие позади него сани. А мы с Сашей отвозили их снегоходом метров за сто и там разгружали. Пока мы ездили в Серпухов, ребята установили в санях самосвальную кузов, из листового оцинкованного железа и стальных уголков. Этот кузов опрокидывался при помощи лебёдки и проявлял себя сейчас как весьма эффективное средство для перемещения снега. Теперь сани работали как самосвал, с выгрузкой набок и в этот самодельный кузов вмещалось куба два снега. Таким образом, вырывая перед собой котлован, погрузчик медленно сползал к земле и уже скоро прокопал целую траншею с наклоном к земле. Этот погрузчик мы выбрали из-за того, что он мог перемещать груз через кабину, назад.

После часа работы мы перевезли, где то кубов десять снега и пошли греться и обедать. Нам уже было ясно, что за сегодня мы сможем докопаться до торфа. После обеда, мы работали до десяти часов

вечера и все-таки добрались до этой кучи торфа. Не смотря на то, что он был смёрзшийся как камень, мы погрузчиком смогли немного загрузить его в сани. Все эти работы мы выполняли при свете прожекторов.

За ужином, после долгого обсуждения, решили пока не везти дизельную электростанцию, нужно было сначала подготовить для неё место. Решили из материалов, которые получили от демонтажа Володиного дома, сделать утеплённый домик для электростанции и запаса топлива. Для чего в снегу до самой земли, вырыть большой котлован, потом в нём установить деревянную подушку для изоляции от земли и сделать утеплённую избушку. Где вместо чердака установить большой бак с запасом дизтоплива. Такой бак мы нашли в Серпухове в одном из ангаров, он был в виде цилиндра диаметром три метра и высотой два с половиной. Ёмкость у него была двадцать тысяч литров, его мы собирались использовать как бак с топливом самой электростанции. Володя подсчитал, что этот бак полный топлива, даст возможность дизельной электростанции работать без перерыва, сто пятьдесят дней, выдавая 60 % мощности.

Кроме утепления этого домика, мы решили установить там несколько электрических обогревателей, запитанных от самой станции, чтобы дизтопливо не замёрзало при стоградусных морозах.

Когда мы с Валерой озвучили этот проект, все были немного в шоке, но я их успокоил сказав: — Самое главное в нашем деле, это застегнуть ширинку чтобы не ссать. Ничего сверхсложного и супер трудного в этой задумке нет. Всё нам под силу. Самое трудоёмкое и тяжёлое здесь — это рытьё котлована. Погрузчик и сани, сегодня себя показали очень хорошо. По-видимому, котлован мы выроем без особых проблем. Материала тоже достаточно. Так, что завтра откапываем бензовоз, и принимаемся рыть котлован под электростанцию. Пока не выроем котлован, все поездки куда-либо отменяются.

К рытью котлована под электростанцию, мы приступили двадцать восьмого апреля. При этом стали рыть на месте где лежал чернозём, решили заодно и выбрать чернозём. Тем более там было удобно поместить электростанцию. Не надо было рыть дополнительный туннель для доступа в помещение станции. Достаточно было выпилить место для прохода в стене сарая. Рыли котлован так же, отвозя снег в поле, этим занимались Флор, Саша и Коля. Остальные разбирали дом Володи — демонтаж шёл довольно быстро, ломать, как говорится не строить.

Котлован под электростанцию и переноску чернозёма, мы в основном закончили к пятому мая. На следующий день мы опять втроем поехали в Серпухов, за тельфером, нагревателями и некоторыми материалами. Оставшиеся должны были закончить сбор чернозёма и установить опоры для запланированной кран-балки.

В Серпухове мы провозились довольно долго, демонтируя и грузя тельфер, грузоподъемностью он был три тонны. Загрузили мы и найденные в административном корпусе восемь керамических нагревателей и большое количество светильников и ламп для наружного освещения, а также четырнадцать рулонов с утеплителем «Тепофол».

Мы приехали обратно домой только в седьмом часу вечера в полной темноте. На улице в эти дни установилась температура в районе -20 градусов. Приехав, мы плотно поужинали, заменяя этим обед. Потом с Валерой и Володей, начали дальше уточнять наш план строительства. Бак с топливом мы хотели поставить на металлический куб, внутри его поместить саму электростанцию и обогреватели и вокруг этой конструкции уже и делать утеплённые стены и потолок. Высота этого

строения будет, на метр ниже уровня снега и через люк будет удобно заполнять бак топливом. Решили завтра в Серпухов не ездить, а целый день посвятить установке тельфера, а так же сварке металлического куба из швеллеров — основы всей конструкции. Кроме его сварки, там надо было насверлить много отверстий, чтобы можно было к металлическим балкам закрепить деревянный брус, на который уже и набивать стены.

На следующий день все встали рано и в девять часов уже вышли работать, температура воздуха была — 19 градусов. Включив освещение, на улице ещё было темно, мы с Сашей и Флюром, довольно быстро повесили и подключили тельфер, потом пошли помогать остальным ребятам. Они в это время отрезали по размерам и сверлили отверстия в швеллере. Сваривать конструкцию собирались газом, всё оборудование и баллоны мы привезли из Серпухова. Хорошо варил Валера, мы все только помогали ему.

К обеду металлический куб мы сделали, оставалось наварить сверху несколько швеллеров, для надёжности, чтобы заполненная дизтопливом емкость не рухнула вниз. После обеда установили эту конструкцию на деревянную подушку. Мы также сделали настил над котлованом, чтобы, когда завтра привезём электростанцию, её можно было поставить прямо под тельфер и дальше уже установить на постоянное место, внутри железной конструкции. Закончили мы это к семи часам вечера, после чего пошли принимать душ ужинать и отдыхать. В мае мы опять отогрели нашу канализацию, и все коммуникации в доме опять работали.

Утром наша троица встала первая, дежурная Наташа сделала нам горячий завтрак и мы в девять часов утра, выехали в Серпухов. Сегодня хотели сделать две ездки, привезти электростанцию и бак под запас дизтоплива для неё. И пока остальные будут всю эту систему устанавливать и налаживать. Завтра приехать опять в Серпухов и здесь установить в кузов, небольшую цистерну емкостью три тысячи литров, чтобы начать перевозить дизтопливо с заправки. Мы собирались до начала перевозки угля, вывезти всю солянку. На заправке её оставалось примерно 18 тонн. Недостающее до полного заполнения бака дизтопливо, мы собирались долить из бензовоза, который ещё до катастрофы, пригнал Николай.

В Серпухове в ангаре, опять автокраном, быстро загрузили электростанцию в кузов вездехода. Она ещё была в заводской упаковке с привинченными внизу деревянными брусками, за них было удобно зацеплять строповые крюки крана. На все эти работы у нас ушло не более получаса. Обратномой мы приехали, когда не было ещё двенадцати часов дня и все наши, уже всю работали, начиная обшивать стены нашей бедующей электростанции.

Я долго маневрировал, чтобы въехать под импровизированный кран. Всё-таки вездеход получился не очень маневренный. Минут через тридцать въехал под самую кран-балку. Ребята зацепили электростанцию и немного приподняли. Я выехал, и они быстро растащили настил, после чего медленно опустили электростанцию ровно в центре периметра, уже наметившихся стен. После чего Валера начал приваривать сверху дополнительные швеллера. На них он должен был положить половые доски, на которые и будет ставиться емкость для дизтоплива.

Мы в это время, поехали за этой самой емкостью. С её погрузкой провозились намного дольше, чем с электростанцией, нужно было этот бак хорошо закрепить в кузове, только крепёж занял у нас часа полтора. Так что домой мы приехали только в седьмом часу вечера и устанавливать этот бак решили завтра.

За ужином ребята рассказали, что всё запланированное на сегодня, они сделали, а электростанцию даже пробно запустили. Работала она хорошо, всё-таки Японцы делают качественно — свои положенные по техпаспорту киловатты она давала. (Расход топлива был примерно 280 грамм солярки на один квтч, оптимальная мощность была 75 %. Тогда расход топлива падал до 250 грамм и общий расход дизтоплива был в районе восьми литров в час).

Утром встали мы немного позже, всё равно устанавливать бак нужно было при нормальном освещении, поэтому пришли на завтрак, только в десять часов. В одиннадцать начали установку бака, провозились с этим до двух часов. Правда, окончание работы мы не увидели. Пообедав, в час дня мы уехали в Серпухов, ставить на вездеход, цистерну для перевозки нефтепродуктов.

Мы решили, если долго провозимся с установкой цистерны, то заночуем в кунге, а с утра сразу поедем на заправку за дизтопливом. Действительно, ставили и укрепляли цистерну в кузов до десяти вечера. Предчувствуя это, мы заранее разожгли печь в кунге и поэтому спали в тепле. Правда ночью дизтопливо, которое здесь было, закончилось, и вставали мы уже при температуре в десять градусов. Быстро попив горячего чаю с бутербродами, поехали на заправку, захватив заодно и четыре пустых канистры, которые здесь были.

Выехали мы ещё затемно, температура на улице была -18 градуса. Приехав на заправку, нам пришлось поработать лопатами, расширяя въезд под навес, а затем убирать утеплённый щит, которым мы закрывали на зиму, всё это подснежное пространство. Спуск был вырыт для въезда снегохода и был узковат для нашего вездехода. Но все равно, к часу дня мы заправили цистерну и отправились домой, куда успели доехать, как раз к обеду. Узнав у Володи, что большую ёмкость и электростанцию уже соединили шлангом и обмазали герметикам. Мы, засунув шланг цистерны в горловину ёмкости и открыв слив, пошли обедать.

За обедом Володя рассказал:

— Работа, кипит! Возведение стен вокруг электростанции идёт полным ходом. Уже набили на первом этаже доски, это там где стоит сама станция и после обеда начинаем делать второй этаж, закрывая большой бак с дизтопливом. Потом будем закреплять утеплитель и начнём приколачивать второй слой досок.

Затем мы обсудили и решили, что возить дизтопливо, хватит и одного человека и будет этим заниматься Саша. Все остальные будут заниматься строительством помещений для электростанции, А также продолжать переноску чернозёма и торфа в дом. Этим мы с Флюром с утра и занялись. Вместе с нами такой же работой занимались Игорь и Максим, только они носили торф и песок. Уже отогретую землю, в подвал носили все женщины.

Я спустился в подвал, посмотреть, как там обстоят дела. Большой отсек подвала был уставлен длинными, под шестиметровую доску, ящиками шириной в один метр и глубиной в восемьдесят сантиметров. Женщины под руководством моей жены Маши, заполняли их землёй. Электропроводку Валера уже провёл и начал устанавливать сами светильники, которые мы привезли из Серпухова. Он, правда, их значительно облегчил, сняв защитные кожухи, оставил только патрон для лампы и отражающий элемент.

Оглядев это парниковое хозяйство, я пошёл дальше переносить чернозём. Судя по объёмам этих ящиков, носить его придется долго, и ещё нужно будет долбить землю, снимая плодородный слой, чтобы наполнить эти громадные короба.

В этот день Саша сделал две ездки на заправку. Бригада Володи почти полностью закрыла одним слоем досок корпус будущей электростанции, так мы её в шутку стали называть. Мы вчетвером перенесли куба два чернозёма и торфа. Всю эту работу, с небольшими перерывами мы продолжали две недели.

Первым закончил свою часть работы Саша, он с заправки выкачал всё дизтопливо, после чего присоединился к нам таскать мерзлую землю. Остальные закончили строить и утеплять электростанцию тоже раньше и присоединились к нам. К этому времени мы уже выбрали весь чернозём, навоз, торф и песок и теперь снимали плодородный слой почвы. Общими усилиями, мы всё-таки к 20 мая заполнили все сколоченные грядки землёй и уже обессиленные, решили устроить двухдневный отдых.

Первый день мы отсыпались, отмывались и отогревались, а под вечер устроили праздничный ужин. В этот день, мы забили последнего хряка, корм для него у нас кончился, и к тому же всем очень хотелось свежего мяса. Тем более это сделать, настоятельно рекомендовал наш доктор Игорь. Поэтому праздничный ужин, со свежей свининой и водочкой, получился просто шикарный.

Глава 8

На следующий день мы уже отдохнувшие, отоспавшиеся и расслабленные, сидели, играя в карты в столовой. В процессе игры, пришедший Игорь, рассказывал нам о здоровье и общем самочувствии наших людей. Он сказал:

— По сравнению с осенью, самочувствие всех без исключения улучшилось. Но всё равно, считаю необходимо съездить в мою больницу. Там я знаю, имеются ультрафиолетовые и инфракрасные светильники, а у меня в кабинете стоит, лампа Чижевского. Всё это необходимо привезти сюда и установить в подвале. Это излучение будет полезно и растениям и людям. Зимой, и это, несомненно, мы будем проводить там много времени, оттаивая душой наблюдая за ростом растений. По моим наблюдениям, все уже готовы жевать даже картофельную ботву, лишь бы получить ощущения свежо выращенной пищи.

Выслушав его, мы всё обсудили и согласились до начала вывоза угля, съездить в Пушино. Заехать в больницу, и заодно посмотреть, что творится в городе. Даже решили заглянуть в микрорайон «ФИАН». Ехать решили на всей нашей технике вчетвером: Я, Саша, Игорь и Володя, с собой на всякий случай взять оружие. Будем выезжать завтра с утра, в десять часов.

Утром, уже в половине девятого все сидели в столовой, наверное, долго без работы мы уже не могли жить. И как только позавтракали, все кроме отъезжающих и дежурившей Риты, направились в подвал. Мужчины заканчивать со светильниками и продолжать делать короба, а женщины уже начинать сажать. Даже не смотря на то, что электрика ещё не была подключена.

Мы же пошли заводить вездеход и снегоход, чтобы ехать в Пушино. С вездехода ещё неделю назад была снята цистерна и сейчас кузов, был абсолютно пуст. Мы туда забросили лыжи, лопаты, бензогенератор и дежурный набор инструментов.

В город мы въехали у знакомой бензозаправки, правда, её уже давно занесло снегом, были только снежные бугры, чуть выше, чем общий уровень поверхности. Определили, что это она, по торчащему громоотводу, да по расположению осветительных столбов, торчащих из снега. Мы даже не думали пытаться отрыть туда ход — наверняка топлива там не было. Все помнили, какие тут разгорелись страсти, по этому единственному месту в городе, где имелся запас бензина. Наверняка

всё топливо выкачали, ещё до начала больших холодов. От заправки, сразу поехали в больницу Игоря.

Это было большое, длинное, трёхэтажное здание. Подъехав к нему мы, разбив окно на третьем этаже, попали в больничный корпус. Видно было, что его покинули давно и особо не грабили, брали только кровати с бельём и тумбочки, другая мебель и оборудование были не тронуты.

Игорь сразу пошёл проверять склад медикаментов, но он был пуст. Правда, на первом этаже в аптечном киоске, было полно различного вида травяных сборов. Ещё там нашли несколько упаковок поливитаминов и морского кальция. Всё это мы сразу загрузили в сани снегохода.

Также на первом этаже, находился, коммерческий оздоровительный салон. Оттуда мы взяли и загрузили в кузов Вездехода, два вертикальных солярия. Правда провозились с ними часа три — пока перекаптовали их на третий этаж и вытащили из окна больницы. Там же захватили три массажные системы. Они были в виде складных кушеток и массажировали тело нагревающимися нефритовыми валиками, при этом ещё тело обрабатывалось ультразвуком и инфракрасным облучением. К этим системам были приставки для массажа ступней и шейного отдела. Игорь их действие очень хвалил, они были Южно Корейского производства. Загрузили мы и инфракрасные и ультрафиолетовые излучатели.

Взяли в кабинете Игоря и его лампу Чижевского, там же он из какого-то закутка, вытащил большую, литров на пять, бутылку спирта. Мы все сразу оживились, Саша пошутил:

— Да, это ветщ! За таким грузом приехать нужно было обязательно. Теперь я понимаю тебя Игорёха! Я и сам готов ездить за этим, хоть каждый день и теперь ты с этой бутылкой, мой самый большой друг. Я от тебя даже отходить не буду, пока эта ёмкость не опустеет.

Мы все от души посмеялись.

На улице стало уже сильно темно, и мы решили больше ничего не искать, а ехать домой. Тем более и кузов вездехода, и сани снегохода, были уже полностью загружены различным оборудованием. Но так как здесь оставалось ещё много интересных вещей, то завтра решили сюда обязательно вернуться.

Хорошо, что больница находилась недалеко от дома, и мы уже через полчаса въезжали в наш посёлок. Потом, правда, разгружали привезённое оборудование больше двух часов, хотя в этом приняли участие все наши мужчины. Пока привезённые вещи сложили в сених. Хотя нашим женщинам не терпелось попробовать в работе солярий и массажные кушетки. Но мы порядком устали и тем более не обедали. Так! Перекусили в больнице бутерброды с горячим чаем из термоса и все, поэтому зверски хотели, есть. Дамы вошли в наше положение и успокоились по поводу испытания привезённого оборудования. Повели нас кормить, время было уже десятый час вечера. После ужина, мы по настоятельным просьбам наших женщин, завтра решили никуда не ездить, а заняться установкой привезённого оборудования.

Валера с ребятами сегодня установил все светильники и подключил электрику. Для получения дополнительной электрической мощности, чтобы не отключать отопление и не включать электростанцию. Он задействовал, взятый нами у Николая большой бензогенератор, мощностью 8,6 киловатт, всё равно бензина у нас было много. Видя, что мы приехали, он подошёл и сказал, обращаясь в первую очередь ко мне:

— Батя! Всё конечно хорошо, но бензогенератор не выход. Уже сейчас мощности еле хватает, хотя

осветили только треть площади подвала. А если подключать привезённое вами оборудование и излучатели, то просто необходимо заводить дизель нашей электростанции.

Я, конечно, хотел начинать включать электростанцию где-нибудь в ноябре, чтобы сэкономить дизтопливо, а пока обойтись ветряком и бензогенератором. Но как говорится — мы предполагаем, а Бог располагает. Теперь чтобы хватило дизтоплива на всю зиму, придётся опять искать солярку. А значит, придётся ездить и искать топливо на других заправках на трассе. Надежда на это, у меня была довольно большая. Если мы проверили всего лишь одну ближайшую к нам заправку и нашли столько топлива — то почему же на другой должно быть иначе. Тем более все эти заправки, находились довольно далеко от крупных населённых пунктов. А когда мы ездили в Тулу я видел, насколько мало машин ездило по шоссе после катастрофы.

Утром мы встали в девять часов, температура воздуха на улице была — 16 градусов, снега не было. В последний год, снега стало выпадать совсем немного. Наверное, влаги в воздухе оставалось очень мало. Из-за этого иногда мне казалось, что океаны на Земле все замёрзли и испаряться в воде, уже было неоткуда. От этих мыслей становилось жутко. Значит, на Земле вообще не осталось тёплых мест и значит, всё живое погибло и тогда цивилизация на нашей планете обречена. Даже если выживут такие же группки людей и произойдёт потепление. Всё равно на планете не останется ничего живого. Как на земле, так и в океане, ни растений, ни животных. Но я все эти панические мысли загнал глубоко внутрь себя, чтобы никто не заподозрил, что у меня совершенно нет никакой уверенности в будущем. Преодолев себя и сделав весёлый вид, я пошёл на завтрак.

После плотного и вкусного, со свежей свининой завтрака. На радость нашим дамам, мы пошли переносить в подвал и устанавливать привезённое оборудование. Установили мы его на месте, разобранной сауны. Переносили и подключали до самого обеда. Потом я спрашивал у женщин: — Слушайте! А зачем вам нужно загорать в этих соляриях? Ведь в большом отделении подвала, где огород, образовались настоящие джунгли. Температура воздуха там сейчас плюс двадцать восемь градусов. Освещённость очень сильная и в дополнение к лампам освещения, работают ультрафиолетовые и инфракрасные излучатели. Так что там вполне можно комфортно загорать, нужно только прикрыть глаза солнцезащитными очками.

Ирина за всех ответила:

— Эх, мужланы! Ничего-то вы в женщинах не понимаете. Это мы тоже будем делать. Только лежать будем на массажных кушетках, а мужчины будут подносить нам горячий чай.

После этих слов все женщины, дружно засмеялись.

После обеда все, кроме нас четверых, ушли в подвал загорать и проводить сеансы массажа, а также смотреть фильмы и видеоклипы. Валера по просьбе дам установил там домашний кинотеатр. Вика унесла туда, даже маленького Ваню, где во время фильмов и женских бесед, он ползал по сооружённому деревянному манежу. Мы же, как обычно сели играть в карты и просидели так до самого вечера с небольшим перерывом на ужин. То есть в принципе получился день отдыха.

С утра перед заездом в больницу, мы сначала хотели осмотреть центр Пущино, а также побывать в микрорайоне ФИАМ. Вдруг там кто-нибудь остался и выжил. Всё-таки там находились, котельная и продуктовые склады. Правда, я сомневался, что там смогли бы отопить хотя бы один дом при температуре — 100 градусов. Не выдержали бы ни трубы, ни оборудование котельной и теплоизоляция домов не была рассчитана на такие морозы. Максимум она могла бы выдержать

краткосрочно -50 градусов.

Но посмотреть, конечно, стоило, что сейчас творится в этом микрорайоне. Контроль над ним до похолодания захватили силовые структуры города и как они распорядились всей полнотой власти. И наверняка если они эвакуировались, то оставили много не вывезенных продуктов и топлива.

Времени, чтобы успеть вывезти все имеющиеся запасы до наступления больших морозов, у них оставалось слишком мало. Если же они выжили, то значит, руководство там умное и компетентное и можно было подумать об объединении с ними. Хотя лично я считал, что они остались на месте и вряд ли выжили даже в первую зиму, слишком низкие были температуры для обычных стандартных домов и значит по любому, просто не успели бы использовать все запасы.

Вот с такими мыслями я садился в вездеход, чтобы ехать в Пушкино. Ещё в голове у меня стояли слова жены, — что для полного запуска нашего огорода нужна ещё земля, примерно столько же, сколько мы уже перенесли в подвал. Конечно, можно было снимать плодородный слой на участке. Но это было очень долго и трудно и в таких объемах практически невыполнимо. Я вспомнил, — что когда мародерствовали в разграбленном хозяйственном магазине, мне мешались под ногами мешки с землёй. Часть их была сложена в большой штабель, но много валялось перед полками с краской и по всему коридору. Поэтому в этот магазин мне тоже хотелось заехать.

В этот раз, вместо Игоря с нами поехал Николай, как раз он и вёл сейчас вездеход. Мы даже не стали заезжать к больнице, а сразу направились в микрорайон «ФИАН». Я сказал Коле:

— Ты местный, должен хорошо ориентироваться. Поэтому езжай сразу к котельной. Я думаю, уж ты-то точно не заплутаешь.

Котельную обнаружили по трубе, она не дымила, всё вокруг было занесено снегом. Оттуда выглядывало чердачное окно здания находящегося рядом с трубой. Мы с Колей влезли в это окно, включив фонари, нашли люк в нижнее помещение, но он был заблокирован. Тогда Коля крикнул Саше, который оставался на улице около вездехода:

— Эй, кот! Доставай лом и кувалду из кузова и залезай к нам.

Я в это время пытался подручными средствами вскрыть люк, но ничего не получалось. Потом на чердак залез Саша с инструментами, и мы общими усилиями, всё-таки выбили этот люк вниз.

Попав в само здание, мы в первой же комнате увидели несколько трупов, сгрудившихся у печки — буржуйке. Было видно, что топили её не углём, а разломанной мебелью и другими деревяшками. Деревянная обшивка в коридоре была выломана. Спустившись вниз, уже в самую кочегарку увидели и там массу трупов. Мы вылезли из этого дома соединённого с котельной и решили посмотреть под навесом, остался ли уголь. Небольшую часть этого угольного сарая снег ещё не завалил, виден был кусочек деревянной стены. Топором, проделав отверстие в этой стенке, Саша по верёвке влез в это хранилище, потом крикнул:

— Они все тупые, ленивые дебилы! Угля здесь полно! Недоумевая, как такое могло случиться, что люди замёрзли рядом с запасом топлива, я не утерпел и тоже влез в это хранилище.

Там действительно был уголь, на мой взгляд, не менее двухсот тонн. Походив там с фонарём, я понял, почему они не воспользовались этим углём. Он просто смёрзся, были видны следы, его пытались разбить ломами. Недалеко от выхода лежал труп мужчины, видно было, что он умер в мучениях, а не тихо замёрз. Всё вокруг было захаркано, по-видимому, кровью. Наверное, вдыхая ледяной воздух, он отморозил себе лёгкие и умер от этого. У стоящего возле угля автопогрузчика,

бак был полностью пустой. По видимому у них кончилось топливо, и люди пытались вручную разбивать смёрзшийся уголь. Но чтобы топить котельную нужно было слишком много угля. Скорее всего, они сначала отрезали всех потребителей тепла кроме этого дома, но потом и с его отоплением не справились. А затем наступили сильные морозы и они уже не смогли даже надолбить угля для буржук — если топили печки ломаной мебелью.

Мы больше не стали лазить в дом, чтобы выяснить, кто там замёрз, начальство или обычные жители, нам это было всё равно. Уже сейчас было ясно, что организация борьбы за выживание была отвратительна, вернее её не было вообще. Наверное, всё это руководство думало, — если силой захватить запасы продуктов и топлива, то можно успокоиться и просто выждать наступления лучших времён. Наверное, никто из них даже и не предполагал наступление таких диких морозов, хотя специалисты об этом говорили. Эти самоуверенные бараны, других слов у меня даже не нашлось, даже и не пытались произвести утепление домов. Стены там уже при наступлении — 50 градусов, промерзали насквозь. При температуре минус семьдесят, люди даже и не пытались выходить на улицу искать топливо, а просто замерзали в своих квартирах.

В этом мы убедились, забравшись через третий этаж в один из многоэтажных домов. Зайдя в пару квартир, мы увидели там трупы хозяев. Как правило, все они лежали в кроватях или на диванах, завёрнутые кучей одеял и разных тряпок. Ничего по жилым домам мы искать не стали, слишком тяжело было на душе.

По указанию Николая, он здесь всё прекрасно знал и ориентировался по многоэтажным домам. Мы подъехали к продуктовому складу. На самом деле он находился в стандартном бомбоубежище. Оно стояло на окраине микрорайона, примыкая к пожарной части от которой из-под снега виднелось только часть каланчи. Вход в бомбоубежище, мы смогли определить только по небольшому снежному провалу, на общей гладкой снежной поверхности. Посоветовавшись, решили всё-таки начать откапывать вход на этот склад — была очень большая вероятность, что там могли остаться продукты. Мы, конечно, понимали, что быстро этот въезд не откапаем, тем более — вручную. Но хотели сделать небольшой задел, чтобы завтра можно было сразу начать рыть погрузчиком. С таким объёмом работ, можно было справиться только механизированным способом. Тем более для нормального вывоза продуктов, нужно было вырыть не шахту, а пологий спуск прямо к воротам бомбоубежища.

Выпив горячего чая с бутербродами, мы принялись за работу и в течение часа откидывали рыхлый снег с полосы будущего въезда. Потом поехали в микрорайон, находящийся недалеко от Биоцентра. В тот запомнившийся мне хозяйственный магазин. Подъехав туда, нам пришлось опять немного поработать лопатами, убирая снег, чтобы попасть в магазин. Там при свете фонарей мы действительно нашли не тронутый, большой, штабель мешков с землёй для посадки комнатных растений. На мой взгляд, земли было не менее четырёх кубометров. Ещё там лежало много мешков с удобрениями, которые, по общему мнению, нужно было тоже вывезти.

Магазин был пристроен к двенадцатиэтажному зданию и высотой был, наверное, метров пять, мы попали туда с торцевой стороны. Там было небольшое окно, прямо под выступом крыши, которое не до конца было засыпано снегом. Край его выступал сантиметров на двадцать. Это окно мы и очистили от снега, разбив стекло и выломав решётку, таким образом, попав в магазин.

Перед началом погрузки мешков, соорудили из магазинной мебели, лестницу с широкими

ступенями. Чтобы было удобно подыматься к этому окну и выкладывать на улицу мешки с землёй. Высота окна от пола была два с половиной метра.

После проведения нами подготовительных работ, оставшийся снаружи Коля, подогнал вездеход практически вплотную к окну и опустил задний борт. На этот борт мы и складывали эти бумажные мешки, они были весом по 25 килограмм. После укладки десяти мешков Коля подымал борт и уже в кузове их аккуратно укладывал. Так мы работали в течение часа, потом по двадцать минут грелись в кабине, потом опять шли на загрузку мешков. Всего мы загрузили на вездеход и сани 157 мешков, в том числе десять с различными удобрениями. После чего уже в полной темноте поехали домой. Туда приехали уже в девять часов вечера. О нас начали уже беспокоиться.

Приняв душ, мы сели ужинать, другие в это время разгружали мешки с землёй и удобрениями и сразу относили их в подвал. Женщины очень обрадовались привезённой земле и приняли самое деятельное участие в разгрузке вездехода и саней. Когда мы пошли спать, мешки ещё разгружали, потому что я сказал:

— Народ! Весь транспорт до завтра нужно обязательно освободить. Утром в вездеход нужно будет грузить погрузчик, и ехать откапывать продуктовый склад.

Словами о продуктовом складе, я всех порядком возбудил, уже все знали о нашем не очень большом запасе продуктов. Практически у нас остались неплохие запасы: муки, некоторых видов круп, куриных окорочков, тушенки и рыбных консервов. В принципе года на полтора этого хватало, но уже все считали, что этого мало. Морально я всех подготовил, что такой климат будет не менее десяти лет, и мы должны иметь запасы продуктов и топлива, на весь этот период. Поэтому народ и возбудился — тем более все мечтали разнообразить наше меню. Особенно всем ужасно надоели куриные окорочка, практически мы их ели каждый день, экономя тушенку и рыбные консервы. А я, например, мечтал найти в этом складе, хоть какие-нибудь сигареты — последнюю пачку мы раскурили ещё до Нового года.

Встали мы в восемь часов утра, быстро позавтракали и пошли загонять погрузчик в вездеход. В принципе это было не трудно, он стоял на втором этаже сарая. Саша, подогнав задним бортом вездеход к сараю. Даже не выключая двигателя, подождал, пока мы не приставили к кузову, уже давно сколоченные мостки, по которым Коля загнал погрузчик в кузов. Я с Флюром, убрали въезд, после чего Саша гидравликой поднял задний борт. Вся эта операция заняла от силы пятнадцать минут.

После чего мы, с Николаем слегка озябшие, забрались в кабину, а Флюр сел на сиденье снегохода и мы поехали. Володю было решено, сегодня оставить дома, он вчера сильно замерз, управляя снегоходом. Сегодня его немного знобило, и Игорь ему назначил домашний режим. Вместо него в Пушино поехал Флюр. Конечно, можно было взять ещё кого-нибудь, посадив на пассажирское место снегохода. Но отогреться можно было только в кабине вездехода, а больше четверых человек туда не помещалось. С собой мы взяли горячий обед в термосах и даже две бутылки водки, для лучшего отогрева. Так же в кузове мы везли, малый бензогенератор, две канистры бензина и проводку с прожекторами для установки освещения. Работать мы договорились до позднего вечера.

На место приехали, когда ещё только начинало рассветать, температура воздуха была — 15 градуса. Брус и доски для съезда погрузчика мы тоже везли с собой в кузове. Саша остановил вездеход, в начале намеченного въезда, Николай по положенному настилу съехал в снег и как обычно до днища

провалился в него. После чего я и Саша разобрали настил, и к погрузчику подъехал Флюр, на санях-самосвале. И Коля начал их загружать снегом. Затем Флюр подъехал к нам, и мы, выйдя из кабины, лебёдкой опрокинули короб со снегом.

Мы решили меняться каждый час, чтобы те, кто работал на открытом воздухе, не очень замерзали. Те, кто сидел в тёплой кабине, покидали её всего лишь на несколько минут. Только опрокинуть короб со снегом и не успевали не то чтобы замёрзнуть, а даже почувствовать окружающий холод. В таком темпе мы работали до самого вечера, с перерывом на обед. Когда начало темнеть, включили бензогенератор и установили освещение. После чего продолжали работать до десяти часов вечера. За это время было перемещено довольно много снега, но мы так и не добрались до начала спуска в бомбоубежище.

В десять часов, оставив погрузчик и всё привезенное оборудование, и материалы, на тех же местах около бомбоубежища, мы поехали домой. Там быстро поужинали и сразу же отправились спать. На следующий день в десять часов утра мы уже приступили к работе на объекте. В этот день работать закончили в девять часов вечера. За это время мы всё-таки добрались, до бетонного въезда в бомбоубежище и завтра, судя по всему, должны были докопаться и до ворот.

Сегодня у нас хватило сил после приезда даже сходить в душ. Но всё равно мы были очень уставшие и поэтому, не обращая внимания на что-то рассказывающих женщин, все сразу после ужина направились спать. Утром договорились вставать в восемь часов, чтобы начать работы пораньше. Встали, как и договаривались, дежурная Галя к нашему появлению уже приготовила горячий завтрак. Потом пока Саша прогревал вездеход, я пошёл в гараж и принёс оттуда: большую болгарку с запасными дисками, дрель с кучей свёрл и ручную лебёдку, всё это я сложил в кузов. Флюр увидел эти приготовления и тоже принёс в пакете несколько толовых шашек, взрыв машинку и моток тонкого электрического кабеля. Он сказал:

— Батя! Ну что ты таскаешь всякую ерунду? Взрыв, только взрыв! Вот что нужно для вскрытия тамошних ворот. А ты всё носишься с какой-то там болгаркой.

В девять часов мы были уже на месте, и закрутилась уже привычная работа. До ворот добрались уже после обеда, а когда окончательно очистили снег, чтобы их можно было открывать, было уже темно. Маленькая дверь в воротах, как ни странно была не закрыта. Мы все, включив большие аккумуляторные фонари, вошли в бомбоубежище. Вторые массивные ворота тоже были открыты. Дальше по коридору нам предстало довольно неприятное зрелище. На сколоченных из досок лежанках находилось семь скрюченных замороженных трупов. Тут же было много оружия, даже стоял барабанный гранатомет, — который очень заинтересовал Сашу. Вокруг также валялось много вскрытых консервных банок, из-под тушенки и сгущённого молока, видно они пищей пытались победить холод, но мороз оказался сильнее.

Обойдя эти замороженные трупы, мы пошли дальше осматривать бомбоубежище. Когда я проходил мимо трупов, мне было просто неприятно. Других никаких чувств не возникло, наверное, эта борьба за существование, полностью убила всякую чувствительность и сентиментальность. Все мы сильно огрубели.

Зайдя в первое большое помещение бомбоубежища, мы были приятно удивлены тому, что оставалось ещё много полок заполненных ящиками с консервами. Саша с Флюром, начали вскрывать эти ящики и проверять, что там. Ящиков с тушенкой там не было, было много ящиков с импортной

овощной продукцией в жестяных банках: зелёный горошек, фасоль, кукуруза. Они, правда, были деформированы, но не прорваны, образовавшимся внутри льдом. Все консервы в стеклянных банках были испорчены, вернее сказать стеклянные банки все лопнули. Также там было ящиков сорок голубцов и фаршированного перца, производства Болгарии, банки с этими блюдами тоже были только деформированы. Вообще в этом зале лежали продукты только импортного производства. Много различных паштетов, сухих супов, риса и сухих водорослей для приготовления Суши. Немного в стороне, наверное, было приготовлено для вывоза — стояло двадцать ящиков с «цыпленком» и несколько коробок: с чаем, какао и кофе.

Следующий зал был заставлен, в основном макаронными изделиями и различными крупами. Их было не очень много, по-видимому, этот товар был наиболее востребован. Кроме того там было по несколько коробок: яичного порошка, сухого молока, халвы и шоколада. В следующем зале осталось не очень много продуктов, видно эти консервы пользовались наибольшей популярностью. Тут оставалось 35 ящиков различных каш с мясом в жестяных банках, производства Черкизовского мясокомбината. Семь ящиков Белорусской тушенки и по пять ящиков сгущённого молока и какао. Больше помещений там не было. Правда Флюр обходя по периметру всё бомбоубежище, нашёл ещё четыре небольших комнаты и позвал меня. Три из них были совершенно пусты, а в четвертой, когда я туда зашёл, то испытал настоящее блаженство. Тут хранились сигареты и спиртные напитки. Сигарет было ящиков двадцать, из них два с обычным Парламентом, который я курил до катастрофы. Спиртные напитки были только импортного производства. Из них не лопнувшими оказались шесть ящиков с двадцати однолетним виски и три с французским коньяком «Мяуков», Остальное было сухие вина, из них целыми оставались только те которые были упакованы в «Тетропак». Таких стояло более двадцати коробок. Мы на экспертизу решили сегодня взять одну коробку и попробовать отморозить. Может быть, качество вина не очень ухудшилось. Было заметно по оставленным следам, что этой комнатой усиленно пользовались. Это было видно по пустым полкам, отсюда вывезли довольно много товара. Оставленные дорогие Виски и Коньяк, по видимому предназначались высшему руководству. Эта комната была единственная с запертой дверью. Правда, всего лишь на всякий замок, который Флюр шутя, сбил ломиком. В других, сейчас пустых комнатах, по-видимому, раньше находились запасы водки и дешевых креплёных вин. По крайней мере, мы нашли там несколько разбитых бутылок.

Пройдя и осмотрев бомбоубежище полностью, мы решили похоронить трупы замёрзших охранников. Могилы в снегу вырыли метров за тридцать от ворот, потом засыпали тела снегом. Саша сделал из двух досок крест и воткнул в снег на этом месте.

Закончив эту неприятную процедуру, загрузили вездеход с санями, различными видами продуктов. При этом уложили в кузов все ящики с виски и с коньяком. Когда выехали домой, был уже десятый час вечера. Перед отъездом, мы перенесли бензогенератор в предбанник между большими воротами бомбоубежища и провели во все комнаты с продуктами и в коридор освещение.

Приехав домой, первым делом пошли в душ, потом сели ужинать. Предоставив другим возможность, разгрузить привезённые продукты. Все с энтузиазмом бросились делать это — даже женщины. Всех очень интересовало, что мы привезли. После разгрузки было много восторженных возгласов и предложений немедленно устроить дегустацию привезённых продуктов. Но я быстро успокоил самых нетерпеливых гурманов, сказав:

— Вы что тут с голода, что ли пухнете. Продукты чтобы не потерять качество и вкус, должны медленно, естественным путём оттаять. А дегустацию устроим завтра в обед. Мы тоже хотим принять в этом участие. Завтра с утра нужно сделать хотя бы одну езду на склад в бомбоубежище. Вот после приезда и устроим большое пиршество.

В завтрашней поездке пожелали принять участие, все наши мужчины и молодые девушки. Но решили группу обновить только наполовину. Вместо меня и Коли, поедут Сергей и Максим. Они более молодые и здоровые, а там надо было вручную таскать много тяжёлых коробок. После всех этих разговоров все, кроме дежурной Тани, разошлись по своим комнатам спать.

На следующий день я отсыпался, встал только в десять часов утра, а завтракать спустился только в одиннадцать. Наша продуктовая экспедиция уже давно уехала в Пущино. Делать было особенно нечего и поэтому, позавтракав, я ушёл к себе наверх и улёгся на кровать почитать книгу, до их приезда. В два часа дня они приехали, вездеход, и сани были доверху нагружены коробками с продуктами. Я вышел на улицу помогать их разгружать. Все вместе мы в течение часа всё разгрузили, сложив продукты в сених, на разморозку. В это время женщины, готовили праздничный обед из привезённых нами вчера продуктов. На стол выставили и два двухлитровых пакета с Венгерским вином «Кадарка» и литровую бутылку Шотландского виски, двадцати однолетней выдержки.

Когда мы сели за стол, я первым делом провёл дегустацию вина, на мой вкус оно было прекрасно и нисколько не испортилось от заморозки. Правда некоторые женщины сказали, — что оно стало несколько хуже, уже нет того аромата и оно стало менее сладким. Спорить я не стал, сравнивать было не с чем и вряд ли когда-нибудь будет с чем. Выпив бокал вина, я затем переключился на виски.

Насытившись, мы, с Володей взяв по бокалу виски со льдом, вышли в сени покурить Кубинские сигары. Несколько коробок их лежало на этом продуктовом складе. Куря сигары, развалившись в стоящих здесь креслах и изредка отхлёбывая виски, мы обсуждали, что нам делать с новыми запасами продуктов. К нам присоединились ещё и Николай с Валерой. Остальные не курили, или курили, но изредка, просто, балуясь.

После долгого обсуждения мы решили, большинство продуктов оставить там же в бомбоубежище. Если всё перевезти, у нас просто не хватит места, где их складировать. А там они уже лежали длительное время и с ними ничего не случилось. Пускай полежат ещё, когда в них возникнет потребность, мы за ними приедем. Возить продукты домой мы собрались только один день завтра. Поэтому вывезти полностью нужно было только вино и сигареты, остальные продукты в ассортименте по несколько коробок.

Потом нужно было переключаться на основное — на завоз угля. Уголь я хотел продолжать возить с баржи, хотя это и было дальше, чем с Пущино. Но в Серпухове уголь был гораздо лучшего качества, чем обнаруженный нами в котельной. К тому же на барже всё уже было отработано и даже было тёплое помещение для ночлега и обеда. В Пущино пришлось бы оборудовать всё заново.

С утра, вывозить продукты со склада в бомбоубежище, направились вчерашняя команда. А мы занялись сортировкой и укладкой на наш продуктовый склад, уже от замороженных продуктов. Володя в это время вносил их в свой реестр запасов. Женщины занимались огородом в подвале. За этот день ребята сделали три ездки за продуктами. Мы пока всё разгрузили в сених, после ликвидации

свинарника, здесь образовалось довольно много дополнительного места, да и воздух намного посвежел. Теперь там был только зарешёченный до потолка вольер с птицей и большая будка для собак.

После последнего привоза продуктов, когда их разгрузили все пошли на ужин, было уже десять часов вечера. После принятия пищи начали обсуждать наши планы на будущее. Договорились завтра отдохнуть, а потом, начинать уже заниматься перевозкой угля. Нужно было завести не менее пятидесяти тонн угля, а лучше сто тонн. Володя подсчитал, что при самой холодной зиме у нас уходит пятьдесят тонн угля в год. Мы хотели создать трёх летний запас топлива. После обсуждения этого вопроса, в двенадцать часов ночи, все кроме дежурной, разошлись спать.

Глава 9

Утром все встали поздно, на завтрак начали собираться только к десяти часам, за чаем сидели долго. Много говорили и разошлись по своим делам, только к двенадцати часам дня. Мы вчетвером как обычно в свободное время, сели играть в карты. Саша и Флор, ушли в свои комнаты с жёнами. Остальные направились в подвал, заниматься огородом и принимать оздоровительные процедуры. Некоторые там смотрели телевизор, какую-то очередную мелодраму. Через некоторое время туда же в подвал, спустились Саша с Викой и маленьким Ванькой. Ему вообще нравилось находиться на людях, а подвал он просто обожал. Только там ему давали возможность долго ползать и не одёргивали при малейшей попытке проявить свою самостоятельность и любознательность. К тому же там мы поставили небольшой надувной бассейн, и Вика часто тренировала его в нём плавать, там же любил возиться, уже пятилетний Никита. Так до вечера, с перерывами на обед и ужин, мы и провели весь день, спать все разошлись в одиннадцать часов.

Завтра, на обустройство базы на барже и начало перевозки угля должны были поехать три человека: Флор, Николай и Сергей, потом если будет нужно, подъедут ещё люди. Но судя по прошлогодней перевозке угля, было достаточно и трёх человек, конечно при нормально работающем погрузчике. Тревогу начинал выражать Флор, у него уже осталось чуть больше одного ящика тола, он сказал: — Кошмар! Я в трансе! Скоро взрывать будет нечем.

Потом уже себрёзно продолжил:

— Тола осталось мало, на этот год, конечно, хватит, но вообще нужно что-то думать, где-то искать ещё взрывчатку. Она оказалась просто незаменима в наших условиях. Сейчас я с сожалением вспоминаю, что мы так мало её выменяли. Я тогда говорил, но бате почему то казалось, что это почти бесполезное приобретение. Взяли то её только из-за того, что у прапорщика больше ничего не оставалось из оружия и боеприпасов, а нам неохота было возвращаться с неиспользованной в обмене, дрянной и скорее всего левой водкой.

Саша и Валера, должны были на снегоходе, начать разведку следующих заправок на трассе. Нам обязательно нужно было найти запас дизтоплива, для бесперебойной работы нашей электростанции. Перед наступлением больших морозов, под завязку залить ёмкость с дизтопливом. Чтобы хватило до наступления температуры, которую мы уже считали нормальной, если она была выше — 30 градусов. Объём ёмкости позволял электростанции работать без дополнительной заправки более пяти месяцев.

Утром к десяти часам уже все разъехались. А я до подвоза первой партии угля, пошёл в подвал полежать на массажной кушетке. Там было хорошо, тепло — температура из-за включённых ламп,

установилась в 28 градусов и уже появились первые зелёные ростки посаженных овощей. На площадке возле бассейна, занимались друг другом маленькие Никита и Ваня, под присмотром бдительной Вики. Полежав минут сорок на массажной кушетке, я чуть не уснул и, очнувшись, пошёл в душ, а потом до обеда читал у себя в комнате.

Николай привёз уголь только в седьмом часу вечера, пока мы его разгружали, приехали и Саша с Валерой. Они откопали лаз под навес следующей заправки, завели бензогенератор и подключили к электричеству «операторскую». По приборам в баках, практически не оставалось никакого вида топлива и на этой заправке не имело смысла проводить большие раскопки, чтобы вывезти эти остатки. На проведение работ потратим больше топлива, чем сможем откачать там. Но бросить эту затею, мы не могли и поэтому завтра уже я с Сашей — поеду проверять, следующую заправку.

Все посмеялись над Валерой, что у него не счастливая рука, если он учувствовал в поисках каких либо ресурсов, то обычно эти поиски были безрезультатны. Валера яростно защищался говоря: — Да вы что! Я по существу только первый раз и принял участие в разведке...

Но Коля ехидно сказал:

— Да! А что тогда оправдываешься? К тому же неважно сколько раз ты ездил. Сейчас же вы ничего не нашли? И в этом виновата твоя пессимистическая натура.

Все дружно рассмеялись над этой туповатой шуткой, а ещё больше над реакцией Валеры. Несмотря на срыв поиска топлива, на заправке, настроение у нас было хорошее.

Рано утром, все кто сегодня собирался в поездку, собрались в столовой и ждали, когда дежурная Ирина приготовит завтрак. Кроме меня, Саши и Николая, выезжал ещё Максим. Один Сергей не справлялся с подсобной работой, и ребята попросили прислать ещё одного человека.

В девять часов утра, сначала уехали Николай с Максимом на вездеходе, а потом тронулись и мы. На улице начинало немного светлеть. Я уже заметил, что светлое время суток по сравнению с прошлым годом, начинало увеличиваться. Но небо всё равно было закрыто свинцовыми облаками и живого Солнца мы не видели уже три года. Впрочем, Луны и звёзд тоже не было видно. Несмотря на то, что световой день начал увеличиваться. Температура не поднималась, а даже по нашим записям, становилось несколько холоднее. В том году в июне температура иногда была выше -12 градусов, а в этом июне, всё время держалась ниже -15 градусов.

Мы с Сашей, на снегоходе выехали на трассу минут через тридцать, потом по ней проехали километров двадцать. Сначала проехали заправку, с которой мы брали топливо, потом ту, куда они с Валерой вчера заезжали, затем появилась ещё одна, большой известной фирмы.

Я предложил Саше проехать дальше, — до следующей заправки, местной неизвестной фирмы. Логика у меня была простая — мы нашли хороший запас топлива, как раз на заправке не очень известной фирмы. Следующей откопали заправку, крупной, разрекламированной фирмы и она оказалась пуста, оттуда вывезли всё топливо. Поэтому мне и захотелось, лучше попробовать опять откопать вход на заправку маленькой фирмы. В надежде, что она привлекла меньшее внимание властей, отдававших команду на вывоз топлива. К тому же она открылась незадолго перед катастрофой и находилась чуть-чуть в стороне от трассы. К ней можно было подъехать, как с шоссе, так и с пересекающей её дороги.

Заправка располагалась в низине, поэтому я думал, — что когда воздух был отравлен вулканическими газами, вряд ли кто-нибудь выжил из людей, находившихся в ней, как и в деревне

находившейся неподалеку. А потом, скорее всего, было уже не до неё, к тому же заправка находилась далеко от крупных населённых пунктов. Хотя всё могло оказаться и не так, может случиться, как и с предыдущей заправкой, откуда всё вывезли.

Остановившись у края, хорошо различного снежного холма, скорее всего это был навес над бензоколонками, мы в две лопаты начали копать снежный ход. Пока ехали то порядком замёрзли и сейчас усиленно работали, пытаясь согреться. Тёплого помещения у нас рядом не было, поэтому приходилось греться работой.

В течение двух часов, мы копали ход под навес и в конце-концов даже взмокли от работы. Попав под навес, сразу пошли к «операторской». Туда пришлось влезать через окно, предварительно разбив стекло и выломав решётку ломиком, взятым с пожарного щита. В окно лезть пришлось из-за того, что дверь, находившаяся в торце операторского помещения, была засыпана снегом, навес туда не доходил.

Попав внутрь помещения, мы обнаружили там два трупа, мужчины и женщины, наверное, оператора и охранника, по крайней мере, мужчина был в форме охранного агентства. Осмотрев помещение, нашли большое количество упаковок: моторных масел, тосола, и других расходных материалов для автомобилей. По-видимому, они торговали и этим товаром. Стоял здесь и бензогенератор и две канистры, Саша их проверил, одна была полная бензина. У меня сразу же повысилось настроение, несмотря на начавший опять нас донимать холод.

Мы с большим трудом, ковыряясь больше часа, завели бензогенератор. Нам даже пришлось, спасаясь от холода, принять по сто грамм коньяка. Потом всё-таки мы завели генератор и подключили к нему, стоявшие у стула оператора, два электронагревателя. Немного погревшись, начали разбираться со всей системой операторского пульта. Потом пользуясь инструкцией написанной Валерой, Саша подключил всю систему к бензогенератору. Ожили все датчики, и мы смогли определить количество топлива в каждом из баков хранилища. Наполненность всех баков была не ниже 70 процентов. Всех больше был заполнен бак с дизтопливом — на 87 %. То есть получалось, что топливо с этой заправки даже и не пытались вывозить. Получалось, что моя логика была правильная, а может быть — лёгкая рука.

Посидев ещё с часик в «операторской», просто отогреваясь возле калориферов, мы ещё за удачный заезд, выпили по сто грамм коньяка и полностью отогревшись, поехали домой. На улице уже было темно — шёл восьмой час вечера. Домой мы приехали только в десятом часу, затратив на дорогу более часа, всё-таки эта заправка была довольно далеко от нас.

Когда мы приехали, Николай был уже дома, сегодня он успел сделать только две ездки. Но завтра собирался сделать три и поэтому хотел пораньше ложиться спать. Выслушав наш рассказ о найденном топливе, он порадовался вместе со всеми, выпил сто грамм коньячку и отправился в свою комнату на ночной отдых. А все остальные сидели почти, что до часу ночи, празднуя находку долгожданного топлива.

Володя расщедрился и принёс ещё одну бутылку Французского коньяка, а для женщин трёх литровый пакет с вином Каберне. Меня на старых дрожжах даже немного повело, и я с трудом помнил, как отправился спать. Назавтра нам с Сашей, при всеобщем одобрении, дали целый день отдыха, освободив даже от разгрузки угля.

На следующий день встал поздно, часов в одиннадцать, на улице уже было светло, и температура

впервые за этот месяц поднялась выше чем — 15 градусов. После вчерашней пьянки, голова была тяжелая, и я пошёл перед завтраком, принимать контрастный душ. Потом пошёл вниз в столовую отпаиваться чаем, есть, совершенно не хотелось. Саша и Вика там тоже пили чай, маленький Ваня в это время спал наверху в комнате.

Пока мы чаёвничали, приехал Николай. Мы с Сашей не удержались и пошли помогать разгружать уголь. Все вместе довольно быстро разгрузили кузов вездехода. Чтобы не перегружать его, Коля за одну езду возил около двух с половиной тонн угля. Рассчитанная Володей грузоподъемность машины была три тонны.

В половине первого дня, Коля уже уехал во второй рейс. В этот день, он сделал, как и обещал, три ходки, привёз всего семь с половиной тонн угля. На следующий день возить уголь начал Саша, потом была моя очередь. Мы хотели возить уголь до первого августа. Каждые три дня, производили смену одного человека на барже, Флюра менял Саша, он умел не хуже обращаться с взрывчаткой. Таким образом, наша жизнь, приобрела монотонный и размеренный характер и этот режим, прервался только однажды. Правда, неприятным образом, заставив нас поменять стиль жизни. Двадцать четвёртого июля, отказал канализационный сток, и это было уже серьезней, чем его заморозка. Канал куда уходили отходы был переполнен. Я надеялся, что это случится гораздо позднее, всё-таки выгребная яма была очень большой. Мы её делали на двоих с Володей, и она была объёмом под сто кубов. Но как говорится — ни, что не вечно под Луной, всему приходит конец. И с отказом канализации нам тоже пришлось смириться, перейти на зимний образ жизни.

Мы с Валерой, два дня занимались грязной работой, освобождая внутренние канализационные трубы от нечистот, сливая всё во фляги и вынося их выливать в отхожую яму, оборудованную в соседском подвале. Потом мы эти трубы снимали и выносили на улицу, а канализационный выход в подвале, основательно замуровали, чтобы никакой запах не проникал в дом. Кроме этих работ мы демонтировали все санитарно-техническое оборудование. Кроме душа на втором этаже — сделав сток в заменяемую алюминиевую флягу. Её мы установили в душе на первом этаже. И строго всех предупредили, что пользоваться теперь душем, нужно очень экономно расходуя воду и не чаще одного раза в неделю.

После того как мы завершили эту работу, женщины ещё целый день отмывали следы нашей деятельности. А мы первые воспользовались новым душем и единственные не сэкономили воду, смывая с себя всю эту гадость. Пришлось устанавливать, как и зимой, наряды на вынос фляг. Так же исключение, по потреблению воды сделали возвращающимся с угольных работ, которым просто физически нужно было много воды, чтобы отмыться от угольной пыли.

Ребята с баржи вернулись, как и было запланировано первого августа. За время этой угольной экспедиции, было сделано семьдесят два рейса с углём и вывезено по нашим подсчётам, сто восемьдесят тонн угля. Я считал, что этого количества плюс оставшиеся у нас запас угля, должно было хватить на четыре года. А при ежедневной топке двух печек и очень низкой температуре, всё равно минимум на два года мы были обеспечены топливом.

После окончания угольной эпопеи, решили устроить трёхдневный отдых, а потом откапывать въезд в новую заправку, устанавливать на вездеход цистерну и начинать вывозить дизтопливо для нашей электростанции. Во время отдыха мы собирались не экономить, а ежедневно устраивать хорошие обеды из продуктов, привезённых с Пушино.

Конечно, во время отдыха у нас функционировала система дежурств и несения нарядов, внедрённая Сашей, он и контролировал разработку и выполнения всех графиков. Все эти дни отдыха мы очень славно провели. Массажные кушетки не простаивали пустые и минуты, все позагорали, поели зелень и первый выращенный редис с нашего огорода. Мы до дури наигрались в карты и домино. В общем, все были довольны, и не было ни одного скучающего. Дети получили кучу, внимания и забот и им очень понравились такие праздники.

Но вот отдых кончился и мы шестого августа, опять вчетвером, на вездеходе и снегоходе отправились на заправку. Откапывать въезд решили вручную, тащить туда погрузчик из-за такого объёма сочли нерациональным. Поэтому пятого августа начали готовиться сразу к вывозу дизтоплива и полдня устанавливали цистерну на вездеход.

К десяти часам утра, когда уже стало светло мы подъехали к заправке и практически сразу начали копать въезд. С одной стороны копать было тяжело, снег был слежавшийся и тяжёлый. А с другой стороны, работали без лыж, особо не проваливаясь, что конечно очень ускоряло всю работу. Мы лопатами вырубали снежные блоки и выкидывали их за трассу будущего въезда. Когда въезд углубился, и стало тяжело выбрасывать снег, то стали вывозить его на санях-самосвале.

Работали мы с перерывом через каждый час, было довольно холодно, температура воздуха была -16 градуса. За целый день и вечер, мы так и не успели выкопать въезд и уехали домой в восемь часов вечера измученные и сильно уставшие и уже начинающие жалеть, что не взяли погрузчик. Его не взяли, потому что думали, что за один день откопаем этот въезд вручную. А везти его на заправку, это лишнее время погрузки и выгрузки и к тому же расход около ста литров дизтоплива, на доставку и саму работу погрузчика.

Когда приехали домой, то смогли только поужинать и кратко рассказать, что мы целый день делали. Утром мы договорились устроить подъём в половине девятого, чтобы к половине десятого, пока не посветлело, выехать на заправку. Я проснулся по будильнику, и только умывшись, сразу пошёл в столовую, где дежурившая сегодня Маша, уже приготовила нам завтрак. Быстро перекусив, пошли заправлять и заводить нашу технику.

Перед отправлением договорились, что после выезда на трассу остановиться и Флюр заменит Сашу, первым выезжающим на снегоходе. Всё-таки на нём долго ехать было холодно, а сегодня температура была -17 градуса. С этой задержкой на трассе, мы прибыли к заправке где-то без десяти одиннадцать и сразу приступили к прерванной вчера работе. К четырём часам дня, наконец- то пробили дорогу к бензоколонкам и вездеход, задним ходом заехал под навес и встал под заправку дизтопливом.

Валера с Сашей пошли налаживать электрику, чтобы включить колонку. Пока дизтопливо заливалось, мы успели перекусить. Наполнив по счетчику две с половиной тысячи литров, направились домой, куда приехали в восьмом часу вечера. Я сразу поставил цистерну под слив ёмкость нашей электростанции. Она уже без перерыва работала больше двух месяцев, и количество топлива там значительно убавилось. Слив солярки шёл долго, она текла самотеком, была довольно густая, наверное, ещё не совсем оттаяла после зимы. Когда были большие морозы она даже под снегом превращалась в желеобразную массу, хотя после оттаивания её технические характеристики, впрочем как и бензина, не портились. Как сказал наш автомобильный эксперт, Николай:

— Большой мороз и соответственно превращение топлива в желе, только способствует сохранению,

октанового числа в бензине и продлевает жизнь солярке.

Для улучшения текучести дизтоплива, мы кроме добавки туда керосина, использовали и народный метод, применяемый раньше водителями на севере. Они при сильных заморозках опускали в топливные баки, разведённые провода чтобы не проскочила искра — запитывая их от фар своих автомобилей. Нечто подобное делали и мы, только у нас Валера изготовил специальное устройство, которое подключалось к прикуривателю вездехода. Несмотря на подключение этого устройства солярка текла медленно и мы успели поужинать и обсудить завтрашние планы. Уже после этого, я пошёл закрыть крышку бака станции, уложил шланг цистерны и пошёл спать.

На завтра запланировали, что на заправку поедут два человека, Николай и Валера, а мы займёмся другими делами, Саша собирался заняться смазкой оружия и приведением в надлежащий вид, револьверного гранатомёта, который всё-таки привезли из бомбоубежища. Я собирался вместе с остальными ребятами, заняться переносом земли, Пока шла угольная эпопея, мы всё-таки откопали ещё одну кучу чернозёма, он был выгружен за четыре участка от нас. Точное местонахождение этой кучи, вспомнил Сергей, именно он сколачивал под неё короб, а хозяин этого участка Фёдор Иванович, так и не успел ему за эту работу заплатить. Уехал куда-то в командировку и так до катастрофы на участке и не появился.

Землю, чтобы не таскать несколько раз засыпали в мешки и перевозили к дому на санях, а оттуда уже переносили в сени. За этот день Флюр два раза подрывал замерзший чернозём и жаловался:

— Ребята! Побойтесь Бога! Я уже и так, гол как сокол! У меня кончаются шашки с толом, осталось всего штук десять. Нужно на всякий случай их поберечь.

На что я ему посоветовал:

— Ты же у нас очень умный! Подумай, как нам использовать гранаты для гранатомёта, их привезли целых три ящика и ещё несколько, осталось в бомбоубежище. Всё равно стрелять из него нам некуда, если только в барже по углю.

Флюр обещал подумать и сказал:

— Батя! Да ты в душе взрывник! Вообще-то эта мысль интересная — стрелять по углю. Но только надо сделать защиту от осколков, или стрелять дистанционно, дёргая за верёвку, откуда-нибудь из укрытия.

Часа в три дня, приехали Коля с Валерой и встали сливать дизтопливо, когда стало темнеть, часа в четыре. Мы тоже закончили работу и отправились домой, где ребята только, что закончили обедать. Они съездили на заправку без всяких проблем, снега не было, и въезд был чистым. Им ни разу не пришлось доставать лопаты. Я тоже рассказал, сколько перенесли земли, правда присутствующая здесь Маша заявила:

— Даже если вы перенесёте весь этот чернозём, будет всё равно мало. Только можно будет полностью освоить под огород большой отсек подвала. А для нормального снабжения овощами, нужно засадить и малый отсек. Оставив место только для оздоровительного центра и инженерного оборудования. Только тогда можно будет обеспечить всех, хоть каким-то необходимым количеством зелени и овощей и то при условии двух урожаев в год. Я думаю, уже все заметили, насколько сократились наши болезни после начала потребления свежей зелени и проведения процедур на привезённом оборудовании. А когда наступят настоящие холода, и мы не сможем даже выходить на улицу — без свежих овощей и зелени, опять начнём болеть и чахнуть.

Я ей сказал:

— Машуль! Мы все с тобой полностью согласны, но соскребать плодородный слой, это мартышкин труд. Чтобы набрать один куб земли, надо перелопатить сто кубов снега и это на морозе. Нужно думать, где найти ещё землю в мешках. Я знаю одно такое место, но оно находится довольно далеко от нас — в районе города Чехова. Это недалеко от военных складов, где я покупал генератор для ветряка. Несколько раз я заезжал там, в ангар с различными саженцами и семенами и там видел очень много земли в мешках. Мы обязательно съездим туда за землёй, но только не в этом году. Сейчас нам нужно обеспечить себя дизтопливом, чтобы наша электростанция выдавала хотя бы 40 % мощности. Только тогда будет функционировать наш теперешний огород. А если не будет дизтоплива, то не будет и электричества для освещения посадок, тогда и земля тоже ненужна. В Чехов мы съездим в следующее лето обязательно, тем более стоит заехать на эти военные склады. Глядишь, что-нибудь для себя полезное и найдём — вон Флюр страдает от недостатка взрывчатки. После этих моих слов Маша успокоилась, зато Флюр и Саша оживились, они начали меня расспрашивать об этих складах. Я им отвечал:

— Ребята! Да я там бывал только в каптёрке у прапорщика. Ну, пару раз ходил по ангару с техникой, и больше там ничего не видел. Что можно там найти даже и не знаю.

После этого ребята тоже успокоились. Так за разговорами мы просидели почти до десяти часов вечера, после чего разошлись спать.

На следующий день уже я с Сашей поехал за дизтопливом, а Коля и Валера остались переносить землю. Мы выехали в десять часов утра, на дорогу затратили больше одного часа, потом час заливали дизтопливо, обратно приехали практически к обеду в два часа дня.

На улице стало гораздо холодней, Я это почувствовал ещё на заправке. Приехав домой и, переодевшись, первым делом пошёл посмотреть показания термометра. Температура на улице стояла минус двадцать три градуса, хотя ещё вчера была, минус двадцать градусов. Пока дизтопливо сливалось, мы с Сашей успели пообедать. Остальные сегодня обедали рано и уже ушли продолжать носить землю. До наступления темноты, мы тоже решили им помочь.

Кстати, закрывая крышку бака электростанции, Саша обратил внимание, что бак уже практически полон, максимум туда могло войти пятьсот литров топлива. Начав носить землю, я предупредил об этом Николая, который завтра с Валерой должен был ехать за соляркой. Заполнив бак электростанции, он остатки должен слить в закопанную неподалёку цистерну, снятую нами с КамАЗа. И после этого прекратить все поездки, становилось слишком холодно.

Завершили поездки, мы через пять дней, заполнив, еще четыре бочки. Кроме этого мы разлили по цистернам и добавили в бак электростанции керосин, привезённый с этой заправки, там было его найдено четыреста литров в канистрах. Землю же мы носили дней шесть, пока не выбрали всю, вместе с плодородным слоем на этом месте. Температура воздуха к этому времени уже опустилась до -30 градусов.

После переноса земли, мы перешли полностью на зимний режим жизни, практически не выходя из дома. Из работ выполняли только, утепление третьего этажа, привезённым из Серпухова утеплителем «Тепофол», поверх его набивали вагонку. Все надеялись, что с третьего этажа теперь, даже при сильных морозах, эвакуироваться будет ненужно. Тем более в этом году у нас дополнительно давала свет и тепло, целая дизельная электростанция.

И вообще, эта зима кардинально отличалась от прошлых, у нас появился, можно сказать, Зимний сад, где температура не опускалась ниже 28 градусов. И практически постоянно в районе была свежая зелень, а иногда и свежие овощи. Также мы могли, в самую дикую стужу, пойти позагорать, посмотреть на зелёные посадки, и в конце-концов принять массаж.

Температура между тем всё уменьшалась. Если проследить по нашим записям, которые в обязательном порядке, ежедневно, делал дежурный, снимая показания низкотемпературного термометра — положение продолжало ухудшаться. Я, исходя из этих данных, составлял графики изменения всех, доступных нам параметров климата. Так вот по этим графикам, температура из года в год только уменьшалась, как и продолжительность светового дня — не стал исключением и этот год.

У меня сложилось стойкое убеждение, что процесс вулканической активности в Йеллоустоне ещё не закончился. Продолжается выброс в атмосферу, вулканических газов и пепла. Потому, что если нет постоянной подпитки новыми выбросами пепла и вулканического газа. То атмосфера Земли уже начала бы очищаться и свет Солнца начал бы пробиваться до поверхности. Наконец стало бы светлее, и исчезли бы эти кошмарные, свинцовые облака. Хотя по занесённым в компьютер данным, буквально в последний месяц, вроде бы наметился процесс увеличения продолжительности светового дня. Температурный же график показывал, что по сравнению с прошлым годом, в среднем температура стала ниже на два градуса.

Я сделал вывод, — что может быть атмосфера и начала очищаться от пепла, но, по-видимому, большая часть лучевой энергии Солнца, отражается от снежного покрова и уходит обратно в космос. По видимому все океаны тоже замёрзли, снега в этом году выпало совсем немного, значит, влаги в атмосфере не хватает для выпадения осадков. Из-за того, что ей неоткуда испаряться.

Всё это меня очень пугало, зима могла затянуться на неопределённое время и всех наших запасов не хватит пережить её. Эта мысль не давала мне покоя, Я всё время думал, где же искать ещё дополнительные запасы и очень беспокоился по поводу нашего вездехода. Не дай Бог, он сломается, и мы не сможем ни чего привезти. Останется только сесть и ждать у моря погоды, а это меня полностью не устраивало. И даже больше чем план привоза земли из Чехова в следующем году, меня интересовало посещение военных складов. Я хотел туда заехать и поискать какую-нибудь технику, способную двигаться по этому снегу.

Вот такие мысли мне приходили в голову, когда я стал буквально еженедельно анализировать температурные и другие графики. А тем временем, несмотря на понижающиеся температуры, народ отдыхал. Все в принципе были довольны такой жизнью, которая наступила, после окончания всех работ. Где то в середине декабря, ко мне подошли Валера с Таней и Валера заявил:

— Батя, ты должен зарегистрировать наш брак — как официально выбранная власть.

На мои слова:

— Ребята вы что? У меня нет даже печати!

Татьяна ответила:

— Да нам наплевать на печати! Достаточно будет и вашей подписи на ручкой выписанном свидетельстве.

Делать было нечего, и я выписал им свидетельство о браке. Правда, предварительно проведя беседу, о нашем трудном положении и, что пока надо как-то воздерживаться от появления детей. Вот когда

потеплеет, тогда наоборот это будет только приветствоваться. В ответ на мою речь Таня засмеялась и сказала:

— Дядя Толь! Все об этом давно знают и предохраняются. К тому же в Серпухове я взяла много контрацептивных средств. Хватит всем на несколько лет.

После этого мы обговорили вопрос, куда им заселяться. В принципе после ликвидации наблюдательной комнаты и разделение её на две, у нас образовалась свободное помещение, куда я и определил вновь образовавшуюся пару. После чего спросил:

— А свадьбу-то вы не зажилите? Когда будем устраивать гулянку с криками горько? У меня Маша просто обожает это... Валера сказал:

— Я же знаю, какие вы с Володей прижимистые. Поэтому мы хотим объединить празднование Нового года и свадьбу в один день. Мы прекрасно понимаем положение с продуктами...

Так мы и договорились. Когда я рассказал Маше о женитьбе Валеры с Таней, она долго смеялась надо мной, а потом сказала:

— Дурачёк! Только ты не знал об их отношениях.

Все две недели до Нового года, прошли в подготовке этого праздника, тем более объединённого со свадьбой.

Температура на улице, тоже показывала, что наступила настоящая зима, она теперь нередко переваливала через минус сто градусный рубеж. Но, несмотря на эти космические температуры — Новый год и свадьбу Тани и Валеры, мы отпраздновали очень весело и хорошо, запомнилось всем это надолго.

Глава 10

Январь в целом выдался более холодным, чем в прошлом году, температура редко подымалась выше -90 градусов, но, тем не менее, не достигала рекордных минусов прошлого года. Февраль оказался менее холодным, чем до этого. Как бывший биржевик, анализируя температурные графики, я сделал вывод, что минимумы мы прошли, и наметился перелом понижательного тренда. Март подтвердил мои выводы, в целом он оказался теплее прошлого на один градус.

В начале ноября, когда температура только начала приближаться к -45 градусам, мы перелили дизтопливо из цистерны на вездеходе, в бак нашей дизельной электростанции. Благодаря долитому ранее керосину, топливо ещё обладало необходимой текучестью. Мы боялись, что при стоградусных морозах, дизтопливо на улице, на ветру, может замёрзнуть и разорвать нашу цистерну. Тем более к тому времени, электростанция уже выработала это количество солярки, и в баке освободилось необходимое место.

В марте температура начала иногда подыматься до -45 градусов и мы начали думать, что будем делать, когда потеплеет. Всем мужчинам зимний отдых начал надоедать. Хотелось прервать это монотонное существование и получить какие-то новые впечатления. Молодые ребята, особенно были заинтересованы вначале какой либо деятельности.

В апреле, когда температура начала подыматься выше -35 градусов, мы уже начали конкретно обсуждать, что будем делать. Запланировали, что в первую очередь завезём несколько цистерн с дизтопливом, чтобы полностью заполнить бак нашей электростанции. Потом снимем цистерну и на вездеходе и снегоходе вчетвером отправимся в район города Чехова, набирать землю и осматривать военные склады. Поедут: Саша, Флюр, Николай и я. Все остальные в это время начнут оборудовать в

малом отсеке подвала, новый огород.

На военных складах, мы будем в первую очередь искать, какую либо взрывчатку, толовые шашки у нас кончились, а без них размельчить смерзшийся уголь было проблематично.

Дождавшись, начала мая, когда температура начала подыматься выше -25 градусов. Саша с Николаем отправились в первый рейс за дизтопливом. Уехали они в десять часов утра, а приехали когда на улице уже начало смеркаться. Как нам рассказал Саша:

— Да! Это не у «Пронькиных на свадьбе»! Очень долго заводили бензогенератор, пришлось его наполовину разобрать и налаживать топливный насос. Правда, потом, после пуска бензогенератора, никаких проблем не возникало. Только солярка заливалась медленно, была слишком густой, видно ещё не отошла от больших морозов.

Для себя я отметил, что нужно ещё искать, где то керосин, для добавки в дизтопливо, у нас его уже не осталось. Мы его весь вылили в солярку. И тот, который был у нас — взятый ещё в магазине в деревне и тот, который мы привезли с заправки.

Завтра за топливом должны были ехать Флюр и Валера, потом я и Сергей. Больше мы ездов за топливом пока не планировали. После третьей ездки собирались снимать цистерну с вездехода и начинать его готовить к рейсу в Чехов. В первую очередь мы собирались поставить новые траки на гусеницы, наши самодельные оказались всё-таки слабоваты. Очень часто рвались тросики и была реальная опасность, что где-нибудь в дороге они могли полностью рассыпаться, и пришлось бы бросать наш вездеход.

Второй комплект траков, был по существу родным к гусеничной системе снятой с БМД, мы только немного их усовершенствовали. И поэтому надеялись на их нормальное функционирование и, что у нас больше не будет претензий на их работу. Потеря грузоподъемности вездеходом в сегодняшних условиях, мы думали, будет незначительна. Снег стал гораздо плотнее, сейчас можно было передвигаться даже без лыж. После установки новых траков, Коля с Володей и Максимом должны были провести полное ТО вездехода и особенно тщательно проверить и промазать всю ходовую часть. Очень много времени занимало расконсервация техники после зимы. Приходилось полностью заливать все виды технических жидкостей, включая, моторное и трансмиссионное масло.

Вообще-то техническое обслуживание нашей техники, после поломки моего снегохода, мы проводили гораздо чаще, чем было положено по инструкциям. Может быть, поэтому у нас всё работало чётко без поломок. Хотя эксплуатировали мы технику в летний период довольно интенсивно и можно сказать в экстремальных условиях.

В течение четырёх дней, мы заменили траки и сделали полную профилактику и ТО нашему вездеходу и снегоходу, а также полностью подготовили всё снаряжение и дополнительное оборудование. На всякий случай в вездеход, Валера вмонтировал систему «Глонасс», купленную нами у прапорщика в Туле. Хотя никто и не надеялся, что она начнёт функционировать, наверняка связь со спутниками ещё не установилась. Об этом мы судили по системе спутниковой телевизионной антенны, установленной у меня в доме. Никаких тестовых сигналов об установлении связи со спутником, система не подавала.

После проведения всех работ с вездеходом и снегоходом, ещё подождали до середины мая, когда температура твёрдо установится выше — 25 градусов и утром шестнадцатого мая мы тронулись в путь. Выехали в девять часов — уже начинало светать. Ехали без остановки до мостов через реку

Оку. Там Саша поменялся с Флюром и сел управлять снегоходом. Флюр сел в кабину ИСУЗУ отогреваться, за рулём вездехода был я. Потом мы переехали Оку, попав на бывшие пляжи. Проехав километров шесть по просеке над бывшей дорогой, выехали на широкую просеку над Симферопольским шоссе. В этом месте мы остановились, и уже Николай поменялся с Сашей местами, по управлению снегоходом. Ещё одну остановку мы сделали у первого поворота на Чехов и за руль снегохода сел опять Флюр. После чего уже без остановок доехали до ангара, где раньше торговали различной рассадой и другими товарами по уходу за растениями, в том числе землёй и удобрениями.

Остановившись около того места, мы всё оглядели. Из-за снега, ангара даже не было видно, на том месте просто возвышался большой снежный холм. Сразу было видно, что откапывать придётся долго и, наверное, не один день, такую работу совершенно не хотелось проводить. Тогда Саша предложил: — Что мы будем париться? Давайте сделаем пробоину в корпусе этого металлического ангара, просто издали обстреляем его из гранатомёта.

Ему всё это время не терпелось испытать его в каком-нибудь деле. Он и дома просил дать разрешение, пострелять по какому-нибудь дому в посёлке, но там я ему это запретил сказав:

— Что ты неразумный мальчишка что ли. В войнушку хочется проиграться? Вот когда поедем за углём или ещё куда-нибудь там и постреляешь.

Поэтому в надежде пострелять он и взял гранатомёт с собой, объясняя это тем, — что всё-таки едем на военные склады и неизвестно, вдруг там засели какие-нибудь бандиты.

Я ему на это сказал:

— Мечтать не вредно! Если даже кто-нибудь там и находился, то после таких зим, там остались только замороженные трупы.

Но Саша всё равно настоял и взял с собой гранатомёт.

Сейчас мне казалось, что он был прав, и идея пробить дыру в корпусе ангара была весьма разумной. Поэтому я согласился с этим предложением. Мы, отъехав метров за сто от ангара, поставив вездеход задним бортом к нему и остановились. Саша вышел из кабины и залез в кузов. Там он вместе с Флюром установил гранатомёт. После чего они сделали серию выстрелов. Раздалось несколько взрывов и на том месте, где находился ангар, взметнулся столб снежной пыли. Подождав, когда снег осядет, мы подъехали к ангару. Полукруглая верхушка его очистилась от снега и ближе к коньку крыши была не очень большая рваная пробоина, сантиметров тридцать в диаметре.

Саша предложил:

— Давайте ещё произведём серию выстрелов. А то дырка что-то маловата.

Но я не разрешил, сказав:

— Ну маньяк, дорвался! Теперь граната может попасть внутрь ангара и взрывом повредить мешки с землёй. Сейчас гораздо проще, болгаркой вырезать большое отверстие. Тем более теперь легко определить, где проходят металлические балки и можно вырезать только тонкий слой листового железа.

Все с этим согласились, включая Сашу.

Мы завели бензогенератор, и Николай за десять минут выпилил большой кусок крыши ангара. И я с Сашей и Флюром, по верёвке спустились туда. Землю и мешки с удобрениями нашли сразу, они лежали сложенные в большие штабеля. Я попробовал оторвать верхний мешок от штабеля, с трудом,

но мне это удалось. Больше ничего интересного мы там не нашли и по верёвке Саша и Флюр вылезли наверх. А потом меня просто вытянули на верёвке наружу.

После этого мы все залезли в тёплую кабину, погреться и посоветоваться, как мы будем доставать эту землю. Коля сразу предложил вытаскивать груз тельфером, который мы привезли из Серпухова. Он предложил сделать, что-то типа, кран-балки. Вытаскивать мешки с землёй из ангара и по рельсу передвигать в кузов вездехода, а там уже просто аккуратно укладывать поднятые мешки. Коля сказал:

— Я подумаю, как сделать эту систему разборной. И не сомневаюсь, что её можно изготовить в течение трёх дней.

Нас эта идея полностью устраивала. Отпадала муторная работа по откопке наклонного съезда к воротам ангара, который пришлось бы копать не менее четырёх дней. А если учитывать дальность ездки и отсутствие тёплого помещения для ночёвок то и того больше. А тут в комфортных условиях изготовить подъёмную систему. Потом приехать, за день её установить и можно спокойно грузить землю. Тем более этой кран-балкой, мешки будут подаваться прямо в кузов. Обсудив всё это и согласившись с идеей Коли, мы поехали к военным складам. Они были отсюда совсем недалеко, от силы четыре километра.

О наличии здесь когда-то охраняемого объекта, служили только верхушки наблюдательных вышек, редкой цепочкой, стоявшие по периметру весьма большой территории. Дальние вышки можно было рассмотреть только в бинокль. Местонахождение ангаров, боксов и других строений, можно было определить только по снежным холмам. Они были расположены слишком упорядоченно для природных образований.

От этого пейзажа нам стало как то не по себе. Сразу представился, какой объём работ надо провести, чтобы заглянуть хотя бы в один ангар. Работы по очистке въезда в бомбоубежище казались сказкой. Тем более, там мы знали, что наверняка найдём, так нужные нам продукты. Тут же совершенно не было известно, что в этих ангарах и нужны ли нам эти вещи. Может быть, вся проведённая работа будет совершенно бесполезна.

Опять сев в тёплую кабину мы решили пообедать и заодно обсудить вопрос, надо ли нам здесь мучаться или плюнуть на всё и заняться спокойно вывозкой земли, которая нам действительно была нужна. Саша и Флюр были за то, что надо начинать копать. Здесь может находиться и топливо и продукты и много чего ценного, склады были очень большими. Николай говорил:

— Мужики! На кой ляд, нам нужны эти проблемы? Теперь у нас в принципе достаточно продуктов, да и топливо есть. А с вводом в эксплуатацию всего огорода, можно спокойно ждать, когда потеплеет и не дёргаться.

Я выслушал их всех, потом высказал своё мнение:

— Исходя из прогнозов специалистов почерпнутых в Интернете, а также проведённых мной анализа температурных графиков. Потепления можно ждать не раньше, чем лет через пять, а может быть и через десять. Нефтепродуктов с ближайших заправок хватит ещё максимум на полтора года и не факт, что мы недалеко от нас их ещё найдём. Из топлива у нас в достатке имеется только уголь на барже, но его ещё надо довести до дома. По поводу этих складов я сомневаюсь, что здесь есть продукты или боеприпасы, а тем более хранилище нефтепродуктов. Когда я здесь бывал до катастрофы, особой транспортной активности тут не замечал. Бензовозов не видел, да и охрана была

не особенно серьёзной. Меня на территорию этих складов спокойно пропускали на моём фургоне, достаточно было распоряжения моего знакомого прапорщика. Но, несмотря на это, рыть всё равно надо. Здесь может быть находится то, что нам нужнее даже чем продукты, это техника. Скорее всего, это склады инженерного оборудования и законсервированной техники. Я больше чем уверен, что здесь могут находиться различные вездеходы и даже такие, на которых можно будет передвигаться по такому снегу. А имея эту технику, мы без проблем найдём и продукты, и необходимое топливо. Сейчас же у нас одна надежда на этот вездеход и неизвестно, сколько он ещё выдержит. Если делать новый вездеход, где взять ещё одну такую удобную для переделки машину, да и запчасти к этой, где взять. И пока у нас есть силы и накоплены резервы продуктов и топлива, надо приложить все усилия, чтобы обеспечить себя резервным транспортом. Уже в следующем году могут возникнуть большие проблемы с вывозом угля, нам придётся его долбить, отбойными молотками, взрывчатка вся кончилась. А здесь всё-таки есть вероятность найти сапёрный склад с небольшим запасом взрывчатки. И последний мой аргумент, по большому счёту в это лето мужчинам делать нечего. Из большой нужной работы осталось только вывозка земли, а потом мы, что, будем — плевать в потолок, это и так за зиму уже всем надоело.

Когда я закончил, Коля уже заинтересованно произнёс:

— Склад инженерного оборудования и механизмов! Да это меняет дело! Может действительно можно, что-либо интересное здесь найти. Наверняка эти вещи отсюда не увезли, это тебе не продукты и не бензин.

В общем, он тоже стал горячим сторонником, проведения работ на этих складах. После этого импровизированного совещания, мы решили объехать всю территорию и зарисовать схему размещения: ангаров, боксов и других строений. А так же постараться найти, что-то типа штаба всего объекта. Саша сказал:

— Штаб должен быть обязательно и там наверняка остались подробные схемы расположения складов и инвентаризационная опись по каждому складу и боксу. Штаб должен находиться недалеко, а скорее всего рядом с казармой. Наверняка солдаты и младшие командиры охраны проживали здесь, никто не стал бы их сюда привозить на дежурство. Штаб и казармы, должны отапливаться в зимнее время, а значит, недалеко должна быть котельная. Нужно искать трубу, её наверняка можно увидеть — конечно, если она не рухнула от землетрясения. Эти здания, скорее всего двух или трёх этажные и вряд ли полностью заметены снегом.

После этих слов Саши, мы уже конкретно поняли, что нам искать и после небольшого обмена мнениями договорились, пока светло по кругу объехать весь объект. Мы на вездеходе по большой окружности, с удалением от вышек не более чем на двести метров. А Саша на снегоходе по малой — не удаляясь от центра территории складами более чем на триста метров. Через час должны были съезжаться, чтобы Саша не замерз, и отправляться домой, уже окончательно готовится к предстоящей работе.

Начав объезжать территорию и не доехав до дальних вышек метров пятьсот. Флор заметил метрах в трёхстах от нас, торчащую железную трубу. Наверняка это была труба местной котельной, подъехав к ней, мы разглядели метрах в ста, очертания трёх прямоугольных строений. Подъехав к ним ещё ближе, увидели, что снег ещё не полностью завалил фронтоны крыш этих зданий, виднелись даже часть стен. Это были двух этажные строения барачного типа. Осмотрев это со стороны, мы даже не

стали пытаться туда попасть, а развернувшись, поехали к Саше, видневшемуся где-то в километре от нас. Когда подъехали к нему, и он залез в кабину греться, Флюр сказал:

— Всё дело сделано! Объект найден, можно собираться домой.

Несмотря на желание Саши осмотреть найденные здания и залезть в одно из них. Я заявил:

— Всё! На сегодня аттракцион закрыт. Уже начинает смеркаться, а нам ехать домой не менее двух часов. Осмотрим здания в следующий раз. Нужно получше подготовиться, нам придется в одном из этих зданий оборудовать базу. Значит, обязательно требуется сюда везти, дизельную печь и ещё один бензогенератор, чтобы отогреть и осветить нужное нам помещение. Надо всё сделать основательно, судя по всему, здесь придётся провести не одну неделю. Сами понимаете, что ежедневно ездить домой это не реально.

После этих моих слов, Саша успокоился, а Флюр пошёл заводить снегоход, и мы поехали домой. Обрато мы ехали медленно, стало холоднее и смену водителей снегохода делали четыре раза. До дому доехали за три часа, там нас уже давно ждали, всем было очень интересны результаты нашей экспедиции. После ужина я рассказал о результатах поездки, и началось долгое обсуждение всех дальнейших наших действий связанных с этими новыми обстоятельствами и открывающимися перспективами.

Все мужчины были только за начало раскопок военных складов, предстоящие работы никого не пугали. За зиму мы уже успели соскучиться по ней. Женщин интересовало, прежде всего, получение земли для огорода, но перспектива получить нормальный, заводской вездеход их тоже увлекла. Тем более Саша договорился до того, что с той техникой, которая там стоят, мы засыплем их землёй. И вообще перед нами открываются все ресурсы Москвы и близ лежащих регионов. Под завесой этого бриллиантового дыма, навеянного речами Саши, и проходило всё дальнейшее обсуждение нашего плана действий.

Никого из ребят не вдохновляла мысль устраивать базу в казармах или штабе этих складов. Я тоже понимал, что теплоизоляция там, если мягко сказать, оставляет желать лучшего и вряд ли, мы всё прогреем одной печкой. Тем более мы давно хотели сделать мобильную тёплую бытовку и основным, генератором этой идеи был Валера. Поэтому ему и поручили начинать её делать. В помощь были направлены все незанятые в других работах ребята. Причём такую бытовку, чтобы там могли переночевать четыре человека. Николай с Володей и Максимом, должны были за три — четыре дня сделать легко собираемую кран-балку, где груз должен был подымать имеющийся у нас тельфер.

В основном все начали обсуждать, как и из чего будем делать эту мобильную бытовку. Оказалось, что все были большие знатоки этого и бедному Валере даже не давали раскрыть рта. Даже женщины приняли в этом самое активное и живое участие. Хотя если прямо сказать, мне очень понравилось, удивило своей новизной и оригинальностью, а также очевидной простотой, идея высказанная Наташей. Она спросила:

— Помните ли вы про куриные окорочка?

Когда все сказали, что конечно. Она продолжила:

— Тогда вы должны помнить, как рассказывали о фургоне, в котором их перевозили. Как удивлялись, что при падении с моста совершенно не пострадал сам фургон и как все мужчины восхищались его теплоизоляцией. Такой хорошей, что окорочка даже не разморозились до

наступления больших минусовых температур. И вспомните, как Валера уговаривал вас снять хотя бы одну дверь, чтобы изучить устройство её теплоизоляции.

После этого она предложила использовать эту будку вместо того, чтобы горючить какую-то бытовку. Тем более для её постройки и получения нужных материалов, надо было разбирать ещё какой-нибудь дом.

Всем мужчинам эта мысль чрезвычайно понравилась и мы оставив планы строительства бытовки, теперь начали обсуждать проблемы со снятием этой будки с разбитого автомобиля. Тут высказался Володя, он сказал:

— Нужно просто срезать болгаркой её крепление с рамой автомобиля. Предварительно зацепив её тросом лебёдки, с моста, а потом либо аккуратно опустить на заготовленные лыжи, либо поднять на сам мост.

Всем эта мысль тоже весьма понравилась и поэтому на завтра мы запланировали заняться и изготовлением лыж. Валера идею их разработал ещё зимой, когда проектировал мобильную бытовку. Материалы для этого у нас были, вместо бруса решили использовать, половые доски, снятые в доме Володи. После этих обсуждений, в одиннадцать часов вечера, все разошлись спать, завтра нужно было вставать пораньше, чтобы успеть, всё намеченное сделать.

Я встал по будильнику в восемь часов утра. Машу будить не стал, пошел, умылся и спустился в столовую. Где стал помогать приготовить завтрак, дежурившей Наде. Вскоре спустились и все остальные наши мужчины. За завтраком мы договорились, что Коля со своей бригадой, продолжает заниматься кран-балкой. Но в первую очередь они должны подготовить крепления тельфера, который будет использован при подъеме фургона. Все остальные, включая назначенных в наряд, будут заниматься, подготовкой к предстоящим работам и изготовлением лыж для фургона. Их решили делать шириной тридцать сантиметров и длиной четыре метра, такая ширина получалась, если сложить вместе три доски. Для получения такого же переднего изгиба как на лыжах, чтобы они не зарывались в снег, Валера набил выступающие на двадцать сантиметров обрезки такой же доски, а снизу всю эту конструкцию оббил оцинкованным железом. Так как мы не знали устройства крепления фургона, с рамой автомобиля то просто прибили поперечный брус, по существу сделав большие сани, шириной два метра. На эти сани мы и хотели установить фургон, а чтобы он стоял устойчиво и не двигался, намеривались его закрепить с санями тросами.

Всю эту работу наша бригада сделала к семи часам вечера. В целом конструкция получилась даже красивой и выглядела весьма солидно, по весу её спокойно могли поднять два человека. В общем, всем, получившиеся сани понравились. Коля с ребятами тоже подготовили к завтрашнему использованию тельфер, сняли кожух с барабана лебёдки, чтобы туда наматывалось больше троса, и можно было подымать груз на большую высоту. А также усовершенствовали крепление, чтобы было можно спокойно зацепиться за какую-нибудь часть моста. Но технически было невозможно обеспечить подъём фургона на мост, максимум теперь этим усовершенствованным тельфером можно было поднять груз на девять метров, а мост был гораздо выше. Поэтому мы окончательно остановились на первом способе установки фургона, просто его слегка приподнять и, оттягивая верёвками опустить на изготовленные сани. Сложив все в кузов и зацепив сани буксировочным тросом, мы наконец-то отправились ужинать. Там мы договорились, что завтра вытаскивать фургон поедут: Саша, Флюр, Валера и я, выезжаем пораньше, в девять часов утра. Как раз когда подъедем к

мосту, на улице начнёт светлеть.

На следующий день к мосту мы приехали в десять часов. Я и Валера на Вездеходе поехали к упавшему фургону, он так и остался не занесённый снегом. Подъехав почти вплотную к нему, Валера крикнул оставшимся на верху моста Саше и Флюру, чтобы они начали крепить тельфер над этим местом. Ребята закрепили его за фонарный столб, стоящий на мосту, практически над местом падения автомобиля с фургоном. После этого они опустили нам конец каната, другим концом он был зацеплен за трос тельфера. В это время мы с Валерой, уже обвязали Фургон крепкой верёвкой и, поймав сброшенный канат, закрепили их между собой. Ребята, тельфером подтянули трос, отцепили сани и на снегоходе поехали к нам. В это время мы откидывали снег от рамы машины, открывая доступ к месту креплений с фургоном, он крепился с рамой, восемью толстыми металлическими хомутами.

Когда ребята подъехали, мы все забрались в тёплую кабину вездехода, погреться и обсудить наши дальнейшие действия. Было решено, что Саша поедет обратно на мост и там по нашим командам, отданным по радиии, будет управлять тельфером. Валера, большой болгаркой, срежет крепёжные хомуты. Флюр, упором из доски будет отжимать освобожденный фургон от опоры моста и одновременно страховать, чтобы фургон не раздавил Валеру, когда будут срезаны крепления. Ну а я, сев за руль вездехода, зацепив тросом за верёвки, которыми был обвязан фургон, буду в натяг тащить его в сторону ровной площадки. Где мы и поставим его на наши новые сани. Главным координатором, отдающим всем команды по радиии, назначили Флюра.

Обговорив все эти вопросы, мы начали действовать. Первоначально установили на выбранной и подготовленной площадке, сани. Потом Саша уехал на снегоходе наверх к тельферу. Когда Валера отпилил крепления, Я очень медленно в натяг, по командам Флюра, оттащил освобождённый фургон к саням, в это время Саша стравливал трос тельфера. Так продолжалось минут пятнадцать, пока фургон не опустился на сани. Потом уже втроём, вручную, пользуясь упорами из досок, установили фургон ровно и начали тросами крепить его к саням.

Закончив эту работу, мы собрали все наши инструменты и приспособления и неспешно, поехали наверх на шоссе. Где нас уже ждал Саша, там он замёрзший уселся в кабину, а я заменил его на снегоходе. И мы поехали домой, там мы уже были в три часа дня.

Наши самодельные сани, прекрасно повели себя на дороге. Вездеход легко их тянул, фургон в санях стоял как влитой, мы даже передумали делать дополнительные крепления. Подъехав к дому, даже не стали отцеплять сани с фургоном от вездехода. Решили провести дооборудование фургона прямо в таком походном состоянии, а потом сразу же увезти на место работ.

Даже не дав нам пообедать, все собрались осматривать этот фургон, а потом начали нахваливаться Наталью, за удачно пришедшую мысль. Особенно этим выделялся Сергей, я уже неоднократно замечал, что он постоянно в любую свободную минуту, крутится возле неё. И мне приходила мысль, что, наверное, скоро придётся подыскивать свободную комнату и для них. Пока народ осматривал фургон, мы вчетвером всё-таки пошли обедать.

После обеда в столовой, собралось всё мужское население нашей коммуны, думать, как мы будем оборудовать этот фургон. Теперь мы его стали называть бытовкой. Решили, что установим шесть спальных мест, в виде П образных, двухъярусных нар, посередине поставим стол. Также сделаем утеплённую перегородку с небольшой дверью, перед большими створками термофургона. И этим

сделаем полуметровый тамбур, который можно будет использовать как склад. Одну створку заблокируем полностью. Дизельную печь будем ставить недалеко от этой перегородки, там как раз было вентиляционное отверстие. Установленный в фургоне морозильный агрегат будем снимать, а оставшиеся отверстие, использовать как вентиляционное, на всякий случай, поставив туда заслонку. После этого обсуждения, все кроме Колиной бригады, приступили к переоборудованию фургона, работали до девяти часов вечера, после чего пошли ужинать. Все работы по оборудованию бытовки, заняли у нас три дня, за это время Коля со своей бригадой, тоже закончили изготовление, сборной кран-балки. Так что мы полностью подготовились к проведению работ в окрестностях города Чехов и решили отправляться туда 22 мая. В первую очередь договорились вывозить землю.

Глава 11

22 мая все отъезжающие встали в восемь часов утра и быстро позавтракали. Так как всё уже было подготовлено и уложено в кузов вездехода и сани снегохода, мы выехали в Чехов в половине девятого. В первый рейс поехали вчетвером. Вездеход вёл Николай, напарником у него был Валера. Я и Саша, ехали, сменяясь на снегоходе. Температура была -18 градусов. Двигались мы не очень быстро, буксируя бытовку, особо не разгонишься. Поэтому добрались до ангара с землёй только через три часа. Бытовку установили недалеко от проделанного отверстия в ангаре. Пока я отогревался в тёплой кабине, ребята разгружали привезённые детали подъемного устройства. Когда вышел из кабины, всё уже было разгружено. Детали будущего подъемника, уже лежали у вырезанного отверстия в ангаре, и мы начали собирать кран-балку.

Сначала установили первую опору. Она была изготовлена в виде турника, с перекладиной из металлического швеллера, длиной полтора метра, стойками служили два бруса. Опирались они, чтобы устойчиво стояли на крыше ангара, на крестовины из половой доски. Установив первую опору, пошли греться в нашу бытовку, печку там затопили, как только прибыли к ангару. Через двадцать минут вышли и начали собирать вторую опору. Конструктивно она была примерно такая же, только перекладина была длиной четыре метра, и сами стойки были длиннее на один метр. Так как уровень их установки был ниже, чем первой опоры. Кроме этого крестовины этих стоек опирались на два деревянных щита уложенных на поверхность снега, параллельно друг другу, чтобы не мешали въезду вездехода под загрузку. Для устойчивости всей этой конструкции, мы связали эти две опоры несколькими поперечными досками. Потом опять погревшись, закинули между перекладин, длинный, пятиметровый Т образный металлический швеллер. Закрепив его болтами на заранее подготовленном месте, в центре каждой из перекладин. Предварительно Коля установил на этот швеллер каретку,двигающуюся на подшипниках по его кромкам. На каретке уже было крепление для подвески тельфера, его мы подвесили прямо из кузова вездехода, въехав задним ходом прямо под получившуюся кран-балку. Высота тельфера над кузовом, составляла около двух метров. После окончания всех этих работ, пошли греться и обедать. Помещение в бытовке, уже нагрелось до двадцати семи градусов. Пришлось печку загасить и, не смотря на это, пока мы в течение часа обедали, температура в комнате опустилась всего на один градус.

После обеда пока было светло, Валера провёл освещение и снаружи и внутри ангара, установив несколько стоваттных прожектора. После чего, заведя бензогенератор и включив освещение, мы втроём при помощи тельфера спустились в ангар. Валера остался наверху управлять тельфером. Внутри этого большого помещения, нам тоже пришлось поработать, освобождая проход к тросу

подъемника. Внутри ангара мы нашли три садовые тележки, а также рулон с маскировочной капроновой сетью. По-видимому, раньше её использовали для создания тени над растениями, когда в летний период, выносили саженцы на улицу. Саша предложил:

— Давайте поднимать мешки в этой сети. Как обычно это делают в портах, с сыпучими грузами в мешках, разгружая трюмы кораблей.

Отрезав необходимую длину этой сети, начали накладывать туда по десять мешков, вес одного мешка был 25 килограмм, большее количество мешков грузить мы опасались — сеть могла не выдержать. Валера поднимал эти мешки в кузов и там раскладывал.

В течение двух часов, с перерывом на обогрев, мы загрузили в кузов вездехода сто мешков с землёй. Время уже было около половины шестого вечера. Посоветовавшись, мы договорились, что Саша, несмотря на наступившую темноту повезёт мешки домой, а завтра привезёт к нам на подмогу Флюра. В шесть часов, выпив чаю с бутербродами, Саша уехал, а мы поужинали и до одиннадцати часов вечера втроем играли в карты. За это время мы всего на один час затапливали печь, а спали вообще без неё, прикрыв немного вентиляционные отверстия.

Спали мы до девяти часов утра, потом позавтракали и до приезда ребят, опять сели играть в карты. Они приехали только в одиннадцать часов. Саша сразу установил вездеход под погрузку. Он и Николай остались наверху управлять тельфером и укладывать в кузов мешки, а мы втроем полезли в ангар, перевозить и грузить мешки с землёй в сеть. Вездеход загрузили меньше чем за полтора часа, и пошли обедать.

После обеда уже я повёз землю домой, доехал часа за три, особо не гнал, берёт вездеход и к тому же сегодня возвращаться обратно я не собирался. Всё-таки спать в бытовке было душновато, особенно на верхних полках, более-менее комфортно ночевать там можно было только втроем.

Саша с Флюром, после моего отъезда хотели на снегоходе доехать до военных складов и попытаться проникнуть в одно из зданий. Домой приехал, когда ещё на улице было светло. Чтобы немного размяться, начал помогать переносить мешки с землёй. После переноса мешков, пошёл вне графика в душ, где, как и все очень экономно расходовал воду. Только намочился, намылился, а потом смыл мыло и всё душ закончился, можно вытираться.

Когда пришёл в столовую начал рассказывать о нашей работе. И что земли там осталось ещё максимум на пять ездов и то если привезём ещё мешков двадцать удобрений. Маша была, конечно, этим известием расстроена. На оборудование огорода во всём малом отсеке подвала, этого количества земли не хватало. Но я её немного успокоил сказав:

— Успокойся! И так получается более ста квадратных метров посадок. При двух-трёх урожаях в год, мы сможем обеспечить наш рацион, ежедневной прибавкой свежей зелени, а два раза в неделю и свежими овощами. Это будет весьма неплохо и наши проблемы с постоянными болезнями уйдут в прошлое.

После ужина пошёл в подвал, позагорать и полежать на массажной кушетке. Там увидел, что коробка для укладки привозимой земли уже готовы. За то время, пока мы возили мешки, их сделали оставшиеся дома ребята. Полежав на массажной кушетке минут сорок, пошёл в свою комнату и до десяти часов вечера читал, после чего уснул.

Встал по будильнику в семь часов утра и без двадцати восемь уже выехал в сторону Чехова, сегодня хотелось сделать два рейса с землёй. К ангару подъехал уже в десять часов, ребята уже ждали. Мы в

течение двух часов загрузили вездеход, с одним перерывом для обогрева, где Саша рассказал, как вчера съездили к складам:

— В первом здании, куда мы залезли, оказалась бывшая казарма, там не было ничего интересного и полезного. Следующее здание проверять не стали, лезть было уже темно, решили оставить на следующий раз.

Я посоветовал:

— Давайте больше не отвлекаться на склады, а скорее закончим с землёй. Тем более что осталось сделать максимум пять ездов и надо попробовать делать по две ездки в день. Сегодня отвозить землю буду опять я, так как хорошо выспался и отдохнул. А завтра, скорее всего ты, потом уже Николай. Поэтому сегодня вам ехать на склады, по любому нельзя. Я приеду за второй партией земли часа в четыре и нужно быть готовым быстро загрузить вездеход.

Следующий день прошёл практически также, опять землю возил я, как лучше всех выспавшийся и отдохнувший. В бытовке, как рассказывали ребята, спать было душно и беспокойно. Ночью они периодически просыпались, то гасили печку, то наоборот её затапливали, когда становилось холодно, так как из-за духоты приходилось приоткрывать дверь в перегородке.

В последний мой рейс, загрузили практически всю землю, оставалось только двадцать четыре мешка. В следующую ходку решили до ста мешков доложить в кузов, различные удобрения, список которых мне дала Маша. На следующий день я приехал к одиннадцати часам. Весь кузов был загружен: инструментами, оборудованием и другими припасами для проведения длительных работ на военных складах, а также деревянными щитами, которые приготовили для выгрузки погрузчика.

Захватив Флюра и Валеру, я поехал к складам их выгружать. Пока выгружать всё решили около ближнего холма, к предполагаемому штабу. Потом определившись где начинать рыть снег, можно будет перевезти всё к месту проведения работ. Выгрузив всё около этого снежного холма, поехали под загрузку землёй и удобрениями. Потом мы пообедали, и Саша с Колей отправились на гружёном вездеходе домой. Завтра они должны были привезти погрузчик. Когда они уехали мы начали подготавливать всё для переезда, в первую очередь, конечно, разбирать кран-балку. Она отработала очень хорошо и нам даже понравилась. К девяти часам вечера, при свете прожекторов, мы всё полностью разобрали и подготовили к перевозке. После чего пошли ужинать и отогреваться в бытовке, спать улеглись в одиннадцатом часу вечера. Действительно спалось в бытовке не очень хорошо, было душно, циркуляция воздуха была препаршивейшая.

На следующий день, мы продолжали готовиться к переезду и грузить всё освободившееся оборудование в сани. Занимались этим до самого приезда Саши и Николая с погрузчиком в кузове. Когда они подъехали мы, оставив Валеру в бытовке, отправились с загруженными санями к военным складам. Там подготовили площадку и разгрузили погрузчик из кузова. Вернее на нём выехал Коля, по приставленным к кузову, деревянным щитам. После этого я, уже на пустом вездеходе поехал цеплять бытовку и транспортировать её к месту проведения раскопок.

Оставшиеся должны были, попробовать попасть в следующее здание. Сани, пока не определились с местом раскопок, разгружать не стали. Подъехав к бытовке, где уже в нетерпении прохаживался Валера, мы быстро загрузили в кузов вездехода все детали кран-балки. Потом прицепив бытовку к фаркопу, не спеша потащили её в сторону складов. Где и поставили недалеко от выгружённого погрузчика. После этого поехали к видневшемуся недалеко снегоходу, стоявшему рядом с одним из

зданий.

Подъехав туда поближе, мы увидели, каким образом наши ребята попали в это здание. На фронто́не крыши, на уровне двух метров над снежной поверхностью, виднелось несколько рваных дыр. Одна была значительно расширена, видно дело не обошлось без бензопилы и топора. Я подумал, — что Саша наверняка использовал свой любимый гранатомёт, произведя серию выстрелов по фронто́ну крыши. Мы подъехали совсем близко к этой пробоине, откуда уже выглядывал улыбающийся Флюр. Он помог нам влезть в здание и сказал:

— Приветствую вас в нашем «эльдорадо»! В этом здании оказался столь вожаденный нами штаб. Сейчас Саша ищет схемы расположения ангаров и инвентаризационные описи, чтобы у нас появилась определенная, конкретная цель — какой ангар откапывать.

Мы, включив фонари, тоже пошли обыскивать здание. Спустившись с чердака, уже в коридоре, наткнулись на замёрзший труп, в открываемых нами комнатах их были десятки. Поэтому наше намерение тщательно обыскать все комнаты очень быстро исчезло, и мы пошли к Саше. Который как опытный военный, уже нашёл комнату с секретными материалами и там перебирал бумаги. Стоящие вдоль стен несколько больших железных шкафов и два сейфа были открыты. На мой вопрос:

— Слушай Санёк! Ты случаем не медвежатник? Как это тебе удалось всё это открыть?

Он, молча, кивнул на лежащие немного в стороне два трупа. По-видимому, Саша с Флюром, стащили их со стоящих в этом же помещении двух диванов, чтобы не мешали. Предварительно обыскав, и у них нашли ключи от несгораемых шкафов и сейфов.

Эти люди, было видно, просто замёрзли. На надетые, на них полушубки и ватные штаны было намотано куча каких-то тряпок и одеял. На полу валялось пять пустых бутылок водки и несколько вскрытых консервных банок. При дёргающемся свете фонарей, картина получалась мрачная и сюрреалистичная.

Я решил выйти обратно на чердак, где можно было увидеть, по крайней мере, дневной свет и подышать свежим морозным воздухом. Здесь я чувствовал, что моя помощь совершенно не нужна, а может только помешать и замедлить поиск нужных документов. Со мной вместе вышел и Валера. Николай тоже стоял на чердаке и нервно курил. Мы с Валерой тоже закурили и начали обсуждать увиденное зрелище.

По-видимому, после катастрофы, весь персонал складов, переехал жить в это здание, как наиболее качественно сделанное и лучше всего утеплённое. Об этом свидетельствовали, явно перенесённые из казарм, железные двух ярусные кровати, а также количество трупов. Но, по-видимому, система отопления не смогла обеспечить тепло при таких морозах и люди просто замёрзли. Видимо в последние дни, они очень много пили, буквально все помещения были завалены пустыми водочными бутылками. Наверное, командование, чувствуя, что ничего не может сделать, раздало всем водку и пустило всё на самотёк.

Постояв так какое-то время и замёрзнув, мы пошли греться в кабину вездехода и ждать появления Саши и Флюра. Прождали мы не менее часа. Валера уже хотел идти проверить, не случилось ли там чего, когда они появились все скукоженные и замёрзшие. Саша нес в руке несколько папок с документами.

Я сказал Коле и Валере, чтобы они шли заводить снегоход и на нём ехали к бытовке. Вместо них в кабину сели Саша и Флюр. Я, включив обдув тёплым воздухом, тоже поехал к бытовке. В ней

должно было быть тепло. Мы, перед тем как ехать к ребятам в здание, растопили дизельную печь. Пока мы ехали, Саша так и ничего не сказал, видно очень замёрз и теперь отогревался, температура на улице была — 16 градусов.

Приехав в бытовку, я начал отпаивать Сашу и Флюра горячим чаем, Туда плеснул даже немного коньяку. Попив чаю, они отогрелись и начали рассказывать, все свои похождения и, что нашли в штабе. Как я и предполагал, дыры во фронтоне, Саша сделал, выстрелив из гранатомёта. Потом при помощи бензопилы и топора расширили самую большую из них.

Попав в здание, они сразу поняли, что это штаб. Это было видно по наличию многочисленных кабинетов, хотя и заставленных казарменными койками. Поэтому Саша и Флюр пошли искать секретную часть. Нашли её тоже быстро, двери там были металлическими. Зайдя туда в незапертые двери, они увидели закрытые железные шкафы и сейфы. Видя трупы, лежащие на диванах, они обыскали их, и нашли связку ключей от их замков. А потом изучали найденные бумаги, ища информацию об имеющихся на складах запасах. И вот вся она в этих пяти папках, Саша поднял их с кровати и бросил на стол.

Николай в это время осматривал остальные помещения штаба, но по его словам кроме небольшого запаса продуктов и водки, он ничего интересного не обнаружил.

Я начал изучать принесённые Сашей документы. Там была и схема территории с нумерацией всех боксов и ангаров и акты инвентаризации по каждому указанному в этой схеме объекту. Из этих документов было прекрасно видно, что где находится, именно эти сведения мы и надеялись найти в штабе.

Так как скоро должно было начинать темнеть, мы быстро перекусили, привезённым из дома обедом. После чего Валера и Флюр, поехали домой, чтобы хоть по-человечески вымыться и выспаться. Заодно увезти ненужные теперь детали кран-балки. К тому же они должны были завтра привезти запасы продуктов и топлива для печки и бензогенератора.

Кстати, мы правильно выбрали объект для откапывания, по схеме и инвентаризационным записям, это был бокс для специальной техники. Там, например, должно было быть четыре транспортёра на воздушной подушке. Единственно, что меня беспокоило во всех этих инвентаризационных списках, это даты. Самая последняя опись проводилась за пять месяцев до катастрофы.

Как только ребята уехали, мы, заранее установив освещение, вручную откидали верхний, более рыхлый слой снега, по будущей трассе въезда в бокс. Потом, Саша, севший за управление погрузчиком, начал углублять этот въезд. Флюр на снегоходе, буксировал сани нагруженные снегом, а я помогал ему опрокидывать ручной лебёдкой, самосвальный короб на санях. Так мы работали, до десяти часов вечера, переместив за это время, где-то кубов пятьдесят снега.

На следующее утро, мы встали в восемь часов и в девять уже опять принялись за работу. Где-то в районе часа дня, приехали Николай и Валера, привезли нам припасы и уже готовые обед и ужин. К этому времени было уже докопано до середины ворот бокса. Решив сначала пообедать, а уже потом окончательно откопать вход в бокс, мы приостановили работу.

За обедом ребята рассказали, что дома всё нормально, все здоровы, Ванька растёт и все с нетерпением ждут результатов нашей работы. Этим они ещё больше распалили наше нетерпение увидеть, что же находится в боксе. Мы быстро закружились с обедом и уже впятером пошли убирать снег. При этом Коля с Валерой, начали вручную копать шурф возле самых ворот бокса.

Вырезанные снежные блоки, они переносили наверх, вырубив в снегу для этого ступени. Он был хорошо спрессован, поэтому блоки не рассыпались.

Когда на улице стало уже совсем темно, мы, наконец, смогли попасть в этот бокс. Была откопана маленькая дверь в воротах. После того как Коля её открыл, все бросили заниматься раскопками, а перенесли бензогенератор к воротам и протянули в бокс электропроводку и установили там несколько прожекторов. Затем начали методично осматривать находящуюся там технику.

Никаких транспортёров на воздушной подушке мы там не нашли. В боксе только стояло на консервации, несколько гусеничных транспортёров и траншеекопателей. По видимому после катастрофы всю вездеходную технику отсюда отозвали для использования в спасательных и снабженческих операциях.

Мы были конечно разочарованы, что ничего интересного и полезного для себя не нашли и, что придётся откапывать ещё неизвестно сколько ангаров и боксов. Поэтому все ужасно уставшие и в отвратительном настроении направились в бытовку и стали распивать литр водки. При этом первые две дозы по пятьдесят грамм, выпили без всякой закуски.

Кстати ребята из дома, привезли две раскладушки, и теперь никому не нужно было спать на втором ярусе кроватей, внизу конечно при разложенных раскладушках было очень тесно, но зато спать ночью было не так душно.

За ужином, отягощённые распитым литром водки, мы обсуждали какой ангар нам откапывать следующим. Опять изучали отчёты по инвентаризации складов, выбирая объект для следующего откапывания. Мнения разделились. Саша стоял за седьмой ангар — там по бумагам находилась техника для разворачивания полевых госпиталей. И в инвентаризационной описи, там было шесть вездеходных транспортёров-эвакуаторов раненых. Николай стоял за одиннадцатый ангар — там была инженерная техника. В том числе, на, что особенно напирал Коля — для работы в заболоченных местах, а это говорил он:

— Наверняка облегченная техника на широких гусеницах и значит, она сможет передвигаться в наших условиях.

На, что ему Саша не менее аргументировано заявлял:

— Медицинские эвакуаторы, специально созданы таким образом, чтобы можно было вывозить раненых и зимой по глубокому снегу и это самое то, что нам нужно. К тому же их вряд ли вывезли, потому что у начальства, как правило, гигантомания и наверняка они затребовали с этих консервационных складов, технику мощней и посолідней. А каких-то медицинских эвакуаторов на одного лежачего раненого, могли и не заметить. И если ты обратил внимание в отрытом боксе, остались только траншеекопатели и артиллерийские транспортёры. А все по бумагам имеющиеся там большие транспортёры личного состава и вездеходы, были сняты с консервации и убыли. Значит о небольших медицинских эвакуаторах, могли и не вспомнить.

Их спор разрешил я, сказав:

— Будем рыть вход и в тот и в другой ангар. Нам пригодятся и большой гусеничный болотоход и небольшие медицинские эвакуаторы, лишь бы вся эта техника могла проехать по этому снегу.

Определив по схеме, где находятся эти ангараы, запланировали завтра перевозить погрузчик сначала к седьмому ангару и начинать им там рыть въезд. А Коля с Валерой в это время будут вручную пробивать шурф к воротам одиннадцатого ангара. Хорошо они находились недалеко друг от друга,

поэтому бытовку договорились поставить посередине между проведением работ.

На следующее утро уже в восемь часов, включив освещение, начали загонять погрузчик в кузов вездехода. К одиннадцати часам дня, мы уже всё перевезли и переставили и начали работать. Въезд в седьмой ангар мы копали по старой схеме. К воротам одиннадцатого ангара, Коля и Валера пробивали вручную, вертикальный шурф. Так работали до наступления темноты, потом наши шахтёры пришли работать к нам. Как часто бывало, мы опять всего не предусмотрели и взяли только один бензогенератор. Соответственно могли освещать только работы на одном объекте. Чтобы не простаивать, ребята начали копать шурф и к воротам седьмого ангара.

Так мы проработали опять до десяти часов вечера, после чего разогрели ужин, поели и быстро все уснули. Уже никто не обращал внимание на душноватую атмосферу в бытовке. Утром мы встали в восемь часов и в девять опять все вместе, при включенных прожекторах, убрали снег у седьмого ангара. Только в одиннадцать часов, после очередного обогрева, когда стало совсем светло, Коля с Валерой, опять ушли к одиннадцатому ангару, продолжать рыть, уже похожий на шахту, свой шурф. Часов в шесть вечера, когда ребята опять пришли к нам работать, мы дочистили въезд до ворот и смогли попасть в седьмой ангар. Как и в предыдущем боксе провели туда освещение, чтобы уже сегодня его обследовать и определить, нужно ли нам пробивать более широкий въезд, или завтра можно перевозить погрузчик к другому ангару. Мы прорывали, можно сказать траншеей, шириной полтора метра. Именно такая ширина была у ковша нашего погрузчика. Если же там стоит нужная нам техника, то придётся ширину выезда увеличивать не менее чем в два раза.

Обследовать, что находится в седьмом ангаре, направились все и даже, несмотря на проведённое туда освещение, захватили с собой аккумуляторные фонари, чтобы осмотреть все закоулки. Хотя Саша и говорил, что командование забудет о медицинских транспортёрах и маленьких эвакуаторах, но их там не было. Из вездеходно-болотоходной техники, стоял в единственном числе, модульный гусеничный транспортёр — ТТМ-4901, с большой кабиной и широкими гусеницами. В принципе то, что нам было нужно, но у него был разобранный двигатель. По-видимому, его не смогли завести и начали ремонтировать, но так и не закончили до наступления холодов.

Николай его долго обследовал, а потом вынес свой вердикт:

— Двигатель, обычный КамАЗовский дизель 740.14 и отремонтировать его я берусь дня за четыре. И если здесь не найдём нужных запчастей, то тогда придётся разбирать какой-нибудь из наших КамАЗов. Тогда ремонт затянется на время его откопки и разборки.

Флюр сказал, указав Коле:

— Мужик! Ты видишь только этот вездеход и даже не посмотрел другую технику. А там, в конце ангара стоят два КамАЗа, ещё в заводской смазке.

Коля соскочил с вездехода и пошёл смотреть в дальний конец ангара и уже весёлым и довольным минут через десять, подошёл обратно. После чего сказал:

— Движки там точно такие же и, что тогда вообще нам мудрить с ремонтом, надо взять и перекинуть двигатель с одного из них и никаких проблем. Тем более в ангаре стоит автопогрузчик с приваренной к нему стрелой с крюком.

После обследования Колей двигателя и обсуждения перспектив его замены. Мы облазили весь этот транспортер, и он нам очень понравился. Единственный минус — будка на модульном прицепе была не очень тёплая, но зато большая. В длину она была около пяти метров, там стояли четыре

медицинских койки, и ещё предусматривалась возможность сделать их двух ярусными. Также там было много медицинской аппаратуры. Мне больше всего понравились гусеницы этого транспортёра, они были металлические с эластичными уширителями. По техпаспорту, лежащему в кабине — давление на грунт было всего 0,16 кг/кв. см., максимальная скорость 48 километров в час, грузоподъемность до двух с половиной тонн. В первом модуле могло комфортно разместиться шесть человек. Транспортёр можно было использовать и без прицепного модуля.

Ещё мы в этом ангаре нашли, большую надувную палатку, которые часто используются для мобильных госпиталей. В принципе после нашей последней неудачи в предыдущем боксе, мы были очень довольны результатом. Всё-таки нам повезло, и обнаружилась хотя бы одна единица техники способная передвигаться по снегу. Правда, этот транспортёр был слишком велик, но с другой стороны, можно было много чего на нём перевезти. А не очень большую паспортную грузоподъемность, по общему мнению, можно было увеличить раза в два. Снег везде стал намного плотнее и спокойно выдержал бы даже так нагруженный транспортёр. Для перевозки угля, можно было срезать будку с модульного прицепа.

Единственный минус этого транспортёра был в том, что нужно было его ремонтировать, с другой стороны если бы не это, то вряд ли он нам достался. И по большому счёту, деваться нам было некуда. Поэтому мы договорились, что с завтрашнего дня Коля и Флюр, как самые понимающие в технике, займутся только ремонтом этого транспортёра. А остальные будут расширять въезд в этот бокс. Я перехожу на управление снегоходом, а Валера помогает мне разгружать сани, работать на погрузчике так и остаётся Саша.

После этого мы пошли обмывать французским коньяком нашу находку и просидели за этим делом до одиннадцати часов вечера. Вышли на работу только в десять часов утра, уже было светло. Валера перенёс бензогенератор к ангару, электричество стали подавать только туда. А мы втроём начали расширять въезд из ангара. Николай с Флюром вели подготовку к снятию двигателей с ТТМа и одного из КамАЗов. Коля решил, что проще перекинуть двигатели, к тому же двигатель у транспортёра не вызывал у него доверия. Эти же два, стоящих на консервации, совершенно новых КамАЗа они завели, правда, для этого пришлось их расконсервировать и заливать все виды технических жидкостей. Тестируя один из них, Николай сказал:

— Надо же! Давно такого не слышал! Двигатель работает очень ровно и чисто.

Проезд мы расширили в два раза и успели это сделать за один день, правда, работали опять до десяти часов вечера. За это время Коля с Флюром, всё подготовили для снятия обоих двигателей и уже собирались поставить новый движок на транспортёр. Мы же собирались завтра перевезти погрузчик к одиннадцатому ангару и начать там рыть въезд.

Хотя мы встали в восемь часов утра, но на работу вышли только в девять, опять рабочее время у нас отняло приготовление завтрака. Пока грузили и перевозили погрузчик, стало совсем светло. После небольшого перекура, мы приступили к рытью въезда в одиннадцатый ангар, по отработанной схеме с перерывами на обогрев. Тогда же в бытовку приходили греться и Коля с Флюром и там рассказывали о продвижении их работы. К обеду они сняли разобранный двигатель с транспортёра и на его место уже поставили двигатель от КамАЗа. Николай обещал:

— Примёрзну к движку, но за завтрашний день его полностью подсоединю и даже заведу.

Потом подумал и добавил:

— Не! Лучше Флюра приморожу.

Саша тоже обещающе сказал:

— Ну что! Устраиваем соревнование? Завтра мы тоже откопаем въездную траншею к ангару и освободим ворота от снега. В этом нам поможет Бог и предыдущая работа Коли с Валерой.

Когда стемнеет, мы договорились взять у наших ремонтников бензогенератор, а они запустят, правда, большой и прожорливый дизельный генератор, они были установлены на КамАЗах.

Являлись можно сказать, передвижными электростанциями. КамАЗ, у которого не сняли двигатель и побудет нашей электростанцией, его подгонят вплотную к раскрытым воротам, чтобы не задохнуться. Из-за нашей непредусмотрительности, приходилось идти на лишнее расходование дизтоплива.

В четыре часа, мы забрали бензогенератор и установили освещение нашего места работ. В девять часов вечера, пришёл Николай и сказал:

— Остальные трубки и электрику мы будем присоединять к двигателю завтра, на свежую голову, а сегодня уже пора отдыхать.

— От работы и конидохнут, — засмеялся он.

Мы сразу после его слов, с облегчением закончили работать, и пошли в бытовку. Там он заявил:

— Чтобы завтра движок завёлся и нормально работал, нужно принять сто грамм...

Против этого естественно никто не возразил, и мне пришлось достать бутылку водки. Когда мы выпили и позавтракали, Коля, улыбаясь во весь рот, опять сказал:

— А за то чтобы в одиннадцатом ангаре найти что-то нужное, надо ещё принять по сто грамм...

Остальные засмеялись очень одобрительно и выжидающе уставились на меня — опять пришлось доставать бутылку водки и банку Болгарских голубцов на закуску. После этого я заявил:

— Это последняя бутылка, распиваем её за удачу, а потом укладываемся и спать. Завтра у нас решающий день в наших поисках, если ничего не найдём в этом ангаре, то все работы по раскопкам ангаров сворачиваем, доделываем транспортёр, собираем все вещи и уезжаем домой. Правда перед этим придется съездить домой, привезти дизтопливо для ТТМа.

По найденной схеме, на территории складов было топлиохранилище, но откапывать его не очень-то хотелось. Саша, да и я тоже, были уверены, что топлива там нет. Его брали оттуда в первую очередь на заправку откомандированной техники. И, по-видимому, выкачали полностью, судя по пустым бакам у всей находящейся в ангарах техники и пустым канистрам, лежащим недалеко от замороженных людей в штабном здании.

После распития второй бутылки, все уgomонились и легли спать. Утром мы проснулись в восемь часов, работать направились в девять. Немного потеплело, — температура держалась у — 14 градусов, да и светать начало раньше. Уже в десять часов было светло, и снег уже очень давно не шёл. В этот день работа у нас просто кипела, да и перерывы на обогрев начали делать только через каждые полтора часа. К обеду пробили въезд почти до ворот, после обеда, до наступления темноты, мы полностью очистили ворота от снега и смогли их открыть.

Ангар стоял забитый различной техникой, из него, по-видимому, ничего не вывозили. Валера на лыжах поехал звать ребят, чтобы они приняли участие в осмотре транспортных механизмов, а так же захватили бензогенератор с проводкой и прожекторами. Сегодня он работал весь день у них, наша бригада успела провести все работы до наступления темноты. Мы с Сашей не утерпели и при свете

аккумуляторных фонарей пошли осматривать стоящую технику. Пройдя до конца ангара, я обратил внимание только на впечатляющих своими размерами, три вездехода, — это были мощные транспортёры, на очень широких гусеницах, когда смерил их рулеткой, ширина оказалась 97 сантиметров.

Когда пришли ребята, принесся генератор и установив освещение в ангаре. Мы измерили одного из этих монстров, по крайней мере, по величине. Длина вездехода была 9,9 метра ширина 3, а высота 3,7 метра — у него было четыре ведущих гусеничных движителя. На этих гусеницах, высоко стояла передняя часть автомобиля УРАЛ и длинный металлический кузов. На одном из этих транспортёров, был установлен кран-манипулятор. Флюр, залезший осматривать кабину одного из этих вездеходов, нашёл документацию на эту громадину. Это оказались, болотные вездеходы УРАЛ 5920, выпуска 1988 года, грузоподъемностью девять тонн и с давлением на грунт с полной нагрузкой 0,22 кг/см. Двигатель там стоял КАМАЗ — 740, скорость они могли развивать до 30 километров в час.

Также к нашему удивлению, в этом ангаре нашёлся небольшой, по сравнению с УРАЛами, медицинский эвакуатор, шесть штук, которых должны были стоять в седьмом ангаре. В кабине этого медицинского вездехода, тоже лежал полный комплект документов на эту машину. Это был снегоболотоход ГАЗ — 34039, грузоподъемностью полторы тонны. Двигатель на нём был дизельный с турбонадувом — Д-245, мощностью 108 лошадиных сил. Давление на грунт в снаряженном состоянии составляло 0,232 кг/кв. см. Мы его тоже весь обмерили рулеткой, хотя все эти данные были в его паспорте. Его длина была 5,7 метра, ширина 2,6, высота 2,4 метра. Внутренний утеплённый бокс для размещения раненых, был длиной 2,7 метра шириной и высотой по 1,6 метра. Там было одно лежачее место и четыре медицинских кресла, по-видимому, для транспортировки сидячих раненых. Ещё мы прочитали в найденных документах, что скорость вездеход мог развивать, до 48 километров в час и допускалось транспортировать прицеп массой до 2 тонн. Этот снегоболотоход нам тоже очень понравился, он как будто специально был создан для нас.

Хорошо осмотрев все эти вездеходы, мы собрались возле УРАЛА с краном, закурили и устроили совещание, — что же нам выбрать для себя. Конечно, хотелось забрать всё, но с другой стороны столько техники вроде бы нам и не нужно. По идеи, нам вполне хватило бы и двух небольших вездеходов, но эти громадные монстры УРАЛы, просто завораживали. Так мы стояли и обсуждали эту проблему минут двадцать. Потом Саша, глядя на УРАЛ, сказал:

— Нужно забирать все вездеходы. На эти УРАЛы, спокойно можно установить те большие кунги, в одном из которых мы жили в Серпухове, и использовать их как бытовки. По любому скоро нам придётся ездить ещё дальше, отыскивая припасы и топливо, а в кунге гораздо лучше жить, чем в сделанной нами бытовке. Например, мне уже, блевать хочется на неё. К тому же скорость у УРАЛов, даже получается выше, чем когда мы транспортировали бытовку, двигаясь со скоростью всего 20 километров в час. И наконец — установив кунг на УРАЛ, мы сможем съездить в Москву. Там за несколько дней всё осмотрим, и может быть, всё-таки найдём людей и действующий центр управления. Потому, что все не могли так просто замёрзнуть и исчезнуть, а в Москве наверняка находится какой-нибудь координационный центр. Властные структуры, обладая практически неограниченными ресурсами, не могли просто так раствориться в никуда. Наверняка система управления расположилась в бункере и вполне возможно в Москве. Только объединившись с другими, наша группа сможет выжить.

Все в принципе согласились с ним, но решили сначала перегнать домой, модульный вездеход, доделываемый Колей и Флюром и медицинский снегоболотоход, стоящий в этом ангаре. В нем, кстати, оказался полный бак солярки и в медицинском отсеке, стояло пять 30 литровых, полных канистр с дизтопливом. По-видимому, его специально спрятали в этом ангаре, замаскировав среди других громадных машин. Наверное, кто-то готовился на нём дезертировать с этой военной части. Так же там мы нашли три ящика тушенки, несколько упаковок макарон и крупы и два ящика сгущённого молока.

В этом ангаре у остальной техники топливные баки были пусты, так же как и в остальных откопанных объектах. Но благодаря найденным, в этом ГАЗовском снегоболотоходе, запасам топлива — теперь могли спокойно перегнать два малых вездехода. Так мы и решили, что расширив выезд из этого ангара, забираем ГАЗон. А к этому времени, Коля с Флюром, заканчивают с модульным транспортёром ТТМ. И мы, захватив естественно наш вездеход — уезжаем домой, а за УРАЛами приезжаем потом — загрузившись бочками с соляркой. Перегоняем их прямо в Серпухов — там, в боксе был кран. Им устанавливаем кунги на эти УРАЛЫ, а уже потом будет видно, где и как их будем использовать. Может, и правда съездим целой бригадой в Москву.

Я тоже хотел попасть в Москву, хотя и не верил в управляющий центр власти, которые не проявил себя столько лет. Мне просто хотелось заехать к себе домой и взять кое-какие вещи и фотографии. Чтобы помнить о той, — уже подзабытой счастливой, спокойной жизни, с полными магазинами и ласковым, теплом Солнце. Мне хотелось посмотреть видеодиски со снятыми мной фильмами, о поездках нашей семьи на море, в тёплые страны. Одним словом, меня мучила ностальгия о прошлых временах.

В этот день, работать уже никто не мог, и мы пошли в бытовку отдыхать и допивать оставшийся литр водки.

— За успех нашего безнадёжного дела — ухмыляясь, сказал Флюр. Что мы до девяти часов вечера, успешно и сделали.

Глава 12

Утром встали в восемь часов, проблемы выбора, что завтракать у нас не возникло, оставалось всего четыре банки Болгарского фаршированного перца и три лепёшки — этим и пришлось питаться. На обед у нас уже ничего не оставалось, если конечно не воспользоваться запасом, найденным в медицинском снегоболотоходе. Мы его начали именовать ГАЗоном. Но есть тушенку, зная, как у нас обстоят дела с её запасом, казалось большим расточительством. Поэтому договорились обойтись сегодня без обеда и работать пока не добьёмся результатов. Потом сразу ехать домой, а там уже отъедаться и отсыпаться.

Николай и Флюр, свою работу закончили раньше. Они завели и вывели из бокса ТТМ с модульным прицепом, около двух часов дня. Новый двигатель работал прекрасно. Они ещё загрузили этот прицеп, различными запчастями и маслами, найденными в ангаре. Оставив пока ТТМ работающим на холостом ходу, пошли заводить ГАЗон, это тоже было непросто. Нужно было, залить все технические жидкости, принести бензогенератор и пускач, который был привезён их Серпухова, а также аккумулятор, который мы дополнительно ещё вчера подзарядили. Но техника уже столько простояла на холоде, что даже при хорошо заряженном аккумуляторе, двигатель без помощи пускача, практически запустить было невозможно.

Где то через час, они запустили ГАЗон и, открыв ворота, подогнали его к самому выезду из ангара, потом занялись УРЛами. В это время наша бригада, всё продолжала расширять проезд в ангар. Мы закончили работу около пяти часов вечера и сразу же выгнали ГАЗон на улицу. После чего собрали кое-какие вещи и поехали домой.

ТТМом управлял Коля, а ГАЗоном Саша, с ним вместе поехал Флор, Я вёл наш вездеход, со мной ехал Валера. Снегоход и остальное привезённое оборудование, и материалы мы оставили, решив их вывезти, когда будем перегонять УРАЛы. Поехали колонной, как договорились, со средней скоростью 30 километров в час, первым ехал Саша, я замыкал колонну. Домой мы приехали в девять часов вечера. Все, кроме детей, вышли нас встречать. Как сказала Маша:

— Мы все переволновались столь длительным вашим отсутствием. Хотя ты и говорил, что вернётесь только тогда, когда найдёте какой-нибудь вездеход. По нашим прикидкам у вас ещё вчера должны были закончиться продукты.

В это время все собравшиеся, стали с большим интересом обходить и даже залазить в привезённую технику.

После получасовых расспросов и осмотра вездеходов, уже после моих слов:

— Мы сегодня только завтракали и вообще грязные как черти.

Нам дали возможность пройти в дом и заняться своим туалетом, в это время женщины готовили праздничные блюда и накрывали шикарный стол. Володя суетился, принося дефицитные продукты и спиртное.

Наш праздничный ужин, плавно перешёл в обсуждение наших планов по использованию вездеходов. Все сразу загорелись идеей поездки в Москву. Каждый из нас внутри надеялся, что когда-нибудь мы объединимся с другими людьми и наладим цивилизованное проживание. И все, включая и меня, думали, что максимум через пять лет потеплеет и мы, наконец, увидим Солнце, деревья и зелёную траву. Правда, я сомневался, что все растения переживут такие затяжные морозы, но в конце-концов у нас-то оставались семена и что-то мы сможем вырастить. Маша, на третью неделю после катастрофы, в лесу набрала, сосновых и еловых шишек, а так же других семян, произраставших там деревьев.

Все хотели поехать в Москву, практически у всех там оставались близкие родственники и друзья. Но я сразу решил, ограничить эти разговоры и не развивать призрачные надежды. Поэтому сказал:

— В Москву поедет шесть человек — это столько, сколько может комфортно ночевать в кунге.

Поедем на двух вездеходах и на всякий случай возьмём с собой снегоход. Потому, что неизвестно как в городе можно будет проехать, большим неповоротливым вездеходам. Из малых вездеходов, возьмём ГАЗон, а у него на прицепных санях повезём снегоход. Поедет вся команда, которая вытаскивала эти вездеходы и ещё Володя. И вообще, рано мечтать и строить планы, ещё нужно приложить очень много сил и времени, чтобы дооборудовать эту технику. Начинать придётся издалека, с привычной для нас работы. Копать подснежные гаражи для всей этой техники. Сами понимаете, оставлять на зиму их наверху — никак нельзя, при таком холоде может повести даже металл. А так же требуется установить на наш вездеход цистерну, нужно будет в первую очередь набрать дизтоплива. А сейчас стоит отдохнуть, хотя бы дня два и потом уже на трезвую голову строить конкретные планы.

Два последующих дня, мы все пятеро блаженствовали. По несколько раз в день лежали на

массажных кушетках, загорали и конечно объедались домашней пищей. К тому же нам установили дополнительный паёк. Учитывая ко всему прочему, что мы повысили обеспечение нашей колонии, дефицитными продуктами питания, по тушенке и сгущённому молоку практически на 20 процентов. В эти дни единственное, что я делал полезное, это анализировал температурные графики. Несомненно, образовался устойчивый тренд на повышение температуры и удлинения светового дня, хотя и не очень значительное.

После двух дневного отдыха мы начали установку цистерны на наш вездеход, а также начали готовить ГАЗон к экспедиции. Сначала демонтировали всё медицинское оборудование и сняли все кресла и кровать, превратив медицинский отсек в отопливаемый грузовой фургон.

Восемнадцатого июня Флюр с Валерой, уже на оборудованном цистерной вездеходе, поехали на заправку набирать дизтопливо. Везти солярку в цистерне решили, чтобы было проще заправлять УРАЛы. Там установили насос, и теперь совсем нетрудно было закачивать топливо в баки. Я даже подумывал, что нужно взять вездеход с цистерной и в поездку в Москву. Хотя с другой стороны, баки УРАЛов вмещали тысячу литров солярки и такого количества, по техническим документам, с избытком хватало до Москвы и обратно. Но в процессе перегонки от складов до Серпухова, я хотел проследить, сколько солярки расходуют эти монстры реально и уже, потом решать, брать ли вездеход с собой. Эту цистерну я хотел оставить на ИСУЗУ постоянно. Техники теперь у нас хватало и без нашего заслуженного грузовичка. Тем более он в последнее время, начал вести себя немного не так. Несмотря на то, что Коля очень часто занимался ремонтом и смазкой гусениц, но появившиеся оттуда посторонние звуки, так никуда и не пропали. По моему мнению, он держался из последних сил, и его надо было поберечь — пореже эксплуатировать.

Пока Флюр с Валерой везли топливо, мы окончательно доделали ГАЗон, превратив его в грузовой вездеход. За УРАЛами мы намеривались ехать завтра и не заезжая домой, гнать их прямо в Серпухов. Туда же решили перевезти и бытовку, где краном её снять и доработать сани, чтобы можно было на них перевозить груз и первым этим грузом станет наш снегоход и запас топлива. 19 июня мы встали в восемь часов утра, дежурившая Таня уже всё приготовила для завтрака. За УРАЛами поехали вшестером, дополнительно к нашей команде ещё присоединился Володя. Он мог водить большие гусеничные машины. В молодости, когда служил в армии, был механиком-водителем на танке. Так как у нас уже было всё подготовлено к поездке, мы, взяв сумки с продуктами и водой, в девять часов утра выехали с территории посёлка. Температура воздуха на улице была -14 градусов, снега не было. Ехали мы со средней скоростью тридцать километров в час, при большей скорости от гусениц нашего вездехода доносились, совсем уже угрожающие звуки и скрипы.

К половине двенадцатого дня, мы уже въехали на территорию складов и сразу же поехали к одиннадцатому ангару. Мы с собой прихватили несколько канистр с дизтопливом. Чтобы заправить УРАЛы прямо в ангаре и выехать на них на улицу, где уже из цистерны залить им топливо в баки. На УРАЛях, так как они были на консервации, стояли совершенно сухие аккумуляторы, и не было залито никаких технических жидкостей. После откопки ангара, Коля вместе с Флюром провели с ними ТО и даже залили кислотную смесь в аккумуляторы и несколько часов их заряжали. Правда, по словам Коли, зарядили их слабовато, зарядное устройство было одно и в первую очередь они заряжали отъезжающую технику. Поэтому с собой мы взяли, ещё один бензогенератор и два

зарядных устройства.

В первую очередь, когда приехали, мы, заведя генераторы, поставили аккумуляторы УРАЛов на подзарядку. В этом участвовало и пуско-зарядное устройство, оставленное нами прошлый раз, обычно мы его называли пускач. Мы с Валерой начали собирать и грузить в ГАЗон все оставшиеся вещи, доски и деревянные щиты закидали в бытовку. В это время ребята продолжали заниматься расконсервацией УРАЛов. Мы с Валерой, при помощи буксировочных тросов, прицепили сани с бытовкой к ГАЗону, и пошли им помогать. Там нам Коля сказал:

— Ковыряться здесь нам ещё придётся долго. Вы зря загрузили бытовку. По-видимому, обедать придётся здесь.

Пришлось нам пойти обратно и разгрузить доски и щиты, после чего затопить дизельную печь.

После обеда, занимались работами по подготовке к выезду УРАЛов до семи часов вечера, — только заводили их не меньше часа.

В восемь часов мы двинулись в путь, на УРАЛах водителями были: Володя, Саша и Николай. Я на ГАЗоне транспортировал бытовку, последним ехал Флюр с Валерой. Дизтопливо из цистерны было уже слито в баки УРАЛов, поэтому я их отправил на вездеходе-заправщике, домой. Снегоход с санями-самосвалом, мы загрузили в кузов УРАЛа, краном-манипулятором. Ехали очень медленно, со скоростью не более 25 километров в час. К ангарам в Серпухове прибыли только к половине одиннадцатого ночи.

Мы даже не стали заезжать на территорию предприятия, УРАЛы были очень неповоротливы, поэтому их оставили на свободном открытом пространстве. Чтобы подъехать вплотную к ангару, на них нужно было долго маневрировать. Отцепив сани с бытовкой, мы выгрузили всё из грузового отсека ГАЗона, поставив туда две кушетки из административного здания. После этого, с пассажирами в грузовом отсеке я поехал домой, куда мы прибыли только в два часа ночи. Пока помылись и поужинали, натикало уже три часа, поэтому завтра решили отсыпаться и устроить день отдыха.

Я проснулся только в одиннадцать часов дня, посмотрел на термометр, было -13 градусов. Пошел, умылся и направился в столовую, Володя и Коля были уже здесь, мы позавтракали и сели играть в карты. Вскоре появились и остальные члены нашей команды перегонщиков, а можно сказать — мародеров, хотя Володя нас называл — трофейщиками.

После завтрака все, кроме нас троих, разошлись заниматься своими делами и своими жёнами, а мы до обеда просидели, играя в карты. Потом я пошёл, полежать на массажной кушетке и позагорать. В подвале Маша, занимаясь посадками на огороде, рассказала, чем они здесь занимались всё это время. В основном это были хозяйственные дела и работа на огороде. Она жаловалась мне, сколько теперь отнимает времени обычная стирка или уборка наших помещений. Потом сказала, что:

— Наша собака, Чапа — скоро, по-видимому, ощеница, хотя состояние обоих собак, вызывает большие опасения, они стали какие-то вялые и без большого интереса выходят на улицу. Птица тоже вялая и часто болеет, видно курам тоже не хватает солнечного света.

Немного помолчав, Маша продолжила:

— По-видимому, жена Флюра — Катя, беременна. Хотя по молчаливому уговору, все стараются этого избежать... А также по моим наблюдениям, между Максимом и Ритой, начались серьёзные отношения...

Все эти рассказы продолжались больше часа так, что ушёл я из подвала, полностью перегруженный информацией о внутренней жизни нашей колонии.

Меня весьма напряг рассказ, о возможном появлении нового члена нашего коллектива. Правда успокаивал себя мыслями о том, что у нас ещё оставалось детское питание в жестяных банках, да и памперсы ещё тоже были.

На следующее утро, когда спустился в столовую, то увидел, что почти все отъезжающие уже сидели тут. Мы вчера договорились, что для оборудования УРАЛов привлечём всех мужчин и двух девушек, а именно Таню и Наташу, они будут дежурить и готовить нам пищу. А также примут участие в мародерской операции. Мы собирались ещё раз съездить на станцию и поискать там, в магазинах нужные нам вещи и косметические средства. В первую очередь требовалось, постельное бельё и другие обычные бытовые вещи: носки, трусы, полотенца....

Договорились ехать на ГАЗоне и ТТМе, всего нас поехало одиннадцать человек. В медицинском отсеке ГАЗона, опять пришлось устанавливать 3 кресла и теперь в нём могло ехать пять человек. В ТТМ, первый модуль и так был предусмотрен для перевозки шести человек, поэтому там мы ничего не меняли и не усовершенствовали. Для ночлега было задумано использовать два кунга. Поэтому в грузовой модуль ТТМа загрузили: дизельную печку, два бензогенератора, запас топлива и другие, необходимые для недельного проживания вещи.

К ангару в Серпухове мы добрались в начале одиннадцатого утра. Мы решили, что пока не установим печь в один из кунгов и не протопим его, печь в бытовке не трогать. Первым делом, что сделали, это затопили печь в бытовке и оставили наших девушек там, чтобы они не мёрзли и не мешались. А мы в это время, разделившись на три бригады, по три человека в каждой и начали заниматься кунгами. Две бригады готовили их для проживания, а третья во главе с Николаем, начала отсоединять, один кунг от рамы автомобиля. При этом если болты в креплении не проворачивались, они их просто срезали болгаркой. Моя бригада, занималась монтажом печки и наведением порядка в одном из кунгов.

После того, как мы смонтировали печь и затопили её, то тоже пошли помогать снимать крепления. В процессе резки заржавевшего болта, Валера был остановлен Колей. Оказывается, он смерил высоту ворот, и получалось, что если мы установим кунг на УРАЛ в ангаре, то не сможем выехать на улицу, высота ворот это не позволяла. Чтобы установить их на УРАЛы, нужно было выезжать наверх на улицу и выгонять туда же кран. Поэтому нам пришлось свернуть все работы и по старой памяти начать делать деревянные щиты, для выезда колёсной техники из ангара. А также устройству на улице площадки, чтобы поставить кран — его решили выгонять первым. Две бригады занялись изготовлением щитов, а бригада Саши, выгрузив погрузчик и снегоход с санями из кузова УРАЛА, начала делать выезд менее крутым. То есть занялась привычной и порядком нам уже надоевшей работой.

После обеда Валера, занялся переноской дизельной печки из бытовки во второй кунг и установкой её там, а девушки взяв лопаты, начали помогать убирать снег, уменьшая угол наклона выезда из ангара. Этими же работами мы продолжали заниматься и после наступления темноты. В восемь часов вечера, Таня и Наташа ушли готовить ужин, а мы ещё час убрали снег и сколачивали щиты. После ужина, который состоялся в помещении, где остановились девушки и наша бригада. Все довольно быстро разошлись по своим спальным местам.

Подъём был в восемь часов утра. В кунге спалось гораздо лучше, чем в бытовке, Я полностью выпался и, судя по виду, остальные тоже. Умывшись из рукомойника, попытался помочь нашим дамам приготовить завтрак, но был отправлен за стол, ожидать его. Скоро из второго кунга подошли другие члены нашей экспедиции и у нас, сразу стало тесно и весело. Коля и Флюр, непрерывно сыпали шутками, заставляя девушек, прерывать приготовление завтрака и начинать смеяться. Поэтому на работу мы вышли, где то в начале десятого. До обеда продолжали сбивать щиты и копать снег, сделав уклон выезда примерно на 25 градусов. После чего выложили на него, две широкие полосы из деревянных щитов, скрепив их между собой, часто набитой вагонкой. Наверху на улице, из тех же щитов сделали небольшую площадку под кран.

Пообедав, мы завели ЗИЛ с установленным краном, который как обычно дымил, из-за треснувшего от холода картера и от него невыносимо пахло гарью. Коля нас предупреждал, что он проработает в общей сложности не больше двух часов. Поэтому, после каждого подъёма, было решено его глушить. В три часа дня, Флюр выгнал кран на площадку, после чего Саша вывел один КАМАЗ с кунгом, из двигательного отсека которого тоже всюду валил дым.

После этого Николай, включив бензогенератор, срезал болгаркой оставшиеся болты крепления. Затем Флюр краном поднял кунг и поставил его на грузовую площадку УРАЛа и Саша уже пустой КАМАЗ отогнал метров за пятьдесят.

Я не стал дальше смотреть на их работу, а пошёл внутрь ангара к своей бригаде. Там ребята из последних досок заготавливали дополнительные щиты. Когда мы закончили и вышли из ангара, Николай болгаркой вырезал часть кузова, чтобы сделать свободный выход из кунга. После этого мы работу на сегодня закончили, делать лестницу для удобного прохода с поверхности снега в кунг, Коля собирался завтра. Кунг стоял в кузове УРАЛа довольно высоко над уровнем снега, около двух метров и поэтому попасть туда без лестницы, было весьма проблематично.

Сегодня мы задумали сделать праздничный ужин, посвященный нашему первому приезду в Серпухов в этом году и началу работ. Вчера мы скромно поужинали, работали допоздна и очень устали, было не до праздничных посиделок. А сегодня кроме гречневой каши с тушенкой, мы открыли ещё консервы с болгарскими голубцами, горошком и фасолью, а так же банку оливок. Володя торжественно выставил на стол две литровых бутылки Шотландского виски. Мы под шутки и анекдоты, начали его усваивать, понемногу выпили даже наши девушки. Закончили, где то в десять часов вечера, а в одиннадцать все уже улеглись спать.

Подъём у нас был опять в восемь часов утра, работа началась через час. Вторым на УРАЛ решили ставить кунг, в котором ночевали ребята, и бригада Коли опять принялась проделывать такую же работу, что и вчера. Я не стал снимать их с этой работы, они мастерски разделались вчера с предыдущей будкой.

С остальными мы собрались внимательно осмотреть ещё раз, что находится в других ангарах. После первого беглого осмотра ещё два года назад, никто из нас туда даже и не заглядывал. Хотя я, например, помнил, что в одном из ангаров меня очень заинтересовал, маленький экскаватор Японского производства. Вместо ковша к нему можно было крепить долбежную систему, типа большого отбойного молотка. Я ещё тогда подумал, как хорошо было бы им, рыхлить и грузить уголь. Но для нашего вездехода, он был слишком тяжёл. По этой же причине самоходом к барже его доставить было тоже проблематично. К тому же тогда у нас была взрывчатка, а небольшой

погрузчик нас полностью удовлетворял. Теперь у нас не было взрывчатки, зато появился УРАЛ, на который можно нагрузить девять тонн груза. И значит, спокойно сможем перевезти, этот экскаватор к барже. В противном случае без взрывчатки, придется долбить уголь отбойными молотками вручную и наша производительность резко упадёт. Нам всем придется в течение двух месяцев долбить уголь, чтобы обеспечить себя на зиму.

Поэтому я очень хотел осмотреть этот экскаватор, посоветоваться с Володей, Сашей и Колей и если мы сойдёмся во мнении, — то начинать откапывать ангар. В этом у нас уже был накоплен громадный опыт.

Во втором по счёту ангаре, мы всё-таки нашли этот экскаватор. Он был совершенно новый, такой же, как и вывезенные нами ранее погрузчики «Мустанг». И в него, тоже не были залиты технические жидкости, даже масло не было залито. Володя тоже осмотрел его и согласился со мной, что он будет, даже после таких минусовых температур, работоспособен и весьма нам пригодится. Тогда мы позвали в этот ангар Колю и Сашу, даже ради этого пришлось приостановить работу. Осмотрев экскаватор, они тоже согласились, что его обязательно нужно откапывать.

Когда мы вылезли на улицу, Володя на лыжах поехал к УРАЛу с краном, чтобы загрузить и перевезти к этому ангару погрузчик. Так что после обеда, наша бригада начала рыть въезд в ещё один ангар. А по УРАЛу с краном-манипулятором, я окончательно решил — никакой кунг туда не устанавливать, а использовать его как чисто грузовой транспортёр.

Работали мы до восьми часов вечера, пока ребята не изготовили лестницы для подъема через вырезанный борт кузова к двери кунга. Лестницы делали Валера с Володей, помогал им Игорь. Так что моя бригада распалась и откапывать ангар, ко мне присоединились Саша и Флюр. Работали по старой схеме, Саша управлял погрузчиком, мы с Флюром на снегоходе, санями-самосвалом отвозили снег в сторону. До восьми часов, выкопали мы не очень много, так как сразу начали рыть широкий выезд, и работа шла медленно.

За ужином Таня пристала ко мне с вопросом:

— Дядя Толь! Когда поедем в город на вокзал? Очень хочется полазить по магазинам. Тем более вы обещали — как только закончим установку кунгов, сразу на следующий день поедем на станцию.

Я попытался объяснить, что возникла незапланированная работа и сказал:

— Поедем после того, как откопаем ангар с экскаватором.

Но все уже были настроены на поездку в город на станцию и поиск в тамошних магазинах, нужных товаров. Было понятно, что откапывать ангар все будут очень неохотно и лениво. Лучше всё-таки поехать мародёрничать по магазинам, а ангар он никуда не денется. Потом может быть, откопаем гораздо быстрее, у людей подымется настроение. И я согласился завтра прекратить все работы, и всем вместе поехать на станцию, пошарить там по магазинам.

Решили ехать на ГАЗоне, ТТМе и на УРАЛе с краном, вдруг найдём что-либо, что нужно будет грузить краном. Как рассказал Володя:

— На станции был большой павильон с товарами для сада и огорода. Наверняка в нём осталось много интересных вещей. И есть большая надежда найти там землю в мешках и краном загрузить её в кузов УРАЛа.

У Володи, огород, как и у Маши, стал навязчивой идеей. Я тоже помнил, что в прошлые посещения станции мы даже и не пытались туда попасть. Этот павильон был одноэтажным и полностью был

завален снегом, угадывались только его очертания. Сейчас я думал, — что при наличии стольких людей, мы быстро пробьём туда вход. Тем более рыть в глубину нужно, не более трёх метров снега, чтобы дойти до больших окон этого павильона. Таким образом, все пришли к консенсусу, что завтра просыпаемся в восемь часов утра, быстро завтракаем и выезжаем на станцию. Где делимся на три бригады, по количеству транспортных единиц. Две бригады набирают товар в легкодоступных магазинах. А наша бригада, состоящая из четырёх человек: Саши, Флюра, Володи и меня, откапывает магазин «Сад и Огород». После этого все успокоились и разошлись спать.

В половине восьмого утра, у нас в кунге уже все встали. Разбудили всех, рано проснувшиеся Таня с Наташей, они были сильно возбуждены предстоящей поездкой. Поэтому встали даже раньше звонка будильника мобильного телефона. После подъема они сразу же начали готовить завтрак, вкусный запах пищи поднял с постелей всех остальных. В восемь часов, начали подходить, остальные участники нашей экспедиции.

Через полтора часа, мы уже прибыли на станцию, как раз на улице начинало светлеть. Володя подогнал УРАЛ прямо к подножию снежного холма, по которому можно было судить о расположении этого большого павильона. Практически у самого края этого холма мы, выгрузив погрузчик и снегоход с санями, начали рыть узкий въезд в этот магазин.

Мысль захватить с собой технику для рытья входа в магазин, возникла вчера вечером. Володя математически высчитал, что при помощи техники по любому получится быстрее откопать въезд в магазин. Даже копая вертикальную не очень глубокую шахту. А перевезти необходимую технику, для нас теперь не представляло никакой проблемы. Выгрузка краном из кузова УРАЛа, любого груза, теперь занимала считанные минуты.

Этот въезд в магазин, мы копали часа три. Откопали большое зарешеченное окно, а потом, разбив стекло, краном вырвали решётку. Для этого Володя переставил УРАЛ и теперь, краном можно было даже поднять погрузчик со дна этого въезда, что мы и сделали, загрузив обратно в кузов всю технику. Потом заведя бензогенератор, провели освещение в торговый зал магазина и уже после этого начали проверять, что там было.

Землю в мешках мы нашли, но её там было совсем немного — 27 мешков и ещё мешков — 30 разных удобрений. Это всё на поддонах подняли в кузов УРАЛа. Еще меня, да и впрочем, всех остальных, очень заинтересовали ручные, гусеничные снегоуборщики «Кёрхер» и большой «Хонда». Мы их загрузили все, которые были в наличие — это два самодвижущихся ручных «Кёрхера» и один «Хонда». Большой снегоуборщик был выполнен в виде мини трактора, на гусеничном ходу. Мы замучились с его погрузкой. Пришлось городить эстакаду из столов и полок магазина, чтобы этот снегоуборщик мог проехать через окно на приготовленный поддон — где уже краном подняли его в кузов УРАЛа.

Ещё я в этом магазине набрал кучу упаковок с семенами в надежде, что может быть они смогут ожить после этих морозов. Володя сложил в кузов две бензопилы и несколько насосов, в том числе два глубинных для скважин. На мой вопрос:

— Зачем они нужны?

Он ответил:

— Вдруг наш насос в скважине — откажет. Маленькие же насосы пригодятся для перекачки бензина или солянки. Нам и так везло, что на заправках насосы оказывались в рабочем состоянии.

Я подумал и тоже присоединился к Володе в погрузке, — забросив четыре упаковки шлангов и ещё на всякий случай ручной насос. Закончили мародерничать только к пяти часам вечера и поехали к другим бригадам. У всех продолжался процесс погрузки. Видно они решили вывезти весь товар с этих магазинов. Пришлось мне вмешаться и прекратить это сумасшествие и к шести часам погрузочные работы мы закончили.

Так как все вездеходы были загружены товаром, то в принципе не было никакого смысла оставаться ночевать в кунгах. Поэтому договорились сразу ехать домой. Я и Володя, едущие на УРАЛе, должны были, заехать к ангарам, выключить, оставленные работать дизельные печки и выгрузить всё наше оборудование для копки снега. А также большой и один маленький снегоуборщик. Их я хотел попробовать использовать в пробитие въезда в ангар. В итоге мы с Володей приехали на УРАЛе домой только в девять часов вечера. К этому времени ребята уже успели разгрузить привезённые вещи, но ужинать без нас не стали. Мы, поставив УРАЛ, сразу направились в дом, отмываться и ужинать.

Наши женщины устроили сегодня торжественный, праздничный ужин с увеличенными порциями. Володя сходил на склад и принёс три бутылки Французского коньяка. За этим праздничным столом, мы всё равно не удержались и продолжали обсуждать наши дальнейшие действия.

Рассматривать и сортировать привезённый товар договорились завтра. Выезжать на работу в Серпухов, было запланировано послезавтра. Поедут не все, а только пять человек, на УРАЛе и ГАЗоне. Модульный ТТМ было решено оставить дома. Там нам оставалось откопать экскаватор и перевезти его к барже. Кроме этого нужно было, снять бытовку с саней и доработать их. Сделав там платформу с бортами, для перевозки грузов — в частности снегохода. После чего перегнать все УРАЛы и ГАЗон с санями в посёлок и уже здесь начинать готовить технику к экспедиции в Москву. Потом всё-таки, под воздействием коньяка, мы закончили обсуждение наших проблем, и остаток вечера провели очень весело и хорошо. Часов в десять вечера, женщины выпив коньяка, не удержались и всё-таки пошли в сени, осматривать привезённые вещи. Они соблазнили и некоторых мужчин пойти вместе с ними. Но мы вчетвером, стойко, до двенадцати часов ночи, уничтожали оставшиеся на столе запасы коньяка. После этого я, уже пошатываясь, пошёл в свою комнату.

Противник в виде Французского напитка, был полностью уничтожен.

На следующий день проснулся в девять часов утра. Хотя вчера и перепил, но голова была свежая, и чувствовал я себя прекрасно.

— Вот, что значит хороший, выдержанный коньяк, — подумалось мне. Подойдя к окну и глянув на термометр, был тоже приятно удивлён, температура на улице была -11 градусов. Для нас это было уже, как жаркое, знойное лето. Умывшись, я спустился в столовую, практически все уже завтракали. Пока усаживался, подошли и все остальные. После завтрака, пошли разгружать оставшиеся в кузове УРАЛа мешки и оборудование. К обеду мы закончили с разгрузкой, перенесли мешки с землёй и удобрениями в сени, а всё остальное в гараж.

После обеда я пошёл в подвал, полежать на массажной кушетке и позагорать, после чего мы втроём с Володей и Колей до позднего вечера расписывали пульку. Все остальные, занимались привезёнными из Серпухова товарами. Женщины их рассматривали и сортировали, а мужчины разносили по указанным местам.

Утром я встал по будильнику в восемь часов, вчера вечером мы договорились выехать в Серпухов в

девять часов. Спустившись в столовую, увидел, что вся выезжающая бригада была уже в сборе, когда я появился, дежурная Ирина начала всем накладывать завтрак. Сегодня были макароны по-флотски с тушенкой. Позавтракав, мы на УРАЛе и ГАЗоне поехали в Серпухов. В нашу бригаду входили: Саша, Флюр, Коля, Володя и я.

Сегодня УРАЛом впервые управлял я, было решено, что все мужчины должны научиться управлять этими монстрами. Максима и женщин, имевших права, думали обучать вождению на более маленьких вездеходах. До города мы добирались около полутора часов, я ехал со скоростью не более 25 километров в час. Так что приехали в Серпухов только в половине одиннадцатого, температура была всего -10 градусов. Но мы всё равно сразу после приезда, затопили печку в кунге.

Мы с Володей запустили оба роторных снегоуборщика и начали ими откидывать снег с трассы нашего выезда. Остальные убрали снег традиционным для нас способом, при помощи погрузчика и снегохода с санями-самосвалом. В результате этих объединенных усилий мы сделали широкий въезд в ангар к пяти часам вечера. Правда работали без обеда и перерывов на обогрев.

В пять часов мы хорошо, и плотно пообедали, потом осветив место проведения работ, начали выкладывать дорогу в ангар, деревянными щитами. Экскаватор мы намеривались ставить в кузов УРАЛа без крана, туда он должен был въехать своим ходом. Для настила въезда собирались использовать найденные металлические швеллера и наши незаменимые деревянные щиты.

Экскаватор заводили долго, часа два, завели только в десятом часу вечера. Поэтому на сегодня решили все работы заканчивать, идти ужинать и спать. Экскаватор загонять в кузов УРАЛа завтра, при дневном свете.

На следующий день, когда стало уже совсем светло, мы пошли устанавливать экскаватор в кузов. Я с Флюром, снегоуборщиками проделали в снежной поверхности выемку, глубиной немного больше метра, куда Володя загнал УРАЛ. После чего из швеллера сделали мостик между кузовом и щитовой дорожкой. Николай, управлявший экскаватором, спокойно без всяких трудностей, въехал по этой эстакаде в кузов. После этого мы сложили туда же, освободившиеся швеллера и деревянные щиты.

Краном поставили в кузов снегоуборщики и поехали к барже, выгружать экскаватор.

Коля и Саша остались заниматься, снятием бытовки с саней, после чего собирались начинать делать там деревянный кузов.

Около баржи, прямо на деревянную погрузочную площадку, мы таким же образом разгрузили экскаватор. Потом болгаркой вырезали в борту Баржи въезд пошире, чтобы мог заезжать экскаватор, и загнали его туда. Ради эксперимента попробовали долбить им уголь, получилось очень даже неплохо. После чего, поехали обратно к ангарам. Там ребята, краном уже сняли бытовку и доделывали кузов у саней.

Время уже было два часа дня, и мы договорились сначала пообедать, а уже потом всё заканчивать и собираться домой. После обеда, пока ребята завершали изготовление кузова, я ещё раз пошёл осмотреть ангар, откуда мы увезли экскаватор. Там после детального осмотра, обнаружил четыре больших сухих аккумулятора. А также весьма обрадовавшие меня две большие квадратные ёмкости, полные керосином, в каждой было не менее 3000 литров.

Позвав ребят, как раз заканчивающих делать кузов, я их тоже обрадовал и удивил. Саша и Флюр потом ещё долго чертыхались и ругали себя. Как они профессионалы, могли пропустить эти ёмкости. После этой находки, мы начали заниматься загрузкой этих баков. Во всей этой погрузочной

операции, самым трудным и долгим оказался запуск вилочного автопогрузчика, стоящего в этом же ангаре. После того как его запустили, в течение получаса загрузили эти ёмкости и аккумуляторы в кузов УРАЛа. Потом быстро доделали кузов саней, загрузили всё наше оборудование и вещи. Причём тяжёлые предметы ставили краном-манипулятором в кузов УРАЛа, а лёгкие вещи сложили в грузовой отсек ГАЗона. После чего закрыв все ангара, колонной поехали домой. Туда мы приехали в девять часов вечера. Припарковав все наши УРАЛы на соседнем участке, мы пошли отмываться и ужинать.

Глава 13

Полужинав, все направились спать, всё-таки за это время мы порядком вымотались и устали. С завтрашнего дня при всеобщей поддержке, договорились начинать подготовку к экспедиции в Москву. На следующий день в девять часов утра, все мужчины вышли на работы по подготовке этой поездки.

Во-первых, мы запланировали, перелить керосин и установить, привезённую вчера одну из прямоугольных ёмкостей, в кузов УРАЛА, позади кунга. С этой точки зрения было хорошо, что вход располагался сбоку кунгов. Хотя до нахождения этих больших баков, меня это расстраивало. Я первоначально жалел, что часть кузова оставалось свободной, и не использовалась, а могла бы быть хорошей площадкой перед дверью в этот передвижной домик. Теперь же радовался этому — размер кузова позволял установить этот прямоугольный бак. Длина кунгов была на полметра меньше длины кузова. Бак, как раз своей узкой частью идеально вписывался на свободное место.

Николай с Максимом начали техническое обслуживание ГАЗона. Флюр с Игорем поехали на нашем вездеходе за дизтопливом, чтобы наполнить устанавливаемый бак. Остальные занимались УРАЛом: переоборудованием кунга, установкой позади него бака и устройством над ним, дополнительного багажника. К кузову, перед дверью приварили небольшую площадку и уже к ней на шарнирах металлическую, длинную лестницу. При движении она просто прислонялась к кунгу и там крепилась защёлкой.

Внутри помещения, в задней его части, начали делать от стены до стены, двух уровневые нары. Каркас из железных уголков Сергей уже сварил, он состоял из отдельных элементов, чтобы они могли пройти в двери. Спальным местом там служили, пружинные матрасы. Которые мы специально для этого набрали в магазине на станции.

В итоге у нас получились, две сплошные мягкие спальные поверхности шириной в три метра. В крайнем случае, на них спокойно могло уместиться десять человек, а комфортно и спокойно могло спать шесть человек. Зазор между полом и нижним краем спальной поверхности, составлял всего около двадцати пяти сантиметров, туда мы закатили двенадцать ящиков на колёсиках, эти пластиковые контейнера тоже взяли в магазине. Они были с крышками, и там удобно было хранить, как вещи, так и продукты. По этикеткам они назывались, контейнерами для хранения детских игрушек.

Дальше, мы установили две лежанки, по принципу купе поездов, они тоже были двухъярусные. Верхние полки были предусмотрены, как последний резерв — если вдруг у нас произойдёт ЧП и потребуется всем покинуть наш дом, всего лишь на одном УРАЛе. В обычном рейсе верхние полки должны быть сложены, а нижние представляли собой обычные деревянные лавки, матрасы для них были сложены, как в поездах, в нижнем ящике.

Между лежанками поставили, длинный, дачный, алюминиевый стол, его взяли из дома Володи. Между передней стенкой и дверью, сделали отсек длиной два метра, в котором поместили туалет, там же установили умывальник. Все отходы должны были собираться в вёдра. Противоположный угол помещения занимала кухня, туда мы поставили угловой стол из кухонного гарнитура и бензиновую плитку, производства США. На верхних полках по всему периметру кухни, должны были находиться запасы продуктов и воды. Дизельную печь мы установили возле стены туалета, выведя трубу через потолок. От входной двери, она стояла на расстоянии одного метра и над ней поместили решётчатую сушилку. Вешалки для верхней одежды сделали сразу за дверью. На верхних антресолях, я думал тоже сложить запас продуктов. По предложению Саши, мы установили над кабиной УРАЛа багажник, куда закрепили небольшой бензогенератор, обслуживать его было удобно с капота вездехода. После того как мы закончили основные работы, возникла мысль сделать ещё две полки над баком. Когда их сделали, то сложили туда: лыжи, лопаты, несколько канистр с бензином и другие необходимые вещи.

Кроме этого мы устраивали подснежные гаражи, для всей нашей новой техники. Для этого пришлось снимать полы ещё в двух домах. Откопка котлованов для гаражей, для такого объёма, произведена была, довольно быстро, так как, помимо применения погрузчика, в этом участвовали все снегоуборщики. Этой, можно сказать, грандиозной деятельностью, занимались пятнадцать дней и практически все, даже женщины.

В общем, переоборудование УРАЛа и постройка гаражей, отняло у нас много сил и времени. Иногда я думал, что зря набрали столько техники. Да и зачем то начали ставить дополнительный бак для топлива, ведь у УРАЛа имелись большие на тысячу литров солянки основные баки. По проведённому мной замеру расхода топлива, когда мы их перегоняли со складов, этого запаса хватило бы на семьсот километров. Но уж очень мне понравились эти сделанные из нержавеющей стали баки. Да и мысль о том, что может быть придётся ехать в поисках продуктов и топлива на большие расстояния, даже дальше чем до Москвы, навверное, и двигало этим моим решением.

После окончания подготовки техники к предстоящей поездке, девятого июля мы решили отдохнуть. Из работ только заняться загрузкой продуктов и воды. Полностью отдыхали только те, кто отправлялся в экспедицию. Остальные в начале дня, подбирали нам продукты и укладывали необходимые вещи по списку в вездеходы. Ну а мы по очереди ходили в подвал, полежать на массажных кушетках и позагорать. В остальное время некоторые, развлекаясь, смотрели телевизор, а мы втроём играли в карты. Если прямо сказать, лоб у меня уже распух, от получаемых щелбанов. Спать мы все разошлись в десять часов вечера, договорившись встать в половине восьмого. Я встал по будильнику, умылся и пошёл в столовую. Там дежурившая Рита, вместе с Машей и Галей, готовили нам завтрак. А так же заранее приготавливали нам с собой, обед и ужин. Позавтракав, мы отнесли все приготовленные продукты в вездеходы и в половине девятого утра, тронулись по направлению к Москве.

Я сел вместе с Колей и Володей в УРАЛ, за рулём был Володя, в ГАЗоне ехали: Саша, Флор и Валера. Температура на улице сегодня была минус девять градусов, впервые за долгое время установилась выше -10 градусов, снега не было. И также впервые за всё время езды на вездеходах, я немного опустил боковое стекло. Печка в кабине работала хорошо, и было немного душновато и жарко. Всё-таки все были одеты очень тепло, хотя в кабине и сняли тёплые, зимние военные куртки.

Ехали мы, со скоростью не более 30 километров в час. Мосты на Симферопольском шоссе, практически все были разрушены, и приходилось их объезжать, иногда делая большой крюк. Проехав поворот на Климовск, я сменил Володю за рулём. Не только из-за того, что он уже долгое время был за управлением УРАЛа. Но и потому, что наша первая цель и запланированная остановка была около моего дома в Северном Бутово и дорогу туда, я знал лучше.

При въезде в Бутово, открылась страшная картина разрушений. Почти половина домов, мимо которых мы проезжали, были уничтожены землетрясением. Единственное, что смягчало ужасную картину, это толстый слой снега, закрывший руины и провалы в кое-где не полностью обрушенных домах. Доехав до того места где раньше стоял мой дом и остановившись, я вышел и нервно закурил. Дома не было, высилась большая, неровная, снежная гора. По-видимому, он просто рассыпался, а снег завалил получившуюся грудой обломков.

Подошли все остальные члены нашей экспедиции, все стояли и молчали, говорить было не о чём. Потом Володя, залез в грузовой отсек ГАЗона и принёс бутылку водки и три стакана. Налил туда грамм по восемьдесят водки и мы, молча, выпили, не чокаясь — поминая тех, кто погиб в этой страшной катастрофе.

После этого стали советоваться, что нам делать дальше. Начинать рыть снег, чтобы попасть к этим развалинам, не имело никакого смысла. Первоначально к своим домам и домам своих родственников хотели попасть все. Но после этой картины, уже никто не хотел увидеть подобное, и мы единодушно решили даже не пытаться посетить их. В итоге у нас оставалась одна задача, поиск выживших и обнаружение какой-нибудь управляющей, государственной структуры.

На часах было уже два часа дня, до Москвы мы добирались почти пять часов, поэтому было решено пообедать. За обедом после жаркого обсуждения, пришли к консенсусу. Что самое вероятное место, где могут остаться живые люди, это глубокие станции Метро. Властные структуры, обязательно должны были остаться в Кремле. По ходившим сплетням, там глубоко под землёй имеется большой бункер, снабжённый всем необходимым, для длительного выживания и к нему подходила ветка специального Метро. По общему мнению, очень глубоко земля не должна была промёрзнуть, у нас скважина была глубиной 87 метров и она бесперебойно давала воду.

Решив таким образом двигаться в центр, начали думать, как туда проехать. Наверняка двигаясь по радиальным проспектам, мы не сможем объехать рухнувшие эстакады и мосты. Да и дороги скорее всего завалены обломками, а если и были расчищены, то для проезда нормальных машин. У нас же радиус поворота, особенно у УРАЛа был очень большой, да и высота с кунгом была выше пяти метров. Если даже мосты не рухнули, он не прошёл бы ни под одним мостом. Да и ГАЗон был высотой два сорок и, учитывая высоту снежного покрова, он тоже бы под ними не проехал.

Поэтому подумав, договорились — по радиальным улицам не ехать и вообще в сам город не заезжать. А по кольцевой автодороге добраться до Москвы реки, в районе Копотни и по ней доехать до центра, до Кремля. По опыту проезда по реке Ока мы знали, что даже между рухнувшими пролётами мостов, по реке всегда можно проехать и даже на таком монстре как УРАЛ. Если же всё-таки не удастся проехать на больших вездеходах, то тогда двое поедут на снегоходе. Но всё равно мы проверим, что творится в центре Москвы и есть ли в Кремле какой-нибудь управляющий центр власти.

Обговорив всё это, мы в три часа дня, тронулись по кольцевой автодороге в сторону Каширского

шоссе, задумав напротив ТЭЦ выехать на поверхность реки. По моим воспоминаниям берег там был низкий, и с внешней стороны МКАД набережной не было, то есть ничто не препятствовало выезду на заснеженную гладь Москвы-реки.

К реке мы подъехали, когда на улице уже стало совсем темно, поэтому пришлось сделать остановку на ночь. Рисковать мы не имели право. Лезть наобдум, в темноте по незнакомой, пересечённой местности, было чистое безумие. И было решено, только при свете дня найти безопасный путь, по которому можно будет выехать на поверхность реки. Правда саму поверхность сейчас было определить трудно, её выдавала только снежная ложбина между остатками строений, по краям этой ровной полосы нетронутого снега.

После увиденных разрушений и отсутствия следов жизнедеятельности людей, мы долго не могли уснуть. Хотя Володя чтобы снять полученный всеми стресс, достал из своих запасов, сначала одну бутылку виски, потом в восемь часов вечера ещё одну. Так мы сидели, распивая её почти до двенадцати часов ночи, при этом все были задумчивые и мрачные. Никаких следов проезда, какого либо транспорта по кольцевой автодороге мы тоже не заметили.

Утром встали в восемь часов, настроение, конечно, было мрачное, но всё равно появилось какое-то ожесточение и жажда деятельности. Разогрев, уже готовый завтрак и перекусив, как только стало светло, поехали искать безопасный спуск на поверхность реки. Его мы нашли только на территории области, отъехав от МКАД километра на три. Выехав на русло бывшей реки, по ровной не отмеченной никакими следами поверхности, мы поехали в сторону центра города.

Снег был уже слежавшийся, поэтому наши гусеницы оставляли, совсем неглубокую колею. Проезд между обрушившимися пролётами мостов, кольцевой автодороги, как я и предполагал, был, и довольно широкий. Сколько мы не проезжали мостов через реку, все они были разрушены. Очень много было повреждённых и обрушившихся домов, которые стояли вдоль набережной реки. Нигде не было видно человеческого присутствия, следов животных и птиц тоже никто из нас не заметил. До появления, на две трети засыпанной, кремлёвской стены, ехали около двух часов. Подъехав к ней ближе, мы остановились и начали через бинокли всё внимательно осматривать. Никаких следов жизнедеятельности человека никто не увидел. Сама стена, на видимом нами участке, была в двух местах разрушена. Из всех видимых башен, относительно целыми оставались две, вместо остальных виднелись только холмы снега.

После осмотра в бинокль Кремля, мы начали искать место, где могли выехать на территорию самого города. Несмотря на то, что в русло реки, по-видимому, намело больше снега и уровень русла, относительно поверхности берега поднялся. Всё равно для нашего УРАЛа это был слишком большой угол подъема, да и для ГАЗона, пожалуй, тоже. Поэтому подумав, мы начали доставать из буксируемых саней снегоход. На нём собирались обследовать прилегающую территорию.

На разведку поехали Саша и Флюр, на всякий случай взяли с собой автоматы и по две гранаты. Они должны были произвести дальнюю разведку. объехать Красную площадь, потом проехать немного вглубь города и попытаться попасть в Метро, если конечно проходы через здания не разрушены. Оставшиеся четверо — надев лыжи, должны были попытаться попасть через пролом в стене на территорию Кремля.

Ребята на снегоходе, попытались с ходу въехать на набережную, но у них ничего не вышло.

Пришлось из саней доставать ручной, гусеничный снегоуборщик «Кёрхер». И при помощи его и,

конечно же, лопат, сделать более пологий въезд на набережную. «Кёрхер» мы взяли с собой, для возможных раскопок снега внутри Кремля, а больше для раскопок входа в Метро. Я почему то думал, что Саша и Флюр не найдут целый не обрушенный вход в Метро через здание. Основная наша надежда для прохода в Метро через строение, была на большой Детский мир.

Этот выезд на набережную, мы сделали в течение часа, после чего ребята на снегоходе уехали на разведку. Мы же, пока оставив снегоуборщик на набережной. Захватив на всякий случай два автомата и несколько гранат, на лыжах поехали обследовать ближайший пролом в кремлёвской стене. После осмотра этого пролома, между Тайницкой и Благовещенской башнями, довольно спокойно перебрались через стену. Первоначально договорились объехать территорию Кремля по периметру, посмотреть, нет ли каких-нибудь следов оставленных людьми. Разделившись по двое, мы разъехались в разные стороны, при этом договорились встречаться у выезда около Троицкой башни, между Кремлёвским дворцом и зданием бывшего Арсенала.

Из-под снега виднелись только третьи этажи: Сената, Большого кремлёвского дворца и Военной школы. У Арсенала окон не было видно вообще, из-под снега выглядывали только некоторые фрагменты здания и крыши. Прекрасно сохранились и возвышались над снежной поверхностью позолоченные маковки Кремлёвских соборов. Новодел, Концертный зал, был наполовину разрушен. Встретившись неподалёку от Арсенала, мы решили сначала обследовать здание Сената, забравшись туда через окна третьего этажа. По пути сюда никаких следов на снегу никто не увидел, трубы тоже не дымили. Разбив стекло топором, который прихватили с собой и, проделав проход в раме, мы, помогая друг другу, влезли в здание Сената. Подсвечивая фонарями, ходили там до самого вечера. По сути своей, это были шикарные административные помещения, где очень часто встречалась старинная мебель. На верхних этажах мы осмотрели только несколько помещений. Основное своё внимание сосредоточили на первом этаже и подвале. Всё искали вход в подземное убежище. Обойдя практически весь подвал и первый этаж, мы так ничего интересного и не нашли. В шесть часов вечера решили ехать обратно. По-видимому, в этом здании входа в бункер не было. Следов недавнего пребывания людей, мы тоже не нашли. Присутствовали следы спешной эвакуации. Наверное, из-за этого много ценной и новейшей аппаратуры было оставлено. Например, я из одного кабинета захватил очень навороченный ноутбук, японской сборки.

Где-то к семи часам вечера, в полнейшей темноте, мы голодные и злые прибыли к своему кунгу. Саша и Флюр тоже ещё не приехали. Злые мы были из-за того, что бесцельно потратили целый день. А ещё больше из-за того, что теперь, пожалуй, каждый начинал понимать — на территории Кремля нет живого ни одного человека. Мифического бункера, скорее всего тоже нет, а если он и есть, то оттуда давно уже все эвакуировались. Либо он набит одними мертвецами и все наши потуги совершенно бессмысленны. Если тут кто-либо был, то обязательно оставил бы свой след. А если бы живые люди находились в бункере, то они обязательно поднимались бы на поверхность, тем более температура, например, сегодня не опускалась ниже -10 градусов.

Мы уже заканчивали наш поздний обед, когда появились Саша с Флюром. Сев за стол и немного перекусив, иногда перебивая друг-друга, они начали рассказывать, что увидели объезжая центр Москвы. Ну, во-первых, недавнего присутствия людей они не заметили, были давнишние следы мародёрских налётов. На Тверской и на Новом Арбате, куда они доезжали. Все магазины, были разграблены. В Метро так попасть и не смогли, все объезженные входы были недоступны, и без

техники откопать их было сложно. Последняя их попытка попасть туда через Детский мир, окончилась ничем, он был полуразрушен и завален снегом.

Потом они, через третий этаж залезли в практически не повреждённое здание ФСБ на Лубянке. Там-то они и провели столько времени, просмотрели все этажи, но основное внимание уделили, конечно же, подвалу. Там нашли ход в подземные этажи и попытались туда спуститься, но наткнулись на сплошной лёд, по-видимому, всё, что было ниже второго подвального этажа, было затоплено.

В отличие от нас, не нашедших вообще никаких следов присутствия человека. Саша с Флюром в здании ФСБ наткнулись на массу трупов, по-видимому, замерзших. Нашли и следы перестрелки в подвале и рядом обнаружили причину этого. Там был довольно большой продуктовый склад, где ещё оставалось очень много консервированной продукции. Они не удержались и съели по банке консервированной ветчины. Разогрели её до удобоваримого состояния, разведя костёр из бумаг и обломков мебели на гранитной лестнице. С собой тоже захватили несколько банок. Вообще-то я заметил, что зайдя в кунг, Саша положил какой-то пакет на решётку над печкой.

После этого рассказа, Саша встал, взял этот пакет и начал оттуда доставать консервные банки и две бутылки Французского коньяка «Курвуазье» более чем двадцатилетней выдержки. Достали они и двух килограммовую жестяную банку чёрной икры и по две банки других деликатесов: балыка, крабов и баночной ветчины. Саша сказал:

— Хотя всё печально и, по-видимому, людей в Москве сейчас нет, но обмыть такой склад просто необходимо. Одной чёрной икры там банок пятьдесят, а может быть и больше.

Нас вдохновила находка продуктового склада, а настроение повысилось уже после первой выпитой бутылки коньяка. Даже не смотря на отрицательные результаты поиска живых людей. Обсуждая за второй бутылкой наши планы, мы решили, что завтра все вместе попытаемся откопать при помощи снегоуборщика вход в Метро. Посмотрим, что там творится. После этого забираем, сколько сможем увезти, консервов со склада и уезжаем домой.

Кремль договорились больше не обследовать. Хотя Коля, напившись коньяка, пытался, что-то говорить о хранилище Алмазного фонда и Оружейной палаты. На что я ему ответил:

— Сейчас даже самый большой и редкий бриллиант не стоит и банки тушенки. А заниматься, пусть даже великим наследием, нам совершенно не с руки — нам бы просто выжить самим и спасти наших детей.

После этих слов он успокоился и занялся поглощением чёрной икры, намазывая её толстым слоем на кусок лепёшки.

На следующее утро проснулись в восемь часов и уже в половине девятого вышли на работу. Мы начали снегоуборщиком расширять и сглаживать угол подъема, вырытого ранее выезда на набережную, чтобы хотя бы ГАЗон смог выехать в город. Срезали эту снежную гору почти, что до обеда. Снегомёт снегоуборщика, на расстоянии метров десяти от выкопанной выемки, навалил большой, метра два высоты, снежный сугроб.

Пообедав, мы уже спокойно, на ГАЗоне вместе с буксируемыми санями, выехали наверх на набережную. Поставив в сани, снегоуборщик, договорились в первую очередь откопать вход в Метро. После долгих споров, было решено откапывать вход в Метро, который был совмещён с подземными магазинами комплекса Охотный ряд. Объём работ там был больше чем, если откапывать вход на Библиотеке Ленина. Но нам хотелось заодно посмотреть, не осталось ли каких-

нибудь нужных нам вещей в подземных магазинах.

Примерное местонахождение входа относительно гостиницы «Москва», хорошо помнил Саша, он здесь много раз встречался с Викой. Действительно, пройдя несколько раз снегоуборщиком и выкопав, траншеею полутораметровой глубины, мы наткнулись на кончики знака М — указывающий вход в Метро. Это позволило нам уже окончательно сориентироваться. И Валера с Николаем, посменно «Кёрхером» начали делать в снегу траншеею, шириной два метра. Такую широкую её делали специально, чтобы стенки не мешали снегоуборщику выкидывать снег, особенно с большой глубины. Остальные, чтобы не терять времени, решили поехать на ГАЗоне в здание ФСБ на Лубянке и начинать перевозить коробки с консервами к УРАЛу.

Приехав туда, установили на лестнице в подвал бензогенератор. наших удлинителей как раз хватило, чтобы осветить сам склад и дорогу до первого этажа. После чего начали носить продукты в комнату, где было окно, через которое мы попали в здание. Носили до наступления полной темноты, до шести часов вечера. Аккумуляторы наших фонарей к этому времени уже сильно разрядились, и носить коробки стало очень неудобно. Поэтому на сегодня пришлось прекратить эту работу.

Перенеся бензогенератор уже к ГАЗону и установив освещение, мы в течение получаса загрузили, сани и часть грузового отсека. После чего поехали к УРАЛу, ругая себя, что не подумали и не взяли ещё третий бензогенератор. Хотя такого случая запланировать мы конечно не могли. Второй самый наш маленький бензогенератор, он обычно стоял на багажнике над кабиной УРАЛа, мы оставили ребятам.

Когда мы подъехали, Валера с Колей уже были в кунге и готовили ужин, нам оставалось только умыться, и можно было сразу садиться за стол. Поужинав, мы выгрузили привезённые коробки прямо на снег, чтобы пока не забивать ящиками с консервами наше жильё.

В этот день Валера с Колей работали тоже до наступления темноты. Они сделали траншеею глубиной более трёх метров и закончили работать из-за того, что выбрасываемый снегоуборщиком снег не мог с такой глубины попасть наружу, начали мешать стены выкопанной траншеи. Поэтому Валера высказал своё мнение:

— Завтра нужно всем заняться откопкой входа в Метро. Теперь наступает время ручного труда и нужна каждая пара рук. А склад с продуктами, он никуда не денется, как лежали они уже столько лет, так пускай полежат ещё.

Николай продолжил:

— придётся рыть в снегу ход, глубиной ещё метров пять, а может быть и больше потому, что лестница входа в подземный вестибюль, тоже засыпана снегом. Слава Богу, что снег, хорошо спрессованный, и не осыпается, не нужно делать защитной опалубки, да и делать снежные блоки достаточно просто.

После этого Флюр заметил, Володе:

— А ты говорил, что зря взяли сани для снегохода, что с появлением роторных снегоуборщиков, эра погрузчика и «саней-самосвала» кончилась. Эх! Надо было бы и погрузчик с собой привезти.

Потом Саша обобщил все разговоры о рытье прохода в подземные магазины и в Метро:

— Значит, получается, что завтра батя с Флюром будут заниматься привычной для себя работой, перевозкой и разгрузкой снега ну, а нам придется поработать погрузчиком, хорошо хоть траншея широкая, есть, где развернуться.

Я тоже не остался в стороне от этого разговора и пошутил:

— Теперь вы поняли! Чёрная икра, тем более в таких количествах, просто так не даётся. За каждую съеденную икринку, нужно будет бросить хотя бы лопату снега.

Потом посмотрел на Николая и продолжил:

— Исходя из этой логичной мысли, Коля должен в одиночку очистить всю территорию Кремля от снега и наконец, добраться до своей вожделенной мечты — Алмазного фонда.

После этих моих слов, все начали друг друга подкалывать, пока Володя не предложил:

— За предстоящую работу, не съесть ли нам по большому бутерброду с чёрной икрой...

Все с энтузиазмом его поддержали, и он торжественно выставил на стол уполовиненную банку с икрой и воткнул туда столовую ложку. Пришлось по второму разу за этот вечер разогревать чайник.

После этого пиршества, все, наконец, уgomонились и улеглись спать.

На следующее утро уже в девять часов, мы все вместе работали по раскопке входа в подземные магазины и Метро. Работа шла, конечно, медленнее чем с погрузчиком, но всё равно двигалась, тем более у нас не было перерывов на обогрев. К восьми часам вечера мы всё-таки пробили вход в подземный переход между Метро и торговым комплексом Охотный ряд. После этого все работы были закончены и мы крайне уставшие поехали к себе в кунг. Где уже без всякого удовольствия, поужинав бутербродами с чёрной икрой и баночной ветчиной, сразу улеглись спать.

Наутро, завтрак у нас был такой же, как и вчерашний ужин и в отличие от вчерашнего вечера, он нам всем очень понравился. По моему мнению, икра после заморозки совсем не потеряла свой вкус.

Правда я этого вкуса мог и не помнить. Последний раз пробовал чёрную икру лет двадцать назад.

После завтрака мы, захватив фонари и кое-какой инструмент для вскрытия запертых помещений, вошли в тоннель. В первую очередь договорились проверить станцию Метро. Дойдя до верхнего вестибюля станции, мы увидели несколько замёрзших трупов. Потом Саша с Флюром, начали спускаться по эскалатору вниз и метров через десять наткнулись на сплошной лёд. Нижние помещения и туннели были затоплены водой и потом замёрзли.

По видимому во время землетрясения, были повреждены туннели под рекой, и вода затопила всё Метро. Наверное, и все находящиеся глубоко под землёй Кремлёвские бункера. Именно такой вывод я сделал, сопоставив два факта затопления: — в глубоких подвалах здания ФСБ и здесь. Когда Саша и Флюр поднялись, мы тут же покинули этот вестибюль. Рядом с замороженными трупами было жутко и очень неудобно.

После посещения вестибюля Метро, мы направились в помещения торгового центра. Перед этим установили бензогенератор в туннеле, недалеко от пробитого нами входа. Там хотя бы осуществлялся доступ свежего воздуха. Протянув удлинители вглубь торгового центра. Зажгли несколько стоваттных прожекторов и хоть немного осветили это царство мрака и холода.

Температура здесь была раза в два ниже, чем на поверхности и достигала где-то — 20 градусов.

Разбившись по двое, мы начали по секторам просматривать все магазинчики. Везде был полный разгром, видно тут всю орудовали мародеры. Больше было разломано и разбито, чем унесено. Все закрываемые рольставнями магазины, были варварски вскрыты. В процессе обследования, мы с Володей наткнулись на магазин электрических инструментов и оборудования. Там в подсобном помещении нами было найдено, два мини-бензогенератора мощностью девятьсот ватт и весили они меньше десяти килограмм. Мы обрадовались этой находке и сразу их вынесли к работающему

генератору. К нему все договорились выносить понравившиеся товары. Здесь уже лежала не очень большая кучка вещей, принесённых другими парами.

Кроме генераторов, с этого магазина Володя прихватил два найденных автомобильных ресивера мощностью в триста и шестьсот ватт. Потом мы ещё долго ходили по магазинчикам Охотного ряда. Из всей массы ещё оставшихся там товаров, я подобрал только пару красивых, женских золотых швейцарских часов, в подарок Маше и Вике. Володя тоже, что-то нашёл в подарок для Гали. Больше мы ничего не обнаружили для себя интересного и вернулись к генератору.

Количество принесённых сюда вещей значительно возросло. Пока никто не появился, мы начали относить все эти товары в ГАЗон. После того как всё отнесли, минут через десять подошли и остальные пары, как сказал Володя:

— Нагруженные, как караванные ослы, надыбанными шмотками.

После этого замечания все решили заканчивать это сумасшествие, с халявиным набором в большинстве своём не особо нужных вещей. Тем более я сказал:

— Большинство этих тряпок нам придётся наверняка выбросить. В первую очередь будем брать продукты и ради них выбросим все эти набранные безделушки.

Единственное, что я одобрил из одежды, это набранное Сашей и Флюром термобельё, производства США. Но мы всё равно все набранные вещи отвезли к УРАЛу и сложили в снег. Рядом с привезёнными ранее ящиками с продуктами.

В этом торговом центре, мы пробыли до шести часов вечера и даже не выходили на обед. Поэтому все были очень голодными, и мы устроили большой совмещённый обед-ужин с литром, какой-то водки Французского производства, привезённой из здания ФСБ. Называлась она «Грей Гуз» и оказалась на мой вкус очень даже хорошая, не хуже моей любимой — «Алтая». Обсуждая все достоинства набранных вещей из магазинов Охотного ряда, в конечном итоге все признали — с собой нужно будет брать только, маленькие генераторы, ресиверы и термобельё. Без всего остального вполне можно будет обойтись. Так за обсуждением всего увиденного под землёй мы просидели до одиннадцати часов вечера. Завтра решили заниматься только перевозкой продуктов и ни на что другое больше не отвлекаться.

На следующее утро все встали в восемь часов и за завтраком, Саша предложил обследовать ещё — Министерство Обороны, Штаб Сухопутных войск и ФАПСИ, на мой вопрос:

— Зачем нам это нужно?

Он ответил:

— Там может быть получится обнаружить коды доступа на военные спутники. И найти оборудование позволяющее установить с ними связь. Ведь скоро небо очистится от пепла и связь восстановится. Тогда через спутники мы сможем осмотреть всю территорию Земли. И в конце-концов может быть, установим связь или, в крайнем случае, найдём местоположение других групп выживших.

Этим предложением он меня, да и всех остальных очень заинтересовал. Так, что я хотел даже, несмотря на принятое ранее решение заняться только перевозкой продуктов — всем вместе отправиться на поиски кодов и этого оборудования. Этот вопрос показался мне важнее любых продуктов. Но Саша меня остановил, он сказал:

— Пока на разведку достаточно и двух человек на снегоходе. И не факт, что туда можно будет

подъехать на ГАЗоне.

Потом немного помолчал и продолжил:

— Если к этим зданиям не удастся подъехать на большом вездеходе с оборудованием, то тогда может быть стоит доехать до комплекса Внешней разведки в Ясенево. Туда даже Урал сможет подъехать без проблем.

После небольших препирательств было решено, что на поиски направятся Саша и Валера. Саша как военный, знакомый и с местами расположения нужных нам служб и с организацией их охраны. Валера, когда то служил в радиотехнической службе ПВО. Был по специальности инженером-электриком и мог профессионально подобрать и демонтировать оборудование для связи со спутниками. Поедут они на снегоходе с малыми санями, куда смогут уложить найденное оборудование, если им повезет, и они сразу обнаружат системы связи и коды допуска. Остальные продолжают перевозку продуктов к УРАЛу.

Захватив с собой мини-генератор, набор инструментов, а также большой термос с чаем и бутерброды, Саша с Валерой уехали первыми. Потом и наша четвёрка тронулась в путь. Мы тоже взяли с собой продукты, чтобы пообедать, не возвращаясь в кунг. А также захватили с собой ещё и бензиновую плитку для разогрева обеда в здании ФСБ.

Благодаря найденным вчера генераторам, удалось осветить, почти всю дорогу до склада. Но всё равно работа шла медленно, слишком далеко приходилось носить коробки с консервами. К тому же ещё нужно было подыматься по лестницам на третий этаж, со второго подвального уровня. До обеда загрузили наши сани всего наполовину. Полностью мы загрузили и сани, и грузовой отсек Газона только к восьми часам вечера. Когда поехали обратно, Флюру пришлось ехать в санях, верхом на горе коробок с консервами, в кабине все не помещались. Хорошо ехать было недалеко, и температура была -10 градусов. Всего было загружено продуктов, тонны две с половиной. Это высчитал Володя, используя маркировки на коробках. Взяли всю чёрную икру, её оказалось 67 двух килограммовых банок. А также все ящики с крабами, балыком и ветчиной в банках, то есть брали всё то, что нам всем очень понравилось.

По расчётам Николая, которые он озвучил:

— Мы максимум можем увезти: на ГАЗоне — три с половиной тонны груза. В кунге — семь тонн груза, а если ещё учитывать, что УРАЛу придётся буксировать малые сани со снегоходом, то туда можно будет загрузить не более шести тонн. К тому же ещё неизвестно, привезут ли ребята оборудование связи со спутниками и сколько оно весит. Скорее всего, больше семи тонн продуктов, подвозить к Уралу не имеет смысла. Значит, максимум на склад придётся съездить ещё два раза. По нашим с Володей прикидкам, на этом складе находились не менее семидесяти тонн различных консервированных продуктов. С Володей мы уже определились, что нам придётся через недельку приезжать сюда ещё раз. И нужно будет ехать на всей имеющейся технике. Такие качественные продукты нужно было обязательно вывозить. И вывозить лучше сейчас, когда у нас в достатке было топливо, и имелась исправная техника, да и мы все, слава Богу, были здоровы. Если всё привезём, то такого запаса нам точно хватит лет на десять, а с учётом имеющихся продуктов то лет на пятнадцать. С такими разговорами мы и ехали к кунгу. Когда туда прибыли, Саша и Валера сидели уже там и ужинали. Мы тоже, быстро умылись и присоединились к ним. После еды, за чаем, Саша рассказал: — В принципе аппаратуру мы нашли. Она находится в здании Штаба Сухопутных войск на

Фрунзенской набережной. Там нужно будет откапывать от снега, какую-нибудь спутниковую тарелку, установленную на крыше. Что же касается кодов, то без опытного хакера, там делать нечего. Мы попытались подключить пару компьютеров, но так и не поняли, как выудить оттуда нужную нам информацию. А эти коды наверняка записаны в этих компьютерах, может быть, конечно, и на съёмных оптических дисках или «флэшках». Одним словом, завтра надо ехать туда всем вместе. Откапывать спутниковую тарелку и забирать с собой несколько системных блоков, и все, какие найдём в этом подразделении, накопители информации. Дома Катя, как-нибудь с ними разберётся. Она очень неплохой программист и многие знакомые хакеры ей завидовали и восхищались.

В конце нашего затянувшегося чаепития я сказал:

— За продуктами нам придётся приезжать ещё раз. Уже специально на всех имеющихся вездеходах и мы их всё равно все вывезем. Поэтому сейчас лучше займёмся спутниковой тарелкой и демонтажем другого оборудования. Подвозом и загрузкой в кунг, ящиков с консервами и набранных вещей, займёмся после размещения найденных компьютеров и снятого оборудования связи.

Все с этим полностью согласились, уж очень нам хотелось посмотреть сверху на нашу Землю. Понять всю степень постигшей человечество катастрофы и найти уцелевшие следы цивилизации. Наверное, об этом думал не только я. Все мечтали снять груз неопределённости, который уже который год висел в душе каждого из нас. Поэтому на следующий день, встав в восемь часов утра, все с большим энтузиазмом направились к Штабу Сухопутных войск. Ехали на обоих вездеходах и остановились напротив одного из его зданий, которое фасадом выходило на набережную Москва-реки. Саша в это время на снегоходе, с санями нагруженными генераторами, канистрами с бензином, лопатами и другими инструментами, должен был подъехать к комплексу штаба, через город и ждать нас на набережной.

Доехав до места, встали напротив здания Штаба Сухопутных войск, потом на лыжах — лесенкой, выбрались на набережную. Мы подъехали первыми и ещё успели выкурить по сигарете, когда появился Саша. Разобрав привезённые им инструменты, направились к одному из зданий. Там было окно на третьем этаже, через которое ребята вчера попали в это подразделение штаба.

Попав в здание, мы разделились. Пока остальные занимались переносом компьютеров и съёмных носителей информации, мы с Валерой поднялись на технический этаж, к выходу на плоскую крышу. Для выхода на саму крышу, нужно было решить одну проблему. Железная дверь, которая из лифтовой башенки вела туда, была завалена снегом, и этот слой был толщиной более пяти метров. К тому же дверь была закрыта на навесной замок, поэтому пришлось идти за более мощным генератором и болгаркой, а потом спиливать замок и дверные петли. Затем мы убрали дверь в сторону и лопатами начали делать туннель в плотно спрессованной снежной стене. Из-за того, что снег был слежавшийся и не рассыпался, нам хорошо удавалось вырезать лопатами блоки и переносить их вглубь чердака. Так постепенно мы вели этот тоннель вверх. Устанавливая из подручного материала, защитные навесы, чтобы нарезающего в данный момент снежные блоки, не придавило горой снега. Для устройства этих навесов в основном использовали снятые с петель двери и столешницы от письменных столов. Их приходилось таскать с нижерасположенного этажа. Туннель мы делали, повышающимися ступенями. Чтобы не продавливать ногами снег на эти ступени тоже укладывались деревянные части офисной мебели, в основном полки от шкафов. Этот выход на

заваленную снегом поверхность крыши, мы делали до двух часов дня, потом пошли в кунг обедать. Все остальные ребята были уже здесь. Они перенесли в кунг четыре системных блока компьютеров и множество носителей информации. По моему мнению, с таким количеством информации можно было разбираться несколько лет. Но я подумал, — что скоро зима и делать нам в принципе будет нечего. Пускай Катя и другие, кто, что-то понимает в компьютерах, разбирается в этой информации. И мне кажется, эта работа будет многим не в тягость, так как тема поиска остатков цивилизации всех очень интересовала.

Кроме выполнения функции носильщиков, ребята нашли центр космической связи, где стояли радиостанции и другое оборудование. Для его демонтажа требовался Валера. Исходя из этого, мы договорились, что после обеда он присоединяется к Саше и Володе. И они втроём займутся, демонтажём и переноской в кунг нужного радиооборудования. Остальные продолжают откапывать на крыше, спутниковую тарелку. Освобождать от снега и демонтировать мы собирались, самую маленькую по размеру спутниковую тарелку. Найти эти направленные антенны на поверхности крыши, было нетрудно. Их выдавали снежные холмы, вот самый маленький холмик мы и решили раскапывать.

Жалко конечно, что на крышу нельзя было поднять снегоуборщик, но он был слишком тяжёлым. Чтобы его поднять, нужно было провозиться всем целый день, если не больше. Поэтому и начали копать снег лопатами. Собирались работать допоздна, по крайней мере, до восьми часов вечера, поэтому сразу установили освещение над местом проведения раскопок. Работали мы немного дольше до девяти часов, но так и не смогли полностью откопать спутниковую тарелку. Решили продолжить эту работу завтра. Ребята тоже ещё не до конца демонтировали всю нужную аппаратуру связи, но даже то, что уже перенесли, занимало довольно большой объём. Поэтому мы договорились, что продуктами большие сани занимать не будем и за ними больше не поедём. Весь объём саней отдаём под размещение радиооборудования и спутниковой тарелки. По Валериным прикидкам, этого должно было хватить.

Работа по откопке антенны, была крайне тяжёлая, поэтому мы произвели замену. Вместо меня и Коли, завтра на уборку снега пойдут Саша и Володя. А я с Колей буду помогать Валере в продолжение демонтажа систем связи и их переноской и укладкой в сани. А ребята, только когда откопают спутниковую тарелку полностью, позовут Валеру для её грамотного демонтажа.

Кстати я не рассказывал, что Саша ещё в здании ФСБ, снял с замёрзших трупов, по-видимому, охраны, шесть штук радиостанций с навесной гарнитурой. Мы смогли поставить в две из них элементы питания. И теперь помимо радиостанций стоящих в вездеходах, которые были подсоединены к их электропитанию, у нас была мобильная связь.

К обеду наша бригада полностью закончила демонтаж всей нужной аппаратуры, мы вынесли и уложили её в сани. После этого я вызвал Сашу по радиосвязи и пригласил их бригаду на обед. К моменту их прихода, Николай уже приготовил обед, оставалось разложить его по тарелкам. После еды, за чашкой чая, Саша сказал:

— Осталось совсем немного копать. После обеда уже будет нужен Валера. Также нужно, сейчас достать и захватить с собой длинные верёвки. Мы хотим спускать эту спутниковую тарелку с крыши, верёвками.

В ответ на это Валера сказал:

— Мы уже всё закончили и пойдём на крышу, всей нашей бригадой.

К четырём часам дня, спутниковая тарелка была полностью, освобождена из снежного плена и Валера отсоединил всю эту систему от крепления с крышей. Снял саму тарелку и разделил её на сегменты, диаметром она была три метра. Потом мы на верёвках спустили эти части вниз. К шести часам вечера, всё снятое с крыши оборудование было уложено и закреплено в санях.

После этого мы прекратили на сегодня всякую работу и решили отметить коньяком, окончание этого тяжёлого этапа работ. За всё время нашей экспедиции, такого объема ручной, тяжёлой работы мы ещё не выполняли и за эти дни все ужасно вымотались. Все были очень рады, что завтра уже не надо будет ничего копать. Нам оставалось только перегрузить в кунг все вещи и продукты, лежащие на снегу, и можно было уезжать домой.

Поэтому было решено, завтра поспать подольше, а сегодня посидеть и расслабиться. Наша посиделка, не обошлась, без второй бутылки коньяка и вообще он очень хорошо шёл, под чёрную икру и крабы.

Утром, встав в девять часов, через час поехали к оставленным нами на снегу продуктам. Немного раньше, на снегоходе с санями, Саша поехал через город туда же. Складированные на снегу продукты и все найденные в торговом центре товары, в кунг загрузили довольно быстро. Снегоход, маленькие сани и Снегоуборщик, мы решили оставить здесь, до следующего приезда. Везти на прицепе за УРАЛом посчитали, что не имеет смысла, потом всё равно придется везти это обратно. Рядом с этим оборудованием, мы уложили на снег канистры с оставшимся топливом и большой бензогенератор. Маленькие уложили в кунг, они были лёгкие и не занимали много места. Все работы мы закончили в три часа дня, пообедали и сразу же отправились домой.

Обратно ехали, опять со скоростью, не превышающей 30 километров в час. И в наш посёлок приехали только в десятом часу вечера. Когда мы приехали и разгрузили некоторые продукты, народ был в шоке. Многие ни разу в жизни не пробовали чёрную икру, да и вкус крабов, был знаком только по крабовым палочкам.

Поэтому за праздничным ужином, двух килограммовая банка чёрной икры была сметена буквально в полчаса. Одним словом, привезённые нами продукты были основной изюминкой ужина. Так получалось, что не нас встречали праздничным столом, а мы обеспечили его наполнение. Хотя свежая, отварная картошка, редиска, зелень и только что срезанные с грядки огурцы, нам показались гораздо вкуснее, чем чёрная икра и прочие деликатесы. Практически только ими мы питались последние несколько дней.

Весь наш взрослый коллектив, сидел за праздничным столом до часа ночи. Мы поочередно рассказывали о нашей поездке, правда, иногда бывало, что перебивали друг-друга. Очень тяжёлое впечатление на всех произвело: увиденные нами разрушения, замёрзшие трупы в вестибюле Метро и в магазинах Охотного ряда. Но больше всего то, что мы не обнаружили даже намёка, на присутствие людей в Кремле и в других учреждениях государственных структур.

Под конец вечера, наверное под воздействием коньяка, обстановка как то разрядилась и все повеселели. Мы даже начали обсуждать практические вещи. Было решено, устроить склад для продуктов, привозимых из Москвы — в большом, практически не разрушенном доме, метрах в ста от нас. Все согласились с тем, что все продукты из Москвы, надо вывозить к нам в посёлок. А этот дом был достаточно велик, и там должно было всё поместиться. Продуктов было много и пусть они так и

хранятся на морозе, если не испортились за столько лет, то могут полежать и ещё. Забирать их в тёплое помещение, мы будем по мере необходимости.

Второй раз, поездку в Москву наметили на 24 июля, а до этого решили хорошо отдохнуть и заняться накопившимися домашними, хозяйственными делами.

Глава 14

На следующий день мы отдыхали, все участвовавшие в экспедиции в Москву, пришли на завтрак только в одиннадцать часов дня. После чего по очереди пошли в душ и занялись собственным здоровьем. Ходили в подвал, полежать на массажных кушетках, загорали и проходили медицинское обследование у нашего доктора — Игоря. Кстати, когда принимали душ, то полностью заполнили использованной водой шесть фляг. Бывшие в наряде Сергей и Максим, всё время до обеда только и занимались, что носили выливать использованную воду.

Мы настолько обленились и расслабились, что разгружать привезённые продукты намеривались только завтра. Единственное, что принесли из кунга, это системные блоки и носители информации в виде оптических дисков и «флэшек». И сейчас Катя, пытается там разобраться. По поводу дисков она сказала:

— Этот мусор вы можете взять себе. Может быть, кто-нибудь сможет их использовать в виде украшений. Повесить, например, на шнурке на шею. Как носители информации они умерли — мороз их полностью загубил.

До позднего вечера все, кроме наших программистов, смотрели телевизор. Даже когда ужинали, продолжали просмотр одного из фильмов. Разошлись по своим комнатам спать, в одиннадцать часов вечера. Договорившись с завтрашнего дня, потихоньку втягиваться в работу и начинать это с разгрузки УРАЛа и ГАЗона. А также начинать готовить другую технику к новой поездке в Москву. Когда мы с Володей подсчитывали, количество груза, которое сможем перевезти — получалось, что нам надо съездить в Москву ещё минимум два раза. Но мы твёрдо решили, что обязательно надо в этом году вывезти, хотя бы половину продуктов.

Моя жена Маша вечером как обычно рассказала, — что происходит у нас в доме, когда я отсутствую. Про взаимоотношения между людьми и чем вообще живут наши женщины. Из интересной информации можно выделить, что у Кати оказалась ложная беременность. Вернее все наши женщины думали, что это беременность, а это оказался просто токсикоз, из-за недостатков нашего питания. Овощи на нашем огороде растут хорошо, не болеют, урожаи собираем стабильно. По картошке два раза в год, по другим овощам по три-четыре раза. В среднем получаем по тонне различных овощей в год. У нашей собаки Чапы, уже совсем скоро будут щенки. В общем, она меня опять загрузила информацией так, что я уснул только в третьем часу ночи. Всё анализировал и планировал нашу дальнейшую жизнь. Сама же Маша, загрузив меня — преспокойно уснула.

На следующее утро я проснулся позже, чем все остальные. Когда в десять часов утра пришёл в столовую, дежурившая Наташа, накладывая мне завтрак, сказала:

— Все остальные уже давно разгружают продукты, а вас тётя Маша просила не будить.

Позавтракав, пошёл помогать разгружать УРАЛ. Там были все, даже Вика — она оставила малыша под присмотром Наташи. Когда я подошёл, кунг был уже наполовину разгружен. Остальные продукты, находящиеся в нём и в ГАЗоне, мы разгрузили к двенадцати часам дня. Потом до обеда сняли всё привезённое оборудование с саней и кроме спутниковой тарелки, занесли в наши сени.

Здесь Валера собирался собрать и наладить радиостанцию для связи со спутниками. Правда, кодов-допусков, Катя с Галей ещё не обнаружили.

Кстати я сомневался, что в ближайшее время нам удастся установить какую-либо связь. Атмосфера пока не пропускала радиосигналы, это я отслеживал по сигналам спутникового телевидения и по системам «Джи-пи-эс» и «Глонасс». Они пока не обнаруживали сигналов со спутников.

После обеда, я пошёл к себе в комнату и занялся анализом температурных графиков, после этого улёгся почитать художественную книгу. Николай с нашими лучшими механиками, в этот день начал заниматься ТО всей нашей техники. На ней мы собирались отправляться во вторую экспедицию в Москву. Валера с остальными ребятами, начал собирать аппаратуру связи и спутниковую антенну. Катя с Галей, Максимом и Ритой, пытались из привезённых компьютеров, выудить коды доступа на спутники наблюдения. Остальные женщины, кроме дежурной, занимались нашим огородом в подвале.

Следующие дни до 27 июля, текли примерно также. Только я присоединился к группе Николая и готовил вездеходы к выезду. А группа Валеры, закончила со сборкой аппаратуры и начала переоборудовать второй кунг, его договорились делать также как и первый.

В следующую поездку в Москву, было решено, что поедут все мужчины, предстояли большие погрузочные работы. Кроме этого поедут: Таня, Наташа и Рита, они меня всё-таки упростили взять их с собой. Объясняя это тем, — что очень хотят поупражняться в вождении вездеходов. Я согласился, тем более места было много, и мужчины не будут отвлекаться на хозяйственные дела. Будет теперь, кому готовить пищу и поддерживать порядок в помещениях.

Дополнительно с собой Валера уложил в ГАЗон два генератора и изготовил несколько тридцатиметровых удлинителя с патронами для лампочек, через каждые пять метров. Кроме этого, для переноски коробок с консервами, мы сделали пять пар носилок. Одну пару, вытребовали себе наши девушки, Таня сказала:

— На носилках, переносить коробки, совсем не тяжело и мы тоже хотим помочь, а не стоять целыми днями у плиты.

Тронулись мы, во вторую экспедицию в Москву, в девять часов утра 27 июля, температура на улице была -9 градусов. Ехали на трёх УРАЛах, модульном ТТМе и на ГАЗоне с прицепными санями.

Первым на УРАЛе ехал Саша, с ним стажёром Игорь, половину пути управлять вездеходом должен был он. Следом двигался Николай, стажёром у него был Максим. Потом Флюр на УРАЛе с краном, стажёром у него был Сергей. За ними двигался ТТМ с модульным прицепом, там основным водителем был Володя и с ним ехали все наши девушки, они тоже должны были, сменяясь вести вездеход. Последним ехал я на ГАЗоне, со мной был Валера.

Все машины, стараниями Саши и Валеры, были обеспечены связью. Валера ко всем найденным Сашей рациям. Приспособил пальчиковые аккумуляторные батареи, имеющиеся у нас в большом количестве. На этот раз двигались мы ещё медленнее, так как более половины дороги, вездеходами управляли стажёры.

В Москву к Кремлю, мы подъехали только к шести часам вечера. Правда надо учитывать, что недалеко от поворота на Подольск мы останавливались пообедать, и это заняло у нас больше часа. Подъехав к месту нашей предыдущей стоянки, мы сегодня не стали ничего предпринимать. Просто поужинали, поговорили и разошлись спать.

Утром подъём был в восемь часов, через час на ГАЗоне и ТТМе, преодолев подъём на набережную, мы уже ехали к зданию ФСБ на Лубянке. Подъехав, мы в первую очередь осветили весь путь переноса продуктов. Я с Володей и Ритой, остались укладывать приносимые коробки с консервами. Грузовой отсек ГАЗона, загрузили не полностью, народу было много и в кабины вездеходов все не умещались, троим, приходилось ехать в грузовом отсеке, на захваченной из дома скамейке.

Полностью мы всё загрузили только к пяти часам вечера, с небольшим перерывом на обед. После чего, подъехав к месту стоянки, перегружали на бортовой УРАЛ до девяти часов вечера. Причём перегружали сначала на поддон, потом краном поднимали его в кузов и уже там укладывали в стеллажи. Четыре поддона на всякий случай, у нас всегда лежали в кузове УРАЛа.

После этих, погрузочно-разгрузочных работ, мы смогли только поужинать бутербродами с чаем и в десять часов вечера, все разошлись спать. Такой работой мы занимались на протяжении пяти дней. Единственное отличие трёх последующих дней, заключалось в том, что после загрузки грузового УРАЛа. Мы все привозимые продукты укладывали в штабеля прямо на снегу. Их собирались грузить в последний день, когда уже не нужно будет ночевать в кунгах.

На шестой день мы встали пораньше и уже в восемь часов утра, приступили к загрузке коробок с консервами в наше жилище. Работали без перерыва на обед, пока к четырём часам дня полностью не загрузили все продукты. Потом установили снегоход на малые сани и прицепили их к грузовому УРАЛу. Только после этого решили пообедать, обедали все по своим кабинам, бутербродами с чаем из термосов. Примерно в пять часов мы тронулись в обратный путь.

Ехали до дому около шести часов и только в одиннадцать вечера прибыли в наш посёлок. Там мы были уже не в состоянии разгружаться, а просто выставили вездеходы вдоль дороги и отправились домой. Всех измучил этот день, сначала непрерывная погрузка, потом длинная дорога. Поэтому практически все, даже не принимая душ, только выпив горячего чаю с бутербродами, направились спать.

На следующий день мы договорились, что подъём будет по свободному графику, спать можно столько, сколько сам сможешь. Например, я проснулся в десять часов утра и был один из первых. Поэтому смог беспрепятственно попасть в душ. Потом пришёл Володя, и мы с ним стали выполнять обязанности наряда — выносить наполненные фляги с отходами. А по мере того как все начали просыпаться и идти в душ, количество полных фляг всё возрастало.

Только к часу дня, к самому обеду в столовой собрались и остальные участники нашей экспедиции. Когда все окончательно собрались. Мы как обычно после каждого крупного свершения, устроили праздничный обед с употреблением деликатесов и элитных напитков. После обеда, до позднего вечера устроили просмотр и прослушивание видеоклипов, различных групп и исполнителей.

Молодёжь, несмотря на тяжёлую неделю, всю танцевала.

Из всей прослушанной музыки и групп, больше всех, по общему мнению, нам понравилась группа «Ария» и старый тяжёлый рок. Наверное, потому, что мы многие уже почти пятидесятилетние, выросли на нём, а молодёжь тоже его весьма уважала. В кои веки, разные поколения сошлись в своих музыкальных пристрастиях.

На следующий день все, кроме дежурной, занялись разгрузкой привезённых продуктов. По нашим с Володей прикидкам, сейчас было привезено не менее двадцати пяти тонн продуктов. С учётом уже имеющихся, нам должно было их хватить не менее чем на семь лет. Поэтому после всеобщего

обмена мнениями было решено, больше в этом году не ездить в Москву. Лучше заняться топливными проблемами и собственным здоровьем. Всё-таки этими поездками мы себя здорово вымотали.

Самым узким местом обеспечения жизненно важными материалами, у нас стали запасы дизтоплива. Наша дизельная электростанция, пожирала его со страшной скоростью. В среднем у нас выходило при 70 % нагрузке, сто пятьдесят литров в сутки, за год мы расходовали сорок тонн солярки. В летнее время, по крайней мере, в июне и июле мы электростанцией не пользовались. Обходились ветряком, иногда дополнительно заводили большой бензогенератор.

На данный момент времени у нас было: двенадцать тонн в ёмкости самой станции. Около тридцати тонн оставались на заправке и около десяти тонн в резервной цистерне от КАМАЗА, и в емкостях УРАЛов. То есть в принципе нам на год вполне хватало имеющегося в наличии дизельного топлива. Но больше известных нам запасов дизтоплива — не было.

Поэтому мы договорились, что после однодневного отдыха, опять начинать поиски солярки. Что касается завоза угля то, решили сделать несколько ездов. Но больше для того, чтобы испытать в деле экскаватор на барже. Запасов в угольной яме, уже сейчас было больше чем на год, даже при самой суровой зиме. А если верить моему анализу температурных графиков, эта и последующие зимы должны быть значительно мягче. Например, в том году температура в начале августа всегда была ниже -15 градусов, а сейчас чуть ниже — 10 градусов.

Мы разгрузили вездеходы, а потом отдыхали до четвёртого августа. Пятого числа начали заниматься, обеспечением себя соляркой на зиму. Флюр с Максимом начали возить дизтопливо с заправки и заливать её в ёмкость нашей электростанции. Володя и Игорь, остались обеспечивать нашему дому бытовое благополучие. У них установился ежедневный наряд на вынос фляг с отходами и другую тяжёлую работу. Володя, также должен был оказывать помощь Кате и Гале, в попытках найти коды доступа для связи со спутниками. Ну а мы впятером на двух УРАЛАх, включая грузовой, куда были загружены краном, вся наша снегоуборочная техника и на ГАЗоне. Выехали на поиски запасов жидкого топлива.

Используя эту технику, мы собирались планомерно начинать откапывать все подряд заправочные станции, на Симферопольском шоссе в сторону Тулы. По моему мнению на заправках до Москвы, начиная от реки Ока, вряд ли осталось топливо. Слишком много было беженцев из мегаполиса. Их дальнейшее распространение остановило только, разрушенные мосты через реку Оку. На заправках от Москвы до Оки, наверняка всё топливо уже выкачено.

Выехали мы утром в девять часов, температура была -11 градусов, на улице только начинало светлеть. Доехав до первой не проверенной нами в прошлый раз заправки. Мы встали, выгрузили гусеничный тракторный снегоуборщик и до вечера, смогли откопать ход под навес, где установлены раздаточные колонки. Потом через имевшийся, правда пустой магазин, попали к операционному пульту. Там Валера уже привычным образом подсоединил питание от нашего генератора с операторским пультом. Видя совершенно пустой магазин, я уже понял, что вряд ли мы найдём здесь запасы топлива. Так и оказалось, всё топливо было выкачено до конца. Пришлось нам всё грузить обратно. УРАЛы и снегоход мы оставили прямо на шоссе, а сами на ГАЗоне отправились домой и в девять часов вечера уже были там.

На следующий день повторилась та же история. Иногда мне начинало казаться, что нам вообще

очень повезло, что нашлись две практически не опустошенные заправки и это везение кончилось. Если это так, то придётся заканчивать с нашим огородом в подвале. В течение десяти дней, мы проверили семь заправок, и все они были пусты.

Шестнадцатого августа, мы уже вшестером, выехали к восьмой заправке, к нам присоединился Флюр. На этой заправке мы начали работать по стандартной схеме. Выгрузили из УРАЛа снегоуборщик, на базе мини-трактора и начали пробивать ход под навес заправки. Эти навесы были заметны сразу, они выделялись среди ровного снежного покрова и были похожи на небольшие холмы.

Мы уже настолько приноровились, что прокопка в снеге хода под навес у нас занимала максимум пять часов. Как правило, высота этих навесов составляла четыре с половиной метра. Чтобы туда попасть, нужно копать траншею глубиной всего-то три метра. Так и на этой заправке, ход мы делали часа четыре. После чего захватив с собой генератор, направились в «операторскую». В это помещение залезли через витрину, где были выставлены различные расходные материалы для автомобилей. Пришлось ломать кроме стекла ещё и решётку. Её перекусили в нескольких местах большими кусачками. После чего отогнув отрезанную часть, влезли в помещение склада и «операторской». Потом Валера уже привычно, подсоединил наш генератор с системой заправки и приборы на пульте оператора ожили.

На этой заправке топливо было, правда, не очень много. Дизтоплива было около двенадцати тонн, бензина АИ-95 — три тонны, бензина АИ-92 две тонны. Хотя солярки под наши потребности было очень мало, но мы всё равно были весьма рады. Наконец-то прервали этот нескончаемый поток неудачных откопок заправок. В этом все увидели добрый знак и уже радостные, с успокоенной душой мы отправились в кунг обедать.

Там после небольшой дискуссии договорились, что после откопки большого съезда к бензоколонкам, обратно домой не ездить, а попробовать откопать следующую заправку. Температура воздуха начала понижаться, и надо было успеть до морозов, откопать, хотя бы ещё пару заправок. В этот день температура уже была -14 градусов и впервые за долгое время выпал небольшой снег.

Пока ребята будут делать большой съезд, мы с Флюром собрались на ГАЗоне провести обследование прилегающей территории. Мы так делали на каждой заправке. Всё надеялись найти терминалы с запасами товаров. Ещё по прошлым временам я помнил, что на пути к Москве, стояло много таких накопительных терминалов. Куда сгружались большие партии товаров, перед отправкой их в Москву — уже более мелкими партиями. Пока ни одного такого склада мы не нашли. Скорее всего, они находились ближе к Москве. Но на всякий случай мы всё-таки делали объезд прилегающей территории, с радиусом где-то километров десять. Заодно иногда отыскивая следующую заправку, находящуюся в стороне от трассы — например, как эта.

Заправки мы научились определять очень точно, во-первых, по снежным холмам над навесами, а ещё по торчавшим из снега громоотводам и столбам освещения. Так как откапывать большой съезд, нужно было часов пятнадцать, время у нас было, и мы с Флюром договорились, повнимательней обследовать территорию — спешить было некуда.

В этот день решили осмотреть местность, находящуюся по правой стороне дороги, а завтра по левой. Выехали на разведку сразу после обеда. Примерно через час, на расстоянии не более семи километров по прямой от заправки, мы увидели поселок. Он стоял в низине и через бинокли мы его

хорошо рассмотрели. На окраине посёлка были хорошо заметны, несколько больших снежных холмов, по очертаниям и по объёму они походили на ангары. Мы сразу решили туда доехать и по пути посмотреть, что находится в жилых домах. Их верхние, по-видимому, третьи этажи, блестели окнами. Подъехав к одному из домов и разбив стекло, мы влезли в помещение. После этого обошли, выбивая закрытые двери, несколько квартир. Везде были замёрзшие трупы, и по оставленным следам было видно — по видимому люди задохнулись в первые дни катастрофы. При такой, постоянно минусовой температуре, трупы практически не разложились, хотя слегка сладковатый запах гниения присутствовал.

Поскорее выбравшись из этого дома, мы поехали к ангарам на окраине этого поселения мертвецов. Подъехав поближе к этим строениям. Мы увидели, что с торца крыша у одного из ангаров не до конца заметена снегом и там были небольшие окна. Разбив одно из них, Флюр мощным аккумуляторным фонарём осветил внутреннее помещение. Там стояла различная сельскохозяйственная техника. Флюр сказал:

— По видимому мы обнаружили мехдвор большого Совхоза, а поселок это его центральная усадьба. Когда мы уже собирались уезжать, то напоследок начали внимательно осматривать близлежащую территорию. И в небольшом отдалении Флюр увидел, торчащий из снега громоотвод. Это нас очень заинтересовало, подъехав к тому месту и более детально оглядев его, мы увидели небольшие снежные возвышения. Наверняка раньше это место, незначительно возвышалось над общей поверхностью земли. Я высказал предположение:

— Может быть, тут находилась Совхозная заправочная станция, вроде бы все признаки налицо. Вполне вероятно, что там осталось топливо. Просто его некому было забирать, живых тут не осталось. Судя по всему, население отравилось газами, а если кто и выжил, то вряд ли сюда бы вернулся. Да и мародеров, судя по всему тут не было.

Когда осматривали жилой дом в посёлке, мы ещё обратили внимание на то, что в квартирах оставались запасы продуктов. Правда, они давно уже были испорчены. По вьезшейся уже привычке, мы всё равно обыскали несколько квартир и всё-таки прихватили оттуда, килограммов пятнадцать сахарного песка и несколько пачек чая. Сахара у нас оставалось не очень много, большое количество его уходило на подпитку, наших пчёл.

Флюр согласился с моими предположениями, и мы с ним договорились. Что постараемся убедить всех остальных, после окончания работ на заправке — ехать сюда. Нечего искать топливо где-то на трассе, надо приезжать сюда и начинать откапывать этот холм. Хотя объём работ здесь был гораздо больший, чем на стандартных заправках, но как мне казалось, — вариант найти здесь топливо, был гораздо выше.

После осмотра предполагаемой Совхозной заправки, мы поехали сразу к нашему кунгу. По прямой, до места проводимых ребятами сегодня работ, было не более чем семь километров. И через двадцать минут мы уже были там.

Работа по очистке от снега, широкого въезда под навес к бензоколонкам, шла вовсю. Ребята работали двумя снегоочистителями, делая ширину въезда более чем три метра.

Хотя было ещё светло, но Валера уже установил осветительные прожектора.

Поставив ГАЗон, мы тоже приняли участие в работе, сменив за управлением снегоуборщиками Сашу и Сергея. Так посменно, меняясь через каждый час, мы и работали до восьми часов вечера. Потом

пошли на ужин, где мы с Флюром рассказали о нашей находке и о наших предположениях. Ни одного возражения против начала раскопки Совхозной заправки не последовало. Все, наоборот, с энтузиазмом восприняли известие о находке. За прошедшие десять дней, уже порядком надоело раскапывать притрассовые заправки. Все ещё хорошо помнили, как удачно раскопали заправку, которая находилась в стороне от Симферопольского шоссе. Да и на этой, расположенной чуть в стороне от трассы, пусть немного, но топливо было.

Большой въезд под навес к раздаточным колонкам, мы раскопали на следующий день к пяти часам вечера. Загрузив всю технику на бортовой УРАЛ, отправились на Совхозную заправку. Подъехав туда, полностью разгрузились и подготовились к завтрашней работе.

Подъём у нас был в восемь часов утра, а через час, когда немного посветлело, мы на трёх снегоуборщиках, приступили к рытью широкой траншеи, как раз на месте снежного холма. Объём работ был довольно большой, мы сразу начали делать съезд шириной четыре метра. Чтобы туда мог подъехать любой из наших вездеходов. Да и при такой ширине, снеготёты нашей техники, были эффективны на глубине до трёх с половиной метров. Потом для глубинной раскопки, мы собирались перейти к нашей традиционной технологии, рытью снега погрузчиком, с вывозом его в сторону, санями-самосвалом.

Пробивались мы к вкопанным в землю ёмкостям, четыре дня и в конце-концов погрузчик упёрся в выступающую горловину громадного бака закопанного в землю. Потом мы уже вручную окончательно очистили от снега люк и открыли ёмкость. Осветив фонарём её внутренность, увидели, что она на две трети заполнена какой-то жидкостью, по запаху явно дизтопливом. Чтобы понять какой там объём и оценить запас солярки, Саша длинным шестом промерил глубину ёмкости, а Флюр с Валерой рулеткой измерили её длину и предполагаемую ширину, по длине мы её откопали полностью. По всему выходило, что это вкопанный цилиндрический бак, в который могло войти сто двадцать тонн топлива. И судя по следам на снегу, это была единственная ёмкость на этой заправке, по крайней мере, такого размера. Сколько не смотрели, других снежных холмиков вблизи не обнаружили. И если на этой заправке и были баки с другими видами топлива, то они существенно меньше. Снег их так замаскировал, что рыть тут можно до посинения, пока не очистим всю территорию заправки. Поэтому мы решили больше не копать, а удовлетвориться этой находкой. Лично по моим прикидкам, в этой ёмкости находилось не менее восьмидесяти тонн дизтоплива. И вместе с найденными запасами на предыдущей заправке, давал нам более чем двухлетний запас солярки. А если учитывать уже имеющиеся запасы топлива, то мы могли теперь быть совершенно спокойны не менее трёх лет.

Вся моя тревога, которая нарастала с каждой неудачей на раскопанных заправках, сразу куда-то пропала, и мне стало гораздо спокойнее. Для забора топлива из ёмкости, решили использовать наш насос. Откапывать, наверняка здесь имеющуюся операторскую будку и заправочную колонку не хотелось. К тому же неизвестно было, в каком направлении копать. Очищать же всю площадь заправки от снега, это было чистое безумие. Было уже поздно, шёл десятый час вечера, и мы решили сегодня переночевать здесь, а завтра с утра ехать домой.

Утром, загрузив все оборудование, мы колонной тронулись домой. Очень хотелось поскорей, обрадовать наших родных и друзей, о наконец-то найденном топливе. Температура воздуха была -15 градусов и опять падал небольшой снежок. Домой мы прибыли во втором часу дня и сразу

потребовали супер-праздничный обед. Когда же объяснили почему, все чрезвычайно обрадовались.

А Володя безропотно пошёл на склад, доставать деликатесные продукты и напитки.

Пока наши женщины готовили стол, мы по очереди ходили в душ, брились и переодевались в чистую, праздничную одежду. Где то через час началось большое пиршество, или как охарактеризовал происходящее Николай:

— Большая пьянка!

Из алкоголя Володя выставил виски двенадцати летней выдержки и водку «Грей Гуз». Я выбрал водку, по моему вкусу, под неё лучше шла чёрная икра и балык. Хотя если признаться, они шли великолепно и под обычный чай.

После этой поездки, мы отдыхали несколько дней: делали массаж, загорали, играли в карты, смотрели различные фильмы и конечно читали. Но приближающиеся холода, подстегнули нас к действию. И первого сентября, мы опять вшестером выехали в Серпухов.

Кстати Николаем, после появления у нас УРАЛа с краном-манипулятором, был разработан совершенно новый способ перевозки угля. Нам он всем понравился, поэтому мы и поехали в ставшую уже своей, производственную базу недалеко от баржи. Там нам нужно было сварить штук пятнадцать металлических контейнеров, чтобы туда входило килограмм по семьсот угля. И чтобы у них на дне был люк, для удобства разгрузки, а наверху специальные ушки для строп, чтобы эти контейнера можно было краном ставить на УРАЛ. Эскиз этих ёмкостей Коля вместе с Володей рисовал несколько дней. Кроме УРАЛа их думали перевозить и на больших санях. Полных баллонов с ацетиленом и кислородом на базе ещё оставалось достаточно, был там и запас нужного металла. За пять дней мы сделали эти контейнера и, загрузив в бортовой УРАЛ и большие сани, уже вечером направились к барже. Там ночевать решили в кунге, а не в каюте, в нём всем казалось гораздо уютнее, да и привыкли мы уже там спать.

Утром, встав в восемь часов, мы до обеда загрузили все наши контейнера. Экскаватор показал себя в деле, просто великолепно. В четыре часа дня мы уже были дома и обедали, перед этим успев разгрузить весь уголь и принять душ. За один раз было привезено более десяти тонн угля, а это практически было 20 % нашей годовой потребности при самой холодной зиме. Было решено, ещё сделать не более двух ездов и заканчивать на этот год с углём. Наш угольный склад не смог бы вместить большего количества. Разгружать уголь, было тоже одно удовольствие, практически без всякого ручного труда, только если зачищать контейнер.

До середины сентября, было сделано ещё два рейса, но на перевозке и загрузке уже задействовано было, только три человека. Остальные занимались окончательной доделкой подснежных гаражей для нашей техники. Кроме этого, мы с Валерой занялись ветряком — меняли смазку, щётки, производили другие нужные по регламенту работы. Вернее всё это делал Валера, я ему только помогал, подносил нужные материалы и инструменты.

Как, оказалось, сделали мы эти работы весьма вовремя. После двадцатого сентября начались сильнейшие ветра и, хотя температура не опускалась ниже -20 градусов, наверху на улице было невозможно находиться. Ветром подняло снежную пыль, и недели три были страшные метели. Хорошо наш дом стоял практически полностью под снегом и крыша, со стороны ветра имела уклон. А то при таком ветре, могло запросто сорвать крышу, что и произошло с домом находящимся метрах в двухстах от нас.

Он выдержал ужасное землетрясение, но фронтоном крыши стоял против ветра и поэтому, несмотря на отличное качество строительства, этим ветром его крышу полностью разрушило. Наш дом с ветряной стороны был полностью заметён снегом. Выглядывали одни трубы: дымоходные, вентиляционная и труба воздухозаборника. Их все, в аварийном порядке, пришлось наращивать. Пришлось наращивать трубы вентиляции и наших подснежных туннелей, а также дома, где была наша выгребная яма.

Правда в этом ветре для нас был один плюс, наш ветряк не только выдержал, но и выдавал полную мощность. Мы за счёт этого смогли уменьшить мощность работы нашей электростанции до нижнего предела. Обычно в зимний период она у нас работала с 50 % мощностью и только иногда мы доводили её мощность до 75 %.

Хотя на поверхности практически невозможно было находиться, у нас под снегом, в туннелях, было вполне комфортно. Даже Вика выводила Ваньку и Никиту погулять, в тридцатиградусные морозы и метель, бушующую наверху. Внизу в туннелях, в это время было минимум -15 градусов. Два щенка, которые уже превратились в больших псов, тоже с удовольствием гуляли по тоннелям в эту погоду. Остальных щенков Флюр утопил, оставив только двух, разного пола. Никита, впрочем, как и взрослые в эти дни, постоянно с ними занимались, дрессировали их.

Эта зима ещё запомнилась нам, первым появлением живого Солнца. Появлялось оно конечно редко, но это было по-настоящему радостно и приятно. Нашу установленную спутниковую тарелку, ветром вырвало с крыши дома Володи и полностью разбило. Как сказал Саша:

— Вся мерзко-трудная работа по снятию её с крыши Штаба Сухопутных войск, пошла коту под хвост!

Валера по этому поводу сказал:

— Всю эту спутниковую систему связи, нужно сдавать в утиль. Слава богу, не разбило конвертор, его я снял. Глядишь, может ещё пригодится, для новой тарелки. Не представляю, где искать антенну передающую сигналы на спутник. Ехать в Москву из-за этого, как то не хочется.

Катя тоже не удержалась, выругалась и смогла только произнести:

— Да! Отдано столько сил и это всё накрылось медным тазом!

Они с Галей, где-то в ноябре, всё-таки получили коды доступа к паре разведывательных спутников и очень надеялись установить с ними связь. Хотя я думал, что в этом году связь с ними вряд ли установилась бы. Система «Джи-пи-эс» и «Глонасс», всё ещё не действовали.

Температура на улице была градусов на пять — десять выше, чем в прошлом году. В декабре она не опускалась ниже -60 градусов.

Праздник Новый год, мы решили устроить с королевским размахом. Стол был уставлен деликатесными продуктами. Впервые с нами сидел, встречая Новый год — Ванюша. Правда после двенадцати часов ночи, он раскапризничался, и Вика понесла его укладывать спать. Никита мужественно просидел с нами до часу ночи, но потом тоже сломался, и Надя увела его тоже спать. Ну а мы сидели до шести часов утра, объедались деликатесами и смотрели по домашнему кинотеатру, разные DVD диски с развлекательными программами. С большим удовольствием, просмотрели ещё раз, старые новогодние программы: «Песни о главном», первую и вторую части. Под конец, этой праздничной ночи, устроили пение под караоке. В общем, повеселились мы на славу и в целом все признали, что год для нас был хорошим. Никто особо не болел, топливо и продукты

нашли, и наконец-то появилось Солнце и начало теплеть.

Глава 15

Наступивший год был для нас, пожалуй, самым счастливым и благополучным. До мая месяца, практически никуда не выезжали и жили, как в хорошем доме отдыха. Единственно, приходилось выносить отходы, и душ у нас был редкий и скудный. Но зато была хорошая компания, все жили как-то дружно, особо не ссорились. Когда температура в первых числах мая, начала подниматься до -10 градусов, мы начали делать первые выезды за соляжкой. Потом в июне сделали три рейса за углём, за прошедшую зиму мы истратили его около тридцати тонн. В Москву решили в этом году не ездить, продуктов итак было — море. В июне и июле, температура несколько раз была в плюсовой зоне. Начал часто идти снег, из чего я вывел, что, скорее всего океаны начали освобождаться ото льда и испарение воды увеличилось.

С одной стороны, всё это потепление меня радовало, а с другой пугало. Я думал, а куда же денется весь этот снег, когда растает. Высота снежного покрова уже превышала шесть метров и из-за падающего снега он начал увеличиваться. Я начал бояться затопления, ведь земля не сможет впитать столько влаги. Тем более она была промёрзшая на несколько метров в глубину.

Эти мысли стали меня преследовать, начиная с июля, когда я увидел наверху на поверхности, первые лужицы незамёрзшей воды. Они, конечно, быстро замерзли и заметались снегом, но эти лужицы навевали мне очень тревожные мысли.

Совершенно неожиданно в сентябре, родила девочку, самая юная наша девушка — Рита. Пришлось мне выписывать, им с Максимом, свидетельство о браке и выделять отдельную комнату. Сразу после этого, такое же свидетельство и отдельную комнату получили Сергей с Наташей. В связи с этими событиями, пришлось полностью реконструировать третий этаж, разделить на всякий случай на четыре небольших комнаты.

Девочку назвали Даша, и теперь наша коммуна уже насчитывала, двадцать одного человека. Зима стала намного мягче и в декабре средняя температура едва доходила до -50 градусов, а в январе и феврале в самые холодные дни, температура опускалась чуть ниже -60 градусов. Солнце стало появляться значительно чаще, и световой день постоянно увеличивался. На Новый год, мы практически доели всю чёрную икру, так как боялись, что она может всё-таки испортиться от долгого хранения. В резерве оставили только три банки.

В апреле температура уже не опускалась ниже -20 градусов и мы начали перевозку дизтоплива с заправок. Возить начали не только на нашем вездеходе, но и поставили на грузовой УРАЛ, большую цистерну от КамАЗа и два раза привозили дизтопливо в ней.

В мае, температура поднялась до -5 градусов и опять начались очень сильные ветра такие, что нам пришлось прекратить все выезды. Хотя мы всё-таки собрались отправиться в Москву и начали вести подготовку техники.

Ветер был такой силы, что двадцать первого мая, вечером в восемь часов, когда мы практически все сидели в столовой и смотрели фильм, неожиданно свет у нас погас, и отключились все потребители, запитанные от ветряка. Работало только оборудование в подвале. Он снабжался электричеством от нашей дизельной электростанции.

Мы с Сашей, взяв мощные аккумуляторные фонари, пошли проверять состояние нашего ветряка. Валера начал проверять всю электропроводку. Дойдя по тоннелю до стойки ветряка, мы увидели, что

она слегка перекошена. Но всё равно, Саша забрался внутрь звена этой сварной конструкции и поднялся по ступенькам, высунув наполовину туловище над поверхностью снега. Больше он не рискнул, там был сильнейший, ураганный ветер. Увиденную картину он, прокомментировал: — Лопастей на месте нет, по-видимому, их сорвало ветром. Сама площадка, где стоит генератор, сильно наклонена к земле.

После этого он выругался и спустился в туннель и, обращаясь уже ко мне, сказал:

— Одним словом Батя — пипец котёнку, какать уже не будет!

А я стоял и удивлялся — какова же была сила ветра, что могла наклонить такую мощную опору от вертикального положения. Кроме того, что она была углублена в землю на два метра, её поддерживал и спрессованный снег, толщиной более шести метров.

С этой печальной новостью мы вернулись к нашим друзьям. Валера прекратил искать повреждения в сети и начал подсоединять электропит куда подходил кабель с ветряка, с кабелем электростанции. Её мощность нам пришлось увеличить до 75 процентов. С состоянием нашего ветряка, решили разбираться после прекращения этого урагана.

Сильный ветер продолжал дуть до второго июня, он не позволял нам даже выйти на поверхность. Наконец 2 июня ветер успокоился, да и температура твёрдо перешла плюсовой рубеж, она была +2 градуса.

Когда мы выбрались на поверхность, день был прекрасный. Мы первый раз за много лет, вышли на улицу не в зимних военных тулупах, а в лёгких осенних куртках — можно сказать в ветровках. Я с Валерой и Сашей, направился сразу обследовать наш ветряк. Сама колонна ветряка, отклонилась от вертикали градусов на двадцать и стала напоминать Пизанскую башню.

Валера залез наверх к самому генератору, открыл крышку корпуса и минут двадцать там, что-то рассматривал и ковырялся отвёрткой. После чего спустился и заявил:

— Амба! Похоже, наш ветряк посетил, маленький, пушистый, северный зверёк — писец называется. Восстановлению вся эта система не подлежит.

На моё предложение:

— Можно же заменить, сам генератор на запасной, который привезли из Серпухова.

Он ответил:

— Тот генератор можно засунуть кому-нибудь в зад и то будет больше пользы. По крайней мере, можно будет посмеяться. Тут разрушена вся трансмиссия, а главный вал вообще погнут. Изготовить всё это своими силами, мы явно не сможем. Про дармовую электроэнергию ветряка, можно забыть. Теперь придётся надеяться только на нашу дизельную электростанцию и бензогенераторы. Перед нами снова замаячил вопрос о дефиците топлива. Если я раньше думал, что солярки и бензина нам хватит года на три, то теперь уже казалось хорошо, если протянем года полтора и это без больших разъездов.

Эту неделю после окончания урагана, нам пришлось поработать физически. Все наши вездеходы оказались засыпаны снегом, местами превратившимся в лёд. Температура в эту неделю установилась непонятная, днём было до-плюс трёх градусов, а ночами всё замерзло, и температура опускалась до-минус пяти градусов. Поэтому с вездеходов приходилось сбивать ледяную корку. К тому же они немного усели в размякшем снеге и гусеницы наполовину стояли в сплошном льде. Наконец мы освободили от снега и льда нашу технику и решили впредь все вездеходы ставить на деревянные

щиты.

С пятнадцатого июня, температура даже ночью перестала опускаться ниже минус одного градуса, а днём доходила до-плюс пяти. Тогда и случилась новая напасть. Вода стала просачиваться в наш подвал и на первый этаж. Пришлось на первом этаже продолбить плиту перекрытия в подвал. Там в прямке установить автоматический насос с поплавком. Воду он откачивал по шлангу, пропущенному по трубе воздухозабора.

Кроме дома, так же начало затапливать наши туннели. Пришлось и там выдалбливать прямки и устанавливать автоматические насосы. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы вода залила нашу электростанцию.

К первому июля у нас по откачке воды уже были задействованы все имеющиеся насосы, включая и те которые захватил из Серпухова Володя. Поэтому было решено, несмотря на нашу занятость по борьбе с водой. Отправить ГАЗон и ТТМ, правда без прицепа в Серпухов, за новыми насосами и шлангами. В нашем подвале работало уже два насоса и пять насосов, включая мощный глубинный, откачивали воду из туннелей. Второй глубинный насос, сгорел в первый же день работы.

В эту, можно сказать чрезвычайную экспедицию, кроме меня поехали ещё Саша, Флюр и Володя. Ехали мы, оставляя заметную колею в мокром снеге, лучше всех себя показал в этих условиях ТТМ, у него давление гусениц на снег, было ниже, чем у ГАЗона. На русле реки Ока, нам стали попадаться целые лужи воды и большие участки ледяной поверхности. По пути мы договорились заехать на баржу, посмотреть, как обстоят дела с нашим запасом угля. Доехав до неё и глянув в пролом в борту, мы увидели, что там образовалось уже целое озеро, из которого выступали угольные острова. Эскаватор тоже стоял с затопленными гусеницами. Саша его завёл и переставил на улицу, на деревянные щиты загрузочной площадки. По всему было видно, что в ближайшее время, вывозить уголь нам не суждено.

Заехали мы и к ангарам, внутри их оказалась вода, глубина была почти, что метр. Местами она превратилась в лёд. Температура внизу, в ангарах, была ниже, чем на поверхности. Потом мы поехали на станцию в магазины. По павильону «Сад и огород», пришлось передвигаться одному Флюру. В высоких болотных сапогах, такие были у нас в единственном числе.

Вода стояла во всех помещениях магазина, её уровень был в районе полуметра, а под ней чувствовалась леденная поверхность: — об этом рассказал Флюр. Он собрал все насосы, которые нашёл на верхних полках. Их было шесть штук: один из них глубинный, а два фекальных. Кроме этого он нашёл восемь тридцатиметровых бухт шлангов и это был весь запас этого магазина. Также он там вскрыл пожарный щит и взял оттуда пожарный, брезентовый шланг. Потом мы в других магазинах вскрыли ещё десять пожарных щитов и изъяли из них шланги.

Теперь я думал, мы сможем отводить воду подальше. Хотелось бы отводить её в то место, где под снегом начинался большой овраг, который с хорошим уклоном шёл к деревне. Он начинался в лесу, метрах в двухстах от моего дома. Захватив в магазинах ещё памперсов и других товаров для маленьких детей, мы отправились обратно домой. С рождением Даши у нас начал образовываться дефицит, особенно памперсов.

Домой приехали часов в пять вечера, обстановка оставалась такой же как и утром. По моим наблюдениям в ночное время, вода переставала поступать, скорее всего, замерзала. Ведь ночью опять устанавливалась отрицательная температура. С утра договорились встать пораньше и

проложить пожарный шланг до оврага. Класть его мы решили на подстилку из досок, чтобы он не соприкасался со снегом и не замерзал внутри.

Встали все в восемь часов утра, температура была минус один градус. Пока мы завтракали и собирались, начало светлеть и температура повысилась до нуля градусов. Мы втроем Саша, Флюр и я, надев резиновые сапоги с толстыми шерстяными носками, на лыжах начали прокладывать водовод. Лыжи нужны были обязательно, так как без них ноги проваливались в мокрый снег.

Водовод мы делали до часу дня, температура уже повысилась до двух градусов тепла. Правда на поверхности снега она была гораздо ниже, и снег ещё не начинал бурно таять. Хотя автоматические насосы иногда включались и начинали отсасывать воду, набирающуюся в приемки.

В таком более или менее спокойном состоянии мы прожили до третьего июля. Ехать куда-либо было вроде бы незачем. У нас стоял УРАЛ с полной ещё не слитой цистерной с дизтопливом, которую ребята привезли ещё в апреле. Поэтому мы в эти дни, практически не занимались никакими крупными делами. Только изредка выходили проверить насосы и уровень топлива в ёмкости нашей дизельной электростанции. Всё ждали, когда он опустится, чтобы слить солярку из цистерны на УРАЛе и поехать за новой партией.

Подвал куда мы сливали отходы, тоже наполнялся водой, поэтому там тоже пришлось установить фекальные насосы. Эту жижу откачивали тоже в сторону оврага. На этот водовод истратили остатки пожарных шлангов. Но делать было нечего, в противном случае эта жижа разлилась бы по нашим туннелям.

Четвёртого июля, началось основное потепление в этом году, и при этом опять начали дуть сильные ветры. Температура воздуха пятнадцатого июля достигла плюса шести градусов. Правда у поверхности снега она была плюс один градус, но снег начал интенсивно таять. Нам пришлось подключить все привезённые насосы, и они практически непрерывно работали.

Семнадцатого июля была, наконец слита вся солярка из цистерны УРАЛа в ёмкость электростанции, но ехать за новой партией дизтоплива мы не рискнули. Боялись по дороге провалиться в какую-нибудь яму с водой. Сейчас на улице часто попадались глубокие лужи, сверху покрытые тонким слоем льда и заметённые снегом. Поэтому договорились ждать похолодания и только потом выезжать из нашего посёлка. Имеющихся запасов топлива нам по любому должно было хватить до нового года.

Во время этого постоянного притока воды и постоянного звука работающих насосов, все стали какие-то нервные. У нас опять вернулись прежние страхи, о дальнейшей нашей судьбе. Теперь уже все начали со страхом ожидать дальнейшего потепления. Хотя ещё недавно с упоением обсуждали, как будет всё здорово, когда весь снег растает и будет тепло. Когда заработает нормальный душ и туалет.

О нашей тревоге последствиями потепления, говорит хотя бы такой факт, что все начали на полном серьёзе обсуждать вопрос о строительстве «Ковчег». А наши женщины, так вообще уверовали, что только новый «Ковчег» спасёт нас. Хотя я и убеждал их говоря:

— Даже если весь снег растает, то максимум нас затопит на два метра. А при таком уровне воды, мы вполне можем отсидеться, на втором и третьем этажах. Другое дело, что погибнет весь наш огород в подвале и будут громадные проблемы с топливом. Доставлять его, и что-нибудь ещё, мы вряд ли сможем. И об увеличении наших запасов продовольствия в будущем, тоже можно забыть —

наверняка его в подвалах всё затопит. И нужно будет водолазное снаряжение, чтобы что-то достать. Наверняка после долгого нахождения в воде жестяные консервные банки проржавеют и продукты, находящиеся в них испортятся.

Больше всего в эти времена меня беспокоил вопрос с дизтопливом. Я боялся, что вода может проникнуть в ёмкости с топливом, особенно на Совхозной заправке. Сам посёлок находился в низине и вся вода, могла собираться там. Правда крышка ёмкости с соляркой была вроде бы герметична и должна была выдержать даже полное затопление.

Используя все наши насосы, мы как-то справлялись с наступающей водой. Хотя в наших туннелях теперь постоянно собиралась вода, и приходилось там ходить только в резиновых сапогах. В нашем отстойнике отходов, круглосуточной работой двух фекальных насосов, удалось даже понизить уровень жижи. То есть мы явно справлялись с ситуацией, тем более что после десятого августа, температура начала понижаться и через пять дней перешла за минусовую отметку. Правда и у нас к этому времени сгорело три насоса, наверное, от переработки.

Вода в подвал просачивалась сверху — это говорило, что земля, по-видимому, ещё была переморожена и не пропускала воду. Снег вокруг дома здорово осел и я боялся, что около окон второго этажа может образоваться лёд и выдавить стёкла. Поэтому мы их полностью очистили от снега, сделав своеобразный приямок.

Первый раз мы выехали за территорию посёлка, только в октябре, когда температура воздуха установилась ниже -10 градусов. И мы были твёрдо уверены, что все образовавшиеся при потеплении лужи полностью промёрзли. После установления минусовых температур, несколько дней выпадал обильный снег. Общий уровень толщины снежного покрова стал ещё больше чем до потепления.

Мы в первую очередь решили заняться завозом солярки. Поэтому на грузовом УРАЛе на котором находилась наша большая цистерна и ТТМе, пятнадцатого октября, поехали на Совхозную заправку. В модульный прицеп ТТМа, который был нами переоборудован в грузовой, были на всякий случай загружены два снегоуборщика.

Подъехали мы туда к половине двенадцатого дня, ехали осторожно и медленно. Эти пятьдесят километров ехали более двух часов. Добравшись на место, обнаружили, что выкопанный нами ров к ёмкости с дизтопливом, на две трети заполнен сплошным льдом. И этот лёд, наши снегоуборщики не брали. Мы промучились с этой бедой до обеда и у нас так ничего и не получилось. Все четверо мы сели в кабину ТТМа, чтобы перекусить и во время этого импровизированного обеда, начали обсуждать возникшую проблему. И вдруг, наш самый тихий и в принципе малоинициативный товарищ — Сергей, немного смущаясь, предложил:

— Нужно пилить лёд бензопилой на блоки и их вытаскивать. Такое я видел в фильме о полярниках в Антарктиде.

Нам эта мысль очень понравилась, и мы решили на ТТМе ехать домой, брать бензопилы, а также электропилу и завтра возвращаться обратно на эту заправку. Судя по всему, предстоящая работа займёт несколько дней, поэтому договорились перегонять сюда и один УРАЛ с кунгом. Чтобы уменьшить объём ручных работ, было решено, не освобождать ото льда весь вырытый ров, а сделать небольшую шахту — только до люка ёмкости. И уже оттуда, насосом откачивать дизтопливо в цистерну УРАЛа.

Обратный путь домой на ТТМе, у нас занял немногим более часа. Приехав, я рассказал о возникшей проблеме и предложил:

— При раскопке других заправок, да и всех остальных объектов, теперь обязательно нужно будет брать бензопилы и электробур.

Завтра на эту, неожиданно возникшую работу, договорились ехать уже вшестером. Кроме двух бензопил, решили взять с собой ещё и электропилу. Она могла оказаться даже эффективней чем бензопила. У неё рабочая длинна цепи была в полтора раза длиннее. Весь вечер мы готовили УРАЛ с кунгом к поездке, и спать разошлись только в двенадцать часов ночи.

Утром тронулись в путь даже раньше девяти часов, на улице было ещё темно, температура воздуха была -16 градусов, шёл небольшой снег. Пока мы ехали начало рассветать, показалось солнце. Я вёл ТТМ, рядом сидел Саша, чтобы чем-то заняться он включил навигатор «Джи-Пи-Эс» и все кто сидел в кабине были поражены и даже как-то растерялись. Навигатор установил связь со спутниками и показал наше местоположение.

После нескольких минут растерянности, возбуждённый Валера предложил:

— После того как откопаем люк емкости с соляровкой, нужно ехать в Серпухов. Там в магазине я видел спутниковые тарелки для телевизоров, нужно хотя бы парочку оттуда взять. Я попробую адаптировать эту тарелку с собранной у нас в сенях радиостанцией, тем более военный конвертор у нас остался. Маловероятно, но может быть, всё-таки удастся установить связь со спутниками наблюдения и посмотреть, что в целом творится на Земле.

Перед самым прибытием на место, система позиционирования, опять потеряла связь со спутниками. Но нас это уже не пугало. Все считали, что со временем небо будет только чище и связь тоже установится более устойчивая. Как выразился Саша:

— Лиха беда, начало!

На меня это установление связи со спутниками, оказало двоякое воздействие. С одной стороны радость по тому, как стремительно очищается небо от пепла, а с другой стороны страх за быстрое потепление. И ещё я подумал, что на всякий случай нам надо всё-таки привезти с баржи уголь. А то вдруг на следующий год река растает, и баржа просто затонет.

Приехав к Совхозной заправке, мы сразу разделились на две бригады по три человека и с двух сторон начали выпиливать ледяные блоки. Один пилил, а двое ломом и штыковой лопатой расшатывали выпиленный блок, ломая его у основания. Потом вытаскивали его тельфером. Невдалеке уже образовалась целая стена из этих блоков. В этот день работали до восьми часов вечера с коротким обедом и пятнадцатиминутными перерывами на обогрев, через каждый час работы.

В ледяной массив мы углубились уже на два метра, и до люка ёмкости оставалось немногим более метра. Под конец работать в две бензопилы, было уже невозможно, стало совсем тесно, так как с двух сторон мы делали ступеньки сужающимся клином. На завтра договорились работать только одной бригадой, вторая будет сменять её через каждый час. В одиннадцать часов вечера мы все улеглись спать, назавтра опять предстояла тяжёлая и нудная работа.

На следующий день в восемь часов утра, первая бригада уже залезла в ледяную шахту и продолжила работу. К двум часам дня, мы закончили пилить ледяные блоки и начали ломом освобождать люк ёмкости. Никто не пошёл обедать, пока мы не освободили ото льда люк и не открыли его. После

этого убедились, что вода не попала в ёмкость с соляркой. Этого мы больше всего боялись.

Настроение у нас сразу поднялось и мы, подогнав УРАЛ с цистерной поближе, начали перекачивать дизтопливо. После того как включили насос, а это был уже четвёртый час дня, пошли обедать. Чтобы как-то снять накопившуюся усталость и напряжение решили распить бутылку виски. Вышло, чуть больше ста граммов на человека, но это нас здорово взбодрило. Цистерна заполнилась только через три часа, после чего Саша плотно закрыл люк, и мы отправились домой.

Все были довольные, всё-таки топлива у нас оставалось минимум на год работы нашей электростанции. До этого я предупреждал всех, что может быть придётся ликвидировать огород в подвале, если в дизтопливо попала вода. Оставшиеся дома тоже сейчас находились в тревожном ожидании, как всё получится, останется ли у нас огород. Тем более что в июле был собран рекордный урожай картошки, почти триста килограмм. Следующий урожай Маша ожидала в конце февраля, и обидно было бросить всё на половине дороги.

К тому же у нас начинала кончаться мука, оставалось всего три мешка. Поэтому Маша посадила в две грядки пшеницу и рожь и обещала в марте получить, пускай немного, но своей муки. Володя рассчитал, что нам муки хватит только до мая, потом нужно будет привыкать жить без хлеба, либо искать элеваторы и запастись мельницей. Поэтому перспектива, хоть несколько раз в год получать порцию хлеба, меня очень радовала.

Приехав домой и, обрадовав наших женщин, что огород будет жить, по крайней мере, ещё год, мы устроили большой праздник. За праздничным столом просидели до трёх часов ночи. Немного отходя от напряжения вызванного таким тяжёлым, нервным летом, которое буквально поставило нас на грань выживания. Теперь все немного успокоились и начали строить планы на дальнейшую жизнь. Этому способствовало и вдохновило всех, известие об установлении системой «Джи-Пи-Эс» связи со спутниками. Поэтому предложение Валеры о поездке в Серпухов за спутниковыми тарелками, буквально встретили на ура. После моего согласия с этим предложением, наши женщины завалили меня просьбами о том, что ещё нужно найти в магазинах. Поэтому решили, что вместе с нами в Серпухов поедут Маша и Ирина. Моя основная цель поездки на станцию, заключалась в поисках насосов. Правда, непонятно было где их там искать. Все насосы, которые имелись в магазине «Сад и огород», были уже изъяты и четыре из них уже сгорели. После этого ночного загула, мы целый день отдыхали.

Двадцать четвёртого октября, в восемь часов утра. Мы на ГАЗоне, и на ТТМе с модульным прицепом, выехали в Серпухов. Всего туда поехало восемь человек. Подъехав на станцию, разбились на две группы и разошлись по магазинам. Один я, начал обыскивать все известные магазины в поисках насосов, но так их и не обнаружил. Потом принялся переносить и укладывать, отобранные Машей вещи в прицеп ТТМа. Мы пробыли на станции до четырёх часов вечера и опять полностью загрузили весь наш транспорт, различным товаром. Я даже сказал Маше:

— Скоро в доме не останется места, из-за всех этих шмоток.

Но она сказала, как обрезала:

— Это всё крайне необходимые нам вещи! Неизвестно, когда мы ещё сможем пополнить наши запасы нужными в хозяйстве вещами. Ты совершенно не задумываешься, сколько нужно, например: стирального порошка, или простейшего мыла, для нашего существования.

После этого, я, уже молча, носил отобранные ею вещи.

Домой мы приехали только в шесть часов вечера, все были очень голодные, но довольные. Я заметил, что этот своеобразный шопинг, очень поднимал настроение, особенно у нашей лучшей половины. Все женщины, даже те которые не были в магазинах, потом целую неделю ходили в приподнятом настроении.

После этой поездки, мы отдыхали два дня. Потом, даже не смотря на наступивший холод, температура достигала уже -25 градусов, предприняли ещё три экспедиции за углём. На всякий случай, привезя тридцать тонн угля. Правда, я на баржу уже не ездил, а Саша рассказал:

— Экскаватором пришлось убирать очень много льда. По-видимому, если ещё раз будет такое лето, то нам придётся распрощаться с баржой и с углём. Уже в это лето, она просела вглубь почти, что на полметра. В некоторых местах, лёд прорвал её корпус. Нужно готовиться переключиться на уголь возле котельной в Пушкино.

Настроение всех ребят, было мрачное и подавленное. В ноябре, уже при температуре ниже -25 градусов, мы сделали ещё три ездки на Совхозную заправку, полностью обеспечив себя дизтопливом на всю зиму. Этим значительно уменьшили запас солярки на заправке. Постоянно ездивший туда Флюр, сказал:

— На придорожной заправке топлива уже не осталось, мы всё вывезли. На Совхозной заправке солярки осталось максимум на две наших цистерны. Нужно обязательно уже весной начинать искать новые запасы, а то потом даже на поиск, топлива не хватит.

Так же не очень утешительные сведения мне сообщил Володя по его словам:

— качество имеющихся на складе запасов, всё время ухудшается. Практически половину имеющихся продуктов, нужно выбрасывать на помойку. Крупа превращается в какую-то кашу, хорошо держится только рис. Овощные и рыбные консервы, тоже начинают портиться. Муки нам хватит месяцев на пять, потом вместо хлеба придётся использовать макаронные изделия, которых правда благодаря завозу из Москвы на складе достаточно. Витамины тоже кончаются, нужно срочно где-то возобновлять запасы.

После этого сообщения, он печально посмотрел на меня, помолчал и потом сказал:

— Самое позднее через год, нам придётся питаться только мясными консервами, которые привезли из Москвы. Все остальные запасы либо кончатся, либо пропадут окончательно. Если питаться только мясными консервами их хватит максимум на полтора года.

То есть, по словам Володи, если мы прекратим выращивать свои овощи в подвале, то очень быстро проедем оставшиеся запасы и скорее всего, взять новых продуктов будет негде. Даже если мы обнаружим эти мифические терминалы, с громадными запасами продуктов, то все они за столько лет уже давно испортились. Если даже у нас, при правильном хранении уже пятьдесят процентов продуктов, включая и консервы, испортились или находились на последнем издыхании. Во время этого разговора с Володей, мы договорились направить на питание в общий котёл, уже без ограничения, все находящиеся на грани порчи продукты. Как он выразился:

— Будем напоследок обжираться и наедать животы. Действовать по принципу — пока толстый сохнет, худой сдохнет!

На что я ему ответил:

— Сдохнет только тот, кто опустит руки и вообще-то у меня принцип один — русские не сдаются.

Володя сразу же ухватился за это высказывание и спросил:

— А как же Флюр? Как отнесётся к этим словам наш татарин.

Я засмеялся и ответил ему:

— Да он большой Русский, чем ты или я. Уж он-то точно, никогда не сдрейфит, не опустит руки и не сдастся. И к тому же если нам повезёт, то мы забудем о национальностях, а будут просто Флюров сын, или Флюрова дочь. А если повезёт ещё больше, то ты увидишь — Фрицева сына или Абрамову дочь.

Вообще-то после этого разговора, у меня начало формироваться стойкое желание — уезжать из этого климатического пояса. Сваливать туда, где теплее, где снег уже растаял и где можно прокормить себя самим. Была твёрдая уверенность, что океаны, или хотя бы часть их, уже освободились ото льда. Об этом мне говорили, всё увеличивающиеся осадки в виде снега. Логика у меня была проста — если столько воды в виде снега выпадало, значит, она должна была откуда-нибудь браться, а именно испаряться. И значит, существуют, обширные, свободные ото льда водные пространства. Значит там, в прибрежной зоне должна быть положительная температура и снег уже давно оттаял. Я несколько дней анализировал и изучал, температурные графики и однозначно пришёл к выводу — что температура будет повышаться лет десять и быстро весь снег не стает. Будет повторяться в больших масштабах ситуация этого лета. Когда всё таяло, а потом замерзало и, что привычный для нас, по прошлой жизни климат, установится лет через пятьдесят, а может быть и позже. Что меня конечно в корне не устраивало, мы в такой ситуации вряд ли смогли бы выжить.

По температурным графикам можно было сделать вывод, что следующее лето будет теплее, но не намного. Ясно было, что воды станет больше и, что мы вряд ли сможем ей противостоять.

Дополнительные насосы, так и небыли найдены, а из тех, что у нас были, четыре уже сгорело. Для меня стало понятно, что если мы прошлым летом, еле выдержали наступление талой воды, то наступающее более тёплое лето, наверняка нас оставит без огорода в подвале. К тому же, мы вряд ли сможем справиться с водой в отхожем подвале и по всем нашим туннелям, разольётся зловонная жижа.

В общем, чем дальше я размышлял над этими проблемами, тем больше понимал, что выбора у нас нет и нужно буквально этой весной, а может даже по холоду в конце февраля, быстрее уезжать в тёплые страны. Уезжать, когда ещё стоят морозы, нужно было из-за того, что на юге естественно раньше теплеет и можно попасть из одной напасти в не менее трудную ситуацию. Всё это расстояние до тёплого океана, нужно было проскочить ещё до наступления плюсовой температуры.

Я начал анализировать, куда нам лучше направится, исходя из наших транспортных возможностей. Небольшая скорость наших УРАЛов и их «прожорливость» насчёт топлива, диктовало свои условия. Нужно было гарантированное место в середине пути, где мы могли заправиться и ещё взять с собой топливо. В придорожные заправки я уже как-то мало верил. Из всех перебранных вариантов, наилучший получился, двигаться к тёплому океану через город Баку. Вернее с заездом на Апшеронский полуостров. Всё — таки там нефтедобывающий регион и обязаны быть большие запасы топлива. И ещё, чем мне понравилось то направление, это тем, что большую часть пути можно будет проехать по ровной, замёрзшей поверхности Каспийского моря. А я был убеждён, что ближайший год оно ещё будет замёрзшим и проезд, особенно ранней весной, будет спокойным. А если ехать на юг к Чёрному морю, то там гористая местность. Неизвестно, как, на наших «монстрах» мы там проедем. А ехать по горным дорогам, это было чревато обвалами, резкими поворотами и

другими напастями. Всё объезжать по Азовскому морю, получался очень большой километраж и неизвестно, где там можно будет гарантированно найти топливо.

Конечно, я задумывался и раньше, о нашей эвакуации в более тёплые места, куда-нибудь на юг. Первый раз это случилось сразу после обнаружения УРАЛов. Но до предприятия серьезных шагов, меня останавливала проблема ориентации на местности. Мы элементарно могли просто заблудиться. Но после начала функционирования спутниковых систем «Джи-Пи-Эс» и «Глонасс», этот внутренний запрет был снят. И я собрался завтра, объявить о своём решении и стоять за него до конца, убеждая других в его правильности.

Глава 16

Второго декабря, после завтрака, я попросил всё наше взрослое население остаться в столовой. Затем буквально по пунктам описал наше положение и наши перспективы. Летом остаться без огорода, практически с минимальным запасом топлива и продуктов, а самое главное, что взять их будет неоткуда. После этого предложил единственный выход, который у нас остался — это эвакуация на юг, на берег тёплого океана. Где мы сможем, уже сами выращивать себе продукты питания и не будем так зависеть от найденных запасов. И объяснил:

— Нам подходят только те места, где мы сможем без проблем обнаружить запасы топлива. Так как без топлива и без механизмов, мы не сможем обрабатывать землю, чтобы обеспечить себя продовольствием. То есть нам надо двигаться в страны, расположенные в зоне Персидского залива. Там недалеко от тропиков, большие запасы нефти и наверняка остались терминалы с ней. А может быть даже с уже готовым бензином или дизтопливом. Там можно будет найти плодородную почву и скорее всего, осталась хорошая инфраструктура и большие склады с продовольствием. Наверняка всё это ещё цело и не разграблено. Думаю, просто было — некем. Катастрофические последствия взрыва супервулкана, там, скорее всего, были более ощутимые, чем у нас, в первую очередь за счет близости Океана. Гигантское Цунами наверняка накрыла их впервые часы после мощного землетрясения. Потом ещё отравленный газ, а следом быстрое похолодание. И нужно помнить, что это южные страны и там совершенно нет никаких сооружений приспособленных для длительного похолодания. Не говоря уже о большом минусе, практически о космическом холоде.

Посмотрев на притихших наших женщин, да и мужчин тоже я продолжил:

— Поэтому я уверен, что на этой территории, население погибло буквально впервые месяцы после катастрофы. И у нас есть большой шанс, воспользоваться находящимися там запасами. Тем более там не будет такого снежного покрова и всё будет на виду — открыто для поиска.

Моё предложение, первоначально ошеломило всех присутствующих. Ещё бы, ведь вроде бы всё нормализовалось, и жизнь вошла в привычный для нас ритм. И только недавно все радовались, новым товарам, привезённым из Серпухова. Положение с топливом, как многим казалось, тоже нормализовалось. И вдруг — ушат холодной воды.

Поэтому сразу посыпались протестные выкрики и какие-то невнятные возражения типа, высказанного Ириной:

— Куда ехать! Зачем нам мучиться! Нам и здесь хорошо!

Или то, которое выкрикивала Рита:

— А как же маленькие дети! Они не выдержат эту поездку!

Вся эта вакханалия продолжалась, где-то в течение часа. Потом начали обсуждать этот вопрос уже на

более спокойную голову. В конечном итоге сложилось мнение большинства, что ехать, конечно, надо, но у нас сейчас хорошие запасы продовольствия, да и топливо тоже имеется. Надо еще хотя бы год прожить на этом месте, а уже через год тронутся в сторону тёплого моря.

Тогда я пригласил Володю высказаться, насчёт положения с продовольствием и с какой скоростью оно портится. Потом ещё добавил, сказав:

— Продукты портится, будут ещё быстрее, в связи с потеплением и нарастанием влажности воздуха.

Потом я взял распечатанные температурные графики и показал, что лето в следующем году будет теплее прошедшего минимум на три градуса. Соответственно температура у поверхности снега тоже будет выше. И продолжил убеждать народ:

— Если в этом году она даже в самый тёплый месяц — июль была в среднем около нуля, а всё так таяло, что мы еле справились с водой. То в следующем году, она такая будет уже в мае, а в июле дойдет до-плюс пяти и вода нас просто зальёт, тем более у нас сейчас и насосов стало меньше. И как бы мы не старались, по любому не сможем спасти наш огород. Все наши туннели зальёт жижа из отстойной ямы. При плюсовой температуре везде начнётся гниение отходов. Нам придётся отсиживаться на втором этаже, пользуясь только бензогенераторами. Вода, скорее всего, зальёт и нашу электростанцию, а мы не в силах будем, что-либо сделать. Возникнет большая проблема даже с питьевой водой. Так как скважину зальёт, и туда могут попасть нечистоты из выгребной ямы.

Неизвестно, что случится с нашими вездеходами. Вся ходовая часть будет залита водой, а может быть даже и двигатели. То есть возникает большой вопрос, как мы будем и на чём двигаться зимой, а нам придётся много ездить, отыскивая новые запасы топлива и продовольствия. И нам может уже не повезти, наткнутся на такие запасы дизтоплива, которые мы нашли на Совхозной заправке.

Поэтому я ещё раз настойчиво сказал:

— У нас остаётся единственный шанс выжить, если мы выедем этой весной. Даже не просто весной, а ранней и даже лучше выезжать в конце зимы, пока не начало таять южнее и можно проехать по замёрзшему Каспийскому морю. И кстати, вот вам ещё один аргумент на то, что нужно выезжать этой весной. Через год по нему может быть вообще нельзя будет проехать, лёд станет тоньше и могут быть большие полыньи. Одним словом, выезжать нужно, когда температура твёрдо установится выше -50 градусов, да и то только вследствие технических причин. Наши УРАЛы по техпаспорту могут работать при температуре не ниже — 50 градусов.

После этих моих речей, обсуждение продолжилось дальше, но уже чувствовалось, что все внутренне напуганы моими и Володиными словами и начинают склоняться к скорой эвакуации. Уже начались обсуждения, что нужно сделать, чтобы успеть тронутся в холодное время. Мы обычно, при такой температуре, даже не выходили из дома.

Вопрос с эвакуацией, настолько всех затронул, что никто даже и не вспомнил, и мы пропустили обычное время обеда. И пока не пришли к согласию, о полной перемене нашего устоявшегося образа жизни и о начале подготовки к великому переселению, к обеду так и не приступили. Общее согласие было достигнуто, только в четыре часа дня. После чего Володя объявил:

— Все нормы питания увеличиваются, так как все эти продукты нам не увезти, да и незачем — всё равно они скоро испортятся. Увозим только мясные консервы, рис и макароны, а остальные: крупу, рыбные и овощные консервы, нужно съесть за эту зиму. А такие продукты, как тушенка, сублимированные супы и выращенные нами свежие овощи, перестаём потреблять вообще. Эти

продукты становятся нашим стратегическим запасом.

Обед, после такого горячего и значимого обсуждения, единогласно решили сделать праздничным и запоминающимся. Поэтому Володя принёс из своего неприкосновенного запаса, массу различных деликатесов, в том числе банку с чёрной икрой и четыре бутылки коньяка. За этим обедом, мы так и не успокоились и уже обсуждали конкретную дату отъезда.

Договорились выезжать, как только соберём последний урожай картошки. Он должен быть в конце февраля или в первых числах марта. Так же решили, что дизтопливо для выработки электричества больше не экономить. На освещение нашего огорода, давать максимальное количество электроэнергии. Всё равно всю солянку мы увезти не сможем. Кроме этого все мужчины выразили желание — даже не смотря на наступившие морозы, начинать работы по подготовке техники и окончательной подготовке кунгов к сверхдальному путешествию.

Наши женщины должны были продолжать заниматься огородом, нашим бытом и начинать готовить к перевозке, хозяйственные вещи необходимые для дальнейшей жизни. Обустройство кунгов взяли на себя Валера и Сергей. Коля, Саша и Флюр, должны были, даже не смотря на большие морозы, провести внеплановое ТО техники. Ещё раз всё проверить, а к концу февраля полностью заправить все вездеходы. Остальным, нужно было перебрать все имеющиеся запасы, а также инструменты и оборудование. Выбрать из этого то, что нам было крайне необходимо и подготовить это всё к быстрой загрузке. Кроме этого, мы все вместе, должны были изготовить и установить на крыши кунгов багажники. И начинать укладывать туда, неиспользуемые в настоящее время, но нужные вещи и оборудование. В первую очередь в этот список у нас попали: система спутниковой связи, которую мы привезли из Москвы, дизельный генератор и некоторые другие вещи, общим весом около тонны.

К каждому УРАЛу мы собирались делать, прицепные сани, такие же, как наши большие сани к ГАЗону. На одних везти снегоход и снегоуборщики, на двух других запас топлива. Мы с Володей пообещали до Нового года сделать на компьютере, полный расчёт того, что мы сможем взять исходя из грузоподъемности наших вездеходов.

Наибольшие опасения у нашего главного механика — Николая, вызывало состояние нашего первого вездехода. А именно его гусеничный движитель. Коля боялся, что он не выдержит столь длинного перехода. Поэтому мы решили, что загрузим его только топливом, и дозаправку всей техники будем производить в первую очередь с него. А в случае поломки, просто оставим его на дороге. Перебирать гусеницы в такой мороз, было просто нереально, и поэтому оставили все, так как есть. К нему мы еще хотели прицепить, наши старые сани-самосвал и загрузить их бочками с бензином. Во всех этих обсуждениях, время пролетело очень быстро, закончили мы только в первом часу ночи.

А уже со следующего дня, все преступили к намеченным работам. Правда перерабатывать и перенапрягаться я всем запретил, сказав:

— Нам в первую очередь теперь, нужно позаботиться о собственном здоровье, перед таким долгим и, несомненно, тяжёлым путешествием.

Игорь меня поддержал, добавив:

— Будет здоровье, добьёмся и всего остального. А по пути больниц у нас не будет. И, похоже, задерживаться здесь, если кто заболит, мы тоже не можем.

С Володей и Колей мы на компьютере, прикинули грузоподъемность всей нашей техники с учётом

прицепных саней. Получалось по этому снегу, каждый Урал может тащить за собой груз до трёх тонн. По техпаспорту грузоподъемность УРАЛов была девять тонн, но если учитывать вес самого кунга и закреплённого за ним бака с дизтопливом весом три тонны. То на машину можно было загрузить еще две тонны груза. На бортовом УРАЛе можно было везти не больше восьми с половиной тонн груза, это из-за установленного там крана-манипулятора. Но кран демонтировать мы даже и не думали, он в дороге мог нам очень пригодиться.

Всего у нас получилось, что мы могли увезти тридцать две тонны груза. Методом нехитрой арифметики, подсчитали, что нам нужно пятнадцать тонн дизтоплива, чтобы добраться до Баку и иметь там некоторую мобильность. Больше трёх тонн были в баках самих вездеходов, значит нужно, было брать в цистернах не менее двенадцати тонн дизтоплива. Учитывая дизельные печки и бензгенераторы, решили везти в цистернах и бочках четырнадцать тонн солянки и тонну бензина. Кроме этого загрузить, двенадцать тонн продуктов длительного хранения, а остальное место отдать: оборудованию, инструментам и различным вещам, которые отберут наши дамы.

В обогреваемый грузовой отсек ГАЗона, кроме овощей, собирались ставить клетку для перевозки нашей птицы. Мы их очень берегли. На самом деле это оставался единственный источник, для нас и в первую очередь для детей, свежего животного белка. Например, яйцо у нас получали только дети. Собак мы собирались везти в кабинах УРАЛов, а может быть и в кунге, уж очень хорошо с ними играли наши маленькие члены коллектива. Улья с пчёлами тоже, договорились везти в ГАЗоне, тем более их оставалось всего две пчелосемьи.

Несмотря на вроде бы рассчитанный запас топлива, который гарантировал, что мы доберёмся до Баку. Я всё равно считал, что по пути нам нужно дозаправиться, поэтому придётся попытаться откопать хотя бы пару заправок. Мне, почему то казалось, что там вероятность найти топливо, гораздо выше, чем под Москвой. Поэтому я предложил, двигаться безостановочно, сменяя друг-друга за управлением до Волгоградской области, а потом вставать на стоянку, только при обнаружении бензозаправки. И там уже отдыхать несколько дней, пока будем откапывать ход к бензоколонкам.

Температура тем временем всё понижалась и к Новому году установилась — 48 градусов. При таком холоде, мы практически на улице ничего не делали, только посменно выходили устанавливая багажники на кунги и к празднику их всё-таки установили.

Новый год встречали, можно так сказать на чемоданах. В снях уже стояли упакованные и взвешенные на напольных весах продукты и хозяйственные вещи. В холодном складе, в доме у выезда из Посёлка, мы отобрали десять тонн продуктов. Восемьдесят процентов веса это были мясные консервы, а двадцать процентов, это макаронные изделия.

Праздник мы начали отмечать в каком-то грустном, подавленном настроении. Все понимали, что это последний Новый год, который мы отмечаем в этом, уже ставшем для всех родным, домом. Было ужасно жаль с ним расставаться, он стал для нас, пожалуй, главным членом нашей колонии, который всегда защищал нас от внешней, внезапно ставшей враждебной, среды.

Стол у нас был, как всегда в Новый год, шикарный, но это как-то никого не радовало, — ни чёрная икра, ни балык, ни крабы. Все молча, с каким-то остервенением, поглощали элитную еду и напитки. И только часа в два ночи, когда Николай затянул какую-то грустную песню и продолжившееся потом больше часа, общее песнопение, старых известных всем песен — сняло эту подавленность.

Например, у меня, к концу этой праздничной ночи, как-то полегчало на душе. Я ощутил надежду, что всё сложится у нас хорошо, и мы всё-таки найдём — своё место под солнцем.

Разошлись мы по комнатам, где-то к шести часам утра. На следующий день собрались только к обеду. Настроение у людей после Нового года изменилось, как будто мы прошли какой-то Рубикон и вся пассивность начала пропадать. И ещё я заметил, — люди стали относиться к друг-другу, как-то бережней и предупредительней. Исчезли раздражительные нотки при разговорах, больше стало взаимных услуг и уступок.

После праздников, наши женщины начали «Великую» стирку. Те, кто был в наряде, только и ходили выносить использованную воду. Также после Нового года, практически не пустовали массажные кушетки и солярий. Мы всё своё свободное время, проводили в подвале, среди яркого света и зелёных насаждений и это здорово поднимало наше настроение.

К двадцатому января, Валера и Сергей, закончили окончательное обустройство кунгов и приступили, уже в снях мастерить клетку, для перевозки наших куриц и двух петухов. Потом они начали изготавливать, полозья для двух новых саней. Женщины тоже закончили стирку и теперь начали упаковывать бельё и одежду в большие пластиковые мешки. Остальные продолжали готовить и упаковывать для перевозки, остальные предметы нашего обихода.

Температура воздуха была — 69 градусов и мы перестали вообще выходить работать на улицу, выходили только вылить отходы. Такие морозы стояли до десятого февраля, потом постепенно начало теплеть. Наше решение, выезжать, когда температура подымется выше -50 градусов, осталось неизменным. Поэтому к концу февраля все были уже как на иголках. Но температура, даже первого марта была -52 градуса. Несмотря на это, мы всё равно договорились с третьего марта, начать загрузку продовольствия с холодного склада, а также начинать собирать две пары саней, для перевозки цистерн с топливом.

Третьего марта температура повысилась до -46 градусов, и все мужчины приступили к загрузке УРАЛа. Заводили его, чтобы подогнать к холодному складу, часа два. После этого договорились, с завтрашнего дня, запустить все наши вездеходы и постоянно их прогревать. Экономить топливо было уже бессмысленно. По моим прикидкам, нам придётся здесь оставить более трёх тонн солярки и две тонны бензина.

На следующий день, мы разделились на две бригады, одна из которых продолжила загрузку продуктов в модульный прицеп ТТМа, а вторая приступила к сборке саней и установке на них цистерн. Кроме этой работы, эта бригада должна была начинать заливку увозимого топлива. На бортовой УРАЛ, было загружено семь тонн продовольствия, а также установлено шесть бочек для перевозки топлива. Вот их, а также баки других УРАЛов и должна была заполнить дизтопливом, эта бригада.

Из-за низкой температуры, приходилось без обогрева работать не более двадцати минут. В холодном складе, для обогрева в одной из комнат была установлена дизельная печка и два электрических обогревателя. Там ребята добились температуры в +5 градусов.

Обе бригады закончили свои работы только пятого марта, и на следующий день, начали загружать вещи сложенные в снях. А наши женщины начали собирать урожай с огорода, им помогал в этом Максим и Игорь.

Вечером мы долго обсуждали вопрос, — когда нам выезжать?

Я предлагал:

— Завтра окончательно всё загрузить и выезжать восьмого.

Но большинство, всё-таки настояло на выезде десятого марта. Они хотели отметить праздник 8 марта дома, а уже на следующий день окончательно загрузиться и выезжать на поиски нашей мечты, нашего «Эдема».

Ехать мы договорились, вдоль больших дорог, так как напрямую ехать было проблематично. Хотя снег и сгладил все неровности, но например, через лес мы не могли проехать. По существу мы выбирали из двух вариантов: или по руслу рек Ока и Волга, либо по трассам Федеральных автодорог. Выбрали всё же дороги: во-первых, путь был короче, во-вторых, мы всё же надеялись откопать какую-нибудь заправку с сохранившимся запасом топлива. Именно для этого мы и везли с собой снегоуборщик. Выбрали самый мощный, на базе гусеничного мини трактора «Хонда». Весил он двести сорок килограммов, работал на бензине. Его выбрали ещё и потому, что сняв фрезерный шнек, получали обычный мини-трактор, к которому можно было цеплять плуг и другое навесное оборудование.

Первоначально мы хотели брать и снегоход, для проведения разведки, но потом победило всё-таки желание захватить с собой больше топлива. Вместо него и маленького снегоуборщика, мы в эти сани поставили три бочки бензина. Решив, что разведку по такому холоду проводить все равно не будем. Да она и бессмысленна, всё равно альтернативы, движению вперёд у нас не было. А сделать разведку, можно было и на ГАЗоне, перед этим только отцепив сани. Поэтому и пришли к выводу, что его транспортировать совершенно бессмысленно. К тому же все были уверены, что на побережье Индийского океана, снега уже нет.

К восьмому марта, мы загрузили практически всё, заправили топливом все цистерны, баки, и бочки. Из продуктов в снях оставались только те, которые мы не хотели замораживать. Из вещей оставалась незагруженной только сменная одежда. Всё остальное было решено оставить в доме. Восьмого марта, мы целый день отдыхали, поздравляли наших милых женщин, и последний раз в нашем доме организовали праздничный ужин. Перед этим все вволю налегали на массажных кушетках, позагорали. Последний раз от души помылись горячей водой, её в этот раз никто не экономил.

Праздничный ужин у нас тоже удался, хотя и присутствовала лёгкая грусть. Но все наши помыслы уже были устремлены в будущее. На предстоящее великое переселение. И была большая надежда, что там нам будет не хуже чем здесь. И мы всё-таки найдём свою «Землю обетованную».

Лечь спать мы решили пораньше, и спать столько сможем. А завтра загрузив оставшиеся продукты, сразу тронемся в путь. Ждать отправления девятого марта, уже никто не мог. Сидеть на чемоданах и ждать, первоначально запланированную дату отъезда, не имело никакого смысла. Всё равно было обговорено ехать без остановки, пока не кончится солярка у какого-нибудь вездехода. И только тогда — заправившись, если очень устанем, делать ночёвку. Время суток не имело при таком графике движения, никакого значения. Даже ночью управлять вездеходом было легче, абсолютно белый снег меньше слепил глаза, днём приходилось ездить только в тёмных очках. Их мы постоянно набирали при каждом выезде в магазины, всё пытаюсь подобрать наиболее удобные солнцезащитные очки. Перед выездом, пока мужчины, заводили и прогревали вездеходы, а потом загружали остатки вещей и продовольствия. Наши женщины из последней муки, наготовили массу лепёшек, их мы

использовали вместо хлеба. И теперь через десять дней нам придётся, к большому нашему сожалению, привыкать жить без хлеба.

В каждом вездеходе у нас был сменный водитель, правда, для этого одних мужчин не хватало. И сменными водителями пришлось стать Тане, Наташе и Кате, в резерве были Галя и Вика, все они уже пробовали управлять вездеходами.

Ехать должны были колонной, со скоростью не более 30 километров в час. Первыми, должны были ехать на грузовом УРАЛе, наши самые опытные и быстро ориентирующиеся в обстановке водители, Саша и Флюр. Это была самая трудная работа, всем остальным было гораздо легче ехать, ориентируясь по сделанной ими колее.

Саша и Флюр, должны были выбирать дорогу, ориентируясь по: компасу, навигатору «Джи-Пи-Эс» и атласу автомобильных дорог. К сожалению, у нас не было подробных карт, единственная подборка географических карт, была в учебном диске по географии для средней школы. Поэтому у ребят в кабине головного вездехода, был и ноутбук с этим диском. Они очень переживали, что мы не удосужились раньше, найти какой-нибудь книжный магазин, где можно было подобрать карты и особенно по территории Ирана. Но как говорится — поздно пить боржоми, когда почки отвалились. Следующими, выезжали УРАЛы с кунгами, водителями первого были Володя с Викой, второго Николай с Максимом. Потом должен был ехать наш вездеход — заправщик им управляли Игорь с Таней, за ним ТТМ управляемый Валерой и Наташей. Замыкать всю эту колонну, должен был я на ГАЗоне, вместе со сменным водителем Сергеем. У нас была установлена система «Глонасс» и мы параллельно с Сашей, должны были определять наше местоположение и сравнивать показатели по рации. Кстати все наши вездеходы были оснащены рациями.

Остальные наши женщины, вместе с детьми ехали в первом кунге. Второй кунг, мы решили во время движения даже и не отапливать, побережь солярку. Тем более что он довольно быстро прогрелся, а за время движения не должен был сильно промерзнуть.

Первую остановку мы планировали сделать километров через пятьсот, именно на такое расстояние был рассчитан топливный бак ГАЗона. Из всех наших вездеходов, у него был наименьший запас топлива в баке.

Обедать решили не останавливаться, в кабине каждого вездехода было по большому термосу с горячим чаем и кофе, много бутербродов с паштетом и баночной ветчиной. Останавливаться в процессе движения, договорились только на несколько минут, только чтобы оправится. Больших запасов воды мы с собой не брали, было решено, что будем для пищевых нужд и для питья растапливать снег.

Полностью мы загрузились только к двум часам дня, после чего последний раз пообедали в нашем доме и с грустью, рассевшись по вездеходам, отправились в путь.

Я на память о моём доме, отколол от стены кусочек кирпича и положил во внутренний карман куртки, поближе к сердцу. Мне было больно расставаться с моим милым, любимым домом. Все-таки я вложил столько сил и времени строя его, и он стал родным и не только для меня. У всех женщин на щеках, я заметил следы слёз. Когда мы выезжали из нашего посёлка, то, не сговариваясь, начали гудеть в клаксоны. Прощаясь и с этим приютившим нас местом и с нашим любимым Подмосковьем.

Книга 2

Поиск ЭДЕМА

Глава 1

Боль! Боль в глазах. Именно это я почувствовал, когда очнулся от нарушения ритма движения нашего ГАЗона. Все тело затекло и, несмотря на работающий обогрев, в кабине было довольно прохладно. Посмотрев на хронометр, я удивился, казалось, что спал уже часов пять, а выходило, что пересел на пассажирское место только два часа назад. Переведя взгляд на водителя, я спросил: — Серёга! Что случилось? Почему остановился?

В это время он что-то говорил по рации. Оторвавшись от неё, посмотрел на меня и ответил:

— Все нормально, Батя! Пора доливать солярку.

После этого выругался и продолжил:

— Хотя по расчёту Коли топлива должно было ещё хватить километров на сто. Вот встанем в раскоряку посреди Каспийского моря, тогда в такой холод считай, дело — труба!

После этого он опять выругался и начал уже громко говорить по рации:

— Алло! Алло Флюр! Хан, твою мать, отзывайся!

Из приёмника донёлся искажённый помехами голос Флюра:

— Ну что орёшь, Малой? Нарушаешь это белое безмолвие? Страшно стало, поболтать хочется?

Из динамика раздались отрывистые, каркающие звуки смеха, потом Флюр продолжил:

— Серёга! Если даже отстал и заблудился — не боись, держи хвост пистолетом. В случае чего разбуди Батю, вот уж он тебе вставит, сразу в мозгах прояснится, и быстро нас догонишь.

Из рации опять донеслись булькающие звуки смеха. Сергей уже более тихим голосом стал бубнить в микрофон:

— Да хватит тебе подкалывать! Соляра заканчивается, надо останавливаться и заправляться. У нас движок уже начал кашлять, минут через пять заглохнет. Я тебе, когда ещё говорил, что лампочка загорелась. А ты — не суетись, не суетись! Спешка нужна только при ловле блох. Вот сейчас доловимся — двигатель заглохнет, потом, при таком морозе, будем целый час заводить.

На улице стоял сорокаградусный мороз. Время было ближе к вечеру, солнце уже скрылось и начало темнеть, но всё равно без солнцезащитных очков смотреть на открывающуюся снежную равнину было невозможно. Да судя по моим глазам, долго в солнечную погоду управлять вездеходом я не смогу. Возраст уже не тот, за пятьдесят всё-таки. Почти семь лет мы находимся в нечеловеческих условиях постоянной борьбы с диким холодом и нехваткой элементарных, жизненно необходимых вещей, включая продукты и топливо. Эти мысли свинцовым обручём давили голову. Пытаясь уйти от них, я посмотрел на моего напарника с намерением пошутить, или сказать какую-нибудь умную фразу. Но слова застряли у меня в горле. Отстранённым взглядом стороннего наблюдателя я увидел лицо Сергея и сравнил его с тем, каким оно было семь лет назад. Тогда это был симпатичный двадцатипятилетний парень — сила и здоровье буквально выпирали из него. Сейчас же им можно было пугать детей и молоденьких девушек. Лицо измождённое, кожа во многих местах была обморожена и шелушилась, это не скрывала даже трёхдневная щетина. Я потрогал своё лицо, прикосновения не чувствовались. Наверное, верхняя часть кожи тоже была обморожена и, думаю, вид был у меня пострашнее, чем у Серёги — всё-таки возраст.

Силой воли я подавил в себе эти упаднические мысли и уже бодрым голосом сказал:

— Серж! Ну, ты и страшен, бродяга! В прежние времена тебя без всякого кастинга взяли бы на роль зомби в любом голливудском фильме — ужасов.

Он обиженно закусил губы и надтреснутым, скрипучим голосом ответил:

— Да! А вы себя-то давно в зеркале видели? И вообще, я своей Наташке и такой нравлюсь, а мнения других меня не интересуют.

После этого он отвернулся, и начал с деловым видом что-то разглядывать на приборном щитке ГАЗона. Я его хлопнул по плечу и уже другим тоном произнёс:

— Малой, не обижайся! Мы все сейчас такие, но зато живые! А что кожа обморожена, так это ерунда, в тёплых краях отрастёт новая.

В это время из рации донёсся голос Саши:

— Серёга! Сейчас все поворачивают к тебе. Буди Батю, минут через десять подъедем. Я предупредил наших дам, чтобы начинали готовить обед. Думаю, раз вдвое суток супчик похлевать надо, а то всё внутри слипнется нафиг. Устроим заодно совещание — что будем делать дальше. С таким расходом — топлива может и не хватить до Баку.

Вместо Сергея рацию взял я, и нарочито строгим тоном сказал:

— Приём! Санёк, вы, что там засоряете эфир. Поспать, блин, не даёте! Скажи Флюру, что с его голосом только в общественном туалете кричать — занято.

Из динамика донеслись отдалённые звуки смеха. Я между тем продолжил:

— А насчёт супчика ты прав — организм, он не железный, надо иногда его и побаловать. Тем более, в кунге, наверное, тепло и там — женщины.

Хохотнув, я закончил:

— Да и в полный рост можно будет встать, хоть немного размять кости. Не мешает и Колю пропустить по кругу — вставить ему пистон за такие расчёты. Какого чёрта он не учёл, что при таком морозе расход топлива будет гораздо выше. Ладно, за обедом всё обговорим, а сейчас всех ждём. С минуты на минуту наша таратайка заглохнет.

После этого, я передал рацию в руки Сергея, а сам закрыл глаза и откинулся на спинку пассажирского сиденья. В голову опять полезли мысли об истории нашей жизни после катастрофы. Возникла как живая сюрреалистичная картина её последствий: развалины домов в Пушкино после сильнейшего землетрясения, случившегося в результате взрыва Йеллоустоунского супервулкана, который располагался в такой, казалось бы, далёкой Америке; трупы жителей соседней деревни, отравившихся вулканическими газами и, как приговор звучавшие слова немногих, всё ещё работающих радиостанций:

— По мнению специалистов, мощность взрыва вулкана эквивалентна десятку тысяч Хиросим. По наблюдениям, которые ведутся из космоса, в небо, на высоту до ста километров взметнулись столбы раскалённых газов, пепла и каменных обломков. Одновременно пирокластические потоки мчатся вдоль поверхности земли.

Вскоре связь со спутниками была потеряна. Вулканический пепел и газ распространились по всей Земле, стало невозможным воздушное сообщение, выброшенные на орбиту осколки начали выпадать на Землю метеоритным дождём. Сила землетрясений прокатившихся по всей Земле составляла от 8 до 9,7 баллов, по шкале Рихтера. Образовавшиеся цунами, смывали целые страны.

Мы сами длительное время наблюдали падение метеоритов. Один из них даже упал в пределах прямой видимости, а грохот их падения мы слышали постоянно в течение целого месяца. Видели мы массу уничтоженных и повреждённых зданий, все мосты и теплотрассы были разрушены.

Транспортное сообщение практически прекратилось. На счастье, ядовитый вулканический газ был тяжелее воздуха и быстро распадался на безопасные фракции. Через неделю после взрыва супервулкана можно было совершенно спокойно ходить по улице без противогаса. В какой бы город мы тогда не заезжали, встречаемые нами выжившие люди были растеряны и испуганы. Местные власти, как правило, были полностью дезорганизованы и в большей степени занимались спасением и обеспечением самих себя, своих родных и своих прихлебателей. Ко всему прочему радиосвязь постепенно тоже нарушалась. Через месяц после катастрофы атмосфера стала полностью непроницаема для радиоволн, впрочем, как и для прямого солнечного света. Температура начала резко понижаться и уже в феврале, нередко были дни, когда она опускалась до — 95 градусов по Цельсию. На Землю опустился полумрак. Длительность так называемого светового дня сократилась более чем наполовину. На фоне гибели нашего старого, привычного, такого уютного и теплого мира, практически каждого из нас постигла личная трагедия — гибель родных, друзей, потеря собственных жилищ. И если бы не защитное свойство человеческого мозга довольно быстро убирать из памяти большую часть неприятных воспоминаний, то можно было бы сойти с ума от такого количества увиденных нами трупов, разрушений и несчастий. Так, постепенно и мои мысли перешли на более приятные вещи.

Как-то недавно за большим праздничным столом, в шутку, я всем заявил:

— Вы должны поставить памятник всем моим недостаткам — мнительности, куркульству, ожиданию того, что любое событие будет принимать самый неблагоприятный оборот. А так же моей недоверчивости к обществу и внешней среде. А если сказать коротко, то двум чертам характера — непомерной жадности и маниакальной трусости. Именно благодаря этому, мы тут сидим в тепле и сытости, а не лежим замёрзшими трупами под развалинами рухнувших домов.

Тогда я помню Володя, мой бывший сосед по даче, заявил:

— Да ладно, Толь! Что ты Му-Му гонишь! Какая нафиг жадность, какая трусость — окстись, мужик. Кто на обеспечение продуктами всех нас не пожалел кучу бабла, кто предоставил для нашего проживания свой дом? И наконец, что-то я не видел и не слышал, чтобы ты хоть раз сдрейфил в любом бою, или критической ситуации.

Перекрикивая всеобщий смех, в особенности гогот Флюра и Коли, я продолжил:

— Нет, ну вы послушайте! Разве не супер — жадность заставила меня продать старую дачу. А разве не супер — трусость перед внешним миром и желание от него как-нибудь отгородиться, заставили меня строить полностью автономный дом-убежище. В тот момент трусость победила мою жадность, поэтому я и не жалел никаких средств и времени на его строительство. А вспомните, какого хрена я отдал столько бабок на его утепление и укрепление каркаса металлической сеткой и метростроевской арматурой. Маниакальной трусостью вызвана и ночная эвакуация из Москвы при приближении того большого метеорита, который спровоцировал взрыв супервулкана.

Меня прервал Флюр, он, ухмыляясь, спросил:

— Слушай, Бать! А как тогда ты охарактеризуешь мои основные черты характера?

Прервав мой монолог, он дал мне возможность сделать хороший глоток виски со льдом. Сделав его, я немного отдышался и ответил:

— Ты, Хан, непомерно наглый тип. А основное твоё качество это везучесть. А как ещё можно объяснить твоё умение оказываться в нужное время в нужном месте? Тебе как-то очень вовремя

присвоили внеочередное звание капитана, за твои дела на Кавказе. И тебе как-то очень удачно пришла мысль обмыть эти погоны как раз в день пика моей маниакальной трусости. И самое главное — твоя наглая рожа смогла понравиться такой женщине как Катюша. Умнице, красавице и к тому же ещё программисту высшей категории, можно сказать — хакеру.

Катя, сидевшая на другом краю стола, рядом с моей дочерью Викой, даже зарделась от этих слов. Мой зять Саша, сидевший по правую руку от меня, решил заступиться за своего друга Флюра, и слегка нетрезвым голосом произнёс:

— Батя, ты не прав! Флюр у меня в группе, был самый лучший боец, и звёздочки на погоны ему добавили вполне заслуженно и вовремя. К тому же, он мой друг, и обижать его я никому не дам. А весел и нагловат он только с теми, к кому расположен, с незнакомцами он безукоризненно вежлив, а к врагам он беспощаден и его карающая рука неотвратима.

Пока он говорил, я успел добавить ему и себе грамм по сорок виски, а подошедшая моя жена Маша наложила в бокалы льда. Она вообще всегда следила, чтобы любимый зятёк ни в чём не нуждался. Я ещё раз отхлебнул уже из полного бокала и ответил Саше:

— Ха! Да я не завидую тому, кто обидит нашего Хана, он сам кого хочешь, обидит. Тебе говорят про его удачливость, смешанную с наглостью. Сам вспомни, каким образом мы попали в Тулу и откопали там оптовую продуктовую базу. Если бы не наглое заявление Флюра, что он из армейского патриотизма пьёт только Арсенальное пиво Тульского пивзавода и в количествах не меньших, чем ящик за один раз — то сам подумай, разве мы поехали бы в Тулу. А если бы не моя маниакальная трусость, которая пересилила даже непомерную жадность — разве стали бы мы закупать там на все деньги продукты. А маниакальная она, потому что я старался заразить этой трусостью ещё и всех окружающих. И, по крайней мере, своих соседей я ей точно заразил. И заметь, заразил так, что они безропотно начали вкладывать свои денежки в топливо и продукты. Значит, они в полной мере тоже обладают этой природной трусостью, если поверили мне и информации из интернета. Вообще-то эта трусость, по научной терминологии, называется — инстинктом самосохранения.

И опять мой монолог прервали, теперь это сделал Николай, он, дожёвывая бутерброд с чёрной икрой, спросил у Флюра:

— Слушай Хан, а что твоя везучесть и внутренний голос говорят о нашей эвакуации? Не делаем ли мы глупость, уезжая из родных мест — неизвестно куда? У нас здесь прекрасный дом-убежище, мы в нём пережили даже космический холод.

В этот момент, захихикал его сын Максим, и сквозь смех пропел:

— Ах-ах-ах, мой папа космонавт!

Все захохотали, а Коля зло зыркнул на него и продолжил:

— А, что разве не так, температура опускалась же до -100 градусов. Сами помните, что на улицу тогда выходили в шлёмах с подачей подогретого воздуха и в костюмах с электроподогревом — чем не космонавты. Но сейчас речь то не об этом, а имеет ли смысл искать счастья на стороне. Если мы выдержали такие морозы, то неужели не переживём потепления. Ну, подумаешь, немножко затопит, в конце концов, можно отсидеться на втором и третьем этажах. Тем более, запас топлива и продуктов ещё имеется.

Сказав это, он уставился немигающим взглядом на Флюра. Тот демонстративно рыгнул и, протерев салфеткой рот, ответил:

— Ну что, Мастер, тебе на это сказать! Мой внутренний голос просто кричит — срочно сваливать и чем быстрее, тем лучше. Направление движения к берегам тёплого океана, меня тоже весьма устраивает. Не зря же я Русский офицер и поэтому разве могу отказаться от возможности обмыть свои сапоги в волнах Индийского океана. Ферштейн?

После этих слов он залпом допил свою дозу виски.

В разговор вступил ещё один мой сосед по посёлку — наш врач Игорь, он сказал:

— Товарищ не понимает! Слушай, Коль, ты хоть представляешь, как мы будем обходиться без чистой воды? Ведь наверняка все отходы нашей жизнедеятельности поднимутся из отхожей ямы, туда добавится и растаявшее говно, из старого канализационного коллектора и всё это будет плавать вокруг нашего дома. Затопит и подвал со скважиной и нашим огородом. А у нас нет ни фильтров для очистки воды, ни витаминов, которые могли бы заменить нам огород с его овощами и зеленью. Одним словом, если мы останемся — жуткие болезни и, скорее всего, смертельные, нам обеспечены.

Николай до этого сидевший спокойно, вдруг подскочил и, размахивая руками, начал выкрикивать:

— Да что вы на меня налетели? Разве я против эвакуации! Кто одним из первых голосовал о срочной подготовке к отъезду? Кто, в конце концов, на этом жутком морозе готовит технику к длительному путешествию? Не беспокойтесь — я обеими руками за эвакуацию. Просто я хотел у нашего интуита узнать, что он чувствует по этому поводу.

Тогда за этим праздничным столом собрались все члены нашей маленькой коммуны, и не было ни одного, кто бы ни мандражировал перед неизвестностью. Все уже были уверены в нашем скором отъезде и что за таким столом, в таких комфортных условиях, вряд ли удастся собраться в ближайшее время. И поэтому даже маленьких детей усадили за этот стол. Всего нас было двадцать один человек — девять мужчин, девять женщин и трое маленьких детей. Двое из них родились уже после катастрофы и ни разу в жизни не видели ни зеленеющей листвы лесных деревьев, ни тёплых ласковых летних дней.

В тот момент я ощутил, что готов отдать свою жизнь за любого из этих людей, и что ближе их у меня никого нет, и никогда не будет. На меня нашло какое-то мистическое откровение, я не удержался и поделился им с окружающими:

— Слушайте сюда! Никто не задумывался, сколько людей теперь в нашей большой семье?

Большинство начало оглядываться, производя подсчёт. Я не стал ждать и ответил сам, продолжая свою мысль:

— Правильно — двадцать один! Очко! Магическое число! А помните, когда нас было двадцать, не было даже и мысли куда-нибудь отсюда уезжать. И только когда родилась Даша — началось всё это потепление и ураганом разрушило наш ветряк. Одним словом, судьба толкает нас покинуть это насиженное место. И заметьте еще, ребёнок родился у самых молодых — у Максима и Риты. В этом тоже проявился какой-то знак — как будто нам указывается, что не место вновь рожденным в этой вечной зиме. Нельзя законсервировать наше мнимое благополучие, надо двигаться, чтобы всё-таки найти свой Эдем, своё место под солнцем. Чтобы наши дети и внуки могли жить по-человечески, могли развиваться, а не занимались лишь постоянной борьбой за выживание.

В этот момент ко мне подошла моя жена Маша, обняла меня и сказала:

— Толь! Да ты просто мистик какой-то! Всю жизнь с тобой живу, а ты не перестаёшь меня удивлять.

Я всегда думала, что ты полный материалист и сухарь, а тебя вон куда занесло. Наверное, если бы вернулись прежние времена, ты занялся бы кабалистикой.

Из-под её руки, я дотянулся до бокала, взял его, и сделал пару глотков, потом улыбаясь, произнёс: — Ха! А ты попробуй выпить столько же, сколько и я этого двадцати однолетнего виски. Тогда сразу поймёшь магию цифры 21 и оценишь это моё откровение. А кабалистикой заниматься никакого здоровья не хватит. А главное — где взять столько виски? Бедную Шотландию, вместе с Ирландией и Англией — смыло набежавшею волной!

Продолжить дальше вспоминать то приятное застолье, мне так и не удалось. На самом интересном месте, когда Коля и Флюр начали рассказывать анекдоты, я очнулся из полузабытья. Наш вездеход заглох, печка перестала поддувать тёплым воздухом. В кабине стало значительно холоднее, по крайней мере, при дыхании стал уже появляться пар. Ещё не отойдя от прежних дум и плохо соображая, я спросил у Сергея:

— Послушай, Малой, что-то стало холодать, не пора ли нам, кхе-кхе..., по рации поторопить ребят? Он повернулся ко мне и, улыбаясь, ответил:

— Заглохли буквально минуту назад. По рации с Сашей говорил минут пять назад. Ну, ты даёшь, Батя — за пять минут успел уснуть, подремать, а потом снова проснуться. Силён, бродяга! Если замёрз, давай я вылезу и залью в бак солярки из канистры. Движок ещё не замёрз, когда заведём, из печки сразу тёплый воздух начнёт идти.

Потянувшись всем телом, я, зевая, сказал:

— Да ладно, не суетись! Что мы кисейные барышни что ли? И не при таком холоде бывало, ночевали. А канистра пускай лежит, сейчас подъедет Игорёк на заправщике и насосом закачает полный бак солярки. Тем более, если ты начнёшь лазить на улицу, совсем застудишь кабину. Так что успокойся, лучше контролируй обстановку вокруг. А я, пожалуй, ещё минут пять сосну — учись, студент.

После этих слов я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. И опять на меня нахлынули воспоминания. Мысли вертелись вокруг членов нашего сообщества, ставших такими близкими для меня людьми. Я подумал, как мне повезло, что построил дом именно в этом посёлке, и что той зимой там остались проживать именно эти люди. Большая удача была, что мои дачные соседи оказались очень грамотными и неизбалованными людьми. Володя был высококлассным специалистом в точной механике и даже организовал малое предприятие, которое изготавливало гироскопы для космических аппаратов. Его жена Галя была кандидатом биологических наук и заведовала лабораторией в Пущинском институте биофизики клетки, она там занималась проблемами клонирования.

Другой сосед, Николай, великолепный автомеханик, в прошлом тоже занимался бизнесом. Его жена Ира — научный сотрудник Пущинского Биоцентра. Они, доверившись моим словам о возможном взрыве вулкана, очень вовремя перевезли на дачу своих детей Максима и Дашу — на тот момент школьников. Сейчас, конечно, Максим превратился в здорового двадцати трёхлетнего парня, а вот Даша, к несчастью, умерла от болезней на второй год после взрыва вулкана. Тогда мы все очень сильно болели от нехватки витаминов и солнечного света. Она оказалась из нас самой слабой и неприспособленной к такой жизни — в вечном сумраке, без свежих овощей и фруктов. В то время мы ещё не запустили наш огород в подвале и питались практически одними консервами. Наверное, в

честь умершей сестры Максим и назвал свою дочку Дашей. Наш доктор — Игорь тогда ничего с этими болезнями не мог поделать. Сам больной, он ходил по всем комнатам нашего, превратившегося в больницу дома, делал уколы, заставлял принимать лекарства и витамины. Но, к сожалению, ничем не смог помочь, изнеженному организму девочки. Максима отец все-таки закалил, часто брал его с собой на охоту и рыбалку. К тому же Макс занимался спортом, посещал футбольную секцию.

Игорь тоже был постоянным жителем нашего посёлка. До катастрофы он работал врачом хирургом в Пущинской больнице. Его жена Надя раньше работала акушеркой в родильном отделении той же больницы, но на то время находилась в отпуске по уходу за ребёнком. Сидела дома с прелестным малышом, двухлетним Никитой.

На момент взрыва супервулкана, в нашем посёлке находились два шабашника из Белоруссии — Валера и Сергей. Я их хорошо знал, они строили и мой дом, а Валера вообще был бригадиром. Потом они так прижились в нашем посёлке, что каждый год начали приезжать туда на заработки. Валера был по специальности инженер-электрик и вообще универсал по строительным работам. Единственным человеком из нас, не имевшим высшего образования, был Сергей, он просто был хорошим каменщиком.

Когда-то за общим столом я заявил:

— Вы не представляете, как я рад такой удаче, что такие специалисты оказались на момент катастрофы рядом со мной. Без вашего умения и упорства, вряд ли смогли бы выжить я и моя семья. На, что Володя ответил:

— Анатолий! Это мы должны молить бога, что ты с нами. Только благодаря тебе мы и существуем. Именно ты заставляешь нас двигаться, что-то делать, а не тупо ждать, что приготовила для нас судьба.

На этих приятных словах я опять очнулся. На этот раз меня разбудил Сергей, он энергично дёргал меня за куртку и требовательно выкрикивал:

— Батя, проснись! Просыпайся, чёрт тебя дерит! Уже Дохтур на заправщике подъехал, да и остальные вон рядом выстраиваются.

В этот момент, подошедший Игорь, открыл с моей стороны дверь вездехода. Ледяной воздух, хлынувший с улицы, окончательно привёл меня в чувство. Уже осмысленным взглядом я посмотрел на нашего доктора. Да! Вид у него, если мягко сказать, был тоже весьма непрезентабельный. Из большой горы тёплой одежды чуть выглядывала тонкая шея, лицо было измождённое, с проплешинами отмороженной кожи. Защитные очки были подняты на шапку и белки глаз зловеще краснели отражённым светом заходящего солнца. Он охрипшим, срывающимся голосом прогундосил:

— Ну что, лишенцы, задницы-то не примерзли, ожидая меня? Ничего, сейчас Дохтур вставит вам клизму литров на триста соляры, сразу полегчает, станет тепло и появится тяга к жизни.

Пока он говорил, на лыжах подъехал Саша, затем, разматывая удлинитель, подкатил Володя. Он, вместе со сменным водителем Катей, управлял УРАЛом, в кунге которого находилось большинство наших женщин и все дети. Над кабиной этого громадного снегоболотохода был установлен постоянно работающий маленький бензогенератор. Именно от него было запланировано запитать насос в цистерне нашего вездехода-заправщика. Пока Володя подключал насос, а Саша разматывал

шланг от цистерны, я спросил у Игоря:

— Слушай, Дохтур! А почему ты без затычек в ушах? Невозможно же в здравом рассудке выносить этот визг от гусениц твоего драндулета. Может ты у нас звуковой мазохист. Интересно — Танюша, которая у тебя сменщицей, тоже едет без беруш, или ты её воспитал в духе аудио извращения?

Игорёк, гордо выпрямился, стоя на подножке ГАЗона и напыщенным тоном ответил:

— Вот, теперь ты понял, насколько крепка моя нервная система. Насколько я подготовлен работой с больными к различным мелким неудобствам. Интересно, что стало бы с твоей психикой, посиди ты с недельку в моём больничном отделении. Наверное, ты с годик бы ходил с заткнутыми ушами, заткнутым носом и принимал бы повышенную дозу успокоительных таблеток. А что касается Тани, она так умаялась, что спит без задних ног, я так думаю, её сейчас и из пушки не разбудишь.

К нам подъехал на лыжах Саша и с интересом оглядел фигуру Игоря, после чего фыркнул и сказал: — Игорёх! А ты не пробовал ещё под этот тулуп какие-нибудь ватные одеяла затолкать, да вообще-то у тебя и без них весьма колоритный видок. Можешь! Можешь вот так, и прийти в кунг, к нашим дамам. Гарантирую, лишнюю тарелку супа они тебе точно нальют и из жалости ещё гамм сто сорокаградусной накапают.

Потом обращаясь уже ко мне, коротко произнёс:

— Батя, я Флюра послал растапливать печку во втором кунге. Глядя на наших орлов, ясно, что нужно вставать на отдых. Вряд ли кто-нибудь еще несколько часов выдержит такой ритм движения. Все носом буквально клюют приборные доски вездеходов.

Я, немного помолчав, еще раз оглядел Сергея и Игоря, и только потом ему ответил:

— Да, Кот, ты как всегда прав. Я тоже настолько вымотался, что при малейшей возможности сразу отрубаясь, засыпаю мгновенно. Вон Серёга не даст соврать.

В это время Игорь сверху оглядел Сашу, потом, выставив руку, как Ленин в октябре и улыбаясь, произнёс:

— И ты, Брут, туда же! Вообще-то тебе, Котяра, твоя кликуха очень подходит. Вспомни, как ты ко мне ластился, когда я в Пушино достал трёхлитровую бутылку спирта. А сейчас, когда спирт сдан Володе, ты начинаешь выёживаться. Конечно, сейчас каждый может поиздеваться над бедным Дохтуром. Ну, погоди, вот пропишу тебе укольчик, тогда не только присесть, но и наклониться не сможешь. Придётся тебе ходить строевым шагом и все время стоять по стойке смирно — солдафон несчастный.

Мы все дружно и громко засмеялись. Подошедший Володя недоумённо на нас уставился, потом спросил:

— Мужики! Что случилось-то? Вы что, вмазали втихаря, что ли? А где тогда моя доля?

Мы еще сильнее начали смеяться, потом сквозь смех я ответил Володе:

— Понимаешь, Вован, тут нам Дохтур раскрыл глаза на то, что медиков обижать нельзя. Они даже спецназ на счёт, раз-два, построить могут. Он выдал своё секретное оружие — шприц называется. А ты сам знаешь, мы их набрали несколько сотен штук. Так что от Игоря надо держаться подальше и не дай бог тебе ему перечить. А то сделает укольчик — хорошо если присесть не сможешь, а то и с женой прилечь не удастся.

Володя присоединился к нашему громкому смеху, потом вытирая выступившие слезы, предложил:

— Ладно! Хватит уже тут всем мёрзнуть. Идите в кунг в тепло, а я уже тут заправлю ГАЗон. Насос

будет качать солярку не меньше пятнадцати минут. Так что давайте заодно и женщинам поможете вылить отходы. Тем более Сергей у нас в этом деле самый главный специалист.

Саша в шутовой форме вытянулся по стойке смирно, отдал честь и выкрикнул:

— Яволь герр суперинтендант!

У нас опять начался истерический смех. Минуты через две мы всё-таки успокоились и уже серьёзно решили сделать так, как предлагал Володя. Действительно, зачем нужно было всем мерзнуть, когда с заправкой вездехода вполне мог справиться и один человек. Доставать лыжи было лень, я с Сергеем и Дохтуром, проваливаясь по колено в снег, побрели к Уралу с кунгом, стоящему метрах в десяти.

Напоследок Игорь пошутил:

— Слушай, Володь! Ты там смотри не отморозь пятую точку, а то придется растирать и банки ставить. А ты сам знаешь, со спиртом сейчас напряжёнка.

После этого, хихикая, он попытался вприпрыжку догнать нас, но провалился в снег по пояс.

Пришлось ему, под смех уже Володи, ползком выбираться из этого снежного плена. Пока мы добирались до кунга, Саша, сняв лыжи, уже зашёл внутрь тёплого помещения. Дождавшись Игоря и отряхнув его, мы тоже по лестнице поднялись в кунг.

Блаженство! Блаженство — другим словом и не опишешь то, что я ощутил, попав внутрь тёплого помещения и сняв свою тёплую одежду. Повсюду стоял вкусный запах пищи. Все наши водители, тесно сбившись вокруг двух складных дачных столиков, сидели, и как голодные удавы наблюдали за Машей, которая священнодействовала у плиты. Остальные женщины и дети расположились на верхних полках наших самодельных нар. Оттуда выглядывали только их головы, с интересом оглядывая собравшихся за столами. Только когда я умылся и втиснулся на свободное место у стола, только тогда ощутил тяжёлый запах давно не мытых тел. Но всё равно всё это перебивал аромат приготавливаемого супа с тушенкой. Сквозь иногда прерываемый гул разговоров доносился звук электромотора принудительной вентиляции, который, правда, всё равно не справлялся с возросшей нагрузкой. Позади моей жены стоял Флюр и вкрадчивым голосом ей вещал:

— Тётя Маша, вы же сами понимаете, что мы с Саней двигаемся самыми первыми и у нас повышенный расход калорий. Поэтому, вы должны вникнуть в наше положение и налить в наши тарелки супчика побольше и погуще. А лучше давайте я буду разливать, меня в армии обучили, как это лучше сделать, чтобы никто этого не заметил.

Маша отмахнулась от него поварёшкой и раздражённо сказала:

— Ты прям как муха, вокруг сладкого вьешься и жужжишь! Не бойся, всем с избытком хватит, а тебе с моим зятком ещё и добавки налью.

После этого она начала разливать получившееся блюдо по тарелкам, а Флюр передавал их дальше за стол. В середине этого процесса пришёл и Володя, запустил в кунг порцию морозного, свежего воздуха. Мне подумалось, что сейчас нас сюда набилось, как сельдей в бочку, надо всё-таки обеды устраивать в пустом кунге. В конце концов, наплевать на мизерную экономию топлива, здоровье и самочувствие — важнее.

Пообедав, мы начали обсуждать наши дальнейшие действия и промывать косточки Николаю.

Именно он как главный механик рассчитывал расход топлива нашей техники. Сейчас он раскрасневшийся, перевозбуждённый, размахивая руками, оправдываясь, объяснял:

— Что вы всё на меня бычите! Сами что, дети что ли, все же опытные волчары! Вспомните, как

Володя, да многие другие бухтели, что я заложил сильно большой резерв по солярке. Кричали, что лучше захватить больше продуктов и оборудования. Хорошо мы с Батей настояли взять сорока процентный резерв. Так что не бздите, хватит нам топлива до Баку.

В это время он, распалённый, не замечая ничего вокруг, нечаянно заехал Флюру рукой ниже пояса. Тот каким-то невообразимым образом успел поставить блок. Потом отскочил и нарочито тонким, маслянистым голосом заверещал:

— Дяденька! Драться, драться-то зачем! Противный...! Ты лучше бы нам, дилетантам, тогда по-доброму, ласково объяснил свои соображения. Глядишь, мы тогда и решили бы брать топлива не на сорок, а на пятьдесят процентов больше паспортных показателей вездеходов. А так, мне только сейчас стало понятно, хотя бы по своему организму, что питания при таком морозе ему надо раза в два больше. Да ещё не мешало бы всё это шнапсом разбавить.

Этими своими словами Флюр каким-то образом снял всеобщую озабоченность и страх перед будущим. Буквально все начали смеяться, только Коля, растерянно улыбаясь, продолжал вещать: — Флюр, ты сам вспомни, как возмущался, что мы оставили снегоход, а вместо него загрузили бочки с топливом. Сейчас именно эти бочки и являются нашим последним резервом и надеждой в Баку обладать хоть какой-то маневренностью.

Но его уже никто не слушал, практически все мужчины навалились на Володю с требованием выделить шнапс для разбавления супчика и снятию усталости после такой долгой трудовой вахты. Володя ломался недолго, после трёхминутного напора он, кряхтя, встал и пошёл к антресолям доставать водку.

После этого обед плавно перетёк в ужин, с поглощением консервированных продуктов. Даже наши женщины не устояли и приняли по пятьдесят грамм сорокаградусной, после чего наперебой начали делиться своими ощущениями от этой езды. Например, Галя, заявила:

— Вам-то там хорошо, хоть нужным делом заняты, а мы тут сидим, как птички в клетке. Я-то ладно, хоть по компьютеру бывшую свою работу анализирую, а другие всю дорогу только в телевизор и пялятся.

На это ей Надя ответила:

— Да ладно, Галь, никто здесь от скуки не умирает. Я, например, просто балдею, когда наблюдаю за игрой наших детей с собаками. Уж соскучиться они точно не дадут.

Я вмешался в эту начинающуюся бабскую склоку, предложив:

— Слушайте девчонки! Вы же все очень умные и образованные. Вот пока едете и подумайте, как нам сделать перегонный куб, чтобы из нефти получить дизтопливо. Как сейчас помню по бывшей работе — средний дистиллят. К тому же, среди вас есть в некотором роде эксперт — Рита.

Она до катастрофы хотела поступать в «керосинку» и как рассказывала именно на факультет нефтепереработки, поэтому должна в этом деле что-то понимать. К тому же в их машине мы нашли много учебных дисков по химии и наверняка, там рассмотрен этот вопрос. Да и ты Галя в химии и перегонном оборудовании должна понимать, всё-таки кандидат наук и заведующая лабораторией. Так что флаг тебе в руки, теперь считай себя назначенной на должность руководителя группы по разработке проекта — мини нефтеперегонного завода. Помощником у тебя будет Рита. И ещё дорогие мои — вопрос не терпит отлагательства. Нужно разработать этот проект до того как мы доедем до Баку. Не факт, что нам там сразу удастся обнаружить дизтопливо, а большой

маневренности, судя по всему, мы там будем лишены. Поэтому у нас может остаться единственный вариант выжить — научиться самим, из нефти изготавливать солярку. С нефтью я думаю, у нас там проблем не возникнет.

В наш разговор вмешался Саша, он предложил:

— Слушай, Батя, а может использовать самогонный аппарат. Я под шумок один, который мы нашли в деревне, засунул в багажник наверху кунга.

Я усмехнулся и спросил:

— Наверное, туда же и гранатомёт засунул!

Саша сделал непонимающее, удивлённое лицо и уточнил:

— А, что, не надо было?

Я махнул рукой и заявил:

— Вот, вот! Все очень умные и хозяйственные. Ещё неизвестно, сколько неучтённого груза тащим, как тут можно говорить о точном расчёте расхода топлива. Так что ладно, прекращаем катить бочку на Колю — у многих рыльце в пушку. Давайте лучше думать, как дальше будем жить?

На это моё заявление Саша практически сразу ответил:

— А что тут особо думать — действовать надо! Я считаю, что с таким запасом солярки очень опасно гнать через Каспий, там-то точно топлива не найдём. Нужно по пути к морю вскрывать встречающиеся заправки, глядишь где-нибудь дизтопливо и будет.

Тут в разговор вступил Володя, он сказал:

— Я тут на компьютере как-то считал, какова вероятность найти нетронутую заправку, получилось пять процентов. Значит, получается, что нужно откопать двадцать заправок. Чтобы откопать заправку нужно минимум два дня — итого сорок дней. И в итоге получается, что копать не имеет никакого смысла, всё опять начнёт таять — это раз. Такое количество заправок мы хрен найдём, их просто нет на этой трассе — это два. С этими поисками может так получиться, что придётся вставить на прикол — ждать новой зимы. Все же понимают, что когда потеплеет, из-за образующихся водяных линз, проехать будет невозможно. Потеряем к чёрту наши вездеходы и останемся, вообще беззащитны перед стихией. И еще подумайте, чтобы копать и поддерживать в кунгах нужную температуру, тоже нужно топливо. Это я тоже подсчитал, получается не менее пятидесяти литров солярки в сутки только на отопление, а ведь нужен еще бензин на снегоуборщик и генератор. Так что у меня однозначное мнение, отвлекаться нам нельзя, нужно, невзирая на обстоятельства ехать в Баку. Тем более вон Коля божится, что топлива, пускай впритык, но хватит.

Коля, услышав своё имя, тоже вставил свою реплику:

— Саня! Что ты так боишься остаться без топлива на морском льду? Когда солярка будет кончаться, мы будем уже недалеко от Апшеронского полуострова. В крайнем случае, оставим на льду пару вездеходов и доберёмся до суши, там найдём топливо и вернёмся за ними.

Слова Володи показались всем весьма убедительными, и чаша весов нашего мнения начала склоняться в сторону безостановочного движения к морю. Но Саша опять начал гнуть свою линию, он сказал:

— Володя, успокойся! Какие к чёрту двадцать заправок? Я говорю о паре, ну может быть трёх заправках, которые встретятся по пути. Там мы потеряем максимум неделю, а за неделю ничего не потеплеет, сам видишь какая сейчас температура. А то топливо, которое мы сожжем за это время в

печках, можно компенсировать. Я тут внимательно изучил все доступные карты и пришёл к выводу, что часть пути можно совершенно безопасно срезать. Когда начнётся Калмыкия, можно свернуть с трассы и ехать напрямик к морю прямо по степи, никаких лесов там нет, городов тоже. Так мы укоротим путь километров на сто, а может быть и больше. Сами понимаете, по Волгограду мы проехать не сможем, придётся его или объезжать, или ехать дальше к морю по Волге.

Все разговоры опять повелись по кругу, а спать хотелось — жутко. Поэтому, чтобы прекратить эти уже бессмысленные споры, я высказал свой вердикт:

— Всё, мужики, хватит. Брек, я говорю! Вы оба говорите умные вещи и в принципе, только будущее может вас рассудить. Но право на ошибку мы не имеем. Не имеем мы право и на потерю шанса найти топливо. Поэтому присуждаю вам ничью и принимаю волевое решение. Пока едем по Тамбовской области, обязательно нужно найти заправку и раскопать её. Потом когда доедем до территории Калмыкии, с Астраханской трассы уходим и напрямик по степи едем до моря. Там останавливаемся, и отдыхаем один день, если на заправке топлива не найдём, то оставляем на берегу наш заправщик, предварительно слив оттуда всё топливо и едем по льду без остановки до самого Апшеронского полуострова. И да поможет нам бог!

После этих моих слов, разговоры свернули на другое русло, все с готовностью приняли это решение. И уже никто даже не пытался его оспорить и внести какие-то другие предложения. Все горячо начали обсуждать график дежурства и время выезда. И опять чтобы прекратить споры и поскорее пойти спать я высказался по этому поводу:

— Двигатели машин по такому холоду нужно прогревать через каждый час. Всего нас девять мужчин. Сашу и Флюра надо исключить из графиков дежурств, они и так больше всех вымотались — ехать первыми это самое трудное, такое даже врагу не пожелаешь. Таким образом, в дежурстве будут участвовать семь человек. С учетом того, что каждый отдежурит по одному часу и час ещё будет после последнего дежурства, мы выезжаем через восемь часов. Дежурные кроме прогрева техники, должны будут ещё заправить все вездеходы.

Тут неожиданно опять высказался Саша:

— Ты, Батя, правильно говоришь, но только отдыхать мы будем девять часов. Первую вахту мы с Флюром всё-таки отстоим — как-никак мы хоть и бывший, но спецназ. А очередность дежурства надо установить исходя из порядка движения. Как раз мы первые двигались, нам и дежурить, потом Володя, ну и так далее.

После того как он закончил, подскочил Флюр и закричал:

— Тост! Дайте мне сказать последний тост.

При этом он демонстративно держал пустую рюмку доньшком верх. Я плечом подтолкнул Володю. Тот кивнул головой и опять кряхтя, полез ещё за одной бутылкой водки. После чего разлил её всем мужчинам по рюмкам. Флюр поднял уже полную рюмку повыше и громко провозгласил:

— За спецназ и, чтобы не в последний раз!

После чего полез ко всем обниматься и целоваться. Закончив этот ритуал, они с Сашей оделись и пошли начинать заводить на прогрев всю нашу технику. Все остальные мужчины тоже начали одеваться, чтобы идти в пустой кунг на отдых. Когда я дошёл до своего спального места, меня от усталости уже начало шатать. Но, несмотря на это, я всё-таки посмотрел на термометр, температура в кунге на тот момент была плюс четырнадцать градусов. По сравнению с морозом на улице, это

просто Сахара — это была последняя разумная мысль, посетившая мой уставший мозг. Потом была просто темнота, безо всяких мыслей и сновидений.

Глава 2

Землетрясение! Такая паническая мысль возникла у меня во сне. С испугу сразу широко открыв глаза, я тут же прищурился от непереносимо яркого света, льющегося из окна кунга. Затем я различил нависшую надо мной физиономию Сергея, он раскачивал меня и что-то шептал.

Прислушавшись, я постепенно начал понимать смысл его фраз, а он, по-видимому, потеряв остатки терпения, начал громким голосом, почти что выкрикивать:

— Батя, вставай! Батя, ну вставай же, уже пора!

Его как будто заиклило, и он повторял только эти две фразы. Чтобы не разбудить других, я резко присел на матрасе и громким шепотом спросил:

— Ты что орёшь-то? В казарме не ночевал ни разу что ли? Сейчас по башке сапогом-то получишь, быстро язык прикусишь.

Он, глупо улыбаясь, уже шепотом, начал оправдываться:

— А я, что? Я смену пришёл сдавать! Бужу вас уже минут десять и никакого эффекта. Хотел уже принести стакан ледяной водички и устроить для вас персональный потопчик.

Он ещё немного отодвинулся и начал тихонько подхихикивать. Я окончательно проснулся и уже бодрым голосом сказал:

— Ха, потопчик! Сперва землетрясение мне тут устроил, потом потоп хочет. Совсем уважение потерял! Хочешь, чтобы я совсем седой стал? Ладно! Иди спать, считай, что смену я у тебя принял. Кстати, Серёг, какая там температура на улице?:

— Да считай, такая же, что и вчера, минус сорок четыре градуса — ни хрена не теплеет. На улице тишина полная. Даже одному жутко как-то. Ну ладно, батя, пойду, сосну свой законный часок. А ты через час начинай будить наших дам, перед дальней дорогой надо хаванины побольше приготовить. Чтобы сейчас наесться, и с собой хватило. Когда ещё на такую стоянку встанем. Ну ладно гудбай, Батяня!

Он разделся и направился к своему спальному месту. Я в свою очередь встал и принялся потеплее одеваться. Выйдя на улицу и надев лыжи, я быстро объехал все наши вездеходы, заводя их. Потом перекурил, подождал ещё минут пять и в той же последовательности начал их глушить. Когда заглушил последний, мороз весьма сильно начал прихватывать руки и лицо. На улице стало находиться совсем неважно, и я быстрее направился в женский кунг. Рассудив, что наверняка там многие не спят и вполне может представиться возможность что-нибудь забросить в мой голодный желудок.

Как только я туда зашёл, меня сразу же окутала блаженная теплота, только потом начали работать мои вкусовые рецепторы. Все наши женщины и дети уже встали и завтракали, тесно усевшись вокруг столов. По всему кунгу разносился восхитительный аромат свежесваренного кофе. У меня аж весь рот наполнился слюной. Я сглотнул и, похлопывая руками, весёлым тоном заявил:

— Да! Удачненько я сюда заглянул. Самое главное — вовремя! Как чувствовал, что может и мне, что обломится.

В этот момент Маша, разливавшая кипяток по чашкам, поставила чайник, повернулась ко мне и, улыбаясь, сказала:

— Так я и знала, только заварить кофе, сразу мой благоверный заявится. У меня уже условный рефлекс выработался, всё приготовить к его появлению. Не верите? Вот посмотрите!

Она отодвинулась от плиты, возле неё на маленьком, разделочном столике, стояла чашка, с дымящимся кофе и лежал бутерброд с паштетом. Все присутствующие дамы засмеялись и захлопали в ладоши. Маша тоже засмеялась, потом подойдя ко мне, чмокнула в щёку и сказала:

— Ну, что встал? Проходи уж, садись, где найдёшь место. Тебе как обычно повезло, сейчас с нами перекусишь, а потом и с ребятами позавтракаешь.

Усевшись на край скамейки, я довольно, похлопал себя по животу и, улыбаясь, заявил:

— А ты как думала? Большому мозгу, нужно много калорий. Насчёт мозга я, конечно, точно не знаю, но вот живот, у меня, вне всякого сомнения, самый большой и выдающийся. И ты как верная жена, должна его лелеять и холить.

Смех в кунге усилился, а я, не обращая на это внимание, начал попивать кофе с бутербродом. Допив кофе, я оглядел притихших женщин и спросил:

— Ну, что, красавицы! Как вам спалось в новой обстановке? Теснота не очень раздражает?

Все отводили глаза. Только Вика, глядя прямо на меня, сказала:

— Бывало и похуже! Мы уже привычные. Слушай, папуль, у меня к тебе предложение. Можно я поеду в первом УРАЛе с ребятами, лишние глаза в поиске заправки не помешают. А то они, бедные, даже сменяясь поспать, не смогут, будут вдвоём выискивать эту заправку. Уж я-то ответственность Саши знаю. А так я возьму на себя эту работу, хоть дам им возможность, немного отдохнуть. К тому же, мне уже жутко надоело ехать в этой закрытой будке — как овца на заклание. Вон Таня и Катя, делом заняты — я, кстати, тоже могу водить вездеход.

Я немного подумал и ответил ей:

— Это дело конечно хорошее, тем более, разбавишь их мужской тандем. Только вот как же с Ванюшкой-то быть? Как ты оставишь ребёнка на долгое время?

Вика, встряхнув головой, заявила:

— А что Ванюшка? Он же не грудной, а тут мама остаётся. Кстати, Ваня с бабушкой себя даже лучше ведёт и кушает лучше.

В принципе я был не против этой идеи и даже думал посадить к ребятам отдельного наблюдателя, чтобы не отвлекать их от дороги. Поэтому я сказал Вике:

— Ну что же, я не против — теперь надо с ребятами это обговорить. Вдруг ты будешь смущать Флюра?

После этих слов сразу засмеялась Катя и сквозь смех произнесла:

— Да уж, этого жеребца смутишь, он сам кого угодно смутит!

Раздался громкий хохот остальных женщин. Я тоже сквозь смех начал спрашивать Ирину:

— Слушай, Иришь, а как там наша живность, как наши куры. Вот здесь в аквариуме я вижу, рыбки плавают, а в грузовой отсек ГАЗона, хоть сам его и веду, не заглядывал ни разу.

Ирина с гордостью показала мне куриное яйцо и сказала:

— Это я сегодня утром вытащила из нашего птичника, все куры здоровы и нормально себя чувствуют. В отсеке достаточно тепло. Вчера Володя протянул туда провод от нашего генератора и включил электроподогрев. Так что там температура сейчас выше нуля. Утром я наложила им достаточно корма, теперь точно хватит до следующей остановки.

Я взял яйцо, с интересом его осмотрел, а потом с пафосом воскликнул:

— Ну, что бы мы делали без таких женщин! Теперь я точно знаю, что у нас всё получится, и мы увидим волны тёплого океана. С таким тылом, мы горы свернём!

После этого я уже спокойным голосом предложил:

— Давайте, чтобы не мучить детей, впредь все завтраки и обеды будем проводить в нашем кунге, что мы будем тут тесниться, загонять вас на верхние полки.

Маша, прервавшись от приготовления второго большого завтрака, повернулась от плиты ко мне и, слегка прищурившись от яркого света, падавшего из окна, сказала:

— Может ты и прав, но сегодня считай уже всё приготовлено, и таскать всё по холоду очень не хочется. Поэтому сегодня мы уж отмучаемся, а в следующий раз будем всё готовить у вас в кунге. И пьянствовать вы будете тоже там. Наш домик мы объявляем зоной трезвости. Так что можете запас спиртного отсюда уносить к себе. Нечего нам тут детей портить.

Я, потянувшись, поднялся, подошёл к выходу и, повернувшись, сказал:

— Уф, какие вы тут строгие, аж страшно. Ладно! Пойду будить нашу гвардию. А вы тут готовьтесь, сейчас придут основные, голодные силы. У них-то вы не забалуете, они быстро всё пожрут, как голодная тля.

После этого оделся и вышел на улицу. Спустившись по лестнице с площадки перед дверью, надел лыжи и направился к нашему кунгу. После начала моего дежурства, прошло уже больше часа.

Поэтому я, даже не раздеваясь, разбудил ребят и пошел ещё раз прогревать технику. Потом, где-то через полчаса, направился обратно в женский кунг. Там уже было всё забито, ребята сидели за столами, а женщины и дети, также как вчера — на верхних полках. Маша передавала на обеденные столы тарелки с завтраком. Она и мне дала полную тарелку макарон с тушенкой. Я, даже не моргнув глазом, взял тарелку и с жадностью начал поглощать это вкуснейшее блюдо.

Когда все наелись и удовлетворённо откинулись на спинки скамеек, улыбаясь, с верхней полки слезла Вика. Повернувшись ко мне, она произнесла:

— Пап, можешь не беспокоиться, я уже обо всём договорилась с Флюром и Сашей. Так что я одеваюсь и иду заводить УРАЛ.

После этого она показала язык Саше и начала складывать какие-то вещи в пластиковый пакет. За ней начали подниматься остальные наши водители, одеваться и выходить к своим вездеходам. Так как всё было обговорено ещё вчера, никакой суеты и спешки не было. Все прекрасно знали свою диспозицию. Двигаться было решено так же, как и вчера: первым грузовой УРАЛ, потом УРАЛы с кунгами (водителями первого были Володя с Катей, второго Николай с Максимом), следующим ехал наш вездеход-заправщик, затем шёл модульный ТТМ под управлением Валеры и Натальи и замыкал всё это наш ГАЗон. Вся эта колонна смотрелась очень внушительно, особенно первые три монстра — УРАЛа. Эти снегоболотоходы вместе с кунгами высотой были около шести метров, длиной более десяти метров. Каждый из них за собой таскал ещё вдобавок громадные сани, нагруженные горой различных вещей. Единственными минусами этих гигантских вездеходов были, пожалуй, большой расход топлива и маленькая скорость (по паспорту она составляла до 30 километров в час, с санями мы разгонялись максимум до 25 километров в час).

Первым сел управлять ГАЗоном Сергей, а я, поудобнее устроившись в пассажирском кресле, закрыв глаза, надвинув на тёмные очки ещё и козырёк шапки, опять предался воспоминаниям. Теперь мои

мысли заняли мои родные, в первую очередь, конечно, жена, дочка, и внук Ванюша. Ещё мне подумалось, как повезло моей дочери Вике, да и нам, в общем-то, тоже, что она встретила такого человека, как Саша. Он был военный и служил в спецназе ГРУ. В тот злополучный день падения метеорита в район древнего и уже давно потухшего Йеллоустоунского супервулкана, Саша вместе со своим боевым другом как раз отдыхали в Москве после командировки на Кавказ. И на наше счастье я смог их уговорить поехать отдохнуть к себе на дачу. «Кот» и «Хан», это боевые клички Саши и Флюра, оказались просто незаменимы в нашей жизни. Именно благодаря ним, мы смогли отбиться от всех мародёров и бандитов и даже захватить награбленные ими запасы продуктов и топлива. Вот и сейчас, пожалуй, из всех нас только они могли выдержать это напряжение и крайне тяжёлые условия движения первыми в колонне. Вокруг наблюдалась невыносимо однообразная и монотонная картина, практически не видно было никаких ориентиров. Например, моя психика этого бы не выдержала. Следовать за ними по уже накатанной колее было гораздо легче, тем более, когда впереди маячило тёмное очертание вездехода.

Слегка отвлекаясь от воспоминаний, я посмотрел на Сергея, он, сосредоточенно вглядываясь вперёд, вёл наш ГАЗон.

— Когда меняемся? — спросил я его.

— Отдыхай, Батя, ещё три часа можешь покемарить, — ответил он.

Я опять закрыл глаза и почему-то начал думать о наших кличках. Своей — Батя, с подачи Саши, практически все начали называть меня так. Даже Маша, иногда забываясь, обращалась ко мне — Батя. О кличке Сергея — Малой, это, наверное, от того, что он у нас самый высокий и здоровый, рост его превышал сто девяносто сантиметров, да и характер был немного наивный и прямодушный. Мастер — эта кличка прилипла к Николаю потому, что он был лучший из нас механик, да и практически все самое сложное оборудование налаживал он вместе с Володей. Суперинтендантом прозвали Володю, так как именно он заведовал всеми нашими запасами. Старая кликуха — Вован, начала потихоньку отмирать. Валеру первоначально начали называть — Маркони, наверное, потому, что он хорошо разбирался в радио и был по прежней специальности инженер-электрик. Но постепенно эта кличка укоротилась, и теперь практически все называли его Конём. Он и сам уже привык к этому прозвищу и ни капли не обижался. Максима, все называли — Макс. Ну а нашего врача Игоря — Дохтуром.

Постепенно мои мысли свернули к нашим женщинам. К моей жене Маше, великолепному агроному. Можно сказать, её стараниями, в нашем доме-убежище, в подвале, удалось создать огород. У нас появились свежие овощи и зелень, которые помогли спасти всех заболевших на третий год жизни после катастрофы. Вспомнилось мне и спасение от бандитов трёх молоденьких девушек — Тани, Наташи и Риты нашими главными бойцами — Котом и Ханом.

Меня опять потянуло на мистику, я подумал, именно после спасения этих трёх невинных, беззащитных жертв из лап убийц — нам и начало жутко везти. Ведь на базе этой банды мы нашли гигантские запасы продуктов и топлива. А после этого мы отбились и от большой группы мародеров, уничтожив даже БМД (Боевую Машину Десанта). Гусеницы от неё мы потом приспособили к грузовику ИСУЗУ, изъятому у Тульских убийц. Так появился наш первый снежный вездеход, без него мы вряд ли смогли бы выжить. Сейчас после установки на него цистерны, это был наш заправщик. И наконец, нам очень повезло, что мы обнаружили военные склады с техникой, стоявшей

на консервации. Именно благодаря найденным там вездеходам мы и смогли организовать эту эвакуацию к тёплому морю. Несмотря на то, что вся эта техника была произведена ещё во времена СССР, никаких нареканий у нас она не вызывала. Работала очень чётко и надёжно, единственная проблема была в её прожорливости. Но как говорится — дарёному коню, в зубы не смотрят. В этот момент я почувствовал, что мерное покачивание прекратилось, и почти что сразу раздался голос Сергея:

— Батя, подъём!

Я открыл глаза, выпрямился и, повернувшись к нему, спросил:

— Что такое, Серёг? Что случилось?

Он, усмехаясь, ответил:

— Всё, Батяня, твоё время кайфа кончилось, наступает моё время покемарить. Сейчас всеобщая десятиминутная остановка на пересменок и поход до-ветру. А потом, — он потянулся, — меня ждёт, пускай и сидячая, но постелька.

Я непонимающе уставился на него и ещё раз спросил:

— Ты, что? Разве уже прошло три часа с нашего последнего разговора? Не может быть! Я же буквально минут пять, как закрыл глаза. Малой, хватит разыгрывать!

Он засмеялся и, похлопывая меня по плечу, сказал:

— Может, Батя! Может! Я, конечно, знал, что ты не дурак поспать, но что так — это для меня откровение. Правда, я и сам такой. Только уснёшь — почти, что сразу толкают. Мол, вставай, мужик — работать пора.

Он ещё больше развеселился и уже сквозь смех невнятно произнёс:

— А если мне не веришь, посмотри на свой Швейцарский хронометр, ему-то, я думаю, ты поверишь. После этих слов, он повернулся, открыл двери и вылез наружу. Я посмотрел на часы — действительно наступало время моей смены. Удивлённый, я тоже вышел на улицу, оправиться. Потом мы поменялись с Сергеем местами, и даже, до команды Саши трогаться — успели выпить по чашке горячего чая с бутербродом. Сергей, после того как мы продолжили путь, минут через пять уснул. Я поразился его умению использовать каждую минуту для отдыха. Вроде бы совсем недавно, каких-то пять часов назад, он проспал целых восемь часов подряд, а теперь снова, как младенец уснул в течение нескольких минут.

Минут через сорок, этой монотонной езды, меня по рации вызвал Флюр и спросил:

— Батя, приём! Как там у вас в заднице колонны дела — никто не отстал?

Я довольно строгим тоном ему ответил:

— Хан, ты опять засоряешь эфир! Что, опять стало скучно, поболтать не с кем? Вас же там теперь трое, или Вика так увлеклась наблюдением, что и поговорить не может? А может она элементарно уснула?

После этого я замолчал, ожидая ответа Флюра. Он чем-то там поскрипел у микрофона, потом, наконец, ответил:

— Ладно, Бать, не ругайся! Подумаешь, уснули. Они может быть друг без друга уснуть не могут. Что же теперь, из-за каких-то мифических обязанностей — разрушать семью?

Он засмеялся, потом продолжил:

— Сам понимаешь, Батя, Вика нужна здесь — постольку поскольку. Кто ведёт вездеход, всё равно

лучше всё замечает и быстрее увидит признаки заправки. Тем более, я думаю, что заправку мы найдем, скорее всего, ночью. В очки ночного видения, нагретые за день столбы трудно пропустить. А днем, при таком солнце, отражающемся от снега, даже опытный наблюдатель может пропустить, тонкий столб громоотвода и другие признаки заправки. Вот ночью Вика, конечно, пригодится. Тем более, в это время спать буду я, и со мной она вряд ли уснёт. Саша не позволит!

После этих слов он опять засмеялся. Я, уже другим тоном, спросил у Флюра:

— Слушай, Хан, ты в некотором роде у нас — интуит, вот скажи, найдём мы на заправке топливо или нет?

Он, не прекращая посмеиваться, ответил:

— Батя, ещё неизвестно, кто больший интуит, ты, или я. По крайней мере, все полные заправки найдены при твоём непосредственном участии. Да считай всё остальное ценное имущество тоже. К тому же, именно ты прочувствовал надвигающуюся катастрофу. Так что не будем про интуитов. Что касается меня, то я, ей-богу, ничего не чувствую. Да и вообще, я только иногда чувствую, когда дело касается существования моей бедной задницы.

После этих слов он замолк, я тоже помолчал, а потом, сказал:

— Да, жалко! Вообще-то нужно подумать, как твою трусливую задницу привязать к поискам топлива. Может быть, если отсутствует топливо на заправке, её больно наказывать, а если топливо имеется, то наоборот, поощрять. Одним словом, заняться с ней тем, чем занимался академик Павлов с подопытными собаками.

Представив волосатую попу Флюра в качестве подопытного существа, я от души засмеялся, потом, уже более серьёзным голосом, продолжил:

— Остаётся нам, Хан, надеяться только на наше могучее авось. Поэтому, вперёд! Авось помогает только смелым и решительным. А вообще-то, Флюр, пора нам заканчивать беседу, тебе там, коль ребята спят, надо быть повнимательней. Всё, пока, до связи!

После этого я замолчал и положил рацию на приборный щиток. Но буквально через минуту рация опять ожила, и опять голос Флюра монотонно оттуда бубнил:

— Алло, Батя"! Прием, приём!

Я опять взял в руку рацию и уже раздражённо спросил:

— Ну, что там у тебя, Хан? Какая муха сегодня там тебя кусает?

Из динамика донёлся голос Флюра:

— Слушай, Бать! Опять ты меня заговорил так, что основное я забыл у тебя спросить. А ты сам-то помнишь, что давал распоряжение через каждые два часа сверять наше местоположение по данным навигаторов. По моему "Джи-пи-эс" мы находимся на 540 километре трассы Москва-Астрахань. А что там твой "Глонасс" показывает? Приём!

Да! Проблемы ориентации у меня как-то совсем выпали из головы. Все мозги были забиты заботами о топливе и поиске заправки. А сама система "Глонасс" была отключена. Я судорожно её включил и буквально через три минуты ответил Флюру:

— Хан, прием! По моему навигатору находимся точно в указанных тобой координатах, так что двигаемся правильно. Слушай, у меня по этой электронной карте на 530 километре указана заправка. Ты как там, ничего не видел?

Из начавшей потрескивать помехами рации я смог разобрать слова Флюра:

— У меня на навигаторе она тоже отмечена. Но я как не смотрел — ни хрена не увидел. Да не переживай, Батя, всё равно ночью найдём какую-нибудь заправку. Ну ладно, давай, до связи! Теперь уже он отключил рацию, я, тоже оставив её на приёме, сосредоточился на управлении вездеходом.

Монотонность движения и резкий, яркий солнечный свет, отраженный от ослепительно белой поверхности снега, неизмеримо раздражал глаза. Несмотря на очень тёмные защитные очки, даже в них приходилось прищуриваться. Чтобы как-то отвлечься от этого слепящего однообразия, я начал думать о нашей дальней предыдущей поездке. Поездке два года назад в мой родной город, в Москву. На сердце сразу стало одиноко и тоскливо. Вспомнился пустой, полуразрушенный город, затопленное метро и замороженные трупы в его вестибюле.

От этих дум, я даже непроизвольно увеличил скорость и очнулся только тогда, когда до впереди идущего ТТМа, управляемого Валерой и Наташей, оставалось всего-то метра три. Это заставило меня мобилизоваться и думать уже конкретно о нашей эвакуации.

После посещения Москвы уже никто не верил в наличие где-то властных структур и больших организованных групп людей. Мы окончательно поняли, что надеяться можно только на себя, как говорится — спасение утопающих, дело рук самих утопающих. Может быть, в частности и из-за этого, было принято решение о срочной эвакуации в более тёплую климатическую зону, поближе к экватору. Как говорится, ловить в Подмоскovie, было уже нечего — только собственную деградацию и, в конечном итоге, гибель.

Последним толчком к нашей срочной эвакуации послужили очередные изменения в климате. Начавшееся резкое потепление, как следствие этого, бурное таяние снега, а также учатившиеся ураганные ветры. В результате одного из таких ураганов, был полностью разрушен наш ветряк. Наш единственный источник энергии, не требующий топлива. Пожалуй, это был главный ресурс, за счёт которого мы и выжили в те кошмарные времена, наступившие после взрыва супервулкана. Ветряк, ну и, конечно, мой, сделанный с любовью и умом дом, позволили нам выдержать поистине космические температуры. Когда холод достигал минус ста шестидесяти градусов по Цельсию. После очищения атмосферы от пепла и газа, наконец, появился прямой солнечный свет. Восстановилась и радиосвязь, а также начали функционировать навигационные системы "Джи-пи-эс" и "Глонасс". Можно было уже ориентироваться в этой снежной бесконечной равнине. В среднем, толщина снежного покрова достигала шести метров. При этом снег был слежавшийся, чрезвычайно плотный, только верхний слой, толщиной сантиметров в сорок, был относительно рыхл, человек без лыж в него проваливался. Потом начиналась плотная снежная масса, по которой, по моему мнению, можно было ездить и на обычных автомобилях.

Мои размышления прервала неожиданно ожившая рация, голос Саши от туда начал командовать: — Внимание всем! Четыре часа прошло. Подошло время пересменки. Мы останавливаемся!

Потом из динамика рации донёсся голос Флюра:

— Всё, я торможу! Интендант, который "супер" не отдави мне зад! Граждане, кто желает, может опраться — девочки направо, по ходу движения. Ну, а мальчики, естественно — налево. Только ради бога не перепутайте! И держитесь подальше от мощной струи малого.

Из динамика донёсся отдалённый голос Вики:

— Ну, Флюрушка, опять ты всё опошил!

Ей ответил уже громкий голос Флюра:

— А я, что? Я просто как голос в метро, предупреждаю пассажиров. Ну ладно, могу интеллигентно. Осторожно, спасайся, кто может, сейчас из кабины выходит малой!

И из радиации донесся дружный, трёхголосый смех экипажа нашего первого вездехода. Пока они так развлекались, я успел подъехать вплотную к вставшим плотной группой нашим вездеходам и встать рядом с УРАЛом, управляемым Николаем и его сыном Максимом. Когда я остановился, встрепнулся Сергей. Он непонимающе уставился на меня, потом широко зевнул и спросил:

— Батя, а, что случилось? Что-то шарабан мастера здесь стоит! Сломались, что ли?

Я похлопал его по плечу и сказал:

— Нет, мужик, не дождёшься, просто пришло твоё время потрудиться. А то ты как младенец тут уснул, всю дорогу слюни пускал.

И уже давясь смехом, продолжил:

— Слушай, Малой! Тут по радио предупреждение пришло — что у тебя струя дюже мощная, ты смотри, поаккуратней там, когда выйдешь оправляться.

Этот разговор был услышан по всем нашим радиациям, поэтому из динамика донёлся разноголосый смех. Этот смех подхватил и Сергей, потом он взял радиацию и прямо в микрофон, срывающимся от смеха голосом, начал вещать:

— Не иначе тут Хан выёживается! Наверное, попал, когда то под мою раздачу, всё ещё забыть не может! Ладно, Хан, не обижайся — обтекай потихоньку.

После этих слов, Сергей, с видом победителя, выскользнул из кабины ГАЗона, отошёл метра на три и начал с уханьем растирать лицо ледяным снегом. Я тоже вышел из тёплой кабины, на улице был мороз в сорок градусов, шёл небольшой снег. Из кабины соседнего УРАЛа вылез Николай, вскоре к нам подошёл и Игорь. Ещё на подходе он начал громко сетовать:

— Это ползущее недоразумение скоро меня доведёт! Слушай, мастер, нужно что-то делать с моим вездеходом, а то, боюсь, он скоро развалится. Недавно вот разогнались до скорости, чуть больше 30 километров в час, так на нём ехать стало совсем невозможно, визг стоял, как будто целое стадо свиней пустили под нож.

Коля пожал плечами, вздохнул и ответил:

— Да что тут на этом морозе сделаешь! Нужно перебирать всю гусеничную группу, а это работа не на одну неделю. Так, что Дохтур сам должен понимать — пациент находится при последнем издыхании. Поэтому тебя как опытного Дохтура к нему и приставили. Ты же раньше должен был привыкнуть к крикам умирающих пациентов. Так, что не гони волну, как сдохнет, тогда и отправишься к девочкам на посиделки.

Потом, уже обращаясь ко мне, продолжил:

— Ну что, Толян, делать будем? Похоже, погибает наш ветеран. Жалко! Столько сил было на этот вездеход положено! Всё ещё, перед глазами стоит картина, как вы с Володей, в том производственном цеху в Серпухове, стоите в снопе искр, стачивая детали траков.

После этих слов он опять тяжело вздохнул. На эти слова я ему иронично ответил:

— А ты по этому поводу ещё поплачь, может, полегчает, а если нет, то иди, убейся о борт этого вездехода. Да что вы оба нюни распустили, по этой железке. Сломается, тогда придётся его бросить и нечего тут сантименты разводять. А вообще в своих выводах вы должны, обращаться к народной

мудрости, а она гласит — скрипучее дерево, долго скрипит. Так, что нечего его раньше времени хоронить.

В этот момент, вставший на подножку своего УРАЛа Саша, громко крикнул:

— Ну, что все оправились и размялись? Тогда по коням!

И больше ничего не говоря, залез в кабину вездехода. Я тоже, похлопав ребят по плечу. И сказав известную присказку — бог не выдаст, свинья не съест, — направился к ГАЗону. Когда я уже собирался открывать дверь в кабину, меня опять окликнул Коля:

— Батя, постой, совсем забыл спросить. Затапливать мне печку в моём кунге, как обговаривали на прошлой стоянке? Или может, ну её, я поставил ресивер и подаю с УРАЛа электричество в будку, на полукиловаттный обогреватель. Сейчас залезал в кунг, температура там вполне приличная — плюс десять градусов.

Я повернулся к нему и ответил:

— Да нет, рано ещё затапливать, неизвестно, когда найдём заправку и встанем на стоянку. Когда встанем, тогда и затопим. В случае чего, опять придётся отогреться в женском кунге. Так, что правильно ты всё делаешь. А, что тогда договаривались, не экономить солярку для печки, так, что не скажешь, когда сидишь в такой тесноте. А сейчас сам видишь, какой простор, да и отдохнули качественно, поэтому опять пора подумать об экономии.

Я засмеялся, а потом продолжил:

— Да к тому же, дружище, после того как ты напомнил, что у нас есть ресиверы. Что через них можно подключить: и обогреватель в кунге и дополнительные прожектора на идущем впереди УРАЛе, потребность заранее топить печку, по моему отпала. Сам же сказал, что в кунге сейчас тепло.

В этот момент, открылась водительская дверь ГАЗона и высунувшийся Сергей, громко крикнул:

— Батя, ну скоро ты? Сейчас уже народ тронется. Саша вон уже копытом бьёт!

Я махнул рукой Коле, и чтобы перебить звук двигателя нашего вездехода, тоже крикнул:

— Всё, Мастер, пока! До следующей остановки! Дай Бог, чтобы она случилась у заправки, полной дизтоплива.

После чего я открыл дверь вездехода и с наслаждением уселся в пассажирское кресло. Как только я устроился, Сергей уменьшил обороты двигателя — стало гораздо тише. Я, повернувшись к нему, спросил:

— Ты что газуешь, Малой, топливо не экономишь? С людьми опять же не даёшь побеседовать? Тебе, что не терпится порулить? Может быть, ты фанатеешь от управления вездеходом? Так давай, я тебе с большим удовольствием уступлю свою смену. Сам хоть от души отосплюсь.

Сосредоточенно наблюдая в ветровое стекло, как Коля поднимается в кабину УРАЛа, он ответил:

— Да, ладно, Батя, не злись, тебя бы на моё место. Наш спецназ, за последние пять минут, уже несколько раз по рации вызывал. Всё узнают — все ли готовы к движению. А Флюр так, вообще психует — говорит, что спать может только при движении, когда качает. Привык, видите ли, в детстве в люльке засыпать. Когда узнал, что тебя ещё нет в кабине, кричать начал, гадина, — что мы его сна лишаем!

К моменту окончания его рулады, Николай сел в кабину, дождавшись этого, Сергей взял рацию и сообщил на первый вездеход:

— Алло, Кот, все на месте, все готовы! Можно трогаться.

После чего переключил рацию на приём. Оттуда практически сразу, раздался голос Саши:

— Малой, тебя понял, начинаю движение.

Потом, рацию взял Флюр, плаксивым голосом он продолжил:

— Батя, что же ты нарушаешь наш режим. Мы же привыкли, десять минут помёрзнуть, потом четыре часа поспать. А тут на целых семь минут, мне придётся уменьшить сон. А ты знаешь, что за семь минут, ракеты на орбиты взлетают. А какой сон я упустил за эти семь минут, вай-вай-вай! Где я спрашиваю — наш режим, где забота о личном составе?

Не выдержав, я засмеялся, потом взяв рацию, ответил:

— Где, где — в Караганде! Я тут по своему Швейцарскому хронометру, засёк — базаришь ты уже пять минут. То есть ты сам себя уже лишил сна на целых пять минут, кроме этого, ты и меня, его лишил и уже не на пять, а минимум на пятнадцать минут. Потому, что возраст у меня уже не детский, это ты можешь сразу уснуть, а мне надо подготовиться и успокоится минут десять. Так что, Хан, уймись, ты жестоко мне за нарушение регламента отомстил. Теперь-то отстань, дай поспать спокойно!

Динамик рации донёс, хриплый смех Флюра и тонкий Вики, после чего он сказал:

— Ладно, Батя, один — ноль в твою пользу! Спокойного дня тебе!

Когда мы тронулись, спать мне совершенно не хотелось, я достал большой термос с чаем и несколько бутербродов, и мы с Сергеем устроили, прямо во время движения, небольшой перекус. После чего я достал ноутбук и до начала своей смены, всё анализировал, как нам действовать и какой лучше выбрать маршрут. Чтобы наверняка добраться до Апшеронского полуострова, хотя бы с небольшим запасом топлива. По всему выходило, что единственный вариант, был тот, который предложил Саша. По моим расчётам выходило, что безболезненно мы можем отапливать наши кунги, только девять суток. После этого срока, мы уже залезаем в запас солянки предназначенной для движения. Так, что получалось, что нам можно останавливаться на длительную стоянку, только один раз. Остальные дни оставить на отдых, на льду моря и время для поиска топлива в Баку. Итак, у нас была только одна попытка, откопать топливо на заправке. Я вздохнул и произнёс:

— Пан, или пропал!

Сергей, непонимающе посмотрел на меня и спросил:

— Батя, ты что, сказался?

Я, сосредоточенно разглядывая, проплывающую снежную бесконечную равнину, продолжил:

— Да нет, Серёга, просто жизнь нам не оставляет, никакого выбора — только вперёд. И идём мы туда, постоянно на грани фола, без всякого права на ошибку. И если начнём размазывать сопли, рассуждать о судьбах человечества, жалеть себя — то дорога нам одна, уже наезженная другими в тартарары.

После этого я замолчал, а Сергей задумался. Так молча, мы и ехали до остановки на пересмену. На этот раз стояли мы совершенно недолго, все успели только выскочить, оправиться и Саша объявил о начале движения.

Когда после улицы я залез в тёплую кабину, Сергей уже дремал на пассажирском месте. Даже не пытаясь его потревожить, я потихоньку тронулся за ТТМом Валеры и Наташи. Во время движения, я периодически посматривал на экран системы "Глонасс". Она прекрасно показывала днём наше

местонахождение, но под вечер навигатор, перестал ловить сигналы со спутников. Правда, по этому поводу, никаких панических сигналов с первого вездехода не поступало. Я тоже не стал тревожить рацию, в конце концов, впереди едут профессионалы, они смогут ориентироваться и по компасу. Всё равно я сделать и помочь ничем не смогу, а что-то выспрашивать по рации только отвлекать ребят. В очередной раз я подумал, что мы все-таки не зря именно Сашу и Флюра, выбрали ехать первыми и прокладывать путь для остальных. Пожалуй, из всех нас, только они могли выдержать это напряжение и крайне тяжёлые условия езды из-за этого однообразия, монотонности и отсутствия значимых ориентиров.

Когда подошло время очередной остановки для пересменки, я с большим облегчением растолкал Сергея и вылез из вездехода на улицу. На этот раз я остановился рядом с кабиной ТТМа, в большей степени из-за того, чтобы дать возможность Сергею подольше пообщаться со своей женой, едущей сменным водителем в этом вездеходе. На короткой прошлой остановке, он успел только на несколько минут выйти на улицу оправиться, перед тем как мы сразу тронулись дальше. Сейчас я увидел как он, опять выйдя на улицу, с гиканьем, растёр, свою заспанную физиономию, холодным снегом, а потом быстро, заскочил в кабину ТТМа. Ко мне в это время подошёл Валера. Вид у него был какой-то утомлённый, а глаза воспалённые, красные. Я его спросил:

— Ты что такой измученный, как будто на себе тащил всю дорогу вездеход? А может Наташка тебя пользуется всё это время и не даёт спать?

Он снегом протёр глаза, потом закончив это, посмотрел на меня уже более ясным взглядом и сказал: — Кончай, Батя, эти дебильные шуточки! А по правде говоря, это ты виноват, что я так замотался и, практически всё последнее время, не отдыхал. Кто меня озадачил — мол, Валера подумай, как нам сделать, хотя бы небольшой ветряк? Вот я на ноутбуке, всё последнее время и пытаюсь, разработать проект. И сам понимаешь, какое будет состояние, когда на коленках пытаешься сделать такую вещь. Думаю в "шарашках" люди работали в гораздо лучших условиях.

Я озадаченно, поправив шапку, ответил:

— Слушай, а кто же мог знать, что ты прямо во время дороги начнёшь это рассчитывать. Это же нужно не прямо сейчас. Ты что хочешь на сто процентов, соответствовать пословице — от работы, конидохнут. Тогда запоминай моё новое распоряжение — когда не твоя смена, обязательно спать. Тем более сам знаешь, когда найдём заправку — придётся поработать на все сто. Долго стоять там нельзя, отдыхать будем только в Баку, да и то если найдём быстро дизтопливо. А может и так получится, что там, в авральном порядке, придётся мастерить систему, для перегонки сырой нефти в солярку. Так, что, Коняга, не занимайся садомазохизмом, отдыхай, пока есть возможность.

Валера, смотря куда-то вбок и чему-то, улыбаясь, произнёс:

— Да понял я, Батя! Уже и сам решил, предстоящие четыре часа поспать. А до этого, просто сам увлёкся этим вопросом. И самое интересное знаешь, что? По моему мнению, у меня получилось сделать проект ветряка. Конечно, не такого мощного, какой у нас был, а всего-то на пять киловатт. При этом все детали и агрегаты у нас есть в наличии, кроме, пожалуй, лопастей и стояка. Но их я, думаю, можно будет сделать в любом городе, откопав от снега вход в какую-нибудь производственную базу.

В этот момент из кабины ТТМа вылез, улыбающийся и довольный Сергей, что-то дожевывая, он скороговоркой произнёс:

— Этот неуёмный Хан, опять требует закругляться и занимать свои места согласно купленным билетам. Грозит, сволочь, пустить Кота — контроллёром. Мол, он всё проверит, и если, что не так, то быстро яйца открутит. А ещё говорит — кто опоздает, он может направить и Доктора с клизмой. Услышав это, мы с Валерой дружно рассмеялись. Потом я сквозь смех сказал:

— Ну ладно, Валера, пока! Не будем доводить Флюра до исступления и пожалеем Кота и Дохтура. Тем более у меня сейчас по билету спальное место и надо быстрее его занимать. К тому же сейчас становится темно и можно будет душевно поспать без тёмных очков.

Сказав это, я направился устраиваться на пассажирское место нашего ГАЗона.

Когда мы тронулись, минут через пять, я просто провалился в сон. Для меня прошло буквально мгновение, когда уже Сергей начал будить меня, опять пришло время, садится за управление вездеходом. Эта остановка, опять была очень короткая. Я даже не успел на улице докурить сигарету, когда по радиации Саша объявил о минутной готовности к началу движения. Минут через пять, когда мы тронулись, я по радиации вызвал первый вездеход. Микрофон взял Флюр, узнав о самочувствие экипажа, я спросил:

— А куда вы всё так гоните, даже спокойно перекурить не даёте. Да и скорость, довольно большую держите. Ты ведь знаешь, что у заправщика начинаются проблемы, если скорость выше 25 километров в час. Неужели тебе не жалко, ушей нашего Дохтура и Тани? Ты вот давеча грозился к опоздавшим Доктора отправить. Но чувствую, он скорее к тебе с клизмой пожалует. Приём!

Из динамика раздался, какой-то надорванный голос Флюра:

— Батя, ты как будто бы не знаешь, зачем мы в последнее время, особенно, когда начало темнеть, гоним поезд. Сам же понимаешь, что в тёмное время, нужно проехать большее расстояние, чтобы вероятность найти заправку была больше. Я же тебе уже объяснял, что в прибор ночного видения, гораздо проще заметить, признаки нахождения заправки. Сейчас в нашем экипаже, вообще никто не спит, оба моих напарника внимательно изучают нашу трассу в приборы ночного видения. Так, что, Батя, когда найдём заправку, с тебя дополнительный отдых и паёк. И сам понимаешь, нам с Саней ещё полагается несколько капель спиртяжки, чтобы снять это жуткое напряжение. Приём!

Выслушав это, я совершенно серьёзным голосом, сказал в микрофон радиации:

— Хорошо, Хан, договорились! Когда найдёте заправку, пойдёте отдыхать, а мы начнём её откапывать. И от всех нас вам будет полагаться не спиртяжка, а грамм по двести, настоящего Французского коньяка. В запасе у Володи ещё осталось его, пару бутылок. Но этот суперприз, будет вам полагаться, если на заправке окажется топливо. Приём!

Из динамика радиации, раздался какой-то стук, скрип, потом оттуда донёсся голос Вики:

— Пап, ты своими разговорами отвлекаешь нас от дела.

Потом из радиации опять сквозь скрип прорезался голос Флюра:

— Да, Батя, заметано! А-а-а!

Из динамика, донесли звуки борьбы за радиацию. Потом, торжествующий голос Вики заявил:

— Пап, знаешь, что своим упоминанием про коньяк ты перевозбудил две трети нашего экипажа. Теперь даже и не знаю чем их успокоить и посерьёзней отнестись к текущей задаче. Наверное, придётся, сейчас надавать им тумачков. А ты, папуль, прекрати разлагать мой экипаж, и больше без дела не вызывай нас по радиации. Всё пока, до встречи на заправке!

После этого радиация замолкла. В таком молчании я управлял вездеходом часа три и уже начал

высчитывать, через, сколько минут начинать будить Сергея. И тут рация опять ожила, из неё раздался радостный возглас Вики:

— Ура, Ура! Это я её обнаружила, значит, я буду делить коньяк!

Потом из динамика, раздался серьёзный голос Саши:

— Батя, вроде бы нашли заправку, по крайней мере, вышку громоотвода и столбы освещения вижу отчётливо. Сейчас мы туда подъезжаем и останавливаемся. Всё связь заканчиваю — до встречи на заправке!

Глава 3

Минут через десять мы все собрались у этого места и вышли из вездеходов. Рассвет только начинался, и было ещё темно. Поэтому Флюр отогнал свой УРАЛ немного подальше, чтобы осветить всю территорию предполагаемой заправки своими четырьмя дополнительными ста пятидесяти ваттными прожекторами. При этом свете рельефно выделялись и торчащие верхушки столбов освещения и столб громоотвода и большой снежный холм, под которым обычно скрывался навес над бензоколонками. Недалеко от этого большого холма был небольшой высоты, но длинный снежный вал. Скорее всего, под этим валом скрывались ёмкости с топливом.

Осмотрев всё это, мы единодушно признали, что признаки заправки однозначно присутствуют. Поэтому решили встать на длительную стоянку, и начинать копать снег. Правда, вопрос, где копать, вызвал довольно жаркий спор, Саша с пеной у рта доказывал:

— Мужики! Давайте экономить время и не заниматься пустой ерундой. Все же прекрасно знают, что после потепления все пустоты под снегом заняла вода и теперь там сплошной лёд. И надо быть наивным дурачком, чтобы надеяться, что здесь под навесом, мы спокойно пройдем в операторскую будку, подключим как раньше насосы, и наберем, сколько нам нужно топлива. Поэтому предлагаю сразу начинать откапывать хранилище топлива, а не надеяться на исправные насосы и гостеприимно распахнутые двери в операторскую будку.

Коля же не менее яростно доказывал:

— Ещё неизвестно, заправка ли это! И что ты вояка, можешь знать о насосах. Наоборот мы сэкономим массу времени, если откопаем операторскую. Если даже под навесом сплошной лёд, мы бензопилами прорежем узкий проход в операторскую будку. А там уже, если даже насосы не работают, мы по датчикам определим наличие топлива на заправке, и имеет ли смысл копать дальше. И согласись, если на заправке нет топлива, это получится гораздо быстрее и экономичнее. А если на заправке есть топливо, то в принципе какая разница, сколько времени мы тут проковыряемся и сколько сожжем лишнего топлива. Поэтому я предлагаю откапывать традиционно.

Мы внимательно выслушали аргументы обоих, потом Володя задал вопрос Коле:

— Мастер, а ты уверен, что сама операторская не заполнена льдом? Твои рассуждения оправданы если сам зал операторской не был заполнен водой, то есть был герметичен, как отсек в подводной лодке. Тебе самому-то над этим не смешно? Если же операторская была затоплена, то всей электронике — крышка, и мы никак не узнаем о наличие топлива в ёмкостях. Поэтому я за предложение кота.

Все эти споры прекратил я, сказав:

— Эта полость под навесом, как и операторская, наверняка заполнена сплошным льдом. Такая быстрота, Коля нужна только при ловле блох, а мы экспериментировать не имеем право. Лучше уж

потратить точно запланированное время, но гарантированно получить результат, чем надеяться на работу, якобы действующих датчиков. При такой ситуации надеяться на исправно работающую электронику мы не можем. А сомнения по поводу того, что это заправка, совершенно беспочвенны. По данным навигаторов "Джи-пи-эс" и "Глонасс" мы находимся практически точно на трассе, Москва — Астрахань. А что может здесь находиться другое — с громоотводом, столбами освещения, вдали от населённых пунктов? Так, что я однозначно за предложение Саши.

В конечном итоге Коля с нами согласился.

После этого разговора, мы начали обустройство лагеря и заправку нашей техники.

Лагерь начали делать по обдуманному ещё дома принципу — установили УРАЛы с кунгами, параллельно друг другу на расстоянии двух метров и установили между дверьми мостик. Его мы изготовили ещё дома и везли на крыше одного из кунгов. Мостик был с перилами, всё-таки высота была более двух метров от уровня снега. Уже к мостику крепилась лестница для спуска на снежную поверхность. Когда мы связали оба кунга мостиком, я попытался отправить экипаж нашего первого вездехода отдыхать, но они все отказались, при этом Саша резонно заметил:

— Батянь, ты же сам понимаешь, что ни в одном из кунгов сейчас спать не устроишься. В женском кунге, дети не дадут и минуты спокойно отдохнуть, а в мужском сейчас сильно холодно. К тому же скоро туда придут женщины готовить нам обед. А когда перекусим, я думаю уже мы все, завалимся спать.

После этого разговора, я уже со спокойной совестью, поручил им заняться заправкой наших вездеходов. Мы с Колей пошли заводить снегоуборщик, Валера делал освещение, а остальные в это время устанавливали мостик и занимались хозяйственными делами.

Снегоуборщик мы завели довольно быстро, и по приставленным к саням доскам Коля съехал на нём в снег. После чего прямым ходом направился откидывать снег с предполагаемого места нахождения ёмкостей с топливом. Мы с ним договорились копать широкую траншею на всю длину снежного вала. Именно там я предполагал, и находились ёмкости с топливом. По моим старым воспоминаниям баки, как правило, были вкопаны в землю друг за другом, и на высоту где-то полуметра, выглядывали только их горловины. Примерно такая же форма была и у этого невысокого пилообразного вала. Если бы за счет искусственного освещения с одной стороны, эти холмики не давали контрастной тени, их можно было и не заметить.

Чтобы не замёрзнуть, работали мы посменно, через каждые двадцать минут бегая отогреваться в женском кунге. Работали в течение двух часов, до того момента, пока нас не пригласили за уже накрытые столы в мужском кунге. Следом за нами пришли и Саша с Флюром, они тоже только, что заправили последний вездеход. По моему мнению, вид у них был гораздо бодрее, чем у нас с Николаем, не смотря на то, что они ехали первыми и последние две смены практически не отдыхали. Остальные наши водители, уже чинно сидели вдоль столов и как голодные коты внимательно следили за манипуляциями Маши у плиты. Когда мы пришли, то внесли некоторое оживление в это молчаливое, голодное, царство. Николай, когда разделся, сразу же заявил:

— Так я и знал! Эти бездельники уже сидят с ложками, а нам с тобой, Батя, даже место не подготовили. Хотя мы и занимались основной работой, ради которой здесь и встали на стоянку. Да! Не уважает молодежь наших седин, хотя мы с тобой, Толь, единственные тут, настоящие деды — аксакалы, можно сказать.

Он демонстративно начал поглаживать, свою начинающую отрастать бородку. Я и раздевшиеся Саша с Флюром, в это время, заняли места на боковых лавках, оставив ему самое неудобное место в конце второго стола. Маша к этому времени, тоже закончила кашеварить и начала подавать на стол полные тарелки с супом. Передав первую порцию, она подтолкнула Колю, и сказала:

— Аксакал, ты бы не мешал, а то так можешь остаться вообще без обеда. Придется тебе жевать свою бороду. Вон смотри, пока ты базарил — место тебе оставили только в конце столов. А будешь продолжать, и суп твой молодёжь слопает — не поморщится.

В этот момент в беседу включился Саша, он, опуская ложку в непонятно как оказавшуюся рядом с ним, первую тарелку, изрёк:

— Мастер, ты говори, говори! Можешь ещё постыдить присутствующих! Только знай, здесь все жутко смелые, а ты сам знаешь, народную мудрость — кто смел, тот и съел. Так, что против мудрости не попрёшь!

Придвигающий себе вторую тарелку супа Флюр, захохотал, потом продолжил мысль Саши:

— Да, Сань, правильно, пускай, говорит. Нам же положена за обнаружение заправки, дополнительная порция, вот его доза и пойдёт нам на добавку. Ха-ха-ха!

После этих нападок, Коля, как-то стушевался и полез устраиваться на свободное место в конце столов.

После обеда мы устроили обсуждение наших дальнейших планов и действий. Как обычно Володя произвёл расчёты того сколько мы потратим топлива на раскопку этой заправки. Получалось как-то пугающе много, поэтому, все начали размышлять, как нам сократить этот расход. Сам Володя сказал:

— Я, если прямо сказать, не вижу другого способа, сократить расход топлива, кроме как сократить время раскопки этой заправки. А как уменьшить это время, вижу тоже только один способ — работать нужно круглосуточно.

Немного оттаявший и подобревший после обеда Коля, тоже внёс своё предложение:

— У нас тут полно, смелой и отожравшейся молодёжи, которой наплевать на какие-то сорок градусов мороза. Поэтому, зачем нам постоянно прогревать вездеходы. Лучше давайте сэкономим солярку, а перед отправлением эти орлы поковыряются на морозе с часик, чтобы завести каждый вездеход, вот весь гонор с них и спадёт.

Эти слова сразу же подхватил и Володя:

А что, дельная мысль! Пускай помёрзнем, запуская наши колымаги, но зато, сколько сэкономим солярки. Если теоретически будем стоять здесь трое суток, то считай около ста литров. К тому же температура то повышается, уже сегодня -38 градусов, а через три дня, может быть и выше -35 градусов. А при таком морозе, из нашего опыта мы знаем, что не так уж и трудно запустить двигатель вездехода — если конечно использовать пускач.

Чтобы как-то закончить эти разговоры и начинающиеся бесполезные препирательства, я тоже высказался:

— Всё, мужики, понятно, значит, решаем — работать круглосуточно по сменам. И двигатели вездеходов всё это время не прогреваем. Смена будет продолжаться три часа, по два человека. Мы с Колей два часа уже оттрубили, сейчас ещё час отработаем и отдыхать. Потом наступает очередь Сергея и Валеры и далее, по порядку движения наших вездеходов, ну сами понимаете, женщин мы

из нашей очерёдности исключаем. Так же в первый круг мы пропускаем экипаж нашего передового УРАЛа, ребята и так умотались, разыскивая эту заправку, пускай хоть немного отдохнут.

После моих слов, никаких возражений не последовало, и мы, с Колей молча, выбрались из-за стола. Стали одеваться, чтобы идти отрабатывать, оставшийся час нашей смены. Пока одевались, мы с ним договорились, что первым, в течение получаса, будет работать он, а я уже буду заканчивать нашу смену. Поэтому я просто накинул на себя тулуп и вышел покурить на мостик, между кунгами. Потом помог Маше перенести остатки супа в женский кунг и обратно зашёл в наше жилище. Все ребята, кроме Валеры и Сергея уже улеглись на свои спальные места, а они собирались ждать окончания нашей смены. Сняв тулуп, я удивлённо сказал:

— Малой, я просто тебя не узнаю! Ты же в кабине использовал каждую свободную минуту, чтобы поспать. Ты же нарушаешь свой принцип — солдат спит, служба идёт. Как же так, такого непринципиального, тебя же Наташка разлюбит!

Он ухмыльнулся и ответил:

— Конечно, разлюбит, если мы будем жить как в казарме, а они как в институте благородных девиц. А вообще-то, Батя, ты самой главной моей черты характера не знаешь — это громадная лень. Вот этому принципу я никогда не изменяю, а сон это просто следствие этой черты. Поэтому нежелание сейчас ложиться, это просто лень — сейчас раздеваться, а потом через полчаса снова одеваться. Вон конь — это фанатичный трудоголик, каждую свободную минуту, на ноутбуке, что-то рассчитывает. Вот псих-то! От него Татьяна, точно скоро сбежит!

Действительно, Валера, сидя за столом, уткнулся в свой ноутбук, и даже не слышал, что о нём говорят. Я подошёл к нему и заглянул на экран, там была нарисованная схема лопастей ветряка и какие-то расчёты. Помахав, перед его глазами рукой и увидев, что он посмотрел на меня, я сказал: — Коняга, ты, что забыл наш недавний разговор, о неразумных конях? Мы же договорились, что займёмся все вместе ветряком, только в Баку, когда найдём топливо. Так, что заканчивай это мозгодрочество, лучше иди в женский кунг. Татьяну повидай, может она наставит тебя на путь истинный.

Глядя на меня, в глазах Валеры, появилась какая-то осмысленность, и понимание окружающей действительности, но всё равно его ответ был связан с ветряком:

— Понимаешь, Батя, конечный результат, он совсем рядом, осталось совсем чуть-чуть. Для грамотного расчета лопастей и стояка, нужны, конечно, Володя и Коля, но я пытаюсь пока сделать черновые расчёты, чтобы им потом было полегче.

Я похлопал его по плечу и как больному, ласково сказал:

— Ну, вот и чудненько! Ты сам всё прекрасно понимаешь! Сейчас сюда придет Николай, так ты его не жалея, а озадачь вопросом этих расчётов, пускай полчаса до окончания смены, порешает эту задачку.

Посмотрев на часы, я увидел, что практически подошло время моей смены, поэтому не став дальше вступать ни в какие разговоры. Я поспешно оделся и пошёл сменять Николая. На всякий случай с собой я захватил канистру с бензином, всё-таки без заправки, непрерывно, снегоуборщик работал уже два с половиной часа. К моему приходу Коля уже срезал верхний, рыхлый слой снега и теперь еле-еле двигался на "Хонде" срезая более плотный слой снега. Ширину вырытой траншеи он как мы и договаривались, держал три с половиной метра. Из нашего опыта, при такой ширине траншеи,

было возможно снегомётом выбрасывать снег с глубины четыре метра. Увидев меня, он еле слез с сидения снегоуборщика, вся борода его была покрыта инеем. Он настолько замёрз, что его фразу, — ты, в-в-вовре-мя по-по-подо-ш-шёл, — я понял с трудом. Отправляя Колю греться в кунг, я его попросил:

— Слушай, Мастер, ты там всё-таки посмотри расчёты, лопастей и стояка ветряка, а то ещё Валера, не дай Бог — умом тронется.

Когда я остался один, то заправил "Хонду", и начал медленно вгрызаться на ней, в этот тяжёлый спрессованный снег. Когда меня пришёл сменить Сергей, я, так же как и Коля, еле сполз с сиденья снегоуборщика. Дрожащим от мороза голосом пожелал успехов в труде и медленно направился в тёплый кунг. Основная трясучка на меня напала, когда уже в тёплом помещении, я снял тулуп и валенки. Минут пять я крутился, возле горячей печки, отогревая все конечности, потом повернулся и сказал:

— Мастер, всё-таки мы опрометчиво сделали последнюю смену по полчаса, до этого работали по двадцать минут и никаких проблем с холодом. А за эти полчаса, я почти, что совсем задубел. Да и на тебя было жалко смотреть, когда ты шёл сюда.

Потом обращаясь уже к Валере, продолжил:

— Но зато вам повезло, как умные люди вы должны учиться на ошибках других. Я думаю, меняться всем сменам надо через двадцать минут.

После этого я уселся за стол и налил себе горячего чаю из электрического самовара и продолжил нравоучения:

— Мужики, заканчивали бы вы эти посиделки. Сами должны понимать, что этим, сейчас мы ничего не добьёмся, а только увеличим затраты электроэнергии. И сейчас скажу вам одну умную мысль, которая посетила меня, когда я сидел на снегоуборщике и ужасно замёрз. Тратя лишнюю электроэнергию, мы обижаем наших курей.

Я замолчал, отпил горячего чаю, улыбнулся и продолжил:

— А, что разве не так — подача электричества в грузовой отсек ГАЗона уменьшается, значит, обогреватели там работают с меньшей мощностью и соответственно температура понижается. Бедные курочки начинают мёрзнуть и перестают нестись. Так, что молитесь бога, чтобы об этом не подумали наши женщины и не связали наши посиделки с уменьшением количества яиц. А то боюсь, как бы ни оторвали наши!

Услышав это, Коля засмеялся, потом дал шуточный подзатыльник Валере и сказал:

— Конь, до тебя дошла, сия мысль! А насчёт расчётов я всё понял, как только тронемся, я забираю у тебя ноутбук, там, в пути на досуге я всё посчитаю и проверю твои выкладки. Потом мы дадим, всё посчитать Володе и я думаю, когда доедем до Баку, проект полностью доделаем. А там думаю, раскопаем вход в какое-нибудь предприятие и за пару дней, сделаем всё в металле.

После этого Валера закрыл ноутбук, передал его Николаю, встал и пошёл одеваться. Я посмотрел на часы, действительно, если они с Сергеем будут меняться через двадцать минут, то ему уже пора выходить. Когда Валера ушёл, мы с Колей быстро разделись и улеглись на свои спальные места.

Несмотря на бьющее из окна солнце, я уснул ещё до прихода Сергея на обогрев.

Разбудил меня, разгоревшийся в нашем кунге жаркий спор, а именно громкие выкрики Флюра:

— Взрывать, нафиг! Нужно там насверлить отверстий, электробуром, и взорвать к чёрту весь этот

лёд. Гранат у нас в запасе ещё полно.

Ему отвечал, более спокойный, басок, Николая:

— Пилить! Только пилить! Так нам завещал великий Паниковский. Шура, пора доставать бензопилы! Кот, я серьёзно, ты же их куда-то укладывал, не заставляй Володю, рыться в инвентаризационных списках.

Открыв глаза, я присел на своём матрасе, и моим глазам предстала живописная картина. За столом сидели, попивая чай, легко одетые, Саша, Володя, Коля и Игорь, а перед ними стоял Флюр — размахивая руками, одетый в тулуп, валенки и шапку-ушанку. Непроизвольно у меня вырвался громкий смех, который разбудил спящего рядом, Сергея. Тот подскочил, удивлённо вытаращил глаза и фальцетом, запричитал:

— Что, что такое случилось? Где, где я? Где моя жена? Куда вы дели Наташку?

Тут уже все начали смеяться, и тем больше чем, больше краснело и становилось глупей лицо Сергея. Коля вообще скатился с лавки на пол и там катался, стуча кулаками по его поверхности. Когда мы, наконец, отсмеялись, проснулись до этого спавшие, Максим и Валера. И мы стали наперебой выпрашивать — что же, в конце концов, случилось? Отвечать стал Саша, сначала он еле сдерживая смех и глядя на Сергея, сказал:

— Ну, ты, Малой, как обычно, в своём репертуаре! Как всегда, тебя в самый неподходящий момент выдернули в жуткую реальность, из твоего параллельного, уютного мирка. Ну что же делать дружище, придётся тебе в который раз поморозить свою драгоценную задницу.

Потом он, глядя прямо на меня, уже другим тоном, продолжил:

— Всё, Батя! Похоже, пришёл конец нашей лафе, теперь придётся поработать ручками. На глубине трёх метров в нашей траншее, пошёл обледеневший снег. Наш снегоборщик, совершенно бесполезен, он никак не желает вгрызаться в этот лёд. Вот мы сидим тут и думаем, как нам дальше действовать?

Я не удержался, и, перебивая его, спросил:

— Сашок, я что-то не понял, вы же должны были пропустить эту смену. Я думал вас увидеть, лежащих на своих местах и смотрящих седьмой самый сладкий сон. Какого чёрта Флюр направился работать? Вы же и так делаете больше, чем каждый из нас и хотя бы когда стоим, должны хорошо отдохнуть.

В наш разговор, встрял Флюр, он вместо Саши ответил:

— Э-э-э, Батя! До отдыха ли сейчас! К тому же мы за это время, вполне нормально восстановились. Например, я готов хоть сейчас идти бурить шурфы, для закладки взрывчатки.

Продолжавший ещё сидеть на полу Николай, протестующее воскликнул:

— Какие, к чёрту шурфы? Ты, Хан, совсем ополоумел со своей взрывчаткой! Только пилить!

Все же помнят, как мы удачно вскрывали бензопилами, ту Совхозную заправку. Как говорится — без шума и пыли. А тут ты представь, ну разрыхлишь ты лёд этими взрывами, а дальше то что?

Снегоборщик вряд ли возьмёт эту ледяную смесь, наверняка там будут крупные куски льда.

Экскаватора у нас нет. И остаётся, что? Правильно — только лопаты и наши руки. А интересно, как ты будешь лопатами выкидывать, эту ледяную крошку, с такой глубины? Нет, только пилить!

Он замолчал, поднялся с пола и уже стоя продолжил:

— Нет, ребята — только распилка льда на блоки и вынос их вручную, поможет нам относительно

быстро откопать эти топливные баки. Ту Совхозную заправку, мы же за три дня откопали, так и эту откопаем.

Неожиданно Николая поддержал Саша, он сказал:

— А что, Мастер прав, пилить оно вернее. К тому же, Флюр тут тебе не уголь, а всё-таки бензохранилище. Кто знает, может быть взрывом, пробьёт ёмкость с бензином, и, не смотря на такие морозы, детонирует бензиновая взвесь. И тогда где мы все будем? Правильно, придется держать отчёт, перед богом, за свои деяния, на этой грешной земле. Так, что Шура, поддерживает героя классического романа — нужно пилить.

Тут и я влез в этот спор, своими словами прекращая его, обращаясь уже ко всем, я сказал:

— Вот тут я долго слушал наших спорщиков, правда, так и не понял, а что спорить то? По моему мнению у нас давно уже отработана технология раскопок. До четырёх метров глубины роём снегоуборщиком, а потом нарезаем блоки и вручную их выносим. В этом случае разница то не очень большая, подумаешь, вручную будем копать на метр больше. Конечно, имеется одно большое отличие, от обычной нашей работы — это температура. Обычно при таком морозе мы сидели дома и начинали наши работы, только когда мороз был не ниже 20 градусов. Но, что делать, такова, по-видимому, наша планида. А сейчас нам нужно разделить на две бригады, и посменно продолжать работать. К работе по переноске блоков носилками, придётся привлечь и наших женщин. Ширину траншеи как обычно, при таком способе работ, начинаем делать полтора метра.

После этих моих слов, все споры прекратились, и мы начали делиться на бригады. Флюр пошёл приглашать к нам в кунг женщин. Когда все собрались, мы практически без всяких споров, сформировали две бригады по восемь человек. И буквально через десять минут, первая бригада направилась на работу, время смены определили в полчаса. Николай по этому поводу сказал: — В этих условиях, ручной работы, когда постоянно двигаешься, за тридцать минут, промёрзнуть будет невозможно. Это не сидеть неподвижно за управлением снегоуборщика.

И опять началась наша уже привычная, монотонная, нудная, противная работа. Эта экстремальная температура, очень сильно снижала нашу производительность. Несмотря на первоначальное желание работать круглосуточно, мы были вынуждены сделать восьмичасовые перерывы на сон. Два человека из бригады, бензопилами напиливали ледяные блоки, и потом ломami и штыковыми лопатами раскачивали их, отрывая от ледяного монолита. Три пары, на носилках, по вырезанным ступеням выносили вырезанные блоки и ледяную крошку, из этой своеобразной шахты.

На четвёртые сутки, стоянки у этой заправки, мы, наконец, пробились к горловинам топливных ёмкостей. Несмотря на то, что уже стемнело, и пора было идти на ужин, все единодушно пожелали вскрывать, наиболее откопанный люк. Несмотря на 37 градусный холод, все собрались, вокруг вырытого котлована, даже Маша и Рита с детьми, вышли на этот холод. Вскрывали эту крышку горловины, топливного бака, Саша и Флюр. Они ломami отбили остатки льда, потом теми же ломami, подцепили крышку и вскрыли этот бак. Потом прожектором осветили, внутренность ёмкости. Уже по тому, как с корточек поднялся Саша, я всё понял, что и подтвердили его слова: — Отсос! Пусто, как в стакане у горького пьяницы!

Он с досадой, отбросил лом в дальний конец котлована, и пошёл подниматься вместе с Флюром наверх. На их место, бросились все остальные наши мужчины, чтобы собственноручно убедиться в справедливости его слов. Охватившее после этого, нас всех уныние, трудно описать словами. Уже ни

у кого не было желания, вскрывать соседние баки, никто уже не верил в наличие там топлива. Вслед за ребятами, побросав инструменты, все понуро побрели в тёплые кунги.

Перед лестницей я немного попридержал Володю и спросил у него:

— Слушай, Интендант! Скажи-ка мне, сколько у нас в запасе осталось спиртного?

Володя практически сразу не думая ответил:

— Совсем немного, хватит на пару хороших пьянок, если считать, конечно, без спирта. Его я не знаю, сколько осталось, он весь находится у нашей медицины — у Дохтура.

Я ему подмигнул, и спросил:

— Ну, ты понял, зачем я тебя сейчас остановил?

Он усмехнулся и сказал:

— Да уж тут самый тупой поймет! Хочешь устроить релаксацию, после этого печального события?

Ну, что же я не против этого. Только у меня есть один вопрос, — какой глубины будем делать эту релаксацию? А если без всяких твоих заковырок — сколько доставать бутылок?

И учти у нас осталось только семь литровых бутылок Французской водки "Грей Гооз", одна коньяка и три бутылки Шотландского виски.

Я на секунду задумался, потом ответил:

— Да, с таким количеством народа, особо тут не разгуляешься! Ладно, ёрш делать не будем, оставим это на совсем уж гнилое событие. А давай-ка, друг мой ситный, доставай три бутылки водки и больше ни-ни, а если народ начнёт наезжать, ты стой как Панфиловцы, под Дубосеково, ни шагу назад.

Потом я еще немного подумал, и продолжил:

И знаешь, что ещё Володь, доставай-ка ты из резерва, и банку чёрной икры. Мастер от неё просто звереет, а его энергия, нам завтра будет просто необходима. Он завтра будет основной при запуске нашей техники и поверь мне — при таком морозе это будет нелегко.

Я опять замолчал, а Володя посмотрел на меня с усмешкой и сказал:

— Слушай Бать! А ты уверен, что три литра, нам на всех хватит залить эту неудачу, не забывай, сегодня пить водку будут все, тем более с такой закуской. А тут выходит чуть больше ста пятидесяти грамм на человека. Может быть женщинам и достаточно, но нам-то маловато. Нужно хотя бы грамм по двести пятьдесят на рыло.

Я без особого сопротивления, сдался, услышав эти слова, и тоже с усмешкой, произнёс:

— Ладно, чертяка, уговорил! Но только ещё одну бутылку, а потом стой как скала. И ещё, ты сейчас выстави две бутылки, потом когда наедут, выстави ещё одну, ну, а потом, когда совсем придавят, доставай последнюю.

Таким образом, договорившись, мы поднялись по лестнице, и самые последние вошли в наш кунг.

Кроме Риты, оставшейся с детьми в женском кунге, здесь были все. На лицах присутствующих читалось какое-то тревожно-подавленное состояние. Все были грустные и молчаливые. В помещении слышались, только звуки, отодвигаемых скамеек, скрип матрасов на спальнях местах, там усаживалось большинство наших женщин и звон посуды, издаваемые Машей и Галей, они начинали раскладывать по тарелкам наш ужин. Разговоров, а тем более шуток, как обычно у нас бывало, не было слышно совершенно. Первым, кто нарушил, это гнетущее безмолвие, наверное, был я. Нарочито бодрым голосом я объявил:

— Дамы и господа, в связи с окончанием, нашего безумного эксперимента, по поиску топлива и в целях приведение нас в состояние гончих псов (прошу не путать с загнанными псами), объявляется время релаксации.

Я повернулся к Володе, театрально, взмахнул руками и крикнул:

— Володя, пожалуйста — приз в студию!

Он так же театрально, сунул руки в антресоль, и вытащил оттуда две литровые бутылки водки.

Потом передал их Флюру, поднял правую руку и громко, фальцетом, объявил:

— Это ещё не все, господа! Второй номер суперщедрости Бати вы увидите буквально через минуту.

После этого, он, накинув на себя верхнюю одежду и надев валенки, выскользнул из кунга. Один я знал, что он пошёл доставать из грузового отделения ГАЗона, икру и другие консервы. У нас в этом большом отсеке, был плюсовой холодильник, температура посредством термореле там постоянно поддерживалась плюс три градуса. Это было хорошо, как для продуктов, так и для курей, перевозимых в этой же будке. Между тем, эти две бутылки, внесли немалое оживление в это сонное царство. Флюр, первоначально немного ошарашенный видом переданных бутылок. Поставил их на стол и кинулся доставать рюмки. Ему стали помогать Коля и Саша, на этом же пятачке, возле плиты, находилась и Маша, естественно — возникла толчея. Раздались: звон упавшей и разбившейся тарелки, гневные вскрики Маши и, в конце концов, громкий хохот участвующих в этом ребят. На лицах остальных, появились первые за этот вечер, улыбки.

Через несколько минут появился и Володя. Он торжественно внёс в кунг, большую банку чёрной икры и несколько банок консервированной ветчины и оливок. Больше всех оживился от этой картины Николай, он, потирая руки, вождественно произнёс:

— Ай да Батя, ай да сукин сын. Я-то думал, что икру съели ещё дома и теперь её можно будет только увидеть в сладких, гастрономических снах. А тут сон наяву! Слушай, Толян, за такую жрачку, я готов ещё одну бензозаправку, голыми руками отрыть.

Я усмехнулся, его словам и иронично сказал:

— Вот завтра и проверим, твой боевой настрой — ты назначаешься главным, по запуску и прогреву наших вездеходов. Бери в помощь ещё трёх человек и давай — дерзай. А остальные займутся, подготовкой к отъезду и вскрытию остальных топливных ёмкостей. Вдруг нам всё-таки повезёт и в одной из них осталось хотя бы пару тонн солярки. Проверили то мы всё-таки бывшую ёмкость с бензином. А вдруг солярка у мародеров, не пользовалась популярностью.

На мои слова, засмеялись даже, придвинувшиеся поближе к столу, наши женщины. После того как все, разомлев от выпитых двух литров водки и вкусной закуски, развалились на лавках и на первом уровне наших нар, решил высказаться Сергей. Он начал говорить, помогая себе, взмахами обеих рук:

— Эх вы, расчётчики и планировщики, несчастные интеллигентишки! Вот я, простой рабочий человек и то мог бы лучше спланировать нашу поездку. Вы все — тупицы! Вот сами посудите, вы почему-то при расчёте принимаете, что по Баку мы будем ездить всем стадом, на всех вездеходах. Естественно, в день тогда получается безумный расход солярки. И почему-то ни один наш яйцеголовый не подумал, какого чёрта ездить всем вместе? Почему не пустить на разведку наш самый экономичный вездеход — ГАЗон. Вот пускай наши компьютерные ассы, посчитают, насколько нам тогда хватит солярки? Я хоть и не могу работать с вашими компами, но и так могу с уверенностью сказать — хватит минимум недели на две плотной разведки. А за две недели мы

прочешем, частым гребнем, весь ваш сраный Баку. И, что вы так, мечтаете об этом Баку? Прямо — святочье в небе! Что там, мёдом всё намазано? На кой хрен он вообще нам нужен? Вы сами подумайте, вашим окостеневшим мозгом — где легче всего найти солярку?

Он оглядел всех, немного осолопевшими глазами и продолжил:

— Во, блин, интеллектуальная элита! Не знаете? Тогда скажу вам я — пролетарий в пятом поколении. Искать надо там, где расположены буровые вышки. Могу объяснить — почему! Во-первых, мы их быстро найдём, потому что сможем, издали увидеть. Во-вторых, все буровые работают на дизельных двигателях и естественно, там должен быть приличный запас солярки.

Сказав это, он повернулся к сидевшей рядом Наталье, подмигнув ей и, усмехаясь, заметил:

— Ну, что, Наталья, утёр я нос этим интелеям? Пусть знают, что мы тоже — не лыком шиты!

После этого он, повернувшись и глядя уже на Володю, продолжил:

— А ты, Интендант, как главный, компьютерный расчётчик, должен выставить ещё литрусью.

Видишь, пролетарии гуляют, должен войти в положение трудового народа. А иначе — к ногтю!

Наверное, осознав всю маразматичность своего наезда на нас, он громко рассмеялся, потом поднял немного прояснившиеся глаза и закончил свою речь:

— Ну, что примолкли, мужики? Не нравится, когда правду-матку-то в глаза? Ладно, не обижайтесь!

Вы же знаете, что ближе и лучше друзей, чем каждый из вас, у меня никогда не было, да и не будет.

За каждого из вас, я готов порвать глотку даже самой судьбе! А разговор этот я затеял из-за того, что нет ничего непоправимого в том, что здесь не нашли топлива — все равно прорвёмся. А за то, чтобы голова лучше работала, и чтобы не было так страшно, Володя всё равно должен выставить ещё бутылку. Эх, гуляй, рванина!

И он запел какую-то разухабистую частушку. Его поддержал Флюр, и они в два голоса, запели полуматерную песенку. Постепенно к этому концерту присоединились все мужчины, да и некоторые женщины тоже. Всё это песнопение продолжалось недолго, от силы — минут семь. После его окончания Флюр, перегнувшись через стол, хлопнул Сергея, рукой по плечу и воскликнул:

— Молодец, Малой! Так им, этим мозгодрочерам! Как говорится — не в бровь, а в глаз! А то надо же рассчитали, что нам хватит по сто грамм горячительного. Да настоящим мужикам, как мы с Серёгой, это только на раз — нюхнуть. Так что, Вова, давай, не ломайся — доставай ещё литр. Когда ещё удастся так душевно посидеть.

Его слова встретили полное одобрение присутствующих. И Володя, кряхтя, полез доставать очередную бутылку водки. По моим наблюдениям, он всегда кряхтел, когда приходилось расставаться с дефицитной составляющей его запаса.

Наша релаксация продолжалась ещё часа два. Наши дамы ушли к себе в кунг после распития третьей бутылки. Четвёртый литр мы употребили уже исключительно в мужской компании. Сразу после выступления Сергея, я заметил, что подавленность и растерянность у народа ушла, осталась какое-то ожесточение и вера, что нам всё-таки удастся добраться до нашей конечной цели. В процессе этого вечера мы окончательно договорились о наших дальнейших действиях. Что это была последняя остановка, и теперь до самого Апшеронского полуострова двигаться будем без всяких остановок.

Отсыпаться решили на полную катушку, поэтому время подъема установили в два часа дня. До наступления темноты нужно было завести технику и закончить со всеми делами на этой заправке, так как мы были полностью уверены, что в других ёмкостях тоже не найдём топлива.

Встали мы все, как и было обговорено, позавтракали и в три часа дня вышли на работу. Колина бригада направилась заводить вездеходы. Валера с Сергеем остались демонтировать мостик между кунгами и заниматься другими делами по сворачиванию лагеря.

Я с Сашей и нашими женщинами пошли вскрывать оставшиеся ёмкости. Мы в течение тридцати их минут все отдолбили ото льда, в это время женщины на носилках относили получающуюся ледяную крошку. После этого мы пошли, отогрелись и уже вдвоём вернулись в котлован окончательно открывать топливные ёмкости.

Как и ожидалось, топлива там не было. Особенно внимательно мы обследовали бак, куда раньше заливалось дизтопливо. Саша, первым туда заглянувший, сказал:

— Батя, вроде бы свет от прожектора отражается, похоже на дне имеется жидкость. Пойду я, сниму с багажника кунга длинный шест, нужно им там пошарить, вдруг всё-таки на дне осталось немного солярки.

Чтобы не мёрзнуть в одиночку на дне котлована, я пошёл вместе с ним. Достав шест, мы недолго отогрелись в тёплом помещении, и пошли делать последнюю проверку заинтересовавшей нас ёмкости. Забравшись в котлован, мы, обмотав кончик шеста бинтом, опустили его в горловину бака. Когда мы подняли наверх этот наш своеобразный измерительный прибор — то увидели, что слой бинта толщиной чуть более двух сантиметров был пропитан соляркой. Путём нехитрых подсчётов я вывел, что солярки там не более двухсот литров. Так что радости по поводу этой находки у нас было не очень много, и мы даже не стали рассказывать другим об этом. Но оставлять здесь это, пусть даже небольшое количество топлива, мы не собирались. Поэтому, пока я доставал насос и шланг, Саша прикатил пустую бочку и поставил её на краю котлована. Потом мы шестом нашли приямок внутри ёмкости, установили туда насос и начали перекачивать солярку в бочку. Жидкость была густая и качалась очень медленно. Мы даже успели сходить погреться, а бочка была ещё наполовину пуста. Минут через десять нашего ожидания, насос начал работать вхолостую, солярка на дне ёмкости закончилась. Всего нам удалось выкачать чуть более двухсот литров дизтоплива. Правда, я был рад и этому, получалось, что мы практически полностью восполнили запас солярки, который потратили на обогрев наших кунгов за время стоянки у этой заправки.

Пока мы занимались добычей топлива, Николай со своей бригадой завели все наши вездеходы и теперь окружающее пространство, было заполнено рёвом работающих дизелей. В этих звуках чувствовалась такая мощь, что появлялось непоколебимое стремление жить и двигаться вперёд, несмотря ни на что.

Когда мы по лестнице забрались в наш тёплый кунг, все уже сидели за столами, ожидая обеда.

Сидевший крайним Флюр, увидев нас, радостно воскликнул:

— Ну, наконец-то, слава богу, появились! Я уж думал, бежать за вами. Тут уже хаванина стынет и живот от голода сводит! Мы уже всё подготовили к отъезду, осталось только перекусить и быстренько отсюда сваливать.

Саша, повернувшись к Флюру, с улыбкой сказал:

— Погодь, чувырло, не спеши, нужно ещё топливо загрузить!

Со всех сторон донеслись удивлённые возгласы, а Володя спросил:

— Какое, к чёрту, топливо? Баки же пусты? Если бы вы что-нибудь нашли, то уже час назад кричали бы, на всю Ивановскую.

Усмехаясь, я ему ответил:

— Это ты бы кричал, а мы люди скромные, тихо делаем своё дело и никого не напрягаем. Пока вы тут в дизелях жжете топливо, мы с Сашей, можно сказать — в поте лица, его добываем.

Не удержавшись, я рассмеялся. Между тем все, услышав о топливе, начали одеваться, чтобы бежать посмотреть — где оно. У шкафа с одеждой началась суматоха и давка. Перекрикивая возникший шум, Саша воскликнул:

— Да успокойтесь вы! Вот как стадо баранов на новые ворота кинулись смотреть. Там накачали-то меньше бочки солярки, да и то она сильно густая, придется, наверное, половину оставшегося керосина туда вылить.

Но, несмотря на эти слова, все наши мужчины пошли смотреть на результат нашего четырёхсуточного пребывания на этой заправке. Вышли на улицу, и мы с Сашей, он сразу направился к своему грузовому УРАЛу и через несколько минут подкатил на нём к стоявшей бочке. Туда подошёл и я, захватив канистру с керосином. Её я передал Николаю, который к этому времени, уже оценил густоту солярки и вылил в бочку половину принесённой канистры.

После этого мы краном-манипулятором загрузили бочку в кузов УРАЛа, и Саша отъехал в голову будущей колонны, где и заглушил вездеход. Флюр пошёл глушить остальную технику. Мы же, немного поболтав — отправились в наш кунг. На последний, перед дальней дорогой, обед.

К нашему приходу, всё было уже готово, и, как только все расселись за столами, Маша с Галей начали подавать полные тарелки. Потом в наш кунг пришли и девушки, которые были сменными водителями в вездеходах. Пришла и Вика, она опять добилась моего согласия ехать с ребятами в первом вездеходе. За неё даже попросил Флюр, он сказал:

— Батяня, пускай девчонка хоть немного отойдёт от тупого сидения в будке. Я бы уже давно слетел с катушек, сидя в этой тюрьме на колёсах, фу, пардон, на гусеницах. К тому же она нам нисколько не мешает, а, наоборот, только веселит и придаёт какую-то осмысленность нашей работе.

После этого разговора с Сашей я и возражать не стал. Если даже Флюр не против — то, что уж говорить про законного супруга. И Ванюшке, я думал, тоже будет полезно побыть подальше от мамочки, Вика его буквально затискала. Бабушка была всё-таки сдержанней, тем более, когда её окружали не относящиеся к нашей семье люди. Обед затянулся до наступления полной темноты, только тогда мы, затушив печку, направились рассаживаться по нашим вездеходам и минут через пятнадцать, наконец, тронулись.

В нашем славном экипаже, первым за управление ГАЗоном сел Сергей, я как обычно, устроившись на пассажирском месте, почти, что сразу задремал. За время нашего путешествия, у меня уже образовался инстинкт — как только я усаживался на пассажирское кресло, у меня сразу же закрывались глаза, и я впадал в бессознательное состояние. Я вспомнил, что примерно такой же инстинкт у меня открывался и в вагоне метро. И он оказался настолько крепким, что даже после покупки машины, когда я стал попадать в метро раз-два в год, все равно исправно действовал. И может быть тот, въевшийся в спинной мозг инстинкт, сейчас перепутал кресло вездехода с сиденьем в вагоне метро. Как и тогда, по-видимому, моё подсознание было начеку, иначе, как объяснить, что я мгновенно проснулся, когда вездеход остановился. Прошло уже четыре часа и наступило время пересменки. Эта процедура стала уже настолько рутинна, что практически не вызвала никаких комментариев в эфире, даже Флюр ничего не высказал по рации. Я ещё тогда подумал — наверное,

это Вика так благотворно действует на наш первый экипаж, что даже Флюра отучила развлекаться, разговаривая по рации.

Когда мы с Сергеем поменялись местами, он тоже уснул практически сразу после начала движения. Этого спокойного, монотонного, медленного движения я выдержал не больше часа, потом у меня возникло непреодолимое желание совершить какое-нибудь активное действие. Минут пять я обдумывал варианты, что мне сотворить: поболтать по рации с первым экипажем, или разбудить Серёгу и поговорить с ним. Но отвлекать от дела наших вперёдсмотрящих как-то было неловко, также как и других водителей вездеходов — сам постоянно ругался, что нельзя засорять эфир. Будить Сергея, было тоже чревато — тогда он будет поступать со мной также, когда я засну. Поэтому пришлось выбрать третий вариант — включить, вмонтированную Валерой аудиосистему. Я вставил туда МП-3 диск с песнями Трофима, установил громкость такую, чтобы не разбудить Сергея, и в течение этих трёх часов до окончания своей смены, с ностальгией слушал любимые песенки.

Вот примерно в таком ключе, мы и двигались уже почти, что тридцать часов. За это время была одна относительно длительная остановка более трёх часов. За это время мы дозаправили нашу технику и устроили опять в женском кунге обед. Несмотря на остановку, мне уже смертельно надоел этот ритм, практически неподвижное сидение на одном месте. Только остановки на пересмену позволяли хоть немного подвигаться и поговорить с другими людьми.

Постепенно до меня начало доходить, что нам просто физически нужна длительная стоянка, чтобы можно было нормально выспаться, походить в полный рост, да и просто пообщаться. Без этого, всё движение по льду Каспийского моря будет напоминать медленную пытку, и не факт, что все смогут такое выдержать и не сорваться. Поэтому для себя я решил, что при очередной остановке на дозаправку нам придётся вставать лагерем не меньше, чем часов на пятнадцать. К тому же, нужно было что-то решать с нашим заправщиком. Когда мы заправлялись последний раз, то выкачали из него оставшуюся солярку. Теперь он двигался совершенно пустой. Единственной причиной, по которой мы его ещё не бросили, было то, что он буксировал сани, нагруженные продуктами. Но при следующей остановке на заправку освободится место от бочек с соляркой на грузовом УРАЛе и можно будет перегрузить туда эти продукты. И как бы ни было больно и жалко, всё-таки придётся оставить на морском льду наш верный, но ставший окончательно бесполезным, заправщик.

Об этом я и размышлял, когда подходил конец моей смены, мне оставалось находиться за управлением вездехода двадцать семь минут. Как обычно к концу смены, я посмотрел на показания навигатора, мы находились совсем недалеко от берега Каспийского моря. Как только я отвёл глаза от дисплея системы "Глонасс", раздался вызов по рации. Опять, наверное, Флюр заскучал, — подумал я, беря в руку радиостанцию. Включив её на приём, я услышал не шуточные приколы Флюра, а вполне серьёзный и слегка взволнованный голос Саши, он, немного торопливо и сумбурно спрашивал:

— Алло, Батя! Приём, приём! Ты слышишь меня?

Я ответил:

— Конечно, Санёк, я не только тебя слышу, но и размышляю, почему же ты такой взволнованный? Случилось, что?

Из динамика донеслись возбуждённые голоса Вики и Флюра, потом, перекрывая их, раздался уже

более спокойный голос Саши:

— Да нет, ничего экстраординарного не произошло. Просто Вика вдали разглядела какое — то непонятное строение. Вот я тебя и вызываю по этому поводу. Будем к нему подъезжать, чтобы рассмотреть получше? Или как? Если к нему свернём, то общее отклонение от маршрута составит километров пятнадцать — не меньше, а это литров тридцать соляры.

В этот момент из рации донеслись громкие вскрики Вики:

— Папа, папа! Я точно видела — это лежащий на боку корабль! Просто мы за это время немного проехали, и сейчас Флюр видит только снежную гору.

После этих выкриков, из динамика донеслись какие-то скрипы, а потом раздался вопрос Саши:

— Ну, что решаем, командир, поворачиваем?

Я немного помолчал, размышляя, а потом ответил:

— Ладно, Кот, давай уважим девочку! Тем более, я уже точно решил, что заправщик придётся бросать, а на этом мы, сам понимаешь, литров пятьсот горючего сэкономим.

После этих моих слов рация замолкла, и мы явно начали отклоняться вправо от своего маршрута.

Значит, едем к обнаруженному объекту и, наверное, там получится немного размять моё закостеневшее тело, — с облегчением подумал я.

Глава 4

Минут через двадцать неспешной езды, уже и я смог разглядеть засыпанное толстым слоем снега, довольно большое судно. Оно было раза в три больше, чем так хорошо нам запомнившаяся, самоходная баржа с углём, вмёрзшая в лед реки Оки, около Серпухова. От находки той баржи у меня остались самые тёплые воспоминания. Ведь только благодаря углю, находящемуся в ней, мы и смогли продержаться и не замёрзнуть в те дикие холода, когда температура иногда опускалась до -160 градусов по Цельсию. Поэтому, у меня сладко засосало под ложечкой в предвкушении каких-нибудь приятных и полезных находок. Наверное, такое ощущение было не только у меня, поскольку из ожившей рации донёсся возбуждённый голос Флюра:

— Батя, ты представляешь — в степях Калмыкии — корабль! Это, то же самое, что — "подводная лодка в полях Украины". До берега моря по данным навигатора "Джи-пи-эс" — двадцать километров. Это просто чудо какое-то, я не удивлюсь, если судно под завязку набито сокровищами!

Я несколько умерил его пыл и веру в чудо, сказав:

— Не чудо это — к сожалению! А напоминание о прошлой катастрофе. Представь, каким же чудовищным было землетрясение, что даже в Каспийском море могло поднять таких размеров волну, чтобы вынести этот корабль на двадцать километров от берега. А вот насчет сокровищ, это надо проверить. Но я тоже очень надеюсь, что в баках этого судна, мы найдём дизтопливо. Помнишь баки нашей баржи в Серпухове? А баки земснаряда около моста через Оку?

Я немного помолчал и продолжил:

— Вот видишь, а Вика оказалась права. Видно само провидение, не дало отсадить её от вас, не зря она так хотела остаться в передовом вездеходе. Так что вы оба должны извиниться перед ней за недоверие.

На том конце рации раздалась смешка, было слышно, что хихикал весь экипаж УРАЛа, потом я опять услышал срывающийся голос Флюра:

— Батя, да я, как только не стараюсь получить прощения. Даже попытался, униженно подползти по

полу кабины, облобызать её ножки, но этот ревнивый котяра никак не хочет меня к ней подпускать. Говорит, что когда встанем на стоянку, сам займётся этим и не отпустит её, пока не заслужит прощения.

Из динамика рации опять донёлся дружный смех всего экипажа. Неожиданное веселье прервал Игорь, он заявил:

— Вы что, лишенцы, опять там развеселились? Кот, командовать надо, как нам подъезжать к этой посудине, а у вас там — всё смешки. Вставать уже пора, а то сейчас мочевой пузырь лопнет. Нет, всё-таки придётся кому-нибудь из вас, клизму для прочистки мозгов прописать. Я думаю, Флюру — ведра на два, будет в самый раз.

Теперь уже в динамике раздавался смех Игоря. В этой перепалке решил поучаствовать и я:

— Дохтур, ты, что нарушаешь нашу договорённость? Рацию занимают только первый и замыкающий экипаж. Остальные могут залезать в эфир только при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Ответ Игоря не заставил себя ждать:

— Батя, а тут и наступает чрезвычайная ситуация, мой пузырь выдержит ещё не более пяти минут. Так что надо быстрее определяться со стоянкой, а не заниматься словоблудием. Я думаю, что такая ситуация сложилась не только у меня.

Я подумал, что Игорь, конечно же, прав. Мы все уже приноровились к четырёхчасовому ритму движения, а сейчас мы его превысили на десять минут и наши организмы требовали своё. Поэтому я вызвал по рации первый вездеход:

— Санёк, а Дохтур — то, прав! Давай, сейчас останавливайся, как раз оправимся, а потом изучим внимательно это судно. Посоветуемся, объедем его по кругу на маленьком вездеходе и только потом уже подъедем ближе и встанем лагерем. Как говорится — не зная брода, не суйся в воду. С налёту лезть туда не надо, мало- ли, какие там могут быть сюрпризы.

Сквозь начавшиеся помехи и треск в эфире донёлся голос Саши, он коротко ответил:

— Батя, тебя понял! Сейчас останавливаюсь!

Даже после полной остановки, мой напарник Сергей продолжал безмятежно посапывать. Я искренне развеселился, когда, растолкав его, проследил за выражением лица и округлившимися глазами малого, увидавшего стоящий напротив нас корабль. Он, заикаясь и смог только промолвить:

— А, а г-где э-э-это мы?

Потом повернулся ко мне и спросил:

— Б-б-атя, а ты р-р-реален?

И ткнул меня пальцем. От неожиданности я даже выматерился, это Сергея немного успокоило и он, повернувшись, опять уставился на корабль. А на меня напал истерический смех, который только усилился, когда к нам, открыв дверь, заглянул Коля. Он немного опешил, увидав у нас в кабине такую картину, глаза у него тоже округлились, но уже глядя на меня. Я не мог произнести ни слова, только пальцем показывал на Сергея и тут же на стоявший издали корабль.

Всё это сумасшествие остановил Игорь. Подойдя к нам, он жестом фокусника извлёк из внутреннего кармана тулупа маленькую серебряную фляжку и, по очереди, дал каждому из неё глотнуть.

Обжигающий напиток (там был настоящий на перце, слегка разбавленный спирт) сразу привёл меня в чувство. В горле начало ужасно жечь, и я сразу же схватил из бокового кармана дверей

полуторалитровую бутылку с питьевой водой и начал заливать этот пожар. Через несколько глотков у меня эту бутылку выхватил Коля, хлебнув, он передал её Сергею. После этого он, периодически открывая широко рот, чтобы охладить гортань, спросил у Игоря:

— Дохтур, ты чем это нас траванул? Мы как доверчивые дети, взяли из твоих рук — это! Думали, будет вкусный, полезный для наших подорванных нервов напиток — коньячок например, а оказалось — ядерная бомба какая-то.

Он смачно сплюнул на снег. Игорь же, широко улыбаясь, ответил:

— Мастер, это моё наислабейшее средство приведения пациентов в адекватное состояние, если это не помогает, то дальше прописываю курс двухведёрной клизмы. Ещё ни разу не было случая, чтобы применять третье средство.

Он сделал небольшую паузу и закончил:

— Ампутацию мозжечка!

И громко засмеялся. Я, немного отдышавшись, тоже спросил у Игоря:

— Слушай, Дохтур, а случайно у тебя не было учителей, которые служили в медицинских лабораториях Бухенвальда или Дахау, например — уж очень твои методы напоминают тамошние.

В этот момент в разговор вступил Сергей, он сказал:

— Да ладно, мужики, что вы на Дохтура, бочку катите! Мне, например, этот котельчик понравился.

Слушай, Игорёх, дай ещё глотнуть чуть-чуть!

Николай, театрально отставив ногу, и показывая указательным пальцем правой руки на Сергея, произнёс:

— Вот тебе, Дохтур, первый клиент на твой третий метод. Я, правда, думаю, что ампутацией ему уже не помочь. Тут придётся действовать кардинально, придётся пересаживать — куриный, может тогда он немножко поумнеет. Жалко, конечно, курицу, но чем не пожертвуешь ради друга!

После этих слов загоготали все, включая Сергея. На этот смех начали собираться все остальные экипажи наших вездеходов. А услышав про эликсир Дохтура, каждый захотел испытать его действие на себе. Но как раз, когда наступила очередь Флюра, фляжка опустела, по этому поводу Игорь заметил:

— Ну, что, Хан, бог — он видит, кому тяжело и кому действительно нужно моё первое средство. А тебе, ты уж не обессудь, придётся довольствоваться вторым — клизмой. Но так и быть, только для тебя, я туда добавлю немножко этого эликсира. Я думаю, это сослужит нам очень хорошую службу — ты, своей раскаленной задницей, растопишь весь снег с этого корабля.

И опять окружающее нас белое безмолвие расколол хохот лужёных глоток. Когда все уже отсмеялись, ко мне обратился Саша:

— Ну, что, Батя, место для стоянки кто поедет выбирать? И какой возмём для этого вездеход?

Сам он до этого внимательно осматривал в бинокль находящийся метрах в трёхстах корабль. Я, особо не думая, сразу сказал:

— Поедем с тобой на ГАЗоне. Дадим кружочек, посмотрим, с какого бока лучше подъезжать и обратно. Остальные пускай греются в кабинах, женщин в кунге, пока тревожить не надо.

Потом повернувшись к Сергею, сказал:

— Малой, а ты давай, иди, отцепи сани от ГАЗона, а потом дуй в кабину первого УРАЛа, чтобы не замёрзнуть. Мы через полчаса, наверное, вернёмся, поэтому всем нужно быть готовым сразу же

двигаться к судну и вставать там на стоянку.

Через пять минут мы с Сашей отправились на обследование лежащего немного на боку корабля. Объехав его по кругу, мы остановились напротив выступающей из-под снега рубки, практически все стёкла в ней были разбиты. Да и по некоторым видимым из-под снега обломкам матч и другому палубному оборудованию, было видно, какой чудовищной силы удар испытало это судно. Сама рубка возвышалась над уровнем снега, максимум, метра на два, и через разбитые окна было видно, что она основательно засыпана снегом. Внимательнейшим образом, осмотрев палубу корабля, Саша вынес свой вердикт:

— Похоже, подъезжать вдоль борта к этой посудине нельзя, можно напороться на обломок мачты. Придётся разбивать лагерь метрах в тридцати от судна. А на заправщике задним ходом подъехать вплотную к кораблю, и уже из кузова ИСУЗУ мы спокойно, по мостику, окажемся на палубе. Так что, Батя, разведку можно считать законченной, поехали теперь назад к нашим орлам. Там уже хан, чуть ли не копытами стучит от нетерпения, уж очень ему хочется полазить по этому кораблю. Никак не остепенится, всё ищет приключений на свою жопу.

Выслушав его, я согласился возвращаться, но задал Саше один вопрос:

— Слушай, Кот, а где ты думаешь, могут находиться баки с дизтопливом? Всё остальное, если прямо сказать, меня мало интересует, а вот топливо — это да!

Он немного помолчал и ответил:

— Знаешь, скорее всего, недалеко от дизелей, поэтому, надо сначала искать машинное отделение. Я думаю, из рубки должен быть закрытый спуск к каютам и в машинное отделение. А там, уже по топливопроводам можно будет определить, где находится баки с топливом. Или же прямо по ним, даже не разыскивая сами ёмкости, перекачать солярку, прямо в нашу цистерну.

Я горько усмехнулся и заметил:

— Да, Сашок, твоими бы устами, да мёд пить! Ты хоть раз помнишь такое, чтобы нам без особого труда что-нибудь доставалось. Думаю, и тут так же получится. Если здесь есть хоть капля солярки, то с нас сойдёт семь потов, пока мы её добудем.

После этих слов я развернулся и поехал к ожидавшим нас вездеходам. Когда я подъехал к грузовому УРАЛу, Саша вылез, а на его место быстро запрыгнул Сергей.

Пока мы подъезжали к нашим саням, и Сергей их подцеплял к фаркопу ГАЗона, Саша по радиации объяснял другим водителям вездеходов, как и где мы будем вставать лагерем. Особенно долго он инструктировал дохтура — самый трудный манёвр предстоял именно нашему заправщику. Через пять минут наш ГАЗон был уже готов к движению, но первым, нарушая обычный порядок, к кораблю тронулся заправщик. Когда мы подъехали к судну, он уже стоял вплотную задним бортом к палубе этого сухогруза.

Установив УРАЛы с кунгами и перекинув между ними мостик, мы все ввалились погреться в женский кунг, там нас уже поджидал горячий чай. Как обычно, мы смогли там разместиться, когда практически все наши дамы, расположились на верхних полках нар, а дети устроились на руках своих пап. Как только все расселись и получили заветные чашки с горячим чаем и бутербродами, завязалась оживлённая дискуссия о способах проникновения на корабль. Но, как водится, не обошлось и без небольшого курьёза. Надувшийся от важности Флюр, встав, начал, как всегда вешать лапшу на уши нашим женщинам, в основном, конечно, о своей роли в обнаружение корабля. Потом

предложил:

— Дамочки, давайте, выйдите из кунга и посмотрите на это морское судно и оцените его размеры. А так же подумайте, какой орлиной зоркостью нужно было обладать, чтобы в этой горе снега различить корабль. А с расстояния в километр, лично я, различил все детали на его палубе. Надо было видеть выражение его лица, когда Галя протянула ему цифровой фотоаппарат с детальными снимками палубы этого судна, сделанными через большой телескопический объектив. При этом она сказала:

— Зоркий ты наш сокол, посмотри, вот фотографии, сделанные с полуторакилометрового расстояния, с десятикратным увеличением. Разве плохо там получились оборванные тросы на шлюпбалках, или куски рей, торчащие из-под снега? Хотя эти снимки я делала из окна кунга движущегося вездехода.

Её слова были встречены громким хохотом и массой шуток по поводу виновника этого веселья. Раздался и протестующий возглас Вики:

— Ну, ты даёшь, Хан! Это же я первая увидела корабль. Ты лучше вспомни, что тогда говорил? У тебя глюки от долгого сидения в кабине, это никакой не корабль, это просто какой-нибудь коровник, засыпанный снегом.

На меня тоже произвели впечатление эти снимки, когда я вблизи осматривал судно, то не увидел многих деталей, зафиксированных на них. Я, конечно, знал, что наши женщины составляют фотодосье нашей жизни, запечатлевая на пленку практически все значимые события. Но только теперь до меня дошло, какую практическую пользу можно получить от этого. Стоило ли, нам мучится столько времени, как здесь, так и во многих других местах, детально изучая, а иногда на морозе делая карандашом план, когда можно было всё спокойно сфотографировать, а потом в тепле и с удобствами, с хорошим увеличением, внимательно рассмотреть. В это время Саша вдруг воскликнул:

— Батя, посмотри-ка сюда!

И протянул мне фотокамеру. Взяв её, я внимательно стал изучать снимок на дисплее. На секунду мне стало жутковато. На этой картинке можно было разглядеть человеческую руку, торчащую прямо из-под снега, она судорожно ухватилась за какую-то железную скобу. Сидящие рядом Володя и Николай, тоже внимательно вглядывались в это фото, потом Коля присвистнул и сказал:

— Ни фиги себе, это просто летучий Голландец какой-то! Даже страшно туда лезть!

На эти его слова, я заметил:

— Мастер, а ты вспомни продуктовый склад в Пушино, или военные склады недалеко от Чехова, там везде перед хорошей находкой мы находили замороженные трупы. Так что, давай цинично признаем, что это хороший знак, и он предвещает богатую находку. И вбей себе в голову, что мы ничего не крадём у мёртвых, наоборот — мы являемся наследниками их, а может быть — всего человечества. И тот, старый мир, как может, помогает нам, пускай и этими, пугающими знаками. Посмотри на нас — я рукой обвёл всех присутствующих мужчин — мы все давно уже изжили в себе признаки интеллигентных чистоплюев. Я думаю, что при нужде, каждый из нас, не моргнув глазом, пройдёт по горе трупов, чтобы спасти себя и своих близких. Грубые и несентиментальные мы стали, что делать — жажда жизни.

На минуту в кунге установилась мёртвая тишина, прерываемая только хныканьем маленькой Даши.

Эту гнетущую тишину прорезал тонкий голосок Риты:

— Дядя Толь, что вы говорите, что мы в зверей превратились, что ли? Я с этим не согласна, наоборот, все стали относиться друг к другу гораздо теплее и бережней.

На этот возглас я ответил:

— Милая Ритуля, а кто с этим спорит? Разговор- то не об этом, а о том, что мы стали совершенно не брезгливы, не ломаем руки в отчаянье от гибели старого мира, а молча, стиснув зубы, наплевав на все условности, стремимся выжить в этом аду. Кто знает, может быть, мы проявляем все самые лучшие человеческие качества, благодаря которым человек собственно и стал "царём природы". А когда люди стали вести себя неподобающим образом, природа, а может быть бог, послали нам это жуткое испытание. Может быть, мы и выжили благодаря тому, что каждый из нас готов отдать свою жизнь, чтобы спасти другого. И ни разу, никто не пытался спрятаться за спину другого, или там схалтурить, переложить свою работу на других, по крайней мере, я этого не помню. Все хитрожопые хозяева жизни остались там, — я показал рукой на окно, — на глубине шести метров под снегом. Пока я всё это говорил, фотоаппарат со снимками обошёл по кругу всех сидящих за столами и вернулся опять к Саше, после этого, он высказался:

— Ну, что, мужики, какие у кого будут мысли? Я думаю, вся диспозиция ясна, работать будет очень трудно. Корабль лежит немного на боку, поэтому, палуба наклонена градусов на 25, и могут быть большие проблемы даже с удержанием равновесия. Ещё меня очень беспокоит шапка снега, лежащая на верхнем борту, там толщина слоя, где то метров шесть. И если она упадёт, то тем, кто будет работать ниже, мало не покажется. А работать под ней, скорее всего, придется. По идее, на корме должны находиться баки с топливом. Нам наверняка придётся откапывать заливочные люки, думаю, конструкция там такая же, как на той самоходной барже у Серпухова.

В его речь вмешался Флюр, он хлопнул Сашу рукой по плечу и воскликнул:

— Кот, плевать нам на эту снежную шапку! Ты что, забыл о нашем гранатомёте? Да я в лучшем виде из него расстреляю эти снежные кучи, да и по самой палубе можно пальнуть, всё какой-нибудь снег скатится по наклонной поверхности.

Володя высказал свои опасения:

— Хан, а ты уверен, что не попадёшь в баки с топливом? И вообще, мы ещё не знаем, что транспортировало это судно, а ты уже собираешься закидывать его гранатами. А вдруг там находится куча взрывчатки или море авиационного топлива и всё это детонирует! Нет, надо сначала залезть в трюм и определить, что перевозил этот корабль, а потом уже можно и гранатами.

Неожиданно для многих, я частично поддержал Флюра:

— А, что, Хан хорошую идею дал, сбить гранатами слой снега, лежащий на верхнем борту. Не забывайте, что он профессиональный военный, а Саша, можно сказать, снайпер по стрельбе из этого гранатомёта. Помните, как он лихо разделался с крышей ангара в Чехове, или пробил фронтон на крыше штаба военных складов? Здесь же нужно будет попасть в снежную шапку толщиной в шесть метров, к тому же, борта у судна толстые и осколками этих гранат вряд ли будут пробиты. А без ликвидации этой снежной горы, лезть на корабль действительно очень опасно. Когда же собьем эту снежную шапку, то тогда и займёмся обследованием рубки этой посуды. Глядишь, оттуда попадём и в трюм, если нет, то, по крайней мере, найдём документацию и узнаем, что перевозил корабль. После этого уже можно будет пострелять и по самому судну, по крайней мере, посередине кормы,

потому что баки с соляжкой наверняка находятся вдоль бортов.

Обговорив дальнейшие наши действия, решили: на всякий случай, отогнать наши вездеходы немного подальше и уже оттуда обстрелять верхний слой снега. Это заняло у нас минут десять, после чего Саша и Флор забрались на мужской кунг, где у них был уложен гранатомёт. Изготовив его к стрельбе, они оттуда же произвели серию выстрелов по снежной шапке на верхнем борту судна. После взрывов, всё окутало снежным туманом, когда он осел, стал виден практически очищенный борт корабля. Тогда я ещё подумал, что Саша, как обычно, оказался прав, захватив гранатомет. Все, кроме Риты с детьми, вышли на улицу и наблюдали это представление. Кстати, температура на улице была -29 градусов, и, чем мы дальше продвигались на юг, тем она быстрее поднималась. Поэтому, нужно было как можно быстрее разбираться с этим кораблём и двигаться дальше.

Таким образом, обезопасив места проведения будущих работ, мы окончательно перегнали вездеходы на место нашего лагеря. Пока Валера с Сергеем с помощью девушек занимались обустройством лагеря, остальные мужчины начали освобождать от снега рубку корабля. Это было очень неудобно и трудоёмко, в первую очередь мы стремились обнаружить трап в нижние помещения. Всю эту деятельность прервала подошедшая Маша, она снизу крикнула:

— Ребята, давайте заканчивайте, суп стынет! К тому же, ваш Малой настроен очень решительно, у него в глазах — зверский голод. Он просил вас передать — кто не успеет, он не виноват.

Услышав это, мы побросали лопаты и быстро направились к кунгам. Лагерь уже был полностью оборудован, мостик между кунгами стоял, и обедали мы уже в мужском кунге, можно сказать, с комфортом. Когда мы пообедали и, уже расслабленные, развалились на лавках, попивали чай, Володя, отдуваясь от выпитой второй чашки, сказал:

— Какая-то работа у нас получается сумбурная, больше друг другу мешаемся, чем дело делаем. Если так дальше будем продолжать, то сидеть нам тут — до второго пришествия. Температура-то повышается, а нам нужно пересекать все море, а это самая северная точка на нашем пути, как бы нам на юге не попасть под бурное таянье снега. Надо опять делиться на бригады и работать круглосуточно, придётся нашим дамам помогать нам в переноске снега из рубки.

Маша, ответила за всех женщин:

— Володя, о чём разговор! Как будто мы не знаем, что без нас мужички не справятся. Мы же настоящие русские бабы и всегда готовы помочь, нас не испугаешь никакой работой.

После этого мы разделились на две большие бригады, каждая из которых должна была работать по шесть часов. В свою очередь в каждой бригаде, четыре человека одновременно работали, и чтобы не замёрзнуть, менялись через каждый час. Первое звено отправилось на откопку рубки, минут через десять. Наша же вторая бригада, быстро раздевшись, дружно улеглась на свои спальные места, отсыпать свои законные шесть часов.

Проснулся я от настойчивых тычков, открыв глаза, как всегда в таких случаях, увидел физиономию Сергея.

— Ты, что поставил своей целью не дать мне нормально выспаться, — сказал я, усаживаясь на нижней полке наших нар. Он, усмехаясь, ответил:

— Батя, что же делать, судьба у тебя такая, сменять меня на трудовом посту. Ты лучше посмотри на свой хронометр, шесть часов уже прошло. Пора и вашей бригаде немножко поморозить свои

задницы. К тому же вам можно сказать повезло, самую гнусную работу мы уже сделали.

Я удивлённо посмотрел на него и спросил:

— Это снег кидать, гнусная работа? Ну, ты и сноб! С такой-то физиономией, тебя раньше бы взяли только ассенизатором!

Он, как бы ни слыша моего возгласа, продолжил рассказ:

— Хорошо, что мы начали копать сверху рубки, там хоть женщины нам здорово помогли. В предпоследнюю смену около другого конца рубки мы натолкнулись на гору трупов. Они были страшно изуродованы, и наши женщины, можно сказать, поплыли, пришлось их отпаивать валерианой. Мы их выпроводили отдыхать в кунг, поэтому в дальнейшем, можно сказать, без обогрева, работали только мужики. Правда, считай всё это время, мы вытаскивали и хоронили трупы четырех умерших человек, тела которых были поломаны, а лица глубоко порезаны стеклом, видно погибли они от страшного удара корабля о землю.

Сказав это, он судорожно перекрестился и закончил:

— Слава богу, у Дохтура был его эликсир, последнюю смену, считай, держались только за счёт этого. Вход в нижние уровни, мы так и не откопали, но, чувствую, он где-то близко. Ваша бригада наверняка его откопает, но соваться вниз как-то страшно, думаю, вы там еще найдёте кучу трупов. Меня ребята послали, чтобы я вас разбудил, и наказал вам, чтобы вы начинали готовить завтрак. Мы заканчиваем все работы, минут через двадцать. Ну ладно, Батя, заговорился я с тобой, нужно идти помогать архаровцам.

Сказав это, он встал, подошёл к вешалке, надел тулуп и вышел из кунга, а я начал будить остальных ребят. Только мы оделись, как пришли Ирина с Катей, оказывается, сейчас наступала их смена.

Ирина сказала:

— Девчонки из предыдущих смен уже успокоились от увиденного кошмара и сейчас улеглись спать. А мы пришли пораньше, чтобы хоть нормально, горячей пищей накормить вас и приходящую смену. Николай, уже усевшийся за стол, сладко потянулся и заметил:

— Давай, мать, действуй! Эх, давно я не ел жинкиной стряпни, всё дежурные, да дежурные.

Флюр и Максим, тоже с удовольствием уселись за стол, видно было, что они с радостью уступили свою очередь разогревать наш завтрак, который для приходящей смены являлся ужином. Пока завтракали, мы договорились, что первый час работаем мы с Флюром и подошедшие Ирина с Катей. Мы даже не стали ждать подхода первой бригады, а как только перекусили, направились на корабль. С направляющимися отдыхать ребятами мы столкнулись у перекинутого с кузова заправщика прямо на палубу суда мостика. Там Саша рассказал о проделанной ими работе и даже поднялся с нами в рубку, чтобы показать предполагаемое место нахождения трапа, ведущего к внутренним помещениям судна.

После его ухода потянулась медленная, нудная работа по очистке помещения рубки от снега. Мы трудились, не замечали холода, как роботы закидывали снег в носилки и, вместе с женщинами, относили его высыпать. От этой монотонной работы нас избавило звено Николая, оказывается, с начала работы, прошёл уже час. Мы с радостью передали инструменты и направились в наш кунг отогреться и попить горячего чайку. Зашли и увидели, что ребята из первой бригады спят, как говорится, без задних ног. Чтобы их не разбудить женщины ушли в свой кунг, а мы с Флюром, сняв только верхнюю одежду, прилегли прямо на лавках подремать этот час. Примерно, таким образом,

прошла и вторая наша смена.

Когда мы вышли на третью смену, то буквально минут через десять работы лопата Флюра провалилась в пустоту. У меня сердце немного ёкнуло — по-видимому, мы всё-таки добрались до вожделенного трапа во внутренние помещения. Пока Флюр ходил за другой лопатой, я лихорадочно начал откапывать этот трап. Вместе с подошедшим Флюром и с помощью женщин выносящих снег, мы полностью освободили этот проход внутрь корабля. Излишек снега мы лопатами откидывали в откопанные ранее места, и за окно рубки. Флюр, как обычно, оказался очень предусмотрительным. Когда он ходил за лопатой, то прихватил и два больших аккумуляторных фонаря. Поэтому мы, не теряя время на прокладку освещения, с большим волнением направились друг за другом вглубь судна.

Спускавшийся первым Флюр, вдруг выругался матом и воскликнул:

— Чёрт, ну точно летучий Голландец какой-то! Сплошные мертвяки вокруг, живому человеку пройти негде!

Когда я спустился на уровень, где располагались каюты, то увидел, как Флюр, пытался затащить замороженный труп в какую-то дверь. Заметив меня, он крикнул:

— Батя, подсоби-ка мне, эта зараза никак не хочет пролезать в дверь! Проход-то нужно немного прибрать, а то наверняка сюда пожалуют наши женщины, начнутся бабские истерики, обмороки, надо нам это?

Я стал помогать ему, тащить труп, с изрядно примятой головой, практически отсутствующим лицом — зрелище было не для слабонервных. Даже моя загрубевшая психика содрогнулась, и я с большим облегчением отпустил ноги этого замёрзшего тела, когда мы затащили его в каюту. На меня напало какое-то оцепенение, когда я увидел, как Флюр начал шарить у него по карманам. Очнулся я только тогда, когда мне в губы упёрлась сигарета. Это было для нас теперь очень большой роскошью, запас сигарет подошёл к концу. Я знал, что в Володином хранилище их оставалось всего три пачки, и они береглись для каких-нибудь значимых событий, когда можно было полностью расслабиться. Жадно прикурив эту сигарету от зажигалки Флюра, я и смог только вымолвить:

— Хан, а откуда это у тебя?

Он удивлённо посмотрел на меня и ответил:

— Ты что, Батя, не видел что ли, как я потрошил карманы этого "голландца"?

Мне было неловко признаваться в своей слабости, поэтому я ответил:

— Очень мне нужно смотреть, как ты шаришь по карманам. Я осматривал каюту — нет ли чего-нибудь там полезного для нас.

Он понимающе усмехнулся и сказал:

— Ну, тогда ладно, пойдём тащить второй труп! Его-то ты хоть заметил?

К своему стыду, второго тела я и не заметил, но признаваться в этом стало опять стыдно, и я, не говоря ни слова, повернулся и направился ко второму телу, лежащему недалеко от трапа. Подойдя к нему, я демонстративно наклонился и тоже обшарил его карманы, в них я тоже, как и Флюр нашёл начатую пачку сигарет и зажигалку. Вторым труп выглядел менее пугающе, чем тот, который мы отнесли в каюту. У него просто была неестественно выгнута голова, по-видимому, были сломаны шейные позвонки. Повернувшись к Флюру, я протянул ему найденную пачку сигарет и сказал:

— На, Хан, теперь ты угостись! Всё-таки ты не по тем карманам шаришь, всё тебя тянет на какую-то

дешевку, то ли дело я, вон, обшарил и сразу же "Парламент" нашёл.

После этого мы оба начали смеяться. В этот момент, беспокоясь за нас, вниз из рубки спустилась Катя. Ее, наверное, потрясла увиденная картина, как мы дико смеёмся, стоя над замороженным трупом. Поэтому она только и смогла произнести:

— Ой! Вы что, ребята?

И начала сползать по перилам трапа. Флюр, каким-то немислимым образом успел подбежать и поймать упавшую в обморок Катю. Минут пять мы её отхаживали, обтирали снегом, Флюр даже применил какой-то восточный массаж головы. После того как она очнулась и более менее пришла в норму, мы вместе, по пути прихватив Ирину, пошли в наш кунг.

На мостике, соединяющем кунги, мы столкнулись с выходящим нас сменять звеном Николая.

Увидев нашу процессию, он воскликнул:

— Чёрт! Опять что ли у меня отстают часы? По моим золотым, наша смена начинается только через пять минут!

Потом, разглядев, бледное лицо Кати, Николай полушепотом спросил:

— А, что девчужке плохо стало? Неужели опять в рубке нашли трупы?

Флюр ему ответил:

— Мастер, ты опять мыслишь прошедшими временами. Почему в рубке? Тут весь корабль, как летучий Голландец набит мертвецами. Не веришь — иди, спустись из рубки по трапу и увидишь, как вдоль коридора мертвяки стоят с косами — и тишина!

Он с чувством засмеялся, Катя ещё больше побледнела, а Ирина возмутилась:

— Всё-таки, Флюр, ты бесчувственный пентюх. Лучше бы больше думал о своей жене, пожалел, приласкал бы её. Как она терпит такого монстра — не знаю?

После этих слов она обняла Катю и, что-то ласково говоря, повела её в женский кунг. Девушек вышедших им на замену, я тоже отослал туда же. А Коля начал с пристрастием узнавать у меня, что же произошло за этот час. Я, молча, угостил его сигаретой, и когда его лицо приняло уже совсем глупый вид, а глаза стали круглые, как пять рублей, произнёс:

— Вот видишь, дружище, обвинения в чёрствости и бесчеловечности, как обычно, достаются тем, кто очищает жизненное поле для действия этой самой человечности. Когда пройдут такие чистильщики, как Флюр или Саша, тогда сразу же откуда-то появляются люди с тонкой душевной организацией, чистыми руками и незапятнанной репутацией. И самое смешное, с пеной у рта начинают учить таких ребят жить. Мне было бы очень интересно посмотреть, как эти душевные люди своими руками создавали бы себе условия для выживания. Они могут только осуждать, отдавать тупые распоряжения, которые, как им кажется, являются очень умными и человеколюбивыми. Но, как говорится — благими намерениями, вымощена дорога в ад.

Заметив, как лицо Коли, ко всему прочему, приобретает ещё и виноватый вид, я смягчился:

— Да ладно, Мастер, к нам это не относится, это так, отголоски прошлых размышлений. А ты у нас вообще, человек-камень, да и все мы после перенесённых испытаний стали такими же. Что же касается нашей работы в рубке, то можешь поздравить — трап вниз мы откопали. И даже успели туда спуститься. Последствия этого ты сам видел, женская психика такой картины воспринять не может. Обстановка возле кают — как в морге, так же холодно, кругом лежат замороженные трупы. Поэтому, сейчас минут десять погреемся, и вчетвером пойдём обследовать внутренности корабля.

Нужно будет провести освещение и немного там прибраться — убрать с видных мест трупы, не стоит больше испытывать на прочность женскую психику. Думаю до конца смены нашей бригады, мы всё там разведаем, и, когда проснутся остальные мужики, уже все вместе обговорим, что делать дальше.

Внимательно выслушав мои слова, Коля встрепенулся и уже с нетерпением в голосе, воскликнул: — А что тогда мы тут стоим, лясы точим! Вы тогда с Ханом идите, грейтесь, а мы с Максимом, пойдём, достанем удлинители и займёмся установкой освещения.

Он на секунду замолчал, а потом спросил:

— Слушай, а может быть принести туда ещё один маленький бензогенератор?

Я, подумав, сказал:

— А что, дельная мысль! Можно даже для большей мобильности, захватить туда оба мини генератора. И тогда ещё на всякий случай, прихватите канистру с бензином и тепловую пушку — там холодно, как в могиле.

Потом, повернувшись к Максиму, продолжил:

— А ты, Макс, не пугайся, там возле трапа ещё лежит один неубранный труп, ну и в каютах тоже не без этого. Но вы туда пока не ходите, займитесь лучше до нашего прихода освещением. Мы с Флюром подойдём минут через пятнадцать.

Максим после моих слов немного надулся, потом хмыкнул и сказал:

— Да я этих мертвяков навидался — выше крыши, подумаешь, замороженные куски мяса.

Потом ещё раз хмыкнул, повернулся и они с Николаем направились доставать удлинители и другое оборудование. Ну, а мы с Флюром, уже порядком замёрзшие, направились в наш кунг отогреться. Ребята из первой смены ещё спали. Чтобы им не мешать, мы зажгли только одну маленькую лампочку у входа, потихоньку разделись и уселись за стол к ещё горячему электрическому самовару. Так, за чаем, практически не разговаривая, мы просидели минут десять. Когда наши организмы уже полностью отогрелись, мы встали, оделись и пошли продолжать обследование корабля.

По пути, мы из прицепных саней достали и прихватили с собой дизельную печку. Еле спустившись с ней по узкому трапу, мы, наконец, попали в центральный коридор. Там было уже светло, на том месте, где раньше лежал замороженный труп, стоял Коля. Увидев нас, он самодовольно начал лыбиться и усиленно запыхтел трубкой. Дым из неё повалил, как из паровоза, а вкусный запах табака, по моему, распространился по всему кораблю. От желания сделать из неё пару затяжек, у меня даже образовался ком в горле. Сглотнув, я немного осипшим, от желания покурить голосом, спросил:

— Мастер, где же ты раздобыл такую роскошь? Не трави душу, дай дёрнуть хоть пару раз, а то сейчас сердце лопнет.

Он, усмехаясь, протянул мне трубку и ответил:

— Где, где, места надо знать! Это вы, дилетанты, затащили труп в первую попавшуюся дверь и даже не посмотрели, что там находится. А там, между прочим, капитанская каюта и сейф в ней имеется. А в сейфе вы знаете, что я нашёл?

Он вытащил из кармана тулупа уже начатую бутылку Французского коньяка и передал её Флюру.

Тот, ни слова не говоря, не церемонясь, сразу же, вытащив пробку, сделал из неё несколько глотков.

Потом, передав мне бутылку, он выхватил из моих рук трубку и с блаженным выражением лица

начал курить. Обижаться, глядя на это, горящее счастьем лицо, было невозможно и я, чуть не уронив драгоценную бутылку, засмеялся. Сквозь этот смех я только и смог произнести:

— Ну, Хан, ты даёшь! А как же остальные?

Он, удовлетворённо щурясь, передал мне обратно трубку и бархатным голосом ответил:

— Ха, остальные! Да в этом батле, всем по несколько глотков хватит, а мне больше и не надо. Зато сейчас, на крыльях этой эйфории, я готов шерстить всю эту посудину и, клянусь Аллахом, обязательно найду все их заначки. Первым делом, проникну в трюм и узнаю, что они всё-таки перевозили.

В это время я почувствовал, как рука Коли выдернула у меня трубку и, демонстративно медленно, начал затягиваться. Мне ничего не оставалось, как сделать несколько глотков из оставшейся у меня в руке бутылки. Когда я затыкал бутылку пробкой, раздался насмешливый голос Николая, он, слегка растягивая фразы, произнёс:

— Хан, ты как обычно, в своём репертуаре! Вместо того чтобы немного подумать и спросить совета у старшего товарища, ты с наскака хочешь куда-то бежать и что-то искать. Так вот, как старший товарищ, хочу тебе сказать, я уже знаю, что находится в трюме этой, как ты выразился, посуды. И знаешь почему? Потому что, я сначала думаю, а потом действую. Здесь, рядом с капитанской каютой, в капитанском сейфе наверняка лежит вся документация по поводу перевозимого груза. А ты, выпив коньяк из этого сейфа, даже не поинтересовался, а были ли там какие-нибудь документы. Прервав его пространные рассуждения, я, хлопнув Колю по плечу, коротко спросил:

— Мастер, что ты опять выёживаешься? Лучше расскажи, что там в трюме? Как говорится, будь проще — и люди к тебе потянутся!

Коля посмотрел на меня сквозь дымное табачное облако и продолжил:

— А тебе, Батя, всю голову забил табак, и ты под воздействием своих низменных желаний тоже прекратил логично мыслить. Но не бойтесь, с вами Мастер — мимо него не проскочит ни байта новой информации, он своим великим мозгом компенсирует вашу тупость.

Сказав это, Николай захихикал, а потом, слегка покашливая от табачного дыма, закончил:

— Так уж и быть, друзья мои, я вам открою тайну, доступную только великим интеллектуалам — это судно перевозит зерно. Да, да, Хан, не делай такие глаза — самое обычное обмолоченное зерно. Его, наверное, перевозили, чтобы подкормить наших среднеазиатских братьев.

Вдруг, Флюр встрепенулся, выпучил глаза и продекламировал:

— Мне нужен мозг... Я выбрал вас! Ха-ха-ха! До скорой встречи — Фантома-с!

После чего, он очень довольный собой залился смехом. Не удержавшись, мы с Колей тоже засмеялись, услышав этот детский стишок, совершенно не связанный с нашей ситуацией. Когда мы так смеялись, из коридора появился Максим, он торжественно нёс несколько консервных банок.

Подойдя к нам и уже заражаясь беспричинным весельем, он всё равно смог преодолевая смех спросить:

— А можно я открою вот эту банку, уж очень хочется попробовать персиковый компот. Вкусно, наверное, я уже и забыл вкус персиков. Я нашёл помещение кают-компания и камбуза, там довольно много железных банок с разными компотами, да и других продуктов тоже.

Он протянул мне одну из банок, она была довольно сильно деформирована, но жесть не была прорвана внутренним льдом, и как показывал наш опыт, содержание вполне годилось в пищу. Я

повертел банку со всех сторон, внимательно ее, разглядывая, и ответил:

— Знаешь, Макс, ты бы поберёг свои зубы, да и горло тоже. Разве можно при таком холоде, грызть эти ледышки. Ты лучше сейчас отнеси эти банки в кунг, на разморозку, как закончится наша смена, они, наверное, оттают. Вот тогда и ты попробуешь, да и все остальные к этому процессу, я думаю, с удовольствием присоединятся.

В это время Флюр, услышав про камбуз и запасы продуктов, прекратил смеяться и очень деловым тоном заявил:

— Ну ладно хватит мне тут с вами развлекаться, пора и делом заняться. Пойду-ка я посмотрю опытным взглядом, что там творится в кают-компании и в камбузе. А то Макс выискивал там одну сладкую чушь, а действительно нужные вещи для нашего праздничного сегодняшнего обеда — наверняка пропустил.

Он уже сделал шаг в сторону камбуза, когда я схватил его за рукав тулупа, спросил:

— Хан, куда ты так спешишь? Какой, к чёрту, праздничный обед? Праздновать пока ещё нечего. Самое главное — топливо мы же ещё так и не обнаружили.

Он, приостановившись, повернулся ко мне и ответил:

— Батя, веришь, мой внутренний голос говорит — нужно хорошо надраться и тогда всё будет тип-топ. Нужно сбросить то дикое напряжение, в котором мы все сейчас находимся, а то, если сейчас не найдём солярку — можем сорваться. А нам, сам понимаешь, по любому, нужно пересекать Каспийское море.

Я его отпустил и задумчиво сказал:

— Ну, что же, если внутренний голос, против этого не поспоришь. Может быть ты и прав, я тоже чувствую, что работаю из последних сил. Ладно, иди, как наберёшь продуктов, сразу отнеси их в кунг на отогрев. Ну а мы тогда займёмся окончательной установкой освещения и отопления, а то тут холоднее, чем снаружи.

В разговор встрял Коля:

— А что, праздничный обед — это класс! Я предлагаю зарядить сейчас наших дам, чтобы они всё приготовили до побудки первой бригады. А подъём им устроить под фанфары, с поднесением рюмочки с коньяком прямо в постель. Нужно ещё попросить Галю, чтобы всё это она засняла на видеокамеру. Только я боюсь за интендантскую психику Володи, он со сна может подумать, что разбомбили его запасы.

Усмехаясь, я ему ответил:

— Не бойсь, Флюр у нас хитрый, он наберёт на этот обед, тех продуктов, которых у нас нет. А ты лучше не отвлекайся, нам с тобой ещё нужно много сделать, чтобы отработать этот праздник живота. А Хан с этим вопросом сам справится и женщин тоже подключит, не беспокойся. А насчёт побудки первой бригады под фанфары, это ты хорошо придумал. Флюр — намотай себе на ус!

После этого разговора мы занялись установкой освещения, минут через пять к нам присоединился и Максим. Установив освещение на этом уровне и уровне, находящемся ниже, мы, наконец, подошли к железной двери, ведущей в машинное отделение. Эта дверь была сделана из толстого железа, по образу водонепроницаемых люков между отсеками в подводной лодке. Как мы не пытались её открыть, ничего не получалось, по-видимому, от удара судна о землю её перекосило. Когда мы стояли перед нею, беспомощно курая, подошел Флюр, оказывается, оставалось двадцать минут до

окончания нашей смены. Флюр внимательно осмотрел эту дверь, потом хмыкнул и произнёс:
— Ну что, штафирки, куда вы денетесь без истинного бойца. Ладно, не переживайте, вспомните, что с вами Хан, и у нас есть гранаты. После хорошего обеда, так уж и быть, я вам на счёт раз-два, вскрою эту консервную банку. А сейчас давайте заканчивать, а то пропустим самое интересное — подъём и реакцию членов первой бригады.

Этот аргумент на нас мгновенно подействовал, мы тут же побросали на пол все инструменты. После чего быстрым шагом направились в наш кунг, на намечающееся представление. Немного отстал только Флюр, он выключал бензогенераторы и догнал нас только на мостике между кунгами.

Глава 5

—

Зайдя в тёплое помещение, стараясь не шуметь, мы сняли верхнюю одежду. Ребята их первой бригады ещё спали. Флюр шепотом, начал распорядиться:

— Так, Макс, ты на вон ту тарелочку с голубой каёмочкой, поставь четыре полные рюмки с коньяком, когда мужики проснутся, сразу же дашь каждому из них по рюмке. Да кстати, на тебе лимон, думаю, он уже разморозился, порежь его и положи на эту же тарелочку. Батя, а на тебя ляжет обязанность музыкального сопровождения, этого события. На тебе магнитола, я уже установил там максимальный звук, и поставил кассету на нужное место. Твоя задача, только нажать кнопку пуск, когда мы с Колей и женщинами войдём в дверь. Ну, а ты, Мастер, пойдём со мной в соседний кунг за праздничными блюдами.

Николай, начал было надевать тулуп, но Флюр его остановил, сказав:

— Ты, ей богу, как кисейная барышня! Успокойся, за пять секунд нахождения на морозе в 27 градусов, ничего с тобой не случится. Твоя драгоценная задница останется такой же тёплой и вонючей.

И, сдерживая смех, юркнул на улицу, за ним, немного замешкавшись, вышел и Николай. Они отсутствовали минуты три, потом дверь отворилась, и к нам в кунг ввалилась целая куча народа. Кроме ребят, там было ещё четыре женщины, все они были загружены различными, уже готовыми блюдами. От ароматов этих блюд, мгновенно заполнивших наш кунг, у меня просто закружилась голова, так что я даже забыл о просьбе Флюра и включил магнитофон с небольшой задержкой. Флюр умудрился подобрать кассету какого-то браваурного марша со звуками фанфар, музыка захрохотала так, что я ощутил боль в районе барабанных перепонок. Наблюдать за реакцией просыпающихся ребят было очень смешно. Особенно за Сергеем, он спал на верхних нарах и, когда подскочил, долбанулся о потолок кунга. Глаза при этом у него округлились и стали какие-то испуганные и беспомощные.

Быстрее всех сориентировался Саша, он посмотрел на наши смеющиеся лица, взял рюмку с коньяком и выпил её. Потом, пока другие охали и задавали бессмысленные вопросы, с чувством закусил лимоном и спросил:

— Ну что, неужели повезло, и вы всё-таки без нас обнаружили запасы солярки.

Рассасывая лимон, кислота которого обострила ощущения реальности, продолжил:

— Да, по-видимому, не только солярку! Однако в этом чувствуется рука Хана. Эй ты — любимец богов, давай, колись.

— Хреновый из тебя аналитик, — ответил Флюр, — первая твоя догадка ушла в "молоко", вторая —

ближе к делу, но, всё равно, какая-то мутная, так что у тебя остаётся последняя попытка реабилитировать свои аналитические способности.

И он злорадненько захихикал. Их пикировку прервал я, заметив:

— А что, Хан, Саня-то почти что прав! Про находки он сказал — сказал. Или тебе нужно, чтобы их перечислили подетально? А что касается топлива, то он не может же ожидать, что мы доверились твоему внутреннему голосу, который предрекает, что мы обязательно найдём топливо.

Потом я рассказал притихшим и, внимательно слушавшим меня ребятам из первой смены, обо всех итогах нашей работы. В это время наши дамы накрывали праздничный стол, несомненным его хитом стала слабосолёная селёдка со свежесваренной картошкой. При виде этого блюда у многих просто отвалились челюсти. Кроме Флюра, никто не знал об этой его находке. А сам он, хитро глядя на Колю, сказал:

— Вот, учитесь — любители лазить по сейфам и капитанским каютам, как нужно находить действительно кайфовые вещи. А то нарыли какие-то сведения о грузе и рады до усрачки, а до реальных, нужных вещей — им и дела нет. Вот спрашивается — на кой чёрт нам нужна эта пшеница?

— Тупица! Это же мука, а дальше, любимый тобой хлеб, — воскликнул Коля.

— Сам дурак, — ответил Флюр. Потом, на секунду примолкнув, продолжил:

— Чем ты будешь молоть зерно? А даже если и сделаешь муку, как мы её вывезем? Вездеходы все забиты под завязку и дополнительно, можно взять килограммов пятьсот, не больше. А я, к твоему сведению, одной муки нашёл килограмм двести, да и разной крупы ещё столько же и это, не считая консервов и других продуктов.

— Успокойся, Хан — вступил в разговор Саша.

— Все знают, какой ты великий следопыт! Но сведения, которые раздобыл Мастер, могут здорово облегчить нам жизнь. Теперь, когда мы знаем, что находится в трюме, можно совершенно безопасно пострелять из гранатомёта по палубе, очищая её от снега. Меня, почему-то, мучают сильные сомнения, что через машинное отделение мы доберёмся до баков с соляжкой. А тут, я думаю, штук десять гранат по корме, и верхняя часть палубы очищена. Это даст нам возможность без больших проблем добраться до одного из баков с топливом. Если же там не окажется соляжки, то тогда нужно будет хорошо поработать. Придётся снегоуборщиком откидывать снег до другого борта, там его скопится кубов пятьсот, не меньше. А это дня три плотной работы. Хорошо, что хоть льда здесь нет, наклон корабля сыграл нам на руку.

Разгоревшийся было спор о наших дальнейших действиях, притушил Сергей. Он, усевшись за стол, начал накладывать себе в тарелку картошку и селёдку, при этом приговаривая:

— Спорьте, спорьте, "интели" несчастные! Всё рабочему человеку — больше жратвы достанется. А потом, когда вы от голода и от своих амбиций ослабеете, приду я и устрою вам диктатуру пролетариата. Тогда быстро про все сомнения забудете — "пайку" в зубы и работать до седьмого пота. В мозгах-то быстро прояснится, поймёте тогда — почём фунт лиха.

Услышав, а главное, увидев действия Сергея, все закончили споры, быстро расселись за столы и с жадностью начали поглощать эти изысканнейшие блюда. Минут десять за столом стоял только шум звякающих столовых приборов, да восхищённые вскрики и вздохи ребят.

Только тогда, когда разливали чай, раздались первые звуки речи. Это Володя и Игорь навалились на

Флюра, выпрашивая его о найденных запасах продуктов и лекарств. Эти бессмысленные вопросы прекратил я, сказав:

— Ну что вы привязались к человеку, он обследовал только камбуз и кают-компанию и то, чтобы удивить вашу смену. Другие помещения никто из нашей смены практически и не осматривал. Всё самое сладкое оставили до того момента, когда вы проснётесь. Так что, сейчас разобьемся на пары и будем методично обшаривать весь корабль.

Потом, обращаясь к Флюру, продолжил:

— А ты, Хан, давай, после обеда выполняй своё обещание — вскрыть люк в машинное отделение. И возьми себе в помощь Серёгу, в случае чего — будет, кому помахать кувалдой.

Тут же раздался насмешливый голос Коли:

— Да, Хан, и не забудь поугнетать этого пролетария по полной программе, пора у него эти революционные настроения снимать.

Флюр, ухмыляясь, ответил:

— Не, Мастер, не могу, он же мой, можно сказать, брат. Малой — представитель пролетариев физического труда, а я — пролетарий боевого труда.

Коля не унимался и продолжал иронично выпрашивать:

— Слушай, тогда у вас Батя — классовый враг. Может того — к ногтю его? Устройте небольшую пролетарскую революцию, нас с Володей — на перевоспитание, в трудовой лагерь.

Флюр, уже еле сдерживая смех, произнёс:

— Опять твои мысли идут куда-то не туда. Неужели ты не чувствуешь, что Батя нам тоже брат — он бывший пролетарий капиталистического труда. Даже ты, со своей гнилой психологией — наш брат. Для этого достаточно глянуть на твои мозолистые, с облезавшей от морозов кожей — руки.

Вот под этот, прерываемый иногда смехом, трёп, мы закончили наше чаепитие, и Саша, обращаясь к Флюру, сказал:

— Хан, заканчивай, теперь только ты держишь весь народ, без твоего взрыва никто даже на корабль сунутся, не может. Так что, хватит лясы точить, иди уже, вскрывай эту консервную банку. А я пока полезу, приготовлю всё-таки гранатомёт к работе. Думаю, мы быстро выясним, возможно, ли, накачать дизтопливо из машинного отделения.

Флюр встал со стула, картинно вытянулся, отдал честь и гаркнул:

— Яволь, герр бывший штабс-капитан!

Потом, повернувшись к нам, с неизменной своей ухмылкой, продолжил:

— Прошу пардону господа — труба зовёт! Эй, мой верный Санчо Панса, вперёд, на выход — нас ждут великие дела!

И, обращаясь ко мне, уже без ёрничества, сказал:

— Батя, я думаю, вся эта операция займёт от силы полчаса, так что все остальные имеют возможность эти полчаса посидеть в тепле. Когда можно будет выходить, наверное, вы услышите, а если нет, то, я думаю, возбуждённый Малой вам скажет. Ставлю десять к одному, что после того, как мы вскрыем эту дверь, он прибежит сюда хвастаться.

Сказав это, он направился одеваться, туда же, пережёвывая какой-то кусок, подошел и Сергей. После их ухода мы продолжили обсуждение наших дальнейших действий. В основном крутился вопрос об использовании гранатомёта. В общем-то, все были согласны с предложением Саши, только один

Коля доказывал, что можно откачать солярку, прямо по топливопроводам, идущим к дизелям корабля. Этот разгоревшийся спор в конечном итоге разрешил Володя, он заявил:

— Мужики, вы уже достали со своими разговорами ни о чём. Что спорить? Сейчас Хан вскроет машинное отделение и, максимум, через час мы поймём — можно ли будет оттуда откачать солярку. Если не сможет, то, кот, тебе и карты в руки — сможешь поразвлекаться с гранатомётом от души. А если всё сложится удачно и топливо пойдёт по трубам, то, Саня, тоже должно быть хорошо — считай, сколько боезапаса сэкономим.

Этими словами он как бы подвёл черту, под затянувшимися разговорами, и мы, уже практически молча, под третью чашку чая, начали ожидать известий от Флюра.

У нас ещё оставались остатки чая в кружках, когда в кунг ворвался Сергей и, чуть ли не подпрыгивая на месте, начал кричать:

— Ну, что вы ещё сидите? Неужели не было слышно, как мы там взрывали? Эта железная дверь от наших гранат вылетела, как пробка из-под шампанского! Это я посоветовал Хану, заложить сразу две гранаты — чтобы наверняка её снести. Он уже пошёл обследовать машинное отделение. Давайте, быстрее пойдёмте туда, а то все лавры по добыче топлива достанутся Флюру.

После этих слов, он даже не стал дожидаться, пока все соберутся, а повернулся и бросился обратно на корабль. Мы, тоже быстро одевшись, весьма резво направились туда же.

При входе в машинное отделение, я почувствовал резкий и очень сильный запах дизтоплива.

Освещение туда Флюр уже провёл, и при ярком свете нескольких прожекторов мне предстала картина полного разгрома этого мёртвого царства механизмов. По-видимому, сила удара о землю была настолько сильна, что все дизеля были сорваны со своих станин. Они лежали металлическими островами в озере солярки, в нижнем углу машинного отделения. Дышать и находиться там, было практически невозможно. Из-за наклона судна, облитый соляркой пол, превратился в настоящую ледяную горку. Сунувшийся туда первым Саша, поскользнулся, упал и только благодаря своей ловкости, успел ухватиться одной рукой за железный край бывшего люка. Мы только вдвоём с Володей, уже задыхаясь, смогли оттуда его вытащить. Откашливаясь, шатаясь от головокружения, мы следом за остальными выбрались наверх в рубку.

Как только мы чуть-чуть отдышались, появились Флюр с Сергеем. На них были уже одеты, короткие куртки, опоясанные монтажными поясами, а на плечах висели сумки с противогазами. В руках у Флюра был насос с закреплённым шлангом, а Сергей нес, высокие болотные сапоги, капроновую верёвку и ещё одну тридцати метровую бухту шланга. Видя наше состояние, и внимательно оглядев испачканного мазутными пятнами Сашу, Флюр, усмехаясь, произнёс:

— Ну, что, друг Гораций, ты тоже попытался прокатиться с этой американской горки? Меня от нырка в эту зловонную жижу спасло только чудо и железная рука моего верного оруженосца.

Повернувшись к Сергею, подмигнув ему, он спросил:

— Я прав, мой верный Санчо-Панса?

— О да, великий повелитель взрыв-машинки!

Потом, уже обращаясь ко мне, Флюр более серьёзным тоном, продолжил:

— Вот, пошли, взяли противогазы и насос. Сейчас я по верёвке спущусь в самое низкое место, установлю насос, и мы попытаемся откачать эту солярку. Я так думаю, её там разлито тонн пять, глядишь, и получится залить полный заправщик. Видно хорошо хлестало из труб топливопроводов,

когда при столкновении с землёй от них оторвало дизеля.

Потом усмехнулся, хлопнул меня рукой по плечу и заявил:

— Ну что, Батя, теперь понимаешь, что надо верить внутреннему голосу, старого татарина!? Моя чувствует, когда шайтан вожжи припускает! Тогда нужно не теряться, а для получения большего эффекта — вкусно перекусить.

Я, шутливо зафиксировав ему апперкот, ответил:

— Да, Хан, видать тебя любят и Магомед, и Христос, и Кришна. Только это, наверное, спасло нас от большого взрыва паров дизтоплива. Хотя, конечно, нельзя исключать и большую минусовую температуру.

Как самые пострадавшие, мы с Сашей направились переодеваться, а все остальные остались помогать процессу добычи дизтоплива. Когда мы, переодевшись, вернулись назад, всё уже было подготовлено к перекачке топлива. А ребята собрались возле заправщика, курили и травили анекдоты. Увидев нас, Флюр что-то крикнул, и все встали в ряд по стойке смирно. Он сам, смешно пытаясь по снегу вышагивать строевым шагом, подошёл и каркающим голосом отрапортовал:

— Господин верховный правитель, ваши верные янычары, тьфу, чёрт, мародеры — построены. Разрешите приступить к грабежу этой посуды. Мы с трепетом ждали только вашего появления, чтобы начать этот процесс. И надеемся, что наши заслуги в этом богоугодном деле, будут достойно оценены добавками в пайки. И, может быть, вы даже смилостивитесь и дадите команду нашему несносному, железобетонному суперинтенданту вытащить из своих запасов пару литрусек горячительного. Если вы это сделаете, то мы будем смиренно лобызать следы, оставленные вашими валеночками.

Сказав это, он повернулся к строю и громко крикнул:

— Готовы ли вы принять самое активное участие в мародерстве для пополнения запасов нашего суперинтенданта?

В ответ донеслось, — всегда готовы, — и каждый в строю поднял руку, как бы в пионерском салюте. Сзади донеслись звонкие смешки — повернувшись, я увидел, что на это представление собрались все наши женщины. Это меня здорово взбодрило и подстегнуло, и я, как молодой петух, задрал голову и надменным тоном произнёс:

— Вольно, мои верные мародеры! Я сегодня очень добр и, поэтому, мучить вас своими речами и поучениями не буду. Даже больше того, пожалуй, к вам в помощь я направлю свой спецрезерв — отряд мародёрочек. И тогда вы увидите и поймёте, как нужно зачищать данный нам судьбой или богом, объект. И я думаю, вы сразу вспомните, и поймёте справедливость старой байки:

— Может ли женщина сделать из мужчины миллионера?

— Да, если он до этого был миллиардером!

Так что, я думаю — этот корабль, благодаря действиям моего спецрезерва, потеряет все свои богатства. В этом деле меня беспокоит только одно — для перевозки всего того, что надыбают наши дамы, элементарно не хватит места в наших боевых колесницах.

Картинно обняв и облобызав подошедшего к нам Флюра, я продолжил:

— А тебе, любимец Аллаха, я сообщаю персонально о своей воле — если вы на этой посудине найдёте что-либо спиртосодержащее, то так уж и быть, я закрою глаза на умеренное потребление сего зелья и, пожалуй, сам его испробую. И ещё, Хан-ибн-Флюр, мне кажется, что Катюша сможет

достойно отблагодарить тебя за свершённое чудо — вскрытие железного ящика посредством прирученного тобой огнедышащего джина.

После этих слов женское хихиканье прекрыл дружный хохот лужёных мужских глоток.

Оглянувшись, я увидел, что Катя, хоть и красная от смущения, смеётся совершенно искренне и самозабвенно. Флюр же, совершенно не смущаясь, сохраняя каменное выражение лица, гнул свою стратегическую линию:

— Батя, а что ты называешь умеренным потреблением? Например, вон, Малой считает — это литр на нос. Скажи, Серёга, а что нам будет с трёх, четырёх, пяти бутылок...?

В моей голове чётко сформулировалась мысль, что, судя по всем его последним разговорам, этот проныра наверняка нашёл в кают-компании хороший запас спиртного. И теперь хочет на волне эйфории по поводу найденной солярки вынудить меня сказать, что можно пить сколько влезет.

Поэтому, усмехаясь, я ответил:

— Все мы знаем Сергея и понимаем, что все его слова нужно делить на три. Так что, словами Малого — глаголет истина. Поэтому, давайте установим предельную норму в 333 грамма на человека. А ты, Хан, проныра эдакая, давай, колись — сколько бутылок нашёл в кают-компании? Флюр сделал круглые глаза и, слегка растягивая слова, заявил:

— Ну, ты, Батя, даёшь! Тебе раньше бы в таможне служить — хрен бы кто контрабанду протащил. А вообще-то нет, ты взятки брать не смог бы, а жаль, такого кадра таможня потеряла. Слушай — на худой конец, ты смог бы работать вахтёром на спиртзаводе.

Наверное, открыв этими словами шлюзы еле сдерживаемого смеха, он от души и громко начал гоготать. Особенно нелепо это смотрелось именно сейчас — когда все остальные уже отсмеялись и с интересом наблюдали за Флюром. Вот этой нелепостью он в конечном итоге рассмешил всех остальных. И в окружающее белое безмолвие понеслись рулады нашего смеха.

Когда эта истерия подошла к концу, Флюр, совершенно нормальным голосом, ответил на мой вопрос:

— Я то, перепрятав найденное спиртное, думал всех удивить, а ты, Батя, своей дедукцией, не дал это сделать. Ну ладно, докладываю — спиртного найдено не так уж и много, всего-то на пять бутылок больше, утверждённой только что тобой нормой потребления на человека. Исходя из этой нормы, мы сегодня можем выставить на стол — четырнадцать бутылок водки.

Он плотоядно облизнулся и похлопал ладонью себя по животу. В ответ раздался возмущенный возглас Гали:

— Ну и наглец же ты, Флюрка, даже младенцев включил в свои расчёты. Наверное, сговорился со своими собутыльниками, чтобы больше водки влить в ваши ненасытные утробы. Толя, не слушай этого прохиндея, разреши им выставить не больше четырёх бутылок на всех.

Посмотрев на Флюра, я усмехнулся, поднял указательный палец и сказал:

— Во, слышал, что общественность заявляет! Но так как я сегодня очень добрый, то предложение наших дам умножаю на два. И в итоге, на праздничный сегодняшний ужин, посвящённый нашим находкам, выставляем не более четырёх литров водки на всех.

Хлопнув его рукой по плечу, я продолжил:

— Но ты, Хан, не огорчайся, пожалуй, я тебя назначу главным в женскую мародёрскую бригаду. Вот там и попробуй провести свои идеи в жизнь и увлечь ими свой коллектив, а чтобы тебе жизнь мёдом

не казалась, заместителем у тебя будет Галя.

Хохотнув вместе со злорадно захихикавшими женщинами, я закончил:

— Ну а остальные, тоже делятся на две бригады, во главе со мной и Сашей и — вперёд на абордаж этого корыта! Как говорили раньше безвременно покинувшие нас "пиндосы", время — деньги. А применительно к нашей ситуации, время — это жизнь. В общем, чем раньше подчистим эту лоханку, тем раньше попадём в тёплые места, и будет нам — счастье! Имхо, я всё сказал!

После этих моих слов, мы довольно быстро разбились на бригады и определили для каждой из них сектор деятельности. Все найденные вещи договорились складывать на улице, недалеко от заправщика. Следить за процессом перекачки солярки осталась Маша, с детьми в кунге сидела Рита. Нашей бригаде досталась проверка кубриков, с этой работой мы справились в течение двух часов. Обшарив все тумбочки, шкафы и несколько потайных закутков, мы ничего интересного, кроме нескольких блоков сигарет и пяти бутылок водки, так и не нашли. Сашина бригада тоже ничего особо полезного не обнаружила.

Опять отличиться удалось только Флюру. Непонятно каким образом он обнаружил потайную морозильную камеру, там лежало килограмм пятьсот замороженных севрюжьих и осетровых туш. А рядом, в холодильнике стояла пятидесяти литровая ёмкость из нержавеющей стали, полная чёрной икры. Наверняка, всё это было добыто браконьерами и перевозилось для среднеазиатских баев. После этой находки у него установились самые тёплые отношения с Галей, она теперь иначе, чем — наш Флюрочка и Ханчик, его и не называла. А сам он ходил надутый и важный от этой находки и только покрикивал на членов своей бригады. Вот такого мы его и встретили, когда возвращались с нашей жалкой добычей в кунг. Он, гордо вышагивая, неся на плече здоровенную замороженную рыбину, направлялся туда же. Увидя нас, Флюр остановился, дождался нашего подхода и, с тоном превосходства, спросил:

— Ну что, бригада мусоросборщиков и трупоносов, нашли что-нибудь стоящее? Или, так же как и бригада Кота, идёте пустые? Я просто уписываюсь, вспоминая, как два часа назад Мастер и Интендант до хрипоты спорили по поводу того, какого размера выкладывать из щитов площадку для укладки вещей, найденных на этом судне. Жалко, что Батя их остановил — не дал немножко поработать и ошутить, что такое мартышкин труд! Эх, чтобы вы делали, если бы с вами не было такого следопыта, как я? Наверно, ходили бы вечно голодные и злые, обиженные на судьбу. А сейчас, благодаря мне, можно обжираться разными деликатесами и утрамбовывать их водочкой. Особенно должен молиться на меня Мастер — ему опять предоставляется возможность, потреблять черную икру столовой ложкой!

Этого тона и этих слов первым не выдержал Коля, раскрасневшись от негодования, брызжа слюной в разные стороны, он начал в ответ выкрикивать:

— Хан, окстись! Хрен бы ты нашёл эти холодильники, если бы я не откопал в капитанском сейфе точный план всех помещений судна. Да и Батя распределил вашей бригаде самые лёгкие и выгодные места. Это тебе не то, что досталось Сашиней бригаде, самые нижние помещения — там кроме замороженных крыс и искать то было нечего. Да и гордишься, может быть, ты, совершенно зря — неизвестно, что будет с этими продуктами, когда они растают. Представь, в каком ты будешь дерме — если всё это окажется кучей тухлятины!

Выкрики Коли поддержал и Валера, он, со смешком, мечтательно произнёс:

— Да, представляю физиономию Хана, когда он большой ложкой поедает тухлую икру, и грязными, сальными руками отламывает разлагающиеся куски осетрины. Флюр, ты сам ощути окружающий тебя в этот момент аромат. Что, сразу блевать захотелось? Вот и у меня сейчас от твоей самодовольной рожи начинаются рвотные позывы.

Лицо Флюра немного увяло, и он уже оправдывающимся тоном сказал:

— Да хватит бухтеть всякую ересь, сам ты стух уже от своей зависти. Не нравится, как говорится — не ешь, а позорить мои успехи не дадим! К тому же, с водкой — наверняка ничего не случилось. А нам, татарам, всё равно, что тухлая водка, что свежая — лишь бы с ног сшибала! А что сшибет, так насчёт этого готов с тобой поспорить, только тебе нужно уговорить Батю, чтобы выделил для эксперимента дополнительно — литра два водочки.

На улице было довольно морозно, а мы уже почти, что час не отогревались, и холод начал проникать в самые защищённые места. Поэтому, чтобы закончить эту пикировку на морозе, мне пришлось тоже высказаться:

— Хан, а напони-ка мне, что там говорила Галя про твой договор с собутыльниками? Сдаётся мне, что одного из них я сейчас вычислил. А что? Вы с Валерой сейчас разыграли хорошую сценку с намерением выжать из меня согласие на потребление ещё двух литров. Логично? Но только всё это — мимо кассы. Чтобы меня обмануть и заинтриговать, вам нужно сначала в меня влить литр сорокаградусной. А сейчас это невозможно, может быть, когда я искупаюсь в тёплом океане это и пройдёт, но сейчас, при этом морозе, никаких расслаблений — только вперёд. Когда доберёмся до тёплого моря, я сам стану самым большим твоим собутыльником и тогда мы проведём этот эксперимент, но ни в коем случае не раньше. А теперь — хватит болтать, а то отморозим даже пятую точку, и жёны нас разлюбят. Пойдём быстрее в тёплый кунг, и там узнаем — суждено ли нам от души наестся осетринной.

Когда мы зашли в наш кунг, бригада Саши в полном составе сидела за столами, уныло попивая пустой чай. Но моментально бросили это занятие и с большим интересом собрались вокруг печки, посмотреть на рыбину, принесённую Флюром. Он как раз любовно раскладывал её на сушильную решётку над печкой.

На этой же решётке уже стояла железная миска с замёрзшим куском чёрной икры. Края у этого куса уже начинали оттаивать, и несколько икринок лежало на дне миски. Я снял её с решётки, обнюхал икру — неприятного запаха не чувствовалось, потом, не удержавшись, ногтём отковырнул небольшой кусочек и сунул его в рот. По моим ощущениям, вкус у икры был отличный, совершенно не чувствовалось, что она долгое время была заморожена. Глядя на меня, каждый понемногу отковырнул от большого куса, а Коля даже не поленился взять большую ложку и наскрёб ею оттаянную икру. После чего, он, с причмокиванием начал её рассасывать, и через минуту заявил:

— В общем-то, ничего, правда, немного солоновата. Хотя первая, Московская партия, была, пожалуй, повкусней. Ну да ладно, эта тоже сгодится — под водочку будет в самый раз!

Услышав это, весь народ просто повалился на лавки в истерическом смехе, вымолвить в ответ никто ничего не мог. Один Саша, катаясь по мягкому матрасу нижних нар, только и повторял:

— О, мля, солоновата! Первая партия! Офигеть...! Ха-ха-ха!

В этот момент, к нам в кунг зашли Маша с Галей, недоумённо смотря на открывшуюся им картину, Маша спросила:

— Мальчики, вы что, сказились? Может быть, от голода у вас истерический припадок? Да вы успокойтесь — рыбный суп уже варится, минут через двадцать можно будет накрывать на стол. Видите, мы с Галей уже начинаем носить вам холодные закуски.

Сквозь смех, я еле смог ей связанно ответить:

— Понимаешь, Машунь, мы только что, перед обедом, прослушали лекцию Николая Палыча — о вкусовом отличии разных партий чёрной икры. Это настолько возбудило наши желудки, испорченные потреблением тушенки с макаронами, что сама видишь, во что это вылилось. И самое смешное знаешь, что? Он попробовал икру из разных партий, только три раза в жизни! Как Коля сам рассказывал, до катастрофы он съел бутерброд с чёрной икрой только один раз и то в детстве — когда был на каком-то спектакле в Большом Театре. Но, по сравнению со многими другими, он, конечно, знаток и корифей, они попробовали такую икру только после нашей Московской эпопеи. А я для них всех — просто олигарх какой-то, а как же, ведь едал её до катастрофы раз семь, не меньше. И они просто не представляют, что стограммовые банки с такой икрой во времена Советского Союза, давали иногда в продуктовых пайках в Москве перед самыми большими Коммунистическими праздниками даже таким простым инженерам, каким был я.

Услышав это, девчата тоже начали смеяться. Потом, вытерев рукавом выступившие слёзы, Галя, обращаясь к Николаю, сказала:

— Ну что, олигарх недоделанный, пойдём, поможешь нам принести тарелки и кастрюлю. Глядишь, это отвлечёт тебя от мечты о предобеденном аперитивчике!

Когда они ушли, мы дружно начали готовить столы к предстоящему праздничному ужину: расставлять на них тарелки, столовые приборы и принесённые закуски. Володя, как всегда кряхтя, полез за уже оприходованной им водкой. Минут через десять в кунг ввалились все наши женщины и дети. Они даже прихватили с собой собак. Сразу стало шумно, суетливо и весело. Пока все рассаживались, появился Николай. Он, сгибаясь, внёс большую кастрюлю с рыбным супом. Поверх неё, на громадном блюде, горкой лежали дымящиеся большие куски осётра.

Несомненно, рыба и принесённая из женского кунга уже размороженная икра, стали хитом этого великолепного ужина. Давно мы так вкусно не наедались, после первой партии варёного осетра, Флюр принёс вторую, уже с варёно-копчёной севрюгой. Оказывается, он успел, пока мы копались на корабле в поисках сокровищ Эльдорадо, найти в запасах кока коптильню, дрова и множество ольховых щепок и, при содействии женщин, втайне от нас, приготовить большую порцию севрюги. На настойчивые просьбы Сергея рассказать, как ему это удалось, он ответил:

— Эх, Малой — салага ты! В разведку тебя бы не взяли, да, впрочем, как и многих других. Только Кот почувствовал запах дыма в разрабатываемых моей бригадой отсеках судна, то даже он поверил моим объяснениям. А готовить севрюгу было совсем не трудно, самое тяжёлое было — перепилить её ровными кусками. Потом женщины их немножко проварили, а я на костре, разведённом в верхней каюте, окончательно их закоптил.

Этот разговор-спор затянулся у них минут на десять, а мы в это время, особо не отвлекаясь, с большим удовольствием поглотили всю оставшуюся рыбу. Когда они, закончив своё увлекательное занятие, собрались уже положить себе по второму куску — было очень интересно наблюдать за вытянувшимися лицами ребят, когда они увидели пустое блюдо. На немного обиженный и удивлённый возглас Сергея:

— А где моя добавка?

И ироничные слова Флюра:

— Ну, прожоры! Чисто тля — что видят, то без остатка поедают!

Последовал полный сарказма ответ Саши:

— Во, мля, дилетанты! Как будто за столько лет не поняли, с кем связались. Тут такой народ — без всяких сантиментов. На ходу подмётки срежет!

И громко захохотал, его поддержали все присутствующие. Через минуту Саша продолжил:

— Ты, Малой — чисто как дитя. Что думаешь, Хан боковым зрением не увидел, как мы доедаем рыбу? Наверняка, всё он прекрасно видел, а молчал из-за того, что у него явно где-то заныкана заначка. Ты что, не знаешь, он же артист. Наверное, он думал — какой произведёт фурор, когда принесёт дополнительные порции рыбы.

— Да знаю я, Котяра, что тебя — хрен проведёшь, — прервал его Флюр — но другим- то, что об этом рассказывать. Эх, опять мою тонкую задумку разоблачил.

И обращаясь уже к Сергею, он продолжил:

— Да ладно, Малой, не расстраивайся! Считай, наоборот, что нам повезло. Сейчас я принесу самые вкусные куски рыбы, и мы с тобой всё наверстаем. А эта обожравшаяся тля пускай потеет с досады, что уже просто не в состоянии засунуть в себя самые кошерные части этой божественной рыбы. Он усмехнулся, встал и пошёл за добавкой. Когда он её принёс и поставил на стол — уже начали смеяться все мы. Увидя выражение его лица, когда буквально за считанные секунды полное блюдо, опять оказалось практически пустым, (там сиротливо лежал последний кусок севрюги, по-видимому, всё-таки оставленный для Флюра), а на тарелках у остальных горделиво возвышались наилучшие куски рыбы.

Наш смех и задал настрой всему этому праздничному, богатому ужину. После уничтожения всей отваренной и закопченной рыбы, а так же выставленной водки, мы ещё долго сидели — пели песни, дурачились и веселились. После найденного запаса солярки, у всех появилась какая-то лёгкость в душе и уверенность, что всё у нас получится, и, что мы движемся к счастливому будущему.

Один Саша, сев в сторонку на табурет, разложив на кухонной столешнице бумаги, принесённые из капитанской каюты, внимательно их изучал. Я периодически поглядывал в его сторону и, где-то минут через сорок, не удержался и привстал, чтобы глянуть, что он с таким вниманием рассматривает. Это были какие-то карты. Наверное, подробно изучает наш маршрут, — подумалось мне. Я успокоился и с энтузиазмом присоединился к поющим под гитару ребятам.

Когда мы перешли к песням из репертуара Высоцкого, вдруг Саша встал, подошёл к обеденному столу, кинул на него кипу карт и сказал:

— Хочу сообщить вам пренеприятнейшее известие — нет, не про ревизора, и не про мифическую пробоину в цистерне, откуда вытекает наше топливо! А про то, какие мы всё-таки тупицы. Какие самоуверенные и зашоренные только на жратве и топливе, люди. Как мы, вроде бы битые жизнью и опытные мужики, могли так легкомысленно, основываясь только на школьные карты, выбрать маршрут к тёплому океану — через Иран. Хотя, даже по тем картам, было видно, что это горная страна. Нет! Всё затмили слова об обмывании наших сапог в волнах Индийского океана. Перед нашими глазами стояли только полные топлива терминалы Баку и Персидского залива. И почему-то всех успокоили слова Бати, что совсем недалеко от берега Каспийского моря расположен Багдад и

туда должны быть проложены прямые, хорошие дороги. А от него, такие же дороги идут к берегу Индийского океана. И если даже там разрушены мосты через горные реки, мы сможем при помощи крана, лебёдок и тельфера спустить на лёд первой попавшейся реки нашу технику и уже по ней добраться до океана. Даже я купился на эту фантазию, хотя первоначально, как вы помните, стоял за маршрут через Чёрное и Средиземное море. Но Батя убеждать умеет — этими полными терминалами, движением по руслам горных рек, меньшим километражем до океана, он меня и обломал. Тем более, я думал, что такую опасность в горах, как лавина — мы предотвратим с помощью гранатомёта. Но сейчас, изучив подробные карты территории Ирана, могу вам однозначно сказать, что мы вряд ли сможем добраться хотя бы до Багдада, не говоря уже о берегах Индийского океана. Всю территорию страны пересекают несколько нехилых горных гряд. Не считая мостов через горные реки и ущелья, я насчитал штук шесть тоннелей, но они, наверняка, тоже обрушились от землетрясения. А лезть в горы по объездным, узким, проходящим по крутым серпантинам, дорогам — это сродни самоубийству. Так что, как это не горько и не обидно, но нам придётся менять маршрут и, слава богу, что это произойдёт сейчас. Когда у нас опять полные баки топлива, температура ещё держится около значительного минуса, а, значит: Азовское, Чёрное и, надеюсь, Средиземное море ещё не начинали таять. Да к тому же, доехав сюда, мы сделали не такой уж большой крюк и, по существу, потеряли только время, но зато взамен — получили опыт, топливо, да и классную жрачку.

Услышанная новость для нас, благодушно настроенных, расслабленных и слегка захмелевших, была как ушат с ледяной водой. Несколько минут народ, выпучив глаза, смотрел на Сашу и молчал. Я судорожно перебирал листы брошенных на стол карт и тоже молчал. Эту могильную тишину, прерываемую только шуршанием бумаги, нарушил Флюр. Он просвистел какой-то весёлый мотивчик и сказал:

— Да! Настоящие герои — всегда идут в обход!

Этими словам он как бы прорвал плотину перед выражением нахлынувших на людей эмоций разочарования от зря потерянного времени и загнанного вглубь страха перед будущей нашей судьбой. Эти чувства вылились во всеобщий, безудержный, истерический смех. Смеялся и я — до слёз, до коликов в груди, только боль в районе сердца и нехватка кислорода привели меня в чувство. Прекратив смеяться, я ощутил, как признаки опьянения полностью куда-то исчезли, голова стала ясной, мысли потекли стройно и логично. К тому же, включилась какая-то генетическая хитрость, позволяющая в тяжёлой ситуации превращать явные провалы и недочёты — в несомненные достоинства и божий промысел. Поэтому, инстинктивно, даже не анализируя, я сказал:

— Вот! Словами Хана — говорит истина! Видно, волей providения мы поехали этим маршрутом, и нашли корабль, где капитаном был истинный русский сурвайвер. Это видно по подборке литературы, справочников и карт в его каюте. При этом он как будто чувствовал, что от морозов оптические диски придут в негодность и всю информацию, хранящуюся в электронном виде, записывал на флэшках, а также держал на жёстком диске ноутбука. Вспомните, как последние месяцы, перед эвакуацией, мы все ругали себя и сожалели, что не удосужились отыскать книжный магазин или библиотеку, чтобы набрать нужную литературу, справочники и географические карты. А тут, вам предоставлен на блюдечке с золотой каёмочкой, такой громадный подбор нужной для выживания информации и карт, что просто диву даешься. Для получения нечто подобного, нужно

было обшарить не меньше десятка больших книжных магазинов и потратить на выуживание таких данных не менее года. Я тут, кстати, порылся в его ноутбуке и знаете, что там нашёл — схему небольшой перегонной установки, чтобы из нефти делать различного вида топливо, включая и столь необходимую нам солянку. Да там есть схемы устройств на все случаи жизни. Так что, за такую информацию совершенно не жалко потраченного времени и сил. К тому же, в каюте имеется большой запас лекарств, нужных для тропического климата, а так же различных антидотов против отравлений. Там, куда мы сейчас направляемся, всё это может спасти нам жизнь. Так что поездка сюда, однозначно принесла нам пользу. А если посмотреть по карте, то мы проехали лишних, всего-то, километров пятьсот и то, это может быть на пользу. Не известно ведь, если бы мы ехали напрямик, до Азовского моря, то, сколько бы потеряли времени на безрезультатные раскопки заправок. А что они были бы безрезультатны, так это — к бабке не ходи, ведь плотность населения там была гораздо больше, чем в местности, где мы раскопали прошлую заправку. А теперь, времени и сил на это тратить не надо, можно спокойно двигаться вперёд. До Дона и Цимлянского водохранилища тут совсем недалеко, максимум, километров двести, а там уж и до Таганрога, который стоит на Азовском море, близко. К тому же, в рядом находящемся Донбассе, находится Лисичанский нефтеперерабатывающий комбинат, там могут оставаться ещё нефтепродукты, а если его весь выпотрошили, то, наверняка, нефть осталась в Новороссийске. Терминалы там, наверное, побольше, чем в Баку, ведь всё-таки там был самый большой порт в России по перекачке нефти в танкеры для экспорта. Там, я думаю, мы не останемся без топлива. К тому же, это порт, а значит — и корабли, если прямо сказать, мне понравилось мародерничать на них.

Прервавшись, я хлопнул сидящего рядом Володю по плечу, и добавил:

— Ну что, Интендант, придётся тебе ещё раз покряхтеть, доставая бутылку. Нужно выпить за капитана этого судна, за то чтобы он знал на небесах, что мы ему очень благодарны.

Володя, ничего не говоря, встал и, действительно кряхтя, полез в антресоль за новой бутылкой и банками с закуской. Пока он всё это ставил на стол, Саша ещё высказался:

— Кстати, наша бригада обнаружила на этом корабле небольшую сауну. Поэтому, предлагаю, завтра не суетиться с отъездом, сделать банный день, а то все воняют, как бомжи на Московских вокзалах. Это предложение встретило полное понимание и поддержку всех присутствующих. Во время распития этой последней, незапланированной бутылки, все, уже успокоившись и осознав необходимость смены нашей цели, с увлечением занялись разработкой дальнейшего маршрута нашего движения. Успокоились и улеглись спать только глубокой ночью.

Утром подъём был в десять часов, за завтраком было объявлено нашим дамам о смене маршрута движения и о предстоящем банном дне. Известие о бане полностью завладело их сознанием, и женщины практически не отреагировали на информацию по смене нашего маршрута. Этот день, из-за поднятой суеты вокруг бани и подготовкой к отъезду, пронёсся молниеносно. Какие-то мысли по поводу нашего дальнейшего движения пришли мне в голову только в постели, когда я, уже чисто вымытый, попытался анализировать вновь выбранный маршрут. Меняхватило минут на десять, потом, я, как-то незаметно уснул и очнулся только в восемь часов утра, когда пришедшая Маша начала греметь посудой, разогревая последний на этом месте завтрак.

Глава 6

В путь мы тронулись только в десять часов утра, схема движения была такая же. В первый наш

экипаж опять напросилась Вика — наблюдать за встречающимися объектами. После обнаружения ею корабля, я не препятствовал этому её решению, а, наоборот, только приветствовал. Двигались мы в уже отработанном четырёхчасовом ритме. Все наши водители уже привыкли к этому монотонному движению, даже Флюр начал гораздо реже болтать по рации.

Как-то незаметно мы въехали на замёрзшую поверхность русла реки Дон. Наш первый экипаж даже не прокомментировал это событие по рации. Комментарии начались, когда мы стали двигаться по тому месту, где раньше находилось Цимлянское водохранилище. К этому времени мы были в пути уже больше суток, температура в этой местности была -24 градуса, шёл небольшой снег. После небольшой остановки и смены водителей, когда я уже находился в полудрёме, раздался вызов по рации, и Флюр начал вещать Сергею:

— Как ты там себя чувствуешь, мой верный друг — Санчо Панса? Не угнетает ли тебя наш строгий босс? Цела ли твоя нежная попка? Ты не подумай ничего плохого, я имею в виду, не отсидел ли ты её?

Сергей, немного раздражённым голосом ответил:

— Слушай, Хан! Твои шуточки меня уже заколебали. Тебе что там, поговорить не с кем? Вас же в кабине три человека! Ты, наверное, там тоже уже всех достал.

Между тем, Флюр продолжал:

— Что ты нервничаешь, Малой, я же по дружбе тебя веселю, не даю уснуть. Можно сказать, повышаю технику безопасности и твою бдительность. А то, глядя в окна на открывающиеся бескрайние просторы, ты можешь, с непривычки, повредиться рассудком. Ты же, под своим Гомелем, не привык к таким масштабам. У вас там что: повернул голову направо — с полкилометра поле картошки и лес, повернул голову налево — то же самое, нет такого простора, как здесь. Вот уже, сколько едем, а конца и края не видать — лепота. А ты всё — бульба, бульба, — вроде бы ты и русский, а нет в тебе чувства широты и бесшабашности.

Дальнейшего трёпа я уже не слышал, сон всё-таки сморил меня. Очнулся я от тычков в бок. Открыв глаза, увидел, что мы стоим, а Сергей что-то говорит в микрофон рации. Я посмотрел на часы, с прошлой пересменки прошло чуть больше трёх часов.

— Значит, остановка внеплановая, — сразу же подумалось мне — не дай бог, если кто-то сломался.

— Малой, что стряслось? — требовательно спросил я. Он повернулся, протянул мне рацию и ответил:

— Да не чего страшного, Батя, не волнуйся. Флюр чуть там на какое-то препятствие не наехал.

Сейчас они пытаются разобраться, что это.

В этот момент, из рации раздался голос Саши, он спросил:

— Серый, ты разбудил Батю?

Я дунул в микрофон, и сказал:

— Я уже внимательно тебя слушаю. Что случилось, почему стоим?

— Батя, тут такое дело, похоже, все водоплавающие корыта нас преследуют, — ответил Саша, потом немного помолчал и продолжил:

— Уже начали мешать нашему движению. Флюр прямо чуть не наехал на торчащий винт какого-то судна. А ты скажи Малому, чтобы он аккуратно подъезжал к нам, потом захвати фонарь и на лыжах подъезжай к этому кораблю. Будем на месте думать, что делать дальше. Флюр уже там, я с Викой

тоже сейчас туда тронусь. Вон, вижу уже, что и Володя с Колей подтягиваются. Всё, пока, до встречи.

Рация замолкла, я посмотрел на Сергея и произнёс:

— Ну, что стоим, ты же всё слышал. Давай, подъезжай потихоньку к грузовому УРАЛу, и пойдём смотреть на это корыто.

Сергей, включив дополнительный прожектор над кабиной, начал медленно подползать к вездеходу нашего первого экипажа. Приблизившись, он встал параллельно ему, этим он дополнительно осветил лежащее практически на боку судно.

Действительно, буквально метрах в тридцати находился длинный снежный вал, у ближайшего к нам окончания его нелепо торчал только один корабельный винт, его легко было узнать — нижняя лопасть была полностью свободна от снега. Я вылез из ГАЗона, надел лыжи и подъехал к группе наших ребят, стоящих у самого этого винта и что-то горячо обсуждающих. Они спорили, к какому типу принадлежит это судно. Флюр, немного возбуждённый, утверждал:

— Да, наверняка, это какая-нибудь большая баржа. Я объехал вокруг этого корыта. Длина корабля около 140 метров — конечно, великовато для обычной баржи. Трюм у этого судна открытый и там внавалку лежит щебень. Половина его высыпалась, и внутри трюма образовались пещеры, не засыпанные снегом.

Саша же, пытался ему возражать, говоря:

— Да ладно, Хан, у тебя любое судно, которое не на море — это корыто или лоханка, в лучшем случае — баржа. Ты бы лучше внимательно изучил материалы из ноутбука, взятого из каюты капитана. Там есть хорошая подборка всех типов судов. Пока ты катался на лыжах, разглядывая трюмы, я её просмотрел. И доверяя твоему глазомеру о длине этого судна, могу сказать — скорее всего, это теплоход серии Волга-Дон. А в этой серии много судов с открытыми трюмами. Оно шириной более 16 метров, а это как раз соответствует высоте этой снежной горы, если допустить, что вода из водохранилища ушла, и судно легло боком прямо на грунт.

Подъехавший Сергей с ходу ввязался в разговор, он сказал:

— Да что вы спорите, ни о чём? Какая, нахрен, разница, что это за корабль! Самое главное в нашем деле — это, есть ли тут топливо и как, особо не задерживаясь, его добыть? Вот, что нужно обсуждать! А вообще, чем ляды точить — лучше быстрее встать на стоянку, похлебать горячего супчику, да нормально выспаться.

На этих словах Флюр и Саша дружно засмеялись, потом Флюр, продолжая изредка пофыркивать, произнёс:

— Ну, ты и чудило — Малой! А ради чего, мля, мы тут, на морозе, глотки рвём! Ты хоть понимаешь, что точно определив тип судна, мы сможем быстро добраться до танков с соляжкой. Или ты хочешь опять ковыряться трое суток, перекидывая эти горы снега?

И, обращаясь уже ко мне, он продолжил:

— Эх, Батя, вот бы этой горе мышц, ещё и мозгов побольше — цены бы этому Санчо Панса не было. В разговор опять вступил Саша:

— Да ладно тебе, Хан, наезжать на парня. Ты лучше дело говори — что сам-то предлагаешь?

Флюр, оглядев всех, усмехнулся и изрёк:

— Как будто вы не знаете мои предложения — взрыв, только взрывом мы проложим путь к столь

вождеденному топливу. Так уж и быть, я готов пожертвовать своим последним резервом тола, чтобы пробить борт этой посуды. Саня, если ты уверен, что это Волга-Дон, то тогда, по схеме, мы легко найдем, где расположены танки с топливом, пробиваем там борт и, насосом, выкачиваем солярки столько, сколько нам нужно. Перед этим, из гранатомёта сбиваем снег с нужного места, лопатами, или снегоуборщиком всё там подчищаем, и я начинаю священнодействовать. Думаю, часов за десять мы всё это сделаем.

Он посмотрел на Володю и добавил:

— Если, конечно, наш Интендант расщедритя на хорошую жрачку, ну и, естественно, на дополнительный стимул...

— Слушайте, а на кой ляд нам вообще тут задерживаться, — вдруг выдал Николай, — по всем расчетам у нас и так горячего хватит до Новороссийска, к тому же, мы и взять-то сможем тонны две, не больше.

— Расчёты — расчётами, а полные баки и цистерна нам явно не помешают, — подвёл я итог разговору и добавил, — к тому же, немного времени у нас есть, вряд ли, исходя из нынешних температур, Средиземное море начнёт таять раньше конца апреля.

Потом, глядя на Сашу, спросил:

— Санёк, а реально это — гранатомётом очистить борт от снега, а потом толком пробить ход к танкам этого теплохода. Не получится ли большой звездец этому кораблю, да и нам — грешным?

Он, даже не думая, ответил:

— Насчёт звездеца, это вряд ли, тем более, мы, на всякий случай, отъедем подальше. А вот поможет ли стрельба из гранатомёта, то тут — не знаю, но, по любому, стрелять надо, хоть лишний снег собьем. Корабль лежит на боку с уклоном градусов тридцать, образовалась хорошая железная горка, поэтому, снег должен сверху хорошо пойти, к тому же, ему есть, где собираться — вон какая ложбина образовалась у днища. У этого типа теплоходов ёмкости с топливом находятся внизу, даже ниже, чем дизеля, поэтому, если не убрать верхний снег, при взрыве завалит пробитое отверстие и его придётся откапывать вручную. Здесь есть ещё один нюанс — борта могут быть двойные и взрывать придётся два раза.

Выслушав это, я оглядел всех наших водителей и спросил:

— Будем откапывать это топливо или ну его, побережём наши силы?

Общий настрой высказал Сергей:

— А чего не размяться-то! Пока ехали, уже все, наверное, мозоли на заднице натёрли. К тому же, нормально поесть, да и поспать на кроватях можно будет. Ведь сейчас не так уж и холодно, всего-то -25 градусов — работать можно.

Выслушав это, я стал давать распоряжения:

— Так, тогда начинаем ставить лагерь по нашей обычной схеме, только не меньше, чем в километре отсюда. Потом пообедаем и укладываемся спать. Сейчас второй час ночи, допустим, что в четыре часа уже все улягутся, значит, подъём в десять часов утра. Затем, Саша и Флюр, на рабочем модуле ТТМа подъезжают к теплоходу и с крыши вездехода, гранатомётом, сбивают снег в нужном нам месте. Ну а потом уже будет видно, что дальше делать. Да ещё, чуть не забыл — Максим, ты залезь в наш кунг и затопи печку, ну а ты, Володя, предупреди наших дам, чтобы начинали готовить обед. Всё, по коням — время пошло!

Народ стал расходиться по своим вездеходам. Минут через двадцать мы уже начали устраивать новый лагерь, а около трёх часов ночи все уже сидели за столом в нашем кунге и обедали. Этот ночной обед был очень тихим и быстрым, проходил без особых разговоров и обсуждений. Все чрезвычайно измучились долгой дорогой и мечтали поскорее принять горизонтальное положение. Я уже в половине четвёртого лежал на своём спальном месте и как будто издали слышал, как убирались последствия нашего пиршества. Как обычно, заботу о мужском бытовом благополучии несли наши жёны.

На следующее утро я проснулся от шума отдалённых взрывов, подскочил от неожиданности и получил ощутимый удар по голове, наткнувшись на перекладину второго уровня наших нар. Громко выругавшись, я даже разбудил лежащего рядом Володю, который привстал, удивлённо смотря на меня и участливо, спросил:

— Ты что, Толь? Неужели даже тебя уже укатала такая жизнь, что кошмары снятся?

— Какие, нахрен, кошмары...? Ну, Конь и спроектировал нары, мог бы, гад, сантиметров на пять перекладину повыше сделать, — сказал я, потом снова матюгнулся и продолжил:

— Уже второй раз головой долблюсь, наверное, такую шишку набил, что теперь шапку без местного наркоза не натянешь. Слушай, Володь, ты никаких взрывов не слышал?

— Не, ну точно, тебе какой-то кошмар приснился, — ответил он, — вон, уже войнушка мерещится.

В этот момент опять раздалась серия отдалённых хлопков.

— Во, теперь-то слышишь! А то — кошмары, войнушка! Я уже забыл, когда последний раз сон видел, Состояние, как у робота — поработал, потом отрубается, а через четыре часа снова включаешься и опять та же самая работа.

Володю совершенно не беспокоили услышанные звуки, он, даже не меняя тона, произнёс:

— А, это, наверняка, наши вояки с гранатомётом развлекаются. То-то я сквозь сон чувствовал, как с верхней полки Саня с Флюром спускались. Я ещё, когда они вышли, посмотрел на часы, было половина десятого, ну, думаю, полчаса-то я имею право ещё соснуть.

Этими словами он пробудил и во мне способность к осмысленным действиям и мыслям. Я посмотрел на свой хронометр и присвистнул:

— Вот это даванули! Уже одиннадцать часов! Что же они нас-то не разбудили? Ведь договаривались, устраивать подъём в десять часов. А они, судя по всему, и наших дам предупредили, чтобы те нас не будили и подождали с завтраком.

— Во, Батя, чувствуешь профессиональную заботу об отдыхе личного состава, — съязвил Володя, — а ты бы всех поднял в десять часов, и все кроме, наших саперов, мучились бы бездельем всё это время. Наблюдали бы из окна, как они обстреливают теплоход. А так, мы хоть лишний часок поспали.

С верхней полки свесилась голова Сергея, позёвывая, он произнес:

— А Интендант-то прав. Солдат спит — служба идёт! Я тоже слышал, как они перешептывались, но набиваться в напарники не стал. Коль они такие ответственные и добренькие, то мне и не грех, лишнее время поваляться в тепле.

И он громко заржал, разбудив всех остальных, правда, сам Сергей заработал подушкой по голове от лежащего рядом Валеры, который после этого воскликнул:

— Да, жалко, что ночую не на нижней полке, там можно было бы дотянуться до чего-нибудь более

существенного, чтобы поучить тебя хорошим манерам.

В ответ на эти слова раздался всеобщий, громкий хохот.

Вот с таким хорошим настроением, полностью выспавшиеся и отдохнувшие, мы встали и начали одеваться. Николай послал Макса в женский кунг — чтобы он предупредил наших дам, что мы полностью готовы к завтраку. Пока он вместе с Машей и Галей носил уже готовые блюда, появились и Саша с Флюром. Их появление Николай встретил словами:

— Ну что, страдальцы за народное дело, намёрзлись на улице? Я бы, на месте Бати, распорядился, выделить вам по пятьдесят грамм коньячка. Пока мы тут спали, вы уже, небось, очистили от снега весь корабль.

— А что, Мастер прав, — молниеносно поддержал его Флюр, — по крайней мере, по лишнему черпаку супчика мы с Саней явно заслужили.

— Не беспокойся, внеочередная добавка супа в обед — вам полагается, а сейчас, от общества, мы вам выделим по добавочному бутерброду с паштетом, — успокоил я этого хитрого жучилу.

Потом повернулся к Володе, подмигнул ему и предложил:

— Ну что, Интендант, я, конечно, понимаю, как тебе тяжело, но поощрить ребят надо. Так что, давай, не жмись, доставай баночку. И считай, что это плата за лишние полтора часа, которые они дали нам продрыхнуть.

Пока Володя, опять кричтя, доставал консервную банку, ребята разделись, умылись и сели за стол, где уже стояли тарелки с завтраком. Мы опустошили их, буквально, за несколько минут. И, попивая компот из сухофруктов, Саша приступил к рассказу о том, что они сделали за это время:

— Первым, встал Флюр, он то и предложил пойти пораньше и отработать по этому теплоходу из гранатомёта. Я тоже подумал, что вас будить совершенно не обязательно, по любому, стрелять будем мы, а вы, хоть немного, но ещё поспите, да и под ногами мешаться никто не будет. Результатов нашей стрельбы пока не видно — всё в снежной пыли. Как раз, когда позавтракаем, снег осядет, и можно будет думать, что нам делать дальше. Но, всё равно, к судну надо везти сразу и снегоборщик, и генератор, да и другие инструменты тоже. Так что, Батя, запрягай ребят, чтобы всё начинали укладывать в сани. Флюр достал из своего загашника последние три толовые шашки и положил в бардачок ТТМа.

Все внимательно слушали Сашу, и мне даже не пришлось командовать — вся техника и инструменты были давно закреплены, и каждый знал, что ему нужно делать. Поэтому, когда все оделись и вышли из кунга, никакой суеты не было. Мы быстро догрузили одни сани, прицепили их к ТТМу и, набившись как селёдки в банке, в кабину этого большого вездехода, поехали к теплоходу. Добравшись туда, мы увидели довольно оптимистичную картину. Практически весь борт в корме судна был свободен от снега. Когда я на лыжах подъехал вплотную к месту, где по схеме должна была находиться топливная ёмкость, то увидел, что кубов двадцать снега нам всё равно придётся откидывать от борта. За мной следом подкатили и остальные ребята. Так что, мне не пришлось на пальцах показывать, кто, что будет делать. Работы предстояло, максимум, часа на три, поэтому, мы договорились, что управлять снегоборщиком будут посменно только два человека, а именно — я с Сергеем. После чего, мы отправляемся отдыхать и в других работах участия принимать не будем. Обговорив всё это, совместными усилиями сняли "Хонду" с саней, подогнали к теплоходу, и я, начал снегоборщиком откидывать снег от борта. Сергей вместе с остальными направился в наш лагерь,

чтобы перегнать к кораблю ГАЗон — было довольно холодно, и необходимо было место для обогрева. Перед тем, как уехать, Саша отцепил сани с оборудованием и топливом, подошёл ко мне и спросил:

— Слушай, Батя, как ты считаешь — имеет ли смысл обустроить нашу стоянку?

Выключив "Хонду", чтобы она не тарахтела, я ответил:

— Да всё зависит от Флюра. Если он сможет быстро пробиться к танкам с топливом, то тогда завтра нужно трогаться дальше. Значит, городить основательный лагерь не надо, тем более, после взрыва, всё равно нужно будет всей техникой подползть сюда, чтобы заправиться. Поэтому, вы там особо не напрягайтесь — лучше отдохните, да и наши дамы и дети уже соскучились без мужского общества.

— Понял, — коротко произнёс Саша и направился к вездеходу.

ТТМ тронулся, и я опять завёл снегоуборщик, продолжая прерванную работу.

Малой, на ГАЗоне, подъехал минут через тридцать, и я, уже основательно замёрзший, с наслаждением забрался в тёплую кабину. Вместо меня "Хондой" стал управлять Сергей. Хотя на улице, по сравнению с морозом, стоявшим в начале нашей эвакуации, было и не очень холодно, всего-то -22 градуса, мы всё равно решили меняться через каждые полчаса. Вся эта работа заняла у нас чуть больше трёх часов. Ещё до её окончания, я по радиации вызвал Сашу и сказал:

— Всё, дело сделано! Бери нашего взрывника, и дуйте сюда. Пусть он покажет, на что способен. Других ребят не бери, пускай отдыхают — в случае чего, подсобниками побудем мы с Малым. Да, скажи нашим дамам и Володе, чтобы готовили праздничный обед. Даже если не добудем солярки — всё равно, мы его заслужили. Ладно, ждём вас.

После того, как мы очистили от снега нужное место у борта судна, минут через десять появились и ребята. ТТМ подъехал на пару метров к очищенному борту теплохода, и первым из него выпрыгнул Флюр. Он, даже не одевая лыж, слегка проваливаясь, подошёл к металлической поверхности и рулеткой начал вымерять расстояние от начала палубы до предполагаемого места нахождения топливного танка. Мелом, нарисовав овал, он повернулся к нам и заявил:

— Ну вот, вы видите место будущего источника солярки. Малой, ты давай, шуруй к УРАЛам и начинай, как я тебя учил, коптить рыбу. Не позднее, чем через два часа, к тебе пожалует чертовски голодный Хан, ты уж постарайся его уважить, а то больше я тебя ничему учить не буду — так неучем и останешься.

Глядя на очерченную мелом металлическую поверхность, я спросил у Флюра:

— Хан, ты бы, всё-таки, объяснил, как будешь делать отверстие? Ведь стальной лист борта очень толстый, а у тебя осталось всего три шашки с толом. Если просто прикрепишь их скотчем к борту, то при взрыве всего лишь прогнётся металл и всё — к тому же, борт может быть и двойной.

На моё сомнение, Флюр ответил:

— Правильно мыслишь, Батя! Но на это у нас есть ход конём. Так уж и быть, раскрою тебе наше с Сашей ноу-хау. Когда вы уедете, мы с Саней тоже отъедем метров на сто, после чего, Кот, как лучший снайпер, возьмёт РПГ и сделает в отмеченном месте дырку. Если после этого, наша лоханка не загорится, то туда подхожу я и толом расширяю пробоину. Потом, если даст бог, мы, все-таки, не запалим этот теплоход, то уже в самом топливном танке высверливаем отверстия, чтобы мог пройти насос, и вызываем Дохтура на бензовозе. Ну а мы, я и вас с Малым считаю, спокойно сядем в ТТМ и будем насыщаться вкусными калориями. А там, глядишь, Интендант ещё и несколько капель

горячительного выделит. Остальные же пускай отработывают полученный внеплановый отдых — наполняют соляркой цистерну и подготавливают всё к дальнейшему движению.

— Слушай, а ты не боишься, что топливо, всё-таки, загорится и получится большой бумм..., — спросил я?

— Какой, нафиг, бумм...! Это же соляра, а не бензин, да и температура сейчас -22 градуса. Кстати, вспомни прошлый корабль, всё обошлось без всяких внутренних взрывов и даже без пожара. К тому же, сейчас у нас положение с топливом совершенно не критичное и, по большому счёту, хрен с ней, с этой соляркой, главное сейчас — не упустить время.

Выслушав это, я хмыкнул, потом хлопнул рукой его по плечу и сказал:

— Ладно, держайте, мужики! Вам как старым воякам, вся эта бодяга с толом и гранатомётом более знакома и близка. Ну а мы с Сергеем тогда поедим на хазу, будем ждать вас с победой.

— Да, и пускай Малой не забудет про копчёную севрюгу, — крикнул нам вслед Флюр, когда мы уже подошли к ГАЗону.

Приехав в лагерь, мы, ничего не убирая с саней, сразу же направились в наш кунг. Там все преспокойненько дрыхли, я тоже, умывшись, забрался на своё спальное место. Сергей же, чертыхаясь, отправился готовить копчёную рыбу, бубня себе под нос:

— Ну ладно, чёртов Хан, так уж и быть, сделаю я тебе рыбки, только ты топливо добудь и сам не пострадай. Я глядел на него, и мне вспомнился трогательный момент старого Советского фильма "Чапаев" — это момент, когда взяли в плен адъютанта белого генерала. С этими воспоминаниями я и уснул.

Вывел меня из сонных грез не столько шум от громких разговоров и звона столовых приборов, сколько разнёсшийся по всему помещению божественный запах свежескопчёной рыбы. Увидев, что вся наша бравая команда бесцеремонным образом сидит за столом, без меня, и каждый из них накладывает себе в тарелку огромные куски рыбы, я соскочил с кровати и громко воскликнул:

— Вы что, лишенцы, совсем потеряли совесть? Забыли, кто тут главный? Без меня уселись поедать этот вкуснейший продукт? Всех, нафиг, разжалую!

— Батя, не бойсь, твоя доля не тронута, я её припрятал, — успокоил меня Сергей, — да и в женщинам передал их порции.

— Тебя, наоборот, уважили, не стали прерывать твой сладкий сон, — поддержал его Саша, — к тому же, это так — лёгкая разминка перед настоящим праздничным банкетом.

Пока они говорили, я быстро оделся, уселся за стол и потом требовательно постучал вилкой по столешнице. Сергей, ничего не говоря, встал, достал из антресоли и передал мою порцию севрюги.

Только после того, как полностью подчистил тарелку и взял чашку с чаем, я начал прислушиваться к ведущемуся разговору. Вдруг, до меня дошло, что если Саша и Флюр здесь, то операция по вскрытию теплохода завешена, и я, перебивая всех, спросил у нашего взрывника:

— Слушай, Хан, я, видать, всё самое интересное проспал. Скажи-ка, как там обстоят дела с пробоем борта теплохода.

Флюр, прекратив втолковывать что-то Игорю, повернулся ко мне и ответил:

— Ха, да не в жизнь не поверю, что Батя может проспять самое интересное. Ты же раздачу севрюги не проспал. А что касается теплохода, то там всё — тип-топ. Дырку в борту сделали с одного выстрела РПГ, потом, я двумя толковыми шашками расширил это отверстие и, кстати, этим же

взрывом пробил дыру в топливном танке. Металл, наверное, из-за морозов, стал какой-то хрупкий. Я явно переборщил, установив там две котлеты с толом. Хотя, благодаря этим же морозам, ничто не загорелось, а солярка похожа на кисель.

— А что, там много топлива вылилось, — продолжал выспрашивать я?

— Да не волнуйся, сколько бы ни вылилось, нам заполнить заправщик — останется, — с усмешкой произнёс Флюр, — вот сейчас я и даю Доктору с Мастером ЦУ, как им действовать при откачке топлива.

— Какого чёрта, металл стал такой хрупкий, ведь он находился под снегом, и температура там должна быть гораздо выше, чем на поверхности, — удивился я, — вон у нашей техники, нет же проблем с корпусными деталями.

В разговор вступил Володя, он попытался ответить, на высказанное мной удивление:

— Верхняя часть борта теплохода, была практически свободна от снега, он как с горки, под воздействием собственного веса скатывался вниз. Металл оголялся, а так как теплопроводность его очень высокая, то воздействие низких температур, ощущалось даже и глубоко под снегом. У нас же в подснежных гаражах, контакта с внешней атмосферой не было, и как мы знаем, там температура, редко опускалась ниже — 40 градусов. По-видимому, также было и в откопанных нами ангарах военного склада.

— А почему же под воздействием таких температур, не рассыпался наш ветряк, — продолжал я допытываться?

— Ну, это, лично твоё, Толя, везение или интуиция, установить вместо стойки корпусные детали от крана, — продолжал втолковывать мне Володя, — они были изготовлены из специальной стали, рассчитанной на большие колебания температур и ветровую нагрузку.

Я озадаченно почесал затылок, улыбнулся и предложил ему:

— Слушай, Вован, ты бы это моей Маше рассказал. А то я помню, как она грызла меня, что рядом с таким красивым домом установили это убожество. Мол, портит весь вид и не только нашего участка, но и всего посёлка. Всё пыталась на меня воздействовать, что уж если и пришла такая дурь в голову — то установи приличный, изготовленный на заводе ветряк.

— Ладно, когда-нибудь проведу с ней беседу, чтобы она холила и лелеяла такие твои мозговые заскоки, — пообещал Володя и продолжил:

— Если бы ты тогда её послушал, то мы бы здесь не сидели, а лежали бы замороженными тушами под рассыпавшимся от таких морозов ветряком.

Пока мы разговаривали, Игорь, сопровождаемый неуёмным Флюром, который решил лично, вместо Коли, контролировать процесс закачки топлива в цистерну, вышли из кунга. Максим пошёл помогать женщинам в приготовлении праздничного ужина. Сергей опять завалился спать. Остальные на трёх ноутбуках занялись изучением материалов, найденных нами в капитанской каюте. Например, мы с Сашей с большим интересом изучали материалы по трассе нашего предполагаемого движения; Володя с Колей что-то обсуждали, склоняясь над схемой перегонного устройства — этакое мини нефтеперерабатывающего завода; а заглянув на экран ноутбука, за которым сидел Валера, я увидел ожидаемую мной картинку — схему ветряка.

Этими делами мы занимались больше часа, пока Макс вместе с Галей не начали заносить уже готовые блюда для праздничного стола. После этого, все выключили компьютеры и начали с

энтузиазмом им помогать. Через полчаса нарисовались и Флюр с Игорём, в кунге сразу же запахло соляжкой, да так, что Галя заставила их снять телогрейки и вынести их на улицу на проветривание. Выйдя, они появились обратно минут через пять, после чего в воздухе начал ощущаться аромат знаменитого эликсира Дохтура. Галя этого запаха не знала, а Флюр с улыбкой до ушей, вешал ей лапшу на уши:

— Дорогая Галочка, то, что вы чувствуете своим чудным носиком — это наш с Дохтуром природный запах. Он особенно проявляется, когда на кожу попадает немного соляжки, но до обретения полного букета, нужно ещё немного помёрзнуть. Изничтожить его можно только, если хорошо покушать, и утрамбовать это несколькими каплями водочки, после чего — подремать минуточек шестьсот. Не выдержав сам своего балабольства, он согнулся и заразительно засмеялся. Его поддержали все мужчины, прекрасно знающие запах эликсира Дохтура. Галя недоумевающее на нас посмотрела, потом негодуяще фыркнула и гордо удалилась в женский кунг. Ну а мы ещё минут пять от души смеялись. Этому поспособствовал и довольно глуповатый вид недоумевающего лица едва проснувшегося Сергея. Всё это веселье прервало только появление других наших дам, пришедших на этот импровизированный, банкет.

После их появления все успокоились и чинно расселись по своим местам. Флюр рассказал нашим дамам всю эпопею по добыче топлива, не забыв указать и на свою незабываемую роль в этом мероприятии. Затем началась, можно сказать, гастрономическая феерия для наших неизбалованных желудков. За этим ужином мы испробовали все наши стратегические запасы деликатесов, ну и спиртного, конечно.

Ужин закончился тихо и достойно, наверное, уже все устали за время нашего путешествия так часто шутить и прикалываться. Я, конечно, понимал, что всплеск этой искусственной весёлости был вызван крайним напряжением всех духовных и физических сил. Чтобы как-то снять почти никогда не прекращающееся перенапряжение, я и сам способствовал возникновению этих, чаще всего плоских и жестоких шуток. Если прямо сказать, наше положение было очень незавидное, а будущее — туманно. Мы были лишены нашего дома-убежища, за всё это время ни разу не увидели даже и намёка на какие-то остатки цивилизации. С одной стороны с надеждой, а с другой со страхом я думал о нашем путешествии на юг. Я боялся, что даже если океан и освободился ото льда, то, всё равно, вследствие бывших минусовых температур, всё живое погибло. Могло получиться и так, что добравшись до тёплого океана, мы окажемся в безжизненной пустыне. Вопрос — как нам дальше выжить в основном и давил на нашу психику. А ещё чувство кошмарного одиночества и страх перед мёртвым и равнодушным прессом стихии. Может быть, поэтому мы и держались друг к другу так близко — за всё это время у нас ни разу не возникало между людьми больших конфликтов. Все очень бережно относились к своим, можно сказать, соратникам, да и к сохранённым нами животным тоже. Обычно целой трагедией было, когда приходилось заниматься отбраковкой появившихся щенков; многие с трудом переносили, когда забивались лишние куры. Очень бережно мы относились и к нашей технике, так Николай, да и многие другие, каждую свободную минуту посвящали её профилактике и уходу. Ещё бы, ведь теперь исправность и надёжность вездеходов были последней надеждой и опорой в той борьбе, в которой по воле проведения мы принимали участие — эта была отчаянная борьба за жизнь.

Перед тем, как укладываться спать, были обговорены наши дальнейшие планы. Саша коротко

обрисовал анализ нашего нынешнего положения и его видение нашего дальнейшего маршрута: — По-моему, после нахождения этого теплохода, загруженного щебнем, всем должно быть ясно, что плотина, перегораживающая Дон, разрушена землетрясением — корабль лежит на грунте. Вода из Цимлянского водохранилища ушла. Поэтому двигаться по руслу реки нам не стоит — не факт, что мы сможем проехать сквозь искорёженную плотину. Тут совсем недалеко до Цимлянска, там нужно выезжать на берег и двигаться в район города Шахты. Я считаю, что нам обязательно нужно проверить район, где раньше добывали уголь. Мы же сами, когда обсуждали вопросы о том, где могли выжить люди, на первое место всегда ставили угольные шахты. А тот район расположен достаточно далеко от русла Дона, и прорвавшаяся через плотину вода вряд ли затопила находящиеся там шахты. К тому же, крюк получается совсем небольшой, ну проедем лишних двести километров, зато потом, от города Шахты, поедem напрямую в район Таганрога, там спускаемся на лёд Азовского моря и двигаемся к Керченскому проливу. Когда доберёмся до Чёрного моря, будем решать — двигаться ли нам к Новороссийску, на поиски топлива, или напрямик к Босфору, с заездом к побережью Румынии, там, в районе Констанца, тоже должны быть большие нефтяные терминалы, впрочем, в Одессе они тоже имеются.

Выслушав его рассуждения, я тоже высказался:

— Слушай, Саш, страшно сейчас встречаться с другими группами выживших. Уже столько лет не видели и не общались ни с одним новым человеком. Хрен знает, кто там мог выжить — вдруг, какие-нибудь уголовники. Судя по тому, как нас, уже хоть немного подготовленных к катастрофе, прессовала стихия, то в неподготовленном обществе могли выжить только настоящие волки, а им палец в рот я бы не положил. Тем более для них такой соблазн — наши великолепные вездеходы, да ещё, вдобавок, большие запасы продуктов и топлива.

— Волков бояться — в лес не ходить, — ответил мне Саша, — нельзя уподобляться страусу, засовывая при малейшей опасности голову в песок.

— Да и выжить такой маленькой колонией как у нас, невозможно, по этому поводу можешь проконсультироваться с нашими генетиками, — продолжил он.

Вдруг в разговор вступил, Флюр, он, несколько повышенным, взволнованным тоном, высказался:

— А Батя-то, прав! На всякий случай, нужно доставать и расконсервировать всё наше оружие. Имеет смысл не рвать завтра сразу вперёд, а некоторое время постоять здесь. Вспомнить старые навыки обращения с оружием, да и пострелять по мишеням не мешало бы, а то вон, например, Серёга, уже, наверное, забыл, с какой стороны подходить к автомату. И раньше-то больше уворачивался от гильз, чем прицельно стрелял. Хотя, конечно, мастерства не пропьешь — вон Саня с первого выстрела из РПГ попал точно в цель. Но остальные-то этого мастерства не имеют и от первой пролетевшей мимо пули могут наложить в штаны и забыть, где у АКМа находится курок.

После этого страстного выступления Флюра наша беседа свернула на новую стезю. Более часа мы обсуждали, какие меры нам нужно предпринять при встрече с другими людьми и стоит ли искать с ними контакт и, в конце концов, решили, что поедem маршрутом, предложенным Сашей и осмотрим, по крайней мере, пару шахт, где могли укрываться выжившие люди. При обследовании этих мест будем предпринимать максимальные меры предосторожности и осмотр производить на двух лёгких вездеходах, предварительно отцепив от ГАЗона сани, а от ТТМа модульный прицеп. Ближайшие три дня никуда не едем, а стоим здесь лагерем, достаём и смазываем всё оружие, потом занимаемся

огневой подготовкой. Также договорились, что Коля вместе с Валерой установит у верхнего люка ТТМа шаровую опору, чтобы туда можно было устанавливать пулемёт, или гранатомет. Это, самое тяжёлое наше вооружение, будем теперь хранить в кабине ТТМа. Автоматы же теперь должны находиться у каждого прямо на рабочем месте в кабине. После этого разговора все, какие-то задумчивые, разбрелись по своим спальным местам. Кстати, ещё договорились, что после того, как выедем с территории бывшего Цимлянского водохранилища, на любой стоянке устанавливать дежурства.

На следующий день началась наша боевая учёба. Саша с Флюром, вспомнив своё военное прошлое, за эти три дня согнали с нас по семь потов. Мы израсходовали половину нашего немалого запаса патронов, но из РПГ было сделано всего три выстрела, и то стреляли только Флюр и Саша. После этого, у нас в запасе осталось всего шесть запасных выстрела. В стрельбе из автоматов по мишеням приняли участие и наши женщины. Одним словом — развлекались мы по полной. У меня даже одно ухо стало плохо слышать, а на плече образовался синяк от отдачи АКМа. Но, как говорится, всё когда-нибудь кончается, и эти три сумасшедших дня тоже закончились.

И вот в 12 часов дня, 26 марта, мы тронулись в путь, предварительно ещё раз заполнив все наши свободные ёмкости соляжкой. Температура установилась -19 градусов, шёл слабый снег. Порядок нашего движения оставался прежним. Выезд с поверхности бывшего водохранилища я заметил только потому, что вддали, слева по ходу нашего движения, в бинокль можно было разглядеть многоэтажные, сверху засыпанные снегом строения. Посмотрев навигатор, я понял — мы проезжаем мимо города Цимлянка. Пожалуй, за всю мою смену, это было единственное развлечение для глаз. После этого продолжилось обыденное, монотонное движение, когда глазу не за что было, зацепится, кроме, как за впереди идущий вездеход.

Эта продолжалось до глубокой ночи. В третьем часу, когда за управлением сидел Сергей, а я был в полудрёме, мы остановились. Сразу же раздался вызов по рации, когда Сергей включил её на приём, из динамика раздался несколько озабоченный голос Флюра:

— Малой, разбуди-ка Батю, тут нужно один вопрос перетереть — что будем делать дальше?

— А что, там какие-нибудь проблемы? Что, аборигены появились? — взволнованно спросил Сергей.

— Во, совсем одичал мужик, уже скоро своей тени начнёшь бояться. Не бойся, парень — Хан с тобой. А здесь, недалеко я вижу какую-то гору, наверное, это террикон над шахтой. Так что, буди Батю, пускай он решает — будем её осматривать, или едем дальше.

К этому времени я уже окончательно проснулся, поэтому, просто взял рацию из рук Сергея и спросил:

— Хан, а света, или движения ты никакого не видишь? Может, заметен дым, или ещё какие-нибудь признаки пребывания там человека?

— Да ни хрена там не видно! Темно, как в попе у негра. Саня даже в тепловизор, уже минут пять разглядеть ничего не может. И пока ехали, я никаких следов на снегу не видел.

Я немного подумал, потом скомандовал в микрофон рации:

— Всем водителям, сейчас подъезжаем к грузовому Уралу и встаём на стоянку до утра. Володь, ты предупреди наших дам, чтобы разогревали супчик. Всё, встречаемся в нашем кунге.

Потом положил рацию, подтолкнул Сергея и сказал:

— Да, Малой, ничего не скажешь, ты — просто везунчик. Опять тебе подфартило — отбарабанил

только половину смены и опять можно поспать. Давай теперь, сразу за Валерой паркуй ГАЗон и пойдём к нашим постелькам.

Широко улыбаясь, Сергей ответил на мой подкол:

— Батя, ты ещё забыл про горячий супчик, а этим подфартило и тебе тоже.

Я усмехнулся:

— Но ты особо не радуйся, вспомни о нашей договорённости начинать устанавливать дежурства на стоянках. Вот я и думаю, что не отработавшие свою смену мужики будут дежурить этой ночью.

В этот момент начал движение ТТМ, и Сергей, почти что сразу, тронулся за ним. Минуты через три, припарковавшись рядом с другими нашими вездеходами, мы с Сергеем направились в тёплый женский кунг.

В помещении уже сидели все наши водители, Маша с Ириной готовили всё для предстоящего обеда, дети спали, а остальные женщины сидели на своих спальных местах. Чтобы не разбудить детей, все говорили очень тихо и мало. Пока ждали рыбного супа, обговорили график дежурств. Решили, что дежурный будет сидеть в ТТМе, а в случае тревоги — по рации поднимать оба кунга. Подъём договорились устраивать в восемь часов, чтобы, когда посветлеет, осмотреть окрестности, и, если не будет никаких следов, не терять зря времени и ехать дальше. Печку в мужском кунге Николай разжёт сразу после остановки, поэтому после этого позднего обеда в нашей будке было уже тепло, мы, особо не разговаривая, сразу же разделись и улеглись спать, было три часа ночи.

Утром после подъёма, даже не завтракая, Саша с Флюром, на ТТМе, отцепив прицеп, объехали вокруг шахты. Мы ещё не успели даже позавтракать, когда они появились. Лица у обоих были не очень весёлые. Саша, довольно сухо, особо не распространяясь, доложил, что они видели:

— Как только рассвело, Флюр, дежуривший последним, разбудил меня, и мы два раза объехали эту шахту, первый раз с радиусом метров пятьсот от террикона, второй — километра полтора, два.

Никаких следов не нашли. Вдалеке видны ещё несколько терриконов, наверное, нужно заглянуть и туда.

Этой новостью он особо никого и не расстроил, уже все предполагали, что на этой шахте вряд ли будет кто живой. Окрестности вокруг ближайшей снежной горы уже и ночью показались всем неживыми: уж очень всё было тихо, не было никакого запаха дыма, и всё окутывала полная тьма. А если говорить совсем откровенно, после стольких лет одиночества ни у кого уже не осталось уверенности, что мы можем встретить кого-нибудь живого, поэтому все восприняли это известие, как бы в рабочем порядке. Потом решили — следующий наш маршрут будет пролегать по прямой в сторону моря. По карте получалось, что только краешком мы зацепим мелкие поселения, с находящимися там терриконами.

Глава 7

Снова в путь мы отправились в девять часов утра, уже полностью рассвело, температура была — 19 градусов, снега не было. Видимость, если бы не слепящий своей белизной снег, была прекрасная.

Первым управлять ГАЗоном выпало мне. И вот, когда я уже начинал высчитывать минуты до передачи управления Сергею, впереди идущий вездеход начал резко тормозить. А из включенной на приём рации, раздался голос Саши:

— Внимание, всем стоп! Батя и Конь, вы подъезжайте прямо к нашему УРАЛу. Остальные водители могут тоже подойти сюда.

После этих слов у меня, от испуга, что-то ёкнуло внутри, я подумал, — ребята увидели впереди что-то экстраординарное. Поэтому, не мешкая, вслед за ТТМом подрулил к машине первого экипажа, остановившись, тут же выскочил из ГАЗона и подбежал к кабине УРАЛа. Ребята, увидев меня, распахнули дверь, и я влез в кабину, следом за мной попытался втиснуться и Валера, но места уже было явно мало. Пришлось Вике выбираться из кабины и пересаживаться, чтобы не мёрзнуть, в стоящий рядом ГАЗон. Мы же вчетвером, хоть и было немного тесновато, разместились в кабине УРАЛа. Когда Валера закрыл дверь, я несколько возбуждённым голосом спросил у Саши: — Рассказывай, что там случилось? Что за сыр-бор, почему ты нас сюда так срочно вызвал? Не отвечая, Саша протянул мне бинокль и рукой указал направление, в котором нужно было смотреть.

Мы стояли на снежном бугре, перспектива открывалась очень широкая, и я, приглядевшись, на границе видимости, километрах в семи разглядел фигурки нескольких человек, они были одеты в тёмную одежду. Можно было увидеть, что они двигались двумя группками, каждая из которых тащила за собой сани, нагруженные какими-то мешками. Передав бинокль Валере, я, повернувшись к Саше и Флюру, озадаченно спросил:

— Да! Ну, что думаете по этому поводу? Как будем поступать, идём на контакт?

Флюр тут же ответил:

— А что тут думать, мы же вчера уже всё обговорили. Нужно отцеплять прицепы у Газона и ТТМа и догонять этих аборигенов. Двигаются они медленно, и, если поспешим, то минут через двадцать мы их догоним. Тогда уже и узнаем, чем живёт здешний народ, стоит ли нам тут задерживаться, или наоборот, нужно быстро делать ноги. Например, я думаю, что прогрессорством и помощью местным жителям нам заниматься не надо. Нужно сначала подумать о своих задницах, найти приличное место для житья и уже только потом можно заняться помощью другим людям. В конце концов, после того, как найдём тёплое местечко, можно будет прислать сюда наши вездеходы и вывезти на юг столько народу, сколько поместится в кунги и в ТТМ.

Пока он говорил, во мне происходила полная переоценка устоявшегося мироощущения. Впервые я почувствовал, что мы не одиноки. Что есть и другие выжившие люди. Если раньше это были просто досужие размышления, а после посещения вымершей Москвы даже они погасились реальностью, сменившись ужасной тоской по исчезнувшей цивилизации, то теперь надежда по восстановлению утраченного вновь ярко вспыхнула в моём сердце.

Мои радужные мысли прервались прозаическими словами Саши:

— Да прав ты, Хан, прав! Но сейчас нужно решить, как мы к ним подъедем. Вдруг они подумают, что мы желаем их грабануть, на их месте я бы сразу же открыл огонь? Едут они не пустые, а у некоторых из них, я разглядел оружие. Вот что, Хан, давай, дуй в наш кунг. Захвати там подозрную трубу, она будет помощней всех биноклей, может, в неё разглядим все детали. Да, и загляни в женский кунг, возьми у Гали фотоаппарат с телеобъективом. Ну а мы здесь пока отцепим сани с прицепом и начнём, на всякий пожарный, готовить оружие.

К этому времени, вокруг УРАЛа, собрались все наши мужчины и большинство женщин. Валера, открыв дверь кабины, пытался отвечать на градом сыпавшиеся вопросы. Но в результате получился многоголосый базар, в котором ничего нельзя было понять. Тогда я вылез на подножку УРАЛа и как заправский оратор начал проводить этот импровизированный митинг. Хорошо, что все, перед тем

как собраться, заглушили дизеля у вездеходов, поэтому особо кричать не пришлось. Говорил я очень кратко, отмечая всякую полемику:

— Наш первый экипаж опять показал свой профессионализм. Флюр сумел в бинокль, на этом громадном пространстве, на расстоянии, где-то в семь километров, разглядеть людей, которые на лыжах куда-то бредут, при этом тащат сани. Этот способ передвижения говорит о том, что они здесь явно не процветают. По-видимому, положение у них не ахти, если им приходится, как бурлакам перетаскивать грузы. Наверное, у них совсем нет техники, или закончилось топливо. Саша в бинокль сумел разглядеть, что они вооружены. Отсюда можно сделать вывод, что группа не одинока и опасается нападений. Значит, нам нужно быть тоже очень осторожными, нужно внимательно всё осматривать. Требуется быть готовым к возможным засадам и нападениям. Уж очень вкусной добычей мы являемся на фоне только что увиденного. Поэтому, в первую очередь мы должны обеспечить собственную безопасность, нужно, чтобы был обзор всего периметра. Хорошо, что мы захватили с собой из Москвы несколько камер наблюдения, вот Валера и должен сейчас их достать и обеспечить на стоянках круговое наблюдение, а во время движения сделать так, чтобы экипажи, первого и последнего вездеходов могли увидеть, что творится с боков и сзади. А по поводу тех людей, которых мы увидели, то сейчас мы внимательно, ещё раз изучим в подзорную трубу эту группу и на ГАЗоне и ТТМе поедем их догонять. Поедут первый и последний экипажи и на всякий случай ещё Дохтур — вдруг этим людям нужна медицинская помощь. Остальные в это время должны вооружиться и быть на стрёме, ожидая наших распоряжений по радиации. Комендантом нашего лагеря пока назначается Володя.

Я нашёл его глазами, кивнул и, обращаясь уже непосредственно к нему, продолжил:

— Володь, ты давай, установи парное дежурство, остальные пускай помогают Валере. Да, и не забудь — вездеходы должны быть готовы в любой момент сдёргивать отсюда, хрен знает, что мы там узнаем или увидим. А пока распорядись, чтобы от ГАЗона и ТТМа отцепляли прицепы, да, и пускай Коля установит пулемёт у люка, на крыше ТТМа.

Потом, уже обращаясь ко всем собравшимся, я закончил:

— Так что — базарить у нас времени особо нет, а то вдруг те люди доберутся до своей базы, и, естественно, может получиться уже совсем другой расклад. А сейчас у нас имеется явное преимущество — они в чистом поле, ну а мы — на гусеницах. И вряд ли они рискнут предпринять против нас какие-нибудь враждебные действия.

После этих моих слов народ немного успокоился и начал расходиться выполнять полученные указания. К этому времени появился и Флюр с подзорной трубой, они с Сашей залезли в ТТМ, потом, через люк на его крышу и уже оттуда начали изучать обнаруженную группу людей. Мы с Сергеем забрались в кабину ГАЗона и ещё раз проверили наши автоматы, ещё я положил в бардачок три гранаты. Через некоторое время я увидел, как в ТТМ залез Дохтур, на плече у него висел автомат, а в руках он нёс два знакомых чемоданчика — один с медицинскими инструментами, а второй с лекарствами. Потом из вездехода появился Саша и залез к нам в кабину.

— Ну, что там нового, что-нибудь увидел, — спросил я его.

— Да, нет, только разглядел, что автоматы, только у пятерых, а всего их там четырнадцать человек, — ответил он.

Потом прокашлялся и продолжил:

— Давай-ка, Батя, разработаем план, как мы будем действовать. Я думаю, что особо агрессивно подъезжать к ним не стоит. Поэтому идею охвата их с двух сторон нужно оставить, вполне возможно, что это совершенно нормальные люди и будущие наши друзья.

— А как же твой принцип, хочешь мира — готовься к войне, — спросил я.

— У меня есть ещё несколько принципов: один из них — наш бронепоезд стоит на запасном пути, — ответил он и продолжил:

— Поэтому, вы поедете первыми, а мы чуть в стороне и позади вас, я с ТТМа, пулемётом буду прикрывать ваши переговоры — это и будет наш бронепоезд. Открою огонь, если только увижу явно враждебные действия. И ещё, мужики, вы слишком близко к ним не подъезжайте, остановитесь метрах в десяти. Батя, тебе ещё мой совет — разговаривая с незнакомцами, не выходи из-под защиты двери ГАЗона и, в случае чего, сразу бросай гранату, а ты, Серёга, тут же газуй назад. Особо не нервничайте, мы с Ханом, прикрывая вас, будем за всем очень внимательно наблюдать. Если почувствуем какой-нибудь напряг, то, пока они дотянутся до оружия, мы их там всех положим.

— Ладно, Кот, пора выезжать, всё равно — всего не предусмотреть, — прервал я его, — но сейчас, я согласен, давай действовать по твоему плану.

Посмотрев в бинокль, и не увидев обнаруженный караван (по-видимому, было слишком низко и нужно было подниматься куда-нибудь повыше, чтобы расширить горизонт), я, повернувшись к Саше, добавил:

— Когда подъедем поближе, и можно будет уже рассмотреть всё в деталях, вот тогда, мы с тобой по рации и уточним все детали. А сейчас, как говорится — по коням и, как только что решили, мы идём первыми, скорость будем держать — километров 45. Всё, пока, удачи нам всем!

Потом повернулся к Сергею и скомандовал:

— Давай, Малой, заводи своего жеребца.

В это время Саша вылез из нашего вездехода, подбежал к ТТМу и забрался в него. Почти что сразу ТТМ тоже завели. Дав немного прогреться ГАЗону (я за это время успел выкурить сигарету). Сергей тронулся и начал набирать скорость. В зеркало заднего вида было видно, как несколькими секундами позже, весьма резко, за нами двинулся ТТМ.

Мы проехали уже километров пять, когда в бинокль стали уже отчетливо видны люди из каравана. Как раньше успел подсчитать Саша, их было четырнадцать человек, все были на лыжах, пятеро из них с автоматами. Двигались они колонной: первыми шли три человека, которые тащили сани, наполовину загруженные мешками; следующей была группа в пять человек, двое из них вооружённые, а следом — трое тащили ещё одни сани; замыкали эту колонну три фигуры с автоматами.

По-видимому, услышав рёв вездеходов, все встали и повернулись в нашу сторону. Тогда я смог разобрать, что в центральной группе было три женщины. Обратил я внимание и на разницу в одежде бурлаков и вооружённых людей. Если первые были одеты в обычные, ватные, грязные телогрейки, то вторые ехали в добротных овчинных тулупах. Это зрелище напомнило мне старые фильмы про зоны, где главными героями были охранники и зеки. Для полной достоверности не хватало только гавкающих собак. Правда, те и другие были небритые, с изрядно отросшими бородами. После того как караван остановился, все вооружённые люди собрались в одну кучку. Один из них, поднеся ко рту руку с рацией, начал что-то говорить.

В этот момент меня, тоже по радию, вызвал Саша. Он, скороговоркой, начал делиться своими ощущениями об увиденном зрелище:

— Батя, что-то в этом караване не чисто, мне активно не нравятся эти битюги в тулупах.

Ты видел их отношение к тем, кто тащит сани?

— Да нет, ничего особенного не заметил, — ответил я, — хотя, они мне тоже особо не понравились, особенно тем, что одежда у них гораздо богаче, чем у бурлаков.

— А я видел, как один из этих мордovorотов стукнул лыжной палкой по спине одного из работяг, да и женщину он отпихнул с дороги, как какую-то малоценную вещь, — заявил Саша и продолжил:

— А ты заметил, что они связались с кем-то по радию. Могут вызвать помощь. Поэтому, будь настороже и особо переговоры не затягивай. Если заметишь, что они тянут время, то прощайся и предложи обменяться рациями. Или пускай они скажут волну, на которой можно будет общаться. Пообещай, что попозже договоримся и встретимся с их руководством. Как это сделаешь, сразу же отсюда линияем. Встанем где-нибудь в сторонке и постараемся за ними последить. Без такой подозрительной трубы как у нас — они нас, хрен увидят. Сейчас я свяжусь с нашими ребятами и озадачу Валеру, чтобы он начал сканировать все радиодиапазоны, чтобы вычислить их. Через радиозфир мы о них многое, что сможем узнать. А потом — глядишь, какого-нибудь языка возьмём. У нас пока в запасе время есть, вполне можем дня три-четыре здесь потусоваться. Ну, всё, Батя, уже приближаемся, я полез к пулемёту, а тебе — удачи.

Рация замолкла, а я, первоначально собиравшийся взять с собой бинокль, оставил это намеренье.

Догоняемый караван приблизился уже метров на пятьсот, и всё было прекрасно видно даже невооружённым глазом. Вместо бинокля, я взял автомат, снял с предохранителя и передёрнул затвор, а также положил в оба кармана по гранате. На всякий случай, опустил стекло двери.

Когда мы подъехали метров на пятьдесят, случилось непонятное — все вооружённые люди отбросили автоматы и подняли вверх руки. Когда подъехали совсем близко, метров на 15 и встали, я вылез на подножку ГАЗона и уже собирался выкрикнуть какое-нибудь приветствие, меня опередил один из людей в тулупе. Слегка охрипшим голосом он крикнул:

— Мы, Каменоломовские, у нас пахан — Глобус. Товар у нас вполне легальный, вся мзда для секретариата полностью отдана: двух молодых, мясных — передали; тёлочку по бартеру у Коммунарских выменяли, целых трёх, здоровых, ездовых; одного забойщика и двух мясных — отдали. Можете по радию проверить — всё чисто.

Выслушав эти выкрики, я слегка прибалдел, вроде бы слова были русскими, но я так ничего и не понял. Поэтому, нагнувшись к Сергею, я ему сказал:

— Выключи-ка свою тарихтелку, что-то я эту тарабарщину не разберу. Может быть, звук дизеля мешает.

В этот момент раздалась автоматная очередь. От неожиданности я чуть не свалился в снег. Присев на подножке, осторожно выглянул, прикрываясь дверью вездехода. Стрельба ещё продолжалась, но в нашу сторону пули не летели. Осмелев, я немного приподнялся и увидел — человек в телогрейке, просто расстреливал людей в тулупах. По-видимому, он подобрал отброшенный ими автомат и теперь, стоя в полный рост, стрелял короткими очередями.

Вдруг, лежащий человек в тулупе каким-то змеиным движением подвинулся метра на полтора, дотянулся до валяющегося в снегу автомата и открыл беспорядочную стрельбу по этому мужику, по

стоящей группе бурлаков, одна очередь ушла и в сторону нашего ТТМа. Все эти непонятные действия прекратил Саша, он длинной пулемётной очередью, буквально изрешетил стрелка в тулупе, сила удара пуль была такой, что тело пострадавшего перекаатилось метра на два назад.

После этого заключительного аккорда наступила тишина, нарушаемая только всхлипами и стонами в группе бурлаков, да тархтением дизеля ТТМа. Эта вакханалия продолжалась не больше двух минут. Неожиданно, звук дизеля ТТМа усилился, и он двинулся к нам. Подъехав вплотную к нашему вездеходу, он остановился и двигатель отключили. Потом открылась дверь, и из кабины, настороженно озираясь, выбрался Флюр. Он сразу у меня спросил:

— Вы как тут, не пострадали? Малому памперс менять не нужно?

— Да иди ты — сам, наверное, недержанием страдаешь после таких дел, — донеслось из нашей кабины.

— Смотри-ка, да ты просто орёл, вот что значит моё благотворное влияние, — усмехнулся Флюр, глянув на стоящую группу людей, он продолжил:

— Если не обосрался, то тогда бери ствол и пойдём, потрясем клиентов. Батя с Саней нас пока подстрахуют. Когда всё проверим — вызовем Дохтура, видать, у мужиков там имеется трёхсотый. А вообще то, будь поосторожнее с этими психами, сам видел — от них можно ожидать чего угодно.

Продолжая паясничать, по-видимому, чтобы поднять наш боевой настрой, он продолжил:

— Возьмут, отберут у тебя автомат, пока ты ворон, считаешь, и начнут пулять во все стороны.

Может быть, у них тут традиции такие. Так что, Малой, секи в оба и не лезь поперёд батьки в пекло.

В этот момент, с крыши ТТМа донёлся голос Саши:

— Хан — время! Не забывай, что эти путешественники могли вызвать помощь. Или тебе хочется полномасштабной войнушки.

Услышав эти слова, Флюр мгновенно преобразился, весь подобрался, улыбка исчезла, а лицо приобрело напряжённый, настороженный вид. Да и слова его стали короткими, рубленными:

— Серёг, выползай быстрее и одевай лыжи. Я тебя жду.

Сам он, сняв с борта ТТМа закреплённые на приваренных крючках лыжи, быстро их одел, потом, перехватив автомат, двинулся в сторону чужаков. За ним, отставая метра на два, покатился Сергей.

Сначала они подъехали к неподвижным телам в тулупах. Сергей начал собирать валяющиеся автоматы, а Флюр начал переворачивать лежащих лыжной палкой, взятой у одного из них. По-видимому, он проверял, остался ли кто живой. К телу, по которому стрелял Саша из пулемёта, он даже и не подошёл. Потом подкатил к группе оставшихся в живых людей. Сергей в это время, собрав автоматы и боеприпасы, подъехал ко мне.

— Мужик, который начал стрелять первым, чисто сработал, все — трупы, ни одного раненого, правда, его самого тоже насмерть срезало, — доложил он.

— А ты что, не поехал с Ханом к оставшимся людям? — спросил я.

Открыв дверь ТТМа, он в это время укладывал привезённое оружие. Даже не оборачиваясь, Сергей ответил:

— Дак сам Хан распорядился, чтобы я отвёз и уложил трофеи в ТТМ, а также сказал, чтобы вы с Котом ехали к нему. Мне же поручил сменить Сашу у пулемёта и смотреть в оба глаза по сторонам.

Главное, сволочь, ещё и издевается, говорит:

— Два глаза твоих, конечно, маловато, поэтому, нужно смотреть в запасные, которые биноклем

называются, а также периодически заглядывать в самый зоркий глаз — подзорную трубу. После этого, — говорит, — я тебя произведу в рыцари зоркого глаза, и ты будешь в одном ряду с таким челом, как зоркий сокол.

У верхнего люка ТТМа раздался громкий хохот, потом что-то загромыхало, и из двери показался Саша. Он хлопнул по плечу Сергея и сказал:

— Ну что, бедствующий рыцарь, лезь тогда на точку, которая приведёт тебя к этому званию. А мы с Батей — двинули на помощь Хану.

— Он ещё сказал, что там нужен Дохтур, — добавил Сергей уже из кабины вездехода.

Потом из ТТМа послышался какой-то разговор, и на белый свет выбрался сам Дохтур. Оставив пока свои чемоданчики на сидении, он одел оставленные Сергеем лыжи, выпрямился, огляделся и заявил:

— Для успешного лечения других людей, нужно подлечиться сначала самим.

И достал из внутреннего кармана свою знаменитую серебряную фляжечку.

— Вы как, по глотку эликсира, не против, — спросил он.

К этому моменту мы с Сашей уже надели лыжи и, услышав это предложение, вместо того, чтобы сразу направиться к Флюру, подъехали к Дохтуру и сделали по доброму глотку этого, поистине ядерного топлива. Как обычно, организм первоначально весь перекорёжило, но потом в голове прояснилось, мысли потекли быстрее, а цвета и запахи стали намного ярче. Крякнув и занюхав выпитое рукавицей, Саша, произнёс:

— Всё-таки, как бы, Дохтур, у тебя выведать секрет этого эликсира? Надо будет организовать твоё похищение и уже тогда или тебя упоить в хлам, или устроить тебе допрос третьей степени. А ты знаешь, что это такое? Во! Никто не знает, потому, что после того, как Хан, применит этот свой метод, люди говорить уже не могут, только глупо хихикают — и всё.

Этот начинающийся трёп, начал меня уже доставать. Поэтому я, с силой захлопнув двери ТТМа, почти что прокричал:

— Кот, какого хрена ты тормозишь? Недавно сам напоминал Хану, что нужно торопиться, иначе могут возникнуть нешуточные проблемы, а теперь тебя приходится подстёгивать.

— Всё, Батя, уже идём, — заявил Саша, — сам же знаешь, чтобы прийти в себя от этого пойла, нужно несколько минут отдышаться. Потом он, плечом пихнув Дохтура, произнёс:

— Ну что, Игорёха, двигаем. Только не высовывайся, держись у меня в кильватере.

Он повернулся и неторопливо поехал к стоявшей группе людей. За ним покатил Игорь со своими чемоданчиками, я замыкал эту колонну.

Группа людей, к которой мы, наконец, приблизились, несколько увеличилась. К двум мужикам и Флюру, подтянулись ещё и три женщины, до этого стоявшие отдельно. Одна из них, присев, пыталась помочь лежащему раненому.

Подъехав к этой группе, я ощутил тяжёлый запах невымытых тел. Если прямо сказать, от них пахло, как от толпы бомжей с Казанского вокзала. Саша сразу же ввязался в разговор с тем мужиком, с которым беседовал Флюр. Я же взял в оборот мужика, стоявшего недалеко от раненого, вернее, он первым обратился ко мне:

— Милостивый господин. Не скажете ли — с какой вы хаты и кто там у вас пахан.

У меня от этих слов, чуть челюсть не отвалилась. Изумлённо уставившись на него, я только и смог из себя выдать:

— Какая, нафиг, хата? Что за пахан? Это ты по фени, что ли, со мной говоришь? Предупреждаю, мы с зонами ничего общего не имеем и блатному языку не обучены. Да и бандюков особо не любим и не уважаем. Так что давай, мужик, говори по нормальному, нечего тут мозги компостировать. Если тебя интересует, откуда мы, то могу сказать — издалека, из Подмосковья. Паханов не имеем — у нас полная демократия. А всякое там уголовное дерьмо мы давили и давить будем.

И опять я был поражён реакцией мужика — из его глаз, буквально полились слёзы и он начал всхлипывать, сквозь эти всхлипы донеслось:

— О, боже! Неужели мы дождались!

Я, повернувшись к Игорю, который уже начал заниматься раненым, крикнул:

— Дохтур, кинь-ка сюда свою заветную фляжку.

Тот привстал, стряхнул с колен прилипший снег, повернулся ко мне и спросил:

— Что, вдогонку ещё глоток требуется?

— Да нет, просто тут народ какой-то нервный, нужно мужика в чувство привести, — ответил я, — смотрю, ты тоже побледнел, как сюда попал, наверное, тебе тоже пару капель эликсира не помешает.

— Это ты, верно, говоришь, — ответил Игорь, — обидно, но мой клиент уже не жилец, хорошо, если ещё минут двадцать протянет.

В этот момент, лежащий раненый захрипел, несколько раз дёрнулся и замер. Игорь опять повернулся и наклонился к нему, но, буквально, через секунду встал и, нелепо переступая лыжами, подошёл к нам. В руке у него уже была долгожданная фляжка, но сначала он сам сделал из неё глоток и только потом передал мне. При этом произнёс:

— Всё, представился, бедолага.

Я, взяв флягу, налил этого адского коктейлика в колпачок и поднёс его ко рту, всё ещё всхлипывающего мужика. Тот послушно открыл рот и сделал глоток. Интересно было наблюдать за изменением выражения его физиономии. Сначала глаза округлились, лицо сморщилось, а рот открылся, часто заглатывая порции морозного воздуха, потом физиономия разгладилась, глаза, наоборот, сощурились, а рот расплылся в блаженной улыбке. Я налил ещё грамм тридцать эликсира и протянул этому бородачу. Тот уже сам, взяв эту порцию, мгновенно опрокинул колпачок в свой широко раскрытый рот. Утробно ухнул, помахал снятой рукавицей перед раскрытым ртом, потом закрыл его и уставился на меня преданными собачьими глазами.

Я опять обратился к нему:

— Ну что, мозги прочистились? Теперь-то можешь нормально говорить? Объясни мне, пожалуйста, что такое — мясные, ездвые и забойщики? А также мне не ясно, что такое — секретариат и почему ему нужно давать мзду. Мзда — это что-то, типа налога — я правильно понял?

Мужик усиленно закивал головой, потом, немного заплетающимся языком, начал отвечать на мои вопросы:

— Все перечисленные — это рабы, мясные — это те, которых специально откармливают, чтобы забить, они очень ценятся, мясо у них вкусное и его кушает только элита и быки. Да у нас в шахте, даже для элиты, другого мяса практически и не бывает. Ездвые, это такие, как мы, таскаем по морозу гружёные сани — сюда отбирают самых выносливых рабов. Правда, долго они не живут, очень часто обмораживаются и застужают лёгкие. Таких — сразу на утилизацию. Говорят, крутят из них котлеты. Ну а забойщики, это те, кто рубит уголь, их тоже часто отправляют на утилизацию.

— Да тут что, все людоеды? — потрясённо воскликнул я.

— Да нет, рабам мясо не дают, кормят в основном варевом из овощей и пшеницы. Их мы привозим из старых элеваторов и овощехранилищ, — ответил бородач, — правда, я слышал, что забойщики в дальних штреках иногда отлавливают крыс и у них можно иногда раздобыть крысиное мясо, но стоит оно очень дорого.

Все это произносилось совершенно будничным тоном, без всякого надрыва, на лице говорившего не отражалось никаких эмоций. Эта обыденность и смирение потрясли меня больше всего. Я не удержался и прервал мужика новым вопросом:

— Скажи-ка мне, неужели рабы всё это терпят? Разве нельзя, скрутить всю эту элиту? Вас же, наверняка, больше.

— Кто терпеть не мог, тех уже утилизировали, — горько усмехнулся бородач, потом продолжил свои объяснения:

— Что мы можем сделать? Оружия нет, оно только у элиты и у быков. Вместе собраться, тоже никогда не выходило, расположены все на разных уровнях и живут как бы отдельными ульями. Электричество, вода и запасы продуктов находятся в руках элиты, они контролируют также подъемники и выходы из шахты. Как только начинаются какие-нибудь волнения, или убьют кого, сразу же перекрывают входы в лаву, требуют зачинщиков и заложников. Если эти условия не выполняются, то перекрывают воду, выключают электричество и перестают выдавать продукты, а могут даже пустить газ. Без пропусков проникнуть к выходу из шахты, а также в горизонты элиты, быков и работяг, невозможно. Там круглосуточное дежурство, и стоят пулемёты. В каждый улей назначают своего капо и его помощников, которые, как правило — чистые звери, ещё похуже быков. А также требуют сдавать по нормам уголь, выращивать грибы и всё это сдавать на верхний уровень. Если сдаётся меньше, чем нужно, то тогда начинают применять санкции, но сначала быки всем начистят морды...

— Слушай, не гони, давай по порядку, а то у меня сейчас мозги закипят, — прервал я рассказчика, — теперь расскажи, кто такие элита, быки и работяги?

Бородач, от неожиданности, даже поперхнулся, но быстро сориентировался и начал отвечать на вопрос:

— Элита, это, в основном, руководящие работники, примкнувшие к ним уголовники и кавказцы. За первые полгода после катастрофы было вроде бы всё по справедливости — у всех паёк, все обязательно работали на закреплённых местах. Но, как всегда у нас бывает, начались склоки — кто-то считал, что он работает больше, чем другие, а ест меньше. Опять же, начались драки за женщин. Армяне и примкнувшие к ним кавказцы, объединились, начали диктовать свою волю. Они заручились поддержкой бывших уголовников. И начались вообще адские времена — за малейшее слово против, или косой взгляд, могли зарезать. За время этого бардака население нашего убежища уменьшилось раза в два. В те времена и начал процветать каннибализм. Наверху был дикий холод, всё засыпало толстым слоем снега. Заготовленные продукты, а особенно мясные консервы заканчивались. Захватившие власть, не желали в такой холод заниматься завозом продуктов, даже с находящегося неподалёку элеватора. Они забаррикадировались на уровне с запасами продуктов и выдавали пайки только тем, кто работал наверху, на ТЭЦ и обеспечивал её углём. Народ обозлился до предела, этим и воспользовались бывшие Ростовские аппаратчики. Они договорились с паханом

уголовников и частью кавказцев и 15 мая перебили всех армян, некоторых кавказцев, да и всех тех, кто лизал прошлым правителям жопы. Теперь у нас это считается праздничной датой — день освобождения называется.

Он горько усмехнулся, на глазах опять появились слёзы. Чтобы его как-то успокоить, мне пришлось еще плеснуть в колпачок эликсира и протянуть ему. Он, как и в прошлый раз, молниеносно опрокинул огненный напиток в свой рот и замахал всё это дело варежкой. После чего отдышался и продолжил своё повествование:

— Главным тогда и стал наш нынешний пахан — Глобус. Он раньше занимал какой-то чин в администрации Ростовской области, а во время эвакуации был при продуктовых запасах, то ли их завозил, то ли учитывал — врать не буду, не знаю. А Глобусом его прозвали, за его любимую присказку. Если осерчает, обычно грозит — я тебе глаз на жопу натяну и заставлю глобусом работать. Когда он пришёл к власти, сначала стало полегче, по крайней мере, просто так уже убить не могли. Если нарушал правила строителя будущего мира, то, конечно, могли отправить на утилизацию, но, обычно, отправляли сначала на каторжные работы, правда потом — всё равно, на котлеты. На каторге больше полугода никто не выдерживал. Каторжане, обычно, возят зерно с элеватора при морозах 50–60 градусов. Через год Глобус ввел разделение на касты, по примеру порядков, установившихся в других шахтах. Он-то и разделил всех на четыре касты: элиту, быков, работяг и рабов. В элиту вошли: его приближенные, часть уголовников и кавказцев, а также поддержавшее его, бывшее начальство силовых структур, кроме них там есть инженерный персонал шахты и ТЭЦ. В сословие быков вошли: функционеры эвакуированных силовых структур, остальные уголовники и кавказцы, много там людей и из бывших частных охранных предприятий. Работяг раза в два больше, чем быков, если считать с семьями, то человек пятьсот. Это, обычно, квалифицированные рабочие из Ростова, или других городов области, а также работники шахты и ТЭЦ. Пожалуй, всё наше благополучие держится на их работе. Всего, как я подслушал из разговора нашего барыги с Коммунарскими, на нашей шахте сейчас находится 3600 человек, это на 300 больше, чем у них. Рабов почти что одинаково, по две тысячи человек. Да, чуть не забыл, года два назад ввели ещё одну небольшую подкасту — гейши называется. Они по статусу соответствуют рабам, но ни хрена не работают, а обслуживают элиту и быков. Рабами и гейшами разрешено торговать по всем шахтам секретариата. Кроме этого, есть небольшая группка вольных, ещё их называют — стрелками. Они, в принципе, не подчиняются пахану и не получают пайку, а просто арендуют место в нашей шахте и платят за это тем, что найдут наверху, за территорией нашего домена. Они называют это — хабар. Элита ими очень дорожит, ведь только они обеспечивают их алкоголем, табаком и другими дефицитными вещами, ещё они иногда привозят запчасти и бензин. У этих ребят имеется техника и оружие, и они поддерживают радиосвязь с такими же группами на других шахтах. Поэтому, их боятся обижать даже быки, они могут объединиться и накустылять им по первое число. Один раз они так и сделали, заблокировали шахту Распадская и держали блокаду, пока им не выдали головы их обидчиков. Вообще-то, они единственные из людей с оружием, у которых осталось что-то человеческое, они часто подкармливают рабов, вот и нам недавно сунули банку тушенки и бутылку водки. А у нас в шахте, это целое состояние. Да и котлеты в верхнем пищеблоке они не едят.

В этот момент я почувствовал, что из моей руки выдернули фляжку, от неожиданности я даже

дёрнулся. Мужик тоже сразу замолк. Немного обалдевший от услышанного, я повернулся в ту сторону, куда уплыла фляга. Там стоял Игорь, он уже отвинтил крышку и собирался сделать глоток. — Ты что, очумел? Предупреждать надо! У меня же автомат, снятый с предохранителя, а голова перегружена этим кошмаром, при малейшем чихе я могу и выстрелить, — выпалил я нервно. Выслушав это, Игорь всё-таки сделал глоток своего эликсира, отдышался, передал фляжку обратно мне и заявил:

— Ладно, Батя, не свисти. Ты что, не видел, что я рядом стою? А без продирающего мозги глотка, я уже не мог выслушивать всё это. Как представил себе котлеты из человечины — чувствую, сейчас сблюю. Ты и сам глотни, а то от этих сведений можно и умом тронуться.

Потом он обратился к бородачу:

— Слушай, ты бы хоть сказал, как тебя зовут и чем занимался до катастрофы? А то стою тут и даже не знаю, как к тебе обратиться. Мы же не ваша элита, а вполне нормальные люди.

— Зовут меня Василий, мне тридцать пять лет, — ответил мужик, — до катастрофы немного проработал в совхозе водителем, а до этого, по контракту, был в армии.

Услышав это, я обалдел, по его виду мне казалось, что он мой ровесник, ну, по крайней мере, что ему не меньше 45 лет. Лицо его было всё в морщинах, глаза выглядели очень старо, и борода была наполовину седа.

— Да, укатала тебя жизнь, — заметил я и сделал бодрящий глоток из горла фляги.

Василий жадными глазами проследил за перемещением моей руки. Пришлось и ему нацедить в колпачок грамм двадцать эликсира. После того, как он, в обычной своей манере, опустошил ёмкость, я опять пристал к нему с вопросом:

— Василий, а скажи-ка ты мне, после того, как вас разделили на касты, все успокоились и сидели, не дёргаясь, в этих рамках? Не поверю, что все смирились и безропотно переносили такое унижение.

— Да нет, конечно. Постоянно возникали какие-нибудь бучи. Но большая мясорубка в верхнем пищеблоке исправно работала, перемалывая этих возмутителей спокойствия. К тому же, эту кастовую систему разработали мастера в своём деле. Все касты, кроме элиты, открыты для перемещения. Например, самые буйные и крепкие из касты рабов — если постараются, вполне могут попасть и в касту быков. Нужно только побыть капо, или его помощником и заслужить ненависть других рабов. Самые сообразительные и грамотные, у которых руки растут не из жопы, могут попасть в касту работяг. Обратный процесс происходит по решению трибунала. Но, правда, бывшие быки в нашей касте долго не живут, максимум, через неделю исчезают, а детишки, начинают играть человеческими костями. В элиту же за всё время после её образования, включили только одного бывшего раба. Он организовал религиозную секту, и теперь половина рабов в ней состоит, а говорит эта сволочь очень складно и душевно.

— Да, с вашей клоакой всё ясно, — произнёс я, — неясно только, что такое секретариат?

— Дак это объединение семи шахт. Там заседают, все паханы нашего куста. Между ними подписана конвенция о разграничении территорий и об оказании взаимной помощи, особенно если появятся быки с Донбасса. Члены секретариата даже образовали совместную патрульную службу. Мы сначала и думали, что вы из неё. Но по вашему к нам отношению, я понял — вы не оттуда. Вы настоящие люди, как будто явились из моих грёз по прошлой жизни.

Информация о Донбассе меня очень заинтересовала, и я уже хотел начинать расспрашивать о

географии распространения шахт с выжившими. Но тут к нам подъехал на лыжах Саша. Ни слова не говоря, он протянул ко мне руку, я сразу всё понял и положил в его раскрытую ладонь фляжку с эликсиром. Он, опять молча, свинтил крышку и сделал из горла большой глоток. Потом потряс фляжку и промолвил с сожалением:

— Мдя, осталось максимум ещё на пару глотков. Нужно оставить Хану, и Малому, а то, как узнают про творящиеся тут дела, могут впасть в ступор.

— А что, Хан разве ничего не знает? Он же был с тобой, — удивился я, — вы же с ним вместе начали трясти того мужика?

— Да нет, он почти, что сразу ушёл проверять, чем забиты мешки в санях, — ответил Саша и продолжил:

— Батя, ты всё понял по принятым здесь порядкам и по отношениям к пришлым, которые не состоят в их секретариате?

— В принципе, да. Может быть, до конца и не уяснил, но главное понял — чужих здесь не любят и если поймают, то пустят на котлеты. Но с нами у них это хрен получится, я буду долго смеяться, когда они будут гнаться за нашими вездеходами на лыжах.

Какие лыжи, Батя! У них, кроме грузовиков с газогенераторами, имеются три БМП с уширенными гусеницами и два транспортёра на воздушной подушке. И это только на этой шахте. А если по всему секретариату, то там целый моторизованный батальон наберётся. И заметь — имеется договор о взаимопомощи и единый военный штаб. Со связью тоже всё в порядке. И они подготовлены вылавливать и уничтожать целые банды мародёров, а также военные силы и агрессивных соседей. Кроме всего прочего, на центральной шахте секретариата подготовлена вертолётная площадка и расконсервирован боевой вертолёт. Чтобы поднять его в воздух, ждут только подходящей температуры выше -15 градусов. Одним словом — попали мы, Батя, по полной программе. Можно сказать — как кур во щи. Теперь хрен кому докажешь, что это не мы положили этих быков. Одна надежда на то, что их руководство поздно очухается, а мы успеем проскользнуть и быстро свалить отсюда подальше.

Его слова так поразили меня, что я еле устоял на ногах, в коленках появилась противная дрожь и слабость. И снова в голове моей, уже второй раз за этот день начало происходить активное переосмысление всего мироустройства. Ещё сегодня утром я думал, как мы одиноки в этой безбрежной снежной пустыне, и был, в принципе, не уверен, что где-то остались живые люди, а уже через два часа я увидел этих самых живых людей. И то, что я увидел сам и услышал из рассказа бородатого мужика, убедило меня, что они явно скатились по своему развитию на уровень каменного века. Я чувствовал себя, как белый человек на каких-нибудь островах, населённых отсталыми дикарями, что нам предстоит большая прогрессорская работа, чтобы вывести этих людей из теперешнего, буквально дикого состояния. Но последние сведения очень сильно понизили мою самооценку. Так, что из крутых парней с гениальным провидцем во главе, которым сам чёрт не брат, мы в теперешних обстоятельствах превращались в жалкую кучку изгоев, которых могучий здешний секретариат, если заметит, сразу же и прихлопнет, а на следующий день уже забудет, что такие вообще существовали.

Чтобы как-то привести мозги в порядок, я наклонился, подцепил руками большой ком снега и нервно растёр им своё лицо. Потом, заикаясь от волнения, спросил:

— Ты что же, Вась, не сказал, что у вас имеется техника, а тем более — боевая? И какого тогда чёрта вы, в ручную таскаете эти сани и даже придумали касту ездовых?

— А меня никто и не спрашивал о технике, — ответил он, — ездовых же элите гораздо выгоднее использовать, жидкое топливо и запчасти нынче в большом дефиците, а рабов полно и их надо чем-то занимать, чтобы не кормить задаром.

Саша, после этих слов, внимательно оглядел Василия и спросил:

— Ты раньше, где служил? По твоим ответам чувствуется психология контрактника — без спросу не высовываться.

Василий, не меняя выражения лица и темпа речи, ответил:

— Да я и был контрактником, служил в Чечне, а когда закончили платить боевые, ушёл на гражданку. Здесь только обжился, дак на тебе, новая напасть — катастрофа. В те дни жизнь здорово помотала меня, не знаю даже, как жив остался. Да и в этом гадюшнике очутился случайно. Старый сослуживец Колька затащил ещё тогда, когда снег только начинал сильно падать. Кавказцы, которые пристроились в элиту, видать прознали, что мы служили в Чечне, вот нас с Колькой и определили в рабы. Мы, считай, четвёртый год таскаем эти проклятые сани или с торгов на соседней шахте, или с элеватора.

— А что твой друг тоже здесь, — удивился я, — что же он к нам не подойдёт?

В глазах Василия опять показались слёзы, голос изменился, стал жестким и злобным:

— Не сможет он подойти — этот гад его только что убил! Колян давно хотел замочить наших сторожей, но всё не выпадало случая захватить оружие. Заточка тут бесполезна, у них очень толстая одежда, хрен её сразу проткнёшь. К тому же это бычье гораздо здоровее, чем любой из нас, и у напавших на них будет только один шанс ударить. Мы с ним разрабатывали много планов внезапного нападения на охрану и всё ждали удобного момента. Хотели их завалить, а потом податься в Донбасс, говорят — там гораздо лучше, чем здесь, у них даже на шахтах свиней выращивают. Думали там стать вольными стрелками, у них вроде бы на клеймо нашего Секретариата никто внимания не обращает. А неделю назад наш барыга, который занимался торговлей с "Коммунарскими", взял себе в наложницы Колину девчонку. Ну и мужик совсем с катушек слетел. Ругал себя последними словами, что мы раньше в Донбасс не свалили. Говорил, что если бы рискнули в том году, то уже набрали бы хабар и выкупили Танюху. Ругал и меня, что это я его тормозил, всё время, зудя, что всё очень рискованно и нужно действовать наверняка. Кстати, в Донбасс вчера отправился большой бартерный караван, считай почти все машины, два транспортёра на воздушной подушке и один БМП. Поэтому, если Глобус пошлёт быков вас ловить, он сможет послать только два БМП, один грузовик и несколько аэросаней. А быстро он сможет послать только одни аэросани. Вся остальная техника, чтобы не замёрзла, хранится в шахте и нужно, минимум, три часа, чтобы её оттуда поднять. Конечно, он может связаться со штабом Секретариата, чтобы они выслали в помощь карателей, но это вряд ли. Слишком Глобус самоуверенный и в ЦК позиционирует себя очень крутым и самостоятельным хозяином шахты. Поэтому в штаб ЦК Секретариата будет обращаться в последнюю очередь.

В этот момент к нашей группе подошёл улыбающийся и довольный Флюр, он даже насвистывал себе под нос какой-то весёлый мотивчик. Весёлым голосом он произнёс:

— Всё-таки, мы — удачливый народ, даже у этих пещерных людей, можно сказать — гномов, мы всё

равно надыбали нужный нам продукт. Все сани у них набиты мешками с сахаром и сухофруктами. Как раз сахара у нас, даже с учетом, найденного на корабле, осталось не больше двухсот килограмм. Наши прожорливые пчёлы теперь могут спать спокойно, да и их босс Коля, тоже может вздохнуть с облегчением, тут всем хватит года на три. Так что, надо цеплять эти сани к нашим вездеходам и двигать к нашим. Там, я думаю, мы всё-таки сможем распахать эти мешки по кунгам. А потом нам нужно сваливать отсюда, без заезда в гости к этим работорговцем. Что-то мне не очень хочется с ними встречаться, мне хватило посмотреть на то, что они сделали с бедными девчонками. Они настолько забиты, что даже своей тени боятся. Я тут, как всегда, громко вскрикнул, дак одна из них аж вся затряслась, закрыла голову руками и упала на колени.

— Пролетели мимо твои пчёлы вместе со своим боссом, — возразил я ему, — сейчас в темпе рассаживаем народ и быстро мотаем отсюда.

Потом обращаясь уже к Саше, добавил:

— Кот, объясни этому счастливому товарищу, в какую жопу мы попали. Брать отсюда ничего не будем. Может быть, тогда Глобус не станет, очень уж стремится нас найти и уничтожить. Может быть, для него топливо будет поважней, чем жизнь пяти быков, тем более, если мы у него ничего не тронем.

Потом я обернулся к собравшимся вокруг нас местным жителям и сказал:

— Вам сроку, одна минута, чтобы решить — остаётесь вы здесь, и тогда, может быть, вас, и не тронут, как жили, так и будете жить, или уезжаете вместе с нами. Но предупреждаю, вполне вероятно, что ваш Секретариат устроит на нас охоту, тем более, следы на этом снегу очень легко найти. Если они появятся, то у нас останется единственный вариант — драться и тогда возможности выжить остаётся очень немного. Скорее всего, исходя из количества у них бронетехники, вариантов выжить — ноль. А я вас предупреждаю, мы будем биться насмерть, и ни у кого из нас не дрогнет рука, стрелять в спину предателям, которые попытаются к ним перебежать. Так что, если вы с нами, то получайте оружие и рассаживайтесь по вездеходам, если нет, то идите к саням и ждите быков. Им скажите, что неизвестные напали на караван, убили охрану, но, когда узнали, что груз принадлежит Глобусу, испугались и тут же уехали, ничего не тронув. И ещё скажите, что напавшие — с Донбасса и много слышали о Глобусе, и что они пообещали обязательно расплатится хорошим хабаром за жизнь его людей. А поручителем этого выступает их главный.

Я усмехнулся и закончил:

— Кликуха у него — Князь!

В ответ мне первоначально была тишина. Потом вперёд вышел мужик, с которым беседовал Саша.

Он как-то криво ухмыльнулся и произнёс:

— Я, с вами. Лучше ужасный конец — чем ужас без конца! Давай, командир, автомат и показывай, где за него расписаться.

— Ты что, раньше клерком каким-нибудь работал, — ответил я с улыбкой — у нас канцелярий нет, мы верим только слову.

За ним, мешая друг другу, пытались протиснуться две женщины, ещё один мужик и Василий, они начали все что-то громко выкрикивать. Из этой многоголосицы я мог разобрать только отдельные слова — оружие, мне тоже дайте автомат...

Немного в стороне остались стоять и даже сделали шаг назад, один мужчина и одна женщина.

Встретив мой взгляд, мужчина виновато пожал плечами и произнёс:

— Я никак не могу с вами, у меня на шахте жена осталась и пацанёнок с ней. Так что, простите, мужики!

После чего опустил голову. Женщина, закрыв ладонями лицо, всхлипывала, сквозь эти звуки можно было разобрать непрерывно повторяющиеся слова:

— Я жить хочу! Я же совсем молодая, я жить хочу!

Не обращая на неё внимания, я обратился к остающемуся мужику:

— Слушай, ты ещё тогда скажи, что остальные рабы разбежались, и, чтобы их не смогли поймать, они поехали на лыжах по следам, оставленным вами.

Только я это произнёс, как из ТТМа раздались пулемётные очереди.

Глава 8

Я резко повернулся и посмотрел в сторону нашего вездехода. Проследив за тем, куда стрелял Сергей, я попытался разглядеть его цель. Но в той стороне был просто снежный буран, и ничего разобрать невооружённым глазом было невозможно. Саша единственный, кто захватил бинокль, сейчас с напряжением вглядывался в этот снежный туман. Потом, повернувшись ко мне, он знакомым командирским голосом сказал:

— Ну что, Батя, вот и дождались хозяев груза, так что твоя хитрость с "вещим Олегом" пошла коню под хвост. Жалко, что за пулемётом сидит не Хан, он бы по этим аэросаням не промазал. Малому нужно было немного подождать, чтобы они подъехали поближе, так бы даже он попал в них с лёгкостью. Тем более, этому агрегату хватило бы и одной пули. Видать, это самоделка — четыре лыжи и кабина, на которой сзади установлен мотоциклетный движок и самодельный пропеллер. Видно они выехали просто на разведку, узнать, почему эта группа не отвечает на вызовы по рации. Да, обидно, что пуля разбила их рацию, так, глядишь, нам удалось бы несколько часов поводить их за нос, а за это время мы могли умотать весьма далеко. Хрен бы они нас догнали, у БМПшек ресурса по топливу бы не хватило. Ладно, мужики, что теперь страдать, нужно думать, что будем делать дальше.

Он ещё раз внимательно посмотрел на Василия и спросил:

— Значит, говоришь, БМП они могут поднять не раньше, чем через три часа? А сколько отсюда до вашей шахты километров?

— Вёрст восемь наберётся, — ответил тот.

— Так, часа полтора, после того как они сообщили на базу, уже прошло, — сам себе под нос бормотал Саша, — значит осталось до их появления часа два.

Потом он посмотрел на меня и заявил:

— Ну что, Батя, придётся мне опять командование брать на себя, и опять на обсуждение у нас совершенно нет времени. Ты как, готов передать бразды правления?

— Чего ты спрашиваешь? Как будто не знаешь мой ответ? Ну, если хочешь это услышать, я тебе отвечаю — командуй, Саня. Мы готовы выполнять твои распоряжения. Говори, что теперь нам делать?

Саша перевёл взгляд на стоящего рядом со мной Василия и спросил его:

— Ты говорил, что служил по контракту в армии? Теперь колись, какое у тебя было звание и военная специальность?

Тот, не задумываясь, коротко ответил:

— Сержант, а специальность — гранатомётчик.

— Ты ещё вроде где-то здесь недалеко водителем работал, местность хорошо знаешь?

Василий немного замялся, но потом ответил:

— Знал-то вроде хорошо, но теперь выпало столько снега, многие ориентиры пропали, могу заплутать.

— Не бойсь, нам нужны крупные постройки, чтобы они выглядывали из-под снега, метров на шесть и за ними можно было спрятать большие вездеходы, успокоил его Саша.

Потом он продолжил:

— У нас всего единственный вариант, справиться с БМПушками — заманить в засаду и офигачить их гранатометами. Теперь подумай, где нам найти такой посёлок, чтобы там была улица с не совсем разрушенными 4–5 этажными домами, и чтобы этот посёлок находился не дальше 50 километров от нас.

Много времени на размышления о местной географии у Василия не ушло. Он почти сразу ответил:

— Наверное, подходит только Новочеркасск. Мы в прошлом году оттуда таскали продукты и разные хозяйственные предметы, вывезли всего саней тридцать. Дак там я видел целую улицу малоразрушенных пятиэтажек — только окна везде выбиты, да кое-где крыши провалены. Отсюда до города километров тридцать.

— Отлично!

Воскликнул Саша, посмотрел на часы и добавил:

— Так, мужики, время пошло — начинаем усиленно шевелить булками.

Потом взяв рацию, он вызвал сидящего на приёме Володю и, коротко обрисовав ситуацию, напоследок, выдал несколько распоряжений:

— Интендант, с этого момента переходим на режим радиомолчания, а то эти архаровцы могут отсканировать наши переговоры. На верхнем багажнике мужского кунга лежит длинный деревянный ящик зелёного цвета — обязательно его достаньте к нашему приезду и смотрите, кантуйте его поаккуратней. Будьте готовы, как только мы появимся, сразу двигаться дальше. Всё, до встречи.

Закончив, он посмотрел на меня и произнёс:

— Да, не думал я, что после таких испытаний, выпавших человеческому роду, мне опять придётся стрелять в людей. Но как обычно бывает, дерьмо всегда всплывает и без ассенизатора никак не получается устроить нормальную жизнь. Ну ладно, хватит философствовать, давай, Батя, по коням, и пусть удача от нас не отвернётся, а мы уж сделаем для этого всё возможное.

Он повернулся и направился к ТТМу. Остальные уже расселись по вездеходам. Я напоследок обернулся посмотреть на оставленные сани, где сиротливо сидели две фигуры и потом быстро заскользил на лыжах к своему вездеходу. Только я уселся в кабину ГАЗона, Сергей резко тронулся, спеша догнать уже уехавший метров за сто ТТМ.

К нам в кабину был посажен мужик, имя которого я ещё не знал. Поэтому я сразу же стал с ним знакомиться. Он назвался Павлом, и рассказал нам следующую историю:

— На момент катастрофы мне было тридцать два года, а сейчас я даже и не знаю сколько. Ощущение времени у меня уже совсем потерялось, вся эта жизнь в шахте напоминает кошмарный сон или жизнь в аду, где время не существует. От пинка просыпаешься, с пинком и отправляешься на ночлег.

За это время я совсем превратился в биоробота, даже самостоятельно думать разучился. Хотя до катастрофы, я после армии окончил Ростовский политехнический институт. Вот, что эти гады с людьми делают. Ненавижу этих сволочей! Ваше появление разбудило во мне человека, и появилась хоть какая-то надежда. Теперь я лучше умру, чем обратно попаду к этим ублюдкам. Правильно Миха сказал — лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Глядишь, и получится с собой на тот свет утащить хоть одного бычару.

Он с нежностью погладил ствол автомата, стоявшего у него между ног. Проследив за его действиями, я спросил:

— Слушай, а ты обращаться-то с оружием не разучился? Помнишь хоть, где находится курок, и как вставляются патроны?

— А — то! В армии я был отличником огневой подготовки. И там намертво, на уровне инстинктов вбили умение обращаться с автоматом.

Пока мы ехали, Паша продолжал рассказывать о жизни на шахте. С особым вниманием его слушал Сергей, до этого он, сидя у пулемёта, ни с кем из освобождённых рабов не разговаривал. Поэтому сейчас, выслушивая этот рассказ, он периодически матерился.

Подъехав к нашей стоянке, заглушив ГАЗон, мы направились к группе мужчин, столпившихся вокруг Саши. Тот уже повсюду раздавал распоряжения. Никаких пререканий не происходило, все члены нашей коммуны уже знали, в какое неприятное положение мы попали. Вкратце рассказав свою идею по организации засады, он начал ставить задачи для каждого присутствующего. По этим планам мне предстояло быть водителем на вездеходе-приманке. В этой роли должен был выступить ТТМ, с установленным на нём гранатомётом, из которого стрелял бы Василий, а помогать ему должен был Валера. УРАЛы и заправщик нужно было заранее укрыть за зданиями, а ТТМ и управляемый Сергеем ГАЗон, должны были у начала улицы ждать появления БМП. При появлении их в пределах прямой видимости, следовало не очень быстро начинать движение по улице, при этом с ТТМа Василий должен был начинать обстреливать надвигающуюся технику из гранатомёта. Когда начнётся ответный обстрел, нужно быстро двигаться в конец улицы и там замаскироваться за домами. Саша с Флюром и двумя новыми членами нашего коллектива, вооруженные РПГ и РПО, в маскхалатах, замаскируются вдоль этой улицы и будут ждать, когда БМП кинутся догонять наши вездеходы. По рассказу Василия, возможности объехать или свернуть с этой улицы — нет. Поэтому БМП должны были подставиться под выстрелы наших гранатомётов и разовых огнемётов. Володя, Коля, Максим и Наташа, вооружившись пулемётом, автоматами и снайперской винтовкой, замаскировавшись в пятиэтажках, должны были открывать огонь, если появится живая сила противника. Чтобы с БМП не заметили лыжных следов нашей засадной группы, было решено, что они будут добираться до места из внутренних дворов этих пятиэтажек. Чтобы вдоль колеи, проложенной нашими вездеходами, лежал девственный, безо всяких следов снег. Поэтому и было очень важно прибыть на место будущего боя хотя бы минут на тридцать раньше, чем противник, чтобы вездеходами завести засадную группу на параллельную улицу, а уже оттуда они на лыжах доберутся до места засады. Ещё Саша, чтобы всех успокоить, добавил:

— Никуда БМПушки не денутся, они как розыскные псы будут точно идти вдоль нашей колеи и, соответственно, обязательно попадут в расставленный капкан. Теперь самое главное — успеть его расставить. Вертолет, как я думаю, они пока задействовать не будут, поэтому у нас есть очень

большой шанс провести эту операцию быстро и неожиданно. А если и поднимут его в воздух, у нас есть достойный ход конём. Саша оглядел всех по кругу, потом перевёл взгляд на Володю и спросил:

— Товарищ Интендант, вы сняли ящик с кунга?

— Обижает, начальник, — ответил тот.

— А вскрыли его?

— Конечно, разве удержишь от этого нашу любопытствующую публику.

— Хоть поняли, что там хранится?

— Ну, ты, Кот, нас обижаешь! Мы что тут — дети? Тем более, там есть маркировка и описание этих изделий — это два комплекса ПЗРК — Игла-с. А Валера даже в своё время стрелял из таких комплексов.

Саша, оживившись, сразу задал Валере вопрос:

— Конь, а ты с планшетом работал? Сможешь сейчас с ним управиться?

— Не знаю, уже столько времени прошло, но если надо, то попробую, — ответил Валера.

Кстати с моей памятью тоже творилось чёрти что, совершенно забылось, что у нас в арсенале были и ПЗРК. Только сейчас я вспомнил, что их мы выменяли у прапорщика в Туле за совершенно смешную плату. По моему за эту пару мы отдали всего пять бутылок палёной водки. В те времена из-за пепла воздушное сообщение было полностью прекращено, и этот вид вооружения был никому не интересен.

— Так ты что, всё это время хранил эти ракеты, — спросил я Сашу?

— Батя, я тебе уже сколько раз говорил, что оружия, как водки — много не бывает, — ответил он.

Потом ещё раз всех оглядел и завершил постановку задач:

— Ну, что, орлы, все уяснили свои маневры. Тогда пора всем разбежаться по вездеходам. Оба ПЗРК укладываем в ТТМ, в случае появления вертушки, Валера, знай — она за тобой. Нам с Ханом тащить их с собой в засаду совершенно не с руки, нужно сосредоточиться только на БМП. Кстати, Батя, помни, что экипажи ваших вездеходов являются последним барьером перед противником, если они прорвутся мимо нас. За вами наши дети и женщины, поэтому пропустить этих работяг никто не имеет права. Всё, мужики, как говорится — по коням, время тикает.

Затем в течение пяти минут мы окончательно уложили всё вооружение и боеприпасы в ТТМ и ГАЗон, разобрали термосы с чаем и бутерброды и разошлись по закреплённым вездеходам. Скорость движения договорились держать максимальную — 30 километров в час. Обедать должны были в кабинах, прямо в пути. Я попросил наших кормилиц Машу и Галю, чтобы питание было максимально калорийным и вкусным, тем более нужно было подкормить бывших рабов. Поэтому были открыты баночная ветчина и паштеты.

Когда мы тронулись, на моём хронометре было два часа дня, температура была -18 градусов, шёл небольшой снег. Впереди шёл грузовой УРАЛ, управлял им Саша. С ним так же сидел Василий, который должен был указывать наилучший подъезд к Новочеркаску, а так же Вика, она должна была управлять вездеходом в случае возникновения непредвиденной ситуации, требующей присутствия её мужа. В других экипажах изменений не было, только в ТТМе пассажирами ехали Флюр и два новых члена нашей команды — Паша и Михаил. Освобождённые женщины, Света и Марина, находились в мужском кунге вместе с Галей и Надей, они там на всякий случай готовили медицинский пункт.

В дороге весьма недурственно перекусили — давно я не ел в таком количестве мясных консервов. До запланированного места засады мы добрались через один час десять минут. Место действительно соответствовало всем критериям, высказанным Сашей. Снежная полоса над бывшей улицей была шириной метров семьдесят, по краям которой стояли пятиэтажки. Зазоры между ними были метров по тридцать, с многочисленными буграми, по-видимому, это были более низкие постройки, полностью заваленные снегом.

Я подумал, — никакой нормальный водитель не рискнёт залезть в этот Шанхай даже на сверж — проходимом вездеходе. Так что бояться, что преследователи попытаются нас перехватить, срезав дорогу, не стоило.

Длиной эта улица была около километра, с небольшим изгибом, в конце она упиралась в Т-образный перекрёсток, там стояло несколько девятиэтажек. Повернув на перекрёстке направо, мы встали за одним из этих домов. После чего все вышли на последний инструктаж, а также, чтобы взять оружие и необходимую амуницию. Когда собрались вокруг Саши, он, посмотрев на часы, сказал:

— Так, если этот Глобус, всё-таки решил нас наказать, то они только сейчас подняли БМП из шахты. Значит, если будут делать всё оперативно, могут появиться здесь часа через полтора. Хотя скорости у них повыше, чем у нас, поэтому можно допустить их появление и через час, но не раньше. Задачи в предстоящей операции всем ясны?

В ответ раздалось:

— Да всё понятно, хватит болтать, пора ехать занимать позицию.

В наши общие выкрики ворвались слова Флюра:

— Эй, мужики, притормозите! Нужно ещё немного подумать — намёрзнуться ещё успеете. У меня есть одно существенное предложение. И начну его с вопроса. Вы когда-нибудь по быстро движущейся мишени стреляли, тем более, если вы находитесь сбоку и расстояние до неё очень небольшое? Уверяю, что из нас всех по БМП попадёт только Кот, да и то не наверняка. Поэтому БМПшки нужно притормозить и именно перед тем местом, где мы засели. Как это сделать? А вот теперь моё предложение — когда ТТМ и ГАЗон будут по улице сваливать от неприятеля, то нужно около выбранного дома отцепить сани и максимально перегородить дорогу. Со сто процентной вероятностью БМПшки притормозят перед ними, даже если там останется широкий проезд. Тут-то мы и вмажем по ним. Лучше всего всё это сделать в середине улицы, а стрелковую засаду установить ближе к въезду.

Саша мгновенно оценил это предложение, дружески хлопнув рукой по плечу Флюра, он сказал:

— Да, узнаю старого диверсанта, тебе и раньше не было равных по устройству засад, да и других подлянок. Давай-ка колись, что ещё удумал? Наверняка ведь хочешь ещё какую-нибудь каверзу приготовить?

Флюр как-то горько усмехнулся и ответил:

— Каверзу не каверзу, но последний сюрприз, если они прорвутся через нас, приготовить надо. Если не дай бог, такое случится, нужно чтобы наши женщины вместе с Дохтуром на трёх УРАЛах уматывали отсюда подальше в сторону моря, бросив здесь все сани и бензовоз.

А я сейчас минут за пятнадцать поставлю там хитрые растяжки, а на бензовоз даже не пожалею свой последний резерв тола. Если кто из нас останется в живых, свяжется с ними по рации и на лыжах как-нибудь доберётся до УРАЛов.

Начавшиеся после этого протестующие выкрики наших женщин прекратил я, прикрикнув на них: — Уймись, дуры! Он дело говорит! Вы думайте не только о своей судьбе, а о той беде, которая грозит нашим детям, если вездеходы захватят эти людоеды. Или вы готовы своей рукой их убить, если быки прорвутся сюда. И подумайте, с какими мыслями мы будем вступать в эту схватку. К тому же не факт, что даже если они и победят, то смогут нас всех уничтожить. Не так-то это и просто, тем более в таких развалинах, как эти, а если вы уедете, то ночью мы отсюда выберемся и на лыжах постараемся до вас добраться.

Такими аргументами удалось подавить бунт наших дам, которые под предводительством Тани тоже хотели начинать оборудовать позиции для обороны в соседней полуразрушенной девятиэтажке. Они немного притихли, но всё равно не собирались далеко уезжать, поэтому пришлось обговаривать с ними конкретное место встречи. Вооружения у них оставалось тоже довольно прилично, пять АКМ (5,45) и три дробовика, так же 5 гранат, которые выпросила у меня Вика.

— Вы же можете изуродовать друг друга, — как мог, упирался я, — тут же нужен хоть какой-то опыт.

— У нас Таня прошла военную кафедру в институте, их там учили бросать гранаты, — отвечала мне Вика, — да и меня Саша на полигоне учил это делать, когда я с ним летом ездила на недельные сборы.

— К тому же, гранат вы набрали на бандитской базе в Туле целых два ящика, — продолжала она настаивать, — их вполне хватит всем с избытком и даже этому маньяку Хану.

Я внутренне был полностью уверен, что уж им-то гранаты не пригодятся, поэтому довольно быстро сдался и вручил Вике пять РГН.

Пока я занимался с нашей лучшей половиной, остальные помогали Флюру устанавливать растяжки, а так же небольшие взрывпакеты, закреплённые на буксировочном тросе саней. Решено было тросы обрывать взрывом во время движения, а не мучиться и не терять время, отрезая их ножом. Для этого пришлось бы останавливаться, выходить из кабины, и всё это — под огнём противника. Десяток взрыв пакетов Флюр изготовил ещё давно из гранат для нашего гранатомёта "Балкан", думая ими рыхлить смёрзшийся уголь. Электродетонаторов у него ещё оставалось три штуки. Валера быстро установил проводку и поставил в кабины выключатели. Теперь одним движением можно было замкнуть цепь, произвести взрыв и освободиться от саней в нужном месте.

Вся эта подготовка вместе с облачением гранатомётчиков в маскхалаты заняла сорок минут.

Наконец, в четыре часа ребята загрузились в ТТМ и ГАЗон, и мы их по параллельной улице развезли к намеченным местам высадки. Потом, даже не останавливаясь около УРАЛов, направились по нашей старой колее, метров за триста до начала этих двух рядов торчащих из-под снега домов.

Добравшись до места, где перед въездом в город стоял наш караван, (тогда Саша с Флюром наследили на снегу, выходя из вездехода, чтобы сделать регосценировку) мы встали, выключив двигатели. Кроме экономии топлива, это позволяло услышать рёв чужих дизелей — звуки в этом белом безмолвии разносились очень далеко. Кроме постоянного прослушивания установили постоянное дежурство наблюдателя, который из верхнего люка ТТМа, в бинокль отслеживал направление возможного появления противника. Было решено ожидать преследователей до наступления полной темноты, а потом со всей возможной скоростью уматывать отсюда подальше и больше не искать никаких контактов с выжившими людьми. Темнеть в этой местности начинало в

восемь часов вечера, поэтому уезжать мы собирались в девять часов.

Первая смена дежурить с биноклем выпала мне. Валера в это время всё расспрашивал Васю о жизни в подземном убежище после катастрофы. У него, как впрочем, и у остальных, не укладывались в мозгах сведения о рабстве и каннибализме, процветавших в этом обществе, ранее, в общем-то, цивилизованных людей. Так как наверху было довольно-таки холодно, и ледяным ветром, несмотря на тёплую одежду, продирало до костей, мы договорились дежурить по полчаса. Моё наблюдение дублировалось и в кабине вездехода посредством мониторинга изображения на экране ноутбука. Валера всё-таки успел установить по две камеры на ГАЗон и ТТМ.

После окончания моей смены и выхода на дежурство Валеры, я, блаженно развалившись в кресле, в показавшейся очень тёплой кабине, выкурил первую на сегодня, внеплановую сигарету. В связи с дефицитом табака, была установлена жёсткая норма — в сутки четыре сигареты на одного курильщика. Но в связи с экстремальной ситуацией, на сегодня все получили двойную норму. Покурив, я уже налил себе из термоса горячий кофе, когда из смотрового люка буквально скатился Валера и заорал:

— Вижу! Вижу на горизонте несколько движущихся точек.

От неожиданности я пролил на себя всю пластиковую чашку кофе. Отбросив её подальше, чертыхнувшись, я впился взглядом в экран ноутбука. Но там не было видно ничего нового. Тогда я, взяв подозрную трубу, оттолкнув пытавшегося тоже что-то высмотреть без бинокля Васю, высунулся по пояс из люка, чтобы увидеть эти движущиеся объекты. Через это мощное оптическое устройство можно было хорошо рассмотреть двигающиеся в нашу сторону три единицы аэросаней и, где-то на расстоянии километра от них, два БМП и большой трёхосный грузовик на шинах низкого давления.

— Вась, а почему я не вижу у грузовика газогенераторной установки, — спросил я у бывшего раба, — полное впечатление, что грузовик работает на обычном топливе.

— Да я же говорил, что весь грузовой автопарк, оборудованный газогенераторами, уехал за товаром в Донбасс, — ответил он, — остался один вездеходный УРАЛ на шинах низкого давления. Его обычно используют в экстренных случаях, уж очень он прожорливый насчёт соляры. А ставить туда газогенератор не хотели, если их использовать, то теряется 30–40 процентов мощности двигателя. На нём обычно передвигается тревожная группа.

Он замолчал, испуганным и каким-то жалким взглядом глядя на меня, потом не выдержал и попросил:

— Слушай! Дай хоть глянуть, с кем нам придётся иметь дело. Может быть, я посмотрю и какую-нибудь дельную мысль выскажу.

— А душа в пятки не уйдёт, когда увидишь своих бывших хозяев, — пошутил я, — всё-таки их там человек пятьдесят, если считать, что в БМП и в УРАЛе сидят десантные группы.

Василий на это ничего не ответил, а молча схватив протянутую подозрную трубу, залез на возвышающую площадку под открытым верхним люком. Я в это время включил рацию, и как было условлено, пять раз постучал пальцем по микрофону — это означало, что противник появился и до него не менее пяти километров. Одновременно в ТТМ влез Валера, который выходил предупредить Сергея. После чего я завёл вездеход, давая двигателю прогреться, а сам опять полез смотреть, на каком уже расстоянии находится приближающийся противник.

С трудом втиснувшись рядом с Василием, я из бинокля начал отслеживать перемещение этой колонны. По шкале в окулярах выходило, что до аэросаней было немногим более четырёх километров, и они опережали БМП уже на полтора километра, ехали они по нашей колее. Нас пока не видели, мешало яркое солнце. Саша специально так проложил траекторию нашего движения, чтобы до последнего момента солнце светило противнику в глаза.

Василий опустил подзорную трубу, с трудом повернулся ко мне, даже слегка зацепив станину гранатомёта и негромким голосом, произнёс:

— Ну, всё, минуты через четыре можно будет открывать огонь по аэросаням, они как раз подъедут километра на два. Этот станковый гранатомёт "Балкан" может стрелять на два с половиной километра, но лучше их подпустить поближе, где-нибудь, на километр.

— А ты забыл о пушках на БМП? Броневики тогда приблизятся к нам слишком близко и разделают нас под орех, — возразил я ему, — тем более, наша задача — не поразить цель, а привлечь к себе внимание и заставить противника кинуться за нами в погоню. Поэтому жди, когда эта мелкота приблизится километра на два и начинай стрелять. И постарайся их так напугать, чтобы вперёд вышли БМПпушки.

— А можно я тоже буду называть вас — Батя, — вдруг спросил Василий?

— Ну, ты даёшь, мужик, — воскликнул я, — мы, можно сказать, с тобой в одном окопе находимся, а ты глупые вопросы задаёшь. Конечно, называй!

Он посмотрел на меня уже глубокими, прояснёнными глазами и с пафосом произнёс:

— Знаешь, Батя, в эти, может быть последние минуты своей жизни, хочу сказать, я очень рад, что вас встретил. И пускай недолго, но я снова почувствовал себя человеком, а не какой-то там тварью.

Поэтому не бойся, я не облажаюсь и не испугаюсь. За те чувства, которые вы все во мне разбудили, я с этими гадами буду драться голыми руками.

— А с этим, — он похлопал по гранатомёту, — я им задницы на британский флаг порву.

После этих слов Василий занялся подводкой прицела, я направился на водительское место, а Валера встал вторым номером к Васе.

Мы с Сергеем договорились, что начинать движение будем после первой серии выстрелов гранатомета. Первоначально в разные стороны, чтобы окончательно уничтожить следы остановки нашего каравана, потом кленовым листом, как в автомобильных развязках, развернуться и выйти на нашу колею и уже по ней катить в город. Первым по колее двигается Сергей. В намеченном месте он притормаживает и отстреливает сани, потом там же должен был сбросить сани и я. Это место, которое находилось примерно метрах в шестистах от начала улицы, мы выбрали из-за того, что гладкая поверхность улицы здесь сжималась метров до десяти. По обеим сторонам от неё были высокие снежные сугробы. По-видимому, раньше в этом месте стояли какие-то магазины или палатки. Такие сложные пируэты движения были выбраны ещё и для того, чтобы осложнить прицеливание по нам из орудий БМПпушек.

Кстати, перед началом этой операции мы установили защиту от пуль и осколков в обоих вездеходах. В ГАЗоне закрепили вокруг водительского места несколько бронежилетов. В ТТМ, кроме развешанных по бокам кабины бронежилетов, уложили сзади этой большой кабины коробки, набитые всеми нашими книгами, а сверху это всё придавливало четыре мешка с сахаром, последним запасом.

В момент выстрелов из гранатомёта я внимательно смотрел на экран ноутбука, отслеживая там картинки, передаваемые камерами. Даже на них уже были видны приближающиеся аэросани. Когда они резко замедлили свою скорость, по-видимому, заметив нас, Василий начал стрелять. Я успел заметить, что одна граната точно поразила аэросани, шедшие в центре, потом вся картинка исчезла, скрытая снежным туманом, поднятым взрывами гранат.

— Вот же незадача, — подумал я, — на кой чёрт мы придумали такой сложный маневр выезда на свои следы. Ведь сколько раз, стреляя из гранатомёта, видели эффект, производимый взрывами в снегу. При такой снежной завесе можно не бояться прицельного огня БМПшек. Можно было не мудрить, а спокойно развернуться и ехать в город.

Как бы подтверждая мою мысль, где-то в стороне раздались взрывы ответных выстрелов. Не став ждать продолжения, я тронулся всё же выполнять обговоренный заранее маршрут бегства. Выехав на начало улицы, я опять остановился. К этому времени ребята уже перезарядили гранатомёт.

— Васёк, видишь, где там БМП, — крикнул я? — Когда их разглядишь, сразу долби, а я пока притормозу, нужно чтобы они заметили, куда мы поехали.

— Не бойсь, Батя, не облажаюсь! Только стрелять по БМП бесполезно, всё равно этими гранатами мы им никакого вреда не нанесём.

— Нанесём, не нанесём, это неважно — зато разозлим и раззадорим, нужно чтобы они особо не размышляли, а сходу двинулись по этой улице. К тому же, гранатами подыдем снежную пыль, и прицельно по нам они уже выстрелить не смогут. А пулемётами нашу блиндированную задницу они — хрен пробьют.

Спокойно постоять нам удалось всего лишь минуты две, потом раздались звуки выстрелов нашего гранатомета, и я сразу же двинулся в сторону уже отцепленных саней ГАЗона. Подъехав туда, приостановился и нажал выключатель — раздался негромкий хлопок, и я сразу же тронулся с места. Теперь у меня в мозгах была только одна мысль — быстрее спрятаться за полуразвалившуюся девятиэтажку. Всё это время после начала нашей стрельбы я чувствовал себя мишенью у какого-то жестокого, спокойного и чрезвычайно опытного наводчика.

Как только заехал за угол дома и спрятался от грозящих нам пушечных снарядов, на меня напал форменный мандраж. Всё тело и, особенно, руки начали трястись. Вот этими трясущимися руками я судорожно залез в бардачок и достал небольшую фляжку с эликсиром Дохтура. Потом зубами свинтил крышку, при этом уронив её на пол кабины, и сделал два хороших глотка. Мои мозги взорвались, но прочистились, дрожь в теле куда-то пропала, а сам я начал адекватно мыслить. И первой мыслью, была благодарность Игорю за его чудодейственный напиток, который он, к тому же, раздал всем участвовавшим в операции, разлив его в имеющиеся у каждого фляжки, а новым нашим бойцам, в медицинские мензурки.

После того как эликсир окончательно усвоился, я развернул ТТМ и только тогда заметил стоящий около самого дома ГАЗон и недалеко от него Сергея, выглядывающего из-за угла на покинутую нами улицу. Крикнув ребятам, чтобы они тоже приняли по дозе эликсира и переставили гранатомёт для стрельбы по ходу движения, я, захватив автомат и гранаты, вылез из вездехода и направился к Сергею. Когда к нему подошёл и уже хотел немного потеснить Малого — раздались не очень громкие хлопки взрывов, а потом более слышные звуки выстрелов из автоматов и пулемёта. К этому времени, наступил самый пик воздействия эликсира на мой организм. Я ощутил

необыкновенную лёгкость во всём теле, чувство неуязвимости и всемогущества. Поэтому даже не стал отодвигать Сергея, чтобы посмотреть из-под защиты на то, что там творится возле нашей засады, а, чуть не свалившись с лыж, буквально выпрыгнул метра на два вперёд и встал в полный рост на открытом пространстве. Но ни одного выстрела в мою сторону не прозвучало — уже стрелять было некому.

Из обоих БМП валил густой чёрный дым, и, несмотря на то, что я находился от них метрах в трёхстах, даже здесь чувствовался запах горелой резины и ещё чего-то неприятного. Метрах в двухстах от подбитых броневиков стоял перекошенный на один бок, вездеходный УРАЛ, вот в том районе и раздавались автоматные и пулемётные очереди. Правда было слишком далеко и непонятно — продолжают ли отстреливаться выжившие быки, или это наши долбят на всякий случай по этой машине.

Быстро сориентировавшись, крикнул Серёге:

— Малой, давай, быстро двигай на ГАЗоне за мной и не вздумай высовываться поперёд бабки в пекло. Держись метров на пятьдесят позади меня.

После чего направился к ТТМу. В моей голове созрело решение — использовать наши вездеходы как броневики. Подъехать поближе к повреждённому УРАЛу и с нашего вездехода оказать помощь ребятам. Всё-таки мы были вооружены гранатомётом и сидели под довольно толстым слоем железа, увешанного к тому же ещё и бронешилетами. Когда я сел в вездеход, то прислушался — стрельба несколько стихла, теперь раздавались редкие автоматные и пулемётные очереди.

Когда я проехал мимо чадающих БМП, и панорама полностью очистилась от дыма, метрах в ста от скособочившегося УРАЛа, увидел лежащего в снегу Сашу, который резко крутил ладонью руки, показывая мне что-то. Я понял, что, по-видимому, нужно встать боком, загородив его от возможных выстрелов, что и сделал. После остановки, открылась боковая дверь, и в салон влез Саша. Не успев сесть, он сразу же накинулся на меня:

— Ты, что же, Батя, творишь? У тебя, что — бес в ребро, или в жопу кто клюнул? Ты же ехал прямо под автоматный огонь.

— А нам, пофиг, — ответил я, — мы считай, что на танке!

— Да! Может быть, ты думаешь, что когда ведёшь — в триплекс смотришь? Ты хоть понимаешь, что это стекло пробьёт пуля, выпущенная даже из самого дрянного пистолетишки, а у этих быков всё-таки АКМы, правда 5,45.

— Неужели они почувствовали засаду и успели среагировать, — удивился я?

— Да нет, ничего они до последней минуты не почувствовали, просто у них в УРАЛе ехали битые мужики. Они не растерялись — почти сразу открыли ответный огонь, и часть из них грамотно укрылась от огня ребят. Когда мы подоспели после разборки с БМПушками и ударили во фланг, трое из них успели укрыться в пятиэтажке. Эти сволочи, крепко зацепили нашего нового чела — Пашку, кажется. Тот тоже, как и ты — сдуру, попёр в наглуую напрямик и получил, по самое не могу. Теперь вон лежит недалеко от дома и стонет, а у нас ни хрена не получается вытащить его. Только дёрнешься, тут же эти мужики начинают плотно прижимать нас в снег. А у Коли никак не выходит из пулемёта приструнить это бычье.

Вдруг Саша принялся, страшно серьёзное его лицо исказила улыбка, и он произнёс:

— А, теперь понятно, почему ты чувствуешь себя как в танке — Дохтурский эликсир? Тогда давай и

мне, чуток его глотнуть.

— Ты что, свою порцию уже употребил? — удивился я.

Саша, молча, достал из бокового кармана фляжку и бросил её в промежуток между креслами, в ней было длинное, рваное отверстие.

— Дохтурское пойло, наверное, заговорённое — даже если его не принимаешь внутрь, оно всё равно спасает тебе жизнь, ну, или, по крайней мере, какую-нибудь часть тела, — пространно ответил он и добавил:

— Эта фляжка оказалась в нужное время в нужном месте. А ведь я, буквально перед этим, думал — что-то стало холодать, не пора ли нам поддаться и хотел её достать, чтобы сделать пару глотков. А оно видишь, как вышло, значит — будем жить, как поётся в какой-то песне.

Поражённый, я достал свою фляжку, протянул Саше и всё-таки не удержался от вопроса:

— Слушай, а у тебя точно никакой раны нет? Может быть, всё-таки, давай я тебя перевяжу.

— Да успокойся ты, Батя, ни хрена там нет, ну если только синяк какой-нибудь. Ладно, потом как-нибудь Игорёха посмотрит. Сейчас сказ не про это, а про то, что будем делать дальше? Вообще-то, ты правильно сделал, что подогнал сюда технику, я уже и сам хотел тебя по рации вызывать. Но только нужно было подъезжать задним ходом, подставляя им блиндированную корму.

— Ну ладно, эту ошибку мы, считай, исправили, — сказал он и, наконец, сделал два глотка из фляжки. Потом закрутил пробку и сам положил её в бардачок.

— Знаешь, заодно давай тогда и сигаретку, — попросил он.

— Ты же куришь только по большим праздникам, — опять не удержался я от удивлённого возгласа.

— Нужно грамотно выходить из ощущений огненной бури, вызванной Игорёхиным котельчиком. Несколькими граммами этого напитка, наверное, можно сжечь тяжёлый танк. Коктейль Молотова, по сравнению с ним, это шалости детей дошкольного возраста.

Мы закурили, вместе с нами задымили и Валера с Василием, они тоже спустились от гранатомёта и всё это время внимательно слушали Сашу. Перекурив, Саша подобрался и уже другим, командирским голосом, начал отдавать распоряжения:

— Васёк, сейчас мы разворачиваемся и задним ходом начинаем двигаться к дому, где засел противник, твоя задача — из гранатомёта стрелять по первым от снежной кромки оконным проёмам второго подъезда. Именно там засели твои старые знакомцы.

— Дак, мы переставили гранатомет на стрельбу по нормальному ходу движения, — ответил ему Вася.

Чертыхнувшись, Саша, уже раздражённо, заявил:

— Тогда лезьте и переставляйте обратно. Потом он взял рацию и сделал общий вызов. Дождавшись подтверждения приёма — начал командовать:

— Хан, ты сможешь безопасно добраться до ТТМа, или лучше нам подъехать к тебе?

Из динамика, рации донёсся голос Флюра:

— Через пять минут буду в кабине. Хоть немного свои кости отогрею.

Саша, не обращая внимания на начинающего ёрничать Флюра, продолжил:

— Малой, подъезжай вплотную к ТТМу, к тебе перейдёт Валера, вы задним ходом должны добраться до нашего раненого, его загрузите, и дуйте в кунг, к Доктору. Там будете ждать других распоряжений. Серёг, держи хвост пистолетом, эвакуацию раненого мы прикроем гранатомётом и

пулемётом. Да и твоя Наташка сидит в доме, напротив, со снайперской винтовкой.

— Мастер, ты понял свою задачу — не давать гадам даже высунуться из своих нор, — продолжил Саша, — и доведи это до остальных членов своей группы. После того, как раненого увезут, на зачистку этого дома пойдёт наша группа. Её ты особенно плотно прикрываешь с момента высадки из ТТМа до проникновения в дом. После этого ни одного выстрела, а то ещё кого-нибудь из нас зацепишь.

Дождавшись подтверждения, что задача понята, Саша начал уже и нам объяснять, что каждый должен делать в ближайшее время. Василию он сказал:

— Ты как бывший сержант, ранее участвующий в боевых действиях, пойдёшь на зачистку этого дома вместе со мной и Ханом. Будешь прикрывать нам спины. Только ради бога, без всяких инициатив и импровизаций. Если тебе сказали — охранять вход, то стоишь и тупо охраняешь.

Понял?

— Так точно, — ответил Василий и попытался встать в полный рост. Но высота кабины этого не позволила, и он только ударился шапкой о потолок, чем вызвал наши улыбки.

Сдерживая усмешку, Саша повернулся ко мне и поставил задачу:

— Ты, Батя, сначала побудешь опять водителем. Когда нас высадишь, попытаешься найти Миху, он залёг где-то здесь, недалеко. К сожалению, рации у него нет и сейчас с ним никак не связаться. Когда мы проникнем в дом, ты немного отъедешь и криком попытаешься подозвать его. Если он не услышит, то тогда тебе одному придётся заехать за эту пятиэтажку и не дать возможности этим быкам оттуда слинять. По этому снегу, без лыж, я думаю, далеко они не уйдут. Будешь бить их как куропаток, самое главное — не дать им уйти за эти снежные холмы, туда никакой наш вездеход не пройдёт. Если, всё-таки, кому-нибудь из них удастся туда добраться, то и чёрт с ним, будем считать, что он везунчик, преследовать его не будем — время нам дороже. Наверняка они уже сообщили на шахту, что нас встретили, и мы им надрали задницы. Поэтому, если этот Глобус, запросит помощи у Секретариата, то тем понадобится несколько часов, чтобы организовать новую военную группу побольше, чем мы разбили. Допустим, чтобы добраться до этого места, им понадобится часов пять, и, значит, нам нужно за это время свалить отсюда, как можно дальше. Правда, я думаю, раньше, чем завтра утром, они вряд ли организуют новую погоню.

Он усмехнулся и закончил:

— А за это время, как писал один из американских классиков — можно успеть добраться до Канадской границы.

Не удержавшись, я задал давно мучивший меня вопрос:

— Санёк, а что ты так свободно болтаешь по рации? Сам же говорил, что могут засечь и получить ненужную нам информацию.

Ха, Батя, ну ты даёшь! Тут куча вражеских раций, небось, орала, как стадо свиней на мясокомбинате. На шахте, если им поступила отсюда информация, думаю, сейчас не до наших переговоров. Вот, когда тронемся дальше, то опять в силу вступит закон радиомолчания.

В этот момент в кабину забрался Флюр, он сразу же потребовал, чтобы на него направили обдув тёплым воздухом от печки работающего дизеля. Посидев напротив струи горячего воздуха пару минут, он начал принюхиваться, потом заговорщицки ухмыльнулся и заявил:

— Узнаю дух благословенного напитка, дай бог здоровья нашему Дохтуру. Вы тоже им тут

разминались? У меня во фляжке осталась только половина этой жидкой амброзии. Только благодаря этому напитку, я сегодня не превратился в ледяную статую.

— Всё, Хан, заканчивай трепаться — время не ждёт. Нужно быстрее разбираться с этими быками и делать отсюда ноги, а то могут пожаловать коллеги товарищей, которых мы только что положили, и их будет раза в два побольше. А у нас осталось всего: один выстрел к РПГ и два РПО. То есть — никаких серьёзных боестолкновений мы не выдержим.

Лицо Флюра сразу сделалось серьёзным, и он коротко ответил:

— Всё, командир, молчу! Давай, приказывай, что нужно делать...

После этого они минуты три, тихо о чём-то беседовали. Затем всё стало происходить очень быстро.

Валера перебежал в подъехавший ГАЗон. Потом они с Сергеем отправились выручать раненого Павла. Василий долбил из гранатомёта по окнам пятиэтажки, его выстрелами поддерживали наши ребята, засевшие в доме напротив. Саша с Флюром разбирали гранаты из последнего нашего ящика. Я сидел на взводе за управлением ТТМа и периодически перегазовывал. Наконец, Саша хлопнул меня по плечу и скомандовал:

— Давай, Батя — поехали!

Я, задним ходом, не очень быстро начал приближаться к дому, где засел наш противник. Перед этим в кабину, захлопнув верхний люк, спустился Василий, ему тоже выделили несколько гранат.

Приблизившись практически вплотную к стене дома, я остановился. Саша распахнул заднюю боковую дверь и, высунувшись оттуда, забросил несколько гранат в ближние оконные проёмы.

Потом, быстро выскользнув из салона вездехода, забрался в находившееся в паре метров от него окно, также быстро там оказался и Флюр, последним в зловещей черноте этого оконного проёма скрылся Василий. После этого я двинулся выполнять свою миссию.

Глава 9

Отъехав от стены дома метров десять, я заметил привставшего на колени и машущего автоматом Михаила. Увеличив скорость, быстро оказался около него. Остановившись так, чтобы ТТМ загораживал его от обстрела из дома, я выгнулся и открыл пассажирскую дверь. После этого, начал криком поторапливать его:

— Мишань, давай, быстро забирайся. Нам нужно быстро перекрыть пути отхода засевшим в доме быкам. Наши мужики начали их уже оттуда выкуривать. Живей, давай, живей!

Когда Миша забрался на переднее пассажирское место, я резко тронулся с места и, буквально через минуту, оказался в промежутке между двух пятиэтажек. Там я опять резко сбавил скорость и уже медленно выполз во двор нужного дома. Ширина относительно ровной снежной полосы вдоль пятиэтажки была метров семьдесят, потом начинались крутые снежные бугры. Вот на границе этой полосы я и увидел двух человек, медленно бредущих по пояс в снегу, третий отставал от них метров на двадцать.

Буквально на автомате, не рассуждая и не думая, я выгнал назад Михаила, а сам, опустив окно и пристроив автомат на образовавшийся упор, открыл огонь по хорошо видимым на белом фоне дальним фигурам. Они уткнулись в снег после моих двух коротких очередей. Когда я уже выцеливал третью фигуру, раздался резкий зуммер рации, это меня сразу же вывело из боевой программы, и в голове появилась здравая мысль — нужно взять языка. Не беря пока рацию, я несколькими выстрелами поднял снежные фонтанчики около последнего быка и крикнул Мише:

— Борода, давай, держи под прицелом этого последнего клиента, если не остановится и попробует в нас пулять, постарайся ранить его в плечо.

Не слушая ответных слов, я достал и включил рацию на приём. Из динамика раздался весёлый голос Саши:

— Ну, Батя, ты и орёл — завалил двух, можно сказать, профессионалов. Волки, по всему видно, они были знатные. Только теперь не суетись, третий у нас на мушке, никуда теперь не денется.

Ты подобрал Миху?

— Да здесь он, сейчас этого быка караулит, — ответил я.

— Отлично! Тогда никому из нас не нужно ползать по брюхо в снегу. Значит так — сейчас подъезжаешь к этой морде, выпускаешь Миху, чтобы он его связал, и потом укладываете этого кента в вездеход. Затем, подгоняешь ТТМ вплотную к дому, к оконному проему, где буду стоять я и всё, пока на этом твоя функция, считай, закончена. И особо не беспокойтесь, мы контролируем каждое движение этого уroda.

Потом он хихикнул и продолжил:

— Можешь принять на грудь несколько капель дохтурского средства. Только всё не пользуй, оставь и на мою долю, мне тоже нужно немного мозги прочистить. Когда доедешь до меня, мы с Ханом у тебя этого хмыря изыдем и проведём здесь экспресс-допрос. А, что — место хорошее, тихое, опять же, в комнатах ветер не дует и разных подручных приспособлений много. Хан вон даже подпрыгивает от нетерпения. Говорит, что от долгого простоя может и квалификацию потерять. Слушай, Бать, я правильно думаю, что этого парня мы брать с собой не намерены, и что лишний свидетель нам не нужен?

— Правильно, — подтвердил я это.

— Понятно, — ответил он, — значит, этот гад сегодня будет давать отчёт на небесах за свои гнусные дела.

Потом Саша помолчал несколько секунд и продолжил:

— Слушай, я вот, что подумал — наверное, нужно проверить, что там с третьими аэросанями. Их было три единицы, две из них наши здесь раздолбили, а третьи аэросани, хоть Василий и клянётся, что попал в них гранатой — нужно проверить. Вдруг кто выжил, а, как ты сам только что подтвердил, лишние свидетели нам не нужны. Поэтому, пока мы здесь будем заниматься с пленным, ты смотайся на то место и проверь, как там обстоят дела. Сейчас я свяжусь с Мастером, чтобы он с пулемётом присоединился к вам, да и Малой на ГАЗон пускай кого-нибудь посадит и прокатится вместе с вами. Если там кто-то выжил, то даже на лыжах он далеко уйти не сможет, вы его быстро догоните. Вот и устройте сафари на быков.

Он опять засмеялся, по-видимому, так сбрасывая своё боевое перенапряжение.

Закончив говорить, я посмотрел на оставшегося быка, он стоял уже с поднятыми руками, автомат лежал в снегу в метрах в двух от него. Коротко поставив задачу Мише, я нашел в аптечке капроновый жгут и протянул ему. После этого, медленно подъехал к этому уроду в человеческом обличье и остановился. Пока Миша связывал ему руки, я с автоматом контролировал этот процесс. Затем мы вдвоём помогли пленному забраться в вездеход, и я подъехал к оконному проёму, откуда выглядывали улыбающиеся лица Саши и Флюра. Они помогли быстро забросить пленного через оконный проём в дом, после чего Саша, подмигнув мне, заметил:

— Так что, Батя, не судьба тебе сейчас допить эликсирчик, придётся делить его со мной. К тому времени, когда вы разрешите проблему с третьими аэросанями, я, думаю, мы тоже закончим с этим бычарой. Но, к сожалению, принять нам этого напитка придётся не больше пары глотков. Нужно гнать отсюда быстрее. За ночь нам нужно умотать от этого места километров на триста, тогда уж точно Секретариат нас — хрен догонит. Я уже связался со всеми — скоро остальные вездеходы придут к этому дому. И пока вы разбираетесь с аэросанями, а мы — с этим быком, остальные мужики потрясут вражеский УРАЛ, глядишь, чего и найдут. У него повреждены только колёса, а бензобак вроде не тронут — по крайней мере, Коля не видел следов разлитого топлива. Да и оружие нужно собрать, особенно боеприпасы, может у них в кузове и РПГ имеется, а то мы теперь, считай что голые, и будет очень неуютно, если встретим какую-нибудь бронетехнику.

— Окстись, — воскликнул я и демонстративно перекрестился.

Потом, уже ничего не говоря, забрался в кабину ГТМа, дождался, когда туда же усядется Миша и Василий и поехал забирать Николая. Когда я подъехал к дому, где раньше была наша стрелковая засада, увидел, что рядом с ним уже стояли ребята, окружая единственную женщину — Наташу, и о чем-то оживлённо говорили. Остановившись совсем рядом, я даже не стал вылезать из кабины, уж очень не хотелось надевать лыжи, а без них в этом рыхлом снегу, огромное количество которого навалило в последний год, можно было провалиться по пояс. Открыв дверь, я спросил:

— Что же вы тут стоите, окружив бедную девчущку? Посмотрите на неё, она же вся скукожилась, наверное, за это время промёрзла до костей в этом каменном мешке. А я-то думал, что после того, как Кот вам радировал, что мы победили и можно ставить оружие на предохранители, вы всюю потребляете эликсирчик. Тем более, сегодня Дохтур был щедр, как никогда и выдал на каждого по двести грамм. Услышав это, Николай ухмыльнулся и заявил:

— Щедрый... — а ты слышал, что он заявил, когда заливал во фляжки свой продукт?

И Коля, довольный, похоже, произнёс дохтуровским баритоном:

— Только, ради бога, экономьте эликсир — употребляйте его, только когда совсем замёрзнете, а остаток отдадите мне обратно. Со спиртом у нас совсем плохо, а такое средство нам в дальнейшем будет очень полезно. Кто не сдаст — тому пропишу двухведёрную клизму.

Все посмеялись над похожестью Игоревых интонаций в голосе Коли. Между тем, он продолжил:

— Наивный Игорёк, прям как дитя — неужели он думает, что кто-нибудь испугается и отдаст обратно эту амброзию. Да не вжисть! Правда, у нас оказалась одна такая порядочная, не сделала ни одного глотка из фляжки, поэтому и стоит замёрзшая, как цуцик. Вот мы сейчас и пытаемся её наставить на путь истинный. Но ничего, сейчас подкатит Серёга, он объяснит своей жене правду жизни. Да вон он как раз едет.

Действительно в начале улицы показалась колонна наших вездеходов, возглавляемая ГАЗоном.

— Слушай, когда я проезжал мимо УРАЛа, почему-то не заметил ни одной сквозной пробоины в будке, неужели никто по ней не стрелял, — спросил я Николая, — неужто вы все такие расчётливые, что боялись повредить груз, который может быть там.

Он, переведя взгляд от приближающейся техники на меня, ответил:

— Да я и сам удивлён — наверное, эта будка бронированная, правда, я из пулемёта стрелял по ней мало. Как только пробил колёса, занялся аэросанями, но ребята из двух автоматов долбили только по ней. Ещё хорошо, что колёса пробili только с одной стороны, УРАЛ перекосило и стрелять по нам

из бойниц этой будки стало невозможно. Если бы не это, то быки наделали бы дел. У них были даже РПГ и ручной револьверный гранатомёт. Здесь конечно очень хорошо сработала Наташа, она сразу же сняла из снайперки этих гранатомётчиков, да и остальных загнала под машину так, что они оттуда даже нос высунуть не могли. И, слава богу, что они сразу не полезли из этой будки, дали мне возможность разобраться с аэросанями. Наверное, первоначально думали отсидеться под бронёй, но потом, наверное, сообразили, что если мы уничтожили БМП, то их-то точно выжжем в этой ловушке. Когда полезли оттуда, как тараканы, то предварительно бросили две гранаты и подняли снежную завесу. Я всё ещё удивлён, как Наташка выцелила гранатомётчиков. Например, я, да и другие ребята стреляли, не целясь, в то место, где мелькали тёмные силуэты. Ещё нам повезло, что эти быки не были одеты в белые маскхалаты. Даже сквозь снежную мглу можно было увидеть чёрные пятна. Когда снежная пыль рассеялась, я насчитал семь неподвижных тел, ну и, как учил Хан, влил, на всякий случай, по несколько пуль в каждое из них. Ну а потом с фланга, этих — под кузовом, начали обходить наши гранатомётчики. Быки, когда поняли, что минуты их сочтены и сейчас их начнут долбить из гранатомётов, опять бросили несколько гранат, подняв снежную пыль и ломанулись в дом напротив. Когда эти сволочи, побежали, проваливаясь в снег, мы положили ещё троих, и два тела остались под УРАЛом.

К этому времени ГАЗон добрался до нас и, не выключая двигатель, остановился. В его кабину сразу же юркнула Наталья, а оттуда, надев лыжи, появился Валера. Подъехав к стоящим вокруг моей двери ребятам, он восхищённо произнёс:

— Да, знатно вы тут сегодня поработали. Даже зависть берёт. А что — я как наслушался рассказов бывших рабов, сам готов голыми руками этих каннибалов разорвать на части. Так что, Батя, обязательно меня бери на предстоящую охоту за аэросанями. Хоть тут-то можно меня уважить?

— Откуда ты взял, что будет какая-то охота? Василий божится, что он точно попал гранатой в одни сани так, что, максимум, что нам светит, это обшарить разбитые аэросани в поисках чего-нибудь полезного. Если тебе не в лом ворочать окровавленные трупы, то тогда иди, садись обратно к Малому. Хотя, лучше бы тебе остаться здесь и заняться сбором трофеев, в будке УРАЛа их наверняка побольше, чем в каких-то аэросанях.

— Да! А зачем же тогда вы едете туда на двух вездеходах и ещё хотите взять с собой пулемёт?

— Слушай, Конь, ты как будто не знаешь принцип Кота — лучше перебздеть, чем недобздеть. А сейчас командует парадом он, а нам остаётся только подчиняться и молчать в тряпочку.

В этот момент открылась водительская дверь ГАЗона, на подножку вылез Сергей и закричал:

— Батя, тут Наташка, ни в какую не хочет отпускать меня одного. Давай, она поедет с нами, в случае чего, из снайперки сработает лучше, чем пулемёт. К тому же Саня сказал, что, наверняка, в этих санях — одни трупы. Так что, скорее всего, это просто прогулка, пускай она хоть немного отогреется в кабине, да и успокоится немного. А то в кунге народу полно, да и дети не дадут спокойно отойти от стресса.

— Малой, да ты заставь её принять хоть пару глотков эликсира, а то она единственная проигнорировала его, нельзя же так, — начал учить его Николай.

— Не волнуйся, уже сделала глоток, сейчас балдеет под струёй тёплого воздуха, — отбил его наскок Сергей. Потом опять мне крикнул:

— Ну что, Бать, оставляю?

Я в ответ махнул ему рукой и прокричал:

— Оставляй! И позаботься о нашей героине.

Потом посмотрел на Валеру и сказал:

— Вот видишь, место занято, или ты хочешь разделить молодую семью? Они, можно сказать, первый раз после начала нашей эвакуации остались наедине. А у нас в ТТМе итак поедут трое — пулемётчик, гранатомётчик и водитель. Сам же знаешь, что оружием ты владеешь хуже, чем Николай или Василий, значит, заменить ты сможешь только меня. А ты же мужик понимающий — негоже самого старшего заставлять заниматься погрузочными работами, или бегать как овчарка, выискивая нужные нам боеприпасы и топливо. Так что, Валер — придётся тебе оставаться и собирать трофеи. Боеприпасы вы точно найдёте, да и топливо нужно слить из бака УРАЛа, снег под ним чистый — значит, топливо не вытекло. Да, кстати — что там с нашим раненым?

— Дохтур сказал, что дела не важные, — ответил мне Валера. Потом секунду помолчал и добавил:

— Как обычно, ты прав. Убедил ты меня. Не женщинам же трупы обыскивать. Кто тут за главного остаётся?

— Володя, естественно, он же у нас суперинтендант и все наши запасы — под его неусыпным вниманием и опекой.

Потом я подмигнул Володе и продолжил:

— Так что, Интендант, принимай командование, если мало будет оставшихся мужиков, привлеки наших дам. Собрать всё нужно очень быстро и тщательно, особенно боеприпасы. Не дай бог, эти уроды из Секретариата нас догонят — сам знаешь наше положение с выстрелами к РПГ и патронами. Я думаю, мы тоже скоро к вам присоединимся. Всё, короче, мы поехали, нужно до начала сумерек сделать все дела, а времени осталось — с гулькин нос.

Сказав это, я захлопнул двери и нажал на клаксон, чтобы народ немного отодвинулся от вездехода и заодно этим дал знать Сергею, что пора трогаться. Коля был уже внутри кабины, они с Василием мудрили у верхнего люка, пытаясь пристроить пулемёт, не снимая станковый гранатомёт. Слыша чертыханье Николая, я понял, что у них это не получается, поэтому для меня не было неожиданностью, когда он крикнул:

— Батя, подожди секунду, сейчас мы снимем эту бандуру.

Потом раздались звуки ударов по металлу чем-то тяжёлым, и уже повеселевший голос Коли произнёс:

— Всё, можешь трогать.

Я нажал на акселератор и не очень быстро поехал в сторону, откуда появились наши преследователи. До подбитых аэросаней я доехал буквально за пять минут, они стояли, уткнувшись передней частью в снег, где-то в трёх километрах от места нашей схватки. Уже издали я увидел, что кабина поверженных аэросаней пуста и вблизи не было заметно никаких лежащих или убегающих фигур. Подъехав практически вплотную к саням, я остановился и крикнул:

— Мастер, спускайся вниз и возьми бинокль, наши клиенты, по-видимому — живее всех живых и, судя по всему, не очень давно умотали отсюда на лыжах. Лыжню я вижу, а самих клиентов нет. Но они, если удрали даже полчаса назад, то есть когда закончилась перестрелка, далеко уехать не могли, в бинокль ты их должен увидеть. А сам я выйду, гляну, что там, в кабине саней творится — может какой боезапас остался.

В ответ мне было кряхтение спускающегося из люка Коли. Я не стал ждать его появления, а открыл дверь и вылез на улицу. Там я очень аккуратно, проваливаясь только по колено, сделал шаг к аэросаням и забрался в кабину. Она представляла из себя часть небольшого вертолётa. Тут стояло два кресла, одно за другим. Всего в эту конструкцию можно было усадить трёх человек — одного водителя и двоих пассажиров позади него. Я думал, что в этих санях, так же, как и в тех, которые Коля расстрелял недалеко от УРАЛа, экипаж был из двух человек. Взрыв не только повредил передние лыжи, но и в пластиглазе пробил несколько дыр и, по-видимому, ранил водителя аэросаней (переднее кресло было обильно забрызгано кровью). Бегло осмотрев содержимое кабины и не найдя ничего интересного, я выбрался обратно на улицу.

Только я залез на подножку нашего вездехода, с крыши ТТМа раздался громкий крик Коли:
— Батя, вижу!

Я, не задерживаясь, нырнул в кабину и сразу же, перебравшись через своё сиденье, пролез к возвышению под люком. Там, дёрнув Василия за штанину, попросил его уступить мне место рядом с Николаем. Когда я встал рядом с ним, он протянул мне бинокль, рукой указал направление, куда нужно смотреть и сказал:

— Они двигаются по колее, сделанной их техникой. Наивные — думают, что их нельзя будет проследить по следам. Двигаются не очень быстро — один из них ранен, а второй тащит его на самодельных санях. Может быть — ну их, пускай сваливают себе? Всё-таки что-то человеческое у них осталось, если здоровый спасает своего раненого товарища.

— А ты возьми и спроси у Василия, тогда и узнаешь, что думает бывший раб по этому поводу. Что касается меня, то я думаю, что бывшие эсесовцы, охранники из какого-нибудь лагеря смерти, тоже спасали своих "комрадов", что же их, жалеть за это — ну уж нет, я на это не подписываюсь. Эти быки сами выбрали свою судьбу, жируя за счёт несчастий других. Ладно, Мастер — готовь пулемёт, я пошёл рулить. Огонь открывай метров с четырёхсот и бей сразу на поражение, нам пленные уже, нахрен не нужны.

Перед тем как тронуться, я связался с Сергеем и коротко обрисовал нашу ситуацию. Он сразу же начал настаивать на том, что первым надо ехать ГАЗону, он гораздо ниже ТТМа и если беглецы будут отстреливаться, в него труднее попасть. На все его доводы, я заявил:

— Хорошо, я согласен, двигай первый. Но только риски обстрела нам совершенно не нужны. Давай договоримся, когда вы приблизитесь к беглецам метров на пятьсот, ты останавливаешься, а Наталья из карабина с оптикой заваливает этих быков. Ты же понимаешь, что лишние свидетели, которые могут рассказать хоть что-нибудь о нас — совершенно не нужны. А если никто из посланной погони не вернётся, то это заставит крепко задуматься и Глобуса, да и людей из этого пресловутого Секретариата. Представь — ни одного живого, да и бронетехника сожжена. Думаю, чтобы не нарваться на ещё более крупные неприятности, они не решатся больше посылать никаких погонь. А если Наталья, из-за своих представлений о порядочности, заупрямится стрелять, скажи ей — Батя всё равно поедет их уничтожать, только ему придётся подходить к этим людоедам гораздо ближе. Тогда их ответный огонь из автоматов будет эффективней, вполне вероятно, что они смогут попасть в лобовое стекло ТТМа и последствия будут очень печальные, а виноваты в этом будут её ложный гуманизм и порядочность. Одним словом, ты прекрасно знаешь сам, как воздействовать на свою жену, что я буду тебя учить. Ладно, давай, двигай, у нас времени не так уж и много, нужно быстрее

здесь все заканчивать и двигаться дальше.

После моих слов Сергей хмыкнул и ответил:

— Ладно, Батя, я всё понял. Сделаем всё в лучшем виде.

После чего, постояв минуты три (наверное, там шёл разговор), заревел двигателем и резко тронулся с места. Я, пропустив ГАЗон метров на сто, двинулся следом. Минут через пять нашего движения, я уже невооруженным глазом увидел стоявшую человеческую фигурку, а рядом присевшего на санях его напарника. Они, по-видимому, тоже увидели, а, скорее всего, услышали нас.

Неожиданно стоявший на лыжах человек быстро покати́л в сторону, а сидящий открыл огонь из автомата в нашу сторону. Идущий впереди ГАЗон затормозил, повернув к беглецам боком, и оттуда раздалось два щелчка от выстрелов. Посмотрев в сторону беглецов, я увидел, что они оба лежат, уткнувшись головой в снег. Я опять вызвал по ради́и Сергея и скомандовал:

— Молодцы! Особо передай мою благодарность Наташе. А сейчас, давайте, двигайтесь к остальным. Оружие и боеприпасы соберём мы.

После того, как ГАЗон тронулся в сторону города, мы начали объезжать тела беглецов, собирая трофеи. Перед тем как вылезать из вездехода, Василий по моему указанию производил контрольный выстрел по лежащему трупу. Одно из тел после выстрела несколько раз дёрнулось, пришлось Васе стрелять ещё раз. Весь этот процесс занял у нас минут десять, после чего мы развернулись и направились к нашему каравану, с заездом к подбитым аэросаням, где мы слили бензин из бака и забрали одну полную канистру.

Выехав на улицу с пятиэтажками, я увидел, что наши вездеходы с кунгами и заправщик уже стоят перед подбитым УРАЛом, а возле него — наш грузовик с вынесенной стрелой крана, на которой подвешена бочка. Рядом стоит ГАЗон и, по-видимому, заправляется у этой бочки. Проехав, даже не останавливаясь, мимо кунгов, я встал, практически нос к носу с ГАЗоном. У этой импровизированной заправки, полукругом, стояло пятеро наших ребят. Мужиков, которые оставались допрашивать пленного, ещё не было видно. Выйдя из кабины и надев лыжи, я подкатил к ребятам. За мной туда же подъехали и Коля с Васей (к нему уже прилипла кличка — Граната). Собравшиеся как раз обсуждали, какие трофеи нам удалось захватить. Меня этот вопрос тоже очень интересовал, поэтому я не удержался и влез в это обсуждение:

— Слушай, Вован, всё, конечно, очень интересно, но понятно только тем, кто тут собирал добычу. Например, я уяснил только, что Макс, вытрясывая карманы у бугая, который лежит у самого дома — нашёл клёвый бензиновый "Зиппо" с лейблом "Харлей-Девитсон". А Валера у хмыря, валяющегося под УРАЛом, вытряс золотой портсигар, в котором лежат папироски с марихуаной. Я думаю, уж этого-то добра нам не нужно, даже если кончатся все сигареты с табаком. Так что, Интендант, нам, вновь прибывшим, понятно, что ни хрена не понятно. Давай-ка, ты, лучше сам по порядку изложи, что мы, всё-таки, получили с этой бойни?

Володя, до этого молча слушавший похвальбу ребят — кто, что нашёл, как-то отстранённо махнул рукой и произнёс:

— Да так, набрали тут по мелочи, в принципе, ничего интересного, кроме оружия и топлива не нашли. Да и то, всё самое ценное лежало в будке УРАЛа. У быков, которые разбежались, да и в аэросанях ничего полезного не нашли, в карманах даже паршивой пачки сигарет не было. Только папиросы с разной дурью — с сушёными грибами и, реже, с марихуаной. Вот, наверное, под

воздействием этой дряни они и залезли в наш капкан.

По его настроению я понял, что наиболее интересовавшие его вещи — консервированные продукты, а так же инструменты, найдены не были. Что он и подтвердил, продолжив свой отчёт:

— Из продуктов нашли только булок двадцать хлеба, немного сахара, да армейский термос, полный котлет. Валера, как открыл этот термос, то чуть не сблевал — говорит, они наверняка изготовлены из человеческого фарша. Я к этой мерзости даже и приближаться не стал. Так же мы осмотрели инструментальные ящики у всей подбитой техники, но нужных нам приспособлений для ремонта гусениц, а так же ключей для снятия болтов больше 32 номера не нашли. Ещё я надеялся, что у них будут графитовые щётки для автомобильного генератора, которых у нас совсем нет, но и тут получился облом, так же, как и с моторным маслом для дизелей. Единственное, что порадовало, это то, что кроме дизтоплива в баке УРАЛа, в будке стояло две большие бочки с соляжкой, к тому же везде уже залито топливо, разбавленное керосином. Мы уже дозаправили полностью УРАЛы, сейчас закончим с ГАЗоном, и останется только ТТМ. Считай, солярку, которую пожгли с последней заправки, мы полностью возместили. Бензином мы тоже разжились, кроме слитого из баков, в каждом аэросанях оказалось его по полной канистре.

— Мы тоже привезли литров тридцать бензина, — прервал я Володю.

Он задумчиво посмотрел на меня и продолжил:

— Значит и по бензину мы процентов на тридцать восполнили наш расход от самого дома. А по боеприпасам даже превзошли его, одних патронов в будке нашли три ящика: два — калибра 5,45 и один — 7,62, это не считая тех, которые были в собранных рожках для автоматов. Кроме этого двенадцать выстрелов для РПГ и целую коробку ручных гранат. И ещё ручной, барабанный гранатомёт и три ящика 40-мм гранат для него. В будке так же был 50-мм миномёт с 24 минами — все это мы уже перегрузили в грузовой УРАЛ.

— Зачем нам миномёт, — удивился я, — только лишний груз тащить?

— Ты что, не знаешь Саню? Я у него по радиации спрашивал, что делать с этой находкой? Он так обрадовался миномёту, сказал — обязательно его загрузить и, чтобы не очень далеко.

Я засмеялся, хлопнул Володю по плечу и произнёс:

— Да, что же ты не радуешься такому навару? Твоё интендантское сердце должно трепетать от этой добычи.

Он, не поддерживая моего весёлого тона, ответил:

— Знаешь, Толь, я, после этого термоса с котлетами, хожу как дерьмом обмазанный. Меня ломает пользоваться любой вещью, которой касались руки этих ублюдков. Если бы не сложившиеся обстоятельства, я с большим наслаждением сжёг бы все эти трофеи.

— Бросай это чистоплюйство, я больше, чем уверен, что если бы случилось так, что тебе пришлось бы тащить Галю по этой снежной пустыне, а пропитание кончилось, то ты как миленький — начал бы жрать эти котлеты. И ты прекрасно знаешь, что если этого не сделаешь, то погибнете оба. Не нужно себя обманывать, если бы мы все были не такими, то сейчас лежали бы под пятиметровым слоем снега — полностью безгрешные, но мёртвые. А кто-то выживший, менее брезгливый, сказал бы — да, хорошие были люди, чистые, справедливые, а через пять минут забыл о вас, потому что у него свои, неотложные дела. И если бы ты был такой чистоплюй, то, хрен бы, в своё время занимался бизнесом, скорее бы — сидел в каком-нибудь монастыре и замаливал грехи молодости, когда ты

бухал и трахался налево и направо.

— Да прав ты, Батя, прав, — прервал мой монолог Володя, — ну дай хоть немного почувствовать себя человеком из прежнего мира.

По-видимому, он этими словами хотел закрыть терзавшую всех тему. Но, под воздействием полученной сегодня громадной порции адреналина, как говорится — меня понесло, и я продолжил: — Вот видишь, мы пользуемся любой возможностью, чтобы полелеять наши прошлые интеллигентские замашки. Судорожно пытаемся сохранить налёт беспечной прошлой жизни. Это говорит только о том, что, по большому счёту — нас ещё не клюнул жареный петух. Дай-то бог, чтобы этого не произошло, чтобы мы все оставались живы и здоровы. Но жизнь не любит неженков и чистоплюев, а так же ленивых и самоуверенных. Этого нам ни в коем случае нельзя допускать, нельзя успокаиваться на достигнутом. Например, я всё время думаю, какие нам, в дальнейшем, каверзы и испытания приготовила жизнь и как исхитриться их обойти. Поэтому я совершенно не чувствую себя на коне, несмотря на то, что мы надрали задницу этому Глобусу, мне хочется быстрее умотать от него подальше. И я, в отличие от твоих интеллигентских замашек, воспользуюсь без всяких угрызений совести всеми этими трофеями. А если уже так сложится ситуация, то и их котлетами не побрезгую.

В этот момент бак ГАЗона заполнился, Валера, пережав шланг из бочки, крикнул:

— Малой, давай, садись в кабину и подай ГАЗон назад, а ты, Батя, подъезжай сюда.

После этих выкриков я немного отошёл от охватившего меня желания всех учить жизни, да и остатки избыточного адреналина покинули мой организм, и, когда я сел за управление ТТМа, меня охватило дикое чувство голода. Поставив вездеход под заправку, я вышел и спросил у Володи:

— Слушай, Интендант, а на счёт — пожрать ты распорядился? А то я скоро буду готов слопать хоть чёрта, не говоря уже о найденных котлетах. И в этом будут виноваты твои переживания о несправедливости бытия.

— Да, обед уже наши дамы приготовили. Теперь ждём только Сашу с Флюром, — ответил он, потом на секунду примолк и продолжил:

— Только обедать, хоть там и тесно, будем в женском кунге — наш превращён в госпиталь.

Мне стало ужасно стыдно и неловко — я совсем забыл о раненом Павле. Всё-таки, новые члены нашего братства ещё не стали мне близкими и родными, например, имён девушек я не помнил, хотя они и представлялись.

В этот момент раздался возглас Коли:

— А вон и Кот с Ханом нарисовались — значит, скоро будет возможность горячего супчика похлевать. А то Толя прав, скоро кинемся искать выброшенный термос с жуткими котлетками.

Потом он подтолкнул плечом стоящего рядом Василия, усмехнулся и спросил:

— Сознайся, Граната, пробовал, небось, эту адскую пищу? И не бойся признаться, всё равно эта гадость уже вымыта из тебя святым, дохтуровским эликсиром. Вообще-то, на всякий случай, давай-ка я попробую из твоей ёмкости, ту ли именно смесь налил тебе Дохтур.

При этом лицо Николая приняло очень хитрый вид, а глаза плотоядно заблестели.

— Да не пробовал я никогда человечины, — выдохнул Василий. Потом, беспомощно оглядев окружающих, нехотя полез в свой карман.

— На твоём месте, я бы держал эликсир подальше от этого прощелыги, — посоветовал Володя. —

Он же чистокровный хохол, а всем известно, что там, где прошёл один хохол — еврею делать нечего. Ты лучше попроси отхлебнуть из его фляжки. Скажи — для полной профилактики и подтверждения очистки организма.

После этих слов Василий поспешно отдёргнул руку от кармана, а мы все дружно засмеялись.

Громче всех захохотал Коля, явно довольный словами Володи.

Пока мы так развлекались, подкатили и Саша с Флюром. При этом лица у ребят были задумчивые и невесёлые.

— Что же вы так долго, — спросил я, — пока вы там занимались одним быком, мы успели двоих беглецов прищучить.

— Уж очень крепкий орешек оказался этот бычара, — ответил Саша, — похоже, хорошую школу прошёл.

Он криво усмехнулся и продолжил:

— Но против такого спеца, как Хан, слабоват, оказался — всё равно всё выложил. Дурак — только дольше мучиться пришлось. Хотя, конечно, это было только преддверием тех ощущений, которые ему предстоят в аду. Этот гад оказался из бывших рабов, выслужившийся сначала в капо, а потом за свои заслуги переведённый в особую карательную группу. Он всё обещал, что нам за него, ещё с живых, кишки наматывают на барабан и будут ложками поедать мозг, перед этим снеся половину черепа. Говорил, что он лично вырвал и сожрал печень у десяти ещё живых мятежников. Ещё признался, что самая любимая пытка у них в карательной группе, это медленно забивать киянкой полуметровый деревянный кол в зад жертвы, а потом наблюдать за его мучениями. Поделился, сволочь, и какое блюдо у них в группе самое любимое — оказывается нужно человека избить битами, ломая кости и делая побольше гематом, но бить так, чтобы он дольше оставался жив. После такой обработки, получается очень вкусный шашлычок. Идиот — он ещё и хвастался, что является лучшим забойщиком из всех карателей Секретариата.

Саша сплюнул, потом посмотрел на меня и заявил:

— Ладно, Бать, давай, по глоточку дохтуровской и пора дёргать из этой жопы мира.

Я, прежде чем ему что-то ответить, оглядел остальных, несколько притихших после этой информации, а потом высказался:

— А зачем нам немедленно выезжать? Ты ведь сам говорил, что Секретариат может организовать погоню не раньше, чем утром. Тем более никто не знает, с какими силами столкнулись люди Глобуса. Вдруг, те два вездехода, про которые им известно, это только передовой дозор, а за ними идёт мощная группа бронетехники. Так что, вполне вероятно, этот Секретариат даже дёргаться не будет, а будут они тихо сидеть в своих норах и молиться, чтобы мы проехали мимо. Поэтому считаю, что особенно суетится и нервничать не надо. Лучше сейчас спокойно перекусить, а уже потом двигаться дальше. Тем более что в женском кунге нас уже ждёт обед.

— Эх, Батя, твоими бы устами — да мёд пить, — ответил мне Саша. Потом нахмурился и продолжил:

— Этому Глобусу, практически всё о нашем составе известно. Даже есть фотографии всех наших вездеходов. Может быть только общее количество народа и наше вооружение он точно не знает.

— Откуда? — произвольно вырвалось у меня.

Саша невесело улыбнулся и начал рассказывать, что они узнали у пленного:

— Все помнят тот момент, когда мы вернулись от места обнаружения каравана с рабами и собрались возле УРАЛов обсуждать, что нам делать дальше?

Естественно, все это подтвердили. Дождавшись, когда и я кивнул головой, он продолжил:

— Вот этот наш сбор и зафиксировал беспилотный самолёт разведчик и даже сфотографировал так, что можно разобрать, женщины это, или мужчины. Пленный бычара видел эту фотографию и говорит, что они в своей бригаде даже распределили, кто будет пользоваться какую бабу.

— Да как же это мы могли не увидеть и не услышать этот беспилотник, — удивился я, — небо же уже почти совсем очистилось от облаков?

Неожиданно в разговор вступил Флюр:

— Вот и я говорю — совсем мы с Котом потеряли квалификацию. За это время совсем разучились контролировать небо. Насчёт звука, это ладно — за рычанием дизелей, хрен услышишь эту штуковину. Но вот увидеть, или, по крайней мере, почувствовать наблюдение — должны были. Так что, Кот, нам с тобой — неуд. Помнишь, что бы сделал за такой ляп наш инструктор — Гном? Он бы с каждого выпил литра два крови — не меньше, и месяц бы гонял нас как "сидоровых коз".

— Да ладно, Хан, грызть себя, — заметил Саша, — стонами всё равно делу не поможешь! Самое смешное — я, вроде бы, после получения информации от Миши, что у Секретариата имеется в наличие работоспособная вертушка, периодически посматривал на небо, но ничего так и не увидел. Я опять не утерпел и задал очередной вопрос:

— Саш, а если у них есть беспилотник, почему же он не разведывал их маршрут? С ним бы они запросто вычислили нашу засаду. Да и сейчас могут за нами наблюдать...

Я с беспокойством начал обшаривать глазами небо. Не утерпев, опять высказался Флюр:

— Батя, не бойсь! Я, по этому поводу, с пристрастием узнавал у этого ублюдка причины, почему их не сопровождал беспилотный самолёт. И он мне совершенно искренне и откровенно сказал, что беспилотник у них один. И что командиру сообщили по рации, что сегодня вылетов уже не будет. Тот ещё сказал — что эти козлы из шарашки опять, наверное, вздумали саботировать, и что, когда вернёмся обратно, нужно будет у одного из этой братии проверить зад на прочность. Сделать это надо на общем построении шарашки, чтобы все видели, что бывает за неподчинение приказам. Так что, мужики, сегодня можно за воздухом не наблюдать, тем более, скоро стемнеет, а вот завтра нужно быть повнимательнее. Обязательно с самого утра мониторить небо через камеры и держать под рукой снайперку — из других стволов, хрен попадём в эту заразу.

— И не только снайперку, но и ПЗРК, не нужно забывать о вертушке, — добавил Саша.

Потом он неосознанно пощёлкал предохранителем автомата, опять посмотрел на меня и продолжил делиться сведениями, полученными от пленного:

— Это всё я рассказывал вам про неприятные вещи. Но, считаю, что есть и хорошие сведения. А именно — все в окружении Глобуса, уверены, что обнаруженные вездеходы двигаются в Донбасс из района Кавказских минеральных вод. Там, в районах с термальными источниками, в некоторых пещерах и убежищах выжили люди. Служба пеленгации Секретариата засекла переговоры хохлов и Кавказкой унии о выделении последней одной из шахт. У термоисточников стало совсем невозможно жить — запасы продуктов почти совсем кончились, топлива нет. Остался только один ресурс — тепло земли. Но они не в состоянии увеличить производство электроэнергии, и парники, которые там есть, тихо погибают. Вот, на остатках жидкого топлива они и собираются добраться до

Донбасса. Те их принимают, но взамен должны получить почти всю технику и двести рабов, а также безоговорочное подчинение их Директорату. Вот люди Глобуса и подумали, что мы — это первая партия переселенцев.

— А в чём же это хорошая новость? — недоумевающее спросил Володя.

— А в том, что нас могут преследовать на расстоянии не больше, чем двести километров от этого места, потом уже начинается земля Донбасского Директората, — ответил Саша и продолжил своё повествование:

— Как сказал пленный — хохлы никого, никогда не выдают. Можно здесь вырезать элиту какой-нибудь шахты, сбежать в Донбасс и тебя никогда оттуда не выдадут. Тем более, если у тебя имеется какой-нибудь хабар, чтобы расплатиться. Впрочем, беглецов из Донбасса тоже никогда обратно не выдают. Одним словом, у них тут вооружённый нейтралитет, откровенно говоря, те и другие опасаются залезать на чужую территорию. К тому же, в Донбассе сейчас проходит большая ярмарка и там много представителей Секретариата. В любой момент их можно взять как заложников, если люди из Ростовских шахт поведут себя недружественно. Донбасский Директорат гораздо богаче и мощней Секретариата. У них больше не разрушенных после землетрясения шахт и, соответственно, спасшихся людей. Кроме этого, у них всё ещё имеются запасы жидкого топлива, которые находятся в хранилищах Лисичанского нефтеперерабатывающего комбината. Эти запасы даже позволяют им вести бартерную торговлю с другими анклавами выживших людей. Например, из Секретариата туда везут в обмен на бензин — рыбу, выращенные в шахтах грибы и рабов. Рыбу тут получают, выпиливая её из обледеневших водоёмов.

В этих словах меня больше всего заинтересовали сведения об имеющихся анклавах выживших. Мой мозг всё ещё не мог свыкнуться с мыслью, что этот мир довольно плотно заселён. Ещё вчера я был почти что убеждён, что на всей Земле в живых остались только мы, а тут вдруг — тысячи и тысячи выживших. И к тому же, довольно бурная общественная жизнь.

— А что, разве это не так? — Подумал я, и сам себе ответил, — проводимая ярмарка, яркий тому пример.

Кроме этого меня кольнула информация о Лисичанском комбинате. Ведь в одном из вариантов выбора нашей трассы мы его рассматривали, как один из вариантов промежуточного места, где можно было гарантированно найти топливо. Теперь получалось, об этом можно было забыть. И вообще выходило, что теперь нам нужно было держаться подальше от мест, где могли выжить люди. По-видимому, в этом новом мире, каждая более или менее крупная группа выживших считала своей законной добычей всё, что находилось вблизи места их обитания. И из сведений, выуженных у пленного, основной ценностью, по которой оценивалась сила этих анклавов, являлось наличие техники и запасов жидкого топлива. Исходя из этого, мы являлись очень лакомой добычей, в основном, конечно, из-за наших вездеходов и запасов солянки.

Эти мои мысли продолжал подтверждать Саша, невозмутимо пересказывая информацию, полученную от захваченного быка:

— Сейчас положение на шахтах Секретариата не очень хорошее. В связи с наступающим потеплением, прошлым летом еле удалось отстоять шахты от затопления. Ресурсы имеющихся небольших ТЭЦ были полностью брошены на откачку воды. В процессе этого было очень много поломок оборудования и теперь там очень сильно не хватает запчастей. Квалифицированных кадров

тоже очень мало, к тому же, мотивация работать у тех, которые остались, практически сведена к нулю. Рабы, у которых имеются хоть какие-то знания и технические навыки, работают буквально из-под палки и при малейшей возможности саботируют любые действия элиты. Даже люди из касты "работяг" с большой неохотой выполняют работу, выходящую за рамки их повседневных обязанностей. На шахтах участились случаи взрывов метана — вентиляционное оборудование постепенно приходит в упадок. Элита практически на всех шахтах начинает выбираться жить наверх, на что тоже используются небезграничные ресурсы ТЭЦ. Ко всему прочему, участились эпидемии и вспышки желудочно-кишечных болезней. Собранные ранее лекарства практически подошли к концу, поступлений новых нет — откопанные из-под снега, как правило, уже испорчены. К тому же вся система здравоохранения полностью развалена. Осталось очень мало врачей — они занимаются только элитой и быками. Запасы жидкого топлива по всем шахтам Секретариата не превышают 4–5 тонн, особенно они снизились после прошлогоднего потепления.

— Что же получается, мы у них процентов пятнадцать топлива отобрали, — удивился Коля?

— Получается, что так, — подтвердил Саша и продолжил.

— У самых, дальновидных представителей элиты начинает зарождаться паника, и они думают уже о том, куда бы им отсюда сбежать. Для этого ведутся переговоры с самыми надёжными группами быков. Поэтому эти планы и стали известны нашему пленнику, — Саша усмехнулся, — который любезно согласился рассказать о них Флюру.

Хан тоже плотоядно ухмыльнулся и воскликнул:

— Попробовал бы гад не выложить всё это! А сначала то, сволочь — ломался как целка. Тьфу, дешевка!

Между тем Саша продолжил:

— Возможности немедленно перебраться из этих мест в более тёплые районы, где уже растаял снег, мешают несколько факторов. Во-первых, нехватка топлива и работоспособной техники. Во-вторых, это то, что готовая к переселению элита боится противодействия остающихся. Имеющимися средствами, даже при наличии топлива, можно эвакуировать только десять процентов элиты. Вот поэтому они готовы пожертвовать оставшимися ресурсами и хорошими отношениями с Донбассом, чтобы отобрать вездеходы у беженцев из Кавказского региона. В Донбасс был отправлен беспрецедентно большой караван — чтобы там выменять хоть сколько-нибудь топлива. Для этого выскребли из запасников многие дефицитнейшие продукты и материалы. После завоза топлива Секретариат намерен организовать военную экспедицию в Новороссийск и на буровые вышки в Чечне. Правда, Чечню рассматривают — как крайний случай. По горным дорогам передвигаться сейчас практически невозможно. Поэтому они подумывают об организации туда воздушного моста посредством вертолётов и воздушных шаров. Но всё это пока из области фантастики. Реальной же остается только возможность добраться до Новороссийских нефтяных терминалов. Правда у них уже есть хозяева, это Сочинская гвардия. По страшной ругани этой пленной сволочи в отношении их — это самое нормальное общество из всех, про которые он рассказывал. У них нет рабства и людоедства. В большинстве своём, люди, которые там выжили, это бывшие железнодорожники и пограничники. Основными укрытиями, в которых они переживают эти дикие морозы, являются не совсем разрушенные туннели и природные пещеры. У этих ребят основным минусом является их малочисленность. По данным разведки Секретариата их там не более семисот человек.

— Как ты думаешь, имеет смысл нам там появляться, — прервал я Сашу, — или всё-таки искать топливо для дозаправки, где-нибудь в другом месте?

Он на секунду задумался, а потом ответил:

— Сейчас, когда с нами находятся женщины и дети, мы очень уязвимы. Поэтому рисковать ими, мы не имеем права и доверять словам какого-то быка я не намерен. Кто знает, что там за люди и не посчитают ли они, что для нас слишком жирно — развезжать на таких вездеходах. И остаётся нам только одно — гнать до Румынии. Там, в порту Констанца тоже имеются большие терминалы и, что сейчас не менее важно, рядом нет никаких шахт и других убежищ.

— А, может быть, заедем в Одессу или в Севастополь, — вступил в разговор Володя, — всё-таки они находятся поближе.

— Ты что, забыл про Одесские катакомбы или подземные базы Севастополя, — упрекнул его Флюр, — а, судя по сегодняшним сведениям, агрессивные выжившие могут быть где угодно. Я по максимуму выжимал из этого убудка сведения обо всех известных местах обитания выживших людей. И выяснил, что даже он знает их не менее пятнадцати, о четырёх Саня уже вам рассказал — это те, которые находятся неподалёку и торгуют между собой. Но есть ещё куча других, об их существовании стало известно только тогда, когда восстановилась радиосвязь. И это только те группы, где имеются коротковолновые радиостанции, а ведь могут быть другие небольшие группы, типа нашей, которые всё ещё находятся в неведении насчёт окружающей их действительности, и так и варятся в собственном котле. Кстати, большое количество людей выжило в Тульских шахтах. Но они сидят там как затворники и даже не пытаются организовать исследовательские экспедиции и вступить в реальный контакт.

— Ничего себе, это же совсем недалеко от нашего дома, удивился Коля, что же они даже не проверили, что творится в Москве?

— Это меня тоже очень удивило, — вступил опять в разговор Саша, — ведь в поисках топлива мы проверили заправки, чуть ли не до самой Тулы, но нигде посторонних следов не видели. Как рассказал пленный бычара, он слышал беседу своего командира с Глобусом о том, возможно ли организовать экспедицию в Москву, чтобы там набрать хорошего хабара. Во время этого разговора, зашла речь и о Туляках. И Глобус, так успокаивал бригадира карателей: "Не волнуйся, эти Тульские козлы тебе проехать не помешают. Они хапнули государственные стратегические запасы продуктов и сейчас сидят в своих норах и носа боятся высунуть. Жируют там, понимаешь, на общественных харчах. Были бы поближе, я с удовольствием пощупал бы их за вымя. К тому же, жидкого топлива у них очень мало, не зря они уговаривают Директорат завести им бензин, они за него готовы отдать сколько угодно продуктов. Идиоты — как будто не знают, что у хохлов на их земле имеется ещё куча элеваторов, набитых зерном, да и бесполезного народа хоть задом ешь, а из него можно накрутить много фарша, что нечета каким-то гнилым старым консервам. И вообще, нужно было им меньше тратить топлива на разборки между шахтами. А то, как рассказывали перебежчики оттуда, у них междоусобица длилась три года, и за это время были сожжены практически все запасы топлива и перебита куча народа.

Пересказав эти слова Глобуса, Саша посмотрел на часы, потом на небо, а затем оглядел всех присутствующих и заявил:

— Рассказывать можно ещё очень долго, разных интересных сведений мы узнали много, но не

забывайте, что нам до рассвета нужно проехать не менее двухсот километров. При нашей скорости, это почти семь часов непрерывного движения. Значит, нам нужно отправляться не позже, чем в 22 часа, а сейчас уже пошёл восьмой час вечера. А нам нужно окончательно загрузиться, прицепить сани, ну и перекусить, естественно. Поэтому, давайте заканчивать и пойдёмте обедать.

Его слова нашли у всех полное одобрение, эти сумасшедшие последние часы высосали из каждого последнюю энергию, и желудки настойчиво требовали нового поступления. Не затягивая время, мы тут же договорились — что я с Валерой остаюсь заправить ТТМ, а остальные идут в женский кунг на обед. Там оставляют на лавке самые лучшие места для нас. Пока дамы всё разогреют, подойдём и мы. После этого ребята направились в сторону кунгов, Валера начал подносить к ТТМу канистры с соляжкой, выкачанной из бака подбитого УРАЛа, а я заливал их в бак нашего вездехода. Топливо, остатки которого переливали из бочки — уже все вытекло в бак ТТМа. Закончив заправку, мы, установив кран грузового УРАЛа в походное положение, тоже покатали на лыжах в женский кунг на обед.

Глава 10

Как обычно, когда мы все собирались в одном, хоть и большом кунге (площадь его была больше 20 кв. метров), было очень тесно. К этому же, сегодня добавлялся и кошмарный запах, исходивший от наших новых бойцов. Когда вошёл, я ещё подумал — слава богу, что хоть освобождённые рабыни сейчас находятся в кунге с раненым, а то здесь можно было бы находиться только в противогазах. Но когда по тарелкам был разлит рыбный суп из осетрины, его аромат вытеснил это амбре, а желудочные спазмы заставили мозг полностью выкинуть это из головы. Полные тарелки опустели буквально в несколько секунд, макароны с тушенкой смели ещё быстрее. И только потом уж я, развалившись на боковой полке, не удержался и заявил:

— Нет, с таким запахом жить нельзя. Вот что, Миша и Василий. Давайте-ка вы, пока мы будем грузить оставшуюся добычу и готовить технику. Ступайте в наш кунг и там, хотя бы немного, обмойтесь. Макс вам там всё покажет и поможет натопить снег.

— Да есть там ещё тёплая вода, — воскликнул Игорь, — мы её много нагрели для организации медпункта.

Игорь сидел напротив меня, блаженно развалившись на скамейке и ожидая чай. Лицо его было несколько бледнее, чем обычно, белки глаз отсвечивали краснотой, и по его лицу чувствовалось, насколько он устал.

— Игорёх, как там наш раненый, — спросил я его?

— Хреново, — буркнул он и опустил глаза.

— В парня попало две пули и обе очень неудачно. Одна в область живота, а вторая в лёгкие. Я часа два делал операции, и совершенно не уверен, что это поможет мужику. Он в коме, и сможет ли его организм выкарабкаться из этой ситуации, станет ясно часа через три. Сейчас я уже ничего для него сделать не могу.

После этого он замолчал, выпрямился и начал медленно помешивать ложкой в поданной Галей кружке с чаем. Остальные тоже примолкли, переживая — всё-таки это был уже наш человек, несмотря на то, что узнали его всего несколько часов назад. Прервал это тоскливое молчание Саша, он, залпом допив кружку чая, встал и жёстким голосом начал распоряжаться:

— Всё, мотать сопли на кулак, у нас совершенно нет времени, а то может получиться так, что

переживать за Пашку, уже будет некому. Давайте окончательно разберёмся с оставшимися трофеями и быстрее отсюда уматываем. Конь — твоя задача, за оставшееся время окончательно отладить камеры на вездеходах. Батя и Мастер — вы должны сжечь подбитый УРАЛ, предварительно сняв нужные нам запчасти. Нехрен оставлять этим рабовладельцам технику, которую можно отремонтировать. Пусть эта гнусь вымрет, когда не сможет уехать отсюда. Далеко на оснащённых газогенераторами автомобилях они не уедут — придётся везти не полезный груз и людей, а запасы дров и запчастей. Да и как я узнал у пленного, у них практически нет в запасе резины низкого давления и большой напруг с запчастями. И проблемы с резиной имеются не только в Секретариате, но и у всех известных групп выживших. Резина, испытавшая воздействие больших морозов, вся потрескалась и потеряла свои эксплуатационные качества.

Почувствовав, что его опять заносит на подробный пересказ, и объяснение сведений, полученных от пленного. Саша приостановился, хлопнул ладонью по столешнице, так что зазвенели стоящие уже пустыми кружки, большинство окружающих от неожиданности вздрогнуло, и, довольный произведённым эффектом, продолжил.

— Макс, как уже было справедливо указано Батей, поможет нашим новым бойцам заняться своей гигиеной. И времени у них на это — тридцать минут. Всё, мужики, давайте, топайте в другой кунг. Время пошло — нечего тут сидеть, раскрыв рты.

Миша с Василием, услышав это, испуганно подскочили и, под шуточки и смешки, пошли облачаться в свои, довольно дурно пахнущие одежды.

— Да, и это тряпьё выбросите, перед тем как зайдёте в кунг, — крикнул им вдогонку Саша. Потом, повернувшись к Володе, сказал:

— Ну, что, Интендант, придётся тебе тоже поучаствовать в процессе проведения гигиенической обработки личного состава. Нужно этим орлам, пока они моются, подобрать одежду и обувь... Мы же с Ханом и Малым, готовим вездеходы в дорогу — разворачиваем ТТМ с ГАЗоном и цепляем к ним сани.

На этом распределение работ было закончено, и все разом, дружно поднявшись, образовали толкучку около раздевалки. Это немного развеселило народ и несколько разрядило нервную атмосферу, вызванную словами Саши о потребности экономить каждую секунду.

Дольше всех, больше часа, провозились мы с Николаем и это несмотря на то, что подкрепление подходило постоянно, по мере выполнения другими своих задач, а в последние полчаса, нам помогали снимать детали с УРАЛа все наши мужчины. Очень много времени отняло снятие колёс с УРАЛа, укладка и крепление их на самый верх саней. Мысль захватить колёса с собой, пришла нам с Колей, когда мы обнаружили в будке УРАЛа три совершенно новых комплекта резины. По этому поводу Николай предложил:

— Нет, такие вещи жечь — это преступление. Нужно три целых и одно пробитое колесо брать с собой — глядишь, где-нибудь найдём грузовик со всеми ведущими колёсами, переставим туда эту резину, и получим шикарный, быстроходный вездеход. Ты же слышал — какой дефицит теперь такая резина.

Я тут же согласился с его предложением, и меня прельщала мысль иметь колёсный вездеход — наверняка он нам в дальнейшем мог очень пригодиться. С этими доводами согласился и подошедший к нам Саша.

Но вот, наконец, все наши работы были завершены и экипажи начали расходиться по своим вездеходам. Порядок движения и сам состав экипажей были изменены, в основном это было связано с угрозой появления боевого вертолётa. Реально уметь стрелять из ПЗРК только Саша и Флюр. Удобно стрелять во время движения можно было только из верхнего люка ТТМа и, с некоторыми трудностями, с площадки, находящейся позади кабины ГАЗона. Трудность стрельбы с ГАЗона заключалась только в том, что во время движения нужно было выбраться из кабины и попасть на эту площадку. Поэтому было решено, что ГАЗон, как обычно, едет последним, но вместо Сергея поедет Флюр. Если появится вертолёт, то я на несколько секунд останавливаю вездеход, чтобы Флюр смог спокойно перебраться на площадку, на ней мы уже заранее уложили ПЗРК (переносной зенитно-ракетный комплекс). Потом я присоединяюсь к колонне, чтобы пилот заранее не заподозрил, что мы ему готовим ракетную атаку. Первым теперь у нас должен был ехать ТТМ с экипажем из четверых человек — это двое новеньких и Саша с Валерой. При появлении вертолётa стрелять должен был Саша, а Валера заниматься планшетом — управлять вездеходом доверили Василию. Так как по нашим данным, вертолёт у противника был один, то решили стрелять одновременно из обеих ПЗРК — вероятность попадания была гораздо выше. Хотя, если прямо сказать, мы все надеялись за эту ночь проехать эти пресловутые двести километров, и были уверены, что после этого нам не грозит никакое преследование. В связи с этими перестановками, грузовым УРАЛом поставили управлять Сергея с Викой и Наташей. В мужском кунге, который превратился теперь в передвижной госпиталь, остались две новые девушки и Надя, которая следила за состоянием раненого. Остальное всё оставили без изменений.

Так как мы выехали последними, то вражеский УРАЛ поджигал Флюр. Он предварительно облил машину тем пойлом, которое мы нашли в будке. По-видимому, это был дрянной самогон, настоящий на каких-то грибах — например, я, чуть не сблевал, когда понюхал эти помои. После того, как Флюр бросил на УРАЛ зажженную тряпку, мгновенно поднялся огненный факел, отдающий зелёноватыми искрами, а потом повалил едкий чёрный дым. Вот так, сопровождаемые этой дымовой завесой, мы и тронулись догонять нашу колонну. Кстати, было обговорено — в дороге сохранять полное радиомолчание, его можно было нарушить только один раз, словом — воздух. Движение наш караван начал в десятом часу вечера, когда стало уже совсем темно. Хотя я и любил ночную езду, но сейчас управлять вездеходом было немного непривычно — из фар вырывались только узкие полоски света, верхний прожектор был потушен. Для того чтобы мы были менее заметны ночью, пришлось на каждый вездеход устанавливать накладку на фары. Хорошо, что они у нас были — техника была военная и изначально была укомплектована этими приспособлениями, которые за ненадобностью были сняты Колей и уложены в инструментальные ящики. Для того чтобы снабдить светомаскировочными насадками бензовоз, я демонтировал их с подбитого УРАЛа, а Коля приспособил их на фары нашего ИСУЗУ.

Когда я уселся на водительское кресло, то, несмотря на усталость от этого сумасшедшего дня, почувствовал себя очень комфортно — можно сказать, как в родном, тёплом салоне моей старой машины, где до боли всё знакомо, и ты делаешь все нужные движения совершенно не думая. Четыре часа до пересменки прошли совершенно незаметно — движение было монотонно, Флюр спал и не приставал ко мне со своими приколами. Единственной сложностью было — не въехать в красные фонари, впередиидущего вездехода. Но за время нашего путешествия все так свыклись с движением

в колонне, что расстояние в десять метров между вездеходами удерживали уже на автомате.

Четырёхчасовой пересменок прошёл тоже очень спокойно и быстро. Без наших обычных разговоров и шуточек, все были серьёзны и сосредоточены. Так же по-деловому мы тронулись дальше, я, когда уселся на пассажирское кресло, сразу же провалился в сон. По моему внутреннему времени прошло буквально мгновение, а меня уже начали трясти. Открыв глаза, я первым делом глянул в свой хронометр — после моего отключения прошло чуть больше полутора часов.

— Хан, что случилось, — спросил я? — Это было второе моё разумное действие после этой побудки. — Подъём, Батя, впереди, у Сани какая-то проблема, — ответил мой напарник, — Кот по рации требует общего сбора.

Пока я собирался, Флюр, отключив двигатель, выскользнул из кабины ГАЗона и покатил на лыжах в сторону нашего головного вездехода. Через минуту и я, протерев лицо холодным снегом, направился туда же.

Добравшись до начала колонны, я увидел следующую картину. ТТМ кособоко стоял на небольшом спуске, правой стороной зарывшись в снег. Из-под него виднелась змея гусеницы, частично придавленная траком прицепа. Вокруг суетились все наши ребята, а Валера уже успел установить два прожектора, которые и освещали всю эту картину. Особой тревоги из-за случившегося я не ощутил. У нас до этого уже случались подобные коллизии. Иногда бывало, что ломались пальцы между звеньями гусеницы. Поэтому, испытывая только досаду за эту, совершенно нам не нужную задержку, я принялся за работу, которая уже шла по отработанной схеме. Единственное, что не укладывалось в случившиеся раньше подобные ситуации, это то, что вездеход стоял на спуске, и что часть гусеницы была придавлена модульным прицепом ТТМа. Как обычно в такой ситуации, пришлось доставать деревянные щиты и домкраты. По поводу этой поломки, Николай, который всё обследовал, высказал своё предположение:

— Похоже, в гусеницу попал осколок или несколько пуль, этим был повреждён палец и держался он практически на честном слове. Батя просто счастливец, что гусеница не слезла, когда его преследовали БМПушки. Наверное, его ангелу-хранителю очень не хотелось попасть в мясорубку пищеблока. А если серьёзно — то окончательно крепёжный палец не выдержал столкновения с ледяной глыбой, ими усеян весь этот спуск. По-видимому — мы на самом берегу Азовского моря. Наверное, уровень воды немного понизился, а лёд продолжал образовываться, вот и получились такие торосы.

Все внимательно выслушали его предположения, приняли к сведению, но обсуждать и спорить никто не стал. В данной ситуации все понимали, что никак нельзя тратить ни минуты на бессмысленные споры по выяснению причин поломки. В самый разгар этого остервенелого, можно сказать, трудового подвига, появилась вся бледная и заплаканная новая девушка, кажется, это была Марина, хлюпая носом, она прокричала:

— Умер! Паша умер!

И разрыдалась на плече Михаила. Мы все приостановили работу, помолчали несколько секунд, потом, не сговариваясь, достали флажки с эликсиром и, делясь с теми, у кого этого напитка не осталось, сделали по глотку — за упокой души Паши. Я проговорил:

— Жалко, что не удалось мужику пожить свободным. Но он всё равно ушёл счастливым, ему удалось выполнить своё последнее желание — утащить с собой в могилу, хотя бы двух быков. Мы

ему помогли перевыполнить свою предсмертную работу, и я думаю, на небе учтут это и простят его грехи, ведь он отправил в ад целое скопище материала для того, чтобы дьявольские котлы не простаивали.

После недолгого обсуждения, было решено, что я с Дохтуром и двумя нашими новыми товарищами — пойду хоронить Павла, а остальные в это время продолжают восстановительные работы.

Похоронили мы Павла совсем недалеко, рядом с мужским кунгом. Кроме нас на этих похоронах присутствовали только женщины. Вырубили в снегу яму глубиной два метра и уложили в эту могилу Павла, завёрнутого в ту же простынь, на которой он лежал. Когда её засыпали, я установил сделанный из его лыж крест — просто воткнув его в насыпанный снежный холмик над могилой. На сердце у меня было очень тяжело, несмотря на то, что я знал этого человека менее суток. Я представлял, каково было состояние бывших бурлаков — ведь они таскали бок обок с ним тяжеленные грузы не один год, тем более в кошмарных погодных условиях, где без взаимопомощи не выжил бы никто. Но ни один из них за время этих похорон не выдавил ни одной слезинки, наоборот — лица у них стали ещё жестче и суровой. Если прямо сказать, в эти, теперь уже побритые лица, было даже страшно заглянуть. Если раньше бороды как-то скрывали их крайнее истощение, то сейчас это были обтянутые кожей черепа, на которых живыми были только глаза, сверкающие неудовлетворённой жаждой мщения. Тяжелое впечатление оставлял и цвет их лица — места, где раньше была борода, отдавали нездоровой желтизной, а лоб и кожа у глаз были красные, с проплешинами обмороженной кожи. Одним словом — жуть, готовые персонажи для фильма ужасов. Вся эта печальная процедура заняла у нас чуть больше получаса. Мы очень спешили и по мере просветления неба, атмосфера тревоги, изначально присутствующая уже в начале похорон, тоже быстро нарастала. Поэтому, после того как я установил крест, все, даже женщины, хотели идти на помощь ребятам, ремонтирующим ТТМ, но я остановил этот общий порыв, заявив:

— Милые дамы, вы там будете только мешать — создавать толкучку и нервозность. Лучше ступайте в кунги и оттуда обозревайте окружающую местность, а особенно небо. Бинокли там есть, а в камерах имеются и функции ночного видения, к тому же, в кунгах, вы окажетесь выше всех на этой местности. И ещё просьба — нужно дать возможность отдохнуть нашим женщинам-водителям.

После этого аврала, именно на них ляжет основная обязанность управлять вездеходами.

После моих слов, без особых споров дамы разошлись по кунгам, а мы направились на помощь нашим ребятам.

Установка гусеницы на ТТМ заняла у нас в общей сложности более трёх часов. На улице совсем посветлело, время было уже около семи часов утра. После этих авральных работ все были буквально измочалены. Несмотря на это, когда мы уже собирались расходиться по кабинам вездеходов, чтобы двигаться дальше, Игорь, в категоричной форме потребовал, чтобы все собрались в мужском кунге. Народ был уже настолько уставшим, что без всяких возражений, совершенно равнодушно начал подниматься в мужской кунг. Там Дохтур заставил оголиться по пояс и сделал каждому по инъекции из колбы, вывезенной когда-то из лаборатории Гали, при этом он приговаривал:

— Ну вот, теперь через минут двадцать почувствуете себя, как будто только что родились. Будет лёгкость во всём теле, чувствительность и реакция улучшится вдвое, усталость пропадёт вовсе, ощущение будет такое, что вы уже проспали минуточек шестьсот, и теперь у вас появилось море энергии. Это я вам истину говорю — сам испытал этот продукт из Галиной лаборатории. По

сравнению с этим уколом, действие моего эликсира — детский лепет. Единственный минус у этого средства — через шесть часов наступит откат. Будет довольно-таки хреново, но на этот случай, у меня ещё остался запасец эликсира, им я возвращу вам нынешнее состояние.

Я стоял последним в очереди на укол, к тому же устал, пожалуй, меньше всех. На похоронах, самое трудоёмкое, что я сделал — это сколотил крест. Поэтому и мог, пожалуй, лучше всех логично рассуждать. По моим расчётам, мы удалились с места нашего боестолкновения более чем на 120 километров, и теперь, чтобы попасть на территорию Донбасского Директората, нам нужно было проехать менее 80 километров. Исходя из всей полученной информации, там можно было не опасаться преследования силами Секретариата. То есть — от спасения нас отделяло не более трёх часов неспешного движения. И поэтому решение Игоря прибегнуть к этому средству, меня более чем устраивало. А предстоящий через шесть часов откат совершенно не пугал. Ведь можно было через шесть часов устроить стоянку и на ней хоть десять часов отсыпаться и питаться самыми вкусными и калорийными продуктами. Поэтому, я с удовольствием протянул руку для инъекции и после укола пошутил:

— Только ты, док, не обмани через шесть часов. А то заявишь, что эликсир уже выдавал и он должен был остаться у каждого. И будет половина из нас — на бобах. Но, сам понимаешь, после таких обещаний откат будет переноситься в несколько раз тяжелее.

После этих слов я оделся и пошёл занимать своё водительское место. Стоя полураздетыми в кунге, мы договорились, что эти шесть часов наши основные стрелки Саша и Флюр — не будут заниматься управлением вездеходами. Сейчас их основная задача — вести наблюдение и, в случае обнаружения вертолёта, обстрелять его из ПЗРК. Основную угрозу для нас все видели только со стороны воздуха. Да и я был уверен, что наземные силы вряд ли смогут нас догнать за эти три часа.

Тронулись мы в дальнейший путь без трёх минут семь, температура на улице была -16 градусов, шёл небольшой снег. Видимость была прекрасная и по гладкой поверхности бывшего Азовского моря, мы разогнались до тридцати километров в час. Когда мы только трогались, я чувствовал себя разбитым ещё больше, чем до укола. Чтобы хоть как-то привести себя в норму, пришлось закурить свою последнюю сигарету. Но в процессе движения я с удивлением начинал чувствовать себя всё лучше и лучше. Даже ставшая уже привычной боль в глазах, когда мы двигались днём, куда-то делась. Примерно так же, наверное, ощущал себя и Флюр. Потому что, когда мы только тронулись, он вроде пристроился спать, но минут через двадцать прекратил все потуги задремать и начал развлекать меня. Рассказывая о своих похождениях во времена курсантской молодости. При этом он не забывал периодически осматривать горизонт в мощный бинокль.

Во время своих рассказов Флюр всё время вертел в руках детскую систему "уоки-токи", именно ту, которую он нашёл когда-то, мародерствуя в одном из магазинов Тулы. На мой недоумённый вопрос: — Хан, ты что, детство вспоминаешь, в казаки-разбойники проиграться хочешь?

Он ответил:

— Нет, Батя — всё-таки из тебя диверсанта не вышло бы. Несмотря на твои задатки, ты мыслишь ограниченно. И не чувствуешь, что любой предмет можно использовать в своих целях. Вот, казалось бы, это — игрушка, но на расстоянии до двух километров, она вполне может выполнять функцию рации. И при этом, заметь, на таком расстоянии, хрен кто прослушает эту частоту, а дальние сканеры её просто не заметят. Мы с Саней специально захватили эту игрушку именно для таких ситуаций —

когда нужно координировать свои действия на близком расстоянии. Так что, если появится вертолёт, будем базарить по этой штуке — всё лучше, чем стрелять нескоординировано.

— А что же вы раньше-то, в бою на той улице её не использовали, — удивился я?

— А кто тебе сказал, что не использовали? — Ответил вопросом на вопрос Флюр и продолжил:

— Эта система проявила себя в тот момент просто отлично. Мы, практически одновременно ударили по БМПушкам — все остальные выстрелы, это была просто контрольная пальба на добивание. А вот, например Миша — тот вообще промазал по неподвижной мишени.

После этих слов, Флюр сладко потянулся, как обожравшийся кот, потом лениво взял бинокль, открыл окно и начал осматривать заднюю перспективу.

— Хан, ты лучше бы, вместо того, чтобы выхолаживать кабину, смотрел на монитор, куда проецируют изображение камеры, — заметил я ему.

Флюр ничего не ответил, я только увидел, как напряглась его шея, потом он резко повернулся, схватил общую рацию и крикнул в микрофон: — Воздух!! После этого, не обращая на меня внимания, взял "уоки-токи", вызвал Сашу и начал ему докладывать о замеченном объекте:

— Кот, на пяти часах вижу вертушку — тип Ми-24 "Стакан", расстояние — километров десять, идут по нашему следу, высота — метров пятьсот.

Из динамика радиции донёлся, сильно искаженный голос Саши:

— Хан, тебя понял. Действуем, как договорились. Сейчас снижаем скорость километров до пяти в час. Они, перед тем как ударить, наверняка сделают круг, чтобы окончательно уточнить наши силы и возможности. Потом увидя, что у нас нет военной техники, "Стакан" подлетит поближе, и они попробуют, остановить нас без стрельбы. Чтобы не повредить вездеходы, могут высадить десант. В крайнем случае, пулеметами постараются повредить пару вездеходов, чтобы караван встал. Стрелять, скорее всего, будут по моторным отсекам УРАЛов, ну и по кабинам, естественно. Ракетами долбить — тем более, сразу не будут. После того, как вертушка сделает дальний круг, сбиваемся в кучу и останавливаемся. Ты забираешься на ГАЗон — но старайся сначала не светиться, только, когда "Стакан" будет над тобой, встаёшь и фигачишь из ПЗРК ему в хвост. Всё, удачи тебе, Хан, я тоже уже вижу этот "Крокодил".

Пока Флюр вызывал по радиции и разговаривал с Сашей, я всё пытался на мониторе увидеть замеченный им вертолёт, но объективы камер показывали только чистое небо. И только когда мы резко сбросили скорость, в самом углу монитора я разглядел маленькую чёрточку, которая очень быстро скрылась с экрана. Я мысленно чертыхнулся и подумал, — вот, опять мы провели совершенно бессмысленную работу, установив камеры наблюдения на крыши вездеходов. И вообще, полученная инъекция не давала спокойно сидеть и наблюдать за развитием ситуации. Организм требовал каких-нибудь активных действий. Поэтому я заявил Флюру:

— Слушай, вы, конечно, все с Саней распланировали грамотно, но что будет, если промахнётесь? Эти уроды совсем же озвереют и начнут долбить по нам из всех видов вооружений, могут и ракетами фигакнуть. И где мы будем — сидя в кабинах и кунгах? Нет, надо, когда остановимся, забираться под вездеходы, и если вы промахнётесь, залпами стрелять по этому "Крокодилу" — глядишь, куда и попадём, а если сядет, высаживая десант — то долбить в это место из гранатомёта. Да и хранить радиомолчание сейчас уже совершенно бессмысленно — пускай слышат, что мы их заметили и начинаем паниковать. Вам, под это дело, будет легче отбить доньшко у этого летающего столового

прибора.

Флюр глянул на меня, усмехнулся, протянул "уоки-токи" и предложил:

— Вот и доложи свои мысли Коту, только много не болтай, времени мало, "Стакан" уже начинает делать большой круг.

Я по детской рации вызвал Сашу и коротко рассказал о своей задумке. Он немного помолчал, хмыкнул в микрофон, а потом сказал:

— Ладно, Батя, может быть ты и прав, по поводу имитации паники. Оно всегда лучше — ловить рыбу в мутной воде. Давай, поори немного в большую рацию и скажешь всем, чтобы при остановке прятались под вездеходы. Да пускай ещё и собак выпускают — сверху это мельтешение будет действительно казаться большой паникой. Давай, Батя — начинай представление!

Я тут же, вдохновлённый одобрением Саши, схватил большую рацию и начал буквально кричать в микрофон:

— Внимание всем! Над нами вертолёт, возможен обстрел из пулемётов и ракетные залпы. Сейчас останавливаемся и все, повторяю, все, включая и собак, покидаем кабины и кунги и укрываемся под вездеходами. Там готовимся для отражения атаки десанта. Двигатели вездеходов не выключать.

Выдав это на одном дыхании, я, сунув рацию в один из карманов, начал набивать другие рожками от автомата. Сидящий рядом Флюр, хлопнул меня по плечу и, давясь смехом, просипел:

Да, Батя, пропадает в тебе великий актёр. Даже мне, под воздействием такого надрыва, захотелось срочно куда-нибудь спрятаться, лучше бы, в какой-нибудь противоядерный бункер.

И он откровенно расхохотался. В этот момент все начали останавливаться, я тоже затормозил, предварительно объехав, наш заправщик, и встал немного сбоку нашей колонны. Только я остановился, Флюр, всё ещё продолжая давиться смехом, открыл свою дверь и выскользнул из кабины. Я присидел в ней ещё минуты две, готовя автомат и добирая ещё патроны. Потом, открыв свою дверь, отцепил закреплённые на борту вездехода лыжи и уже на них направился к пассажирским УРАЛам. Я решил укрываться под большим вездеходом, под ГАЗоном было слишком тесно и, к тому же, увидел, что весь народ потянулся к УРАЛам.

Когда я уже подходил к женскому кунгу, в ноги мне кинулась наша собака Чапа (так мы по традиции называли всех не выбракованных сучек). У неё было явное намерение поиграть, я начал её успокаивать и пропустил сам момент подлёта к нашей колонне вертолёта. Я выпрямился, глядя вверх, когда он был уже прямо над моей головой. Прятаться было некуда, и я, стоя в полный рост, начал следить за его пролётом над нашей колонной. Поэтому, наверное, я стал единственным сторонним наблюдателем, который видел весь процесс трагедии, разыгравшейся в воздухе.

Вертолёт летел на высоте метров трёхсот, когда он пролетел уже нашу колонну, со стороны ГАЗона, вслед ему протянулась дымная полоса от ракеты, выпущенной Флюром. Практически одновременно, с ТТМа выпустил ракету из ПЗРК Саша. Раздался сдвоенный взрыв, потом ещё один, но уже сильнее, и сразу же появился огонь. Целостность больших лопастей, по-видимому, была нарушена, и они куда-то отлетели. А совершенно беспомощное без них, большое тело этого летающего "Крокодила" наклонилось носом к земле и камнем рухнуло в снежную бездну. По сравнению с грохотом, стоящим во время движения вертолёта и во время попадания в него ракет, звуки внутренних взрывов, доносящиеся из-под снега, казались тихими и незначительными. К тому же, они скоро были перекрыты диким рёвом и криками выскочивших из-под УРАЛов моих друзей, моих

соплеменников. Я сам тоже не удержался, снял шапку и стал с победным криком её подбрасывать в воздух. Наверное, Дохтуровский укольчик продолжал действовать, и организм, таким образом, освобождался от лишнего адреналина. Когда к нашей общей группе подкатили Саша и Флор, мы, не сговариваясь, подхватили их на руки и начали подбрасывать в воздух. Правда, мозги ещё оставались на месте, поскольку мы всё-таки сообразили снять с них лыжи.

Это истеричное выражение наших чувств продолжалось минут пять. Потом, утомлённые, будто разгрузили несколько тонн угля, мы затихли и уже начали адекватно воспринимать действительность. Тем более, Саша заявил:

— Повеселились — и хватит! Нужно быстрее сматываться отсюда. Неизвестно ещё, где находятся наземные силы Секретариата. Теперь им точно известно наше местонахождение, и, возможно, они на всех парах двигаются наперехват. Нужно быстрее достигнуть границы между анклавами и даже захватить километров на двадцать вглубь территории Донбасского Директората. Там повернуть на девяносто градусов и уже в спокойном темпе двигаться в сторону Керченского пролива.

— А что, мы даже не осмотрим подбитый вертолёт, — удивлённо спросил Коля, — наверняка в нём можно найти много интересных вещей?

Саша ему насмешливо ответил:

— Если ты хочешь, чтобы Секретариатские быки и едущие с ними специалисты с интересом изучали отбитые ими УРАЛы и с восторгом собирали доставшиеся трофеи, то тогда да, имеет смысл покопаться в сбитой вертушке. Но мне, почему-то, этого очень не хочется. Я лучше издали, из кабины проезжающего мимо вездехода, посмотрю на остатки сбитого "Крокодила".

Саша повернулся в сторону рухнувшего вертолёта и добавил:

— Вообще-то, там и смотреть нечего. Вон, из-под снега торчит только кончик хвоста.

Действительно, когда снежная пелена рассеялась — был виден только возвышающийся метра на два над уровнем снега фрагмент хвоста упавшего вертолёта. Вокруг этого места снежная поверхность потеряла свою безукоризненную ровность, кое-где образовались небольшие бугры и впадины. И скорее всего, из-за усиливающегося ветра и снега, эти неровности просуществуют очень недолго. Уже часа через два место этой бойни можно будет найти только по торчащему постаменту хвоста этой бывшей грозной машины и то с большим трудом.

Своими словами Саша вывел нас из охватившей всех эйфории и вернул на грешную землю, к нашим мелким, рутинным делам и обязанностям. Поэтому, больше ничего не обсуждая, не делаясь впечатлениями и мечтами, мы быстро распределились по вездеходам, опять вернувшись к старой схеме движения и комплектации экипажей. Единственным нововведением стало то, что в ТТМе экипаж теперь был из четырёх человек, туда добавились Миша и Василий. Да и в мужском кунге поехали несколько женщин, там было решено оборудовать помывочную и во время движения все наши дамы хотели её посетить. Эта идея возникла, прежде всего, из-за того, что нужно было обязательно отмыть от шахтной грязи и запахов наших новых девушек. Загрузив в кунг несколько вёдер снега и договорившись через два часа остановиться, чтобы дамы могли поменяться местами, мы тронулись в путь.

Двигаться решили опять при полном радиомолчании, и только при непредвидимых ситуациях первый и последний экипажи могли пользоваться "уоки-токи". Когда тронулись, то даже не подъехали к подбитому вертолёту, чтобы ещё раз глянуть на него и насладиться своей победой. Этот

бой уже сидел глубоко в памяти, а теперешние мысли были только об одном — свалить отсюда побыстрее, чтобы даже в кошмарном сне не вспоминать об этих местах, где обитают, иначе и не скажешь, любители свежих котлет из мяса своих сородичей.

Виртуальную границу между Секретариатом и Директоратом мы пересекли, где-то, через час, ещё полчаса мы двигались в сторону украинского берега. В двенадцать часов дня, мы сделали поворот на 90 градусов и двинулись в сторону Чёрного моря. К этому времени снег усилился, и началась метель. В течение часа мы, под воздействием погодных условий, постепенно снижали нашу скорость. Начал проявляться и откат, после уколов, сделанных Игорем. Например, у меня, сидящего на пассажирском месте, начала кружиться голова и жутко заболела правая её сторона. Когда я начал опускать боковое окно, чтобы глотнуть свежего, морозного воздуха — с испугом почувствовал, что рука подчиняется мне с большим трудом.

Глянув на сидящего рядом Сергея — увидел, что он, периодически, пытается клюнуть носом приборный щиток, и вид у него, мягко сказать, очень уставший и измученный. Подтолкнул его рукой и, чтобы хоть немного взбодрить, пошутил:

— Ты точно, после Дохтуровского укола превращаешься в дятла. Скоро своим клювом насквозь продолбишь щиток. Только тот, который в тебе сейчас сидит, будет жутко разочарован, наткнувшись под пластиком не на жучков и червячков, а на кабель высокого напряжения. Нет, нужно между нами проложить резиновую прокладку — что-то мне неохота трястись под воздействием тока.

После этой своей плоской и тупой шуточки, я сам громко заржал и ощутил некоторый прилив сил. Сергей же непонимающе посмотрел на меня. Потом, молча, распрямился, притормозил и немного отстал от впереди идущего вездехода, так как перед этим он приблизился к нему слишком близко. Лицо его приобрело более сосредоточенный вид, но, судя по его реакции, смысл моих слов не дошёл до его сознания. Несмотря на свою обычную обидчивость, он проигнорировал все мои фантазии.

— Да, дело пахнет керосином, — подумал я, — даже самый здоровый из нас — поплыл.

Поэтому я, уже немного окрепшей рукой, достал "уоки-токи", вызвал Сашу и, уже на остатке вызванной искусственно энергии, произнёс:

— Слушай, Кот, давай-ка, тормози. Пора останавливаться на отдых. Сил уже ни у кого не осталось, уже на ходу начали спать. Вон, сейчас Серёга, чуть-чуть не протаранил ТТМ, если бы скорость была немного побольше, не избежать бы нам остановки из-за этой дурацкой аварии. А если его поменять, то, боюсь, что и у меня подобная ситуация наверняка произойдёт. Он-то помоложе и покрепче, поэтому успел среагировать и тормознуть, у меня такое вряд ли получилось бы.

В ответ мне, искажённый помехами, донёлся голос Саши:

— Согласен! Я уже и сам думал вставать на стоянку, а то, при такой скорости, только зря жжем солярку. Мы всё время едем на второй-третьей передаче, при такой пурге быстрее не получается. Не останавливался только из-за того, что у нас-то здесь как в мужском раю — женщина в поле, а мы с Ханом отдыхаем. УРАЛом уже второй час управляет Вика, а Флюр, преспокойненько дрыхнет.

Потом из динамика, послышалось, какое-то бормотание и потом уже хорошо различимые слова:

— Викуль, три раза подряд нажми на тормоз, чтобы в позади идущем вездеходе поняли, что сейчас будем останавливаться.

Буквально через минуту, три раза мигнул стоп-сигналами,двигающийся впереди нас ТТМ, после чего окончательно остановился, затем встали и мы. Пока Сергей возился, выключая ГАЗон и

отыскивая что-то в бардачке, я, мобилизовав все оставшиеся силы, вылез из кабины, надел лыжи и поехал в голову нашего каравана. На улице бушевала нешуточная метель, видимость была всего несколько метров, и пока я шёл эти сто метров, меня даже один раз ветром опрокинуло в снег. Но эта холодная ванна возбудила во мне злость на собственную никчемность и только придала дополнительные силы.

Возле грузового УРАЛа собрались все наши водители, здесь же мы быстро договорились разбивать лагерь на длительный отдых, пока не кончится эта пурга. УРАЛы с кунгами и мостик между ними устанавливали Саша с Флюром. Эту работу поручил им я, припомнив проведённое ими недавно время в мужском раю. В это время мы стояли, прячась от ветра за грузовым УРАЛом и медленно, приходили в себя, пуская по кругу Игореву фляжку с эликсиром.

Когда УРАЛы выровняли параллельно друг другу и установили между кунгами площадку с единой лестницей, мы все дружно направились в наш любимый, тёплый, передвижной домик. На улице стало зябко, хотя температура была всего лишь -15 градусов, но ветер, всё равно, находил плохо утеплённые места. В тёплом кунге меня опять разморило, несмотря на принятые перед этим два глотка эликсира. Уже почти в полусне, перед тем как свалиться на своё спальное место, я пил чай с бутербродами. Из всех разговоров за этим чаепитием, помню только стенания Флюра о том, что проклятая буря могла бы начаться и пораньше — тогда Секретариат не послал бы вертолёт и у нас остались бы целыми ПЗРК.

После этого наступило полное забвение, очнулся я только часов через семь, встал, сходил, как говорится, до ветру. Потом подошла Маша, накормила вставших на запах обеда ребят, и я снова отправился спать. За обедом узнал, что Саша, оказывается, организовал круглосуточное дежурство силами наших дам, и сейчас дежурными были Маша с Таней и новенькая девушка Марина. Таня сидела в кабине ТТМа и контролировала окружающую обстановку.

Второй подъём был через восемь часов, метель всё продолжалась, поэтому мы, перекусив, снова разошлись по своим спальным местам. В третий раз встал я через шесть часов, и только из-за того, что спать уже просто физически не мог. Выйдя покурить на наш мостик, удивился — на улице была тишина, а наши вездеходы и сани превратились в большие снежные горы, нестерпимо ярко блестящие отражённым солнечным светом. Общее ощущение было такое, что находишься в сказочном мире, и из-за большого снежного холма, в который превратился грузовой УРАЛ, сейчас появится оленья упряжка, а управляет ею Снежная Королева.

Только я об этом подумал, как действительно из-за этой снежной горы появилась упряжка. Только вместо оленей в маленькие санки были впряжены наши собаки, их погонял шестом Никита, а сзади сидел Ваня, они были все заснеженные и счастливые, увидев меня, начали громко кричать и смеяться, собаки, почувствовав настроение людей, тоже начали беситься и опрокинули сани. Образовалась большая куча-мала, в которой было трудно понять, где дети, а где собаки, и звуки из этой кучи неслись тоже непонятные. Буквально через две минуты после появления собачьей упряжки, выскочили на лыжах и взрослые, это были Вика с Сашей, тоже все заснеженные, они радостно захохотали, увидя эту кучу-малу из детей и собак. Саша с гиканьем, отбросив лыжные палки, бросился в самую гущу этой свалки. Мне недолго пришлось наблюдать сказочную идиллию. Неожиданно, в промежуток между вездеходами ворвался сильный снежный вихрь, опять видимость резко понизилась, и стало холодно.

Вскоре из-за этой снежной завесы появился Саша, в руках он нёс обеих малышек. Аккуратно поставив их на ступеньки лестницы, он крикнул:

— Батя, принимай посылку из Шанхая!

Только я спустился вниз, чтобы подстраховать подъём детишек по довольно крутой лестнице, как появились возбуждённые псы. Они, бесцеремонно растолкав всех, быстро забрались на верхнюю площадку, уселись перед входной дверью в женский кунг и начали выжидательно поскуливать. Всё это сопровождалось дружным смехом Саши и подошедшей Вики, тащившей забытые всеми санки. Поднявшись вместе с малышами на площадку, я, лежащим у порога веником, смёл с них и крутящихся здесь же собак, снег и открыл двери в тёплое, с одуряющим запахом пищи, помещение. Дождавшись отстающую парочку, прошёлся веником и по ним, сметая налипший снег и, уже втроём, мы вошли в женский кунг.

Там уже восседали за столом и блаженствовали в женском обществе Коля и Флюр. Перед ними стояло по большой чашке чая, и начатая большая банка с яблочным варением, которую мы обнаружили в будке подбитого УРАЛа. Они сидели, окружённые хихикающими дамами, по-видимому, травили очередные свои байки. Мне пришлось нарушить эту благолепную картину:

— Ну что, мужики, пригрелись тут, среди прекрасных фей! А труба-то — зовёт, солнце ждать не будет. Сейчас уже температура -14 градусов, а нам нужно двигаться ещё дальше на юг. Если на каждой стоянке будем столько времени кайфовать, то окажемся на дрейфующей льдине, на середине Средиземного моря. Вот тогда точно будет — полный писец, особенно, когда она растает, и мы отправимся на поселение к Нептуну. Тут уж, Хан, даже твой Бабай, или, кто у тебя там, не поможет.

— Не трогай святое, — хихикнул Флюр, — мы, можно сказать, сидя тут, экономим топливо. Представь, какое количество сожгли бы его просто так, всё время, двигаясь на второй скорости. Мастер даже подсчитал: за каждый час движения — по 50 литров.

— У, экономисты хреновы! А что же вы не подсчитали, сколько мы могли пройти километров, когда метель кончилась? Километров сто, наверное — бы, отмахали.

Флюр уже откровенно засмеялся и ответил:

— Да ладно, Бать, свистеть! Ты сам спал как сурок! И дураков получить чем-либо тяжёлым, будя тебя, у нас нет. Так что, можешь пенять только сам на себя — ты же у нас босс. А мы люди маленькие, подневольные, что нам скомандуют, то мы и делаем.

В разговор вступил Саша, он поддержал меня, сказав:

— Хватит скоморошничать, Батя прав! Нужно, пока погода наладилась, собираться и двигаться дальше. Думаю, что больше пережидать каждый раз непогоду нам нельзя, а то можем так наэкономить топливо, что точно окажемся на дрейфующей льдине. Теперь, я думаю, нам нужно без остановок, в любую метель пробиваться к Румынским терминалам.

Довольный, что хоть один человек меня поддержал, я сразу же разошёлся и начал раздавать команды присутствующим:

— Так, мужики, вы уже чай попили, поэтому давайте, идите, проверьте все вездеходы, ну и, естественно, снег с окон и капотов смахните.

Потом, глядя на притихших женщин, продолжил:

— А вам, мои дорогие, кто не входит в экипажи вездеходов, нужно готовить обед и термосы с бутербродами для питания во время дороги. Большую остановку устроим не раньше, чем часов через

восемнадцать, когда будем производить заправку техники.

Затем, повернувшись к Саше, закончил свои распоряжения:

— Сань, а ты давай, иди, заводи заправщик, нужно начинать заполнять баки вездеходов, а то, когда встали на стоянку, мы же не заправлялись, мучится в пургу, не имело смысла. Ну, а я пойду будить остальных архаровцев, а то они готовы проспять всё на свете.

Повернувшись, я, не ожидая, пока оденутся Коля с Флюром, вышел из помещения, направляясь в мужской кунг. За мной сразу же вышел и Саша, он внизу надел лыжи и поехал к заправщику. В нашем кунге народ уже не спал. Володя сидел на спальном месте и изучал материалы, раздобытые нами на корабле в капитанской каюте. Остальные сидели за столом и слушали Мишу, который рассказывал что-то о своей прошлой жизни. Я прервал этот рассказ, сказав:

— Борода, я уж к тебе по старому, хоть ты и побрился, но лучше расскажешь о своих злоключениях потом, когда мы соберёмся все вместе. Нужно же, чтобы каждый из нас узнал о том, с кем нам теперь придётся делить последний кусок хлеба. Это же касается и других новых членов нашей коммуны, или, уже можно сказать — племени. А сейчас, как говорит Саня — нужно двигать булками. Времени у нас, как обычно — нет, погода наладилась, нужно в темпе двигаться дальше. После этих слов Миша замолчал и встал вместе с другими окончательно одеваться. Пока все толпились у одежного шкафа, я распределял каждого на свои работы. Сам я направился на помощь Саше, заправлять наши вездеходы. Эта подготовительная, предотъездная суэта продолжалась около двух часов, потом, мы довольно быстро пообедали и в первом часу дня тронулись в дальнейший путь. Метель уже окончательно прекратилась, снега не было, видимость была отличная. Снега навалило довольно много, и наш караван, оставляя относительно глубокую колею, двинулся в снежную бесконечную даль.

Глава 11

Построение нашей колонны осталось прежним, так же как и экипажи наших вездеходов. Первую смену управлял ГАЗоном я, а Сергей как обычно дремал на пассажирском кресле. И это несмотря на то, что перед этим он проспал почти что сутки. Слушая его сопение, изредка прерываемое сладким почмокиванием, мне оставалось только завидовать стабильной психике и общему физическому здоровью его организма. Вот уж поистине, когда — солдат спит, а служба идёт.

Когда подходила к концу моя смена, я даже с каким-то злорадством растолкал Сергея, ещё до остановки нашего каравана на пересменок. При этом громко крикнул, практически, прямо ему в ухо: — Подъём! Хватит дрыхнуть — Наташку проспидишь.

Малой, буквально подпрыгнул на сиденье, повертел головой и очумелыми, круглыми глазами, уставился на меня:

— Ты что, Батя, офигел? Так же можно и до разрыва сердца довести, — воскликнул он и усиленно, обеими руками, начал растирать себе шею.

— Как же, такого лося доведёшь! Я, наоборот, тренирую тебя — мгновенно быть готовым к любым неожиданностям и никогда не терять присутствия духа. Согласись, ты же растерялся, когда открыл огонь из пулемёта по приближающимся аэросаням?

Сергей хмыкнул и немного обиженно ответил:

— Да ничего я не растерялся, просто давно не стрелял, вот и промазал. Они оказались шустрыми — гады. Эти аэросани двигались так быстро, что я подумал — если там есть пулемёт, то

приблизившись и открыв стрельбу, они запросто могут в кого-нибудь попасть. К тому же, когда вы пошли проверять тот караван, Саня предупредил — открывать огонь при малейшей опасности. Так что, я действовал точно по инструкции нашего главного спеца.

Он победно глянул на меня и продолжил:

— Так что, нечего меня учить! За столько лет такой жизни, я стал — ужас, какой учёный, самому иногда страшно становится. А то взяли с Ханом моду — меня поучать, вон, лучше новенькими займитесь, коль у вас свербит. Они ещё не обкатанные, и будут долго терпеть ваши приколы.

Я, уже остановив ГАЗон вслед за впереди идущим вездеходом, ответил ему:

— Да ладно, Серый, не обижайся! Воспринимай мои поучения, как заботу о твоём благополучии, да и Хан тоже тебе добра желает. Видно же, что он готовит тебя к себе в напарники. А стать напарником такого бойца, как Флюр, это многого стоит.

Сергей, уже открыв дверь кабины, повернулся ко мне, и, ухмыляясь, выкрикнул, — поучайте ваших паучат, — после чего, выбравшись из кабины, надел лыжи и направился к вездеходу, на котором двигалась Наталья.

Я тоже, открыв дверь, собирался выбраться из кабины, но тут, как будто кто-то задёрнул шторку перед моим левым глазом — появилась белая пелена, и он перестал видеть какие-либо детали.

Зажмурился правый глаз, я попытался что-нибудь осмотреть, но смог увидеть только очертания впереди стоящего вездехода, да и в кабине видел тоже только очертания крупных предметов, приборная доска казалась туманной поверхностью с вкраплениями небольших чёрточек.

Всё это было так неожиданно, что первоначально показалось каким-то розыгрышем и шуткой организма. Чтобы прийти в норму, я, не надевая лыж, спрыгнул прямо в снег, и начал с остервенением растирать лицо этой ледяной субстанцией. После нескольких минут такого моциона, у меня от холода даже заломило в висках, и я, прекратив это самоистязание, опять попробовал левым глазом осмотреть окружающий пейзаж. Но снова увидел окружающий мир так, словно всё было погружено в сильнейший туман. И тогда меня начала охватывать настоящая паника, такого мандража я не испытал даже, когда заманивал на ТТМе две БМП в нашу засаду.

Вот это я влип, — думалось мне, — не иначе бог наказал за моё злорадство в отношении Сергея. Не по-доброму я его будил, не так, как делает настоящий друг. Зависть его здоровью и желание как-то ему досадить — вот, что двигало моими действиями. Так, каясь и кляня себя, я стоял по пояс в снегу минут пять. Потом, немного успокоившись, начал заниматься самовнушением. Я убеждал себя — что это обыкновенная усталость глаза на яркий свет, что через некоторое время он, отдохнув, опять начнёт видеть, как прежде, что, в конце-концов, второй глаз видит вполне нормально и, в крайнем случае, можно жить и с одним глазом.

Так я стоял до самого появления Сергея. Увидев меня в таком положении, он первоначально начал шутить, произнеся:

— Что, решил снежную ванну принять? Наверное, совсем угорел в кабине? Ты бы, Батя, лучше устроил пробежечку на лыжах вокруг каравана, мозги сразу бы в норму пришли, да и дышалка бы поработала на славу.

— Какая, к чёрту, дышалка, тут глаз ни хрена не видит, — пожаловался я и потом, более подробно описал свои ощущения.

Лицо Сергея, сразу стало серьёзным и он, даже не дослушав моих жалоб, заявил:

— Ладно, давай-ка надевай лыжи и двигай к нашему кунгу, а я сейчас вызову Дохтура и предупрежу Кота и других, чтобы глушили движки. По-видимому, придётся здесь устроить небольшой привал, нужно, Батя, тебя слегка подлечить.

Не слушая моих возражений, он развернулся и покатил в сторону заправщика. Чтобы не затягивать время на разговоры с ребятами, по любому бы пришедшими сюда, пришлось мне снимать с боковины ГАЗона лыжи, надевать их и отправляться к мужскому кунгу.

Когда я туда добрался, меня встречала там целая толпа наших ребят, во главе с Игорем. Они буквально подняли меня на руки, сняли лыжи и поставили на лестницу, ведущую к дверям кунга. И всё это было проделано, практически молча, безо всяких вопросов и соболезнований, по-видимому, Сергей уже всё рассказал о моих проблемах.

Попав в тёплое помещение, я сразу же был взят в оборот Машей, которая уже была здесь, она заботливо помогла мне раздеться, а потом, усадив на стул, начала внимательно изучать мои глаза. Жена тоже уже знала о потере зрения моим левым глазом. У неё самой глаза были покрасневшиеся, а в уголках застыли капельки слёз. Чтобы как-то снять тягостную тишину, я ухмыльнулся и произнёс:

— Ну что вы носитесь со мной, как со смертельно больным человеком. Подумаешь, один глаз стал плохо видеть, но второй-то в норме. Может быть, это организм хитрит. Хочется ему отдохнуть — надоело пялиться на этот ослепительный снег. Ты же слышала, про такие случаи у альпинистов? Они, когда долго без защитных очков смотрели на снег, на время лишались зрения.

Краем глаза я видел, что находившаяся здесь же Надя, устанавливает на столе какой-то прибор, который мы приватизировали в больнице Пущино. Также там стояло несколько пробирок с лекарствами. Едущие в этом же кунге, две наши новые девушки, забились в угол помещения и оттуда испуганно наблюдали за происходившим. Вскоре в кунг поднялся Игорь, он разделся и пошёл сразу же мыть руки. Перед этим он крикнул своей жене:

— Наденька, закапай нашему болезному расширяющие зрачок капли.

Потом, повернувшись ко мне, заметил:

— Ну что, Батя, возраст-то берёт своё. Теперь понимаешь, что нельзя быть во всех бочках затычкой, у нас вон полно молодых, здоровых мужиков. А ты всё вровень с ними пытаешься делать. Слушай Дохтура, он дело знает. Надеюсь, что сейчас-то ты не будешь упорствовать и рваться управлять вездеходом. Нужно тебе немного полежать в кунге, отдохнёшь здесь, наберёшься сил, и всё нормализуется.

— О чём разговор, Дохтур, — ответил я, — тем более что поеду не один, а в обществе таких прелестных дам.

Потом, сидя уже с закапанными глазами, продолжил:

— Слушай Игорёх, а давай ко мне, пусть порулят твоей скрипучей таратайкой новые ребята, а мы тут с тобой пулечку на двоих распишем. Опять же, эликсиром полечимся, а то, боюсь, как бы твои уши не отказали, как мой глаз.

Игорь, уже севший за стол и подкручивавший что-то в приборе, глянул на меня, усмехнулся и ответил:

— Батя, да ты просто экстрасенс какой-то. После того, как ты прошёл в кунг, мы там, на улице договорились, что вместо меня и тебя, управлять вездеходами будут Миша и Василий. Ребята сейчас

пошли перекусить и отдохнуть в женский кунг, а движение начнут после того, как я дам отмашку. Так что, у нас с тобой скоро начнётся райская жизнь, можно будет от души отоспаться.

— Вот видишь, Дохтур, как полезно иметь слабые места в организме. Считай — мой глазик спас твои уши. Поэтому, ты как истинный джентльмен, должен растрясти свои запасы эликсира. Ибо, только он даст мне силы бороться с проклятой болезнью.

— Алкоголь только больше навредит твоему недугу, — ответил мне Игорь:

— Сам знаешь, он повышает давление, а эликсир, к тому же, является стимулирующим средством. Поэтому — фиг тебе, а не эликсир, обойдётся и чайком. Иначе, приняв эту амброзию, ты разнесёшь всю нашу будку и хорошо, если только руками, а не головой.

Примерно в таком вот ключе и текла наша беседа, пока, под воздействием капель, мои зрачки не расширились до максимального размера. После чего и началось обследование моих глаз, которое продолжалось минут тридцать. Затем, Игорь похлопал меня по плечу и заявил:

— Ну что, Батя, похоже, тебе, при таком ярком свете, больше водить вездеход нельзя, но не расстраивайся — зрение я тебе восстановлю. У тебя кровеносные сосуды возле зрительного нерва, пережаты каким — то воспалением и глаз плохо снабжается кислородом. Так что, придётся потерпеть укольчики и колоть нужно будет прямо под глазное яблоко, поэтому, не дёргайся, а то может получиться гематома, и придётся тебе ходить с фингалом под глазом.

— Да чёрт с ним, этим фингалом, лишь бы зрение восстановилось, — воскликнул я, — коли, эскулап, буду неподвижен как скала.

Игорь о чем-то тихо переговорил с Надей, она оделась и вышла из кунга. После небольших препирательств, он выпроводил из кунга и Машу. Затем, усадив меня вплотную к стене, заставил головой плотно к ней прижаться и, смотря в потолок, замереть. С небольшим мандражём я выполнил это требование, и он разовым шприцем ввёл мне лекарство, как мне показалось, прямо в глаз. Сам укол длился от силы — секунд пять, потом — минуты три, крепко прижав к ранке смоченную в спирте ватку, я отходил от испытанного шока. Дохтур же, коротко хохотнув, предложил испуганно наблюдавшим за этой процедурой нашим новым девушкам отвернуться, а мне он сказал:

— Ну что, Батя, а теперь наступает приятный момент, называется — укол в задницу. Так что, вставай, поворачивайся и приспускай штаны.

— Ты же ничего не говорил о других уколах, — возмущённо пробормотал я, — что же, по-твоему — неприятный момент, если это ты считаешь приятным.

Игорь опять хмыкнул, набирая при этом в шприц лекарство, и ответил:

— Например, предыдущий укол, был не совсем приятным. Так что, расслабься, подставляй задницу и постарайся получить удовольствие. К тому же, готовься, как только Надя принесёт оборудование, будем ставить тебе капельницу.

— Что, и это ещё не всё? Ты просто медицинский маньяк какой-то. Рад, наверное, что дорвался до такой безропотной жертвы, как я, а что? Не кричу, не дёргаюсь, молча, выполняю все твои указания — мечта, а не пациент. К тому же, и эликсира можно беззастенчиво лишить.

Игорь, опять улыбнулся и ответил на мои стенания:

— Что-то, Батя, ты стал очень разговорчивым и капризным, наверное, мне всё-таки нужно будет рассмотреть вопрос о назначении тебе курса двухведёрной клизмы. Думаю, после этого твои жалобы сойдут, на нет, и можно будет спокойно заниматься лечением глаза. А пользу капельницы, я думаю,

ты оценишь дня через два, когда сможешь видеть своим ослепшим глазом. Ты радуйся, что Галя перед самым нашим выездом наготовила раствор для капельницы, им мы быстро почистим твои сосуды, и ты будешь себя чувствовать лет на десять моложе.

В этот момент в кунг вошла Надя, она принесла штатив для капельницы и пакет с медикаментами. После этого, меня уложили на боковую лавку, где и пришлось лежать минут тридцать, пока из большой колбы по капле стекал мне в вену этот лечебный раствор. Пока я лежал, у меня побывала целая череда посетителей. Каждый из них пытался меня как-то развлечь, по делу говорил только Саша. Мы с ним решили, что как только закончится эта процедура, караван немедленно двинется дальше и больше длительных остановок из-за меня делать не будет. Машу, которая всё это время сидела рядом, я, всё-таки, уговорил ехать в женском кунге — нужно было кому-нибудь сидеть с Ваней.

В общем, вся эта суэта вокруг меня продолжалась более трёх часов. Когда наш караван тронулся, солнце уже давно скрылось, но полной темноты не было, в небе ярко светила луна, и вся окружающая местность серебрилась отражённым от снега светом. Температура была -14 градусов, было очень тихо, не было даже намёка на ветер.

Так долго отдыхать, лёжа на постели в кунге, было непривычно, но чертовски приятно. Я, первоначально, начал прислушиваться к беседе наших новых девушек, но минут через двадцать меня убаюкало неспешное покачивание кунга, монотонные скрипы движущегося вездехода и тихое журчание женских голосов. Уснул я, несмотря на храп, доносившийся от спального места Игоря, который начал издавать эти звуки, буквально на пятой минуте после начала движения.

Проснулся я от какого-то непривычного ощущения, минут пять лежал и пытался разобраться, что же изменилось в окружающей обстановке. Потом до меня дошло, что мы стоим, и я подумал, что это остановка на пересменок. Но, посмотрев на часы, увидел, что после начала движения прошло уже больше шести часов, и эта остановка не могла быть плановой. Меня мгновенно захлестнула волна тревоги, и я, вскочив, начал судорожно одеваться. Все остальные пассажиры кунга безмятежно спали, несмотря на то, что в окна уже начал пробиваться яркий солнечный свет.

Когда я уже собирался надевать тёплую куртку, меня осенило, что я могу связаться с кабиной УРАЛа по переговорному устройству. Этой системой были оборудованы оба наших кунга. Только я подошёл к стене, где висела переговорная трубка, как распахнулась входная дверь, и в кунг ввалился Флюр. Он был немного раскрасневшийся от мороза, и лицо его не выражало никакой тревоги. Это меня немного успокоило, но я всё равно засыпал его градом вопросов:

— Хан, что там случилось? Почему стоим? Что, неужели опять кто-нибудь сломался?

Он, сразу не отвечая, оглядел всё помещение, хмыкнул и заявил:

— Ха, хорошо вы тут устроились! Я тоже так хочу! Пойти, что ли, подговорить Малого, чтобы дал мне в глаз — глядишь, после этого и меня Дохтур госпитализирует.

И он громко захохотал, да так, что все проснулись, девушки, испуганно закутавшись в одеяла, уселись у дальнего конца лавок. Игорь тоже подскочил и непонимающе уставился на нас. Флюру очень понравился произведённый эффект и он опять, но уже неестественно громко, загоготал. Этот гогот продолжался секунд тридцать, потом ему это самому надоело и он начал отвечать на поставленные вопросы:

— Батя, не волнуйся, всё тип-топ. Просто возникла одна небольшая проблемка — дальше хода нет.

Впереди сплошная стена торосов.

И он снова захохотал. Потом, уже серьёзно и другим тоном, продолжил:

— Хорошо, Батя, что ты уже оделся, пойдём, сам, своим зорким глазом всё осмотришь и будем держать совет, что делать дальше. Ты, Дохтур, тоже одевайся и подходи к переднему УРАЛу.

Кстати, не забудь захватить свою заветную фляжку, а то половина народа — в шоке.

После этих слов я поспешно надел куртку и валенки, натянул шапку, и с Флюром вышел из кунга.

Когда мы на лыжах подкатили к головному УРАЛу, там, на маленьком пяточке возле передних гусениц столпились все наши водители и что-то горячо обсуждали. Наверху, на самой кабине вездехода стоял Саша и в бинокль оглядывал открывающуюся перспективу. А она, если сказать прямо, была совсем нерадостна. Впереди, насколько хватало глаз, громоздились неровные холмы, кое-где верхушки их были свободны от снега и оттуда выступали ледяные глыбы торосов.

Увидев нас, с УРАЛа быстро спустился Саша. Лицо его выражало серьёзную озабоченность, а в глазах чувствовалась явная растерянность. Когда Саша присоединился к общей группе, он, обращаясь ко мне, доложил о результатах своего визуального обследования. Немного срывающимся голосом сказал:

— Впереди полный писец, торосы тянутся до самого горизонта. Если мы в них начнём вырубать трассу, это работа не одной недели. Как раз, когда всё начнёт таять, мы, может быть, и доберёмся до Чёрного моря.

В это время у меня в мозгах происходила усиленная работа. Голова буквально раскалывалась в поисках выхода, шло сопоставление всех имеющихся данных, но информации явно не хватало.

Поэтому я, прервав Сашу, спросил:

— Слушай, Кот, а где мы вообще находимся? Какие координаты показывают наши навигаторы? А то, со своими болячками, я полностью выпал из действительности.

Саша, даже не задумываясь, ответил:

— Мы стоим напротив Керченского пролива, нам до Чёрного моря осталось километров тридцать.

В моей голове что-то щёлкнуло, и в мозгу отчётливо вырисовалась картина о том, что надо делать. А в это время вокруг опять разгорелся спор о методах преодоления этого поля. Я громко, чтобы меня все слышали, начал выкрикивать:

— Мужики, а что вы так разволновались и ведёте пустые споры. Сами же понимаете, что используя любой метод, напрямую нам к Чёрному морю не пробиться, да это нам и ни к чему. Как нас учили герои наших любимых детских фильмов? Помните, как в одном из них были произнесены крылатые слова — настоящие герои всегда идут в обход. Вот и нам нужно также действовать. Зачем нужно тупо лезть напрямик, расходуя лишние силы и взрывчатку, когда можно проехать вдоль этой линии торосов, выбраться на берег и уже по нему доехать до Чёрного моря. Гор здесь нет, а при выезде на берег, если и есть ледяные глыбы, то они не больше, чем те, что мы уже преодолевали, когда въезжали на поверхность Азовского моря.

Я ненадолго замолчал, оглядел примолкший народ, а потом продолжил:

— Судя по всему, эти торосы образовались из-за неравномерного замерзания Чёрного и Азовского морей. Наверняка, Азовское море начало замерзать раньше, поэтому эти торосы и идут уступами.

Скорее всего, на акватории самого Чёрного моря такого безобразия нет. На поверхности моря торосы в таком количестве могут быть следствием только того, что лёд стаивал, а потом снова замерзал. Но,

сами понимаете, при таких температурах это невозможно. Этого, я думаю, можно будет ожидать только при нашем приближении к тёплому океану.

После этой речи, голос у меня охрип, а глаз несколько разболелся. Но своими словами я добился желаемого. Разгоревшиеся после этого споры, пошли по новому руслу и велись уже вокруг одного вопроса, в какую сторону нам поворачивать. Двигаться ли в сторону Украины, или попытаться проехать к Чёрному морю по территории Краснодарского края. Победило мнение о продвижении по Украинскому берегу. В основном это было связано с имеющейся информацией о Сочинской гвардии. Никому из нас, что-то не очень хотелось встречаться с новыми выжившими людьми. Хотя, насчёт Сочинцев, нам ничего, порочившего их, не было известно. Но, всё равно было решено держаться от берега Краснодарского края подальше.

В конце концов, мы договорились, что всем нужно принять горячий завтрак, а мне — произвести курс лечения и только после этого возобновлять движение. Время было — семь часов утра, температура держалась около -14 градусов, снега и ветра не было.

Как только Игорь освободил меня от иглы капельницы, он начал собираться на выход. На мой вопрос:

— Дохтур, ты куда собрался? Мы же с тобой собирались поиграть в карты.

Он ответил:

— Всё, Батя, больше не могу, как овощ ехать в этом ящике. К тому же, сам видишь, как только меня нет в колонне, происходят всякие катаклизмы. Тебе-то лечение и покой сейчас просто необходимы, ну а мне это вредно, сразу в голову лезут дурные мысли. Так что, Батя, извини, пульку мы с тобой распишем, когда доберёмся до тёплого океана. А пока вон — пускай тебя девчонки развлекают.

— Ты что, при жене это говоришь, — рассмеялся я. — Хочешь, чтобы она оставила Ваньку одного в женском кунге? Сам же знаешь, он без неё там такое натворит, что потом все вместе будем неделю исправлять последствия.

Маша, сидевшая рядом (до этого она принесла завтрак), звонко рассмеялась и потрепала меня по плечу. Потом она вместо меня ответила на реплику Игоря. На что, мол, ты его старого толкаешь, к тому же, кому он нужен, кроме меня — инвалид с одним глазом?

— Но-но, — возмутился я, — сама же знаешь поговорку — старый конь, борозды не испортит.

Я повернулся к притихшим девушкам, подмигнул им слепым глазом, улыбнулся и продолжил:

— К тому же, кто это сказал, что я инвалид? Я ещё, о-го-го, какой мужик, к тому же, чувствую, что глаз начинает видеть лучше.

— Ладно, мужик, лучше начинай завтракать, а то превратишься в измождённого ворчливого старикашку, — остановила мои разглагольствования Маша. Потом посмотрела на молчавших девушек и добавила:

— Вот же, сволочи, что с детьми сделали. Как же этих гадов, которые произвели себя в элиту, земля-то носит. Но ничего, девоньки, отольются им когда-нибудь ваши слёзы.

Пока я расправлялся с принесённым завтраком, Маша беседовала со спасёнными девушками. Игорь в это время оделся и вышел из кунга. Минут через пять, распахнулась входная дверь, и в помещение вошёл Саша, в руке у него был какой-то пакет. Не раздеваясь, он прямо от входа начал поторапливать Машу, говоря:

— Все уже расселись по местам, пора трогаться. Мария Николаевна, давайте я сюда принесу Ваньку,

и вы пообедаете вместе с Батей.

— Да нет, Сашенька, уж лучше я пойду в наш кунг, а то он не даст Толе спокойно полежать, — ответила она, — к тому же, там Никита, да и собаки не дадут Ванечке заскучать.

После этих слов она спешно начала одеваться, а Саша, обращаясь уже ко мне заявил:

— Батя, скорее всего, когда мы подъедем к берегу, придётся останавливаться, но тебе выходить на улицу не стоит. Дохтур сказал, что если хочешь дня за три вылечить свой глаз, нужно всё это время соблюдать полный покой. Он собирается часов через восемь опять тебя колоть и ставить капельницу. Поэтому, лучше сиди здесь и не дёргайся. Кстати, он не против того, чтобы ты изредка выглядывал в окно и обозревал окрестности. Я тебе принёс для этого подзорную трубу, — будешь нашим боковым дозором. Только смотри не увлекайся наблюдениями.

— Ладно, Сань, что я тупее паровоза, что ли, буду беречься и выполнять все указания нашей медицины. Только вы хоть иногда заглядывайте сюда, а то тут с тоски можно будет сдохнуть. Мои слова прозвучали, уже в спины, Маше и Александру.

Минут через пять после их ухода тронулся и наш вездеход, опять меня начали убаюкивать мерное покачивание кунга и еле слышный звук работающего дизеля УРАЛа. Первоначально я улёгся на своё спальное место и честно попытался задремать, но спать совершенно не хотелось. Тогда я оделся и попытался понаблюдать в окно за нашим передвижением, но смотреть было совершенно не на что, везде была безбрежная, ярко блестящая снежная равнина. Читать или работать на ноутбуке с одним глазом было очень неудобно, а долгое время, так и вообще невозможно. Поэтому мне пришлось хоть как-то развлекать наших новых девушек, которые молча, сидели на ближней к двери лавке.

Разогрев самовар и налив всем чаю, я начал выспрашивать их о прошлой жизни. Сначала они отвечали односложно, но потом одна из них — брюнеточка Марина, немного оттаяла и начала более связанный и подробный рассказ о своей прошлой жизни. Перед этим я немного капнул им, ну и себе, естественно, немного остававшегося у меня эликсира Дохтура.

Рассказ Марины

— Зовут меня Мариэта, фамилия Багдасарян, я армянка. Я даже и не знаю точно, сколько мне лет. Знаю только, что когда произошла катастрофа, мне было девять лет, и я была очень счастливым ребёнком. У меня был такой большой и добрый папа, а мамочка — просто чудо, заботливая и нежная, она очень меня любила.

Марина заплакала, потом вытерла рукавом слёзы и немного срывающимся голосом продолжила свой рассказ:

— То время я вспоминаю как добрую сказку. Было тепло, меня окружали красивые вещи. Было сколько угодно сладостей и фруктов. Вы не поверите, тогда я даже ела ананас и красную икру. Ананас, это такой большой, как голова, и ужасно вкусный фрукт, а икра, это такая каша, только красного цвета, говорят, её добывали из настоящей рыбы.

Знаете, у нашей семьи было целых два дома, один был очень высокий и на свой уровень мы добирались на таком маленьком, красивом подъёмнике, у нас там было четыре свои комнаты, и в них были окна на улицу, а там, представляете, было тепло и росли большие деревья. Второй дом у нас был не такой большой, но зато он находился в саду, где вокруг была пушистая зелёная трава, и тоже было много деревьев и кустов, он назывался — дача.

Мой папа был какой-то большой начальник, за ним даже приезжала с работы красивая машина. Она,

конечно, меньше, чем ваши, но в ней можно было сидеть даже впятером. Кроме этого, у папы была своя машина и даже больше приезжающей. Она была тоже очень красивая, белая как снег и с большими толстыми колёсами.

Когда произошло то кошмарное землетрясение, мы находились на даче. Все ещё спали, когда раздался страшный треск и дом начал рассыпаться. Я спала на втором этаже и проснулась от того, что рядом с кроватью упала какая-то большая деревяшка. Я испугалась и забралась под кровать. Только я это сделала, на то место, где я лежала, начали сыпаться доски и всякие осколки. Один даже пробил матрас и оцарапал мне спину. Потом в комнату пробился папа, он вытащил меня из-под кровати, и мы с ним еле спустились по лестнице вниз и выбежали на улицу. Только мы это сделали, дом рухнул, и поднялась большая туча пыли. Мама начала сильно плакать, прижимая меня к себе, а папа, несмотря на пыль, начал заводить машину. Потом он, почти что силой, усадил нас в неё, и мы поехали, как сказала мама, в город. На окраине посёлка нас пытались остановить какие-то люди, они выбежали на дорогу и начали махать руками, но папа достал свой чёрный пистолет и погрозил им. Дорога сразу очистилась, и мы поехали в город.

Ехали долго, везде были глубокие трещины, мост через речку был обрушен. Папа даже сказал, что если бы не наш джип, то мы никогда бы не доехали до города. По Ростову ехали тоже очень долго, многие дороги были завалены обломками рухнувших домов, было много пожаров и поэтому очень дымно. Наш дом был поврежден не очень сильно, было несколько больших трещин у первого подъезда, где жила моя подруга Лиза. Было разбито много окон, с крыши упало много разных кусков, ими повредило все машины, стоящие у дома и убило несколько человек. Их тела так и оставались лежать на тротуарах, везде было ужасно много крови. Меня, чтобы я этого не видела, папа на руках отнёс в наш подъезд, там было всё засыпано стёклами. Лифт не работал, и нам пришлось пешком, по лестнице подниматься на наш шестой этаж. На ней были трещины, и некоторые ступеньки были наполовину разрушены.

Когда мы попали к себе на этаж, то не смогли открыть железную дверь. Пришлось папе опять спускаться к машине и взять нужные инструменты. Дверь пришлось открывать очень долго, несмотря на то, что помогать папе вышел наш сосед дядя Миша.

Когда мы попали в свою квартиру, то мама очень расстроилась — почти все стёкла были разбиты, телевизор упал с тумбочки, везде валялись мелкие предметы, попадавшие с полок. Папа всё осмотрел и быстро уехал, а мы с мамой начали всё убирать. Это было очень неудобно, света не было, было холодно и приходилось всё делать в верхней одежде. Часа через три приехал папа с каким-то дядькой. Они поставили стёкла в два окна, остальные заколотили фанерой, после этого стало немного теплей. А когда мы затопили наш камин, в этой комнате можно было ходить даже в майке. Папа, вместе с фанерой и стеклами, привёз много больших бутылок с водой и целую сумку с консервами.

После того, как этот дядька уехал, папа усадил нас с мамой на диван и сказал, что произошла большая катастрофа, и несколько дней нам нельзя будет выходить на улицу, придётся сидеть здесь, а пищу разогревать в камине. После этого он собрался и уехал, пообещав вернуться через несколько дней — когда отменят газовую тревогу. Вот мы с мамой и сидели в этой тёплой квартире больше недели, пока он не появился.

После появления папы, вся наша жизнь начала быстро меняться, через три дня, мы собрали кое-какие

вещи и на нашей машине в большой колонне выехали в сторону шахт. Там мы жили сначала очень неплохо, еды хватало, у меня было много друзей. Иногда у нас даже были школьные занятия. Только там, где мы жили, не было окон на улицу и всё время чем-то неприятно пахло. Я называла место, где мы жили, пещеркой. Но к этому я быстро привыкла, к тому же рядом, в нашей пещере, была моя любимая мамочка.

Так мы прожили почти два года, папа на этой шахте был большим начальником, он распоряжался всеми продуктовыми запасами и именно он начал обменную торговлю с другими шахтами. Он же одним из первых вошёл в новую элиту, поэтому мы с мамой имели всё самое лучшее, а в еде ни в чём себе не отказывали. Но, постепенно, папа начал от нас отдаляться, даже мои друзья начали говорить, что у него на четвёртом уровне имеется целый гарем. Он начал у нас появляться очень редко и почти что всегда — выпивши.

Потом у нас в шахте произошёл бунт, люди просто обезумели, даже у нас, на элитном уровне, поднялась страшная суеда и даже слышалась стрельба. Так было дня два, о папе ничего не было слышно, а мы с мамой очень испугались и всё это время сидели у себя в пещерке. Но однажды раздался громкий стук в дверь, мама открыла, и к нам ворвалось человек пять. У них у всех были автоматы, и они были очень страшные и злые, громко ругались. Когда мама попыталась что-то узнать о папе, один из них стукнул её прямо в лицо. Двое из этой группы были мне известны, они работали в папином департаменте и иногда бывали у нас в гостях. После того, как мама заплакала и упала на кровать, я бросилась к дяде Рубену с криком и жалобами, но он грубо оттолкнул меня и выкрикнул:

— Молчи, ублюдочная тварь, а то я лично сверну тебе шею.

Потом он повернулся к остальным и начал распоряжаться:

— Рустам, ты с двумя брателлами, бери эту валяющуюся суку и веди её на второй уровень, к другим блядям. Если опять начнёт орать, то дай ей ещё в рыло, а если и это не поможет, то можете засадить ей, по самое не могу. Я думаю, что сегодня это ещё можно будет сделать на халяву. Только не забудьте вставить ей в рот кляп, а то она своей мерзкой слюной забрызгает все стены. А я с Кузей, пока отведу маленькую сучку к другим малолеткам на пятый уровень. Встречаемся через тридцать минут в большой столовой, вроде, Комод хочет нам ещё что-то поручить.

Человек, который ударил маму, зло усмехнулся и сказал, сильно коверкая слова:

— Слушай, дарагой, а ти что, совсэм нэ хочэшь попользоваться этим элитным мясом. А-а! Хытрый ти, наверное, брэгзгуешь тухлым мясом — хочэшь засадить свэжэнкой мартышке. Ай, нэ хорошо! С друзьями дэлиться надо, брат. Давай их обеих здэс будэм эбат. Ты как главный, будэш у нас пэрвый. Дядя Рубен улыбнулся и ответил:

— Да мне уже за эти два дня от вида голых баб, блевать хочется. Не у всех же такой чугунный член, как у тебя. А что касается этой сопли, то там, в дырку только карандаш и можно вставить, да и то весь кровью измажешься. А, сам понимаешь, что эта хата Хасану достанется, он тебе за беспорядок, учинённый в его вотчине, быстро глаз на жопу натянет и моргать заставит. Так что, давай, отводи этот мешок с говном к другим коровам и не опаздывай в столовую, а то Комод ждать не любит.

После этих ужасных разговоров (прошло уже столько лет, а я до сих пор помню их, слово в слово), он за шкуру выкинул меня за дверь, и вышел сам. Вместе с ним вышел и другой человек, которого я знала — дядя Мирза. Они пинками погнали меня к центральному стволу шахты, там, на площадке,

был установлен пулемёт, около него стояли три мужика страшного вида. Они очень грубо шутили, мы забрались в клетку подъёмника и спустились на пятый уровень. Там мы прошли по штреху, добрались до двери с решеткой, за ней увидели несколько больших помещений, это был приют для детей врагов народа. Так мне сказала надзирательница, которая встретила нас у входа. Она расписалась на листке бумаги и взяла меня у дяди Рубена. После этого кошмарного дня я никогда больше не видела не свою любимую мамочку, не своего папу.

В пещере этого приюта было очень темно, воздух был очень вонючий, у меня даже закружилась голова, и я чуть не упала. Когда я заплакала от пережитого ужаса, надзирательница, очень больно ударила меня по щеке и прошипела:

— Что, не нравится, как живут обычные люди, в обморок, гнида, падаешь? Ну, ничего, подожди, скоро забудешь свою прежнюю жизнь и жраньё из золотой тарелочки. Будешь не элитой, а грязной шлюхой для наших камрадов.

В её голосе было столько ненависти и злобы, что я не выдержала и снова заплакала, за что получила ещё один удар по щеке. Потом меня пинками заставили двигаться вглубь коридора, по обеим сторонам находились спальни и другие помещения этого центра содержания детей.

Сначала тут жили дети, эвакуированные из Ростовского интерната и Дома малютки, а затем сюда начали помещать детей врагов народа, да и просто тех, у кого родители умерли от болезней или погибли. В нашей спальне сначала было тридцать девочек моего возраста, и никто из них не верил, что я жила на элитном уровне и что папа мой распоряжался всеми продуктами шахты. Первые несколько месяцев они издевались надо мной и били меня, но потом как-то я сдружилась с несколькими девочками, особенно со Светой, и вместе с ними мы смогли дать отпор детдомовским заводилам. Тем более, детдомовские были все истощённые, часто болели и умирали. Места у нас быстро освобождались и через год нас объединили с девочками из соседней спальни, и опять, все кровати были заняты.

Примерно через полгода после этого, у нас в приюте произошли большие изменения. Всех мальчиков и самых некрасивых, уродливых девочек куда-то перевели. Оставшиеся надзирательницы, говорили, что организован новый "мясной" корпус. И если кто будет себя плохо вести, окажется тоже там, а это прямая дорога под нож мясника. Все уже знали, что из самых непослушных и буйных в мясном цехе готовят фарш на котлеты. После этих изменений у нас в приюте начались совсем чёрные времена. За малейшую провинность секли кнутом, кормили только мамалыгой из зерна и кукурузы, вывезенной с элеваторов. Нас объявили высшей школой куртизанок и приписали к сословию гейш. После этого у нас появились три новых надзирателя — мужчины. Старые надзирательницы называли их евнухами.

Было объявлено, что каждая воспитанница при достижении шестнадцати лет, если не будет продана, или передана нашей элите, будет направлена в бордель для быков. Так же было начато наше обучение, до этого никаких занятий у нас не было, просто заставляли делать всякую мелкую и грязную работу. Обучение вели обычно новые надзиратели, они буквально издевались над девочками. Например, один из них, по прозвищу Шакал, забил насмерть Таню — мою подружку. Она всего лишь плохо выполнила одно из практических заданий — минет, называется. Плохо сосала и прикусила у Шакала член — тот озверел и начал её бить деревянным кием. Обычно всегда наказывали плёткой, но в этот раз Шакал пришёл на занятие после игры на бильярде и принёс с

собой свой кий.

В последние два года кормить нас стали немного лучше, даже иногда давали котлеты. Кроме этого, два раза в месяц начали устраивать бани. А тех, которых готовили на продажу, котлетами кормили два раза в неделю и почти ежедневно давали зелёный лук или петрушку. Перед самой продажей выдали новую одежду и бельё.

Если сказать по правде, я была очень рада, когда меня продали. Уже не было никаких сил — жить на нашей шахте, и лучше принадлежать кому-нибудь из элиты, чем каждый день нюхать вонючий член надзирателя. Особенно я обрадовалась, когда узнала, что нас со Светкой продали в одну шахту. К тому же, барыга, который нас купил, был довольно добрый с нами и даже перед отъездом накормил в коммерческом кабаке.

Когда мы вас увидели, то сначала сильно испугались, подумали, что вы дикие охотники за мясом. Об этом у нас ходило много слухов, надзирательницы болтали, что только стоит удалиться от шахты, то сразу налетают эти дикари. Они очень любят свежее мясо и начинают обглаживать его прямо с живого. Связывают, надрезают вены и нацеживают себе полные стаканы крови, и ты всё это видишь. А ещё они очень любят живой мозг, особенно молоденьких девушек. Если гейша убежит от хозяина, то её обязательно поймают дикие охотники, привезут к себе в шалман, где у них стоит специальный, праздничный стол с отверстием посередине. Вот они пойманную пленницу связывают и сажают под этот стол, чтобы голова торчала наружу, потом снимают черепную коробку и ложками выедают мозг.

Поэтому, мы чуть в обморок не упали, когда вас увидели. А теперь, когда узнали всех вас поближе, то всё ещё не можем поверить, что так можно жить. Без рабов, быков и паханов. У меня такое чувство, что вы появились откуда-то из доброй сказки, где всё ещё живёт моя любимая мамочка и папа.

После этого Марина горько разрыдалась, вслед за ней всхлипывать начала и Света. Мои нервы, взбудораженные рассказом, больше уже не выдерживали, и я, прямо из фляжки, сделал пару огромных глотков. Это слегка привело меня в чувство, по крайней мере, я сообразил, что наш вездеход стоит. Забыв про обещание — сидеть в кунге и никуда не выходить, я быстро оделся и, буквально скатился по лестнице в снег. Я даже плохо помню, как опускал лестницу, надевал лыжи и ехал по направлению к грузовому УРАЛу, откуда доносился шум работающих бензопил. В ушах у меня всё ещё стояли рыдания несчастных девочек. Я плохо соображал и насчёт своего зрения, только уже подъезжая к головному вездеходу, понял, что глаз у меня начал вполне прилично видеть. Конечно не так, как раньше, но я уже начал различать небольшие детали и даже смог прочитать левым глазом надпись на ближнем кунге — Минавтодор РСФСР. Это совсем взбодрило меня и привело в почти привычное состояние.

Глава 12

Миновав грузовой УРАЛ, я увидел впереди всех наших ребят и большинство женщин. Все были заняты расчисткой проезда сквозь нагромождение ледяных глыб, которые преграждали выезд на небольшой холм. Это берег, — тут же пришла мне в голову мысль, — значит, мы уже добрались до суши. Проезд уже был практически расчищен. Я подъехал поближе и только тогда меня заметили. — Никак, Батя нарисовался, — воскликнул Флюр, — значит, будем жить!

После этого вскрика, даже те, кто еще не заметил моего приближения, бросили работать и с

улыбками начали собираться вокруг меня. По-видимому, были рады видеть, и, тем более, возник повод немного передохнуть от работы. Даже Саша, подойдя ко мне, и не вспомнил о своём указании — сидеть в кунге. Я, правда, и не дал ему возможности это вспомнить, сразу же засыпав вопросами, действуя в обычной своей манере — лучшая защита, это нападение. Главное — поставить собеседника в позицию объясняющегося или оправдывающегося. Как правило, после этого он забывает о своих претензиях или не считает нужным их высказывать. Поэтому, я сразу же спросил у Саши:

— Слушай, а вы здесь уже много наковыряли, сколько же мы тут стоим? Что-то я в кунге с девчонками заговорился — совсем выпал из реального времени.

— Батя, не волнуйся, стоим недолго — меньше полутора часов. Просто народ засиделся и вышел размяться, поэтому и, кажется со стороны, что здесь ведётся гигантская работа. На самом деле, если здесь работать вчетвером, то выезд на берег запросто пробить часа за два. А тут, буквально каждый хочет поработать бензопилой или ломиком, даже небольшая драчка происходит за инструменты. В этот момент в наш разговор вмешался подошедший Игорь, он, с профессионально строгим выражением лица лечащего врача, заявил:

— Ты зачем покинул лазарет? Работать тебе пока нельзя, нужно ещё дня два отлежаться, только тогда можно будет понять, действует ли на тебя моё лечение.

— Да действует, Дохтур, действует! Особенно твой эликсир, у меня остались только жалкие капли. И, заметь, я вынужден делиться своими ничтожными запасами и с нашими новыми девушками. Приходится их успокаивать, просто чай помогает мало.

И я вкратце рассказал о воспоминаниях Марины. Сразу же со стороны наших дам послышались сочувственные возгласы, а мужчины просто насупились и только Коля матюгнулся. Потом Саша предложил:

— Батя, а давай-ка, попробуй снять у них стресс вкусной едой. Говорят, что для женского пола, это лучший метод. Такой же, как для мужского — сто грамм.

— А что, надо попробовать, — воскликнул я, — может действительно, старые кошмары немного позабудутся, тем более, девчонки молодые, и новые впечатления должны задавить всю ту грязь, которую они пережили.

Я посмотрел на Игора и спросил:

— Что по этому поводу думает медицина?

Он усмехнулся и ответил:

— Да, что тут думать! Хорошая и вкусная еда, ещё никому не навредила, тем более, психическому здоровью, особенно в их ситуации. По моим наблюдениям, в старые благополучные времена, стрессы и депрессионные признаки были, в основном, у той части женщин, которые изводили себя диетами. Что-то я не помню, чтобы дамы с хорошим аппетитом страдали нервными расстройствами. Поэтому, Батя, можешь смело подкормить их деликатесами.

После этих слов я повернулся к Володе, усмехнулся и произнёс:

— Ну что, Интендант, слышал, что медицина говорит? Придётся, Вовик, тебе потрясти свои запасы. Давай-ка, выделяй мне на благородное дело полкилограмма икры и ещё, пожалуй, банку ананасового компота. Вроде бы, у нас он оставался, Макс же не мог слопать его весь?

Володя улыбнулся, и ответил:

— Да ты что? Основной потребитель компотов у нас, это Рита, но ей и положено — всё-таки она кормящая мама. Да и икру сейчас даём только детям, ну, естественно, ещё и Рите. Хотя, может быть нужно по бутерброду в день выдавать всем. А то, боюсь, когда доберёмся до тёплых мест, она, да и осетрина тоже, могут быстро испортиться. А этого добра у нас ещё много, можно только икрой и рыбой кормится две недели.

Я посмотрел на стоящую рядом Машу и сказал:

— Слышала, что наш интендант сказал, давай-ка теперь в питании использовать только рыбу и икру. А то, действительно, если всё пойдёт нормально, то через две недели мы можем оказаться уже в плюсовой зоне. И будет жалко, если вся эта вкуснота пропадёт.

После непродолжительного обсуждения нашего меню, в котором приняли самое живое участие все присутствующие, я хлопнул рукой по плечу Володи и предложил ему:

— Ладно, хватит тут стоять, лясы точить, пошли-ка, дружище, за икрой. А то я знаю нас, про жраньё мы готовы трепаться часами. А дело то, между прочим, стоит, нужно дальше двигаться, а то так наговоримся, что лёд на море растает.

Этой фразой я сразу остановил начинающийся спор о вкусовых преимуществах севрюги над осетром. Все сразу вспомнили о прекращённой работе и начали возвращаться к брошенным инструментам. Вместе с Володей к вездеходам направился и Игорь, мне он на ухо шепнул:

— Батя, для релаксации девчушек, так уж и быть, выделю тебе грамм сто эликсира. Но смотри, сам им не увлекайся. А часа через четыре, готовься к процедурам.

Когда мы уже немного отъехали, нам вслед раздался крик Саши:

— Мужики, вы потом уже расходитесь по своим местам, нам осталось тут работы минут на десять, максимум, как доделаем, так сразу и тронемся.

Я покатил сразу к своему кунгу, Володя направился набирать продукты, а Игорь, заглянув в кабину заправщика, поехал к ГАЗону. Наивный, он всё ещё не догадывался, что все прекрасно знают, где стоит его бутылка с эликсиром. Возле лестницы в кунг, я встал и закурил свою первую за этот день сигарету. Было печально сознавать, что это я смогу сделать ещё не более семи раз. Именно такое количество сигарет раздал Володя из своих последних запасов. Как только я докурил, появился и Интендант с пакетом, в котором были обговорённые продукты. Пока мы с Володей сетовали на нехватку курева, появился и Игорь, послушав нас, он глубокомысленно изрёк:

— Курить — здоровью вредить! Лучше выпить водки литр — чем сосать эту гадость. Так что, исчезновение табака — это очень даже хорошо. Особенно для тебя, Батя — процентов на пятьдесят, твои проблемы с глазом вызваны именно курением. На вон, возьми обратно свою фляжку, если уж станет совсем невмоготу, без курева, то разрешаю тебе сделать глоток эликсира.

Пока мы так стояли, беседовали, звуки работающих бензопил прекратились, и вскоре показались фигуры ребят, нагруженных инструментами. Увидев это, мы закончили наше балаболство, и я, захватив пакет с продуктами, поднялся в кунг.

Когда я вошёл, то увидел, что Марина и Света, как сидели, так и продолжали сидеть на тех же местах и молчали. В чашках у них всё ещё оставался налитый мной чай. Лица у обоих были несколько припухшие, а глаза красные, наверное, от бурных рыданий. Если прямо сказать, от этих звуков я и сбежал на улицу к ребятам. Девочки на все мои вопросы отвечали неохотно и односложно, поэтому, чтобы их растормошить, я решил, как говориться — брать быка за рога. Опять поставил

разогреваться самовар и выложил на стол принесённые продукты. Кстати, до этого девушки сидели без света. Электричества не было, так как УРАЛ был заглушен и ресивер, через который шла подача электричества, отключен.

После того как самовар вскипел, я вновь налил девочкам чаю, с изрядной добавкой эликсира, а также поставил перед каждой по блюдцу с чёрной икрой и кольцами ананаса.

— А что это за еда, — удивлённо спросила Марина?

На этот вопрос, я торжественно объявил:

— Это Мариночка, исполнение твоих мечтаний о вкусной пище. Помнишь, ты говорила, что в детстве пробовала ананас и икру и, что ничего на свете не может быть вкуснее этого. Так что, твоя мечта исполняется и даже с превышением. Черная икра гораздо вкуснее красной и более редкая. А кружочки, которые лежат на блюде — это ананасы. Они уже очищены от кожуры и туда добавлен сахар.

Поставив им на стол тарелку, наполненную кусками копчёной севрюги, я продолжил:

— Так что, милые мои, кушайте на здоровье и будьте уверены — ваши кошмары остались в прошлом. Теперь вас никто не сможет обидеть, у вас появились такие защитники, что любому бычьёму быстро холку надерут. Да вы и сами видели, что мы сделали с преследовавшими нас быками, а их было гораздо больше, да и вооружены они были лучше. Так что, с нами можете ничего не бояться, мы вас никому больше не отдадим. Лучше думайте о хорошем, о том, как вы будете жить дальше на новом месте — в тепле, среди пышных деревьев и зелёной травы.

После моего монолога девушки с жадностью набросились на выставленные угощения, минут за десять все тарелки оказались пусты, а чай выпит. После этого, обе девчушки порозовели, а в глазах появилось что-то доброе и открытое. Они уже не выглядели как загнанные в угол два забитых хорька.

Про себя я подумал, — нужно, пока они такие расслабленные, дать возможность и Свете, выговорится. Лучше, чтобы она смогла именно сейчас, когда всё хорошо, выплеснуть на кого-нибудь весь негатив, скопившийся за прошлую жизнь. Мне казалось, что поделившись своими страшными воспоминаниями с сочувствующим ей человеком, Свете будет гораздо легче, и в дальнейшем она будет общаться с людьми, без вечного ожидания от них какой-нибудь каверзы. Поэтому я, минут через десять, после того как они поели, обратился к Свете с вопросом:

— Малышка, а теперь ты поведай о своей прошлой жизни. Видишь, я как добрый волшебник, исполнил высказанные желания Марины. Я сделал всё, о чём она мечтала, только мне не под силу — вернуть её папу и маму.

Света посмотрела на меня и вдруг разрыдалась, сквозь эти всхлипы я смог разобрать только несколько фраз, она срывающимся голосом причитала:

— Марине хорошо, у неё были родители, да и вспомнить есть что — хорошее из прошлой жизни. У меня родителей не было, как себя помню, я всё время жила в интернате. А там нас постоянно обижали или старшие, или воспитатели. Меня очень часто наказывали и никогда не кормили ничем вкусным, и никто никогда не дарил мне подарков. После катастрофы моя жизнь мало изменилась. Те же побои, только теперь от надзирательниц, питание только немного стало хуже. Единственное, чего мне очень не хватало — это улицы. Все-таки, в детском доме мы большую часть времени проводили, играя во дворе. Так что, рассказать мне почти не о чём, а как мы жили в шахте, уже рассказала

Марина.

Дальше я уже не мог ничего разобрать, плач усилился, к нему опять присоединилась Марина. Пришлось мне действовать уже опробованным методом. Я включил самовар, дождавшись кипятку, заварил чай, потом разложил остатки икры и расставил всё это перед девушками. Они, всхлипывая, всё равно потянулись к кружкам, а я, чтобы не мешать такому самоуспокоению, начал думать, как бы мне самому успокоиться. Читать и работать с ноутбуком с одним глазом я не мог, да и Дохтур делать это не рекомендовал. Поэтому, уселся к окну и достал, принесённую Сашей, подзорную трубу. Надев на неё светофильтр, чтобы яркий свет не слепил мой здоровый глаз, я начал осматривать проплывающую мимо панораму. Понятно, что кроме заснеженного простора, я там увидеть ничего не мог. Но доносящийся скулёж настолько выматывал мою нервную систему, что я был готов занять себя чем угодно, лишь бы не слышать этих всхлипов.

Так я сидел, высматривая в этом белом просторе хоть что-нибудь, за что можно было зацепиться взглядом. Конечно, я не постоянно вглядывался в подзорную трубу, периодически прерывался и посматривал на девушек, всё ждал, когда они успокоятся, и я смогу улечься и, все-таки, попытаться уснуть. Этого ждать пришлось больше получаса. И вот, когда они уже практически затихли, я подумал, что пора и мне на боковую, только решил в последний раз глянуть в подзорную трубу. Основное развлечение у меня при этом занятии было, попытаться разглядеть на небе пролетающие спутники и вычислить время по положению Солнца. Одним словом, пустое занятие, за всё время я так и не увидел ни одного спутника, да и время не смог точно определить. Вот и в этот раз, я сначала посмотрел в небо, затем на угол наклона Солнца и только потом начал осматривать окружающую местность.

Практически сразу моё внимание привлекло какое-то мельтешение. Увеличив до максимума разрешающую способность трубы, я смог разглядеть торчащий из-под снега шест, на конце которого болталась какая-то тряпка. Когда я пригляделся, то смог разобрать, что она двухцветная, и я подумал, что, скорее всего, это истрёпанный ветром флаг. Путём нехитрых умозаключений пришёл к выводу, что это бывшая Украинская погранзаства. Ведь мы двигались уже по Украинской территории, и по карте никаких населённых пунктов здесь быть не должно.

Обнаружение этого объекта меня весьма заинтересовало. Я, как обычно, сразу начал размышлять о том, что там полезного можно обнаружить. После недолгих раздумий, решил, что нам нужно обязательно туда заглянуть. Крюк не очень велик, а результат посещения мог оказаться очень даже результативным. Во-первых, застава должна быть полностью автономна и, поэтому, там могут быть и консервированные продукты, да и топливо, наверняка, имелось в большом количестве. Всё это могли и не растащить после катастрофы, так как застава находилась практически на уровне моря, и отравленный вулканический газ должен был здесь иметь максимальную концентрацию. Если даже пограничники имели много противогазов и картриджей к ним, то, наверняка, тут прошла волна цунами, пускай и не очень большая, но после неё, оставшиеся в живых, скорее всего, спешно эвакуировались. А при тогдашнем бардаке вряд ли кто-нибудь смог сюда вернуться за оставленными продуктами и топливом. Этого добра тогда было полно и в полуразрушенных городах. Конечно, только для тех, кто был вооружён и дисциплинирован.

Проанализировав всё это, я тут же поднял трубку связи с кабиной, там бодрствовал Николай, я, ничего ему не объясняя, распорядился:

— Мастер, давай-ка, помигай дальним светом, нужно сделать остановку!

— Что, укачало, свежим воздухом подышать захотелось, или от девчонок сбежать хочешь? — съехидничал он.

— А вот остановимся, тогда ты всё и узнаешь, — ответил я. Потом добавил:

— Остряк-самоучка, несчастный!

Минуты через три после обмена этими любезностями, вездеход остановился. Я, быстро одевшись, спустился по лестнице на последнюю ступеньку. Со всех сторон спешили наши водители. Кроме этого, открылась дверь женского кунга, и оттуда начали спускаться наши дамы.

Первые добравшиеся до кунга и, особенно Коля, начали требовать объяснений, этой спешной остановки. Успокаивая их любопытство, я заявил:

— Да подождите вы несколько минут, сейчас подойдут остальные, тогда я всё вам доложу. Вы же знаете, Дохтур выписал мне больничный, и много болтать я не могу.

Когда все собрались вокруг меня, я, чтобы заглушить работающий дизель УРАЛа и возгласы окружающих, начал выкрикивать:

— Произошло чудо! Ваш полуслепой предводитель смог углядеть весьма интересный объект. Это может быть брошенная погранзастава наших Украинских братьев. А там, кроме сала и тушёнки, наверняка осталось топливо, да и оружие, скорее всего, имеется. Давайте-ка, подыдемся в помещение, там, в подозрную трубу вы сами сможете всё увидеть.

Вылезший вперёд Флюр, помахал захваченным с собой биноклем и прокричал:

— Батя, ты укажи направление я и отсюда всё увижу.

На что я заметил:

— Да ладно тебе, Хан, хвастаться, все и так знают, что ты — зоркий сокол. Но зачем мучиться?

В кунге гораздо удобнее, во-первых, подозрная труба гораздо мощней твоего бинокля, к тому же, она укреплена на штативе и не дёргается. Во-вторых, окно там находится высоко над снегом и горизонт далеко, и, наконец, там тепло.

После этих слов я повернулся и начал подниматься в кунг, следом за мной потянулись и остальные.

Когда все собрались в помещении, там можно было только стоять, небольшой свободный пятючок образовался только у окна, где была установлена подозрная труба. Первым к ней подошёл я и установил её так, чтобы был отчётливо виден обнаруженный мной флашток. Затем, каждый посмотрел в окуляр, и мы начали обсуждать увиденное, это заняло не очень много времени. Каждый был не против, посетить эту заставу, тем более, кроме возможной добычи, это обещало, какое-никакое развлечение в нашей монотонной жизни.

К месту, где торчал из-под снега шест с остатками флага, мы подъехали примерно через час. Мои предположения, о том, что в этом месте располагалась пограничная застава, похоже, подтверждалось — недалеко от флаштока можно было разглядеть, наклонённую к земле, но не совсем упавшую, сторожевую вышку. Она была сварена из железных уголков, которые, под воздействием цунами или сильного ветра, выгнулись, и теперь из-под снега было видно только боковую часть стойки и меньше половины площадки. По-видимому, когда-то вся эта конструкция сложилась параллельно земле, на уровне 4–5 метров, и сейчас слой снега, лежащий на железных уголках этой ажурной конструкции, образовал замысловатые фигуры с проёмами и перепадами по высоте.

Остановились мы недалеко от останков этой вышки, после этого, практически все, надев лыжи,

собрались возле грузового УРАЛа. И уже там начали обсуждать дальнейшие наши действия. Перед этим, каждый внимательно осмотрел прилегающую территорию и теперь имел собственное мнение по поводу возможного размещения складов и других интересных объектов.

Моё внимание, прежде всего, привлёк самый высокий снежный холм. По длине он подходил под виденные уже не раз, занесённые снегом ангары. Но ширина его была раза в два меньше, чем откапываемые нами ранее подобные строения. Поделившись своими наблюдениями с окружающими, я услышал много мнений, которые суммировал Флюр, заявив:

— Да от хохлов что угодно можно ожидать, они, в пику москалям, могут и ангар в два раза уже сделать. Пускай неудобно — но зато своё, самостийное. С тобой, Батя, я согласен, в первую очередь, откапывать надо этот большой холм, к тому же, его верхушку легче всего освободить от снега. Одна серия из ручного гранатомёта — и можно туда влезать. Вторую серию гранат надо выпустить по второму большому холму. Это наверняка двухэтажная казарма, просто у неё снесена крыша, поэтому мы не видим фронтонов. На вот, посмотри туда, в бинокль, и ты увидишь тонкие обломанные деревяшки, торчащие из-под снега.

— А смысл тогда — кидать туда гранаты? — удивился я. — Проще же, выкопать у стены шурф и влезть в здание через окна.

— Да это я так, пошутил, — ответил Флюр. Улыбнулся мне и продолжил:

— Просто, надо же потренироваться с новым гранатомётом, вдруг, он ещё пригодится, тем более, гранат к нему — море, а пострелять хочется. К тому же, глядишь, это окажется не лишним. Вдруг, на глубине снег обледенел, и его не возьмёт снегоуборщик? А гранатами мы там всё хорошо разрыхлим, и наша "Хонда", в течение часов трёх-четырёх, сможет откидать снег до какого-нибудь окна второго этажа.

На его слова возмутился уже Володя, по-видимому, нутро интенданта не могло выносить этой бесцельной траты имущества. От избытка чувств, у него даже раздулись ноздри, и он, буквально выплеснул своё негодование:

— Какая-то у тебя, Хан, ущербная логика, если следовать ей, то нужно здесь испытать и новый миномёт?

— А, что, — ухмыльнулся Флюр, — ты, Вова, начинаешь правильно мыслить.

Я остановил начинающую перепалку:

— Ладно вам вести себя как два упрямых барана. Нам дело нужно делать, а не лясы точить. Значит так, решаем, что по предполагаемому ангару выпускаем очередь из гранатомёта, а потом, если сразу не проблем дыру в корпусе, вручную, лопатами очищаем нужное нам место от снега. По строению, работаем традиционным способом — роем снегоуборщиком траншею у стены здания.

После этого моего вердикта, который никто не оспаривал, началась подготовительная суэта. Саша с Флюром направились к ТТМу, они хотели прямо на нём подъехать к предполагаемому ангару и, используя его как укрытие, обстрелять этот снежный вал. Все остальные направились под защиту наших кунгов. Отцепив прицеп, ребята приблизились к самому большому снежному холму, и через некоторое время начали раздаваться хлопки от взрывов гранат. Потом над местом обстрела поднялась снежная пелена.

Когда взрывы прекратились, я вместе с Колей и Володей направились к ТТМу, а остальные занялись съёмкой "Хонды" с саней и перегонкой её к месту работ. Все женщины к этому времени ушли

каждая в свой кунг: девушки водители — передохнуть, а Маша с Галей и Ириной — готовить обед. Мы подошли к ТТМу, забрались в него и подождали минут десять, пока осядет снежная завеса. Когда стало видно окружающую местность, вылезли из кабины и подкатили к отчётливо видной на фоне белого снега части металлической поверхности ангара. Мы с собой захватили необходимые инструменты и небольшой бензогенератор, поэтому, практически сразу приступили к расширению отвоёванной у снега металлической поверхности, это мы делали лопатами. Потом Николай болгаркой вырезал большое отверстие, и мы осветили это подснежное пространство пятью фонарями и мощной электрической лампой. После этого, начали с большим интересом оглядывать открывшуюся картину.

Внутренне я был очень горд собой, все мои досужие предположения блестяще подтверждались. Это действительно был ангар, но он был деформирован каким-то мощным внешним ударом. Но воздействие было не настолько сильным, чтобы вырвать из бетона железные балки и полностью уничтожить это строение. Ангар первоначально имел полукруглую форму, но сейчас, то место, где мы выпилили отверстие, напоминало смятую наполовину консервную банку. По-видимому, волна (а больше я ничего не мог представить, исходя из видимых разрушений) наибольший удар нанесла на эту часть ангара. Скорее всего, он располагался углом к ходу волны, и основной удар пришёлся на эту часть строения. Дальняя от нас часть ангара пострадала гораздо меньше и продолжала сохранять овальную форму.

Недалеко от того места, над которым мы проделали большое отверстие, лежал на боку, придавленный боковой стеной, ГАЗ-66. Чуть дальше, в сторону ворот, находились, вмятые в бок друг друга, два ЗИЛ-131, а после них стояли, практически не повреждённые, ещё два ГАЗ-66, КРАЗ со здоровенной цистерной и, наконец, возле самого выезда, вездеход УРАЛ на шинах низкого давления. При этом вездеходный УРАЛ стоял перекошенный, передняя резина у него отсутствовала. По-видимому, шины не выдержали морозов и лопнули, скорее всего, передняя ось испытывала большую нагрузку, чем две задние. Кстати, в кузове одного ГАЗ-66 находилась, установленная на колёсном станке, ЗПУ-2 (спаренный крупнокалиберный зенитный пулемёт КПВ калибра 14,5) Увидев этот пулемёт, Саша загорелся идеей немедленно спускаться в ангар и начинать его детально обследовать. Но этому очень активно воспротивился Володя, он на это предложение заявил: — Кот, не гони лошадей, сам знаешь, когда нужна спешка. Ты лучше приляжись, чувствуешь, бензинчиком пахнет. Лучше немного подождать, пока там немного проветрится. А то, не дай бог, бензиновые пары сдетонируют.

— Да не гони волну, Интендант, — ответил ему Саша, — тут такой объём помещения, и уже прошло столько лет, что концентрация паров ничтожна, и они действуют только на изнеженные носики. Сашу с идеей немедленного спуска вниз горячо поддержал Флюр, и, в принципе, был не против этого Коля. Пришлось в этот спор вмешаться мне, я сказал.

— А что, Володя прав, зачем нам нужно спешить? Скоро будет готов обед. Лучше мы сейчас здесь наверху всё подготовим, а уже после обеда, с чувством, толком, с расстановкой, внимательно все внизу обследуем. Как раз за это время, через проделанную нами дырищу, там хоть немного проветрится.

Словами о скором обеде я полностью убедил всех не дёргаться и не торопить события. После этого мы, уже неторопливо, начали проводить подготовку для спуска вниз. Коля принёс верёвки, а мы

вырубили в снегу ступеньки для подъёма на холм и нормально установили генератор. Когда Коля с Флюром молотками подгибали острые края обшивки ангара, появилась Галя. Она громко и призывно прокричала:

— Мальчики, заканчивайте, пора обедать!

После этого мы быстро закончили все дела и направились на долгожданный обед.

Он, опять, был исключительно рыбным, но все этому были только рады. Осетрина и икра ещё не успели никому надоесть. Рыбу ели, можно сказать — от пуза. Во время обеда основной темой была, конечно, информация о содержимом ангара. Особенно всех вдохновил стоящий там КРАЗ с большой цистерной. Только и было разговоров о том, как было бы здорово, если там будет залито дизтопливо. Не меньший интерес вызвал и вездеходный УРАЛ. Особенно восторженно о нём рассуждал Николай. Он, прям, горел желанием его осмотреть и завести, и, если с двигателем и ходовой всё нормально, то присоединить его к нашему каравану. Тем более, что у нас были запасные шины низкого давления. Их сняли с сожжённого нами УРАЛа. Идею Коли активно поддерживали и Саша с Флюром, у них был свой интерес. Они хотели забрать с собой найденную ЗПУ-2, почему это необходимо было сделать, Саша объяснял так:

— Сами понимаете, в новых условиях нужно быть готовым к отражению воздушной атаки. Да и по наземным, легко бронированным целям пулемёт Владимирова работает тоже неплохо. Это показал Афган, да и лицензии на его производство, проданные в другие страны, говорят о его возможностях. Дальность выстрела у него, по моему — 7–8 километров, и на всём этом отрезке пуля сохраняет убойную силу. Прицельная дальность, конечно, поменьше, всего километра два, но для нас — более чем достаточно.

На его тираду я ответил:

— Санёк, да возьмём мы этот пулемёт! Не волнуйся, если только в цистерне КРАЗа окажется топливо, то обязательно захватим ЗПУ с собой. Даже не важно, что окажется в цистерне — бензин или солярка. Если там будет солярка, то станем реанимировать УРАЛ, если же бензин, то тогда будем приспособливать имеющиеся шины низкого давления к ГАЗ-66, или к ЗИЛку. К тому же, тара для перевозки топлива там имеется, я видел несколько бочек, стоящих в самом углу ангара.

В результате всех этих разговоров, желающих спустится на обследование в ангар, было больше, чем достаточно. Каждый пытался доказать, что именно он будет там внизу очень полезен.

Меня Игорь сразу же попытался исключить из претендентов на эту работу:

— Батя, а ты вообще, по идее, должен остаться отдыхать в кунге, тебе часа через два, пора проводить процедуры.

Я возмутился и ответил:

— Вот когда нужно будет, тогда и будешь колоть, а сейчас, наоборот, нужно больше двигаться на свежем воздухе. Тем более, сейчас тепло, всего -12 градусов. К тому же, я никаких тяжёлых физических работ не веду, просто хожу, наблюдаю. Глядишь, смогу что-нибудь полезное посоветовать. А в ангаре, тем более, работа как раз для меня, ходи там себе и всё осматривай, никакой тебе физической нагрузки. Единственная трудность только, подниматься по верёвке наверх, но тут ребята помогут, если что — быстро вытащат, остаётся только привязать себя покрепче. Вот тебе там делать точно нечего — представляешь, ты на руках выберешься наверх по верёвке, руки у тебя сильно устанут, и, может быть, даже начнут дрожать, а тут нужно будет делать мне укол в глаз.

Нет, Дохтур, твои руки надо беречь, не перегружать их — вот ты и оставайся в кунге.

После всех этих оживлённых дебатов мы, всё-таки, договорились, что в ангар полезут все те, кто что-нибудь понимает в технике. Сергей с Максом остаются работать на снегоуборщике, а Дохтур дежурит возле вырезанного отверстия и боится людей, поднимающихся из ангара, а так же передаёт туда необходимый инструмент. Помогать Игорю, приносить и опускать затребованные инструменты, должны были наши девушки.

Как только этот бурный обед закончился, наша большая группа, захватив электротехническое оборудование для установки освещения, а так же все те вещи, которые, несомненно, должны были понадобиться для запуска автомобилей, направилась к ангару. При спуске вниз, у вырезанного проёма образовалась целая очередь. Меня, как болящего, заставили надеть монтажный пояс, зацепили его за канат и опустили вниз, прямо в руки Саши и Флюра.

Пока Саша принимал, передаваемые сверху грузы, мы с Флюром сразу же направились к КРАЗУ. Ведь всех без исключения интересовало в первую очередь содержимое цистерны. По пути мы нигде не задерживались и ничего не осматривали. Даже возле ГАЗ-66, с пулемётом в кузове, Флюр прошёл не останавливаясь. Добравшись до КРАЗа, Флюр, каким-то немислимым образом, в несколько прыжков оказался на цистерне, рядом с выступающей горловиной. Затем, открыв крышку, он заглянул внутрь цистерны. Всё, последующее за этим, походило на какое-то представление при освещении моего мощного аккумуляторного фонаря. Увидев содержимое, Флюр подпрыгнул и громко что-то прокричал, потом, захлопнув крышку, он исполнил, прямо на цистерне, какой-то зажигательный татарский танец, чем-то похожий на джигу. Мне и без слов стало ясно, что нас можно поздравить с находкой большого запаса топлива. Но я, всё равно, дождавшись, когда Флюр закончит бесноваться, спросил:

— Ну, что там? Хан, не томи душу — скажи, не зря мы сюда забрались?

Флюр с улыбкой посмотрел на меня и ответил:

— Да ты что, Бать! Тут почти полная цистерна солярки — тонн восемь, наверное, есть. А если ещё и УРАЛ поставим на ход и загрузим этим топливом, то нам — нафиг не нужна Констанца и её нефтяные терминалы. Тем более, там пришлось бы мудрить с перегонной установкой, и неизвестно, сколько бы мы на этом потеряли времени. Скорее всего, пришлось бы нам летовать где-нибудь в Румынии, и жрать местную мамалыгу.

После этого он пропел:

— Не нужен нам берег Турецкий...

— И Греция нам не нужна!

И, очень довольный собой, в два прыжка, спустился ко мне. После этого, мы, оглядев эту сторону ангара, направились обратно к Саше. Он всё ещё принимал опускаемый сверху груз. Увидев нас, сразу же спросил у меня:

— Ну, что там Хан прыгал и кричал, видать, нас можно поздравить?

Но вперёд, как и обычно, успел вылезти Флюр, он и ответил:

— Живём, Кот, там — соляры, хоть задом ешь! Теперь можно напрямик двигать к Босфору.

Чувствую, что всё-таки этим летом я обмою свои бедные волосатые ноги в тёплом океане.

Саша хмыкнул и вопросительно посмотрел на меня. Как бы отвечая на этот невысказанный вопрос, — что будем делать дальше, — я начал распоряжаться. Глядевшим на нас сверху ребятам, я

крикнул:

— Всё нормально, топливо здесь есть. Сейчас пускай сюда спускаются Мастер и Граната — они займутся УРАЛом, а остальным тут нехрен делать. Теперь у нас новый приоритет — нужно будет откапывать ворота в ангар, и разбивать лагерь. По-видимому, нам придётся здесь побыть дня 3–4. Да, и ещё, я здесь тоже не нужен, поэтому, подождите, я сейчас гляну на другую сторону ангара, и меня можно вытаскивать наверх.

После этого я, обращаясь уже к Саше, сказал:

— Думаю, вы тут вчетвером справитесь с УРАЛом. Пулемёт пока трогать не надо, главное для нас сейчас, это завести и поставить на колёса УРАЛ. Кстати, если будет время, поищите ещё бензинчику, наверняка, он здесь присутствует — хотя бы в баках грузовиков. А то, чувствую, снегоуборщик и генераторы за это время, здорово уменьшат наш запас. А сейчас пойдём со мной, проверим ангар за этим опрокинутым Газоном, а Флюр пускай тут постоит, попринимает груз, да и спускающихся ребят подстрахует.

Чуть не споткнувшись, об опущенный Сашей сверху и отставленный в сторону большой аккумулятор, я, первым, направился в наполовину сплюснутый конец ангара. Пробираться туда пришлось между стеной и опрокинутым ГАЗ-66. Когда я пролез в эту щель, то увидел, что метров через семь ангар заканчивался выгнутой и прорванной в нескольких местах металлической полусферой. Половина из этих семи метров пути была засыпана снегом, толщина сугроба у самой прорванной стены была метра два, а всё свободное от снега пространство было забито рассыпанными бочками, какими-то банками и двумя цистернами на колёсах, ёмкостью по две с половиной тысячи литров. Одна из этих цистерн, так же, как и ГАЗ-66 была опрокинута, только она лежала, практически, вверх колесами, полностью приняв горизонтальное положение, помешала, лежащая под ней бочка. Дополнительным мазком к этой картине полного разгрома был вид, торчащей из-под снежного сугроба части, по-видимому, патрульного квадроцикла. Немалый колорит всему этому бардаку придавало освещение — два луча от наших фонарей постоянно перемещались и освещали попеременно разные участки ангара.

Попробовав двинуть ногой ближайшую бочку, я убедился, что она пустая. Мы, вместе с подошедшим Сашей, освободили от этих бочек проход к опрокинутой на бок цистерне. Первым к ней приблизился Саша, всё внимательно осмотрев, он повернулся ко мне и сказал:

— Теперь понятна причина, почему в ангаре пахнет бензином. Он вытек из цистерны. Эти обормоты плохо закрыли крышку, и от удара, когда она опрокинулась, открылась защёлка. Полная безалаберность служак с этой заставы, так как на самом корпусе я не вижу ни одной пробоины. Пока Саша освобождал проход к другой цистерне, я не утерпел, встал на колени и тоже заглянул в распахнутую крышку цистерны. Там было сухо, как в пустыне Сахара, но дух бензина стоял такой, что меня даже повело. Я поспешно вскочил на ноги и поспешил к Саше, который уже залез на вторую цистерну и сейчас вскрывал захваченной монтировкой защёлку крышки заливной горловины.

Наконец, с трудом помогая себе монтировкой, мой зятьёк открыл крышку и заглянул в цистерну. Потом он опустил внутрь руку с монтировкой, но, практически сразу же, выдернул её обратно. Затем он начал внимательно оглядывать монтировку, обнюхивать её, и даже, по моему, хотел лизнуть кончик этой железки, но потом передумал — наверное, сообразил, что даже при теперешней

температуре прикоснуться языком к холодному железу не есть хорошо. Он, в этот момент, очень напоминал кота, который исследует незнакомый, но соблазнительный и вкусно пахнущий предмет. При таком сравнении, я громко рассмеялся. Саша выпрямился, опустил монтировку, повернулся ко мне и недоумённо спросил:

— Ты, что, Батя, какая муха тебя укусила?

Сквозь смех, я объяснил ему, как это выглядит со стороны. Он ухмыльнулся:

— А ты как думал? Не зря же мне в спецуре такую кличку дали — значит, есть за что.

Потом, он, уже серьёзно, продолжил:

— Эта цистерна, наполовину полная. Сначала-то я не сообразил, что там залито — запах из предыдущей бочки, напрочь отбил у меня обоняние. Но сейчас нос, вроде бы, приходит в норму, и я уже могу определить, что здесь залит керосин. Единственно, не могу понять, зачем на заставе столько керосина?

— А, что тут непонятного? — удивился я и попытался дать этому объяснение:

— У них же здесь полно дизельной техники, ещё, наверняка, и электричество они получали от дизельгенератора. А, если помнишь, катастрофа произошла в конце осени, впереди ожидалась минусовая температура, вот они и набрали керосина, чтобы добавлять в солярку — готовить зимнее топливо. Это и для нас, очень даже неплохо, сам знаешь, у нас керосина осталось всего-то, литров тридцать. Кстати, Кот, я вот думаю, эти цистерны — нам весьма кстати, если мы срежем их с телеги, то можем спокойно установить их в кузов УРАЛа, и не нужно будет возиться с кучей бочек. Не понятно только, как вытащить цистерны из этого тупика? Наверное, когда откопаем ворота, придётся буксиром тащить всю эту технику наверх. Да! Времени это займёт много, с одним опрокинутым и придавленным стеной ГАЗ-66, наверное, придётся возиться часов пять, не меньше.

Саша высказал, как он видел ситуацию:

— Батя, ты меня удивляешь! Зачем мучиться! Вырежем сверху крышу этого ангара и краном УРАЛа вытащим эти цистерны наружу.

— Так, с такой глубины, он не сможет ничего вытащить. Длины троса не хватит.

— Говно, вопрос! Зацепим тросом и каким-нибудь вездеходом подтащим цистерну к поверхности, а затем уже, краном, выдернем её и установим на УРАЛ.

Я промолчал, как бы соглашаясь с этой идеей, а Саша, меж тем, продолжал высказывать свои мысли:

— Нужно и квадроцикл вытаскивать и загружать в кузов. Если доберёмся до мест, где нет снега, он может весьма нам пригодиться. На нём будет очень удобно производить разведку местности. Да, что и немаловажно, он сэкономит нам много топлива. А если Интендант с Мастером покумекают, то и для передвижения по снегу смогут его переделать. Уж очень мне понравились аэросани

Секретариата.

Нашу беседу прервали призывные крики Флюра, мы немедленно бросились к нему. Когда пробрались к месту, где он стоял, то увидели, что с Ханом всё нормально, и он собирается издать ещё один громкий клич.

— Ты, что орёшь, — возмутился я, — не даёшь нам спокойно всё изучить? Мы, между прочим, там делом были заняты, к тому же, обнаружили тонны полторы керосина.

Флюр, несколько обескураженный моими нападками, ответил:

— Я-то тут причём? Просто, ребята наверху уже задубели — тебя ждать и попросили напомнить о

твоём обещании, через пять минут тут появиться. Правда, если ты сам хочешь лезть наверх по верёвке, то я им крикну, чтобы шли заниматься делом, а не куковали там бесцельно.

Виднеющиеся в вырезанном проёме лица Николая и Игоря, выражали одобрение и истинное наслаждение речью Флюра, только Граната слушал недоумённо эту короткую перепалку. Первым пошёл напятную я, сказав:

— Ладно, замяли для ясности, лучше скажи, почему Мастер и Граната не спустились к тебе. Я уж думал, что вы, всю, занимаетесь УРАЛом.

— Так, стоят, ждут, чтобы тебя вытаскивать.

— А что, другие там обессилили совсем?

— Володя с Валерой и Михой пошли устанавливать УРАЛы и обустроить лагерь. Володя говорит, что с этим нужно поторопиться, а то скоро начнёт темнеть. Лагерь же нужно разбивать основательно, здесь придётся стоять не меньше трёх суток.

— Понятно! Ну, хорошо, тогда я не буду тут вам мешать, лучше поеду наверх, нужно наших дам и Дохтура новой работой загрузить.

После этих слов я зацепил верёвку за пояс, и ребята, в течение минуты, вытащили меня наверх. Затем Мастер и Граната, одним за другим, спустились во чрево ангара.

Когда я, отряхнувшись, стоял, привыкая к дневному свету, Игорь задал вопрос:

— Батя, а какую ты там внизу нам работу придумал? Ведь вроде мы хотели начинать пробивать шурф к воротам этого ангара.

— Эх, Дохтур, видишь, какая у нас жизнь! Придётся откапывать и крышу с другой стороны ангара. Гранаты использовать не будем, там нужно аккуратно очистить площадку, чтобы мог подъехать грузовой УРАЛ, к тому же, внизу стоит цистерна с керосином. Эта новая работа радует только одним — там нужно снять слой снега, не больше полутора метров. Давай, надевай лыжи, поедem, посмотрим, как идёт работа у здания, может быть, лучше шурф пробивать там, а снегоборщик отправить к ангару.

Когда мы подъехали к заваленному снегом зданию, то увидели, что там ребята уже пробили широкую траншею глубиной около метра, и в стене здания начали виднеться начала оконных выемок. Увидев это, я отослал Игоря за женским пополнением, а Сергею и Максиму поставил новую задачу. Затем, усевшись управлять "Хондой", предварительно отдав свои лыжи Максиму, я покатил на место проведения новых работ. После того, как наметил площадку, где нужно было убрать снег, я на лыжах снова покатил к зданию.

Одновременно со мной туда же подкатили практически все наши женщины, за исключением Риты и Маши, оставшихся с детьми. В руках у них были лопаты, и, кроме этого, они принесли три пары носилок, во главе этой процессии гордо двигался Игорь. Кстати, он привлёк к этой работе и новых девушек, они тоже были с лопатами. В течение десяти минут, после небольшой перепалки, я расставил всех по местам, чтобы не мешали друг другу, и началась монотонная работа. Так как нас было много, то начали откапывать полосу длиной метров пять, туда вошло сразу два оконных проёма. Постепенно мы стали работать, как на конвейере по перемещению снега. Четверо, включая нас с Игорем, непрерывно загружали носилки, а три другие пары выносили этот снег за пределы, всё углубляющейся траншеи.

Всё это движение застопорилось часа через два, когда начало темнеть. Как раз к этому времени к нам

подъехали Володя с Валерой. Они, правда, не стали нам помогать, а начали производить работы по освещению нашей траншеи принесённым ими бензогенератором. После подачи света для нас, они направились производить ту же операцию и к месту работ снегоуборщика. Когда ребята вернулись к нам, это послужило как бы сигналом, и мы остановили все работы. К этому времени, уже были откопаны наполовину оба оконных проёма.

Посоветовавшись, решили, что Я с Дохтуром отправляюсь проводить медицинские процедуры, а Галя Ира и Надя идут готовить завтрак. Остальные пока продолжают работу, сосредоточусь при этом на освобождении от снега, только одного окна.

Я с Игорем, передав наши лопаты ребятам, с минуту понаблюдали за начавшейся вновь работой и поскользили на лыжах, догонять наших трёх дам. Дохтура очень интересовало наше сегодняшнее меню, хотя я ему и твердил:

— Игорёк, что ты суетишься? Пойдём лучше, быстрее уколемся, я забудусь, а ты уже узнавай, что хочешь. Что касается ужина, я тебе и так могу сказать — опять будет рыба. Вот только не знаю — осетрина или севрюга, но, в принципе, какая, к чёрту, разница. И одно, и другое — я слопаю с большим удовольствием. Наверное, под воздействием моих слов, Игорь притормозил и, не поворачиваясь, ответил:

— Рыба-то, она рыба, но как её приготовят? Может быть, им нужно помочь настроить коптилку? Я бы с большим удовольствием ещё раз употребил копчёную осетрину.

— Не парься, Дохтур! Сам понимаешь, что под копчёную осетрину или севрюгу, народ потребует и чего-нибудь горячительного, и хрен ты, со своими нравоучениями, их остановишь. А спиртного у нас осталось совсем немного, нужно его оставить на крайний случай. Поэтому, Игорёх, лучше нам довольствоваться варёной рыбой, к тому же, это сытно и полезно — ты же сам об этом говорил.

— Да, наверное, ты прав. Ладно, тогда забудем про капризы наших желудков — пойдём делать процедуры.

Добравшись до кунгов, которые уже были соединены щитовым мостиком, мы поднялись в мужское отделение. Там, сняв верхнюю одежду, переодевшись и тщательно умывшись, Игорь сделал мне укол в глаз, потом я лёг, и он установил мне капельницу. В это время появились наши кормилицы, ужин было решено готовить в нашем кунг, чтобы не мучить сильным запахом детей. Игорь ушёл, поручив снимать капельницу Наде, а я лежал ещё минут тридцать, с удовольствием вдыхая гастрономические ароматы. Когда капельницу сняли, наши милые повара отправили меня оповещать всех, что всё готово и пора на ужин.

На улице было уже совсем темно, чётко выделялись только освещённые места проведения наших работ. Народ уже порядком устал, поэтому, на всех точках проведения работ, я видел одну и ту же картину — как только я объявлял об ужине, все сразу же бросали инструменты и спешно двигались в сторону кунгов. Мне даже пришлось притормозить Сергея и Макса — нужно было помочь выбраться ребятам из ангара. Я им скинул монтажный пояс, уже скреплённый с верёвкой, а потом, одного за другим, мы вытащили мужиков из ангара. Затем, тесной группкой покатали к лагерю, на такой долгожданный нами ужин.

Глава 13

Как обычно, когда мы все собирались в одном Кинге, было очень тесно, а сегодня, особенно, ведь за столами нужно было посадить на четыре человека больше. Поэтому, пришлось питаться в две смены,

сначала накормили мужчин, а потом, пока мы отдыхали, лёжа на своих спальнях местах, к ужину приступили наши дамы. Несмотря на стоящий вокруг шум, многие из нас успели подремать за то время, пока продолжался ужин.

Вскоре, я предложил на сегодня всё заканчивать, а завтра встать пораньше и с восходом солнца начинать прерванную работу. Но, вскочивший Валера, возмущённо воскликнул:

— Какой, на завтра! Мы уже, почти откопали окно — можно спокойно туда пролезть и уже начинать обследовать это здание. Зачем завтра на это терять дневное время, всё равно, там придётся ходить с фонарями и протаскивать в это помещение линию освещения. К тому же, даю руку на отсечение, завтра туда ринутся все — любопытно же посмотреть, что там находится. И из-за этого встанет вся остальная работа.

На это восклицание, Флюр, оскалившись, мрачным голосом выдал тираду:

— Конь, а ты уверен, что после такой экскурсии, сможешь уснуть? Не будут ли тебя ночью мучить кошмары? Будь уверен, наверняка, в этом здании полно разложившихся мертвецов, и они очень колоритно выглядят при метаемом свете фонарика. А ещё, представь, как твоя нога, случайно наступившая на тело, медленно всасывается в эту гниющую, вонючую жижу. Бр-р-р! От аромата, который поднимется при этом, может и крыша съехать. Вот, за Малого, я совсем не беспокоюсь, у него психика чугунная. Этот орёл может спокойно, стоя по колёно в разложившихся трупах, поедать какую-нибудь засохшую булку, подобранную здесь же. Я сам иногда завидую его железобетонному спокойствию. Так что, мальчики и девочки, хорошо подумайте, а стоит ли на ночь, глядя, спускаться в это преддверие ада.

После этого выступления, все наши женщины спешно засобирались и отправились к себе в кунг. А мы, ещё поспорив минут двадцать, всё же решили произвести осмотр здания сегодня, несмотря на усталость после этого сумасшедшего дня. Особенно, этому способствовало предположение Николая, он, массируя себе затылок обеими руками, мечтательно заметил:

— А там, наверняка, имеется горилка! Не может же такого случиться, что у такого количества хохлов не нашлось хотя бы пары литров спиртного. Да, наверняка, и курево имеется, помните, на том корабле, в карманах почти у всех найденных мертвецов, было по пачке сигарет.

Вот этим своим предположением он и сломал меня, и я из рядов сторонников раннего отбоя, переметнулся к партии немедленного обследования здания погранзаставы. Тем более, когда Саша заявил:

— Ну что вы, всё копыя метаете? Это же дело — сугубо добровольное. Кто хочет спать, пусть ложится, а кому любопытно, может идти обследовать здание, но при этом, пускай знает, что подъём — ранний, и никаких поблажек не будет.

Ложиться спать никто не пожелал. Даже те, кто находился на лежаках, подскочили и начали торопливо одеваться, в глазах у всех горел огонь жажды наживы. Каждый про себя представлял, что он может найти в этом промёрзшем здании. Например, я даже трясся от возбуждения, при мысли о возможности обнаружить там хоть пачку сигарет. Последние, из выданных мне сигарет, уже закончились. Время было почти десять часов вечера, и мы договорились, заниматься изыскательской деятельностью будем до двенадцати часов. Эту договорённость Флюр прокомментировал так:

— Точно, нужно к полуночи всё закончить. Потом, сами понимаете, начинается время — Вия, а место его дислокации — Диканька, находится не очень далеко. Валер, ты бы, на всякий случай,

захватил мел — будешь им рисовать круги.

И он опять, мрачно и, как то, каркающее, захохотал.

Первыми добрались до вырытой траншеи Саша и Флюр, они, захваченными с собой топорами, выломали оконную раму и скрылись, в уже пустом проёме. Мы с Валерой, последними, забрались в дом через это отверстие, так как запускали генератор и подготавливали всё для проведения электрической линии в здание. Разматывая кабель, первым двинулся Валера, за ним я нёс связку дополнительных удлинителей, с вмонтированными в них короткими проводами с лампами. Мы, не отвлекаясь и не заглядывая в комнаты, провели освещение по коридору, по лестнице вниз и по коридору первого этажа.

После проведения освещения, мы тоже занялись осмотром боковых комнат. Валера проверял комнаты по правой стороне коридора, а я по левой. Кстати, на первом этаже мы оказались раньше всех. Остальные застряли, проверяя помещения на втором этаже.

Первая комната, куда я открыл дверь, была не очень большой и была заставлена столами с радиоаппаратурой и полками с какими-то папками. По-видимому, это был радиоузел заставы.

На стуле перед радиостанцией сидел труп — голова его покоилась прямо на столе. Ещё один труп лежал на диване, стоящем в углу комнаты — голова его свешивалась, почти что, к самому полу, и перед ней была засохшая лепёшка непонятного вида. По-видимому, его перед самой смертью вырвало. Я, сразу же, подумал, как всё это похоже на то, что я уже не раз встречал при осмотрах квартир и других мест, которые первоначально послужили убежищем для людей. Здесь была всё та же картина отравления после воздействия ядовитого вулканического газа. Только единственный момент вызвал у меня недоумение — все-таки это была военная часть, и у них, наверняка, имелись противогазы. Тогда почему, эти люди ими не воспользовались? Но эти размышления занимали меня не долго, неуёмная тяга к табаку подавила другие мысли и, первоначально присутствующую, брезгливость. И я, повинаясь этому зову никотина, начал обшаривать карманы трупов. В брюках, лежащего на диване человека, я, к своей радости, нашёл почти полную пачку каких-то украинских сигарет. Не обращая никакого внимания на запах, идущий от этой пачки, я вытащил сигарету и с большим кайфом, её закурил.

Перекурив, я, с чувством полностью выполненной миссии по обследованию этого помещения, вышел в коридор. У меня даже не возникла мысль, посмотреть папки с радиограммами, чтобы узнать, какие распоряжения командования должна была выполнять эта погранзастава. Выйдя в коридор, я увидел у следующей двери, стоящего в нерешительности и мнущегося Валеру. Увидев меня, он, как бы оправдываясь, произнёс:

— Этот, чёртов Хан, как накаркал — действительно, в комнате полно мертвяков.

Я усмехнулся и спросил:

— Но что-то, кроме этого, ты там увидел?

— Да нет там ничего интересного — стоит штук десять, двух ярусных кроватей, а на них трупы.

— Ну, ты и сноб! Надо же, даже в тумбочках и в карманах не пошарил. А вдруг, там есть сигареты, или бутылочка где-нибудь припрятана.

— Да успокойся ты, Батя. В тумбочки и шкафы я глянул — кроме разной белиберды, нет там нужных нам вещей. Единственно, я в карманы не лазил — противно как-то всё это, не по-человечески.

— Ха, по чужим квартирам или складам лазить — это нормально, а карман трупа — западало обшарить? Ты пойми, мы теперь, по воле providения, стали полноправными наследниками этих людей. И я думаю, что они там, на небесах, очень даже рады, если смогут помочь нам выжить и сохранить хоть какой-то оптимизм. Ладно, на вот, сигаретку, покури немного. Кстати, эту пачку мне подарил один из мертвецов, он, как будто специально, умирая, её не придавил, а оставил карман кителя открытым, чтобы её было удобно вытащить.

Валера взял сигарету и, с видимым удовольствием, её закурил, а я, открыв дверь, возле которой он стоял, заглянул внутрь помещения. Луч фонаря осветил ряды двух ярусных кроватей, на которых тоже лежали трупы. По-видимому, эта большая комната, так же как и предыдущая выполняла роль казармы. Несмотря на предыдущее заявление, мне что-то совсем не хотелось заходить туда и начинать проверять тумбочки и карманы усопших. Поэтому я даже обрадовался, хотя и удивился, когда в противоположном конце коридора неожиданно возник луч света, и появилась человеческая фигура. Когда она вышла на освещённое лампами место, то оказалось, что это был Коля. Он целеустремлённо направился к нам, по пути он, с видимым удовольствием, вдыхал сигаретный дым, распространявшийся чуть ли не на весь коридор. Этот запах, наверное, и привёл его к нам.

Коля, ещё издали начал выкрикивать:

— Ну, как дела? Я носом чую, что можно вас поздравить с добычей. Может вы и горилку здесь нарыли?

— Какая, к чёрту, добыча, тут везде только одни мертвяки, — ответил я, — единственное, что стоящее нашёл, дек это пачку сигарет, да и то, они воняют, как копна прелого сена. На вон, сигаретку, отравись за компанию.

Николай, взяв сигарету, сразу её не закурил, а, немного отдышавшись, заявил:

— Тогда заканчивайте здесь и пойдёте со мной, там, вроде, намечается интересная тема. Мы с Максимом нашли проход в пристройку, по-видимому — раньше там была столовая и кухня, правда, пролезть туда будет не очень легко, вся та сторона завалена всякими обломками и снегом. Наверное, той стороне здания довольно сильно досталось от цунами. Все-таки хорошо, что близко не океан, а всего лишь — Чёрное море, поэтому волна была не очень большой.

После этих слов, он закурил полученную сигарету, немного подымял её, а потом продолжил:

— Фу, чуть не забыл, зачем шёл! Нужно туда захватить какой-нибудь ломик, а то там нашли железную дверь и монтировками, ни фиги не получается её вскрыть. А тут, возле лестницы я вроде видел пожарный щит и, висящий на нём, толстый багор, я думаю, им мы и сможем вскрыть ту дверь.

— Ну что, тогда докуривай и пойдём ломать эту дверь, — согласился я с его предложением, — к тому же, Валера, как знал, что нужно будет чего-нибудь вскрывать и захватил с собой большой гвоздодер, в определённых кругах называемый фомкой.

В этот момент в разговор вступил Валера, он, вытянув вперёд руку, указал на противоположную сторону коридора, где, выделяясь среди других, виднелась мощная железная дверь и спросил:

— Что, там установлен такой же монстр? Если да, то мы — хрен её вскроем подручными средствами. Может, всё-таки, сходить к Кингам и взять болгарку?

Коля, глянув на указанную дверь, помотал головой и заявил:

— Да нет, та гораздо хлипче, просто дверь, обитая оцинковкой. Мы бы её и ногами выбили, но она, сволочь, открывается наружу. Багром, я думаю, мы её спокойно отожмём. Ладно, пошли мужики, а

то Максим там уже, наверное, заждался.

Когда мы уже направились к дальней стороне коридора, я всё-таки не удержался и прямо на ходу спросил у Коли:

— Слушай, а как всё-таки вы оказались раньше нас на первом этаже? Вроде бы все, пока мы устанавливали проводку, пошли проверять второй этаж.

— Правильно, мы с Максом сначала и заглянули в одну комнату на втором этаже, но это оказался простой кабинет, кроме уставов и каких-то бумажек, там ничего не было. А так, как народу там и без нас было полно, мы и пошли на первый этаж, можно сказать, сразу за вами. Только направились мы в другую сторону коридора, а там он поворачивает и ведёт в столовую.

Остановившись около пожарного щита, Николай снял похожий на ломик багор, и мы пошли дальше. При нашем приближении к повороту коридора, стали видны следы разрушений, валялись какие-то доски и отвалившаяся штукатурка. После поворота, этих следов стало гораздо больше, а когда мы вышли из-под защиты каменных стен, то увидели настоящую картину разрушений. Мы еле пробрались мимо снежных столбов, образовавшихся в местах обрушения крыши. Наконец, добравшись до новых каменных стен, я увидел Макса, который при свете фонарика пытался обследовать большой зал, уставленный обеденными столами. В этом зале, в двух местах, тоже стояли толстые снежные столбы, и кое-где валялись обломки плит перекрытия. Из всех этих признаков я вывел, что эта пристроенная столовая была одноэтажной и по качеству, гораздо хуже большого здания.

Идущий впереди Николай, уверенно вошёл в примыкавшую к столовой кухню, пробрался между плитой и большим разделочным столом и вошёл в небольшой коридорчик. В конце его и была наша цель — оббитая оцинкованным железом дверь. Следом за нами, в этот же коридорчик вошёл и Макс. Вот, вчетвером, мы и начали, временами мешая друг другу, вскрывать эту дверь. Отжать её багром у нас так и не получалось — мешала стена. Помучившись так минут десять, я отошёл в сторону, чтобы теперь другие попытались это сделать. Только решил закурить, как раздался отдалённый хлопок взрыва. Я, засунув сигарету обратно, поспешил в основное здание, откуда и пришёл этот звук. Ребята так и продолжали заниматься дверью. Из-за шума, производимого ими самими, никто не услышал этот хлопок.

Добравшись до большого, освещённого электрическими лампами коридора, я увидел, что железная дверь была распахнута, и у входа в эту комнату переминался с ноги на ногу Граната. Увидев меня, он улыбнулся и довольным тоном произнёс:

— Ловко ваш Хан эту дверь вскрыл. Сразу видно — крутой профессионал.

— Других не держим! Так что — учись, студент, как надо мародёрствовать. Наверное, этот пласт жизни прошёл мимо тебя. Но не волнуйся, с нами ты быстро всё наверстаешь.

С этими словами, я, пройдя мимо него, вошёл в открытый дверной проём. От увиденного богатства, у меня даже ёкнуло сердце. Вся эта большая комната была заставлена пирамидами с оружием и стеллажами с боеприпасами. По-видимому, похожие чувства, только в сто раз сильнее, испытывали и Саша с Флюром. Они оба, с очумелыми глазами ходили от одного стеллажа, к другому и что-то периодически друг другу покрикивали.

— Ни хрена же себе, ёжкин кот, — воскликнул я! — И скажите мне на милость, как мы всё это богатство вывезем.

Этими словами я прервал обоюдный экстаз Саши и Флюра, они остановились, и, уже осмысленными глазами, посмотрели на меня, после чего Саша сказал:

— Вот, вот, Батя, я тоже об этом думаю, только вот ни одна умная мысль в голову не приходит. Если даже мы наладим ещё одну машину, то где для неё взять шины низкого давления. Поставить обычные камеры — они через десять километров лопнут. Да и где взять на новую машину двух водителей? Боюсь, что никто из оставшихся дам не выдержит такой темп движения. Тут у мужиков-то зрение не выдерживает. Так что, придётся оставить всё здесь, захватим только немного боеприпасов, разовых гранатомётов и четыре комплекта ПЗРК.

— Тогда получается, нам не нужен крупнокалиберный пулемёт, — высказал я своё мнение, — тем более, это ЗПУ весит килограмм двести, не меньше.

— Да, Батя, наверное, ты прав, сейчас самое главное для нас — по максимуму загрузится топливом. Жалко, конечно, оставлять такую вещь, но видать, придётся.

Потом, ещё раз оглядев помещение оружейки, он, с ноткой горечи в голосе, продолжил:

— Ладно, что тут поделаешь! Тогда мы с Ханом подберём тут самое необходимое, а остальные пускай, чтобы не терять время, продолжают обследовать другие помещения. Глядишь, ещё что-нибудь интересное найдём.

Чтобы хоть немного подбодрить наших любителей оружия, я, с энтузиазмом в голосе, произнёс:

— А уже, наверное, нашли! Мастер с Максом, рядом с местной кухней обнаружили очень интересную, обитую оцинковкой дверь. Скорее всего, там находится, продуктовый склад этой заставы. Сейчас они вместе с Валерой, пытаются открыть эту дверь.

Услышав мои слова о продуктовом складе, ребята на минуту даже забыли об оружии. Флюр сразу же повернулся ко мне и завистливо заметил:

— Вот же, Мастер, вот же, сукин сын! Не удивлюсь, если его хохлацкий нос приведёт его к запасам сала и горилки. Ну ладно, что мы тут стоим, нужно быстрее двигать к кухне, нельзя оставлять эту ненасытную утробу наедине с салом и горилкой.

— Хан, твоя же вера — запрещает, есть свинину, — саркастически спросил Володя?

Флюр усмехнулся, похлопал себя рукой по животу и заявил:

— Да, Интендант! Придётся мне с тобой провести ознакомительное прочтение Корана. Чтобы ты уяснил, что в боевом походе истинный мусульманин может употреблять в пищу даже свинину, тем более, помогая своим друзьям. Так что, я буду действовать точно по канонам — спасти вас от употребления избыточного холестерина. А если повезёт и найдём горячительное, то, я думаю, Аллах будет не против — если я возьму на себя часть вреда, который могут нанести себе мои соратники, употребляя алкоголь. К тому же, не забывай, солнце уже село и можно немного погрешить. Ладно, хватит болтать, пошли спасать ребят от искушения чревоугодием.

Своими словами Флюр всех развеселил, и мы, обмениваясь на ходу шуточками, направились тесной группой в сторону столовой. Впереди, указывая дорогу, шёл я. Войдя в кухню, мы услышали треск и громкий удар от падающего, тяжелого предмета. Войдя в коридорчик, я увидел распахнутую дверь, а рядом стоял с перекошенным лицом Валера и с ожесточением растирал кисть левой руки, при этом он громко матерился. Я сразу понял, что вскрытие железной двери произошло только что и, как водится, не без травм. Пропустив вперёд Дохтура, который сразу же занялся рукой Валеры, я вошёл в помещение. За мной туда же ввалились и ребята.

Это была большая комната, её функция продуктового склада становилась сразу понятной, стоило увидеть стеллажи, забитые ящиками с консервными банками, стоящими вдоль стен овощными контейнерами, промышленным холодильником и двумя большими морозильными агрегатами. В углу лежали друг на друге несколько мешков, по маркировке я сразу понял, что это сахар. Обе морозилки были открыты и там чем-то гремели Коля и Макс. Услышав, что кто-то зашёл, они прервали это увлекательное занятие и обернулись к нам.

Физиономии у них были умиротворённые и довольные, как у сытых котов. Мы, уже до этого разгорячённые шутками, которыми обменивались по пути сюда, при виде этих лиц, дружно начали смеяться. На лице Николая появилось недоумевающее выражение, и он спросил:

— Вы что это — белены объелись? Или травки где-то накурились?

Это ещё больше нас рассмешило. Смеялись так заразительно, что вошедший последним Валера, первоначально болезненно морщившийся, не выдержал и тоже захихикал. Не выдержали этого и сами виновники веселья, сначала улыбка появилась на лице у Макса, и, когда он заржал в полный голос, захохотал и Коля. Вся эта вакханалия продолжалась минуты три, потом, вроде успокоились, но всё равно, изредка раздавались короткие смешки. Вот под этот аккомпанемент Флюр и задал вопрос:

— Мастер, ты как, нашёл сало, о котором мечтал?

— А, то, — ответил Коля и, широко улыбаясь, вытащил из морозилки большой бак из нержавеющей стали. Потом как фокусник, снял крышку, и все увидели в этой емкости толстые куски сала, они заполняли бак больше, чем наполовину. Про себя я прикинул, что этого продукта там не меньше десяти килограммов.

Мы поражённо примолкли, потом Флюр не выдержал и хриплым шёпотом спросил:

— Ты что и горилку где-нибудь откопал?

— Ну, ты, татарин, совсем не знаешь менталитета украинцев. Разве бывает сало без горилки? И Коля, сделав несколько шагов, достал со стеллажа неприметный картонный ящик и начал демонстративно доставать из него бутылки с водкой. Непроизвольно я прочитал надпись на этикетке — Старокиевская емкость 0,7 л. Выставив двенадцать бутылок, Николай театрально сбросил пустую коробку на пол и сделал реверанс.

После минутного молчания раздался восторженный крик, и народ, толкая друг друга, попытался добраться до Коли, чтобы начать его качать. Это буйное выражение чувств остановил я громким криком:

— Эй, мужики, вы что, сейчас же всю посуду побьёте! Всех, мля, за это в нарядах сгною! Стоять, мля!

От неожиданности, что я начал ругаться, народ остановился, все вопросительно глядели на меня. Я на минуту приостановил свой ор и, уже совершенно спокойным голосом, сказал:

— Хватит безумствовать, тем более, время уже одиннадцать часов. Нужно кое-что отсюда забирать и валить к себе в кунг. Сами же слышали, что сегодня Флюр говорил — после двенадцати ночи начинается время Вия.

Увидев недоумевающие лица моих друзей, я засмеялся и продолжил:

— Ладно, шучу! Но заканчивать действительно надо. При виде этих богатств, мне что-то зверски захотелось мяса, эта осетрина уже достала. Предлагаю — пока девчонки спят, захватить здесь по

банке тушенки, бутылки три горилки, ну и шмоток сала, естественно, и пойти в наш кунг — по пьянствовать, по мужски.

— А что же это за пьянство такое, с тремя бутылками? Это же получается — всего двести грамм на нос, — попытался возмутиться Сергей.

Но я, назидательно подняв указательный палец, ему ответил:

— Не пьянства ради, а здоровья для!

Потом, повернувшись к Володе, предложил ему:

— А ты, Интендант, давай, оставшиеся девять бутылок — приходишь в свой гробсбук.

Чтобы прекратить начавшееся протестующее бухтение и возгласы: — Диктатор! — я подумал и заявил:

— Ещё бутылок шесть используем, когда закончим все дела на этой заставе. Устроим перед дальней дорогой день релаксации.

Против этого возражать, естественно, никто не стал, и мы, захватив нужные продукты, тесной группой направились к выходу из этого здания. Вечерний загул продолжался недолго, всего часа полтора. В два часа ночи все уже лежали на своих спальных местах. Во время нашей посиделки, мы полностью распланировали наши дальнейшие работы. Было решено, что УРАЛ останутся доделывать три человека, а Саша будет участвовать в проводимых наверху работах. А здесь нужно было сделать очень много, во-первых, откопать ворота в ангар, во-вторых, поднять краном цистерны и квадроцикл, ну и наконец, отобрать и вынести из здания погранзаставы оружие и продукты. Кроме всего этого, мы решили, уже после проведения всех работ, устроить большой помывочный день. Нужно было перед дальней дорогой привести себя в порядок и отмыть всю грязь, накопившуюся с последнего банного дня.

На следующий день подъём был в восемь часов, на работу вышли в девять. Погода на улице была прекрасной, температура была — 11 градусов, снега и ветра не было. И работа закипела.

Снегоуборщик перевели на откопку ворот. Саша и Володя занялись отбором и переноской оружия и продуктов на улицу перед зданием заставы. Ну а все остальные, включая женщин, продолжили откапывать верхушку ангара, в том месте, где находились цистерны.

К обеду мы полностью освободили от снега довольно большой участок металлической поверхности. Отпустив женщин немного отдохнуть и начинать готовить обед, мы занялись разрезанием оболочки ангара. Пришедшие чуть позже, Саша и Володя, тоже приняли в этом участие. Самую большую трудность доставила нам балка перекрытия. Пока Валера и Саша резали её двумя болгарками, пришлось поменять четыре отрезных круга. Эту балку пришлось резать для того, чтобы цистерны свободно могли пройти через проделанное отверстие.

Бригада наших автомехаников тоже сделала большое дело, был заведён двигатель УРАЛа. Дали ему поработать несколько минут, затем выключили. Потом мы по одному, с помощью верёвки, вытащили ребят из ангара. После этого позвали Сергея и Макса, и направились на обед. Настроение было отличное, дел было сделано много, а самое главное — вездеходный УРАЛ оказался в полном порядке. Оставалось только заменить на нём шины низкого давления, откопать ворота, за которыми он стоял, загрузить его, и можно было двигаться дальше.

Ребята на снегоуборщике уже сняли верхний, рыхлый слой снега на всей трассе будущего въезда в ангар. Обед нас тоже порадовал, мы, не ограничивая себя, наелись осетрины, и супа из неё. Несмотря

на то, что в последнее время мы ели рыбу, как говорится, от пуза — её количество на складе, всё ещё превышало сто килограммов. Во время обеда опять были пересмотрены составы рабочих бригад: вытаскивать цистерны оставили трёх человек, это был я, Саша и Валера, выносить продукты из здания, должны были тоже три человека, во главе с Володей, в ангаре оставалась та же бригада, остальные были брошены на откопку въезда. Было решено, несмотря на работающий снегоуборщик, начинать копать вручную вертикальную шахту непосредственно перед воротами. Снег там был уже плотный, ноги не проваливались и напильные снежные блоки не рассыпались. Ещё один шурф начали копать на самой верхушке ангара, как раз над КРАЗом с большой цистерной. Там было задумано пробить отверстие в обшивке ангара, чтобы просунуть шланг для откачки дизтоплива. После обеда наша бригада занялась подъёмом грузов из ангара. Для этого сначала начали перекачивать керосин в большую цистерну с дизтопливом. Она была не полная, и туда вошёл весь керосин. Одновременно с перекачкой, я подогнал ГАЗон к вырезанному проёму, а Володя в это время устанавливал грузовой УРАЛ так, чтобы вытаскивать груз не на полностью выдвинутой стреле крана. Саша в это время, спустившись в ангар, лопатой освобождал от снега квадроцикл. Откидав снег, он зацепил тросом этот аппарат, и я ГАЗоном подтянул его, практически к самому отверстию в ангаре. Володя зацепил его кошкой крана и, потом, подойдя к управляющей консоли крана-манипулятора, приподнял его над проёмом. Я сдал ГАЗон назад, потом вышел из кабины, отцепил трос и начал помогать Володе, отвозить этот квадроцикл подальше, то есть выполнял работу стропальщика. Таким же образом мы вытащили и цистерны. После того, как они оказались наверху, мы с Володей, при помощи болгарки, освободили цистерны от колёсной базы, и теперь они были полностью готовы для установки в кузов УРАЛа.

Кстати, таким же образом мы подняли и три бочки полные бензина. Их обнаружил Флюр в кузове одного из ЗИЛов. Эти бочки помогала перекачивать из кузова вся бригада автомехаников. На пол ангара их скатили по толстым доскам, приставленным к кузову. После этого Саша не стал подниматься наверх, а остался помогать перебортировать колёса УРАЛа.

Закончив поднимать бочки, Володя стал помогать откапывать ворота, а я, вместе с Игорем, направился в наш кунг на процедуры.

После капельницы я остался в кунге и даже уснул, ожидая прихода остальных. Разбудил меня шум в районе кухни и запах готовящейся рыбы. Глянув на часы, увидел, что уже девять часов вечера. На кухне сустились Маша и Галя, зайдя к нам, они даже не стали меня будить. Чтобы как-то обратить на себя внимание, я кашлянул, а затем спросил:

— Ну, как там дела? Много еще снега осталось? Может быть, мне встать и пойти помочь ребятам?

— Да уж лежи, лечи свой глаз? Там и без тебя полно здоровых мужиков, — ответила мне Маша.

Потом, что-то помешала в большой кастрюле и продолжила:

— Въезд в ангар уже откопали больше, чем наполовину. Даже успели сделать отверстие для насоса.

Игорь уже откачивает солярку в цистерну своего заправщика. Сейчас там остались работать одни ребята. Вот отварим рыбу и пора их звать на ужин.

Я встал, оделся и только потом спросил:

— Вы-то сами, хоть перекусили? Если нет, то сначала пускай женщины поужинают, а то, если вся наша гоп-компания заявится в полном составе, ни времени, ни места у вас уже не будет. А я с вами попою чайку и только потом пойду звать мужиков.

Жена со мной согласилась, и я сначала поужинал с нашими дамами, а потом, уже в десять часов, с трудом осилил ещё одну порцию рыбы. Так, мучаясь от переедания, я уснул только в одиннадцать часов вечера.

На следующий день подъём был опять в восемь часов. За завтраком мы договорились, что сегодня работают одни мужчины. Фронт работ сузился, оставалось только откопать въезд. УРАЛ был полностью подготовлен, отобранные продукты уже лежали на улице — оставалось их только загрузить в УРАЛ.

Для наших женщин было решено сегодня, устроить банный день. Помочь им наносить воду был оставлен Максим. Электричество решили не экономить и запустили все наши бензогенераторы: два больших и два маленьких. Бензина теперь много и вряд ли мы сможем увезти его весь с собой.

Поэтому, для процесса помывки стало возможным использование санузлов в обеих кунгах.

К вечеру спуск в ангар был закончен, мы распахнули ворота, и Граната выгнал Урал наверх. Было решено, что экипажем на этом вездеходе будут Василий и Миша. После этого, я с Игорем отправился на процедуры, а ребята остались устанавливать цистерны в кузов и загружать туда приготовленные продукты и оружие. Ещё днём Валера с Сергеем изготовили сани, конструкция у них была такая же, как и у остальных. Их должен был буксировать наш новый вездеход. Туда загрузили квадроцикл и четыре пустых бочки, в которые потом залили дизтопливо. Я, лёжа, ожидал ребят до девяти часов, они пришли уставшие, но довольные проделанной работой. УРАЛ было полностью загружен и готов к дальнему путешествию.

Ужин у нас прошёл на удивление спокойно, безо всяких споров и длинных разглагольствований. Единственный вопрос, который мы обговорили — это о завтрашней бане и отдыхе. Отправляться в дальнейшую дорогу решили послезавтра утром. Вместо меня управлять ГАЗоном должна была Вика. На следующий день наша помывочная эпопея началась только в двенадцать часов и закончилась в шестом часу вечера. Немного передохнув в семь часов вечера, чистые, побритые и благоухающие парфюмом, мы собрались на праздничный ужин. Полностью всех наш кунг вместить не смог, поэтому часть дам, которые отказались пить водку, остались в женском кунге с детьми. Охрану на улице осуществляли собаки, на всякий случай привязанные за поводки.

Как обычно бывало после крупных свершений, наш стол ломился от элитных для нас, в нашем теперешнем положении, продуктов. Сегодня несомненным хитом было сало, квашеная капуста и солёные огурцы. Как ни странно, за столько лет хранения и после разморозки эти продукты оказались совершенно не испорчены и, по-моему, не сильно потеряли во вкусе.

После первой рюмки Володя начал рассказывать, что всего в УРАЛ загружено больше тонны продуктов, включая двести килограммов сахара. Когда он начал перечислять все отобранные продукты, его чуть не освистали и заставили говорить второй тост. После третьей рюмки, Флюр, вдруг подскочил к сидевшему напротив Мише и заявил:

— Слушай, Мишань, ты какой-то очень скромный, ничего про себя не рассказываешь. Вон, Граната уже всем доложил о своей прежней жизни, а ты всё мнёшься чего-то. Не бойся, здесь все свои, давай, колись про свои скелеты в шкафу. А, может быть, ты нас не уважаешь?

И Флюр уставился немигающим взглядом на Мишу. Тот как-то испуганно вздрогнул и, немного заикаясь, ответил:

— Да ты что, Хан! Я не просто всех вас уважаю, а преклоняюсь перед вашим мужеством. Очень

жалею, что после катастрофы рядом не оказалось людей, хоть немного похожих на вас. Что же касается рассказа про себя, то мне даже неловко об этом говорить. По сравнению с вашей жизнью, моё существование какое-то жалкое и неинтересное. Но если хотите, я всё вам расскажу, обещаю, ничего не утаивать

И Михаил начал не очень долгий рассказ о своей жизни:

Рассказ Миши

Фамилия у меня Прозанов, сейчас мне тридцать девять лет. Я закончил Ейское лётное училище и десять лет служил в ВВС. Сначала летал на Сушках, потом меня сбили над Южной Осетией, и я не очень удачно катапультировался. После этого пришлось переквалифицироваться из истребителя в извозчика и летать на транспортных самолётах, для этого целый год переучивался. За пять лет до катастрофы я демобилизовался и устроился в одну известную авиакомпанию. Летал на грузовых АН — 178. В основном, возили негабаритные грузы и, практически, по всему миру. Даже несколько раз летал на Шпицберген. Платили очень неплохо, так, что я смог купить себе новую квартиру в Ростове. Старую — оставил бывшей жене и нашему ребёнку. Развёлся с ней, еще, когда служил в войсках. Эта сука, пока я находился в служебных командировках, напропалую мне изменяла. Так и жил один до самой катастрофы, правда, конечно, была у меня приходящая жена, но это так, просто для утехи плоти — после катастрофы я её больше не видел. Когда случилось землетрясение, я находился на аэродроме, мы недавно прибыли из рейса — летали в Африку, доставляли гуманитарный груз. Повсюду были бардак и суета, это помешало мне быстро добраться до дома. Когда всё немного успокоилось, нас задержали из службы МЧС — все думали, что самолёты понадобятся для проведения спасательных работ.

Когда немного прояснилась ситуация, и стало понятно, что надвигается облако пепла, и воздушное сообщение будет невозможным, нас распустили домой. Держать столько народу на аэродроме было невозможно, все крупные каменные здания рухнули, даже чай приходилось пить в будке у охранников. К тому же, нам объявили, что через пару часов нас может накрыть облако вулканических газов, возможно отравление ими. Рекомендовалось тем, кто живёт выше пятого этажа, переждать эту газовую атаку дома. Нужно было плотно закрыть окна и двери, а вентиляционные отверстия перекрыть несколькими слоями марли, периодически смачивая её водой. Тех же, кто оставался на аэродроме, собирались эвакуировать в город, в уцелевшие от землетрясения здания, туда же предлагалось явиться тем, у кого дома разрушены.

Из этих речей и несогласованных действий, я понял одно — спасение утопающего, дело рук самого утопающего. У нас не оказалось ни одного авторитетного, харизматичного лидера, который бы взял ответственность за судьбы других людей. Всё начальство думало, в первую очередь, о спасении своих задниц. Никто не желал заниматься, не прописанными в его должностных инструкциях, обязанностями. Рядовые пилоты, техники и обслуживающий персонал аэропорта, так и не смогли самоорганизоваться. О неспособности руководства к действиям в случае ЧП говорил и тот факт, что народ просто выпихивали в неизвестность, при этом, даже не снабдив сухим пайком, дали только несколько марлевых повязок.

Помню, что всё это меня чрезвычайно разозлило. И я, даже не став стоять в очереди на получение этих повязок, сел в свою машину и поехал домой. Во мне клокотала обида на власть, которая после того, как стало ясно, что полёты невозможны, отнеслась к нам как к отработанному материалу. Когда

ехал, то злорадно думал, что эти сволочи, ошибаются, и я, всё равно, смогу выжить. У меня в квартире было полно консервов, стоял куллер с запасной, 30 литровой канистрой воды. К тому же, так как я увлекался туризмом, в запасе было много таблеток с сухим топливом, а также имелись плитка и осветительная лампа, работающие от баллончиков со сжиженным газом. Этих баллончиков лежало в кладовке — штук двадцать. Сейчас я радовался, что жил один, часто бывал в командировках и, из-за того, что не хватало времени ходить по магазинам, закупал обычно очень много консервов и супов быстрого приготовления. Было очень удобно, как только проголодался — открыл консервную банку, съел её, и ты уже сыт.

До дома добирался в три раза дольше, чем обычно — это заняло у меня час двадцать. И это было связано не с пробками, как раз машин на дороге было очень мало, а с возникшими на асфальте трещинами и валяющимися повсюду обломками зданий. Хорошо, что у меня был джип с большими колёсами, и я смог без особых проблем преодолеть все трещины и колдобины. В городе иногда приходилось ехать по парковой зоне, прямо по кустам и цветочным клумбам.

Насмотревшись на разрушения и лежащие повсюду трупы, я, когда увидел, что дом мой цел, даже, несмотря на то, что до этого был атеистом, превознёс молитву нашему Господу Иисусу Христу и прослезился. Поднявшись пешком на свой седьмой этаж, первым делом, не раздеваясь, начал перекрывать окна. Половина стёкол отсутствовала и, чтобы изолироваться от внешней атмосферы, пришлось снимать со всех шкафов оргалитовые задние стенки и прибивать их на рамы. Сверху ещё набил нейлоновое полотно, для этого пришлось порезать свою палатку. Когда я это делал, уже ощутимо пахло какой-то мерзостью, у меня даже разболелась голова, пришлось выпить несколько таблеток анальгина. Я, преодолевая своё плохое состояние, все-таки доделал окна и перекрыл вентиляцию марлевым фильтром, который обильно смочил водой. Состояние было ужасное и я, достав бутылку коньяка, даже не закусывая, выпил её из горлышка, при этом прикладывался, всего-то, раза четыре. Потом, не раздеваясь, упал на кровать и отрубился.

Следующие дни помню плохо, только иногда в голове возникают воспоминания о мерзком состоянии, которое лечил алкоголем, иногда разбавляя его какой-нибудь банкой консервов. В себя пришёл только дней через восемь и то потому, что буханина в доме кончилась, и страшно хотелось пить. Я проверил свои запасы — добрая половина консервов была использована, открытые банки валялись по всей квартире. Воды в баллоне кулера не было, но запасной баллон был не тронут. Я его открыл и, даже не устанавливая его в аппарат, налил себе большую кружку воды. Выпив, почувствовал некоторое облегчение в организме. Голова тоже прочистилась, и я начал анализировать обстановку. Из постороннего, в квартире ощущался только сильный запах канализации, пройдя в туалет, я ужаснулся — там было, в прямом смысле, всё засрано. Одежда и обувь у меня тоже были все в засохшем говне. От этого меня чуть не вырвало, и я опять пошёл и налил себе полную кружку воды.

После этого, отпихивая попадающие под ноги пустые бутылки и банки, направился в кухню. В квартире было довольно прохладно, и в голове у меня возникла мысль — посмотреть на показания термометра, висящего на внешней раме кухонного окна. Как мне помнилось, стёкла там оставались целыми. Зайдя на кухню, я ещё раз ужаснулся, вдобавок к наваленной в углу большой куче говна и луже мочи, возле мойки, на столе, на большом металлическом подносе было устроено импровизированное кострище. По-видимому, я там жёг таблетки сухого топлива, страницы из книг и

журналов, разогревая себе консервы. Потолок был весь чёрный, а на стенах остались подтёки брызг от жира. Боком, стараясь не задеть стол и не наступить в какую-нибудь гадость, я протиснулся к окну и посмотрел на градусник.

На улице было пять градусов тепла, было сумрачно. К своему удивлению, я увидел в палисаднике перед домом двух человек. Они что-то там собирали, и, самое главное, на них не было надето ни противогазов, ни марлевых повязок. Из всего увиденного, мой воспалённый мозг со скрипом сделал вывод — сейчас на улице совершенно безопасно, и если я туда выйду, то это мне не нанесёт никакого вреда. С этой мыслью, чуть ли не бегом, я бросился на балкон и уже оттуда внимательно оглядел все доступные взгляду окрестности. Там я увидел проезжающую мимо машину и ещё нескольких человек. Все прохожие тащили какие-то вещи, или были нагружены досками, вперемешку с ветками деревьев. На улице канализацией не пахло, но зато присутствовал, хорошо знакомый мне по африканским воспоминаниям, запах гниющих трупов.

Вернувшись в комнату, я сел на диван и стал анализировать — выводы были ужасны. Света, воды, тепла и канализации в доме не было. Консервов оставалось дней на семь, надеяться на помощь со стороны властей не приходилось. Кому нужен был пилот, который кроме, как летать на самолётах, больше ничего не умел. А, судя по облакам с мелкими частичками пепла — это моё умение ещё долго никому не пригодится. От осознания собственной никчемности и бессилия я даже заплакал. Ужасно хотелось выжрать стакан какого-нибудь пойла, но, к сожалению, даже после тщательного обыска, я не нашёл ни капли спиртного. Пришлось опять налить себе полную кружку воды.

После этого, ощутил непреодолимое желание сходить в туалет. Гадить в квартире было противно, и я вышел в коридор, намериваясь отлить в мусоропровод. Подойдя к нему и открыв крышку, даже отшатнулся. Из зёва мусоропровода шибануло таким зловонием, что у меня даже заслезились глаза, и захотелось блевануть. Сдерживая себя, я, всё-таки справил свою нужду и, с чувством омерзения, захлопнул крышку этой клоаки. По-видимому, этот путь сброса отходов жизнедеятельности был не в новинку, и, скорее всего, я был последний, кто догадался использовать его в этом качестве.

Зайдя в квартиру, я в тягостном раздумье уселся на диван. Всё, что было сделано мной в этой жизни, казалось бессмысленным. Все мои потуги заработать как можно больше денег, сейчас казались смешными, амбиции по обладанию самыми модными вещами, нелепыми. Вот я сейчас сижу в одежде от Версаче, весь обмазанный дерьмом, а моя дорогущая квартира выглядит хуже самого задрипанного хлева. Мне даже не к кому обратиться за помощью и сочувствием, все настоящие друзья остались там, в армии, живут в дерьмовых комнатах в гарнизонном общежитии при аэродроме. В этот момент, если бы у меня был пистолет, я бы точно застрелился, мысль о том, чтобы повеситься, вызвала у меня отвращение.

Потом я подумал о своём джипе, у меня что-то щелкнуло в мозгу, и возникло желание жить, срочно уехав отсюда, к моим настоящим друзьям. В первую очередь, у меня возник образ Витьки — моего кореша ещё по училищу. Я знал, что сейчас он живёт у родителей, недалеко от города Шахты. Эта мысль, поехать к нему, настолько мной завладела, что я, больше уже не рассуждая, подскочил и начал действовать.

Сначала я полностью разделся и, ёжась от холода, протёрся полотенцами, смоченными в воде. Потом переоделся в свой обычный наряд для туристических походов в холодное время. И только после этого начал собирать нужные вещи и оставшиеся продукты. Всего набралось два рюкзака и три

большие сумки. Больше не желая задерживаться в этом проклятом месте, я отнёс все собранные вещи в машину и тут же тронулся в путь.

По моим прикидкам, бензина, для того, чтобы доехать до Витьки, должно было хватить. До города Шахты было совсем недалеко, а у меня было залито бензина — больше половины бака. До катастрофы весь путь занял бы у меня часа два, а тогда я добрался до места за тридцать часов, к тому же, пришлось ночевать в машине. Но, как говорится — нет худа, без добра. За время путешествия, я несколько раз останавливался и готовил себе на газовой плитке горячие обеды. К концу этого путешествия, я пришёл в полную норму и не выглядел уже, как глубоко несчастный человек, или бомж.

Когда въехал в посёлок, где проживал Витька, то был, как обычно в последнее время, сильно разочарован. Посёлка, как такового, уже не существовало — вместо домов стояли обугленные руины, живых людей не было видно, только в воздухе присутствовал запах гниющего мяса. Дома родителей Виктора тоже не было, на этом месте стоял только фундамент и торчал остов полуразвалившейся печки.

Я уселся в заглушенную машину и задумался — что мне делать дальше. Ехать в свой бывший гарнизон — не хватит бензина. Возвращаться в Ростов и явиться к себе на аэродром — тоже не хватит бензина, да и если сказать прямо, меня туда совсем не тянуло. Но, по любому, нужно было примкнуть к какой-нибудь группе людей, топлива в машине у меня не хватит даже, чтобы обогреть себя в течение ночи. Греться у костра, это тоже не выход, дальше станет ещё холодней и без тёплого убежища и продуктов выжить будет просто невозможно. В голову мне приходила только одна мысль — нужно ехать в ближайший крупный город и там, всё-таки, обратиться к властям с просьбой о помощи. Мне стало окончательно ясно, что в одиночку я не выживу.

Посидев так полчаса, завёл машину и поехал в ближайший город — это были Шахты. До него я на машине так и не доехал — кончился бензин. Пришлось мне, захватив только остатки продуктов, двинуться пешком в его сторону.

Центральный эвакуационный пункт я нашёл достаточно быстро. Так же быстро меня там зарегистрировали, выдали талон на питание и определили на ночлег в палатку. На следующий день меня записали в рабочую бригаду, которую направили на шахту Луговая-бис — готовить её к прибытию эвакуированных людей. Там мы, в основном занимались разгрузкой привозимых продуктов и укладкой их в специально оборудованные склады. Через неделю нас бросили на помощь бригадам, уже давно занимающимися переоборудованием шахтной котельной в некоторое подобие ТЭЦ. В этом месте я и работал до наступления сильных морозов. За это время мы хорошо утеплили котельную, сделали тёплый коридор от неё к стволу шахты и проложили там рельсы для вагонеток, которые должны были подвозить уголь к котлам.

Так как Бог не обидел меня здоровьем и выносливостью, меня оставили при этой ТЭЦ, подвозить уголь. Так я и жил года три, как робот: отбарабанил смену, перекусил, и — спать, потом встал и — снова на работу.

Когда образовался Секретариат, его руководство, наверное, начало задумываться о будущем.

Поэтому, меня как бывшего пилота, перевели на шахту Распадская, в создаваемую там, шарашку для бывших лётчиков и авиатехников. У кого-то из боссов возникла мысль, что скоро небо очистится и пора организовывать авиагруппу. Жизнь там коренным образом отличалась от нашей прежней

жизни. Кормили намного лучше, появилось свободное время и по социальной лестнице мы, хотя и относились к касте работяг, но получали продуктов и других жизненных благ гораздо больше. В этой шарашке я прожил года полтора, всё бы ничего, но там, в меню, особенно в последнее время, начали появляться котлеты из человечины. Первоначально все до одного из нас от них отказывались, но постепенно, наша шарашка разделилась на две части: те, кто ели человечину и те, кто принципиально отказывался это делать. Но скоро нас, тех, кто отказывался это делать, осталось меньшинство, которое начали постепенно гнобить и элита с быками, и даже наши бывшие товарищи. Наступил день, когда этот гнойник вскрылся, на шахте началось восстание рабов и части работяг против творившегося там произвола. Наша группа примкнула к этому восстанию, а один из лётчиков даже вошёл в тройку его руководителей. Первоначально удача способствовала нам. Восставшие захватили практически всю шахту, кроме первых двух горизонтов. Но на помощь нашей элите и быкам пришли каратели с других шахт, и начался форменный ад. Они начали применять газы, и отравленным им не было числа. На всех горизонтах лежали сотни трупов и, как в каком-то фильме ужасов, между валяющимися телами, в мерцающем свете фонарей ходили фигуры, похожие на одноглазых циклопов, с горящим посреди лба, глазом и ломиками пробивали черепа шевелящихся людей, добывая их.

Мне очень повезло, что я остался жив. Нашу группу загнали в штрек, заканчивающийся тупиком, а потом закидали гранатами со слезоточивым газом. Силы были не равные, у нас было всего три автомата на всех и совсем не было противогазов. Пока мы катались по поверхности штрека, быки всех повязали, дубинками погнали к подъёмнику и подняли на первый горизонт. Там, в большом, примыкавшем к подъёмникам зале шахты, под светом прожекторов, нас начали сортировать. Первоначально отобрали наших вожаков, на них указали, находящиеся здесь же ренегаты. Этих людей начали избивать бейсбольными битами, били так, что я лично слышал треск ломающихся костей. Кричать они не могли, у всех рты были забиты кляпами, а руки были связаны за спиной железной проволокой. Добывать их не стали, а оставили корчиться на покрытой угольной пылью поверхности. Затем быки принялись за остальных, слава Богу, битами не били, просто попинали немного и успокоились.

Потом, всех начали клеймить раскаленной железной печатью. Клеймо ставили на лоб, это было признаком того, что человек принимал участие в бунте. Обычным рабам клеймо ставили на щеку. Теперь в наших рядах большинство было дважды клеймённое. Выступивший представитель элиты пообещал, что если раб с клеймом на лбу, ещё хоть раз будет замечен в неповиновении, из него тоже бейсбольными битами сделают отбивную.

Когда все эти процедуры были закончены, нас перераспределили между шахтами, принимавшими участие в подавлении этого восстания. Затем разогнали, по маленьким камеркам, находящимся неподалёку. На следующий день мне выдали полушубок, лыжи и запрягли как собаку в сани, нагруженные контрибуцией с шахты Распадская. После этого, палками, нашу упряжку погнали вперёд. Вот так я и попал на шахту Глобуса.

К жизни в качестве раба, первоначально, я привыкал очень тяжело. Всё время жалел, что я не погиб во время восстания. Но потом, мозг отключился, и я опять превратился в робота, даже питался, не понимая, что я ем. Очнулся и почувствовал себя человеком я только тогда, когда вы появились и дали мне в руки автомат. У-у-у, как я ненавижу эту адскую, сраную элиту и бычье!

Этими словами Миша закончил своё повествование.

Глава 14

После этого рассказа в кунге установилась гнетущая тишина, только иногда нарушаемая всхлипами с дальней стороны стола, где в самом углу нар пристроились Марина и Света. Минуты через две эту тишину прервал Саша, он встал, потребовал разлить ещё водки и заявил:

— Ну вот, Мишань, теперь ты хоть немного сбросил тяжесть со своей души. Да и нам, я думаю, стало немного полегче, ведь у каждого в душе гнездятся воспоминания о том страшном времени, после катастрофы. Сразу понимаешь, что не только ты всё потерял, а и окружающие тебя люди, тоже. В итоге мы становимся только ближе друг другу и ради благополучия своих родных и друзей, готовы на любые испытания и мучения. Ладно, без длинных и красивых тостов, просто — будем!

После этого он одним движением опрокинул рюмку в рот и, не закусывая, занюхал её кусочком лепёшки. Этим он как бы дал команду к действию, все сразу потянулись к своим рюмкам, а потом и к столовым приборам. Минуты на три в кунге были слышны только стук вилок о тарелки и прерывистое дыхание, усиленно жующих людей.

Неожиданно все эти звуки перекрыл громкий выкрик Флюра:

— Миш, я тут подумал, подумал и надумал тебе новое погоняло. А то старое — Борода, как-то теперь, после того как ты побрился, не подходит. Давай, теперь ты будешь Птицей, по духу и смыслу, это тебе подходит. Ты же стремишься в небо? А хочешь, будешь просто — Летун, нет, это звучит, как-то двусмысленно, будто ты человек не постоянный и перелетаешь с места на место. И ещё хочу сказать, как только доберёмся до мест, где нет снега, я лично займусь подбором для тебя подходящего самолёта. А, что, идея очень неплохая — найдём какой-нибудь аэродром, поставим птичку на крыло и, уже сверху глядя, сможем подобрать себе место для окончательной остановки.

Миша, после этих слов, сразу оживился и, уже добродушно посмеиваясь, ответил:

— Да пускай будет птица, лишь бы — в суп не попасть.

После этого он вволю отсмеялся и продолжил:

— Слушай, Хан, а можно и военный аэродром найти, я, в принципе, смогу управлять любым Натовским самолётом. Можно же подобрать средний бомбардировщик, загрузить его управляемыми бомбами и устроить небольшой армагидончик этим элитным козлам.

Вместо Флюра на это ответил Саша:

— Птица, а ты про рабов и работяг забыл? Пострадают же в первую очередь они. Нет, бомбардировщик тут вопрос не решит. А вот подумать о десанте, когда мы обустроим нашу колонию, может быть и стоит. Нужно вытаскивать людей из лап этой нечисти. А то, если прямо сказать, я спокойно спать не смогу, зная, как эта сволота измывается над людьми.

Начавшуюся дискуссию о способах спасения рабов, прекратил я, заявив:

— Да хватит вам строить наполеоновские планы, нужно сначала самим вырваться из этого снежного плена, а потом можно и помечтать. Давайте сейчас дёрнем по последней рюмке и на боковую. Нужно всем хорошо выспаться. Сами понимаете, сейчас, скорее всего, последняя остановка перед финишным рывком. Нам, в предстоящей дороге, придётся выложиться на все сто.

После этих моих слов наш праздничный ужин, как-то потихоньку, угас. Уже через полчаса после последнего тоста, мы все разбрелись по своим спальным местам.

На следующий день, отправились мы в наш дальнейший поход только в двенадцать часов дня.

Суетился перед отъездом больше всех я, ведь мне предстояло всю эту дорогу отдыхать в кунге. Встав раньше всех, я, при помощи женщин, разобрал мостик перед кунгом, потом прогрел все вездеходы, одним словом, всё подготовил к предстоящему движению. Нашим водителям, когда я их начал будить в одиннадцать часов, оставалось только умыться и позавтракать.

Минут через сорок после отправления, караван остановился. Оказалось, мы доехали до берега Чёрного моря. Полоса торосов здесь была гораздо меньше, чем на берегу Азовского моря. Мы, буквально в течение часа, сделали между ними проход и двинулись дальше, уже по льду Чёрного моря. Как выразился Саша:

— Это вам лёгкая зарядочка, после такого плотного завтрака.

Весь этот путь до Босфора запомнился мне только по уколам, которые я получал раз в сутки. А, поскольку, меня кололи и ставили капельницу четыре раза, получается, что двигались мы до Стамбула четверо суток. За это время останавливались на длительный отдых только один раз. Нас гнала вперёд всё повышающаяся температура и страх, что лёд скоро начнёт таять. По показаниям термометров она, буквально каждый день, повышалась на один-два градуса. Когда показался Стамбул, температура была — 3 градуса. Кстати, ещё перед отправлением мы договорились — изменить график нашего движения. Теперь было решено, что смена должна длиться шесть часов. За четыре часа отдыха никто не успевал выспаться.

Пока я ехал в кунге, то очень внимательно изучил материалы, изъятые из капитанской каюты. Особенно меня интересовал вопрос о нашей будущей трассе и места, где можно будет раздобыть солянку. После анализа имеющейся информации я пришёл к выводу, что нам нужно двигаться вдоль турецкого берега Средиземного моря. Для пополнения запасов топлива подходили порты Джейхан и, немного дальше, терминалы в израильском городе Хайфа, чтобы доехать до них, у нас как раз хватило бы имеющейся сейчас солянки. Заправится в Джейхане, конечно, было бы более предпочтительным. Я знал, что этот порт является конечным пунктом нефтепровода из Азербайджана. А Хайфа — перевалочная база нефтепродуктов для всего Израиля.

Внутренне я очень опасался движения по Средиземному морю, а именно того, что ледяная поверхность на нём может быть похожа на зону вдоль Северного Морского пути, а это — торосы и дрейфующие льдины. Правда, исторические сведения меня немного успокаивали, прежде всего, то, что где-то в 1500 годах дельта Нила замерзала. Сейчас же, после таких холодов, я был уверен, что всё Средиземное море замёрзло и ещё ни разу не оттаивало. Но, на всякий случай, нам следует двигаться недалеко от побережья, чтобы в любой момент, можно было быстро добраться до него. Во время нашей очередной остановки на дозаправку, недалеко от моста через Босфор, соединяющий Европу и Азию, я обговорил с ребятами все эти вопросы, касающиеся нашего дальнейшего маршрута. В принципе, никто не был против, только Коля первоначально возражал, говоря: — На хрен нам нужен этот Джейхан, у нас и так хватит топлива, чтобы напрямик проехать в Египет. А там — пошарим в порту Александрии, или на заправках и, наверняка, откапаем соляру. Я думаю, что никаких торосов мы в Средиземке не встретим — откуда им там взяться. За все эти годы, сильного потепления то ещё не было ни разу, море с океаном контактирует только через Гибралтар и внешняя тёплая вода может размывать лёд только оттуда.

Но Саша ему на это ответил:

— Может ты и прав, но моё очко-то, не железное! Это может, только ты хочешь повторить подвиг

Папанинцев, но меня, что-то, эта перспектива совсем не прельщает. Лучше пускай потеряем пару дней, но потихоньку, вдоль берега проберёмся в Египет. К тому же, я не против, провести пару дней в святых местах — посмотреть, хоть издали, на Голгофу. Видишь, с бывшим Константинополем — мы пролетели, в городе сплошные разрушения, даже Святая София не уцелела. А я, можно сказать, мечтал сделать туда паломничество. Да и Флюр, вон, опечален, он, в последние дни, даже бредил, как пройдёт в бывший дворец султана и спасёт мусульманскую святыню — волос с бороды Магомеда.

Николай иронично хмыкнул и пробурчал:

— Подумаешь, волос, я вон, тоже может быть, хотел попасть в эту сокровищницу. Говорят, там хранится один из самых больших в мире бриллиантов. Вот было бы прикольно, сделать из него кулон и повесить в салон УРАЛа.

После этих слов он, в гордом одиночестве, захихикал, но потом, наверное, почувствовав нелепость своего смеха, заткнулся. Больше он никаких возражений по разработанной мной трассе не высказывал.

Ещё на этой остановке я пытался решить с Игорём вопрос о возвращении меня в строй, объясняя ему:

— Дохтур, понимаешь, глаз у меня уже, считай полностью, восстановился, и я вполне могу управлять вездеходом. А ты сам же видишь, как наши девчонки измучились, и пересменок для них — жизненно необходим.

После недолгих раздумий, Игорь ответил:

— Да вижу я всё, но тебе-то тоже нужно закрепить лечение покоем. Ладно, давай тогда так договоримся, ты будешь вести вездеход только вечером и ночью, а днём — отсиживаться в кунге.

— Согласен, но тогда я буду работать две смены подряд.

Игорь на эти мои слова только махнул рукой и, молча, направился к своему вездеходу. К этому времени уже все заправились и расселись по кабинам. Я последним забрался в кунг, поднял лестницу, и мы тронулись дальше.

У меня в голове уже давно сидела мысль, что в таком месте, как проливы в Средиземное море, наверняка, имеются выброшенные на берег, или стоящие у пирсов суда. А то, что на кораблях можно хорошо пожить, уже сидело у меня в инстинктах. Если короче сказать: обнаружил теплоход — готовь баки к заправке. Поэтому, пока мы двигались по проливам, я внимательно, со стороны обоих бортов, осматривал береговую линию. И, действительно, когда мы уже выезжали в Средиземное море, на Азиатской стороне я разглядел небольшое судно. Оно находилось на берегу, так как лежало, практически на боку и гораздо выше уровнем, чем наши вездеходы,двигающиеся по морскому льду. По-видимому, его выбросило волной со стороны Средиземного моря. Этот вывод я сделал из простой мысли, что со стороны проливов, Цунами, просто физически, быть не могло.

Увидев это судно, я сразу же связался с кабиной УРАЛа и потребовал остановки. Когда мы остановились, я вышел на улицу с биноклем и дал каждому посмотреть на корабль. После этого, мы, даже не пререкаясь, расселись по кабинам и направились в сторону обнаруженного корабля, я уселся в кабину нашего головного вездехода.

Когда мы добрались до места, то быстро определили, что это обычный буксир. Мы, прямо в кабине Урала, договорились, что откапывать рубку от снега не будем, а постараемся быстро проделать

взрывчаткой отверстие в корпусе и там уже определимся, как нам лучше добраться до баков с дизтопливом. Там же решили, что для всех этих работ народу много не нужно, и, поэтому, все водители, кроме Флюра, должны ложиться отдыхать. Всё остальное сделаем мы с Флюром, если нужно будет, то нам помогут, едущие в кунге женщины. Взрывчатки теперь у нас было много. Флюр хвастался, что он раздобыл на заставе даже пластид, им-то мы и решили делать отверстие в борту буксира.

Остановились мы совсем недалеко от корабля, метрах в двухстах. После недолгого общего сбора и одобрения нашего плана, все, с неохотой, направились в кунг на горячий обед. Уходить с улицы в душное помещение уже совершенно не тянуло, для всех, такая температура была уже как знойное лето. Но желудок всё же требовал своё, тем более что наши дамы приготовили супчик из осетрины. Обед прошёл довольно быстро, набив животы, народ потянулся к койкам.

Только мы с Флюром, надев лёгкие куртки, и загрузившись инструментами и взрывчаткой, направились на лыжах к буксиру. Там нашли место, где нависший над поверхностью льда борт был свободен от снега, и Флюр налепил на него полоску в виде овала пластиковой взрывчатки. После этого установил химический взрыватель, и мы отъехали под защиту ТТМа. Раздался взрыв, и поднялась снежная пелена. Выждав минут десять, мы опять подъехали к этому буксиру. В борту зияла большая дыра, в которую свободно мог пролезть человек. Уложив на острые края пробоины, предусмотрительно захваченные с собой телогрейки и, запустив маленький бензогенератор, мы, один за другим, проникли во внутренность корабля. При этом я разматывал удлинитель, соединенный с генератором.

Внутри я повесил два прожектора и мы, помогая себе фонарями, смогли хорошо всё осмотреть. Бак с топливом нашли практически сразу, когда его проверили, то очень обрадовались, он был полон на две трети. После этого я заявил Флюру:

— Ну вот, Хан, мы опять на коне! Теперь сам собой отпадает вопрос с посещением Джейхана, и в поисках топлива мы даже можем ехать мимо Хайфы, прямо в Египет, а там, как предлагал недавно Мастер, поищем горючее на заправках. А ещё лучше, если там ещё остался снег, прокатимся вдоль Суэцкого канала, думаю, наверняка, какие-нибудь теплоходы там застряли и всё ещё стоят, зарывшись килем в песок. А здесь, дорогой мой, осталось — дело техники, подогнать заправщики и перекачать соляру. Поэтому, тебе лучше пойти в кунг и отоспаться перед дальней дорогой. А здесь я и один справлюсь, в случае чего, попрошу помочь кого-нибудь из женщин.

Флюр с моими доводами спорить не стал и согласился пойти немного отдохнуть. Только уже на пути к кунгам, он мне сказал:

— Знаешь, а топлива-то там не очень много. Ёмкость не очень большая, тонн на шесть, не больше.

— Да ладно, нам — добраться до Суэцкого канала и прокатится вдоль него и тонны две хватит. Так, что не бойсь — прорвёмся.

После чего он поднялся в кунг, а я направился к нашему новому УРАЛу. В первую очередь решил заправить его цистерны. Наш старый заправщик всё больше у меня вызывал подозрение своим техническим состоянием. Если раньше сильные скрипы появлялись у него при скорости, больше 30 километров в час, то сейчас от гусениц доносился сильный визг уже при скорости 20 километров. А мы уже давно договорились, если гусеницы развалятся, то терять время на их ремонт не будем. Просто перекачаем из него топливо и бросим на дороге. Вот сейчас я и думал, если топлива будет

совсем мало, и оно всё войдёт в цистерны УРАЛа, то нужно будет выкачать из заправщика солярку и оставить его здесь. Во-первых, получится экономия дизтоплива — не нужно будет гонять лишний дизель, а во-вторых, высвободятся два водителя и наши бедные девочки смогут, наконец, передохнуть

Закачав топливом полностью обе цистерны колёсного УРАЛа, я задумался, а потом, всё-таки, подогнал к буксиру заправщик. Первоначально, на всякий случай начал заправлять бочки, стоящие в санях. И, как чувствовал, на третьей бочке насос прекратил качать — солярка в ёмкости баржи закончилась. После этого, я размышлял совсем недолго, решение оставить здесь заправщик, полностью созрело, и я просто начал доливать солярку из этих бочек в баки остальных вездеходов. Правда, вошло не всё, осталась одна полная бочка, которую я, заведя грузовой УРАЛ, краном, еле впихнул в его кузов.

Во всей этой деятельности мне активно помогали наши новые девушки. Выкачивать дизтопливо из бака заправщика я не стал, у нас не осталось ни одной свободной канистры, а портить ёмкости для воды, жалкими 50–60 литрами солярки, совершенно не хотелось. Заливать всё это в пустую бочку, не имело никакого смысла, её просто было невозможно куда-то засунуть, к тому же, все наши вездеходы и так были перегружены. Завершив все эти работы, я посчитал, что моя миссия закончена и пошёл будить ребят.

После того, как все сели пить чай, я рассказал о своём решении бросить здесь наш старый, добрый, самодельный вездеход-заправщик ИСУЗУ. Несмотря на то, что мы уже не раз говорили о его списании, первоначально, почти все были — против. Было очень жалко этот, прошедший с нами все перипетии, верный грузовичок. Но посидев, подумав и взвесив все за и против, народ был вынужден, согласится с моим решением. Единственные, кто радовались тому, что заправщик будет оставлен здесь, были Дохтур и Наташа. Они управляли этим вездеходом с самого начала нашего исхода, и душераздирающие звуки, постоянно доносившиеся при движении от гусениц, их ужасно достали. За этим импровизированным ужином мы также договорились, что теперь Игорь переходит на ГАЗон, Вика с Наташей будут подменять Таню и Катю. Ну а я, пока так и остаюсь в резерве, на этом, все-таки, настоял Дохтур. После принятия всех этих решений, мы быстренько закончили ужин, и все разошлись по своим местам. Минут через десять, мы отправились дальше. На улице было уже темно, и я, практически сразу, разделся и улёгся спать.

Наша первая промежуточная цель была — Синайский полуостров. Добравшись туда и оглядевшись, мы должны были окончательно выбрать наш маршрут. Существовало две, так сказать, партии. Одни ратовали за организацию колонии на побережье Индийского океана, где-нибудь на территории богатых Арабских государств, с хорошо развитой инфраструктурой. Чаще всего упоминался Оман. Основными доводами в этом у них были: наличие рядом больших запасов нефти, а также то, что можно будет поселиться в богатой резиденции какого-нибудь шейха. Основной представитель этой партии был Флюр. Правда, я думал, что основная причина того, что он ратовал за этот маршрут, заключалась не во дворцах шейхов, а в его мечте — обмыть свои ноги в волнах Индийского океана. Вторая партия, главным идеологом которой был Володя, к ней в последнее время примыкал и я, стояла, в принципе, за похожий маршрут. Тоже по Аравийскому полуострову, но двигаться нужно было вдоль Красного моря, до Йемена. Там, недалеко от её столицы Саны, по словам Володи, был прекрасный оазис, с множеством источников пресной воды. Кроме того, что он находился недалеко

от побережья, там был комплекс правительственной резиденции и туристический центр. Основным доводом этой партии было — не менее развитая инфраструктура в комплексе с большой территорией плодородной земли, где можно было развивать сельское хозяйство. В поддержку этого места Володя выдвигал ещё и такой аргумент:

— Основание нами в этом месте колонии, будет иметь и символический смысл — как будто вся история человечества опять пошла на новый виток развития. Ведь, по мнению учёных, первые люди, которые начали заселение всего земного шара, первоначально, по пути из своей прародины — Африки, остановились именно в этом оазисе. Только благодаря этому, они смогли найти себе пропитание в бескрайней пустыне Аравийского полуострова.

А насчет плана Флюра он говорил:

— Может быть, там и прекрасные дворцы, но, поймите, когда погодные условия на земле вернутся в обычное состояние, там, по любому, будет мало воды. Или, может быть, вы хотите возобновить работу опреснительных установок? Ну, тогда нам придётся только этим и заниматься. К тому же, представьте, что сейчас творится на побережье Омана. Сами изучали карты и знаете, что он стоит прямо на берегу Индийского океана, а цунами там во много раз сильнее, чем во внутренних морях. Большая волна, я уверен, прошла и в Персидский залив. Представляете, что в тех местах сейчас творится на побережье. Наверняка, там весь берег залит разлившейся нефтью и гниющими останками людей и животных. Нет, что-то мне совсем не охота жить в керосиновой лавке с истлевающими рядом трупами. Мой же вариант, чем хорош в этом плане — этот оазис находится недалеко от самого узкого места Красного моря, и, со стороны океана, он защищён самим Аравийским полуостровом.

Вот этими последними аргументами он и перетащил меня на свою сторону. Первоначально, Саша пугал меня этим направлением, говоря:

— Батя, ты посмотри на карту, там, вдоль всего Красного моря расположилась горная гряда. Как мы там проедем, если море уже растаяло?

Я, после небольшого размышления, ему ответил:

— Слушай, Сань, ещё не факт, что возле берега, в апреле, море растаяло. А если даже и растаяло, то, наверняка, оно стало значительно мельче, а береговая линия — намного шире. Сам понимаешь, что наступил, считай, ледниковый период, вода испарилась и замёрзла в северных широтах. Если судить по данным исследований учёных, то в ледниковый период уровень океана понижался метров на шестьдесят.

Одним словом, мы пока так и не решили, каким маршрутом поедем. Этот вопрос окончательно хотели обсудить в Хайфе, куда мы сейчас и держали свой путь. Но, как говорится, мы предполагаем, а Бог — располагает, так это получилось и у нас.

Когда мы проехали мимо Кипра (а я в подзорную трубу смог его рассмотреть), где-то часов через семь, на остановке для дозаправки, когда мы стояли и обсуждали какой-то вопрос, из женского кунга, чуть не упав на лестнице, быстро спустилась Галя. Увидев нас, она замахала руками и что-то прокричала. За шумом дизеля грузового УРАЛа её слова разобрать было невозможно. Мы все подъехали к ней поближе и столпились вокруг лестницы, наступая друг другу на лыжи. И тут она всех, буквально огорошила. А информация была не просто интересная, а страшная, по своей сути, и она полностью меняла все наши планы. Галя, чрезвычайно возбуждённая и напуганная, сказала:

— Я, всё время, после нашего отъезда из дома, по поручению Анатолия, измеряла и заносила в компьютер данные о температуре, давлении и радиационной обстановке, с привязкой к месту нашего нахождения. До последнего времени, всё было в норме. Но часа два назад радиационный фон начал повышаться. Сначала не очень сильно, и я особо не беспокоилась, но, на всякий случай, измерила радиацию после нашей остановки и сейчас нахожусь просто в панике. Радиационный фон уже в четыре раза превышает норму — там, впереди, случилось что-то страшное, или взорвали ядерную бомбу, или произошла грандиозная авария на атомной электростанции. Нам срочно надо поворачивать, ехать туда нельзя.

Этими словами она просто ввела нас в ступор. Минуты две все молчали, переваривая услышанное. Первым очнулся Саша, он, как-то странно хмыкнул и заявил:

— Ну вот, накрылась медным тазом моя мечта — побывать в святых местах. Не иначе, эти фанатики, вахабиды, в последние дни этого мира решили окончательно разобраться с евреями. Идиоты, когда всё рушилось, они занимались такой хернёй. Скорее всего, если фон так быстро начал повышаться, а мы от Израиля сейчас находимся километрах в ста двадцати, там было взорвано не одно, а несколько ядерных устройств. Да! Вопрос — куда, бедному крестьянину, податься? Израиль же, наверняка, ответил, по крайней мере, Сирии и Ирану. Значит, путь к Персидскому заливу для нас отрезан.

— А, может быть, взорвалось какое-нибудь судно с ядерной установкой, например, НАТОвская атомная подводная лодка, — подал голос Коля.

— А тебе не всё равно, — задал ему вопрос Флор, — ясно же, нам в Израиль ход перекрыт, нужно двигать в Египет.

Тут уже и я решил вмешаться в эту дискуссию:

— Слушайте, а если это арабы ударили по Израилю, он же мог ответить и по Египту, и по Йемену тоже?

На это моё предположение ответил Саша:

— Это — вряд ли, евреи не такие психи, чтобы долбить по всем Арабским государствам. Если по кому и вдарили в ответ, то это только по Ирану, ну может быть ещё и по Сирии пульнули, за компанию. Зуб, как говорится, за зуб!

Все эти споры прекратил Володя, он сказал:

— Всё, заканчиваем, балабольшеством заниматься, нечего получать лишние дозы радиации. Давайте, по коням и быстрее — валим подальше, от этого, грёбанного Ближнего востока.

— Куда мотаем, — задал тут же вопрос Игорь?

За Володю ответил уже я:

— Куда, куда? На кудыкину гору! Выхода у нас никакого нет, не возвращаться же назад, поэтому, двигаем в Египет. Единственно, нужно перестраховаться и на берег выехать подальше от Александрии. Если Израиль, всё-таки, ударил по Египту, то, скорее всего, по Каиру и Александрии. Через Ливию ехать тоже нельзя, уж если произошла ядерная войнушка между евреями и арабами, то по Ливии, уж точно, долбанули. Скорее не тронут Египет, чем Ливию. Ладно, Володя прав, нужно быстрее мотать от берегов Израиля.

Но, прежде чем разойтись, мы договорились, что Галя будет теперь мониторить радиационную обстановку и через каждый час сообщать данные по радиации. Режим радиомолчания Саша снял уже давно, после того, как мы въехали на ледяную поверхность Средиземного моря.

После того, как мы снова тронулись в путь, минут через десять разогнались уже до нашей максимальной скорости в 30 километров в час. Двигались мы в противоположную от берегов Израиля сторону. Где-то часа через четыре, Галя сообщила, что радиационный фон пришёл в норму, и мы сразу же повернули в сторону Египта. Теперь нашей целью стало побережье возле египетского города Марса Матрух.

В последние дни, к моей радости, немного похолодало, и теперь температура была — 5 градусов, шёл небольшой снег. Я очень надеялся, что минусовая температура сохранится, хотя бы до того момента, пока мы не выберемся на сушу. Но когда мы находились от берега на расстоянии километров пятидесяти — резко потеплело. Ночью температура была ещё -3, а к двенадцати часам дня, уже +5, снег начал бурно таять.

На берег мы выехали совершенно незаметно. То, что мы двигаемся по суше, я понял только тогда, когда увидел в бинокль какое-то строение. Шапка снега на его плоской крыше была толщиной, всего-то, метра два. Немного поразмыслив над своими наблюдениями, понял, что по суше мы двигаемся уже минут двадцать. Именно столько времени прошло с того момента, когда я, с удивлением, заметил, что уровень воды резко снизился. Если до этого гусеницы УРАЛов наполовину были скрыты в воде, то теперь мы двигались просто по мокрому снегу, оставляя за собой хорошо различимую колею. Все эти наблюдения я сообщил по радиии, чтобы народ немного взбодрился и порадовался.

Тогда же, по радиосвязи мы договорились, не снижая скорости, двигаться в сторону Ливийской пустыни. Нужно было успеть забраться в неё подальше, пока температура ещё не повысилась, и не появилась вода уже на суше. Я подумал, что там воды не должно быть, так как пески впитают в себя влагу от таянья снега.

Когда мы добрались до середины Ливийской пустыни, снег исчез, но, вопреки моим рассуждениям, насколько хватало глаз, повсюду стояла вода. Из неё выглядывали только верхушки песчаных барханов. Переговорив с ребятами по радиии, я узнал, что, ко всему прочему, у нас осталось не очень много топлива. Уже были использованы все запасы солярки из колёсного УРАЛа, из всех бочек и одного бака, установленного за кунгом. То есть, у нас осталось только две тысячи литров дизтоплива, находящихся в баке за мужским кунгом. Ну, это, конечно, кроме солярки, залитой в баки вездеходов, её должно было хватить километров на триста. Кроме этого, ещё одна напасть обрушилась на нас — нехватка воды. Никто из нас не подумал растопить побольше снега, когда мы двигались по морскому льду. Брать воду здесь, это было сродни самоубийству. Каждый мог видеть здесь останки животных и людей. Особенно наглядно это проявилось, когда снега оставалось совсем мало, он был сверху залит талой водой. Наш грузовой УРАЛ, краем гусеницы наехал на чуть заметный бугорок, и вдруг оттуда появилась часть полусгнившей туши верблюда. По-видимому, гусеница вдавила заднюю часть глубже в снег и за счёт этого, наружу вылезла передняя часть. Переехав большой бархан, мы заметили, что воды стало гораздо меньше. Я посмотрел в бинокль и увидел, что километрах в пяти вода совсем исчезла, перед нами открылась величественная картина — впереди была настоящая пустыня.

К этому времени, все уже ошутимо страдали от жажды. Вода выдавалась только женщинам и детям, мужчины же просто смачивали рот одним глотком драгоценной влаги. Но, несмотря на это, исчезновение воды на поверхности песка, вызвало в радиоэфире настоящую бурю восторга. Этому

способствовал и ещё один факт — оставалось всего километров пятьдесят, до города Аль Батави. Когда наш караван почти въехал в этот город, мы остановились. Я спустился по лестнице из кунга и первый раз, не надевая лыж, направился к головному Уралу. Там уже столпились наши ребята, они как будто чего-то ожидали. Подойдя, я первым делом огляделся. Грузовой УРАЛ стоял на асфальтовой дороге, прямо напротив невысокого строения с плоской крышей. У него были большие окна, и над дверью была прикреплена вывеска с надписью на арабском и английском языках. Я попытался перевести с английского, но кроме сочетания "шоп" ничего не понял. Но и этого было достаточно, чтобы догадаться, перед нами магазин.

Я уже хотел спросить у ребят, почему не видно Флюра и Саши, но тут распахнулась дверь этого заведения, и появился Флюр. В руках у него были две пятилитровые баклажки с водой и, что меня буквально потрясло — целый блок сигарет. Флюр, улыбаясь и что-то посвистывая, подошёл к нам. Ему не дали даже сказать слова, буквально вырвали из руки бутылку с водой, скрутили пробку и пустили её по кругу. Пять литров этой благословенной влаги исчезли в наших утробах в несколько минут. Только после этого, на немного ошалевшего Хана посыпался град вопросов. Общий их смысл хорошо выразил Сергей, он спросил:

— Ну что там? Может нам всем вместе туда заглянуть, помародерничать? Вдруг, вы с Котом чего-нибудь не заметили.

Флюр хмыкнул и ответил:

— Малой, ну, сколько я буду тебе талдычить, не лезь поперёд батьки в пекло. Конечно, если ты токсикоман и некрофил, то можешь зайти в этот магазинчик и покайфовать. Запашок гнили и мертвечины там знатный, да и вид разложившихся трупов, тоже впечатляет. На что я не очень впечатлительный, да и то схватил быстро воду и этот блок и сразу же — мотать оттуда. Сейчас и Саня выскочит, он туда зашёл попозже меня и, думаю, дольше меня там не продержится.

Действительно, сразу после его слов из магазина вышел Саша, в руках у него было четыре пятилитровых баклажки с водой. Подойдя к нам, он сказал:

— Нет, в этой точке ловить нечего. Все продукты протухли, консервы стоят вздувшиеся, а те, которые были в стекле — лопнули. Здесь можно загрузиться только водой и сигаретами, да и то их здесь немного. Правда, на кассе я обнаружил одну, очень любопытную брошюрку, а в ней есть схема этого города, с указанием всех заправок и крупных магазинов. Так что, теперь у нас есть подсказка — куда двигаться и где проявить свои мародерские таланты.

Поставив бутылки с водой на асфальт, он достал из кармана куртки тонкую брошюру и развернул карту. Все попытались в неё заглянуть, но реально её рассматривали трое, стоящие вплотную друг к другу, это были я Саша и Флюр.

Сориентировались по этой схеме мы быстро, почти сразу нашли магазин, у которого мы стояли, совсем недалеко от него, ближе к городу, была указанна заправочная станция, а рядом с ней стоял значок ещё одного торгового центра. Поизучав эту карту ещё минуты три, я объявил:

Всё, мужики, давайте, по машинам, следующая остановка — заправка. Нечего тут возиться в заповеднике некрофилов. Утолили жажду и хватит. На заправке, я думаю, будет магазинчик и таких баклажек там — море, ведь, всё-таки, пустыня рядом, а в ней — без воды и не туды, и не сюды". К тому же там, рядом, торговый центр — пока двое будут качать солярку, остальные могут развлечься мародёрством. Конечно, если там осталось топливо, а в магазине товар.

После моих слов, народ, первоначально глянув на карту, начал расходиться по своим вездеходам. Я залез в кабину грузового УРАЛа.

К заправке, указанной на карте-схеме, мы подъехали минут через десять. Остановившись, пошли сразу к хорошо различимым, вкопанным в землю ёмкостям. Там, Саша с Флюром, начали монтажками вскрывать все заливные люки хранилищ. Их лица становились все довольнее, по мере вскрытия топливных ёмкостей. Даже без слов было понятно, что мы сюда заехали не напрасно. Это подтвердили и слова Флюра. Заглянув в последний люк, он, буквально, излучая счастье, подошёл к нам и произнёс:

— Офигеть, все три ёмкости почти полные топлива! Если ещё и насосы на колонках работают, считай, я буду, вообще, в ауте.

Подошедший следом Саша, обращаясь к Валере, добавил:

— Ну, Конь, дело за тобой, это заправка "ВР", а такие мы не раз бомбили, я думаю, что здесь всё устроено стандартно.

После этого, обращаясь уже ко мне, он сказал:

— Батя, я думаю, Валера с электрикой разберётся и один, а нам нужно заняться магазинчиком. Водой в бутылках нужно загружаться по максимуму, кто знает, когда мы найдём какой-нибудь родник или глубинную скважину. С поверхности пить воду, как-то не хочется.

Я согласился с этими словами, только в помощь Валере оставил Максима, поручив им, как только наладят электрику, сразу же начинать заправлять нашу технику. Если же колонки не работают, то подгонять вездеходы к вкопанным ёмкостям и выкачивать топливо нашими насосами. После этого, мы направились, в пристроенный к операторской, небольшой магазинчик.

Меня и до этого раздражал запах, витавший в атмосфере, а, зайдя в помещение, я понял, что до этого были ещё цветочки. Несмотря на то, что окна все были разбиты, в зале всё провоняло мертвечиной. В распахнутой двери подсобки, на лавке скрючились два мумифицированных трупа, всё вокруг было забрызгано, уже давно высохшей, субстанцией.

— Блевотина, — сразу же подумалось мне, — наверное, здесь произошло то же самое, последствия чего мы видели уже не раз. Люди отравились ядовитым вулканическим газом. И, по-видимому, концентрация его здесь была сильнее, чем в наших широтах.

Превозмогая отвращение, я начал таскать на улицу, обнаруженные баклажки с водой, больше там брать было нечего. Всего из этого магазинчика мы вынесли сорок пятилитровых бутылей с водой. После небольшого совещания, решили, что этого недостаточно и нужно посетить торговый центр. Женщины, после того как заглянули в магазин при заправке, посещать большой магазин отказались. Туда направились только мужчины.

В торговом центре, который был частично разрушен, пахло ещё хуже, чем в предыдущем магазине. Смерд стоял просто невыносимый и мы, даже не осматривая другие уцелевшие отделы, сосредоточились только на выносе воды из здания. Всего баклажек набралось штук сто пятьдесят. Мы, встав возле этой кучи бутылок, начали размышлять, куда мы всё это распахаем. Я понимал, что загрузившись топливом, мы не в состоянии будем увезти и этот груз тоже. Нам и так пришлось бросить наши сани, когда закончился снег, оставили и наши тёплые полушубки, снегоуборщик и половину пустых бочек. Единственное, что переложили из саней в кузов УРАЛа, это квадроцикл. Пока я так думал, мой взгляд остановился на стоящем невдалеке, здоровенном пикапе, внедорожнике

марки "Шевроле"

Подтолкнув плечом, стоящего рядом Володю, я сказал:

— Интендант, сделаю я, пожалуй, тебе царский подарок! Помнишь, мы с Мастером загубили твой "Шевроле"? Так вот, я тебе дарю вот это!

И я протянул руку в сторону стоявшей машины, после чего, добавил:

— Видишь, это тоже — "Шевроле", только он побольше, чем твой и колёса у него, видишь, какие толстые, наверное, это специально для движения по пустыне. И вон, смотри, на бампере установлена даже лебёдка.

Народ сразу понял, к чему я клоню, что нам нужно подобрать ещё транспорт в нашу колонну. К моему случайному выбору все отнеслись положительно, а Коля сразу же полез вскрывать это изделие американского автопрома. Лазить по мёртвому городу и подбирать другую, пускай и более грузоподъёмную машину, никому не хотелось.

Бегло осмотрев автомобиль, Николай заявил:

— Да! Тачка очень даже ничего, почти новая, на спидометре всего одиннадцать тысяч километров. Нужно подгонять сюда ГАЗон и тащить её на заправку, я там видел эстакаду. Загоним её туда, заменим масло, проверим все снизу, если что нужно, заменим, и, я думаю, поставив аккумулятор, который мы сняли с заправщика, с буксира мы её заведём. Но часа три на это всё потратить придётся.

Я, оглядев всех присутствующих, спросил:

— Ну что, никто не против, приватизировать эту машину?

В ответ раздалась только одобрительные возгласы.

После этого, мы начали действовать. Четверо стали помогать Коле, реанимировать пикап, остальные занялись заправкой наших пустых ёмкостей топливом. Кстати, насосы на заправке оказались в полном порядке, и мы закачали полные цистерны солярки и две бочки бензина, примерно, за два часа. Потом покрутились вокруг эстакады минут тридцать, пока ребята не закончили ТО "Шевроле". Затем Сергей, управляя ГАЗоном, взял на буксир пикап и потащил по асфальтовой дороге. Обрато они уже приехали раздельно. Из кабины внедорожника вылез улыбающийся Володя, подойдя, он хлопнул меня по плечу и сказал:

— Тачка — просто зверь! Ну, ты, Батя удружил, я просто тащусь от этого пикапа, по сравнению с моим старым "Шевроле", движок у этого работает тихо и ровно, хотя он намного мощнее.

Я усмехнулся, положил ему руку на плечо и ответил:

— Понимаешь, Вова, ехать на нём придётся не тебе, а девчонкам, не посадишь же их за руль УРАЛа. Так что, придётся тебе закатать губки обратно.

Нисколько не обижаясь, он произнёс:

— Да всё я понимаю, но, всё равно, эта машина греет мне душу!

И счастливо засмеялся.

После всех этих дел, загрузив пикап водой, наш караван двинулся из города опять в пустыню. Хотя было уже поздно и начинало смеркаться, мы ещё не ужинали. Было решено, чтобы не дышать этим трупным запахом, отъехать подальше в пустыню и там уже встать лагерем. Все очень хотели хоть немного передохнуть и выспаться на своих спальных местах. Кроме этого, после посещения этого города мёртвых, ужасно хотелось принять на грудь немного сорокаградусной. Мы ехали до

наступления полной темноты, а всё потому, что Флор не хотел начинать наш ужин при свете солнца. Он говорил:

— Мы находимся в той стране, где действовал закон Шариата и нужно уважать обычаи этих мест, даже если здесь не осталось никого в живых. Если уж и будем грешить, то нужно это делать под покровом ночи.

Каждый из нас прочувствовал эти слова, никто не хотел своими действиями оскорбить усопших. Поэтому, мы и встали на ужин поздно вечером.

В этот поздний вечер у нас стол ломился от белой рыбы и чёрной икры, к сожалению, это было в последний раз. Вся рыба, которая была не отварена или не закопчена — протухла. Икра ещё держалась, но, чувствовалось, ненадолго. Весь вечер мы обсуждали наш дальнейший маршрут. После того, как путь на Аравийский полуостров был перекрыт радиацией, весь наш план полетел в тартарары, нужно было разрабатывать новый маршрут.

Споры велись до хрипоты, со стуками кулаками по столу, они стихали только иногда — когда разливалась по рюмкам водка, но потом, возникали снова. Эти споры велись бы, наверное, до утра, если бы не выступил, до этого сидевший молча, Миша, он сказал:

— Я, конечно, понимаю, что за время своей жизни в рабстве, я очень отупел и многое забыл, но очень хорошо помню последний свой полёт в Африку с гуманитарным грузом. Тогда мы прилетели в Эритрею, на гуманитарную базу ООН. Там мне очень понравилось, природа — просто чудо: территория базы граничила с Национальным парком, находилась на небольшом плоскогорье, обдуваемая ветром с гор. Даже при сильной жаре внизу, у моря, там, на территории базы, было очень комфортно. До пляжа на Красном море нужно было добираться на машине не больше часа. Ближайший город Массая находился километрах в семидесяти от этого места. На этой Ооновской базе была прекрасная инфраструктура, большая многоэтажная гостиница для сотрудников миссии и для командированных. Кроме больших складов, аэродрома, центра космической связи и госпиталя, там находился небольшой сельскохозяйственный колледж, где обучались аборигены из Эритреи и Эфиопии.

Последний раз я там пробыл четыре дня, и всё это время чувствовал себя, как в раю.

Вся эта информация заинтересовала не только меня. Наши споры прекратились, и мы устроили Мише форменный перекрёстный допрос, который длился не менее двух часов. И, наконец, в два часа ночи был окончательно решён вопрос о конечной цели нашего путешествия. Этой целью стала Эритрея, база ООН недалеко от города Массая. После этого мы успокоились и разошлись по своим местам.

На следующий день мы отправились в дальнейший путь только в двенадцать часов дня. После вчерашнего застолья решили не спешить, гнать наперегонки с быстро повышающейся температурой, уже не имело смысла. Эту гонку мы, можно считать, выиграли. Поэтому, практически весь путь до самой Эритреи мы проехали безо всякой суеты, более или менее спокойно. Из всех этих двух недель движения в памяти осталось только форсирование реки Нил. На это мы потратили четыре дня, хотя переправлялись по ещё сохранившемуся понтонному мосту. Но пришлось его немного подремонтировать и укрепить. Смутно помнится наша очередная заправка на территории Судана и чуть яснее то отвращение и ужас, который испытали, когда выехали на побережье Красного моря. Вся прибрежная полоса представляла собой бесконечную ленту, беспорядочно наваленных,

полуистлевших тел людей и гниющие трупы животных. Море отступило от берега метров на пятьсот, и эта полоса была тоже засыпана воняющими останками рыбы и морских растений. Чтобы хоть немного спастись от этого аромата, мы были вынуждены ехать в закрытых, как в самые лютые морозы, кабинах. Вдобавок к этому, на вентиляционные решетки были укреплены марлевые многослойные фильтры, которые мы часто смачивали водой. Нас немного спасало от страшной вони и то, что до Массае мы двигались по автомобильной дороге, которая шла в некотором отдалении от береговой полосы.

После того, как мы выехали из Нубийской пустыни, практически каждого из нас начала угнетать окружающая перспектива. Абсолютно нигде не было ни одного живого зелёного пятна, все растения погибли. В лучшем случае, по сторонам серели высохшие кустарники и остовы бывших деревьев, но обычно, куда хватало глаз, чернели обгоревшие головешки.

В город Массае мы даже не стали заезжать, объехали его стороной и сразу же направились к нашей главной цели. Километров за десять до базы ООН, упёрлись в непреодолимую преграду и встали. Впереди стоял разрушенный мост, над довольно бурной рекой. Она текла в своеобразном ущелье глубиной метров десять. Разглядеть в бинокль столь вожделенное место никак не удавалось, база ООН была дальше в горах, и весь сектор в том направлении, перекрывал большой холм, утыканный обгоревшими остатками деревьев. Всё это я узнал, когда подошел к группе наших ребят, стоявших у самого провала в мосту. В это время там Саша с Флюром устроили перекрёстный допрос Мише — знает ли он другой путь к базе.

В результате десятиминутного опроса, мы получили буквально всю информацию, которая сохранилась в Мишиной голове. Во-первых, он смутно помнит два моста через реку, которые проезжал, когда выбирался на море. Во-вторых, он слышал, что к базе существует ещё одна, но очень длинная дорога от города. Она не асфальтирована, очень петляет, и, в месте примыкания её к базе, всё заминировано. Чтобы различные группы повстанцев не могли туда проникнуть.

Вот эта информация нас очень обрадовала, ведь даже мы, на таких вездеходах, не могли напрямик, через горы проехать эти десять километров. Развернувшись и перестроившись, наш караван направился обратно к Массае. По пути было решено заехать, в замеченную Сашей в бинокль, военную часть, находящуюся чуть в стороне от города. Там Саша хотел остановиться и поискать подробные карты местности. На карте, которую мы нашли в придорожном магазинчике, объездная дорога не была отмечена. Да, что там просёлочная дорога, там даже мосты через реку не были обозначены. Явно, она предназначалась только для туристов, и мы зря, когда пересекли границу Эритреи, рылись в этой вонючей лавке.

Добравшись до обрушенных заборов и сторожевых вышек этой военной базы, мы остановились. Все мужчины направились на осмотр полуразрушенных зданий и боксов. Я с ними не пошёл (чего-то мне не хотелось вновь вдыхать запах перегнившего мяса), а занялся осмотром, стоящей на улице, военной техники. Здесь были в основном, танки Т-72, стояло несколько установок Град и зенитно-ракетных комплексов производства Франции. Вся техника была устаревшей и смотрелась очень неряшливо. Примерно через час начали подтягиваться остальные ребята, лица у них были кислые, а на меня они смотрели с завистью. В общем итоге они в душных боксах увидели то же самое, что и я на улице. Больше половины строений были забиты различными боеприпасами. Ещё минут через тридцать появились Саша с Флюром, лица у них были очень довольные. Подойдя, Флюр сразу же

прокричал:

У-у, эфиопы, твою мать! Развели там бардак, похуже, чем у нас, в самой сраной части. Еле нашли все карты. Но, зато там, с ними оказались, и схемы минных полей. Так что, живём! Считаю, эта Ооновская база — у нас в кармане.

И он витиевато выругался. Потом посмотрел на нас и, уже более тихим голосом, произнёс:

— Обозначенный проход на минном поле, довольно извилистый, наши монстры вряд ли в него впишутся. Так что, придётся разминировать. Я вот, что думаю — нужно для этого использовать один, из находящихся тут танков. А то там, в основном, стоят мины МОН-50 и накидано очень много ПФМок (маленьких противопехотных мин с 37 граммами взрывчатого вещества), их, вручную, вообще замучаешься собирать. Я тут заметил даже навесной минный трал для танка. Получится гораздо быстрее попасть на базу ООН, если мы тут реанимируем Т-72 и, уже им, протралим дорогу, где заложены мины. К тому же, танк там нам, на всякий случай, не помешает.

Флюр был у нас самый большой авторитет по минно-взрывному делу, поэтому никто даже не стал оспаривать предложение к началу этой нудной и грязной работы. Все ребята безропотно стали заниматься реанимацией, выбранного после небольшого спора, танка. До вечера мы так и не успели завести танк, поэтому пришлось провести ночь у этой военной базы. На следующий день, к десяти часам, мы, всё-таки, этот танк завели и, позавтракав, тронулись по просёлочной дороге навстречу нашей судьбе. Кстати, искомая дорога проходила совсем рядом с этой военной частью.

Часа через три мы добрались до заминированного участка. Саша, управляя танком, несколько раз протралил дорогу. После этого, мы въехали на территорию гуманитарной миссии ООН. Здесь уже управление нашим перемещением взял в свои руки Миша. Он нарисовал схему расположения всех объектов миссии и мы, разбившись на группы по числу наших вездеходов, разъехались по территории этой базы.

Моей бригаде досталось осматривать жилой городок и гостиницу. Подъехав на ТТМе к жилому городку, я остановился, и мы все вышли, никакого высокого здания гостиницы там не было. В отдалении высились две большие кучи строительного мусора. Пока остальные бросились осматривать восемь симпатичных коттеджей, стоящих немного в стороне, мы с Викой направились в сторону развалин. Походив там, я, в промежутке между двумя железобетонными плитами, заметил, обгорелый с краю, листок бумаги. Достав его, увидел рукописный листок, по-видимому, вырванный из какой-то тетради. Текст там был на английском языке. Подозвав Вику, заставил её перевести написанное. Вот, почти что дословный перевод этого текста:

— Кошмар, живём тут, как в какой-то клоаке. После этого долбаного взрыва вулкана, в гостиницу нагнали целую кучу народу. Ко мне в номер подселили ещё пять человек, теперь все спим как свиньи на полу, а очередь в ванну приходится отстаивать полдня. Сегодня спустился вниз, и чуть не блеванул, вонь от скопища аборигенов стоит неопишная. Как сказал профессор, в гостиницу, вместо положенных трёхсот человек заселили больше двух тысяч. Только в ней можно спастись от отравленной вулканическими газами атмосферы, здесь есть центральное кондиционирование, для которого спешно были изготовлены фильтры. Ещё он сказал, что в здании создано избыточное давление, и отравленный воздух сюда не пройдёт. Так же он говорит, что нужно молить Бога, что это здание уцелело во время ужасного землетрясения.

Да, это он прав, только нужно молить бога за то, что эту гостиницу строили Япошки. Вон, рядом,

дом штаба миссии строили макаронники, вместе с местными неграми и что, теперь там груда обломков. О, мой Бог, опять эти взрывы метеоритов, как же меня пугает это красное зарево... На этом запись обрывалась. После прочтения исписанного листка, мне многое стало ясно, и отсутствие лежащих трупов и руины этих двух домов. По-видимому, после катастрофы, все выжившие были помещены в эту гостиницу, тут был оборудован централизованный воздушный фильтр, и всё для выживания у них было налажено. Но вмешался трагический случай, один из обломков супервулкана, падая метеоритом на землю, попал в гостиницу. И теперь мы имеем большую кучу строительного мусора.

Всего на эти изыскания мы с Викой потратили часа три. Закончили только тогда, когда увидели, что возле ТТМа начали собираться другие наши вездеходы. Хотя мы и проводили наше изыскание ближе всех к месту сбора, но прибыли сюда самые последние. Когда подошли к общей группе, я увидел счастливые лица, буквально всех наших людей. Володя, Саша и Сергей с Натальей бурно радовались найденным большим запасам сублимированных продуктов и консервам. Флюр, Миша и Василий светились счастьем от посещения аэродрома. Там, кроме самолетов, большого АН-178, двух "Сесна" и нескольких вертолётов, они, недалеко, обнаружили большое топлиохранилище, с тысячей тонн дизтоплива, авиационного керосина, а так же емкости с бензином. Игорь с Надей были в восторге от госпиталя, особенно от его оборудования и запасов медикаментов. Дохтур от возбуждения, подпрыгивая и брызгая слюной во все стороны, кричал:

— Вы представляете, там установлен даже томограф, а такого зубоврачебного оборудования, наверное, нет даже в лучших клиниках.

Маша и её группа женщин, осматривающих сельскохозяйственный колледж, вернулись тоже, порядком обалдевшие и очень довольные. Они увидели несколько полей с прекрасной землёй, да ещё и оборудованных возможностью искусственного полива. Кроме этого, на хоз-дворе этого колледжа находилось много сельхозтехники и оборудования, а на отлично оборудованных складах было много различных удобрений.

Люди из нашей группы тоже бурно радовались, к тому же, заражая и других своим восторгом. Осмотренные коттеджи оказались в полном порядке с полностью функционирующей сантехникой и электрикой. Валера, для проверки, запускал поселковую дизельную станцию, а Коля добрался до места, откуда подавалась вода, и включал там насос, а сейчас он, периодически повторял:

— Офигеть! У этих капиталистов трубы до коттеджей идут серебряные, и воду туда они качают из серебряного бака. А сам источник воды находится в пещере, это не очень большое подземное озеро с чистой водой и, несмотря на это, у них там установлены ещё и фильтры.

Да и я сам стоял с отвисшей челюстью, поражённый и счастливый. В это состояние ввела меня Маша, она, после того как приехала, подошла ко мне с лукавой улыбкой и полушепотом сказала:

— Папочка! Ты представляешь, Галя беременна.

Потом, понаблюдав за моим удивлённым лицом, обняла меня и на ухо прошептала:

— И я, тоже!

После чего, весело захихикала и отошла к другим женщинам, восторженно обсуждающих достоинства коттеджей. Оттуда, с любопытством, начала наблюдать за моей реакцией. А я, как стоял столбом, так и остался стоять, только рот у меня непроизвольно начал расплываться в блаженную улыбку, тело налилось необыкновенной лёгкостью, а в душе появилось ощущение полного счастья.

Все звуки слились в необыкновенную музыку. Одним словом — я просто балдел.

В себя я пришёл только тогда, когда услышал громкий голос Саши, он, обняв Вику, немного срывающимся голосом, громко произнёс:

— Ну что, мужики, пожалуй, мы нашли, что искали и к чему стремились. Теперь — пора засучить рукава и начинать вкалывать. Я думаю, скоро все мы будем завидовать Папе Карло — его лёгкому и беззаботному труду. А наши картёжники будут вспоминать с ностальгией те нескончаемые зимние вечера, когда они, чтобы занять время, расписывали длиннющие пульки.

После этого он немного помолчал и закончил, уже немного другим тоном, в отличие от предыдущего, добродушного и немного ироничного, в его голосе появились металлические нотки, он стал колючим и жёстким:

— Я обещаю, как только мы тут немного обживёмся и наберёмся сил, обязательно вернуться и помочь всем обездоленным в этом долбаном Секретариате. Я думаю эти быки, ещё не встречались с настоящими подготовленными бойцами, эти уроды из элиты даже не представляют, что могут сделать даже несколько настоящих диверсантов с их сраной властью.

Он повернулся к Флюру и спросил:

— Хан, правильно я говорю?

— Истину глаголешь, командир, — ответил ему Флюр, потом хищно ухмыльнулся и продолжил:

— Возьмём вон, Малого и Гранату и порвём их на Британский флаг, а Птица нас туда доставит. А, что, присобачим к одному из самолётов лыжи, подлетим к шахтам, надерём элите задницу и свалим обратно, и так несколько раз, пока они от страха все шахты своим говном не завалят.

И он уставился своими наглыми, карими, немного раскосыми глазами на меня, как бы требуя одобрения своего безумного плана.

А я в это время думал совсем о другом: в голове у меня мелькали картины безжизненных просторов, туши мёртвых животных, бесконечная полоса пляжа, заваленного останками морской живности и растений. Было понятно, та Земля, которую мы все знали и любили — умерла. Практически, только мы, жалкие осколки бывшего величия человечества могли как-то помочь вернуть жизнь на планету. У нас были семена, у нас оставались рыбки и водные растения в аквариуме, были пчёлы, а значит, и возможность опылять растения. Оставались у нас и куры — единственный источник аминокислот и протеинов для полноценного развития наших детей, были у нас собаки, наши верные друзья и помощники. И наконец, были мы — здоровые и сильные, способные, целеустремлённо используя все достижения цивилизации, возродить жизнь.

Выражая все эти свои мысли, я ответил Флюру:

— Нет, Хан, прежде всего, нам нужно выполнить, предначертанное Всевышним — обязанность, возродить жизнь. Для этого нам придётся добираться до Шпицбергена — там находится в шахте мировой семенной фонд. Нужно будет добраться и до Пушино. Там, в Галиной лаборатории осталось оборудование для клонирования. И всё это придётся делать нам, других сил у жизни просто нет. А уже потом будем думать, как помочь обездоленным людям. Ладно, народ, — шоу должно продолжаться. Сейчас нам нужно радоваться жизни! Устроим грандиозный праздник! Все-таки — мы выжили. Мы нашли наш Эдем!

Конец.

Это продолжение повестей Кожевникова Олега "Зимняя сказка" и "Зимняя сказка-2". Герои

повестей, благополучно преодолев все трудности и невзгоды, добрались до базы миротворческих сил ООН в Африке и пытаются начать новую жизнь. Земля практически мертва, от космических холодов, несколько лет царивших на Земле, погибли все животные и растения. Казалось бы, безвыходная ситуация, горстка чудом выживших людей должна заботиться только о своём выживании. Но они знают, что кроме них есть ещё живые люди на покинутой территории. Остались знания, есть ещё силы, есть надежда на возрождение Земли, надежда обеспечить своим потомкам нормальную жизнь в нормальных условиях.

v.1.0 voldav – СИ -> fb2

Часть 1

Не дождетесь

Глава 1

Конец любой дороги лишь предвещает начало следующей

01.05.00.

— Судя по вашему виду, становится ясно, что отсюда мы не уйдём, — сказал я. — Значит так, как минимум, останавливаемся на длительный отдых. Это место надо хорошенько осмотреть, изучить окрестности и немного передохнуть, досталось нам всем крепко. Отдохнём, а там и решим, что делать дальше. Поэтому пока останавливаемся здесь, готовимся к ночлегу и ужину. Устроим себе большой праздник.

Володя, обеспечь женщин всем необходимым, и по бутылочке на каждого для снятия стресса и поднятия настроения, давай выгребай все запасы и деликатесы, я знаю, у тебя что-то ещё есть. Думаю, что здесь мы сможем заготовить еду. Те магазинчики, что мы видели по пути, позволяют на это надеяться.

— И это правильно, — удовлетворённо пробурчал про себя Флюр, но так, чтобы все слышали. Остальные тоже радостно загалдели.

— Да, вот ещё что. Думаю, что ужин можно организовать на улице. Галя, ты у нас отслеживала обстановку. Что там с температурой?

— Плюс двенадцать. Можно и на улице.

— Ну, так тому и быть. Есть возражения? Возражений нет.

— Есть добавление, — сказал Саша. — Предлагаю, по возможности, на ночлег разместиться в домиках, имеющихся на базе.

— Коля, Валера, вы смотрели обеспечение водой, электроэнергией? Мы можем обеспечить дома всем необходимым? И сколько на это надо времени?

— Можем, — одновременно сказали Валера с Николаем. — Коммуникации целы, много это времени не займёт. Во всяком случае, переночевать можно будет и так.

— Хорошо. Володя, как комендант, вместе с женщинами разбирайтесь с местами, кто куда поселится, семейных по парам в домики, остальных – как получится по свободным местам. Валера, Николай, Сергей – на вас обеспечение домов водой и энергией, сделайте что успеете. Всем мыться, готовиться к празднику. Женщинам готовить угощение. Всем остальным готовить место. Столы, стулья, освещение, музыку. Сами не маленькие, всё знаете. Отсчёт пошёл.

Как-то всё успели сделать. И расселиться по домикам, благо большого количества вещей ни у кого нет, помыться и привести себя в порядок. Приготовить еду и накрыть стол. И всё остальное

получилось. За столом, как обычно, собрались все. Двадцать три человека, ставшие близкими и, можно сказать, родными, после всего того, что пришлось пережить. После первых выпитых рюмок нахлынули воспоминания о прошедшем, о том, как всё начиналось. Очень радуется, что эта история получилась со счастливым концом. Во всяком случае, пока нам удалось выжить

Всё, в общем-то, началось с того, что я продал свою дачу. Дача получилась неплохая, но были у неё недостатки. Холодная она получилась, да и водопровод зимой замерзает. А тут во время майских праздников вдруг появился покупатель и предложил за неё хорошие деньги. Так как у меня уже возникали мысли о новой даче, эту я продал.

Мне с женой моей, Машей, жить в Москве не нравилось, поэтому я стал искать новое место для жилья. И нашёл. Недалеко от Пущино продавались участки для дачи, там я землю и купил, а потом начал строить новый дом, тёплый, просторный, на все случаи жизни. Строил я его не то, что бы быстро, но хорошо и доброту. Привлекал строителей узбеков, а также ребят из Белоруссии. Оттуда, кстати, Валера и Сергей, с которыми, так уж получилось, мы пережили весь этот катаклизм.

Дом получился хороший, прочный и тёплый, три этажа и глубокий подвал, вода прямо под домом, из подвала пришлось бурить скважину на глубину восемьдесят три метра, зато вода была всегда и скважина не замерзала в любые морозы. Да ещё поставил самодельный ветряк, сделал его из ферм подъёмного крана и списанного дизель-генератора. Правда, списан он был из-за поломки дизеля, а на генераторе, как говорится, и муха не сидела. Электроэнергии от ветряка хватало с избытком, так что дом оказался независим от местных электрических сетей и вообще полностью автономен.

Сам я по профессии строитель, был предпринимателем, потом продал бизнес и ушёл торговать на биржу, стал трейдером. Был уже долларовым миллионером. Мои знакомые звали меня куркулём из-за привычки не платить лишние деньги, делать всё самому и стараться иметь запас всего и много. По характеру человек сухой, осторожный, замкнутый и рационалист, не поддающийся на всякие разводки и лохотроны.

А тут, просматривая Интернет, натолкнулся на сообщение, что с Землёй должен столкнуться астероид. Произойдёт это на территории Америки и вызовет пробуждение супервулкана, сильнейшие землетрясения и извержения многих других вулканов по всей планете. Результат всего этого будет эквивалентен взрыву нескольких тысяч хиросим, вулканическим газом покроет всю Землю, а потом вулканический пепел закроет всё небо, начнётся ядерная зима, ожидается температура ниже минус сто градусов Цельсия. Короче, северный пушистый зверёк придет на Землю.

Узнал я про это, и почему-то поверил этим сообщениям. Почему – так и не могу даже для себя внятно объяснить, видно сработала чуйка. Поэтому и решил, что делать в Москве нам с Машей нечего, надо уезжать из города. Пережить всё это в мегаполисе просто невозможно. Я тут как раз хотел новую машину покупать, так что деньги при себе были.

Уговорил я свою дочь Вику вместе с её мужем Сашей, он, кстати, офицер спецназа ГРУ, поехать с нами, попить пива и отдохнуть на природе. По пути к ним домой закупили полную машину продуктов в каком-то супермаркете, брали ящиками и упаковками всё, что может храниться долго. Когда приехали к Вике, у них был их друг Флюр, Сашин сослуживец, и его девушка Катя.

Пригласили их собой и поехали все вместе на дачу.

После приезда я решил продолжить запасаться продуктами и топливом на все деньги, что у меня

были. Для этого мы с Сашей и Флюром ездили в Тулу на оптовый склад, привезли несколько машин продуктов. Предупредил соседей, показал им сообщения об астероиде в Интернете, прогнозы специалистов о результатах столкновения с астероидом. Мои соседи – Николай, опытный автомеханик, и его жена Ирина, Игорь с женой Надеждой, оба врачи, Володя и Галя, учёные биологи из Пущино, мне поверили, и тоже стали готовиться к приходу зверька.

Мы закупали уголь, солянку, продукты, всё, что могли. Правда, были сильные опасения, что я зря перепугался, но когда в очередной раз мы возвращались из Тулы с запасами, произошло землетрясение, и стало ясно, что всё сделано правильно. После этого мы прекратили всякие поездки, закрылись в доме, сделали фильтры для наружного воздуха и пережидали, пока разложится вулканический газ.

Все мои соседи и Валера с Сергеем, строители из Белоруссии, которые в это время работали у других заказчиков в нашем посёлке, разместились у нас, места в доме хватило. Дома моих соседей разрушились в результате землетрясения, они присоединились к нам, и мы вынуждено стали спасаться все вместе.

Просидели мы так неделю, смотрели фильмы, играли в карты, пели песни под караоке, короче, выжидали. Всё это время наблюдали за погодой и общей обстановкой, слушали радио. Никаких новостей практически получить не удалось. Наблюдали массовое падение метеоритов, небо оставалось затянутым облаками, солнце не проглядывало, периодически шёл снег, температура воздуха падала ниже нормы. Через неделю выпустили поросенка на улицу для проверки воздуха, с ним всё оказалось в порядке. Значит, дышать можно.

Когда мы выбрались из дома после вынужденного заточения, то первым делом начали разведывать обстановку. Для этого решили посетить ближайшую деревню. К сожалению, оправдались самые мрачные прогнозы. Все жители в ней были мертвы, отравились вулканическим газом. Ожидая, что сбудутся остальные прогнозы, мы продолжили, по возможности, запастись всем, чем только можно, в первую очередь топливом и продуктами питания.

Съездили в Пущино на машине, попытались забрать у моих соседей кого можно из родственников и близких, живущих там, а также узнать, что творится в мире. Никого из тех, кого хотели забрать, не было в живых. Общая атмосфера была очень тяжёлая, все, кто выжил, пытались как-то спастись.

Продуктов нет, тепла нет, власть берут все, кто может, у кого есть оружие, запасы еды и топлива.

Появились бандиты, в Пущино нас даже пытались ограбить, но мы сумели отбиться.

После этого решили наведаться в Тулу, попытаться раздобыть оружия вдобавок к тому охотничьему, что у нас было и, может быть, продуктов и снаряжение. Оказалось, что купить ничего невозможно, если только обменять на продукты, водку, самогон, сигареты. Кое-что мы обменяли, благо нашлась самогонка в погибшей деревне, а на обратном пути домой какая-то банда попыталась нас ограбить и убить. Опять сработала чуйка, и мы, Саша с Флюром, да и я тоже в этом поучаствовал, отбились и сумели уничтожить бандитскую засаду, в которой все были переодеты в милицейскую форму.

Бандиты останавливали проходящие иногородние машины под предлогом досмотра, выясняли, что есть в машине, и если было что-то ценное, убивали всех пассажиров кроме женщин. Их они забирали себе для развлечений. Посмотрев, что творили бандиты, мы решили уничтожить остатки банды, тем более, что пленник из грабителей перед смертью рассказал, где они находятся и что их осталось всего трое.

Уничтожили этих тварей, освободили трёх женщин заложниц и обнаружили приличные запасы продуктов, топлива, техники. Всё, что было награблено бандитами. А это также нам было нужно. Всё уже было на грузовиках, уложено, упаковано. Потребовалось несколько поездок, чтобы перегнали машины с продуктами и топливом к себе. Забрали бандитское оружие, а женщинам предложили присоединиться к нам и выживать вместе. К этому времени иллюзии у всех пропали, все готовились именно к выживанию.

Когда температура упала ниже минус шестидесяти градусов, мы перестали выходить из дома, так и пережили холода, а они были ниже минус восьмидесяти градусов Цельсия. Дополнительно дом утеплили, топили печи, камин, благо своевременно были сделаны запасы угля, и ветряк работал исправно, обеспечивая электроэнергией. И хорошо, что конструкция была самодельная и использованы детали и материалы, стойкие к низким температурам. Ветряк нас не подвёл и обеспечивал электроэнергией.

Только летом, по календарю, когда температура поднялась выше минус тридцати, начали выходить из дома и продолжили поиски топлива и продуктов. Так мы и прожили шесть лет, пережили холода ниже минус ста градусов. Солнца не было, для профилактики и лечения организовали в подвале дома солярий и развели огород, выращивали свежие овощи.

Снега за это время намело высотой больше шести метров, замерзли все реки и моря, приходилось откапывать вход во все хранилища и заправки, что смогли найти. Для движения по снегу сначала использовали снегоходы, потом изготовили гусеничный вездеход на базе имеющейся машины. Затем смогли найти и раскопать армейские склады и обзавестись гусеничной техникой и транспортом для передвижения по болотам, что позволило свободно передвигаться по такому глубокому снегу. И за это время справили несколько свадеб.

А потом, впервые за шесть лет, пришла весна, накопившийся шестиметровый слой снега стал таять. Первую весну мы смогли пережить, воды было ещё не слишком много, и мы смогли, непрерывно её откачивая, избежать затопления дома. Но дальше должно было быть гораздо хуже, да и если весь снег начнет таять, а земля останется промёрзлой, то будет наводнение, затопит всё, что только можно. Все трупы и отходы будут плавать в воде вокруг нас, мы просто в них захлебнёмся и не сможем найти ни глотка чистой воды.

Это будет страшно, пожалуй, чуть ли не мировой потоп, и неизвестно, что ещё лучше, потоп или ледниковый период. Тогда и возникла идея о поиске нового места для проживания всей нашей маленькой компании, даже можно сказать, семьи. Принятие этого решения ускорило то, что начали портиться в наших запасах продукты. Так что, ждать нам было нечего, и мы тронулись в путь. На юг, искать новое место. Было несколько предложений – Египет, Иран, Азербайджан, но окончательно решение не приняли и решили уточнить ближе к месту.

В пути нам, конечно, досталось. Устали все невероятно, пришлось вести наши машины почти всем, сменяясь через каждые четыре часа. Несколько раз чудом едва-едва избежали очень больших проблем, когда запасы топлива подошли к концу. Но опять подвернулся шанс, и мы его не упустили. Сумели найти и топливо, и продукты питания.

А потом встретили других выживших. Как оказалось, люди спаслись в шахтах. Правда, от людей в них мало что осталось. Установилось настоящее рабовладение – появились рабы, хозяева, прислуга.

А также расцвёл каннибализм. Наверх выходили небольшие группы для торговли и обмена всем, чем

только можно, в том числе и рабами. Вот с одной такой группой мы и встретились, пришлось уничтожить охрану и освобождённых рабов взять с собой. Так к нам присоединились Василий, Михаил, Марина, Света. Уходить пришлось с боем, но мы прорвались. Уничтожили немало бойцов противника и его техники, справились даже с вертолётom, и ушли.

Первоначально хотели уйти в район Ирана, потом нацелились в район Израиля, но там оказался повышенный радиационный фон, и мы повернули в сторону Египта. Средиземное море пересекли по льду, все замёрзло, выбрались на берег где-то около Ливана. Во время одной из наших остановок, во время споров о направлении дальнейшего движения, Михаил рассказал нам о базе гуманитарной помощи ООН в Эритрее, вот мы туда и подались.

База оказалась оснащена всем, чем только можно. Был автономный подземный источник воды, аэродром с самолётами и вертолётom, большими запасами топлива и запчастей, большое количество техники, пункт космической связи, больница, был даже сельскохозяйственный техникум, поля с поливом и сельхозтехника, жилые дома. Вот здесь мы сейчас и праздновали окончание нашего путешествия.

— Батя, о чём задумался? — прервал мои воспоминания Флюр.

— Да так, что-то на воспоминания пробило.

— Как положено, анализ прошедшего и определение перспектив, — не успокоился Флюр.

— Да рано пока об этом говорить. Как я понимаю, нам сейчас надо немного отдохнуть от дороги. А вот потом можно будет говорить обо всём.

— А о чём будем говорить? — вступил в разговор Володя.

— Об этом не сейчас. Пока отдыхаем и расслабляемся, снимаем стресс. А вот завтра уже можно начинать думать.

Непринуждённая обстановка позволяла отмякнуть, снять накопившееся невероятное напряжение.

Правда, произошло это далеко не сразу. Многим знакомо такое ощущение после тяжёлой, напряжённой работы – дорога ли завершена, или ещё что сделано, можно, казалось бы, отдыхать. Но сразу забыть о себе дорога не даёт. Такое ощущение, что внутри сидит сжатая пружина, если её сорвёт, то ничего хорошего из этого не будет, её отпускать надо плавно и постепенно. Да и то порой при резком звуке со стороны ловишь себя на ощущении, что нога жмёт на педаль тормоза.

Воспоминания о прошедшей дороге, опасности и смешные случаи в пути, воспоминания о страшных годах были основной темой за столом, причём чаще всего вспоминали именно смешные. То ли это шло по ассоциации, один рассказанный случай тянул за собой другой похожий, то ли сказывалось невольное желание забыть плохое, но общая обстановка за столом была весёлой и непринуждённой. Постоянно кто-то произносил очередной тост, который в свою очередь сменялся активной работой ложек. Лёгкое опьянение и сытость, остаточное нервное возбуждение от дороги, смешиваясь, вызывали у всех какое-то нервное, немного бесшабашное веселье. Но постепенно многодневная усталость и появившееся чувство успокоенности, какое-то внутренне умиротворение, подпитанные хорошей дозой выпитого, начинали брать своё, и все потихоньку начали разбредаться по своим индивидуальным домикам.

На следующий день встал я ближе к обеду. Никаких отрицательных последствий после посиделок не ощущалось. Спокойно встал, умылся, вспомнилось забытое ощущение – из крана течёт вода. Одежда, Маша приготовила непривычно лёгкую одежду, и пошёл на улицу. Там уже были прибраны почти

все следы вчерашнего застолья, но столы не убраны, на них готовая еда, наши женщины постарались. Неярко светит солнце, лёгкий тёплый ветерок приятно обдувает лицо. На плечах простая куртка, нет тяжёлого полушубка, на ногах обычные берцы. Хорошо-то как.

Пока шёл к столу, немного осмотрелся по сторонам. Стоят двенадцать отдельных домиков, видны развалины нескольких строений, последствия землетрясения, трёхэтажное здание техникума, гаражи и мастерские, пункт управления полётами, ангары, склады.

На столе стоял горячий чайник, кружки. Пока я баловался чайком, потихоньку начали подтягиваться и остальные. Вскоре собрались все, и Саша задал самый ожидаемый вопрос:

— Батя, что дальше делаем?

— А что, и заняться нечем? Смотри, какая погода. Солнце, тепло, грей промерзшие косточки, что тебе ещё надо?

— Всё это конечно хорошо, но ведь мы не на отдыхе и не на курорте, когда с утра можно пить вино и расслабляться. Сейчас хорошо, а если бы ещё добавить и пива, то будет ещё лучше. А что делать завтра? Куда бежать, что катать а что таскать. Как говорится, солдат должен быть всегда при деле, иначе он думать начнёт. А это может быть и не всегда безопасно.

— Ладно, торопливый ты наш. Да и все остальные, чего стоите? Присаживайтесь, побалакаем о делах наших. Я ещё не готов к какому-нибудь серьёзному разговору. Ещё многое надо осмотреть и подумать. Честно скажу, я не знаю что делать. Раньше ситуация была простая, как угол дома. Надо выжить. Сейчас ситуация совсем другая. Но вы правы в одном. Что-то делать надо. Для начала предлагаю не торопиться, давайте очень внимательно осмотримся, — сказал я. — Если мы хотим здесь жить, надо сразу же решить, а подходит ли нам для этого место. Я думаю, надо проверить в первую очередь несколько вещей.

Самое главное, а сможем ли мы здесь себя прокормить, позволит ли эта земля вырастить продуктов столько, сколько надо, и даже немного больше? Сколько мы здесь сможем вырастить еды, для себя и наших птиц? И каких продуктов? Что здесь за земля? Можно ли начинать уже сеять, а если нельзя, то когда будет можно? Что для этого нужно? Вопросов по этому поводу больше, чем ответов.

В общем, определяемся по всему, что связано с сельским хозяйством. Думаю, этим могут заняться Маша, Ирина и Галя. Да, Галя, на тебе так и остаются метеонаблюдения и контроль обстановки. Температура, ветер, радиация, ну и всё связанное с метеорологией и общей обстановкой. Хотя бы на уровне наблюдений и фиксации результатов. Я понимаю, что это пригодится как для наших агрономов, так и для всех нас, надо знать, что происходит с погодой в это время. Хорошо бы найти результаты наблюдения за погодой в предыдущие годы. Тогда будет более ясно, чего стоит ожидать. Вчера говорили – здесь много техники, в том числе и колёсной. Да и что-то вроде хорошей автобазы есть вместе с необходимым оснащением. Пора подбирать себе новую технику, или нашу переобувать на нормальные колёса.

Далее, если есть возможность произвести разведку с воздуха, надо этим обязательно воспользоваться, а не ломиться неведомо куда. Поэтому я думаю, Михаил, Флор, давайте на аэродром, посмотрите самолёты, может, получится запустить хотя бы одну Цессну из двух. Если да, то готовьте её к разведывательным полётам. А может быть проще будет на вертолёте?

— Михаил, на вертолёте летать можешь?

— Несколько раз пробовал, получалось.

— Тогда на месте и определитесь. Но я думаю, для обзорных полётов лучше использовать Цесну. Она, как мне помнится, должна летать на тысячу двести км, так чтобы осмотреться, этого должно хватить. В радиусе километров пятьсот надо будет всё и разведать. Вот в разрезе этих задач технику и смотрите.

Надо определиться окончательно, что дает нам эта база по жилью. Сколько можно иметь домов, сколько людей можно поселить, возможности энергетики, причем не только для жилья, но и для аэродрома, связи, больницы, сельского хозяйства, автохозяйства. Сантехника, обеспечение водой, теплом. Что есть, что ещё надо. Валера, я думаю, это тебе надо подключаться. И Володе, как коменданту гарнизона. Наверное, и Сергею.

Николай, Василий, я думаю, надо проверить всю имеющуюся технику, в том числе и сельскохозяйственную. И не только технику. Я думаю, здесь должны быть ремонтные мастерские. Вот их тоже обязательно надо посмотреть. Станки, оборудование, что можно на этих станках сделать, место для размещения другого дополнительного оборудования. И технику посмотреть на предмет реанимации, нужно уже переходить на колёса. Причём в любом случае, с этим тянуть не следует. Как говорится, случаи бывают разные, а машина всегда должна быть на ходу.

Вика, Наташа, возьмите с собой Максима и осмотрите местный техникум. Что там интересного и нужного: библиотека, оборудование, помещения.

Игорь, Надя, за вами больница. Осмотреть подробно, что тут есть, и что можно будет использовать для других задач, в частности, для организации биологической лаборатории.

Саша, Катя, вам центр космической связи. Посмотрите в первую очередь антенное хозяйство, в том числе и на аэродроме, на предмет исправности и организации центра радиосвязи. Я думаю, мы все будем постоянно в разгоне, так что такой центр нам пригодится. Нам теперь всегда надо иметь связь между собой.

А я, наверное, пойду для начала с Николаем и Василием, посмотрю технику, но постараюсь по ходу добраться до каждого.

Рита, Марина, Света, за вами обед и порядок по лагерю. Володя, обеспечь всем необходимым. Я думаю, особо торопиться не будем, но и тянуть не надо. Смотрим всё очень внимательно и тщательно. Собираемся здесь же, на обед. Задачи поставлены, цели определены. За работу.

Все пошли по своим участкам. Смотреть, прикидывать, определяться.

Автохозяйство на базе впечатляло, во всяком случае, меня. Несколько десятков боксов, несколько десятков автомобилей самых разных моделей, типов, назначения. В основном, конечно, были грузовики, бортовые и тентованные, но были и микроавтобусы, и легковые автомобили. Были джипы и машины специального назначения – заправщики, автогрейдеры, эвакуаторы. Почти все машины стояли в боксах и поэтому были в приличном состоянии.

Техника была, конечно, хороша. Грузовики – в основном полноприводные, причём автомобили среднего класса, грузоподъёмностью три – пять тонн. Кроме автомобилей на базе была хорошая механическая мастерская, оснащённая практически всем необходимым оборудованием.

Были обрабатывающие станки, практически полный набор – токарный, фрезерные, небольшой пресс, кузница, подъёмники и краны. Был участок обслуживания аккумуляторов, склад авто запчастей, склад ГСМ, масла, бензин, солярка, и многое другое. Короче, очень не слабое автохозяйство. Запитывалось это всё от собственной дизельной электростанции, расположенной в отдельной

пристройке.

Здесь можно было сделать многое, правда и повозиться для того, что бы запустить всё это в работу, нужно было немало. Мнения Николая об увиденном можно было не спрашивать, достаточно было посмотреть на его довольный вид. Осмотрев это хозяйство очень бегло, я собрался идти дальше. Не меньше машин меня волновал самолёт, хотя я о них знал только, что они летают.

— Николай, — сказал я, — смотри дальше один, прикидывай, с чего начинать, что будет нужно в первую очередь. Определись с машинами, мне например, нравится вот та Ивеко и мерс. И смотри, как можно запустить эту мастерскую. А я пойду, посмотрю, что у других.

Дальше я пошёл на аэродром, узнать, что там происходит. Михаил и Флор полностью погрузились в изучение имеющейся техники и самого аэродрома. Михаил крутился возле самолетов, а Флор осматривал башню, центр управления полётов, и антенное хозяйство.

— Михаил, что с техникой, — поинтересовался я.

— Да вроде бы оживить можно, вот только один не справлюсь. Техника была вся в ангарах, ветром, снегом впрямую не обдувалась, обшивка нормальная, но шланги, резину, всё надо менять. Вроде бы должен быть склад запчастей, есть небольшая мастерская, есть необходимый выбор деталей, вот только в каком всё состоянии, пока сказать не могу.

— Есть и склад, есть и мастерская, и ГСМ, и своя ДЭС. Вполне приличное хозяйство. Антенны на первый взгляд рабочие, стоят крепко, перезимовали успешно, — добавил подошедший Флор.

— Ну что же, занимайтесь дальше. А лучше пошли на обед, время. По пути посмотрим, что там, у Саши с Катей получается.

— Это мы всегда со всем усердием, — сбалаганил Флор.

Саша с Катериной нас тоже обрадовали. Всё было в порядке, ничего не отвалилось, привести в порядок, конечно, надо, но это не с нуля всё собирать.

Все вместе пошли в лагерь, тем более, что день заканчивался, а мы весь день на ногах и голодные. В лагерь уже подтягивались и остальные.

Пока все не поели, никаких разговоров не вели. А вот потом, за чаем, началось всеобщее обсуждение проблемы. Начал Володя:

— Батя, мы осмотрели территорию, осмотрели, наверное, все, что можно. Места достаточно, можно поставить как несколько десятков отдельных домиков, так и несколько небольших общежитий. Воды должно хватить, придется, конечно, проложить новый водопровод и канализацию, но для бытовых нужд хватит. Места может и на что-то другое хватит, но пока непонятно, как пополняется вода, думаю питьевую воду расходовать только на бытовые нужды.

Для полива придётся брать воду с реки. Во всяком случае, по предварительным оценкам, можно разместить две – три тысячи человек. Можно пока использовать и имеющиеся помещения в техникуме и больнице. Можно построить новые домики. Материал есть. Вот только где их взять, этих людей

— А на тех полях, что мы посмотрели, прокормить можно до десяти тысяч человек, — добавила Маша. — И есть загоны для птиц и животных. Скажите, что решили. Мне кажется, что здесь можно жить.

— Вот сейчас и определим, — ответил я. — Мы сегодня осмотрели всю эту территорию, надо честно признать, место хорошее. Есть всё для нормальной жизни. Вот только надо определиться, как жить

будем.

— А в чём проблемы? — спросил Саша.

— Давайте не будем обманывать себя, — начал я. Сейчас я буду просто рассуждать вслух, если что — поправляйте, добавляйте, высказывайте своё мнение. То, что я буду говорить, это моё мнение, может быть оно неправильное, может быть, всё обстоит совсем не так, но вот что у меня получается. Земля, как мы её знали, умерла. И умерла цивилизация, что нас родила и вырастила. И теперь нам придётся как-то выживать дальше. Самим, своим умом и своими силами.

Самое главное сейчас – решить, что мы хотим. Судя по всему, здесь мы сможем спокойно прожить всё оставшееся нам время. Семена у нас есть, продуктов себе мы вырастим, горючки нам здесь хватит, море рядом, можно устроить курорт до конца своих дней. А можно и наоборот. Впрягаться в работу до кровавых соплей, чтобы в глазах черно было и от ветра шатало. Зачем это надо? Ну, если не пытаться строить новый мир, то хотя бы сделать что-то похожее, во всяком случае, способное к дальнейшему развитию после нас и без нас.

Зиму мы пережили, будем надеяться, что опять наступят нормальные времена года, хотя это и не факт. Моря и океаны все промёрзли, когда восстановится нормальный круговорот воды и тепла – неизвестно. Будет ли он вообще, и как это будет выглядеть. Будет ли и дальше существовать Гольфстрим, эта мировая печка, или вся Европа будет оставаться замороженной. Я не знаю.

Раньше кислород для дыхания давал океан и леса. Сейчас их нет. Что теперь будет источником кислорода? Растений нет, а значит нет и фотосинтеза, нет поступления в атмосферу кислорода.

Дышать будем только тем кислородом, что остался в атмосфере. А сколько сейчас валяется трупов, отмерших деревьев и всего прочего. И уже начался мировой потоп, только так можно будет назвать всё происходящее, когда начнёт таять весь накопившийся снег.

Ничего другого, кроме потопа, при таянии такого количества снега быть не может. А также всё будет гнить, как только начнёт расти температура. А это выделение сероводорода, метана, аммиака. И чем, спрашивается, мы будем дышать? Я полагаю, что мы ещё проживём, наши дети, скорее всего, тоже.

А вот смогут ли жить внуки, уже вопрос. Вот я и спрашиваю, как жить будем?

К чему я это всё? Я не пугаю, я просто хочу донести до вас своё беспокойство за сложившуюся ситуацию. Чтобы выжили наши дети и внуки, нам придётся сажать леса и восстанавливать фотосинтез, т. е. возрождать землю, возрождать на ней жизнь. Хотим мы или нет, но у нас нет другого выхода, если мы думаем о будущем. Вот что я думаю о том, что надо делать.

Я замолчал, пауза затягивалась. На лицах я наблюдал обиду, недоумение и страх. Как же так, столько пережить, выжить при стоградусных морозах, когда вокруг не осталось ничего живого. Избежать затопления. И оказывается, что всё напрасно? Столько усилий, столько мучений. А спасения нет?

Затянувшуюся паузу прервал Володя:

— Да, наверное, ты, батя, во многом прав. Конечно, остаётся много вопросов, на которые, скорее всего, сейчас ни у кого нет ответа. Вот только я не понимаю одного. Как мы, двадцать три человека, сможем спасти Землю, возродить или построить новую цивилизацию.

— А я и не говорил, что мы построим новую цивилизацию и спасём Землю, — продолжил я. — Это работа не на одно поколение, и хорошо, если наши внуки и правнуки будут жить спокойно. А вот импульс развития, направление движения мы можем задать сейчас. И это будет ох как нелегко. И главное – не останавливаться и не надорваться. Но и медлить нельзя. Надо понимать, что всё, что

сейчас осталось и пока ещё работает, через какое-то время работать перестанет, просто по причине того, что больше не сможет работать физически, у всего есть предел прочности, и срок жизни любого изделия конечен.

Раз мы здесь и сейчас собрались, раз вы меня вытянули на этот разговор, то уж давайте договорим всё до конца, и определимся с нашими дальнейшими действиями. Пусть все выскажутся.

— Я так понимаю, — начал Флюр, — что выбора у нас нет. Или мы должны сидеть, и ждать неизвестно чего, или попытаться как-то изменить ситуацию. Сидя в обороне, сражение не выиграешь, надо атаковать. Я за то, что бы начать дёргаться.

— Я там, где и ты, — сказала Катя. — Выбора нет, ради детей придётся поработать, этим нас не испугаешь.

— Что надо делать, я пока не знаю, — сказал Володя. — Это надо ещё хорошенько обдумать, но надо попытаться, тогда хоть будет не так обидно потом.

— Наши знания по биологии будут здесь нелишними, — добавила Галя. — Теперь я поняла, что ты имел в виду, когда говорил про лабораторию.

— А мы засадим всё, что можно и всем, чем только сможем, — сказала Маша. — И всё это вырастим. Правда, Ирина?

— Да.

— Я думаю, что здесь не найдётся ни одного человека, кто бы отказался хорошо поработать, чтобы в дальнейшем иметь возможность жить, — начал Саша. — Давай, батя, развивай тему дальше, и мы все будем смотреть, где и кому надо подключиться. Нас не так уж много, и всем найдётся дело.

— Ну что же, слушайте, что я по этому поводу думаю. Рита, дай ещё чайку, говорить будем долго, что-то горло пересохло.

— Думаю, что одним из первоочередных моментов надо считать задачу увеличения нашей численности. Нас должно быть больше. И я вижу пока одним из источников пополнения численности освобождение рабов, которых держат на шахтах. Нам придётся вернуться обратно, туда, где мы проходили и с ними столкнулись. Их хозяев и помощников я ни при каких условиях не хочу видеть здесь. Пусть сдохнут там.

Но искать надо не только там. Шахты есть и в других местах. В горах есть пещеры, есть метро, там тоже могут быть выжившие. Мы даже сейчас не представляем, где могут оказаться живые люди. А уж коли мы ставим перед собой такие цели, их всех придётся искать везде, где только можно. И мне почему-то кажется, что лучше всего это делать у нас в стране, а не в Африке. Хотя негры и китайцы живучи, так что всё может быть.

Но имейте в виду, что жизнь каждого из нас имеет неимоверную ценность, и её нельзя подвергать ни малейшей опасности. Думаю, надо начинать с тех мест, где точно есть люди, с захвата караванов, тех караванов, что перемещаются между шахтами по поверхности, тем более, там нет такой охраны, как в шахтах. Да и использовать будем своё техническое превосходство.

Вся задача, на мой взгляд, разбивается на несколько этапов. Саша, Флюр, Михаил, добавляйте, исправляйте, если я не прав или ошибаюсь. Сначала на Цессне проводим авиаразведку окрестностей здесь, ищем хорошую технику. Нельзя лететь над морем или на большие расстояния на одномоторном самолете. Я думаю, надо искать какой-нибудь двухмоторный самолёт, но такой, чтобы мог сесть где угодно, и мог бы взять на борт до десяти человек. Это, конечно, самое опасное,

сесть и взлететь.

Да, и надо оснастить самолёт как минимум пулемётами, желательно крупнокалиберными, чтобы он превратился в штурмовик. Можно ещё добавить ракеты и бомбы. Это вроде бы и перестраховка, но бережёного бог бережёт. А может быть, можно будет использовать вертолёты. В любом случае, придётся делать не один промежуточный аэродром, посадки надо делать абсолютно безопасными. Возможен и комбинированный вариант, полёт на самолёте, финальная стадия – освобождение пленников – на вертолёте. Смотрите, думайте.

Но сначала подготовка всего комплекса обслуживания техники на домашнем аэродроме, здесь и разведка местности, и обеспечение безопасности нашего дома. Пришли мы, может точно так же спастись и прийти кто-то другой. Давайте рассчитывать на самый худший вариант.

Это, так сказать, внешний вариант увеличения нашей численности. Внутренний вариант – рожать своих детей. И чем больше, тем лучше. Игорь, Надежда – генетический контроль. Мы должны всячески избегать какого-то даже намёка на вырождение. Не должно быть у наших детей никакого вырождения. И не должно быть никакого разделения детей, все дети наши, мы все одна семья.

Скорее всего, нам придётся восстанавливать такие понятия как семья, род, племя, клан.

Вот то, что я думаю по поводу нашей численности, и как с этим бороться. Это, конечно, надо рассматривать как идею, тезисы. Всем придётся над этим подумать, как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Но прежде, чем мы займемся чем-либо ещё, мы должны обеспечить безопасность своего дома и хозяйства. Мы должны будем где-то поселить новых людей и обеспечить их питанием. Мы должны воспитывать и учить наших детей, да и всех остальных тоже. Нужны садики, ясли, школы. Их надо строить.

Валера, Сергей, жду предложений. Мы и так уже многое теряем, каждый наш человек бесценен, и его знания и умения не должны пропасть. Поэтому учиться, учиться и ещё раз учиться, как говорил классик. Я понимаю так, что эта тема ближе всего Вике, Тане, Кате, Гале. Не удивляйтесь, каждому придётся заниматься не только одним делом, все будут многостаночниками.

И безопасность. Я не думаю, что новые жители будут представлять для нас угрозу, но здесь лучше перебдеть. Поэтому надо продумать, как их расселять. В первую очередь нужно брать и спасать детей. Научим, воспитаем, всё будет хорошо. И надо где-то найти рации для связи друг с другом. Может быть, можно на военной базе, мимо которой мы проходили сюда, чем-то разжиться? Саша, Флюр, это вам.

Да, и надо какие-то защитные химические костюмы и противогазы найти. А то мародёркой заниматься будет невозможно. Или зараза какая-нибудь прицепится, или отравиться можно будет. Игорь, надо будет оборудовать какой-нибудь пункт дезинфекции для всех возвращающихся домой, а то можем притащить какую-нибудь гадость. Без прохождения этой процедуры в дом никого не пускать.

А для мародёрки нужна техника. Это в первую очередь. Для начала можно наш Урал поставить на колёса, а потом уже всё остальное готовить. Времени терять не будем. Его и так немного. Николай, Василий, займитесь.

Сейчас для мародёрки, как я понимаю, первоочередной задачей становится добыча знаний. В любой форме. Книжки, диски, компы. Скоро вся техника умрёт. Чтобы эти знания не пропали, их надо переводить на твёрдые носители. Принтеры, бумага, расходники, всё нужно. В первую очередь

востребованы естественные и прикладные науки. Физика, химия, математика, материаловедение, конструирование и машины. Любые книги и учебники. Авиация. Электроника.

Я чувствую, что через сто лет придётся плавить металл и изготавливать самим всё необходимое. Володя, как коменданту, тебе придётся заняться всем этим. Найти и разместить эту далеко не маленькую библиотеку, организовать хранение и доступ к материалам. Я понимаю, что здесь мы сможем найти всю литературу на английском, но что-то можно будет понять, да и в будущем это может пригодиться. А потом добудем и на своём языке. Используй наших девушек, Марину и Свету. Да, и надо точнее определить наши запасы продовольствия, сколько мы сможем прожить без урожая, и что будем добывать мародёркой, кроме книг.

Маша, Галя, Ирина, определяйтесь с посевами. Мне кажется, что для начала надо засеять очень небольшие опытные делянки, посмотреть, как всё себя поведёт. Тем более, неизвестно какая будет температура и какие условия для роста. И неизвестна смена времён года и перепад температур. Семена надо беречь, всегда должен оставаться аварийный запас.

Нельзя выделить особо какую-то одну задачу. Всё сверхважное. Но на биологию надо наваливаться. Нужно, чтобы выросло любое семечко. Травы, деревья, мхи, водоросли. Всё, что создаст дополнительную биомассу. У нас сейчас ничего этого нет, а именно в этом всегда была сила земли. Искать семена и живность.

И переходить на экологические виды топлива. Биотопливо, вот наш основной источник энергии в будущем. Нефтяники из нас никакие, если мы пока ещё можем откачать топливо из хранилища, то я не представляю, как мы будем качать нефть из скважины и её перегонять. А вот вырастить, например, рапс, и надавить из него масло, и залить в дизель, это, мне кажется, реально. И электричество. Есть ветряки, есть солнечные элементы, в конце концов, есть реки, и можно ставить мини ГЭС. Нужны аккумуляторы и электродвигатели. Это проще, чем добывать нефть.

И дороги мы не сможем строить и содержать. Значит, придётся летать, если будем перемещаться куда-нибудь. А если уж придётся ехать, то только на полном приводе. Самолёт, вертолёт, дирижабль, что будет под силу нам реализовать, тем и займёмся. Я понимаю, что мы не сможем построить авиационный завод или завод по производству моторов, но моторов вокруг много, их надо приспособливать под наши нужды.

Мы должны подготовить оборудование, которое нам по силам, и отработать технологию изготовления того, что сможем. Главное, сохранить умения и знания. Первые самолёты и моторы делались в сараях. Сделать первые работающие образцы, хорошо работающие, и быть готовыми это всё использовать. А когда будет нужно, можно будет, используя имеющийся опыт, строить заводы. И электроника. Нужно как-то готовиться к тому, что скоро не будет ничего, и если мы хотим вести хотя бы близкий к привычному образ жизни, пользоваться самыми разнообразными приборами и оборудованием, нам придётся самим делать транзисторы и снова развивать электронику. Связь, управление, да практически везде сейчас микросхемы. Нам придётся как-то это обходить.

И самое главное, мы должны определить принципы, которыми будем руководствоваться в отношениях между собой и другими людьми. Все знают и на своей шкуре испытали прелести демократии, вседозволенность чиновников, беспредел воров и всеилие денег. Я бы не хотел ещё раз попадать в такое дерьмо. Поэтому мы и должны решить, в первую очередь для себя, что мы будем строить. И наши принципы должны стать, как говорили раньше, нормой жизни для каждого. Если

кому-то это не нравится, нам они не нужны. Пусть идут и строят своё общество с общечеловеческими ценностями в другом месте. А мы будем заботиться о себе, своих детях и тех, кто нам поверил и к нам присоединился.

Глава 2

03.05.00.

Долго мы ещё в тот вечер сидели и обсуждали, что еще забыли, на что ещё нужно обратить внимание. Все были согласны с тем, что было озвучено, но в первую очередь решили начинать с обустройства своего дома. Приняли для себя порядок, каждой паре по домику, кому не хватит, построить в первую очередь. Неправильно это, когда приходится спать на рабочем месте. Для одиноких и молодых построить что-то типа гостинки, в домик селить двоих-троих, каждого в отдельную комнату со всеми удобствами.

Частной собственности, как не было у нас, так и не будет, во всяком случае в первое время. Потом, скорее всего, когда дела наладятся, она появится сама, без нашего желания и усилий. Если тебе что-то надо, иди и получи с общего склада. Предметы личной гигиены и оружие – это у каждого своё. Это необходимость.

Рабочие инструменты, в том числе компы, тоже. У кого нет, дадим из добычи мародёрки. Деньги не используем, всё даётся просто так, вернее, всё тебе даётся для работы. Как таковой личной жизни нет, разве что, как раньше говорили, будут производственные романы. Отдых, личный, у нас пока не предусмотрен, если отдыхаем, то все вместе. Каждый должен уметь работать на компе и учиться. Короче, устраиваем настоящий, а не временный быт.

По большому счёту, это была идеология коммунизма, а по другому в такой ситуации было нельзя, слишком огромные задачи мы обозначили сами себе. Вот только коммунизм был не для избранных, а самый настоящий, который близок и понятен каждому, без спецпитания и спецраспределителей. И не того доктринёрского, что описывали в учебниках лысые и бородатые. По сути дела, идеология коммунизма никем не была опровергнута, и никто в реальности не доказал, что она плоха. То, что пытались построить раньше, к коммунизму имело отдаленное отношение, только лозунги. Здесь самое главное – найти правильное сочетание личного и общественного интересов и не забывать о человеке ради мировой идеи.

Те попытки построения коммунизма, хорошие в начале, и которые со временем вырождались в создание класса избранных и банальное воровство, нельзя считать коммунизмом. Вот поэтому и не хотелось нам ошибиться в самом начале, у всех ещё не выветрились из памяти дни, прожитые в Государстве, которое тебя защищало, и памяты были времена, когда государство тебя грабило и уничтожало. А пока сохранили сложившиеся у нас отношения и решили довериться собственному здравому смыслу. Ну, это мои мысли, у кого-то они будут другие, это дело каждого, как думать. На базе техникума решили готовить учебные классы и библиотеку. После его осмотра выяснили, что помещений достаточно для самых разных целей. Решили использовать его в роли административного и научного центра. Там будет наша биологическая лаборатория, так решили назвать то место, где будет работать Галя, и где начнём пытаться оживить семена, из тех, которые были у нас в запасах и ещё не высаживались в нашем огороде. Столовую решили организовать пока тоже в техникуме.

Первоочередная задача на завтра – сделать планировку поселения с возможностью в будущем

развития и расширения, определиться с коммуникациями и энергообеспечением. Сколько нам надо будет генераторов, какая мощность потребуется, где их размещать. Делать один мощный на одну зону или несколько на отдельные строения. Определить и учесть имеющиеся ресурсы, рассчитывая, что нам придётся значительно наращивать производственную базу. Единогласно подтвердили полномочия Володи, как нашего коменданта, завхоза, и ещё раз возложили эту обязанность на него. В помощь дали Валеру и Сергея. Уважаемый человек, однако.

В первую мародёрку решили отправить Сашу и Флюра, посмотреть военную базу, раздобыть средства связи и химической защиты, оружие, хотя с этим нужно ещё подумать, пока своего хватает. Для этого Николай и Василий собирались с утра переобуть Урал, на нём наши бойцы планировали уйти в рейд. Заодно и дорогу через минное поле, которое было установлено вокруг нашей базы, ещё раз проверят.

Михаил с Максимом займутся самолетом, потом к ним присоединится Николай, наши агрономы будут изучать местные архивы на предмет поиска данных по погоде и определить сроки посадки. И хотя бы попытаться выяснить, как раньше менялась погода в течение года, какие тут были условия для земледелия. На экваторе мы ещё не жили. Да и всем остальным нашлась работа.

Завтрак назначили на восемь тридцать, некогда спать, работать надо.

Урал переобули быстро, уже к десяти часам Саша и Флюр отправились на первую мародёрку.

Немного перераспределили задачи. Валеру отправили в помощь Кате для определения объёма работ по восстановлению станции связи и центра управления на аэродроме. А все остальное по плану.

К обеду вернулись Саша с Флюром. Привезли целую машину снаряжения. И много интересной информации. Так, обнаружили сборно-разборные склады, может быть это и не военное снаряжение, но они были. Нам они должны быть очень даже к месту. Палатки, запчасти к технике, да и много чего, необходимого целой армейской базе. После получения этой информации решили горячку не пороть и вечером определить первоочередные потребности, а потом приступать к более качественной мародёрке. А пока все силы направить на восстановление техники.

К этому моменту сумели завести первый грузовик с краном, и приступили ко второму. По нашим оценкам это самый лучший вариант для мародёрки. Лучше всего, чтобы их было не меньше трёх, больше просто не смогли бы использовать, не хватало сил. Правда, если не устраивать всеобщий аврал.

Так в заботах прошёл этот день, первый день по обживанию базы. Вечером, после ужина, все опять собрались, и приступили к подведению итогов.

Порадовали Валера с Катей. Валера сказал, что все антенны в рабочем состоянии, а Катя – что аппаратура исправна, нужно заниматься её отладкой и тестированием. Помощь ей пока не требовалась, она займётся изучением имеющихся материалов, поискам кодов доступа, паролей для связи со спутниками. Будем надеяться, что у нас будет связь со спутниками, и мы сумеем посмотреть, а что же стало с нашим миром.

Насторожил Володя. По его оценкам, имеющихся продуктов хватит примерно на семь-восемь месяцев. Так что, надо срочно заняться поиском продуктов длительного хранения, а также оборудовать холодильные камеры. По размещению новеньких пока решили ограничиться разметкой территории, приготовить необходимые вещи, палатки, ангары, ДЭС, насосы, всё складировать отдельно, и заняться первоочередными задачами, а к этому вернуться ближе к сроку реализации

плана освобождения людей.

Наши агрономы не смогли найти в архивах внятных данных, которые можно было бы использовать сейчас. Только сумели выяснить, что для успешного земледелия в этих местах основной проблемой является вода. Вода была. Поэтому решили поступить следующим образом. Пока продолжить наблюдение за погодой, проложить трубы от реки для организации полива, сейчас будут таять снега, и воды должно быть достаточно, и сделать большие теплицы. Если будет неожиданное похолодание, то организуем их обогрев. И попробовать высадить малую часть имеющегося семенного материала. Кроме того, у нас уже было два ученика, сын Саши и Вики, Ваня, наш с Машей внук, и сын Игоря и Нади, Никита. Вот с них и решили начать учебный процесс. Кроме того, кое-кому из более взрослых не помешало бы обновить свои знания, а кое-чему и научиться. Для этого будут организованы специальные дополнительные курсы. Поэтому обязали мародёров обеспечить учеников канцелярскими товарами.

А с самой мародёркой что-то надо делать. Кто только здесь не воевал, и за свободу, и за демократию, каждый после себя оставил своё наследство в виде минных полей и прочих приветов от свободной жизни, так просто где угодно не проедешь. Нужно организовывать какой-то трал для поездок за пределы проверенных дорог.

Ну а первоочередной задачей надо считать оснащение машин связью. Хорошо, что Саша с Флюром привезли кое-то, этого должно хватить на радиофикацию пары машин. Наши радиостанции пригодны были только для связи в пределах колонны, а здесь надо было что-то более серьёзное. Может быть можно будет с военной техники снимать и использовать радиостанции. И срочно запускать у себя хороший центр связи, тогда можно будет хотя бы через него поддерживать нормальный радиообмен.

На этом сегодняшнее обсуждение завершили и пошли отдыхать. Правда, желающие могли посмотреть в видеозале какие-то фильмы, у нас ещё что-то осталось, не всё бросили, когда уезжали. Весь день был посвящён радиосвязи. Запускали башню и центр дальней связи, рации на машинах. Удалось получить вполне приемлемое качество связи, во всяком случае, друг друга слышали и понимали. Валера, как главный специалист, сказал, что нужно ещё согласовать антенны, но пока что он этого сделать не может, какие-то приборы не смог найти. Но обещал довести связь до ума и обеспечить нормальное качество.

К вечеру обрадовал Михаил, на помощь которому был отправлен Николай как большой мастер по реанимации техники. Совместно им удалось запустить двигатель на Цессне. Во всяком случае, на земле самолет ожил, даже совершили небольшую пробежку по аэродрому, но пока не взлетали, надо еще привести в порядок взлётную полосу, засыпать трещины, ямы, убрать мусор. Взлёт отложили на утро.

Пришлось в планы включить ещё и реанимацию строительной и аэродромной техники – трактор, погрузчик, заправщик, чтобы почистить аэродром и обеспечить нормальную заправку самолёта. Вечером спланировали первую большую мародёрку. Поедут три машины, Саша, Флюр, Василий. И опять на военную базу. Надо попробовать найти продукты, ДЭС, желательно транспортируемые, индивидуальные радиостанции, если их можно использовать совместно с уже имеющимися. А после этого необходимо расширять сферу поездок и начинать мародёрку в Массауа, который для нас является ближайшим населённым пунктом. Да и порт надо посмотреть. Может и там найдётся что-то

нужное в нашем хозяйстве. Во всяком случае, небольшой кораблик рано или поздно нам всё равно понадобится. Морские окрестности и ближайшие острова надо смотреть и исследовать. Но это не сейчас.

С утра дооборудовали машины мародёрки бензогенераторами и отправили за добычей. Сегодня ожидали запуска самолёта. С утра почистили аэродром, заправили самолёт, правда, не полностью, а только для пробного вылета, и стали ждать дебютного полёта Михаила. Цессна запустилась легко, пробежала до начала взлетки, разогналась, и Михаил выполнил подскок, поднялся на один метр и пролетел десять метров. Всё нормально.

Затем более длительный подскок, и только потом пошёл на взлёт. Первый полет был на высоте десяти метров над аэродромом, и не более одной минуты. Всё-таки не было у нас уверенности в этом аппарате. И опять всё хорошо, связь с башней нормальная, по сообщениям Михаила всё работает штатно. Вот и первый настоящий взлёт. Самолет поднимается на сто метров и свободно летит. Л – Е – Т – И – Т! Наш самолёт. Как здорово это смотрится в небе.

Постояли, посмотрели, и оставили Михаила обживать аппарат, а сами пошли заниматься прочими делами. Связался с башней. Там сидела Рита на связи с мародёрами. Связь была устойчивой, всё у них в порядке. Грабят.

Пошёл смотреть, что там у агрономов. Там общими усилиями, с привлечением Валеры и Сергея, строили теплицы. Кур уже выпустили в вольер, рядом с птичником, который успели построить, они принимали воздушные и солнечные ванны.

Теплицы получались добротные. Причем делали их так, чтобы там можно было проводить обработку почвы и все работы с помощью мотоблока и прочей подобной техники. Была и такая на местном складе. Поинтересовался, что будут сажать. Оказалось, что всего понемногу. Практически всё, что есть. По прикидкам, если такое тепло сохранится, то урожай должен быть.

Зашёл посмотреть, что у нас есть в библиотеке. Там пока разбиралась Таня, но прогресса явного не было. Да и откуда ему взяться? Всё, что есть из книг – на английском языке, да и того кот наплакал. Всё-таки это не Кембридж, а самый обычный заброшенный техникум для аборигенов в Африке. С Таней у меня состоялся, однако, предметный разговор.

— Татьяна, ты ведь химик?

— Да, учитель химии.

— Значит, тебе и карты в руки. Как я и говорил, с нефтью и топливом могут быть проблемы. А из опилок, как пел Высоцкий, можно гнать спирт. А спирт – это уже топливо, даже бензин такой делали, десять процентов бензина и девяносто процентов этанола, т. е. спирта. И даже спирт в чистом виде использовали, во всяком случае, на автомобиле Форд-Т спирт мог использоваться как топливо. Вот тебе и первое задание.

Посмотри, как мы сможем получить спирт из древесины. Все деревья сейчас померзли, будут гнить. Так может быть, хоть часть сможем использовать на топливо. Во время ВОВ были газогенераторные автомобили, ездили на дровах. Может, мы сможем непосредственно получать газ из древесины и использовать на свои нужды. И ещё. Как можно получить гелий. Думай.

Тут запищала рация, и Рита сообщила, что наши мародёры возвращаются. Пospешил встречать.

Машины были полностью загружены, все довольны, улыбки шире капота.

Первым вылез из машины Флюр и закричал:

— Батя, всё нашли. И сухпаи, и спирт, и рации.

Саша добавил: — Рита сказала, что самолёт летает, а мы прихватили приборы для наблюдения, бинокли, подзорные трубы, всё что нашли, и видеокамеры для записи. Нужны будут. Да там много чего, разбирать будем, увидишь. Нашли и плёнку, и ДЭС. Там если покопаться на складах, наверное, всё можно найти. Видимо, придётся ещё не один раз туда заехать.

— Молодцы. А спирт Игорю. Может он нам сегодня в качестве поощрения и профилактики по стаканчику своей микстуры пропишет.

— Это я мигом, — подхватился Флюр. — Так я ему скажу, что ты велел.

— Беги, беги, смотри не опоздай.

Связались с Володей, он сказал, куда всё сгружать, зазвали в помощь Валеру и Сергея, оторвали Михаила от самолёта. В общем, устроили общий аврал.

Рации сразу утащил к себе Валера, он тут принялся организовывать лабораторию по всяким связным и электрическим делам. Обещал найти аккумуляторы и раздать всем. Ему же досталась и вся оптика, и видеоаппаратура, а заодно и задание по её установке на самолет.

Продукты Володя заставил нас пока сложить просто в свободное ближайшее помещение, и в очередной раз заставил озадачиться созданием склада-холодильника.

Плёнку сразу перевезли на делянки, чтобы завтра закончить теплицы.

Спирт оказался вполне съедобным, и Игорь действительно прописал нам по стаканчику микстуры за ужином.

А Флюр порадовал описанием процесса мародёрки:

— База так себе, это скорее даже не база, а временный пункт хранения. Есть несколько складов, есть какая-то техника, и есть возможность её ремонта и обслуживания. Всё необходимое для военной части есть, правда для маленькой такой части.

Ну, эфиопы есть эфиопы, твою не мать. Ничего не поймёшь. Нигде ни одного слова на русском. Сначала пошли ещё раз проверить штаб. В прошлый раз дорогу разведали, легко нашли. Только толку никакого. Хорошо, опыт пребывания на разных базах есть, военные похожи друг на друга, только общая эрудиция и помогла. Ещё раз прошерстили радиоцентр и оружейку, искали оптику и рации. Что нашли, забрали.

Нашли кухню, а рядом, видимо, склад, дверь серьёзная, просто так не откроешь. Но против пластита слабовата оказалась. И точно, склад продуктов. И тележка есть, чтобы добро перевезти до машины.

Нашли медпункт, ну спирт определили, а остальное надо, чтобы Игорь смотрел. Там же рядом, кажется, мобильный пункт дезактивации есть. Опять Игоря надо. И химикаты какие-то.

Нашли, кстати, обмундирования кипы. Может быть, можно будет переодеться. А то, как бы это сказать, поизносились мы уже. Ну и ещё чего много есть. Нашли склад стройматериалов. Короче, надо ещё пару грузовиков восстанавливать и совершать большой набег, там есть ещё что взять. Вот только гниёт там всё. Дышать нечем.

— А что же вы без химкостюмов полезли? — спросил я.

— Да неудобно в них.

— Удобно, неудобно, а впредь без них никуда не лезть.

Флюра все слушали с большим интересом и удовольствием, видимо, в ожидании хорошей добычи.

Так что, решили подготовиться более обстоятельно, и посетить базу усиленным составом. Для этого

подготовить ещё два-три грузовика, по числу водителей, и совершить усиленный набег.

Тут я вспомнил вчерашний разговор и спросил

— Галя, а что ты можешь сообщить нам по поводу кислорода? И нарвался на целую лекцию.

— В том, что я вам сейчас расскажу, нет ничего нового. Всё это знают обычные школьники, но ничего другого сейчас сказать просто невозможно, да, наверное, и не надо. Воздух представляет собой смесь газов. Основные из них азот семьдесят восемь и восемь десятых процента и кислород — двадцать и девяносто пять сотых процента. Остальной объём занимают углекислый газ — три сотых процента, аргон и инертные газы. Откуда взялся первоначально кислород существует несколько теорий, но не в этом дело. Самое главное, как он попадает в атмосферу.

Основной источник — фотосинтез, под действием солнечного света растения и водоросли поглощают углекислый газ и растут, т. е. превращают углекислый газ в органику и выделяют кислород.

Кислород используется живыми существами для дыхания и идет на процессы окисления. Всё, что происходит на Земле, тем или иным образом связано с процессом окисления. Разложение органики, движение, горение — всё связано с потреблением кислорода. При всех этих процессах выделяется опять углекислый газ.

Свободный кислород остаётся только тогда, когда органика изымается из этого круговорота, и сколько кислорода выделилось при её образовании, столько и осталось. Например, при образовании каменного угля выделился кислород, а уголь остался под землёй и не использован, вот и остался в атмосфере свободный кислород. Но если этот уголь будет гореть, то будет израсходован и свободный кислород.

В процессе промышленного производства человек усиленно сжигал кислород и высвобождал углекислый газ. При дыхании, при поездке на автомобиле, при полёте на самолёте, и т. д. всегда выделяется углекислый газ. В итоге содержание кислорода в воздухе уменьшается, а содержание углекислого газа увеличивается. Ничего страшного не происходит, если всё это находится в разумных пределах и поддерживается сложившаяся пропорция.

В принципе, человек может жить при содержании кислорода в воздухе семь процентов, но что это за жизнь. Но и излишек кислорода вреден, обостряются болезни, могут развиваться новые заболевания, связанные с избытком кислорода и интенсификацией процессов окисления. По анализам янтаря, установлено, что раньше содержание кислорода доходило до семидесяти процентов.

И это тоже не есть хорошо. Если много кислорода, то болезни, если мало, то дышать нечем. А углекислый газ необходим. Как я говорила, кислород выделяется в процессе фотосинтеза, и если нет углекислого газа, то нет и фотосинтеза. Основными поставщиками кислорода были моря — восемьдесят процентов, леса, особенно возле Амазонки. Но вот сейчас, когда моря замёрзли, а леса уничтожены, весь круговорот нарушился, процессы окисления идут, гниёт древесина, мертвечина, а фотосинтеза нет.

В моря ещё не скоро можно будет запускать что-либо живое. Конечно, это ещё надо уточнить, но для этого мне надо добраться до своей лаборатории и библиотеки в Пушино. Но такая масса льда вызвала значительное понижение температуры воды, не говоря о температуре в глубине морей, туда сейчас уходит лед. Поэтому морями мы ещё не скоро сможем заняться, как мне кажется. Хотя об их изучении и освоении стоит подумать, начать хотя бы мерить температуру воды у берега и в заливе. Вполне возможно, что найдутся заливы, где вода достаточно прогрелась, и там можно будет

запустить какие-нибудь водоросли. А вот леса, кустарники, травы, особенно в этой местности, вблизи экватора, могут начать работать, расти и выделять кислород.

Ведь в северном полушарии от четырёх до восьми месяцев деревья и растения впадают в спячку. А здесь нет. Здесь достаточно тепла, и процесс фотосинтеза может идти круглый год. Правда, при отсутствии солнечного света деревья поглощают кислород, но так было всегда, и если создать значительные лесные массивы, то можно как минимум поддерживать текущий уровень. За один тёплый солнечный день один гектар леса выделяет двести двадцать кг кислорода, а человеку на одни сутки необходим один кг кислорода.

Дерево средней величины за двадцать четыре часа восстанавливает столько кислорода, сколько необходимо для дыхания трех человек. Ещё одним источником кислорода могут стать болота. Да-да, именно болота. Они прогреются значительно раньше морей, а если будет идти процесс торфообразования, то при образовании торфа органика будет выводиться из оборота, а выделившийся кислород останется, в атмосфере. Вот только как-то не хочется болота разводить. Но, скорее всего, они возникнут сами, воде некуда будет деваться. Она быстро прогреется, и если туда попадет какое-нибудь растение, то от болот будет куда не деться.

Так что, сейчас можно сказать только одно – надо больше сажать всего, что растёт и размножается. Может быть, потом мы об этом пожалеем, но сейчас надо радоваться любому росточку. Он для нас несёт жизнь

Глава 3

10.05.00.

На следующий день готовились к большому набегу. Решили, что поедут Саша, Флор, Василий, я, Игорь, Валера. Надо было взять одежду, посмотреть холодильники, лекарства и медицинское оборудование, палатки, строительные материалы. Да и разобраться надо с этой базой, чтобы потом не отвлекаться на неё. Но главное было даже не в этом. Надо было подготовить место для приема новых жителей, заготовить продукты с учетом дополнительной потребности и их хранение, надо заканчивать все предварительные, второстепенные дела и приступать к реализации наших целей. Николай с Василием готовили машины, Михаил, Саша, Флор оснащали Цессну аппаратурой видеонаблюдения, фотоаппаратурой, Сергей с Максимом занимались теплицами, я и Володя готовили места для планируемых трофеев. Кстати, мы с Володей решили пока использовать как склады большие палатки, обложив их досками, фанерой, сайдингом, всем, чем найдётся. Вот в таких работах весь день и прошёл.

Выехали часов в девять, до базы добрались быстро. Впечатление, конечно, было тягостное, но выбирать не приходилось, и все облачились в химкостюмы и занялись непосредственным делом. Игорь потрошил медпункт, собирал приборы, медикаменты, оборудование для дезинфекции. Мы с Василием грузили обмундирование, стройматериалы. Валера выгребал всё, что можно, из пункта связи и из хозяйства аккумуляторщика, дистиллированную воду, аппарат для дистилляции, серную кислоту, сухие аккумуляторы. К нашему удивлению, здесь оказались и такие.

Взяли и стройматериалы, цемент, немного кирпича, доски, краски, фанеру, провода, да и ещё много чего, нужного в любом хозяйстве, особенно если пытаешься что-то сделать.

За день набили грузовики полностью, и все были довольны результатом. Так что домой поехали в хорошем настроении. По приезду разгружать машины не стали, оставили всё, как есть, на

следующий день займёмся размещением добычи. Устали.

За ужином Игорь опять прописал нам по порции микстуры. Подвели промежуточный итог сделанному. Непосредственной опасности вроде бы не было, продуктами запасались, техника, горючее есть. Пора приниматься за стратегические направления деятельности.

Школа заработала, правда, пока есть всего два ученика, но будем надеяться, что вскоре их будет больше.

Володя предложил нам освободить здание техникума от всех несвойственных ему функций и оставить только лаборатории, школу и библиотеку. Для этого он предлагал найти большой ангар, собрать его и там разместить и столовую, и клуб, и вообще превратить его в местный центр. Это было принято как один из первоочередных пунктов. Жить и работать надо правильно, каждому овощу своя грядка.

Галя сообщила, что примерно определилась с лабораторией. На первом этапе она хотела вместе с Машей заняться имеющимися у нас семенами. Мы прихватили, уезжая из дома, все семена, что были – из наших запасов и запасов всех соседей по дачному посёлку. Для этого облазили все, что можно, и до наступления собрали самые разные семена цветов, кустов и прочих представителей флоры.

Занимались этим женщины, пока мужики промышляли мародеркой.

Кроме того, были собраны семена, шишки, ягоды после первой зимы, когда морозы были не самые-самые, и была надежда, что эти семена оживут, и будут расти. Поэтому она просила нас оборудовать эту лабораторию столами, стульями, стеллажами, как она хочет, и сделать ей помещение с хорошей освещённостью и возможность регулировать температуру и освещённость для проращивания семян. Проект она подготовила.

Маша потребовала сделать метеорологическую площадку с ведением журнала наблюдений. Это тоже не вызвало никаких возражений. Озадачили Володю, обеспечить нужными приборами, и закрепили за Ритой эту обязанность. Галя с Машей обязались её научить. И за ней же закрепили обязанность дежурить на радиостанции, в паре со Светой.

Определили экипаж Цессны, кстати, присвоили ей, как и Михаилу, позывной Птица. Теперь у нас постоянный экипаж разведки будет Михаил, позывной Птица, Саша, позывной Кот, и Флюр, позывной Хан. При необходимости оба последних привлекались к наземной разведке, а в первый раз так и в обязательном порядке. Экипаж мародёрской машины, позывной Мародёр, сформировали из Василия, Марины, и они в зависимости от задач могли привлекать кого-то ещё. Обязали всех разведчиков вести фотографирование всех объектов и нанесение на карту результатов разведки. Всё остальное решили пока доделывать в рабочем порядке, завтра отправить в первый полёт Птицу, самим заняться разгрузкой добычи, организацией порядка в доме.

Тут я вспомнил о давно мучающем меня вопросе и спросил:

— Татьяна, ты можешь что-то ответить по моему вопросу.

— Да, кое-что могу. Конечно, это не полная информация, а так, чисто обзорно и познавательно, на основе моих старых знаний. Нужно, конечно, покопаться в литературе для уточнения многих деталей и подробностей, но что-то, для обдумывания идеи, сказать смогу.

Как я понимаю, вопрос по использованию древесины связан с получением топлива взамен нефти.

Древесина, а также солома, опилки – это всё биомасса, и древесина среди неё составляет восемьдесят процентов. Биомасса считалась шестым по запасам и доступности источником энергии на Земле. И

возобновляемым. Как раз тот случай, что нам нужен.

Существует несколько основных способов её использования для получения источника энергии.

Самый простой – сжигание или получение топливных брикетов для тех же целей.

Применяется так же так называемая анаэробная переработка, грубо говоря, брожение отходов животноводства и растениеводства, шелухи, соломы без доступа кислорода, в итоге получается биогаз, используемый вместо природного газа в хозяйстве, а также как моторное топливо.

Другой способ – гидролиз, древесина подвергается обработке по определённой, достаточно простой технологии, и на выходе получается этиловый спирт. Можно использовать как моторное топливо в чистом виде, можно смешивать с бензином.

Ещё один способ – газификация. Это перевод твёрдых углеродосодержащих веществ в газообразное состояние. Широко применялся во второй мировой войне немцами для получения синтетического бензина. Метод также может быть использован в наших условиях, необходимое оборудование, я думаю, можно будет изготовить даже самостоятельно.

Конечно, это всё схематично и описательно. Для получения конкретного результата надо поработать с литературой и провести немало времени за отработкой технологии, но самое главное, это всё реализуемо, тем более, что это уже работало, закончила объяснения Татьяна.

— Собственный спиртовой заводик это очень интересно, — задумчиво произнёс Флюр.

Глава 4

13.05.00.

Сегодня отправили в первый разведывательный полёт птицу. Задачей полёта было осмотреться и узнать, что творится вокруг. Затем проверить ближайший город Массауа, судя по имеющейся информации, там есть и порт, и ж. д. станция, возможно, есть и аэродром, хотя международный аэродром расположен в столице, Асмэре.

В первую очередь нас интересовала информация о том, что тут есть и на что можно рассчитывать. Нужны были ветрогенераторы, ДЭС-ы, бензогенераторы, инструмент, материалы, химикаты, электротехнические изделия, да всё было нужно.

Птица улетела, а мы принялись наводить порядок в добыче. Поставили палатки, определив им роль временных складов. Сегодня Сергей обещал закончить теплицы, а Валера подготовить проект оснащения биологической лаборатории.

Ближе к обеду с нами связалась Рита и сообщила, что птица возвращается. Мы попросили её сообщить об этом всем остальным и собрать всех на обед.

Во время обеда с огромным вниманием были выслушаны новости от наших разведчиков. Начал Саша:

— На первый взгляд место у нас хорошее. Расположены мы на плоскогорье, дальше на юг начинаются горы, на восток идёт понижение к морю, с запада пустыни. Всё, что рассказывал раньше Михаил, подтверждается. Только это всё было раньше, как будет теперь – неизвестно. Хотя мне кажется, что сильно измениться не должно. От пустынь нас прикроют горы, море рядом. Климат должен быть приемлемым. Вот только когда это будет. Сверху всё производит довольно тягостное впечатление. В пустыне практически нет снега, да и вода уже уходит. Но везде трупы. Местами сплошняком. Животные, люди. Где-то всё это начинает затягивать, заносить песком. Рядом, как говорил Михаил, был, видимо, национальный парк, остались только мёртвые деревья и кусты. Ни

одного зелёного пятнышка не видели. Правда, там и нет таких лесов, как у нас, саванна была, но всё же. Да и растения здесь южные, морозов никогда не видели, не мудрено, что всё помёрзло. Зато можно древесину найти. Земля, непонятно какая, может и живая, повторяю, мы не заметили ни одного клочка зелени, никакого движения, только ветер.

Потом полетели смотреть Массауа, пролетели вдоль берега. Тоже кругом трупы и горы мусора. Выброшенные корабли, какие-то кучи хлама, что-то непонятное. Вода у берега уже чистая, полоска воды в несколько метров от берега. Вдали ещё лёд, но тает. Так что мы вовремя выехали на берег. Город Массауа небольшой, на взгляд тысяч тридцать – сорок жителей, здания невысокие, тоже весь завален трупами. Лежат везде, видимо, отравились газом. Часть зданий разрушена, землетрясением и метеоритами. Город расположен на берегу залива, частично на материке, частично на острове. Видели железную дорогу, порт. Часть судов, по виду целая, лежит на берегу, часть полузатоплена. На первый взгляд много складов, что в порту, что возле железной дороги.

Прошли над самыми крышами, посмотрели вывески. Есть какие-то учебные заведения, есть административные здания. Международный аэропорт расположен немного в стороне. Что-то там есть, но надо смотреть тщательно. С воздуха город не очень-то рассмотришь, надо ножками смотреть. Но как проехать, не знаю. Надо либо на тракторе ехать, трупы сгребать и чистить дорогу, либо ехать по трупам. Просто так не проехать

— Михаил, как птица? — спросил я

— Всё нормально, всё работает и исправно.

— Да, — добавил Саша. — Фотографии и записи будут готовы к вечеру, надо их немного подработать. Катя, сможешь?

— Не вопрос, — ответила она.

— Значит так, — подвёл я итог. — Готовьте материалы к вечернему обсуждению. Михаил, проверь птицу, и потом вместе с Николаем пробуйте запустить вертолёт. Мне кажется, он нам скоро понадобится. Все остальные работают по плану.

Время до ужина пролетело совсем незаметно, все были заняты делом. А после ужина у нас разгорелись дебаты.

Хотя и спорить, по большому счёту, было не о чем. Было предложение перебраться в город, на остров, мол, там и оборудование в порту есть, и море рядом, и мародёркой там заниматься легче, но оно не встретило одобрения. Существующее место устраивало всех. Место чистое, рядом земля, есть запасы продуктов, вода, техника, аэродром, связь. Все условия для организации нормальной жизни. Споры были в основном о том, что же нам делать дальше. В принципе, разговоры шли об одном и том же. Сформировалось два предложения. Заняться основательно организацией своего нового дома и обеспечением всем необходимым для дальнейшей жизни. И другое – первоначально мы себя почти обеспечили всем необходимым, а потому надо начинать развивать хозяйство и заниматься дальнейшим развитием – что-то строить и засеивать поля. Когда все напорились и наговорились, заставили меня высказаться, что я по этому поводу думаю. Пришлось, ещё раз, объяснить своё понимание ситуации:

— Я понимаю так, что для нас самое главное заложить основы выживания наших детей. Задач надо решать много, очень много. На всё у нас с вами не хватит сил. Поэтому самое главное, что нам надо, это найти людей и привлечь их на добровольной основе к нам. Пусть это называется семья, клан,

пусть род, племя, не важно.

Нужны люди, с их руками, умением, знаниями, желанием жить и работать. Мы должны дать им эту возможность жить и работать. Чем больше мы найдем и привлечем к себе людей сейчас, тем легче будет потом. Пока мы знаем только о выживших, встреченных по дороге сюда. Но ведь шахты есть и в других местах, может поискать и там? А может, люди выжили в горах, там немало глубоких пещер, и там то же могли спастись люди.

В свете этого я вижу, как минимум, два пути. У нас должно рождаться как можно больше детей, и эти дети должны быть общими, нельзя выделять кого-то отдельно. И второе, мы должны заняться поисками выживших и попытаться их привлечь на свою сторону. В связи с этим возникает сразу несколько направлений нашей деятельности, и они все одинаково важны и необходимы. Их нельзя отделять друг от друга.

Дальняя разведка. Мы должны исследовать очень значительные территории и добраться до самых отдаленных мест. А это возможно только с использованием авиации, пока она ещё есть и ещё летает. Причём нужны более серьёзные самолёты, чем наша птица. Как минимум, двухмоторные самолёты, которые смогут лететь на три-четыре тысячи километров, управляться одним, максимум двумя пилотами, и смогут взять на борт не менее десяти человек. Для дальних полётов придётся строить или приспособлять имеющиеся аэродромы, используя их как промежуточные. И это тоже проблема, потому что всё делать придётся нам с вами. Нам придётся определить направления и районы поиска, мы не можем просто так летать и осматривать все территории.

А когда мы найдем и примем к себе людей, мы должны обеспечить им нормальные условия для жизни, правда, здесь мы уже можем рассчитывать на их помощь, но обеспечение возможности создать эти условия, будет лежать на нас. Я имею в виду, что у нас должен быть материал, или мы должны знать, где его можно взять в любой момент, у нас должен быть инструмент и техника, чтобы всё это сделать.

А после того, как мы дадим людям нормальные условия для жизни, мы должны их накормить. Для этого нам придётся сначала найти, а потом и сохранить продукты. Вспомните, как начали портиться наши запасы. Этого быть не должно. И кроме поисков, мы должны сами выращивать еду, потому что имеющиеся продукты рано или поздно закончатся или испортятся. И здесь нам тоже должны помочь новички, но опять же, создать условия – наша задача. Для этого у нас есть всё, земля, семена, знания, специалисты.

А когда появятся дети, мы должны их научить, нужны школы. И учить надо не только детей, а учиться надо всем. Это должно быть нормой и правилом. Знания, которые сейчас есть, не должны пропасть. Мы не сможем заниматься фундаментальной наукой, но основы должны быть сохранены, как минимум, в прикладном виде. И чем больше мы сумеем сохранить, тем лучше будет потом. Придётся искать книги, компьютеры, диски, учебные пособия, и много, много чего ещё. Будут практические занятия по овладению разными специальностями, начиная от горшечника и каменщика и заканчивая монтажником радиоаппаратуры. Правда, это относится не ко всем, у каждого должна быть своя специализация.

Для этого мы должны опять же создать условия. Должна быть техника, энергия, средства передвижения и общения. Мы не можем пойти по пути использования нефти и газа, как было раньше. Что нам под силу? Ветер, солнце и возобновляемое топливо типа биодизеля и биоэтанола,

биогаз. То есть, это получается уже совсем другой тип развития и другая цивилизация. Конечно, пока есть запасы бензина и солянки, мы их будем использовать. Если судить по тому, сколько раньше уходило горючки, существующих запасов нам хватит не на одну жизнь.

Но всё это не вечно. И начать искать новые источники энергии мы должны сейчас, продолжат наши дети, и хорошо, если наши внуки будут пользоваться результатами нашего труда. Всё это звучит немного пафосно, но это я так думаю, и хорошо, если и вы так будете думать. Тогда мы всё это сможем реализовать. Если нет, то предлагайте свои варианты. Для реализации этого нам вольно или невольно придется разделить усилия. Кто-то будет выращивать хлеб, кто-то готовить еду и поддерживать в порядке дом, кто-то искать выживших и воевать. Разделять эти задачи нельзя и придется делать их параллельно.

Но самое главное – мы должны установить нормы для нашей жизни и довести их для всех желающих к нам примкнуть. Может быть, я повторяюсь, но присоединение должно быть добровольным и осознанным, после принятия наших принципов. И нам нужно определить какие-то правила контроля, наблюдения за новичками, особенно в первое время. Мы не можем себе позволить быть беспечными. После такой оценки ситуации и предложенного порядка действий вопросов практически не было, все были с этим согласны. Я только попросил, чтобы каждый определил для себя приоритетное направление, ну а при необходимости будем подключаться все.

Назавтра решили повторить полёт на птице, но теперь в сторону Асмэры, в первую очередь посмотреть на аэродром. Полетим мы с Михаилом. Василий, Саша и Флюр отправятся на двух машинах в Массауа, для пробной проверки дороги и возможностей мародёрки. Я ещё попросил их присмотреть в качестве оружия дробовики, желательнее с картечью. Меня всё время мучила мысль, что могут выжить какие-нибудь змеи. Ведь были случаи, когда они замерзали полностью, а потом при потеплении оживали. Да и крысы обладают феноменальной выживаемостью.

Тут лучше перестраховаться, а мне кажется, что в таком случае картечь – самый лучший аргумент в пользу безопасности. Надо будет на всякий случай всех вооружить, да и в доме такой предмет лишним не будет. Наши мародёры должны были присмотреть мотобайки и скутеры, желательнее электро, квадроциклы, хорошо бы с различным навесным оборудованием, всё это для перемещения по нашей базе и удобства в работе. Поискать холодильное оборудование для организации условий хранения продуктов, да и вообще, это должна быть разведка боем.

Володя должен был подобрать в подвалах хорошие помещения для организации продуктовых складов. Всё-таки экватор, хранение как-то надо организовывать. Да и вопрос насчёт школы и библиотеки должен был хорошенько проработать, что, где, как и каким образом размещать, и как всё это будет работать.

Валера с Сергеем должны были по максимуму реализовать запросы Галины в части лаборатории, стеллажи, освещение, вода и т. д.

Николай занимался строительной и сельскохозяйственной техникой, её реанимацией, приведением в порядок гаража и проверкой имеющегося оборудования.

Игорь должен был организовать пункт дезинфекции, после посещения Массауа, я думаю, это должно быть сделано обязательно, в т. ч. и техника должна была пройти обработку.

Вылетели с утра, всё было, как рассказывал Саша, трупы, разруха. Сначала ещё раз посмотрели аэродром Массауа, стоят какие-то самолёты, но немного, стоят ангары. Самолёты большие, самолёты

маленькие. Ручками нужно шупать, ручками. Оставили на потом, полетели смотреть город Асмэра. Этот город был значительно больше, на взгляд тысяч пятьсот жителей. И аэропорт значительно больше, и самолётов относительно много. Общее впечатление то же самое – катастрофа и разруха. Добираться до него, конечно, подальше, просто так не поедешь. К каждой поездке надо готовиться. Тем более, что этот город не маленький, тут есть что поискать, а главное найти. Видели и университет, и лечебные учреждения, железнодорожный вокзал, много магазинов, да и вообще много соблазнительных, в части добычи, мест.

После этого полетели домой, всё с этим было ясно. По дороге обсудили с Михаилом ситуацию и пришли к выводу, что необходим вертолёт. На нём забрасывается группа мародёров, исследуется место, ищется добыча, при необходимости складывается, а уже потом, в следующий раз, выезжает колонна автомобилей и забирает добычу. Вот такой порядок действий сложился у нас при обсуждении. Так что теперь дело за вертолёт, тем более, он у нас есть, надо его только запустить. Михаил обещал очень плотно с ним поработать, и тут было не обойтись без нашего признанного реаниматора техники Николая.

Правда, ещё оставался открытым вопрос по полётам на вертолёте, но Михаил заверил, что справится, правда, придётся немного потренироваться. Вертолёт он уже смотрел, это был Robinson 44, берёт трёх пассажиров, триста восемьдесят кг груза, может брать груз на внешнюю подвеску, дальность полёта шестьсот пятьдесят км, заправляется бензином. Модель надёжная и распространённая. Домой опять полетели через Масауа, посмотреть, как там наши мародёры. Машины заметили издали, связались по рации. Они пока только осматривали город, искали, как проехать, оправдывались самые худшие предположения, просто так проехать было невозможно. И это вызывало очень негативные эмоции.

Домой добрались как раз к обеду. Рассказали обо всём увиденном в поездке, предложили новый порядок проведения мародёрки. Все согласились, что это будет лучшим вариантом, после обеда Николай с Михаилом пошли заниматься вертолёт.

Мне рассказали, что было сделано. Володя нашёл свободные большие помещения в подвале центра. К ним надо было проложить дорогу для погрузчиков, обшить утеплителем и досками, чтобы лучше поддерживалась температура, и оснастить холодильниками. Тогда будут у нас большие склады. В этих помещениях при температуре 6–8 градусов Цельсия, можно хранить приличный запас продуктов. Почти склады Росрезерва.

Также мы обсудили, чему будем учить детей. Упор решили сделать на естественные науки: математика, физика, химия, и биология. Очень много времени должны занимать практические занятия, в том числе на имеющемся оборудовании и станках. Кроме того, обязательно необходимо было изучать английский язык, не разговорный, а читать. Куда деваться, если большинство доступной нам литературы сейчас, а возможно и потом, на английском языке.

Валера с Сергеем почти закончили с обустройством лаборатории, Галина с Машей уже приступили к работе с семенами, пытаюсь получить рассаду.

А теперь подошло время планирования дальней разведки. Выхода на спутники мы не получили, надеюсь, что пока, но вот компьютеры там работали, и там были карты. Да и в походе карт немного набрали. Так что пошёл заниматься самоподготовкой.

Занимался я этим делом до самого ужина, пока не прибыли наши мародёры. Намучались они,

конечно, сильно, особенно трудно было по трупам ездить, так что, войдя в их положение, Игорь прописал им по стакану антидепрессанта, да и остальным тоже за компанию. Предложенный новый метод мародёрки они одобрили, тем более, что привезли целый грузовик всяких байков, велосипеды, скутеры, и квадроциклы. Нашли и стройматериалы. Надо было, конечно, ещё там разведать обстановку и устраивать массовый мародёрский налёт. Тем более, уцелели многие магазины, и туда обязательно надо было запустить женщин. Для их успокоения и создания хорошего настроения. А пока будем продолжать по-старому. Завтра туда пойдут три грузовика, и я в помощь. После ужина разгрузили машины, подготовили к новой поездке и пошли спать.

Глава 5

14.05.00.

С утра Николай преподнёс нам подарок. Он, оказывается, за ночь сумел запустить три скутера, и мы их взяли с собой, чтобы можно было проще перемещаться по Массауа. Дорога заняла пару часов, оказалась спокойной и позволила поразмышлять во время движения.

При въезде в город стоит какой-то морской колледж, при случае надо будет его навестить. Сама дорога сразу разделяется перед въездом. Налево – в город, направо уходит на острова. Там, видимо, расположено что-то типа промзоны.

Город расположен на двух островах и континенте. Всё соединено мостами. Как ни странно, мосты не разрушились. Видимо, и землетрясение не очень сильное было, да и цунами не сильно разгулялось в узком Красном море. На всякий случай мы туда не сунулись. Остановили машины у моста и разделились. Саша с Флюром на скутерах отправились на острова, я на байке поехал искать добычу на материковой части, Василий пешком исследовал ближайшие окрестности.

Город был какой-то смешанный. Дома двух-трёх этажные, попадаются здания со следами от пуль, то ли историческое наследие, то ли при катастрофе постреляли. Есть дома как чисто европейские, так и в восточном стиле. Такие же и улицы. Есть широкие проспекты и площади, есть типичные запутанные улочки. На улицах много вывесок ресторанов, кафе, баров, магазинов и прочих мест честного отъёма денег.

Больших магазинов не видел, в основном маленькие, типа сувенирных лавок. Много культовых сооружений, мечетей, храмов. В общем, ничего больше про город, во всяком случае, его жилую часть, сказать нельзя. Наверное, для туристов и отдыха здесь было хорошее место, можно пить пиво, должно быть много хорошей и вкусной еды, море, пляжи. Но нам нужно что-то лучшее, чем пиво, а еду лучше брать мешками и ящиками.

Услышал вдалеке взрыв, связался с Сашей. Как я и думал, это Флюр пластитом – динамитом открывал двери. У них пока тоже добычи не было, но нашли какие-то склады, вот и собирались заняться изучением их содержимого. Договорились, что я проеду в порт. Порт Массауа являлся крупнейшим портом на Красном море, и я надеялся, что здесь можно будет найти много чего полезного.

Начать изучение территории я решил с посещения здания администрации, надеясь там раздобыть планы порта и размещения складов. Мои ожидания оправдались, кроме планов порта, нашлись планы города. Теперь с их помощью легче было найти склады и другие достопримечательности мародёра.

И они нашлись. Вот только я не Флюр, и динамита у меня нет. Пришлось заняться только внешним

осмотром и выбором целей для первичного проникновения. Судя по занимаемой территории и сохранности замков, имущества на складах было много. И это радовало.

Тут связался по рации Саша, и сообщил, что они нашли и вскрыли склады со стройматериалами, инструментом и электрогенераторами. Он подсказал, где это находится, и я отправился порадоваться нашему новому приобретению.

Склад действительно был хорош, это оказался какой-то оптовый строительный. Было много самого разного инструмента, материалов, был большой выбор электрогенераторов, бензо- и дизельных, на самую разную мощность. Мы с Сашей поехали за Василием и грузовиками, пора было заниматься благородным делом погрузки добычи, Флор остался заниматься любимым делом – развлекаться с взрывчаткой и открывать двери.

Понимая, что всё мы увести не сможем, постарались составить хотя бы краткое описание того, что нашли, чтобы потом, на досуге, всем вместе определить, что же нам нужно в первую очередь.

Машины мы загрузили полностью, взяли много самого разного инструмента, электрогенераторы, стройматериал и различные профили, трубы, крепёж, гвозди, провода, разнообразную фурнитуру, отсутствие которой может серьёзно осложнить работу. К сожалению, пока не нашли продукты.

Я показал на карте полицейский участок и предложил заехать поискать дробовики и пистолеты. Пока ехали, увидели почти целый, довольно-таки большой магазин, зашли проверить. Очень порадовал хороший выбор напитков, вино, виски, коньяк, сигареты. Ну, мы и выбрали по максимуму, заполнив все возможные пустые места в кузове, хотя и было их немного. Там же обнаружили небольшой запас сухих и сублимированных продуктов, а также холодильники. Вот только надо было подумать, как всё это грузить и везти.

Домой добрались как раз к началу ужина. Разгрузку грузовиков оставили на утро, решив завтра заняться домашними делами и на мародёрку не выезжать. Будет перерыв. Как говорится, землю попашем, попишем стихи.

Как оказалось, из текущих потребностей нужны были приборы наблюдения за погодой, для этого надо было посетить морской колледж, обогревательные приборы, хоть и экватор, но ещё было прохладно, особенно ночью. Это то, что известно сейчас. Остальное необходимое имущество должны были определить после разгрузки грузовиков.

Возникли проблемы с вертолётom, вернее даже не с техникой, а с пониманием, что же надо сделать. Лётчик – не механик, он летает, а не ремонтирует. А проблема в том, какую деталь и чем смазывать, и какую жидкость куда заливать. Но Николай обещал справиться, он раздобыл какое-то руководство по обслуживанию, и сказал, что настоящий механик разберётся с чем угодно. Мастерство не пропьёшь. Тут все сразу загомонили и решили проверить, а так ли это. Тем более, надо было проверить, а то ли мы привезли.

В общем, получился у нас настоящий вечер отдыха. Много шума, шуток, было весело и легко, просидели допоздна. С утра решили не торопиться, немного отдохнуть и поспать.

После разгрузки грузовиков сели попить чайку и обсудить текущие потребности и задачи. Для нас первоочередной задачей становилась проблема хранения продуктов. Экватор всё-таки.

Валера предложил не тащить целиком холодильники, а на месте их разобрать с помощью ломика и матери, взять только охладитель, компрессор и вентилятор, установить их на месте и охлаждать весь объём помещения. Таких охладителей можно установить столько, сколько необходимо, да и таких

холодильников можно найти в любом магазине. И не надо искать спецоборудование. На первый взгляд должно работать, с этим согласились все.

Только помещение надо подготовить, провести термоизоляцию, чтобы холод не терять. И запитывать эту систему надо отдельно, попеременно от двух генераторов. Правда, надо сделать какую-то систему регулировки и управления, но Валера пообещал, что с этим проблем не будет, можно приспособить что-то из готового оборудования. Материалов для теплоизоляции вроде бы хватало, и все дружно пошли заниматься складами.

Василия оставили разбираться со скутерами и квадроциклами, надоело пешком ходить, надо быстрее двигаться. А на квадраки надо бы навесить прицепы, может быть не ко всем, но как-то надо перемещать инструмент и материал по территории всей базы, не на руках же таскать. А грузовик для этого как-то мало подходит. Максима оставили ему в помощь, пусть учится. А лучше всего по базе перемещаться на электробайках или скутерах, Валера обещал заняться этим в самое ближайшее время.

До обеда так и занимались складами, а после стали готовить машины к новому рейсу в город. Опять решили отправить три машины, только должен был поехать Валера, чтобы на месте определиться, что можно сделать с холодильниками. В машины дополнительно загрузили электрогенераторы, инструмент и фонари.

К этому моменту были готовы два скутера, четыре велосипеда и два квадрака, правда, пока без навесного оборудования и прицепов. К тому же Максим был готов продолжать заниматься этим самостоятельно, и пообещал завтра подготовить ещё как минимум две единицы техники. За ним же и закрепили её обслуживание.

Вот примерно в таком режиме прошла неделя. За это время мы закончили строить склады, Валера их оборудовал охладителями. Запустили биологическую лабораторию, пока занимались только проращиванием семян, и уже проклюнулись первые ростки, что очень и очень радовало. Оснастили метеоплощадку и продолжили вести регулярные наблюдения за погодой.

Для поездок на мародёрку установили график два через один, два раза едем, день отдыха.

Потихоньку наращивали наши запасы продуктов, искали и набирали только то, что не вызывало сомнения и могло ещё долго храниться. Поучаствовали в этом практически все, даже наши женщины приняли участие, особенно их радовало посещение магазинов. Но это уже позже, когда стали лучше ориентироваться в городе. Михаил совершил ещё пару разведывательных полётов, обнаружил ещё несколько небольших городков, точнее, даже посёлков с какой-то промышленностью, их можно будет исследовать потом. Но все подспудно ждали, запустится ли вертолёт, и если да, то как скоро.

И вот сегодня около обеда раздался новый для нас звук работающего мотора, все сразу бросили свои дела и на имеющихся байках кинулись на аэродром. Перед глазами была радостная картина – стоит вертолёт, у него открыты все люки, лючки, двери, ревет мотор и крутится винт. И рядом довольный Николай и обалдевший от счастья Михаил. Конечно, наш историограф Вика не упустила этот момент и всё-всё зафиксировала на фото и видео.

Все столпились возле Николая, обнимали его, хлопали по спине и плечам, поздравляли. Ещё бы. Теперь мы сделали новый, огромный шаг в нашем продвижении к выживанию. Действительно, мастерство не пропьёшь. Николай умерил наши радости и сказал, что аппарат пусть денёк постоит на

земле и поработает. На холостом ходу, обкатается.

Всё-таки техника совершенно незнакомая.

Ну а я в свете такого радостного события объявил рабочий день закончившимся, и послал накрывать праздничный стол. Такое событие нельзя оставлять безнаказанным. И мы не оставили.

Глава 6

23.05.00.

Целый день ушёл на обкатку вертолёт и тренировки Михаила. Присвоили вертолёту позывной Шмель. В конце дня Михаил сказал, что готов лететь.

Вылет назначили на утро следующего дня. Полетят Саша, Флор и я. Как раз полный комплект.

Взяли с собой байки, прожектор и фонари. Флор взял свои любимые ключи для дверей и замков – динамит.

Дорога не заняла много времени, пользоваться вертолёт оказалось гораздо комфортней, чем автомобилем. Час – и мы на месте, причём без каких либо забот и усилий.

Сразу полетели осматривать аэропорт, первым делом – самолёты, остальное всё потом. Для начала сделали пару кругов над аэродромом и осмотрелись. Самолётов было довольно много, но в основном большие, пассажирские, небольших аппаратов было немного, и стояли они отдельно, в дальнем углу. Боинги нас не интересовали совершенно, и мы приземлились в том конце аэродрома, где располагалась коммерческая и вспомогательная техника.

Самолёты были разбросаны на достаточно большой территории, поэтому мы сразу вытащили свои байки и поехали в интересующие нас места. Выбор оказался не очень большой, но он был. Причём, в наличии оказались довольно-таки редкие самолёты, выпуск которых давно прекращён. Видимо, сбывали при первой возможности неграм всё, что можно. Как и нам, русским.

Из всего увиденного, меня заинтересовали две машины. Это были Авиокар и Cessna Conquest II. C212 Aviocar – лёгкий многоцелевой транспортный самолёт, совместная разработка немцев и испанцев, проведённая в конце шестидесятих годов, имел неубирающееся трехстоечное шасси, большой грузовой люк и откидывающуюся рампу. Мог перевозить почти три тонны грузов, даже автомобиль, или до двадцати пяти бойцов. Мог садиться и взлетать с грунтовых аэродромов. На фюзеляже можно было поместить разное вооружение, пулемёты или неуправляемые реактивные снаряды. Самолёт не скороход, максимальная скорость триста семьдесят км/час, но обладает приличной, вполне подходящей для наших целей дальностью в две тысячи семьсот км. Очень подходящий самолёт для дальнего рейда, вот только дальность немного маловата, почти на пределе. Cessna 441 Conquest II двухвинтовой турбореактивный самолёт для полётов на большой высоте с высокой скоростью, создавался как административный, имел герметичную кабину, мог перевозить до десяти пассажиров на дальность четыре тысячи двести пятьдесят км на высоте десять тысяч семьсот метров со скоростью пятьсот девяносто пять км/ч. Практически идеальный самолёт дальней разведки.

Это не я такой умный всезнайка, который описывает любую технику и оружие, увидев одно колесо на машине или приклад на оружии. Это я посмотрел ГТХ самолётов, изучая услуги аэропорта Асмэра в найденном на базе материале, исходя из этого и подбирал подходящий под наши требования самолёт из числа имеющихся. Вопрос был только один – сможет ли Николай запустить эти самолёты после зимовки. Всё-таки эта техника была более серьёзная, чем мы до сих пор

использовали.

Поинтересовался мнением моих товарищей экспертов. Михаил сказал, что самолёты внешне вполне в приличном состоянии, по виду летать могут, сам он управлять ими сможет, сталкивался с подобной техникой раньше. Саша ответил, что ему приходилось сталкиваться с Авиокаром, будучи пассажиром, он произвел тогда на него очень благоприятное впечатление, и, по его мнению, для дальних рейдов вполне подходящая машина. Вот только их тоже настораживало, а как его оживить. Будем надеяться на настоящих механиков, у которых есть непропитое мастерство.

Оставили Михаила изучать самолёты, искать руководства по обслуживанию, а сами для начала решили изучить аэродром. Лазили по ангарам, складам, смотрели что есть. Как всегда, выбрать можно было много чего, да вот надо ли нам всё это. Самое главное, топливо, масла, технические жидкости, всё это было.

Пока время позволяло, решили сделать пробный выход в Асмэру, на разведку. Город показался немного странным, Я не то чтобы знаток африканских городов, но ожидал, что на Красном море город должен быть в арабском стиле с его хитросплетением узких улочек и сплошными стенами заборов. А оказался вполне европейский город, широкие прямые улицы, большие, открытые площади. Много магазинов, кафе, ресторанов, вывески в основном на английском, но много на итальянском языке. Уж, как-нибудь, виа дель понто я смогу прочитать и понять, откуда это. Мы бандито, знаменито. А таких вывесок тут много. Видимо, в своё время, итальянцы хорошо здесь покомандовали.

Наша поездка была чисто ознакомительной, слишком большая территория, чтобы сразу найти что-то самое нужное. Но впечатление осталось хорошее. Есть где поискать, и есть что взять. Только это не на один день, и заниматься этим придётся основательно. Тут можно найти многое. Есть и университет, и госпитали, и промышленные предприятия, и большие магазины, причём многое ещё целое и не разграбленное. Рай для мародёра.

Обратно решили лететь вдоль дороги, проверить, как по ней можно будет проехать. Ведь добычу как-то надо будет вывозить.

Дорога оказалась чистой, в некоторых местах были трещины, не очень большие, и не должны были представлять трудностей при проезде.

Связь работала устойчиво и не прерывалась всю дорогу. Нашего приезда все ждали и собрались послушать новости о наших находках и обсудить результаты.

После обеда я поделился своими мыслями о порядке наших дальнейших действий. Я сразу объяснил, что вижу разведку, состоящую как минимум из двух этапов. Сначала проводится дальняя разведка, ищутся опорные пункты, на которые можно будет опереться и использовать как временные укрепленные базы. Исследуется территория. Ведь неизвестно что творится на севере, скорее всего там сейчас всё залито водой и ещё снег.

И надо найти место, где можно будет приземлиться. И для такой разведки очень хорошо подходит Cessna 441 Conquest II. На большой высоте провести изучение территории и определить подходящие места, при необходимости можно полетать и пониже. И улететь можно далеко, дальность позволяет. А после этого, когда определена база, можно забрасывать и отряд с техникой. Для этого в самый раз подходит Авиокар. Вот только, как эти самолёты оживить, да и можно ли это сделать, должен определить Николай.

А проведение самой разведки и рейд я вижу в таком виде. Сначала добраться до Турции, Стамбула или Анкары, а может быть, можно будет использовать какой-нибудь другой пункт. Это должна определить первичная разведка. Там оборудовать промежуточную базу с запасом топлива и продуктов, техники и вооружения. Почему Турция? А это почти предельная дальность Авиокара, а нам надо перевозить отряд бойцов, топливо, технику оружие, продукты. Почему я выбираю эти города? Там должны быть аэропорты, и там не должно быть проблем с топливом.

А после того, как будет готова промежуточная база, настанет время основной, её я планирую организовать в Воронеже. Там есть авиазавод, не думаю, что там могут возникнуть вопросы с обслуживанием самолётов. И вот с территории этой основной базы можно будет заняться поиском выживших и их освобождением. Там же придётся определяться с вариантами реализации своих планов, используя сухопутную технику, или опять реанимировать вертолёт. Поэтому в эти рейды придётся лететь не одному человеку, а формировать отряд, и всем бойцам придётся проходить обучение. Мы не можем позволить себе, чтобы кому-то из нас был причинён вред или ущерб. Вот такие у меня были планы по дальнейшим действиям. И давайте сейчас их обсудим. Численный и персональный состав отряда определять пока преждевременно, речь пока идёт о подготовительном этапе. А вот обсудить порядок проведения рейда и возможные подготовительные меры для его выполнения, я думаю, можно. Хотя в принципе сейчас можно обсуждать саму идею и базы размещения, Турция и Воронеж. Конечно, могут быть и другие варианты, предлагайте. Сейчас самое главное техника. Можно ли будет запустить самолёты, будут они летать? Или надо искать какие-то другие способы решения этой задачи.

Обсуждения, в общем-то, никакого и не было, обсуждать было нечего. Стали готовить вылет вертолёт на завтра, вместо меня полетит Николай. Он подобрал себе инструмент, загрузил в вертолёт. Саша с Флюром будут изучать Асмэру, искать добычу. Остальные работают по своему плану и обустривают дом.

На следующий день, после отлёта вертолёт, обрадовала Катя. Ей наконец-то удалось подключиться к спутникам и получить какую-то картинку. Хорошего было мало. Ничего живого на Земле не осталось, как мы и предполагали. Нет, может быть, и осталось, конечно, осталось, мы же собирались спасать людей, но мы этого не увидели... И ещё попросил изучить предполагаемые маршруты и базы в Турции и в Воронеже, а может, подыскать другие, получше. И не просто так, а для своего любимого.

Вечером вернулись мародёры. Очень обрадовал Николай. Сказал, что самолёты можно запустить, правда, скоро не получится, но тут уж куда не деться. Короче, где-то месяц ориентировочно они с Михаилом будут заниматься самолётами, а Саша и Флюр будут заниматься Асмэрой. Решили там не ночевать, а каждый день отправляться туда на работу. Запасы топлива позволяли, тем более и в Асмэре обнаружили его в достаточном количестве. Всем остальным заниматься домом, готовить проекты работ для дальнейшего развития, растить хлеб и овощи.

Глава 7

25.05.00.

Так дела и продолжались. Техника ремонтировалась, дом благоустривался, подготовка шла полным ходом.

Валера перевёл всё наше внутреннее перемещение по базе на электротранспорт, обеспечил всем по

электробайку и организовал почти у каждого посещаемого места стоянки с зарядками. Приехал, поставил байк и подключил его к зарядке, пока занимаешься делами, техника заряжается. Поэтому электротехника у нас была крайне востребована, и Валера требовал от мародёрки всё электротехническое – провода, аккумуляторы, генераторы, ДЭС-ы, ветряки и солнечные батареи. Правда, солнечных батарей пока найти не удалось.

Мародёркой пока занимался Василий, в помощники ему присоединялась или Света, или Марина. Чего-то громоздкого, большого нам пока не требовалось, поэтому они проверяли небольшие магазинчики, лавки, осматривали порт и составляли карты размещения товаров, искали что-то конкретное или, как всегда, продукты.

Обрадовали агрономы. Они нашли данные о прежнем климате. Располагались мы на плато на высоте две тысячи триста метров над уровнем моря. Среднегодовая температура по наблюдениям составляла семнадцать градусов Цельсия, Весь год делился на два сезона, летний, с мая по сентябрь, субэкваториальный, влажный, и зимний, сухой, с октября по апрель. Несколько непривычно, но специалисты сказали, что урожаи будут, тем более, что первоначально, пока не накопятся данные о погоде, высаживать всё будут в теплицах, с возможностью укрыть при необходимости и подогреть, благо Валера обеспечил теплицы дополнительным обогревом.

Вообще, у них появилось желание построить что-то типа оранжерейного комплекса, причём больших размеров. Пока наберется достоверная информация о погоде, там можно будет начинать работать со многими растениями. Обсудив эту идею, решили, что эту идею надо проработать дальше, подробнее сформулировать свои требования и пожелания, а потом совместно с Валерой и Сергеем попытаться сделать конкретный проект.

Катя постоянно вела наблюдение за интересующими нас территориями. Снег ещё покрывал очень значительную часть поверхности, учитывая, что сейчас по нашим данным был июль, скорее всего, в этом году нам не удастся полностью осуществить наш план. Однако таяние шло довольно-таки бурно, и многие участки земли уже освобождались от снега. Нам самое главное найти сухую и удобно расположенную взлетно-посадочную полосу (ВПП).

После неоднократного изучения карты у меня сложился немного другой маршрут – Анталья – Таганрог. Или Ростов-на-Дону. Чем привлекала Анталья? Международный аэропорт вполне подходил как промежуточная база, зато он был ближе, судя по координатам, расстояние составляло от нас до Анталы две тысячи четыреста сорок км, и от Анталы до Таганрога тысяча сто одиннадцать км. И в Таганроге тоже был авиационный завод, и располагался он рядом с шахтами. Правда, это могло быть и плохим фактором, если выжившие бандиты добрались до завода, там мало что могло остаться целым.

Эти расстояния с гарантией укладывались в дальность перелёта Авиокара, и по наблюдениям, в Анталю освободилась ВПП. Таганрог же подходил ещё потому, что от него было близко до Донецка, можно было добраться по дорогам, а там, по тем сведениям, что сообщил нам Василий, можно было купить рабов. Это было гораздо проще и безопасней. Вот только соваться в такое место и видеть людей, превратившихся в рабовладельцев и каннибалов, никак не хотелось. Кроме того, через Таганрог могла проходить дорога, связывающая Кавказ с Украиной, и дальше на север, а это никак не добавляло спокойствия.

И вообще, чем больше времени затрачивалось на проработку операции, тем больше вопросов и

сомнений возникало, вплоть до морально-этических. Но пока все эти вопросы оставались на потом, для обсуждения совместно с остальными. А с другой стороны, выбора у нас никакого не оставалась – или вымирать или освободить людей, и совместно пытаться построить новую жизнь.

По прикидкам, нам необходимо было для разведки, как минимум, пять человек, лучше бы пятьдесят или пятьсот, но где их взять. Это были Саша и Флюр, наши признанные боевики и специалисты по боевым операциям, Михаил, как пилот и стрелок, Василий, водитель и стрелок, Николай, водитель и механик, он нам будет нужен в тех условиях, и я, могу быть и водителем, и стрелком. Командиром однозначно будет Саша.

По задумкам мы должны были организовать маневренную группу, технику планировалось найти там, лучше всего что-то типа БРДМ, или БТР. А может, будет и вертолёт, тогда должно быть ещё проще. От себя для начала можно было прихватить какой-нибудь внедорожник, оснастить его дополнительно турелью с пулемётом и, используя его, попытаться найти нужную технику.

Оружие предполагалось использовать российское, калаша, пулемёты и всякие гранатомёты. Для начала, конечно, придётся вооружаться чем-то натовским, имеющегося на базе оружия хватало, но потом придётся перевооружаться. Хотя у нас и были калаша, с которыми мы сюда добрались. Но здесь последнее слово оставалось за бойцами.

Кроме оружия необходимо было везти с собой много оборудования, топлива, хотя бы на первое время, дополнительное снаряжение. Хорошо бы найти беспилотный летательный аппарат (БЛА) для дальней разведки по ходу маршрута.

Мои размышления прервал вызов из башни, меня вызывала Асмэра. Я быстро подхватился и помчался на вызов.

Это был Саша.

Он сообщил, что Цессна, большая, уже летает. Также он обрадовал, что они с Флюром кое-что набрали из наших заявок. Поэтому мы решили, что сегодня они возвращаются на вертолёте, а мы готовим машины к поездке в Асмеру, и завтра отправляем караван за добычей, обратно Михаил один перегонит Цессну к нам.

Пошёл собирать всех и готовить караван. Связались с Василием, попросили вернуться пораньше в связи с подготовкой колонны в дорогу. Готовили всю нашу рабочую грузовую технику, четыре машины. Груза должно быть много. Были найдены солнечные панели, компьютеры, принтеры, продовольствие, книги, электротехника, лекарства. Отправиться должны были почти полным составом, чтобы на месте определиться, что брать, а что нет.

Дорога была вполне проходимой. Местами, конечно, её переметало песком, она почти терялась, но для нашей техники это не препятствие. Добрались часа за три, оставили Михаила готовить большую птицу к полёту, а сами отправились по точкам, отмеченным нашими разведчиками, грузиться. Через четыре часа всё было погружено, и мы тронулись в обратный путь.

Никаких происшествий в пути не было, большая птица благополучно добралась до дома, так что всё оказалось хорошо, и нас ждал праздничный ужин. А как же иначе, добыча найдена, доставлена, теперь можно и отдохнуть.

Следующий день решили посвятить планированию, а Михаила отправили облетывать большую птицу. Пока только над землёй, пусть просто полетает, присмотрится к аппарату.

Со своей стороны я озадачил Галю с Татьяной проблемой биогенератора, позволяющего

перерабатывать все отходы в газ, тепло, энергию. А то у нас всё строилось на использовании бензогенераторов, а это не самый лучший для нас вариант. И ещё раз напомнил о получении топлива, хотя бы спирта. Надо было начинать работу по всем этим вопросам.

Валеру дополнительно озадачил вопросом об электротранспорте, для начала хотя бы гибридном. Пусть думает об электромоторах, вплоть до их производства, аккумуляторах, способах хранения энергии. Чем раньше начать, хотя бы обдумывать эти вопросы, тем быстрее можно прийти к какому-то варианту. Или не прийти и отбросить эту идею.

Обсудили с Сашей и наземную часть операции. Он проникся моими задумками о порядке действий и обещал со своей стороны обдумать ситуацию. Тогда у нас и должен появиться более реальный план. Так как до конца дня времени было достаточно, все пошли продолжать заниматься текущими делами, а мы втроем, с Сашей и Флюром, пошли искать место для стрельбища и прикидывать, что нам надо для его постройки.

К вечеру вернулся Михаил, по его отзывам большая птица вела себя великолепно и готова лететь куда угодно. Из осмотренных мест ничего нового он нам не сообщил, сбросил Кате всю фото-, видеоинформацию для анализа. Я попросил Николая организовать возможность дозаправки из салона самолёта, чтобы иметь возможность вернуться обратно без дозаправки. Как никак, лететь предстояло две тысячи четыреста км в одну сторону, а самолёт рассчитан на полёт на четыре тысячи двести км.

Лететь решили завтра, в Анталию, на разведку, осмотреть там всё сверху, если можно, то приземлиться и тоже осмотреться. Пролететь я их просил через Каир и, если получится, разведать и его. Может быть, там придётся устроить ещё одну промежуточную точку. А может быть, вообще больше ни куда не летать, только Каир. Всё-таки расстояния большие, на пределе дальности самолётов. А это неправильно.

Вполне возможно, что Каир подойдёт в качестве промежуточной базы даже лучше. Для спокойствия, а то слишком большая дальность полёта получается. Как обычно, летят разведчики. Только я попросил их дополнительно взять дозиметры. И впредь всегда их иметь с собой. А мне они должны оставить указания по строительству стрельбища. Пусть до начала операции ещё далеко, но стрелять надо уметь. Лишним не будет.

Весь день прошёл в ожидании возвращения большой птицы. Конечно, все занимались делами, но подспудно ощущалось напряжение, наши на разведке, что там с ними, не случилось ли какой неприятности или неожиданности. И какое всех охватило облегчение, когда большая птица вышла на связь, сообщила, что всё в порядке, и они возвращаются.

Как оказалось, они поступили очень разумно, в отличие от меня, настроенного слишком оптимистично. Они долетели до Каира, определились по времени, что дальше лететь сейчас не имеет смысла, осмотрели город сверху. Выяснили, что можно приземлиться, приземлились, осмотрели аэропорт, нашли приличные запасы топлива, и решили лететь обратно.

Сам Каир с воздуха производил такое же угнетающее впечатление, разруха, запустение, следы катастрофы. Да и город осмотрели только с воздуха, делать там нам было нечего, у нас другие сейчас цели и задачи.

Как промежуточная база Каир подходил нам очень хорошо. Лететь не очень долго, тысяча семьсот км, вполне приличная по теперешнему времени ВПП, есть запасы топлива. Да и оттуда долететь до

Таганрога, если он будет нашей базой, тоже не вызовет особых затруднений, тысяча восемьсот девяносто км. Всё в пределах дальности действия наших самолётов, с запасом. Я уже настолько уверовал в мастерство Николая, что считал Авиокар нашим самолётом.

Вот тут и возникла небольшая дилемма. Не имея полной информации и проработанного маршрута движения, работа по реанимации самолёта казалась преждевременной, но в то же время, не имея самолёта, как-то преждевременно планировать операцию. Курица и яйцо. В общем, решили пока полностью потратить силы на самолёт, тем более этот аппарат был серьёзной машиной, и мог потребовать значительных усилий, если вообще удастся его использовать. Тогда придётся искать какие-то другие варианты. Да и снег в России пока не сошёл, по Катиным наблюдениям ВПП не было.

Поэтому на следующий день вернулись к привычному для нас распорядку, Николай с Михаилом занимались самолётом с ежедневными полётами на вертолёт, Саша с Флюром работали в Асмэре, Василий завозил необходимый материал для строительства оранжереи.

Несколько раз Саша с Флюром отвлекались на посещение военной базы подобрать экипировку, снаряжение и вооружение.

И вот, наконец, пришло сообщение, что у Авиокара, позывной Жук, заработали двигатели.

Следующий день планировалось посвятить приработке двигателей на земле, ещё день на подскоки, короткие взлёты-посадки, и потом можно будет организовывать перегон самолёта к нам, домой. За оставшееся время нужно было подготовиться к вывозу добычи, технику готовили по опыту предыдущей поездки.

Вся операция прошла точно также, приехали, загрузились, уехали, жук полетел самостоятельно.

Добрался он успешно, к нашему возвращению ему уже определили место стоянки, и он успешно его обживал.

Глава 8

19.06.00.

Вот теперь можно было вплотную заняться подготовкой операции, хотя подготовительная работа в основном была завершена. Появилась техника, позволяющая попасть куда надо и вернуться, было оружие и снаряжение, было топливо и продукты питания не только для нас, но и для новых жителей. Отдохнув денёк, отправились организовывать базу в Каире. Нужно было обеспечить заправку топливом самолётов, место проживания для отряда и гостей, питание, хранение продуктов, связь. Поездка должна была занять несколько дней, после окончания работ в Каире планировали разведать Анталию с точно такой же целью, и по возможности пролететь над Таганрогом, оценить обстановку. То ли мы стали такими крупными специалистами, то ли опять повезло, не знаю. Но всё прошло совершенно обыденно. Прилетели, сели, нашли хранилище с топливом, запустили насосы, запустили заправщик, нашли место для проживания, нашли холодильники, всё смонтировали, запитали от бензогенератора. Организовали спальные места. Всё как-то буднично, и заняла вся работа два дня, после чего промежуточная база была готова. Всё оборудование расположили, закрепили так, чтобы обеспечить длительное хранение. На всякий случай. Неизвестно когда приступим к реализации планов, а сало надо перепрятать.

То же самое нам удалось сделать в Анталье. ВПП была свободна, сели, нашли топливо, организовали базу и законсервировали её для следующего раза.

А потом пришло время разведывательного полёта в Таганрог. Снега ещё было много, но место для ВПП нашли, садиться не стали, но с большой высоты облетели весь район и посмотрели, где нам придётся воевать. Провели разведку местности с большой высоты, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Территория большая, в таких условиях очень бы пригодился вертолёт, но это был очень проблематичный вопрос, хотя на аэродроме они были. Да и неизвестно, что с топливом. Судя по нашему предыдущему опыту во время исхода, с топливом там всегда проблемы, оно само по себе неизмеримая ценность. Следов транспорта нет, дорог нет. В общем, общую картину получили, впечатления не самые радужные, есть над чем подумать. Да и судя по календарю, в этом году, в этом тёплом сезоне, нам ничего не удастся сделать. Обменявшись наскоро мнениями, полетели в обратный путь.

На базах ещё раз оценили запасы топлива, на что нам можно рассчитывать, не только авиационного, но бензина и соляры. Не то что бы много, но есть. Так что придётся нам операцию планировать очень тщательно. Ресурсы наши не беспредельны.

Заняла разведка у нас неделю, но зато получили много информации для раздумий. Когда вернулись, встретили нас просто замечательно, все стосковались, да и мы тоже, очень радостно было видеть такие родные лица. По обычаю, на следующий день после праздничного ужина устроили всеобщее обсуждение.

Мы рассказали обо всём увиденном, сделанном, сообщили о возникших соображениях и переносе операции на следующий год. И тут я честно поделился возникшими у меня сомнениями, сможем ли мы осилить такое дело. Уж больно тягостное впечатление произвело на меня всё увиденное, забывать стал, как оно было раньше.

Первым мне ответил Василий:

— Ты меня, конечно, извини батя, но, только попав к вам и прожив здесь всё это время, я понял, через что мне пришлось пройти. Я не знаю, с чем можно сравнить все, что было там. Никто из вас не может представить, что там творится. Я и сам бы не поверил, но я там был. Я многое видел, особенно в Чечне, и слышал о многом, но даже подумать о таком не мог. Это безысходность. Полная и окончательная. Надежды нет никакой, хотя в глубине души и теплится какое-то слабое ожидание чуда.

Ты превращаешься в обычный механизм. Встал, пошёл, что-то сделал, дали еду, съел. И всё. Понимаешь ли, всё. Нет у тебя никакой жизни, ты никогда не увидишь света и даже забываешь, что это такое. Люди постоянно сходят с ума, выдержать такое и остаться в своём рассудке почти не возможно. Это и описать просто невозможно, да и вспоминать никто добровольно такое не будет. Страшно это вспоминать.

А ведь люди там остались, хотя им надо ещё вспомнить, что они люди. И мне бы очень хотелось хоть кому-то облегчить жизнь. И если будет такая возможность, я первый пойду туда. Я за войну. Я ничего не забыл и прощать ничего никому не буду.

А Марина со Светой вместе заплакали. И сквозь слёзы и всхлипы смогли выдать из себя, что им страшно, и ни за что они не пожелают никому попасть туда.

На Сашу с Флюром было страшно смотреть. Это были два хищных зверя, готовых броситься на противника. Они оба сказали только одно слово:

— Война.

— Война, — добавил Михаил. — Я не буду ничего добавлять к тому, что сказал Василий. Это действительно просто страшно вспоминать. Нам ещё повезло, мы иногда попадали на воздух и видели белый свет. Просто для того, чтобы остаться человеком, чтобы можно было считать себя нормальным человеком, надо попытаться это изменить. Если этого не сделать, мучиться будешь всю жизнь. Хотя кто-то и там живёт, но я так не могу.

Возникла пауза, все остальные молчали, и я вынужден был начать говорить:

— Поймите меня правильно. Я не против освобождения людей. Тем более, я первый об этом и заговорил. Но я не представляю, как можно это сделать. Нас может быть четыре человека, причём я не считаю, что могу отправить кого-то умирать. Но я не представляю, как можно штурмовать шахту, набитую вооружёнными боевиками, освободить людей, вывести их оттуда наверх и увести их сюда. На что мне сразу же и ответил Саша:

— А ты батя, не заморачивайся раньше времени, мы и сами разберёмся с этим. Уж поверь, в этом деле у нас есть опыт, и умирать мы не собираемся. Нам ещё детей растить и воспитывать надо. А займись лучше подготовкой обеспечения операции, у тебя это хорошо получается.

И опять между нами улеглась вязкая, оглушающая тишина, которая буквально обволакивает, разъединяет людей. Бывает такое состояние, и чем оно дольше длится, тем тяжелее становится её разорвать и восстановить взаимопонимание.

— Ну, раз так, раз все согласны, то командовать операцией будет Саша. И планировать будет он. А мы будем ему по мере сил и возможностей помогать.

И раз мне доверяют участвовать в планировании, выскажусь по этому поводу. Для начала необходимо полетать в этих местах побольше. Посмотреть, поизучать, что там творится. Может быть, есть у бандитов налаженные караванные маршруты, где можно будет без больших усилий устроить засады и освободить людей.

Надо ещё организовать промежуточные базы. Может быть, Стамбул, Анкара. Нам нужно будет много топлива, надо его искать. Может, найдется ещё такой небольшой аэродром, типа Массауа, где остались запасы топлива. Я бы считал возможным рассматривать подходящие для базы города не на нашем берегу и подальше от гор. И летать проще, и вероятность выжить на равнинах меньше. В таких местах должно сохраниться больше запасов.

И хотя это не имеет отношения к настоящей теме, отвлекусь. Не надо забывать, что нам надо искать знания. А здесь мы их не найдём. Надо искать русские книги и учебники. Куда нам можно попасть в наши южные города? Севастополь, Симферополь? Я помню про сочинскую группировку, поэтому туда соваться пока не хочется, пока не будет более подробной информации. Надо облететь и посмотреть. Спутник, конечно, хорошо, но только пилот может решить, садиться или нет. И нужно добывать книги. У нас без этого сильно тормозится проработка перспективных проектов. Надо хотя бы почистить пару университетов. Так что надо готовиться к мародёрке в России.

Возвращаясь к нашим делам, нужно здесь собирать топливо, и завозить его туда, или хотя бы запасать у себя. Как я понимаю, летать придётся много, и топливо будет востребовано. Оно и так востребовано, но будет ещё нужней. Поэтому надо запускать бензовозы и выкачивать топливо, где можно. Любое.

Надо оснащать, во-первых, жука дополнительными баками, или какими-нибудь бочками, и обеспечить ему возможность перевести в качестве груза хотя бы тонну топлива за рейс. Если будем

мародёрить там, топливо, скорее всего, придётся везти с собой. А ведь много на самолёте не навозишь, тем более в такую даль. Надо будет его искать там и оборудовать место для постоянной базы, где можно будет держать технику и самим в случае чего выдержать осаду.

И надо готовить вооруженный транспорт для перемещений по тем территориям. Какой транспорт войдёт в жука? Лучше полноприводный, хороший грузовик, желательно с краном, если нет, то большой джип. И пулемёт, а лучше два, крупняк и обычный. И может быть, если не найдём снегоходов, откуда на экваторе снегоходы, попытаться опять сделать что-то подобное, тем более опыт есть. Я к тому, если снег сохранится, надо будет как-то по нему перемещаться. Может, джип какой-нибудь приспособить. А может быть, наш газон подойдёт?

Ну и военную подготовку надо провести. Как-никак, хотя бы пострелять надо. А что надо конкретно, это к командиру. Он скажет. И озадачит.

Поэтому, Михаил, готовь большую птицу, полетит вся разведка. Возьмите скутеры или квадрики, на всякий случай, и оружие. Ищите ВПП, где можно сесть, и где можно создать новые базы. И ищите, где можно книги достать, наши книги. Кстати, Михаил, а может быть тебе заняться обучением кого-то ещё управлению самолётом и вертолетом? Да и штурман, наверное, нужен. Ты не молчи, а то если что случится с тобой, тот же аппендицит, где тебе замену искать?

Василий, за тобой топливо. Если надо, с тобой кто-то ещё поедет. И смотри, где можно бочки раздобыть. Мне кажется, без них не обойдётся. И про продовольствие давайте не забывать. Может быть, удастся просто людей выкупить в обмен на продовольствие.

Николай, реанимируй какой-нибудь бензовоз, лучше что-нибудь большое. А ещё лучше две, три машины, для разных видов топлива. Нам может понадобится и не одна емкость. Для авиационного топлива, бензина, солярки. Да, и подумай, как закрепить и перевозить в жуке бочки с горючим, продовольствие, машину, хотя для начала какой-нибудь маленький джип, например, Судзуки Джимми, или квадрика хватит. Ведь в полете болтанка будет. И как это всё грузить и выгружать. И где мы всё это будем хранить? Володя, ищи место.

Ну а пока мы на войну работаем, у остальных должно идти полным ходом мирное строительство. Все наши планы остаются в силе. И землю обиходить, и урожай вырастить, и готовиться к внедрению использования биоресурсов. Строим собственный спиртовой заводик. Или что-то другое, как скажете.

Вот, опять заставили вы меня разговориться. А сами все молчите и молчите.

— Ты всё правильно сказал, — одобрил Володя. Просто добавить нечего, мы с тобой все согласны.

— И все пошли внедрять в нашу жизнь умные мысли, — оставил за собой последнее слово Флор.

Вечером мы ещё раз с разведчиками обсудили, что нам хотелось бы иметь.

Нужно дополнительно иметь опорные базы с запасом топлива и продуктов питания, чтобы был выбор запасного варианта при любой ситуации.

Нужна информация о том, что происходит на интересующих нас территориях, может быть, возникнут и ещё какие-то другие возможности. Это, правда, получается совсем другая история.

Нужно искать опорные базы в России и вывезти оттуда библиотеки.

Нужно российское оружие.

Нужно определиться с техникой

Нужно много ещё чего, чего и сами пока не знаем.

В общем, определили, что полетят они на неделю, при возможности будут поддерживать связь и постараются хотя бы прикинуть, как нам действовать при проведении операции. Мне пока виделось два варианта – захват караванов и покупка рабов. В первую очередь детей.

Ещё день ушёл на подготовку и проверку снаряжения, техники, оружия, связи, и они улетели. А мы занялись мирным строительством. Готовили технику, строили оранжерею, запасались топливом и вывозили все известные запасы продуктов.

А в конце недели вышла на связь большая птица, разведчики сообщили, что возвращаются, и попросили приготовить к встрече гостей, баня, стол и прочие блага цивилизации. Мы все были ошарашены, но пожелание выполнили с удовольствием.

Не надо и говорить, что встречали птицу полным составом. Сначала вышел Саша, за ним появился незнакомый мужик, крепко сложенный, лет пятидесяти, очень сильно исхудавший и ослабевший, за ним парень и девушка лет по двадцать, тоже исхудавшие и ослабевшие. Все вооружённые, и держатся насторожено.

Мы все впали с состояние столбняка.

Ситуацию разрядил Флюр:

— Знакомьтесь, наши гости, Константин – он хлопнул по плечу мужика, Виктор и Софья. Мы тут пролетали над славным городом Севастополем, да и взяли с собой попутчиков.

Тут вступил в разговор Володя:

— Как положено по русскому обычаю, с дороги сначала банька, потом за стол. Есть возражения? Все, конечно, были согласны.

Пока Володя провожал гостей в баню и выдавал им новую одежду, а Игорь проводил обследование состояния здоровья, все столпились вокруг Саши и слушали его рассказ:

— Сначала мы полетели и осмотрели Анкару и Стамбул, везде нашли небольшие запасы топлива, можно будет их посетить несколько раз. Заправились до упора и полетели смотреть интересующие нас места, правда, решили начать с Севастополя. Прилетели, Михаил покрутился, покрутился, нашёл на какой-то базе подходящую полосу, сказал, что можно сесть и взлететь. Ну, мы и сели.

Осмотрелись, сначала как обычно топливо, нашли, немного, но есть. Потом стали осматривать найденную базу. Что за база, так и не поняли, но хорошее место, закрыто со всех сторон, есть казарма, да и так есть подходящие места. Есть техника, стоят БТРы, грузовики. Решили немного здесь задержаться и осмотреться. Оборудовали себе ночёвку и пошли изучать, что мы имеем. Первое впечатление подтвердилось. Место хорошее. Есть ещё какие-то склады, есть оружие, кое-что из этого привезли с собой. Пока время позволяло, решили осмотреть окрестности. Сгрузили квадры, поехали с Флюром, Михаила оставили караулить птицу. Договорились, что каждые пятнадцать минут он будет нас вызывать для контроля. Недалеко отъехали, вдруг по связи от Флюра, он впереди ехал, слышу:

— Кот, вправо к стенке и глуши, затихарились.

Так и сделал, тут рядом падает Флюр и сообщает:

— Дымом пахнет, где-то костёр горит.

— Принюхался, точно дымом тянет. Тут мы разделились и попытались подобраться поближе с разных сторон. Как оказалось, в отдельно расположенном полуразвалившемся сарае действительно горел костер. Вокруг него располагались трое неизвестных, очень истощённых и измученных,

причём, создавалось впечатление, что двигаться с трудом мог только один из них. Мы с Флюром разошлись по сторонам и, замаскировавшись, я окрикнул незнакомцев

— Эй, люди, не стреляйте, поговорить надо.

У костра сразу все зашевелились, схватились за оружие, и приготовились к обороне.

— Кто это, — спросили у костра. — Что надо?

— Прохожие, просто поговорить хотим, — крикнул я.

— Сейчас просто не разговаривают, — ответили мне.

— Если хотели бы плохого, давно бы вас постреляли. Вы у нас все на виду и под прицелом.

После небольшой паузы мне ответили

— А ты нас не пугай.

— Я и не пугаю, хочу только поговорить, может, и договоримся до чего-нибудь.

— А чего ты хочешь?

— Что, так и будем кричать? Может, как нормальные люди поговорим?

— Мы-то нормальные, а вот вы?

— Поговорим и определимся.

— Ладно, подходите по одному.

— Я пока один подойду, другие пусть со стороны пока посмотрят.

— Подходи.

Я подошёл, у костра укрывались вот эти трое. Готовили еду. Судя по количеству готовящейся еды, их физическому состоянию, с едой у них было плохо. Увидев это, я достал из своего рюкзака пару пакетов сублимированного мяса с рисом, фляжку с настойкой Игора, и представился:

— Меня Сашей зовут. Чтобы не отвлекать вас, не возражаете, если я присоединюсь к вам и угощу, чем Бог послал.

Ответа было не нужно, достаточно было посмотреть на их вид. Пришлось доставать свой котелок, на их глазах вскрывать пакеты и передать им для осмотра упаковку, засыпать в котелок концентраты и залить кипятком из термоса, а после этого предложить незнакомцам угощение. От наливки не отказался старший и то, только после того, как я разделил еду на всех, выпил из своего стакана и начал есть.

Когда поели, закурили, на связь вышел Михаил:

— Кот ответь, это Птица.

— Птица, это Кот, всё в порядке. До связи.

— Кто же ты, прохожий? И чего тебе надо в этих местах, — спросил старший из незнакомцев.

— Я действительно прохожий, ищу хороших людей и хотел бы с ними подружиться.

— Хороших людей сейчас трудно найти, может быть, их совсем и не осталось. И зачем им с тобой дружить?

— Хорошие люди есть, это я точно знаю. И я их знаю. Вот только мало их. И всем хорошим людям дружить надо, чтобы жить было легче.

Вот примерно так и развивался наш разговор.

В конце концов, удалось узнать, что эти люди называют себя сталкерами, ходят по развалинам, ищут всякие ништяки, а потом меняют их на шахтах или в Донецке на нормальные продукты. Зовут их Константин, это старший, молодой парень – это Виктор, а девушку зовут Соня. В других местах

очень мало стало добычи, и они пошли в далёкий рейд, да вот с продуктами получился прокол, в новых местах найти не удалось, свои запасы заканчивались. Вот они и ослабели.

Моё предложение подкрепиться ещё раз было с благодарностью принято. Я по связи вызвал Флюра, мы развели концентраты из его рюкзака, и они вместе с Флюром поели. Когда старший стал опять расспрашивать, кто мы и откуда, я не стал скрывать и сказал, что мы из Москвы, ушли на юг, проходили через территорию шахт где-то с полгода назад, повоевали с Глобусом. А вот теперь вернулись, ищем нормальных людей и приглашаем их к нам присоединиться. У нас есть техника, оружие, горючее, продукты, семена. Добраться до нас и захватить всё это невозможно, т. к. мы поселились очень далеко.

В ответ услышал, что действительно был слух, что Глобуса очень сильно кто-то из чужаков натянул, и, глядя на нас, он в это может поверить.

За время разговора несколько раз выходил на связь Михаил и Константин, в конце концов, спросил, кто это. К этому моменту эти люди уже вызывали у меня симпатию, и я не стал скрывать, что у нас тут самолёт, и пригласил их к нам в гости на базу. Они немного поупирались, но потом согласились с моим предложением полететь на базу, посмотреть, как мы живём. И решить самим, присоединиться или нет к нам. Тем более что они выглядели больными, а я пообещал им помощь доктора. Я думаю, что лучше них никто нам не расскажет про местные дела.

Связался с Михаилом, уточнил, можем ли мы сегодня вылететь, услышал, что можем, тогда мы собрались, кое-как дотащили больных до квадров и поехали к самолёту.

Рванули сразу на Каир, там переночевали, заправились, за время пути немного подкормили наших гостей, как только смогли, связались с вами, и вот мы здесь.

Ну а их историю они, наверное, расскажут сами.

Глава 9

29.06.00.

К этому моменту птицу уже поставили на стоянку, мы все пошли в столовую. Туда подошёл Игорь, сказал, что с гостями всё нормально, просто очень сильно истощены, обессилены, и у них авитаминоз. Он оставил Надежду приготовить еду для гостей, а сам повёл их в больницу на обследование. Володя пошёл обустроить им место для ночлега, Женщины начали готовить праздничный стол, а разведчики пошли в баню.

Часа через два вся суэта закончилась, и все собрались за столом. Для начала просто познакомились, выпили за знакомство, и потекла неспешная застольная беседа. Присутствие новых людей, их расспросы про нас, заставили рассказать всю нашу историю, причем эпизоды с уничтожением бандитов в Туле, про попытку штурма нашего дома, бой с бандой Глобуса, вызвали живейший интерес. Особенно рассказы тех, кто непосредственно был спасен во время этих схваток. Это очень сильно подняло уважение к нам с их стороны.

В ответ на такую открытость с нашей стороны они рассказали свою историю. Вернее, говорил в основном один Константин. Он оказался бывшим офицером внутренних войск, служил в охране многих военизированных и стратегических объектов. Когда случилась катастрофа, был в отпуске, отдыхал на природе, на рыбалке в одиночестве. Перед отъездом один из его знакомых поделился с ним информацией в виде байки, найденной в интернете, о падении метеорита и о последствиях этого падения.

При начале неприятностей он сумел защититься подручными средствами и пережить отравление вулканическими газами, как-никак военный специалист, имел знания по защите от отравляющих веществ. Когда стало можно спокойно дышать, он стал выбираться к людям, помня о тех последствиях, о которых рассказал его знакомый. В какой-то деревне он встретил выжившую женщину с двумя детьми лет двенадцати-четырнадцати, и они решили спастись вместе.

К сожалению, никого больше из живых им встретить не удалось. К этому моменту уже началось похолодание, солнце пропало, и Константин понял, что надо ждать ядерную зиму. Они нашли старую заброшенную шахту, или скорее даже глубокую пещеру, оборудовали себе убежище и стали свозить к себе из мертвых деревень продукты питания, теплую одежду, топливо. Заброшенная шахта оказалась угольной, и им удавалось найти немного угля для обогрева.

Этим они занимались почти всё время. Иногда меняли найденные ценности на лекарства и необходимые продукты, не так далеко оказались другие выжившие, да с Донецком удалось наладить контакт. Так он вынуждено стал сталкером. Женщина все эти тяготы не пережила и на пятый год умерла. Ребята к этому времени уже подросли, он обучил их военному делу, научил стрелять, обеспечил оружием, и они стали ходить в рейды вместе.

К этому времени, в окрестностях практически ничего нельзя было найти, всё уже собрали, он был не один такой. Оказывается, таким образом, спаслось довольно-таки много людей. Тогда он вспомнил о тех складах и объектах, которые охранял в Севастополе, и решил, что там им будет легче выжить. Температура к этому времени стала повышаться, и можно было перемещаться более-менее свободно. Так они и попали в Севастополь, но физически очень устали в пути, и они не смогли обеспечить себя продуктами, встреча с нашими разведчиками была для них настоящим спасением.

Так за неспешной беседой прошёл этот вечер.

Наши гости были ещё слабы, и Игорь отправил их спать, Володя к этому моменту оборудовал им отдельную комнату, и они ушли отдыхать. Мы ещё немного посидели, и тоже разошлись.

После лечебных процедур и завтрака они осмотрели наше хозяйство и подошли в комнату, где уже собрались наши. Пили чай, кофе, кому что нравится. Спросили у гостей, как им наше хозяйство, они были в полном восторге, не ожидали, что такое может быть после катастрофы.

В конце концов, перешли к обсуждению, что мы хотим получить в итоге всего этого, что нам может понадобиться от них, и могут ли они примкнуть к нашей коммуне и на каких условиях. Я начал им отвечать:

— Как бы это ни показалось странным, мы не хотим возвращения к старому. Мы прекрасно понимаем, что старая жизнь не вернётся, она умерла вместе с цивилизацией. Но наша задача – жить хорошо, и даже лучше, чем жили раньше. Дышать чистым воздухом, пить чистую воду и видеть зелёные леса и разнотравье лугов. Надеемся, что хотя бы наши внуки доживут до этого. Чтобы это свершилось, мы готовы работать, не жалея своих сил, но мечтой является воплотить всё сказанное в жизнь.

Мы не стремимся перевоспитывать людей, это непосильная задача. Наше желание – помочь выжить хорошим людям, с чувством своей личной ответственности за всё происходящее. Их надо найти, таких людей, помочь им, мы будем просить присоединиться к нам и совместно строить новую жизнь для себя, своих детей и внуков. Вот в этом и нужна ваша помощь, и если вы согласны, то приглашаем вас присоединиться к нам в наших усилиях реализовать эти цели. Мы будем сажать леса

и сады, растить хлеб, воспитывать детей, пытаться реализовать наши идеалы.

Может это звучит слишком высокопарно, но надо хотя бы попытаться. Возможно, всё в конце концов вернётся к старому, но останется утешение, что мы хотя бы попытались что-то сделать, чтобы изменить окружающее нас к лучшему. У нас нет какого-то централизованного руководства, мы живёт коммуной и совместно принимаем решения, совместно их и выполняем. У нас нет личной собственности, кроме предметов личной гигиены и личного оружия и инструментов. Все у нас имеют одинаковые права.

Но если кто-то делает своё дело лучше других, то остальные ему подчиняются. Так, Саша лучший командир в боевых условиях, и он всегда в таких случаях принимает командование на себя. Николай лучший механик, и он командует, когда дело касается такой работы, и все подчиняются ему и выполняют нужную работу. У нас, во всяком случае, пока, не возникало трений, что кто-то работает больше, а кто-то меньше, что кто-то заслуживает большего уважения и требует к себе особого внимания и особого куска.

Мы все одна семья, и никто не считает себя особенным и имеющим какие-то заслуги перед другими. Мы все делаем одно дело в меру своих сил и умения. И вот, если вы готовы жить так, то мы рады будем видеть вас среди нас. Естественно, мы будем присматриваться и оценивать вас, а вы нас. Я не думаю, что если окажется, что вы не уживётесь в нашем коллективе, вы будете здесь жить дальше. В этом случае мы готовы вернуть вас в Севастополь, где вы сможете жить, как хотите. Вот если вы готовы на таких условиях присоединиться к нам, добро пожаловать.

А чем вы будете заниматься, определите сами. Нам не хватает рук, мы готовы вас обучить всему, что умеем сами, нам не хватает бойцов. Мы хотим привлечь новых людей, естественно к ним у нас такое же отношение. Мы хотим освободить рабов и пригласить их к нам, если они, конечно, смогут жить так же, как и мы.

Если они не смогут, или будут к этому не готовы, мы не будем их удерживать силой и заставлять работать на себя, дадим им возможность жить так, как они хотят, но не здесь и без нас. А, чтобы не создавать лишних проблем, мы в первую очередь готовы взять детей и воспитывать их, как своих, надеюсь, они тогда будут понимать жизнь и своё место в ней так же, как и мы.

Вы очень хорошо изучили жизнь в тех местах, встречались в своих рейдах с другими выжившими, знаете местные нравы и правила. Как минимум, хотелось бы, чтобы вы поделились своими знаниями, а лучше бы приняли участие в совместных рейдах по поиску новых людей и тех ценностей, в которых мы нуждаемся. Я понимаю, что вы настрадались и пойму, если вы откажетесь. Работы для вас у нас и здесь хватает, Виктора и Соню обучим в школе, получают новые знания и умения, и сами займутся делом возрождения земли. Но у нас мало бойцов, а вы офицер, да и ребяташки имеют хороший опыт выживания и воинские умения. Но это решать вам самим, и никогда не поздно изменить первоначальное решение. Если согласитесь с этим, то будет нормальное звено дальней разведки, будете участвовать в рейдах и освобождать людей.

Нам нужны книги, нам нужно оборудование для получения экологического топлива. Мы не можем рассчитывать на нефть, да и не хотим. Мы хотим, чтобы мир был чистым. Нам нужны умные, грамотные люди, инженеры, учёные, хорошие специалисты в любой области деятельности.

Механизаторы, водители, слесари, фрезеровщики, строители, повара, няни, воспитатели, солдаты. У нас для всех найдётся дело, и все, кто честно работает и разделяет наши убеждения и цели, для нас

достойные люди, пока они не докажут обратного. Во всяком случае, для каждого, кроме хозяев и их прислуги, будет возможность сделать попытку доказать это. Я пока не знаю, как мы поступим с теми, кто нам не подойдёт, но, во всяком случае, мы постараемся освободить их от рабства. Наши некоторые товарищи прошли через это и сохранили в себе человеческое достоинство, смогли присоединиться к нам, и теперь мы едины.

Вот что мы хотим, вот к чему стремимся, вот чего ждём от вас. Может, это слишком похоже на торжественную речь и лозунги, но эти вопросы мы неоднократно обсуждали между собой, и с этим все из нас согласны. Для нас это не предвыборные лозунги и не пустые рассуждения. Это наши цели, как бы глупо они не выглядели в глазах других.

Если вы не готовы ответить сразу, пожалуйста, живите пока тут, подлечитесь. Поможете нам, хорошо. Не захотите оставаться, мы всё равно вернёмся в те места, забросим и вас.

После небольшой паузы заговорил Константин:

— Сильно сказано. Честно говоря, задавая свой вопрос, я не ожидал такого ответа. Думал, будет как обычно, сладко есть, мягко спать, и пользоваться благами. Вы совсем другие. Или это вас так катастрофа изменила? Мне даже становиться страшно, а не ангелы ли тут живут. Мне всю жизнь хотелось того же самого, но жить приходилось так, как получалось, Виктор и Соня мне как родные, я скажу за всех, но если они не согласятся, пусть будет так, как они скажут. Я всю жизнь провел в военизированных структурах, худо – бедно обучен обращению с оружием. Я бы пошёл с вашими ребятами в рейд. Мне это ближе, знакомо. Да и мои дети тоже готовы к этому. Из Виктора получится хороший боец, а Соня отличный снайпер. Вот поучиться им, конечно, не помешало бы.

— Научим, — пообещал Флюр.

— Я пойду воевать, — сказал Виктор.

— Я тоже, — добавила Соня

— Ну что же, так и решим, — ответил я. — Пока осматривайтесь, обживайтесь. Володя, давай строить им домик. Негоже людям жить где-то на производстве. Сегодня сможем начать? Все и поможем. Игорь, определись с лечением, и скажи, когда ребята смогут начать тренироваться. Саша, вот тебе и отряд. Василий, и тебе подключаться к тренировкам. Начинайте боевое слаживание и готовьтесь к повторному рейсу на жуке. Нужно будет искать людей и вывозить книги. Да, и определитесь с Константином по целям и обстановке, по технике, что там есть, может, можно будет использовать технику ту, что на месте.

Николай сможет эту технику реанимировать, что для этого надо, везите отсюда. Может быть, Константин подскажет других свободных, кто согласится быть с нами, хотя бы в качестве наёмников. Расплатимся продуктами и топливом. В общем, пока готовьте хорошую операцию. Первые цели – люди и библиотеки. И определись с Валерой, Катей, как можно оттуда поддерживать связь. А сейчас – все с Володей, строить дом. Валера, Сергей, у вас опыт большой, командуйте.

Глава 10

20.07.00.

Игорь определил срок лечебных процедур для наших гостей в четырнадцать дней. А домик мы построили за неделю. По сути, это был обычный дачный домик, двухэтажный, с жилыми комнатами на втором этаже, подключенный к канализации, водопроводу, электроэнергии. Отопление пока было местное, электрическое, поставили свой отдельный бензогенератор на отопление и как запасной – на

освещение.

Константин с детьми остались довольны как проектом, так и готовым домом и условиями проживания. На стройке они работали просто замечательно, говорят, что соскучились по обычному труду, с другими сошлись быстро, пока никаких трений не возникало, Люди они оказались открытые, компанейские, жизнь воспринимали просто и без излишних умствований, но это не значит, что были простаками. Были большие надежды, что они войдут в нашу семью.

После окончания строительства они вместе с Василием попали в руки Флюра, он пообещал научить их свободу любить, одевать сапоги на свежую голову и обедать строем, обучал строго, но без излишеств и издевательств. Соня оказалась отличным снайпером, ей подобрали хорошую винтовку, и она сотнями жгла патроны на стрельбище. Виктор осваивал пулемёт, и простой, и крупнокалиберный, показывал хороший результат и был полностью доволен. Не забывали и про автомат. Саша привёз несколько десятков автоматов, я не знаю, то ли они были с глушителями, то он их оснастил дополнительно глушителем, но все осваивали и такую стрельбу.

По вечерам постоянно мы с Константином и нашей разведгруппой обсуждали известные сведения о жизни в тех местах. Для нас это было очень непривычно, ведь мы провели всё время после катастрофы совершенно уединённо, там никто не выжил. А здесь многие выжили, как на шахтах, так и отдельно. Кое-кого из них Константин знал, но сомневался, смогут ли они жить в нашей коммуне. Уж очень непривычный образ жизни мы вели. А что делать с теми, кто не захочет жить с нами, мы так и не решили. Уж очень непростая ситуация. И оставлять людей в беде нельзя, и бросать просто так тоже не годится.

За годы службы Костя посетил множество охраняемых объектов, показал нам на карте, где они находятся. Что там есть. Описал окружающую действительность, кто как себя ведёт и на что способен. В общем, оказался незаменимым человеком. Пока первоначальный план операции у Саши вырисовывался следующим образом.

По моему настоянию первоочередной задачей было определено вывезти библиотеку, какую сможем найти, чем крупнее, тем лучше. Брать нужно было техническую литературу, книги по химии и биологии, растениеводству, географии. Да всё надо было брать. Вот только жук всё не увезёт. В полёт должны были полететь Николай и Валера, Николаю надо было обеспечить разведгруппу техникой, а Валера должен был попытаться организовать связь,

Для проверки жука загрузили его полностью и гоняли в воздухе, пока не выработал всё горючее. Определили расход при полной нагрузке и дальность полёта в таком режиме. Да и аппарат испытали. Всё-таки надо лететь за море.

Для тренировки выезжали на мародёрку в Асмэру. Такие условия для Кости с ребятами оказались совсем непривычными, но сказался опыт и практика, они быстро организовались, и результат был впечатляющим. Да и они сами остались довольны такой тренировкой.

Кроме того, все силы были брошены на строительство оранжереи. Очень многое из рассады у Гали с Машей было готовы к высадке в грунт. Что-то можно было высадить в теплицы, но что-то, единичные экземпляры, они хотели посадить в более безопасные условия.

Наконец лечение было закончено, Игорь дал добро на участие в операции. Жук улетел.

Опять потянулись дни ожидания. И подспудно ждали связи. Наконец это случилось. На четвёртый день, вечером, состоялся первый сеанс связи. Валера нашёл какой-то мощный передатчик, запустил

его и в согласованное время связался с нами. Всё у них было в порядке. Место осталось свободным, никто прилёта самолёта не заметил, никого не было. Николай с Василием занимались восстановлением техники по максимуму, остальные исследовали окрестности и присматривали ценное имущество.

Далеко в город пока не заходили, больше по пригородам и окрестностям, по старым адресам, по наводке Кости. Нашли подходящую технику, БТР, БРДМ, Уралы. Соблазнов было много, но пока самолёт не грузили, окончательно ещё не определились. Всё у них было в порядке, больных нет. Сообщали, что, может быть, задержатся. Теперь ждать стало гораздо легче, хотя бы какие-то известия поступали. Всё-таки связь великая вещь.

Конечно, никто не сидел и не смотрел на часы. Все были заняты делами. Начали посадку первых растений, пока сажали в теплицах, если не угадали с временем года или опоздали с посадкой, можно будет прикрыть и подогреть, благо солнца хватало. А если погода будет подходящей, то можно и раскрыть. Посаженные ростки были встречены с восторгом. По несколько раз день, я в частности, подходил и просто смотрел на эти зелёные травинки. Это воспринималось как символ надежды. Что всё будет хорошо. Приходилось ездить и за бензином. Бензин у нас шёл хорошо. Поторопил Таню с её проектом биотоплива. Отговорилась, что не хватает знаний, ждёт книг для окончательной проработки идеи.

Тут пришло сообщение, что наши вылетают, везут библиотеку, ждать надо дня через два. Летят все, никто не остался. Надо ли рассказывать, как встречали, как радовались, как праздновали возвращение, как слушали рассказы о командировке.

Как обычно, начинал Саша:

— Долетели, в общем-то, нормально, без приключений. Жук вёл себя вполне прилично, во всяком случае, с точки зрения пассажира. Пусть медленно, но уверенно и спокойно. Садись и ночевали в Каире, там тоже всё в порядке, наша база цела, пока было время, вечером ещё позанимались топливом, увеличили свои запасы. Удобное место, можно прилетать. Валера что-то ещё снимал с самолётов, говорит, пригодится.

Вылетели с утра, до Севастополя долетели за шесть часов, обустроились, сразу заправили жука, стали осматриваться на месте, прошлый раз так толком ничего не посмотрели. На мой взгляд, это какая-то ведомственная авиабаза, не армейская, Из авиационной техники есть пара АН-2, ещё какие-то подобные легкие самолёты, есть пара Ми-8, Ми-2, Техника далеко не новая, но в хорошем состоянии, во всяком случае, была до катастрофы.

Есть какая-то аэродромная техника, заправщики, буксировщики. Есть охрана со всем положенным, казармы, оружейка, гараж, авто- и бронетехника (БТР), столовая. Есть небольшое топливохранилище, вещевой склад. Там мы переоделись, чтобы не выделяться одеждой. Повторюсь, но очень похоже на чью-то ведомственную базу. Но нам подходит очень хорошо. Территория закрытая, просто так не просмотришь, Есть где хранить технику. Вот только топлива маловато, надо будет поискать.

С утра занялись каждый своим делом. Валера занимался связью, смотрел антенны, что были, радиостанции, Николай с Василием взяли за автомобили (Уазы, БТР и Урал), мы двумя группами начали изучать окрестности.

Общее впечатление – город не сильно пострадал, разрушений мало. Да и трупов немного, видимо все

были в убежищах. Воздух ещё достаточно прохладный, снег, лёд ещё не везде сошли, дальше на Север снег должен остаться. Город морской, много кораблей, судостроительный завод, рыболовецкий флот. Сам по себе город не большой, на взгляд, население тысяч пятьсот, не более. Пока изучали город, нашли несколько учебных заведений, по той тематике, что ты обозначил, самый подходящий Севастопольский национальный технический университет.

Не знаю, чему там учат, но книг много, таскали, таскали. Мы не выбирали, брали всё подряд, но там ещё много осталось, за один раз не увезти. И у нас столько не поместится, хранить негде. Вот и думайте. Ничего другого не искали, никаких баз и складов не нашли. Вот вкратце и всё. Да, сделали Урал и УАЗ, на них и возили книги. Валера запустил связь, ну это вы и так знаете. А планы и предложения – не сегодня, сегодня отдыхаем.

На следующий день после завтрака продолжили обсуждение.

— Раз снег уже сходит, — сказал Саша, — то можно ждать гостей, не одни мы такие умные, что в тёплые края подались. Придут и другие, которые сумели выжить. К этому надо готовиться. Если наша цель – люди, то эту базу в Севастополе надо пока рассматривать как промежуточную и искать другую. Оружия нам не надо, флотские склады потрошить вроде бы без надобности, разве поискать топливо. Использовать базу как начальную точку, прилетать туда, а потом использовать другие технические средства, или искать новую базу, ближе к тому месту, где будем работать.

Но хотелось бы с этой базы для начала поймать кое-что. Во-первых, пару УАЗов, по одной машине на каждую группу, причём приспособить к ним пару пулемётов, один спереди, обычный, второй сзади, крупняк. Для спокойствия. Урал уже есть, наверное, его хватит. А пулемёт ему тоже не помешает. Это такая вещь, что всем нужна, и самолёту тоже. И самолёт АН-2 было бы хорошо заиметь. Тогда можно осмотреть и контролировать большую территорию. А что бы уж не умереть от скромности, надо ещё вертолёт и БТР.

Вертолёт – сила, всегда прикрыть сможет, да и забросить группу можно куда угодно. А для боевых действий и разведки в особо опасных условиях надо БТР, он сможет забрать при необходимости весь отряд и послужить мобильным защищённым складом боеприпасов и ГСМ. И при таком оснащении можно начинать перемещаться на север, искать сталкеров, благо Костя знает, где искать, и подбираться к нашей цели – караванам, пощупать Донецк. А технику при необходимости будем перегонять на новые базы, если, конечно, не заберёмся очень далеко. Там придётся всё сначала создавать.

У нас сейчас подвижность, применение авиации, связь – главная сила, без этого нам не на что рассчитывать. И надо иметь в виду, по рассказам Кости, в обитаемых местах топлива нет, туда так просто не сунешься, придётся забрасывать отряд издалека и потом забирать. Машины должны быть оснащены хорошей связью. Если это реализовать, то можно приступить к дальнейшим поискам, без этого ничего не получится.

Моё предложение – ещё сделать вылет и сидеть там, пока не будет готова вся техника. Поэтому предлагаю недельку отдохнуть, подготовиться, спроектировать и изготовить всё, что надо, всякие узлы, турели, антенны, а затем тем же составом вылететь, И хотя бы аннушку, уазики и БТР сделать. И чтобы хорошая связь на каждой машине была.

Мы ещё немного пообсуждали разные технические и организационные вопросы по предложению Саши, но никаких серьёзных, принципиальных, возражений не было. В конце концов, это было

принято всеми, и мы пошли разгружать библиотеку.

Конечно, никто не считал, что мы сразу найдём ответ на все вопросы с помощью библиотеки, но книги и учебники должны были нам помочь искать ответы. Всё-таки мы не специалисты во многих вопросах, скорее практики, и многое нам не известно. Но учиться и думать мы могли. И библиотека должна была нам в этом помочь.

Дальше всё пошло в соответствии с принятым решением. Готовились к повторному посещению Севастополя и реанимации техники, сортировали и разбирали книги из привезённой библиотеки. Жук улетел со всей командой. Через день они вышли на связь, долетели нормально, всё в порядке, приступили к работе.

Мы на своём месте тоже были при деле. Агрономы занимались всходами, вроде бы пошли наши посадки в рост в открытом грунте. Это очень радовало и внушало большие надежды. Возили топливо, разное, откуда только можно, по возможности увеличивали запасы продуктов, проводили проработку по основному сейчас проекту – биотопливу. Мы обсудили эту проблему с Галиной и Татьяной, нашими дипломированными биологом и химиком. В общем, из наших рассуждений, подкреплённых кое-какими сведениями, полученными из библиотеки, получалось следующее. Первоначально нам следует заняться получением биогаза. Биогаз – это продукт брожения, в основном отходов с ферм, продуктов жизнедеятельности и хозяйствования человека, отходов растениеводства и животноводства. Всё это добро загружается в биореактор, там всё бродит в замкнутом пространстве без доступа воздуха, и в результате брожения выделяется метан, он собирается, очищается и может использоваться для нужд хозяйства – отопления и приготовления пищи, как обычный газ.

Может использоваться и как моторное топливо, может подвергаться дальнейшим воздействиям и превращаться в синтетический бензин. Пока, правда, у нас не было ничего, кроме наших отходов, но куры уже несутся и отходов от них хватает, и овощи начали расти, и скоро мы будем иметь сырьё для биореактора. А пока определили для него место и стали определять конструкцию. Или попробовать найти готовый? Я точно знаю, что биореакторы раньше продавали.

Второе направление было тесно связано с первым. Мы не могли опираться на нефть, нам не под силу было возобновить добычу и переработку нефти. Мы могли использовать её замену – биоэтанол и биодизель. И если с биоэтанолом всё становилось понятно, и можно было запускать работы по отработке технологии, то по поводу биодизеля пока были вопросы. По биоэтанолю в качестве сырья должны были выступить погибшие леса.

Конечно, мы ещё подождём какое-то время, чтобы убедиться, что дерево действительно замёрзло, а потом начнём работы по его переработке. И судя по текущему состоянию лесов, сырья у нас будет предостаточно. И из лесов, сосновых, особенно пней, мы на это надеялись, можно было бы получить скипидар, который мог выступать тоже как топливо. Во всяком случае, автомобили на скипидаре ездили.

Вопрос организации лесопереработки мог бы помочь решить нам проблему тех, кто не хотел с нами жить. Мы могли организовывать что-то типа леспромхозов, вывозить оттуда продукты переработки, а сами обеспечивать в обмен обитателей продуктами питания и всем необходимым. И люди при деле, сами собой командуют, живут, как хотят, и о пропитании заботиться не надо.

Было и третье направление, заманчивое и перспективное, но пока не совсем понятное и доступное.

Газификация древесины. Пиролиз древесины, т. е. нагрев до высокой температуры в реакторе, позволял получить синтез-газ, который сам по себе мог выступать в роли моторного топлива, достаточно вспомнить газогенераторные автомобили времён ВОВ, а так же использоваться в качестве топлива. Но можно было подвергнуть его дополнительным реакциям с катализаторами, в частности железом, и получить синтетический бензин. Так немцы во время ВОВ обеспечивали себя бензином. И разновидностью этого процесса можно было считать получение синтез-газа из метана, и опять получать синтетический бензин.

А вот с биодизелем вопрос оставался открытым. Он получался из растительных масел, и у нас пока не из чего его получать. Может, можно будет использовать скипидар? Думать будем.

Каждый день мы связывались с нашими разведчиками, всё пока шло по плану, не было никаких происшествий. Техника ремонтировалась, благодаря постоянной практике удавалось за день восстанавливать несколько экземпляров, особенно это относилось к автомобильной технике. С авиацией так пока не получалось. Для перемещения по городу уже использовались уазики и пара заправщиков. Удалось найти несколько заправок, складов с запасами топлива, и из этих запасов наполнялись хранилища на своей базе. Завозили оружие, снаряжение, готовились к дальним рейдам, проводили тренировки, укрепляли саму базу, создавали опорные пункты, что-то типа блокпостов. Короче, создавали нормальную укреплённую, хорошо защищённую базу. Валера проводил эксперименты по радиосвязи, использовал разные трансиверы и радиостанции, частотные диапазоны, антенны.

И вот, через четыре недели, Саша сообщил, что они практически закончили подготовку к рейду, а пока завтра вылетают домой.

Глава 11

18.08.00.

На следующий день после праздничного ужина мы обсуждали сложившуюся ситуацию. Саша подвёл итог поездки:

— Мы практически готовы к любому варианту. Сейчас у нас есть разведгруппа из шести человек, если привлекать авиацию, то семь, причём подготовка уже вполне приличная. У нас сейчас есть на ходу два уазика, на каждом по два пулемёта, можем организовать две лёгкие маневренные группы для ближней разведки. У нас на ходу БРДМ и БТР, Урал.

Можем уйти в дальний рейд, для этого все есть, питание, боеприпасы, запас горючего, техника. У нас есть авиация, наша аннушка позволяет улететь на тысячу км, если с тем, чтобы вернуться, то на пятьсот км. И у нас есть вертолёт. И, кстати, тоже вооружённый

И всё это связано между собой надёжной связью, устойчиво работающей на сотни километров. Вся эта техника испытана на ходу, в полёте. Оружие проверено и пристреляно. Так что пора приступать к разведке. Костя знает некоторых сталкеров, для начала он предлагает связаться с ними. Если согласятся, то либо начнут работать с нами в рейдах, либо прилетят сюда. Для начала лучше в рейдах, нам стрелки нужны, да и присмотримся заодно друг к другу.

С Глобусом мы столкнулись в районе Новочеркасска, в том же районе и другие шахты, где есть выжившие. Ближайшее место, где возможно организовать стационарную базу, это, как ты и хотел, Таганрог. Но сразу бы я туда не совался, а предлагаю начать осматривать Крым, потихоньку будем организовывать промежуточные базы, для аннушки и вертолёта, и после предварительной разведки

местности, перемещаться дальше. Пока на примете Симферополь, Мелитополь, Мариуполь и Таганрог. Может быть, ещё и Ростов-на-Дону. Когда определимся с местом, откуда можно начинать воевать, туда перегоним бронетехнику. Пока есть на примете два места для разведки – Новочеркасск и Донецк. Может, появятся еще какие-то места. Но из того, что знаем сейчас, я предлагаю действовать так, как и предложил.

Для этого, предлагаю организовать командировку для начала на месяц. Летит вся разведка, ну и Михаил, как же без него, Он начинает облёт на аннушке, после того, как даёт добро, перебираемся в следующий пункт, и так по очереди, от одного до другого.

Целей вижу несколько. Первая – организовать промежуточные посадочные площадки с возможностью дозаправки всей техники. Вторая – разведка местности и определение как потенциальных опасностей, так и потенциальных благ в виде ресурсов и других ништяков. Третья – поиск выживших, их мест обитания и установления контактов.

Вот таков итог нашей работы и такие планы мы имеем.

— Да, что ещё хотел сказать, — продолжил Саша. — Мы все, конечно, радовались, когда добрались сюда. Но вот полетали мы в Крым, пожили немного там, и это, конечно, моё мнение, там лучше. Здесь вся земля какая-то красная, безжизненная, чужая какая-то, не русская. Там же, хоть она и не зелёная, как раньше, но цвет у неё привычный, и воспринимается она как родная, и отношение совсем другое. Там дом.

И ресурсов тут нет. Никаких. А там хоть мёртвые деревья есть на топливо. Да и Крымская земля, насколько я помню, всегда давала хороший урожай при достаточном количестве влаги. Или на Украину можно перебраться, на чернозём. Но мне тут, хотя я и пробыл здесь меньше других, этот красно-серый пейзаж не нравится. Правда, там не так безопасно, опасность там повыше будет, я всё понимаю.

При атаке противником большими силами, мы не отобьемся. Поэтому я пока высказываю своё мнение, кто хочет, может высказать своё, но обдумать мои слова прошу всех. Нам тут будет гораздо тяжелее развиваться, чем в другом месте, где есть какие-то ресурсы. Мы здесь сейчас сидим на запасах базы и на мародёрке, а дальше? Там есть ресурсы, там есть очень хорошая земля. Мы пока смотрим, а вы думайте.

И не забывайте. Раньше, не только здесь, была как минимум трава, и она удерживала землю от ветровой эрозии. Теперь травы нет, и если её в ближайшее время не восстановить, здесь, и не только здесь, всё сдует, особенно плодородный слой. Здесь будет Сахара. Или ещё какая-нибудь пустыня. Сашино предложение по разведке одобрили, как обычно, выделили на подготовку и отдых неделю и пошли заниматься повседневными делами.

Хотя Сашины высказывания по базе нашли у меня понимание. Я и сам раньше приходил к такому же выводу, только не озвучивал его. А теперь и другие стали созревать. Эта база нас выручила, можно сказать, спасла, но, как мне кажется, домом нам не стала. Может быть, действительно цвет земли не тот, может, ещё какие причины, но чувство дома не возникало. Может быть, пока. Но почему-то в это слабо верилось.

Ещё раз собрались и обсудили нашу энергетическую политику. Предложение о переходе на биотопливо никого не удивило, это уже обсуждалось не раз. Озадачили Валеру, Николая о преимущественном использовании электричества, хоть в виде гибридных устройств. Мотор крутит

генератор, генератор вырабатывает электроэнергию, а уж она используется для питания электромоторов. Особенно, если использовать мотор-колесо. Это должно получиться проще. Как, собственно говоря, электромобиль по своей конструкции проще автомобиля. Не примитивней, а в его конструкции совсем другой подход, и за этим стоят другие технологии. Не надо такой точной и мощной технологии металлообработки с её шестерёнками и валами-приводами, нет такой изощрённой нефтехимии с её супер-маслами и смазками. Управление электродвигателем подразумевает применение достаточно простых электрокомпонентов, в конце концов, можно обойтись простыми выключателями. А это уже можно было реализовать. И сразу поднимало целый комплекс непростых вопросов – получение электроэнергии, её хранение, преобразование и применение. А также все сопутствующие вопросы – электрические машины, преобразователи и всё, что с этим связано.

Решили начать изготовление лабораторной установки получения биоэтанола. Не самогонного аппарата, а установки со всем комплексом устройств по подготовке и изготовлению биоэтанола. В качестве сырья будем использовать древесину из ближнего мертвого национального парка. Пока должны отработать всю технологическую цепочку и подготовиться к изготовлению промышленной установки.

А чтобы сильно не заморачиваться, Флюр обещал нас научить применять взрывчатку для валки деревьев.

Отправили Михаила на предварительную разведку, искать подходящие деревья, и побольше, побольше. Оказались не так уж и далеко, правда не очень много, но есть. До размеров наших лесов ну очень далеко. Саванна, её не мать.

С Флюром выехали на мастер-класс по применению взрывчатки. Всё оказалось гораздо проще, чем казалось сначала, особенно когда всё готово. В течение часа напрактиковались так, что всё было не увезти. Оставили на следующий раз и вернулись на базу.

Так прошла неделя в текущих хлопотах и подготовке рейда. Разведка улетела.

Как обычно, долетели до Севастополя за два дня. На базе было всё нормально. Отдохнули, переночевали и приступили к облету Крыма, в первую очередь осмотрели Симферополь.

А мы продолжили свои попытки освоения этого нового мира. Наши растения успешно росли, даже проросло что-то из того, что собрали в лесу при первой зимовке, что-то не совсем замёрзло. По-моему, это были сосна, береза и какие-то кустарники. Конечно, экватор не место для них, но пока не было особенной жары, а потом, когда там растают снега и погода придёт в более-менее привычный вид, мы их переселим. Естественно, оставив под строжайшим контролем.

А потом началась целая эпопея с уточнением ситуации и местом каждого в реализации планов.

Татьяна сказала, что подготовила предложения по производству биотоплива и потребовала их обсуждения. Для начала она просто напомнила нам о том, что такое биогаз и как он получается: — Биогаз является продуктом переработки биомассы (органических сельскохозяйственных и бытовых отходов) метановым брожением (без доступа кислорода). В результате получается газ, содержащий от сорока до семидесяти процентов метана, водород, сероводород, углекислый газ и некоторые другие газы. Для начала я предлагаю построить небольшую опытную установку, проверить всё на практике, и все вспомогательные устройства, которые будут использованы совместно с установкой.

Можно будет проверить режимы и эффективность работы установки и возможность использования биогаза. Все данные, технологии, что я привожу и сообщаю, получены из литературы, т. е. предполагается, что они должны работать, они все якобы неоднократно проверены. Но как говорят умные люди, хохол не поверит, пока не помацает. Поэтому прошу запустить строительство такой установки, тем более нам надо куда-то девать отходы.

Установка должна представлять собой что-то типа цистерны от топливозаправщика, или что-то подобное. Это будет биореактор. Биореактор надо закопать под землю, наверное, лучше поместить в какой-нибудь бетонный подвал. Для обслуживания в реакторе надо предусмотреть люк, чтобы через него можно было попасть внутрь. В подвале должна быть возможность регулирования температуры, в частности подогрев, а так же возможность подогрева содержимого самого реактора, можно с применением того же биогаза и контроль состава воздуха, а то кто-нибудь ввалится в помещение и отравится.

Сверху, на поверхности, должен располагаться бункер для приема отходов, этот бункер должен соединяться с реактором ниже уровня жидкости, находящейся в реакторе, и отходы должны попадать на его дно. В нём должна быть предусмотрена система для перемешивания всей массы отходов для равномерного брожения, а также система отвода полученного газа на поверхность, надо обеспечить контроль давления и температуры в реакторе и возможность откачки из него газа. Он должен выходить через водяной затвор, проходить фильтр для удаления серы и поступать на хранение в газгольдер, откуда и будет расходоваться.

Должна быть система сбора отходов брожения, это удобрение, и его мы будем использовать. Она должна располагаться с противоположной стороны от системы загрузки. И, кроме того, должны быть системы по использованию готового газа. Либо мы должны заправлять газовые баллоны, либо обеспечить поступление газа по трубам к газовым плитам, котлам для нагревания воды, двигателям, работающим на газе.

Это оборудование для начала можно расположить рядом с реактором, а после опытной эксплуатации уже располагать на законных местах. Двигатель, как мне кажется, можно использовать для выработки электроэнергии, будет местная газовая электростанция. Ну, это вы и без меня сообразите. Да, и всё оборудование должно быть обеспечено средствами контроля и измерения, как минимум температуры, давления, загазованности воздуха. И предохранительные устройства, клапаны и вентили для сброса или сжигания излишков газа, если они, конечно, будут. У нас пока не должно получиться много газа, мы ещё не имеем так много отходов.

Здесь мы немного посоветовались между собой, на первый взгляд задача вполне решаемая. Емкость найдём, закопать сможем, бункер сообразим, как делать. Главное – понятно, что надо делать. А уж сделать сумеем.

— Это то, что касается биогаза, — продолжила Татьяна. — Теперь по биоэтанолю. Я опять опишу весь процесс, чтобы было понятно, что надо. Переработке подвергаются опилки, щепа древесины. Опилки увлажняются. Готовится раствор разбавленной серной кислоты и смешивается с опилками. Опилки помещают в сосуд с крышкой, и всё это нагревается до двухсот – двухсотпятидесяти градусов и выдерживается (варится) семьдесят минут. После этого раствор остужается, доливаются водой, перемешивается и отфильтровывается. Готовый фильтрат нейтрализуется мелом, отстаивается несколько часов, на дне будет сульфат кальция, а сверху – раствор глюкозы. Раствор

фильтруется от осадка.

Дальше вы всё знаете сами, в раствор глюкозы добавляются дрожжи, получается брага, после того как она выбродит, в ректификационной колонне путём перегонки получают спирт. Это и есть ваше топливо, биоэтанол. Проверьте на двигателях. Здесь, после того, как я описала весь процесс, вы сами сообщите, что надо для изготовления опытной установки. Нужны установки для измельчения древесины, котёл для проведения гидролиза, кислотоустойчивый, фильтры, трубы, шланги, ректификационная колонна. Ну и серная кислота.

Ну и последнее направление получения биотоплива – это газификация древесины. Что-то подобное делали немцы во время ВОВ для получения синтетического бензина из каменного угля. Примерно то же самое, но из дерева, можно попытаться сделать нам. Здесь много разных вариантов, но суть примерно одна – нагревают древесину, получают синтез-газ, при дальнейших реакциях с катализаторами, так называемая реакция Фишера – Тропша, получается синтетический бензин. Конечно, вариант с получением синтез-газа мне нравится больше, но я пока не готова к этому, надо ещё поработать с литературой. А к остальному можно приступать.

Надо ли говорить, насколько мы были озадачены, услышав такой развёрнутый план работ. Мы, конечно, ещё долго обсуждали эти предложения, задавали уточняющие вопросы, но всё для нас было ясно и понятно, в плане того, что осталось начать и кончить. Нет, конечно, мы не знали, насколько это всё верно и насколько это работоспособно.

Но идея была понятна. Это было очень хорошее решение для нашей ситуации. Во-первых, мы как на космической станции, использовали всё, что у нас было, все текущие ресурсы. Во-вторых, мы не отравляли наш мир, не загрязняли воду и воздух. И в-третьих, мы могли помочь земле очиститься. Пока всё это было, на мой взгляд, очень даже правильно. Конечно, были, наверно, и другие варианты, но, по-моему, данное предложение пока было более чем приемлемо. И значит, настал следующий этап нашего вживания в этот новый мир.

Сергей уже прикидывал план сооружения и строительства, Николай определялся с необходимой для этого техникой и прикидывал организацию транспортировки отходов до места переработки, Валера задумался над системами контроля и автоматического управления всем процессом. Мне же оставалось готовиться к мародёрке за всем потребным, если не привезти, то хотя бы найти.

Выезд наметили на завтра, поедem с Валерой.

Вечером получили известие, что разведчики осмотрели с воздуха Симферополь, смогли приземлиться, сейчас готовят промежуточную точку. Завтра планируют полететь дальше на север, в сторону Мелитополя.

Нашу с Валерой поездку можно было считать более-менее успешной. Мы нашли какой-то грузовик с цистерной, срезали её болгаркой с шасси и краном перегрузили к себе, привезли материал, кирпич, цемент, трубы. По списку ещё много чего надо было, пока мы ездили, составили полный проект, придётся, конечно, ещё поискать всё необходимое, но лёд тронулся.

Так мы где-то с неделю занимались подготовительными работами к строительству биореактора, запасались стройматериалом, оборудованием, техникой.

Наконец, считая, что всё у нас есть, приступили к строительству и за неделю соорудили биореактор. Он у нас получился, наверное, великоват, у нас пока не было столько отходов от нашего хозяйства, но мы попытались запустить его пока на том, что было.

Перед запуском проверили всю систему на предмет герметичности, Татьяна особенно сильно настаивала на выполнении этого требования. Для этого закачали воду, ничего нигде не текло, вся система была герметична, в том числе и все трубопроводы. Второе обязательное требование – отсутствие воздуха, во всяком случае, его минимальное содержание до выхода реактора на рабочий режим.

Пришлось исхитряться, собирать выхлопные газы, очистить их, убедиться в низком содержании кислорода и этим прокачивать систему, трубопроводы и газгольдер, чтобы избежать образования взрывоопасной смеси.

Татьяна сказала, что несколько недель может уйти на запуск реакции брожения, на создание необходимой атмосферы внутри реактора, и только потом можно будет оценить, что же получилось. К сожалению, у нас не было работающей системы, из которой можно было получить "закваску" для запуска реакции метанового брожения, у нас не было навоза КРС, который мог служить хорошим источником метанообразующих бактерий.

Оставалось надеяться, что всё у нас получится. Татьяна добавляла какие-то ингредиенты, благоприятствующие размножению метановых бактерий, создавала нужную температуру.

Занималась этим долго, активно ей помогали Галя с Машей и Ирина. И у них получилось. После нескольких недель непрерывных экспериментов мы увидели голубое пламя.

Мы получили газ. Да, его было ещё мало, вырабатывался он медленно, но он был. И теперь только вопрос времени и наличия достаточного количества отходов для получения этого газа в больших объёмах.

Этот газ испытали на кухне, в водонагревателях, использовали в качестве топлива для двигателей. Везде всё работало. По крайней мере, один источник горючего, из ничего, мы уже получили. Со всеми этими заботами о запуске и опробованию установки мы даже немного отвлеклись от переживаний за нашу разведку.

Между тем, разведка проходила вполне успешно. Ребята основали промежуточную базу в Симферополе и выработали методику изучения территории. Сначала осуществляли облёт максимальной территории на максимальной высоте, а потом подробно изучали заинтересовавшие их места, вылетая туда на вертолёт. Тем более, на вертолёт стояли дополнительные баки, и дальность получалась до тысячи км. Никого живых пока не обнаружили, жизни тоже, ничего зелёного не было видно. Разведка продолжалась

Глава 12

15.09.00.

После успешного воплощения проекта биогаз мы все преисполнились такого самоуважения, что решились продолжить наши попытки получения биотоплива. Теперь на очереди было получение синтетического бензина из древесины.

Здесь дело обстояло гораздо сложнее. Пришлось нам вместе с Татьяной заняться изучением литературы и процесса синтеза бензина, попытаться понять, что от нас требуется.

Сама идея поначалу показалась довольно простой и реализуемой. Все мы знали, что очень большая часть потребности немецкой армии в бензине во время ВОВ удовлетворялась за счёт синтетического бензина, для чего в Германии было построено несколько заводов. Суть процесса, упрощённо, заключалась в том, что сначала уголь в результате воздействия температуры, воды, повышенного

давления переводили в газ, представляющий смесь водорода и угарного газа, так называемый синтез-газ.

Затем путем химических реакций, с применением катализаторов, переводили в жидкие углеводороды, подвергали эту жидкость перегону и получали бензин (автомобильный и авиационный, соляру, мазут и масла). Опасения вызывало отсутствие угля и использование повышенного давления.

Но потом вспомнили, что раньше в СССР были газогенераторные автомобили. Они оснащались газогенераторной установкой – это устройство располагалось в кузове или между кузовом и кабиной автомобиля, в газогенераторе сжигались дрова, солома, уголь, при этом вырабатывался газ, кстати, тоже синтез-газ, он поступал в двигатель вместо бензина и автомобиль мог ездить, как обычный. Правда, двигатель терял в мощности, надо было переделывать систему подачи топлива, на одной заправке можно было проехать где-то сто – сто пятьдесят км, но автомобиль ездил на дровах. А газогенераторные установки дело почти знакомое, мы их видели работающими и хорошо представляли весь процесс, да и литература нашлась соответствующая.

Получить синтез-газ мы сумеем, а вот как из него получить бензин, вот тут были сомнения. Нет, что делать, было вроде бы понятно. Те же самые немцы для этого использовали реакцию Фишера-Тропша, которые эту реакцию и открыли. Суть в том, что синтез-газ при давлении от одной до двадцати атмосфер при температуре от двухсот до трёхсот пятидесяти градусов Цельсия пропускаться через железный или железно-медный катализатор, и на выходе получались жидкие углеводороды. Дальше тоже всё было понятно, перегонка, и вот он вожделенный бензин.

Понимая, что надо делать, сомнения вызывало, как это сделать. Мы не были специалистами по органическому синтезу и, зная только общее описание процесса, имея отдельные рисунки из книг, нам придётся отработать с нуля всю технологическую цепочку, все режимы реакций, всё необходимое оборудование. Вот это нас пугало и настораживало, осилим ли.

Первоначально мы собирались сделать эту установку не мобильной, имея в виду, что потом всё это придётся, при необходимости, монтировать на грузовике. Хотя, если речь вести о промышленном производстве, ни о какой мобильности не может быть и речи. Тут масштабы должны быть другие. А нам надо пока отработать процесс, оборудование.

В обсуждении конструкции установки, спорах, прошло несколько дней, и тут пришло сообщение, что разведка возвращается.

Рассказывал, как обычно, Саша, на следующий день после прилёта:

— Мы практически осмотрели сверху всю территорию Крыма, долетели даже до Керчи, но следов жизнедеятельности или нахождения людей не видели, хотя были надежды на Керчь. Может, люди ещё прячутся, может, просмотрели, но пока ничего. А потом осматривали территорию вдоль Азовского моря, до Таганрога. Возле Таганрога были заметны какие-то следы техники, не похоже, что старые, но никого не видели.

Организовали несколько промежуточных баз с возможностью заправить технику и приземлиться. Базы в Симферополе, Мелитополе, Мариуполе, Таганроге. Для жука посадку организовали только в Таганроге. Мы практически всё это время провели в воздухе, осматривая землю. Земля ещё не везде освободилась от снега, во многих местах только началось таяние, а вода по ночам превращается в лёд.

Но море уже освобождается ото льда, наверное, уже можно и на корабле плавать. Наземную технику пока использовать рановато, хотя можно и на колёсах, но лучше на самолёте или вертолёте. И дорог пока толком не видно, и мосты разрушены, не все, правда, но трудности с проездом создают.

Думаю, с недельку отдохнём, приведём себя в человеческий вид, пообщаемся с вами, чтобы совсем не одичать, и опять полетим. На этот раз поступим по-другому. Жука оставим в Севастополе, там получается самое безопасное место, а сами на вертолёте полетим в Таганрог. Пока базирируемся там, первоначально попробуем встретиться со сталкерами, Костя говорит, что там есть рядом небольшая компания, они как-то знакомы или знают друг друга, вроде бы стрелять сразу не должны.

А потом займёмся поисками караванов. Да и сталкеры, может быть, расскажут что интересное. Мне кажется, что у нас в этот раз получится. Так что думаю, хорошо бы подготовить хотя бы несколько палаток для приёма новых гостей, — закончил свой рассказ Саша.

Мы ещё пообсуждали полученные результаты, выслушали описания некоторых событий, а потом пошли осматривать, что же мы построили.

Особенное удовольствие все получили от вида зелени. Наши опытные посадки принялись хорошо, всё дружно росло и обещало урожай. Цветы уже зацвели, и после всех этих лет сплошной белизны производили какое-то фантастическое впечатление. Особенно на всех наших молодых, которые уже и не помнили о такой красоте.

Обрадовала всех и установка по биогазу, как реальное подтверждение наших возможностей и правильного направления наших действий.

А потом мы принялись устанавливать палатки, подводить к ним воду и электричество, пытались как-то, в меру своего понимания, обеспечить комфорт внутри.

Работы по переработке древесины пока прекратили, отдавая больше времени общению и совместной работе. Всё-таки мы стали очень близки за это время, и такая длительная разлука сказывалась на нашем самочувствии отрицательно, тем более, что все знали – наши уехали не на курорт, и там возможны любые опасности, как на земле, так и в воздухе во время перелёта или наблюдения.

Мы, конечно, не сидели толпой, все были заняты делами, уходом за посевами, подготовкой к рейду, погрузкой топлива и продуктов, мародёркой, но старались больше времени проводить вместе. И наши новички не оставались в стороне, участвовали в наших беседах, делились своими мыслями о настоящем и будущем, впечатлениями и надеждами. Они медленно, но уверенно вращались в наше общество, становились своими без всяких ограничений и уже не обижались на шутки и подначивания, и сами отвечали, не задумываясь. Хорошие люди к нам присоединились.

Так и прошла вся неделя, выделенная на отдых. Вчера разведка улетела. Настроение после расставания было грустное, все чувствовали себя как-то потерянно, и чтобы взбодриться, мы возобновили работы по получению бензина.

Всю задачу разбили на два этапа. Сначала решили изготовить газогенератор, как наиболее понятную нам часть проекта, а только потом начинать работу по самому синтезу и получению бензина.

Сам генератор, как мы сумели всё это понять, делился на четыре зоны – бункер, куда загружалось сырьё, зона реакции, где сгорала древесина и сопутствующие горению продукты, зона отходов (сборник золы) и зона сбора готового продукта. Вот, исходя из этих соображений, мы и начали делать газогенератор.

В качестве бункера использовали обычную бочку. С одной стороны прикрепили крышку, с другой

вместо днища варили что-то типа усечённого конуса. Затем к вершине усечённого конуса приварили открытый с обоих торцов цилиндр и с другой стороны ещё один усечённый конус. Получилось что-то типа песочных часов, только их середина оказалась смещена к самому началу. Это будет зона реакции. К цилиндру по периметру подвели несколько воздухопроводов, обеспечивающих подачу воздуха от внешнего компрессора. Ниже широкой части второго конуса расположили колосниковую решётку и ниже решётки сборник золы.

Всю эту конструкцию поместили внутрь второй бочки, обеспечив зазор между стенками и заварив все щели сверху. Посередине боковой стены наружной бочки варили патрубок для отвода газа, собирающегося между стенками. Это будет зона сбора готового продукта. Дрова помещались сверху, огонь горел внизу, по мере сгорания дрова перемещались вниз и обеспечивали непрерывное горение, а выделяющийся газ собирался между стенками из-за постоянного оттока воздуха из зоны реакции благодаря внешнему компрессору.

Снаружи подключили последовательно циклон для грубой очистки выходящего синтез-газа, холодильник для его охлаждения, автомобильный воздушный фильтр для тонкой очистки и компрессор, чтобы откачивать газ из газогенератора. И вот, собственно, весь газогенератор готов. Добавили несколько измерительных приборов, чтобы контролировать температуру газа, температуру в зоне реакции, подачу воздуха, количество откачиваемого газа. Всё это мы успели сделать за один день.

После этого приступили к подготовке топлива. Для эффективного применения в газогенераторе используются дрова (чурочки) определённого размера, длина сорок-семьдесят мм, толщина и ширина тридцать – шестьдесят мм, и определённой влажности. Что касается влажности, то чурочки должны подсушиваться по мере опускания вниз при сгорании нижних слоёв выделяющимся и поднимающимся вверх теплом. А вот дрова надо пилить.

Наконец заполнили весь бункер дровами, разожгли огонь, процесс пошёл. Для начала попробовали поджечь выходящий газ. Горит! Потом для эксперимента подключили какой-то двигатель, то ли сенокосилку, то ли квадрик. И двигатель ЗАРАБОТАЛ!!!

Нас всех охватил неописуемый восторг, мы закричали, заорали, начались какие-то шаманские пляски вокруг двигателя. Со всех сторон сразу прибежали остальные, которые увидели это массовое безумие, но как только узнавали, по какому поводу всё это происходит, то немедленно включались сами во всё это.

Наконец, все немного успокоились и стали более-менее здраво рассуждать. То, что у нас получилось и сразу заработало наше устройство, это большая удача. Мы заимели как минимум ещё один источник энергии, не такой хороший, как нефть или газ, но он у нас есть, и получить его оказалось довольно просто. И это опять укрепляло в нас надежду на успех.

На этом решили пока остановиться. Нет, работу по возможности получения синтетического бензина прекращать не будем, но тут надо будет ещё очень хорошо подумать. Очень уж сложная технология получается, причём ориентированная не на самый лучший продукт. А это уже неправильно. Ведь кроме бензина есть и другие виды горючего. Ведь в чём достоинство бензина? Удобство применения, хранения, транспортирования. У бензина высокая теплота сгорания, что обеспечивает хорошую производительность двигателя. Но ведь газ, тот же метан, даёт ненамного меньшую теплоту сгорания. Но исторически первым был бензин.

Хотя если быть абсолютно точным, первым был спирт и эфир. Вот и получается, что все становятся заложниками привычки, тем более, что вся инфраструктура ориентирована на использование бензина. А перед нами нет такой необходимости. Вот поэтому и надо это очень хорошо обдумать, а стоит ли тратить столько сил, когда того же результата можно добиться меньшими усилиями.

Были в своё время сообщения, что прекрасно работал скипидар вместо бензина, а скипидар получить гораздо проще, чем бензин. Да и метан, он же природный газ, уже работал достаточно широко в двигателях. А синтез газа позволяет получить метан гораздо проще, чем бензин. Да ещё и спирт остаётся. Так что будем думать.

А пока определили Татьяне задачу оптимизировать процесс получения синтез-газа. Ведь процент выхода должен сильно зависеть от режимов сжигания, скорости и объёмов поступления воздуха, вида и качества используемого топлива, конструкции самого газогенератора, да и ещё от много каких факторов, в настоящее время нам даже неизвестных.

Выделили ей в помощь восходящую звезду механики Максима, построили им сарай, назвали его лабораторией и определили задачу оптимизации процесса получения и применения синтез-газа. А чтобы всё это было не так просто, приспособили двигатель крутить генератор, получили газовый электрогенератор. Основной задачей пока и поставили именно это – разработку и оптимизацию установки по получению электроэнергии, используя синтез-газ.

Тут в очередной раз с нами связался Саша и сообщил, что они добрались до Таганрога, на базе всё нормально, у них тоже, собираются завтра искать сталкеров. А нам оставалось только ждать.

Пока занимался текущими делами, в хозяйстве всегда дела есть, не давали покоя мысли о проделанной работе. Биогаз получили, синтез-газ получили. Но всё это газ, причем совершенно разный. Правда, из синтез-газа можно получить и метан, но дело в том, что эти виды топлива уступают бензину. В своё время меня очень агитировали переоборудовать мою газель на газ, и тогда мне пришлось довольно подробно разбираться с использованием газа в качестве моторного топлива. И сейчас, вспоминая обстоятельства той истории, у меня начали всплывать вопросы по использованию газа.

И метан, и синтез-газ, а это смесь метана, угарного газа и водорода, газы ядовитые, а метан вдобавок образует и взрывоопасную смесь. Сколько шахтёров погибло от взрыва метана. Так что применение их на автомобиле создаёт дополнительный источник, как минимум, возможных неприятностей. А это неправильно, изначально закладывая неприятности. Хотя газ успешно применялся в качестве замены бензина.

По эффективности применения оба этих газа уступают бензину, машина теряет в мощности, скорости, динамике. Из-за этого расход больше, и падает дальность поездки, а если увеличить емкость баллонов или их количество, то уменьшается грузоподъёмность. Кроме того, метан можно хранить только в сжатом виде, под давлением около 200 атмосфер. А это уже бомба. Пропан бутан сжижается при небольшом давлении при нормальной температуре, а чтобы получить сжиженный метан, нужна температура минус 160°C. И как такой баллон возить, тем более на экваторе?

Использовать в домашнем хозяйстве, конечно, необходимо, с газом куда лучше, чем без него.

Использовать его надо и на кухне, и для отопления. И на стационарных двигателях, для выработки электроэнергии. А куда девать электроэнергию? Значит, либо аккумуляторы заряжать и штабелями складывать, либо строить рекуперационную ГЭС, когда есть излишек электроэнергии, закачивать

воду в резервное водохранилище на значительную высоту, а при нехватке электроэнергии сбрасывать воду через гидротурбину и получать дополнительно электроэнергию. Правда, при этом большие потери при передаче и преобразовании электроэнергии, но хоть какой-то выход.

Поделился своими мыслями с Валерой и Николаем, услышал только от Николая:

— Ну, ни хрена себе. Теперь ГЭС будем строить.

Правда, не понял, чего больше было в голосе – удивления от моей наглости, или гордости от возможности решить очередную проблему. Оставил мужиков переварить новость про электричество, а сам как – то успокоился и отвлекся. Не всё у меня одного голова болеть будет.

Значит, из того, что мы можем, остаётся только спирт, т. е. этанол, или биоэтанол. Получить его можно из той же самой целлюлозы, И процесс получения будет проще, чем получение жидких углеводов из газа и их последующая перегонка. Правда, всё равно, остаётся вопрос об эквивалентности замены. В любом случае, бензин более эффективен в качестве моторного топлива, чем спирт, Но, во всяком случае, спирт по использованию проще, чем газ.

Тут я как раз добрался до Гали с Татьяной и задал им подспудно возникший у меня вопрос:

— Если первым идёт метиловый спирт, метанол, потом этиловый, этанол, и по своим свойствам этанол лучше подходит в качестве моторного топлива, чем метанол, то, может быть, следующий спирт будет лучше подходить в качестве моторного топлива, чем этанол? Какой там по порядку следующий? Бутиловый? Изопропиловый? Вы посмотрите, проясните мне неграмотному, что к чему. И всё равно, меня никак не отпускала мысль, что нам придётся использовать какой-то гибридный вариант. Ну не получалось в моём представлении применение только одного моторного топлива. Нет сейчас у нас, с нашими силами, такой возможности. А использование электроэнергии позволит избежать многих проблем с механической обработкой и точным машиностроением.

Это сколько нужно людей и специалистов, чтобы крутился такой гигант как автомобильный завод. А для производства электромотора надо сил поменьше, да и уровень производства должен быть другой. Я не специалист в этих делах, но интуитивно, как человек, неоднократно сталкивающийся с техническими проблемами, чувствовал, что путь приоритетного использования электричества для нас сейчас более привлекателен.

Я почувствовал, что начал путаться и повторяться. Что сначала, что потом? Газ спирт, электричество, всё перепуталось, и ответ от меня ускользал. Надо было как-то отвлечься от этого, и тут как раз вышел на связь Саша:

— Батя, мы нашли сталкеров, — сказал он. Их двенадцать человек, шестеро взрослых, шестеро детей, дети в возрасте от десяти до четырнадцати лет. Они согласились прилететь и посмотреть, как мы живём, но прилетят только четверо взрослых, в заложниках от нас остаются Соня, Виктор, они согласились добровольно. Сталкеры подсказали, где должен пройти караван, во всяком случае, где проходил обычно. Мы подождём пару дней в засаде, даже если никого не будет, потом полетим домой показывать своё хозяйство сталкерам. Вы попробуйте подготовить три отдельных домика – палатки, двое взрослых, двое детей, а общую палатку пока не трогайте, кто будет в караване, неизвестно. Так что мы посидим дня два-три в засаде, потом полетим, ждите нас через пять дней. Свяжемся.

Это сообщение буквально перевернуло всё в нашей налаженной и размеренной жизни. Как же, возможно, к нам присоединятся новые люди. Мы срочно все собрались, и определили порядок

работ. Первоначально мы стали ставить и облагораживать палатки. Электроэнергия, вода в каждой палатке, удобства, душ отдельно, для нескольких палаток, но на каждую палатку своё отделение. Количество мест везде увеличили – в столовой, в школе, проверили, что сможем новеньких угостить свежей зеленью, хоть понемногу, но всем достанется.

В таких заботах мы готовились к встрече новых людей.

С нами опять связался Саша. Он сказал, что они освободили караван, восемь человек, из них шестеро детей. Даже сталкеры летят, посмотрели, что мы не обижаем детей, посмотрели, что освободили рабов, и решили лететь все. Скорее всего, испугались мести бандитов, вдруг они решат, что это сталкеры уничтожили караван. Так что, ждите нас через три дня.

И вот они прилетели. Естественно, мы встречали их все. С тревогой осматривали знакомые лица, все ли в порядке, с любопытством, надеждой всматривались в новые. Что это за люди, сможем ли мы с ними установить дружеские отношения, станут ли они для нас членами нашей коммуны? Вид у всех был изнурённый, сказывались трудные времена, борьба за выживание, сами были такими же, когда сюда добрались.

Игорь сразу же предупредил, что все разговоры потом, сначала мыться и переодеваться в новую одежду, всю старую одежду в стирку, если ещё можно носить, и на санобработку. После бани всех на медосмотр. Сразу же показали подготовленные им места для ночлега, предложили выбирать самостоятельно.

Игорь закончил обследование по времени то ли к позднему обеду, то ли к раннему ужину. В общем-то, неважно, все собрались вместе за столом, и началась неспешная беседа-знакомство.

История у них оказалась похожей на историю Кости, когда начались морозы, смогли приспособить заброшенную выработку, так и жили все время в ней, занимаясь заготовкой топлива и еды. Все они оказались знакомыми, росли вместе, потом разъехались кто куда, да вот случайно встретились, каждый приехал навестить родственников, а тут катастрофа. Мужики возраста сорока двух-сорока пяти лет, Петр, Иван, Семён. Пётр и Иван по профессии моряки, механик и штурман, Семён строитель, водитель, тракторист и вообще может управлять всеми видами транспорта, что ездит, и любой строительной техникой. Жёны их, Зоя – учительница физики, Вера – медсестра, и Ольга – менеджер кого-то учреждения. У каждого по два ребёнка, двенадцати – четырнадцати лет.

В отбитом караване было шестеро детей в возрасте тоже двенадцать – четырнадцать лет, и две сопровождающих их девушки лет по двадцать пять, Лика и Нина. Их хотели обменять на какую-то, по бандитским понятиям, нужную вещь. Да Саша с этим не согласился, и сделка не состоялась.

Что-то про нас новенькие знали. Что-то им рассказал Костя. Что-то рассказал Саша. Они с ними сами немного пообщались за это время, так что первое впечатление у них уже было.

Мы не пытались узнать у новеньких что-то тайное или личное, надо будет, сами расскажут, когда придёт время. Не спрашивали про то, как выживали, сами всё знаем. Пока мы больше рассказывали про себя, вспоминали и представляли себе будущее, как пережили катастрофу, откуда и как сюда пришли, что видели, что сделали, и что хотим сделать. И не скрывали, что нуждаемся в помощниках, и рады были бы видеть всех наших новых знакомых в их числе.

Особенно обратили внимание, что всё это сугубо добровольно, заставлять никто никого не будет, но и жалеть и вытирать сопли потом тоже. Колхоз – дело добровольное. Сказали, что детей будем учить, школа есть, а специалистов приглашаем, если есть желание, продолжить учить детей. А

можно заняться чем-то другим. Но в любом случае каждому придётся в школе поучить других тому, что знает сам, особенно в части практических знаний и умений.

Игорь сказал, что в основном со здоровьем у гостей всё в порядке, но надо пройти общеукрепляющий курс. Всем. И это не обсуждается.

С принятием решения гостей никто не торопил, пусть осматриваются, когда увидят наши посадки, совсем по-другому всё будут воспринимать. Надо было видеть их глаза, когда они поняли, что на столе лежат свежие овощи, свободно, для всех.

Так, в разговорах прошёл весь вечер. Немного выпили, под хорошую закуску да с возвращением. Но сидели недолго. Разместили наших гостей по местам и пошли сами спать. Все и так перенервничали, всё остальное потом.

С утра все встретились за завтраком, решили приступить к строительству домика для детишек из отбитого каравана. Строить будем все, пригласили поучаствовать и новичков. Сообщили, что если останутся, также и им построят по домику. Поселить решили детишек всех вместе, в одном доме, каждому выделить по отдельной комнате, в доме также решили поселить новых девушек. Дом будем делать со всеми удобствами, по возможности большим с просторными учебными и игровыми комнатами, спортзалом, и со спортивной площадкой на улице.

Пока мы сидели и планировали дом, наши женщины провели гостей по базе, показали посевы, птичник, биореактор и газогенератор, нашу технику, особенно электро- для перемещения по базе, школу, больницу, аэродром, в общем, заняло это всё полдня, как раз до обеда. После обеда мы и решили начать стройку. Тем более, примерный проект был готов, и будущие жильцы его одобрили. И этот дом совместными усилиями удалось построить за десять дней. Всем он понравился, особенно детишкам, никогда ещё не имевшим таких условий.

А тут пришло время для следующего рейда. Видя, что мы собираем разведку, новенькие подошли все вместе, с женщинами и детьми, и попросили нас принять к себе. Мы, конечно, согласились, напомнили только об обязательном выполнении наших сложившихся правил и попросили, что если будут какие-то трудности, неувязки, непонимание, не таить ничего и сразу говорить обо всём, что непонятно.

Мы не хотим создавать нездоровую взрывоопасную атмосферу. И напомнили, что если и придётся вдруг расставаться, вернём туда, где взяли. Они согласились и попросили закрепить за ними работу в соответствии со специальностью. Это совпадало и с нашими интересами, поэтому решили, что в ближайшее время выберемся в Массауа и попробуем подобрать какое-нибудь подходящее судно, пора начинать присматривать за тем, что творится в море, а завтра начнём строительство трёх новых домов. Пусть готовят проект, за основу надо брать существующий.

Петр, кстати, рассказал нам, что у бандитов ситуация значительно ухудшилась, и они усиленно начинают избавляться от рабов. Продукты кончаются, а те, что есть, начинают портиться. Кормить людей становится нечем. Поэтому сейчас достаточно просто можно купить рабов за продукты и топливо. Саша всё это воспринял и начал подумывать об операции выкупа.

Дома мы закончили строить за две недели, правда, пришлось несколько раз съездить на мародёрку за стройматериалом, но все оказались очень довольны. После этого поехали в Массауа, в порт, присмотреть кораблик.

Облазили почти всё побережье, но, в конце концов, нашли на берегу катерок, или это какой-то

рыбацкий баркас, траулер, в общем, неважно, он нам подошел, вдвоём для начала с ним можно справиться, а там видно будет, нужно ли нам большое или быстроходное судно. Дали ему позывной Макрель, он оказался почти в полном порядке, конечно, пришлось повозиться, прежде чем спустили на воду и запустили двигатель, но обшивка целая, воду не пропускает. Установили хорошую рацию и наладили связь с базой, организовали место для стоянки. Затратили на это всё три дня, после этого решили, что можно вернуться к своим делам и доверили всё остальное мореманам.

Глава 13

21.10.00.

Море нас интересовало в первую очередь потому, что там могли выжить какие-то обитатели, всё это надо было проверить. Да и температуру воды надо было начинать контролировать, всё-таки моря оказывают определяющее влияние на климат. Были у нас водоросли в аквариуме и несколько рыбок, может, удастся запустить их в море или в реки. Не сразу же, конечно, тут ещё очень много с этим придётся повозиться, но с чего-то начинать надо. Хотя бы определиться со своими желаниями.

Разведка улетела.

Мы потихоньку привыкали друг к другу с новыми обитателями нашей базы. Конфликтов не было, все вместе дружно работали и помогали друг другу. Полностью заработала школа. Учить пришлось не только самых маленьких, но и некоторых взрослых, за время катастрофы этим никто не занимался, так что у многих, если были, то только основы, умели читать и писать. Никто этого не стеснялся и не упрекал других, а наоборот, оказывал любую помощь. Так что дело потихоньку налаживалось.

Макрель несколько раз выходила в море, ничего живого не видели, на островах нашли несколько удобных мелких бухт, которые можно будет в дальнейшем использовать в качестве питомников. Но мы пока к этому были не готовы. Но исследование моря продолжали, хотя бы раз в два-три дня, но Макрель выходила на разведку.

Интерес на первых порах представляли ближние острова. Может быть, придётся найти какую-нибудь бухту и постоянно её первое время контролировать, а потом заняться разведением в ней каких-нибудь водорослей.

Продолжали и мародёрку, правда, теперь приходилось ехать в Асмэру, но лишь бы было чего взять, мы съездим.

Но мне не давала покоя мысль о топливе. Провели ещё раз совместное обсуждение, вспомнили всё, что встречалось раньше по этому поводу, проработали имеющуюся литературу, и у нас сложилось мнение, что спирт может заменить бензин в качестве моторного топлива, и он гораздо удобней, чем газ. Для использования спирта придётся увеличивать бензобак, расход спирта выше, придётся повышать степень сжатия двигателя, октановое число спирта выше, и он не склонен к детонации.

Придётся перенастроить карбюратор. И надо иметь в виду, что при минусе будут трудности с запуском, спирт плохо испаряется при отрицательных температурах. Кроме того, спирт гигроскопичен, очень хорошо впитывает воду, что может представлять серьёзную проблему.

Проблемы, конечно, есть, но они решаемые, во всяком случае, на первый взгляд.

Основной проблемой было получение спирта. Технологию нам Татьяна расписала, вот только с её реализацией возникали проблемы. Сначала надо было найти способ получения достаточного количества серной кислоты, потом найти и сделать кислотостойкое оборудование, и только потом

можно было приниматься за получение спирта. Нет, какое-то небольшое количество кислоты у нас было, для аккумуляторов, но этого мало.

— В конце концов, проблемы будем решать по мере их поступления, — сказала Татьяна, — и предложила для начала на том, что есть, попытаться лабораторным способом получить спирт из древесины.

На этом и остановились, но я всё равно всех озадачил на предмет гибридной силовой установки и попросил обдумать эту мысль со всех сторон, вплоть до изготовления мотор-колеса, генераторов, аккумуляторов и систем управления, материалов и оборудования.

А сами стали готовиться в очередную мародёрку в Асмэру, искать оборудование и кислоту. Решили посетить местный университет, поехал Володя, как научный консультант, и мореманы. По полученным данным в Асмэрэ должна быть нефтепереработка и что-то из химической промышленности. Вот этим мы и хотели поинтересоваться.

В университете нашли лабораторное оборудование и кое-какие химреактивы и поехали искать по окраинам что-то похожее на производство. Что-то похожее и нашли, взяли какие-то стеклянные ёмкости большого размера, какие-то измерительные приборы, химикаты, колонны и трубы из нержавеющей стали, всё, что было подходящим, по нашим представлениям, для производства спирта.

Не забывали осматривать и любые склады и магазины, нам нужны были и продукты.

Вернулись уже в темноте, разгрузку и осмотр оставили на утро.

С утра навалились другие дела. Собрали урожай, получилось вполне хорошо, семена не погибли, даже увеличили их запас, и появилась возможность пустить часть овощей на питание. Из овощей уродилась картошка, свёкла, помидоры и огурцы. Их можно было выращивать в этом климате, во всяком случае, пока.

Хорошо росли все декоративные растения, цветы, кустарники, смородина, крыжовник. Ничего нельзя пока было сказать про деревья, но они потихоньку росли, и была надежда, что вырастут успешно. Росли зерновые, рожь, пшеница, ячмень. Семена мы взяли в отравившейся деревне возле нашего дома. Короче, наши агрономы, проделали просто замечательную работу. У нас появился нормальный урожай, выросший в естественных условиях.

Правда, не хватало данных о климате, не считая, конечно, исторических данных до катастрофы, но даже то, что мы получили, позволяло нам организовать большие площади для посева на следующий год. Наши курочки тоже росли, их уже было два десятка, и мы пока рассчитывали только наращивать их численность. Пчёлы тоже уже летали, собрали первый урожай мёда. Так что наш оптимизм значительно укрепился.

А затем очень порадовали Валера с Максимом. Максим после отладки первых скутеров и квадров очень серьёзно заинтересовался этой техникой, ему помогали в её освоении по мере сил и возможностей Валера и Николай, вот с их помощью он сумел самостоятельно переделать несколько скутеров и квадров на гибридный вариант. Правда, применялись они только для перемещения в пределах базы, но у каждого из нас был свой закреплённый электротранспорт, и он был принят всеми с большим одобрением.

Как говорится, инициатива наказуема, раз ты это сделал, то делай дальше, и больше, больше. Так и поручили Максиму увеличить количество электротранспорта. Заготовки, бензиновые скутеры и квадры пообещали ему привозить с мародёрки при первой возможности.

Озадачила нас Галя. Она, конечно, была рада тому, что мы привезли из университета Асмэры, но опять завела разговор о командировке в Пуцино. Ей нужно было для успешной дальнейшей работы с растениями и бактериями оборудование из её лаборатории и книги из институтской библиотеки. Да и семена там остались. И можно было посмотреть что-то из зимовавшего семенного фонда. Была надежда, что часть из них сможет ожить при соответствующем обращении. Ведь оживали семена, пролежавшие сотни лет в мерзлоте. Её в этом также настойчиво поддержал Володя.

Пришлось пообещать в ближайшее время, после возвращения жука, заняться этой проблемой.

Только я заранее попросил их определиться с весом того, что они хотели бы привести. От этого зависело, на чём лететь и сколько топлива надо припасать. Да и число промежуточных аэродромов. Игорь тоже не остался в стороне, внёс свою лепту, правда, чрезвычайно приятную. Он потребовал обеспечения родильного отделения всем необходимым для ухода за новорождёнными. Ну, это я и сам знал, как-никак в ближайшее время Маша и Галина должны были рожать. Да и остальные наши женщины не собирались далеко от них отставать. И все были этому только рады.

Поэтому на завтра запланировали две мародёрки, мореманы будут возить топливо на заправщиках, а мы с Игорем и Володей на двух грузовиках посетим сначала госпиталь в Масауа, а если что-то не найдем, то будем собираться в Асмэру.

Госпиталь оправдал наши ожидания. Мы смогли набрать много необходимого имущества для оснащения нашего родильного отделения. Игорь нас не жалел, брал всё, что могло пригодиться, а с ним никто и не спорил, все были согласны. Правда, оставался ещё вопрос обеспечения всякими памперсами, но это можно было посмотреть и в городе, да, в конце концов, можно вернуться к старым добрым пелёнкам, как нас растили, без памперсов.

Но зато набрали много перевязочного материала и пелёнок, как одноразовых, так и обычных, оборудования для помощи новорождённым, правда, с ним надо было ещё повозиться и проверить его работоспособность, но время для этого ещё было. По ходу дела Игорь высказал предложение немного переоборудовать больницу, ввиду приближающихся массовых родов, сделать отдельное родильное отделение.

Также приготовить отдельно помещение при больнице для детей грудного возраста, а может быть, и несколько помещений, для детей разного возраста, чтобы они были всегда, как минимум, под наблюдением и присмотром медсестры, если или когда матери надо будет отлучиться. А этого исключать нельзя, все рабочие руки были у нас наперечёт. Это мы решили сделать завтра, не откладывая дело в долгий ящик. Пришлось ещё поискать всё необходимое для оборудования детских комнат – игрушки, ковры, детскую мебель. Не всё, но на первое время нашли, остальное будем добирать при любой мародёрке как предметы постоянной потребности.

Наша добыча была встречена на базе с ликованием, особенно женщинами. И то, что завтра начинаем оборудовать детские ясли и детский сад, вызвало ещё большую радость.

Прошло десять дней с момента отлёта разведки, и тут Саша сообщает, что они возвращаются, освободили ещё один караван, шестеро взрослых, из них четверо женщин, шестеро детей, ждать разведку надо через три дня.

Поднялась уже немного привычная суэта по подготовке встречи новичков. В этот раз ничего нового строить не надо было, хватало мест и так. А всё остальное решится по мере знакомства с новичками. И вот приземляется жук, выходят наши разведчики, за ними утомлённые и истощённые новички, все

выглядят растерянно, настороженно озираются в ожидании неприятностей. Особенно напряжены дети. Но, увидев вокруг большое число детей, спокойно бегающих вокруг взрослых, немного успокаиваются, хотя и остаются настороженными. По установившемуся порядку новичков отправили в баню и на медосмотр, и потом совместный ужин.

По Сашиному рассказу, они обнаружили караван с воздуха, подлетели на вертолёт, охрана, четыре конвоира, сразу открыли огонь, видимо уже были проинструктированы о возможном нападении, но были уничтожены. Все освобождённые, бывшие рабы, согласились лететь к нам, никто не захотел оставаться. По их рассказам, в шахтах всё стало ещё хуже, чем было раньше. И среди рабов, особенно детей, неизвестно откуда, стала распространяться вера в неизвестных, которые появляются из ниоткуда и уводят всех к новой, хорошей жизни.

Дети в возрасте десяти – двенадцати лет, женщины тридцать – тридцать пять лет, мужчины около пятидесяти. По профессии есть инженер электронщик, инженер механик, среди женщин два менеджера, бухгалтер и экономист. Вот такие люди попали к нам.

По привычному для нас сценарию не было каких-либо расспросов, обычная, застольная беседа, новички прислушивались, если хотели, задавали вопросы и принимали участие. Им пока предоставляли выбор, хотя можно было сразу сказать, что никто никуда не будет отсюда уходить. Мы пока решали о порядке расселения новеньких, сколько надо будет домов, и каких, когда начинать строить, для детей надо строить ещё один такой же дом, кого из взрослых поселить с ними, кому строить отдельный дом или опять что-то типа малосемейки или гостинки.

Заодно, пользуясь моментом, озадачил Сашу новой дальней разведкой. Тем более, что рабовладельцы стали очень настороженно себя вести, надо сделать паузу. Выполняя обещание, данное Галине, озвучил её желание попасть в Пущино, в институт. Кстати, судя по тому списку, что подготовили Володя с Галей, груза там будет тонны три, как раз на загрузку жука. Так что сначала придётся на большой птице пролететь и найти промежуточные посадочные площадки, и потом уж лететь на жуке. Но это мы будем прорабатывать попозже, не сейчас. Сейчас отдых и знакомство. Как уже стало привычным, с утра экскурсия, правда, урожай уже собран и нет такого впечатления от полей, но всё равно общее впечатление не сильно отличалось от состояния обалдения. И проведение углублённого медосмотра.

Нас сейчас стало пятьдесят один человек, из них двадцать детей. Надо было немного притереться друг к другу, пообвыкнуть, новичкам принять наши цели, задачи, образ жизни и поведения. А то при слишком быстром росте численности могли возникнуть разные трения, не хотелось бы терять всё, что нажито непосильным трудом. Поэтому такая дальняя экспедиция была вдвойне полезна, она давала время на привыкание друг к другу и показывала наши цели и ценности.

Да и повторно необходимо было провести ревизию наших возможностей по обеспечению всех питанием и прочими благами нормальной жизни, спланировать необходимые посевы на будущее с учётом дальнейшего роста. И производственную базу надо было готовить, и обеспечивать всех постоянной работой.

Задач становилось всё больше и больше, и останавливаться нельзя было ни в коем случае.

Татьяна с Максимом отработали процесс получения синтез-газа. Процесс уже шёл непрерывно, на синтез-газе работал мощный генератор и обеспечивал электроэнергией до половины нашей существующей потребности. Старый двигатель разобрали и посмотрели, как сказался на двигателе

переход на новое топливо. Никаких повреждений и дополнительного износа не обнаружили. Это только подтверждало, что мы всё делаем правильно.

Татьяна также сумела в лаборатории получить этанол, теперь занималась отработкой режимов и технологии и совместно с Николаем готовили первую опытно-промышленную установку.

Обучение в школе носило прикладной характер. Хотя, говорить о каком-то приоритете было преждевременно, всё ещё только начиналось. Были, как в советское время, уроки труда и начальной военной подготовки. Ребятишек постарше учили навыкам работы на станках, обращению с оборудованием, умению работать с инструментом, кройке и шитью, кулинарии, и т. д. Сейчас никто к тебе по вызову не придёт и за тебя не решит твои проблемы, не даст тебе одежды и не накормит. Во всяком случае, каждый мог починить свой скутер и обслужить себя. И все освоили стрелковое оружие, каждый должен был при необходимости иметь возможность защитить себя и своих близких. У всех это встречало понимание, все представляли себе, что такое выживание.

Дополнительно это вылилось в то, что расширился ассортимент мародёрки. Теперь искали станки и машины, материалы для работ, оборудование. Каждый день две-три машины уходили за добычей, причём приходилось расширять район поисков, искать новые места, где можно было рассчитывать на новые ништяки.

Одновременно пытались расширить свою производственную базу. Пока всё сводилось к установке новых станков, но мы начинали проработку возможности внедрения у себя новых для нас технологий. Готовились к производству печатных плат и простых электронных блоков, типа зарядных устройств, и всего, что с этим связано. Да и много каких вопросов возникало, по тому же электроснабжению и распределению электроэнергии.

Но это были задачи текущие, которые никогда не кончались, и они вытекали из наших основных целей. А сейчас основная цель была обеспечить доступный, возобновляемый источник энергии, топлива. И надо сказать, это нашло полное понимание и поддержку у всех новеньких, особенно яростными сторонниками наших усилий были дети.

Для них всё происходящее представлялось настоящей сказкой после пребывания в адских условиях шахт. И на этой совместной работе и общении, с ясными и понятными целями, без всякого принуждения со стороны люди потихоньку начинали оттаивать душой, и им становился ближе и понятней наш образ жизни, и они готовы были принять его.

Вот поэтому и я, и Саша, да и остальные наши старожилы, считали дальний рейд в Пушино необходимым, как пример работы на поставленные цели и перспективы. Поэтому и занимались мы им тщательно, не скрывая ничего ни от кого, и все были в курсе происходящего.

Мы с Сашей пока маршрут определяли примерно так – Каир – Севастополь – Таганрог – Воронеж – Пушино. Хотя могло получиться и сразу от нас до Таганрога и затем Пушино. Вернее, не само Пушино, а аэродром в Большом Грызлове, есть там рядом такой населённый пункт в пяти км от Пушино. До Пушино придётся ещё как-то добираться. Возможно, придётся с собой везти Уазик, или на месте реанимировать какой-нибудь автомобиль.

Может быть, в Воронеж не придётся садиться, любая посадка в сегодняшних условиях, тем более на снег, это потеря. Тогда придётся везти топливо с собой. Хотя всё это должно определиться во время разведывательного полёта большой птицы. Лететь предполагали всей разведгруппой, но в Таганроге предполагали разделиться.

Во-первых, для организации промежуточного пункта связи, и во-вторых, я просил вывезти библиотеку авиазавода. Пока большая птица летает, оставшиеся смогут подготовить книги из библиотеки к эвакуации. Да и по городу нужно будет пройти, нужны были учебники и прочие школьные принадлежности. Русские, не эфиопские.

В принципе, можно было лететь напрямую из Таганрога, даже у жука хватало запасов топлива на полёт туда и обратно без заправки, но меня смущал Воронеж с его авиазаводом. Но это было не приоритетной целью и оставалось на Сашино усмотрение.

Глава 14

24.11.00.

На всю предварительную разведку планировали затратить неделю.

Судя по сеансам связи, маршрут получался Каир – Таганрог – Пущино. Как научный консультант полетел Володя, Галину никто не пустил, ей уже скоро было рожать. Для перемещения на земле были взяты четыре квадра. В Таганроге остался Костя с ребятами, а остальные полетели дальше. А мы продолжали свою текущую работу. Мы полностью, по заверениям Игоря, были готовы к рождению наших новых жителей.

С учетом полученных в этом году результатов готовили на следующий год больше полей под посевы. Для начала просто разметили необходимые площади и определились с поливом, проложили трубы, чтобы обеспечить поля водой из речки. На всё хватало и семян, и воды.

Николай проектировал новые производственные площади на основе имеющегося оборудования в гараже, причём с целью использования их и в процессе обучения. Располагал станки, прокладывал линии электроснабжения. Ему приходилось постоянно выезжать для осмотра того оборудования, которое находили мародёры. И часть этого оборудования приходилось демонтировать и перевозить к себе. По нашим задумкам, должен был получиться мощный опытно-экспериментальный цех со всеми доступными нам сейчас технологиями. И с возможностью обучения школьников хотя бы азам работы на таком оборудовании.

Мы уже начинали ощущать необходимость экономить электроэнергию, солярка, бензин в первую очередь использовалась для мародёрки.

Валера приступил к разработке ветрогенератора и аккумуляторной. Это должно было помочь, тем более был положительный опыт. Также он организовал силами наших учеников небольшое производство самодельных обогревателей, ночью бывало прохладно, детишки мёрзли. Вёл подготовку проекта по созданию небольшого производства печатных плат для наших потребностей в недалёком будущем. Организовал склад, где собирал любую доступную электронику, организовал склад радиоэлементов, а также собирал любое оборудование, пригодное для организации сборочного производства электроники и электротехники.

Конечно, эти работы выполнялись ими не в одиночку, им активно помогали наши новые спецы, Дмитрий, инженер-механик и Юрий, инженер электронщик. Но всё в основном пока замыкалось на них. Естественно, в качестве практики к самым различным работам привлекались школьники.

Закончили компьютеризацию всей базы. Проложили линии связи, организовали несколько серверов, так что какое-то подобие сети появилось, во всяком случае, часть технической литературы, что была в электронном виде, можно было получить по сети. Компьютеры поставили каждому. Пока техника работает, её надо использовать.

Продолжались работы по переводу нужной литературы из электронного вида на бумагу.

Своеобразный страховой фонд, когда компьютеры умрут, должно остаться хоть что-то. Повторить компьютер мы даже и не мечтали.

В конце недели пришло сообщение от большой птицы, что они летят домой.

Через день большая птица была дома.

Рассказ Саши, Володи и Кости за совместным ужином слушали с огромным интересом. Начал Саша:

— Из Каира мы сразу полетели в Таганрог, там всё было в порядке, никто не появлялся, не хулиганил. Переночевали, оставили Костю с ребятами на хозяйстве, для связи, оставили им два квадра, заправились под пробку и полетели напрямую в Пушино. Если до Таганрога снега мало, отдельные участки, то где-то за Харьковом сплошь снег. Вернее не снег, а как нам удалось рассмотреть, лёд. Под солнцем летом всё таяло, а потом похолодало, и везде один лёд. Летели высоко, но не видели ни следов техники, ни дыма. Может быть, слишком высоко забрались? Но всё снимали на видео, потом можно будет посмотреть. Несколько раз специально снижались для более подробного осмотра, в частности, осмотрели Воронеж. Не знаю, где там авиазавод, но сесть там, по словам Михаила, можно. Мы не стали, а полетели сразу в Пушино, правда, осмотрели ещё Тулу. Там тоже есть шахты, и там склады госрезерва, должны были быть выжившие люди. Следов не видели. В Пушино, по градуснику, за бортом было минус десять градусов Цельсия. Хорошо, что прихватили тёплую одежду. Аэродром оказался свободен, не загромождён техникой, ВПП чистая. Пару раз Михаил прошёл над полосой, сказал, что по виду сплошной лёд, но сесть можно, длина полосы и её состояние позволяет. И взлететь тоже. И начал пытаться сесть. Садился как на льдину. Сначала просто касался колёсами полосы и опять отрывался, и так несколько раз. Говорит, что самолёт не проваливается, значит, снега нет, один лёд. Потом стал садиться и понемногу катиться по полосе, при этом готов был в любой момент подняться в воздух. И так несколько раз. И тоже всё нормально. Наконец сели, прокатились по всей полосе несколько раз туда и обратно, ничего под колёсами не проваливается, нашли себе место и встали. Утеплились, выгрузили наши два квадра и начали разведку, как обычно, с осмотра аэродрома, в поисках горючего и посмотреть, а что тут есть. Как ни странно, горючее было. Нам в своё время, сколько заправок приходилось облазить, пока находили горючее, а тут сразу и на выбор. Техника тоже была, правда, как обычно, мёртвая. Но есть и КАМАЗы, и Зилы, и Газоны. Правда, вся без резины, она не перенесла холода.

Оставили Михаила на связи в птице, и втроём поехали на квадрах в институт. Дорога чистая, проехать можно на всём. До института добрались спокойно, а там уж командовал и смотрел Володя, мы только помогали.

— В институте с последнего раза, что мы были, всё без изменений, — начал Володя. — Лаборатории частично разграблены, вернее, побиты во время землетрясения и временного вселения выживших людей после начала катастрофы, пока там было тепло. Но найти можно всё, не в одной, так в другой лаборатории. Некоторые лаборатории вообще целые. Библиотека целая, правда, состояние книг трудно определить. Всё под инеем и снегом, стёкол нет. Компьютеры вроде стоят, но что работает, не знаю. Зашёл в хранилище, есть семена, только не стал брать, их надо перевозить в замороженном состоянии, и при разморозке сразу в питательную среду. Надо готовить портативные морозильники для перевозки образцов. Может быть, что-то и оживёт. Забрал два компьютера, свой и Галин.

Надеюсь, заработают. В общем, там нужно провести не один день, да и не одному человеку, отбирая

литературу, оборудование, технику и образцы. Да, и надо посмотреть, может быть, выжили какие-то культуры бактерий, ведь были и метановые бактерии, и бактерии других типов, были исследования по получению спирта путём прямой переработки целлюлозы, в том числе по получению и этанола, и бутанола, который по своим свойствам может быть прямой заменой бензина. Но я не помню всех результатов и не знаю, до какого этапа были доведены исследования. И какие бактерии использовались, и как они перенесли морозы. Я отобрал кое-какую литературу, материалы, чтобы можно было провести предварительную проработку. Но даже если это всё работает, это процесс не на один год. Просто это один из возможных путей нашего движения вперёд.

— Мы провели в этом институте два дня, — продолжил Саша, — ничего другого не смотрели, Володя только ходил по всему зданию, что-то бормотал про себя, что-то брал, что-то выкидывал. Наконец, он сказал, что всё, что можно сейчас узнать, он узнал, надо прилетать сюда на жуке и вывозить половину института. Шутка. После этого мы собрались и полетели в Таганрог за Костей с ребятами. Квадры оставили там, пригодятся ещё, нечего их возить туда-сюда, места и так нет. Да, связь работала вполне устойчиво, с Костей мы связались и сообщили о своём отлёте. Летели без всяких осложнений, пролетели над нашим домом, там всё покрыто льдом. Правильно, что мы ушли оттуда. Мы бы там не справились со всеми проблемами.

— Пока большая птица летала, — подхватил рассказ Костя, — мы разделились. Я остался на связи, Соня пошла искать заводскую библиотеку, Виктор искал ближайшую школу. Все были на ближней связи, контрольная связь через пятнадцать минут. Первым нашёл добычу Витёк, школа оказалась рядом, библиотеку он тоже нашёл, но книг и учебников много, во-первых, всё сразу и не забрать, во-вторых, грузить некуда. Я сам там не был, но по его описанию, хватит на полную загрузку жука. Он как-никак уже участвовал в перевозке библиотеки. Кроме учебников там есть и детская литература, и учебные материалы, и оборудование для учебных кабинетов. Примерно то же самое было и у Сони, как минимум на полную загрузку жука. Мы для примера взяли образцы книг и учебников, если надо, то можно перевозить постепенно, при всех дальнейших наших рейдах в этот район.

— Молодцы, — сказал я. — Всё ясно и понятно. Я так понимаю, что Володе в помощь в институте понадобится Галина

— Да, — ответил Володя.

— Ну, тогда придётся ждать. Я первый встану на пути самолёта, никуда она не полетит, пока не родит. А там уже сама пусть решает, когда можно оставить ребёнка. И на сколько. Думаю, что Игорь встанет со мною рядом. И, что бы вы ни говорили, это не обсуждается.

— А вот по поводу вывоза библиотек из Таганрога, это Костя правильно предложил. Как жаль, что сами раньше не догадались. Ведь обсуждали, всегда вывозить библиотеки. Ну, да ладно. Вот только я думаю, что к этому мы вернёмся после встречи Нового Года. Уже декабрь на носу, надо готовиться встречать Новый Год. Или вы готовы слетать ещё раз? В этом году? Я не возражаю, да, наверное, и никто не будет возражать. Можете лететь по готовности. Если сможете отбить ещё караван, будет хорошо. Но вывозите библиотеки. Кроме заводской и школьной библиотеки, там есть и ещё несколько интересных библиотек. Почему меня так тянет к авиационным библиотекам? Потому что после получения топлива нам придётся непосредственно заняться несколькими темами очень плотненько. И одна из них – это авиация. Вот и подготовиться надо. Да, берите всякие диски и компьютеры из библиотек, что-то может найтись полезное.

И ещё. Володя, ты меня очень обрадовал, что есть способ получения этанола с помощью бактерий, да и про бутанол хорошая новость. Вы уж с Галей не забудьте про это, прикиньте, что вам надо из оборудования, а уж мы привезём.

— С тобой забудешь, как же, — пробурчал Володя.

В общем, больше мы про дела не говорили, а просто общались друг с другом. Не забыли и про законные фронтовые.

Однако дела никуда не делись и на следующий день навалились с новой силой. Меня больше всего интересовала промышленная установка получения этанола, я хотел, наконец, получить если не в достаточном количестве доступное моторное топливо, то хотя бы возможность его получения. Для этого, как я понимаю, нужна была серная кислота, у Татьяны спирт получался при использовании этой кислоты. Поэтому я первым делом озадачил разведку:

— Идите куда хотите, ищите, где хотите, но серную кислоту раздобудьте. Вертолёт у вас есть, летите в Асмеру, там есть где-то химическое производство, да в принципе на многих производствах используют серную кислоту, не только в химическом. Вы такие умные и удачливые, с вашим опытом, я не сомневаюсь, что вы быстро всё найдёте. И много. Или хотя бы соляную.

— Да, Флюр, — сказал я. — Дровишки кончаются, даже, по-моему, уже кончились. А лесоруб или динамиторуб ты у нас один.

— Вот так. Сделал один раз доброе дело, теперь всё время придётся заниматься добрыми делами, — проворчал Флюр.

— И будете летать, присмотрите места, куда бы нам стоило заехать за добычей. Вы всю нашу потребность знаете, так что присмотрите интересные места и дайте наводку. А потом можете лететь воевать. Нам без вашей помощи приходится трудновато с мародёркой.

Татьяна почти закончила проект установки гидролиза. Сейчас Николай вместе с Дмитрием занимались участком подготовки сырья. Нужна была мелкая щепка или опилки, именно они подвергались гидролизу, как объяснила Татьяна. Так что нужно было из брёвен получить, как минимум, щепу. И ещё нужен был автоклав для варки древесины с серной кислотой. Вот из этого и получался раствор глюкозы, т. е. сахар. Ну а дальше процесс получения браги и перегона её на спирт был знаком каждому. Но и самогонный аппарат или ректификационную колонну тоже надо было делать. Так что механикам пахать и пахать.

Я как в воду глядел. Действительно, удачливы наши разведчики. За пару дней нашли пару цистерн с серной кислотой. Да и совсем под боком. В Массаяу, на ж. д. вокзале, стоят себе спокойненько. Вот только как цистерны гнать сюда без железной дороги? Но тут подсказали выход мореманы. По железке автотягачами перегнать цистерны в порт, перегрузить с помощью портовых кранов на баржу и тащить буксиром баржи поближе к нам. А сама кислота пусть хранится в цистернах. При необходимости доехать до причала с баржей проще, чем ехать в Массаяу.

Правда, за этим решением стояла куча проблем. Надо найти баржу, надо запустить кран, ладно, Семён сможет работать на кране, потом эту баржу дотащить до места, да ещё это место надо оборудовать, да так, чтобы при непогоде баржу не унесло в море и не разбило о берег.

При всей привлекательности иметь рядом столько нужного сырья, решили не заморачиваться, достаточное количество кислоты для работы опытной установки можно привезти и на машине, а вот когда потребуется, воспользуемся предложенным мореманами решением.

Всё получилось просто и буднично. Сначала на установке гидролиза получили раствор глюкозы, затем брагу, а затем спирт. Правда, процесс оказался довольно утомительный. Из ста кг сухой древесины мы получили десять литров спирта. Маловато, конечно. Правда, оставалась надежда, что по мере отработки технологии выход спирта будет больше. Да и спирт был необходим для получения синтетического каучука. А куда без колёс?

В общем, всё было не так уж плохо. Мы получили технологию, позволяющую нам обеспечить себя моторным топливом. Из возобновляемых ресурсов. Сухое дерево могло быть заменено соломой или другими отходами. Таким образом, мы получили ещё один источник моторного топлива. Николай уже начал переделку одного двигателя для работы на спирту, чтобы посмотреть, как он себя будет вести. Нагрузил двигатель на электрогенератор. Татьяна была готова к запуску следующей партии и отработке технологии. Я попросил её обратить внимание на отходы этого производства. Куда их девать, как использовать. Как-то не хотелось убивать всё вокруг отходами и кислотой.

Теперь, худо-бедно получив источник моторного топлива, можно было задуматься о следующем шаге. Нет, этап получения топлива ещё не закончен. Здесь есть над чем работать. Нужно получить ещё бутандиеновый спирт, который, по отзывам наших биологов, является прямой заменой бензина и превосходит по своим характеристикам этиловый спирт. Нужно ещё получить биодизельное топливо. Мы пока нашли замену бензину, не самую лучшую, но нашли, а замены солярке пока нет. А дизель технологически проще, чем карбюраторный двигатель.

Но, имея хотя бы возможность получения в достаточном количестве этанола, а это сейчас достигалось укрупнением производства, увеличением числа установок, налаживанием непрерывного процесса, можно было задуматься о следующем шаге. А это задача не намного проще получения моторного топлива – перемещение. Транспорт.

Что мы имеем на сегодня? Огромное количество автомобилей, самолётов с двигателями внутреннего сгорания, конечный продукт применения огромного количества очень сложных технологий. И являющихся итогом работы огромного числа людей и специалистов. Которых сейчас нет. Конечно, можно сейчас попользоваться тем, что есть, машины, самолёты, запасы бензина и топлива, всё востребовано. Что мы успешно и делаем.

Но что дальше? Пусть через тридцать – пятьдесят лет, но всё это перестанет работать. И в нашем распоряжении окажется только один вид транспорта – наши ноги. И здесь опять вставала проблема выбора. Дороги будут разрушаться, строить новые мы не сможем. Нет сил и возможностей.

Перемещаться по бездорожью тоже возможно не всегда, через лес и болото не проедешь на колёсах. Значит, основным транспортным средством должна стать авиация.

Ей не нужны дороги. Но и аэродромы мы строить и содержать не можем. Значит, необходимы аппараты, которые могут обходиться почти без аэродромов. И строительство таких аппаратов должно быть под силу небольшим общинам, типа нашей. Значит, напрашивается вертолёт. Это с ходу, не думая. А если подумать? Или сверхлёгкие самолёты, а может быть мотодельтапланы. Или дирижабль. Конечно, простейший вертолёт или мотодельтаплан нам построить вполне по силам. Но правильно ли это?

Самолёту, даже самому простому, нужна ВПП, пусть грунтовая, но нужна для взлёта и посадки. А где её взять, к примеру, в лесу. Вертолёт взлетает и садится без разбега, но он технологически сложнее в производстве, его два винта никак не упрощают производство. Мотодельтаплан проще

всех, но мне как-то не представляется безопасным полёт на дельтаплане.

А у меня всё последнее время почему-то крутится в голове совсем другое – автожир.

Что такое автожир? Тупиковая ветвь развития авиации, как получилось в наше время. Что есть у самолёта? Расположенный спереди винт, который обеспечивает тягу и возможность двигаться вперед, и крылья, которые поддерживают самолёт в воздухе при определённой скорости. У вертолётá есть вертикально расположенный винт, который обеспечивает ему возможность взлёта и посадки и возможность горизонтального перемещения с определёнными ухищрениями. У мотодельтаплана есть крыло, расположенное над табуреткой, к которой прикреплен двигатель, как у самолёта. И эта табуретка может взлетать и садиться, как самолёт.

Автожир представляет собой своеобразную смесь всего этого. У него есть винт и двигатель, как у самолёта, но нет крыльев, у него есть винт, как у вертолётá, но винт один, над корпусом, и он не связан с двигателем, вращается только встречным потоком воздуха и обеспечивает поддержку аппарата в воздухе вместо крыла. И у него есть табуретка, как у мотодельтаплана, на которой может сидеть несколько пассажиров, и к которой крепится двигатель.

Мне в своё время в интернете попалось несколько роликов с полётами этих аппаратов, и я был буквально очарован ими. Да и просто из любопытства изучал некоторые материалы. Для взлёта им хватает двадцати – пятидесяти метров, хотя могут взлететь и вертикально, для посадки надо столько же. Повышенная безопасность обеспечивается авторотацией, при отказе двигателя аппарат сможет плавно опуститься на землю, а не рухнуть камнем.

Скорость в полете автожир развивает сто пятьдесят – двести км в час, дальность полёта – до трёх часов или на сколько хватит топлива и здоровья пилота. Может поднять два-четыре человека, килограмм сто груза. Двигатель используется обычный, можно от автомобиля, мотоцикла, бензопилы. Мощность небольшая, двадцать – сорок л.с. На обычном бензине. Насколько я помню, там одна хитрость. Способ крепления лопастей винта к ротору. Но это я надеялся найти в авиационных библиотеках. В общем, для нас то, что доктор прописал.

И, кроме того, у меня подспудно зрела мысль, что такой вариант, тянущий, или толкающий винт и свободно вращающийся винт ротора, как нельзя лучше подходят для варианта электроавтожира. Свободно вращающийся винт будет крутить генератор, а от него можно запитать и тяговый электромотор. А для начального пуска подойдут аккумуляторы.

Вот такие мысли стали крутиться после получения этанола, вот на что я хотел направить усилия всех после небольшого перерыва.

Глава 15

17.12.00.

Ничего нового начинать сейчас не будем. Всё-таки Новый год скоро. Постараемся докончить всё, что можно. Правда, как говорится, не делайте из еды культа, так и мы не будем делать из Нового года что-то особенное. Но сложилась традиция, её надо поддерживать и прививать новеньким. Они уже и забыли, что есть такой праздник. Вот только ёлки нет. Попросили Сашу, если будет возможность, где-нибудь добыть синтетическую. Они заказ приняли, обещали вернуться к двадцать четвёртому числу.

Валера приступил к изготовлению и установке ветряка. Он пошёл уже по проверенному пути. Как и раньше, от башенного подъёмного крана взял фермы, установил и залил их бетоном, взял

подходящий генератор, коробку передач от автомобиля, соединил с ветряным колесом, и вот ветрогенератор готов. Какое-то время ушло на доводку, но вскоре всё работало, и у нас даже появился какой-то избыток энергии. На всякий случай Валера подготовил ещё один, но пока не устанавливал, оставил в резерве.

Наша главная самогонщица Татьяна получала в день с одной установки уже, как говорится, две плавки, и у неё постоянно стояли ёмкости со зреющей брагой. В установившемся режиме в день удавалось получить до пятидесяти литров спирта. Сейчас уже она начинала донимать Николая по поводу изготовления второй, более мощной и производительной установки и новых ёмкостей для брожения.

В принципе, пора было думать об организации отдельного производства, надо было выносить его в сторону от жилья. Тем более, к этому процессу можно подключать кого-то из новеньких. Ничего сложного здесь нет. А для Татьяны найдётся новое поручение. Но это после полностью отработанного процесса и при переходе на промышленные установки. Кстати, в качестве отходов получили гипс и лигнин, который тоже применялся как строительный материал. Получилось безотходное производство.

Двигатель, приспособленный Николаем для работы на спирту, работал без каких либо отклонений. Тут надо было переходить на натурные испытания, и Николай готовил автомобиль как учебный для тех, кто ещё не умел управлять автомобилем. Это тоже входило в обязательный набор навыков наших школьников. Как и образование.

В образовании многое отдавалось на самообучение, всему в классе обучить не получалось. Но сеть работала и помогала в учёбе очень сильно. У нас не было всяких чатов и форумов, сеть выступала не местом пустопорожнего проведения времени, а в качестве почты, библиотеки и справочника. И многие задания сдавались преподавателю по сети, но главное было в практическом применении своих навыков.

Хотя ничему особому за это время пока научить никого не удалось, но методика обучения отработывалась, и получалось очень эффективно. Во всяком случае, никто из детишек пока не бунтовал и не отлынивал от школьных занятий, самостоятельных работ и заданий.

Вот и разведка вернулась. Караванов не было, какое-то затишье наступило. Зато привезли много подарков. Сумели найти и ёлки, сумели привезти школьную библиотеку и часть из заводской библиотеки, учебники, пособия, и детские книги. Все были этому чрезвычайно рады.

А тут как раз накануне Нового года произошло и самое радостное событие – родились у Маши девочка, у Гали мальчик, буквально в течение двух дней. Всеми нами овладела такая эйфория, что ни о чём другом говорить было просто невозможно. Мы даже празднование начали, не дожидаясь Нового года. И это празднование плавно перешло во встречу Нового года. Было очень весело, много шуток, игр, были ёлки, большая ёлка для всех и отдельно в домах, особенно у детей, ёлки поменьше. Были и подарки. Для всех нашлось, чем порадовать. И несмотря на обилие спирта, в общем-то, никто особо и не пил. Так, чуть-чуть, символически. Нам было и так хорошо.

Празднование продолжалось четыре дня, а потом всё вернулось в обычный ритм. Всем было просто интересно заниматься своими делами, у кого остались нереализованные замыслы, кто-то начинал реализовывать новые задумки, детишкам было интересно осваивать новое, для них это ещё была игра. Наверное, так у них же практически не было детства на этих шахтах. Но уж здесь они

пользовались всеобщим вниманием и любовью.

Но их не баловали, и они сами были чрезвычайно серьёзны в учёбе и гордились доверенными им делами. Уважение основывалось на мастерстве и знаниях, умении работать. И если у тебя это было, неважно в какой сфере деятельности, то и отношение к тебе было соответствующее. А почему-то так получилось, что среди нас не было болтунов и демагогов. Все работали изо всех сил, старались, как могли, и не только там, где умели, но брались за освоение нового или того, что требовалось для реализации твоего замысла. И при таком отношении к делу каждый мог рассчитывать на любую возможную помощь от других.

С возвращением разведки возобновились занятия начальной военной подготовкой. Саша с Флюром требовательно относились к обучению, и хотя и не планировали подготовку диверсантов и спецназовцев, но обращению с оружием и выживанию при ведении боевых действий учили на совесть.

Василий с Костей занялись обучением вождению автомобиля, Николай подготовил две машины, работающие на спирту, так что заодно проверялось и топливо. Правильно ли мы решили, что можно использовать спирт в качестве моторного топлива. И подготовлены были две машины на спирту для мародёрки, нужно было посмотреть на их поведение при дальних поездках и под грузом. Короче, шла проверка, пока есть возможность, перехода на альтернативное, возобновляемое топливо. Михаил тоже набрал группу, и не только детей, и обучал управлению самолётом и вертолётom. Конечно не жуком, по птицу изучали.

А я опять привлёк Николая, Валеру, и мы начали делать автожир. В привезённых материалах действительно нашлось описание автожира и, главное, описание и рисунки крепления лопастей к ротору. Для начала мы решили просто построить автожир, не электроавтожир, а классическую версию. Надо было понять, что это за зверь, и подойдет ли он нам.

То ли мы так стали хорошо понимать друг друга, то ли уже приспособились делать невозможное, но через две недели почти готовый автожир стоял на площадке. Не готов был пока ротор, но это дело совсем незнакомое, и работы там было много, и самое главное, неизвестной. Нужно было провести балансировку ротора, понять, как крепить лопасти к ротору, чтобы обеспечить такой сложный режим работы лопастей, да и много чего всплывало, неучтённое нами сначала по причине нашей безграмотности в этом вопросе. Но проблемы решались, и постепенно мы добрались до финиша. Пора было пробовать.

Наш аппарат был прост до безобразия. Как-никак, это был, скажем так, работающий макет. Была рама, на которой установили двигатель на сорок л.с., двигатель располагался сзади пилота, для пилота было предусмотрено только место для сидения и ручка управления. Ничего больше. Сзади двигателя, в струе воздуха от винта, расположили небольшие крылья, для управления полётом, по типу стабилизаторов на хвосте самолёта.

Тяги для управления рулями вывели на ручку. Туда же вывели управление двигателем, по принципу, как у мотоцикла. Сверху, над пилотом, располагался двухлопастной ротор. К нему для раскрутки пока прикрепили электромотор, который можно было отключить после раскрутки ротора. Вся рама стояла на трёх колёсиках. Вот и весь автожир. Пока просто макет. Будем надеяться, что летающий. Испытывать, естественно будет Михаил. Он прочитал всё, что было у нас про автожир, и был готов выступить испытателем.

Для начала он просто подвигал рулями, проверил, как они управляются. Затем мы запустили двигатель. Он тоже управлялся нормально, обороты регулировались пилотом. Наконец Михаил раскрутил ротор, прибавил газ, и аппарат начал двигаться. Проехав где-то метров двадцать, он взлетел. Невысоко, где-то на метр, но взлетел. И полетел.

Надо понимать, что опыта управления этим аппаратом не было никакого, но было заметно, что Михаил быстро освоился, и аппарат, хоть и на небольшой высоте, управляется. Наконец, совершив небольшой круг, он вернулся к нам и посадил аппарат на землю. Для посадки ему тоже потребовалось метров двадцать. Остановился, заглушил мотор и сказал:

— Я не знаю, что это такое, но оно летает. Как оно летает, я могу только догадываться. Вернее, я знаю, как оно должно летать, а вот как оно летает на самом деле, не знаю. В общем, я позанимаюсь эти аппаратом, возможно, что-то придётся переделать, чтобы можно было летать, и только потом буду говорить, что у вас получилось. Надо летать. И не один раз.

И он летал. Постоянно, целыми днями, пытаюсь понять, что это за аппарат и его возможности.

Несколько раз нам пришлось вносить изменения по его требованию, но ничего, в основном, не переделывали. Михаил изучал, как управляется аппарат, отрабатывал взлёт и посадку, отрабатывал режимы двигателя и ротора, проверял управляемость. Всё это заняло где-то с неделю. Наконец он сообщил нам, что больше из этого монстра он выжать ничего не может, и выдал своё заключение:

— В общем, если его довести до ума и сделать в виде нормального летательного аппарата, будет очень интересная игрушка. Взлёт и посадка почти на пяточке, если есть ветер, то можно и вертикально взлетать и садиться. Управляемость очень хорошая, научиться управлять таким аппаратом будет довольно просто. Безопасность я не проверял, но, зная, как это работает на вертолёте, думаю, что здесь будет лучше.

Безопасность должна быть очень приличной. При отказе двигателя падение должно быть исключено. Упасть, конечно, придётся, но все должны остаться целыми. Но в таком виде его больше испытывать нельзя. Надо делать аппарат с нормальным управлением и в конструктивном исполнении, пригодном к применению. Идею проверили, всё работает. На мой взгляд, никаких причин отказаться от применения этого нет. Поэтому надо создавать нормальный аппарат, как я сказал, и пусть кто-то ещё пробует его оценить. Научиться летать на нём можно за два дня.

И мы принялись делать нормальный аппарат.

Глава 16

01.02.02.

Год потребовался нам для получения приемлемого результата. Было испробовано много разных вариантов, как в конструкции капсулы, так в двигателе и системе управления. Мы сами научились управлять таким аппаратом и сумели полетать. Не говоря о целой шайке юных приверженцев автожира. Все были довольны. Аппарат всем нравился, управление было не сложнее автомобиля, свобода перемещения – практически не ограниченная.

Аппарат получился двухместным с грузоподъёмностью до ста пятидесяти кг. Взлетал и садился на двадцати метрах любой ровной поверхности, Легкий, разборный, снял ротор, и его можно было перевозить на чём угодно, как мотоцикл. Да это и был по своей сути воздушный мотоцикл. Полёт был практически бесшумным, и тебя охватывал такой восторг от полёта, что хотелось летать снова и снова. Ждали, когда будут обеспечены все такими аппаратами. Как-то само прижилось название

айбайк, видимо производное от аэробайк.

Конечно, за этот прошедший год это было не единственное событие.

Главным, наверное, надо считать то, что мы сумели получить очень хороший урожай как овощей, так и зерна. Теперь нам точно не грозила проблема голода. Хотя надо было ещё больше расширять посевы. Всё, что было можно, засадили травой и кустарником. И всё это принялось. Наше сельское хозяйство превратилось в целую отрасль индустрии и постоянно нуждалась в притоке рабочих рук. Нас стало больше ста человек, сто восемнадцать, если быть точным. Разведке удалось освободить ещё несколько караванов. Да и родилось у нас ещё десять детей, родили практически все женщины, заботу о ребёнке и матери брала на себя полностью община. Да и сейчас в ожидании срока родить ходило несколько женщин. Поэтому мы рассчитывали на дальнейший прирост численности.

Правда, надеяться на приход со стороны было бы уже неправильно. Сейчас потеплело, снег практически исчез, появлялся только севернее, где-то в районе Москвы и, наверное, продержится там где-то ещё год. Люди стали разбегаться, удержать никого не удавалось никакими силами, шахтерские рабские поселения погибали. Да и сбежавшим деваться особо было некуда. Пропитания не было, только то, что уцелело со времён катастрофы. Но и это не могло никого удержать. Люди бежали при малейшей возможности, или сами создавали её себе всеми силами. И присоединяться к нам никто не спешил, все были напуганы предыдущим опытом. А мы и не уговаривали.

Для производства этанола построили нормальный цех, который практически удовлетворял всю нашу потребность в топливе. Двигатели на этаноле работали вполне прилично, как говорится, нам хватает. Так что для всех своих ближних, и не очень, поездок использовали этанол. Только птицы, жук и шмели работали на первоначальном горючем. Для дальних маршрутов у нас пока не было замены топливу из нефти. И для перевозки тяжёлых грузов. Но мы над этим тоже работали.

Галина с Володей сумели перевезти всё, что им было нужно, из Пущино и организовать лабораторию микробиологии, и у них уже появились ученики, принимавшие участие в их работе. Они занимались в основном попытками спасти всё, что можно, из того, что прошло через катастрофу. В основном, конечно, растения и водоросли. Они постоянно возились с какими-то семенами, веточками и сеном, требовали от разведки и всех остальных при любой возможности приносить им всякие растения, траву, семена, косточки. У них уже появились образцы водорослей, живущих в морской воде, и вскоре можно было ожидать запуска их в море. Но не забывали они и о своем обещании дать биобутадиев, прямую замену бензина.

Наш дом постепенно превращался в опытно-промышленную базу по опробованию новых (для нас) технологий и подготовке кадров и специалистов. Правда, специалистами и кадрами были все. Радовало то, что нам не грозила такая уж сильная деградация. Наоборот, как посмотреть. С точки зрения нравственной, мы были выше того розово-голубого беспредела, который царил до катастрофы.

С точки зрения прикладного применения и использования знаний мы пошли по другому пути, мы не ломали природу, мы с ней дружили. Ну а с точки зрения чистой науки мы, конечно, были даже не на начальном рубеже, а только пытались найти подходы к нему. Но мы старались сохранить всё, что можно. Все книги хранились при идеальных температуре и влажности. Да и все у нас прошли соответствующее обучение, да не по одной специальности, и ничем не уступали прежним специалистам-инженерам. Разве что, опытом. Но не практическими навыками и умением, здесь

нашим специалистам не было равных.

Несколько человек постоянно трудились у Николая в его механическом производстве, да и ученики-практиканты постоянно там крутились. У Валеры та же ситуация. Он запустил своё сборочное производство и начал делать простые электронные устройства, как для бытовых целей, так и для промышленного применения. И начал потихоньку делать электротехнические изделия – электродвигатели, электрогенераторы, трансформаторы и т. д., и т. п., какой-то уровень развития мы поддерживали и старались постоянно его поднять.

Сейчас перед нами начинали выростать очередные глобальные проблемы – опять связь, как на ближних расстояниях, так и на дальних. Тем более, когда все будут на айбайках, а перемещаться на них захотят все. Поэтому Валера уже сейчас озаботился этой проблемой и готовил, вместе с несколькими энтузиастами, производство трансиверов и антенн, чтобы обеспечить связью все средства перемещения.

И он уже начал задумывался о производстве полупроводников. Диоды, транзисторы. Сама по себе технология получения кремния и, в конечном итоге, транзисторов не представляла чего-то суперсложного. И оборудование, во всяком случае, лабораторное, можно было найти практически в любом институте.

Кроме того, возникала проблема дальних перемещений. Пока мы обходились самолётами, птицей, жуком. Но уже пора было искать им замену, да и ремонт проводить им надо было. Они не вечны. Было два варианта – корабль и дирижабль. Если дирижабль пока был недостижимой мечтой, не по причинам, что слишком сложный и большой, а потому, что не было гелия. И пока не предвиделось. А использовать водород мы не хотели из-за безопасности. То вот о корабле можно задуматься. Тем более, что из Масауа мы могли плыть на юг и имели выход в Индийский океан. А вдоль Красного моря была вполне приемлемая дорога на берег Средиземного моря. Оттуда, из Александрии или какого любого удобно расположенного другого порта можно было выйти в Атлантический океан и добраться до Севастополя, нашей основной базы в России. К сожалению, Суэцкий канал был разрушен.

Пока вопрос о корабле только прорабатывался. Причём, мы собирались использовать новый тип корабля – автожиросоносец. По терминам космической фантастики, это должен был быть дальний разведчик, имеющий возможность добраться куда угодно и высадить воздушную и наземную разведку.

Если для повседневных ближних перемещений мы использовать айбайк, для внутренних перемещений по базе и её окрестностям использовали электроскутеры, то для дальних разведывательных наземных маршрутов прорабатывался проект вездехода-амфибии. Универсальный к потребляемому топливу, бензин, спирт, синтез-газ, повышенной проходимости, способный преодолевать реки и болота, практически с неограниченным радиусом перемещения. Вдобавок, хорошо вооружённый. Этот автомобиль должен был стать незаменимым помощником в самых экзотических условиях. Получается что-то типа БТР.

А задача перед нами не становилась менее масштабной. Полученные нами результаты подтверждали, что мы на правильном пути. Все спасённые нами люди были довольны, никто не чувствовал себя обиженным и ущемлённым. Наоборот, все радовались произошедшей с ними перемене. Поэтому нашей задачей оставалось привлечь к себе как можно больше людей, пусть пока как временных

членов нашей общины.

Мы были готовы обеспечить выживших людей продуктами питания, конечно, не просто так. Мы планировали осваивать поселения, что-то типа укрепленных факторий, острогов, на которых бы были наши опорные базы. Всем, кто не захотел присоединиться к нам, давали бы работу при факториях. Климатические условия уже позволяли в южных районах заниматься сельским хозяйством. И мы могли всем желающим предоставить такую работу.

И готовы были принять на обучение и воспитание всех детей, что будут нами встречены в наших поисках. Для этого мы начинали экспедиции везде, где можно было ожидать выживших людей. Наша разведка выросла в численности до пятнадцати человек. Мы могли, как минимум, вести одновременно три разведывательных маршрута.

Планировались два типа поселений. Опорная база, типа Севастополя. Хотя, это было скорее самостоятельное поселение, даже город, и к этому должны были стремиться все остальные поселения. И отдаленный пост, контролирующий дальние границы, с хорошей ВПП. На нём ориентировались на привлечение одиночек и занимались производством топлива и продуктов питания, а также добычей местных полезных ископаемых, если они были. Правда, это всё было пока на стадии проектов, но мы уже приступали к реализации первого проекта – построению баз на средиземном море и в Севастополе, и готовились к постройке корабля-разведчика.

Глава 17

09.03.03.

Мы продолжали потихоньку реализовывать свои планы. И постепенно расширялись. И менялись. И сами, и наши отношения. Нет, всё, что было, все особые, родственные отношения у нас не менялись, вот только на вновь образованных факториях приходилось применять систему единоначалия. Там демократия не работала. Но всё по порядку.

Мы пробили сухопутную дорогу до Средиземного моря, до города Порт-Саид. Там организовали промежуточную морскую и авиационную базу. Дорога проходила вдоль Красного моря, по пути было несколько важных для нас пунктов, портов, аэродромов. Там мы нашли и новые запасы топлива, и оборудование. Проложили и морскую дорогу от Массауа почти до города Порт-Саид. К сожалению, Суэцкий канал был разрушен, и у нас не было возможности морским путём попасть в Средиземное море. Может быть, со временем и восстановим.

Мы продолжали расти. Как за счёт рождения новых детей, так за счёт присоединения к нам и новых детей, и взрослых. И организации факторий. Скажем так, после организации факторий и получения продуктов питания и работы число желающих к нам присоединиться возросло. Еды на стороне практически не было. И мы со своими урожаями обеспечивали всех выживших питанием. Были, конечно, попытки получить от нас зерно и самостоятельно его выращивать, но почему-то никому из затевающих это не повезло. Никто не смог воспользоваться своими трудами. У кого-то не уродился урожай, кто-то стал жертвой грабителей.

Бандитские анклавы умирали. Люди бежали, сами бандиты не могли ничего сделать, у них ничего не было, им самим приходилось бороться за своё выживание. Было несколько попыток атак на наши опорные пункты, но благодаря дальней воздушной разведке эти враги были своевременно обнаружены и уничтожены. Тут уж было не до выбора, или ты, или тебя. В то же время все, кто бежал, знали куда идти. Мы принимали всех. В основном, сначала давали работу и питание,

организовывали обучение всех желающих. По мере знакомства, узнавания людей, это всё могло привести к принятию в нашу общину, если человек подходил нам по своим морально-этическим принципам.

У нас был основной опорный пункт в Севастополе. Именно туда приходили все, кому удавалось бежать, или те, кто выжил в катастрофе. Там организовывалась ремонтная база, в основном для обслуживания наших кораблей, их было целых два, и самолётов. Михаил сумел подготовить несколько пилотов, и теперь мы могли воспользоваться уже тремя транспортными самолётами. Они осуществляли дальнюю разведку интересующих нас районов и текущий контроль ближних подступов к базе. Общая постоянная численность базы пока не превышала двадцати человек, но за счёт притока беглецов и одиночек постоянно увеличивалась. Поля, ближайшие окрестности постоянно патрулировались. И этим обеспечивали безопасность как самой базы, так и проживающих вокруг базы.

В наших планах Севастополь, как база, занимал особое место. Мы со временем рассчитывали на Крым как на плацдарм для дальнейшей экспансии. Здесь, на базе, в Массара, у нас был центр обучения и подготовки. Здесь мы старались поддержать то, что сумели сохранить, и освоить новые технологии, знания, производства.

Вся остальная борьба за выживание переносилась на новые территории. Наши дети, как рождённые, так и принятые, после обучения и взросления должны были идти туда, в новый мир. Африка, территория хоть и богатая, но пустая, негры не выжили. Выжили русские, других выживших мы не видели. И, может быть, поэтому мы начинали возрождение с себя, со своей земли.

А Севастополь был нам ближе и удобней всего. Поэтому мы и строили по всей территории Крыма ретрансляционные станции для обеспечения уверенной связи и вводили датчики видеонаблюдения на опасных направлениях. Для безопасности. Поэтому там и занимались восстановлением судоремонтного завода, не всего, конечно, а отдельных рабочих мест для обеспечения возможности переделки кораблей под свои нужды. Мы в дальнейшем рассчитывали продвигаться и по рекам. А пока основной ударной силой оказывались айбайки. На них ставился пулемёт, и, пользуясь правом первого удара, они могли бесшумно подобраться к противнику на расстояние выстрела, наносили врагу невосполнимый урон. Именно так были отражены попытки захвата Севастополя бандитами. А мы расширяли территории посево, готовясь прокормить в два, в три раза больше людей. Весь урожай мы вывозили на свою базу, подальше от соблазнов, чтобы не возникало желания прихватить при случае. Там же начинали организовывать переработку в продукты длительного хранения, чтобы ни пропадало ничего.

У нас сейчас регулярное морское сообщение поддерживали два небольших судна, управляли им четыре – шесть человек, и готовили ввести в действие третье, но это уже побольше, с возможностью старта с него айбайков. Оно в принципе должно было выступить в роли скорее разведчика, чем транспортного судна. Что-то срочное перевозили самолёты, несрочное, но много – корабли. И хотя многие территории были исследованы с воздуха, мы планировали пройтись по этим местам ещё раз, сначала с кораблей, подойти к берегу и организовать ВПП, а потом с этих ВПП исследовать территорию вглубь, как с воздуха, так и по земле. Правда, надежд было мало, но попытаться мы были обязаны.

Кроме того, мы организовали несколько сухопутных экспедиций из Севастополя. В район Москвы

(нас интересовала Тула) и в Астрахань и Оренбург. В рейд уходили БТР и БРДМ. Эти города могли бы быть нашими следующими опорными пунктами. Астрахань давала возможность контролировать Каспийское море и начать продвижение вверх по Волге, кроме всего прочего там был раньше мощный химический комбинат. Может быть, и осталось что-то полезное. Оренбург мог выступать промежуточной точкой движения на восток, за Урал, и, кроме того, там до катастрофы получали гелий. Была надежда, что осталось и там что-то в хранилищах. Во всяком случае, ВПП и в Астрахани, и в Оренбурге были подготовлены. И организованы запасы топлива для дозаправки. Складывалась довольно интересная ситуация. Для ближних перемещений, сто пятьдесят – триста км, мы использовали айбайки, для перевозки грузов использовали автомобили и корабли, а вот для перемещения на большие расстояния, семьсот – тысяча км, ничего лучше пока самолётов не было. Успокаивало только одно. У нас появились люди, специалисты, которые могли обслуживать такую технику, и они подготовили несколько человек по своим специальностям на смену. Вообще, у нас уже шёл процесс выпуска молодых инженеров. У нас уже появились собственные специалисты, подготовленные своими силами. И они обеспечивали полную работоспособность техники и оборудования. Это касалось самых разных областей деятельности. И что радовало, они напоминали по своим возможностям русских инженеров, ещё той, дореволюционной поры, когда в основном всё развитие техники определялось именно трудами инженеров.

Инженеры строили паровозы, проектировали мосты и дороги, плотины и заводы. И наши выпускники точно также успешно решали такие же задачи. И это были не кабинетные специалисты. Они сами управляли автомобилями, айбайками, катерами, стреляли, могли работать практически за любым станком и на любом месте. Мы хорошо их научили.

У нас сложилась своя система обучения, основанная на практических навыках и самообразовании. И таких людей становилось всё больше и больше, и будет ещё больше, мы не собирались отказываться от правильных решений.

Полностью работало механическое производство, можно было изготовить практически любую деталь. И там собрался небольшой коллектив настоящих мастеров и виртуозов работы на станках. Точно такая же ситуация складывалась у Валеры и Татьяны. Было работающее электротехническое и электронное сборочное производство. И химическое. Каждый из них уже имел по несколько учеников, которые практически могли заменить их самих. Валера, кстати, получил первые кремниевые диоды. Впереди ждали своего часа транзисторы.

Глава 18

01.05.08.

Ну вот, всё и закончилось. Или только начинается.

Мы выжили, после того, как землю посетил Большой Песец. И не деградировали, а сумели дать начало, можно сказать, новой цивилизации. Какая она будет, это уже от нас не зависит. Но мы сделали всё возможное, чтобы она была лучше той, что погибла.

Нас сейчас уже несколько тысяч человек. И рост продолжается, причем темпы роста всё выше и выше. Китай отдыхает.

Но это не простое размножение, как у кроликов. Мы создали свою систему образования и сумели сохранить все предыдущие знания, и не только сохранить, но и освоить их. И пользоваться ими.

Мы сумели возродить жизнь. Теперь опять на земле есть леса, правда, пока они только появляются,

но уже есть. Их будет всё больше и больше. В этом – одна из целей ныне живущих. И есть поля. Есть зерновые, есть овощные. Есть сады. Мы всегда можем увеличить их площади. У нас хватает и семян, и сил для обработки этих полей.

Мы не уродуем Землю. Мы не бурим скважины и не роём шахты, не роём карьеры и не оставляем шрамы-дороги. Мы пользуемся тем, что земля нам даёт. Отходы, всё, что не смогло возродиться после катастрофы – это наш источник энергии. Мы получаем газ для своих домов из отходов производства, мы получаем биобутанол, замену бензина, для своего транспорта. Мы используем электричество, получая его из возобновляемых источников.

Мы начинаем заселять реки и озёра, моря. И мы ищем всё, что выжило, чтобы помочь ему расти на земле и в воде.

Мы основали несколько новых поселений, и число их будет расти. Мы продолжаем поиск выживших людей, но, к сожалению, никого больше найти не удаётся. Но мы не оставляем попытки и не теряем надежду.

Просто сейчас можно сказать, что всё закончилось. Или только начинается.

Часть 2

Ползунки

Глава 1

01.05.28

Виктор, позывной Сталкер

Сегодня должны собраться на очередной совет координаторы. Так у нас, выживших после катаклизма – падения астероида на Землю, называют тех, кто занимается какими-то отдельными, определёнными проблемами существования нашего общества. Хотя, можно сказать, и мира. После того, как на Землю упал этот космический булыжник, начались многочисленные извержения вулканов и землетрясения, в атмосферу Земли поднялась пыль и пепел после извержения проснувшихся старых и образовавшихся новых вулканов.

Всё небо покрылось пылевыми облаками, наступила "ядерная зима", температура на поверхности Земли упала ниже минус ста градусов Цельсия, и на Земле всё замёрзло. Моря и реки промёрзли полностью, животные, кроме тех, которых сумели сохранить люди, все вымерли. Люди тоже почти все вымерли, кто отравился вулканическим газом, кто замёрз от почти космических холодов.

Спасти удалось лишь некоторым, кто-то спасался в шахтах, кто-то в глубоких пещерах, кто-то, мы их называем основатели, в хорошо оборудованном и приспособленном для экстремальных ситуаций доме. Да ещё заранее сумели запастись продуктами и топливом, имели ветрогенератор, он и обеспечивал им электроэнергию всё то время, что пришлось пережить морозы.

Было их шестнадцать человек, после катастрофы они сумели отбиться от бандитов во время наступившего хаоса и беспредела в самые первые дни после катаклизма. Они смогли выжить в течение шести лет чудовищных морозов, порой много дней не покидая отапливаемых помещений. Хорошо, что заранее были приняты меры по обеспечению всех топливом и продуктами. Однако, при малейшей возможности, когда температура поднималась хотя бы до минус тридцати градусов Цельсия, они выбирались на улицу, занимались поисками и обеспечением себя дополнительно топливом и продуктами питания.

И при этом сумели остаться людьми и не впасть в состояние дикости. Через шесть лет с момента

катастрофы пыль и пепел, попавшие в атмосферу во время многочисленных извержений вулканов, начавшихся по всей территории Земли после падения астероида и вызвавших "ядерную зиму", стали оседать. В небе стало появляться солнце, началось повышение температуры на поверхности земли и таяние накопившихся за шесть лет непрерывных морозов снега и льда.

Складывающиеся условия не позволяли дальше жить в Подмосковье, где они находились всё это время, и основатели приняли решение искать себе для проживания новое место. Они оставили свой дом, который помог им выжить, оставили технику, без которой можно было обойтись в дороге и, взяв только всё самое необходимое – топливо, продукты, оружие, на нескольких машинах, способных передвигаться по снегу и льду, двинулись на юг, в сторону Баку. По ходу движения из-за возникших обстоятельств им пришлось изменить маршрут, и они оказались на территории Эритреи, государства на берегу Красного моря. Там нашли базу гуманитарной помощи ООН, заняли её для проживания и стали бороться за своё, и рода человеческого, выживание.

Надо сказать, что основатели были практичными и очень умными людьми. Они сразу поняли, что самое главное – это найти и спасти как можно больше людей и попытаться возродить почти умершую Землю. Именно попытаться, их выжило слишком мало, и всё сделать самим казалось просто нереальным. К счастью, среди них оказались люди самых разных специальностей, способностей и профессий. Были биологи, химики, учителя, солдаты, электронщики, строители, механики, врачи. Короче, специалисты самых нужных профессий.

Во время своего движения на юг они столкнулись с другими выжившими, которые, к сожалению, превратились в дикарей, вооружённых современным оружием и техникой, ввели на подконтрольных им землях рабство и каннибализм. При столкновении начались боевые действия, они сумели уничтожить часть этих новоявленных хозяев жизни и освободить ещё несколько человек, бывших у дикарей в рабстве, и на базу в Эритрее добрались уже двадцать один человек.

Они хотели обеспечить спокойную жизнь для себя, своих детей и внуков, а для этого надо было изменить сложившиеся условия, необходимо было спасти Землю и выживших людей. Они сами перед собой поставили эту чудовищную по сложности цель, какой бы невыполнимой она ни выглядела, и принялись делать всё возможное для ее достижения.

У них сохранились семена некоторых растений, деревьев, несколько кур, собак, аквариумные рыбки и пчелы. Всю эту живность они старательно хранили, кормили и берегли все эти годы, надеясь, что придёт время, когда сбережённое обязательно пригодится и будет использовано для возрождения Земли, хотя бы в малой её части.

Как говорится, самая длинная дорога начинается с первого шага. Так и основатели разделили эту глобальную задачу на несколько более мелких, но от этого не ставших более лёгкими, задач.

Первоочередной задачей для себя они определили увеличение численности нормальных, не впавших в дикость людей. Для этого их женщины стали рожать детей, никто не оставался одиноким, численность семей была не менее пяти человек. Они стали готовиться к походам на территории, контролируемые рабовладельцами, для спасения и освобождения из рабства пленников. Им удалось восстановить самолёты, лёгкий для разведки и транспортный для перевозки грузов и людей.

Были организованы несколько промежуточных аэродромов, основная база была создана в Севастополе, операционная база была в Таганроге. В процессе изучения Севастополя мы с ними и встретились, я тогда был в числе выживших людей, не входивших ни в какую группировку. Мы

были сами по себе, искали сохранившиеся продукты, топливо, как-то пытались выжить. Таких, как мы, называли сталкерами.

Меня зовут Виктор, я приёмный сын Константина, позывной Сталкер. Наша группа была первой из выживших самостоятельно, кто встретился и присоединился к основателям. Сейчас я председатель совета координаторов, а тогда был простым бойцом. После встречи с нами они освободили ещё одну группу рабов и отправились на свою базу в Эритрею.

Нам показали хозяйство, которое они успели наладить, и накормили свежими овощами. Рассказали о себе и своих планах и предложили определиться, как мы будем жить дальше. Или сами по себе продолжим выживать, или мы готовы принять их образ жизни, правила, мораль, и присоединиться к ним. Все, кого им удавалось освободить, выбирали вариант добровольного присоединения к своим освободителям и принимали их условия. Это был не единственный освобождённый ими караван рабов. Так постепенно происходило увеличение численности свободных людей.

Возрождение Земли планировалось начать в первую очередь с восстановления лесов, садов и полей, лугов, вообще всего, что растёт, выращивались овощи, разнообразные зерновые, разводились выжившие животные. Из тех сохранённых семян растений, деревьев при первой появившейся возможности начали сажать растения и деревья, тем более, что среди них были люди, прекрасно знающие как это делать. Появились овощи, пшеница и другие зерновые культуры, это позволило частично обеспечить собственным пропитанием выживших людей.

Немаловажное значение уделялось техническому обеспечению возможности людям жить. Их было мало, силы ограничены, доступные ресурсы конечны, рано или поздно бензин и солярка в ближайшей округе закончатся, а организовать имеющимися силами добычу и переработку нефти было нереально, и тогда начнётся скатывание в дикость и каменный век. Таков был их прогноз на ближайшие годы в то время.

Тем более, что компьютеры тоже не вечны, а сейчас большая часть знаний была в электронной форме. Когда-нибудь компьютеры перестанут работать, что будет означать потерю знаний и последующую деградацию. Чтобы избежать этого, они начали работу по получению энергии для своих нужд, причём из возобновляемых источников – в качестве таких на первом этапе выбраны были биогаз и биоэтанол.

Для начала основатели сумели получить биогаз переработкой отходов. Кроме использования газа для бытовых нужд, стали использовать его для получения электроэнергии, в качестве топлива для дизельных генераторов, потом получили из целлюлозы спирт и перевели часть автомашин работать, используя его в качестве топлива. Упор в первое время сделали на гибридные двигатели, выбрав основным двигателем электрический.

Занялись спасением сохранившихся знаний, вывозили и собирали все уцелевшие библиотеки, переводили информацию из компьютеров на твёрдые носители. Организовали школы, ввели обучение детей и всех выживших людей как минимум в объёме знаний средней школы советского периода, так они говорили сами. Начали обучение профессиям, востребованным в сложившихся условиях. Обязательной для всех учеников была военная подготовка с освоением навыков выживания.

Постепенно организовывали ряд производств, необходимых для дальнейшего развития выживших. Хотя, по сути дела, это были небольшие мастерские, людей не хватало ни на что. Тем не менее, было

начато производство простейших электронных и электротехнических изделий, устройств связи и коммуникации, производилась механическая обработка металла. Для этого использовали сохранившиеся ресурсы прошлого мира.

Температура воздуха между тем повышалась, снег и лёд таяли и отступали на север, земля освобождалась, можно уже было жить на поверхности земли, не опасаясь непереносимых морозов. Люди, находящиеся в рабстве, начали совершать побеги от своих хозяев, да и продуктов уже ни у кого не оставалось, в связи с потеплением все сохранившиеся при морозах запасы еды стали портиться.

А у нас уже были продукты своего урожая, который мы выращивали сами и смогли организовать их хранение и переработку. Вновь приходивших к нам людей мы обеспечивали питанием. Так, сбежавшие и освобожденные рабы пополняли наше общество. Их не просто принимали, но искали, совершали боевые рейды по их освобождению. Я сам участвовал в таких рейдах.

Конечно, всё было не так просто. Никто бывших рабов сразу в существующую общину не вводил, и на это были основания. Жили они на новых местах, занимались расчисткой местности, сбором ресурсов, работой в отстроенных и восстановленных мастерских, за это получали нужное количество продовольствия. Детей сразу направляли на обучение в школы.

Так у нас начало складываться существующее общество. Основным критерием отношений между людьми становился личный труд и уровень профессионального мастерства. Уважение окружающих можно было заслужить своими душевными качествами, умением работать и мастерством. Не имело значения, каким. Воина, няньки, кухарки, моряка, электронщика, учителя.

Любая профессия считалась почетной, и любая профессия обеспечивала его обладателя и его семью необходимым для жизни питанием и прочими вещами. В сложившихся тогда условиях это было самое главное – обеспечить людей едой. Нас было немного, работы очень много, и труд каждого был просто необходим. Речь шла о выживании людей, и делалось всё возможное и невозможное, в прежнем понимании, чтобы обеспечить это выживание.

Какое-то сумбурное изложение событий у меня получается, мысли разбегаются, путаются. Видимо, придётся в памяти вернуться немного назад и вспомнить более подробно произошедшие события.

Глава 2

01.05.28

Виктор, позывной Сталкер

Вчера умер последний из основателей. Нет, остались ещё те, кто был детьми в то время, тот же Максим. Но это были совсем другие люди. Именно они спаслись сами от чудовищных морозов и спасли других от вымирания и рабства.

На сегодняшний день нас стало уже несколько тысяч человек. Вместе с основателями мы сумели найти и собрать всех известных нам выживших людей, как спасшихся самостоятельно, так и попавших в рабство. Всех бандитов, ставших рабовладельцами, их прислужников и охрану мы сумели уничтожить. Таким существам, опустившимся до подобной дикости, было не место в новом мире.

Другим, попавшим под власть рабовладельцев, жизнь сохранили, но жили они первое время в отдельных поселениях, под постоянным надзором кого-то из представителей с основной базы. Так и сложилась структура поселений. Была основная база, вернее несколько основных баз, в Эритрее –

общеобразовательный учебный центр и центр профессиональной начальной подготовки, в Севастополе – центр подготовки бойцов и военно-морская база, верфь и производственный центр. В Таганроге – опорная операционная база.

Правда, в ближайшее время, скорее всего, будет осуществлен переезд всего персонала из Эритреи в Севастополь, хотя там уже осталось совсем немного людей. Условия жизни в Севастополе оказались для нас более привычны и комфортны. А сейчас и более безопасными. Но Эритрею забывать не будем. Там есть всё необходимое, и слишком много труда там вложено, эта база будет тоже сохранена и не будет законсервирована, останется действующей. Наверное, будем использовать её как базу для исследования направления юг и как один из центров обучения.

Кроме того, было создано несколько отдельных поселений, в которых проживало также немалое количество спасённых, в основном бывшие рабы, которые занимались восстановлением территорий. Они ликвидировали последствия катаклизма, собирали в разрушенных городах, посёлках, деревнях материальные ценности, книги, диски. Да много чего полезного, оставшегося от прежней жизни, можно было найти в опустевших городах.

Сажали деревья, сады. Хотя и прошло уже достаточно много времени с разгрома бандитов, сложившуюся структуру не меняли. Она всех устраивает, да и люди заселяют большую территорию. Руководил таким поселением обычно наблюдатель из людей, уже доказавший свою приверженность сложившемуся порядку.

Хотя слово руководитель здесь, наверное, не подходит. Нет никаких начальников, есть человек, который согласовывает действия отдельных поселений и выступает от лица жителей поселений. Причём он не имеет никаких привилегий, это его, скажем так, дополнительная нагрузка. Никакого угнетения и ущемления прав и возможностей жителей таких поселений не было. Они не были ни рабами, ни крепостными. Каждый из них был свободным человеком и обладал всеми теми же правами, что и другие.

Но после того, как была обнаружена и пресечена попытка заговора и захвата власти бывшими рабами, они проходили, скажем так, испытательный срок, оценивались их человеческие качества, определялось их отношение, восприятие установившегося порядка. Такие поселения часто посещались старшими наблюдателями с целью понять, а что это за люди, чего от них можно ожидать. Мы не могли позволить просто так погибнуть или отколоться от общества ни одному человеку. Вот так и сложилась такая структура как база-поселение.

Нам катастрофически не хватало людей, тем более грамотных специалистов. Поэтому всех детей в возрасте от шести лет в обязательном порядке направляли на учёбу в центры. В пятнадцать-шестнадцать лет эти пацаны и пацанки уже считались взрослыми, со всеми вытекающими из этого обязанностями. Кстати, все наблюдатели были выпускниками таких центров, не проработав двух лет в таких поселениях, никто из выпускников центров обучения не мог рассчитывать на какую-то другую работу.

Кроме баз и поселений были ещё станции, кордоны и колхозы. Станции располагались в бывших крупных научно-технических и промышленных центрах. Их основной задачей был поиск и спасение научных знаний, библиотек и проведение работ по оценке имеющихся там ресурсов и, по возможности возрождение в какой-то мере, производства. Под этим нами понимается организация в каком-то виде мастерской, оснащённой работающим оборудованием и имеющей возможность

проводить минимально необходимый ремонт техники.

Ничего нового сделать нам не удалось, всё в основном сводилось к описаниям самого места, что там есть, где что можно взять, и где что лежит. Так, найденные металлоконструкции складировались для длительного хранения, металл, пластмасса, остатки автомобилей разбирали и тоже складировали. Компьютерную и прочую технику складировали отдельно, всё фиксировалось, составлялись списки наличного имущества. Конечно, все компьютеры мы собрать не могли, но многое оборудование собирали, надеясь, что удастся воспользоваться им в дальнейшем.

Организовывались местные электростанции, для чего использовались дизельные или газовые генераторы, удовлетворяющие текущую потребность в электроэнергии. То же относилось и к другим материалам. Строились мастерские, обеспечивающие, как минимум, переработку и обработку металла и ремонт существующей техники. Строились газогенераторы, позволяющие получать необходимый синтез-газ. Определялись производства, которые возможно будет развернуть в этих местах.

Все это было своеобразной подготовкой к возможному созданию на этом месте в дальнейшем поселения. В основном занимались описанием и учётом всего, что можно учесть. Хотя возможностей было гораздо больше, чем можно себе представить. Людей не хватало, нас слишком мало, и мы могли очень долго заниматься всякими подготовительными делами. Но мы по мере возможности готовились к будущим проектам, старались не потерять знания и умения, обучали детей и просто выжидали возможности начать возрождение.

За прошедшие годы было несколько различных поисковых экспедиций, но большей частью они носили разведывательный характер. Мы изучали местность, но следов деятельности людей не находили. Может, плохо смотрели, может быть, не там. Но вера в то, что где-то ещё остались живые люди, была. Дальние походы, что мы устраивали, носили чисто целевой характер – попасть в конкретное место и забрать конкретные вещи.

Основным местом нашего обитания стал Крым. Так получилось, что после резкого увеличения численности примкнувших к нам людей нам пришлось изменить свои планы. Все силы были направлены на обеспечение людей продуктами питания, создание приличных по нынешним меркам условий жизни и обучению. Да и время надо было дать всем выжившим привыкнуть к новым условиям, поэтому все замерло в каком-то несколько подвешенном состоянии. Плохое забывалось, новые правила становились нормой, а ничего нового мы делать не пытались.

Основной упор в нашей работе мы делали на биологию, предпочитая получать нужные нам ресурсы с использованием биотехнологий без уродования земли. Использовались и традиционные методы производства, но из вторичных ресурсов. Мы пытались строить цивилизацию, опирающуюся на возобновляемые ресурсы, и старались получить всё, что нам надо, без использования методов разрушения, типа карьеров, шахт, нефтяных скважин.

Правда, приходилось и землю бурить, когда нужна была вода. Жизнь, в любом её проявлении, даже одного дерева, стала для нас одной из основополагающих ценностей после того, как катаклизмом она практически была уничтожена на Земле. Да, мы выращивали те же растения и потом их уничтожали, собирая урожай, но это был естественный природный цикл, когда растение выросло, давало семена и умирало.

Конечно, мы вынуждены были использовать сохранившиеся сырьё, типа нефти, другие минеральные

ресурсы, применять другие материалы, ту же древесину, растения, но старались обходиться без этого, тем более, что выбор вторичных ресурсов был практически неограничен. На таких станциях и оценивались перспективы и возможности использования освоенных нами технологий, происходил поиск новых методов освоения ресурсов.

На кордонах составлялись предварительные оценки текущего состояния окружающей среды и определялись перспективы дальнейшего восстановления и использования территории. Эти кордоны постоянно меняли места своего расположения, и оценивали всё новые и новые территории. Их было немного, хотя нужда в них была преогромная. Жизнь на таких кордонах была, конечно, больше кочевая, но было много желающих жить именно таким образом.

Колхозы занимались выращиванием сельскохозяйственной продукции, хотя были и другого типа, например, по переработке погибших во время катаклизма лесов. Они получали из погибших деревьев древесный уголь, спирт, расчищали территорию и готовили её под посадку садов, травы, сажали леса.

Другие занимались очисткой рек и поддержанием их в пригодном для судоходства состоянии, ремонтом дорог, соединяющих поселения. Хотя их правильнее было бы называть артелями. Но так уж сложилось и прижилось такое название – коллективное хозяйство. Правда, последних было немного, реки пока для нас оставались почти неисследованными, немного вокруг Астрахани разведали, да на Кубани немного.

И постоянно уходили в разведывательные рейды отряды поисковиков-спасателей, занимающихся составлением описаний и картографией районов после катаклизма. Хотя по-настоящему дальних поисковых рейдов мы не проводили. Раньше провели воздушную разведку, никого не нашли и занялись освоением ближайших территорий.

Таким образом, у нас сейчас были организованы следующие поселения: Севастополь, Эритрея, Херсон, Керчь, Таганрог, Краснодар, Астрахань. Херсон, Таганрог, Астрахань являлись базами для продвижения вверх по рекам Днепру, Дону, Волге. Мы, как в древние времена, планировали использовать реки в качестве транспортных артерий. Основные перевозки грузов планировалось осуществлять по рекам, местные перевозки выполнялись автотранспортом.

Люди при местных поездках на небольшие расстояния часто пользовались айбайками, так у нас стали называть автожиры. Для перевозок на дальние расстояния, если не было возможности использовать речной или морской транспорт, использовали автомобили. Первичную разведку местности проводили на лёгких самолётах, для чего устраивали сеть промежуточных ВПП (взлётно-посадочная полоса), используя существовавшие раньше аэродромы или другие подходящие места. Для этого аэродром приводился в состояние, дающее возможность взлёта-посадки лёгких самолётов. Обеспечивался запас ГСМ, ставился радиомаяк, создавался минимальный набор продуктов питания с длительными сроками хранения, имелись места для ночёвки и отдыха экипажа и поисковиков-разведчиков.

Краснодар был у нас основным центром по получению и переработке сельхозпродукции.

Сельхозпродукцию выращивали везде, где только можно, но основное её производство было в Краснодаре. Было организовано и производство мяса. Основатели сумели сохранить нескольких кур и петуха, пчёл. Так что у нас была курятина и мёд. У бывших рабовладельцев в шахтах нашли целую ферму, обеспечивающую элиту дефицитными продуктами, там были свиньи с поросятами и корова.

Так что, сейчас у нас было уже достаточное поголовье свиней и коров. Но количество их было ещё недостаточно для использования в качестве продуктов питания, пока шло просто увеличение поголовья.

Керчь служила базой, паромной переправой между Кубанью и Крымом. Верфи в Керчи запустили, конечно, не так, как было раньше, но кое-какие работы там уже выполнялись, осматривали технику, что-то пытались восстановить и отремонтировать. Все имеющиеся в любых городах судостроительные, судоремонтные мощности постарались восстановить, конечно, не в полном объёме, но уже пытались строить простейшие катера и лодки. Супертанкеры мы строить не могли, но буксиры, как речные, так и морские, речные катера и баржи, уже восстанавливали и ремонтировали.

Основными производствами у нас являлись сельское хозяйство, надо было обеспечить хлебом и мясом всех выживших, судостроение, электротехническая и электронная промышленность. Может быть, это громко сказано, но что есть, то есть, мы действительно пытались строить простые речные суда и баржи. Мы начали делать электромоторы и электрогенераторы, мы начали производство простейших радиокомпонентов и транзисторов.

Основой для производства электротехники и электроники послужили установки, найденные во многих научно-исследовательских институтах, тем более, это производство пока было не массовое, но мы уже умели это делать, и сейчас ставилась задача перехода на массовое производство самых востребованных элементов. Мы не рассчитывали на навороченные электронные изделия, а вернулись к добрым, проверенным временем решениям по изготовлению аппаратуры на дискретных элементах. Самое главное – мы сумели получить технологию создания полупроводников и людей, способных выполнять такую работу.

Естественно, мы постарались собрать и сохранить все найденные электронные компоненты. И даже узлы, платы, блоки, всё старались сохранить. Основными изделиями электротехники были электродвигатели и электрогенераторы. Если находился готовый подходящий двигатель и генератор, то использовался готовый, но часто их приходилось перематывать для обеспечения нужных характеристик под конкретное изделие. Если неоткуда было взять электромотор с нужными характеристиками, приходилось делать самим.

Среди изделий электроники больше всего было изделий регулировки и пуска электродвигателей, зарядки АКБ, блоков питания. Немало делалось преобразователей напряжения, раций и переговорных устройства, систем ретрансляции и усиления радиосигналов. Может быть, они были не самого лучшего качества. Может быть, это было просто радиолюбительство, но уже нашлись люди, которые могли это сделать. И вот это для нас являлось самым главным.

В каждом поселении каждому жителю давался приемопередатчик местной связи, что-то типа простых переговорников, позволяющих связаться с любым жителем поселения, а все поселения были связаны между собой и с базами через центральные станции. Для обеспечения устойчивой связи везде стояли антенны и ретрансляторы сигналов.

Существовало производство айбайков, делали ремонт легких самолётов и вертолётов. Сумели организовать ремонт и восстановление автомобильной техники и тракторов.

Мы во всех поселениях производили переработку отходов и получали биогаз, который использовали в домашнем хозяйстве для бытовых нужд и получения электроэнергии.

Высаживали леса и сады. Часть семян сохранилась у основателей, а часть сумели найти, попав в национальный центр хранения растительных ресурсов. Ну, про это потом. Так что, теперь мы могли выращивать практически любые растения, раньше произраставшие на территории нашей страны. Много сил и времени занимало поддержание рек в судоходном состоянии, приходилось местами углублять русло, или размечать безопасные маршруты. Правда, далеко продвинуться не смогли, просто не было необходимости, но ближние окрестности освоили. При землетрясениях и морозах, а также последующем всеобщем таянии льда и снега все плотины были разрушены, обнажились многие мели и пороги, местами судоходство стало вызывать затруднения, да и сами остатки плотин не способствовали спокойному плаванию. Во многих местах приходилось восстанавливать мосты через овраги и небольшие речки или организовывать паромные переправы и понтонные мосты на более-менее серьёзных реках.

Занимались утилизацией вымерших при катаклизме деревьев. Они перерабатывались либо на древесный уголь, либо из целлюлозы получали биоэтанол для автотранспорта. Некоторое количество целлюлозы уходило на получение биобутанола, но хотя технология была в принципе понятна и опробована, переход на промышленное получение биобутанола никак не давался, требовалось много усилий для постройки такого комплекса, да и с сырьём, целлюлозой, в этих местах были трудности. Кроме того, сама технология пока была не отработана. Пока биобутанол получали на экспериментальных установках. Его хватало на испытания. Но в планах было организовать это производство по мере продвижения на север.

Было производство и биодизеля. В основном он использовался на старых судах с дизельными двигателями и для большегрузных автомобилей и тракторов.

Много людей требовалось для поисково-спасательной службы, сталкеров, как по привычке называли её бойцов. Эта служба представляла собой армию, милицию и все-все-все вооружённые силы.

Несмотря на то, что других выживших на Земле пока не было найдено, такие отряды всё равно формировались в каждом поселении. Все хорошо помнили две попытки нас уничтожить.

Первая попытка была в самом начале, когда мы начали осваивать Севастополь. Нас тогда было здесь мало, но все имели хорошую военную подготовку. Да и техника была подготовленная. Тогда на нас пошли рабовладельцы, собрались из нескольких мест и решили ударить одновременно. Им необходимы были наши запасы продуктов, они уже не в состоянии были обеспечить себя питанием. Хорошо, что их вовремя воздушная разведка засекала, да и камеры наблюдения были установлены на опасных направлениях.

На айбайки, на места для пассажира, поставили пулемёты, посадили туда пулемётчика и с утра, пока бандиты готовились к выходу, подлетели бесшумно и ударили с воздуха. Мясорубка получилось страшная. Сначала никто ничего понять не смог, тишина, покой, солнышко встаёт, тепло, и вдруг с неба начинают бить пулемёты, да не один.

А потом с вертолётки ударили НУРСы. И нет бандитов. Те, кто побежал обратно, не добежали. Всех, кого смогли, с воздуха постреляли снайперы. После этого и побежали люди от бандитов, некому стало их охранять, осталась только охрана самих хозяев. А потом мы и их добились. Тогда многих удалось спасти. И к нам присоединилось много новых людей. Бывших рабов.

И у кого-то из них зародилась мысль стать новыми хозяевами. Для этого надо было только убить своих освободителей, захватить их имущество и начать править. Только не учли, что среди

основателей были отличные специалисты, которые уже были готовы к такому развитию событий. И приняли меры. Ввели видеонаблюдение и прослушивание в наиболее удобных, с точки зрения организации заговора, местах.

А потом был проведён упреждающий захват зачинщиков на их очередном сборище, проведено экстренное потрошение, так это называлось, и все участники заговора были захвачены и уничтожены при общем присутствии. После этого ни у кого не возникло даже тени мысли о действиях против нас. И тогда была введена в действие система поселений и наблюдателей. И это была вторая попытка уничтожить нас.

А остальные предпочли нас не трогать и торговать, а не воевать. Это относилось к сочинской группировке. Были такие, выжившие в районе Сочи. Они не стали начинать вооружённую борьбу, а предпочли провести переговоры и договориться о мирном сосуществовании. Мы не лезем к ним, они не лезут к нам. Это их территория, это наша территория.

Правда, это продолжалось недолго, люди стали бежать оттуда к нам, и через пять лет всё это сообщество благополучно перекочевало к нам, к более сытой жизни, забыв о своей свободе и независимости. Они стали обычными жителями нашего общества. Осталась какая-то малая часть бывших лидеров, несогласных на переезд, но они жили по каким-то своим правилам и законам и нам не мешали.

Вот после этого мы смогли немного вздохнуть, но не ослабить свою готовность. Так с тех пор и пошло. Были отряды сталкеров в постоянной боевой готовности, и раз в полгода проходили недельные военные сборы все остальные, где осваивали и подтверждали навыки владения оружием и выживания. А на сталкеров, кроме охранных задач, возложили задачи разведки, исследования новых мест, дальних походов и поддержания внутреннего порядка. Чтобы не расслаблялись.

И вот именно тогда, после состоявшихся договорённостей, и был совершён поход на Кубань. Целью похода было проверить, что осталось от опытной станции института растениеводства, где и было национальное хранилище мировых растительных ресурсов. Хранилище частично уцелело, и нам удалось найти сохранившиеся семена многих растений. После того, как они прижились на опытных участках, и началось планомерное восстановление лесов и лугов.

Что-то я отвлёкся. Жизнь у нас простая, без всяких изысков. Как сказал один из основателей, живём, как во время первых пятилеток. Работа, барак, спать, работа. Не совсем так, но не очень далеко от истины. Работа и учёба действительно занимают большую часть времени. Но есть время и на развлечения, например, работают видеозалы, в основном в вечернее время, где можно посмотреть видеофильмы. Работают библиотеки и музыкальные салоны. Можно, конечно, завести это у себя дома, и кто очень хотел, так и делал, но молодые в основном предпочитают проводить время вместе. Мы старались не потерять ничего из того уровня жизни, что был достигнут до катаклизма. Каждому обеспечивали отдельное жильё со всеми удобствами, вода, отопление, энергия. Дома были в основном индивидуальные, редко на несколько семей. Каждый имел возможность выбора, чем заниматься и где жить, насколько это возможно в сложившихся условиях. Для маленьких детей были садики и ясли.

Вот так мы и жили.

Глава 3

01.05.28

Совет координаторов

— Привет, Сталкер, — сказал вошедший, закрывая за собой дверь.

— Привет, Умник, — ответил Виктор.

Это была сложившаяся практика, называть друг друга по позывным. Все постоянно общались по радиосвязи, и невольно большинство начинало пользоваться позывными при обычном разговоре. Первым подошёл на совет координаторов Умник, Николай, он был координатором по науке, технике, образованию. В его обязанность входило отслеживание общего состояния нашей науки. Он же со своими помощниками должен был определить необходимые для нас направления развития техники, подготовить и скорректировать программы обучения. В его задачу входит поиск и привлечение талантливых и одарённых людей к работе на этих направлениях.

Всего в совете было семь человек, остальные должны были подойти тоже, пока было ещё рано. В совет входили:

Виктор, позывной Сталкер, ответственный за новые территории, разведку, безопасность, общие вопросы и координацию всех работ. Председатель Совета Координаторов.

Николай, позывной Умник, координатор по научным вопросам, образованию, новым технологиям.

Инга, позывной Цветик, ответственный координатор по вопросам биологии и всему, что имело к ней отношение, медицине.

Сашок, позывной Шатун, ответственный координатор по транспорту, воздушному, водному, наземному, его ремонту и обслуживанию, транспортной инфраструктуре.

Михаил, позывной Тех, координатор по электронике, электротехнике, связи, энергетике, общим вопросам техники транспорта.

Ольга, позывной Истра, координатор по вопросам истории, психологии, общественным отношениям, культуре и социологии.

Василий, позывной Кулак, координатор по сельскому хозяйству, продуктам питания и их переработке, вопросам обеспечения продовольствием. Ему же приходилось обеспечивать совместную работу всех производств, связанных с получением и переработкой продуктов питания.

Ну вот, все подошли, можно начинать.

— Коллеги, — начал Виктор. — Раньше я выполнял функции координатора нашего совета и на этот пост я был, как вы знаете, назначен нашими основателями, когда они были ещё живы. Сейчас последний из них умер. И так как подошло время нашего ежемесячного совета, я хотел бы вне намеченной повестки обсуждения поставить вопрос о выборе нового координатора или подтверждения моих полномочий.

— А что тебя беспокоит? Или что-то не так? — спросила Истра.

— Ничего не беспокоит, — ответил я. Просто ситуация изменилась, и может быть, надо принимать какие-то новые действия, а у вас есть по этому поводу свои соображения.

— Ситуация, конечно, изменилась, но не принципиально, — вступил в разговор Умник. В работе нашего совета последний основатель принимал участие в основном как советник с учётом всего, что он знал, да и то нерегулярно. Все решения мы принимали сами. Сейчас из нас ты самый опытный и старший, не обижайся на это слово. Если нам по тридцать пять, то тебе уже под пятьдесят. Я прав?

— Да.

— Ты на этом посту не один год и знаешь всё наше хозяйство, все наши проблемы отлично. Так что

я не вижу причин на изменение состава совета.

— А может, он хочет уйти? — спросил Кулак.

— Если надо, то могу и уйти, с автоматом бегать могу, да и есть места, куда ещё можно отправиться на разведку. Дело не в том, чего я хочу. Дело в том, как будет лучше.

— А если дело касается пользы, то не занимайся ерундой и самокопанием, и давай работать дальше, — закончила обсуждение Истра. Все за это?

— Да.

— Ну, так тому и быть, — продолжил Виктор. И раз у нас не совсем обычный совет, я бы хотел и провести его несколько необычно. Вернее, я бы хотел подвести промежуточный итог этих прошедших лет и с вашей помощью наметить, что будем делать дальше. Пока только озвучу свои мысли по этому поводу, если решите, что они стоят того, чтобы над ними работать, будем работать над ними дальше. Поехали.

— Василий, как я понимаю, с продуктами у нас всё в порядке?

— Да, всё в порядке. Текущих запасов хватит на два года, и есть ещё небольшой запас на длительном хранении. Как я говорил в прошлый раз, мы сумели заложить часть продуктов на длительное хранение. Это мука, крупы, консервы из птицы.

— Хранилища, насколько я помню, в бывших рабских шахтах устроили?

— Да, там на глубине температура подходящая, правда, атмосфера там тяжёлая, многие там не могут находиться, слишком сильные воспоминания связаны с этими местами, но пока здесь нет лучшего места.

— И ещё, у нас ассортимент не маловат? Витамины там, фрукты, овощи.

— Пока никто не жаловался на однообразие. Во всех столовых нет такого, чтобы одним и тем же постоянно кормили. У Цветика за этим надзор.

— Да, за этим следим строго. И регулярные медосмотры проводим, и пока не выявили никаких патологий.

— Хорошо, но это только вступление. Я понимаю так, что сейчас мы находимся на этапе завершения выживания. Мы смогли спасти всех, кто был рядом. Я уверен, что найдутся ещё люди. И в Европе, там тоже было немало шахт, и в Сибири, да и ещё много мест, где люди смогли бы выжить. Мы спасли только тех, кто был рядом. А далеко мы ещё и не забирались. Пока только осмотрели свои окрестности. Не до этого было.

Но сейчас мы создали устойчивое общество, и многие уже приняли наши принципы. Это сейчас для нас, выживших, самая главная ценность. Есть общество. Его надо укреплять. Надо, чтобы люди верили в успех всех своих усилий, надо дать им веру в будущее. Но и о трудностях забывать нельзя. Надо начинать культивировать у людей эту веру. Надо дать им что-то ещё, кроме тяжёлой и бесконечной работы.

Люди должны знать, ради чего всё это. Они, конечно, знают, чего мы хотим, но знания имеют способность теряться и забываться, если их не повторять. Ольга, это, скорее всего, к тебе. Нужно начинать писать книги о том, что было, о подвиге основателей и сотен других выживших. Ничего нельзя забывать. Пусть это будет и тяжело, но про рабство тоже нельзя забыть.

Надо помнить, чем может закончиться наша неудача. Сделать радиоспектакли по этим темам.

Начинать издавать газету. Может быть, снять фильм. Или театр устроить, конечно, не только с

тематикой катаклизма, а нормальный обычный театр. Единственной целью всего этого должно быть укрепление духа и веры в правоту всего происходящего.

— Я не совсем с этим согласен, — перебил Умник. Ещё классики сказали, материя первична, сознание вторично. Надо создать людям хорошие жизненные условия, и всё будет в порядке.

— Это мы уже проходили. Историю хорошо учил? Вспомни Великую Отечественную, вспомни Отечественную двенадцатого года. Не было никакого изобилия и жизненных условий. Но была вера в правоту своего дела. Была вера в свой народ, и была защита своей страны, итогом всего этого была победа. И вспомни пиндосов. Было море жратвы, было всё, но не у всех. И как их любили во всём мире? Хотя ты этого не застал. А я помню, хоть и не очень хорошо, но помню отношение людей к этому. Истра, а ты чего молчишь?

— Ты прав, Сталкер. Упустили мы этот момент, увлеклись созданием жизненных благ ремонтом железа. Но без благ нельзя. Ведь было время, когда была только идеология и больше ничего. Жрать народу было нечего, зато все учили и говорили о великой любви к своему режиму.

— А я и не призываю вас отказаться от жизненных благ. И не призываю вас уменьшить усилия и затраты на их улучшение. Если это случится, я первым буду разбираться с виновником. И мало ему не покажется. Но это не должно стать самоцелью. Нужно и о духовном думать. Но и тут нельзя перегибать палку. А то опять появятся всякие говоруны и пустобрёхи, умеющие только воздух сотрясать и лезть в первые ряды за наградой.

При любом раскладе никакой актёр, певец, скоморох не может быть лучше и выше по статусу обычного работяги. Шуты и скоморохи всегда только развлекали рабочих людей и кормились от того, что те им давали. Это должно быть также заложено в основу всего этого. Писатели, поэты, актёры должны пользоваться уважением, но не должны быть божками и идолами.

Короче, Истра, нужно начинать очень серьёзно заниматься духовным воспитанием наших людей и нацеливать их на новую идею – создание планетарной цивилизации. Что для этого нужно – будем всем миром думать и делать. Книжки, газеты, журналы, фильмы. Нужно писать историю катаклизма? Будем писать историю!

А то страдают над унесёнными ветром, причём это чужой фильм. Та же "Калина красная" на мой взгляд, гораздо лучше. Нет, знать историю надо, но в первую очередь надо знать историю своего народа, какой бы она ни была грязной и кровавой и как бы тебе не нравилась. Наши предки были не глупее нас, и только идиот может считать себя самым умным и всегда правым. Критиковать могут все, а вот создавать – мало кто. Вы полюбите нас черненькими, а беленькими и пушистыми нас всякий любить будет. Вот всем этим, что я сказал, тебе, Истра, и придётся заниматься.

Это, так сказать, внутренние проблемы. Есть и внешние. Истра, опять тебя спрошу. Любая империя в истории, любое общество развивалось, если расширялись его границы. Когда это прекращалось, империя, общество загнивали и умирали. Так?

— Не совсем так, это очень упрощённый взгляд. Общество может самосовершенствоваться и без увеличения своей территории.

— Может быть и упрощённый, вполне допускаю развитие и без увеличения территории. Но что-то всегда должно увеличиваться. Территория, знания. Если этого нет, то итог один – остановка в развитии. А мы сейчас тоже встали у этого порога. Зациклились на своих уже устроенных поселениях и успокоились. И техника, и производство встало. Как научились крохам умения старого

мира, так и успокоились. В каменный век не скатимся. И думаем, это хорошо.

Раньше цели ставило государство, пусть и страшные, но были цели. Пусть они были неправильные, но они для всех были своеобразными маяками. Создать атомную бомбу, победить врагов, полететь в космос, построить новую дорогу и т. д. Если есть цель, есть движение, а движение это жизнь. Пусть не для всех это подходит, но для них найдутся другие цели. Написать новую книгу, построить новую машину, возвести новый посёлок.

— А тут ты, Сталкер, совсем неправ, — дуэтом встряли в разговор Умник и Цветик. Мы много работаем и готовы к внедрению новых технологий и умений.

— Ну, молодцы, раз готовы. Только вот эта фраза – мы много работали, меня беспокоит. Кто работает, тот никогда не говорит, мы много работали. Он просто работает. Без разговоров, и показывает результат. Нет, я понимаю, что за это время много сделано. Подготовлены люди, обучены специалисты, освоены некоторые технологии. А дальше? Мы говорим, что строим новую цивилизацию. А в чём эта стройка выражается?

Те изделия, технологии, что есть, всё от основателей. Айбайк, спирт из целлюлозы, биогаз, биобутанол, радиосвязь. А дальше? Что делаем дальше, кроме текущих вопросов и проблем? Завтра не будет станков. И что? Всё закончилось? Где работы по созданию хотя бы старых, довоенных станков своего производства? А ведь это невообразимо сложная проблема, тянущая за собой ещё неведомо сколько проблем.

Сколько руин от городов на земле? Много. Где работы по их зачистке, использованию ресурсов от руин. Самолёты ещё летают. А через десять лет на чём летать будем? Катера плавают, а через десять лет они плавать будут? А через двадцать? И где производство новых машин? Хотя бы типа довоенных грузовиков, чтобы можно было заменить то, что уже не сможет ездить никогда. Потому что сгниёт.

И на новые территории уже почти не ходим. А зачем? Мы и так знаем, что там есть. В своё время говорили, что надо найти замену нефти, нашли, и еле-еле обеспечиваем мизерный существующий парк автомобилей. А хотели строить дирижабли, летать и плавать по всему миру. Я понимаю, что народа нет. А те казаки и первопроходцы, что открывали и осваивали Сибирь, они что, были лишними в обычной жизни и им делать было нечего?

Нет, они шли в новые земли и основывали там остроги, потому что считали это своим долгом. А потом туда приходили новые люди. А мы чем хуже? Вот я и хочу, чтобы мы начали готовить промышленную базу и основу для развития будущей планетной цивилизации. И устранили эти пятна прошлого, руины, с поверхности земли. Чтобы были нормальные производственные мощности, которые могут выпускать хоть простую, но свою технику и оборудование. Чтобы не остаться у разбитого корыта через десять лет и не загубить всё, что нам оставили и доверили основатели.

Так что, товарищи координаторы, прошу вас подумать над тем, что я сказал, и давайте через две недели, пятнадцатого числа, соберёмся здесь и обсудим предложения каждого по перспективным планам развития каждого направления. Вопросы есть? Я рад, что вы все меня правильно поняли.

Глава 4

14.05.28

Виктор, позывной Сталкер

Две недели до следующего совета координаторов я провёл в попытках осмысления реорганизации

сталкеров под новые задачи, которые сам же и озвучил. Надо значительно расширить зону действия разведки, пора выходить из Крыма и начинать осваивать новые территории. Пусть сталкеров пока мало, но кто сказал, что и этими силами нельзя ничего сделать. Интересными для нас я считал несколько направлений.

Это вся территория России, в первую очередь её европейская часть. Не должно быть неподконтрольных территорий. Хотя мы там сейчас и не живём, но наблюдать за территориями должны. Это наша земля, мы просто обязаны там присутствовать. И неважно, что там сейчас нет живых, вернее, мы не знаем про живых. Везде надо всё держать под контролем, мало ли какие изменения могут начаться.

Тем более, что есть определённый контингент людей, несогласный жить в образующемся обществе. После всего произошедшего такие люди предпочитают одиночество. Вот и предоставим им такую возможность. Будем организовывать новые станции наблюдения и по согласию направлять туда смотрителей. Обеспечим их всем, продуктами, оружием, связью, техникой, ГСМ.

Будем периодически их навещать и доставлять новые запасы и снаряжение. А они будут заниматься картографией и описанием местности, восстановлением растительности, может быть, каким-нибудь кустарным промыслом. После катаклизма рельеф ведь сильно изменился. Многие реки проложили себе новые русла, образовались новые озёра и болота, дороги разрушились, всё нужно было восстанавливать. Так что работы предстояло много.

Интересовала меня и Европа. Было много мест, в которых могли выжить люди. На Балканах много пещер, в Германии много шахт, да и не знаю я всех мест, где могли быть выжившие. На сегодня мы провели воздушную разведку и больше туда не совались. Хватало забот об обеспечении выживания своих людей, снабжения их пропитанием, обучением, восстановлением технологий. А теперь пришла пора посмотреть на эти земли поближе. Может быть, мы что-то и упустили.

А чтобы всё это реализовать, надо было менять задачи и организационную структуру сталкеров.

Сейчас сталкеры работали пятёрками, и основной задачей их стало обеспечение безопасности поселений. Пора создавать мобильные отряды. В них должны были входить экипаж разведывательного самолёта, две двойки наземных поисковиков и ещё экипаж айбайка. Или вместо самолёта использовать катер, если разведка проходила по водному маршруту.

Такая авиационная группа могла попасть в любое место, в крайнем случае, можно было сбросить парашютный десант, и уже десант должен был подготовить ВПП. А после того, как создана ВПП, создавался опорный пункт, ставилась антенна радиосвязи, и оборудовалось место для проживания десятка поисковиков. Авиация забрасывала сюда необходимое оборудование, запасы, и после того, как исследование района завершалось, база консервировалась, но была готова к повторному использованию.

Такие опорные пункты должны были создаваться на расстоянии не более половины дальности полёта самолёта и должны были обеспечить возможность попасть куда угодно по всей исследованной территории на достаточно лёгкой технике. В принципе, это уже была отработанная нами тактика изучения неосвоенных территорий, но это были разовые операции, а сейчас настало время масштабного проведения подобных операций

Обсуждение новой методики я начал с Сашком, отвечающим за транспорт, и так сформулировал ему свою задачу.

— Сашок, вот представь себе группу, десять человек. Забросить их надо в самые разные места. Или по реке, или по бездорожью, или по воздуху. С ними снаряжение, оружие, продукты, транспорт и ГСМ. Какое снаряжение? Пара квадров для наземной разведки или тяжёлый мотоцикл, один айбайк, пара бензогенераторов, пара разборных антенн для дальней связи, топливо, для начала, как минимум, бочка. Продукты, не меньше чем на неделю, оружие, патроны.

Потом придётся делать ещё несколько заходов, привезти дополнительно запас продуктов, ГСМ, какое-то дополнительное снаряжение, бензопилы, надувные лодки, инструмент. Хотя часть этого, может быть, надо забросить сразу. Здесь ещё надо подумать, мы будем это с другими сталкерами обсуждать. Я прикидываю, что где-то тонну груза надо брать. Да, ещё парашюты. Вот такая группа и такой груз.

Если можно самолётом, за один раз, то хорошо. Есть такой самолёт? Насколько знаю, кукурузник возьмёт половину людей и половину груза. Если делать новый самолёт, то это минимальные требования к такому аппарату. Если будет кукурузник, то придётся рассчитывать на другую методику заброса группы. Давай обсуждать. Я понимаю, что проектировать и запускать производство нового самолёта – задача суперсложная, причём она должна быть увязана с более масштабными задачами.

Я думаю, что таких самолётов понадобится не менее десяти. Эти самолёты могут быть задействованы и для других наших задач. Для обеспечения и снабжения новых баз наблюдения. Или у тебя есть на примете существующие самолёты, и они смогут ещё проработать лет десять. Тогда мы будем рассматривать такой вариант как основной. А за это время мы подготовим производство нового самолёта. Или судя по твоему хитрому виду, это будет что-то другое?

— Сталкер, я понял, что ты хочешь от самолёта. Но пока я не готов дать тебе обоснованный ответ, а зря сотрясать воздух не хочу. Единственное что скажу, у меня найдётся на примете десяток кукурузников, и они пролетают ещё лет десять, не меньше. Подробности обсудим на совете, тогда я буду готов дать обоснованный план действий.

— Хорошо, я тебя понял по самолёту. Рассчитываю на кукурузу. Исходя из этого, буду и планировать действия группы. Теперь давай обсудим другие дороги и транспорт.

— А что другие дороги?

— А реки. Для реки нужен тоже новый катер. То, что у нас есть, не подходит. Есть прогулочные, разъездные, туристические катера. А нужно совсем другое.

— А что другое?

— Нужен катер достаточно вместительный, чтобы взял примерно такую группу, что я описал, и её снаряжение. А лучше ещё больше, река не небо, везти можно больше. И катер должен быть проходимый и манёвренный. Без угрозы поломки винта на топляках и мелях, забираться ему придётся неизвестно куда. Может быть, и по ручьям.

Мне кажется, это должен быть водомётный катер, с очень хорошим запасом мощности, с хорошим дополнительным оборудованием, например, краном или лебёдкой, крупнокалиберным пулемётом, И если сам не сможет двигаться по земле, должна быть предусмотрена возможность его перемещения на какой-то вспомогательной тележке по земле. Или затор, завал на реке по земле обойти, или через волок на другую реку перебраться. И связь, естественно, должна быть на дальние расстояния. Задачи перед группой ты представляешь. Разведка неизвестной местности. И что там может потребоваться в

дороге, должен предположить сам.

— С этим понятно. Примерно так я думал.

— Теперь машины. Всё то же самое, только наоборот. По земле должны пройти в любом месте, без дорог, перевезти группу, груз, снаряжение. Должны реку переплыть. Любую, в любом месте. Груз должны доставить в любое место.

Вот такие задачи у меня по разведке. Я не касаюсь текущей хозяйственной деятельности. Здесь ты сам разберёшься. Все задачи сам себе поставишь, и доложишь о выполнении. Пока, Шатун.

Примерно в таком же ключе состоялся разговор и с Техом. Его я озадачил комплектом оборудования для разведки: тюнер для дальней связи; антенна, две штуки; приводной радиомаяк. С минимальным весом, габаритами и энергопотреблением, максимальной автономностью и с максимальной дальностью. Да, и ещё это должен быть ретранслятор, обеспечивающий максимально возможную связь внутри группы.

Остальное время вместе с другими сталкерами посвятили определению возможных направлений разведки, определили первоочередные места для опорных баз, установили порядок создания баз и перечень снаряжения для заброски. Подготовили предварительные списки сталкеров для участия в разведывательных операциях.

Определили состав группы, постарались включить как можно больше специалистов в самых разных областях. Сталкеры ведь не только бегают и стреляют. Не забыли сделать памятку, на что надо обращать внимание, на что в первую очередь надо смотреть, и что искать. Короче, начали организационную подготовку к проведению дальней разведки.

Вспомнил и рассказал про наш первый дальний рейс, в самом начале нашего переселения в Севастополь. Мы тогда отправились в Пушино, вывозить оборудование, книги, образцы для работы биологической лаборатории. Пошли колонной. БТР, УАЗ, три КАМАЗа фургоны, КАМАЗ со снаряжением для колонны, КАМАЗ-бытовка, КАМАЗ-холодильник, наливняк с соляровкой, автокран. Очень много задействовали народа. Даже опасения были, а стоит ли так ослаблять базу?

Но наука – наше всё, и поэтому мы поехали. Самое главное было найти мосты и переправу через реки. Но нашли. Хорошо, предварительно авиаразведку провели по маршруту, да и айбайк был с собой. Где вброд, где в объезд, где пришлось мосты ремонтировать, где понтоны искали, где вплавь, но нашли дорогу. Помогло еще то, что машину предварительно отправили на разведку дороги. Она и подсказала, где можно проехать.

Из Пушино тогда много чего вывезли. Книжки, оборудование, образцы, препараты. Потом, правда, пришлось ещё раз туда такую же колонну гнать, но науке виднее. А мы что? Нам сказали, мы и поехали.

Были встречи и с другими координаторами по обсуждению ситуации, но все они проходили в таком же духе, так что всё обсуждение должно было состояться на совете.

Глава 5

15.05.28

Совет координаторов

— Здравствуйте товарищи координаторы, — произнёс Виктор, входя в зал совещаний.

Зал был небольшой, в нем располагался десяток составленных вместе обычных столов, образуя своеобразный единый стол. Каждый из координаторов пользовался своим ноутбуком, подключив его

к сети питания, проведённой к месту каждого участника совещаний.

— Сегодня мы, как и договаривались, должны совместно обсудить наши дальнейшие действия. Начну с себя и изложу своё видение по изменению структуры и решаемых задач сталкерами. Затем хотелось бы обсудить мнения по реорганизации общества, это нам должна сообщить свои соображения Истра, ну и затем, в свете всего изложенного, обсудим предложения по всем остальным направлениям. Если возражений нет, то позвольте мне начать.

Я считаю, что необходимо ввести военизированную структуру этой службы, пусть она будет называться не сталкеры, а как-то по-другому. Слово сталкер подразумевает какой-то запредельный экстрим. А нам этого не надо. Надо спокойной и мирной жизни. Пусть будет, например, служба спасения. Организация этой службы подразумевается в виде бригады спасения. Структура – армейская бригада.

В составе бригады будет несколько подразделений, как они будут называться, не принципиально – рота, батальон, полк. Как минимум, должна быть служба патрульно-постовая, осуществляющая контроль и обеспечение порядка на наших базах и поселениях. Должна быть служба мобильной помощи – любой, медицинской, технической, помощи в экстремальной ситуации. Ногу сломал, придавило рухнувшими обломками здания, заблудился, да мало ли что может случиться в жизни. Отправив вызов о помощи, каждый вправе её получить. Должна быть служба разведки.

Её задача – разведка, картография и описание новых для нас мест. Подчёркиваю, все места, где мы ещё не поселились, для нас новые. Слишком много изменений в рельефе местности, природе прошло после катаклизма, и все старые карты надо уточнять. И предлагаю ввести новую службу – смотрителей. Для этой службы предлагаю использовать тех, кто не может или не хочет жить в нашем обществе, кто желает одиночества и уединения. Это будут как бы нештатные сотрудники, по сути обычные люди, работающие в составе службы на отдаленных местах.

Мы будем организовывать на новых местах что-то типа кордонов, или хуторов, где будут жить добровольцы, и они будут осуществлять наблюдение на подконтрольной территории. Естественно, им будет предоставлено всё, что необходимо для нормальной жизни – техника, связь, материальная поддержка, снабжение, ГСМ, короче всё, что нужно.

К ним будут периодически прибывать транспорты снабжения. Когда эти смотрители решат вернуться в общество, им сразу же будет предоставлена такая возможность. Если мне будет поручение от совета, то подготовлю развёрнутый план действий и структуру бригады. Думаю, что все, кто оканчивает наши центры обучения и подготовки, должны пройти через эту бригаду, это будет что-то типа воинской службы. И после определённого срока службы в бригаде человек может получить самые разные льготы и перспективную работу. Служба в бригаде будет подразумевать за время ее несения обязательное углубленное изучение одной или нескольких технических дисциплин. Или гуманитарных.

Отдельно хотел бы изложить своё видение проведения разведки. Разведку предлагаю начать с двух мест. Средняя Волга и Урал. На средней Волге были самые большие и малодоступные леса в средней полосе. Там, скорее всего, нет выживших, но там должно быть много леса, и мы сможем запустить производство биобутанола и обеспечить себя топливом. И начать восстанавливать леса. А реки – Волга, Ока, Сура, Ветлуга, Кама дадут дорогу для освоения этих мест и многих других окружающих территорий.

Урал есть Урал. Там есть всё, и там как раз могут быть выжившие, есть шахты, множество пещер, есть топливо. Давно мы вынашивали планы попасть в те места, да всё как-то не получалось. А теперь вроде бы появляется возможность, вот только как бы уже поздно не было.

И для реализации этих планов я хотел бы оснастить бригаду соответствующей техникой. Я уже обговаривал эти вопросы с Шатуном и Техом, но вкратце повторю для других. Легкие самолёты типа кукурузника, а лучше что-нибудь более грузоподъёмное и такое же непривередливое к ВПП. Новые катера, с возможностью движения по мелководью. И нужны автомобили, лучше всего вездеходы-амфибии.

Вот вкратце то, что я хотел доложить совету по реорганизации службы сталкеров. Повторюсь, Если будет поручение совета о подобной реорганизации, будет представлен подробный детальный план действий. Хотя не открою тайны, он уже делается. Под изменённые задачи и структуру.

Ваше молчание можно считать согласием? Тогда я приступаю к подробной проработке новых планов. А дальше пусть продолжит Истра.

— И продолжу. Сталкер в прошлый раз очень вовремя обратил внимание на нашу промашку. Мы всё жили временами освобождения и выживания, а ситуация уже совсем другая, и сейчас самое время её изменить. Нам надо не выживать, а просто жить и развиваться. В этом принципиальная разница. Нам пора думать о построении настоящего общества, со всеми его атрибутами и правилами.

— Извини, Истра, — перебил её Виктор. Все эти атрибуты и правила мы установим сами, нам не всё может подойти, что было раньше, и что ты вычитала в умных книгах. Я просто хотел сказать, что это будет новое общество, хотя нет ничего нового, всё в этом мире уже было где-то и когда-то. Ещё раз извини, больше перебивать не буду.

— Продолжу. А раз мы собираемся жить, то нам и нужно в первую очередь обеспечить всё необходимое для нормальной жизни. Условия жизни, правила работы и отдыха, всё, что сопровождает такую нормальную жизнь. Развлечения, культура, наука, образование. Закон и порядок. Но это получается не самое главное. Это, так сказать, сопутствующие факторы. Самое главное – какое общество будем строить? Какую идеологию будем закладывать для этого общества? А что тут думать? — перебил Истру Умник. Как написано во многих книгах, показано в фильмах, раньше все боролись за демократию. И самыми сильными были именно демократические государства. Так что, надо строить демократическое общество.

— И почему ты не ходишь строем, раз такой умный? — спросил Виктор. Разбираешься в своих интегралах и производных, вот и разбирайся дальше. Я, конечно, мал ещё был, когда жил до катаклизма, но зато хорошо помню все споры основателей по этому поводу. Зло или добро эта демократия?

Одно из самых грязных ругательств у них было демократ. Я не могу сказать, что я многое знаю в этой области, но я хорошо слушал, задавал много вопросов и получал ясные и обоснованные ответы с кучей жизненных примеров. Поэтому могу сказать, что сломать можно всё, что угодно, а вот построить что-то удаётся не всегда. Поэтому моё мнение – ничего не надо ломать, надо внести необходимые изменения в нашу жизнь, чтобы сделать её лучше.

А как это будет называться – демократия, республика, монархия, это дело десятое. Главное, чтобы жизнь была спокойной, чтобы не дрожать от ужаса при наступлении нового дня и знать, что всегда найдется тот, кто сможет тебе помочь. И всегда будет, что съесть. Ещё раз извини, Истра, но такую

глупость я не мог оставить без ответа.

— Да, я сама хотела предложить что-то похожее. Не надо искать какие-то рецепты в книгах. У нас сложился определённый образ жизни. Как говорится, лучшее враг хорошего. Надо принять меры, которые сделают жизнь сейчас ещё лучше.

Для этого в первую очередь предлагаю нормировать работу. Раньше было пять рабочих дней по восемь часов в день и два выходных. Вернёмся к этому?

— Я буду против, — сразу ответил Тех. Мы и так не успеваем сделать всё, что требуется. А если ввести такие изменения, то можно похоронить все планы.

— Да, Истра, — подключился Виктор, — по-моему, это уже слишком. Не подумай, что я за возврат рабства или установление жёсткой эксплуатации людей. Но Тех прав. Ещё не время отдыхать.

Согласно всем наблюдениям, сегодня обычный рабочий день составляет одиннадцать – двенадцать часов. Не меньше.

Вот это можно узаконить. Не ужесточать, а принять за норму то, что есть сегодня. И ввести шестидневную рабочую неделю, пусть один день будет выходной. А также смотреть, когда можно будет уменьшить продолжительность рабочего дня. С этим я согласен. Причём не обязательный выходной, а возможный. Если человек хочет отдыхать, пусть отдыхает, если хочет и может работать, пусть работает. Это будет его решение. Но если работать, то как обычный рабочий день, без всяких скидок на возможный выходной.

Ещё раз хочу подчеркнуть – это не установление какого-то казарменного режима. Должны быть какие-то сокращённые дни, должны быть отпуска, должно быть личное время, но все силы мы должны сейчас прикладывать к тому, чтобы выполнить поставленную перед собой задачу – мы должны не просто строить новое общество, мы должны дать ему толчок для развития и совершенствования. Будут несогласные, будут другие мнения, но по отношению к этим людям не надо принимать какие-то силовые меры. Самый простой вариант – выселки, живи отдельно так, как ты хочешь, работай сколько хочешь, как потопаешь, так и полопаешь.

В дальнейшем, по мере появления возможностей, при сокращении нагрузки, установившиеся нормы надо будет уменьшать. Да и при появлении возможностей для свободного времяпровождения тоже, как бы ни хотелось кому-то отчитаться о перевыполнении задач. Наша задача – не получение сверхприбылей, а восстановление нормальной жизни, что мы видим в фильмах, для всех людей.

Но и излишние свободы здесь недопустимы. У нас централизованное общество, и все, когда в него вливались, с этим соглашались и принимали на себя обязательство работать над реализацией совместно принятых решений. Поэтому одним из этапов после принятия программы надо будет провести общее обсуждение и утверждение целей и задач.

— Я согласен с таким вариантом, — это Шатун высказал своё мнение.

— И я, и я, — присоединились Умник и Цветик.

— Хорошо, поправка принимается, — согласилась Истра. — Продолжу. А раз мы ввели нормированный рабочий день, то надо дать людям и всё остальное. Заработную плату и возможность провести выходной по своему выбору. Как минимум, обеспечить этот выбор. Стадион, соревнования, театр, кино, магазин, ресторан.

— С тобой всё ясно, Истра, — перебил её Виктор. Ты, не желая думать, просто берёшь и перечисляешь всё, что было до катаклизма. Но это неправильно. Я так считаю. Ты опять считаешь

себя самой умной и заранее знаешь за всех, как для них будет лучше. Я ещё раз повторю, это неправильно. Ты уже для всех всё решила – стадион, театр, ресторан. Ну, может быть, ещё что-то найдётся. То, что ты сейчас делаешь, это скрытая форма рабства. Ты сама для всех всё определила – вот вам кино, вино, домино, и будьте довольны, А что вам надо будет ещё, я вам скажу потом. Я много времени провёл с основателями. И хорошо усвоил их методику работы. Она проста. Сначала ставится задача, и эта задача принимается или не принимается общим обсуждением. Потом идет поиск методов и способов решения этой задачи, определяются имеющиеся возможности, и если их нет, решается, что нужно сделать, чтобы эти возможности появились.

При выполнении всех этих работ появляется ещё масса других вопросов, но все они уже второстепенные. Главные задачи уже определены. И никто ни за кого не принимает решения. Решения принимает каждый сам. Если не согласен с предлагаемым решением, переубеди других. Не смог переубедить, работай так, как решили все остальные. И работай изо всех сил, без скидок на своё несогласие.

Высказываясь в прошлый раз, я подразумевал совсем не то, что слышу сейчас. Во-первых, мы должны подтвердить для себя, и все остальные люди также должны подтвердить нашу основную задачу. А она была поставлена ещё основателями – возродить нашу планету, нашу Землю. И, во-вторых, возродить человеческую цивилизацию. Но не ту, которая была раньше и которая занималась уничтожением породивших её людей и самой Земли, а построить цивилизацию нового типа.

Цивилизацию, основанную не на разграблении и уничтожении Земли, а на тех возможностях и возобновляемых ресурсах, что даёт сама Земля. И на других принципах человеческого общества. Они уже были внедрены и реализованы на самых первых этапах выживания основателей. Ещё батя говорил, не знаю, как назвать, то, что у нас получилось, то ли коммуна, то ли семья, род, племя, но все выжившие были едины в достижении поставленной цели и видели смысл всех своих действий в благополучии и выживании всех своих близких и единомышленников.

И поэтому я думаю, что для выполнения этих, первоначальных задач, надо начинать целенаправленную работу. Для этого считаю необходимым следующее. Во-первых, надо узаконить и нормализовать то, чего мы уже достигли. Это должны быть минимальные условия, на которые может рассчитывать любой человек, попадающий в наше общество. Общество должно заботиться о человеке. И если для кого-то это ещё не выполнено, выполнить в кратчайшие сроки.

Это благоустроенное отдельное жилище, гарантированное питание, транспорт, связь, образование для самого человека и его детей. Естественно, это всё не так просто. Человек должен пройти через испытательный срок и подтвердить, что он действительно человек, а не мразь, убийца и подонок. И за эти блага человек должен работать. Как, уже обсуждали. Может быть, вы считаете, что нужно добавить что-то ещё в этот список. Предлагайте. Я от вас ждал этого раньше и просил об этом ещё в прошлый раз.

А когда мы узаконим и нормализуем то, чего сумели добиться за эти годы, то придёт время приступить к основным задачам. Но людей надо готовить к этому уже сейчас. Мы должны сплотить людей, они должны гордиться тем, что удалось сделать, что сумели выстоять и выжить при мировом катаклизме. Они должны гордиться своей работой, своими успехами, своими друзьями, своими близкими, их достижениями.

У нас должно быть единое общество. А для этого надо начинать выпускать газеты, журналы,

радиопередачи, да много чего надо. Все люди должны быть информированы о том, что делается, что планируется и иметь возможность высказаться по любому интересующему его вопросу. Но не должно быть никакого оболванивания, пустых рассуждений и демагогии. Как говорится, за базар отвечать придётся. Надо вводить награды, поощрять людей за труд. Да много чего в этом направлении можно сделать. Надо только желание иметь. Вот это я и хотел услышать, а ты мне вино, кино, домино.

— Если то, что я говорю и делаю, вас не устраивает, то я могу и уйти.

— А вот это игра в песочнице маленькой девочки. Мне не нравятся ваши игрушки, пойду играть в другую песочницу с другими девочками-мальчиками. Если ты веришь в то, что говоришь, убеди всех присутствующих в своей правоте, и тогда будет принят твой план. Нет, будь добра выполнять план совета. Я ясно всё объяснил?

— Да, Сталкер.

— Будешь доказывать свою правоту?

— Нет, не буду. Ты опять прав. Мы все знали о сверхзадаче, определённой для себя основателями, но благополучно забыли о ней. А для решения этой сверхзадачи ты уже назвал первоочередные проблемы – это организации выпуска газеты, журнала, радиотеатр. Награды и патриотическое воспитание, напоминание о сверхзадаче. Вот организацией этих дел, если совет это мне поручит, я готова заняться. И для всех заявляю. Здесь нет обиды! Сталкер прав! Мы забыли, для чего нас спасали. Пора начинать отдавать свои долги, как бы пафосно это ни выглядело со стороны.

— Ну и ладно, Истра. Пока начинай работать с уже озвученным планом и готовься к следующим этапам. Совет хотел бы получить хотя бы примерный план мероприятий по дальнейшей работе в этом направлении. Кто будет следующим высказываться по повестке дня?

— Давайте я, — сказал Тех. Если исходить из задач, поставленных Сталкером, то нам надо кардинально переделывать, нет, не переделывать, а начинать делать всё, что раньше откладывалось до лучших времён. Мы готовили людей для любых задач, не объясняя целей и не ставя ориентиров. Мы использовали оборудование и технологии, что сохранились со времён катаклизма. Сейчас, если мы хотим приняться за главную цель, оставленную нам основателями, нам надо действовать по-другому. Я буду говорить по своей тематике, но уверен, что остальные будут говорить о том же. Нам надо начинать строить не только новое общество, но и новую промышленность. Всю. Нет ничего, что бы могло работать. И если раньше мы рассчитывали на остатки промышленных мощностей старых производств, то сейчас надо начинать их строить заново. Может быть я повторяюсь, многое из этого уже раньше озвучивалось, но с таким повтором мне проще говорить. Во-первых, надо иметь свою энергию. Как я понимаю, нефть, газ для нас закрыты, во всяком случае из-за добычи. И не столько потому, что мы не сможем их получить, сейчас, думаю, мы смогли бы начать добывать нефть и получать хотя бы прямогонный бензин. Но перед нами стоит задача обеспечить себя и новый мир энергией без использования нефти. А это означает только одно – мы должны строить энергетические центры. Или назовите это как-то по-другому, но нам надо будет много энергии.

И для обеспечения потребности людей, и для производства. Пока не будет энергии, мы не сможем делать ничего. И энергия, вернее, то, что мы сумеем получить, подскажет, что нам нужно. Сейчас я могу сказать про три вида энергии, доступных для нас. Это синтез-газ, полученный пиролизом,

биогаз, биоэтанол и биобутанол, биоводород. Биоводород я назвал для обобщения, я пока не знаю, что с ним делать, но получить его мы можем. Фактически мы имеем биогаз и биоэтанол. Биобутанол ещё не вышел на промышленное производство. Да, и есть ещё биодизель. И это самое первое, что нам надо. Энергия.

Затем надо будет создавать свой машиностроительный комплекс. И производство электроники и электротехники, химический комплекс, у нас нет резины, нет лаков и эмалей, а без этого никуда. И всё это делать не просто так, а имея конкретную цель, конкретные проекты. Мы должны знать, что мы будем строить, и что для этого нам потребуется. Материал, станки, оборудование. Что-то используем из остатков, но что-то придётся делать с самого начала. У нас нет моторов, а мы не знаем, какие моторы нам нужны. Нам нужно полностью создавать всю промышленность и всё, что с ней связано. А нас всего десять тысяч людей. Как всё это сделать?

— А ты думаешь, я это знаю? — спросил Виктор. Есть только один способ сделать это – нужно начать делать. Для этого мы здесь и собрались. А если мы этого не сделаем сейчас, мы этого не сделаем никогда! И через пятьдесят лет наши предки будут лопатами копать огороды и выращивать себе для пропитания хрен. Нет, конечно, лет через пятьсот найдутся другие люди, которые это всё реализуют.

Потихоньку всё восстановится, человек такое существо, что будет искать для себя всё более лучшие и лучшие условия, и всё восстановится. Но если кто-то вспомнит об этих временах, то нас всех будут вспоминать только в самых матерных выражениях. У нас сейчас есть возможность начать эту работу. И чем быстрее мы её начнём, тем быстрее получим какой-то результат. И наша задача начать эту работу! Иначе нам грош цена, и мы будем первыми предателями наших спасителей. А я этого не хочу!

— Коллеги, коллеги, спокойней, — вмешался Умник. Мне тоже сложившаяся ситуация не нравится, Но если мы принимаем на себя и на всех остальных выживших цели основателей, а мы их приняли априори, вступив в это общество, то Сталкер прав. Надо начинать делать дело. Как говорится, делай, что должно, и получишь, что суждено. А как я понимаю, все согласны с целями, поставленными основателями. Значит, мы уже приняли на себя обязательства, осталось убедить в этом всех остальных людей и заняться этой работой.

Я читал, как в своё время в СССР строили атомную промышленность. Не было ничего, шла война, и, тем не менее, атомную промышленность создали с нуля. И создали всё необходимое для её работы. Нам будет если и легче, то ненамного. И начать нужно с самого начала. Да, хотел бы, прежде чем продолжить, получить небольшое уточнение. Цветик, что ты можешь сказать по поводу энергии?

— А тут и говорить нечего, Тех прав. Есть возможность получения биогаза и биоэтанола, в небольших опытно-промышленных установках, да и то, с точки зрения наших приоритетов, не совсем чистых. И биодизель. И я ещё не знаю, сколько можно будет использовать целлюлозу, леса гниют, и что будет потом, вопрос.

— Именно это я и ожидал услышать. Шатун, ты что-то ещё можешь добавить?

— Могу. Для тех задач, что описал Сталкер, у меня есть готовые решения на первом этапе. Думаю, лет десять мы ещё сможем летать на существующих самолётах, кукурузники ещё послужат при соответствующем уходе. А вот в будущем я хотел бы предложить постройку нового аппарата – дирижабль-самолет. Это будет летательный аппарат тяжелее воздуха, но со всеми возможностями

дирижабля и без его недостатков. Пока есть предварительная проработка, нужно оценить и решить, подойдёт ли этот аппарат нам. И если подойдёт, то нужно решение совета на его разработку. А по катеру проектировать начали, думаю, через три месяца начнём строить. Через год такой аппарат будет.

— Да, Шатун, с тобой всё ясно. Тогда я попытаюсь вкратце подвести итог сегодняшнего разговора. Сталкер, ты не возражаешь? Это вроде бы твоя prerogativa.

— Ничуть. Послушаю, как вы поняли, что я хочу получить.

— Тогда продолжу. Мы принимаем на себя долг-обязательство основателей по восстановлению Земли и цивилизации. Для выполнения этого долга мы начинаем следующую работу. Расширяем сферу своего присутствия и начинаем освоение новых территорий, для чего проводим реорганизацию службы сталкеров в военизированную бригаду спасения. Виктор готовит мероприятия по развёртыванию этой бригады с определением первоочередных задач. Истра начинает кампанию по освещению новых задач для нашего общества, начинает внедрение в общество новых идей по его дальнейшему развитию в свете изложенного сегодня, определяет нуждающихся в улучшении существующих условий жизни. Если нужно, все эти мероприятия утвердим на совете.

Я готовлю комплексный план развития науки, техники и промышленности. От каждого из координаторов жду предложений по его тематике. На сегодня могу сказать, что будет в этот план включено. Во-первых, создание тематических научных групп, или бригад по основным направлениям нашей деятельности. В дальнейшем эти бригады, может быть, вырастут в какие-то научные структуры.

Развитие начнём с науки. Определяем сейчас следующие направления деятельности этих бригад. Энергетика, работа над обеспечением общества и формируемой промышленности энергией. Химия, получение необходимых материалов, технологий для всего остального промышленного комплекса. Моторостроение; металлы, их получение из вторичных источников и обработка. Машиностроение и станкостроение. Микробиология, доведение технологий до промышленного применения и разработка новых технологий.

Транспорт, наземный, морской и речной и транспортная сеть, отдельное направление воздушный транспорт. Электроника и создание промышленных мощностей для её производства, радиосвязь. Сельское хозяйство как источник возобновляемых энергоресурсов, продуктов питания и их переработки. Проектирование и строительство промышленных объектов. Вторичные ресурсы, учёт, переработка и использование. Что ещё забыл? Добавляйте. Эти научные бригады подготавливают направления работ по своей тематике, формируют требования к оборудованию и нужным производствам, энергетическим потребностям планируемых производств.

— Ну что же, я думаю, для начала неплохо, — завершил обсуждение Виктор. Мы обсудили ситуацию, наметили первоочередные действия по нашему дальнейшему развитию. Мы готовы приступить к работе. Всё сказанное оформим протоколом совета. И думаю, что эти новости можно довести для всех через нашу радиостанцию. Начали работать, товарищи.

Глава 6

15.05.28

Координатор по науке, образованию, промышленности Николай, позывной Умник.

— Истра, стой, подожди меня

Ольга остановилась, обернулась, её догонял Николай-Умник. Когда Николай поравнялся с ней, некоторое время они прошли рядом в молчании.

— Как тебе сегодняшний совет? — наконец прервал молчание Николай. — Что-то Сталкер сегодня был слишком суров. Вон как тебе досталось. И в достаточно грубой форме.

— Нет, всё было правильно. И могу повторить, Сталкер прав.

— Ну, всё происходящее на двух последних советах мне не очень нравится. Как-то Сталкер стал себя не так вести, слишком резко. Может быть, он и прав по сути, но форму выражения своего мнения он мог бы выбрать какую-нибудь другую.

— Я тебе сейчас расскажу сначала одну историю, а потом дам к ней комментарий. И ты всё поймёшь. Я тогда была совсем пацанкой, нас недавно освободили из плена, штурмом взяв шахту.

Причём нас, детей-рабов, готовились уже уничтожить, продуктов не хватало, и кормить нас никто не хотел. После освобождения прошло месяца три, я была на стрельбище, мы начали свой курс обучения в центре, и шли практические занятия. Мы тогда в Эритрее жили.

Автомат, сборка-разборка в полевых условиях, стрельба и ещё что-то. Не помню. И я случайно услышала краешек разговора, совсем мне не предназначающегося. Я разбирала автомат под надзором инструктора, и мимо проходили, беседуя, Кот и Хан, знаешь, кто это такие. Они проходили в стороне, никто их не должен был слышать, но так получилась, что в этот момент стихла стрельба, ветерок потянул с их стороны, а у всех живших в шахтах сильно обостряется слух, вот я и услышала то, что не должна была слышать.

Хан тогда сказал Коту: "Что-то Виктор стал совсем безбашенный, как с цепи сорвался". А Кот ему ответил: "Виктор ещё тот боец, хоть и молод. Он боец от Бога. У него удивительное чутьё места и времени. Если полез буром, значит пора. И нам надо за ним подтягиваться".

Больше я ничего не услышала, но навсегда запомнила мнение самых отчаянных и решительных бойцов. Если Виктор полез в драку, значит пора, и негоже всем остальным отсиживаться в стороне. И ещё я тебе вот хочу сказать, Умник. Хоть ты и Умник, но Сталкер тебе правильно сказал, сиди и занимайся своими интегралами. Таким образом ты себе здесь сторонников не найдёшь. Недовольных Сталкером здесь нет.

Разве что на выселках. Во-первых, загляни и поговори с рядовыми бойцами. Они молятся на него и порвут любого даже за тень намёка о недовольстве Сталкером. Он этого добился всей своей войной с бандитами. Во-вторых, все здесь обязаны ему жизнью. Он всех спасал, либо в шахте, либо отбивая караван. Я помню, как тогда, в шахте, он загнал нас в угол за поворотом, остался один за какой-то баррикадой и где-то минут двадцать отстреливался в одиночку, пока не пришла помощь. Я своими глазами это видела. А если бы он этого не сделал, то я с тобой бы сейчас не разговаривала. И такое, подобное, в том или ином виде, тебе может рассказать почти каждый. Так что, пока, Умник. Я пошла, у меня дела.

— Истра, ты ничего не поняла. Я просто тебя пожалел за полученный втык и ещё хотел пригласить тебя поучаствовать в составлении общего плана через два дня.

— Пожалел волк кобылу. А участвовать в составлении плана я не буду, разве только на заключительном этапе, чтобы оценить его. У меня своё персональное задание от Координатора. Совещание всё-таки собралось через два дня. Общий план составлять надо было, и собрались

координаторы направлений – Цветик, Шатун, Тех, Куркуль.

— Давайте я пока для начала попробую сформулировать стоящие перед нами задачи, и потом мы начнёт их обсуждение – начал совещание Николай. — Как я понимаю, задачу спасения Земли и возрождения цивилизации мы должны разложить на киловатты, килограммы, литры. В первую очередь нас интересуют те направления нашей деятельности, с которых начнём нашу спасательную операцию.

Я думаю это энергетика, без неё никуда. Электроника, связь, биология и микробиология, металлургия, металлообработка, станкостроение, судостроение, автостроение, авиация, химия и химическая промышленность, всё это мы должны начинать возрождать. Как я уже говорил, по каждому направлению предлагаю начать работу с организации научной бригады.

Эта бригада на первых этапах будет выполнять все функции, связанные с наукой, разработкой, проектированием и организацией работ по курируемой тематике. Впоследствии они станут базой для научной организации по своей тематике. Чем нужно, будем помогать, оборудованием, инструментом, литературой. Но людей ищите сами, численность этой бригады для начала должна быть десять, максимум пятнадцать человек. Когда поймёте, что надо делать, под конкретные темы можно будет искать новых людей. Теперь давайте добавляйте, кто, что считает нужным.

— Я считаю, что совещание можно заканчивать, — сказал Тех. — Ты сказал главное, создадим бригаду умников, и они будут изучать проблему и дадут ответ. А что мы можем сейчас сказать? Только если у кого-то были намечены планы работ, то их и можно сейчас озвучить. А если есть предложения, то зачем нам умники?

— Ты не совсем прав, — вступила в разговор Инга-Цветик. Есть предложения, которые надо обсудить совместно. Вот у нас созрело предложение о строительстве энергетических центров (ЭЦ) мощностью мегаватт или больше. Это много или мало? Этого хватит?

— А я откуда знаю? — удивился Тех. Когда будет ясно, что мы делаем, какое оборудование используем, сколько работаем, тогда и будем иметь возможность считать потребность. А строить прогнозы? Я вот скажу, что нужно десять мегаватт, и что? Они появятся? А нужны эти десять мегаватт? Не знаю. Но с ними будет лучше, чем без них. Гадать просто так нельзя. Сначала проект, потом его будем считать со всех сторон.

— Хорошо, вот мои проекты. Во-первых, постройка опытного ЭЦ мощностью сто киловатт, проверим, что к чему, сколько нужно биомассы, подтвердим расчёты и дадим новый проект увеличенной мощности по полученным данным. Во-вторых, прошу определиться, что нам надо. Биогаз, биоэтанол, биобутанол, биоводород. Что из этого?

Если всё это, то будем предусматривать производство всего этого на ЭЦ. В-третьих, мне нужны машины, которые будут производить электроэнергию в таком объёме. И куда девать тепло? Как его передавать потребителю? Вот тебе, Тех, реальный проект, занимайся им. Я проведу работы, получу нужные результаты, а потом этим будешь заниматься ты.

Кроме того, я хотела бы с Кулаком определиться по культурам и посевам. Что, когда и где мы будем сеять, и как будем получать нужную биомассу.

— Вот это другой разговор. Конкретный проект мы будем обсуждать в рабочем порядке с твоими и моими специалистами, — сказал Тех.

— Кто-то ещё хочет предложить проекты для обсуждения? — спросил Николай. — Если нет, то

давайте считать этот проект первоочередным и основным, остальные проекты будем обсуждать в рабочем порядке и с учётом результатов работы научных бригад и привязывать к этому.

Глава 7

01.09.28

Виктор, позывной Сталкер

Прошедшие месяцы внесли такую бурю в нашу более-менее устоявшуюся жизнь, что иногда даже не по себе становится. Вроде бы все привыкли к отлаженному быту, и тут такое. Если раньше была просто радиостанция, передававшая иногда какие-то объявления, то теперь она стала называться "Маяк". И начала транслировать ежедневно, по несколько раз в день, новости, радиоспектакли, в том числе из старых архивных записей, аудиокниги, обзоры событий.

Новости касались любых событий, происходящих на наших территориях. И они все вызывали бурные дискуссии и появление множества отзывов. Не всегда приятных, но всегда полезных для дела. Много было высказываний по установлению нормированного рабочего времени, выходных, выделению и постройке отдельных домов. Мы практически для всех, кто мог претендовать на это, сумели построить отдельное жильё. С транспортом пока были проблемы, но они уже решены и в скором времени у каждого должен быть как минимум скутер для перемещения внутри поселения. А люди стали перемещаться гораздо интенсивней. Ритм жизни начал ускоряться. Пора думать о благоустройстве внутренних дорог и правилах, скоро проехать будет проблема. И, надо сказать, в вопросах жилья и транспорта, недовольных не было. Все очень положительно отнеслись к таким нововведениям, чего нельзя сказать о рабочем времени. Но дискуссия о выходных и продолжительности рабочего дня утихла сама собой.

Всем стало понятно, что пока не построишь места для отдыха, отдыхать то негде. А тут и новости об успехах лучших специалистов и рабочих, об их поощрениях, и как-то все забыли про восьмичасовой рабочий день, выходной, отпуск. Да и воспоминания участников выживания при катаклизме внесли свою лепту, у всех появилось чувство ответственности за того парня, погибших родственников, знакомых, друзей. И тут напоминание о возрождении Земли пришлось кстати, и было принято всеми на ура. У нас ведь как любят говорить, мы-то ладно, помучаемся, зато детям жить легче будет.

Газета начала выходить. Небольшая по размеру, маленьким тиражом, но нормальная ежедневная газета, как символ восстановления и возврата прежней благополучной жизни. Библиотеки открыли. Много было разной не технической литературы, лежали все эти книги отдельно, не знали, куда девать. Теперь их все собрали, нашли подходящее помещение и открыли библиотеку.

Художественно-образовательную.

Её тематика – художественная, научно-популярная и всякая прочая литература, кроме учебной и технической. Для этого готовится ещё одна библиотека – научно-техническая. И как следствие этого, резко возрос интерес к истории, стали вестись разговоры о создании обществ любителей истории, об организации экспедиций по поиску предметов того времени, книг и прочих вещей эпохи до катаклизма по городам страны.

Складывается такое впечатление, что поставив задачу возрождения Земли и построения цивилизации, мы дали людям новый смысл и цель жизни. Получается, как будто утопающий сумел выбраться на берег, упал без сил, полежал, отдышался, отплевался, огляделся и начал соображать, что делать дальше. Типа костерок бы надо развести, обогреться, поесть бы не помешало, и вообще,

жизнь-то налаживается.

Интересно получилось с научными бригадами. Конечно, докторов и кандидатов наук у нас не оказалось, но отобрали многих, по нашим меркам образованных и понимающих проблему людей и специалистов, работающих раньше в интересующих нас отраслях. Много нашлось людей, занимавшихся раньше интересующими нас тематиками. Прикрепили к ним молодых талантливых выпускников центров образования и профессиональной подготовки. И поставили грандиозные задачи. Дали им ресурсы, технику, оборудование и инструмент, по возможности стали создавать им экспериментальную базу. И, надо признать, уже появились первые интересные проекты.

Так, все остатки зданий, руины предложено отправить на вторичную переработку. Бетон, кирпич измельчить, размолоть, удалить арматуру и прочий мусор, получить щебень и использовать его в строительстве, как дорог, так и в промышленном. Сейчас определяют требования к готовой щебёнке и начинают определять, какие машины, установки нужны для выполнения этой работы.

Автошины и прочую резину предложили подвергнуть пиролизу, т. е. нагреву без доступа воздуха. Технология была известно давно, но никто как-то не сообразил, что её можно использовать. В результате должны получить что-то нефтесодержащее, типа мазута, углерод и металлический корд. Углерод пойдёт на изготовление резины, когда будет готова такая технология, над этим сейчас полным ходом идёт работа, корд на переплавку, мазут на перегонку и получение бензина. Это не будет противоречить нашим принципам, мы не добываем нефть, мы утилизируем то, что уже засоряет землю.

Эти же умники предложили вариант использования сохранившихся запасов бензина. В некоторых местах обнаружены целые хранилища с огромными запасами топлива. В учебниках и описаниях технологических процессов по переработке нефти они нашли этап повторного перегона бензиносодержащих дистиллятов прямогонного бензина.

И предложили существующие запасы старого тридцатилетнего бензина и солянки подвергнуть повторному перегону или ректификации. Что получится, посмотрим. Сейчас готовят проектную установку для проведения опытных работ. Если получится, то с топливом на ближайшее время решатся все проблемы. А остаток от перегонки, гудрон, предложили воздействием температуры перевести в битум и использовать для получения асфальтобетона. Хорошо бы всё это оказалось правдой. Мы много не знаем, и если это действительно можно сделать, то это просто здорово.

И с биогазом наметились интересные работы. Основным источником будут отходы животноводства, отходы поселений и сельского хозяйства. У нас остаётся много соломы, жмыха, ботвы, шелухи от переработки урожая, да и площадей хватает, чтобы выращивать энергетические растения. Будут строить большие энергетические центры, производящие биогаз, который будет использоваться для производства электроэнергии и тепла.

Мощность такого центра пока планируется для пробы на уровне одного мегаватта, по расчётам этого должно хватить на одно поселение и намеченное промышленное производство. Кроме биогаза будут отрабатывать получение биоэтанола, биобутанола и биоводорода. Это должны ещё наши микробиологи постараться. Биоводород планируют использовать как топливо и для авиационного двигателя. Есть и такой проект. Но пока не буду отвлекаться, продолжу про энергоцентр.

Если судить по проекту, для нас это будет очень непростое сооружение. И много проблем с логистикой, передачей и распределением энергии, газа, сырья. И при этом практически никакого

опыта в таких делах. Да и сами авторы всё это понимают и немного нервничают. Для начала, не останавливая проектирования ЭЦ, решили построить что-то поменьше, мощностью порядка сто киловатт. Проверить расчёты и саму идею.

Да и много новых идей туда пытаются запихать. Например, нормировать биогаз, для этого будут его, так сказать, обогащать. Уменьшать в составе биогаза содержание углекислого газа и доводить содержание метана до уровня не менее восьмидесяти процентов. Заодно и проверят, что это даёт и какова эффективность такого обогащения. По расчётам должно уменьшиться потребление биогаза. Эффективность производства будут повышать.

Серьёзно взялись за свои проекты биологи и химики. Готовятся к синтезу резины. И, чувствую, у них готовятся какие-то необычные предложения. Ничего нет удивительного. В этой области ещё основателями были подготовлены первоклассные специалисты. Даже они сами отмечали, что ребята у них чрезвычайно талантливые. Просто расслабились на время. Теперь все пришли в норму и вспомнили, как делали все это раньше.

А производства у нас будут самые разные. Придётся заново их осваивать. Во-первых, будет литьё металла. Будем строить печи для его литья. И для этого производства в качестве топлива наши умники предложили использовать биоводород. А может быть, обойдутся биогазом. Всё, что я сейчас осмысливаю, находится на стадии проектов. Но самое главное, что есть проекты, и начаты работы по их реализации. Значит, всё было ненапрасно, и не буду я проклят своими мёртвыми друзьями.

А кроме всех возможных видов литья, как чёрного, так и цветного металла, будет его механообработка. Всё, что сможем, будем возрождать. И уже готовится проект первого механического завода. И ещё пять проектов заводов на подходе. Моторный, авиационный, автомобильный, судостроительный, энерготехнический. Может, слишком громко сказано, завод, скорее крупные мастерские, но в перспективе именно они будут заводами.

Да, совсем забыл. Химический комбинат. Будет перерабатывать бензин, готовить эмаль для проводов, краски. Даже не один комбинат, а целая серия отдельных мастерских, не только тех, что я перечислил. Будут осваивать необходимые для промышленности материалы и изделия, технологии и готовиться к росту объёмов производства. На малых площадках будем пытаться возрождать технологии, может быть, даже начиная от самых примитивных, и развиваться дальше, тем более, что известно к чему стремиться, и известно, как это делалось раньше. На первых порах должны обойтись работающими приборами со старых времён, а потом, надеюсь, появятся и приборы своего производства.

Интересные проекты есть везде. Вон, катер новый для спасателей проектируют. Не катер, а речной танк. Воды не будет, по земле пройдёт. И начали проектирование целой серии судов. Баржи наливные, баржи обыкновенные, баржи транспортные. И все рассчитаны на мелководье. Но строить будут в первую очередь катера спасателей, заказали десяток, но заложили пока один, головной в серии. Потом видно будет. Обещают через полгода сделать.

С автотранспортом у нас пока лучше всего. Старая техника очень надёжная, Уралы, Камазы, Уазы, может, и примитивные машины, но зато до сих пор работают, проходят необходимое обслуживание и дальше работают. Сейчас всё сводится к тому, что восстанавливаются старые машины, благо их хватает. А производство своих пока сводится к изготовлению гибридных электроскутеров для города и кварталов.

А вот кто меня удивил, так это летуны. Мало того, что строят айбайки, мало того, что восстановили и эксплуатируют легкие самолёты, кукурузники, восстановили и летают на средних транспортниках. Взяли АН-24, выкинули оттуда всю пассажирскую начинку, упростили до предела всю электронику, оставив только самое необходимое контрольное оборудование, и летают. Фанатики какие-то. Так им мало этого. Придумали новый самолёт.

Если батя скрестил самолёт, вертолёт, дельтаплан, то эти умельцы добавили сюда ещё дирижабль. И получился аппарат немного больше самолёта, много меньше дирижабля, взлетает как вертолёт, сам немного тяжелее воздуха, аэродром не нужен, может садиться куда угодно, хоть на воду. Дальность полёта ограничена запасами топлива. Правда, во многом использовали проекты, которые были разработаны и испытаны до катаклизма, уже тогда умные головы родили такой самолёт, но всё ограничилось только испытаниями опытных образцов.

Грузоподъёмность как у дирижабля, от ста тонн на внешней подвеске. Одно плохо, водород используют. Правда, и здесь исхитрились. Разместили в фюзеляже двойную обшивку. Во внутренней обшивке разместили много-много отдельных баллонов с водородом и всю внутреннюю оболочку, всё пространство между этими баллонами, заполнили углекислым газом. Чтобы не было ни при каких условиях контакта с кислородом. А ещё заполнили углекислым газом зазор между внутренней и внешней оболочкой.

Двигатели изменяют свое положение, то тяга вертикально вверх, и тогда режим вертикального взлёта, то обычное положение, как у самолёта, и тогда обычный полёт. Сейчас заканчивают проектирование прототипа, собираются строить летающую модель. Вот и придётся теперь им гелий искать, гнать разведку в Оренбург. Вот сейчас Иван придёт, и обсудим мы с ним все наши дела сталкерские.

Глава 8

01.09.28

Иван, командир отряда разведки спасателей, внук Бати, позывной Змей.

Вот и получил я, наконец, свой первый дальний маршрут. Это даже не маршрут, Сталкер дал карт-бланш на создание новой, как раньше говорили, провинции империи. Хотя какая сейчас может быть империя? Но задача сверхсложная. Вернее, не одна задача, а целый комплекс задач.

Во-первых, описание и картография новых территорий. Разведка этих территорий, определение наличия ресурсов, пригодности этих земель для освоения, поиск места для организации исследовательских станций для подробной оценки этих мест. Прокладка дороги, создание опорных баз по маршруту движения.

Во-вторых, пробить дорогу на Урал, поиск выживших на Урале. Сталкер считает, что там должны быть живые люди, несмотря на такой срок после окончания катаклизма. А оттуда открывается дальнейший путь в Сибирь.

В-третьих, организация поселения в районе Ульяновска, Казани, Нижнего Новгорода, Чебоксар. Где будет лучше, но предпочтительней на Волге. По реке должна быть более дешёвая дорога и транспортировка грузов. Посмотреть Волго-Донской канал, можно ли будет его восстановить.

В-четвёртых, оценить те Заволжские леса. Там они были очень большие, можно ли будет использовать запасы древесины, или всё уже сгнило. В любом случае, эти леса надо будет восстанавливать.

В-пятых, по номеру, а не по значимости, пройти на Оренбург и оценить, что там с гелиевым заводом. Можно ли будет восстановить производство гелия. Правда там уже бывали, смотрели, но что-то туда так и тянет Сталкера, что-то ему не дает покоя. Вот и нацелил нас еще раз посмотреть те места. И ещё много-много задач, которые ставятся перед разведкой, но которые я сейчас не буду описывать. Всею своё время.

После реорганизации службы сталкеров в бригаду спасения, численность бригады определена в две тысячи человек. Это очень много. Из всей бригады на разведку нацелены три роты, одна рота морской и две роты наземной разведки. Остальные подразделения распределены по задачам внутри освоенных территорий и поселений. Патрульно-постовая служба, служба охраны порядка, служба помощи и спасения, и прочие.

Служба морской разведки пока не сформирована, сейчас близка к окончанию формирования первая рота, и вот нас-то и отправляют осваивать новые места. Численность нам определена в сто человек. Кроме того, приданы два лёгких самолёта типа Ан-2, один транспортный типа Ан-24, два речных катера, правда, они ещё не построены, четыре Уазика, пятьдесят грузовиков и вспомогательных машин разного типа: наливников, автокранов, трейлеров, колесных тракторов и два гусеничных трактора. Для личного состава выделено десять айбайков, пятьдесят квадров, двадцать скутеров, четыре средних речных катера, десятков складных лодок и десятков подвесных моторов. И много всякого снаряжения, инструмента и оборудования. Да, и мобильный госпиталь на десять мест. По нашим меркам, это очень не маленькие силы. Мы практически получили четверть всех запасов техники Севастополя. И это, не считая продуктов питания на год, ГСМ и всего прочего снаряжения. Это получается даже не разведывательная операция, это уже настоящая экспансия. Правда, какая это экспансия? Мы просто возвращаемся на свои исконные места проживания.

Экспедиция начнётся на следующий год. А пока нашей задачей является подготовка техники, прокладка маршрутов движения, создание промежуточных баз снабжения. Продвижение экспедиции планируется по двум маршрутам – водному, по Волге, и наземному. Лучший маршрут движения по дорогам ещё предстоит проложить, именно этим мы сейчас и будем заниматься. Готовить маршрут, проверять дорогу, наводить переправы. На одну только проработку дороги уйдёт не меньше месяца. А пока проведём воздушную разведку предполагаемого маршрута и сделаем несколько аэродромов подскока. Заодно проведём и небольшую разведку в этих местах. Для большей ясности. Так что, для нас экспедиция уже началась.

Глава 9

01.04.29

Истра и Пётр, редактор всех информ-изданий, позывной Печатник

— Истра, привет, что привело тебя к нам?

— Привет, привет, Печатник, — услышал от вошедшей в помещение Истры низенький, толстенький человек, сидевший за большим, заваленным бумагами, столом. Ему было на вид не менее пятидесяти лет, волосы на голове давно потеряли друг друга и уже не пытались проводить эти поиски, глаза, прикрытые большими круглыми очками, устало щурились. Одет он был в костюм, неизвестно как сохранившийся со старых времён. Образ старого, немного уставшего провинциального интеллигента дополнял галстук непонятно какой расцветки, повязанный крупным узлом поверх сорочки серого цвета. — Пришла я к тебе память освежить, готовлюсь окинуть мудрым взглядом, что мы тут за год

наворотили. А чтобы не забыть ничего интересного, вспомню с тобой, как говорится, "этапы большого пути". У тебя же все ходы записаны.

— А как же иначе. С вами, комбинаторами, попробуй не записать, сразу стащите что-нибудь.

— Ну, давай теперь смотреть будем, какие ходы делали.

Истра, конечно, помнила и без всякой записи всё сделанное, да и свои заметки в рабочем журнале были, но она старалась при любой возможности всячески укреплять в окружающих убеждение в ценности их деятельности. Хотя этого чаще всего и не требовалось, но вот привыкла узнавать мнения о сделанном у сторонних людей и выверять с ними новые решения.

Поэтому и зашла лишний раз в редакцию, поддерживая у всех чувство причастности к большому делу. Хотя здесь и подчёркивать ничего не надо было, всё сделанное полностью соответствовало сказанному. В данном случае преувеличить было просто очень трудно.

А сделано было действительно немало. И многое из этого было заслугой Печатника. Он с каким-то удивительным, порой даже казавшимся на грани тупости, упорством занимался всеми делами по обеспечению народа информацией о происходящем. Радиостанция "Маяк" заработала давно, но в последнее время уровень её передач вырос, да и репортажей стало больше, количество новостей из самых разных мест значительно увеличилось.

Все больше и больше новостей о происходящем стало поступать из самых разных мест, пусть порой эти новости были совсем крошечными и касались только одного места, но они служили одной цели — объединению. Информированность жителей обо всём происходящем стала более полной, что только пошло на пользу общей атмосфере, сложившейся в обществе.

К газете стало выходить приложение "Дискуссионный клуб", в котором очень живо, порой излишне эмоционально, обсуждали всё происходящее. Высказывали свои мысли о наболевшем, выдвигали на обсуждение новые идеи в самых разных областях. И часто со страниц газеты эти идеи отправлялись в проработку на столы умников. Людей было мало, экспертов тем более, и во многих случаях, мнение заинтересованных лиц или просто посторонний взгляд на происходящее имели чуть ли не решающее значение.

Сильно изменилась и культурная жизнь. Кроме библиотек, которые уже полностью заработали и никогда не бывали пустыми, заработал театр. Настоящий театр, с живыми актёрами. Правда, это был не профессиональный коллектив, играли в нем любители, после работы находили время для репетиций и готовили спектакли. Выступали не каждый день, хорошо, если получалось несколько раз в месяц, но на каждом выступлении был аншлаг. И появились уже свои звёздочки, но их быстро привели в чувство, объяснив позицию Координатора и Совета о шутах и скоморохах.

— Печатник, а как ты оцениваешь последние произошедшие у нас события? — спросила Истра.

— А мне не надо их оценивать, всё уже давно оценено и учтено.

— Что и как оценено?

— Во-первых, хотя и называют попытки Совета по реанимации производства "доисторической промышленной революцией", но сама идея, в том числе и создание научных бригад, и организация новых производств, воспринята очень и очень положительно. Люди понимают, что на осколках прошлого не проживёшь. И готовы работать сутками, чтобы обеспечить гарантированный уровень цивилизованности.

Прав был Сталкер, сейчас самая ходовая фраза — пусть мы помучаемся, но зато детям будет лучше.

Эта фраза и есть воплощение всего происходящего. Люди работают ради будущего. И правильно вы со Сталкером ведёте политику возрождения и памяти обо всех ушедших. Слова "за того парня" становятся не просто лозунгом, не воспринимаются всеми как насмешка или шутка, а воспринимаются как обязанность каждого выжившего. Я такого не видел и не помню, хотя и жил ещё в том мире, но читал, что так вели себя фронтовики после войны.

Честно говоря, я и сам такого результата не ожидал. Со всем своим цинизмом по отношению к жизни могу только сказать, что люди оказались чище и духовно богаче, чем мы ожидали. Возможно, это попытка забыть проклятые годы рабства, его ужасы, страх перед завтрашним днём. Возможно это, а может быть, что-то другое. Но это есть. И это не одиночные высказывания, это уже общее сформировавшееся мнение. Конечно, есть и несогласные с происходящим, относящиеся ко всему этому с большим пофигизмом, но их настолько мало, что говорить об этом не имеет смысла.

— А во-вторых?

— Что во-вторых?

— Ты сказал, во-первых. А во-вторых?

— Во-вторых, это реорганизация службы сталкеров в бригаду спасения и дальняя экспедиция. Как это ни покажется странным, нам уже становится тесно в рамках Крыма. Человек существо беспокойное, ему всегда чего-то не хватает. Белый низ чёрный верх, чёрный низ белый верх. Но что-то надо постоянно.

И опять всё оказалось вовремя и выверено психологически. Новые территории, расширение возможностей, это как выйти из тюрьмы на волю. Ощущения примерно такие же, какие были при выходе из шахты. Перед тобой открывается новый мир. И ты свободен. А самое главное, вера в то, что на Урале есть выжившие люди. Вот это перевешивает любые аргументы против. Как только возникает даже намёк на то, что кому-то надо помочь спастись, ответ один – помочь немедленно. И вот это, наверное, самые главные оценки происходящего в нашем доме. Так что, могу сказать, что вы со Сталкером сделали всё правильно, и главное вовремя.

Глава 10

01.04.29

Тех

Фигаро здесь, Фигаро там. Главное, везде успеть. Скутер у меня отличный, так что буду успевать.

Все как с ума сошли. Запущено много проектов, даже, наверное, чересчур много. И у всех потребность, и все требуют – дай энергию. А где её взять?

Биогаза не хватает, раньше были простенькие установки, можно сказать, экспериментальные лабораторные образцы. Возились с ними, возились. Правда, надо отдать должное, новый проект сумели подготовить, сейчас изготавливают его уменьшенный вариант, но работы ещё хватает, хорошо, если запустят к осени. И заработает это ещё месяца через три, когда выход газа будет, вот и получится подарок к Новому году. Ещё год уйдёт на проверку и отладку, и только после этого можно будет принимать решение о запуске основного варианта. А до этого что делать?

Хорошо, что удалось старый бензин перегнать. Получили какую-то бензиноподобную жидкость, но используется как бензин. Для наших машин подходит. Хоть одна проблема снята. Бензогенераторы будут выручать, вот только как-то надо им мощность повысить. Сейчас ребята мудрят, пытаются что-то на бензине сделать. Пока не получается. Но сделают.

А вообще всё становится интереснее и интереснее. Вот катера строят. И как только сообразили такой проект. Один готов, испытали, правда только в бухте, сейчас погнали трейлер в Астрахань, оттуда катер пойдёт вверх по Волге. Сначала вокруг Астрахани покрутится, и вверх.

Там, в Астрахани, тоже начали свой судоремонтный завод восстанавливать, на его базе пытаются какие-то мастерские организовать. И для них Шатун проект подогнал. Средний катер, назвал. Это рабочее название. Небольшой водоизмещающий катер с водомётным двигателем, должен по всем мелям ходить. А на Волге после разрушения плотин все мели вновь проявились. Топляков и мусора на реке много. Плавать, должно быть, там теперь тяжело. Вот для этих условий Шатун и сочинил катер. Да ещё и проект баржи, нескольких типов, готовит, но это уж после испытаний будет запускать.

И вообще, основные работы сейчас гонит Шатун. Гибридные скутеры клепают, айбайки делает, самолёты ремонтирует, автомобили перебирает, восстанавливает, и работают они, как новые. Да и с любой автотракторной техникой у него работы ведутся.

И над аэродирижаблем, как он его называет, работает очень плотно. Похоже, что все работы у нас собираются у Цветика и Шатуна. Да, надо Цветику подсказать, пусть пробует биосолярку сочинить. Больше ничего пока не вижу. А ведь это плохо. Мы не можем сейчас оценить, что нам потребуется завтра, потому, что не знаем, что будем делать завтра. И, наверное, надо разговаривать со Сталкером. Пора как-то начинать планировать работу на новые перспективные темы. Работа над наукой совсем встала.

Глава 11

07.04.29

Совещание координаторов направлений

— Так, товарищи, — начал Тех совещание координаторов направлений. — Это я был инициатором созыва этого совещания, и я его начну. Честно говоря, занимаясь проблемами энергообеспечения всех наших проектов, я столкнулся с тем, что никто из вас не знает, а что же он хочет завтра. Нет, наверное, каждый из вас имеет какие-то планы развития своего направления, но это его размышления, которые так и остаются размышлениями. Мне это не нравится, так как сегодня мы уже столкнулись с проблемой нехватки энергии. И дальше всё может быть только хуже. Поэтому я бы хотел сегодня обсудить наши потребности, и не только касающиеся энергетики, чтобы потом предложить их для обсуждения Сталкеру. Мне только непонятно, почему это предложение не исходит от Умника.

— Так ты же первый отклонил подобное предложение раньше!

— Не надо перекладывать с больной головы на здоровую. Я отклонил оценку потребности энергии без предоставления планов, и мы договорились сделать планы развития по каждому направлению. Этим планам я не видел, хотя я и знаю, что творится по каждому направлению, мне приходится обеспечивать их энергией. Так что, Умник, надо бы тебе поработать на перспективу. Потом может быть поздно. А пока я хотел бы услышать от каждого из вас, в чём есть потребность, и обсудить всё это. Цветик, давай начнём с тебя.

— С меня так с меня. Все знают, что мы сейчас заканчиваем строительство первого промышленного энергетического центра, мощность правда пока небольшая, но ряд проблем появляется. И уже сейчас я могу выдать несколько вопросов, на которые хотела бы услышать ответы. Сколько нужно таких

центров? И какую мощность нам вообще надо снимать с этих центров? И какова будет структура всего энергохозяйства.

Я имею в виду, что мы получили биогаз, очистили его от углекислого газа и получили почти природный газ. Дальше что? Или мы его тут же на месте перерабатываем на электроэнергию и тепло на больших генераторах, или транспортируем газ до места и на месте вырабатываем всё, что нужно. Тогда мы должны строить на каждом предприятии свой энергетический центр, который будет обеспечивать это предприятие энергией.

И в жилых кварталах мы должны строить такой же энергетический центр для обеспечения жителей теплом и электроэнергией. И как транспортировать газ? Строить газопроводы? Или на местах строить местные хранилища и завозить туда газ с помощью автотранспорта. Эти вопросы концептуальные и касаются уже проблем градостроительства и развития промышленности.

За этим стоит попутный вопрос, на каких установках получать электроэнергию? Какой мощности, и где их взять? Мы завтра закончим строительство, пойдёт газ, и что с ним делать? Нужны развёрнутые планы строительства и промышленных объектов, и жилых кварталов со всем их обеспечением. И ответьте мне на такой вопрос. А что нам надо? Биогаз мы получили, очистим его, и будет нормальный газ. А что ещё? Спирт нужен? Для производства резины нужен, но это пока проект.

А как топливо? И сколько его надо? На какие мощности рассчитывать. Там ведь надо запускать разные линии для получения биогаза, этанола и бутанола. И сколько надо бутанола? И надо ли вообще? А может, хватит для всего автотранспорта масла, например, из рапса, тогда это надо Кулаку разворачиваться. Будут у нас только дизеля, не будет бензиновых двигателей. Или напрямую масло использовать не будем, будем его еще обрабатывать?

Здесь я затронула только самый верхний слой вопросов, и уже ответы на эти вопросы подразумевают принятие, как минимум, концепции энергетического развития и определение типов используемых двигателей, бензиновый или дизельный, и структуры нашего энергохозяйства. И проблемы транспортировки газа. Строим газопроводы или нет. А строительство газопроводов потребует строительства перекачивающих станций и соответствующего оборудования.

Строительство газопроводов несколько выбивается из общей концепции восстановления Земли, но это привычно, удобно и безопасно. И менее затратно, чем возить автотранспортом. Ну и вопросы по аппаратуре контроля и управления всеми процессами. Сейчас мы мастерим что-то из подручных материалов, а нужно изготавливать нормальные управляющие комплексы для обеспечения максимальной автоматизации всего процесса.

Ну и следующий слой вопросов, а что ещё нам потребуется завтра? Сейчас мы занимаемся только топливом, но ведь для всей нашей промышленности нужно что-то ещё? Что? Пластмассы, резина, кислоты. К чему нам надо готовиться, и какие технологии сейчас будут самые нужные.

И вопрос строительных материалов. Для такого масштабного строительства нужны либо большие резервуары из металла, или строить всё из бетона и зарывать в землю. Опять концептуальное решение. Цемента нет. Его надо производить. Будем делать цемент? А это энергетически очень затратное производство. И достаточно грязное экологически. Конечно, есть ещё много вопросов, но для начала должно хватить и этого.

— С этим понятно, Шатун, твоя очередь плакаться в жилетку.

— Я уж так поплачу, так поплачу, жилеток не хватит. В самом общем виде нам нужно всё, и у нас нет ничего.

— А подробней?

— Про топливо всё рассказала Цветик, на чём будем ездить, не знаю. Можно ездить на всём, но у нас развелось столько систем, что давно пора определяться, чего мы хотим. Здесь Цветик совершенно права. Мы сами не знаем этого. Нам исторически достались и бензиновые двигатели, и дизели, а как топливо, за всю историю автомобиля использовали всё, что только можно.

Здесь, наверное, надо проводить комплексные исследования нужного типа двигателей для всей промышленности, а не только для автотранспорта, учесть ещё и воздушный транспорт, речной и морской, сельскохозяйственную технику, да и ещё приложить к этому возможность производства и возможность получения и обеспечения нужным топливом. Причём с перспективой развития хотя бы лет на пятьдесят, и после получения таких данных начинать думать, что и как строить.

Поэтому нужна опять оценка по всем возможным областям применения двигателя, и по результатам этого будем выбирать тип двигателя. Это не обязательно будет один единственный двигатель, их может быть несколько, но подойти к этому надо основательно, а не просто так. А если перечислить, что нам надо, то надо практически всё. У нас нет резины. Ни на колёса, ни на шланги, ни на что другое. Пока отбираем из того, что можем найти на улице, но этот источник почти закончился. Сейчас редко-редко уже можно найти что-то годное для использования. Нет аккумуляторов. Скоро будем переходить на кривой стартер.

Нет масел для двигателя и трансмиссии, нет специальных жидкостей. Нет лаков и красок. Почему ещё машины бегают и самолёты летают, я сам удивляюсь.

Если коснуться аэродиржабля, или для краткости адира, то нужен водород, лучше бы, конечно, гелий, и материалы, позволяющие работать с ним.

Нам нужны станки и оборудование для выполнения необходимых нам работ. Часть мы, конечно, нашли и приспособили, но нужно проектировать специализированные производства и оснащать их всем необходимым. Производство моторов, производство и раскрой металлов, да всё, чего ни коснись, нужно делать. На сегодня у нас есть выбранные направления, и по этим направлениям надо делать всю промышленность и все сопровождающие производства. Мы потихоньку начали что-то делать для своих потребностей, но тут нужен общий подход или так и будем каждый вариться в своём котле.

— Всё, Шатун?

— Пока всё, остальное, если надо, готов представить завтра в письменном виде.

— Тогда я закончу это совещание своими проблемами. Проблема одна – сырьё и материалы. Нужны кислоты, материалы для массового изготовления электроизделий. Мы сейчас научились делать простейшие диоды и транзисторы. Прикидываем, как подступиться к простым микросхемам. Но это всё работа на опытных установках. Для организации массового производства, да хотя бы не массового, а просто крупносерийного производства нужно оборудование и материалы, причём особо чистые.

Даже нет предложений, как можно решить эту задачу. Но самое главное – это материалы. И проблема ещё – у нас нет средств отображения. Если раньше были жидкокристаллические индикаторы, то у нас таких нет. Будем искать альтернативу.

Заканчивая это совещание, я хотел бы, чтобы каждый получил текст с озвученными вопросами и очень хорошо продумал свои предложения и действия. И, Умник, обрати внимание, что основная часть проблем касается вопросов по комплексному подходу, когда учитываются вопросы смежных направлений или требуют концептуального решения. А это твоя епархия. Я подготовлю текст сегодняшнего совещания, передам его Сталкеру и буду настаивать, чтобы на ближайшем совете координаторов принять все необходимые решения.

Глава 12

10.04.29

Виктор и Истра

— Истра, здравствуй, — сказал Виктор, протягивая для рукопожатия руку. — Мне бы с тобой переговорить надо, сможем сейчас?

— Почему нет?

— Тогда пойдём в комнату совещаний, там сейчас никого нет, и обсудим кое-что.

Расположившись за соседними столами, Виктор взял ручку и бумагу из лежавших на столе и начал разговор.

— Ты у нас лучше всех знаешь, что люди думают и их настроение. Поэтому с тобой я и решил предварительно обсудить этот вопрос. Да и в истории ты всё знаешь, или почти всё. В последнее время не даёт мне покоя одна мысль. Мы много ввели всяких новшеств, упорядочили трудовой режим, ввели выходные дни и дали людям свободное время, дали увлечения. Много, мало, хорошо или плохо, но есть движение. Ввели поощрения и награды.

Но всё это получается в каком-то сокращённом варианте. Да, люди у нас получают всё необходимое для жизни, но, как мне кажется, сейчас появляются новые возможности для улучшения своего положения, а я не вижу, как это можно сделать без использования денег. Раньше, до катаклизма, многое, если не всё, определялось количеством денег.

Если денег у тебя много, то и можешь ты сделать многое, что не могут другие. И деньги приносили их обладателю доход, позволяя, не работая, получать все блага и ощущать себя лучше других. И это было неправильно. Самая первая и главная функция денег – это функция обмена одного товара на другой. Деньги должны позволять сравнить стоимость разных товаров и провести справедливый обмен этих товаров. Вот и подумал я, что введя деньги, мы дадим людям возможность обменять свой труд, превратившийся в эти деньги, на что-то ему нужное сверх получаемого необходимого.

— А ты не боишься, что всё вернётся к старому? Будет кто-то, накопивший, честно или нет, много этих денег, и станет покупать всё, что можно. Других людей, чужую работу, красоту, силу, и начнёт опять возрождаться вся прежняя атмосфера потребления.

— А вот это мы с тобой сейчас и обсуждаем, как нам не допустить этого.

— Ты знаешь, Сталкер, наверное, я в этом не смогу тебе ничем помочь. Не потому что не хочу, просто я никогда не задумывалась об этом, да и не интересовало меня всё подобное. Но я могу тебе подсказать, с кем тебе можно будет поговорить на эту тему. Как-то раз я оказалась невольным свидетелем одного эмоционального спора о прошедших временах. Как раз о деньгах и экономике, рынках, правых и виноватых во всём произошедшем.

Почему самые экономически развитые страны не приняли никаких мер против этого астероида, что надо было делать, и почему всё произошло именно так. И мысли, высказываемые одним из

спорящих, показались мне настолько интересными, что я запомнила этого человека и потом навела о нём справки. Вот с ним тебе и надо поговорить. Он живёт и работает здесь, зовут его Алексей, фамилия Никитин, позывной Дока. Найти его просто, он работает у спецов Теха, занимается чем-то, связанным с электричеством. Вот с ним ты и поговори. Мне кажется, не пожалеешь.

— Спасибо, Истра, я обязательно с ним переговорю. Честно говоря, я на это и рассчитывал, что ты подскажешь, с кем можно обсудить эту тему. Если тебе будет нетрудно, найди его и пригласи для разговора завтра с утра, просто ты знаешь его в лицо, и тебе это будет проще.

— Хорошо, сделаю.

На следующий день, подходя к центру, Виктор увидел у входа ничем не приметного, среднего роста пожилого, лет пятидесяти или немного старше, мужичка в обычном камуфляже и берцах. В этом не было ничего неожиданного, практически все сейчас так одевались, запасы формы на складах военных оказались просто огромными. При приближении Виктора он встал, протянул руку и представился:

— Алексей, вы меня просили подойти для разговора.

— Отлично, давайте пройдем в комнату. Чай будете?

— Не откажусь.

Пройдя в комнату совещаний, Виктор предложил устраиваться своему гостю за столом и занялся приготовлением чая, благо чайник уже был горячим, все окружающие знали его пристрастие к этому напитку и слегка потакали этой слабости. Заварив чай и разлив его по кружкам, одну из них поставив перед своим собеседником, Виктор полуутвердительно спросил

— Кто я такой, вы знаете, с вами мне посоветовала переговорить Истра, а я ей доверяю. Разговор у нас будет несколько необычный, касающийся экономики и денег. У вас есть какие-то соображения по этой проблеме? Как говорила Истра, в каком-то споре вы высказывали очень интересные мысли по этому поводу. Сможете повторить?

— Вот не думал, что мой давний интерес к деньгам приведет к такому разговору. Сам я не экономист, инженер, просто в своё время, до катаклизма, пытаюсь внедрить часть своих идей, постоянно сталкивался с проблемой нехватки денег, а потом и вообще вся страна столкнулась с их отсутствием. Вот и стало мне интересно, где деньги, и как мы дошли до жизни такой. Стал изучать экономическую литературу, вплоть до классиков коммунизма. Всё пытался найти ответ на свои вопросы. Даже дистанционно по нескольким темам прошел обучение.

Тем не менее, экспертом я не стал, при всём моём интересе к этой теме мне не хватало понимания сути происходящего и, самое главное, понимания, что такое деньги. Это очень непростой вопрос, и если у вас есть это понимание, то вам будет все понятно. Так бы всё это и зачехло, но мне встретились две весьма любопытные теории, причём воплощённые в реальные проекты и подтверждённые реальными примерами их выполнения. Автор одной из них – Сильвио Гезелль, ему принадлежит так называемая теория "денег с отрицательным процентом" или свободных денег, другой – Курбан Ахметов "Ассиметричная экономика". После ознакомления с этими теориями для меня лично стало понятно многое, я нашёл ответ на свои вопросы и больше этим не интересовался.

— Очень интересно, судя по этому объяснению, ты сейчас, Алексей, для меня будешь настоящим экспертом. Я не знаю практически ничего по этой теме, всю свою жизнь я воевал, стрелял, бегал, спасал людей. Вот и сейчас так сложилось, что на меня легли некоторые обязательства, которые я

вынужден был взять в память о своих учителях и друзьях. Я опять должен что-то делать ради спасения и организации людям нормальной жизни. Давай мы с тобой обсудим сложившуюся ситуацию, ты мне расскажешь про эти теории, и мы с тобой что-то, может быть, и сообразим. Это не секрет, потом будем обсуждать это со всеми остальными нашими жителями, но пока надо провести подготовительную работу.

— Можно попробовать, в конце концов, мы ничего не теряем.

— Тогда слушай, в чём я вижу проблему. Нас хоть ещё и мало, но уже складывается система отдельных поселений и происходит, даже уже произошло разделение по профессиям. Если раньше была проблема с продуктами питания, жильём и возможностью перемещения, связью, то сейчас они практически решены. По минимуму, но решены. Начинает складываться нормальная инфраструктура поселений, нормальные, привычные отношения – работа, дом, отдых и развлечения. А вот образмерить всё это мы не можем. Если раньше неким мерилom выступали деньги, золото, драгоценные камни, то сейчас этого ничего нет.

А потребность в этом есть, люди работают и за свой труд должны иметь возможность приобрести всё, что им может потребоваться. Так было всегда. Даже в древности земледелец мог вырастить лишний мешок зерна и обменять его, допустим, на топор. А что может получить токарь на нашем заводе? Лишнюю порцию в столовой?

Все проблемы в своё время решились введением денег, золотых, серебряных, медных монет, бумажных купюр и т. д. Это же позволило мануфактурам и предприятиям продавать свою продукцию. С другой стороны, введение денег сразу дало обладателям большого их количества огромное преимущество, деньги стали инструментом получения денег.

Ростовщики, менялы, банкиры постепенно забрали себе всё и стали диктовать нормы и правила поведения, превращая окружающих в неявных, а порой и явных, рабов. Появилось скрытое рабство, итогом чего были всякие революции и войны. И, наверное, катаклизм можно считать в какой-то мере следствием этого – не нашлось никого, ни государства, ни страны, кто бы оказался в силах уничтожить этот камень.

Нам этого не надо. Вот и стоит задача, ввести в оборот деньги как средство обмена, меры твоего труда и при этом избежать скрытой формы рабства. Без этого, хотим мы или нет, мы развиваться дальше не сможем. Или должен быть какой-то другой эквивалент, может это будет какая-то мера энергии или труда, не знаю. Об этом и хочу посоветоваться.

— Теперь понятно, что тебя беспокоит. Но вынужден тебя огорчить. Если ты хочешь, чтобы всё работало без твоего участия, и не требовалась постоянная корректировка, введения денег будет для этого недостаточно. Ведь порой власть определяется не напрямую количеством денег. Например, чиновник может иметь порой власть гораздо большую, чем олигарх, хотя их доходы нельзя сравнивать.

Поэтому для организации, как раньше говорили, справедливого общества равенства и братства всех людей, необходимо будет продумать ещё много чего, сейчас даже не могу сказать чего.

— Это понятно, построить жизнь – не с горки скатиться. Судя по тому, как у нас с тобой складывается разговор, ты согласен поучаствовать вместе со мной в этой работе. Тогда мы к этой теме ещё вернемся, и не один раз, а пока ознакомь меня с упомянутыми теориями про деньги.

— Тогда слушай, начну с теории отрицательного процента или свободных денег. Согласно ей

предлагается ввести плату за их пользование. И эта плата должна поступать не кому-то, а государству, так как именно государство выпускает деньги. Осуществляется оплата следующим образом. Выпускаются в обращение свободные деньги, возьмём для примера сто рублей, и действует такая купюра один год. Особенность в том, что на её обратной стороне раз в неделю, допустим в среду, должна быть наклеена марка стоимостью двадцать пять копеек.

Если такой марки нет, то банкнота считается недействительной. Наклеивать эту марку должен тот, у кого оказалась эта купюра в среду утром. Этот обладатель купюры должен заплатить двадцать пять копеек за покупку марки для наклейки на денежку, чтобы продолжить пользоваться этой купюрой. Если он этого не сделает, он потеряет сто рублей. Плата за пользование такими деньгами составит тринадцать рублей в год. Если ты год продержишь у себя такую денежку, то лишишься тринадцати рублей. Таким образом, получается, что просто так держать у себя деньги становится невыгодно, они со временем уменьшают свою стоимость, приходится платить за их наличие у тебя.

Т.е. в течение недели ты пользуешься такими купюрами, но к среде, во вторник вечером, постарайся от них избавиться – заплати за товар или за услуги, купи сырьё или что-то подобное. В среду, продав свою продукцию, ты получишь новые деньги на неделю и всё повторится опять, постаравшись избавиться от старой банкноты, ты избежишь дополнительных расходов.

И платить придётся государству, марку нужно покупать на почте, а почта – государственное учреждение. Получается, что ты дополнительно платишь за пользование деньгами. И чем у тебя таких денег больше, тем больше ты платишь. Чтобы избежать этого, надо отдать все деньги до наступления момента платежа. А когда у тебя нет денег, то и дать в долг под проценты тебе нечего. А если ты взял в долг, то платить тебе придётся ещё дополнительно за пользование деньгами.

Получается, что введение временного ограничения на пользование деньгами приводит к исключению процента за предоставления денег в кредит и уничтожению механизма перераспределения денег от бедных к богатым. Да и само понятие кредита при таком подходе теряет смысл. При этом значительно ускоряется оборот денег.

Все будут стараться быстрее вложить эти деньги во что-то, не подверженное такой усушке. В то же время государство получает дополнительный доход за эмиссию денег в виде платы за право пользования, что может привести к снижению налогов. Правда, здесь есть и обратная сторона.

Резко возрастёт спрос на золото и драгоценные камни, т. к. за них платить не придётся никому.

Возрастёт и стоимость земли, т. е. деньги начнут вкладывать во что-то капитальное, не подверженное такой усушке – предметы роскоши, картины, яхты и что-то ещё, чем можно пользоваться и не прибегать к деньгам, они уже в своё время были заплачены.

Проводились практические проверки этого механизма. В нескольких городках в Австрии пытались работать по этой схеме, и всё было хорошо, создавались новые рабочие места, был приток средств в муниципальную казну и т. д. Но все работы были закрыты центральным банком с мотивировкой, что деньги может выпускать только ЦБ. Вот это как раз понятно, банкиры не будут отдавать свой источник дохода.

Правда, по такой схеме работали и арабские банки, но это как-то осталось в стороне, и на это особо никто и не обратил внимания. Во всяком случае, есть механизм, пусть такой и несколько непривычный и горбатый, позволяющий избежать тех бед, которых ты опасаться. И его применять нужно сейчас, пока нет никакой другой денежной системы, и нет никаких заменителей денег –

золота, роскоши и всего прочего.

Вот очень кратко о свободных деньгах. Конечно, сейчас можно обойтись без марок, есть компьютеры, и они будут автоматически списывать деньги с твоего счёта, при этом их можно сделать виртуальными, что в принципе и нужно делать. Представь, кто-то найдёт не разграбленный банк, набитый рублями и баксами, и сразу станет мультимиллионером. Это будет неправильно.

— Да, очень интересная теория. Не всё сразу укладывается в голове, непонятно пока, как с этим работать, но информация очень полезная и даёт повод задуматься о многом. Во всяком случае, есть подтвержденный исторически факт, что возможность обойтись без грабительских банковских процентов существует. Возьмём это на заметку. Давай дальше.

— Другая теория – про альтернативную экономику. Она анализирует успехи, показанные СССР, и даёт понимание, чем всё это было вызвано. Наверное, она будет подходящей для нас, т. к. даёт возможность повторить всё, что было сделано для превращения СССР из нищего, разоренного гражданской войной и разрухой, государства в космическую державу.

Автор рассматривает два типа экономики – западную, рыночную, и советскую. Причём, согласно этой теории рыночная экономика является тупиковой ветвью развития. И обосновывается это не какими-то идеологическими призывами, а её особенностями. А одной из главных из них является основополагающий принцип потребления. Ты купил себе булку, и этим самым заплатил всем, кто участвовал в её изготовлении. Затраты каждого участника производства включены в цену, и заплатив за булку, ты передал свои деньги всем остальным.

Такая экономика подразумевает высокую покупательскую способность населения, и соответственно она поддерживается всей сложившейся структурой общества, нацеленного именно на это – банки и финансовая система, кредиты, конкуренция и неумеренное потребление ресурсов. В основе её лежит, пусть это будет так, доллар. Их должно быть много у населения, чтобы можно было покупать. А если их у тебя нет – то возьми кредит, и на тебе ещё заработают банкиры. А если у них окажется мало денег, то государство нарисует ещё или возьмёт в долг у других стран, а потом расплатится с ними нарисованными бумажками.

Во всяком случае, в такой экономике все определяется количеством денег и желанием кого-то заработать на их количестве. От этого и шли разговоры об инвестициях и инновациях, т. е. при всех благих пожеланиях и посылках на развитие экономики все сводилось к возможности кем-то заработать на своих лишних, ворованных, отнятых у нищих, или нарисованных деньгах.

Совсем другой подход к экономике был в Советском Союзе. Там была создана двухуровневая экономика. Первым уровнем была, скажем так, экономика государственная, в которой для расчета использовался так называемый счѣтный рубль. Он не имел хождения по территории страны и использовался только для расчетов между предприятиями. Благодаря ему было возможным строить новые заводы, дороги, пушки и танки.

Фактически, это были не деньги, это были просто взаиморасчеты. Ты построил танк и заплатил за броню, мотор, пушку своим поставщикам, они заплатили за металл своим поставщикам и т. д. Все рассчитались, но ни копейки из этих денег не поступило на рынок. И не создало своеобразный денежный пузырь, не обеспеченный товаром.

И была ещё другая экономика, основанная на наличном рубле, которым пользовалось всё население. Обе эти экономики работали параллельно. В этой области всё происходило как и в рыночной

экономике – денежная масса равнялась товарной. И они росли вместе без всяких кризисов и депрессий. Все деньги были обеспечены товаром, а за счёт его реализации появлялась прибыль, и возможен был дальнейший рост производства.

Главное условие двух этих экономик – счётные рубли не могли быть переведены в наличные. И пока это выполнялось, всё было хорошо. Предприятия развивались, строилась инфраструктура, дороги, дома, детские сады и всё прочее, принадлежащее государству и предприятию. Ему некуда было тратить деньги, свою счетную прибыль, вот предприятия и строили дома, котельные, садики и брали их на свой баланс. На это расходовались только счётные рубли. Была проблема с товарами для населения, но здесь уже причина не в экономике, а в правителях, которые не понимали, что делали. Когда же было нарушено главное требование, и счётные рубли стали перетекать в наличные, случилось то, что случилось. Особо умные прорабы перестройки и иже с ними, не понимая, что они делают, взяли курс на рыночную экономику. Как итог – крах экономики СССР и развал всего государства.

Вот очень краткое изложение этих двух теорий, после ознакомления с которыми мне стало понятно произошедшее, и я занялся другими делами. Никакие другие словоблудия про демократию и рыночную экономику мне стали не интересны. Я узнал истинные причины произошедшего без всяких секретных документов, подслушивания сплетен и подглядывания в туалетах.

— Хорошо, я понял, что надо узнать в первую очередь. Я думаю, мы еще не один раз обсудим эту тему, особенно альтернативу. У нас ведь почти такая же ситуация – надо с нуля поднимать экономику. А пока давай мы с тобой просто попьём чайку, слишком много новой для меня информации, её надо обдумать. Потом мы продолжим наш разговор.

Глава 13

15.04.29

Иван, командир экспедиции, позывной Змей.

Ну вот, и началась наша экспедиция. Или разведка. Произошло это, правда, раньше, но сейчас тронулся основной поток. А началось ещё в прошлом году, с разведки Оренбурга. Тут всё оказалось проще, чем думалось. Раньше частично это было сделано, так что нам осталось все повторить. Но батя с дедом были не глупее меня, значит, что-то помешало.

А у нас всё получилось просто и незамысловато. От Астрахани на "аннушке" долетели до Оренбурга, нашли подходящее место для посадки, организовали временный лагерь, привезли туда специалистов и вместе с ними облазили Оренбургский гелиевый завод. Интересным оказалось это место.

Как мне рассказали эти специалисты, гелия в атмосфере Земли очень мало, добывают его из природного газа, в котором он может содержаться в относительно больших количествах. Основные запасы его находились в США, тринадцать из семнадцати заводов, существовавших в мире. Это абсолютно инертный газ, самый лёгкий и сверхтекучий, только при температуре около абсолютного нуля превращается в жидкость. Применяют его в том числе и для заполнения оболочек дирижаблей, в ядерной энергетике и в космонавтике.

Обычно получают его, вымораживая попутные газы при сверхнизких температурах. Кроме заводов в США, были заводы в Алжире, в Катаре, в Польше и в Оренбурге. Завод в Оренбурге считался уникальным. Дело в том, что раньше считалось нерациональным получать гелий из газов, содержащий его менее одной десятой процента. А в Оренбурге гелия содержится в

нефтегазоконденсатном месторождении всего пять сотых процента. Но газа этого много. Вот и решили здесь строить завод.

Для этого завода пришлось разрабатывать специальную технологию и аппаратуру. При этом в производстве используются самые разные физические процессы, параметры менялись в значительных пределах, температура от минус двухсот трех градусов до четырехсот тридцати градусов Цельсия, давление от глубокого вакуума до четырехсот атмосфер. Да и очистку от примесей надо было производить, от сероводорода, азота, водорода.

В общем, место сосредоточения могучих технологий. Впрочем, и сам завод производил соответствующее впечатление, несмотря на следы разрушения. С первого взгляда даже мне становилось ясно, что восстановить и использовать его нам не по силам. Да и хранилища с готовым гелием были пусты. Единственное, что нам могло пригодиться, это транспорты по перевозке жидкого гелия. Это были какие-то сосуды Дьюара на колёсах и, по словам специалистов, могли хранить гелий в жидком состоянии до тридцати суток.

В общем, задание выполнили, разведку произвели, промежуточную базу организовали, дорогу разведали и проверили, хотя бы с воздуха, если надо будет, вернёмся за этими термосами на колёсах. Видимо, они и не давали покоя Сталкеру, помнил о них и надеялся как-то использовать в изменившейся ситуации. А может, хотел освежить карту, рассматривая Оренбург как промежуточный этап для броски дальше.

После разведки Оренбурга занялись прокладкой маршрута. Экспедицию пришлось поделить на две части, сухопутную и водную. Катер пойдёт от Астрахани по Волге, заодно и реку проверит на предмет возможности организации движения. А сухопутную часть экспедиции решили пустить по маршруту Краснодар – Сальск – Волгоград – Саратов – Сызрань – Ульяновск – Чебоксары. Сейчас это просто точки на карте, но надеемся, они оживут, хотелось бы, чтобы с нашей помощью.

Конечным пунктом пока выбрали Чебоксары, это место было одинаково удалено от Ульяновска, Нижнего Новгорода, Казани, правда, Казань была ближе, но располагалась на той стороне Волги, а как там будет с переправой, пока не понятно. Маршрут проложили по карте, теперь надо будет провести воздушную разведку как сухопутного, так и речного пути. По прикидкам место вполне хорошее, близко до бывших промышленных центров, и есть дорога на Урал.

Определили порядок построения и движения колонны. Впереди будет идти отделение разведки, его задача проверить дорогу и своевременно известить колонну о возможных препятствиях на пути.

Следом пойдёт сапёрный взвод. Ему предстоит обеспечить движение всей колонны. Не думаю, что дороги сохранились в пригодном для езды состоянии, скорее всего, если и можно проехать, то на отдельных участках. Будем ещё проводить авиаразведку. Но техника у нас в основном полноприводная, так что должны пройти.

Особенно трудно будет преодолевать овраги и ручьи, реки. Что нужно будет для ремонта дороги, определим по результатам воздушной разведки. Затем пойдёт вся основная масса, в конце колонны ремонтные машины, медицина, кухня, заправщики и прочая вспомогательная техника. Были определены командиры групп и старшие по машинам, по ним распределён личный состав. По результатам авиаразведки должны определить места стоянок и ночёвок и определить порядок развёртывания и сворачивания места отдыха. Всё это пока несколько сумбурно, но это только план предварительных действий для проведения авиаразведки.

Авиаразведку проводили всё время до отправления экспедиции. Определяли, что собой представляют дороги, подтвердились самые пессимистические ожидания. Дороги практически не было. Остались отдельные участки, да и то непонятно, в каком состоянии. А после того, как пройдёт наша колонна с тяжёлой техникой, от неё не останется ничего. Но другого варианта пока у нас не было, поэтому выбирать можно было только либо движение без дорог, либо как-то пытаться проехать по тому, что осталось.

Организовали по пути несколько промежуточных баз для авиации, куда можно, забросили айбайки и квадры для уточнения состояния дороги. Экипажи с воздуха и на колёсах искали лучшую дорогу. Определяли места переправы. Плохо было то, что движение начнётся весной, земля будет мокрой и мягкой, и воды в оврагах, ручьях и реках будет много. А техника у нас тяжёлая.

Вот речникам это хорошо, им высокая вода на пользу. Пока была возможность, отправили сапёров ремонтировать, где можно, дорогу. Этим они занимались всё время до выхода экспедиции, привлекая всех свободных к этой работе, прокладывая и размечая вместе с разведкой предстоящий путь. Разведка и сапёрный взвод ушли на неделю раньше, а сегодня двинулась вся остальная колонна. Тронулись в путь и речники. Они шли сами и тащили за собой небольшую баржу, в основном с топливом. По пути, если получится, мы должны были встретиться и вдоль Волги должны двигаться самостоятельно. Если они нас опередят в пути, будут ждать в Волгограде и проводить разведку.

Глава14

15.04.29

Сталкер, Алексей, позывной Дока.

Заходи, Алексей, присаживайся, продолжим наши обсуждения экономики и денег. В общем-то, из того, что рассказал про деньги, можно считать вполне достаточным для общего понимания проблемы. Меня как-то больше интересует альтернативная экономика, мне кажется такая ситуация более близка к нашему сегодняшнему состоянию. Ты с этим согласен?

— В общем-то да, но наверное, надо как-то ее смотреть немного с точки зрения дальнейшего развития. А как она будет работать завтра. Я понимаю так, что система должна быть самодостаточной и не нуждаться в каких-то постоянных управляющих воздействиях.

— Мы к этому ещё вернёмся, а пока я хотел затронуть такой вопрос. Пусть завод сделал танки или корабли. Неважно что, но пришло время платить людям деньги, зарплату, где он их возьмет?

— Честно говоря, для меня это тоже не самый простой вопрос. По идее, он должен поехать в банк, получить нужную сумму и выдать людям заработанное. Откуда возьмёт деньги банк? В самый первый раз он должен просто их нарисовать, но не столько, сколько захочет, а столько, сколько выпущено продукции для населения и оказано услуг. Здесь имеет значение отслеживание соотношения наличных денег и выпущенных товаров и оказанных услуг.

Может быть, я что-то и неправильно говорю, но денег не может быть больше, чем изготовлено товаров. Даже скорее наоборот, товаров может быть немного больше. Тогда можно будет людям увеличить зарплату, увеличится количество денег в свободном обращении, и всё останется в заданных границах. Не будет никакой инфляции, не будет обесценивания денег, будет стабильность и постоянство.

— Я так понимаю, что для получения этих денег нам придётся вводить отплату за самые разные

услуги, оказываемые государством населению?

— Да.

— Тогда давай немного порассуждаем. Вот мы предоставили каждому по отдельному дому. Сейчас это бесплатно. Когда введём деньги, за этот дом придётся платить. И за газ, энергию, канализацию. Так?

— Наверное, так.

— Да не наверное, а именно так. В этом случае все наши усилия по укреплению общества окажутся напрасными. Значит, надо найти какой-то компромисс. Если стоимость дома пусть составляет, для примера, тысячу рублей, из них сто рублей пошло на зарплату работникам, строившим этот дом. А никто бесплатно не работает, и деньги, потраченные на зарплату, должны быть компенсированы такими же деньгами, а не счетными.

Значит, мы должны сказать, что из всей стоимости дома в тысячу рублей его хозяева должны заплатить государству сто рублей, десятую часть его стоимости. Остальные расходы на строительство государство берет на себя. И эти десять процентов мы разобьём на срок десять лет, тогда это будет вполне приемлемая сумма платежа за возможность жить в собственном доме с самого начала, а не в казарме.

Точно также мы должны поступить и со всеми платежами. Платить не всю сумму, а только часть. Какая это будет величина, давай пока для рассуждений возьмём десять процентов. Её придется считать и обосновывать, но это уже рабочие детали. Механизм взаимоотношений становится понятен. С другой стороны и немаловажным будет такой фактор – когда что-то получаешь бесплатно, это не ценишь. Если для получения нужной вещи пришлось потрудиться или заплатить денег, хотя бы немного, то ценность её значительно возрастает.

— Наверное, так будет правильно. Счётные рубли остаются счетными, люди работают за обыкновенные деньги, и они их получают. Со всех мест платежей деньги стекаются в банк, а потом уходят опять на оплату. Всегда под контролем денежная масса, всегда под контролем объём выполненных работ и оказанных услуг. Если товаров сделано меньше, упадут зарплаты, если остались нереализованные деньги, надо увеличивать выпуск товаров. Всё ясно и понятно. И социальный эффект учтён, платится не полная стоимость, а только часть. Почему часть, тоже понятно, оплачивается работа других людей, но не завода и не его прибыль. По-моему, всё разумно. — Вот давай на этом пока и остановимся, подумаем, что нам надо еще учесть в наших рассуждениях.

Глава 15

01.07.29

Иван, командир экспедиции, позывной Змей.

Пунктом постоянной дислокации мы выбрали всё же Чебоксары. Это место подошло просто потому, что дальше идти было уже слишком тяжело, а место было вполне подходящим и соответствовало всем нашим требованиям. Раньше это был небольшой город, тысяч на пятьсот жителей, и в этом городе было всё, что нас интересовало в первую очередь. Был аэродром, способный принять наши транспортные самолёты, была промышленность, леса, есть места для полей.

Сам город расположен на Волге, что позволяло открыть речное сообщение с Астраханью, да и с другими волжскими городами, и кроме того, это давало выход на Каму. На левом берегу располагались обширные леса, которые могли служить хорошим источником сырья для получения

биотоплива.

Волга в этом месте была не очень широкой, что позволяло довольно-таки просто наладить паромную переправу на левый берег. Да и рельеф берега позволял организовать зимнюю стоянку судов. Всё остальное было не особенно важно, хотя не было лишним. Было несколько сборочных и электротехнических заводов, хороший машиностроительный комплекс, всё со времён до катаклизма. Они, конечно, превратились в руины, а если и уцелели, то представляли большую опасность, но можно было надеяться на какую-то полезную добычу в этих местах. Рядом был ещё город спутник Новочебоксарск, бывший город химиков. Может быть, и там будет что-то интересное.

В больших городах, типа Волгограда и Ульяновска, обстановка была ещё хуже, а опасность выше. Так что, определили себе местом ППД Чебоксары и успокоились. Пока только осмотрели город, самые ветхие здания обрушились, чтобы они сами не рухнули от вибрации, создаваемой проезжающим транспортом. Город располагался на нескольких холмах, разделённых оврагами.

Нашли дороги, позволяющие проехать по всему городу без мостов. Расположились мы пока на территории перед городом вблизи от Волги, на высоком берегу. Разбили свой обычный походный лагерь и назначили несколько дней отдыха для личного состава. Надо честно признать, что дорога оказалась трудной.

Вспоминая рассказы отца и деда об их походе в Эритрею из Пушино, могу сказать, что наш поход был ненамного легче, разве что не было морозов и проблем с топливом. За топливом, кстати, пришлось несколько раз отправлять наливники в Севастополь, да и там ещё добавили нам пару заправщиков. Правда, по пройденной дороге идти было легче, но ведь дорога, хотя бы в одну сторону, занимает не один час. И чем дальше мы уходили на север, тем трудностей становилось больше.

В начале пути благоприятно сказалась наша подготовка к маршруту. Вовремя проведенный ремонт мостов и налаженные переправы позволили без особых трудностей добраться до Волгограда. Дорога, конечно, была никакая, но её хотя бы успели разметить и найти объездные пути. Хотя как оценивать. Для вездеходной техники вполне проходима, да и во многих местах провели её ремонт – где тракторами заровняли, где объезд соорудили. А вот после Сызрани и Ульяновска уже был сплошной экстрим. И дело не в том, что дорога плохая.

Пошли холмы и овраги, спуски, подъёмы, и в конце почти каждого спуска речушка или ручеёк, перешагнуть можно. Но спуск, как и подъём, крутой, грунт топкий и вязкий, а тяжёлая техника не предназначена для движения по такой дороге. полноприводные машины пройдут, место можно найти, а что делать с трейлером, груженым трактором? Вот и приходилось искать объезды, иногда далеко в сторону, или наводить временные переправы.

Запасы материалов давно кончились, приходилось искать что-то на местах, разворачивать технику, автокраны, трактора, делать дорогу, сворачивать технику, и через пару километров всё повторялось вновь. Хорошо айбайки постоянно висели в воздухе, и несколько разведгрупп шли по маршруту с большим отрывом впереди. Это позволяло немного сократить время на поиск и ремонт дороги. Да и маршрут выбрали правильно, на пути не было больших рек.

Речники прошли дорогу гораздо легче, хотя и были на пути мели и останки мостов, обрушившихся в реку, но дорогу всегда находили. Катер показал себя с самой лучшей стороны, мели и перекаты для него не значили ничего, сам видел, разгонялись на свободной воде и по мелям шли на полной

скорости, только песок летел во все стороны. Водомёт – это сила.

Назвали его "Проходимец". Обрадовал Шатуна своим сообщением о великолепных данных катера, отправили ему подробный отчёт, потребовали второй катер и несколько барж, хотя бы наливных для доставки топлива по Волге. Волго-Донской канал, кстати, приказал долго жить, восстановить его вряд ли получится, а вот железнодорожный путь проложить, наверное, можно, и на платформе перевозить наши катера и баржи. Во всяком случае, об этом стоит подумать, тогда будет прямая дорога на Севастополь, по волоку на Дон, через Азовское море и в Севастополь. По карте вроде бы есть и более удобные места, позволяющие выйти с Волги на Дон, но это на Оке, туда пойдём немного позже. Пока у всех отдых. Заслужили.

Через два дня после обустройства лагеря начали проводить местную разведку. Полетали на айбайках по окрестностям. Леса здесь раньше действительно были великолепные. Сейчас ничего не осталось, но набрать древесины для переработки не представляло никаких трудностей. Надо только место подобрать, где будем строить биостанцию. А для этого надо было ножками обойти всё Заволжье. Попытки найти паром оказались более-менее успешными. Вернее, нашли что-то типа небольшой баржи, способной вместить один грузовик. Это что-то, названное остряками "Непотопляемый", держалось на воде устойчиво и спокойно следовало за катером, выполняющим роль буксира. Вот на нём и перевезли два "УРАЛа" на левый берег Волги и отправили на разведку левобережья.

Спустили на воду и все имеющиеся средние катера. Оснащены они были хорошо, имели эхолоты, радары и были направлены на исследования Оки, Суры и Ветлуги. Два пойдут на Оку, по одному на Суру и Ветлугу. На каждом было по квадрату и айбайку, так что по силам им были почти любые задачи. "Проходимец" же должен был уйти на Каму и искать дорогу на Урал. Из водного транспорта у нас оставались десять складных лодок с подвесными моторами, так что для исследования ближайших окрестностей этого должно было хватить.

Намечалась проблема с топливом. Поэтому слили с наливников всё топливо в бочки и в сопровождении ремонтной летучки отправили все цистерны в Севастополь за горючим. Не забыли обратную дорогу и сапёры, начали её ремонт и укрепление. Меняли временные переходы на более-менее капитальные, ровняли, искали новые, пригодные для движения, участки пути. Так что пока нас связывала с Севастополем сухопутная дорога.

Была для экстренных случаев и авиация, но это уже экзотика. Легкая авиация, Ан-2, использовалась для разведки окрестностей, а транспортная в основном для перевозки специалистов, для доставки врачей и больных в случаях необходимости оказания экстренной помощи. Была надежда на речников. "Проходимец" показал, что дорога есть, так что можно было ожидать, что Шатун выполнит своё обещание и закончит производство хотя бы одной баржи.

Ради речного сообщения я даже попросил Сталкера второй катер типа "Проходимец" отправить на Дон с частью второй роты спасателей и экспертами, пусть посмотрят, как и где можно устроить волок с Дона на Волгу. Наши баржи не супертанкеры и, я так думаю, их можно перетаскать, как в старину волоком, или устроить пункт перегрузки, с Дона на Волгу перебросить груз посуху. Или же смириться с дорогой по Волге от Астрахани. Речная дорога была самая спокойная, а по объёму перевозимых грузов давала большую фору сухопутной. Вот только в некоторых местах надо будет немного расчистить русло от остатков плотин и рухнувших мостов.

Немного начали изучать город. Он располагался на нескольких холмах, отделённых друг от друга

довольно-таки большими оврагами, через которые раньше были проложены мосты. Но были и дороги, позволяющие проехать в разные части города и без мостов. Чувствуется, что раньше это был красивый городок, даже в сегодняшнем, полуразрушенном состоянии вызывал к себе с первого взгляда чувство симпатии.

Нашли университет, педагогический и сельскохозяйственный институты, научно-исследовательский институт релестроения, несколько техникумов разного профиля. Все эти учреждения оказались достаточно целыми, здания хотя и были в аварийном состоянии, но не развалились. В каждом из них была вполне сохранившаяся библиотека. В этих библиотеках, несмотря на отсутствие условий хранения, нашлись пригодные книги и учебники. Для нас это было целью номер один. Кроме того, была надежда попытаться реанимировать в какой-то мере промышленность.

А вообще, город изучали сорок человек, разбитых на пары, перемещались на квадрах. Целью было определение его общего состояния, первичное описание ресурсов и возможностей использования этого места как базы для дальнейших маршрутов. Нас интересовало всё. Имеющееся оборудование, его состояние, пригодные к использованию здания, материалы и запасы сырья, любая техника, транспортная инфраструктура города.

Потом специалисты, входящие в экспедицию, подготовят обзор состояния всего, что есть и совместно с экспертами из Севастополя решат, что и как можно будет здесь использовать для нужд возрождаемого города, и какие производства будут тут развиваться.

Сами мы устроили для себя, по установившейся за все годы посещения погибших городов практике, жилой посёлок на чистом месте, на высоком берегу Волги перед въездом в город. Были пока разбиты палатки, проложены необходимые коммуникации и обустроены коммунальные сети. Рядом располагался автопарк, были проложены дороги до аэродрома и причала. Да и сам причал был построен. И аэродром приведён в порядок и готов к приёму самолётов. Так что, освоение нового места началось успешно.

Глава 16

05.07.29

Совет координаторов

— Здравствуйте, товарищи, — поздоровался Виктор, входя в зал совещаний. — Все на месте, можно начинать наш совет? У нас на повестке два вопроса.

Во-первых, пусть каждый из вас возьмет брошюру, которая лежит перед ним и в течение двух недель выскажет своё мнение по этому вопросу, желательно аргументировано и в письменном виде. В порядке комментария – это предложение по введению денег в нашем обществе. Что за деньги, как вводить, как использовать, всё в предлагаемой брошюре. Это проект. Мы его обсудим, и не один раз, спешки пока никакой нет, зато есть масса вопросов и технических проблем по введению денег в таком варианте. Поэтому жду от вас конкретных замечаний и предложений.

Во-вторых, я знаю, что вы обсуждали текущую ситуацию, пытались как-то понять и спрогнозировать наши проблемы и цели. Я рад, что мы занялись комплексной оценкой всего нашего хозяйства и его перспектив. Как понимаю, проблемы каждого направления были озвучены. Пора приводить всё к одному знаменателю. Умник, тебе слово.

— А что я должен сообщить Совету? Комплексную программу развития я могу составить только на основании перспективных планов работ по каждому направлению. Их я не получил ни от кого.

Никто не хочет брать на себя ответственность и определяться с тем, что он будет делать.

Полномочий заставить это делать других у меня нет. Так что, ничего, кроме этого, я сообщить Совету не могу.

— Тех, напомни мне, ваше совещание по проблемам каждого направления было в апреле?

— Да.

— Умник, ты хочешь мне сказать, что у тебя за три месяца не нашлось времени в рабочем порядке встретиться с каждым из координаторов и обсудить и уточнить его проблемы?

— Ну почему же? Я встречался, разговаривал, но ни от кого не получил никаких плановых цифр и проектов работ по развитию направления.

— Насколько я помню, на апрельском совещании речь шла о структурных проблемах и определении общих принципов построения и развития нашего общества. Так, Тех?

— Да.

— Согласно распределению обязанностей общие вопросы для разных направлений, вопросы взаимодействия направлений закреплены за Умником. Так, Умник?

— Да, но я не могу делать всё сам, мне нужны перспективные планы по каждому направлению.

— Во-первых, перспективные планы направления должны разрабатываться на основании общих рекомендаций по развитию общества, а во-вторых, я не буду, Умник, объяснять тебе твои обязанности. Ставлю на голосование вопрос об освобождении Умника от обязанностей координатора по научным вопросам, образованию, новым технологиям. Причина – не справляется с обязанностями. Голосуем. Кто за? Единогласно, против, воздержавшихся нет.

Умник, покинь зал совета. Шатун, ты жаловался мне, что тебе не хватает специалистов. Вот тебе суперспециалист. Обеспечь его работой. Не среди учёных, а пусть идёт в производство и учится по новой проходить все ступени ответственности. Справится, повышай меру ответственности и поручай ему новые обязанности.

— Принял, Сталкер.

— А теперь вопрос ко всем. В дополнение проработки вопроса по введению денег прошу проработать вопрос введения новой должности координатора по экономике. И что-то мне не верится, что никто из вас не пытался составить какой-то план общих действий. Признавайтесь, что получилось.

— Не знаю, как другие, — начал Тех, но я рассматривал эту ситуацию со своей точки зрения. Я считаю, что для нас сейчас определяющим будет обеспечение нас энергией. Исходя из этого, я рассматривал проблему развития. Если никто возражать не будет, я поделюсь своими мыслями по этому поводу. Итак, начинаю.

На сегодня, исходя из концепции получения энергии только из возобновляемых источников ресурсов, мы можем получить следующее:

— биогаз;

— синтез-газ;

— биоэтанол;

— биобутанол;

— биоводород;

— биодизель.

Да, ещё остаётся возможность использовать имеющиеся запасы нефти, бензина. Но это побочный вариант. Биогаз может выступить заменой для всего. Он может быть использован и для бытовых нужд, и в промышленности, и на транспорте. Я покопался в литературе, нашёл ориентировочные данные в докатаклизменные времена, используемые для расчёта потребностей. Так вот, на одного жителя города планировалось обеспечить потребление электроэнергии тысячу сто кВтч в год. Там же, в литературе, я нашёл, что один кубометр биогаза имеет энергетическую ценность шесть тысяч кВтч. А один гектар земли может обеспечить урожаем растений, позволяющим получить от двух до шести тысяч кубометров биогаза в зависимости от того, что вырастили. Кукуруза даст больше, трава меньше.

И у меня после несложной арифметики получилось, что для обеспечения тысячи жителей электроэнергией по приведённым данным необходимо обрабатывать шестьдесят четыре гектара земли и выращивать что-то, позволяющее получить не менее трёх тысяч кубометров биогаза. А если учесть, что в тех же среднестатистических данных потребность на жилища составляла не более двадцати пяти процентов от общей, то, как минимум, эту цифру надо удвоить.

И с учётом сезонности и времени на выращивание растений, то можно эту цифру ещё увеличить. Получается, что как минимум, на тысячу жителей надо обрабатывать не менее двухсот гектаров земли, чтобы получить необходимое количество сырья для выработки биогаза. Ещё сумел найти данные, по которым, исходя из приведённых потребностей, отходы от ста коров позволят обеспечить биогазом пятьсот человек. Конечно, все эти цифры расчётные и ориентировочные, взяты из старых справочников, их надо будет подтверждать и проверять реальными цифрами, но если взять их за основу, то можно получить любопытные данные.

Во-первых, получается, что мы не должны строить большие города, т. к. не сможем обеспечить их энергией. Города должны быть тысяч на десять населения, ну может быть, двадцать, не больше. Город должен быть расположен вокруг какого-то производства, например, делает корабли-катера, может быть, машины, может быть, самолёты. Неважно. А вокруг города должны располагаться мелкие земледельческие хозяйства, типа хуторов, или колхозов.

И будут они выращивать что-то, картошку, кукурузу, свёклу, и отходы от этого будут использоваться для производства биогаза. Также должно быть налажено выращивание растений непосредственно для переработки на биогаз, есть по данным справочников такие травы, что дают хороший выход биогаза. Я не говорю о выращивании масличных культур для переработки на биодизель. Это отдельная тема, и её надо учесть также в планах проектирования поселений.

Таких хозяйств вокруг города должно быть несколько, они должны давать необходимый запас биомассы и обеспечивать севооборот, давать продукцию, по возможности равномерно по сезону. Для этих хозяйств будет создан центр переработки, скажем, семечки пойдут на получение масла, а отходы в переработку на биогаз. Или зерно, всю шелуху, солому отправить на переработку.

То же самое и с отходами ферм. Все отходы – на переработку. Это должно обеспечить производство нужного объёма биогаза. Он должен послужить для выработки электроэнергии, есть такой процесс – когерация, одновременная выработка электроэнергии и тепла. Для этого используются, грубо говоря, мощные дизели, в данном случае большой мощности, и специально приспособленные для работы на газе.

Для работы этих дизелей придётся строить при заводе специальные станции, что-то типа местной

ТЭЦ, которая обеспечит производство и жителей электроэнергией и теплом. Таким образом, получается центральное производство, завод, и вокруг него несколько хуторов и колхозов, производящих биомассу, энергетический центр, дающий биогаз, и завод, обеспечивающий всех электроэнергией и теплом.

Конечно, на самих хуторах могут быть и свои небольшие установки для получения биогаза или оборудование, работающее на газе, но это надо уже предусматривать на уровне расчёта проекта, на уровне концепции я пока другого сказать не могу. Вполне возможно, что на каждой ферме проще будет построить свой энергоцентр, вырабатывающий газ и энергию, чем куда-то возить отходы. Но, как уже говорил, это надо считать, как лучше сделать.

Здесь сразу возникает второй вопрос – транспортировка. И здесь у меня появилась такая идея – использовать сжиженный природный газ (СПГ). На энергетическом центре производят сжиженный природный газ, его доставляют на завод, там производят его регазификацию, и готовый газ используют для получения электроэнергии и тепла, а также могут по местным газопроводным сетям направлять в дома населения. При производстве СПГ одновременно будет происходить его обогащение, углекислый газ будет превращаться в жидкость при более высокой температуре, чем метан, и в итоге получим почти чистый метан. А углекислому газу тоже найдём применение. Получается такой комплекс. Завод с ТЭЦ, колхозы, энергетический центр. Сразу напрашивается комплекс дорог и транспорта. Дороги должны быть хорошего качества и всепогодные, чтобы проехать можно было всегда. И транспорт. Криогенные цистерны для транспортировки газа, обычные грузовики для перевозки биомассы, машины для перевозки отходов.

Хотя, это, может быть, можно решить как-то по-другому. Надо просчитывать сам проект и его организацию. Линии электропередач и необходимое оборудование. Местные газовые сети и оборудование для пользования газом, плиты, газовые котлы, газовые дизельгенераторы, если куда-то трудно тащить линии электропередач. Может быть, использовать поставку СПГ или просто газа в баллонах в такие места. Это опять расчёт и обоснование проекта. И сельхозтехника. Для обработки таких площадей её потребуется немало.

Сразу встаёт вопрос, а какую технику использовать. Дизель, бензиновый мотор. И где брать топливо? Биоэтанол, как мне кажется, не самый лучший вариант. Здесь лучше всего использовать биобутанол и биодизель. Причём должно быть, наверное, какое-то разделение. Для лёгкого транспорта, легковых машин вроде Нивы и УАЗа, а они должны быть для всех, подойдёт бутанол. Хотя это не обязательно, дизель и тут прекрасно будет работать. Весь остальной транспорт дизельный. И его будет больше всего.

А может быть весь транспорт будет дизельный. Надо считать, сможем ли мы обеспечить такое производства биодизеля и биобутанола. Для биодизеля надо выращивать опять что-то, например, рапс, правда, отходы опять уйдут на производства биогаза, но сколько надо будет площадей? И будем ли мы напрямую использовать масло или будем производить какое-то его облагораживание. Пока расчётами это подтвердить не могу, но интуитивно чувствую, что это должно получиться. Кстати, есть ещё много областей, где нужны двигатели не очень большой мощности. Лодочные моторы, скутеры. Но это опять должно быть завязано на общую концепцию города, сколько надо транспорта и прочей техники для обеспечения нормальной работы. От этого и надо плясать. И биобутанол. Сколько мы его сможем производить и из чего. Двести гектаров площадей мы уже

отдали на город для обеспечения его биогазом, сколько-то уйдёт на получение биодизеля. Или можно получить биобутанол из остатков лесов? Значит, надо эти леса исследовать и определять, сколько мы имеем времени для их использования, пока они окончательно не сгнили.

Правда, здесь есть ещё один источник энергии – пиролиз. Где-то мне попадались материалы по высокотемпературному пиролизу, когда можно получить что-то, похожее на нефть. Но это не моя епархия, здесь надо проводить исследования, и возможно не один год. Но если это так, то у нас вообще не будет никаких проблем, мы сможем получать топливо из мёртвой древесины. Насколько я помню, пни, оставшиеся после вырубki леса только через десять-пятнадцать, а то и двадцать пять лет созревают для переработки на скипидар и смолу.

Я не коснулся оборудования для получения биогаза, его сжижения и регазификации. Его надо делать. Я не коснулся проблем авиации с её моторами и материалами. Я не коснулся проблем металлургии, её надо считать по потребностям, и там потребление энергии будет далеко не слабым. Я не коснулся проблем химии, надо получать из чего-то всё необходимое, хотя бы кислоты, без этого мы не обойдёмся. Нужно начинать работы по синтезу моторных масел или чего-то подобного, или начинать искать нефть, иначе скоро встанут все наши двигатели. Я много чего не коснулся в своих рассуждениях, но большего я пока предложить Совету ничего не могу.

— Молодец, Тех. Именно чего-то такого я и ожидал. Есть у кого-то, что добавить ещё к сказанному? Если нет, то предлагаю поступить следующим образом. Тех, Совет поручает тебе развить и оформить всё, что ты сказал, в отдельный документ, пусть он называется предложением по развитию. К работе по созданию этого документа предлагаю подключить все научные бригады по направлениям. Я хотел бы увидеть в этом документе примерно то, что ты рассказал сейчас, в таком же логичном варианте, но по всем направлениям.

И с определением задач и перспектив, на что нам надо нацеливаться. И сроку тебе две недели. Пусть это будет какой-то незаконченный, промежуточный вариант, но идея в нём должна быть сформирована. И не только в отношении техники, но и в организации жизни людей тоже. Если будут хутора, то надо думать о том, чтобы люди не чувствовали себя брошенными и не думали, что их просто выселили из города. Это может вызвать проблемы.

Глава 17

07.07.29

Виктор, позывной Сталкер

Сегодня у меня опять встреча и разговор с Алексеем. Интересный он оказался человек. Пытаюсь разобраться в сути происходящего, получил для этого второе образование. Хотя у него нет практического опыта, есть только общее понимание проблемы и прекрасное знание исторического материала. Может быть, это только мне кажется из-за моей неграмотности в этом вопросе, но здравый смысл в его словах присутствует. А батя всегда говорил, что нечего мудрить, и если сомневаешься или не знаешь, как лучше, слушайся внутреннего голоса или здравого смысла. Во многом он получается прав. А вообще-то ситуация уже давно созрела, ребята начинают уже какие-то цеха, мастерские строить, проекты готовят. Люди уже сами ищут какие-то варианты, начинается потихоньку какой-то стихийный обмен. Пока всё упиралось только в еду, мы жили более-менее спокойно. Теперь появляются какие-то новые потребности, вон уже начали самогонку гнать, тоже ведь валюта. Н-е-е-т, надо эту работу форсировать, а то неизвестно что получим.

Мы в прошлый раз долго ещё сидели с Алексеем, обсуждали проблему экономики и денег со всех сторон, много непонятного, но потом взяли время на обдумывание. А вот кстати, и он.

— Приветствую тебя Алексей. Проходи, садись. Чай будешь?

— Здравствуй, Сталкер. Буду, но попозже.

— Как хочешь. Что-нибудь можешь сказать в дополнение к нашему прошлому разговору?

— Наверное, да. Мне тут пришла в голову мысль, что прежде чем вводить деньги, надо определиться с собственностью и правами людей. Чьи это дома и машины, кому они принадлежат, кто их будет ремонтировать. А кому принадлежат продукты? И как их распределять? А кто будет платить за газ, свет, бензин и прочие удовольствия? И что будет собой представлять наше общество или государство? Что мы будем строить? Коммунизм или капитализм? Вот множество таких или подобных вопросов совсем сбивают с толку. Даже не знаю, с какого конца за них браться.

— Я тоже задумывался о таких проблемах. При этом понял, что мы с тобой не лысые и бородатые теоретики, которые учили весь мир. Нам с тобой не под силу думать и решить за всех. Вот когда будем готовы со своими идеями, устроим общее собрание, причём в режиме радиоконференции, там все эти вопросы и обсудим. А пока исходим из того, что есть. А есть у нас сложившееся общество, какие-то устоявшиеся отношения, которые всех устраивают, принятые нормы и правила поведения и распределения имущества и продуктов.

— Всё ты правильно говоришь, Сталкер, вот только есть несколько моментов, которые нам не обойти.

— И что же это за такие особые моменты?

— Самый первый из них – это вопрос собственности. Если создавать двухуровневую экономику и вводить счётные рубли, придётся настоящие рубли наполнить каким-то содержанием. На рубль что-то надо купить или получить какие-то услуги – пошить платье или костюм, купить себе особо проходимую машину и т. д.

А если эти услуги будет оказывать государство, то ничего хорошего из этого не будет, есть реальные исторические примеры. Значит, появится частник, и значит надо разрешать частную собственность. Вот тебе и один вопрос. Как её узаконить и уравнивать в правах с общей собственностью, пусть мы будем называть её государственной.

— А когда появится частник, то у него будут свои цены, он будет стремиться получить прибыль, высокие цены дадут высокую прибыль, и начнётся процесс накопления капитала, и через некоторое время начнётся скупка самого разного имущества. А затем кто-то ему позавидует и начнётся передел, всё отнять у других и поделить в мою пользу. И таких моментов может возникнуть не один.

— Да, очень интересно повернул. Возникали у меня мысли по этому поводу. И вот что я могу сказать. Разделять общую, или как ты говоришь, государственную, собственность и частную нам придётся. И вводить надо будет последнюю. Без этого ничего хорошего не получится. Вот только мы их уравнием и поставим в равные условия. Продукцию они будут выпускать по одной цене. Если ты вырастил зерно, то цена его не может быть больше, чем у государства. А доход получай от снижения затрат, меньше потратишь, больше получишь. Но и на ресурсы, семена и всё прочее будет одна цена. Хочешь быть частником – будь им. Но на таких же условиях, что и все. И государство должно относиться к тебе как к равноправному партнеру, но и ты выполняй все требования, обязательные для государства. Нанял работника – зарплату ему плати не меньше, чем установило государство, и

предоставь те же условия и льготы. Если надо – построй жильё, дай транспорт и связь.

— Да ты с таким подходом не дашь развиваться ни одному частнику.

— Ну почему же. Если ты талантливый механик, то ремонтируй машины и восстанавливай технику, но своими руками. Затрат у тебя будет меньше, так что прибыль можешь получить, и она вся твоя. Заработок будет выше, чем на заводе. Или создай новые машины, приспособления, которые уменьшат твои затраты. А так, чтобы предоставить тебе какие-то льготы – это неправильно. А вот когда ты будешь создавать своё производство, например – кирпичи захочешь делать, то уж тут к тебе будут совсем другие требования.

— Ну, хорошо. Создали мы частную собственность. Есть частник, пусть он, например, ресторан содержит. Другой машины ремонтирует, третий редкие овощи-фрукты выращивает, четвёртый книги пишет или картины рисует. И для всех государство установит свою цену? А кто конкретно её будет устанавливать? Вася? Петя? Маша? Это неправильно. Механизм должен быть таков, чтобы всё определялось автоматически.

— А я не знаю пока, как это можно сделать, но, думаю, потом вместе определим. А вот то, что все должны быть равны, это точно. И если ты чиновник, или какой-то особо выдающийся деятель, то с тебя спрос будет больше, чем с других. А получать тебе больше благ за это никто не позволит. Вот примерно так я представляю себе наше общество. А если я в чём-то ошибаюсь, люди меня поправят. Так что давай думать дальше, что нам надо делать.

Глава 18

20.07.29

Иван, позывной Змей.

Пока основная часть наземной экспедиции занималась "активным" отдыхом, оборудовали жилые места, автопарк и стоянку техники, порт, изучали город, речники готовились к разведывательным маршрутам, авиаторы проводили предварительно воздушную разведку. Речники вообще замахнулись по максимуму. Готовили разведку по Суре, Ветлуге, по Оке и вверх по Волге, и самый главный маршрут – на Урал.

Пока планировали дойти до Перми, а там будет видно. В планах было осмотреть Кунгурскую пещеру, у нас ещё теплилась надежда, что там могут быть выжившие люди. Поэтому авиация разделилась. Один борт обследовал районы Суры, Ветлуги и Волгу вверх по течению, изучали дорогу, присматривали, где можно поставить промежуточные опорные базы с топливом. Пока получалось только одно место – Нижний Новгород.

Другой борт работал вдоль Камы, обследовал дорогу до Перми. Маршрут предполагался через Казань – Набережные Челны – Нефтекамск – Чайковский – Пермь. Закладывали излишнее количество баз, летать там надо было много, поэтому лишний опорный пункт не повредит. Катера снаряжались вообще по максимуму, всё свободное место забивали бочками с топливом и запасами продуктов. "Проходимец" вообще превратился неизвестно в какого зверя, кроме запасов топлива он нёс на себе УАЗ, квадр, айбайк. Не забывали и про оружие и боеприпасы. Запасов топлива у нас остался самый минимум, ждали прихода заправщиков из Севастополя.

Когда авиация провела разведку до Чайковского и оборудовала промежуточные базы, "Проходимец" ушёл на маршрут. Остальные катера ушли ещё раньше, так что на базе установилось относительное спокойствие. Пока "Проходимец" двигался по реке, авиация продолжала воздушную разведку,

оборудовали ВПП в Перми, даже транспортник могли принять, а затем аннушка приступила к облёту и разведке территории.

И тут от неё пришло сообщение: "Нахожусь в районе города Кунгур. Вижу обработанные поля".

Пилоту тут же посоветовали поискать дома, чтобы знать, где люди. А сами стали готовить транспортник и взвод спасателей на квадрах, УАЗик для броски в Пермь. Больше там по данным разведки сесть было негде. А от Перми до Кунгура сто километров, надеялись добраться быстро. Пилот где-то через час, сообщил, что видит дома и около них суетящихся людей.

Пролетел низко, оружия у них не заметил, сбросил им вымпел, что возвращается за помощью, и предупредил, что будут ещё люди. Мы уже готовы были к вылету и сообщили, что летим в Пермь, пусть готовится нас встречать и рисует карту. Среди спасателей был один врач, взяли с собой набор лекарств, продукты.

Через четыре часа мы были в Перми, получили от пилота аннушки координаты нахождения домов, и я на айбайке полетел на встречу с выжившими. Остальные спасатели шли за нами на УАЗике и на квадрах. Подлетели к указанному пилотом месту, никого из жителей не видно, видимо, боятся. Тогда я вышел вперёд, снял с себя оружие, и один, с поднятыми пустыми руками, пошёл к поселению. На окраине мне навстречу вышел дедок высокого роста, крупный, борода лопатой, глаза настороженно поблёскивают, в руке какое-то охотничье ружьё.

— Что надо, и кто таков? — был первый вопрос.

— Человек, хочу познакомиться.

— А если я не хочу?

— Не хочешь, и не надо. Пойду дальше. У меня и своих дел хватает.

— А ты откуда такой шустрый?

— Так и будем здесь разговаривать? А может, сядем, чайку попьём и поговорим спокойно.

— Нет у меня для тебя угощения.

— Я сам тебя угощу, вот только за рюкзаком схожу, если не возражаешь.

— Ну, иди, посмотрим на твоё угощение.

Пришлось вернуться к айбайку, взять рюкзак с продуктами, приготовленный для такого случая, и возвращаться обратно. Пока я ходил, дедок никуда не исчез, как стоял на месте, так и стоит, пристально наблюдая за моими перемещениями. За неимением стола пришлось на земле раскинуть плёнку, выложить на неё термос, банку варенья, хлеб, яйца, копчёное мясо, огурцы, помидоры. По мере того, как я выкладывал всё это богатство на плёнку, выражение лица у дедули менялось от неприязненно-настороженного до удивлённого.

— И откуда всё это у тебя, человеке? — спросил дедок.

— Сами вырастили. Об этом и хотел с тобой поговорить.

— И что, просто так угощать будешь?

— Буду. У нас этого хватает.

— Так ты не один, и тебе ничего не надо?

— Ты лучше пристраивайся, чаю наливай, угощайся, потом и говорить будем.

— Нет, так не по-людски будет. Эй, Витька, Сашка, скажите там, чтобы нам стол поставили, мы сейчас подойдём. А ты бери своё угощение и пошли, поговорим за столом.

Пришлось складывать продукты обратно и после этого идти следом за дедом в поселение. Идти

пришлось недалеко, буквально через пару домов располагалась лужайка, на которой уже поставили стол и несколько лавок. Опять начал выкладывать угощение, спросил дедулю.

— Ты бы пригласил своих к столу, да кипяточку пусть принесут, чаёк попьём.

— Твоего угощения на всех не хватит, что же людей задорить?

— А на сколько хватит, столько и угостим, потом ещё будут. Сюда ещё машины идут и катер. Катер, кстати, по Сылве сюда пройдёт?

— Тут мелко, вряд ли пройдёт.

— Мой пройдёт. Так будешь своих приглашать, или пока сами поговорим?

— Со стороны посмотрят.

— Дело хозяйское. Ты угощайся, не побрезгуй. Всё свежее, не из запасов.

— Да уж вижу.

— Меня, кстати, Иван зовут.

— Я Фёдор буду.

— Вот и познакомились, Фёдор. Я чайку себе налью. А если что покрепче, ты как?

— А что покрепче?

— Да ничего особенного, водочка наша, обыкновенная.

— А давай попробуем.

Налил я по сто грамм, махнули мы за знакомство, закусили копчёной курочкой. И начал я свой рассказ. Успел только рассказать, что мы из Севастополя, пережили катаклизм в шахтах, как по рации пошёл вызов.

— Бегун вызывает Змея.

— Слышу тебя, Бегун.

— Змей, мы подъезжаем к Кунгуру. Куда нам двигаться?

— Бегун, подожди минуту, свяжусь с тобой.

— Фёдор, где можно через речку проехать? В городе мосты остались?

— Да есть один, пешком ходим, а как проехать, не знаю?

— Хорошо. Летун, слышишь меня?

— Слышу Змей.

— Давай взлетай, ищи мост, пешеходов он держит, Бегун на подходе. Веди его к мосту, пусть проверит, и если можно ехать, веди его сюда. Пусть встанут, где я разоружался. Да, мою снарягу заberi.

— Принял, Змей.

— Фёдор, не пугайся, сейчас ещё мои люди подойдут. На машинах. Если нужна какая помощь, скажи. Есть врач, лекарства, продукты. Если мы для вас лишние, мы уйдём. Нам от вас ничего не надо. Мы просто рады, что кто-то ещё сумел выжить. Если хотите с нами иметь дело, то будем рассказывать вам о своём житье-бытье, и вы сами решите, будете вы с нами иметь дело или нет. Помочь мы вам в любом случае поможем. А теперь слушай мой рассказ дальше.

И я рассказал всю нашу историю, про поход на юг, про Эритрею, про освобождение рабов, про нашу жизнь и порядки. Говорил я громко, и думаю те, кто прятался вокруг, слышали всё. Когда я закончил, и наступила небольшая пауза, из-за ближайшего дома вышла женщина, статью не уступающая гренадэру, и положила конец раздумьям.

— Фёдор, хватит ерундой заниматься. Люди к нам со всем уважением, а ты всё из себя что-то строишь. Лучше давай готовиться гостей встречать. Предупредили же тебя, что едут.

— Извини Иван, очень уж всё неожиданно получилось. Меня Татьяной зовут.

— Да всё нормально, Татьяна. Нет никаких обид. Лучше давайте столы готовить и своих пригласи, пусть попробуют вкусы с юга. Сколько вас тут?

— Семьдесят шесть.

— Ничего, на один раз попробовать на всех хватит. А через пару дней ещё катер подойдёт, там запасов больше будет.

Поднялась суэта по подготовке встречи. Я предложил им ещё организовать костёр или где-то подготовить место для приготовления горячего. Предупредил, будем кашу варить. С мясом.

Надеюсь, припасов на всех хватит. Кроме трёхдневного запаса на десять человек в Уазике, у каждого бойца был такой же рюкзак с продуктами, как у меня. На всякий случай. Все помнили легендарную встречу Сталкера с основателями и всегда были готовы к такому же развитию событий. Принесли столы, лавки, рядом развели костры, готовили кипяток, варили картошку. У них была картошка, сумели сохранить. Молодцы.

Тут меня вызвали по рации.

— Бегун Змею, ответь.

— Здесь Змей. Слушаю тебя Бегун.

— Мы на окраине.

— Хорошо, ждите. Конец связи.

— Фёдор, Татьяна, мои люди на окраине, пойдёмте их встретим. Негоже без хозяев в дом входить.

Мы пошли встречать машины на окраину поселения. Все продукты сгрузили на Уазик и довели до места, передали Татьяне и её стряпухам. Машину отогнали назад, разместили вместе со всей техникой. Пока поставили технику, пока умылись с дороги, было готово угощение. Все разместились за столами, налили по сто грамм за знакомство и принялись за еду. Видно было, что наша пища для местных была в большую диковинку. Они уже забыли про яйца, мясо. Чай с вареньем вообще был верхом блаженства. Когда дошли до чая, нам стали рассказывать свою историю выживания.

В общем, было с одной стороны хуже, чем у нас, с другой и лучше. Нового мы не услышали. Когда случился катаклизм, среди немногих выживших оказались экскурсоводы Кунгурской пещеры. Надо сказать, что это далеко не простое природное явление, более пяти километров подземных гротов, более семидесяти озёр, проложенные туристические маршруты внутри пещеры. Когда началось похолодание и стало ясно, что где-то придётся спасаться, экскурсоводы повели свои семьи в пещеры. По их словам, в глубине пещер всегда стояла температура плюс пять градусов. Вот туда они и повели своих родных, близких, знакомых. У них не было запасов ни горючего, ни продуктов, но среди них нашлись несколько деятельных мужиков, организовал их бывший майор, уже вышедший на пенсию. Он привлёк всех к сбору в окрестностях Кунгура любых доступных продуктов питания, тёплых вещей, палаток, кроватей, горючего. Среди собравшихся была пара милиционеров, так что они смогли организовать какую-никакую охрану.

Пока погода позволяла, запасались всем, чем можно. И при любой представившейся возможности тащили любые продукты, топливо, тёплые вещи. Сумели сохранить картошку как посевной материал. Голодно было, по их словам, непереносимо. Кто-то и умер, но до каннибализма они не

дошли. Молодец майор. Для всех всегда находил занятие, не давал впадать в тоску и апатию. Люди держались только на его постоянной поддержке. Никого он не пропускал и не оставлял без внимания. И при любой возможности отправлял людей на поиски еды и топлива.

Это он называл охотой. Кто-то не вернулся с этой охоты, кто-то стал инвалидом, но он вытащил всех людей. Хорошо ещё, что температура внутри пещеры не опускалась ниже нуля градусов. Ноль это не минус сто. Так и зимовали. И когда появилось солнце, и началась оттепель, даже не сразу поверили, что сумели пережить этот ужас. После того, как земля отошла от морозов, нашли рядом расположенную деревню, переселились в неё, и начали выращивать картошку.

Нашлись среди них и садоводы-огородники, так что с этим справились. И жили на этой картошке и на тех запасах, что ещё удавалось найти в окрестностях. Никого другого из выживших они не встречали, даже следов их пребывания не видели, хотя и ходили к ближайшим пещерам. Технику они реанимировать не сумели, не было среди них ни механиков, ни инженеров по этому профилю. Так и жили, как получалось. Поэтому появление нашего самолёта и было для них почти как гром с ясного неба. Сначала радость, потом испуг, а потом неизвестность, переход от радости к страху. И только организованное нами застолье немного их успокоило и вселило надежду.

Рассказав о своём выживании, на нас накинудись с расспросами о нашей жизни. Это и понятно. Самолёты, машины, давно забытые, а для многих и впервые увиденные продукты, всё это вызывало повышенный интерес к нашей жизни. И мы рассказывали. Причём организовалось несколько групп, каждого спасателя окружали по несколько местных жителей и забрасывали вопросами. Рассказывали всё. И про основателей, и про войны с бандитами, и про наши поля и животных. Про наш образ жизни, школы, наши проблемы и наши цели. И прозвучал самый главный для меня вопрос, как можно нам дружить и работать вместе.

Я сказал, что всех не могу сразу перевезти в Севастополь, но несколько человек можно отвезти, пусть посмотрят, ознакомятся с тем, как мы живём, встретятся с нашим Координатором и решат, как жить. Поделился планами, что мы будем и дальше осваивать эти земли, и нам нужна будет в этих местах база. В любом случае мы дадим им семена, продукты, технику, привезём врачей и учителей для начального обучения, но потом учиться надо будет в Севастополе.

Пока у нас есть центральная база в Севастополе, организуется база в Чебоксарах, будем создавать базу и в этих краях. И местные жители нам бы очень помогли, если бы стали основой для этой базы. А мы обеспечим их всем необходимым для начала и поможем жить дальше. Будет у них связь, будет техника, медицина, образование. И с этого места будем дальше искать людей и новые места для дальнейшего продвижения на север и в Сибирь. Если вы согласны на такой вариант, то этот год, я думаю, прожить придётся здесь, пока наши специалисты не определятся, где лучше ставить базу, здесь, или в Перми.

Там есть аэродром, хорошее водное сообщение, была мощная промышленность. Может быть, что-то и можно будет использовать и нам. Конечно, повторил ещё раз, одних мы их теперь не оставим. Пока придётся немного потерпеть, нужно время, чтобы доставить сюда продукты и технику, организовать для всех работу. Но первую помощь дадим сейчас.

Придёт катер, оставит ещё продукты, топливо, будет у них Уазик, квадрант пару оставим. Осваивайте, изучайте окрестности, ищите дороги. Кстати, давайте ремонтировать мост, чтобы машины могли пройти, и выбирайте, кто поедет в Севастополь. Там и определитесь окончательно с Координатором

о порядке наших взаимоотношений. А я в меру моих сил и полномочий буду вам помогать. Мою заинтересованность я уже озвучил.

Расспросы ещё продолжались, но уже началось обсуждение, что кунгурцы будут делать дальше. Я решил не мешать людям и, предупредив Фёдора и Татьяну, повёл людей устраиваться на ночлег. Вблизи машин мы установили палатки и после небольшого обсуждения всего произошедшего за день отправились отдыхать. Связался с Пермью, авиаторы пробились до катера, он шёл полным ходом, и ждать его можно было через день. Попросил передать, чтобы попробовали пройти по Сылве прямо до Кунгура, мы будем готовить для них причал.

На следующий день за совместным завтраком обсуждение продолжилось. Причём никто не высказывался об отделении и уединении, все были за совместную жизнь. Вот только у некоторых было своё понятие о совместной жизни. Пришлось мне довольно жёстко этим любителям объединения за чужой счёт напомнить, что мы в большинстве своём прошли через рабство и прекрасно знаем, что это такое, и как это происходит.

И ни при каких условиях мы не допустим даже намёка на чьё-то превосходство. Или все присоединяются на общих основаниях и подчиняются общим правилам, причём для желающих жить в Севастополе действует правило проживания в поселении, или работа три года в службе спасения. Или мы дадим им обещанную помощь и отправимся заниматься своими делами. Уговаривать их и создавать для них особые условия мы не будем. И я, как начальник экспедиции и временный руководитель вновь осваиваемых земель, им официально об этом заявляю.

После этого дискуссии практически прекратились, и я попросил Фёдора организовать работы по наведению моста или какой-либо другой надёжной переправы через речку Сылву, чтобы могли пройти тяжёлые грузовики.

Кунгур мне понравился. Это был небольшой городок, расположенный у слияния рек Сылва и Ирень. Реки неширокие, но нужны мосты. Судя по останкам деревьев, раньше это был утопающий в зелени город. Не новый, много зданий по своей архитектуре напоминают о прошедших временах и наверняка эти здания имеют историческую ценность. В основном малоэтажный, одно-, двухэтажные дома, численность населения, скорее всего, не превышала ста тысяч человек. Но были и многоэтажные здания, уже современной постройки.

В городе располагались несколько предприятий, был хороший машиностроительный комплекс, так что, может быть, и подойдёт в качестве базы для освоения новых земель. Но этим пусть занимаются специалисты, оценивают сохранность сооружений, наличие ресурсов, оборудование, которое есть и которое можно использовать. Мне сейчас необходимо наладить переправу через Сылву и по возможности организовать ВПП хотя бы для аннунки, чтобы в случае чего была возможность оказать быструю помощь.

Пока мы с Федором и нашими спецами исследовали мост и реку, искали место для организации переправы и причала для катера, врач проводил медосмотр населения. Надо же было знать, каково состояние наших новых жителей.

Переправу мы нашли, мост оказался вполне прочным и должен был выдержать КАМАЗ. Пришлось немного подправить дорожное полотно, а так мост выглядел вполне крепким. И место для причала нашли, даже можно сказать, готовый причал. Так что оставалось ждать прихода катера и заниматься организацией ВПП, для этого подошла дорога в стороне от города, ещё частично сохранившая своё

покрытие, она вполне подходила на эту роль.

Бойцы подравняли её, засыпали все ямы, убрали всё, что мешало взлёту и посадке, устроили стоянку для самолёта, так чтобы аннушку можно было принять. Сообщили об этом в Пермь и стали ждать первой посадки. Пилот подтвердил при облёте, что полоса годится, и сел. Рядом со стоянкой определили место для ангара, который надо будет построить, если будем частыми гостями, определили здание для ГСМ и отправили самолёт на разведку окрестностей и дороги для катера. Окрестности уже осматривали бойцы на айбайке, так что работа шла полным ходом.

На следующий день пришёл катер. Дорогу ему показали с айбайка, привели прямо к причалу. Все, конечно, уже знали, что мы установили контакт с новыми жителями, но были рады их увидеть воочию, обнять и порадоваться вместе с ними началу новой жизни.

Катер с большим воодушевлением помогали разгружать местные жители. Они получали удовольствие уже только от вида разгружаемых запасов и продуктов. С Фёдором мы определились, кто полетит на ознакомление с Севастополем и разговор с Координатором. Всего набралось десять человек, взяли всех детей, покупаться в море и поесть свежих фруктов и овощей. Наш медик не нашёл никаких опасных заболеваний, только сильный авитаминоз и истощение. Но это мы вылечим. Здесь оставался взвод спасателей для организации нормальной службы, с катера оставляли Уазик, оставляли два квадра, один аэробайк, один комплект рации снимали с катера и должны были установить прямую связь с Чебоксарами, оставляли почти всё топливо, кроме необходимого для обратной дороги. Оставляли несколько переносных генераторов, позволяющих на первое время решить проблемы с электроэнергией. И много разного инструмента, и снаряжения. Речной путь оказался вполне проходимым, так что речники обещали прийти сюда ещё раз. К следующему приходу уже привезут всё, что нужно будет для организации нормально оборудованной базы. А на следующий день я с Фёдором и выбранными кунгурцами летел на транспортнике в Чебоксары. Мне надо было продолжать работы по освоению территории и организации опорных баз, а Фёдора и его компанию ждал полёт в Севастополь.

Глава 19

07.08.29

Сашка, позывной Шатун

Ну, Тех, ну устроил. Всё он продумал, всё у него распланировано, а мне теперь надо вписаться в эти планы. Хотя, если без эмоций, то ничего нового он не сказал, только систематизировал всё, что говорилось раньше. А при такой систематизации всё становится не очень привлекательно. Или наоборот, есть много привлекательных проблем, есть над чем подумать. Ладно, всё равно никуда не деться, а проблемы Тех озвучил правильно. Он сейчас со специалистами разбирается, выясняет их мнения, скоро и до меня доберутся. А я с этими специалистами эту проблему уже не один раз обсуждал, только немного под другим углом, так что, не думаю, что будет что-то новое.

Хорошо, значит, считаю, что принята система организации поселений по Теху. Центральная усадьба, поселение, город и несколько обособленных хуторов. На тысячу человек, если брать с запасом на ошибки расчёта, надо двести гектаров обрабатываемой земли. Грубо говоря, это квадрат со сторонами по полтора километра. На десять тысяч жителей надо обслуживать, пахать, убирать, перевозить урожай с квадрата пять на пять километров. Этот квадрат даст площадь две тысячи пятисот гектаров, немного больше, чем надо, но для прикидки сойдёт.

Получается, что если в центре этого квадрата встанет хутор, то до границ города ему будет нужна дорога на два с половиной километра. А нужна ему до границ города дорога? Нужна, врачей вызвать, техников по ремонту оборудования, детей в школу отправить. Это получается недалеко, практически в городе. А если будет не один хутор, а десять, размером полтора на полтора километра? И каждому хутору необходим полный набор техники и специалистов по её обслуживанию и кого-то, умеющих на ней работать. Как они раньше назывались? А, вспомнил, механизаторы.

Получается, что надо в десять раз больше специалистов, причём заняты в хозяйстве они будут непостоянно. Это сколько же лишней техники и людей надо? Так не пойдёт. Так как эти хутора на расстоянии не более пяти километров, то они могут по очереди пользоваться техникой, закончил у одного обрабатывать поля, переехал к другому, потом к третьему. Вот только переругаются все, кто будет первый, а кто потом.

А ведь раньше была такая организация работ, когда не хватало техники. Помню, когда из любопытства залез в историю тракторов, там что-то мелькало такое. Вспомнил, МТС, машинно-тракторная станция. В одном месте собирается вся техника и используется разными хозяйствами по мере необходимости. И обслуживать технику легче, и механизаторов, да и самой техники, надо меньше.

Получается так. Значит, есть город, вокруг него сколько хотите, столько и ставьте хуторов, есть одна или больше МТС, на которой собрана вся техника, и люди, обслуживающие и работающие на ней. Получается вполне приемлемо. А на хутора надо дать технику тоже. Во-первых, транспорт, добраться куда угодно, что-то типа Уазика или Нивы, или попроще, типа ГАЗ-69. И грузовик. Типа Газели или ГАЗ-51. топливо подвезти, продукты, что-то ещё нужное по хозяйству. А может, грузовик побольше потребуется, это надо с Кулаком обсуждать, он должен лучше понимать проблемы хутора. Хотя тяжёлую технику можно заказывать на МТС.

А на МТС надо заводить трейлеры, чтобы можно было быстро перевезти технику. Вот и получается в первом приближении нужная техника – пусть будет ГАЗ-69, ГАЗ-51, трейлер для перевозки техники и тягач, таскать эту технику. Про остальную сельхозтехнику пока не знаю. Трактора, комбайны, поливные машины, это всё надо опять проработать с Кулаком. Да, совсем упустил из виду, надо большие грузовики, перевозить урожай, а то на простых газонах не управимся.

И машины для перевозки отходов на переработку. Кстати, и здесь пригодятся МТС, кому надо, закажут нужную машину. Получается, что весь транспорт будет в одной куче, что для завода, что для хутора. И значит, нужны здесь же термосы, для перевозки СПГ. И строительная техника, для постройки домов, дорог, мостов. Вот такой расклад, много легкового транспорта, лёгких грузовиков, меньше тяжёлых грузовиков, ещё меньше трейлеров, строительной и сельхозтехники.

Вот с транспортом и определился. Завтра заставлю инженеров считать проект по обеспечению потребности. Получится, будем реанимировать всё, что можно. И нужно начинать определяться с моторами, какие нужны. По мощности, по типам, дизель, бензин. Вся потребность закрывает дизель. Вот только здесь могут быть проблемы. При минусовых температурах у солярки и у биодизеля трудности с пуском, соляру разбавляют керосином, а для биодизеля, наверное, придётся делать предпусковые подогреватели, причём сразу встраивать в конструкцию автомобиля.

Цветик скажет, сколько ей надо для всей логистики транспорта, столько и сделают, и именно того, что закажем. И под это будут считать поля и производительность своих центров. Да-а-а! Хотя чего

тут думать? УРАЛы отличные машины. И пусть дальше будут. И есть УРАЛы дизельные, и есть бензиновые, но в последнее время использовались дизеля. Вот и будем рассчитывать и на дизель, и на бензин, но в основном на дизель. Ему меньше надо обвязки, да и с топливом должно быть меньше проблем. Но и бензиновые зажигалки нужны. Как говорится, фифти-фифти. На первое время не ошибёмся, а там по возможностям производства топлива проведём корректировку планов.

Сейчас, главное, надо определиться по мощности двигателей, рано или поздно, лучше рано, придётся думать о строительстве моторного завода. Пока будем делать моторы из существующих, снятых со старой техники, смотреть, перебирать и готовить своё производство. Это потянет за собой производство металла с нужными свойствами, да и ещё кучу проблем, не хочу даже начинать об этом думать. Если получим лет через пять свой мотор, это будет хорошо. Но начинать надо сейчас. Вот и определился с типами машин и двигателей. Это радует. Хотя, в первую очередь потребуются термосы, для перевозки СПГ, и контейнеры для перевозки сжатого газа. Пока будем продолжать реставрировать всё, что можно, конечно, упрощая и выкидывая всю электронику и сводя машину к самому примитивному варианту, и будем готовить свою машину к запуску, начнём с ГАЗ-69, ГАЗ-51 или Газели, которая из них будет проще в производстве.

Надо будет подумать о лёгком разведчике-вездеходе, помню, был такой неплохой автомобиль ГАЗ-63, во всяком случае, характеристики были вполне приемлемые. Хотя тот же ГАЗ-69, пусть он и меньше, но с задачей вполне справится. А для повышения грузоподъёмности можно прицеп таскать. Считать надо и выбирать, что лучше. Пусть инженеры думают, как его запустить в производство. На этом будем осваивать выпуск машин и учить рабочих и инженеров. И будем прорабатывать выпуск тяжёлых грузовиков и тракторов. Как только начнётся проработка проекта, сразу возникнут вопросы, что нет резины, нет масла, нет пластмассы, нет металла.

И это хорошо. Есть время для начала организации всех смежных производств, начиная от металла. А пока будем продолжать заниматься сталкерством. Вон Змей прислал сообщения, что по пути видел столько техники, что нам её возить не перевозить. И здесь трейлеры тоже будут нужны. И надо готовить группы мародёров-поисковиков, пусть едут и ищут подходящую технику и детали, что можно использовать, а то мы тут уже скоро всё выберем. Вот только составим примерный первоочередной план потребностей.

Сельскохозяйственную и строительную технику буду обсуждать со своими инженерами после обсуждения потребностей с Кулаком. И надо отдельно поставить задачу по дорожной технике и дорогам, их ремонту и обслуживанию. Особенно по мостам. Нет, не тем, что через Волгу перебрасывали, а через небольшие ручьи и овраги. Змей больше всего с ними намучился. Надо будет посадить инженеров, пусть просчитают простой мост, типа понтона, метров на двадцать длиной. Сделаем его из металла, его сейчас много валяется, и перебросим через эти овраги, чтобы можно было проехать. От дорог нам пока не уйти. А может быть, что-то у вояк было? Не может быть, чтобы они этого не сделали. Надо поискать. Это хорошая идея, сборно-разборный мост. И надо какой-то материал, для ремонта дорог. Вон наливники прошли пару раз до Чебоксар, и опять проблемы с дорогой. Конечно, всю дорогу мы не отремонтируем, но что-то надо будет латать, а то всю технику угробим.

Теперь пора подумать и о других дорогах. Если с автотранспортом и дорогами понятно, то не совсем ясно, что же делать с водой. С реками ясно. Делаем ещё с пару десятков катеров типа "Проходимец",

на первое время хватит. И сотни две, наверное, катеров поменьше. Все с водомётами, и все водоизмещающие. Нам рекордов пока не надо, и глиссера не нужны. Рекорды потом будем ставить. А с водометами можно по любым мелям ходить, не боясь за винт и не рискуя его сломать. А экзотики, типа экранопланов и судов на воздушной подушке, нам не надо. Проще надо быть, проще. А надо нам будет не меньше десятка барж, и баржи нефтеналивные надо делать. Со всеми пассажирскими перевозками пока справится "Проходимец", тем более, что пока и ездить особо вроде бы не надо, а всё остальное перевезут баржи. А вот для них можно подумать об электроприводе, да и на катера ставить гибридный движитель, проще в производстве будет, не надо винтов, приводов. С размерами и грузоподъёмностью пусть инженеры посчитают.

Но должно хватить мощности, если даже ледоколы так делали, то баржи точно должны получиться. А вот идея Змея о волоках очень даже ничего. Был бы дирижабль, взял на подвеску баржу, перевёз, и плыви дальше, куда тебе надо. Но нет у меня пока дирижабля! Пока! Но будет! А зачем мне сейчас нефтеналивная баржа? У меня горючего в таком объёме не будет, да его и не надо столько сейчас. Хватит обычной баржи, чтобы в неё входило четыре цистерны железнодорожных. По шестьдесят тонн каждая.

И хватит этого на первое время. А когда потребности возрастут, тогда и наливники по рекам пустим. А вот баржу универсальную надо сейчас. Чтобы всё могла возить, и цистерны, и технику. И такую баржу уже можно по железке через волок перетащить. И землечерпалку не забыть. Или делать самим, или искать и реанимировать подходящую из того, что было раньше.

С речным транспортом всё понятно, а вот что делать с морским? Ну не знаю я ничего про море. А значит, придётся пользоваться тем, что делали знающие люди. Нам пока хватает Черного и Средиземного моря. И значит, надо подобрать какой-нибудь кораблик, который довольно шустро сможет двигаться в этих водах. И этим будут заниматься инженеры. Ищут подходящие варианты из бывшего наследства и наличия. Можно какой-нибудь сейнер переделать. И на этом пока всё. Пусть водоплавающие собирают данные и формулируют свои желания.

А самое сложное – авиация. Вот тут есть над чем подумать. Проект мы, конечно, задумали очень интересный. И самое главное, нашли почти такие же летающие аппараты, которые были построены в докатаклизменные времена. Но у нас реализация такого проекта встречает столько проблем, что порой даже руки опускаются. Мало того, что нет гелия и приходится применять водород, да ещё приходится создавать системы безопасности.

Сама заправка баллонетов водородом чего стоит. Сначала вытеснить из баллонета воздух, заполнив его углекислым газом, а потом углекислый газ заменить водородом. На небольших образцах вроде бы получается, но их столько надо. Причём эти баллонеты должны водород держать, не давать ему просачиваться. А потом этот баллонет поместить внутрь корпуса аппарата, да ещё окружить этот баллонет инертной атмосферой и ввести в него газ флегматизатор.

Пока макет сделали, вроде бы всё в порядке, но работы там еще делать не переделывать. Хорошо, что подобные проекты были построены раньше, есть кое-какие материалы. Хотя водород – это просто летающая бомба. Но что делать? Немцы, читал, помню, на водородных дирижаблях летали.

Пока наладим изготовление хотя бы первого образца для испытаний, пройдет года три, не менее. И на испытания нужно будет время. Конечно, придётся делать параллельно опытный образец и готовить производство и технологию, но хорошо бы смогли уложиться лет в пять. А то и больше

потребуется. Пока самолёт нужен, как минимум нужны два типа, лёгкий, типа аннушки, и транспортник.

Самое трудное подходит с другой стороны. Моторы где брать? Ведь здесь автомобильные не подходят. Или подходят для таких задач? Ведь это будет не истребитель и не рекордсмен, который выше, дальше, больше. Или опять скатываться в прошлое и строить авиетки типа АИР? Их-то можно повторить. Но это очень похоже на деградацию. Сначала машины времён становления автопрома, затем самолёты времён зарождения авиации. А что дальше?

Хотя, если мы сами сумеем сделать то, что делали предки, а не переделывать останки техники, это уже будет прогресс. Для нас. Нас-то всего живых набирается десять тысяч. И мы ещё пытаемся строить автомобили и самолёты. Просто это будет рубеж, с которого мы сможем начать своё возрождение. А собственно говоря, зачем нам нужны эти АИРы и легкие самолёты?

Они нужны, чтобы забросить разведку и перевезти её снаряжение. Заодно и сами будут как разведчики, им высота не нужна и скорость тоже, лететь надо низко и медленно, чтобы всё можно было рассмотреть. И они должны осуществить местное сообщение. Но у нас есть айбайк. Надо немного подзаняться его модернизацией, увеличить его дальность и грузоподъёмность, и он вполне сможет заменить легкий самолёт на самых близких, до средних, расстояниях.

А в качестве транспортника использовать то, что есть, упрощая всё, что можно до предела и заставляя летать всё, что можно. Хорошо бы иметь что-то типа Ли 2, но это нам не по силам.

Пожалуй, на этом и надо остановиться. Развернуть работы по модернизации айбайка, попытавшись дотянуть его возможности хотя бы до половины возможностей аннушки, и будем плотно работать с адиром. Он нам нужен. Или переходить на изготовление обычных дирижаблей. И надо ещё раз обдумать идею легкого самолёта. Нам дорог не построить, людей не хватает, придётся летать везде.

Глава 20

10.08.29

Михаил, позывной Тех.

Вроде бы что-то стало проясняться. Срок отчитываться близко, а вопросов меньше не становится. Никто другого варианта развития и построения общества не предложил, взяли за основу мой план с центральным поселением-городом и окрестными хуторами. Такой план организации города даже попал в газету и, надо сказать, принят был людьми вполне благосклонно. Всё равно, оказалось много людей, желающих быть в относительном одиночестве, но не слишком далеко от благ цивилизации. Это уже Истра поработала.

Хорошо поработала, хотя времени и мало на всё это было. Но уже успела сформировать у людей отношение к происходящему. С теми поправками, что предлагает Шатун, получается просто замечательно. У каждого есть и сейчас свой дом, а тут еще и сам себе хозяин, выполняй только установленные задания, вырастил и собрал урожай, сдал всё, что надо, и ты молодец.

Технику тебе дадут, причём для повседневного пользования есть твоя собственная техника, продуктами обеспечат, хотя можешь и сам себя обеспечить, обработав дополнительно какое-то количество земли и свободные продукты продать. И никакого ущемления твоих прав, ты пользуешься всем, как обычный житель, может быть, и в чём-то даже большими правами. Так что хуторское хозяйство принято с одобрением. И желающих заняться этим немало.

Вот только мне от этого забот выше крыши. Теперь надо проектировать типовой хутор,

изготавливать необходимое оборудование для оснащения этого хутора и обеспечивать всех связью, энергией. Линии электропередач тянуть не буду, буду на каждом хуторе ставить свою газовую электростанцию.

Проще завести раз в месяц по графику и закачать в хранилище на хуторе газ, чем тянуть такие линии. А если есть газ, всё остальное будем на месте получать. Правда, не очень хорошо для обслуживания, что всё завозное, вода, газ, но сейчас для нас проще так. Когда будет больше сил, можно сделать и по-другому. Сейчас же это получается оптимальный вариант. Хотя можно подумать и организовать достаточно небольшой биогенератор.

При некоторых условиях, например, если скотины будет достаточно, то хутор сам будет давать газ. И это, наверное, будет оптимальный вариант. А излишки можно отдавать в центр. Насколько я помню, раньше практиковали такое, фермерские хозяйства для себя вырабатывали энергию, а излишки продавали. Это хорошая идея, надо воспользоваться примером предков.

И вообще, вся эта работа заставила меня пересмотреть многие вещи. Так, пришлось организовывать самые разные кустарные и полукустарные мастерские для получения многих необходимых вещей. И остро встали вопросы использования ресурсов. Где взять цемент, или его тоже будем выращивать? Хотя замену цементу, может быть, и найдут.

Мастерские разные стали появляться, они позволяют, пока ещё не очень поздно, возродить какие-то технологии. Опять появились кузнецы, гончары. И многие работают сами, механики, портные. Вообще, я скоро сам запутаюсь, а что же надо, и с чего начинать. Хорошо, попробую, пока для себя, свести всё работы в одну программу работ. Пусть будут изложены планы не в порядке значимости, а как получится, главное – постараться учесть всё необходимое.

Итак, самое главное для нас сейчас биогаз, раз мы выбрали его основным источником энергии. Биогазом пользуемся для наших городов, биомассу выращиваем на хуторах. Используем для переработки все отходы от урожая, шелуху, ботву, стебли, жмых. Отходы от ферм. И используем продукцию энергетических плантаций, придётся заводить и такие, на которых выращивать специально растения для последующей переработки. Например, рапс.

Из него можно будет получить рапсовое масло, использовать его как топливо для дизелей, отходы на корм животным и на получение биогаза. Намётки цифр по потребности в энергии есть, под это запланированы поля, и рассчитаны мощности энергетических центров, определены места их постройки. Структурно определили, сколько метантенков и каких надо иметь на ЭЦ. Надо кроме этих метантенков иметь и несколько штук для производства биобутанола. Там похожий процесс, только дрожжи, так сказать, другие. Бутанольная ферментация. С ней, конечно, ещё возиться, но выбора всё равно нет. Технологию как бы определили, надо будет заниматься эффективностью штаммов бактерий.

Но это уже другая песня. А бензина надо будет много. Так, куда-то в сторону пошёл. Определили структуру ЭЦ, будет очистка от серы, хранить газ в газгольдерах в сжатом виде, насколько получится. Будет аппаратура получения СПГ, он подходит для перевозки. Транспортировать газ будем в жидком виде, на месте, например на заводе, провести регазификацию, опять добавить углекислый газ в качестве флегматизатора, чтобы уменьшить возможность возгорания, и этот газ использовать как топливо для когенератора.

Будем иметь электричество и тепло. Если надо, получим и холод. Так, для работы завода энергию

получили. Что ещё? На ЭЦ получили биогаз, биобутанол бродит, значит, где-то тут нужны ректификационные колонны для перегона бутанольной браги. Что ещё забыл? Хранилища биомассы. Поступать она будет сезонно, значит, где-то и как-то её надо хранить. Или сено, или силос. Другого варианта нет. И где-то недалеко от ЭЦ нужно строить центры переработки сельхозпродукции, не рядом конечно, но не очень и далеко, чтобы не возить слишком много и далеко все отходы. А для ферм надо ставить свой маленький ЭЦ, проще перевести СПГ или передать электроэнергию по проводам, чем возить отходы.

Получили ЭЦ для обеспечения потребностей города? Получили. А что для хутора? А на хуторе построим местное хранилище газа, подземное, с приличным запасом, и будем туда завозить газ. А из него на самом хуторе при помощи газовых дизельных электростанций обеспечим необходимой электроэнергией, и газ же пойдёт на отопление и другие хозяйственные нужды, поставим необходимое оборудование, и не надо тянуть ни линии электропередач, ни газопроводы. Хотя вариант, чтобы получить энергию от них не стоит сбрасывать со счетов. Так, вот и потребности хуторов в энергии удовлетворили. Кто остался неудовлетворённым? Кордоны! И поселения в окружении лесов. Места, типа того, что Змей нашёл за Волгой. Сплошные леса. Хутора не поставишь. А места интересные.

Значит, либо заниматься газификацией древесины и строить газовые генераторы по производству синтез-газа, либо надо придумывать что-то ещё. Синтез-газ, конечно, хорошо, для кордона очень даже подходит, такие небольшие мобильные установки обязательно будем делать, но для города это будет слабовато. Хотя на первое время пойдёт, с большим напрягом, но пойдёт. Змей выть будет и при встрече мне что-нибудь оторвет...например, голову. Но это крайний случай. А применять мы будем пиролиз, причём не обычный пиролиз, а быстрый. Что-то мелькало в литературе, что при быстром пиролизе получают бионефть, и при её перегоне можно получить бензин и солярку. Но это пока проектная работа, и пусть Змей довольствуется синтез-газом.

Итак, что получили? Основа биогаз, получаем также биобутанол, а может быть, он и не понадобится, и масло рапса для дизелей. Синтез-газ в лесной местности. Переэтерификацию делать не будем. Срок годности такого топлива всего три месяца. Не годится. Не будем использовать для топлива и этанол.хлопотно с ним, а есть прекрасная замена – биобутанол. Хотя если взять как основной двигатель дизель, то ничего больше не надо. И работаем над бионефтью. Да, и как запасной вариант – использование газа как топлива для условий города и пригорода.

Исходя из топлива, следующая проблема – транспорт. Шатун прекрасно всё расписал, но всё равно придётся его немного подправить. Начнём мы строительство автозавода в любом случае. Только будет он у нас сейчас ориентирован на модели, которые мы сможем восстановить. Сейчас это будет не автосборочный завод, а авторемонтный. Будем стаскивать со всей страны автомобили нужной нам марки, например ГАЗ-53, хотя их мы вряд ли найдём, или Газель, и будем их восстанавливать.

В принципе, взять Газель за основу можно, она ведь ненамного меньше ГАЗ-51, а он вывез всю экономику после войны. Взять Газель, поставить другой двигатель и всё, что можно самодельное, тем более Газелей полно. А заодно упростим их до предела, например, переведём на карбюратор вместо впрыска. И что для этого понадобится, будем искать тоже по всей стране. Карбюраторы, например.

А когда освоим в полной мере ремонт, будем думать о самостоятельном проектировании и

производстве своей модели. Нам пока хватит из чего выбирать автомобили. Соответственно, точно такой же подход должен быть и к сельскохозяйственной технике, и к тракторам, и мощным грузовикам. По максимуму используем всё, что осталось от докатаклизменных времён.

Что не можем использовать, на склад, может быть, можно будет использовать на запчасти, нет, тогда на утилизацию. Только нужно делать для каждого вида техники свою линию по ремонту. А по моторам вообще отдельное производство. Моторный завод. Все доступные моторы на переделку, всё равно рано или поздно мы им применение найдём.

А вот с мотоциклами и скутерами Шатун придумал хорошо. Скутер, электроскутер в городе будет самое то, что надо, а в разведке грузить на "Проходимца" мотоцикл типа УРАЛ, наверно, это правильно, хотя мне кажется, не самый лучший вариант. Легкий джип лучше. Мне больше нравится шестьдесят девятый. На мотоцикле только проехать и посмотреть. На нём гораздо проще проводить разведку незнакомой местности. Он и без дорог пройдёт. А машина – это уже какая-то автономность, есть запасы и всё, что нужно в пути. Так что нужен ремонтный завод. И он же пусть выпускает электроскутеры.

Для судов всё то же самое. Ремонтные заводы. Пусть делают и ремонтируют баржи, уже имеющиеся, их нужно будет найти и притащить на ремонт. Пусть осваивают технологии. Вот "Проходимца" надо делать. Удачная машинка получилась. А заодно пусть подберут подходящий сейнер, они везде могут плавать, будет что-то типа морского разведчика. По морю тоже надо начинать перемещаться.

Вот с авиацией ситуация отличается от всего остального. Авиация нам нужна, на короткие расстояния, до двухсот километров, вполне хватает айбайков. На расстоянии до тысячи километров нужна легкомоторная авиация, пока есть Ан-2, он успешно закрывает эту нишу. На это расстояние необходимый груз можно доставить или по реке, или по дороге, и это не будет очень долго.

А вот на дальние, свыше тысячи километров, расстояния как быть? Идея Шатуна об адире хороша, но когда можно будет её реализовать? А пока на всякий случай надо начинать строительство лёгкого самолёта, авиетки, с дальностью полёта до тысячи километров, со скоростью полета двести пятьдесят – триста километров в час, возможностью перевезти до четырёх человек и пятьсот килограммов груза, с минимальными требованиями к ВПП. Был примерно такой же самолёт в свое время, Як-12, параметры немного похуже были, насколько я помню, но думаю, можно немного изменить первоначальные данные для настоящего времени.

Или был такой самолёт Бивер, его характеристики получше перечисленных, но если можно сделать такой, то пусть будет такой. Раньше их строили используя автомобильные моторы. И мы можем так поступить на первом этапе. А транспортники нам пока не под силу делать самим. Что можно, будем ремонтировать, будем эксплуатировать то, что есть, переделывать то, что есть, под наши возможности и работать над идеей Шатуна по адире.

И делать айбайки. Так что, завод придётся всё равно строить, авиационный, ремонтостроительный. И двигатели пытаться приспособить те, что есть. Насколько я знаю, были в литературе материалы по использованию автомобильных двигателей на летательных аппаратах. Вот этим, в том числе, пока и займётся моторный завод.

Таким образом, у нас появляется очередной ремонтостроительный завод, есть авторемзавод, есть судовой ремонтостроительный завод, есть авиа-ремонтостроительный завод, и теперь ещё моторный завод. Пока вроде бы всё так, эти заводы должны обеспечить и людей работой, и провести

обучение практическим навыкам работы со сложной техникой, и не потерять докатализменные технологии. И заодно обучить новых специалистов для будущей самостоятельной разработки новой техники. И ведь это будет не всё. Что ещё у меня осталось не включённым в план?

Химия. Вот тут я ничего не знаю. Организовывать придётся прямо по заявкам производств или заводов. Знаю, что нужна резина, краска, лаки и эмаль, кислоты и щёлочи, синтетические масла. Нужна пластмасса. Так что будем организовывать очередную конструкторскую бригаду, и пусть начинают работать.

А чтобы обеспечить работоспособность всего этого, нужен будет металл. Причём самый разный металл. Для оснастки, для инструмента, для деталей, любых. Металл чёрный и металл цветной. Металл нужно и плавить, и лить, и штамповать. Придётся восстанавливать всю цепочку обработки, вот только добывать руду не надо, а плавить имеющийся металл в самых разных видах придётся. Центры обработки вторичного металла, насколько я знаю, были в Нижнем Новгороде и в Екатеринбурге.

Вот туда пусть в первую очередь Змей дорогу и пробивает. Расстояния там не большие, от Чебоксар до Нижнего Новгорода, и от Перми до Екатеринбурга. А мы пока будем создавать ещё одну конструкторскую бригаду, металлургов, и они, после изучения Нижнего и Ебурга, дадут свои рекомендации, где и что строить. Или что можно использовать из существующего оборудования. Заодно и потребности у всех зафиксируют и определяют, кому что надо.

Что нужно ещё нам для спокойной жизни. Определиться с коммунальным хозяйством и домами, как говорилось раньше с ЖКХ и жилищным фондом. Да-а-а! Это вопрос. Думаю, основываться нам надо на том, что сейчас стало привычным. Мы сейчас не восстанавливаем города и не используем старые здания. Тем более не стоит этого делать при принятой сейчас концепции строительства городов и обеспечения их энергией. Да и честно говоря, неуютно чувствуешь себя в старых городах.

Строим мы для всех новые одноэтажные дома, вот и будем их строить дальше, новый дом – как символ новой жизни. Вот только дома надо делать разные. Семья, пока без детей, получает небольшой дом на две-три комнаты, родились у них двое детей – будьте добры, переезжайте в новый дом, на пять-шесть комнат, двухэтажный. А родили больше шести детей – вот и дом новый – на десять-двенадцать комнат. Но не выше двух этажей.

У всех домов подвал, участок рядом с домом, надворные постройки. А для одиноких и особенно детей, приехавших на обучение, что-то типа малосемейки, комната и кухня, ванна и туалет. На этаже несколько таких комнат, причём на этаже обязательно должна быть комната для воспитателя. И такой дом тоже не выше двух этажей. Короче, малоэтажное строительство. Вот по такому принципу, который установлен ещё основателями, и будем выделять жильё.

Только строить такие дома будем в виде отдельных микрорайонов, десять-двенадцать домов рядом, хорошо бы по кругу, но не получится. Как получится, умники спроектируют. И в середине поставим газовое подземное хранилище, там же можно поместить газовый генератор, он и обеспечит все эти дома электроэнергией. А к каждому дому подвести газ, коммуникации будут короткие, ничего страшного, проведём. Подвести ещё воду, и проложить канализацию от всех домов. Вот и получился типовой микрорайон.

Правда, надо будет уточнить, каких домов и сколько строить в таком микрорайоне, но это уже детали. Этим будет заниматься очередная конструкторская бригада, строительно-коммунальная. Они

и микрорайон спроектируют, и коммуникации, и документацию разработают, и строителей озадачат. А из этого следует, что нужно строить ещё один ремонтостроительный завод, по изготовлению газового оборудования, отопления и сантехники, и всего прочего, обеспечивающего нормальное проживание людей. Да и строительные материалы понадобятся. Всё, что переработали, можно пустить на их производство.

Что мы уже сделали? Людей расселили, дали им работу, построив необходимые заводы и производства. Теперь надо обеспечить им возможность общения. Значит, вопрос по связи. Связь надо модернизировать. Во-первых, под возникающую потребность введения денег. Там всё строится на дистанционном обращении с центрами обработки платежей. А может быть, отказаться от дистанционного общения? Ввести какие-нибудь картридеры и не заморачиваться. Заманчиво-то как, хлопот намного меньше. В принципе, эта возможность тоже должна быть, но основным надо делать дистанционный расчёт.

Пусть это и сложнее, не знаю где найти столько исправных компьютеров, да и сколько они ещё прослужат, и чем их потом менять? Вот картридерами и поменяем. Как альтернативный вариант. С одного устройства считал, на другое записал. Надо обдумать будет этот вариант немного позже, всю процедуру обмена и контроля. А сейчас, что делать со связью? Как всегда, начать поиск остатков прежней роскоши, ищем сохранившиеся элементы и, исходя из того, что найдём, слепим новую рацию.

Что нужно? Рация должна быть с индикацией, значит, или ЖКИ индикаторы нужны, или матричные индикаторы, или, в крайнем случае, семисегментные индикаторы. И обвязка к ним. Нужна и клавиатура, хотя бы чисто цифровая, для набора кода операции и данных. Может быть, можно будет использовать клавиатуру от сотовых телефонов. Нужна элементная база для новых радиостанций. А программистов будем искать и учить. И придётся делать очередной завод, электронный ремстройзавод, со сборочным производством изделий электроники, проверкой электронных компонентов и производством печатных плат.

Что по плану дальше? Строительство. Из чего всё это строить? Ну, в качестве замены цемента, которого у нас нет, и производство которого для нас сейчас очень энергоёмкое, можно использовать известь. Веками на Руси использовали известь, и до сих пор храмы стоят. А дома из бетонных плит развалились. Придётся ещё и такой завод строить. Или достаточно поставить на месте карьера известняка обжиговую печь? Там же и гасить полученную известь.

Ведь надо что сделать? Обжечь известняк или другой подходящий материал, получить негашеную известь, погасить её, и использовать полученную известь в смеси с песком, щебнем, камнем для строительства. Кстати, газосиликатные блоки использовались и как конструкционный материал, во всяком случае, использовать для малоэтажного строительства такие газосиликатные блоки можно. Нет, наверное, всё-таки придётся строить завод по производству извести и газосиликатных блоков. Хотя, всё-таки завод – это слишком крупно для данного случая. Везти отсюда кирпич в Чебоксары, это уж слишком. Пусть сами у себя ищут и делают. А нам достаточно будет заложить производство, с возможностью быстрого наращивания его мощностей по выпуску блоков в случае необходимости. Кирпич, цемент мы нашли, бетонные плиты, которые целые, отправить на хранение. Нужны будут плиты, возьмём со склада. В любом случае разбирать города, использовать все доступные материалы, трубы, сантехнику, плиты, всевозможную фурнитуру. Всё должны проверить и заложить

на склад.

Здесь-то уже места хорошо почистили, придётся уходить подальше, да ничего страшного в этом нет. Создавать склад для хранения на месте, при возникновении потребности пригнать туда машины и загрузить. А битые, разрушенные материалы – на переработку. Получить щебень, и его использовать вместо щебёнки или для ремонта дороги.

А вот для чего придётся строить очередной ремстройзавод, так это для выпуска энергомашин. Газовые, дизельные, бензиновые генераторы самой разной мощности, электромоторы, генераторы, стартеры и прочая электромашинерия. Нужны аккумуляторы. Можно начинать делать обычные кислотные, можно и даже, скорее всего, нужно проводить работы по изучению и доведению до нужных параметров газовых аккумуляторов.

Там, насколько я помню литературу, много вопросов при практической реализации этой идеи. Но и пряники могут получиться вкусные. Так что, нечего тут думать, прыгать надо. И ещё есть интересная идея. Ионистор. Тоже пока тёмная лошадка, но работать и по нему будем. В крайнем случае, в паре с обычным АКБ вполне работоспособная схема получится, особенно для запуска двигателя. А больше ни для чего мы сейчас АКБ не используем. Так, что, будем посмотреть.

И за всем этим стоит самое главное – станки, инструмент, оснастка. Всё это надо ещё вчера. Опять придётся собирать очередную конструкторскую бригаду и напрягать людей, надо всё это делать. Всё как обычно, искать станки, запускать их в работу, рисовать штампы, литформы, приспособы. Пока это всё придётся делать централизованно, потом возможно и какое-то распыление, кто-то сможет делать что-то для себя сам. А пока учиться и осваивать такую работу будем в одном месте.

Ресурсы. Очень важный фактор. Уже надо организовывать целую систему для поиска и учёта всех ресурсов, начиная от бетонных плит и кончая разным мусором. Кстати, насчёт мусора. Это может быть и полезно. Если собрать пластмассу, пустить её в переработку, то будет готовое сырьё для изготовления новых пластмассовых изделий. Придётся действительно организовывать службу по сбору и учёту вторичных ресурсов, а также их переработки в сырьё для повторного использования. Пусть организовывают небольшие мастерские, какие-то производства по переработке, например пластмассовых изделий, в сырьё для повторного использования. А на инструментальном заводе поставим несколько термопластов, или уж сделаем несколько совсем простых кустарных установок, самоваров, и будем пытаться лить пластмассу.

Для организации нормальной жизни придётся, наверное, пойти на организацию производства по выпуску тканей и одежды и прочей галантереи. Или сделать оборудование, а потом запустить самостоятельные предприятия, типа кооперативов, пусть люди сами работают и реализуют свои планы. Но оборудование придётся всё равно делать. Или опять ремонтировать.

Простые ткацкие станки, вязальные и швейные машины, холодильники, оборудование для магазинов, кафе, ресторанов. И оборудование для переработки сельхозпродукции, всякие стерилизаторы, автоклавы, духовые и жарочные шкафы. Всё будет востребовано, если Сталкер запустит деньги и даст возможность людям самим работать. А он это сделает.

Вот похоже и всё, что я смогу предложить для обсуждения на совете. Всё это ещё раз надо проверить, оформить с более подробным описанием работ и целей, попытаться привязать к местам реализации проектов, нельзя всё собирать в одном месте, и можно планировать и начинать работу. Работы здесь на несколько лет. Пусть будут планы на пять лет, где-то так и должно получиться по

времени, и это назовём пятилеткой, как было раньше.

Глава 20

10.08. 42

Виктор, позывной Сталкер

Виктор откинулся на ствол берёзы, присев на камень, лежавший у корней дерева. Видимо, не ему одному приглянулось это место на вершине холма, где можно было спокойно, не отвлекаясь ни на что, обдумать сложившееся положение. Рядом пощёлкивала остывающим мотором верная Нива, впереди перед глазами под лёгким ветерком колыхалось травяное море, и только иногда, как по воде, пробегали волны, которые усилившийся ветерок прогонял по травяному изобилию забавы ради. Хорошо! Покой, умиротворённость.

Виктор, прикрыв глаза, отдался воспоминаниям о последних четырёх прошедших годах. Всё началось, когда умер последний из основателей, бывший его другом, и будто осиротевший, Виктор неожиданно понял, что именно он отвечает перед памятью этих людей, спасших его в своё время от голодной смерти, за выполнение их планов. Тогда он был вынужден пойти на резкое изменение сложившейся ситуации, встряхнул людей, впавших в состояние самоуспокоенности. Не обошлось, конечно, без небольших встрясок и множества споров, но ему удалось разбудить людей, расшевелить их, дать им цель и направление движения. И сейчас он мог признаться самому себе, что сделал он это вовремя и правильно.

А сделано было много. Можно сказать, даже очень много, он сам не вполне оказался готов к тому, что получилось. Озвученная Виктором перед всеми выжившими людьми задача возрождения Земли, о которой мечтали основатели, была принята обществом как само собой разумеющееся дело. Многие ещё помнили старый мир, а кто не помнил, посмотрелся фильмов и фотографий о том прекрасном мире, погубленном булжником, упавшим из космоса на Землю. Создавалось впечатление, что люди проснулись, оглянулись и принялись наводить порядок в своём доме.

Хорошо здесь поработали и его молодые помощники. Истра так буквально стала кумиром, и не только молодёжи. Её страсть, вера в победу и возрождение Земли творили чудеса. Она буквально окрыляла всех, находящихся вокруг, и заряжала своей энергией любого, к кому ей приходилось обращаться.

Очень хорош оказался Тех. Его энциклопедические познания в технике позволили определить практически всю стратегию и тактику реализации замыслов. Именно его идея организации небольших городов и хуторов вокруг них обеспечила людям так недостающее им чувство независимости. Каждый нашёл себе место, работу по душе и обрёл внутреннее успокоение, не то, что подобно сонному болоту, а спокойную уверенность в своих силах, позволяющую решать любые задачи.

И Тех же определил самые нужные направления деятельности на первых этапах, спланировал и принимал самое непосредственное участие в реализации своих планов. И теперь, несмотря на все трудности, они уже имели несколько работающих производств и могли гордиться тем, что уже сумели возродить, пусть и частично и не в полном объёме, некоторые производства докатаклизменных времён. Причём сделали не только производства по планам Теха, возникло несколько отдельных мастерских, есть производство керамики, автосервис, открылись кафе, ателье, магазины, в основном торгуют добычей со старых времён. Потребность есть, интерес к этим

временам постоянный и неизменный.

Это, кстати, началось после введения денег. Проект получился сложный. Много времени ушло на саму концепцию таких денег, много спорили, искали приемлемый вариант, очень непривычно, деньги есть, и денег нет. Но в конце концов, люди сами определились, как с этим поступить, приняли со своими изменениями эту концепцию денег, и сейчас успешно такие деньги работают.

Другим достижением можно считать, что сумели сохранить образование и возродить науку, конечно, не в таком объёме, как было, но уже появились какие-то зачатки, а инженеров становится всё больше и больше, причём интерес все проявляют в основном к прикладным вопросам, типа того, что и как работает, и как это повторить.

Вопросы более общего характера пока есть у немногих, и для них создаются лаборатории, отдельные мастерские, набираются туда особо любопытные ребята. Дошло до того, что начали поговаривать о создании единого центра, что-то вроде университета. Даже уже какие-то организационные документы готовят, так что, скоро будет и свой университет.

Вообще, система образования, сложившаяся сейчас, работает успешно. Знания у всех твёрдые, причём именно прикладного характера. Не все отличаются тягой к вершинам знаний, но у всех знания и умения, необходимые для работы по выбранной специальности. Так уж сложилось, что уважение других можно заслужить, став мастером своего дела и обладая хорошими знаниями.

Сами города, если их так можно назвать, представляют собой маленькое чудо по сравнению с тем, что было. Их пока мало, но появляются новые опорные базы, которые со временем обещают стать нормальными городами. Хотя, что считать нормальным? Для нас сейчас нормальным является город с населением не более тысячи. И под такую численность и организуется инфраструктура. А главными здесь выступают ЭЦ. И система утилизации вместе с фермами. Именно они создают нормальную жизнь, обеспечивают газом, теплом, питанием.

Да и культурная жизнь налаживается. Работают театры, музеи. Что-то пытаются сделать типа видеосъёмки. Основное для нас сейчас радио, работает уже круглосуточно наш маяк, куда можем, тянем ретрансляционные станции, стараюсь обеспечить во всех местах, где селятся люди, и связь, и обеспечение новостями.

И что хорошо, получили бионефть. Как мне объясняли, что-то типа того, когда получали синтез-газ, называют это высокотемпературным пиролизом. Из полученной нефти уже начинают получать топливо, дизеля работают, будут и бензиновые двигатели работать. Так что, пока начинаем нашу новую цивилизацию вполне успешно.

Глава 22

01.07.43

Истра

Ну вот, похоже, и прошли мы определённый этап в нашем становлении. Нас уже стало больше 20 тысяч, и это только начало. Каждая семья имеет не меньше пяти человек, и даже одинокие, те, которые хотят быть сами по себе, имеют по несколько детей. Всех воспитываем, всем помогаем. Работают интернаты, школы, вообще считается преступлением не иметь детей, особенно женщинам. Не хочешь жить с кем-то, не живи, но детей рожай. И здоровых, а не больных. Сейчас главное – расти в количестве. Ресурсов хватает на всё, что надо.

Здесь работают и наши ЭЦ, и мобильные установки пиролиза, и стационарные, особенно там, где

есть органика. Технологию отработали, так что всё, что находим мало-мальски пригодным к переработке, отправляем на переработку.

Потихоньку чистим территорию. Города, развалины разбираем, бетон в переработку, железо в переплавку. Везде работают чистильщики, это те, кто чистит города и восстанавливает землю. Восстанавливаем дороги, ремонтируем, где можно, ставим упрощённые мосты. И на двадцать километров в сторону от дороги связь работает. Если что, подмогу можно звать. Система спасателей, созданная Виктором, работает просто прекрасно.

А вот сам он плох. Умирает Сталкер. Но какой-то он одухотворённый, просветлённый. Как он говорит, перед друзьями будет не стыдно, честно выполнил свой долг. И действительно, народ бурлит, у всех сейчас как будто новая религия появилась – Земля, её возрождение. Всё только ради этого.

Так что, и здесь Сталкер оказался прав, вовремя людей поднял. Это я сейчас всё понимаю, а тогда ещё бы немного протянули, и не поднялся бы народ. А сейчас все только о Земле-матушке думают. Леса везде сажают, но не абы как, а по плану. Живность разводят, рыбу нашли, в замороженном виде оплодотворённую икру, или что там у них, вывелось что-то, уже в реки запустили. Пару пород пока, но готовятся к оживлению ещё несколько других видов. Глядишь, скоро и у нас реки будут рыбой кишеть.

С реками вообще очень много поработали. Сейчас у нас один из основных видов транспорта – это речной. Баржи, катера, буксиры, их чуть ли не больше чем машин. Вообще, транспорт у нас сейчас самый разнообразный. Машины строим сами, правда, используем всё, что можно от остатков транспорта докатаклизменного, но уже свои машины есть. Городские в основном гибридные, те, которые для дальних перегонов, или типа КАМАЗов, трейлеры, что сумели восстановить, либо строят что-то свое, типа времён 50-х, 60-х годов 20 века.

Для того, что мы умеем, и нашего производства вполне хватает. Да нас и так-то не слишком много, хватает транспорта на всех. Вот и авиация у нас востребована, и даже очень. Начали строить свои самолёты, что-то наподобие Як-12, только народу берёт до 6 человек и до 500 кг груза. Есть и свои моторы. Больше всего легкомоторной авиации, у каждого отдельного поселения, кордона есть своя ВПП. И среднего радиуса действия летает, но только на расстояния больше 1000 км и срочно.

Полетел у Шатуна и адир,

Вообще у нас сейчас почти везде есть своё, что мы научились делать. Пусть по большей части нет того комфорта и блеска, но уже есть работающие производства, небольшие, потребности большой пока нет, но делать умеем и людей учим. У нас тут уникальная ситуация, мы имеем больше, чем нам надо.

И при этом сохраняется ситуация, когда больше пятидесяти процентов общества даёт людям бесплатно, не считая еды. Есть у нас и резина, и смазки краски, и бензин, с топливом вообще никаких проблем, есть пластмасса, возродили фото- и киноплёнки. Вообще, по уровню развития производства мы по историческим меркам находимся на уровне 50-х годов 20 века. Не так уж плохо для общества, находившегося на грани вымирания, и от которого осталось двадцать человек.